И 415/142
т. I

ДВАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ

ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

(1877 — 1878)

И 415/142

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ „ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

отъ ея офиціальнаго корреспондента,

лейбъ-гвардіи уланскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка штабсъ-ротмистра

ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО.

Ц 105

ИЗДАНІЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ,

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ,

съ планами и картами.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1879.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
71559-46
2007052534
Экз. деф. Кат

ДВАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ

ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

(1877 — 1878)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ОГЛАВЛЕНІЕ

Отъ автора (стран. XV—XVI).

I. Санитарное состояніе арміи (стран. 1 — 8).

Тревожныя вѣсти и слухи. — Количество военныхъ госпиталей въ дѣйствующей арміи. — Сколько изъ нихъ открыто и на какое число кроватей. — Количество больныхъ. — Цифры по категоріямъ болѣзней. — Общій процентъ заболѣваемости. — Причины, вліяющія на нынѣшнее санитарное состояніе арміи. — Администрація и снабженіе военныхъ госпиталей. — Состояніе медицинскаго и служебно-госпитальнаго персоналовъ. — Распоряженія полеваго инспектора госпиталей. — Кишиневскіе госпитали.

II. Нравственное состояніе арміи (стран. 8 — 13).

Вліяніе бездѣйствія и неизвѣстности на духъ войскъ. — Кишиневское сидѣніе. — Отношенія крестьянъ къ солдатамъ-квартирантамъ. — Военный судъ надъ бомбардиромъ Павломъ Гребенщиковымъ. — Толки по поводу смертнаго приговора въ гражданской и военной средѣ. — Замѣтка по поводу извѣстій о санитарномъ состояніи войскъ. — Жалобы на интендантскую часть. — Недостатки въ конструкціи военнаго обоза. — Донъ-Карлосъ въ Кишиневѣ.

III. Полевая проѣздка (стран. 13 — 16).

Цѣль кавалерійской проѣздки генералъ-адъютанта Непокойчицкаго. — Составъ отряда. — Выступленіе изъ Кишинева. — Ужасная погода. — Опасенія въ Кишиневѣ за исходъ проѣздки. — Походъ до Одессы. — Представленіе отряда на смотръ Великому Князю. — Состояніе людей и лошадей послѣ проѣздки.

IV. Санитарная и хирургическая части въ арміи (стран. 16 — 24).

Число больныхъ къ 17-му февраля. — Цифры по категоріямъ болѣзней. — Общій процентъ заболѣваемости. — Дѣятельность военно-медицинскаго персонала. — Гигіеническія мѣры. — Состояніе и распредѣленіе военно-врачебныхъ заведеній. — Медицинская и хозяйственная инспекціи госпиталей. — Киргизскія кибитки. — Сборъ медико-топографическихъ свѣдѣній по Бессарабіи. — Хирургическая часть въ дѣйствующей арміи. — Характеръ травматическихъ поврежденій въ мирное время и вызывающія его причины. — Новыя перевязочныя средства и снабженіе ими военно-врачебныхъ учрежденій. — Способъ леченія и его результаты. — Примѣръ. — Хирургическія отдѣленія въ Кишиневѣ. — Подготовительныя практическія занятія полевыхъ хирурговъ.

V. Гулевые полки (стран. 24 — 36).

Гура-Галбина. — Назначеніе гулевыхъ полковъ. — Составъ сводной казачьей дивизіи. — Ея форма и вооруженіе. — Сотенные значки. — Терско-Горскій

полкъ. — Кавказскіе добровольцы.—Особенности Терско-Горскаго полка.— Духъ его всадниковъ. — Горская медицина и медикаменты. — Продовольствіе. — Пѣніе и танцы. — Стоянка. — Куначество между гулевыми полками.

VI. Военная жизнь въ Кишиневѣ (стран. 36 — 42).

Возвращеніе Великаго Князя изъ поѣздки по войскамъ. — Тревога. — Быстрота и порядокъ сбора. — Смотръ Главнокомандующаго. — Возбужденное состояніе общества въ Кишиневѣ. — Опасенія послѣдствій разоруженія. — Мнѣнія, господствующія въ обществѣ. — Колебанія политическаго барометра. — Причины недовольства. — Признаки близости войны. — Ожиданіе пріѣзда Государя Императора. — Общественная и частная жизнь офицеровъ въ Кишиневѣ. — Разочарованіе шуллеровъ. — Городской клубъ и обѣды въ его столовой. — Отношенія офицерства къ мѣстному обществу.

VII. Наканунѣ войны (стран. 42 — 51).

Результаты осмотра войскъ Главнокомандующимъ и осмотра военно-врачебныхъ учрежденій полевымъ инспекторомъ госпиталей и военно-медицинскимъ инспекторомъ. — Формы санитарной отчетности: — Мясное довольствіе на походъ и порціонный скотъ. — Водоносныя фляги. — Пожертвованіе изъ Вятской губерніи. — Смотръ военно-временнаго № 65 госпиталя и контрольный осмотръ такого же госпиталя № 60.

VIII. Телеграммы въ газету «Правительственный Вѣстникъ» (стран. 51 — 55).

IX. Объявленіе войны (стран. 55 — 66).

Государь въ Кишиневѣ. — Привѣтственное слово преосвященнаго Павла. — На Скаковомъ полѣ. — Составъ войскъ на смотру и объѣздъ ихъ Государемъ. — Чтеніе Высочайшаго манифеста. — Неожиданность этого событія. — Молебствіе предъ войсками. — Слово преосвященнаго Павла къ Главнокомандующему и войскамъ. — Церемоніальный маршъ. — Дружины болгарскихъ добровольцевъ. — Историческая минута. — Приказъ Главнокомандующаго отъ 12-го апрѣля по войскамъ дѣйствующей арміи и прокламація къ жителямъ Румыніи.

X. Пребываніе Государя Императора въ Кишиневѣ (стран. 67 — 69).

Осмотръ Его Величествомъ кишиневскихъ военно-врачебныхъ заведеній. — Обѣдъ у Государя. — Тостъ, провозглашенный Его Величествомъ. — Вниманіе, оказанное Государемъ Императоромъ каждому изъ высшихъ представителей управленій и отдѣловъ штаба дѣйствующей арміи. — День полковаго праздника лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. — Милліонное пожертвованіе московской городской думы.

XI. Красный крестъ (стран. 69 — 73).

Помощь бессарабскаго дворянства и земства. — Засѣданіе у главноуполномоченнаго Общества Краснаго Креста. — Братья милосердія. — Районъ дѣйствій Н. С. Абазы. — Ледники.

XII. Телеграммы (стран. 73 — 74).

XIII. Послѣднія распоряженія предъ войною (стран. 75 — 89).

Мѣры военныхъ предосторожностей на походѣ и ночлегахъ. — Военная тайна. — Винныя порціи. — Слабосильныя команды. — Мѣры по продовольствію войскъ за границей. — Товарищество Грегеръ, Горвицъ и Коганъ. — Общій конскій лазаретъ для артиллеріи. — Прикомандированіе къ корпусамъ казачьихъ полковъ, не входящихъ въ составъ дивизій. — Корпусныя

артиллеріи.—Распредѣленіе и подраздѣленіе парковъ. — Этапные и станціонные коменданты. — Распоряженія по военно-судной части. — О формѣ одежды въ дѣйствующей арміи. — Жалованье и столовыя деньги. — Полевыя почтовыя учрежденія. — Раздѣленіе на бригады Кавказской казачьей дивизіи. — Ординарцы Главнокомандующаго и лица, командированныя въ распоряженіе Его Высочества.

XIV. Болгарское ополченіе (стран. 90 — 96).

Отъѣздъ болгарскихъ дружинъ за границу. — Напутственное слово преосвященнаго Павла, обращенное къ добровольцамъ. — Причины сформированія болгарскихъ дружинъ и назначеніе послѣднихъ. — Успѣхи формированія добровольческихъ батальоновъ и взаимное сближеніе между русскимъ кадромъ и ратниками-болгарами. — Постоянный приливъ болгарскихъ бѣглецовъ въ ополченіе. — Приказъ Главнокомандующаго о сформированіи, тактическомъ раздѣленіи и административномъ устройствѣ болгарскаго ополченія. — Личный составъ бригадныхъ и дружинныхъ командировъ. — Проводы ополченцевъ членами кишиневской болгарской колоніи. — Рвеніе охотниковъ къ службѣ въ ополченіи.

XV. Занятіе Барбошскаго моста (стран. 97 —104).

Стратегическая важность Барбошскаго моста. — Кубейскій отрядъ. — Выступленіе въ походъ. — Переходъ пограничной линіи. — Встрѣча со стороны жителей Рени. — Переправа черезъ Прутъ. — Галацкій префектъ. — Занятіе барбошской позиціи. — Первая ночь въ виду непріятеля. — Состояніе передоваго казачьяго отряда послѣ свыше ста-верстнаго перехода. — Суворовскій переходъ пѣхоты. — Причины бездѣйствія турокъ.

XVI. Дѣйствія въ Браиловѣ съ 14-го по 30-е апрѣля (стран. 105 — 122).

Амбарго. — Первый выстрѣлъ. — Огонь по поѣзду Великаго Князя Главнокомандующаго. — Наши береговыя батареи въ Браиловѣ. — Первая и вторая погрузка минъ у Браилова. — Взрывъ «Лютфи-Джелиля». — Шпіоны.

XVII. Первый отъѣздъ Главнокомандующаго за границу (стран. 122 — 127).

Переѣздъ границы. — Осмотръ военно-временныхъ госпиталей въ Яссахъ. — Оваціи со стороны попутнаго населенія. — Пріѣздъ въ Галацъ. — Поѣздка въ Рени. — Огонь по поѣзду Великаго Князя. — Встрѣча на браиловской станціи. — Турецкая граната. — Бомбардировка съ мониторовъ. — Великій Князь на батареѣ. — Видъ съ этой батареи на Дунай и Добруджу. — Работы на батареяхъ. — Осмотръ войскъ нижнедунайскаго отряда. — Назначеніе свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева 2-го. — Возвращеніе Великаго Князя въ Кишиневъ.

XVIII. Первые дни за границей (стран. 127 — 139).

Отъѣздъ Великаго Князя Главнокомандующаго изъ Кишинева. — Напутственное слово. — Составъ свиты. — Путешествіе до Плоештовъ. — Мѣры къ охраненію желѣзной дороги. — Пріѣздъ въ Плоешты и помѣщеніе Великаго Князя. — Визитъ князя Карла Главнокомандующему. — Мальчикъ-сербъ и герцеговинско-боснійскіе добровольцы. — Отдача Великимъ Княземъ визита въ Бухарестѣ. — Адресъ румынскихъ болгаръ.

XIX. Отъ Унгеней до Плоештовъ (стран. 140 — 168).

Граница и раздумье. — «Вспрыски границы». — Часовой-доробанецъ. — Первыя впечатлѣнія на румынской почвѣ. — Жижійскія болота. — Степные фонтаны и колодцы. — Видъ на Яссы. — Ясская станція. — Типы румынскихъ военныхъ и молдавскихъ женщинъ. — Ясскіе извощики изъ русскихъ

скопцовъ. — Союзники не зѣваютъ. — Агенты Грегера и К⁰ и ихъ гешефты. — Долина Серета — благословенная страна. — Барбошскій мостъ. — Дунайскій разливъ и тяжкія работы нашихъ солдатъ надъ укрѣпленіемъ полотна желѣзной дороги. — Браиловъ. — Придунайская степь и карпатскіе кряжи. — Культурный видъ страны. — Бузео. — Наши войска на походѣ. — Подорожныя корчмы. — Воинственная сторожиха. — Рѣка Теляжна и характеръ вообще румынскихъ рѣкъ. — Плоешты. — Оригинальный способъ водворенія военнаго постояльца. — Франкъ на водку цивилизованному хозяину. — 50 лѣтъ назадъ и нынѣ. — Осколокъ стараго времени. — Продѣлки румынскаго извощика. — Въ гостинницѣ «Молдавія». — Завтракъ по-румынски и его стоимость. — Прелести новой квартиры.

XX. О корреспондентахъ и художникахъ (стран. 169 — 172).

Корреспондентскій знакъ. — Условія допущенія корреспондентовъ и художниковъ въ армію. — Рекомендація осторожности съ ними. — Ихъ наличный составъ.

XXI. Болгарское знамя (стран. 172 — 177).

Болгарская депутація въ Плоештахъ. — Приготовленія къ торжеству въ болгарскомъ лагерѣ. — Болгарское духовенство. — Цеко Петковъ, болгарскій воевода. — Представители города Самары. — Описаніе знамени, его прибивка и освященіе. — Добрая примѣта. — Слова Великаго Князя къ болгарскимъ дружинамъ. — Впечатлѣніе этого торжества на присутствовавшихъ болгаръ.

XXII. Болгарскій обѣдъ (стран. 177 — 180).

Райчо Николовъ и его прошлое. — Воззваніе его къ братьямъ-болгарамъ. — Обѣденные тосты. — Рѣчь г. Алабина. — Адресъ болгаръ Самарскимъ уполномоченнымъ.

XXIII. Минныя загражденія (стран. 181 — 187).

Случай съ пароходомъ «Альфредъ», чуть было не сдѣлавшійся роковымъ. — Минныя работы 3-го и 4-го мая. — Взрывы. — Наши орудія. — Спасенный турокъ. — Любопытство противника. — Теченіе Дуная. — Санитарное состояніе войскъ въ Браиловѣ. — Второе болгарское знамя и проекты будущихъ знаменъ. — Молебствіе по случаю взятія Ардагана. — Состояніе погоды.

XXIV. Кавалерія на Дунайскомъ побережьѣ (стран. 188 — 194).

Прибытіе 11-й кавалерійской дивизіи въ Браиловъ. — Встрѣча, сдѣланная ей браиловскимъ отрядомъ. — Братство между разнородными частями войскъ. — Такъ ли это было прежде? — Прибрежныя рекогносцировки и кордоны кавалеріи. — Уланъ противъ монитора. — Граничары. — Волчій способъ угонки скота. — Бараганская степь. — Отношеніе къ намъ румынскаго крестьянства и арендаторовъ. — Мѣстечко Слободзея. — Рекогносцировка полковника Струкова и генеральнаго штаба штабсъ-капитана Андреева на Каларашъ. — Ночныя сцены на болгарскомъ кладбищѣ. — Каларашъ. — Свѣдѣнія о туркахъ и о санитарномъ состояніи силистрійскаго гарнизона. — 70 верстъ пути въ шесть часовъ времени.

XXV. Ярмарка въ Бухарестѣ (стран. 195 — 204).

Празднованіе одиннадцатой годовщины вступленія на престолъ князя Карла. — Провозглашеніе независимости Румыніи. — Учрежденіе ордена «Румынской Звѣзды». — Никольская ярмарка въ Бухарестѣ и ея особенности. — Народные обычаи по поводу ярмарки. — Шпора. — Посѣщеніе ярмарки Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и румынскимъ Дворомъ. — Видъ улицъ и характеръ уличной толпы. — Княжеская ставка. — Народные танцы крестьянъ и придворныхъ дамъ и кавалеровъ на ярмаркѣ. — Почему веселятся румыны?

XXVI. Взрывъ втораго турецкаго броненосца (стран. 204 — 213).

Стремленіе моряковъ къ дѣятельной роли. — Замыселъ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова. — Разрѣшеніе получено. — Благопріятная погода. — Маіоръ Муржеско. — Общій планъ дѣйствій и составъ флотиліи. — Извинительный предразсудокъ. — Отвалъ на предпріятіе. — Положеніе непріятельскихъ судовъ. — Лягушки. — Окликъ турецкаго часоваго. — Ударъ первою миною. — Непріятный случай съ катеромъ «Цесаревичъ». — Кисловъ и Муржеско. — Вторая мина. — Лейтенантъ Петровъ. — Критическое положеніе «Ксеніи» и «Джигита». — Поджогъ турецкой караулки. — Возвращеніе въ Браиловъ. — Поведеніе всѣхъ чиновъ флотиліи въ дѣлѣ. — Флагъ съ потопленнаго монитора. — Награды. — Общіе выводы изъ военныхъ дѣйствій за первый мѣсяцъ кампаніи.

XXVII. Военная жизнь въ Плоештахъ (стран. 214 — 234).

Ожиданія прибытія Государя Императора къ арміи. — Распредѣленіе квартиръ и помѣщеній. — Обѣденный столъ у Главнокомандующаго. — Походная церковь. — Иностранные военные агенты. — Русскій гарнизонъ въ Плоештахъ. — Смотры проходящихъ войскъ и состояніе послѣднихъ послѣ похода. — Офицеры будущихъ болгарскихъ конныхъ сотень. — Повседневная жизнь русскихъ въ Плоештахъ. — Произвольные денежные курсы. — Обсчитываніе офицеровъ и солдатъ. — Еврейская эксплуатація. — Опять шпіоны. — Желѣзно-дорожныя несчастія и «случаи». — Общественная и уличная жизнь въ Плоештахъ. — Садикъ «Молдавія». — Цыганская музыка. — Румынское общество. — Тымыдуирскій «старецъ» Геласій. — Типъ «цивилизованнаго» румына.

XXVIII. Пріѣздъ Государя Императора къ арміи (стран. 235 — 241).

Встрѣча, сдѣланная Его Величеству въ Яссахъ. — Остановка въ Браиловѣ. — Представленіе Государю Императору отличившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ. — Пріѣздъ въ Плоешты. — Встрѣча на станціи. — Адресы отъ города Плоешты и отъ болгаръ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Молдо-Валахіи. — Бѣлый голубь. — Пріемъ Его Величествомъ Князя Румынскаго. — Смотръ конвоя Императорской квартиры.

XXIX. Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Бухареста (стран. 241 — 244).

Изъявленія привѣтствій по пути. — Крестьянскіе букеты. — Встрѣча на дебаркадерѣ. — Красные гусары. — Депутаціи и рѣчь президента румынской палаты представителей. — Императорскій кортежъ на улицѣ Могошои. — Украшенія города. — Стрѣлки почетнаго караула. — Завтракъ во дворцѣ и тосты г. Когальничано и князя Горчакова. — Отъѣздъ Государя Императора изъ Бухареста.

XXX. Пребываніе Государя Императора въ Плоештахъ (стран. 245 — 249).

Государь у обѣдни въ Плоештахъ. — Счастливый ливень. — Посѣщеніе Государя Императора княземъ и княгинею Румынскими. — Болгарская депутація у генерала Игнатьева и князей Горчакова и Черкасскаго. — Плоешты начинаютъ пустѣть. — Штатъ кн. Черкасскаго. — Англійскій военный агентъ полковникъ Веселей. — Германскіе и прочіе военные агенты. — Обѣдъ въ Котроченахъ. — Пріѣздъ князя Милана въ Плоешты. — Пріѣздъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. — Смотръ части войскъ 13-го корпуса. — Опять Донъ-Карлосъ. — Переѣздъ кн. Горчакова въ Бухарестъ.

XXXI. Продолженіе дѣйствій на Дунаѣ до переправы у Галаца (стран. 249 — 271).

Смѣна нашими войсками румынскихъ частей и окончательное занятіе дунайскаго побережья. — Захватъ судовъ съ военною контрабандой. — Береговыя бом-

бардировки и перестрѣлки. — Князь Карлъ принимаетъ главное командованіе румынскою арміею. — Бомбардировка Виддина. — Разливы рѣкъ. — Выстрѣлъ сотника Князева. — Продолженіе бомбардировки у Корабіи 15-го мая. — Потопленіе нашихъ баржъ и парохода. — Канонада между Калафатомъ и Виддиномъ. — Князь Карлъ на батареѣ. — Мѣры для сохраненія другаго нашего парохода у Фламунды. — «Пощупываніе противника». — Дѣйствія противъ Никополя по 23-е мая. — Бомбардировка Журжева. — Дѣйствія 25-го и 26-го мая на всемъ дунайскомъ побережьѣ. — Загражденіе фарватера у Гирсова и въ верховьяхъ Мачинскаго рукава. — Прорывъ турецкихъ пароходовъ. — Приключеніе съ казаками 30-го донскаго полка у Малороша. — Безполезныя канонады. — Русскія батареи у Гечета. — Препятствіе къ переправѣ. — Извѣстія о сборѣ одной изъ турецкихъ армій у Виддина. — Мелкія предпріятія русскихъ и турецкихъ охотниковъ. — Соглашеніе о совмѣстномъ дѣйствіи русской и румынской армій. — Приготовленія къ переправѣ на нижнемъ Дунаѣ.

XXXII. Переправа у Галаца и занятіе Мачина (стран. 271 — 295).

Окончательное сосредоточеніе дѣйствующей арміи въ Румыніи. — Приготовленія къ демонстративной переправѣ на нижнемъ Дунаѣ. — Устройство плавучаго моста въ Браиловѣ. — Свѣдѣнія о турецкихъ силахъ въ Добруджѣ. — Ночная переправа съ 9-го на 10-е іюня у Галаца и ея трудности. — Прапорщикъ Сушковъ и поручикъ Эльснеръ. — Первая атака и бой на буджакскихъ высотахъ. — Дѣйствія демонстративной флотиліи противъ Мачина. — Возобновленіе боя на Буджакѣ послѣ 7-ми часовъ утра. — Критическое положеніе двухъ ряжскихъ ротъ. — Черкесскія звѣрства. — Атака пѣхоты на кавалерію. — Прибытіе перваго нашего орудія и рѣшительный моментъ боя. — Окончаніе дѣла. — Состояніе температуры. — Наша боевая убыль. — Отличившіеся офицеры. — Пріѣздъ Государя Императора въ Галацъ и посѣщеніе раненыхъ въ мѣстномъ госпиталѣ. — Пріѣздъ Его Величества въ Браиловъ. — Молебствіе въ браиловскомъ лагерѣ. — Настроеніе войскъ въ минуту выступленія къ переправѣ у Браилова. — Праздничный видъ города и порта. — Открытіе движенія по мосту. — Отплытіе трехъ миноносокъ на рекогносцировку къ Мачину. — Напутствіе войскамъ Великаго Князя Главнокомандующаго. — Сочувственныя демонстраціи браиловскихъ жителей. — Послѣдовательный ходъ переправы у Браилова. — Отъѣздъ Государя Императора изъ Браилова. — Телеграмма къ графу Мольтке. — Награды. — Встрѣча генерала Циммермана въ Мачинѣ. — Вступленіе въ Мачинъ лейбъ-Бородинскаго полка. — Новыя звѣрства турокъ и протоколъ о нихъ. — Одиночная рекогносцировка казака-ординарца. — Встрѣча казаковъ въ Бабадагѣ. — Поиски полковниковъ Измайлова и Слюсарева. — Окончательное очищеніе Добруджи отъ непріятельскихъ партій. — Административныя мѣры генерала Циммермана. — Воззваніе Государя Императора къ болгарскому народу.

XXXIII. Окончательныя загражденія Дуная (стран. 295 — 306).

Необходимость устраненія помѣхъ отъ мониторовъ. — Предписаніе капитану 1-го ранга Новикову. — Загражденіе Дуная у острова Мечки. — «Шутка» въ бою съ пароходо-фрегатомъ. — Лейтенантъ Скрыдловъ и художникъ В. Верещагинъ. — Новая опасность. — Скобелевъ 2-й и Струковъ выручаютъ наши минерныя команды. — Забытый матросъ. — Наши потери. — Заложеніе минъ мичманомъ Ниловымъ и результатъ работъ этого дня. — Движеніе флотиліи Новикова вверхъ по Дунаю и остановка у Зимницы. — Прибытіе флотиліи къ Фламундѣ. — Минныя загражденія у Корабіи. — Бой монитора съ паровыми катерами мичмана Нилова, подъ Никополемъ. — Загражденіе Дуная у Фламунды. — Результаты всѣхъ этихъ работъ.

XXXIV. Приготовленія къ главной переправѣ (стран. 307 — 318).

Тайный выѣздъ Великаго Князя изъ Плоештовъ. — Рекогносцировка дунайскихъ береговъ, произведенная лично Главнокомандующимъ. — Никополь, или Систово? — Окончательный выборъ пункта переправы и соотвѣтственныя сему распоряженія. — Заготовка матеріаловъ для моста. — Неожиданная

задержка понтоновъ и остановка движенія арміи. — Выгоды этой задержки. — Вниманіе противника утомляется. — Демонстративныя артиллерійскія дѣйствія. — Бомбардированіе Рущука и Туртукая. — Дѣйствія противъ Никополя. — Вооруженіе вновь насыпанныхъ батарей въ Турну-Магурелли и дѣйствія ихъ съ 9-го по 14-е іюня. — Дѣйствія артиллеріи съ 14-го по 17-е іюня. — Пребываніе Государя Императора на Грапавскомъ курганѣ. — Телеграфная корреспонденція между Грапавскимъ курганомъ и Зимницею, во время переправы 15-го іюня. — Общій результатъ демонстративныхъ дѣйствій противъ Никополя.

XXXV. Переправа у Зимницы (стран. 319 — 349).

Наставленіе и приказъ генерала Драгомирова. — Правила переправы, составленныя генераломъ Рихтеромъ. — Переходъ десантнаго отряда изъ Бею къ Зимницѣ. — Планъ первоначальнаго боеваго порядка. — Характеръ мѣстности и видъ на противоположный берегъ. — Мѣсто высадки. — Предварительныя мѣры и приготовленія къ переправѣ на мѣстѣ. — Состояніе погоды. — Первый рейсъ. — Высадка первой горсти и тревога у турокъ. — Боевыя товарищества. — Турецкій огонь на разсвѣтѣ. — Дѣйствія нашей и турецкой артиллеріи. — Гибель понтоновъ. — Эпизоды изъ переправы горной артиллеріи. — Положеніе дѣла въ устьѣ Текиръ-дере на разсвѣтѣ. — Драгомировъ переправляется со штабомъ. — Штурмъ мельницы. — Дѣйствія волынцевъ и гвардейцевъ на восточныхъ высотахъ. — Смерть штабсъ-капитана Брянова. — Возстановленіе первоначально предположеннаго боеваго порядка. — Разрывъ въ центрѣ нашей боевой линіи. — Затрудненія въ составленіи общаго резерва. — Дѣйствія западнаго фронта противъ систовскихъ высотъ. — 9-я пѣхотная дивизія двигается къ переправѣ. — Прибытіе парохода «Аннета» съ паровыми катерами. — Что дѣлалось въ это время на зимницкой низменности и на островѣ Адда. — Распоряженіе генерала Драгомирова относительно атаки систовскихъ высотъ. — Занятіе тѣснины тырновской дороги. — Вступленіе генералъ-маіора Петрушевскаго въ Систово. — Встрѣча войскъ систовскими жителями. — Переправа артиллеріи и полковъ 9-й пѣхотной дивизіи. — Наша боевая убыль. — Особенная манера стрѣльбы у турокъ при отступленіи. — Поведеніе въ бою нашихъ офицеровъ и солдатъ. — Вѣроломство турокъ по отношенію къ санитарамъ. — Отличившіеся офицеры.

XXXVI. Дѣятельность врачей на переправѣ (стран. 350 — 358).

Подготовительныя мѣры. — Устройство и мѣстоположеніе перевязочныхъ пунктовъ. — Дѣятельность передовыхъ пунктовъ на зимницкой низменности и на болгарскомъ берегу. — Сестры милосердія, фельдшера и санитары. — Сортировка раненыхъ. — Работа хирурговъ на главномъ пунктѣ. — Профессоръ Бергманъ. — Перевозка раненыхъ и ея средства. — Посѣщеніе госпиталей Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. — Отзывъ о русскихъ военныхъ врачахъ одного изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ. — Георгіевскіе кресты санитарамъ. — Свойства большей части ранъ и способъ ихъ леченія. — Примѣръ замѣчательной выносливости и живучести.

XXXVII. Пребываніе главныхъ квартиръ въ Зимницѣ (стран. 359 — 369).

Расположеніе обѣихъ главныхъ квартиръ въ Зимницѣ. — Переправа Государя черезъ Дунай. — Государь благодаритъ войска на мѣстѣ боя. — Раздача наградъ. — Встрѣча Его Величества въ Систовѣ. — Систовскій соборъ. — Благодарственное молебствіе на лѣвомъ берегу Дуная. — Раздача георгіевскихъ крестовъ нижнимъ чинамъ гвардейской роты. — Слова Государя Императора, обращенныя къ войскамъ. — Проводъ мостовыхъ матеріаловъ изъ устья Ольты къ Зимницѣ. — Устройство моста. — Приказы Государя Императора и Великаго Князя Главнокомандующаго по войскамъ дѣйствующей арміи, по поводу переправы. — Образованіе Рущукскаго отряда и служебныя назначенія Великихъ Князей Владиміра и Алексѣя Александ-

ровичей. — Важнѣйшія распоряженія Главнокомандующаго по управленію арміею и болгарскимъ краемъ со времени переправы.

XXXVIII. Зимница и Систовъ (стран. 370 — 401).

Нынѣшній характеръ Зимницы. — Систовскій продовольственный складъ. — Городъ Систовъ и его наружность. — Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о Систовѣ. — Систовскія церкви, школы, библіотека, языкознаніе, торговля и промышленность. — Несостоявшіяся кровавыя намѣренія систовскихъ турокъ и бѣгство мусульманъ изъ города. — Анархія и грабежъ, предшествовавшіе нашему вступленію. — Водвореніе порядка и оживленіе Систова. — Румынская «Европа» и болгарская «Азія». — Одѣянія болгарскихъ горожанъ. — Мѣстная болгарская интеллигенція. — «Учительки». — Общественная и семейная нравственность болгаръ. — Мой хозяинъ Вылкъ Поварджіевъ. — Устройство болгарскихъ домовъ, ихъ внутренняя обстановка и домашній обиходъ. — Какъ и что̀ ѣдятъ болгары. — Положеніе прислуги въ семьѣ и отсутствіе профессіональнаго нищенства; гордость и самолюбіе, какъ черты народнаго характера. — Парадный покой зажиточнаго болгарскаго дома. — Портреты государей. — Произведенія изящныхъ искусствъ, книги, пѣсни, болгарская «Марсельеза». — Семейный бытъ и отношенія. — Житейскій тактъ болгарскихъ женщинъ. — Характеръ женской красоты. — Значеніе въ народѣ православной вѣры и католическая пропаганда. — Религіозные обычаи, гостепріимство, свадебные обряды, народные обычаи коляды, пинеруды и проч., болгарскія похороны. — Турецкія кладбища, какъ источникъ заразы.

XXXIX. Занятіе Тырнова (стран. 401 — 419).

Мѣстоположеніе и достопримѣчательности Тырнова, его политическое, промышленное и стратегическое значеніе. — Встрѣча, оказанная тырновскими жителями Великому Князю Главнокомандующему. — Турецкая депутація. — Задача дѣйствій генералъ-лейтенанта Гурко и силы передоваго отряда. — Біографическія свѣдѣнія о генералѣ Гурко. — Мучительные переходы. — Рекогносцировка Тырнова 25-го іюня. — Перестрѣлка у Каябунарскихъ высотъ и дѣйствія 16-й конной батареи у Тырнова. — Вступленіе генерала Гурко въ городъ. — Радость въ главной квартирѣ при полученномъ о семъ извѣстіи. — Движеніе главной квартиры къ Тырнову. — Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій генерала Гурко.

XL. Занятіе Сельви, Ловчи и Плевны (стран. 419 — 431).

Отсутствіе мѣръ обезпеченія коммуникаціонной систово-тырновской линіи справа. — Тревожныя вѣсти о скопищахъ турецкихъ силъ у Сельви. — Занятіе Сельви эсауломъ Антоновымъ. — Критическое положеніе Антонова въ Сельви, со 2-го по 4-е іюля. — Первая помощь и отогнаніе противника отъ Сельви. — Вторая помощь. — Задача отряда полковника Жеребкова. — Дѣла 5-го іюля: при Акенджиларѣ, на сельви-ловчинскомъ шоссе и подъ Ловчей. — Занятіе Ловчи и встрѣча, оказанная казакамъ болгарами. — Дальнѣйшая судьба Ловчи. — Занятіе эсауломъ Афанасьевымъ города Плевны, 27-го іюня, и сдача въ плѣнъ двухъ командъ плевненскихъ заптіевъ.

XLI. Занятіе Шипкинскаго перевала (стран. 431 — 453).

Планъ двухсторонней атаки Шипкинскаго перевала. — Прибытіе князя Святополкъ-Мирскаго къ габровскому отряду. — Предварительныя распоряженія генералъ-маіора Дерожинскаго. — Распредѣленіе частей габровскаго отряда для атаки Шипки. — Дѣйствія четырехъ колоннъ габровскаго отряда 5-го іюля. — Капитанъ Кліентовъ. — Причины отступленія этихъ колоннъ къ Габрову 6-го іюля. — Наши потери въ дѣлахъ 5-го іюля. — Переходъ генерала Гурко чрезъ Хаинкіойскій перевалъ и дѣла его: 2-го іюля при с. Хаинкіой, 3-го іюля при с. Орезари, 4-го іюля при с. Уфлани и 5-го іюля подъ Казанлыкомъ. — Занятіе Казанлыка. — Атака Шибкинскаго перевала съ южной стороны, 6-го іюля. — Коварство и злоупотребленіе турокъ бѣлымъ флагомъ. — Продѣлка ихъ съ переговорами о сдачѣ и обманный уходъ съ перевала, 7-го іюля. — Генералъ Гурко осматриваетъ

вершину перевала. — Движеніе кн. Святополкъ-Мирскаго на перевалъ съ сѣверной стороны, 7-го іюля. — Въ какомъ видѣ нашли мы вершину перевала. — Новыя звѣрства турокъ и письмо о нихъ германскаго военнаго агента. — Сомнѣніе: свои или турки видны въ казанлыкской долинѣ? — Первое «ура» на Шипкѣ. — Приходъ санитаровъ. — Братская могила. — Дальнѣйшія мѣропріятія на перевалѣ.

XLII. Взятіе Никополя (стран. 453 — 480).

Назначеніе 9-го корпуса для обезпеченія праваго фланга задунайской арміи. — Причины задержки его на переправѣ. — Краткій очеркъ предварительныхъ движеній и дѣйствій Кавказской казачьей бригады съ 21-го іюня и передовыхъ отрядовъ 9-го корпуса съ 25-го іюня по 2-е іюля включительно. — Характеръ никопольскихъ позицій и городъ Никополь. — Планъ дѣйствій противъ Никополя. — Диспозиція для атаки на 3-е іюля. — Дѣйствія заосминскаго отряда генерала Шильдеръ-Шульднера. — Услуга, оказанная вологодцамъ взводомъ 2-й донской батареи. — Бой козловцевъ у Чирака и Джурну-Села и занятіе двухъ осминскихъ мостовъ. — Атака генерала Богацевича со стороны раховской дороги. — Дѣйствія барона Криденера въ центрѣ. — Заполненіе опаснаго промежутка между Козловскимъ и Галичскимъ полками. — Движеніе впередъ нашихъ батарей и атака Галичскаго полка. — Штурмъ восточнаго редута. — Окончаніе боя въ центрѣ. — Дѣйствія праваго фланга. — Еще разъ о турецкой стрѣльбѣ. — Дѣйствія побочныхъ отрядовъ праваго и лѣваго фланговъ. — Нападеніе на Кавказскую казачью бригаду, въ ночь съ 3-го на 4-е іюля. — Сдача Никополя. — Баронъ Криденеръ у воротъ города. — Первые наши офицеры въ цитадели. — Представленіе Гассана-паши барону Криденеру. — Трофеи, военная добыча и потери. — Дѣятельность санитаровъ, полевыхъ жандармовъ и болгарскихъ сельчанъ во время боя. — Болгарскія женщины-водоносицы подъ огнемъ. — Дѣйствія осадной артиллеріи отъ Турну-Магурели. — Награда барону Криденеру.

XLIII. Первое сраженіе подъ Плевной, 7-го и 8-го іюля (стран. 481 — 512).

Свѣдѣнія и слухи о сборѣ непріятельскихъ силъ подъ Плевною. — Разборъ обвиненій противъ барона Криденера. — Почему мы опоздали занять Плевну. — Распоряженія для занятія Плевны и предписаніе, данное барономъ Криденеромъ генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру. — Характеръ мѣстности, окружающей Плевну. — Сгалуицкій, или восточный отрядъ. — Нечаянное столкновеніе Шильдеръ-Шульднера съ турками 7-го іюля. — Роль 9-го донскаго полка. — Почему Плевненскій бой 8-го іюля не можетъ считаться неожиданною случайностью. — Диспозиція на 8-е іюля. — Недостаточность артиллерійской подготовки боя. — Атака сѣвернаго отряда. — Смерть полковника Розенбома. — Обходъ праваго фланга сѣвернаго отряда и мѣры къ его отраженію. — Отступленіе сѣвернаго отряда. — Наша убыль. — Дѣйствія сгалуицкаго или восточнаго отряда 7-го іюля. — Результаты рекогносцировки плевненскихъ позицій кубанскимъ дивизьономъ. — Записка, присланная вмѣсто диспозиціи на 8-е число къ начальнику восточнаго отряда. — Бой восточнаго отряда 8-го іюля. — Смерть полковника Клейнгауза и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ Костромскаго полка. — Послѣднее усиліе подпоручика Шаталова. — Нѣтъ болѣе патроновъ. — Отступленіе Костромскаго полка и дѣйствія 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады. — Дѣйствія Кавказской казачьей бригады. — Отсутствіе диспозиціи. — Радишевская позиція и невозможность атаки въ тылъ туркамъ. — Прикрытіе отступленія восточнаго отряда. — Невозможность отступленія на Бреслянку. — Хлопоты съ ранеными. — Самовольный уходъ артиллерійскаго парка изъ Сгалуица. — Ночное движеніе къ Турскому Трестенику. — Причины нашей неудачи. — Отзывъ генерала Шильдеръ-Шульднера о характерѣ и поведеніи его войскъ въ бою.

XLIV. Второе сраженіе подъ Плевной, 18-го іюля (стран. 513—567).

Стратегическое значеніе Плевны и булгаренской позиціи. — Мѣропріятія барона Криденера. — Какъ представлялось въ Тырновѣ положеніе дѣлъ подъ

Плевной. — Отправка подкрѣпленій съ княземъ Шаховскимъ. — Вопросъ о главномъ начальствованіи. — Военное совѣщаніе 14-го іюля въ Бресляницѣ и донесеніе о немъ барона Криденера. — Передвиженіе войскъ 9-го корпуса. — Военное совѣщаніе 17-го іюля въ Порадимѣ. — Бумага изъ строеваго отдѣла штаба арміи. — Диспозиція для боя. — Расположеніе турецкихъ силъ. — Дѣйствія генерала Скобелева 2-го. — Дѣйствія въ отрядѣ князя Шаховскаго. — Атаки генерала Горшкова. — Крайняя необходимость въ подкрѣпленіяхъ. — Роль Коломенскаго полка. — Окончаніе боя въ отрядѣ князя Шаховскаго и его отступленіе. — Дѣйствія правофлангового отряда. — Гривицкій редутъ. — Неизвѣстность о ходѣ дѣла на лѣвомъ флангѣ. — Недоумѣніе, вслѣдствіе замѣчаемыхъ признаковъ уклоненія боя у князя Шаховскаго влѣво. — Записка барона Криденера къ князю Шаховскому. — Атака войскъ 9-го корпуса для поддержанія лѣвофлангового отряда. — Усилія атакующихъ овладѣть Гривицкимъ редутомъ. — Израсходованіе силъ резерва и невозможность подать дальнѣйшую помощь князю Шаховскому. — Отступленіе барона Криденера и отданныя имъ распоряженія. — Наши потери и дѣятельность перевязочныхъ пунктовъ. — Поведеніе въ бою войскъ и нѣкоторые случаи отдѣльныхъ подвиговъ. — Причины нашей вторичной неудачи подъ Плевной.

XLV. Выѣздъ главной квартиры изъ Тырнова (стран. 567 — 571).

Телеграмма барона Криденера и отъѣздъ Великаго Князя Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба изъ Тырнова. — Приготовленія къ выѣзду части главной квартиры и слѣдованіе оной до Булгареней. — Тревога Тырновскихъ жителей. — Посѣщеніе Великимъ Княземъ госпиталя и войскъ на булгаренской позиціи. — Главная квартира переносится въ Чаушку-Махалу. — Второй зимницко-систовскій мостъ.

XLVI. Систово-зимницкая паника (стран. 571 — 577).

Слухи о паникѣ еще на пути главной квартиры къ Булгаренямъ. — Какъ и съ чего началась паника. — Опасность, угрожавшая понтонному мосту. — Несчастные случаи на Дунаѣ. — Паника въ Зимницѣ. — Бѣгство транспортовъ и госпиталей. — Мѣры, предпринятыя мѣстными начальствами для прекращенія страха, бѣгства и для спасенія моста. — Причины, вслѣдствіе которыхъ паника стала явленіемъ вполнѣ логичнымъ.

XLVII. Дѣйствія Забалканскаго отряда генерала Гурко (стран. 577 — 607).

Занятіе Эски-Загры и набѣги-рекогносцировки на желѣзнодорожныя линіи. — Генералъ Гурко получаетъ изъ главной квартиры полномочіе для самостоятельныхъ дѣйствій. — Движеніе войскъ генерала Гурко къ Іени-Загрѣ. — Дѣло герцога Николая Лейхтенбергскаго близъ Карабунара, 17-го іюля. — Дѣйствія кавалеріи герцога Евгенія Лейхтенбергскаго на іени-загринскомъ шоссе, 18-го іюля. — Бой подъ Іени-Загрой. — Дѣло при Джуранлы, 19-го іюля. — Бой 19-го же іюля подъ Іени-Загрой. — Болгары-дружинники въ дѣлѣ. — Смерть полковника Калитина и борьба за Самарское знамя. — Отступленіе русскихъ отрядовъ къ Казанлыку и Хаинкіойскому перевалу. — Рѣзня въ долинѣ Марицы и въ долинѣ Розъ. — Общіе выводы изъ забалканской экспедиціи.

Приложенія къ первому тому:

1) Планъ переправы подъ Систовымъ.
2) Планъ укрѣпленнаго лагеря при гор. Плевно.
3) Карта средней придунайской и части забалканской Болгаріи.

ОТЪ АВТОРА

Его Императорское Величество по всеподданнѣйшему докладу Г. Военнаго Министра, состоявшемуся въ ноябрѣ 1876 года, согласно ходатайства Г. бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ-адъютанта А. Е. Тимашева, Высочайше соизволилъ на командированіе меня въ штабъ дѣйствующей арміи, въ качествѣ офиціальнаго корреспондента газеты «Правительственный Вѣстникъ». Результатомъ моего двадцатимѣсячнаго пребыванія въ дѣйствующей арміи является настоящій сборникъ писемъ, исправленныхъ и весьма значительно дополненныхъ такими подробностями, печатать которыя во время самыхъ военныхъ дѣйствій было не всегда возможно, но которыя, сами по себѣ, могутъ отчасти дорисовать или уяснить нѣкоторыя событія и обстоятельства минувшей войны.

При составленіи моихъ писемъ я пользовался:

1) офиціальными свѣдѣніями, донесеніями, реляціями, приказаніями и т. п.,

2) разсказами прямыхъ участниковъ и ближайшихъ свидѣтелей того или другаго дѣла,

3) письменными источниками и документами, сообщенными мнѣ отъ разныхъ свѣдущихъ лицъ и подлежащихъ учрежденій, которымъ и приношу за это мою глубокую благодарность, и наконецъ —

4) личными моими наблюденіями и замѣтками.

Къ числу писемъ, написанныхъ исключительно по моимъ личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, относятся нѣсколько очерковъ, какъ напримѣръ: «Отъ Унгеней до Пло-

ештовъ», «Ярмарка въ Бухарестѣ», «Военная жизнь въ Плоештахъ» (отчасти), «Зимница и Систовъ» и нѣкоторые другіе, которые хотя и не имѣютъ специально военнаго интереса, но обрисовываютъ нѣкоторыя этнографическія и бытовыя стороны Румыніи, Болгаріи и Турціи, а также и отношенія къ намъ мѣстныхъ жителей. Я включилъ въ сборникъ и эти очерки, считая ихъ, такъ сказать, иллюстраціей той обстановки, среди которой приходилось жить и дѣйствовать нашей арміи.

Всеволодъ Крестовскій.

I

Санитарное состоянiе армiи

Тревожныя вѣсти и слухи. — Количество военныхъ госпиталей въ дѣйствующей армiи. — Сколько изъ нихъ открыто и на какое число кроватей. — Количество больныхъ. — Цифры по категорiямъ болѣзней. — Общiй процентъ заболѣваемости. — Причины, влiяющiя на нынѣшнее санитарное состоянiе армiи. — Администрацiя и снабженiе военныхъ госпиталей. — Состоянiе медицинскаго и служебно-госпитальнаго персоналовъ. — Распоряженiя полеваго инспектора госпиталей. — Кишиневскiе госпитали.

Кишиневъ, 12-го января 1877 г.

Съ нѣкотораго времени въ заграничной печати съ замѣтнымъ упорствомъ появляются свѣдѣнiя о будто бы ужасномъ санитарномъ состоянiи нашей дѣйствующей армiи. Въ этихъ свѣдѣнiяхъ нерѣдко сквозитъ нѣкоторая тенденцiозность, разсчитанная на извѣстнаго рода сенсацiю какъ въ европейскомъ, такъ и въ русскомъ обществахъ. И дѣйствительно, общество наше слишкомъ близко заинтересовано состоянiемъ русской армiи, чтобы не тревожиться и не смущаться при полученiи изъ заграничныхъ газетъ извѣстiй о томъ, что въ Кишиневѣ свирѣпствуетъ тифозная эпидемiя, что вся армiя страдаетъ отъ скорбута и диссентерiи, что лихорадки бессарабскiя вырываютъ изъ строя чуть не двѣ трети наличнаго состава людей, что наконецъ даже самъ Великiй Князь Главнокомандующiй, при всѣхъ относительныхъ удобствахъ его обстановки, не избѣжалъ дѣйствiя вредныхъ влiянiй мѣстнаго климата. Все это естественно волнуетъ и смущаетъ наше общество, которое, получая съ разныхъ сторонъ изъ-за границы глухiя и отрывочныя вѣсти мрачнаго характера и не встрѣчая съ русской стороны отпора и разоблаченiя настоящей сути дѣла, волей - неволей приходитъ къ убѣжденiю, что санитарное состоянiе нашей армiи крайне печально. Многiе уже получаютъ здѣсь, въ Кишиневѣ, изъ разныхъ концовъ Россiи, а въ особенности

изъ Петербурга, письма съ тревожными вопросами: что̀ и какъ, и правда ли? и т. п. Очевидно, что подъ вліяніемъ заграничныхъ сенсаціонныхъ извѣстій, на которыя сначала здѣсь не обращали ни малѣйшаго вниманія, дѣло приняло именно тотъ оборотъ, достичь котораго, какъ можно предполагать, вѣроятно и желалось извѣстнымъ органамъ заграничной печати, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ арміи доселѣ не было на этотъ счетъ подробныхъ извѣстій.

Въ настоящемъ сообщеніи излагаются самыя точныя свѣдѣнія и цифры о санитарномъ состояніи дѣйствующей арміи.

Въ распоряженіи Главнокомандующаго дѣйствующею арміею имѣется пока слѣдующее количество госпиталей:

Постоянныхъ два:

1. Тираспольскій на 415 мѣстъ.

2. Бендерскій на 207 мѣстъ.

Военно-временныхъ тридцать, каждый на 630 мѣстъ.

Сверхъ того:

Кишиневскій мѣстный лазаретъ на 200 и глазная санитарная станція тоже на 200 мѣстъ.

Итого, стало быть, имѣется 34 госпиталя на 19.922 мѣста.

Изъ нихъ открыто въ настоящее время:

a) Два постоянныхъ госпиталя на 620 мѣстъ.

b) Кишиневскій мѣстный лазаретъ,—и

c) Санитарная глазная станція—на 400 мѣстъ.

Изъ военно-временныхъ госпиталей открыты:

№ 43-й въ городѣ Винницѣ и сел. Стрижевкѣ на 370 мѣстъ.

№ 44-й въ городѣ Балтѣ—еще не устроенъ окончательно, но на дняхъ будетъ уже совершенно готовъ—на 200 мѣстъ.

№ 48-й въ городѣ Бѣльцахъ и въ Гербовицкомъ монастырѣ на 420 мѣстъ.

№ 49-й въ сел. Клястицахъ на 100 м.

№ 50-й въ городѣ Оргѣевѣ на 170 м.

№ 58-й въ городѣ Кременчугѣ на 630 м.

№ 59-й въ городѣ Тираснолѣ на 350 м.

№ 60-й въ городѣ Кишиневѣ на 420 м.

№ 61-й въ городѣ Елизаветградѣ на 420 м.

А всего открыто 13 госпиталей на 3.900 мѣстъ.

Въ нихъ къ 7-му января текущаго года состояло больныхъ 1,889 чел., а именно:

Изъ постоянныхъ госпиталей:

1. Въ тираспольскомъ	297	чел.
2. Въ бендерскомъ	189	»
3. Въ кишиневскомъ лазаретѣ	166	»
4. Въ санит. глазной станціи	163	»

Изъ военно-временныхъ госпиталей:

въ № 43	42	чел.
» № 48	29	»
» № 50	12	»
» № 58	409	»
» № 59	207	»
» № 60	318	»
» № 61	57	»

Итого 1,889 человѣкъ, что̀ составляетъ на слишкомъ 180,000 армію только 1% заболѣваемости.

Эпидемическихъ болѣзней во всемъ районѣ расположенія дѣйствующей арміи никакихъ пока еще нѣтъ и не было; тифозныхъ случаевъ приходится не болѣе пяти-шести на госпиталь; преобладающія формы заболѣванія—сифилисъ и мѣстная глазная болѣзнь. Смертныхъ же случаевъ во всѣхъ госпиталяхъ со времени ихъ открытія было только семь, и изъ нихъ три скоропостижныхъ, отъ апоплексіи.

Вообще же, по категоріямъ болѣзней, цифры распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

На тысячу человѣкъ больныхъ приходится:

Лихорадочныхъ	90	чел.,	или	9%
Тифозныхъ	49	»	»	4,9%
Поносомъ	6	»	»	$^3/_5$%
Глазныхъ	165	»	»	$16^1/_2$%
Сифилитическихъ,	235	»	»	$23^1/_2$%
Съ воспаленіями	172	»	»	$17^1/_4$%
Съ катаррами	142	»	»	$14^1/_2$%

На основаніи этихъ цифръ, можно наглядно видѣть, что люди главнѣйшимъ образомъ страдаютъ отъ сифилиса. Это зло, болѣе или менѣе неизбѣжное при скопленіи значительныхъ массъ войска, въ настоящее время по возможности парализуется при помощи соотвѣтственныхъ мѣръ, принятыхъ совмѣстно военно-медицинскою и военно-полицейскою частями.

*

Къ 1-му января сего года во всѣхъ открытыхъ донынѣ госпиталяхъ было только 1,624 человѣка больныхъ. Къ 7-му числу цифра увеличилась, но на это увеличеніе повліяло никакъ не измѣненіе санитарныхъ условій, а два чисто случайныхъ обстоятельства, именно: поступленіе въ госпитали новобранцевъ, отданныхъ туда на испытаніе, вслѣдствіе сдѣланныхъ ими заявленій, что они страдаютъ тою или другою внутреннею болѣзнью, и во-вторыхъ, прибытіе людей изъ одесскаго корпуса, которые поступаютъ на излѣченіе въ госпитали Кременчугскій и Елизаветградскій, гдѣ, какъ можно видѣть выше, и находится ихъ въ совокупности съ прежними больными всего 466 человѣкъ на 1,050 мѣстъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ госпиталей, при каждомъ полку и вообще при каждой отдѣльной воинской части находятся еще такъ называемые «околодки», куда поступаютъ на короткое время люди съ самыми легкими видами заболѣваній внутреннихъ и внѣшнихъ и откуда, въ случаѣ надобности, они препровождаются уже въ госпитали. И такъ, со всѣми госпитальными и околодочными случаями, число заболѣваній въ 180-ти тысячной дѣйствующей арміи менѣе *полутора процента*. При этомъ слѣдуетъ напомнить, что и въ мирное время при соединеніи всѣхъ наилучшихъ гигіеническихъ условій, если число заболѣваемости не превышаетъ *двухъ процентовъ*, то таковой результатъ почитается уже блистательнымъ. Стало быть, жаловаться на нынѣшніе полтора процента больныхъ—нельзя, и только остается желать, чтобы и на будущее время процентъ этотъ не слишкомъ возвышался.

Какія же причины вліяютъ на столь счастливое состояніе здоровья арміи?

Это, во-первыхъ, образцово-устроенное продовольствіе: — люди, кромѣ обыкновенной казенной дачи, получаютъ каждый до семи копѣекъ въ сутки на приварокъ, винныя и чайныя порціи, смотря по надобности.

Во-вторыхъ, нынѣшнее санитарное состояніе арміи находится въ прямой зависимости отъ способа размѣщенія людей въ казармахъ и по квартирамъ, при чемъ всегда принимается въ расчетъ количество кубическихъ футовъ чистаго воздуха, потребное для человѣка. Кромѣ того, во всѣхъ частяхъ ближайшее начальство наблюдаетъ за поддержаніемъ

правильнаго образа жизни людей: своевременно даваемая здоровая пища, достаточный сонъ, военныя прогулки, дающія организму достаточный моціонъ и постепенно втягивающія людей въ трудности походнаго движенія, отсутствіе продолжительныхъ и потому утомительныхъ строевыхъ ученій—все это, при полномъ вниманіи начальства къ нуждамъ нижнихъ чиновъ, плодотворно дѣйствуетъ на бодрость ихъ духа и тѣла. Наконецъ, тщательный уходъ за больными въ госпиталяхъ, вниманіе и полное рвеніе къ дѣлу, въ особенности со стороны молодыхъ врачей, безкорыстно, съ юношескимъ увлеченіемъ отдающихъ этому дѣлу свои молодыя силы, служатъ прямою причиною столь ничтожнаго числа смертныхъ случаевъ (до 1-го января только пять).

До сихъ поръ полевая инспекція госпиталей не усмотрѣла нигдѣ ни малѣйшаго случая какихъ бы то ни было умышленныхъ злоупотребленій или дѣйствій, клонящихся къ ущербу больныхъ.

На должности смотрителей во всѣхъ госпиталяхъ назначены теперь строевые офицеры, избранные изъ особаго резерва, составъ коего еще и прежде, благодаря прикомандированіямъ на годовой срокъ къ большимъ военнымъ госпиталямъ, пріобрѣлъ уже достаточную практику въ своемъ дѣлѣ. Учрежденіе этого резерва офицеровъ и ихъ прикомандированіе къ госпиталямъ было сдѣлано именно въ видахъ предназначенія ихъ къ занятію смотрительскихъ должностей въ военное время. При ихъ вступленіи въ свои должности, они не были съ первыхъ же дней снабжены нужными инструкціями и свѣдѣніями о своихъ правахъ и обязанностяхъ по военному положенію; у нихъ не было ни XVI книги Свода Военныхъ Постановленій, ни табелей объ отчетности, ни вообще всѣхъ необходимыхъ руководствъ. Но теперь, благодаря заботливости генералъ-маіора В. Д. Косинскаго, полеваго инспектора госпиталей, всѣ эти недостатки уже устранены. Продовольствіе больныхъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій, благодаря своевременной заботливости о томъ Военнаго Министерства. Хирургическіе и вообще медицинскіе инструменты, а также и аптечные матеріалы имѣются во всѣхъ госпиталяхъ въ совершенно достаточномъ количествѣ.

Все довольствіе госпиталей, какъ постоянныхъ такъ и временныхъ, производится съ подряда, заключеннаго по рас-

поряженію окружныхъ интендантствъ кіевскаго и одесскаго. На заведеніе въ госпиталяхъ вещей и предметовъ натурою неотпускаемыхъ (какъ-то: всѣ вообще деревянныя вещи, церковныя принадлежности, чугунные котлы и нѣкоторыя хозяйственныя приспособленія, и т. п.) всѣ госпитали уже сполна снабжены необходимыми суммами. Суммы же эти, по мѣрѣ надобности, требуются по ассигновкамъ изъ мѣстныхъ или ближайшихъ казначействъ. Каждый госпиталь управляется хозяйственнымъ комитетомъ, который образуется изъ старшаго врача, смотрителя, ординатора и одного коммисара, а кромѣ того, въ госпиталь назначается еще особый «начальникъ госпиталя», коего должность занимается преимущественно старшимъ начальникомъ частей мѣстныхъ войскъ. Такимъ образомъ всѣ распоряженія госпитальнаго комитета по хозяйственной части утверждаются начальникомъ госпиталя, а въ случаяхъ сомнительныхъ или превышающихъ его власть восходятъ къ полевому инспектору. При такомъ порядкѣ едва ли возможны какія-либо существенныя упущенія или недостатки по госпитально-хозяйственной части.

Медицинскій персоналъ, назначенный въ госпитали дѣйствующей арміи, не весь еще прибылъ на мѣста; но такъ какъ и госпитали далеко не всѣ еще открыты, а изъ числа открывшихся дѣйствуютъ только незначительныя части, то временный недостатокъ врачей не имѣетъ вреднаго вліянія на успѣхъ леченія и уходъ за больными. Фармацевты же и фельдшера находятся уже всѣ на мѣстахъ и притомъ въ полномъ количествѣ; только священники и церковники, назначенные въ госпитали, еще не прибыли къ мѣсту своего служенія.

По отзыву инспектора госпиталей, генералъ-маіора Косинскаго, формированіе военно-временныхъ госпиталей совершилось съ поразительными быстротою и порядкомъ. Такъ, 2-го ноября былъ объявленъ приказъ о мобилизаціи, а 18-го ноября генералъ Косинскій, прибывъ въ Кременчугъ, имѣлъ уже возможность тотчасъ же отправить три госпиталя къ назначеннымъ пунктамъ, въ полномъ комплектѣ и съ вещами вполнѣ доброкачественными.

На случай движенія впередъ — всѣ соображенія, разсчеты, планы и распоряженія сдѣланы уже заблаговременно и приняты мѣры къ своевременному открытію госпиталей по мѣрѣ

надобности и безъ малѣйшей задержки. Для эвакуаціи больныхъ на случай какой-либо эпидеміи, точно также составлены уже всѣ планы и сдѣланы надлежащія распоряженія. Въ настоящее время эвакуація идетъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ; именно: переправляются изъ военно-временныхъ въ постоянные госпитали только хроническіе больные, требующіе продолжительнаго леченія. При малѣйшей возможности, отправляютъ ихъ по желѣзной дорогѣ въ особыхъ санитарныхъ вагонахъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ раненыхъ, и это даетъ случай санитарной прислугѣ заблаговременно приснаровиться къ дѣлу на практикѣ.

По распоряженію полеваго инспектора, доступъ въ госпитали вполнѣ открытъ для всѣхъ интересующихся дѣломъ. Такъ, между прочимъ, состоящій при Главной Квартирѣ, въ качествѣ французскаго военнаго агента, полковникъ Гальяръ посѣтилъ госпитали въ Кишиневѣ и въ Тирасполѣ, при чемъ ему были сообщены всѣ данныя и матеріалы къ полному ознакомленію съ устройствомъ госпитальнаго дѣла въ нашей дѣйствующей арміи. Главноуполномоченный отъ Общества Краснаго Креста, дѣйствительный статскій совѣтникъ Абаза, со своимъ помощникомъ княземъ Волконскимъ, точно также осматривалъ надняхъ въ Кишиневѣ госпитальныя помѣщенія, и телеграмма, отправленная г. Абазою къ вице-президенту Общества, генералъ-адъютанту Баумгартену, свидѣтельствуетъ о томъ, что устройство госпиталей и порядокъ въ нихъ произвели на делегатовъ Общества самое отрадное впечатлѣніе.

Здѣшніе госпитали разбиты на отдѣленія и помѣщены въ домахъ частныхъ владѣльцевъ, по найму. Одинъ уже наружный видъ этихъ домовъ производитъ самое лучшее впечатлѣніе: это не дома, а изящные палаццо со всею роскошью современной архитектуры. Залы, гдѣ лежатъ больные, достаточно свѣтлы и высоки, воздухъ вездѣ самый чистый, объ опрятности нечего и говорить—самая образцовая; врачи, фельдшера и госпитальная прислуга — все это налицо и все при дѣлѣ. Госпитальная прислуга, изъ призывныхъ людей, отличается бодрымъ, здоровымъ видомъ и по усердію къ службѣ, какъ свидѣтельствуютъ врачи, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Пища для больныхъ очень вкусная, хлѣбъ ржаной и пшеничный отлично выпеченный, вино виноградное

и хлѣбное тоже въ достаточномъ количествѣ и отпускается больнымъ по предписанію медиковъ. Тифозные, глазные и сифилитики, а также и чесоточные совершенно изолированы отъ прочихъ больныхъ и занимаютъ, по роду своихъ болѣзней, особыя палаты; а глазные помѣщены даже въ особомъ зданіи, вполнѣ приспособленномъ къ этой болѣзни. Вниманіе и заботливость начальства простираются не только на изоляцію самихъ больныхъ, но и на ихъ посуду, платье, вещи и бѣлье. Всѣ эти предметы проклеймены особыми знаками: для сифилитиковъ буква В, окаймленная квадратомъ, для чесоточныхъ—Ч, и т. д. Такимъ образомъ, ни бѣлье, стираемое особо отъ прочаго, и ни одна изъ другихъ вещей даже случайно не могутъ попасться больному какой бы то ни было другой категоріи. Замѣчательно также отсутствіе унылости въ наружномъ видѣ больныхъ, а это есть вѣрный признакъ, что они довольны своимъ положеніемъ въ госпиталѣ.

II

Нравственное состояніе арміи

Вліяніе бездѣйствія и неизвѣстности на духъ войскъ. — Кишиневское сидѣніе. — Отношенія крестьянъ къ солдатамъ-квартирантамъ. — Военный судъ надъ бомбардиромъ Павломъ Гребенщиковымъ. — Толки по поводу смертнаго приговора въ гражданской и военной средѣ. — Замѣтка по поводу извѣстій о санитарномъ состояніи войскъ. — Жалобы на интендантскую часть. — Недостатки въ конструкціи военнаго обоза. — Донъ-Карлосъ въ Кишиневѣ.

Кишиневъ, 2-го февраля.

Бездѣйствіе арміи, собранной въ Бессарабіи, начинаетъ замѣтно томить ее, въ виду неопредѣленности дипломатическихъ рѣшеній. Ожиданія скораго движенія впередъ, столь пылкія и увѣренныя въ началѣ мобилизаціи, все еще не оправдываются и потому въ средѣ офицерства все чаще и чаще раздается ропотъ на свое положеніе. Жить здѣсь дорого, особенно по армейскимъ средствамъ. Женатые офицеры, оставившіе семейства въ мѣстахъ прежняго своего квартированія, по неволѣ вынуж-

дены жить на два дома и сильно тяготятся этою необходимостію. Въ первое время по мобилизаціи, все офицерство было полно самаго пламеннаго воодушевленія и готово на всѣ жертвы, а потому равнодушно относилось къ лишеніямъ своимъ и своихъ семействъ; но продолжительное бездѣйствіе, осложненное тщетными ожиданіями движенія впередъ, на много уже успѣло охладить общее увлеченіе. Настаетъ періодъ сомнѣній въ силѣ арміи и государства, въ силѣ его внѣшнихъ союзовъ. Интимные разговоры въ кружкахъ на этотъ счетъ становятся все громче и чаще. Зачастую слышишь отзывы, исполненые горечи и ироніи, что мы-де никуда не двинемся и лишь дай Богъ назадъ-то уйдти безъ особаго срама. Кишиневскую стоянку, по примѣру «Азовскаго сидѣнія», уже окрестили именемъ «Кишиневскаго сидѣнія» и говорятъ, что арміи будутъ розданы медали съ надписью «туда и обратно».

Здѣсь всѣ лица полеваго штаба и отдѣльныхъ управленій дѣйствующей арміи (за исключеніемъ лицъ Главной Квартиры) обыкновенно сходятся ежедневно для завтрака и обѣда въ дворянскомъ клубѣ, и тутъ-то, за скромною бутылкой мѣстнаго вина или пива, не рѣдко идутъ всѣ эти разсужденія. Здѣсь же по вечерамъ появляются и мѣстные землевладѣльцы-помѣщики; у многихъ изъ нихъ по деревнямъ расположены части войскъ, и эти помѣщики сообщаютъ, что крестьяне, встрѣтившіе сначала военный постой довольно радушно, начинаютъ уже замѣтно тяготиться его продолжительностію. Крупныхъ исторій и столкновеній между военными и обывателями пока еще нѣтъ, да и солдаты вообще ведутъ себя удовлетворительно; но, по отзыву помѣщиковъ и наѣзжающихъ сюда порою непосредственныхъ командировъ частей, непріятныя столкновенія и исторіи далеко не невозможны, собственно по причинѣ слишкомъ продолжительныхъ и усиленныхъ военныхъ постоевъ, среди томительныхъ ожиданій, неизвѣстности и бездѣйствія.

Въ средѣ самой арміи доселѣ случилась только одна крупная, прискорбная исторія, результатомъ которой было разстрѣляніе въ г. Тираснолѣ бомбардира (изъ призывныхъ) 6-й батареи 9-й артиллерійской бригады, Павла Гребенщикова.

Дѣло въ томъ, что 6-го декабря въ этой батареѣ справлялся батарейный праздникъ. Вечеромъ Гребенщиковъ, напившійся до самозабвенія, затѣялъ у себя въ хатѣ драку съ двумя своими товарищами. Крестьянинъ, у котораго они стояли на постоѣ, послалъ свою дочку заявить офицерамъ, что у него въ хатѣ солдаты буянятъ. Старшій изъ наличныхъ офицеровъ отправилъ разобрать это дѣло подпоручика Б—ва, который чуть не наканунѣ лишь поступилъ въ 6-ю батарею, по возвращеніи изъ Сербіи, и потому былъ одѣтъ въ сербскій костюмъ. Прибѣжавъ въ избу, Б—въ увидѣлъ стоявшаго спиною ко входу Гребенщикова, котораго удерживалъ за руки другой солдатъ, и сразу нанесъ Гребенщикову ударъ въ шею, причемъ съ Б—ва упало пальто, надѣтое въ накидку. Гребенщиковъ, вырвавшись изъ рукъ солдата, закричалъ: «кто смѣетъ бить меня! Кто меня ударилъ?» Б—въ же, подымая свое пальто и указавъ на погонъ (серебрянный, по свидѣтельству одного изъ солдатъ), сказалъ: «вотъ кто бьетъ тебя». Въ хатѣ былъ полумракъ, а пьяный солдатъ, не узнавшій въ лицо офицера, поступившаго въ батарею только за два дня предъ тѣмъ и одѣтаго не въ установленное форменное платье, развернулся и отдалъ ему ударъ. Всѣ эти обстоятельства выяснились на судебномъ слѣдствіи. Въ залѣ суда, кромѣ публики, были собраны команды отъ 6-й батареи 9-й артиллерійской бригады и отъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Кишиневѣ. Это дѣло произвело на присутствующихъ сильное и тяжелое впечатлѣніе, въ особенности же послѣднее слово подсудимаго, который въ глубокомъ волненіи вымолвилъ: «ей Богу, не зналъ.... не видѣлъ.... не помню.... не дайте умереть постыдною смертію.... жена, четверо ребятъ». По отзыву прежняго начальства Гребенщикова, это былъ солдатъ исправный и толковый. Выходя изъ залы, многіе замѣтили, что нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, особенно 6-й батареи, плакали. Смертный приговоръ, конфирмованный, за болѣзнію Главнокомандующаго, генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ *), и казнь Гребенщикова, исполненная въ Тирасполѣ, нѣсколько дней сряду служили здѣсь почти исключительною

---

*) Приказъ по войскамъ Дѣйствующей Арміи отъ 31-го декабря 1876 г. за № 11.

темою разговоровъ въ военномъ и гражданскомъ обществахъ. Граждане, основываясь на данныхъ, выяснившихся на судебномъ слѣдствіи, были почти всѣ противъ приговора; военные же, отстаивая его прискорбную необходимость въ виду исключительныхъ обстоятельствъ текущаго времени, находили, что преступленіе Павла Гребенщикова вызвано опрометчивостію подпоручика Б—ва, который, во-первыхъ, позволилъ себѣ явиться къ исполненію служебныхъ обязанностей не въ установленной формѣ одежды, а въ какомъ-то импровизированномъ сербскомъ костюмѣ и, во-вторыхъ, начавъ непосредственно съ кулачной расправы, нарушилъ тѣмъ самымъ извѣстную статью дисциплинарнаго устава, которая безусловно воспрещаетъ каждому начальственному лицу вступать въ какія бы то ни было объясненія, разбирательства и расправу съ пьянымъ подчиненнымъ. Все, на что имѣлъ законное право подпоручикъ Б—въ, это—приказать солдатамъ отвести Гребенщикова подъ арестъ, впредь до вытрезвленія, послѣ котораго наложить на него должное дисциплинарное взысканіе.

Санитарное состояніе арміи, вопреки мрачному характеру извѣстій о немъ, идущихъ изъ заграничной печати, все еще продолжаетъ быть блистательнымъ. Въ «Русскомъ Инвалидѣ», между прочимъ, довелось мнѣ случайно прочесть небольшую замѣтку объ этомъ же предметѣ, гдѣ сказано, что въ военныхъ госпиталяхъ у насъ нѣтъ ни одного случая отмороженія членовъ. Это не совсѣмъ точно. Посѣтивъ кишиневскіе госпитали, я видѣлъ лично четырехъ больныхъ, страдающихъ вслѣдствіе отмороженія ногъ. Въ особенности жаль было смотрѣть на одного молодаго терскаго казака, съ жестоко отмороженными пальцами и частію ступней, который въ ночь подъ Рождество, будучи въ очередь поставленъ на часы около полуночи, простоялъ безсмѣнно до утра и съ поста былъ прямо отправленъ въ госпиталь. Смѣнить позабыли.

На интендантскую часть уже слышатся съ разныхъ сторонъ жалобы, а именно: говорятъ, что пресованное сѣно (приготовленіемъ котораго въ громадныхъ размѣрахъ занятъ подрядчикъ Коганъ и К°), сложенное въ складахъ въ большія высокія скирды, при употребленіи оказывается въ значительномъ количествѣ тюковъ прѣлымъ и перегорѣлымъ; кромѣ того многіе тюки значительно менѣе установленнаго

для нихъ вѣса. На сухой фуражъ жалобъ не слышно, но до полеваго коменданта генералъ-маіора Воейкова доходятъ жалобы, будто сухари, заготовляемые въ кишиневской пекарнѣ, недостаточно просушены, отчего внутренность сухаря свертывается въ твердые комки и покрывается плесенью.

Слышатся также жалобы на неудобство обоза, построеннаго Петербургскимъ Военнымъ Коммисіонерствомъ. Телѣги этого обоза черезъ-чуръ плоскодонны и мелки, въ родѣ небольшихъ платформъ, вслѣдствіе чего кладь, при полной нагрузкѣ, не имѣетъ въ низкихъ бокахъ телѣги достаточной опоры и становится неустойчивою, а при дурныхъ дорогахъ легко опрокидывается вмѣстѣ съ телѣгою, чему, какъ говорятъ, уже и было довольно примѣровъ.

22-го января пріѣхалъ въ Кишиневъ, по желѣзной дорогѣ изъ Бухареста, принцъ Донъ-Карлосъ, путешествующій нынѣ по Европѣ, послѣ неудачнаго исхода своихъ предпріятій въ Испаніи. Для встрѣчи этого принца, Великій Князь Главнокомандующій приказалъ: къ шести часамъ пополудни, къ помѣщенію, приготовленному для Донъ-Карлоса, на Гостинной улицѣ въ домѣ Маркова, выставить почетный караулъ отъ 53-го пѣхотнаго Волынскаго полка и ординарцевъ; въ пріемной залѣ принца собраться къ тому же времени лицамъ въ генеральскихъ чинахъ, состоящимъ при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ и адъютантамъ Его Высочества, начальникамъ отдѣловъ полеваго управленія арміи съ ихъ помощниками, предсѣдателю полеваго военнаго суда и начальникамъ управленій и частей, подчиненныхъ начальнику полеваго штаба. Почетному караулу и всѣмъ вышепомянутымъ частямъ приказано быть въ походной формѣ, при орденахъ, генераламъ въ лентахъ.

Донъ-Карлосъ весьма красивый брюнетъ, высокаго, стройнаго роста и по наружности ему нельзя дать болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Разсказываютъ (не ручаюсь, впрочемъ, за достовѣрность), будто испанскій принцъ пріѣзжалъ съ цѣлью предложить свою шпагу и свои военные таланты къ услугамъ нашей арміи, но что это предложеніе было отклонено со всевозможною деликатностію, послѣ чего Донъ-Карлосъ и уѣхалъ изъ Кишинева.

III

Полевая проѣздка

Цѣль кавалерійской проѣздки генералъ-адъютанта Непокойчицкаго. — Составъ отряда. — Выступленіе изъ Кишинева. — Ужасная погода. — Опасенія въ Кишиневѣ за исходъ проѣздки. — Походъ до Одессы. — Представленіе отряда на смотръ Великому Князю. — Состояніе людей и лошадей послѣ проѣздки.

Кишиневъ, 8-го февраля.

Сегодня возвратился въ Кишиневъ начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, послѣ кавалерійской проѣздки, совершонной имъ изъ Кишинева въ Одессу. Разстояніе между этими двумя пунктами считается около 170 верстъ, и по первоначальному предположенію, кавалерійскій отрядъ, назначенный въ эту проѣздку, долженъ былъ пробѣжать данное разстояніе въ два дня, полагая на каждый день около восьмидесяти верстъ движенія. Цѣль проѣздки, кромѣ желанія провѣрить степень выносливости коней и всадниковъ, заключала въ себѣ еще и желаніе доставить неожиданное удовольствіе Великому Князю Главнокомандующему, который, въ качествѣ генералъ-инспектора кавалеріи, своими настойчивыми трудами довелъ русскую конницу до того, что для нея подобные переходы и пробѣжки стали самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Въ составъ отряда назначены были: состоящіе при Главнокомандующемъ два эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя изъ кубанскихъ и терскихъ казаковъ и 2-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи, т.-е. полки: 11-й гусарскій Изюмскій и 11-й казачій, полковника Попова, съ донскою казачьею батареею. Впрочемъ, эти два послѣдніе полка, расположенные въ Григоріополѣ, должны были встрѣтить отрядъ, шедшій изъ Кишинева, почти на половинѣ пути, и уже оттуда, присоединясь къ конвою, слѣдовать далѣе въ Одессу. Къ свитѣ начальника штаба, кромѣ лицъ, оффиціально къ тому назначенныхъ, могли присоединиться и другіе офицеры, по собственной охотѣ.

30-го января, въ 7 часовъ утра, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, въ сопровожденіи свиты изъ охотниковъ-кавалеристовъ, выступилъ съ дивизіономъ терцевъ и кубанцевъ изъ

Кишинева. Утро было пасмурное, моросилъ дождь и, судя по этому началу, можно было ожидать продолженія и на этотъ день вчерашней оттепели, при туманной, но тихой погодѣ. Однако ожиданія эти не оправдались. Не успѣлъ отрядъ отойти отъ города и десяти верстъ, какъ поднялась жесточайшая буря. Студеный сѣверо-западный вѣтеръ вылъ, не переставая ни на минуту, и безпрестанно налеталъ столь порывистыми шквалами, что порою валилъ съ ногъ не только пѣшеходовъ, но даже, какъ передаютъ очевидцы, опрокидывалъ и запреженныя телѣги. Въ самомъ Кишиневѣ, который лежитъ въ котловинѣ и стало-быть уже поэтому болѣе или менѣе защищенъ отъ дѣйствія вѣтра, шквалы были столь сильны, что срывали съ мѣста цѣлыя лужи уличной жидкой грязи и дождемъ мутныхъ брызговъ несли ее вдоль по улицамъ. Уже по одному этому можно судить, сколько скирдъ сѣна и соломы поразметано въ поляхъ, сколько крышъ было исковеркано, а сколько и совсѣмъ снесено, въ особенности соломенныхъ и камышевыхъ, на подгородной слободѣ и въ селеніяхъ. Въ воздухѣ вдругъ страшно похолодѣло и, въ довершеніе всего, пошелъ тотъ замороженный дождь, который въ просторѣчіи называется «крупою». Эта крупа неслась подъ вѣтромъ горизонтально, вмѣстѣ съ брызгами лужъ, и била въ лицо, нестерпимо обжигая и коля кожу, какъ иголками. Кишиневскія улицы опустѣли, извозчики исчезли и рѣдко-рѣдко кто изъ пѣшеходовъ виднѣлся на улицѣ, выйдя изъ дому развѣ по самой крайней нуждѣ. Страшно было и подумать, чтобы выѣхать куда-либо за городъ, и даже парные извозчики, такъ называемые здѣсь «фаэтонщики», порядженные нѣкоторыми лицами за 30 рублей каждый до Гуры-Галбины, мѣстечка, лежащаго въ сорока верстахъ отъ Кишинева, возвращали нанимателямъ задатки, наотрѣзъ отказываясь выѣхать въ такую непогодь. Очевидцы сказываютъ, что въ этомъ же краю помнятъ подобную бурю только двадцать-два года назадъ, когда два баталіона, посланные изъ Кишинева въ Измаилъ и Килію, совершенно погибли, закоченѣвъ въ степи отъ нестерпимаго холода. Понятно, что въ виду такого состоянія погоды, всѣ военные люди, оставшіеся въ Кишиневѣ, крайне тревожились и даже серьезно опасались за исходъ кавалерійской проѣздки. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстія изъ отряда, со встрѣчнымъ ли путникомъ, или по телеграфу. Извѣстіе не

приходило. Одинъ изъ офицеровъ, которому довелось въ эту непогоду возвращаться изъ командировки по той самой дорогѣ, гдѣ долженъ былъ слѣдовать отрядъ, сказывалъ, что на своемъ пути онъ не только не встрѣтилъ отряда, но и ничего не слыхалъ о немъ по деревнямъ. Все это только усиливало общее безпокойство. Наконецъ, уже вечеромъ стала извѣстна телеграмма, что отрядъ благополучно прослѣдовалъ въ 4½ часа пополудни черезъ Бендеры—городъ, отстоящій отъ Кишинева на 58½ верстъ. Но о томъ, остался ли отрядъ въ Бендерахъ, или гдѣ-нибудь по близости—телеграмма ничего не говорила, а страшная буря между тѣмъ не стихала, и это послѣднее обстоятельство, конечно, ни накого не могло дѣйствовать успокоительно за судьбу путниковъ-кавалеристовъ.

На слѣдующій день погода была тоже рѣзкая, вѣтряная и хмурая; порою перепадала вчерашняя «крупа», но въ общемъ состояніи атмосферы и температуры все же значительно полегчало. Можно было ходить по улицамъ и даже, по нуждѣ, выѣхать въ поле. Но извѣстій объ отрядѣ никакихъ не доходило до Кишинева. Только на третьи сутки узнали здѣсь изъ частныхъ телеграммъ, что 1-го февраля, въ часъ пополудни, отрядъ благополучно и въ полномъ своемъ составѣ прибылъ въ Одессу, прошелъ вдоль по городу до Ришельевскаго бульвара, гдѣ имѣетъ помѣщеніе во дворцѣ Великій Князь, и былъ проведенъ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Главнокомандующаго, который смотрѣлъ изъ окна и остался совершенно доволенъ бодрымъ видомъ людей и свѣжестію лошадей, прошедшихъ 170-ти-верстный путь въ три перехода, при такихъ ужасныхъ условіяхъ погоды. Весь отрядъ пришелъ въ полномъ порядкѣ; заболѣвшихъ всадниковъ и лошадей не было; оказалось только нѣсколько расковавшихся копытъ. Въ первый день отрядъ подъ непрестанною бурею сдѣлалъ 76½ верстъ и остановился въ селеніи Карагашъ, а 11-я бригада, прошедшая около 90 верстъ, расположилась бивуакомъ въ колоніи Страсбургъ. Остальной путь, въ виду ужаснаго состоянія погоды, былъ раздѣленъ на два перехода, одинъ въ 56 и другой въ 44 версты.

IV

Санитарная и хирургическая части въ арміи

Число больныхъ къ 17-му февраля. — Цифры по категоріямъ болѣзней. — Общій процентъ заболѣваемости. — Дѣятельность военно-медицинскаго персонала. — Гигіеническія мѣры. — Состояніе и распредѣленіе военно-врачебныхъ заведеній. — Медицинская и хозяйственная инспекціи госпиталей. — Киргизскія кибитки. — Сборъ медико-топографическихъ свѣдѣній по Бессарабіи. — Хирургическая часть въ дѣйствующей арміи. — Характеръ травматическихъ поврежденій въ мирное время и вызывающія его причины. — Новыя перевязочныя средства и снабженіе ими военно-врачебныхъ учрежденій. — Способъ леченія и его результаты. — Примѣръ. — Хирургическія отдѣленія въ Кишиневѣ. — Подготовительныя практическія занятія полевыхъ хирурговъ.

Кишиневъ, 28-го февраля.

Санитарное состояніе войскъ дѣйствующей арміи составляетъ предметъ, интересующій наше общество самымъ живымъ и даже кровнымъ образомъ, такъ какъ съ этимъ вопросомъ связано спокойствіе множества лицъ, имѣющихъ въ рядахъ арміи близкихъ своихъ родныхъ. Посему сообщеніе время отъ времени точныхъ свѣдѣній по этому предмету представляется вполнѣ полезнымъ.

Къ 17-му числу февраля состояло въ постоянныхъ и открытыхъ военно-временныхъ госпиталяхъ, расположенныхъ въ районѣ дѣйствующей арміи, слѣдующее количество больныхъ:

а) Въ постоянныхъ госпиталяхъ:		
Бендерскомъ	198	чел.
Тираспольскомъ.	264	»
Кишиневскомъ лазаретѣ мѣстной команды	175	»
б) Въ военно-временныхъ госпиталяхъ:		
№ 43	231	чел.
№ 44	150	»
№ 48	252	»
№ 49	74	»
№ 50	160	»
№ 58	470	»
№ 59	302	»
№ 60	325	»
№ 61	364	»
Всего . . .	2,965	чел.

Но въ этомъ общемъ числѣ показано 449 человѣкъ, присланныхъ въ означенные госпитали изъ постороннихъ командъ, не входящихъ въ составъ дѣйствующей арміи. Изъ войскъ же собственно дѣйствующей арміи въ госпиталяхъ состоитъ 2.516 чел., что̀ составляетъ, относительно списочнаго состава арміи,—1,25%.

По роду болѣзней (упоминая, конечно, только главнѣйшія), эти цифры даютъ слѣдующія отношенія:

Лихорадки составляютъ 7,15% всей суммы госпитальныхъ больныхъ.

Тифы	7,01%
Катарры	12,31 »
Поносы	0,40 »
Воспаленіе различн. органовъ	23,03 »
Глазныя болѣзни	12,27 »
Венерическія	24,95 »

Кромѣ того, въ войсковыхъ открытыхъ *лазаретахъ* находится больныхъ:

Въ 8-мъ корпусѣ	135 чел.
» 9-мъ »	119 »
» 11-мъ »	177 »
» 12-мъ »	170 »
» 4-й стрѣлк. бригадѣ	30 »
Итого	631 чел.

Относительно средняго списочнаго состоянія сихъ войскъ, эта цифра составляетъ 0,24%.

Вообще же процентъ заболѣваемости въ дѣйствующей арміи, считая вмѣстѣ госпитальныхъ и лазаретныхъ больныхъ, равняется 1,49%.

Столь благопріятное санитарное состояніе войскъ зависитъ отъ многихъ причинъ, о которыхъ уже было подробно сообщено въ первомъ отчетѣ. Но значительная доля заслуги въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ энергической и согласной дѣятельности медицинскаго персонала, который на всѣхъ ступеняхъ своей іерархической лѣстницы проникнутъ убѣжденіемъ, что главнѣйшая задача военнаго врача заключается въ томъ, чтобы *предупреждать* болѣзнь. Съ этою

цѣлью постоянно предпринимается рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ. Чуть только цифры заболѣваемости начинаютъ показывать опасность съ которой-либо стороны, тотчасъ же направляются туда всѣ усилія военной гигіены. Въ виду близости весенняго времени, съ которымъ въ здѣшнемъ краю неразлучно идетъ увеличеніе лихорадочныхъ, а отчасти и тифозныхъ случаевъ, всѣ заботы военно-медицинскаго полеваго вѣдомства направлены въ настоящее время на улучшеніе гигіеническихъ условій тѣхъ мѣстностей, гдѣ расположены войска. Въ Кишиневѣ, по личному усмотрѣнію и приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, городъ обязанъ очиститься въ теченіи мѣсяца отъ скопленія разныхъ нечистотъ, гнили и грязи, особенно же тамъ, гдѣ скучено населеніе еврейское, наиболѣе вредящее условіямъ общественной гигіены, по отсутствію чистоты и опрятности въ своемъ обиходѣ.

Что касается до другихъ мѣстъ, то въ отношеніи ихъ къ примѣненію этой же въ высшей степени важной мѣры приняты уже побудительныя представленія къ городовымъ и мѣстечковымъ управленіямъ со стороны военныхъ властей, на основаніи требованій и донесеній медицинскихъ чиновъ, которые уже теперь озабочены возможностью появленія мѣстныхъ весеннихъ болѣзней.

Говоря о санитарномъ состояніи арміи, нельзя не интересоваться и вопросомъ о состояніи и распредѣленіи военно-временныхъ госпиталей и войсковыхъ лазаретовъ. Эти столь необходимыя заведенія раскинуты по всей Бессарабіи, и далѣе въ Новороссіи и Украйнѣ, по самымъ глухимъ уголкамъ края. Уѣздные города, мѣстечки, села и монастыри стали пріютомъ заболѣвающихъ воиновъ. По мѣрѣ надобности продолжаютъ открываться новыя госпитальныя отдѣленія, которыя всегда стараются принаровить къ нуждамъ войскъ и средствамъ края. Въ этихъ отдаленныхъ и вслѣдствіе плохаго состоянія проселочныхъ дорогъ почти изолированныхъ мѣстахъ не легко жить молодымъ врачамъ, попавшимъ прямо съ учебной скамьи въ военно-временные госпитали или въ небольшія части войскъ. Но по отзывамъ, доходящимъ отовсюду, эти молодые люди съ честью выдерживаютъ испытаніе, выпавшее на ихъ долю, и работаютъ какъ нельзя лучше. Сѣть военно-врачебныхъ заведеній, раскинутая повсемѣстно,

не остается однако же безъ присмотра. По распоряженію полеваго военно-медицинскаго инспектора, кромѣ имъ лично произведеннаго осмотра главнѣйшихъ врачебныхъ центровъ, всѣ военно-временные госпитали и ихъ отдѣленія, а равно и главнѣйшія войсковыя заведенія уже осмотрѣны самымъ тщательнымъ образомъ заслуженными и опытными военными врачами, внимательно обревизовавшими не только ближайшіе, но и самые отдаленные отъ центра полевой администраціи госпитали и ихъ отдѣленія. Тоже сдѣлано и по хозяйственной части со стороны военнаго инспектора госпиталей. Такимъ образомъ, центральная администрація арміи бдительно слѣдитъ за всѣмъ, что касается до сохраненія здоровья и способовъ леченія нашихъ войскъ.

По части призрѣнія больныхъ воиновъ есть теперь одна крупная новость, которая въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, обратитъ на себя большое и серьезное вниманіе всѣхъ интересующихся военно-санитарнымъ дѣломъ, и при томъ не только у насъ, въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ. Это введеніе въ военно-временныхъ госпиталяхъ, по представленію военно-медицинскаго инспектора, доктора Приселкова, войлочныхъ киргизскихъ кибитокъ.

Имѣя въ виду, что во время войны въ Средней Азіи, а именно въ хивинскомъ походѣ и въ самаркандской экспедиціи, вмѣсто палатокъ и госпитальныхъ шатровъ, съ величайшею пользою употреблялись киргизскія или калмыцкія кибитки и что онѣ какъ во время холода, такъ и при палящемъ зноѣ представляли собою прекрасное убѣжище; что въ Туркестанѣ, при 20° R, казачьи отряды въ 800 и 900 человѣкъ всю зиму прожили въ подобныхъ кибиткахъ, почти не имѣя больныхъ; что переносные шатры этого рода могутъ въ любой мѣстности служить удобнымъ помѣщеніемъ въ качествѣ отдѣльныхъ павильоновъ для заразительныхъ и иныхъ больныхъ, требующихъ изолированія и, наконецъ, что кибитки, будучи во многихъ отношеніяхъ несравненно удобнѣе холщевыхъ палатокъ, во всякомъ случаѣ обходятся значительно дешевле послѣднихъ,—докторъ Приселковъ пришелъ къ счастливой мысли воспользоваться азіатскими кибитками для военноврачебной цѣли.

Великій Князь Главнокомандующій разрѣшилъ заготовленіе для тридцати военно-временныхъ госпиталей потребнаго количества войлочныхъ кибитокъ, полагая на каждый госпиталь по пяти штукъ.

Разсчетъ этотъ сдѣланъ на основаніи того, что въ каждой кибиткѣ можетъ свободно помѣститься двадцать человѣкъ слабосильныхъ, или же десять больныхъ.

Послѣ надлежащей обработки всего проекта въ полевомъ интендантскомъ управленіи, собственно съ финансовой стороны, это дѣло оказалось теперь въ слѣдующемъ положеніи:

Всѣ 150 кибитокъ будутъ заготовлены въ Оренбургѣ по распоряженію мѣстнаго интенданта.

Стоимость каждой кибитки въ Оренбургѣ обойдется въ 140 рублей; доставка ея въ Кишиневъ по желѣзной дорогѣ станетъ въ 45 рублей; слѣдовательно, 150 кибитокъ обойдутся съ доставкою въ 27,750 рублей.

Вмѣстѣ съ кибитками будетъ командировано изъ Оренбурга въ Кишиневъ потребное количество нижнихъ чиновъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ постановки этого рода переносныхъ жилищъ.

Каждая кибитка должна имѣть въ окружности восемь погонныхъ саженей и вѣсить 18 пудовъ. На обозную повозку свободно укладываются двѣ кибитки.

Въ подобныхъ жилищахъ можно съ полною безопасностію раскладывать костеръ, отъ котораго дымъ уходитъ въ такъ называемый *тюндюкъ*, т.-е. въ отверстіе, имѣющееся въ вѣршинѣ кибитки. Во время пребыванія войскъ на эмбенскомъ посту, въ кибиткахъ ставились желѣзныя печи. Въ жаркую погоду открываютъ все тотъ же тюндюкъ и приподнимаютъ войлокъ, закрывающій низъ кибитки.

20-го февраля въ засѣданіи Общества военныхъ врачей въ Кишиневѣ была окончательно одобрена членами-врачами программа, выработанная особою коммисіею, для собиранія матеріаловъ къ предполагающемуся медико-топографическому описанію Бессарабіи и всей той мѣстности, на которой въ настояще время расположена дѣйствующая армія.

Мысль о собираніи медико-топографическихъ свѣдѣній по Бессарабіи предложена была военно-медицинскимъ инспекторомъ въ одно изъ засѣданій, и съ полнымъ сочувствіемъ при-

нята врачами какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомствъ. Докторъ Приселковъ, предлагая этотъ проектъ, руководствовался тѣмъ, что, во 1-хъ, никогда еще въ Бессарабіи не было сгруппировано столько медицинскихъ силъ, разбросанныхъ, согласно съ дизлокаціею войскъ, по всему ея пространству, и съ полною готовностію являющихся на помощь медикамъ гражданскаго вѣдомства въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ для медико-топографическаго описанія страны; во 2-хъ, свѣдѣнія эти имѣютъ вообще высокую важность въ томъ смыслѣ, что на будущее время они будутъ служить какъ точныя и опытныя указанія гигіенѣ войскъ въ краѣ, гдѣ, вѣроятно, не разъ еще придется русской арміи сосредоточиваться въ большихъ силахъ, и наконецъ, въ 3-хъ, предлагая свой проектъ врачамъ военнымъ, докторъ Приселковъ высказался о полной невозможности разработать данный предметъ однѣми лишь медицинскими силами гражданскаго вѣдомства, какъ по недостатку врачей, такъ и вслѣдствіе чрезвычайно обширныхъ и сложныхъ ихъ обязанностей по требованіямъ земства и вообще губернской администраціи.

Эти медико-топографическія работы начинаются теперь же, для чего каждому изъ врачей бессарабской арміи разсылаются печатные бланки, на которыхъ поставлены самые ясные и краткіе вопросы, по смыслу требованій вышесказанной программы.

Хирургическая статистика военно-врачебныхъ учрежденій дѣйствующей арміи съ ноября 1876 года можетъ представить весьма важные результаты и дать поучительныя доказательства того, что своевременныя и цѣлесообразныя распоряженія военно-медицинской администраціи, по отношенію къ гигіенической обстановкѣ заболѣвшихъ, могутъ въ хирургическихъ отдѣленіяхъ госпиталей не только довести губительныя осложненія травматическихъ поврежденій и болѣзни ранъ до ничтожной цифры, но даже совершенно предупредить самую возможность ихъ появленія.

Въ мирное время въ хирургическихъ отдѣленіяхъ госпиталей замѣтную цифру составляютъ разной степени и значенія ушибы, раны, переломы, вывихи и растяженія суставовъ, неразлучные съ разными непредвидимыми случайностями при отправленіи военныхъ упражненій, а еще чаще внѣ послѣд-

нихъ, по неосторожности. При благопріятной обстановкѣ больнаго и раціональной дѣятельности хирурга, эти заболѣванія обыкновенно и почти всегда оканчиваются выздоровленіемъ.

Со времени мобилизаціи арміи, больные съ названными травматическими поврежденіями, начиная отъ самыхъ незначительныхъ, встрѣчаются въ хирургическихъ отдѣленіяхъ военно-временныхъ госпиталей, и причины этихъ заболѣваній являются тѣ же самыя, о которыхъ упомянуто выше, а преимущественно собственная непредусмотрительность и неосторожность. Полковые врачи усердно ратуютъ именно противъ этихъ неосторожностей. Стоитъ прослѣдить за суточною жизнію солдата, за его привычками по отношенію къ обстановкѣ въ казармахъ, къ пищѣ, одеждѣ, обуви, движеніямъ при военныхъ упражненіяхъ и внѣ ихъ, чтобы убѣдиться на сколько, благодаря своевременнымъ распоряженіямъ и замѣчаніямъ военныхъ врачей, предупреждаются всякія простуды, поморожения, разстройства пищеваренія и разныя травматическія поврежденія. Эта дѣятельность, на первый взглядъ мелочная, кропотливая и незамѣтная, даетъ однако очень замѣтныя послѣдствія, которыя становятся все виднѣе.

Со времени мобилизаціи войскъ, полевая военно-медицинская администрація строго слѣдитъ за случайными, даже незначительными травматическими поврежденіями и, по изслѣдованіи причинъ подобныхъ случайностей, принимаетъ мѣры противъ возможности повторенія такихъ явленій. Говоря объ общихъ предупредительныхъ мѣрахъ къ улучшенію обстановки хирургическихъ отдѣленій, слѣдуетъ отмѣтить весьма важное распоряженіе главнаго военно-медицинскаго управленія — о снабженіи арміи безусловно чистыми и свѣжими предметами для перевязокъ новаго образца: ватою, марли и проч. Отсутствіе въ госпиталяхъ компрессовъ, корпіи и бинтовъ изъ залежавшагося поношеннаго бѣлья и принятіе для перевязокъ новаго матеріала уже замѣтно сказалось во врачебныхъ учрежденіяхъ дѣйствующей арміи на чистомъ и хорошемъ видѣ заживающихъ поврежденій.

Трудолюбивая и толково подготовленная дѣятельность врачей хирургическихъ отдѣленій, въ связи съ хорошею гигіеническою обстановкою и раціональнымъ снабженіемъ госпиталей всѣмъ необходимымъ, выразилась въ означенныхъ отдѣленіяхъ

не только совершеннымъ отсутствіемъ осложненія поврежденій тяжелыми формами воспаленій, рожею, гангреной и септическимъ зараженіемъ, но и всеобщимъ скорымъ выздоровленіемъ, почти при совершенномъ отсутствіи случаевъ смерти. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1876 года изъ 362 больныхъ, находившихся въ хирургическихъ отдѣленіяхъ госпиталей, умеръ только одинъ (отъ внутренняго страданія), что по отношенію къ арміи составляетъ $^{1}/_{1800}$%. Въ послѣдующіе мѣсяцы, по отзыву главнаго полеваго хирурга доктора Кадацкаго, есть основаніе предполагать, что эта цифра едвали еще не уменьшилась. Для примѣра хорошей обстановки больнаго во врачебномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ, приводимъ одинъ случай тяжкаго, осложненнаго перелома голени, происшедшаго отъ собственной неосторожности потерпѣвшаго. Больной находился въ Кишиневскомъ лазаретѣ мѣстнаго батальона (ординаторъ докторъ Духновскій), куда поступилъ 24-го ноября прошлаго года съ переломомъ обѣихъ костей голени, съ раздробленіемъ ихъ на мѣстѣ перелома, омертвеніемъ кожи и значительнымъ ушибомъ мышцъ. Сколь тяжело должно было быть поврежденіе, можно судить изъ того, что черезъ ногу, лежавшую на ровной мерзлой землѣ, переѣхала телѣга, нагруженная шестидесятипудовою тяжестію. Не смотря на то, что ушибленная кожа отслоилась и открыла полость, въ которой виднѣлись многіе отломки кости, не смотря и на силу травматической реакціи, сращеніе все-таки послѣдовало при совершенно правильномъ, неукороченномъ состояніи конечности. Въ концѣ февраля мѣсяца больной уже могъ вполнѣ владѣть ногою.

Самые серьезные хирургическіе случаи встрѣчались большею частію въ Кишиневѣ, гдѣ главный хирургъ арміи лично слѣдитъ за ходомъ болѣзней этого рода. Но при хорошей обстановкѣ больныхъ и всеобщемъ ихъ выздоровленіи, хирургическая практика пока еще рѣдко доходила здѣсь до тяжелыхъ операцій; самъ главный хирургъ имѣлъ изъ таковыхъ пока только немногіе серьезные случаи операцій, а именно: вырѣзываніе камня изъ мочеваго пузыря у одного донскаго казака въ Кишиневскомъ мѣстномъ лазаретѣ; другой случай—вырѣзываніе саркоматозной опухоли, занимавшей лѣвую глазницу верхней челюсти и сидѣвшей далѣе на костяхъ основанія че-

репа, и третій случай—операція на шеѣ, при опухоли, душившей больнаго (въ военно-времепномъ госпиталѣ № 60).

Случаи переломовъ костей конечностей встрѣчаются въ госпиталѣ № 60, у доктора Выводцева, и въ Кишиневскомъ лазаретѣ мѣстнаго батальона, у д. Духновскаго, но, по отзыву главнаго хирурга, съ прекрасными, правильными срощеніями и совершеннымъ владѣніемъ конечностями. Это относится, конечно, къ умѣлому наложенію хирургами гипсовыхъ повязокъ.

Въ заключеніе можно прибавить, что въ Кишиневскомъ лазаретѣ мѣстнаго батальона еще съ начала зимы полевые хирурги въ свободное время, и помимо занятій въ госпиталяхъ, провѣряли при главномъ хирургѣ арміи разные методы и усовершенствованія въ наложеніи гипсовыхъ повязокъ и практиковались въ подробностяхъ техники военно-полевой хирургіи.

V

Гулевые полки

Гура-Галбина. — Назначеніе гулевыхъ полковъ. — Составъ сводной казачьей дивизіи. — Ея форма и вооруженіе. — Сотенные значки. — Терско-Горскій полкъ.—Кавказскіе добровольцы. — Особенности Терско-Горскаго полка. — Духъ его всадниковъ. — Горская медицина и медикаменты. — Продовольствіе. — Пѣніе и танцы. — Стоянка. — Куначество между гулевыми полками.

Кишиневъ, 1-го марта.

Въ сорокà съ небольшимъ верстахъ къ юго-западу отъ Кишинева, въ пологой и неглубокой котловинѣ залегаетъ небольшое мѣстечко Гура-Галбина, чтò по-молдавански значитъ *желтая пасть*. Мѣстечко это бѣдное и ровно ничѣмъ не отличается отъ множества подобныхъ ему бессарабскихъ селеній. Возвышенности его окружающія совершенно голы, пустынны и словно траншеями изборождены глубокими водомоинами. На одной изъ прилегающихъ горъ, уже внѣ селенія, торчитъ мельница-вѣтрянка, безъ крыльевъ, на другой, противуположной — одиноко

бѣлѣетъ церковь съ провалившеюся крышею, построенная нѣкогда изъ глино-соломенныхъ необжигаемыхъ кирпичей, въ молдаванскомъ стилѣ, который не отличается ни особымъ изяществомъ, ни особенною характерностію, приближаясь скорѣе всего къ романскому типу самой простѣйшей формы.

Въ настоящее время въ Гура-Галбинѣ помѣщается штабъ сводной казачьей дивизіи, или *«гулевыхъ* полковъ», по чрезвычайно мѣткому выраженію генералъ-лейтенанта Д. И. Скобелева, ихъ дивизьоннаго начальника. Кромѣ штаба, тутъ же расквартированъ еще и Терско-Горскій конно-иррегулярный полкъ, составленный исключительно изъ кавказскихъ уроженцевъ, ингушей и осетинъ. Этотъ полкъ самъ по себѣ представляетъ весьма оригинальное, ярко-характерное и совсѣмъ новое явленіе въ рядахъ *европейской* русской арміи, гдѣ кавказскіе полки появляются еще впервые со времени своего существованія. Въ случаѣ войны, это будетъ не безъинтересный фактъ въ русской военной исторіи. Во всякомъ случаѣ, Горскій полкъ заслуживаетъ, чтобы поговорить о немъ подробнѣе. Но предварительно необходимо сообщить нѣсколько данныхъ вообще о назначеніи «гулевыхъ» полковъ и о составѣ сводной казачьей дивизіи.

Уже самое слово «гулевой» указываетъ на назначеніе, предстоящее этимъ частямъ войскъ въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Онѣ первыя, быть можетъ, вступятъ на территорію противника; имъ же, весьма вѣроятно, предстоитъ и первая съ нимъ встрѣча. Онѣ будутъ нести сторожевую и партизанскую службу, впереди и по сторонамъ своей арміи, а также по флангамъ и въ тылу арміи непріятельской, такъ сказать, *гулять* по непріятельскому краю. Онѣ не входятъ въ составъ какой-либо крупной тактической единицы, не связаны административно и тактически съ какимъ-либо корпусомъ, какъ дивизіи регулярной кавалеріи, а составляютъ совершенно самостоятельную часть, состоящую при дѣйствующей арміи; поэтому и военныя ихъ дѣйствія будутъ носить преимущественно самостоятельный характеръ. Кромѣ разныхъ спеціально-военныхъ назначеній, которыя могутъ встрѣтиться имъ на томъ или другомъ изъ пунктовъ театра войны, гулевыя сотни, будучи партизанскими по преимуществу, должны будутъ служить для своей арміи зоркимъ, недремлющимъ глазомъ и чуткимъ ухомъ. Онѣ дол-

жны на всякій день и часъ быть непрестанною грозою противника, наводить на него смятеніе внезапнымъ появленіемъ тамъ, гдѣ ихъ и не чаютъ, и, лихо исполнивъ свое дѣло, исчезать столь же быстро и, для противника, невѣдомо куда, какъ было быстро и невѣдомо самое ихъ появленіе предъ его глазами. Вся сила гулевыхъ частей должна заключаться преимущественно въ нравственномъ вліяніи на противника, въ томъ, чтобы онъ боялся одного уже имени «гулевыхъ», какъ нѣкогда боялись французы донскихъ казаковъ, не дававшихъ имъ ни минуты покоя. «Гулевые» между прочимъ должны являться грозными мстителями за каждое новое звѣрство надъ христіанами и быть надежною опорою этихъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи назначеніе ихъ будетъ исполнено блистательнымъ образомъ, если они достигнутъ того, что противникъ—и при томъ не тотъ лишь, что входитъ въ составъ регулярной арміи, а и тотъ, который составляетъ мѣстное мусульманское населеніе—проникнется полнымъ убѣжденіемъ, что ни одно его звѣрство, ни одинъ возмутительный поступокъ надъ безоружною райею не пройдетъ ему впредь безнаказанно.

Таково-то въ общихъ чертахъ назначеніе нашей сводной казачьей дивизіи, въ составъ которой входятъ слѣдующія части: 1) полкъ Кубанскій (именно 2-й кубанскій) шестисотеннаго состава, собранный изъ кубанскихъ линейныхъ казаковъ; командиръ — подполковникъ Кухаренко; 2) полкъ донской казачій № 30-го, въ шестисотенномъ составѣ; командиръ—полковникъ Орловъ; 3) полкъ Владикавказскій терскаго казачьяго войска; составъ четырехсотенный; командиръ—полковникъ Левизъ-офъ-Менаръ; 4) полкъ Терско-Горскій, конно-иррегулярный, четырехсотеннаго состава; командиръ — полковникъ Панкратовъ; 5) конно-горная донская № 1-го батарея; шесть орудій трехфунтоваго калибра; командиръ—войсковой старшина Костинъ.

Вся дивизія, за исключеніемъ донскихъ частей, одѣта въ однообразныя форменныя черкески чернаго цвѣта. Полкъ отъ полка отличается цвѣтомъ бешметовъ, погонъ, суконныхъ верхушекъ на бараньихъ папахахъ и «газырей», т.-е. гарусныхъ патронныхъ затычекъ къ наперснымъ патронникамъ. Такимъ образомъ въ Кубанскомъ полку всѣ эти принадлежности краснаго цвѣта, во Владикавказскомъ — синяго и въ Терско-Горскомъ—бѣлаго, но при свѣтлосинихъ погонахъ. Всѣ эти полки

носятъ бурки и башлыки, которые у терско-горцевъ тоже бѣлые, что чрезвычайно красиво, да и вообще весьма красива, ловка и удобна вся своеобразная форма этихъ трехъ полковъ, богатая серебромъ, съ кавказскою чернью и золотыми насѣчками, которое блеститъ и сверкаетъ на оружіи, на поясахъ, на металлическомъ оружейномъ наборѣ и на галунныхъ позументахъ. Сотенный составъ казачьихъ полковъ достаточно извѣстенъ; въ Терско-Горскомъ же полку сотня состоитъ, кромѣ сотеннаго командира и офицеровъ, изъ 120-ти всадниковъ, двухъ юнкеровъ, четырехъ урядниковъ и одного трубача; въ этотъ же разсчетъ входитъ и одинъ юнкеръ—знаменосецъ. Каждая сотня въ полкахъ сводной казачьей дивизіи имѣетъ свой особый значекъ, служащій для нея какъ бы сотеннымъ знаменемъ и возимый во фронтѣ. Такимъ образомъ, каждый всадникъ, посланный ли съ отдѣльнымъ порученіемъ куда-либо въ сторону, или послѣ аттаки, во время которой иррегулярныя части обыкновенно широко разметываются по полю, можетъ по цвѣту и формѣ сотеннаго значка еще издали отличить легко и удобно свою сотню. Подобные же значки предполагается присвоить также и регулярнымъ частямъ на время похода и боеваго дѣла и возить ихъ за старшими начальниками частей. Условный цвѣтъ и форма значка опредѣляютъ строевую должность начальника. Такіе значки, какъ предполагаютъ, должны представлять въ бою значительное удобство какъ для сбора самихъ частей, для указанія направленія какому-либо движенію, такъ и въ особенности для ординарцевъ и адъютантовъ.

Полковые штабы сводной казачьей дивизіи расположены въ окрестностяхъ Гура-Галбины, такъ что въ два часа времени всѣ полки могутъ уже быть на сборномъ пунктѣ.

Терско-Горскій четырехсотенный полкъ дѣлится на два дивизьона; въ первомъ дивизьонѣ служатъ исключительно осетины, а во второмъ — ингуши. Между первыми есть 170 человѣкъ христіанъ, вторые же исключительно магометанскаго вѣроисповѣданія; всѣ они жители Терской области, владикавказскаго и осетинскаго округовъ (бывшій «центръ» нашей военно-кавказской «линіи»). Весь этотъ полкъ составленъ исключительно изъ добровольцевъ, и когда его формировали, то къ завѣдывавшему формированіемъ полковнику Панкратову являлись охотники цѣлыми аулами, цѣлыми волостями, прося

принять ихъ на службу. Эти добродушные люди очень огорчались тѣмъ, что зачѣмъ-де формируютъ только одинъ полкъ, зачѣмъ ихъ берутъ такъ мало, когда джигитовъ хватитъ у нихъ на десять такихъ полковъ. И дѣйствительно, случись только въ нихъ надобность, они всѣ явятся на призывъ съ величайшею готовностію. Когда осенью прошлаго года въ одной изъ газетъ появились статьи, обвиняющія ингушей въ какихъ-то измѣнническихъ намѣреніяхъ, то туземцы владикавказскаго округа, возмущенные этимъ обвиненіемъ до глубины души, прислали къ окружному начальнику депутацію изъ пятидесяти старѣйшинъ, которые горячо протестовали передъ нимъ противъ несправедливаго газетнаго извѣта и усердно просили, чтобы имъ позволили на свой счетъ сформировать изъ себя полкъ, дабы не на словахъ, а на дѣлѣ убѣдительно доказать ихъ вѣрность и преданность «Справедливому Царю» и Россіи. Когда формированіе Терско-Горскаго полка было окончено, то особая депутація отъ осетинъ и ингушей обратилась къ командующему войсками Терской области, генералъ-адъютанту Свистунову, съ просьбою исходатайствовать о назначеніи къ нимъ въ полкъ командиромъ ихъ окружнаго начальника полковника Панкратова. Ходатайство это было уважено. Весь полкъ собранъ былъ въ десять дней. 9-го ноября генералъ-адъютантъ Свистуновъ, возвратясь изъ Тифлиса, передалъ приказъ о призывѣ на службу осетинъ и ингушей, а 21-го числа того же мѣсяца было уже донесено, что полкъ сформированъ и вполнѣ готовъ къ выступленію. Каждый всадникъ явился по призыву на собственной лошади, обмундированный и одѣтый на свой счетъ. Теперь они получаютъ отъ казны содержаніе: каждый рядовой — по десяти рублей въ мѣсяцъ жалованья, фуражъ и пищу натурою, при чемъ вмѣсто непривычнаго для нихъ ржанаго хлѣба отпускается пшеничный; кромѣ того, всѣмъ имъ розданы казенныя берданки казачьяго образца, взамѣнъ ихъ собственныхъ кремневыхъ ружей. Между осетинами находятся въ первомъ дивизьонѣ 60 *алдаровъ*, то-есть мѣстныхъ дворянъ, изъ которыхъ есть люди весьма зажиточные и даже богатые, какъ напр. Ходарцовъ, имѣющій шесть тысячъ въ годъ дохода, и большая часть этихъ алдаровъ добровольно служитъ рядовыми всадниками. Вообще, между горскими добровольцами стоятъ

въ рядахъ и отцы съ сыновьями, и дяди съ племянниками, и по нѣскольку родныхъ братьевъ. Между офицерами найдется, пожалуй, нѣсколько неграмотныхъ, но за то всѣ они съ практическаго навыка прекрасно знаютъ свое дѣло, всѣ они украшены тремя-четырьмя серебряными и золотыми знаками военнаго ордена и почтенными боевыми шрамами на лицѣ и на тѣлѣ; есть между ними и люди съ отрубленными въ бою пальцами, а все-таки служатъ по доброй охотѣ и снова рвутся въ бой. Всѣ офицеры—превосходные стрѣлки и умоляютъ дать и имъ тоже берданки. На 25 человѣкъ офицеровъ въ Терско-Горскомъ полку, за исключеніемъ полковаго командира, только двое русскихъ, *адъютантъ* и *казначей*, на которыхъ и лежатъ всѣ административно-письменныя обязанности. Впрочемъ, въ дивизьонной канцеляріи, которая вся состоитъ только изъ четырехъ писарей (по одному отъ каждаго полка), находится для переписки одинъ молодой осетинъ, окончившій курсъ въ своей аульной школѣ и замѣчательно красиво и правильно пишущій порусски. По его словамъ, между туземцами, и особенно въ средѣ молодежи, въ послѣдніе годы, благодаря школамъ, русская грамота дѣлаетъ большіе успѣхи. Первоначально было назначено въ полкъ только 14 офицеровъ, преимущественно изъ тѣхъ, что помоложе, повыносливѣе и поразвитѣе. Но этимъ серьезно огорчились и даже обидились офицеры-старики, рубаки былаго кавказскаго времени, входившіе въ составъ той депутаціи, которая предлагала сформировать изъ себя полкъ въ доказательство своей вѣрности Русскому Престолу. Хотя между этими стариками есть и шестидесятилѣтніе люди, но они не хотѣли отстать отъ своей молодежи и усерднѣйше просили разрѣшить и имъ тоже стать въ ряды, какъ старымъ, опытнымъ бойцамъ, дабы служить для молодежи добрымъ примѣромъ боевой лихости и походной выносливости. По особому ходатайству генералъ-адъютанта Свистунова, было разрѣшено принять ихъ на службу, и такимъ образомъ въ Терско-Горскомъ полку очутилось 25 человѣкъ офицеровъ, совершенно счастливыхъ своимъ «почетнымъ» назначеніемъ.

Командныя слова въ Терско-Горскомъ полку произносятся порусски; но всадники на привѣтствіе начальника: «здорово ребята» отвѣчаютъ: «берекéтъ-берсéнъ»! Это, въ сущности,

исковерканныя въ произношеніи турецкія слова, которыя выражаютъ собою благодарность старшему лицу за его привѣтъ. Сигналы у терско-горцевъ обще-кавалерійскіе. Полкъ охотно учится въ строю, и теперь уже съѣзженъ на столько, что различныя ломки фронта, построенія и эволюціи сомкнутыми частями продѣлываетъ весьма порядочно.

Каждый дивизьонъ имѣетъ свое особое знамя, вывозимое въ строй со всѣми почестями, присвоенными знаменамъ и штандартамъ по уставу. У осетинъ знамя небесно-голубаго цвѣта, а у ингушей—алое; оба на чрезвычайно высокихъ древкахъ, аршинъ до пяти, и очень тяжелыя. Хотя, по уставу, конному полку присвоивается нынѣ только одинъ штандартъ, но дѣло въ томъ, что и осетины и ингуши еще ранѣе имѣли свои собственныя знамена, пожалованныя имъ за вѣрную службу покойнымъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Оба племени настолько гордятся каждое своимъ знаменемъ, что ни то, ни другое ни за что не хотѣли уступить въ этомъ отношеніи первенства другъ другу. Составили депутацію и послали ее просить, чтобы обоимъ племенамъ было позволено служить каждому подъ своимъ знаменемъ. Прошеніе это разрѣшено въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, и такимъ образомъ каждый дивизьонъ Терско-Горскаго полка выѣзжаетъ въ строй съ особымъ знаменемъ. По поводу этихъ знаменъ въ Гура-Галбинѣ разсказываютъ одинъ случай, который какъ нельзя лучше характеризуетъ духъ и воинскія убѣжденія горцевъ. На одномъ изъ первыхъ строевыхъ ученій, въ присутствіи генералъ-лейтенанта Скобелева, оба дивизьона были пущены карьеромъ въ примѣрную аттаку. По уставу, во время аттаки штандарты съ ассистентами не мчатся наряду съ фронтомъ, а остаются позади его и слѣдуютъ за нимъ отдѣльно, умѣреннымъ аллюромъ, которымъ, по окончаніи аттаки, и входятъ въ свое мѣсто. Это уставное постановленіе было, конечно, примѣнено и въ данномъ случаѣ. Горцы, для которыхъ оно оказалось совершенною новостію, крайне были озадачены и удивлены, не видя во время аттаки своихъ знаменъ предъ собою. Но еще болѣе смутились этимъ сами знаменосцы и ихъ ассистенты. По окончаніи ученія они рѣшились подойти къ своему командиру за разъясненіемъ, всегда ли это такъ будетъ, что они станутъ оставаться позади прочихъ? На отвѣтъ полковника—что непремѣнно всегда, потому что такъ положено

по уставу—эти добряки съ глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ возразили, что «нѣтъ, бачка-полковникъ, такъ нельзя. Мы такіе же джигиты, какъ и другіе, мы тоже хотимъ быть впереди, чтобы всѣ остальные насъ видѣли; на то мы и знаменщики! И повѣрь ты намъ, мы не отдадимъ нашихъ знаменъ, пока хоть одинъ изъ насъ останется въ живыхъ. Ну, а перебьютъ всѣхъ до одного, тогда Божья воля; пусть у мертвыхъ и знамена берутъ».

Совершенно подъ стать этому случаю, есть и еще одинъ эпизодъ не менѣе характерный. На смотру начальника дивизіи одинъ взводъ Терско-Горскаго полка оставленъ былъ позади фронта, въ прикрытіе полковаго обоза, который, къ слову сказать, весь состоитъ у нихъ изъ кавказскихъ двухколесныхъ арбъ. Вдругъ этотъ взводъ цѣликомъ прискакалъ къ полковнику Панкратову.

— Вы зачѣмъ? Кто васъ требовалъ? изумился полковникъ.

— Виноваты, бачка! Мы затѣмъ, что намъ очень уже обидно, и мы хотимъ знать, всегда ли насъ будутъ въ обозъ ссылать? Потому что если всегда, и только насъ однихъ, то это намъ такая обида, что хуже всякаго позора!.. Развѣ мы хуже другихъ джигитовъ?.. И за что же всѣ прочіе надъ нами смѣяться будутъ?!..

Успокоились только тогда, когда получили увѣреніе, что караулъ къ обозу каждый разъ будетъ назначаться по новой очереди.

Сколько можно судить въ настоящее время, воинскій духъ у этихъ людей прекрасный. По свидѣтельству офицеровъ, они «рвутся къ бою». Какъ сказано было выше, оба племени цѣлыми волостями являлись къ полковнику Панкратову, прося ихъ всѣхъ принять на службу. Когда же имъ было разъяснено, что такая жертва пока еще не вызывается необходимостію, то выборные отъ обоихъ племенъ отправились къ представителю высшей власти и заявили ему приблизительно слѣдующее: «богачи наши всѣ на коняхъ и всѣ почти пошли теперь на призывъ доброю охотою. Мы—люди бѣдные и простые, не можемъ жертвовать деньгами, и, если нельзя насъ всѣхъ поголовно принять на службу, то мы все-таки не желаемъ отставать отъ другихъ, хотимъ жертвовать чѣмъ можемъ, и потому предлагаемъ для нуждъ арміи столько подводъ, сколько силъ и средствъ нашихъ хватитъ».

На походѣ, во время слѣдованія къ Кишиневу, было получено предписаніе сдать въ бендерскій арсеналъ старыя кремневыя ружья, взамѣнъ которыхъ горцамъ имѣютъ быть розданы берданки. Горецъ обыкновенно не любитъ разставаться со *своимъ* оружіемъ, но тутъ это было исполнено охотно, потому что еще у себя дома они наслышались о «дивныхъ свойствахъ» скорострѣлокъ. Однако присылка оружія въ Гура-Галбину послѣдовала не такъ скоро, какъ того хотѣлось бы нетерпѣливымъ горцамъ и они пріуныли; но наконецъ предъ великимъ постомъ прибылъ столь жадно ожидаемый транспортъ. И надо было видѣть эту живую, дѣтски-наивную радость горцевъ, когда приступили къ раздачѣ имъ берданокъ. Они по этому поводу устроили у себя цѣлый праздникъ, танцовали свой особенный танецъ «кипена́», гдѣ плясуны смыкаются, обнявшись, въ плотный кругъ, другіе становятся къ нимъ на плечи, а къ этимъ, въ свою очередь, взбираются третьи и строятъ такимъ образомъ плавно кружащуюся въ тактъ пирамиду. Старики чуть не съ благоговѣніемъ принимали берданки изъ рукъ командировъ, какъ бы нѣчто священное и завѣтное; они любовались на свое новое оружіе и даже цѣловали его. Одни пѣшкомъ, другіе на коняхъ намѣчали себѣ извѣстное разстояніе и пробовали, сколько разъ на бѣгу или на карьерѣ успѣютъ примѣрно зарядить, прицѣлиться и спустить курокъ, пока достигнутъ до намѣченнаго пункта. Это былъ общій праздникъ, общая радость.

У магометанъ въ Терско-Горскомъ полку есть свой мулла, который однако выѣзжаетъ въ строй и вообще несетъ всю службу наряду со всѣми всадниками. Онъ же служитъ имъ и за медика, вмѣстѣ съ другимъ всадникомъ, его помощникомъ. Горцы, отправляясь въ походъ, нарочно захватили съ собою этихъ двухъ своихъ собственныхъ медиковъ, искусство которыхъ уже неоднократно было испытано ими на дѣлѣ. Хотя въ Терско-Горскомъ полку и имѣется ординарный медицинскій персоналъ, полагаемый по штатамъ, но горцамъ не препятствуютъ лечиться и у своихъ собственныхъ докторовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда характеръ болѣзни не требуетъ спеціальнаго участія дѣйствительнаго врача, и тѣмъ болѣе, что эти азіатскіе медики оказываются весьма искусными въ лече-

ніи нѣкоторыхъ болѣзней. Такъ напримѣръ, они замѣчательно хорошо вылечиваютъ переломы, ушибы, холодныя и огнестрѣльныя раны, никогда не прибѣгая при этомъ къ ампутаціи, потому что умѣютъ отлично предупреждать гангрену. Лечатъ они своими спеціальными способами и средствами, при чемъ весь секретъ счастливаго исхода болѣзни заключается главнѣйшимъ образомъ въ чистомъ, опрятномъ уходѣ за раною и въ умѣньи сдѣлать перевязку. Въ составъ ихъ медицинскихъ средствъ входятъ преимущественно бараній жиръ и припарки изъ бараньихъ внутренностей; но и кромѣ того существуютъ у нихъ всякіе разноцвѣтные пластыри, мази, травы и вообще свои спеціальные секреты. Весь способъ леченія ранъ ограничивается наружными средствами, при чемъ въ смыслѣ необходимѣйшаго условія является то, чтобы больному отнюдь не давать спать. Для этого къ раненому собираются поочередно его друзья, пріятели и знакомцы и принимаются развлекать его безъ перерыва пѣснями и плясками; а чуть станетъ долить его сонъ, они начинаютъ усердно барабанить во что̀ попало и изо̀ всей силы колотить въ мѣдные котелки и тазы. Азіатскіе медики запрещаютъ раненому спать, во избѣжаніе приливовъ крови къ головѣ, и только впослѣдствіи, когда счастливый исходъ болѣзни уже не подлежитъ сомнѣнію, разрѣшаютъ они паціенту пользоваться сномъ, сначала на короткое время, а потомъ постепенно все болѣе и болѣе, строго сообразуясь однако съ ходомъ выздоровленія. Каждый зажиточный горецъ, узнавъ, что такой-то «кунакъ» его раненъ, спѣшитъ послать ему въ даръ цѣлаго барана на вырѣзку припарокъ и на угощеніе пѣвцовъ и плясуновъ. Таковъ ужъ обычай.

Выше было сказано, что горцы получаютъ пшеничный хлѣбъ вмѣсто ржанаго. Въ Одессѣ, въ особой пекарнѣ, на случай похода приготовляются для нихъ изъ пшеничной муки очень пріятныя на видъ и на вкусъ галетты, которыя, въ сушеномъ состояніи, по̀ отзыву самихъ потребителей, несравненно вкуснѣе ихъ кавказскаго чурека. Наиболѣе любимую и лакомую пищу горцевъ составляютъ три блюда: *чихиртма*, похлебка изъ курицы, подбиваемая яичными желтками съ приправою изъ лимона; *шашлыкъ*, на который употребляется молодой барашекъ цѣликомъ и жарится на вертелѣ, и нако-

нецъ рисовый *пловъ* изъ жирной курицы, приправленный кишмишемъ и курагой (сушеный абрикосъ) или черносливомъ. Вообще, ѣдятъ они отлично и—надо отдать справедливость—очень вкусно. Нѣкоторые изъ болѣе достаточныхъ христіанъ захватили съ собою на чужбину и запасъ кахетинскаго въ бурдючкахъ, очень удобныхъ для похода.

Какъ ингуши, такъ и осетины—народъ чрезвычайно добродушный, даже во многомъ дѣтски наивный, честный и веселый. Тѣ и другіе очень любятъ пѣніе и пляску, которыя у нихъ весьма своеобразны. Поютъ обыкновенно хоромъ, но такъ, что хоръ служитъ чѣмъ-то въ родѣ акомпанимента. Теноры, баритоны и басы обыкновенно тянутъ въ унисонъ нѣсколько тактовъ какую-нибудь ноту, за тѣмъ мѣняютъ ее на другую, на третью и къ окончанію строфы возвращаются къ нотѣ первоначальной. Звукъ, издаваемый ими при этомъ, есть просто А, произносимое протяжно. И вотъ, на этомъ-то хоральномъ фонѣ одинъ наиболѣе искусный пѣвецъ выводитъ голосомъ, часто переходящимъ въ высокій фальцетъ, разные азіатскіе завитки, узоры и арабески, сопровождая все это, конечно, словами стиховъ и очень выразительными мимикою и жестикуляціею. Въ общемъ такое пѣніе, при всей своей оригинальности, быть можетъ и странной для европейскаго уха, выходитъ очень не дурно.

Пляски у нихъ довольно разнообразны, но всѣ происходятъ хороводнымъ порядкомъ, т. е. въ кругу, въ которомъ танцуетъ одинъ или пара, либо же сообща весь кругъ принимается за пляску. Къ первымъ относятся *лезгинка* и *кавка*, а ко вторымъ *вульки*, *кипенà* и *симйтъ-симгé*. Въ лезгинкѣ и кавкѣ весь хороводъ, за исключеніемъ пляшущей пары, все время остается неподвижно въ кругѣ и мѣрно бьетъ въ ладоши, то учащая, то замедляя темпъ, сообразно ходу пляски. Въ серединѣ круга иногда помѣщается барабанъ, сдѣланный изъ простаго лукошка, на которомъ выколачиваетъ тактъ одинъ изъ музыкантовъ, въ то время какъ другой, внѣ круга, наигрываетъ однообразную и весьма небогатую мелодію на осетинской берестяной дудкѣ.

Гура-галбинскіе обыватели очень довольны пока своими постояльцами. Они относятся о горцахъ съ похвалою, свидѣтельствуя, что это народъ смирный, весьма трезвый и честный: ни воровства, ни буйства, ни обидъ или притѣсненій

хозяевамъ за ними не водится. Но горцы жалуются на конокрадовъ — вѣроятнѣе всего цыганъ, — которые успѣли уже увести у нихъ нѣсколько лошадей, что впрочемъ и не мудрено въ здѣшнія темныя ночи, нерѣдко сопровождаемыя бурными мятелями, и тѣмъ болѣе, что эти превосходныя по своимъ боевымъ качествамъ горскія лошади всю зиму проводятъ безъ конюшень, которыхъ здѣсь вовсе не имѣется, и даже безъ навѣсовъ, а просто-себѣ стоятъ приткнувшись къ стогу соломы или камыша, на дворахъ, часто ровно ничѣмъ не огороженныхъ. Вообще гура-галбинскую стоянку далеко нельзя назвать завидною.

Между всѣми полками сводной дивизіи какъ-то съ перваго же разу установился братскій духъ военнаго товарищества, или, какъ они называютъ, *кунычества*. Тутъ нѣтъ и въ поминѣ ни зависти, ни бахвальства одной части передъ другою; полкъ на полкъ смотритъ какъ на своего вѣрнаго кунака, надежную поддержку и братскую помощь въ боевомъ дѣлѣ. Донской № 30-го полкъ нѣсколько позже другихъ назначенъ былъ въ составъ «гулевой» дивизіи и пришелъ къ мѣсту своего новаго назначенія предъ самою масляницею. На послѣднемъ своемъ переходѣ донцы сдѣлали привалъ въ селеніи Чимишли, гдѣ стоятъ кубанцы. Эти послѣдніе тотчасъ же сами, безъ всякихъ внушеній съ чьей бы то ни было стороны, «покуначились» съ донцами, разобрали ихъ по своимъ квартирамъ и, въ силу кавказскаго обычая, отдали имъ весь свой обѣдъ и винную порцію,—однимъ словомъ, угостили на славу, за что донцы, проголодавшіеся въ сухомятку, остались имъ очень благодарны и на второй недѣлѣ поста, пригласивъ къ себѣ въ гости кубанцевъ послѣ бригаднаго ученья, отблагодарили ихъ подобнымъ же угощеніемъ. Духъ такого добраго согласія и военнаго братства, безъ сомнѣнія, служитъ залогомъ доблестной боевой дѣятельности нашихъ «гулевыхъ» полковъ и сотенъ.

VI

Военная жизнь въ Кишиневѣ

Возвращенiе Великаго Князя изъ поѣздки по войскамъ. — Тревога. — Быстрота и порядокъ сбора. — Смотръ Главнокомандующаго. — Возбужденное состоянiе общества въ Кишиневѣ. — Опасенiя послѣдствiй разоруженiя. — Мнѣнiя, господствующiя въ обществѣ. — Колебанiя политическаго барометра. — Причины недовольства. — Признаки близости войны. — Ожиданiе прiѣзда Государя Императора. — Общественная и частная жизнь офицеровъ въ Кишиневѣ. — Разочарованiе шуллеровъ. — Городской клубъ и обѣды въ его столовой. — Отношенiя офицерства къ мѣстному обществу.

Кишиневъ, 1-го апрѣля.

19-го марта, въ 5¼ час. пополудни возвратился въ Кишиневъ Его Высочество Главнокомандующiй, въ сопровожденiи Герцога Евгенiя Максимилiановича Лейхтенбергскаго, съ начальникомъ штаба и свитою, послѣ двѣнадцатидневнаго путешествiя, совершоннаго для осмотра войскъ дѣйствующей армiи. На станцiи Великiй Князь былъ встрѣченъ всѣми начальствующими лицами, наличными офицерами и чинами штаба; находящiяся въ Кишиневѣ войска стояли шпалерами по Каушанской улицѣ; у дворца былъ поставленъ почетный караулъ. Погода стояла отвратительная, но не смотря на это, Каушанская улица на всемъ ея протяженiи и бульваръ предъ домомъ Его Высочества все болѣе и болѣе наполнялись публикою. Встрѣча со стороны войскъ и народа была радостная, потому что въ этотъ день и войска, и кишиневская публика впервые увидѣли Великаго Князя послѣ выздоровленiя отъ тяжелой и продолжительной болѣзни. Почувствовавъ облегченiе, Его Высочество еще 25-го января переѣхалъ съ небольшою, ближайшею своею свитою въ Одессу, для пользованiя теплыми морскими ваннами, и уже изъ сего послѣдняго города, не заѣзжая въ Кишиневъ, отправился въ путешествiе для осмотра войскъ, расположенныхъ вдоль желѣзно-дорожныхъ линiй.

22-го марта Великiй Князь Главнокомандующiй, въ началѣ втораго часа пополудни, выѣхалъ на обыкновенную свою

прогулку, въ открытой колясқѣ. Подъѣхавъ къ городской гауптвахтѣ, Его Высочество приказалъ барабанщику ударить тревогу, которая и была отъ него принята всѣми частями войскъ, расположенныхъ въ самомъ Кишиневѣ. На сколько тревога эта была неожиданна для войскъ, можно судить уже изъ того, что даже самыя ближайшія къ Главнокомандующему лица не были предупреждены о ней заранѣе. Тѣмъ не менѣе, едва ли прошло пять минутъ послѣ того, какъ раздалась первая дробь барабана, а терскіе и кубанскіе казаки уже мчались отдѣльными группами къ сборному пункту и живо выстраивались на Каушанской улицѣ, противъ дома, занимаемаго Великимъ Княземъ. Отсюда, впрочемъ, конвойный дивизьонъ, по распоряженію Главнокомандующаго, былъ переведенъ на Московскую улицу, къ городскому саду, гдѣ и назначенъ былъ общій сборный пунктъ для всего кишиневскаго гарнизона. Пока городъ во всѣхъ концахъ своихъ оглашался звуками тревоги, Его Высочество отъ городской гауптвахты проѣхалъ къ бывшимъ гусарскимъ казармамъ, гдѣ нынѣ квартируетъ часть летучаго отряда, составленнаго изъ командъ гвардейскаго экипажа, гвардейскихъ саперъ, гальванеровъ и команды черноморскагѣ флота. Всѣ эти части уже были въ сборѣ и спѣшили къ назначенному пункту. Отъ гусарскихъ казармъ Главнокомандующій направился къ Инзовой горѣ, гдѣ расположенъ понтонный № 3-го полубатальонъ, уже запрягавшій лошадей въ свои громоздскіе экипажи, а отсюда Его Высочество прослѣдовалъ на базарную площадь, гдѣ въ ожиданіи Его прибытія собрались уже верхами лица главной квартиры и штаба дѣйствующей арміи. Главнокомандующій, пригласивъ къ себѣ въ коляску начальника штаба, генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, поѣхалъ въ сопровожденіи свиты мимо войскъ, собравшихся на Московской улицѣ менѣе чѣмъ въ полчаса отъ начала тревоги. Здороваясь съ каждою частію, Великій Князь миновалъ голову общей колонны и, остановившись противъ воротъ городскаго собора, вышелъ изъ коляски и приказалъ трубачу подать кавалеріи сигналъ движенія рысью. Мимо Его Высочества прослѣдовали по-взводно кубанскій и терскій эскадроны, за ними донская казачья сотня, а далѣе пошла пѣхота, съ музыкой и барабаннымъ боемъ. Маршъ пѣхоты открывали гвардейскіе саперы, а за

ними остальныя команды летучаго отряда и пѣшій конвой Главнокомандующаго, составленный, въ количествѣ двухъ ротъ, изъ людей отъ разныхъ пѣхотныхъ войскъ арміи. Далѣе слѣдовали 53-й пѣхотный Волынскій и 54-й пѣхотный Минскій полки, мѣстный батальонъ, полубатальонъ Бендерскаго крѣпостнаго полка, 14-я артиллерійская бригада, понтонные полубатальоны № 3-го и № 4-го и наконецъ полные обозы всѣхъ частей войскъ, участвовавшихъ въ тревогѣ. Смотръ окончился къ четыремъ часамъ и Его Высочество остался вполнѣ доволенъ быстротою и отличнымъ порядкомъ, въ какомъ вышли войска, а также ихъ бодрымъ молодецкимъ видомъ, и благодарилъ отдѣльно каждую проходившую мимо Его часть.

И граждане, и военные—всѣ у нась теперь въ весьма возбужденномъ состояніи. Нѣсколько дней тому назадъ все было погружено въ озлобленное уныніе: ожидали, что Лондонскій протоколъ будетъ подписанъ Англіею не иначе, какъ цѣною предварительнаго указа о разоруженіи нашей арміи. Нѣкоторыя экзальтированныя головы уже съ горечію высказывали, что послѣ этого ничего больше не остается, какъ снять военный мундиръ; составилось множество пари—будетъ или не будетъ походъ. Многіе и притомъ весьма солидные люди держатся такого мнѣнія, что если во имя идеи *мира во что бы то ни стало* наша дѣйствующая армія будетъ демобилизирована, то это породитъ въ ея средѣ массу недовольныхъ, причемъ недовольство будетъ возбуждено не вслѣдствіе одного только патріотическаго чувства, загнаннаго во внутрь души и тамъ подавленнаго силою внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, но пищу ему дадутъ и чисто-матеріальныя условія. Каждый казакъ, который, для того чтобы явиться по призыву на службу, быть можетъ, свелъ на базаръ послѣднюю пару воловъ, а жена его послѣ того пошла въ батрачки; каждый призывной солдатъ, оставившій безъ обезпеченія семью или потерявшій выгодное мѣсто гдѣ-нибудь въ городѣ, либо на фабрикѣ — всѣ эти люди, для того чтобы явиться въ ряды, понесли болѣе или менѣе чувствительныя для нихъ потери и лишенія въ чисто-матеріальномъ, насущномъ смыслѣ. И теперь распустить ихъ по домамъ, послѣ почти полугодоваго томительнаго и напряженнаго ожиданія, распустить ни съ чѣмъ—это одно уже (по господствующему здѣсь, почти

общему мнѣнію) способно поселить въ этихъ людяхъ глухое чувство недовольства. Я уже не говорю про офицеровъ, которые тоже терпятъ не мало лишеній, особенно же изъ числа семейныхъ людей, вынужденныхъ столько времени жить, по большей части весьма скудно, на два дома. Прибавьте къ этому и *нравственное* чувство нашей военной интеллигенціи и молодежи, которыя, при весьма высокомъ подъемѣ патріотическаго чувства, смотрятъ на демобилизацію (если таковая произойдетъ), какъ на фактъ постыднаго отступленія Россіи отъ ея историческаго призванія, какъ на признакъ ея государственной немощи.

Таковы-то господствующія здѣсь мнѣнія. Недовольство современнымъ положеніемъ дѣйствительно существуетъ, и даже весьма не малое. Болѣе всего кажутся невыносимыми эти безпрестанныя колебанія политическаго барометра. Повѣрите ли, иногда по два, по три раза на одинъ день приходится людямъ мѣнять свое внутреннее настроеніе: то вдругъ пронесутся слухи о какихъ-нибудь распоряженіяхъ воинственнаго свойства—и все мгновенно оживаетъ, наполняется надеждою испить водицы дунайской, лица проясняются, группы офицеровъ покрываютъ городской бульваръ, ведутъ оживленные разговоры, чуть не поздравляютъ другъ друга съ походомъ; то вдругъ какая-нибудь газета или частное извѣстіе изъ Петербурга принесетъ слухъ миротворительнаго свойства, на подкладкѣ тѣхъ или другихъ дипломатическихъ уступокъ съ нашей стороны,—и вотъ, лица мгновенно вытягиваются, опять наступаетъ уныніе и глухой, озлобленный ропотъ. Но не думайте, чтобы наша армія была заражена духомъ задорнаго шовинизма, подобно французамъ предъ войною 1870 года,—нѣтъ, этого вы у насъ не встрѣтите! Тутъ, въ офицерской фронтовой средѣ, нѣтъ ни самохвальства, ни самонадѣянности, ни кичливо-презрительнаго отношенія къ будущимъ противникамъ. Каждый офицеръ, развѣ за весьма немногими исключеніями, и каждый солдатъ смотритъ вполнѣ серьезно и скромно на предстоящее ему трудное дѣло и съ убѣжденіемъ почитаетъ его за дѣло *святое*; недовольство же наше, которое за послѣднее время проявляется — увы! слишкомъ часто, имѣетъ своимъ источникомъ единственно лишь глубокое патріотическое чувство, которое томится и дрожитъ отъ сомнѣнія, что неужели

Россія отступитъ отъ своего *святаго* дѣла съ ущербомъ для ея достоинства и въ угоду явно враждебной намъ Англіи.

Въ настоящую минуту на нашемъ военномъ горизонтѣ *ясно*. Не знаю, что̀ и какъ будетъ завтра, а можетъ быть даже и сегодня къ вечеру, но дѣло въ томъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, *кажется*, скоро запахнетъ боевымъ порохомъ. Такъ, напримѣръ, летучій отрядъ изъ моряковъ и гвардейскихъ саперовъ выступилъ сегодня ночью въ Бендеры для практическихъ занятій на Днѣстрѣ по погруженію и вылавливанію торпедъ; понтонные парки ушли вчера еще изъ Кишинева на границу; изъ Тирасполя и Бендеръ велѣно передвинуть къ Унгенамъ (пограничный пунктъ) осадные и инженерные парки; въ войскахъ, особенно въ кавалеріи, тоже готовятся къ приближенію къ пограничной линіи; иныя части, какъ говорятъ, уже выступили на новыя квартиры близъ границы; въ главной квартирѣ часто̀ появляются то сербскіе, то румынскіе военные агенты, появлялся и г. Варшавскій, показываются порою г-да Грегръ, Горвицъ, Коганъ и нѣкоторыя другія личности съ предложеніями на интендантскія поставки en grand; съ ними, какъ слышно̀, у начальника полеваго штаба и у главнаго интенданта арміи идутъ серьезные переговоры. Въ главное полевое казначейство уже отправлено изъ Петербурга 50 милліоновъ золотомъ на нужды войскъ и для раздачи жалованья при переходѣ за границу. Говорятъ даже, будто 7-го апрѣля двинемся въ походъ, но.... здѣсь уже не разъ назначали дни выступленія (разумѣется, по слухамъ) и доселѣ все это оказывалось пуфомъ. Позволительно сомнѣваться, какъ бы и на сей разъ *седьмое* не оказалось бы *первымъ* Апрѣля. Но какъ бы то ни было, а военныя приготовленія весьма и весьма уже замѣтны. Чѣмъ-то все это разрѣшится....

Вообще, со времени возвращенія въ Кишиневъ Великаго Князя Главнокомандующаго военная жизнь здѣсь замѣтно оживилась; лица, долго хранившія печать раздумья подъ давленіемъ томительной неизвѣстности, прояснились. Всѣ съ горячимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ пріѣзда Государя и надѣются, что этотъ пріѣздъ принесетъ съ собою слово, возвѣщающее великія событія. Всѣ—или *почти* всѣ—проникнуты серьезнымъ сознаніемъ своей задачи и не скрываютъ отъ себя трудностей

предстоящаго дѣла, но потому-то еще болѣе проникаются глубокимъ убѣжденіемъ, что дѣло это необходимо потребуетъ отъ нихъ большихъ усилій и самопожертвованія и что оно во что бы то ни стало должно быть доведено до конца соотвѣтственно чести и достоинству Россіи, соотвѣтственно упованіямъ христіанъ Балканскаго полуострова. Здѣсь, въ офицерской фронтовой средѣ, люди скромно и серьезно заняты каждый своимъ служебнымъ дѣломъ, и каждый проникнутъ чувствомъ военнаго братства, взаимной поддержки и, такъ-сказать, военной круговой поруки. Общественная и частная жизнь офицеровъ точно также не выходитъ изъ самыхъ скромныхъ рамокъ. Здѣсь вовсе не слышно о кутежахъ или буйныхъ приключеніяхъ, не льется шампанское, какъ бывало во время оно, и окончательно не существуетъ азартной игры. Шуллера, понаѣхавшіе сюда съ разныхъ концовъ Россіи и даже изъ-за границы, въ надеждѣ на богатую золотую жатву, жестоко обманулись въ своихъ разсчетахъ, и уже многіе уѣхали изъ Кишинева восвояси, унося въ душѣ чувство самаго горькаго разочарованія въ нашихъ офицерахъ. Военное общество, довольно многочисленное въ Кишиневѣ, ежедневно сходится преимущественно въ городскомъ клубѣ, который любезно предоставилъ ему безплатный входъ и пользованіе столомъ. Обѣдъ изъ трехъ блюдъ стоитъ здѣсь 50 копѣекъ. Бутылка пива, или скромная полубутылка мѣстнаго вина—вотъ и вся роскошь, какою позволяетъ себѣ приправить свой столъ большинство нашего офицерства. Отношенія къ мѣстному обществу съ первыхъ же дней установились самыя дружелюбныя, каковыя продолжаютъ оставаться и по сю пору, и можно быть увѣреннымъ, что кишиневцы не помянутъ лихомъ своихъ временныхъ гостей. До сихъ поръ не выходило никакихъ непріятностей и недоразумѣній ни въ служебныхъ, ни въ общественныхъ, ни въ частныхъ отношеніяхъ между военнымъ и мѣстнымъ гражданскимъ элементами, да можно надѣяться, что такъ пойдетъ и до конца. Вообще эта серьезность отношенія къ дѣлу и скромная сдержанность, составляя наиболѣе выдающіяся нравственныя черты чиновъ дѣйствующей арміи, служатъ, по мнѣнію многихъ почтенныхъ боевыхъ ветерановъ былыхъ временъ, добрымъ залогомъ того, что эта армія честно и стойко исполнитъ до конца предстоящій ей вскорѣ долгъ.

Госуд ственная

Всѣ разговоры, всѣ помыслы и заботы военно-служащихъ лицъ направлены теперь на несомнѣнную близость похода за границу. Всѣ готовы къ этому событію, но... все-таки, съ невольно-тоскливымъ чувствомъ сомнѣваются порою — суждено ли ему осуществиться...

VII

Наканунѣ войны

Результаты осмотра войскъ Главнокомандующимъ и осмотра военно-врачебныхъ учрежденій полевымъ инспекторомъ госпиталей и военно-медицинскимъ инспекторомъ. — Формы санитарной отчетности. — Мясное довольствіе на походъ и порціонный скотъ.—Водоносныя фляги.—Пожертвованіе изъ Вятской губерніи.— Смотръ военно-временнаго № 65 госпиталя и контрольный осмотръ таковаго же госпиталя № 60.

Кишиневъ, 5-го апрѣля.

По возвращеніи изъ двѣнадцати-дневнаго путешествія, предпринятаго для осмотра нѣкоторыхъ воинскихъ частей, Великій Князь Главнокомандующій отдалъ приказъ по дѣйствующей арміи, отъ 26-го марта, за № 20, гдѣ, между прочимъ, говорится:

«Всѣ осмотрѣнныя Мною части Я нашелъ въ блестящемъ состояніи: въ пѣхотѣ — люди имѣли здоровый, бодрый, молодецкій видъ и вполнѣ строевую выправку; всѣ движенія отличались стройностію и смѣлостію шага; строевыя ученья были исполнены отлично, съ твердымъ знаніемъ всѣми чинами своего дѣла и съ замѣчательнымъ вниманіемъ; матеріальная часть въ полномъ порядкѣ: лошади въ обозахъ и по сорту, и по содержанію прекрасны. Въ кавалеріи какъ регулярной, такъ и казачьей люди имѣли тоже здоровый, бодрый и молодецкій видъ, правильно сидѣли верхомъ, хорошо управляли лошадьми и лихо скакали; лошади очень хороши въ тѣлахъ и хорошо выѣзжены; всѣ движенія и полковыя ученья исполнялись съ замѣчательною стройностію и съ полнымъ знаніемъ всѣми своего дѣла. Въ артиллеріи—матеріальная часть въ полномъ порядкѣ, лошади хороши и сыты. Исключеніе представляютъ донскія казачьи № 2 и № 4-го батареи, которыя были найдены

Мною не въ должномъ порядкѣ. Всѣ дивизьонные лазареты, артиллерійскіе парки, оба отдѣленія интендантскаго транспорта и обозъ полеваго штаба—въ отличномъ порядкѣ.

«Подобное прекрасное состояніе всѣхъ осмотрѣнныхъ Мною частей свидѣтельствуетъ Мнѣ, что всѣ начальствующія лица отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ своему дѣлу и приложили все стараніе, чтобы довести ввѣренныя имъ части до возможно-лучшаго состоянія. Я увѣренъ, что и впредь заботливость ихъ не ослабѣетъ, и что, когда, по волѣ Монарха, Я поведу войска на поле брани, то они оправдаютъ высокое довѣріе Государя Императора и съ честію поддержатъ славу русскаго оружія».

За тѣмъ Его Высочество выражаетъ свою сердечную признательность всѣмъ начальствующимъ лицамъ, а нижнимъ чинамъ «спасибо».

Второй приказъ Главнокомандующаго, отъ того же 26-го марта, за № 21, относится до состоянія санитарной части дѣйствующей арміи, которое, какъ и прежде, представляется, можно смѣло сказать, въ блистательномъ видѣ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого приказа:

«Начальникъ штаба арміи доложилъ Мнѣ, что инспекторомъ госпиталей, генералъ-маіоромъ Коссинскимъ, и военно-медицинскимъ инспекторомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Приселковымъ, въ теченіи послѣднихъ шести недѣль какъ лично, такъ и чрезъ посредство чиновниковъ особыхъ порученій произведенъ подробный осмотръ постоянныхъ и военно-временныхъ госпиталей, открытыхъ въ районѣ дѣйствующей арміи. Кромѣ того, провѣрены практическія знанія ротъ носильщиковъ и осмотрѣны обозы подвижныхъ лазаретовъ: 5, 9, 14, 31, 32 и 33-й пѣхотныхъ дивизій. Подвижные лазареты 11 и 12-й пѣхотныхъ дивизій осмотрѣны корпусными врачами тѣхъ корпусовъ, въ которыхъ они состоятъ (за тѣмъ слѣдуетъ перечень одиннадцати осмотрѣнныхъ госпиталей съ ихъ отдѣленіями).

«Во всѣхъ упомянутыхъ госпиталяхъ, благодаря распорядительности инспектора госпиталей и госпитальныхъ комитетовъ, сдѣланы необходимыя хозяйственныя приспособленія, устроены вентиляція комнатъ, временныя аптечныя лабора-

ріи, цейхгаузы и другія принадлежности госпитальнаго хозяйства.

«При осмотрѣ заведеній военно-медицинскимъ инспекторомъ и медицинскими чиновниками вездѣ найденъ должный порядокъ. Возникавшія въ первое время недоразумѣнія осматривавшіе старались по возможности устранить на мѣстѣ.

«Обративъ особенное вниманіе на врачебную сторону дѣла и содержаніе больныхъ, инспекторъ и командированныя имъ для осмотра госпиталей лица нашли вездѣ безукоризненный, заботливый уходъ, отличную пищу и правильное, согласное съ современнымъ состояніемъ науки леченіе болѣзней.

«Инспекторъ свидѣтельствуетъ въ особенности о трудахъ молодыхъ врачей, изъ которыхъ многіе подъ руководствомъ опытныхъ главныхъ врачей съ перваго вступленія на службу показали себя полезными дѣятелями.

«Осмотръ постоянныхъ бендерскаго и тираспольскаго госпиталей произведенъ былъ неоднократно, и они находимы были всегда въ отличномъ состояніи.

«Осмотръ подвижныхъ лазаретовъ показалъ, что состоящія при нихъ роты носильщиковъ болѣе или менѣе приготовлены къ предстоящей имъ дѣятельности. Люди подъ руководствомъ нарочно для этого назначенныхъ врачей изучаютъ подачу перваго пособія раненымъ на полѣ сраженія, переноску ихъ на носилкахъ въ санитарныя линейки, выгрузку раненыхъ изъ экипажей, и тому подобные пріемы. Нѣкоторыя команды доведены до большаго совершенства. Въ этомъ отношеніи отличаются въ особенности носильщики 5, 9 и 14-й пѣхотныхъ дивизій.

«При этомъ остается однако же желать, чтобы въ дивизьонныхъ лазаретахъ обращено было большее вниманіе на выѣздку лошадей, которыя должны быть пріучены даже къ пушечнымъ выстрѣламъ. Въ противномъ случаѣ санитарныя линейки не будутъ соотвѣтствовать своей цѣли на полѣ сраженія.

«Независимо отъ упомянутыхъ осмотровъ военно-врачебныхъ заведеній арміи, Я лично посѣтилъ военно-временный № 61 госпиталь въ Елисаветградѣ, осмотрѣлъ обозъ его и посѣтилъ постоянный госпиталь въ Бендерахъ, а также осмотрѣлъ подвижной лазаретъ 9-й пѣхотной дивизіи, и поручилъ состоящему при Мнѣ лейбъ-хирургу, дѣйствительному статскому со-

вѣтнику Обермиллеру, осмотрѣть постоянный и военно-временный № 59 госпитали въ Тираснолѣ. Эти осмотры убѣдили Меня еще болѣе въ дѣйствительно-отличномъ состояніи означенныхъ врачебныхъ заведеній.

«Между вновь открытыми военно-временными врачебными заведеніями и военными и гражданскими властями до сихъ поръ не замѣчено, какъ Мнѣ доложено, никакихъ сколько-нибудь важныхъ недоразумѣній или разногласій. Напротивъ, на первыхъ же порахъ многіе начальники войскъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами помогали госпиталямъ въ перевозкѣ вещей и больныхъ, а также и въ другихъ надобностяхъ. Повидимому, съ самаго начала между госпиталями и войсками завязались тѣ полезныя для дѣла отношенія, которыя не могутъ не влiять самымъ благотворнымъ образомъ на ходъ военно-санитарнаго дѣла.

«Мнѣ тоже извѣстно, что врачи дѣйствующей арміи, желая по возможности употреблять свободное отъ служебныхъ занятій время въ тѣхъ городахъ, гдѣ они сгруппированы, составили періодическія медицинскія совѣщанія, на которыхъ обсуждаются вопросы по преимуществу изъ сферы дѣятельности военнаго врача, какъ хирурга и гигіениста; въ послѣднее же время общими силами приступлено къ собиранію матеріаловъ для предполагаемаго медико-топографическаго описанія края, занимаемаго нынѣ дѣйствующею арміею.

«Все это показываетъ, что съ самаго начала мобилизаціи арміи врачи самымъ добросовѣстнымъ образомъ отнеслись къ своимъ текущимъ и въ случаѣ войны предстоящимъ обязанностямъ, а это обстоятельство въ свою очередь должно имѣть самыя благопріятныя послѣдствія на санитарный бытъ войскъ.

«Точно такое же усердіе къ исполненію своихъ обязанностей оказываютъ и госпитальные чины хозяйственнаго разряда.

«Усматривая изъ представляемой Мнѣ отчетности, что, не смотря на исключительное положеніе арміи, въ ней до сихъ поръ число заболѣваній умѣренно, Я не могу не цѣнить тѣхъ трудовъ и той своевременной заботливости, которыя по вопросу сохраненія здоровья нижнихъ чиновъ видны во всемъ какъ со стороны начальниковъ частей, такъ и со стороны чиновъ военно-медицинскаго вѣдомства. Хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи въ сравненіи съ другими нѣсколько большее

число заболѣвающихъ, но это, по Моему мнѣнію, слѣдуетъ отнести къ причинамъ чисто мѣстнымъ.

«Поэтому считаю для Себя пріятною обязанностью за постоянныя и очевидно успѣшныя заботы по охраненію здоровья нижнихъ чиновъ выразить Мою искреннюю благодарность всѣмъ начальникамъ частей и всѣмъ военно-медицинскимъ чинамъ дѣйствующей арміи, а также всѣмъ чинамъ по хозяйственной части госпиталей за заботы ихъ по призрѣнію больныхъ».

Какъ на вполнѣ цѣлесообразное нововведеніе на случай войны, слѣдуетъ указать на новыя формы санитарной отчетности, утвержденныя Военнымъ Совѣтомъ 15-го декабря минувшаго года. Эти формы составляютъ слѣдующія четыре подраздѣленія: a) *санитарная книжка*, b) *офицерская книга перевязочнаго пункта*, c) *журналъ перевязочнаго пункта* и d) *полковой журналъ*.

Каждый заболѣвающій или раненый, при поступленіи для леченія въ военно-врачебное учрежденіе (будетъ ли это перевязочный пунктъ, подвижной дивизьонный лазаретъ, военно-временный или постоянный госпиталь), будетъ снабжаемъ особою *санитарною книжкою*, которая остается при немъ до полнаго выздоровленія, или исключенія въ неспособные, или до его смерти. Въ случаѣ перевода изъ одного учрежденія въ другое, вмѣстѣ съ больнымъ или раненымъ должна препровождаться и его санитарная книжка. Всѣ подобныя книжки выздоравливающихъ, увольняемыхъ въ отпуски, исключаемыхъ въ неспособные, а также и умирающихъ, въ продолженіи кампаніи должны быть препровождаемы, по мѣрѣ выбыванія больныхъ и раненыхъ изъ врачебныхъ учрежденій, въ полевое военно-медицинское управленіе, какъ матеріалъ для текущей отчетности по санитарной части дѣйствующей арміи. Въ то же самое управленіе равно должны быть доставлены, по окончаніи кампаніи, санитарныя книжки и всѣхъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые еще будутъ находиться во врачебныхъ заведеніяхъ, съ надлежащею о томъ отмѣткою въ книжкахъ. Снабженіе санитарною книжкою будетъ производиться врачами, при отправленіи нижняго чина во врачебное заведеніе. Если же отправленіе это по чему-либо послѣдуетъ безъ врача, то обязанность снабженія санитарною книжкою будетъ лежать на начальствѣ полка или команды, и въ этихъ случаяхъ книжка замѣняетъ

собою полковой билетъ. Порядокъ же производства письменныхъ отмѣтокъ указанъ въ правилахъ, напечатанныхъ въ самой санитарной книжкѣ.

На каждомъ перевязочномъ пунктѣ будетъ находиться такъ называемая *«офицерская книга перевязочнаго пункта»*, съ печатными графами для записыванія, по особо изданной формѣ, раненій офицеровъ и съ точнымъ обозначеніемъ свѣдѣній о лицѣ потерпѣвшемъ раненіе и о полученной имъ ранѣ или ушибѣ. Каждый листъ этой книги надрѣзанъ по срединѣ поперегъ; свѣдѣнія же по вопросамъ въ соотвѣтствующихъ графахъ вписываются вдвойнѣ, въ обѣихъ половинахъ листа. По вписаніи свѣдѣній въ графахъ, нижній полулистъ занумеровывается тѣмъ же нумеромъ, какой выставленъ на верхнемъ полулистѣ, скрѣпляется подписью врача, отрѣзывается изъ книги и выдается на руки раненому офицеру. Этотъ послѣдній полулистъ носитъ названіе «Свидѣтельства перевязочнаго пункта» и долженъ впослѣдствіи служить документомъ для внесенія раненія въ послужной списокъ офицера на пріобрѣтеніе чрезъ то узаконенныхъ преимуществъ, смотря по послѣдствіямъ раны или ушиба. «Офицерскія книги перевязочныхъ пунктовъ» по окончаніи кампаніи должны быть представляемы въ полевой штабъ арміи.

Независимо отъ «офицерской книги», на каждомъ перевязочномъ пунктѣ ведется еще особый *«Журналъ перевязочнаго пункта»*, куда, соотвѣтственно графамъ, будутъ вписываться нумеръ по порядку, мѣсяцъ, число, имя, фамилія, названіе полка или команды, свойство раны или ушиба, оказанная помощь и мѣсто, куда раненый отправленъ. Журналъ этотъ предназначенъ для записыванія раненій и ушибовъ всѣхъ вообще, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, поступающихъ на перевязочный пунктъ.

Наконецъ, въ *«полковой журналъ»*, соотвѣтственно его графамъ, будутъ вписываться: нумеръ по порядку, мѣсяцъ, число, какой губерніи, лѣта отъ роду, званіе или сословіе и занятіе до службы, время поступленія на службу, условія службы, званіе по службѣ, когда, гдѣ и чѣмъ заболѣлъ и куда отправленъ. Въ этотъ журналъ записываются точно также всѣ вообще заболѣвающіе офицеры и нижніе воинскіе чины. Хотя веденіе журнала, какъ «перевязочнаго пункта», такъ и «пол-

коваго» лежитъ на обязанности врачей, но ближайшіе военные начальники должны наблюдать за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ врачами этого дѣла.

Если же въ какой-либо командѣ не будетъ врача, то «полковой журналъ» можетъ быть веденъ фельдшеромъ, подъ наблюденіемъ командира части. «Журналъ перевязочнаго пункта» за подписью врачей, дѣйствовавшихъ на этомъ пунктѣ, передается по командѣ, для отправленія его въ полевое военно-медицинское управленіе; журналъ же полковой хранится при полкахъ и командахъ до востребованія.

Всѣ эти четыре формы санитарной отчетности, по разсчету полеваго военно-медицинскаго инспектора, будутъ переданы госпиталямъ, дивизьоннымъ лазаретамъ и войскамъ, для чего Великій Князь Главнокомандующій уже предложилъ корпуснымъ командирамъ, походному атаману иррегулярныхъ войскъ, начальнику артиллеріи, начальникамъ 4-й стрѣлковой и 3-й саперной бригадъ, инспектору госпиталей и полевому интенданту, по полученіи увѣдомленія отъ полеваго военно-медицинскаго управленія, немедленно прислать въ оное пріемщиковъ за принятіемъ надлежащаго количества экземпляровъ формъ новой санитарной отчетности.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ по продовольственной части, должно указать на приказъ Главнокомандующаго, отъ 30-го марта, за № 22. Если воспослѣдуетъ Высочайшее повелѣніе о движеніи дѣйствующей арміи за границу, то заготовленіе необходимаго порціоннаго скота будетъ возложено на собственное попеченіе войскъ. Эта мѣра признана наиболѣе полезною и цѣлесообразною въ томъ смыслѣ, чтобы люди, по возможности, никогда не оставались безъ мясной пищи, а въ то же время она значительно усилитъ, по переходѣ за границу, перевозочныя средства каждой части войскъ и значительно облегчитъ для нихъ пріобрѣтеніе мяса на порціи. Согласно повелѣнію Великаго Князя, войска, при вступленіи на румынскую территорію, должны имѣть при себѣ слѣдующее количество воловъ: въ каждомъ пѣхотномъ полку по восьми паръ, въ передовомъ артиллерійскомъ запасѣ четыре пары, въ каждомъ кавалерійскомъ полку, саперномъ и стрѣлковомъ батальонахъ по двѣ пары, въ артиллерійскихъ батареяхъ и другихъ, не поименованныхъ выше частяхъ—по одной парѣ. На

первоначальное пріобрѣтеніе этихъ воловъ будутъ теперь же отпущены въ каждую часть войска деньги, въ примѣрномъ количествѣ, по 60 рублей на каждую пару воловъ, но самая покупка должна быть произведена войсками не прежде какъ по полученіи приказа о выступленіи арміи за границу; тѣмъ же войскамъ, которыя будутъ слѣдовать по заграничнымъ желѣзнымъ дорогамъ—только по прибытіи на оконечные пункты этихъ дорогъ. Цѣны на покупку воловъ утверждаются не менѣе какъ на мѣсяцъ для каждаго корпуса или отряда въ районѣ данной мѣстности; но корпуснымъ и отряднымъ командирамъ предоставляется, вслѣдствіе особо уважительныхъ причинъ, провѣрять утвержденныя цѣны, и затѣмъ, сообразно съ полученными свѣдѣніями, уменьшать или увеличивать таковыя. Цѣны будутъ утверждаемы на мѣстныхъ быковъ *перваго сорта*, при чемъ командирами же корпусовъ и отрядовъ долженъ быть утверждаемъ и вѣсъ *чистаго мяса*, безъ снятія жира, безъ голеней, башекъ, сердецъ, потроховъ, зарѣзовъ и хвостовъ. Утвержденный вѣсъ, который долженъ быть *не менѣе 10 пудовъ*, принимается войсками въ основаніе при расходѣ скота на порціи и при требованіи денегъ на покупку воловъ, по числу порцій, получаемыхъ изъ каждаго вола. По мѣрѣ израсходованія заведеннаго скота на порціи, войска, на отпускаемыя ежемѣсячно деньги, обязаны пріобрѣтать новыхъ воловъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы отнюдь не могло встрѣчаться ни малѣйшей остановки въ довольствіи нижнихъ чиновъ мясомъ; сѣно же на прокормленіе воловъ (по 30 фунтовъ въ сутки на каждаго) должны требовать лишь на вышеопредѣленное число ихъ. Но въ случаѣ, если бы встрѣтились какія-либо затрудненія въ покупкѣ воловъ и вообще для доставленія солдатамъ разнообразной пищи, разрѣшается на тѣ же деньги и по разсчету выше утвержденнаго вѣса пріобрѣтать и обращать на порціи, взамѣнъ воловъ—барановъ. Шкуры, рога и прочее съ убитыхъ воловъ предоставляются въ пользу войскъ, а въ случаѣ убыли скота отъ падежа или захвата непріятелемъ, разрѣшено, взамѣнъ ихъ, покупать новыхъ, до положенной нормы.

Кромѣ того, Главнокомандующій приказалъ завести теперь же во всей дѣйствующей арміи, на экономическія средства войскъ, небольшія стеклянныя водоносныя фляги, по числу

людей, состоящихъ въ частяхъ, для того чтобы каждый солдатъ въ походѣ могъ имѣть при себѣ постоянно такую флягу, наполненною водою. Для этихъ сосудовъ не установлено никакого форменнаго образца, но поставлено лишь въ непремѣнное условіе, чтобы они были обшиты сукномъ и приспособлены къ ноской ихъ во время похода. Почти одновременно съ этимъ распоряженіемъ послѣдовало и другое о томъ, чтобы войска, въ виду похода въ знойные дни, озаботились завести у себя гимнастическія рубахи.

Въ заключеніе представляется не лишнимъ сообщить одинъ, хотя и незначительный, но очень трогательный фактъ, весьма характерно рисующій отношеніе простаго русскаго народа къ дѣлу предстоящей намъ борьбы: 2-го апрѣля въ полевомъ штабѣ дѣйствующей арміи была получена посылка, при особомъ письмѣ, отъ прихожанъ Спасо-Куменскаго прихода, Вятской губерніи. Прежде всего обратила на себя вниманіе слѣдующая надпись на конвертѣ: «Бессарабской области, въ городъ Кишиневъ, въ контору Главнокомандующаго дѣйствующею арміею». По вскрытіи конверта, въ немъ оказалось письмо, въ которомъ было сказано:

«Въ утѣшеніе страждущимъ братіямъ нашимъ христолюбивымъ солдатикамъ отъ искренняго усердія всеподданнѣйше подносится:

а) Свѣтлорадостный Ликъ Всѣхъ Царицы Владычицы.

б) Дюжина нагрудниковъ.

в) Шесть пучковъ корпіи и бинтовъ, и

г) Шесть рублей».

Посылка эта, вмѣстѣ съ письмомъ, доставлена была генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ 4-го апрѣля во дворецъ Главнокомандующаго, и Его Высочество принялъ это скромное приношеніе съ особымъ вниманіемъ, какъ трогательный знакъ сердечно-теплаго отношенія безвѣстныхъ русскихъ людей къ русскому солдату. Образъ Богоматери Великій Князь приказалъ поставить въ своей походной церкви, а прочія приношенія переданы въ управленіе госпиталей, о чемъ къ жертвователямъ послано особое увѣдомленіе.

6-го апрѣля, въ 11 часовъ утра, Великій Князь сдѣлалъ смотръ военно-временному № 65-го госпиталю, съ его обозомъ. При госпиталѣ состоитъ: врачей и фармацевтовъ 15 че-

ловѣкъ, 4 оберъ-офицера, смотритель и 3 коммисара, а изъ гражданскихъ чиновниковъ — бухгалтеръ и письмоводитель, полный комплектъ военныхъ фельдшеровъ и 303 человѣка госпитальной прислуги. Весь персоналъ служащихъ имѣетъ на лѣвомъ рукавѣ повязку «Краснаго Креста». Обозъ состоитъ изъ 24 фургоновъ и трехъ аптечныхъ платформъ, раздѣленныхъ на три отдѣленія, по восьми фургоновъ и одной аптечной платформѣ въ каждомъ. Госпиталь этотъ, отправляющійся на границу, вполнѣ снабженъ всѣмъ необходимымъ; упряжныя лошади въ отличномъ тѣлѣ, прекрасно содержаны, люди имѣютъ бодрый, молодцоватый и веселый видъ. Его Высочеству были представлены военнымъ инспекторомъ госпиталей: госпитальный священникъ и весь персоналъ служащихъ—врачей, офицеровъ и чиновъ. Для каждаго изъ нихъ у Великаго Князя нашлось по милостивому и доброму слову, каждаго удостоилъ онъ своимъ вниманіемъ и благодарилъ вообще весь персоналъ служащихъ, пожелавъ имъ счастливаго пути и успѣшной дѣятельности въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій.

На дняхъ генералъ-контролеръ со всѣмъ его персоналомъ производилъ самый подробный осмотръ, фактическій и документальный, расположеннаго въ Кишиневѣ военно-временнаго № 60-го госпиталя, при чемъ не найдено никакихъ упущеній: все въ образцовомъ порядкѣ, во всѣхъ частяхъ встрѣчено полное усердіе и честное отношеніе къ дѣлу, о чемъ генералъ-контролеръ и доложилъ Его Высочеству Главнокомандующему.

VIII

ТЕЛЕГРАММЫ

въ газету «Правительственный Вѣстникъ».

Кишиневъ, 8-го апрѣля.

Сегодня въ одиннадцать часовъ утра Главнокомандующій принималъ черногорскихъ уполномоченныхъ, Божидара Петро-

вича и Станко Радонича, возвращающихся изъ Константинополя, чрезъ Одессу и Вѣну, въ Цетинье. Они приглашены къ обѣденному столу Его Высочества и вечеромъ ѣдутъ далѣе, потому что должны торопиться отъѣздомъ, такъ-какъ Петровичъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ черногорскихъ силъ и дальнѣйшее пребыванiе его здѣсь замедлило бы на восемь дней открытiе военныхъ дѣйствiй Черногорiи.

Тирасполь, 11-го апрѣля.

Государь Императоръ изволилъ производить вчера два смотра частямъ девятаго корпуса. Въ 9 часовъ утра, въ Жмеринкѣ представлялась 5-я пѣхотная дивизiя, съ ея артиллерiей и обозомъ; по окончанiи смотра, Его Императорское Величество изволилъ собрать къ Себѣ офицеровъ всѣхъ частей и произнести имъ напутственное предъ походомъ слово, а 17-му пѣхотному Архангелогородскому полку, по случаю дня рожденiя его Августѣйшаго Шефа, Великаго Князя Владимiра Александровича, выразилъ увѣренность, что полкъ поддержитъ свою прежнюю боевую славу. Въ 5½ часовъ на станцiи Бирзула представлялись 31-я пѣхотная и 9-я кавалерiйская дивизiи, съ ихъ артиллерiею и обозами; послѣ смотра Государь изволилъ сказать собраннымъ офицерамъ осмотрѣнныхъ частей слѣдующiя слова: «Предъ отправленiемъ вашимъ въ походъ Я хочу васъ напутствовать; если придется вамъ сразиться съ врагомъ—покажите себя въ дѣлѣ молодцами и поддержите старую славу своихъ полковъ. Есть между вами молодыя части, еще не бывавшiя въ огнѣ, но Я надѣюсь, что онѣ не отстанутъ отъ старыхъ и постараются сравниться съ ними въ боевыхъ отличiяхъ. Желаю вамъ возвратиться поскорѣе и со славою. Прощайте, господа!» За тѣмъ, обращаясь къ войскамъ, Государь произнесъ: «Прощайте, ребята!» Отвѣтомъ было громовое, долго не прерывавшееся «ура». Офицерамъ 9-й кавалерiйской дивизiи Его Императорское Величество выразилъ надежду, что полки дивизiи и въ военное время покажутъ себя столь же блистательно, какъ всегда представлялись Ему въ мирные дни. Повсюду величайшiй восторгъ со стороны войскъ и восторженныя встрѣчи народа. Съ наступленiемъ вечера вся дорога иллюминована пылающими кострами. Ночлегъ Государя назначенъ въ Тирасполѣ, гдѣ утромъ будетъ

смотръ, послѣ котораго Его Величество прослѣдуетъ въ Унгены для смотра же, а къ полуночи прибудетъ обратно въ Кишиневъ. Сопровождаютъ Государя Императора Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, Князь Сергѣй Максиміліановичъ Лейхттенбергскій, Министры: Двора, Военный, Путей Сообщенія, Шефъ Жандармовъ и Посолъ константинопольскій Игнатьевъ. Августѣйшій Главнокомандующій арміею, съ генераломъ Непокойчицкимъ, встрѣтили Его Императорское Величество въ Тираснолѣ.

Кишиневъ, 11-го апрѣля.

Въ 9 часовъ утра, въ Тирасполѣ, Его Величество изволилъ смотрѣть части 8-го корпуса, а именно 9-ю пѣхотную дивизію и первую бригаду 32-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллеріею; по окончаніи смотра Государь Императоръ въ Своемъ напутственномъ словѣ, между прочимъ, изволилъ сказать: «Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло, и потому Я медлилъ доколѣ было возможно; Мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для Меня кровь; но разъ что честь Россіи затронута, Я убѣжденъ, Мы всѣ до послѣдняго человѣка съумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія».

Кишиневъ, 12-го апрѣля.

Его Величество Государь Императоръ, вчера въ 5 часовъ пополудни, изволилъ прибыть на станцію Унгены, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ молдавскимъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи румынскаго духовенства, а также депутаціею ясскихъ гражданъ, съ ясскимъ префектомъ во главѣ. Митрополитъ произнесъ слѣдующее привѣтственное слово:

«Ваше Императорское Величество!

«Счастливое прибытіе Ваше на границу Румыніи—страны православной, церковь которой съ древнихъ временъ пользовалась благосклоннымъ покровительствомъ православныхъ Монарховъ, предковъ Вашихъ, Императоровъ могущественной Россійской Имперіи—доставляетъ намъ нынѣ счастливый случай выразить Вашему Императорскому Величеству наше благоговѣніе и принести наше смиренное поздравленіе съ благополучнымъ пріѣздомъ, какъ отъ имени духовенства румын-

ской церкви, такъ равно и отъ имени представителей свѣтскихъ властей, которыя совокупно съ нами предстали съ этою цѣлью предъ Лицо Вашего Императорскаго Величества. Мы глубоко убѣждены, что благосклонное расположеніе къ румынской церкви Вашихъ Царственныхъ Предковъ воодушевляетъ и будетъ воодушевлять также и Васъ, для славы Церкви Христовой и Вашего Императорскаго Величества».

Его Величество отвѣчалъ, что поручая Себя и русское воинство святымъ молитвамъ православнаго духовенства, Онъ надѣется встрѣтить въ румынскомъ народѣ дружественныя чувства.

Смортъ 6-го сапернаго и 3-го желѣзно-дорожнаго батальоновъ, 12-й пѣхотной и 8-й кавалерійской дивизій, съ ихъ артиллеріею, состоялся въ началѣ 6-го часа на пограничномъ полѣ близъ рѣки Прута. Не смотря на самую неблагопріятную погоду, войска представились въ блистательномъ порядкѣ. Смыслъ напутственныхъ словъ Государя Императора былъ таковъ же, какъ и на предшествовавшихъ смотрахъ. Восторгъ войскъ безпредѣленъ, неудержимъ; народъ русскій и румынскій, пришедшій изъ-за Прута, привѣтствовалъ Его Величество съ громкимъ восторгомъ. По окончаніи смотра коляску Государя Императора сопровождала громадная толпа конныхъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, при несмолкаемыхъ кликахъ войска и народа. Выходя изъ экипажа на станціи, Государь, въ послѣдній разъ обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «Храни васъ Богъ! Поддержите честь русскаго оружія».

Въ началѣ двѣнадцатаго часа Его Величество прибылъ въ Кишиневъ и былъ встрѣченъ на станціи городскою депутаціею съ хлѣбомъ-солью. Пребываніе Государя Императора въ губернаторскомъ домѣ. Городъ иллюминованъ. Общій восторгъ народа.

Кишиневъ, 12-го апрѣля.

Его Величество, прибывъ сегодня въ началѣ десятаго часа на поле близъ Кишинева, объѣхалъ войска и за тѣмъ остановился въ виду всего фронта на мѣстѣ, гдѣ былъ приготовленъ аналой и ожидало духовенство въ полномъ облаченіи. Преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, громогласно прочелъ врученный ему манифестъ, объявляющій войну Отто-

манской Портѣ, послѣ чего былъ соборнѣ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Преосвященный сказалъ глубоко прочувствованное напутственное слово и благословилъ Его Высочество Главнокомандующаго иконою Спаса, а войска — иконою Богоматери, въ лицѣ ихъ представителя, свиты генералъ-маіора Драгомирова, какъ начальника 14-й пѣхотной дивизіи, представлявшейся на смотръ и квартировавшей постоянно въ Кишиневѣ. Минута была въ высшей степени торжественная. За тѣмъ войска были пропущены церемоніальнымъ маршемъ, по окончаніи котораго Его Величество, подъѣхавъ къ собраннымъ офицерамъ кавалеріи, пѣхоты, артиллеріи и Собственнаго конвоя, изволилъ обратиться къ нимъ съ напутственными словами и пожеланіями доблестно совершить предстоящее святое дѣло. На смотру впервые участвовали два болгарскіе батальона, сформированные въ Кишиневѣ изъ добровольцевъ, прибывшихъ сюда изъ-за Дуная. Восторгъ войскъ и народа выше описанія. Кавалерія прямо съ плаца двинулась въ походъ за границу.

IX

Объявленіе войны

Государь въ Кишиневѣ. — Привѣтственное слово преосвященнаго Павла. — На Скаковомъ полѣ. — Составъ войскъ на смотру и объѣздъ ихъ Государемъ. — Чтеніе Высочайшаго манифеста — Неожиданность этого событія. — Молебствіе предъ войсками. — Слово преосвященнаго Павла къ Главнокомандующему и войскамъ. — Церемоніальный маршъ. — Дружины болгарскихъ добровольцевъ. — Историческая минута. — Приказъ Главнокомандующаго отъ 12-го апрѣля по войскамъ дѣйствующей арміи и прокламація къ жителямъ Румыніи.

Кишиневъ, 12-го апрѣля.

Пріѣздъ Государя Императора въ Кишиневъ встрѣченъ былъ торжественнымъ звономъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ города. Весь путь отъ станціи до губернаторскаго дома, гдѣ Его Величество изволилъ основать свое пребываніе, былъ иллюминованъ огнями, транспарантами, гирляндами и флагами. На утро, от-

правляясь къ смотру войскъ, собранныхъ на Скаковомъ полѣ, Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Государемъ Цесаревичемъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ изволилъ заѣхать въ городской соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ въ облаченіи, со крестомъ и святою водою, причемъ преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, привѣтствовалъ Его Императорское Величество слѣдующимъ словомъ:

Благочестивѣйшій Государь!

«Одинъ Ты, съ вѣрнымъ Твоимъ народомъ, возлюбилъ попираемые пятою ислама христіанскіе народы не *словомъ* только, или *языкомъ, но дѣломъ и истиною* (Іоан. I, 3, 18). Твой Царственный голосъ во всѣ дни Твоего Царствованія неумолкаемо возвышался на защиту угнетенныхъ. И еще недавно Твое Державное слово стало великимъ дѣломъ любви къ нимъ: оно остановило кровопролитіе и спасло отъ конечной погибели полурастерзанную Сербію. Нынѣ Ты съ Августѣйшимъ Сыномъ-Наслѣдникомъ Твоимъ грядешь къ намъ на рубежъ Царства Русскаго и къ предѣламъ поработителя нашихъ братій по вѣрѣ и крови, грядешь на мѣсто сосредоточенія Твоего христолюбиваго воинства, для новаго, еще болѣе великаго дѣла любви къ порабощеннымъ.... Ты грядешь къ намъ для того, чтобы повелѣть твоимъ войскамъ если не всецѣло сокрушить, то сокрушительно потрясти въ самыхъ основаніяхъ *врата адовы* (Матѳ. XVI, 18), горделиво именующія себя Высокою и Блистательною Портою, и дорогою русскою кровію искупить, огнемъ и желѣзомъ спасти порабощенныхъ отъ жестокаго поработителя, избавить ихъ отъ жизни, исполненной адскихъ мученій, уврачевать ихъ язвы, вдохнуть въ нихъ новую жизнь и даровать имъ человѣческія права.

Благословенъ грядый во имя Господне, Русскій Царь Православный Царь праведный и кроткій, Богомъ хранимый! Царь Царей вѣнчалъ твою любовь къ Россіи неувядаемымъ вѣнцомъ мирной славы, вожделеннымъ успѣхомъ Твоихъ великихъ преобразованій и дѣлъ во благо народа. Царь Царей, явно для всѣхъ хранящій Тебя *яко зѣницу ока* (Пс. XVI, 8), и

сохранившій Тебя, какъ возлюбленнѣйшаго изъ помазанниковъ Своихъ, неприкосновеннымъ (Пс. CIV, 15), и въ опаснѣйшія минуты Твоей жизни, очевидно, для дѣлъ великихъ,— да увѣнчаетъ главу Твою новымъ вѣнцомъ славы, подобнымъ вѣнцу Твоего Августѣйшаго Дяди, Освободителя Европы, Благословеннаго Александра, да увѣнчаетъ Тебя вѣнцомъ Освободителя угнетенныхъ христіанскихъ народовъ! Да поможетъ Онъ Тебѣ совершить во благо ихъ все, что только желаетъ совершить для нихъ Твоя благосердая, любящая душа, и да подастъ Тебѣ радость — многія лѣта, до старости болѣе маститой, чѣмъ маститая старость Августѣйшаго Твоего Дяди и Друга—Императора Вильгельма, утѣшаться счастіемъ облагодѣтельствованныхъ Тобою народовъ и Твоею славою.

Благочестивѣйшій Государь! Жребій войны брошенъ. Какъ Отецъ Отечества, призови благословеніе Божіе и изреки Твое отчее благословеніе на славныя войска Твои, всегда готовыя, по Твоему слову, защищать святое, правое дѣло. Подъ осѣненіемъ небесныхъ и земныхъ благословеній, они, предводимыя своимъ доблестнымъ, безпредѣльно, восторженно любимымъ, тезоименнымъ побѣдѣ Вождемъ, Августѣйшимъ Братомъ Твоимъ—да порадуютъ Тебя своими бранными подвигами и славными побѣдами, какъ доселѣ, конечно, радовали Тебя превосходнымъ воинскимъ духомъ, порядкомъ и благочиніемъ, и въ своемъ побѣдномъ шествіи да прейдутъ и тотъ предѣлъ, до котораго въ началѣ Своего Царствованія дошелъ славный Вашъ Родитель, Императоръ Николай, предписавшій Портѣ миръ въ Адріанополѣ. Отъ блеска подвиговъ и побѣдъ Твоихъ войскъ да померкнетъ Луна, и да возсіяетъ, какъ солнце, Христовъ Крестъ!»

На Скаковомъ полѣ собраны были слѣдующія части войскъ: дивизьонъ Собственнаго Его Величества конвоя, составленный изъ эскадрона кубанскаго и эскадрона терскаго казачьихъ войскъ и командированный со льготы, по волѣ Государя Императора, въ конвой Главнокомандующаго, жандармская команда 8-го корпуса, 7-й саперный батальонъ, 14-я пѣхотная дивизія, два батальона болгарскихъ добровольцевъ, 11-я кавалерійская дивизія, полусотня донскаго казачьяго № 35-го полка, 14-я артиллерійская бригада, 18-я конная и донская № 4-го батареи. Все свободное пространство поля было покрыто

громадными толпами народа и множествомъ экипажей. Погода хмурая и прохладная съ ранняго утра, къ началу смотра совершенно прояснилась, такъ что пріѣздъ Государя Императора, въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, въ сопровожденіи дежурной части конвоя, былъ озаряемъ уже полнымъ блескомъ теплыхъ лучей солнца. Объѣхавъ фронтъ войскъ, выстроенныхъ въ двѣ линіи (кавалерія съ артиллеріею во второй), Его Величество, съ многочисленною свитою изволилъ отъѣхать на средину поля, въ виду всего фронта войскъ и сошелъ съ лошади. При этомъ спѣшились и всѣ остальныя лица свиты. Тогда выступилъ впередъ преосвященный Павелъ въ полномъ епископскомъ облаченіи и вскрылъ врученный ему пакетъ. Войска ударили бой: «на молитву» и по командѣ обнажили головы. Толпы народа сдѣлали тоже. Обратясь лицомъ къ войскамъ, преосвященный во всеуслышаніе, отчетливо и яснымъ голосомъ началъ чтеніе Высочайшаго манифеста по писанному тексту. Торжественныя слова этого государственнаго акта были выслушаны въ благоговѣйномъ молчаніи, которое не прервалось и по окончаніи чтенія. Здѣсь, въ Кишиневѣ, до послѣдней минуты всѣ почему-то были убѣждены, что объявленіе манифеста послѣдуетъ не раньше, какъ спустя еще нѣсколько дней, и не иначе какъ въ Москвѣ, и потому-то неожиданность событія, при столь торжественной исключительной обстановкѣ, произвела на всѣхъ глубокое, сильное впечатлѣніе. Подъ подавляющимъ вліяніемъ высоко-торжественной, всемірно-исторической минуты, благоговѣйно приступлено было къ слушанію молебна. Раздался ликующій хоръ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», послѣ чего троекратно пропѣто было: «Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» Когда въ теченіи службы произнесены были слова: «преклоньше колѣна Господу помолимся», Его Императорское Величество громко произнести изволилъ: «Батальоны, на колѣни!» И по слову Монарха войска Его тихо склонились къ землѣ. Одни лишь знамена высоко виднѣлись надъ ними. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Государынѣ Цесаревнѣ съ Ихъ Августѣйшимъ Сыномъ, Великому Князю Николаю Николаевичу и всему Царствующему Дому, было возглашено таковое же русскому воинству и за-

тѣмъ при пѣніи: «Спаси, Господи, люди Твоя», преосвященный, вышедши впередъ съ напутственнымъ благословеніемъ, на три стороны окропилъ войска св. водою. Его Величество, обратясь къ Августѣйшему Брату Своему, крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ его. Главнокомандующій благоговѣйно и въ трогательномъ волненіи приникъ устами къ рукѣ Монарха.

Предъ торжественнымъ служеніемъ молебна было произнесено преосвященнымъ слѣдующее слово, обращенное къ Главнокомандующему, начальникамъ и войскамъ:

«Вожди и воины христолюбивые!

Благочестивѣйшій Государь нашъ Императоръ призываетъ васъ на великій, святой подвигъ! Вамъ предлежитъ по истинѣ великій и святой подвигъ — положить конецъ тѣмъ невыразимымъ жестокостямъ и неистовствамъ, которыя варваръ-турокъ уже нѣсколько вѣковъ совершаетъ надъ злосчастными братьями нашими христіанами; спасти ихъ жизнь, вѣру, семью, собственность, гражданственность отъ произвола и насилія жестокаго поработителя и дать имъ возможность пользоваться правами человѣческими. Вамъ выпадаетъ великій жребій — и за Дунаемъ и за Балканами водрузить Христовъ Крестъ надъ полумѣсяцемъ, какъ предки наши водрузили Крестъ надъ полумѣсяцемъ въ землѣ Русской, и надъ серпомъ полумѣсяца, пожинающимъ только, какъ колосья, жизни человѣческія, и надъ тлетворною, губительною гражданственностію мусульманскою воздвигнуть древо жизни, знаменіе побѣды надъ смертію—Крестъ, и съ нимъ жизненную, животворную гражданственность христіанскую. На какое великое святое дѣло призываетъ васъ Благочестивѣйшій Государь!

«Мужественно, дерзновенно идите на предлежащій вамъ подвигъ!

«Предлежащій вамъ путь хорошо извѣстенъ русскому воинству: онъ утоптанъ русскою ногою, усѣянъ костями и напоенъ кровію защитниковъ славянъ и враговъ русскаго народа и Христова имени. Повсюду на своемъ пути вы встрѣтите села, города, крѣпости, рѣки, горы и долы, напоминающіе великія русскія имена, доблестные подвиги, славныя побѣды русскихъ вои-

новъ. Кагулъ, Ларга, Рымникъ, Измаилъ, искони родной русскому народу Дунай съ вражескими на немъ твердынями, Балканы, Адріанополь, Константинополь и неисчислимое множество другихъ мѣстностей: все это свидѣтели славныхъ подвиговъ и побѣдъ русскихъ дружинъ, русскихъ войскъ. Предъ вами будутъ возставать, какъ живые, то величавые лики древнихъ князей-витязей русскихъ: Олега, Игоря, Святослава; то величавые образы великихъ царей и царицъ—Великаго Петра, Великой Екатерины, Благословеннаго Александра, доблестнаго Николая; то величавые лики великихъ вождей—Румянцева, Суворова, Кутузова и другихъ, съ ихъ чудо-богатырями. Эти и многіе другіе славные мужи Россіи неоднократно заставляли трепетать Царьградъ-Стамбулъ предъ силою ихъ оружія; прославили своими подвигами, возвеличили Россію, расширили ея предѣлы присоединеніемъ къ ней отъ Турціи обширныхъ и богатыхъ областей. Какія славныя воспоминанія будутъ вдохновлять васъ къ подвигамъ и побѣдамъ!

«На васъ будутъ взирать съ любовію и надеждою дѣлъ славныхъ Царь-Отецъ съ Царицею и Августѣйшимъ Домомъ своимъ и Россія-Мать; на васъ обращены будутъ взоры братій нашихъ — страждущихъ народовъ христіанскихъ, съ чаяніемъ избавленія отъ жестокаго поработителя; на васъ будетъ взирать и съ вами дѣлить труды, подвиги и опасности вашъ любимый, исполненный воинскаго обаянія Августѣйшій Вождь. Какая великая честь и слава совершать свой подвигъ предъ такими свидѣтелями его, когда на васъ устремлено столько и такихъ взоровъ!

«Св. Церковь будетъ молиться за васъ, благословлять васъ, и просить Господа Бога, да поможетъ вамъ оградить Христову вѣру и христіанскую гражданственность среди народовъ, отъ которыхъ мы сами унаслѣдовали и вѣру Христову, и гражданственность христіанскую. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, положившій душу Свою за други Своя, съ любовью будетъ призирать на вашу готовность положить души ваши за други ваша, и благословитъ васъ... Какіе подвиги не будутъ для васъ возможны подъ осѣненіемъ такихъ благословеній!

«Явите же себя достойными своего высокаго призванія и славнаго имени русскаго воина. Молитесь, любите Господа

Бога, Царя, Отечество, ближнихъ, честно подвизайтесь, и вы будете увѣнчаны славою!»

Засимъ, взявъ отъ протоіерея икону и обращаясь къ Его Высочеству Главнокомандующему, преосвященный произнесъ:

«Благовѣрный Государь Архистратигъ воинства русскаго! Въ Твоемъ лицѣ благословляю предводимое Тобою христолюбивое воинство святымъ образомъ Господа Вседержителя. Христосъ да пребудетъ неразлучно съ Вами, защитниками дѣла Христова, и да вѣнчаетъ Ваши подвиги славными побѣдами».

Благословивъ иконою Великаго Князя и взявъ другую, преосвященный обратился къ начальнику 14-й пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генералъ-маіору М. И. Драгомирову, со слѣдующими словами:

«Христолюбивый вождь пребывавшаго въ предѣлахъ нашей области воинства! Благословляю тебя и всѣхъ твоихъ сподвижниковъ святою Гербовецкою иконою Взбранной Воеводы—Царицы Небесной, Покровительницы града и страны нашей; поручаю всѣхъ васъ могущественному покровительству Ея, и молю и буду молить Ее, да ведетъ Она васъ отъ подвига къ подвигу, отъ побѣды къ побѣдѣ.

«Да возвратитъ васъ Господь къ намъ цѣлыми и невредимыми, увѣнчанными лаврами!»

Тихо сѣли всѣ на коней, тихо отъѣхали вслѣдъ за Монархомъ въ сторону, очистивъ мѣсто войскамъ для предстоявшаго церемоніальнаго марша.

Торжественное впечатлѣніе великой минуты все еще не прерывалось, все еще было слишкомъ сильно, для того чтобы нашлось у кого-либо подобающее слово къ выраженію этого чувства въ эти незабвенныя мгновенія.

Раздался трубный звукъ кавалерійскаго «похода»; это Собственный Его Величества конвой, съ наклоненными впередъ винтовками, по-эскадронно, въ развернутомъ фронтѣ, тихо и стройно приближался по линіи церемоніальнаго марша къ мѣсту, гдѣ впереди громадной свиты стоялъ на конѣ Императоръ. Далѣе, за конвоемъ, рокотали барабаны, безъ всякихъ звуковъ музыки: это стройно приближались вольнымъ шагомъ, сверкая щетиною безчисленныхъ штыковъ, боевые, комплектные батальоны пѣхоты, во взводныхъ батальонныхъ колоннахъ. 14-я пѣхотная дивизія давно уже принадлежитъ къ числу са-

мыхъ доблестныхъ боевыхъ нашихъ войскъ, неоднократно покрывавшихъ себя военною славою на поляхъ сраженій. Достаточно напомнить, что съ именемъ перваго ея полка (53-го пѣхотнаго Волынскаго) связано безсмертное имя Севастополя. Эти храбрые, историческіе полки имѣютъ и георгіевскіе знамена, и серебряные трубы, которыя украшаютъ также и 14-ю артиллерійскую бригаду. Полки 11-й кавалерійской дивизіи: Рижскій драгунскій, Чугуевскій Имени Государыни Цесаревны уланскій и Изюмскій гусарскій точно также принадлежатъ къ числу старѣйшихъ русскихъ войскъ, и полны славными преданіями боеваго прошлаго. Сознаніе торжественнаго величія переживаемой минуты ясно выражалось на лицахъ этихъ воиновъ, когда они стройными и грозными рядами величаво проходили мимо своего Императора. Всѣ части войскъ показали себя на смотру въ самомъ блистательномъ видѣ и порядкѣ, и каждая изъ нихъ удостоилась Царской похвалы и «спасибо!»

За четвертымъ полкомъ 14-й дивизіи слѣдовали два батальона болгарскихъ добровольцевъ, появленіе коихъ въ строю оказалось полнѣйшею и пріятною неожиданностію для присутствовавшихъ. Государь Императоръ остался весьма доволенъ молодецкимъ, бодрымъ, веселымъ и воинственнымъ видомъ этихъ батальоновъ, пропарадировавшихъ мимо Его Величества съ такою стройностію и порядкомъ, какія сдѣлали бы честь и любому регулярному батальону. Люди, вступившіе въ ряды болгарскихъ дружинъ, пришли къ намъ изъ-за Дуная. Иные изъ нихъ дрались въ Сербіи и украшены медалями, другіе, потерявъ семью и родной кровъ въ Болгаріи, бѣжали подъ сѣнь Россіи отъ неистовства турокъ, унося въ душѣ непримиримую ненависть и мщеніе врагу ихъ вѣры и племени. Между ними немало есть людей интеллигентныхъ: студентовъ, гимназистовъ, учениковъ разныхъ школъ, и надо было видѣть, какой восторгъ надежды, вѣры и благодарности написанъ былъ на лицахъ этой молодежи и на солидныхъ усатыхъ физіономіяхъ старыхъ болгаръ, когда они лихо, молодецки проходили мѣрнымъ шагомъ и стройными рядами мимо Монарха пріютившей ихъ страны. Болгарскіе батальоны вооружены ружьями Шаспо со штыками-саблями и однообразно обмундированы: на нихъ красуются сдвинутыя набекрень мѣховыя шапки съ зеленымъ верхомъ, черные суконные пиджаки,

въ родѣ нашихъ матросскихъ, съ алыми погонами, ранцы съ принадлежностію, желтой кожи патронныя сумки, черныя суконныя шаравары и сапоги съ высокими голенищами. Все это снаряженіе и вооруженіе сдѣлано на счетъ суммъ нашихъ благотворительныхъ славянскихъ комитетовъ. Кадромъ для этихъ первыхъ двухъ батальоновъ послужили офицеры и люди пѣшаго конвоя Его Высочества Главнокомандующаго, составленнаго изъ лучшихъ, образцовыхъ людей разныхъ полковъ и частей русской пѣхоты. Организація добровольческихъ частей, порученная состоящему при Главнокомандующемъ генералъ-маіору Столѣтову, совершилась въ самый короткій срокъ, когда здѣсь стало уже ясно, что война неизбѣжна, и надо удивляться тѣмъ замѣчательно успѣшнымъ результатамъ, которые достигнуты при этомъ въ столь малое время. Это только и могло быть сдѣлано при содѣйствіи того рвенія, тѣхъ чувствъ и доброй воли, какія одушевляютъ теперь какъ нашихъ болгарскихъ охотниковъ, такъ и ихъ русскихъ кадровыхъ учителей и организаторовъ-офицеровъ. Между тѣми и другими сразу же установились самыя теплыя, братскія отношенія, и можно надѣяться, что эти первыя дробовольческія части, въ случаѣ надобности, послужатъ прекраснымъ кадромъ для дальнѣйшаго формированія добровольческихъ дружинъ славянскихъ. Государь Императоръ съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовалъ оба батальона Царственнымъ словомъ Своего одобренія и выразилъ благодарность генералъ-маіору Столѣтову.

По окончаніи церемоніальнаго марша, Его Императорское Величество изволилъ подъѣзжать къ частямъ войскъ всѣхъ родовъ оружія и высказывалъ собраннымъ вокругъ себя офицерамъ тѣ пожеланія и напутствія, общій смыслъ коихъ уже возвѣщенъ своевременно особыми телеграммами «Правительственнаго Вѣстника».

Только въ ту минуту, когда Государь произнесъ войскамъ: «Прощайте! До свиданья!.. Возвращайтесь поскорѣе со славою... Поддержите честь русскаго оружія, и да хранитъ васъ Всевышній!» — только послѣ этихъ, съ глубокимъ чувствомъ произнесенныхъ словъ, войска разразились громовыми криками. Но что̀ это были за крики! Что за мощная сила вырывала ихъ изъ груди каждаго! Какой восторгъ, какая любовь сіяли на лицахъ! Какъ вся эта масса, въ невольномъ порывѣ, востор-

женно ринулась къ Монарху и обступила его съ поднятыми вверхъ шапками, саблями, штыками!.. Солдатскія шапки полетѣли цѣлыми роями въ воздухъ... Безчисленныя массы народа кидались на колѣни, простирали къ Государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ; надъ ними тоже мелькало въ воздухѣ множество шапокъ; женщины, дѣти махали платками, кидали букеты; множество усатыхъ, мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга. «Ура! За братій! За святое дѣло! За вѣру Христову! За свободу славянъ!» раздавались повсюду мощные крики. Казалось, самый воздухъ гремитъ надъ этими слившимися во едино и сплотившимися вокругъ своего Царя массами войска и народа. Но описать этого невозможно. Такія минуты народныхъ порывовъ, во всемъ ихъ объемѣ, во всей ихъ силѣ, не поддаются никакому описанію. Онѣ только глубоко чувствуются и никогда потомъ не забываются; онѣ всецѣло становятся достояніемъ всемірной исторіи.

Кишиневъ, 12-го апрѣля.

Сегодня, по возвращеніи войскъ съ Высочайшаго смотра, во всѣхъ частяхъ оныхъ, при собраніи всѣхъ чиновъ, былъ прочитанъ слѣдующій приказъ Главнокомандующаго:

«Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами—братьями нашими.

«Горька ихъ неволя. Все, что дорого человѣку—святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью добытое добро—все поругано, осквернено невѣрными.

«Не выдержали, несчастные, возстали противу угнетателей, и вотъ уже два года льется кровь христіанская; города и села выжжены; имущество разграблено: жены и дочери обезчещены; населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано.

«Всѣ представленія Монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ остались безуспѣшными.

«Мѣра долготерпѣнія нашего Царя-Освободителя истощилась.

«Послѣднее слово Царское сказано:

«Война Турціи объявлена.

«Войска ввѣренной Мнѣ арміи!

«Намъ выпала доля—исполнить волю Царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ.

«Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой.

«И такъ: Впередъ! Дѣло наше свято и съ нами Богъ!

«Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядоваго, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ также грозно, какъ въ былые годы. Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные же жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для васъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно; никто не долженъ дозволять себѣ произвола.

«Въ этомъ отношеніи Я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины; въ нихъ—наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени.

«Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ то же гостепріимство, какъ и предки, и отцы наши.

«Я требую, чтобы за то всѣ чины платили имъ, братьямъ и друзьямъ нашимъ, полною дружбою, охраною ихъ порядковъ и безотвѣтною помощію противу турокъ, а когда потребуется, то и защищали ихъ дома, также какъ свои собственные.

«Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ батареяхъ».

Подписалъ: Главнокомандующій дѣйствующею арміею, Генералъ-Инспекторъ кавалеріи и по инженерной части.

«Н И К О Л А Й».

Нѣкоторыя части войскъ, расположенныя на самой границѣ, перешли ее сегодня же, около полудня, и внесли съ собою въ сосѣднюю страну слѣдующую прокламацію къ румынскому народу:

«Жители Княжества Румыніи!

«По повелѣнію Его Величества Императора Всероссійскаго, армія Его, состоящая подъ Моимъ начальствомъ и предназначенная для военныхъ дѣйствій противъ Турціи, вступаетъ нынѣ въ предѣлы вашей страны, уже не разъ радушно встрѣчавшей русскія войска.

«Объявляя вамъ объ этомъ, предваряю васъ, что мы вступаемъ къ вамъ какъ давніе друзья и доброжелатели ваши, надѣясь встрѣтить у васъ то же гостепріимство и то же радушіе, которыя предки ваши оказывали нашимъ войскамъ во время нашихъ прежнихъ военныхъ кампаній противъ Турціи. Съ своей стороны, Я, исполняя повелѣніе Его Императорскаго Величества, Августѣйшаго Брата Моего, считаю долгомъ объявить вамъ, Румыны, что проходъ чрезъ вашу страну нашихъ войскъ и временное въ ней пребываніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не должны тревожить васъ, и что мы смотримъ на правительство ваше, какъ на дружественное намъ.

«Приглашая васъ по этому къ продолженію мирныхъ занятій вашихъ и къ оказанію содѣйствія нашей арміи въ удовлетвореніи ея нуждъ и потребностей, Я вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился, чтобы за всѣ сдѣланныя для нея вами поставки уплачивались безъ замедленія деньги сполна изъ казначейства арміи.

«Вамъ извѣстно, что армія Его Величества отличается строгою дисциплиною. Я увѣренъ, что она поддержитъ честь свою среди васъ. Войска наши не нарушатъ вашего спокойствія и соблюдутъ должное уваженіе къ законамъ, къ личности и къ собственности мирныхъ гражданъ.

«Румыны!

«Предки наши проливали свою кровь за освобожденіе вашихъ предковъ. Мы считаемъ себя въ правѣ разсчитывать нынѣ на ваше содѣйствіе войску, проходящему чрезъ вашу страну, чтобы подать руку помощи угнетеннымъ христіанамъ Балканскаго полуострова, бѣдствія которыхъ вызвали сочувствіе не только Россіи, но и всей Европы».

«*НИКОЛАЙ*»

«Кишиневъ.
12-го апрѣля 1877 года».

X

Пребываніе Государя Императора въ Кишиневѣ

Осмотръ Его Величествомъ кишиневскихъ военно-врачебныхъ заведеній. — Обѣдъ у Государя. — Тостъ, провозглашенный Его Величествомъ. — Вниманіе, оказанное Государемъ Императоромъ каждому изъ высшихъ представителей управленій и отдѣловъ штаба дѣйствующей арміи. — День полковаго праздника лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. — Милліонное пожертвованіе московской городской думы.

Кишиневъ, 13-го апрѣля.

Сегодня, отъ двухъ до четырехъ часовъ дня Государь Императоръ изволилъ посѣщать военно-врачебныя заведенія, расположенныя въ Кишиневѣ, а именно: отдѣленія военно-временнаго № 60-го госпиталя, помѣщенные въ особо нанятыхъ и приспособленныхъ домахъ частныхъ владѣльцевъ, г-дъ: Лазо, Иванова, Крамаренко и Когана, и лазаретъ мѣстнаго батальона. Его Величество остался вполнѣ доволенъ какъ самымъ устройствомъ всѣхъ этихъ врачебныхъ заведеній, такъ и найденнымъ въ нихъ образцовымъ порядкомъ, при чемъ изволилъ осчастливить изъявленіемъ своей благодарности инспектора госпиталей генералъ-маіора Косинскаго и медицинскаго инспектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Приселкова, за ихъ дружныя усилія къ доведенію военно-медицинскихъ учрежденій до ихъ настоящаго состоянія и за тѣ дружескія отношенія, какія, установившись между ними, привели къ столь счастливому единенію медицинскаго и госпитально-административнаго персоналовъ. Во всѣхъ поименованныхъ помѣщеніяхъ Государь Императоръ останавливался надъ наиболѣе интересными случаями болѣзней и ободрялъ болящихъ Своимъ привѣтливымъ словомъ, при чемъ врачи изъясняли Его Величеству происхожденіе каждой болѣзни и принятые ими способы ея леченія, и проч. Въ мѣстномъ же воинскомъ лазаретѣ вольнопрактикующій городовой врачъ, докторъ Духновскій, поступающій нынѣ на службу въ военно-медицинское вѣдомство полевымъ хирургомъ, имѣлъ счастіе объяснять Его Императорскому Величеству во всей подробности новѣйшіе способы наложенія повя-

зокъ и операцій, произведенныхъ имъ надъ хирургическими больными его палаты. Государь Императоръ соблаговолилъ удостоить ординатора Духновскаго особымъ своимъ вниманіемъ и разспросами о его дѣятельности, мѣстѣ образованія, и проч., и выразилъ ему полное Свое удовольствіе за его искусство и примѣрную любовь къ своему дѣлу.

Въ 6 часовъ пополудни въ собственныхъ апартаментахъ Его Императорскаго Величества былъ обѣденный столъ, къ которому удостоились приглашенія всѣ начальники отдѣловъ полеваго управленія дѣйствующей арміи. Во время обѣда Его Величество, поднявшись съ мѣста, соблаговолилъ произнести слѣдующій тостъ: «Пью за здоровье Главнокомандующаго, чиновъ Его штаба и всего войска! Твердо увѣренъ, что всѣ вы, господа, оправдаете Мое къ вамъ довѣріе и ожиданія Россіи!»

Послѣ обѣда Его Императорское Величество, обходя присутствовавшихъ, удостоилъ каждаго изъ представителей отдѣловъ и управленій дѣйствующей арміи Своимъ высокимъ вниманіемъ и милостивымъ словомъ; увидавъ же инспектора госпиталей, генералъ-маіора Косинскаго вмѣстѣ съ докторомъ Приселковымъ, изволилъ обратиться къ Военному Министру и вновь выразить Свое удовольствіе за найденный порядокъ и благоустройство госпиталей. Указавъ на этихъ двухъ лицъ, Государь Императоръ повторилъ Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему и генералъ-адъютанту Д. А. Милютину выраженіе Своего особеннаго удовольствія за установившіяся дружески-согласныя отношенія между этими двумя представителями двухъ важнѣйшихъ въ военное время учрежденій арміи.

Затѣмъ, обратясь къ генералъ-контролеру, дѣйствительному статскому совѣтнику Черкасову, Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что Ему извѣстно о ревизіи, произведенной чинами полеваго контроля въ госпиталѣ № 60-го, и пожелалъ услышать отъ самого генералъ-контролера—въ какомъ видѣ нашелъ онъ въ этомъ военно-медицинскомъ учрежденіи администрацію и хозяйство? Услыхавъ же самые лестные отзывы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Черкасова о самой подробной документальной и имущественной ревизіи помянутаго госпиталя, Его Величество изволилъ выразиться, что Его

«истинно радуетъ то честное направленіе, какое дано дѣлу, и честное отношеніе къ нему всѣхъ прикосновенныхъ лицъ».

13-го апрѣля лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ торжествуетъ свой полковой праздникъ. Государю Императору благоугодно было почтить этотъ полкъ Своимъ особеннымъ вниманіемъ, которое выразилось въ томъ, что за обѣдомъ Его Величество изволилъ присутствовать въ лейбъ-гренадерскомъ мундирѣ и, по провозглашеніи вышеприведеннаго тоста, пожелалъ узнать: нѣтъ ли въ числѣ лицъ полеваго штаба офицеровъ, служившихъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку? И когда въ отвѣтъ на это, Его Высочество Главнокомандующій указалъ на предсѣдателя военно-полеваго суда, генералъ-маіора Величковскаго, Его Величество соблаговолилъ подозвать къ себѣ этого генерала и, въ лицѣ его, выпилъ «за благоденствіе полка», при чемъ приказалъ музыкантамъ сыграть лейбъ-гренадерскій маршъ, что и было исполнено хоромъ 7-го сапернаго баталіона.

Подойдя къ начальнику гражданскаго управленія дѣйствующей арміи, князю В. А. Черкасскому, Его Императорское Величество изволилъ сообщить о полученіи Имъ изъ Москвы телеграммы, извѣщающей, что московская городская дума жертвуетъ одинъ милліонъ на санитарные расходы и нужды дѣйствующей арміи и, кромѣ того, постоянное содержаніе на тысячу кроватей.

XI

Красный крестъ

Помощь бессарабскаго дворянства и земства.—Засѣданіе у главноуполномоченнаго Общества Краснаго Креста.—Братья милосердія.—Районъ дѣйствій Н. С. Абазы. — Ледники.

Кишиневъ, 15-го апрѣля.

Ненастная погода, наступившая здѣсь съ первыхъ чиселъ апрѣля, продолжается почти непрерывно, сопровождаясь холодными, порывистыми вѣтрами; если и проглядывало порою солнце, то лишь на нѣсколько часовъ, не успѣвая

достаточно обсушить землю. 13-го апрѣля сильный дождь, почти ливень, при бурномъ и студеномъ вѣтрѣ, продолжался цѣлыя сутки и привелъ здѣшнія улицы и дороги въ самое ужасное состояніе. Густая, липкая и глубокая грязь крайне затрудняетъ передвиженіе тяжестей. Въ виду такого неудобства мѣстныхъ путей, бессарабскій губернскій предводитель дворянства, П. Е. Леонардъ, совмѣстно съ предсѣдателемъ губернской земской управы, А. М. Катруццо, 14-го апрѣля въ два часа пополудни явились къ мѣстному губернатору, свиты Его Величества генералъ-маіору Шебеко, и отъ лица дворянства и земства предложили на помощь военнымъ обозамъ и интендантскимъ транспортамъ всѣ имѣющіяся у нихъ въ наличности перевозочныя средства: подводы, воловъ и лошадей не только въ самомъ Кишиневѣ, но вообще на главныхъ путяхъ передвиженія войскъ и транспортовъ по Бессарабской губерніи до рѣки Прута. Дворянство предложило свои средства безвозмездно, земство же за самую умѣренную плату, которая имѣетъ быть установлена по обоюдному соглашенію его съ военнымъ вѣдомствомъ. Генералъ-маіоръ Шебеко немедленно доложилъ объ этомъ предложеніи Великому Князю Главнокомандующему, который тотчасъ же направилъ его съ этимъ докладомъ къ Государю Императору. Его Императорское Величество, по докладѣ, соизволилъ поручить губернатору — благодарить отъ Имени Монарха бессарабское дворянство и земство за ихъ готовность содѣйствовать передвиженію войскъ и военныхъ тяжестей.

14-го же апрѣля, въ восемь часовъ вечера, у главноуполномоченнаго Общества Краснаго Креста, князя В. А. Черкасскаго, по его предложенію, состоялось особое засѣданіе, въ составъ коего вошли: инспекторъ госпиталей генералъ-маіоръ Косинскій, военно-медицинскій инспекторъ докторъ Приселковъ, членъ мѣстнаго управленія Общества Краснаго Креста И. Н. Синицынъ, мировой посредникъ г. Эмануэль и дивизіонный пасторъ г. Фальтинъ. Засѣданіе это собрано было для обсужденія вопроса о доставленіи военно-медицинскому полевому отдѣлу помощи, посредствомъ образованія необходимаго количества братьевъ милосердія изъ добровольцевъ. По всестороннемъ обсужденіи вопроса, члены засѣданія пришли къ заключенію, что наиболѣе пригоднымъ къ этому дѣлу эле-

ментомъ являются мѣстные колонисты изъ нѣмцевъ и болгаръ, какъ люди поголовно грамотные, болѣе развитые и вообще способные. Съ этою цѣлью рѣшено направить въ Аккерманскій уѣздъ, преимущественно населенный этими колонистами, гг. Эмануэля и Фальтина. Первый изъ нихъ ѣдетъ немедленно же для предварительнаго ознакомленія колонистовъ съ условіями дѣятельности братьевъ милосердія, а второй отправится вслѣдъ за нимъ, для христіанской проповѣди о богоугодной и человѣколюбивой сторонѣ этого дѣла. Срокъ подготовки братій для практическаго ознакомленія ихъ съ пріемами предстоящихъ имъ занятій предполагается, по возможности, кратчайшій, не болѣе какъ мѣсячный. Условія вознагражденія братій за ихъ дѣятельность предположены въ размѣрѣ до 15 рублей въ мѣсяцъ жалованья, при готовой квартирѣ, и отъ 12 до 15 копѣекъ суточнаго продовольственнаго содержанія на каждаго человѣка. Первоначально предполагается набрать братій не менѣе 80-ти человѣкъ, въ томъ соображеніи, что на линіи отъ Прута до Дуная потребуется до десяти санитарныхъ пунктовъ и до восьми санитарныхъ желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ (туда и обратно). На каждомъ санитарномъ пунктѣ предположено имѣть одного ученаго фельдшера, одну сестру и двухъ братьевъ милосердія; въ каждомъ же санитарномъ поѣздѣ сихъ послѣднихъ должно слѣдовать не менѣе 14-ти человѣкъ. Опытъ франко-германской войны показалъ, что спеціально-санитарные поѣзды, снабженные прислугою военно-санитарныхъ частей, не всегда бываютъ достаточны по своимъ размѣрамъ и количеству для удовлетворенія всѣмъ нуждамъ перевозки, вслѣдствіе чего нерѣдко приходилось прибѣгать къ пособію обратныхъ воинскихъ поѣздовъ, не снабженныхъ ни достаточными приспособленіями къ санитарной перевозкѣ, ни санитарною прислугою,—и вотъ тутъ-то именно помощь добровольныхъ братьевъ милосердія является наиболѣе необходимою. На санитарныхъ пунктахъ имѣется въ виду оставлять до слѣдующаго поѣзда такихъ больныхъ и раненыхъ, которымъ почему-либо не можетъ быть подана необходимая помощь на ходу поѣзда, а для надлежащаго удовлетворенія всѣмъ нуждамъ этого рода, и преимущественно въ мѣстностяхъ уже за Прутомъ, предполагается довести послѣдовательно число добровольныхъ братьевъ милосердія до 250 человѣкъ.

На дняхъ здѣсь ожидается прибытіе изъ Рязани втораго главноуполномоченнаго Краснаго Креста, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. С. Абазы, районъ дѣйствій коего будетъ направляться отъ Прута во внутрь Имперіи. Направленіе это, примыкая къ линіи желѣзной дороги, распредѣлено по количеству госпиталей на слѣдующіе участки: 1-й — отъ Прута до Днѣстра; здѣсь предполагается устроить два или три госпиталя барачной системы, на 230 кроватей каждый, на станціи Корнешты и въ постоянныхъ помѣщеніяхъ Кипріановскаго монастыря, находящагося въ 9-ти верстахъ отъ станціи Страшены. Если же надобность укажетъ, то будутъ еще учреждены санитарные пункты при желѣзно-дорожныхъ станціяхъ: Унгены, Сипотены, Кишиневъ и Бендеры. Заботливостію мѣстнаго управленія Общества Краснаго Креста, въ районѣ расположенія этихъ предполагаемыхъ госпитальныхъ учрежденій, уже заготовлены ледники, о чемъ ниже будетъ сказано подробнѣе.

Въ первомъ отдѣлѣ госпиталей Краснаго Креста, простирающемся, какъ сказано, отъ Прута до Днѣстра, предполагается только кратковременная остановка тѣхъ раненыхъ, которые по своему положенію требуютъ немедленнаго серьезнаго пособія, или отдохновенія, или же вообще почему-либо не могутъ продолжать путь.

Второй районъ — отъ Днѣстра до Днѣпра, также будетъ обезпеченъ госпитальными учрежденіями для такихъ раненыхъ, которыхъ болѣзненное состояніе, по заключенію врачей, вызываетъ необходимость болѣе или менѣе продолжительной остановки.

Третій районъ—отъ Кременчуга на Днѣпрѣ во внутрь Имперіи. Въ этомъ послѣднемъ районѣ попеченіями мѣстныхъ управленій Общества будетъ производиться дальнѣйшая перевозка больныхъ, для раціональнаго леченія въ госпиталяхъ внутреннихъ губерній.

Таковъ въ общихъ чертахъ главный планъ дѣятелей Общества Краснаго Креста, имѣющій задачею наибыстрѣйшее распредѣленіе раненыхъ по внутреннимъ областямъ Имперіи, съ возможно меньшею остановкою въ первыхъ двухъ районахъ, коихъ вышеизложенный характеръ строго опредѣленъ. Больные, по возможности, будутъ водворяемы для излеченія на мѣстахъ ихъ родины.

Выше сказано о заведеніи ледниковъ въ первомъ районѣ. Ледники эти устроены въ четырехъ пунктахъ, а именно: въ Унгенахъ, гдѣ погребъ устроенъ и набитъ льдомъ, до 20,000 пудовъ, распорядительностію мѣстнаго землевладѣльца г. Куцылло; второй ледникъ выстроенъ и набитъ по распоряженію и подъ личнымъ наблюденіемъ г. Синицына, въ Корнештахъ, гдѣ помѣщено льду до 25,000 пудовъ; въ Кипріанахъ, тоже по указанію г. Синицына, выстроенъ и набитъ погребъ, вмѣстимостію до 25,000 пудовъ; въ Кишиневѣ, подъ наблюденіемъ того же лица, нанятъ и набитъ ледникъ, заключающій въ себѣ до 25,000 пудовъ; наконецъ 14-го апрѣля заключено условіе съ однимъ изъ рыбопромышленниковъ на отдачу въ наймы, въ распоряженіе общества, ледника, вмѣщающаго до 20,000 пудовъ. Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, районъ отъ Прута до Днѣстра, благодаря заботливости мѣстныхъ членовъ Общества Краснаго Креста, вполнѣ обезпеченъ льдомъ, что составляетъ, особенно же въ лѣтнюю пору, важнѣйшее условіе охлажденія внѣшней поверхности ранъ. Устройство и набивка всѣхъ этихъ ледниковъ обошлись не болѣе 1,500 рублей.

XII

Телеграммы

Кишиневъ, 16-го апрѣля.

Государь Императоръ изволилъ посѣтить сегодня классическую мужскую и женскую гимназіи и духовную семинарію.

Кишиневъ, 17-го апрѣля.

Государь Императоръ сегодня слушалъ въ городскомъ соборѣ литургію и молебенъ; въ 2 часа произвелъ смотръ проходившей чрезъ Кишиневъ первой бригадѣ 9-й пѣхотной дивизіи, съ ея артиллеріею, а въ 6 часовъ прибылъ въ зданіе дворянскаго собранія, гдѣ изволилъ давать обѣдъ всѣмъ лицамъ главной квартиры, штаба, начальникамъ отдѣльныхъ частей и управленій, представителямъ городскихъ управленій, дворянства и земства. За обѣдомъ, обра-

щаясь къ Августѣйшему Главнокомандующему, Его Величество произнесъ слѣдующую рѣчь: «Я душевно радъ, что Собственными Моими глазами имѣлъ случай убѣдиться въ отличномъ состояніи дѣйствующей арміи и въ томъ прекрасномъ направленіи, которое Ты съумѣлъ дать какъ Твоему штабу, такъ и всѣмъ Твоимъ многочисленнымъ управленіямъ и войскамъ. Увѣренъ, что Ты исполнишь Свой долгъ. Пью за здоровье Главнокомандующаго и Его славной дѣйствующей арміи! Да поможетъ намъ Богъ!» Его Высочество отвѣтилъ: «Ваше Величество! Отъ лица Моей арміи передаю Вамъ, что Мы исполнимъ свой долгъ до послѣдней капли крови. За здоровье Государя Императора! Ура!» Сегодня Высочайше назначены шефами пѣхотныхъ полковъ: Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій—53-го Волынскаго; генералъ-адъютантъ Непокойчицкій—54-го Минскаго; генералъ-адъютантъ Милютинъ — 121-го Пензенскаго, какъ перваго полка, сформированнаго въ его бытность военнымъ министромъ. Главнокомандующій послалъ сегодня въ Гура-Галбину командиру находящагося на походѣ Волынскаго полка, полковнику Родіонову, слѣдующую телеграмму:

«Государю Императору благоугодно было въ 17-й день сего апрѣля осчастливить Меня назначеніемъ Шефомъ доблестнаго Волынскаго полка. Волынцы! Назначеніе это Мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что Я неоднократно Самъ видѣлъ, какъ молодецки въ славную севастопольскую оборону вы отражали всѣ нападенія непріятеля: волынцы ни разу во все время обороны не отдали ни пяди земли непріятелю, а всегда его били. Увѣренъ, что и нынѣшніе волынцы, хотя еще молодые, преисполнены тѣмъ же непобѣдимымъ духомъ, какъ ихъ предки—севастопольскіе богатыри, что память о нихъ въ полку не изсякла и что вы въ первомъ же дѣлѣ поддержите славу нашего полка. Впередъ, съ нами Богъ!»

«Н и к о л а й».

XIII

Послѣднія распоряженія предъ войною

Мѣры военныхъ предосторожностей на походѣ и ночлегахъ. — Военная тайна. — Винныя порціи. — Слабосильныя команды. — Мѣры по продовольствію войскъ за границей. — Товарищество Грегеръ, Горвицъ и Коганъ. — Общій конскій лазаретъ для артиллеріи. — Прикомандированіе къ корпусамъ казачьихъ полковъ, не входящихъ въ составъ дивизій. — Корпусныя артиллеріи.— Распредѣленіе и подраздѣленіе парковъ. — Этапные и станціонные комендантьі. — Распоряженія по военно-судной части. — О формѣ одежды въ дѣйствующей арміи. — Жалованье и столовыя деньги. — Полевыя почтовыя учрежденія. — Раздѣленіе на бригады Кавказской казачьей дивизіи. — Ординарцы Главнокомандующаго и лица, командированныя въ распоряженіе Его Высочества.

Кишиневъ, 21-го апрѣля.

Въ дни, предшествовавшіе объявленію войны, а равно и въ настоящее время самая кипучая дѣятельность оживляетъ всѣ отдѣлы штаба и управленія дѣйствующей арміи.

Въ виду того, что при движеніи чрезъ Княжество Румынское войскамъ нашимъ могла угрожать возможность нападенія со стороны турецкихъ войскъ, если бы они вздумали переправиться чрезъ Дунай, начальникъ штаба дѣйствующей арміи заблаговременно предписалъ принимать всѣ мѣры, чтобы никакая случайность не застала которую-либо часть врасплохъ. По маршрутамъ—войскамъ назначено было идти побригадно, при чемъ всѣ части, составляющія одинъ эшелонъ, подчиняются старшему лицу въ эшелонѣ. Во время движенія и расположенія на ночлегѣ—предписано соблюдать самую строгую дисциплину и порядокъ: не дозволять себѣ что̀-либо брать въ краѣ безденежно или самовольно, дабы ни малѣйшимъ дѣйствіемъ не навлечь на себя упрека, относящагося до чести русской арміи. Отъ каждой дивизіи, въ одномъ переходѣ впереди ея перваго эшелона, всегда слѣдуетъ съ командою квартиргеровъ офицеръ генеральнаго штаба, составляющій для каждаго ночлега «ночлежную дизлокацію», которою уже руководствуются и всѣ послѣдующіе эшелоны дивизіи. Офицеръ этотъ обязанъ лично осмотрѣть всѣ деревни, назначаемыя для расположенія войскъ и лично же выбрать мѣста для парковъ, батарей и патронныхъ ящиковъ.

При совершеніи перехода, войска, составляющія эшелонъ, могутъ, по усмотрѣнію начальника эшелона, идти и не всею бригадою вмѣстѣ, а отдѣльно по полкамъ, но съ тѣмъ однако, чтобы артиллерія всегда слѣдовала при частяхъ пѣхоты или кавалеріи. Обозъ каждаго полка и состоящихъ при полку батарей двигается вмѣстѣ съ ними, въ нѣкоторомъ разстояніи за своею колонною. Отъ отрядовъ, составляющихъ эшелонъ, всегда высылается авангардъ и аррієргардъ, при чемъ послѣдній, слѣдуя при обозѣ, служитъ для него дѣйствительнымъ прикрытіемъ. Назначеніе времени выступленія съ ночлега, распредѣленіе частей отряда, управленіе его движеніемъ на походѣ и установленіе порядка службы во время расположенія на бивуакѣ или на квартирахъ — все это предоставлено личному усмотрѣнію начальника эшелона, но строго предписано, чтобы, при расположеніи на квартирахъ, артиллерію отнюдь не ставить въ отдѣльной деревнѣ, а непремѣнно вмѣстѣ съ частями пѣхоты или кавалеріи, при чемъ нѣкоторая часть отряда должна быть назначена *дежурною* и размѣщена болѣе сосредоточенно, для того чтобы въ случаѣ тревоги могла скорѣе собраться и изготовиться. Указано, по возможности, около дежурной части назначать и общій сборный пунктъ, о которомъ всегда должно быть объявлено всему отряду предъ расхожденіемъ его по квартирамъ. Подобныя же мѣры осторожности принимаются и въ каждой отдѣльной части войскъ, если она расположена въ особой деревнѣ. При охраненіи квартирнаго расположенія предлагается обращать особое вниманіе на прикрытіе артиллеріи, оружія и боевыхъ припасовъ. Въ кругу квартирнаго расположенія, особенно же ночью, предписано непремѣнно высылать патрули, которые наблюдаютъ, чтобы воинскіе чины были при своихъ мѣстахъ, а кромѣ того начальнику эшелона, въ виду того, что до него могутъ доходить свѣдѣнія, тревожныя для спокойствія отряда, предоставляется право учреждать особые караулы, гдѣ онъ признаетъ необходимымъ, и вообще принимать такія мѣры предосторожности, какія окажутся нужными для обезпеченія отряда отъ случайностей.

Въ то же время Великій Князь Главнокомандующій, принимая въ разсчетъ важность сохраненія въ военное время въ тайнѣ всѣхъ свѣдѣній о военныхъ распоряженіяхъ, движе-

ніяхъ, работахъ и дѣйствіяхъ, о расположеніи и состояніи войскъ, повелѣлъ начальнику штаба напомнить объ этомъ всѣмъ чинамъ войскъ, военныхъ управленій и заведеній дѣйствующей арміи, съ подтвержденіемъ имъ, что всякое нарушеніе этой тайны повлечетъ за собою взысканіе по воинскому уставу о наказаніяхъ *).

Въ видахъ поддержанія здоровья нижнихъ чиновъ въ заграничномъ походѣ, Его Высочество приказалъ производить имъ, во время этого похода, винныя порціи, по одной чаркѣ на человѣка, въ мѣстахъ дневокъ; при мѣстномъ же довольствіи за границею велѣно отпускать имъ до 1-го мая по четыре, а съ 1-го мая по 1-е сентября по двѣ чарки въ мѣсяцъ на человѣка. Слабосильные люди, которые, по заключенію врачей, не могли отправиться въ походъ со своими частями, собраны теперь въ особыя «слабосильныя команды», учрежденныя при мѣстныхъ войскахъ Бессарабской, Херсонской и Подольской губерній. Главнокомандующій, въ заботливости своей о поддержаніи силъ этихъ людей, приказалъ производить имъ для улучшенія пищи сверхъ обыкновенныхъ окладовъ прива-

---

*) Тайна эта между всѣми безъ исключенія воинскими чинами соблюдалась столь строго, что нерѣдко даже начальники отдѣльныхъ управленій арміи, какъ-то: артиллерійскаго, инженернаго и проч., не знали временно гдѣ находится та или другая изъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію частей, во время слѣдованія ихъ къ Дунаю. Маршруты и дизлокаціи составляли одну изъ глубочайшихъ тайнъ строеваго отдѣленія штаба дѣйствующей арміи. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ тайна дизлокацій и маршрутовъ вовсе не была тайною для многочисленныхъ евреевъ-агентовъ компаніи Грегеръ, Горвицъ и Коганъ, которые, въ случаѣ надобности, всегда, безъ запинки и съ большою точностію могли указать мѣсто нахожденія любой воинской части. Это впрочемъ совершенно понятно, такъ какъ поставляя въ войска продовольственные продукты, агенты, въ силу заключеннаго съ ними контракта (пунктъ 3-й), должны были знать заблаговременно куда и какое количество требуется поставить, а поставляя таковые, они приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ частями войскъ. Въ пунктѣ 3-мъ контракта значится: «намъ должны быть благовременно, не позже какъ за недѣлю до начала движенія, сообщаемы предметы и пункты поставки, названіе частей войскъ, сроки поставки и приблизительное количество потребностей для каждаго пункта». Отсюда и истекало ихъ знаніе какъ рода, такъ и количества и наименованія воинскихъ частей, а равно и наличной численности каждаго отряда. Отъ нихъ же, вѣроятнѣе всего, эти свѣдѣнія переходили нерѣдко и въ заграничную печать, и особенно въ вѣнскія газеты, изъ которыхъ «Politische Korrespondenz» и «Neue Freie Presse» (послѣдняя по преимуществу) печатали весьма точныя и подробныя свѣдѣнія о силѣ, направленіи и расположеніи частей нашей арміи, во время ея пребыванія въ Румыніи.

рочнаго довольствія, еще и ту прибавку (по двѣ копѣйки въ день на человѣка), которая разрѣшена Его Высочествомъ для войскъ дѣйствующей арміи.

Что касается заботъ о продовольствіи войскъ за границею, то въ этомъ отношеніи полевымъ интендантомъ, съ одобренія Главнокомандующаго, были приняты слѣдующія мѣры:

При выступленіи въ походъ, части, имѣющія обозъ, должны были имѣть при себѣ трехдневный сухарный запасъ на людяхъ *), а въ провіантскихъ телѣгахъ восьмидневную пропорцію крупы и запасъ сухарей на пять дней; кромѣ того велѣно имъ, на время слѣдованія въ предѣлахъ Имперіи, запастись печенымъ хлѣбомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы его хватило до перваго складочнаго мѣста за границею, гдѣ этотъ запасъ будетъ пополненъ. Части же, обоза не имѣющія, должны были запастись сухарями и крупою на три дня, а равно и печенымъ хлѣбомъ въ упомянутомъ размѣрѣ. Регулярная кавалерія и казаки обязывались запастись двухдневною пропорціею зерноваго фуража, а пѣхота, артиллерія и парки— четырехдневною; сѣно же для всѣхъ частей имѣлось въ двухдневномъ запасѣ.

Всѣми этими запасами войска должны были продовольствоваться въ пути, при слѣдованіи въ предѣлахъ Имперіи, расходуя сначала печеный хлѣбъ, и пополняться новыми запасами изъ попутныхъ магазиновъ и складовъ. Но при этомъ были предусмотрѣны всяческія случайности. Такъ, напримѣръ, если бы которыя-либо войска на пути ихъ слѣдованія не встрѣтили ни попутныхъ магазиновъ, ни складовъ съ провіантомъ, зерновымъ фуражемъ и сѣномъ, или разстоянія между складами были бы на столько значительны, что отъ одного изъ нихъ до другаго истощились бы на маршѣ запасы продовольствія, взятые войсками, то для пополненія ихъ войска обязаны были бы производить заготовленіе предметовъ путеваго довольствія уже собственнымъ своимъ попеченіемъ, изъ авансовыхъ суммъ, нарочно на этотъ предметъ ассигнованныхъ. Съ переходомъ же границы, предметы путеваго довольствія, какъ-

*) Съ этою цѣлью нижніе чины всѣхъ пѣхотныхъ частей, по приказанію Главнокомандующаго, снабжены сухарными мѣшками такого размѣра, чтобы въ каждомъ мѣшкѣ постоянно можно было имѣть трехдневный запасъ сухарей.

то: печеный хлѣбъ, крупа, зерновый фуражъ, сѣно и вино получаются войсками отъ «Товарищества Грегеръ, Горвицъ и Коганъ», или отъ ихъ повѣренныхъ и контрагентовъ, въ мѣстахъ дневокъ и въ особенности промежуточныхъ пунктахъ, заранѣе указанныхъ. На оконечныхъ пунктахъ расположенія войскъ на лѣвомъ берегу Дуная, войска будутъ получать тѣ же предметы довольствія отъ «Товарищества» же, но съ тою разницею, что вмѣсто печенаго хлѣба имъ будетъ поставляться мука. Сообразно съ мѣстными условіями, «Товариществу» предоставлено право, въ случаѣ надобности или крайности, замѣнять ржаные хлѣбъ и муку пшеничными (полностію или отчасти), крупу гречневую, ячную и пшенную—пшеничною же или кукурузною, но въ размѣрѣ не болѣе одной третьей части всего количества, овесъ—ячменемъ, а хлѣбное вино—фруктовымъ или кукурузнымъ *). На офицерскихъ верховыхъ, упряжныхъ и артельныхъ лошадей отпускаются вмѣсто фуража деньги, по утвержденнымъ цѣнамъ, но это не лишаетъ офицеровъ права, въ случаѣ желанія или затрудненій въ пріобрѣтеніи фуража, получать его въ натурѣ отъ «Товарищества» **). Когда же впослѣдствіи учредятся за границею запасные продовольственные магазины и склады, то войска будутъ получать свои запасы уже изъ этихъ только учреж-

---

*) Въ «Инструкціи войскамъ о продовольствіи ихъ за границею», составленной полевымъ интендантомъ, между прочимъ сказано, что продовольственные припасы, поставляемые для войскъ «Товариществомъ», должны быть такихъ качествъ, какія указаны въ статьѣ 138 кн. XII Св. Воен. Пост. 1869 года; *но съ тѣми исключеніями*, которыя будутъ вызываться мѣстными условіями урожая и способовъ (т. е. способами) приготовленія тѣхъ припасовъ за границею. Къ сожалѣнію, оговорка о допускаемыхъ «исключеніяхъ», какъ оказалось потомъ на дѣлѣ, слишкомъ часто была примѣняема агентами къ выгодѣ «Товарищества» и къ невыгодѣ войскъ.

**) Съ первыхъ же дней по переходѣ русской границы, «Товарищество» начало дѣлать въ этомъ отношеніи такія затрудненія офицерамъ, соглашаясь отпускать имъ фуражъ не иначе, какъ огромными (въ нѣсколько десятковъ пудовъ и четвериковъ) партіями, что офицеры вынуждены были не обращаться болѣе съ подобными, вполнѣ законными требованіями къ «Товариществу». На убѣжденія офицеровъ, что они, въ силу приказа Главнокомандующаго (отъ 7-го апрѣля, за № 24), имѣютъ право пріобрѣтать отъ «Товарищества» фуражъ натурою по утвержденнымъ справочнымъ цѣнамъ, агенты г-на Грегера и К° отвечали, что пускай и такъ, но «Товариществу» *не выгодно* продавать свои продукты по мелочи». Такъ, между прочимъ, было отвѣчено и мнѣ лично въ Плоештахъ.

деній, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда поставка провіанта и фуража будетъ назначена прямо въ войска, о чемъ всегда должно быть объявлено особо. Но если бы ко времени прибытія войскъ въ пункты дневокъ, или въ другія мѣста, гдѣ «Товарищество» должно заготовить продовольствіе, такового тамъ не оказалось, то войска будутъ пополнять путевые запасы изъ продуктовъ, слѣдующихъ при эшелонѣ въ особомъ интендантскомъ транспортѣ, а въ крайности, т.-е. по израсходованіи этихъ запасовъ, покупать хлѣбъ, крупу и фуражъ уже собственнымъ попеченіемъ, на ассигнованные для сего авансы, но не иначе какъ по приговору наличныхъ офицеровъ части, каковой приговоръ будетъ служить оправданіемъ необходимости покупки. Дѣйствительная же стоимость искупленныхъ предметовъ должна быть удостовѣрена свидѣтельствомъ мѣстныхъ властей о рыночныхъ цѣнахъ и росписками продавцовъ. Топливо и солому на походѣ за границею войска обязаны пріобрѣтать собственнымъ попеченіемъ на отпущенные авансы, по мѣстнымъ цѣнамъ, съ оправданіемъ оныхъ вышепомянутыми документами, кромѣ приговора офицеровъ. Приварочное довольствіе за границею производится на двоякихъ началахъ: 1) части, коимъ не разрѣшено содержать порціонныхъ воловъ, получаютъ на время слѣдованія и въ первыя двѣ недѣли на оконечныхъ пунктахъ по окладамъ: обыкновенному 5 копѣекъ, усиленному $7^1/_2$ копѣекъ въ день на человѣка, съ присоединеніемъ къ этимъ окладамъ еще добавки въ двѣ копѣйки (собственно на усиленіе довольствія, и на чай по полукопѣйкѣ въ день на человѣка; в) войска же, содержащія порціонныхъ воловъ, получаютъ четырьмя копѣйками на человѣка меньше. Во время слѣдованія къ Дунаю довольствіе чаемъ производится покупкою онаго на вышепомянутую добавку; съ переходомъ же за Дунай, чай и сахаръ будутъ получатся натурою, сперва отъ интендантства, изъ транспорта, а потомъ отъ «Товарищества» или же изъ заграничныхъ магазиновъ и складовъ интендантскаго вѣдомства. По переходѣ за Дунай, предполагается расходъ чая производить въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ сентября по май—по $^2/_3$ фунта чая и по одному фунту сахара въ день на сто человѣкъ; а съ 1-го мая по 1-е сентября по фунту чая и по 3 фунта сахару въ день на то же количество людей. При всемъ этомъ предписано,

чтобы авансы, ассигнованные войскамъ на пріобрѣтеніе предметовъ путеваго довольствія, не допускать до совершеннаго истощенія, а при уменьшеніи ихъ до половины отпущенной суммы, требовать подкрѣпленія отъ корпусныхъ или отрядныхъ интендантовъ.

При слѣдованіи по заграничнымъ желѣзнымъ дорогамъ части войскъ, какъ и въ предѣлахъ Имперіи, не будутъ лишены горячей пищи, которая будетъ постоянно заготовляема для нихъ на извѣстныхъ пунктахъ, показанныхъ въ маршрутахъ, по распоряженію комендантовъ и этапныхъ начальниковъ. Въ этихъ случаяхъ мясо принимается людьми уже въ готовыхъ, разрѣзанныхъ порціяхъ, при чемъ изъ фунта мяса должна выходить порція вѣсомъ около 38-ми золотниковъ, или изъ пуда сырой говядины около 16-ти фунтовъ вареннаго мяса безъ костей. Но войска должны заблаговременно (по возможности, за сутки) извѣщать комендантовъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ подлежащей части назначена въ маршрутѣ горячая пища, о приготовленіи оной и на какое количество людей. Въ одной изъ предшествовавшихъ корреспонденцій было упомянуто о порціонномъ скотѣ, который войска должны имѣть при себѣ въ опредѣленномъ для каждой части количествѣ и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, до потребленія въ пищу, долженъ служить для своей части къ усиленію ея перевозочныхъ средствъ. Нынѣ же мѣра эта распространена и на подвижные дивизьонные лазареты. При движеніи своемъ за границу, они должны запастись и содержать при каждомъ по двѣ пары порціонныхъ воловъ, руководствуясь въ содержаніи и расходованіи ихъ данною инструкціею.

По представленію начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, предписано образовать въ Кишиневѣ, при передовомъ артиллерійскомъ запасѣ, общій конскій лазаретъ для артиллерійскихъ частей арміи. Съ этою цѣлью командиры бригадъ, отдѣльныхъ батарей и парковъ обязаны всѣхъ лошадей, которыя, по заключенію ветеринаровъ, окажутся не въ состояніи слѣдовать въ походъ, — препровождать въ кишиневскій лазаретъ, при аттестатахъ о довольствіи и описяхъ, съ указаніемъ рода болѣзни. Больныя лошади, по мѣрѣ ихъ окончательнаго выздоровленія, направляются къ своимъ частямъ въ дѣйствующую армію, а для ухода за ними назначаются

особые люди, преимущественно изъ разряда слабосильныхъ, дабы не лишать дѣйствующія части нижнихъ чиновъ, вполнѣ пригодныхъ для боя и трудностей бивуачной жизни.

Великій Князь Главнокомандующій, признавая необходимымъ, при предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, имѣть возможность во всякое время и безпрепятственно направлять сильные отряды кавалеріи для самостоятельныхъ предпріятій, не разстраивая при этомъ организацію корпусовъ, — нашелъ полезнымъ нынѣ же прикомандировать къ корпусамъ донскіе казачьи полки, не входящіе въ составъ дивизій.

Такимъ образомъ, къ 8, 9 и 12-му армейскимъ корпусамъ прикомандировано по одному, а къ 11-му корпусу три казачьихъ полка (изъ коихъ два только временно) съ двумя донскими батареями (тоже временно). Затѣмъ остающіяся не распредѣленными по корпусамъ еще два казачьи полка съ казачьею же батареею составили «отдѣльную Донскую казачью бригаду». Кромѣ сего, двѣ сотни 7-го Кубанскаго пластунскаго батальона поступили въ составъ 4-й стрѣлковой, а сотня уральскихъ казаковъ въ составъ 3-й саперной бригадъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая нужнымъ, чтобы организація артиллеріи въ корпусахъ давала корпуснымъ командирамъ возможность, безъ всякихъ каждый разъ особыхъ предварительныхъ распоряженій, сосредоточивать свои орудія сообразно условіямъ боя и положенію частей корпуса, Его Высочество Главнокомандующій предписалъ образовать *корпусныя артиллеріи*, такимъ образомъ, чтобы при каждой пѣхотной дивизіи оставалось по четыре батареи: двѣ 9-ти и двѣ 4-хъ фунтовыя, а по одной 9-ти и одной 4-хъ фунтовой батареѣ выдѣлить изъ каждой артиллерійской бригады и составить изъ нихъ корпусную артиллерію. Артиллерійскія бригады поступаютъ въ полное подчиненіе начальникамъ тѣхъ пѣхотныхъ дивизій, при коихъ онѣ состоятъ; корпусная же артиллерія остается въ непосредственномъ вѣдѣніи начальника артиллеріи корпуса.

При развившемся въ настоящее время значеніи огнестрѣльнаго боя, расходъ боевыхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ можетъ быть очень великъ; поэтому быстрое и правильное пополненіе израсходованныхъ огнестрѣльныхъ припасовъ, а въ особенности во время самаго боя, является дѣломъ

весьма важнымъ. Успѣхъ же этого дѣла вполнѣ зависитъ отъ правильной организаціи и установленія точныхъ отношеній къ войскамъ различнаго рода артиллерійскихъ парковъ и отъ установленія порядка въ пополненіи израсходованныхъ патроновъ и снарядовъ изъ повозокъ съ этими припасами, имѣющихся при войскахъ, а затѣмъ отъ порядка пополненія самыхъ повозокъ изъ артиллерійскихъ парковъ. Съ этою цѣлью издана теперь особая инструкція, указывающая: а) распредѣленіе парковъ и подчиненность ихъ, б) порядокъ пополненія патроновъ и артиллерійскихъ зарядовъ и в) отчетность по расходованію огнестрѣльныхъ припасовъ.

Парки, состоящіе при арміи, распредѣлены такимъ образомъ, что на каждую дивизію пѣхоты съ ея артиллеріею приходится по одному летучему и одному подвижному парку, на каждую кавалерійскую дивизію — по одной половинѣ конно-артиллерійскаго парка, на стрѣлковую бригаду—особое парковое отдѣленіе, на Кавказскую казачью дивизію (гулевые полки) и для отдѣльной Донской казачьей бригады—по одному конно-артиллерійскому парковому отдѣленію. Общее вѣдѣніе летучими, подвижными и мѣстными парками лежитъ на начальникѣ парковъ въ арміи.

Всѣ патронные ящики, состоящіе въ полкахъ и отдѣльныхъ батальонахъ, распредѣляются на два разряда. Въ 1-й разрядъ входитъ по одному ящику на каждый батальонъ и на каждый драгунскій полкъ; остальные же всѣ ящики относятся къ составу 2-го разряда. 1-й разрядъ постоянно слѣдуетъ съ войсками, какъ и лазаретныя линейки, не разлучаясь съ ними не только на походѣ, но и въ бою; при построеніи отряда къ бою, ящики эти располагаются за своими частями. При вступленіи въ сферу артиллерійскаго огня, когда батальоны разошлись по-ротно, каждый полкъ выдѣляетъ по одному патронному ящику на батальонъ, а въ отдѣльныхъ стрѣлковыхъ батальонахъ—по два ящика. Эти ящики располагаются, по возможности, внѣ выстрѣловъ, на открытой мѣстности, не далѣе тысячи шаговъ, за сомкнутыми частями передовой линіи, но, смотря по обстоятельствамъ боя, они могутъ быть собраны и всѣ вмѣстѣ. Для пополненія патроновъ, израсходованныхъ въ цѣпи, назначаются заблаговременно по два рядовыхъ отъ каждой роты, которые, въ случаѣ надобности, получаютъ отъ со-

стоящаго при каждомъ ящикѣ особаго вожатаго унтеръ-офицера съ потребнымъ числомъ патронныхъ пачекъ и немедленно возвращаются къ своимъ ротамъ. Въ критическія же минуты патроны подвозятся и непосредственно къ сражающимся частямъ, въ ящикахъ. Патронные ящики опоражниваются поочередно, и каждый изъ нихъ, по израсходованіи въ немъ всѣхъ патроновъ, быстро отправляется къ мѣсту расположенія обозной колонны, гдѣ слѣдуютъ остальные ящики 1-го разряда, немедленно высылаемые впередъ на мѣсто опорожненныхъ. Изъ повозокъ, выдвинутыхъ въ боевую линію, дозволяется, въ случаѣ надобности, дѣлиться патронами и съ другими, близь-стоящими частями войскъ, а для болѣе легкаго отыскиванія патронныхъ повозокъ, съ открытіемъ боя, близь нихъ вывѣшивается: днемъ бѣлый флагъ, а ночью—зеленый фонарь. Патронные ящики 2-го разряда входятъ въ составъ второразряднаго обоза, къ которому относятся всѣ повозки, присоединяющіяся къ своимъ частямъ на каждомъ ночлегѣ. На походѣ и во время боя второразрядные ящики держатся отъ войскъ въ разстояніи около полуперехода, но въ предвидѣніи серьезнаго дѣла могутъ быть и совсѣмъ отдѣляемы отъ обоза и слѣдовать непосредственно за войсками. Въ составъ второразряднаго обоза входятъ также и *летучіе* артиллерійскіе парки, которые, предъ вступленіемъ войскъ въ бой, располагаются въ тылу своихъ корпусовъ, на указанныхъ пунктахъ, и безъ особаго приказанія начальника артиллеріи корпуса или отряда не должны измѣнять мѣсто своего расположенія, а для того чтобы ихъ легче отыскивать, выставляютъ днемъ черные флаги, ночью же—фонари съ синими стеклами. Во время боя, батареи, доставивъ къ парку пустые зарядные ящики, тотчасъ перепрягаютъ своихъ лошадей въ ящики парковые, не перекладывая зарядовъ, и съ ними пріемщикъ быстро отправляется обратно на позицію. *Подвижные* парки входятъ въ составъ обозовъ 3-го разряда, который долженъ присоединяться къ войскамъ только черезъ нѣсколько дней и держаться отъ войскъ въ разстояніи одного или двухъ переходовъ. Летучіе парки пополняются изъ подвижныхъ, а эти въ свою очередь изъ *мѣстныхъ*, находящихся въ нѣсколькихъ переходахъ позади мѣстъ расположенія подвижныхъ парковъ. Для отчетности о расходѣ огнестрѣльныхъ припасовъ, парки

снабжены шнуровыми тетрадями, гдѣ пріемщики войскъ обязаны расписываться въ количествѣ полученныхъ ими боевыхъ припасовъ.

Въ самый день обнародованія Высочайшаго манифеста о войнѣ, въ виду немедленнаго движенія за границу одновременно съ войсками различныхъ грузовъ и заготовленій интендантскаго, артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ, направляющихся по румынскимъ желѣзнымъ путямъ, начальникъ военныхъ сообщеній назначилъ восемь штабъ и оберъ-офицеровъ на должности этапныхъ и станціонныхъ комендантовъ въ слѣдующіе пункты: Унгены, Яссы, Пашканы, Романъ, Бакеу, Аджудъ, Текучъ и Барбошъ. Разностороннія обязанности этихъ лицъ опредѣлены особою инструкціею и «наставленіями», объявленными въ приказѣ по военному вѣдомству еще въ 1873 году. Лица эти подчиняются исключительно полевому управленію военными сообщеніями и полевому штабу, и только отъ нихъ могутъ получать приказанія. Во всемъ, что касается желѣзно-дорожной службы и наблюденія за порядкомъ на станціяхъ и въ поѣздахъ, лица эти находятся въ томъ же положеніи, какъ и военные чины при исполненіи караульной службы, которые подчинены исключительно комендантамъ и которымъ никто, кромѣ послѣднихъ, даже ихъ прямые начальники не имѣютъ права отдавать какія бы то ни было приказанія. Въ виду этого Великій Князь Главнокомандующій предписалъ, чтобы никто изъ начальствующихъ лицъ, какъ бы высоко они ни были поставлены, отнюдь не позволяли себѣ вмѣшиваться въ распоряженія желѣзно-дорожной администраціи и военныхъ чиновъ, командированныхъ на желѣзныя дороги, отдавать имъ какія бы то ни было приказанія или уклоняться отъ исполненія ихъ законныхъ требованій. Въ случаѣ же какихъ-либо безпорядковъ или неисправности со стороны этихъ лицъ, замѣтившіе оные должны доводить о томъ до свѣдѣнія начальника военныхъ сообщеній или полеваго штаба, ни въ какомъ случаѣ не дозволяя себѣ личныхъ разбирательствъ или распоряженій. Съ своей стороны, коменданты и прочіе чины, командированные на желѣзныя дороги, обязаны оказывать полное содѣйствіе войскамъ, отстранять всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами возможность разныхъ затрудненій и задержекъ, и да-

вать всѣ необходимыя разъясненія и указанія; обо всѣхъ же уклоненіяхъ отъ установленнаго порядка со стороны войскъ они обязаны доносить телеграммами по командѣ, для доклада Главнокомандующему, который подвергнетъ виновныхъ самой строгой отвѣтственности.

Въ тотъ же день, 12-го апрѣля, Великій Князь приказалъ: всѣхъ воинскихъ чиновъ, состоящихъ нынѣ подъ судомъ, при выступленіи частей въ походъ, оставить въ распоряженіи мѣстныхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ; состоящихъ же подъ слѣдствіемъ раздѣлить на двѣ категоріи: а) не содержащихся подъ стражей и б) состоящихъ подъ арестомъ; первые отправляются въ походъ со своими частями, а вторые оставляются въ томъ же вѣдѣніи, какъ и подсудимые. Сообразно съ этимъ, велѣно и военнымъ слѣдователямъ, состоящимъ при полевомъ военномъ судѣ, оставить у себя въ производствѣ только тѣ изъ неоконченныхъ слѣдственныхъ дѣлъ, по которымъ обвиняемые находятся подъ надзоромъ начальства при своихъ частяхъ; тѣ же неоконченныя дѣла, по коимъ обвиняемые содержатся подъ стражею, передать подлежащимъ судебнымъ слѣдователямъ, а также военнымъ слѣдователямъ кіевскаго и одесскаго военныхъ округовъ, и обо всѣхъ сихъ дѣлахъ и лицахъ сообщить прокурору полеваго военнаго суда; самимъ же военнымъ слѣдователямъ, при движеніи войскъ, находиться при корпусныхъ штабахъ тѣхъ корпусовъ, къ коимъ они прикомандированы.

Государь Императоръ въ бытность свою въ Кишиневѣ Высочайше повелѣть соизволилъ: а) генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, состоящимъ въ отдѣлахъ полеваго управленія дѣйствующей арміи, въ корпусныхъ, дивизьонныхъ и бригадныхъ штабахъ—носить сюртукъ при обыкновенной походной формѣ, вмѣсто вицъ-мундира или мундира, и б) строевымъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а также состоящимъ въ штабахъ полковыхъ и отдѣльныхъ батальоновъ — носить, по прежнему, исключительно мундиры.

Въ виду условій мѣстнаго климата, знойнаго весною и лѣтомъ, Великій Князь Главнокомандующій приказалъ завести теперь же бѣлые холщевые чехлы съ назатыльниками на шапки образца 1862 года (кепи) и фуражки, какъ офицерамъ, такъ

и нижнимъ чинамъ регулярныхъ и казачьихъ войскъ, вошедшихъ въ составъ дѣйствующей арміи.

Предъ выступленіемъ въ походъ, разрѣшено было еще 9-го апрѣля жалованье и столовыя деньги офицерскимъ чинамъ арміи за апрѣль мѣсяцъ и жалованье нижнимъ чинамъ за январскую треть—отпустить ранѣе установленнаго срока, начавъ выдачу съ 10-го числа апрѣля. Разрѣшеніе это не распространено однако на чиновъ отдѣловъ полеваго управленія, которымъ, какъ остающимся до времени на мѣстѣ, жалованье и столовыя деньги выданы по прежнему 20-го числа. Въ счетъ жалованья и порціонныхъ денегъ (послѣднія за май мѣсяцъ), офицерскіе чины дѣйствующей арміи получили извѣстную часть золотомъ, въ слѣдующихъ размѣрахъ: генералы — по пятидесяти, штабъ-офицеры—по двадцати и оберъ-офицеры—по десяти полуимперіаловъ, что̀ для нихъ весьма важно, въ виду необычайно поднявшихся цѣнъ на всѣ предметы первѣйшей необходимости въ Румыніи, гдѣ—какъ извѣщаютъ узнавшіе на собственномъ опытѣ офицеры—торговцы, и преимущественно евреи, въ первые дни по вступленіи нашихъ войскъ въ румынскіе предѣлы, брали съ нихъ за трехфунтовый пшеничный хлѣбъ *по три франка*.

Съ 22-го апрѣля открылись дѣйствія полевыхъ почтовыхъ учрежденій за границею, а именно: въ Яссахъ, Бырлатѣ, Фокшанахъ, Галацѣ, Измаилѣ и Леовѣ. На учрежденія эти, на первое время, возлагаются пріемъ и выдача только простой (казенной и частной) корреспонденціи, за полученіемъ которой войска обязаны присылать пріемщиковъ, снабженныхъ удостовѣреніемъ на право пріема корреспонденціи *). Вмѣстѣ

*) Впослѣдствіи, когда по причинѣ постояннаго передвиженія войскъ, возникли значительныя затрудненія въ направленіи къ нимъ почтовой корреспонденціи, начальникъ полеваго штаба постановилъ правиломъ (Приказаніе по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 14-го мая 1877 г. за № 106), чтобы вся корреспонденція изъ Имперіи чинамъ, состоящимъ въ дѣйствующей арміи, адресовалась «въ Унгенскую пограничную почтовую контору, для доставленія въ дѣйствующую армію», съ точнымъ при томъ обозначеніемъ части войскъ или военнаго управленія, къ составу коихъ принадлежитъ лицо, которому корреспонденція адрессована. Эта мѣра, конечно, помогла дѣлу въ значительной степени, но все же она не могла окончательно устранить неурядицы и промедленія въ доставкѣ писемъ. Главная причина этого зла заключалась въ недостаточности наличнаго состава служащихъ по полевому почтовому управленію, о чемъ неоднократно заявлялъ главный полевой почтмейстеръ г. Романусъ. Служащіе не

съ открытіемъ сихъ учрежденій, полевое почтовое управленіе снабдило находящіеся при арміи госпитали и лазареты необходимымъ количествомъ бланковъ открытыхъ писемъ безъ штемпеля, для безплатной раздачи ихъ больнымъ, въ случаѣ желанія ихъ отправить письмо. На первый разъ, въ дивизьонные лазареты, уже отправленные и еще имѣющіе отправиться за границу, отпущено по пяти сотъ бланковъ открытыхъ писемъ, съ тѣмъ что по мѣрѣ ихъ израсходованія они будутъ замѣняться новыми, по требованію начальниковъ дивизій.

Кавказская казачья дивизія (гулевые полки), находящаяся уже за границею, въ слѣдованіи къ Дунаю раздѣлена теперь на двѣ бригады, для командованія коими Великій Князь Главнокомандующій назначилъ: 1-ю — состоящаго при Его Высочествѣ для особыхъ порученій лейбъ-гвардіи Уланскаго полка полковника Тутолмина, и 2-ю — состоящаго въ распоряженіи Главнокомандующаго, числящагося по гвардейской кавалеріи полковника Вульферта *). На дняхъ прибыли въ

успѣвали управиться съ одною только сортировкою писемъ, не говоря уже объ отправленіи прочихъ обязанностей, и потому (какъ ходили въ арміи настойчивые слухи) въ іюлѣ мѣсяцѣ 1877 года въ Унгенской почтовой конторѣ пришлось сжечь около двадцати тысячъ простыхъ писемъ, адрессованныхъ изъ арміи въ Россію и изъ Россіи въ армію, за окончательною невозможностію разсортировать ихъ своевременно. Такимъ образомъ нѣтъ ничего мудренаго, если письма и газеты доставлялись намъ, что называется, черезъ пятое въ десятое и нерѣдко на 18-й и даже на 21-й день по отправленіи, и если масса посылокъ, отправленныхъ изъ Россіи лѣтомъ и осенью 1877 года, лежали на площадкѣ предъ полевою почтою въ Санъ-Стефано до самаго очищенія этого мѣстечка отъ штаба арміи. Кромѣ того, въ теченіи всей войны многія части не только корпусовъ, дивизій и артиллерійскихъ бригадъ, но даже полковъ были разбросаны по разнымъ отрядамъ, на разныхъ фронтахъ: восточномъ, южномъ и западномъ. Эта разбросанность значительно препятствовала множеству необходимѣйшихъ сношеній даже непосредственныхъ начальниковъ съ своими частями, которыя нерѣдко не знали гдѣ находится ихъ непосредственное начальство, равно какъ послѣднее не знало гдѣ находятся его части. Что же мудренаго, если при такихъ порядкахъ полевая почта, еще менѣе знавшая о мѣстѣ нахожденія военныхъ частей, не могла доставлять имъ корреспонденцію, которая громадными ворохами залеживалась въ полевой почтовой конторѣ, а потомъ, при постоянныхъ передвиженіяхъ штаба и при отсутствіи почтовыхъ средствъ перевозки, по необходимости уничтожалась.

*) Впослѣдствіи, а именно 23-го мая 1877 г., состоялся приказъ Главнокомандующаго въ Плоештахъ, за № 77, въ силу котораго въ составъ 1-й бригады Кавказской казачьей дивизіи вошли: донской казачій № 30-го, Кубанскій

главную квартиру десять оберъ-офицеровъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, назначенные ординарцами къ Его Высочеству Главнокомандующему, въ распоряженіе Коего командированы также состоящій по полевой конной артиллеріи генералъ-лейтенантъ Столыпинъ и бывшій военный губернаторъ Ферганской области и командовавшій въ оной войсками, генеральнаго штаба свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ. Бывшій главнокомандующій сербской арміи генералъ Черняевъ 17-го апрѣля зачисленъ на дѣйствительную службу прежнимъ чиномъ генералъ-маіора, съ назначеніемъ въ Кавказскую дѣйствующую армію.

Изъ особъ свиты, прибывшихъ въ Кишиневъ съ Государемъ Императоромъ, Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ—оставить въ распоряженіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, по званію Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, слѣдующихъ лицъ: свиты Его Величества генералъ-маіоровъ: Голынскаго, Толстаго, графа Стенбокъ-Фермора, князя Имеретинскаго и Тучкова 1-го, и флигель-адъютантовъ, полковниковъ: графа Орлова-Денисова 1-го, графа Штакельберга, князя Голицына, Кладищева и князя Вяземскаго, ротмистра Его Императорское Высочество Князя Сергѣя Максиміановича Лейхтенбергскаго, капитана Милютина, штабсъ-ротмистра барона Корфа и поручиковъ: барона Розена и Непокойчицкаго.

и Владикавказскій полки и двѣ сотни Осетинъ Терско-Горскаго конно-иррегулярнаго полка, подъ начальствомъ полковника Тутолмина; въ составъ же второй бригады поступили донскіе казачьи полки № 21 и № 26-го, подъ начальствомъ полковника войска донскаго Чернозубова, а полковнику Вульферту приказано состоять по прежнему въ распоряженіи Главнокомандующаго. Двѣ же сотни Терско-Горскаго полка (Ингуши) отправлены въ одесскій военный округъ, на усиленіе войскъ береговой защиты.

XIV

Болгарское ополченіе

Отъѣздъ болгарскихъ дружинъ за границу. — Напутственное слово преосвященнаго Павла, обращенное къ добровольцамъ. — Причины сформированія болгарскихъ дружинъ и назначеніе послѣднихъ. — Успѣхи формированія добровольческихъ батальоновъ и взаимное сближеніе между русскимъ кадромъ и ратниками-болгарами. — Постоянный приливъ болгарскихъ бѣглецовъ въ ополченіе. — Приказъ Главнокомандующаго о сформированіи, тактическомъ раздѣленіи и административномъ устройствѣ болгарскаго ополченія. — Личный составъ бригадныхъ и дружинныхъ командировъ. — Проводы ополченцевъ членами кишиневской болгарской колоніи. — Рвеніе охотниковъ къ службѣ въ ополченіи.

Кишиневъ, 26-го апрѣля.

25-го апрѣля, утромъ, двинулись за границу двѣ болгарскія дружины, недавно сформированныя въ Кишиневѣ. Для нихъ назначено было два поѣзда, изъ которыхъ первый тронулся со станціи въ 8½ часовъ, увозя съ собою и организатора болгарскихъ ополченій, генералъ-маіора Столѣтова, съ его штабомъ, а второй въ 11½ часовъ, подъ начальствомъ полковника Корсакова. Дружины эти направлены теперь въ Плоешты, гдѣ будетъ продолжаться дальнѣйшее формированіе болгарскихъ добровольческихъ батальоновъ и конныхъ сотень.

Наканунѣ отъѣзда за границу, въ казармахъ 53-го пѣхотнаго Волынскаго полка, гдѣ временно помѣщены были добровольцы, — болгарскій священникъ, въ присутствіи генерала Столѣтова, его штаба, дружинныхъ офицеровъ, мѣстной болгарской колоніи и всѣхъ добровольцевъ, выведенныхъ въ строй, отслужилъ напутственный молебенъ, послѣ котораго преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, присутствовавшій тутъ же, благословилъ генерала Столѣтова иконою Христа Спасителя, и произнесъ слѣдующее слово:

«Благословляю васъ и сподвижниковъ вашихъ св. иконою Христа Спасителя. Любящій, кроткій ликъ Богочеловѣка, положившаго душу Свою за спасеніе людей, да напоминаетъ вамъ о вашей рѣшимости и вашемъ долгѣ — до послѣдней капли крови биться съ врагомъ Христова Имени, поработителемъ и жестокимъ мучителемъ нашихъ братій по вѣрѣ и крови. Вѣчная слава, вѣнчающая спасительные труды, спаси-

тельныя страданія и смерть Богочеловѣка, да служитъ для васъ ручательствомъ того, что и васъ, подвижниковъ за святое дѣло избавленія угнетенныхъ народовъ отъ рабства, ждетъ великая слава и здѣсь, и еще бо́льшая слава въ вѣчности, когда наступитъ время праведнаго мздовоздаянія.

«Плѣнныхъ свободитель и нищихъ защититель, немоществующихъ врачъ и царей поборникъ, чудотворецъ, великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій, особенно чтимый славянскими народами, — да сопутствуетъ вамъ, да вдохновляетъ васъ воспоминаніемъ о его подвигахъ и побѣдахъ славныхъ! Вы — подражатели его доблестей. Вы идете свободить плѣнные христіанскіе народы отъ ужаснѣйшаго плѣна мусульманскаго. Вы идете защищать нищихъ—народы, которые умѣютъ неустаннымъ трудомъ пріобрѣтать себѣ богатство, но у которыхъ хищникъ-турокъ отнимаетъ нажитое тяжкимъ трудомъ достояніе. Вы идете уврачевать и тѣлесныя и душевныя язвы и недуги истерзанныхъ, поруганныхъ братій нашихъ. Да сопутствуетъ же вамъ св. Георгій! И да украситъ вашу грудь лучшее украшеніе воина и награда воинской доблести—георгіевскій крестъ!

«Добровольцы-болгары! Мы знаемъ о страданіяхъ вашихъ братій, о неистовствахъ и жестокостяхъ турокъ только по слухамъ и описаніямъ. Но и при слушаніи и чтеніи разсказовъ о звѣрствахъ турецкихъ въ жилахъ нашихъ цѣпенѣла кровь, пробѣгала дрожь по тѣлу, а у многихъ простирались впередъ руки, какъ бы съ цѣлью схватить и задушить дикаго звѣрямучителя... А вы были свидѣтелями, зрителями неистовствъ турецкихъ; многіе изъ васъ потеряли близкихъ, дорогихъ вамъ лицъ — родителей, женъ, сестеръ, братьевъ, дѣтей истерзанныхъ... Что́ же перечувствовали, переиспытали *вы* при видѣ этихъ неистовствъ!... Богъ-мститель призываетъ васъ отмстить за неповинную кровь христіанскую, вопіющую на Небо... Васъ не нужно призывать къ самоотверженію, къ борьбѣ со врагомъ до послѣдней капли крови: вы горите нетерпѣніемъ быть бичомъ Божіимъ, смертельно поражающимъ свирѣпаго врага и притѣснителя вашихъ братій. Да поможетъ вамъ Господь врага поразить, а братій вашихъ спасти отъ порабощенія, мукъ и погибели!

«На защитникахъ угнетенныхъ праведно почивать благословенію Божію. Призываю на васъ благословеніе Божіе! Крѣпкій во бранѣхъ Господь, да дастъ крѣпость Царю нашему, Его доблестному воинству и вамъ, соратникамъ нашего воинства, на попраніе и сокрушеніе общаго нашего врага».

Затѣмъ преосвященный окропилъ всѣхъ добровольцевъ святою водою.

Одна изъ предшествовавшихъ корреспонденцій сообщила уже о томъ элементѣ, который послужилъ для нашего правительства матеріаломъ къ организаціи первыхъ двухъ болгарскихъ батальоновъ. Въ составъ этихъ дружинъ вошли люди, потерявшіе у себя на родинѣ все — и домъ, и семью, и только успѣвшіе сами кое-какъ спастись отъ турецкихъ тюремъ и черкесскихъ кинжаловъ. Россія пріютила на время у себя этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, содержала ихъ на государственномъ иждивеніи, а нынѣ снарядила и вооружила на средства частныхъ жертвователей. Руководящею мыслію въ данномъ случаѣ служила необходимость дать этимъ людямъ какое-либо соотвѣтственное занятіе, и такъ какъ громадное большинство ихъ, т.-е., вѣрнѣе сказать, все, что только чувствуетъ себя достаточно въ силахъ, само просило дозволить имъ, болгарамъ, добровольно стать въ ряды нашего войска, то и было разрѣшено, въ видѣ опыта, сформировать изъ желающихъ, на первый случай, двѣ дружины. Можно надѣяться, что эти люди, хорошо знающіе край предстоящихъ намъ военныхъ дѣйствій, отлично знакомые съ условіями мѣстной жизни и мѣстныхъ отношеній, принесутъ для нашей дѣйствующей арміи свою долю существенной пользы, а въ то же время видъ этихъ, стройно и правильно организованныхъ воиновъ, родныхъ по духу и крови мѣстному болгарскому населенію, произведетъ и на это послѣднее ободряющее впечатлѣніе, послужитъ къ наибольшему подъему его угнетеннаго духа. На первое время они будутъ нести службу въ тылу нашей арміи, т.-е. служить конвоемъ для транспортовъ, охранною стражею нѣкоторыхъ пунктовъ, гарнизономъ нѣкоторыхъ городовъ и мѣстечекъ, — все это, конечно въ непосредственномъ соединеніи съ нѣкоторыми частями нашихъ собственныхъ войскъ, которымъ они будутъ служить какъ бы помощниками. Со временемъ же, когда дружины эти достаточно окрѣпнутъ въ воен-

номъ смыслѣ, чего, во всякомъ случаѣ, надо ожидать въ непродолжительномъ срокѣ, при нравственномъ воздѣйствіи влитаго въ нихъ русскаго кадра офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, изъ лучшихъ, выборныхъ людей арміи,—болгарскимъ батальонамъ и сотнямъ можетъ быть дано, смотря по обстоятельствамъ, и болѣе существенное, настоящее боевое назначеніе *).

Успѣхъ въ формированіи первыхъ двухъ батальоновъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: понятливость, дисциплина, рвеніе и любовь къ дѣлу, добровольно на себя принятому, отличаютъ всѣхъ этихъ болгаръ до послѣдняго человѣка, а присутствіе въ ихъ рядахъ, въ весьма существенномъ количествѣ, мѣстнаго интеллигентнаго элемента уже заранѣе можетъ служить залогомъ ожидаемой отъ нихъ пользы. Они довольно скоро выучились понимать русскій языкъ, равно какъ и русскій кадръ, въ то же время, попривыкъ къ языку болгарскому, такъ что теперь и тѣ и другіе уже достаточно хорошо понимаютъ другъ друга, и могутъ объясняться между собою.

Такъ какъ высшее управленіе дѣйствующей арміи рѣшило въ основаніи не допускать въ кругъ своихъ дѣйствій никакихъ частныхъ партизанскихъ частей и отрядовъ, не связанныхъ непосредственнымъ и регулярнымъ образомъ съ русскою арміею **), и такъ какъ приливъ болгарскихъ бѣглецовъ изъ Румыніи, Сербіи и Болгаріи, желающихъ служить у насъ добровольцами, растетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, особенно же послѣ того, когда они во-очію увидѣли два первые стройные батальона своихъ братій, то всѣ эти обстоятельства и соображенія, по необходимости, побудили правительство наше дать этому дѣлу болѣе широкое развитіе.

Вслѣдствіе сего, какъ возвѣстилъ приказъ Его Высочества Главнокомандующаго, отъ 17-го апрѣля, за № 40, Высочайше повелѣно было: сформировать *болгарское ополченіе* въ составѣ,

---

*) Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій за Дунаемъ, эти предположенія, какъ извѣстно, измѣнились, и болгарскія дружины были включены въ составъ передоваго отряда генерала Гурко, участвовали въ первой забалканской экспедиціи и геройски дрались подъ Эски-Загрой, а потомъ на Шипкѣ.

**) Впослѣдствіи, по мысли чиновника дипломатической канцеляріи Главнокомандующаго, М. А. Хитрово, было допущено участіе вольныхъ болгарскихъ четъ, какъ напр. Цеко-Петкова на Траянѣ и др., которыя принесли нашимъ войскамъ свою долю пользы во время зимняго перехода черезъ Балканы.

на первое время, шести пѣшихъ дружинъ, имѣющихъ организацію отдѣльныхъ батальоновъ пятиротнаго состава, и при нихъ шести конныхъ сотень, коимъ присвоивается организація казачьихъ неотдѣльныхъ сотень. Дружины называются по нумерамъ: дружина № 1-й, 2-й, 3-й, и т. д. Конныя сотни, соотвѣтственно нумерамъ дружинъ, при коихъ онѣ состоятъ, также носятъ названіе № 1-й, 2-й, и т. д.

Ополченіе раздѣляется на три бригады, по двѣ дружины и по двѣ сотни въ каждой. Бригады именуются по нумерамъ: 1-я, 2-я и 3-я. Первая бригада будетъ состоять изъ дружинъ № 1-го и 2-го и конныхъ сотень тѣхъ же нумеровъ, вторая изъ дружинъ и сотень № 3-го и 4-го, а третья—5-го и 6-го. На сформированіе дружинъ и сотень назначаются офицеры, унтеръ-офицеры, барабанщики, дружинные горнисты, ротные сигналисты и нестроевые старшихъ званій изъ русскихъ и болгаръ, служащихъ въ русскихъ войскахъ, остальные же чины набираются изъ охотниковъ-болгаръ. Служба всѣхъ этихъ чиновъ въ болгарскомъ ополченіи считается за дѣйствительную службу въ русскихъ войскахъ, со всѣми ея правами, преимуществами и послѣдствіями. Все закономъ опредѣленное содержаніе, не указанное въ Высочайше утвержденныхъ для болгарскаго ополченія штатахъ, какъ-то: единовременное пособіе, добавочные оклады, и проч., производится офицерамъ ополченія наравнѣ съ офицерами соотвѣтственныхъ чиновъ и должностей въ русскихъ войскахъ. Начальствованіе надъ болгарскимъ ополченіемъ ввѣряется особому «начальнику ополченія», который по управленію ввѣренными ему частями исполняетъ обязанности начальника дивизіи и пользуется всѣми правами, присвоенными сему послѣднему, а подчиняется непосредственно начальнику штаба дѣйствующей арміи, коему, по завѣдыванію ополченіемъ, предоставлены права командира неотдѣльнаго корпуса. Какъ при начальникѣ ополченія, такъ и при каждомъ изъ командировъ бригадъ имѣются особыя управленія, составъ которыхъ, равно какъ и денежные отпуски на содержаніе чиновъ оныхъ, опредѣляются особыми штатами. Командиры бригадъ, дружинъ, ротъ и сотень приравниваются къ начальникамъ соотвѣтственныхъ частей въ русскихъ войскахъ. Подробности формированія, обмундированія, снаряженія и довольствія болгарскаго ополченія и его

управленій опредѣляются особыми инструкціями и положеніями.

Начальникомъ ополченія назначенъ состоящій въ распоряженіи Его Высочества, по званію Главнокомандующаго, генералъ-маіоръ Столѣтовъ, а исправляющимъ должность начальника штаба—генеральнаго штаба подполковникъ Рынкевичъ.

За тѣмъ, по представленію начальника болгарскаго ополченія, для командованія частями онаго, назначены приказомъ Главнокомандующаго, отъ 20-го апрѣля (за № 45), слѣдующія лица:

1-ю бригадою — флигель-адъютантъ, полковникъ князь Вяземскій.

2-ю бригадою — начальникъ отдѣленія канцеляріи завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, состоящій по гвардейской пѣхотѣ, полковникъ Корсаковъ.

Командирами дружинъ назначены:

№ 1-го — состоящій по гвардейской пѣхотѣ подполковникъ Кесяковъ.

№ 2-го — 68-го лейбъ-пѣхотнаго Бородинскаго Его Величества полка маіоръ Куртьяновъ.

№ 3-го — 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона подполковникъ Калитинъ.

№ 4-го — того же батальона маіоръ Рѣдкинъ.

№ 5-го — 4-го гренадерскаго Несвижскаго генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полка подполковникъ Ниценко, — и наконецъ

№ 6-го — 6-го гренадерскаго Таврическаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка маіоръ Бѣляевъ.

Назначеніе же оберъ-офицеровъ предписано генералъ-маіору Столѣтову произвести на основаніяхъ предоставленной ему закономъ власти.

Въ день отправленія добровольцевъ за границу, кишиневская болгарская колонія предложила ихъ офицерамъ завтракъ, приготовленный на станціи желѣзной дороги. Людямъ же было роздано по доброй чаркѣ водки, по половинѣ большаго пшеничнаго хлѣба и по соотвѣтственному куску жареной баранины. Были предложены и тосты: за Государя Императора,

Великаго Князя Главнокомандующаго и за успѣхъ дѣла, принятые съ сильнымъ и понятнымъ восторгомъ, какъ офицерами, такъ и охотниками-болгарами. На платформѣ присутствовало много семействъ здѣшняго болгарскаго общества, и тутъ же болгарскій священникъ, старикъ почтенной, сановитой наружности, отправившійся въ походъ вмѣстѣ со своею духовною паствою, безвозмездно раздавалъ желающимъ добровольцамъ молитвенники, евангелія и псалтырь очень изящнаго и очень дешеваго изданія. Угощеніемъ распоряжался мѣстный землевладѣлецъ, болгаринъ происхожденіемъ, г. Уваліевъ, и замѣчательно, до какой степени доходитъ рвеніе болгаръ къ охочей службѣ подъ русскими знаменами: во время слѣдованія батальоновъ по улицамъ къ станціи желѣзной дороги, и потомъ уже на самой станціи, — г. Уваліева и прочихъ представителей мѣстной болгарской колоніи останавливали многіе изъ ихъ соотчичей, случайно узнавшіе объ отправленіи батальоновъ, и горячо умоляли указать, у кого и гдѣ имъ возможно записаться въ дружинники? Желанія почти всѣхъ этихъ охотниковъ удовлетворялись тутъ же, на мѣстѣ, безъ всякихъ особенныхъ записей, кромѣ простой помѣтки въ памятной книжкѣ того или другаго офицера. Охотнику давалось въ руки шасспо (изъ частнаго запаса) и за тѣмъ самъ онъ, какъ былъ въ партикулярномъ платьѣ, передавался въ ту или другую роту, на попеченіе какого-либо изъ унтеръ-офицеровъ. Обмундированіе и окончательное снаряженіе для охотниковъ этой категоріи послѣдуетъ уже по прибытіи ихъ въ Плоешты. Многіе изъ нихъ, очутившись внезапно въ вагонѣ, съ ружьемъ въ рукахъ, среди своихъ родичей и русскихъ солдатъ, какъ бы не вѣрили собственнымъ глазамъ, что все это сдѣлалось съ ними такъ просто и быстро, и долго крестились и даже плакали отъ радости. Въ каждомъ почти вагонѣ раздавались русскія и болгарскія пѣсни, а когда поѣздъ тронулся — богатырское «ура» вдругъ огласило воздухъ и не прерывалось долго, пока наконецъ поѣздъ не скрылся совсѣмъ изъ виду.

XV

Занятіе Барбошскаго моста

Стратегическая важность Барбошскаго моста. — Кубейскій отрядъ. — Выступленіе въ походъ. — Переходъ пограничной линіи. — Встрѣча со стороны жителей Рени. — Переправа черезъ Прутъ. — Галацкій префектъ. — Занятіе барбошской позиціи. — Первая ночь въ виду непріятеля. — Состояніе передоваго казачьяго отряда послѣ свыше ста-верстнаго перехода. — Суворовскій переходъ пѣхоты. — Причины бездѣйствія турокъ.

Плоешты, 2-го мая.

Переправа черезъ Прутъ у Рени и Барбошскій мостъ на Серетѣ, близь его устья, являются для нашей арміи пунктами первостепенной важности, а въ особенности послѣдній: по немъ проложены рельсы желѣзной дороги, составляющей нашу единственнную коммуникаціонную (какъ желѣзный путь) линію отъ границъ Россіи къ берегамъ Дуная. Уничтоженіе непріятелемъ Барбошскаго моста разсѣкло бы эту артерію русской арміи въ самомъ жизненномъ ея мѣстѣ — между Галацомъ и Браиловымъ, отрѣзывая отъ насъ все пространство Румыніи за Серетомъ. Постройка новаго моста отняла бы слишкомъ много времени, столь драгоцѣннаго въ военномъ дѣлѣ, и особенно для той стороны, которая беретъ на себя починъ, т. е. наступательный образъ дѣйствій, и, кромѣ того, чрезвычайный разливъ въ нынѣшнемъ году всѣхъ рѣкъ системы Дуная еще болѣе затруднилъ и осложнилъ бы работы по постройкѣ моста. Всѣ эти соображенія побуждали употребить наибольшія усилія къ тому, чтобы Барбошскій мостъ былъ занятъ какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что не могли же турки не понимать всей важности для насъ этого пункта; по здравому сужденію, мы имѣли всѣ основанія предполагать, что противникъ нашъ, при первой вѣсти о разрывѣ между Россіей и Турціей, тотчасъ же постарается взорвать мостъ у Барбоша. И такъ, первѣйшая и ближайшая цѣль наша, съ объявленіемъ войны, заключалась въ наискорѣйшемъ и прочномъ занятіи какъ этого пункта, такъ и переправы черезъ Прутъ у Рени.

11-го апрѣля часть войскъ 11-го корпуса была сосредоточена въ Кубеѣ, — самомъ крайнемъ пограничномъ углу юго-

западныхъ предѣловъ Россіи въ Бессарабской губерніи. Кубей— это болгарская колонія, лежащая въ десяти верстахъ отъ границы и имѣющая до 2,000 жителей; здѣсь пролегаетъ главный трактъ изъ Кишинева въ Измаилъ и Галацъ. Войскамъ, собраннымъ въ самомъ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ, велѣно было находиться въ полной готовности къ походу и двинуться немедленно по полученіи о томъ приказанія. Корпусный командиръ князь Шаховской со штабомъ также находился въ Кубеѣ. Часть войскъ расположилась бивуакомъ на площади около каменной церкви, гдѣ играла полковая музыка и все время пылали костры; ротные пѣсельники заливались въ разныхъ концахъ селенія; всѣ были въ нѣсколько напряженномъ, нравственно возбужденномъ состояніи; всѣ съ минуты на минуту ждали чего-то рѣшительнаго, чувствуя, что находятся наканунѣ грозныхъ и рѣшительныхъ событій.

Наступилъ вечеръ, костры запылали еще ярче, и всѣ уже стали думать, что на нынѣшній день не будетъ ничего особеннаго, какъ вдругъ въ началѣ десятаго часа долетѣли со степи звуки почтоваго колокольчика, и чрезъ нѣсколько минутъ среди площади остановилась перекладная телѣга, изъ которой соскочилъ полковникъ Золотаревъ *). Вся площадь поднялась на ноги и заколыхалась въ ожиданіи что-то онъ скажетъ, какую вѣсть приноситъ съ собою? Корпусный штабъ и офицеры, сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ, тѣсною толпою окружили нетерпѣливо жданнаго вѣстника.

— «Походъ, господа! Походъ!» — и менѣе чѣмъ въ минуту завѣтное это слово успѣло уже облетѣть все мѣстечко.

— «Сѣдлай!» — «Одѣваться, ребята! — «Запрягай!» раздавались то здѣсь, то тамъ громкіе возгласы и приказанія. Все зашевелилось; бойко поскакали верховые во всѣ сосѣднія деревни — передать расположеннымъ въ нихъ частямъ о немедленномъ выступленіи. Корпусный командиръ въ небольшой хатѣ отдавалъ послѣднія распоряженія и отсчитывалъ начальникамъ частей золото на походъ. Въ одиннадцатомъ часу двѣ сотни донцовъ 29-го полка показались въ одной изъ улицъ, въ концѣ мѣстечка; изъ другой улицы въ совершенномъ мол-

---

*) Состоящій для особыхъ порученій при начальникѣ штаба дѣйствующей арміи.

чаніи, мѣрно отбивая бодрый шагъ, выдвигалась масса пѣхоты, впереди которой виднѣлись рядомъ темные силуэты трехъ знаменъ, покрытыхъ чахлами; это былъ нашъ славный, знаменитый по защитѣ Севастополя Селенгинскій пѣхотный полкъ; гдѣ-то по дорогѣ, за селеніемъ, уже громыхала колесами артиллерія. Войскамъ приказано было собраться на границѣ, у казармы пограничныхъ стражниковъ. Сорокъ минутъ спустя, казаки были уже въ указанномъ пунктѣ, куда вскорѣ подошли и селенгинцы; поджидали только артиллерію *).

Великій Князь Главнокомандующій еще заблаговременно отправилъ въ отрядъ, предназначенный къ занятію Рени, Галаца и Барбоша, своего адъютанта, полковника Струкова, для нѣкоторыхъ порученій и спеціальнаго увѣдомленія Его Высочества о ходѣ даннаго предпріятія; ему же, между про-

---

*) Русская армія двинулась черезъ границу Имперіи 12-го апрѣля въ слѣдующемъ порядкѣ:

Правая колонна (8-я и 12-я кавалерійскія дивизіи и донскіе полки №№ 21-го, 26-го и 37-го) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Дризена, черезъ Унгены, Яссы, Романъ, Бакеу, Фокшаны, Рымникъ, Бузео и Плоешты къ Копаченямъ, въ окрестностяхъ Бухареста.

Средняя колонна (12-й армейскій корпусъ, 5-я пѣхотная дивизія и донской № 34-го полкъ) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ванновскаго, двумя путями:

a) 12-й корпусъ—черезъ Унгены, Яссы, Васлуй, Бырладъ, Текучъ, Фокшаны и оттуда по пути правой колонны, вслѣдъ за нею, до Бонеаза, въ окрестностяхъ Бухареста.

b) 5-я пѣхотная дивизія—черезъ Бештамакъ, Леово, Фальчи, Япурени, Бырладъ и оттуда вслѣдъ за 12-мъ корпусомъ.

Лѣвая колонна, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго, тремя отрядами:

1) Кавказская казачья дивизія, 4-я стрѣлковая бригада, двѣ сотни пластуновъ, донской № 23-го полкъ и вся горная артиллерія, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го—чрезъ Бештамакъ, Фальчи, Галацъ, Браиловъ и Бухарестъ къ Журжеву и Дайце.

2) 11-я кавалерійская дивизія—вслѣдъ за кавказскою до Обилешти-Ноу и Слободзіи, противъ Силистріи.

3) 8-й армейскій корпусъ—по пути генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го до Пломбунты, въ окрестностяхъ Бухареста *).

---

*) Лѣвая колонна на нѣсколько дней была задержана у Леова разливомъ Прута, которымъ посносило мосты. Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, у Фальчи, существовала совершенно удобная переправа, которою въ это самое время съ успѣхомъ пользовались мѣстные жители, но о которой мы не знали. 27-го апрѣля и эту послѣднюю переправу залило водою; тогда было приступлено на слѣдующій день къ постройкѣ моста у Фальчи, а переправа у Леова оставлена совершенно. Причиною этой дорого стоившей въ финансовомъ отношеніи задержки было то, что не сдѣлали хорошей предварительной рекогносцировки.

чимъ, надлежало вести и нашу передовую конницу къ назначенному ей конечному пункту за Барбошемъ. Была уже темная, глубокая ночь, когда полковникъ Струковъ объѣхалъ собравшійся на границѣ 29-й казачій полкъ и отъ имени Главнокомандующаго поздравилъ его съ походомъ.

— Благодаримъ покорно Его Высочество и постараемся! радостно грянули въ отвѣтъ казаки.

Начальникъ румынской таможни, извѣщенный о предстоящемъ переходѣ черезъ границу русскихъ войскъ, встрѣтилъ ихъ съ полнымъ почетомъ. Жители маленькой пограничной деревушки Болгарія радостно повыбѣгали изъ своихъ хатъ и зажгли костры, въ знакъ радушнаго привѣтствія русскому войску.

29-й казачій полкъ сталъ переходить границу по ту сторону мостика, переброшеннаго черезъ пограничную канаву у Траянова вала; румынскій доробанецъ, стоявшій на часахъ у бутки, отдалъ полку воинскую почесть, взявъ ружье «на-краулъ». Каждый казакъ снималъ шапку и набожно крестился, переступая рубежъ земли русской. Уже начинало свѣтать, когда весь полкъ стянулся за пограничнымъ шлакбаумомъ; всѣ лица смотрѣли спокойно и серьозно. Кони бодро пофыркивали, что̀ по старой примѣтѣ принято было казаками за до̀брый знакъ. Шесть сотень 29-го полка растянулись вьющеюся змѣйкой по обширной зеленѣющей равнинѣ и вскорѣ на рысяхъ достигли деревни Хаджи-Абдула, гдѣ сдѣланъ былъ получасовой привалъ, а за тѣмъ, на рысяхъ же, тронулись далѣе. Черезъ нѣсколько времени открылись на горизонтѣ угловатыя вершины горъ турецкаго берега, потомъ забѣлѣлся городокъ

Нижне-дунайскій отрядъ (11-й армейскій корпусъ, безъ кавалерійской дивизіи и одной бригады 32-й пѣхотной дивизіи *), но взамѣнъ того усиленный отрядомъ изъ войскъ 7-го корпуса), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго—отъ Кубея въ Галацъ, Браиловъ, Барбошъ, Рени, Килію и Измаилъ.

9-й армейскій корпусъ (кромѣ 5-й пѣхотной дивизіи) былъ перевезенъ по желѣзной дорогѣ до Слатины нѣсколькими днями позже.

4-й, 13-й и 14-й армейскіе корпуса были назначены въ составъ дѣйствующей арміи дополнительно и выступили за границу позднѣе вышеназванныхъ частей.

---

*) Бригада эта была направлена въ Ольтеницу; впослѣдствіи къ ней присоединилась и другая бригада 32-й дивизіи, такъ что на Нижнемъ-Дунаѣ остались только 11-я пѣхотная дивизія и отрядъ изъ войскъ 7-го корпуса.

Рени надъ Дунаемъ; сверкнула широкая полоса рѣки, тихо катившей свои мутныя волны и далеко разлившейся по низменности. Жители Рени съ видимыми проявленіями радости выходили изъ домовъ, кланялись казакамъ и выносили пшеничные хлѣбы, которые разламывали пополамъ, по здѣшнему обычаю, въ знакъ дружбы и союза, оставляя одну половину себѣ, а другую съ поклономъ отдавая нашимъ всадникамъ; офицеровъ же угощали виноградньмъ виномъ, хлѣбомъ и сыромъ, говоря: «слава Богу, опять къ намъ вернулась Россія!» и разсказывали въ какомъ страхѣ находились они до желаннаго прихода русскихъ войскъ, потому что башибузуки каждый день переплываютъ на румынскую сторону и шныряютъ по берегу и по степи отдѣльными группами, человѣка по два, по три.

Отъ Рени дорога повернула вправо и пошла вдоль по дунайскому берегу узкимъ шоссе, которое съ обѣихъ сторонъ было залито водою разлива. Здѣсь, по словамъ жителей, каждый день ходили взадъ и впередъ турецкіе пароходы и броненосцы.

Но вотъ и переправа на Прутѣ. Полкъ подошелъ къ ней крупною рысью и спѣшился. Весело и бодро захватили казаки канаты у парома и тотчасъ же принялись за посадку лошадей. Полковникъ Струковъ, для выигрыша времени, попытался было поискать, нельзя ли гдѣ-нибудь перейти вплавь, но старики-казаки отговаривали, потому что весною теченіе въ Прутѣ бываетъ очень сильное. Переправа, довольно затруднительная вслѣдствіе быстроты рѣки, отняла три часа времени, и не будь движеніе наше до Прута совершено столь быстро, да если бы турки на своихъ броненосцахъ были немножко бдительнѣе, — какъ много могли бы они, при данныхъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ, помѣшать этой переправѣ! Но турки оставались совершенно покойны, вѣроятно, не предполагая, чтобы русскія войска могли сдѣлать переходъ отъ своей границы до Дуная въ столь ничтожный промежутокъ времени.

Переправясь за Прутъ, казаки рысью пошли вдоль по дамбѣ, проложенной по луговой затопленной низменности между Дунаемъ и озеромъ Братышъ, и въ три часа пополудни подошли къ галацкой заставѣ. Столь неожиданное появленіе казаковъ нѣсколько озадачило и всполошило галацкихъ жи-

телей; кто могъ или хотѣлъ, тотъ бѣжалъ имъ на встрѣчу— одни изъ любопытства, другіе изъ сочувствія. Наконецъ, выѣхалъ къ заставѣ и префектъ города, опоясанный, по-французски, трехцвѣтнымъ шарфомъ съ кистями, затканнымъ изъ національныхъ румынскихъ цвѣтовъ: краснаго, желтаго и синяго. Полковники Струковъ и Пономаревъ (командиръ 29-го полка) любезно отрекомендовавшись префекту, просили разрѣшенія пройти черезъ городъ.

— Господа, я не имѣю права ни позволить, ни запретить вамъ.—Soyez les bienvenus! отвѣчалъ имъ префектъ; но наши, платя взаимною деликатностью человѣку, очевидно, не получившему еще на такой экстренный случай никакихъ инструкцій отъ своего правительства и потому не знающему какъ ему быть, рѣшили не ставить его въ затруднительное положеніе и обошли Галацъ городскими выгонами, по окраинѣ. Пройдя еще десять верстъ, достигли въ четыре часа пополудни желѣзнодорожной станціи Барбошъ, при которой находится и мѣстечко того же имени. Какъ мѣстечко это, такъ и самый мостъ еще съ утра были оставлены румынскимъ карауломъ, который отошелъ по направленію къ Бузео.

Черезъ нѣсколько минутъ спѣшенный казачій взводъ былъ уже по ту сторону моста и фактически началъ его охрану, выставивъ часовыхъ по ту и другую сторону рѣки около мостоваго полотна. Устья Серета точно также сейчасъ были заняты нашими постами, а возвышенности особыми пикетами, и разъѣзды заходили вдоль всего берега, до Рени и далѣе, въ ожиданіи десанта съ турецкихъ пароходовъ, которые, показавшись, наконецъ, на фарватерѣ, не могли не замѣтить у Барбоша русской конницы. Однако же никакого десанта съ противной стороны не послѣдовало. Полкъ, въ виду моста, расположился бивуакомъ на горѣ, надъ станціей, и съ этого пункта могъ видѣть вокругъ себя все на далекое разстояніе.

Къ вечеру пошелъ сильный дождь, не помѣшавшій, однако, ни сну утомленныхъ людей, ни бдительности часто смѣняемыхъ разъѣздовъ и ведетовъ. Первая ночь въ виду непріятеля, бывшаго на своихъ броненосцахъ, прошла совершенно спокойно, а къ разсвѣту ихъ уже не замѣчалось. 29-й полкъ одинъ въ теченіи сутокъ охранялъ Барбошскій мостъ, пройдя предварительно, съ четырехъ часовъ утра 12-го апрѣля по

четыре часа пополудни того же числа, около ста верстъ, да еще 15 верстъ со своей стоянки до русской границы, и при этомъ въ цѣломъ полку не было ни одного отставшаго, ни одного заболѣвшаго коня и человѣка, равно какъ не оказалось и ни одной набитой подъ сѣдломъ спины у лошадей, а между тѣмъ, кромѣ тяжести всадника въ полномъ вооруженіи съ боевымъ количествомъ патроновъ, лошади несли на себѣ еще полный походный вьюкъ и трехдневный запасъ провіанта, фуража и сѣна.

Головныя части нашихъ войскъ, еще въ самый день объявленія войны, 12-го апрѣля, уже успѣли перейти русскую границу въ двухъ пунктахъ: въ Унгенахъ и противъ Болграда изъ Кубея *). Въ отрядѣ полковника Струкова должны были слѣдовать къ Барбошу три донскихъ полка: 29-й, 31-й и 40-й; но 31-й казачій полкъ, попытавшійся взять другое направленіе пути, на Вадалуй-Исаки, былъ остановленъ разливомъ и потому принужденъ возвратиться въ Кубей, а 40-й полкъ, опоздавъ ко времени выступленія 29-го полка, долженъ былъ слѣдовать въ хвостѣ колонны полковника Бискупскаго (начальника штаба 11-го армейскаго корпуса), который съ батальономъ 41-го пѣхотнаго Селенгинскаго полка и двумя донскими батареями шелъ за полковникомъ Струковымъ **). Остальные батальоны того же полка и 42-й Якутскій, съ ихъ артиллеріею, подъ начальствомъ своего бригаднаго командира, генералъ-маіора Салова, перешли нашу границу черезъ Траяновъ валъ нѣсколькими часами позднѣе. Пѣхота эта въ тотъ же день, сдѣлавъ быстрый, истинно Суворовскій переходъ въ 70 верстъ, заняла Рени.

---

*) Въ третьемъ пунктѣ, Леовѣ, какъ извѣстно, произошла неожиданная задержка цѣлой колонны, вслѣдствіе сноса мостовъ разливомъ.

**) Вмѣсто назначенныхъ въ авангардъ трехъ казачьихъ полковъ и двухъ донскихъ №№ 8 и 10-го батарей, въ нужную минуту на мѣстѣ очутился только одинъ полкъ—29-й казачій. Это произошло оттого, что предварительно пріѣзда полковника Золотарева, изъ полеваго штаба была прислана депеша, предписывавшая войскамъ кубейскаго отряда «быть въ готовности въ мѣстахъ своего расположенія, но не выступать изъ оныхъ къ сборному пункту, безъ особаго на то приказанія». Поэтому войска, остававшіяся въ своемъ довольно широко разбросанномъ квартирномъ расположеніи, и не могли поспѣть во-время къ мѣсту сбора, когда было привезено экстренное приказаніе — выступить немедленно.

Все молодецкое движеніе 29-го казачьяго полка исполнено было въ 12 часовъ времени, изъ коихъ по меньшей мѣрѣ три часа должно вычесть на паромную переправу черезъ Прутъ. Итого, значитъ, 110-ти верстное разстояніе пройдено въ теченіи *девяти* часовъ, съ привалами!

Занятіе Барбошскаго моста, принимая во вниманіе громадную стратегическую важность сего пункта, составляетъ первый по времени, хотя и безъ пролитія крови совершонный, подвигъ нашихъ войскъ въ настоящую кампанію, въ первый же день ея открытія. Нельзя сказать, чтобы турки не сознавали всего значенія этого пункта какъ для насъ, такъ и для себя. Спустя нѣсколько дней, въ главной квартирѣ было узнано изъ достовѣрнаго источника (черезъ тайнаго агента), что на военномъ совѣтѣ, происходившемъ наканунѣ объявленія войны у главнокомандующаго дунайской турецкой арміи, Гобартъ-паша и нѣкоторыя другія лица настоятельно рекомендовали немедленно же взорвать Барбошскій мостъ, и мнѣніе ихъ было принято къ свѣдѣнію, какъ совершенно основательное, за исключеніемъ только его неотложности: турки думали, что они еще успѣютъ произвести взрывъ, когда получатъ вѣрное свѣдѣніе, что русскія войска приближаются; но они, какъ теперь оказывается, не допускали даже и мысли, чтобы движеніе нашихъ войскъ могло совершиться такъ быстро и ознаменоваться въ первый же день столь рѣшительнымъ результатомъ, какъ занятіе барбошской весьма сильной позиціи и моста, подступы къ которому со стороны Дуная на другой же день по прибытіи пѣхоты и другихъ спеціальныхъ частей, начали ограждаться минными заложеніями и береговыми батареями.

XVI

Дѣйствія въ Браиловѣ съ 14-го по 30-е апрѣля

Амбарго. — Первый выстрѣлъ. — Огонь по поѣзду Великаго Князя Главнокомандующаго. — Наши береговыя батареи въ Браиловѣ. — Первая и вторая погрузка минъ у Браилова. — Взрывъ «Лютфи-Джелиля». — Шпіоны.

Плоешты, 3-го мая.

14-го апрѣля, утромъ, подъ начальствомъ адъютанта Главнокомандующаго, полковника Струкова, прибылъ изъ Барбоша въ Браиловъ первый русскій отрядъ, состоявшій изъ двухъ ротъ Селенгинскаго полка и двухъ сотень донскихъ казаковъ. Назначеніе этого отряда состояло въ томъ, чтобы занять станцію желѣзной дороги, обезпечить исправное состояніе полотна между Барбошемъ и Браиловымъ, наблюдать за берегомъ Дуная и собирать какъ можно болѣе вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ и его намѣреніяхъ. Не смотря на быстрый походъ, сдѣланный съ 12-го по 14-е апрѣля съ русской границы до Браилова, отрядъ пришелъ въ послѣдній пунктъ въ образцовомъ порядкѣ. Полковникъ Струковъ тотчасъ же наложилъ амбарго на турецкія коммерческія суда, находившіяся въ портѣ, а шкиперамъ иностранныхъ судовъ заявилъ, что русло Дуная у Галаца уже заграждается минами, такъ что выходъ въ море для нихъ невозможенъ. Команды турецкихъ судовъ были вооружены, а потому ихъ пришлось обезоружить и снять на берегъ. На одной кочермѣ нашлась даже пушка. Всего взято 9 большихъ кочермъ и до 120 иностранныхъ, не записанныхъ въ портовыхъ книгахъ судовъ, а также до 80 ружей и ятагановъ. Иностраннымъ шкиперамъ предложено продать ихъ товаръ (зерновый хлѣбъ) русской арміи, на что тѣ охотно согласились.

Въ первые же часы по прибытіи на мѣсто, по тщательно собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что на противномъ берегу Дуная находится въ Мачинѣ до 1,700 человѣкъ и въ Гечетѣ, прибрежной деревнѣ, лежащей противъ Браилова—200 человѣкъ турецкаго войска. Апрѣля 20-го прибыла въ Браиловъ 1-я бригада 11-й пѣхотной дивизіи съ 5-ю батареею, подъ начальствомъ генералъ-маіора Салова, который тотчасъ же и

принялъ главное начальствованіе надъ всѣмъ браиловскимъ отрядомъ. Сюда же пріѣхали по желѣзной дорогѣ команды гальванеровъ и моряковъ «дунайской флотиліи», для работъ по части минныхъ загражденій Дуная и Мачинскаго рукава, а также и 7-й саперный батальонъ, который тотчасъ же энергически принялся, при помощи рабочихъ изъ пѣхотныхъ полковъ, возводить береговыя батареи въ Браиловѣ, Галацѣ и другихъ смежныхъ пунктахъ. Весь берегъ Дуная отъ Киліи до Браилова находился уже подъ непосредственнымъ наблюденіемъ нашихъ пикетовъ и разъѣздовъ. Съ этого же дня (14-го апрѣля) Браилову суждено было сдѣлаться самымъ бойкимъ и самымъ интереснымъ пунктомъ въ районѣ прибрежной мѣстности, занятой нашими войсками.

21-го числа генералу Салову было доложено, что два турецкіе монитора, ближе чѣмъ до сего раза, вышли на фарватеръ и разводятъ пары, а потому весьма можетъ случиться, что они попытаются прорваться въ Галацъ, гдѣ въ то время производились еще на берегу весьма для насъ важныя инженерныя работы. Одинъ изъ мониторовъ стоялъ носомъ по теченію, а другой ближе къ противному берегу, у лежащей противъ Браилова деревни Гечетъ. Получивъ эти свѣдѣнія, генералъ Саловъ тотчасъ же распорядился, чтобы на берегъ прибыли два орудія 5-й батареи 11-й артиллерійской бригады, подъ прикрытіемъ 3-й стрѣлковой роты Селенгинскаго полка, что и было исполнено въ самомъ скоромъ времени. Пушки эти были поставлены на возвышенномъ берегу противъ Гечета. Мониторы, конечно, не могли опасаться 4-хъ-фунтовыхъ полевыхъ орудій и потому продолжали стоять на своемъ мѣстѣ и разводить пары, не обращая на наши двѣ пушки ни малѣйшаго вниманія.

Было уже 10¼ часовъ утра, когда прибыли на берегъ генералъ Саловъ и полковникъ Струковъ. Осмотрѣвъ предварительно мѣстность и взвѣсивъ разстояніе отъ нашего берега до борта противника, генералъ приказалъ зарядить орудія и дать выстрѣлъ по первому изъ мониторовъ, въ томъ предположеніи, что при данномъ разстояніи, авось-либо и огонь легкихъ орудій заставитъ непріятеля отойти въ Мачинскій рукавъ, на прежнее мѣсто. Всякая рѣшимость въ военномъ дѣлѣ, какъ извѣстно по тысячелѣтнимъ историческимъ опытамъ, есть ве-

ликая вещь и первый залогъ успѣха. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ присутствовавшіе на берегу сняли шапки и перекрестились; вслѣдъ за этимъ изъ устъ молодаго офицера раздалась извѣстная артиллерійская команда: «первое!» Тотчасъ же звучно грянулъ выстрѣлъ—первый боевой выстрѣлъ въ эту кампанію, и положилъ собою начало нашихъ военныхъ дѣйствій, къ которымъ за минуту до него мы приготовились всеобщимъ крестнымъ знаменіемъ, призывавшимъ на русскій починъ святой войны благословеніе Божіе. Этотъ почипъ былъ знаменателенъ тѣмъ, что всѣ наши, отъ высшаго начальника до послѣдняго солдата, хорошо и глубоко знали въ своемъ сердцѣ, за *что* и за *кого* они начинаютъ драться.

Выпущенный снарядъ далъ нѣкоторый перелетъ и упалъ въ воду за первымъ мониторомъ; второй мониторъ, какъ уже сказано, стоялъ позади перваго въ небольшомъ разстояніи.

Не прошло и минуты, какъ забѣлѣлъ на рѣкѣ клубъ дыма, и тотчасъ же съ визгомъ пролетѣлъ снарядъ надъ головами артиллеристовъ и легъ за батареею, но не разорвался. Вслѣдъ за первымъ, такъ называемымъ «привѣтственнымъ» обмѣномъ выстрѣловъ, началась канонада. Наши артиллеристы по третьему заряду окончили уже пристрѣлку, нашли достодолжный уголъ возвышенія, и снаряды стали мѣтко попадать въ бортъ броненосца и падать на его палубу. Разумѣется, легкій полевой снарядъ отскакивалъ отъ толстой стальной брони, но, разрываясь, все-таки причинялъ непріятелю вредъ своими осколками. Турецкіе же снаряды ложились вправо и влѣво отъ батареи, падали въ склоны берега или же рвались не долетая до нашихъ орудій и, къ счастію, не наносили никакого вреда ни пушкамъ, ни прислугѣ. Это только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что два полевыя орудія отчасти заслоняемыя отъ глазъ противника карнизомъ возвышенности, на которой они были поставлены, представляли собою для мониторовъ, съ ихъ разстоянія, цѣль слишкомъ малыхъ размѣровъ. Спустя нѣсколько времени къ нашимъ орудіямъ было прибавлено еще два, той же батареи, и такимъ образомъ противъ полеваго дивизьона мониторы вели канонаду въ теченіи болѣе полутора часа, съ четверти одиннадцатаго до полудня. Въ продолженіи этого времени снаряды дивизьона 5-й батареи были на столько мѣтки, что на первомъ мониторѣ успѣли со-

вершенно сбить трубу и испортить руль, а на второмъ отъ нашего огня загорѣлась палуба. Вслѣдствіе этихъ пораженій, второй мониторъ вскорѣ скрылся за островомъ, уйдя въ Мачинскій рукавъ Дуная, а первый, не имѣя возможности управляться безъ руля, поспѣшилъ причалить къ берегу и сталъ поспѣшно выпускать пары. Тогда второй, какъ менѣе пострадавшій, приблизясь къ товарищу, перебросилъ къ нему канатъ и съ помощью этого приспособленія отбуксировалъ его назадъ, за лѣсистый островъ, на порядочное разстояніе. Сдѣлавъ на пути еще нѣсколько выстрѣловъ по нашимъ орудіямъ, оба броненосца совсѣмъ уже отретировались къ Мачину, откуда они — какъ говорятъ болгары и русскіе, пробирающіеся къ намъ иногда съ того берега въ своихъ утлыхъ рыбачьихъ душегубкахъ — будто бы отправлены въ Рущукъ для необходимыхъ починокъ и исправленій въ существенныхъ частяхъ своей конструкціи. Отъ нихъ же мы узнали, что въ тотъ же день къ вечеру съ перваго броненосца были свезены на берегъ для погребенія трое убитыхъ: капитанъ судна и два рулевыхъ матроса.

Во время этой канонады, по дунайскимъ отмелямъ были разсыпаны стрѣлки Селенгинскаго и Охотскаго полковъ, которые стрѣляли по людямъ на мониторахъ и отвѣчали на огонь изъ Гечета, а также и турецкимъ стрѣлкамъ, находившимся въ рукавѣ, на шлюпкахъ, при чемъ на нашей сторонѣ раненъ одинъ болгаринъ, стоявшій вблизи стрѣлковъ, прострѣлена шинель у одного казака, а у другаго пуля ударилась въ шашку и, наконецъ, убитъ на берегу одинъ изъ жителей Браилова. Нѣкоторые изъ турецкихъ снарядовъ долетали и до города, гдѣ пробили стѣны въ нѣсколькихъ зданіяхъ, но никого не убили и не ранили *).

Снаряды турецкіе, снабженные англійскою пломбою, на сей разъ весьма плохо разрывались, такъ что оттоманскіе друзья — англичане, въ этомъ отношеніи оказали услугу скорѣе намъ, чѣмъ туркамъ. Четыре орудія 5-й батареи, какъ видно по

---

*) Генералъ Саловъ еще при самомъ началѣ канонады приказалъ командиру 3-й стрѣлковой селенгинской роты, капитану Перумову, спуститься къ Дунаю съ однимъ полувзводомъ стрѣлковъ и, вмѣстѣ съ казаками, бывшими на посту при сотникѣ Поповѣ, — разсыпаться по берегу и открыть огонь по непріятельской пѣхотѣ, показавшейся между строеніями Гечета.

результатамъ, стрѣляли очень хорошо. Они находились подъ командою поручиковъ Маслова и Карпинскаго, при командирѣ дивизьона штабсъ-капитанѣ Мазуревичѣ и подъ общимъ руководствомъ батарейнаго командира подполковника Тимирязева.

Дѣло это, ничтожное само по себѣ, не лишено однако же для насъ нѣкотораго нравственнаго значенія: оно наглядно показало духъ и степень боевой подготовки нашей полевой артиллеріи. И въ самомъ дѣлѣ, для этого стóитъ только взвѣсить то обстоятельство, что съ одной стороны выступаютъ два монитора, защищенные сильною бронею и вооруженные дальнобойными крупповскими пушками, а съ другой—противъ нихъ выдвигаются сначала два, а потомъ четыре легкія, полевыя орудія, которыя ни одной минуты не задумываются взять на себя починъ огня и менѣе чѣмъ въ два часа времени заставляютъ ретироваться несравненно сильнѣйшаго противника. Въ существенномъ же результатѣ этого дѣла было то, что мониторы въ теченіи двухъ сутокъ не выходили ни противъ Гечета, ни на главный фарватеръ рѣки, чтó для насъ было весьма кстати, такъ какъ въ это самое время у насъ спѣшно строились береговыя батареи для орудій большáго калибра; команды, наряжаемыя отъ пѣхотныхъ частей, при помощи 7-го сапернаго батальона, въ два дня возвели прекрасныя земляныя постройки, удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ полевой фортификаціи.

24-го апрѣля, въ третьемъ часу дня, большой трехмачтовый броненосный корветъ, пришедшій въ воды Мачинскаго рукава только наканунѣ (23-го числа), показался на главномъ фарватерѣ и, подойдя на должное разстояніе, далъ первый выстрѣлъ по нашей батареѣ. Это было въ 2 часа 35 минутъ, какъ разъ въ то время, когда подходилъ изъ Галаца желѣзнодорожный поѣздъ, на которомъ слѣдовалъ Великій Князь Главнокомандующій, для осмотра браиловской позиціи *). Всѣ начальники частей находились на дебаркадерѣ, для встрѣчи Его Высочества, когда раздался этотъ первый выстрѣлъ; за нимъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, послѣдовалъ

---

*) Подробности объ этой поѣздкѣ см. въ слѣдующей за этимъ корреспонденціи.

второй, очевидно направленный въ поѣздъ, но давшій перелетъ надъ вагонами, а по третьему выстрѣлу снарядъ большаго калибра упалъ въ двадцати саженяхъ отъ станціи. Генералъ Саловъ, какъ начальникъ всего отряда, долженствовавшій оставаться на станціи для пріема Его Высочества, поручилъ полковнику Струкову отправиться къ батареямъ и временно принять начальство надъ берегомъ и войсками.

На батареѣ противъ Гечета у насъ еще шли работы и до 800 человѣкъ были заняты ими; полевая артиллерія, въ числѣ одной четырехфунтовой батареи, стояла на берегу для ихъ прикрытія, межъ тѣмъ бомбардировка съ корвета не прекращалась; снаряды падали то на насыпаемую батарею, то вокругъ нея—и такъ продолжалось около полутора часа. Струковъ, отведя воинскія части въ укрытое мѣсто, предохранилъ ихъ отъ дѣйствія турецкихъ снарядовъ, которые пускались на удачу, не имѣя предъ собою опредѣленной цѣли, за исключеніемъ, конечно, строющейся батареи. Главнокомандующій этимъ временемъ объѣзжалъ возводимыя нами инженерныя сооруженія и въ 3½ часа пополудни заѣхалъ на батарею № 3-й, гдѣ приказалъ не отвѣчать на выстрѣлы корвета, такъ какъ дѣйствіе нашихъ легкихъ орудій, во всякомъ случаѣ, не могло достичь никакой существенной цѣли при данномъ разстояніи, а между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе бомбардировки весьма легко могло бы нанести чувствительный вредъ городу, куда и безъ того уже попали три бомбы, къ счастію, безъ печальныхъ для жителей послѣдствій.

При этой послѣдней бомбардировкѣ нами замѣчено, что турецкіе снаряды уже были не такого свойства, какъ въ первый разъ: бо́льшая часть гранатъ давала разрывъ, да и стрѣльба производилась съ бо́льшею разсчитанностію и потому была болѣе мѣткою, чѣмъ 21-го апрѣля. Турки выпустили пятнадцатъ снарядовъ; выстрѣлы давались рѣдко, и бомбадированіе, начавшееся въ 2½ часа, окончилось въ половинѣ пятаго пополудни. Войска, ободряемыя офицерами, все время спокойно продолжали насыпать батарею.

26-го апрѣля были уже вооружены двѣ наши батареи: *мортирная*, предназначенная для продольнаго обстрѣливанія Мачинскаго рукава, и *батарея № 4-й*, передъ городомъ, для дѣйствія изъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій противъ Гечета и его

окрестностей *). Въ тотъ же день утромъ приказано было открыть съ этихъ батарей пробную пальбу, для пристрѣлки, а также и съ цѣлью отодвинуть подалѣе мониторы, чтобы прикрыть подошедшій къ Браилову нашъ пароходъ съ четырьмя винтовыми шлюпками, которыя въ этотъ день должны были погрузить предъ Браиловымъ минныя загражденія. Нѣсколько мортирныхъ выстрѣловъ, упавшихъ въ воду около самыхъ мониторовъ, заставили противника удалиться, изъ предосторожности, по направленію къ городу Мачину, гдѣ оба судна и скрылись изъ виду. Вслѣдствіе удаленія ихъ, генералъ Саловъ нашелъ, что предположенныя нами работы по минному загражденію Дуная вполнѣ возможны и приказалъ стрѣлкамъ, на всякій случай, разсыпаться по берегу. Вмѣстѣ съ этимъ,—такъ какъ Гечетъ представляетъ собою для непріятеля весьма удобный пунктъ закрытія,—вызваны были охотники, съ тѣмъ чтобы въ рыбачьихъ лодкахъ переплыть на ту сторону и, если противникъ тамъ въ незначительныхъ силахъ, то выбить его изъ гечетскихъ окоповъ, насыпанныхъ турками 22-го апрѣля, и забрать сложенный въ этомъ селеніи каменный уголь. Охотники тотчасъ же явились—даже въ числѣ, превышавшемъ потребность—и отправлены по назначенію**). Выплывъ на середину рѣки, они были встрѣчены учащеннымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за гечетскихъ окоповъ и изъ оконъ домовъ этого селенія, при чемъ у насъ раненъ въ ногу одинъ рядовой. Дабы не подвергать людей напраснымъ потерямъ, изъ-за такой ничтожной цѣли, какъ добыча нѣсколькихъ пудовъ угля, и такъ какъ силы непріятеля въ Гечетѣ оказались болѣе того, сколько ихъ предполагалось, охотникамъ велѣно было возвратиться. По строеніямъ же Гечета, за которыми укрывались непріятельскіе стрѣлки, наша артиллерія сдѣлала послѣ этого нѣсколько выстрѣловъ, едва ли впрочемъ нанесшихъ существенный вредъ, потому что иначе турки врядъ ли продолжали бы до половины девятаго часа вечера ружейную перестрѣлку съ нашими стрѣлками, разсыпан-

---

*) Вооруженіе первой состояло изъ двухъ 6-ти-дюймовыхъ нарѣзныхъ мортиръ, а второй изъ двухъ 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ.

**) Команда Якутскаго полка подъ начальствомъ поручика Дворжицкаго и команда Селенгинскаго полка при подпоручикѣ Игнатенко.

ными съ утра за береговыми строеніями. Пули противника хорошо долетали до берега и многія изъ нихъ даже перелетали батарею. На другой день (27-го апрѣля), по предварительному соглашенію съ начальникомъ инженерной части дѣйствующей арміи, генералъ-маіоромъ Деппомъ, рѣшено было приступить на разсвѣтѣ, подъ прикрытіемъ нашихъ батарей, къ заложенію минныхъ загражденій на Дунаѣ. Для огражденія этихъ важныхъ работъ отъ непріятельскихъ пуль съ того берега, генералъ Саловъ поручилъ полковнику Струкову перевезти въ 12-ти лодкахъ на правый берегъ команду, назначенную отъ Селенгинскаго и Якутскаго полковъ *). Флотилія эта спустилась внизъ по Дунаю и сожгла между Браиловымъ и Галацомъ три кордонные домика и сарай, гдѣ скрывались непріятельскіе стрѣлки, которые легко могли бы мѣшать нашимъ шлюпкамъ производить минныя работы.

Съ разсвѣтомъ показался на Дунаѣ нашъ пароходъ, предназначенный идти на минныя работы, для поддержки шлюпокъ и снабженія ихъ потребнымъ матеріаломъ. Но, увидя приближавшійся по Мачинскому рукаву турецкій броненосецъ, пароходъ этотъ долженъ былъ вернуться, а генералъ Саловъ приказалъ открыть по броненосцу артиллерійскій огонь, съ помощью котораго и принудилъ его повернуть и уйдти въ обратную сторону. Пѣхотная и казачья команды, бывшія на рыбачьихъ лодкахъ, исполнивъ тѣмъ часомъ возложенное на нихъ порученіе, уже возвращались назадъ и въ это время подверглись частому ружейному огню изъ Гечета, на который вынуждены были отвѣчать изъ своихъ лодокъ. При этомъ съ нашей стороны никакого урона не было; пострадала только отъ пули одна пола шинели у рядоваго 3-й роты Селенгинскаго полка.

Въ это время капитанъ 1-го ранга Рогуля доложилъ генералу Салову, что около полудня уже начнется загражденіе. Въ половинѣ двѣнадцатаго нашъ пароходъ, съ четырьмя паровыми и четырьмя минными шлюпками, подошелъ къ браи-

*) Команды эти находились подъ ближайшимъ начальствомъ штабсъ-капитана Якутскаго полка Петрова, поручика Селенгинскаго полка Климова и подпоручика Игнатенко, ограничиваясь составомъ только изъ 50-ти человѣкъ и 9-ти казаковъ съ сотникомъ Поповымъ. Общее управленіе рыбачьими лодками принялъ лейтенантъ Загорянскій-Кисель съ 14-ю матросами.

ловской пристани, гдѣ отпустилъ отъ себя шлюпки. Эти послѣднія въ три-четверти перваго часа потянули минныя лодки къ мѣсту предположеннаго загражденія, которое и было благополучно окончено въ три часа пополудни, безъ всякихъ несчастныхъ для насъ случаевъ. Пароходъ послѣ этого возвратился къ устью рѣки Прута, а паровыя шлюпки стали у Браилова.

На 29-е апрѣля предположено было сдѣлать съ утра второе загражденіе, ниже Гечета, почему, для прикрытія работы отъ непріятельскихъ выстрѣловъ изъ сего послѣдняго пункта, по требованію капитана 1-го ранга Рогули, въ 11 часовъ утра вышелъ отъ устья Прута нашъ пароходъ, подъ командою капитана Беклешова. Пароходъ этотъ, въ виду двухъ непріятельскихъ броненосцевъ, сдѣлавъ два выстрѣла изъ носоваго орудія по Гечету, привалилъ къ браиловской пристани. Въ первомъ часу дня показался другой нашъ пароходъ, шедшій съ минами изъ Галаца, но—въ виду двухъ броненосцевъ противника, стоявшихъ въ Мачинскомъ рукавѣ,—долженъ былъ вернуться назадъ.

Въ это время, во второмъ часу дня, въ виду Браилова опять появился трехмачтовый броненосный корветъ, тотъ самый что бомбардировалъ наши инженерныя работы и городъ 24-го числа, въ день пріѣзда Великаго Князя. Около этого большаго судна расхаживали взадъ и впередъ два другіе броненосца меньшихъ размѣровъ. Въ исходѣ втораго часа вблизи ихъ появилось новое судно, дотолѣ еще не замѣчавшееся нами въ водахъ Мачинскаго рукава; длинное, бѣлое, оно походило болѣе на пассажирскій пароходъ, чѣмъ на военное судно. Пароходъ этотъ вскорѣ спустилъ шлюпку, которая подошла къ большому корвету и на этомъ послѣднемъ въ ту же минуту былъ поднятъ вице-адмиральскій флагъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи, оказывается что шлюпка съ парохода доставила на корветъ вице-адмирала Буюкъ-пашу, который, впрочемъ, какъ кажется, не остался на корветѣ, а переправился съ него на другое судно, минутъ за десять до извѣстной катастрофы. Тѣмъ не менѣе, вице-адмиральскій флагъ оставался на мачтѣ. Между тѣмъ корветъ, совмѣстно съ остальными турецкими судами, занялъ въ Мачинскомъ рукавѣ боевую позицію, съ видимымъ намѣреніемъ начать бомбарди-

ровку, но огня еще не открывалъ. Выйдя на позицію, онъ бросилъ якорь, завезъ кабельтовъ на берегъ и повернулся къ намъ правымъ бортомъ; остальные мониторы стали около него такимъ же образомъ. Разстояніе отъ нашихъ береговыхъ укрѣпленій до корвета равнялось 1,700 саженямъ (около $3^1/_2$ вер.) или нѣсколько болѣе. Въ бинокль ясно виднѣлись на немъ обращенныя къ намъ орудія, но экипажа на палубѣ не было. Въ 2 часа и 10 минутъ пополудни нашимъ батареямъ, мортирной и № 4-му, приказано было открыть огонь. Мортирная дала нѣсколько выстрѣловъ, не долетѣвшихъ до цѣли; батарея № 4-й взяла хорошее направленіе: ея снаряды совсѣмъ близко ложились около корвета, но пока еще не задѣвали его; а онъ межъ тѣмъ продолжалъ сохранять свое вызывающее положеніе молча. Всѣ досадовали... Пальба продолжалась; но слѣдя въ подзорную трубу съ высоты втораго этажа ближней казармы за полетомъ снарядовъ, наблюдавшіе офицеры видѣли только, какъ черезъ десять секундъ послѣ каждаго выстрѣла около корвета вставалъ и разсыпался серебряными брызгами столбъ водяной пыли. Экипажъ, укрываясь отъ нашего огня, лишь изрѣдка, и то въ небольшомъ количествѣ, появлялся на палубѣ и тотчасъ же скрывался подъ люками, чуть лишь на браиловскомъ берегу подниметса клубъ дыма.

Выпущено было до тридцати снарядовъ и уже хотѣли было прекратить пальбу, тѣмъ болѣе, что турки не отвѣчали, какъ вдругъ, въ три часа и 10 минутъ пополудни, въ одно и то же мгновеніе съ двухъ различныхъ батарей разомъ грянули два выстрѣла. Эта одномгновенность есть дѣло полной, но замѣчательной случайности. Офицеры внимательно продолжали слѣдить за полетомъ снарядовъ; прошло десять секундъ—на водѣ нѣтъ брызговъ... Вдругъ весь корветъ закрылся дымомъ, сквозь который, какъ молнія, пробился темно-багровый огонь. Нѣкоторые подумали, что это непріятель разомъ далъ залпъ изъ всѣхъ своихъ орудій; но чрезъ двѣ-три секунды раздался ужасный, громоподобный трескъ, отдавшійся на нашемъ берегу сильнымъ сотрясеніемъ воздуха, и громадный столбъ изъ нѣсколькихъ переплетшихся языковъ огня и чернаго густаго дыма, съ глухимъ гуломъ, взвился къ небу, сажень на сорокъ въ высоту, и сталъ надъ корве-

томъ... Въ бинокли видно было, какъ летѣли вверхъ двѣ мачты, доски, бревна и разные осколки; замѣтны были даже и люди, падавшіе сверху внизъ, которые, по словамъ очевидцевъ, казались имъ издали словно бы червячки или рой черныхъ мухъ.

Мертвое молчаніе воцарилось въ этотъ моментъ на нашихъ батареяхъ, и въ народѣ, и въ войскахъ, стоявшихъ по берегу. Поражающій смыслъ трагическаго факта былъ ясенъ, но неожиданность его невольно ошеломила каждаго въ первую минуту. За то какое же «ура» понеслось съ нашего берега вдоль и вширь по Дунаю, когда прошла эта первая минута! Турки на своихъ мониторахъ даже и за четыре версты хорошо должны были слышать этотъ радостный, долгій кликъ русскаго солдата, въ то время какъ вѣтеръ тихо разносилъ тучу дыма надъ мѣстомъ только что свершившейся катастрофы. Когда этотъ дымъ наконецъ разсѣялся на столько, что можно было кое-что видѣть, отъ грознаго броненосца остался лишь единственный слѣдъ на гладкой поверхности Дуная: надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ пошелъ онъ ко дну, торчала изъ воды одна только третья мачта съ висящимъ на ней вице-адмиральскимъ флагомъ.

Толпы зрителей, стоявшія на берегу рядомъ съ войсками, браиловскіе жители, болгары, румыны, греки, армяне, русскіе выходцы—все это, ликуя, бросилось другъ къ другу съ поздравленіями, объятіями, поцѣлуями... Живѣйшая радость и восторгъ торжества сіяли на всѣхъ лицахъ.

Первая мысль, первое движеніе чувства послѣ минутъ, невольно отданныхъ торжеству побѣды, была забота объ участи погибавшихъ матросовъ взорваннаго судна. Испросивъ разрѣшеніе генерала Салова, полковникъ Струковъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля, гвардейскаго экипажа лейтенантъ Дубасовъ, есаулъ Дукмасовъ и еще нѣсколько морскихъ офицеровъ бросились на три паровыя шлюпки и на всѣхъ парахъ пустились къ мѣсту катастрофы. Первою шла шлюпка «Олафъ», съ лейтенантомъ Дубасовымъ и Дукмасовымъ; въ 150 саженяхъ отъ него шелъ лейтенантъ черноморскаго флота Шестаковъ, а въ третьей шлюпкѣ, на такомъ же разстояніи, плыли гг. Струковъ, Рогуля, Персинъ и др. Всѣ они, держа направленіе къ Гечету, обогнули

затопленный островъ и, войдя въ Мачинскій рукавъ, прослѣдовали мимо гечетскихъ окоповъ, за которыми видна была турецкая пѣхота, не давшая однако по шлюпкамъ ни одного выстрѣла; какъ видно, паника турокъ была слишкомъ велика и они не успѣли еще придти въ себя отъ сильнаго впечатлѣнія взрыва: пѣхотинцы эти молча и неподвижно смотрѣли на плывущія мимо ихъ лодки, на которыхъ не развѣвалось даже бѣлаго парламентерскаго флага, такъ какъ за спѣшностью отхода шлюпокъ его не успѣли захватить съ собою.

Наконецъ, наши пришли на мѣсто гибели корвета. Но тамъ, за исключеніемъ мачты, торчавшей изъ воды, не было уже ни малѣйшаго слѣда только что совершившихся ужасовъ. Тихо и плавно текла спокойная рѣка и кротко сіяло надъ нею весеннее солнце, какъ будто и ровно ничего не случилось, какъ будто здѣсь и не погибло сейчасъ, въ одно мгновеніе болѣе двухсотъ человѣческихъ жизней... Нигдѣ вокругъ—ни одного трупа, ни одного обломка, все исчезло безслѣдно на днѣ Дуная. Турецкіе мониторы были совсѣмъ на виду; отъ нашихъ шлюпокъ оставалось до нихъ не болѣе трехъ кабельтовыхъ, но мониторы, также точно какъ турецкая пѣхота, и не подумали дать по своимъ врагамъ ни одного выстрѣла, равно какъ ранѣе нашего прибытія не подумали и о томъ, чтобы спустить шлюпки на помощь утопавшимъ товарищамъ.

Лейтенантъ Дубасовъ подплылъ къ мачтѣ и снялъ съ нея флагъ, доставшійся намъ единственнымъ, но достойнымъ трофеемъ этой побѣды *). Всѣ поиски нашихъ шлюпокъ остались тщетными. Онѣ уже возращались назадъ, когда съ гечетскаго берега донесся слабый страдальческій стонъ. Тотчасъ же причалили къ берегу и высадились изъ одной шлюпки. Здѣсь на берегу нашли матеріалы для телеграфа, который турки намѣревались было проводить въ этомъ мѣстѣ; часть проволоки и фарфоровыя болванки забрали съ собою, часть потопили; затѣмъ, продолжая поиски, услышали снова тотъ же стонъ и вскорѣ наткнулись въ невысокихъ камышахъ на лежавшаго

---

*) Нѣсколько дней спустя, этотъ флагъ былъ отправленъ въ Петербургъ, къ Государю Императору, съ адъютантомъ Главнокомандующаго ротмистромъ Андреевымъ, и тогда же, по волѣ Его Императорскаго Величества, переданъ на храненіе, какъ трофей, въ Морское Училище.

турка. Руки и ноги его были страшно обожжены и опалено все платье. Его подняли и перенесли въ лодку. Сначала онъ былъ ужасно испуганъ, весь дрожалъ и онѣмѣлъ отъ страха, но его тотчасъ же постарались успокоить ласковымъ обращеніемъ, и несчастный мало-по-малу пришелъ въ себя и пріободрился на столько, что, по доставкѣ его въ браиловскій военно-временный госпиталь, могъ уже отвѣчать на вопросы. Оказалось, что весь его страхъ происходилъ отъ того, что начальство турецкое распространило между матросами и солдатами убѣжденіе, будто русскіе всѣхъ своихъ плѣнныхъ тотчасъ же сажаютъ по-турецки на колъ, и онъ думалъ, что та же участь неизбѣжно предстоитъ и ему; но когда увидѣлъ на дѣлѣ столь заботливый уходъ за собою и такое человѣчное обращеніе, то теперь, начиная уже поправляться, съ искреннимъ чувствомъ сознается, на сколько всѣ его собратья заблуждаются въ «Московѣ» и говоритъ, что впредъ уже не только самъ не пойдетъ, но и дѣтямъ, и роднымъ, и всему дальнѣйшему потомству завѣщаетъ не воевать противъ «Москова». Отъ этого плѣнника узнали, что взорванный корветъ назывался «Лютфи-Джелиль», что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ «подъ милостію Божіею»; что судно находилось подъ командою капитана Негибъ-бея, имѣвъ экипажа 219 человѣкъ, изъ которыхъ, какъ видно, только онъ одинъ какимъ-то чудомъ остался въ живыхъ; что на корветѣ было пять пушекъ, изъ коихъ два орудія 9-ти-дюймовыя, два 90-фунтовыя и одно орудіе 40-фунтовое; что длина судна равнялась 222 футамъ, ширина 44,5 фут., подводная часть 9,5 фут., машина въ 200 силъ и ходъ 12 узловъ.

Когда шлюпки наши подплыли къ Браилову, на берегу ихъ встрѣтила громкая овація жителей, вполнѣ убѣжденныхъ, что отнынѣ турки не осмѣлятся уже бомбардировать ихъ городъ, а при видѣ поднятаго вице-адмиральскаго флага, къ оваціямъ народа присоединились и клики русскаго войска. Всѣ русскіе были еще болѣе довольны тѣмъ, что наказанъ именно тотъ самый броненосецъ, который пускалъ снаряды по поѣзду Великаго Князя. Тутъ же, на берегу, между нѣсколькими гражданами было собрано одиннадцать червонцевъ, которые представлены генералу Салову, съ просьбою передать ихъ молодцамъ наводчикамъ; явилась депутація отъ города благода-

рить русскія войска, въ лицѣ ихъ генерала и всѣхъ офицеровъ, и просить послѣднихъ къ обѣду, приготовленному въ честь ихъ въ городскомъ клубѣ. Съ этого дня русское имя произносится здѣсь съ величайшимъ уваженіемъ; при встрѣчѣ съ русскимъ здѣшніе жители, знакомые и незнакомые, спѣшатъ ему поклониться съ явнымъ выраженіемъ симпатіи и почтенія. Особенно же пріободрились болгары, которые горятъ нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣе своихъ освободителей за Дунаемъ, а молодежь ихъ такъ и рвется стать въ ряды формируемыхъ нами дружинъ болгарскихъ.

Славнымъ результатомъ этого дня мы должны быть обязаны четыремъ русскимъ воинамъ: командиру батареи № 4-го, осадной артиллеріи поручику Самойло, уроженцу Смоленской губерніи, только въ 1875 году выпущенному изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища; подпоручику 7-го саперпаго батальона Романову, состоящему при мортирной батареѣ для инженерныхъ работъ и помогавшему командиру оной, за неимѣніемъ другаго артиллерійскаго офицера, и двумъ наводчикамъ — строеваго отдѣла осадной артиллеріи рядовымъ: Роману Давыдюку и Ивану Помпарю. Первый изъ нихъ, подъ наблюденіемъ поручика Самойло, наводилъ 24-хъ-фунтовое орудіе, а второй — мортиру, подъ руководствомъ подпоручика Романова *).

Когда въ Кишиневѣ, часовъ около 7½ вечера, получена была Главнокомандующимъ первая вѣсть о взрывѣ броненосца, отправленная по телеграфу тотчасъ же послѣ происшествія, Его Высочество быстрыми шагами вышелъ изъ кабинета въ пріемную залу, гдѣ оставалось еще послѣ обѣда нѣсколько лицъ главной квартиры и воскликнувъ: «Слушай, ребята!» прочелъ эту телеграмму. Громкое и единодушное «ура» тотчасъ же огласило весь домъ Великаго Князя и черезъ минуту было подхвачено на бульварѣ, гдѣ противъ квартиры Его Высочества всегда, бывало, стоитъ толпа народа. Черезъ четверть часа уже весь городъ зналъ и радостно толковалъ объ этомъ счастливомъ для русскаго оружія началѣ. Его Высоче-

*) Романъ Давыдюкъ, православнаго вѣроисповѣданія, родомъ изъ мѣщанъ города Житоміра, женатъ, на службѣ съ 1870 года; Иванъ Помпарь, православный же, родомъ изъ мѣщанъ города Кіева, на службѣ съ 1874 года.

ство тотчасъ же отправилъ къ командиру 11-го корпуса, князю Шаховскому, слѣдующую отвѣтную телеграмму:

«Отъ всей души поздравляю тебя и войска со славнымъ результатомъ стрѣльбы нашей артиллеріи. Прикажи объявить тому наводчику, который вѣрнымъ выстрѣломъ взорвалъ броненосецъ, что Я его жалую знакомъ военнаго ордена. Пришли Мнѣ его имя и фамилію, и фамилію офицера, который командовалъ орудіями. Объявить артиллеристамъ Мое большое спасибо!»

Въ тотъ день еще не были извѣстны всѣ подробности дѣла и потому въ Кишиневѣ, основываясь на краткомъ извѣщеніи князя Шаховскаго, не знали еще, что по монитору сдѣланы были одновременно два выстрѣла. Когда же выяснились всѣ подробности, то оставалось рѣшить: которому изъ двухъ выстрѣловъ принадлежитъ честь взрыва? Прицѣлъ 24-хъ-фунтоваго орудія представлялъ уголъ возвышенія 15°3½′, а мортиры = возвышенія 45° и отклоненія 25′. Такъ какъ мортирные снаряды въ этотъ день, на данномъ разстояніи, долетали 10-ю секундами позже снарядовъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій и такъ какъ наблюдавшіе офицеры, отъ момента обоихъ выстрѣловъ до момента взрыва, положительно не видѣли водянаго столба, то есть полное основаніе думать, что выстрѣлъ 24-хъ-фунтоваго орудія попалъ въ свою цѣль и, вѣроятно, нанесъ судну весьма существенное потрясеніе въ его скелетѣ и обшивкѣ, что̀ называется, развинтилъ, расхлябалъ его; а такъ какъ пробить на столько̀ палубу, чтобы произвести взрывъ крюйтъ-камеры, могъ только снарядъ, пущенный навѣсно, то ясно, что мортирный выстрѣлъ довершилъ дѣло 24-хъ-фунтоваго орудія. На этомъ основаніи пожалованы знаками военнаго ордена оба наводчика и оба офицера представлены къ Высочайшимъ наградамъ: поручикъ Самойло — къ ордену св. Владиміра 4-й ст. съ мечами, а подпоручикъ Романовъ — св. Анны 3-й ст. съ мечами же.

4-го мая Его Высочество Главнокомандующій получилъ въ Плоештахъ отъ одесскаго градскаго головы телеграмму, извѣщающую, что городъ Одесса испрашиваетъ благосклоннаго распоряженія Его Высочества о принятіи отъ него для канонира, взорвавшаго турецкій броненосецъ, ежегодной пожизненной пенсіи въ 120 руб. Вмѣстѣ съ симъ одесскій голова

извѣщалъ, что дума назначила денежное пособіе одесскимъ семействамъ солдатъ дѣйствующей арміи. Великій Князь Главнокомандующій поручилъ начальнику своего штаба передать одесскому головѣ, что Его Высочество очень тронутъ вниманіемъ жителей города Одессы къ солдатамъ ввѣренной ему арміи и выражаетъ свою душевную благодарность одесской городской думѣ, но вмѣстѣ съ симъ, извѣщая, что взрывъ произведенъ благодаря удачной наводкѣ двухъ рядовыхъ, предлагаетъ: не найдетъ ли одесская дума умѣстнымъ раздѣлить пожертвованную городомъ пенсію на двѣ равныя половины — для Давыдюка и Помпаря. Отвѣтъ одесситовъ не заставилъ ожидать себя долго и былъ въ пользу обоихъ молодцовъ-наводчиковъ, первыхъ георгіевскихъ кавалеровъ нынѣшней войны.

Работы въ Браиловѣ теперь много всѣмъ, и днемъ, и ночью: мониторы, бомбардировки, наблюденія за Гечетомъ, за берегами, за судами, постройка батарей, минныя загражденія, производимыя почти подъ выстрѣлами, и проч.—все это дѣлаетъ данный пунктъ крайне интереснымъ. Здѣсь почти всѣ ложатся спать въ два-три часа ночи, а въ шесть утра уже опять на работѣ, и трудятся всѣ, безъ исключенія, очень усердно, съ увлеченіемъ, съ полнымъ сознаніемъ своего долга. До 1,800 человѣкъ ежедневно работали съ заступами и кирками на батареяхъ, а при этомъ еще постоянные караулы на берегу, въ порту, на судахъ, разъѣзды по берегу, наблюдательныя экспедиціи къ Гечету и въ другіе пункты, и все это исполняется отчетливо, хорошо. Загражденія уже вполнѣ окончены, и бывшіе на этихъ работахъ утверждаютъ, что съ Мачинскаго Дуная нашихъ береговыхъ батарей и незамѣтно. Было приказано вырубить лѣсъ на затопленномъ островѣ, но потомъ приказаніе это отмѣнено, потому что деревья мѣшаютъ броненосцамъ хорошо насъ видѣть. Турки съ 29-го числа не предпринимаютъ противъ насъ ничего новаго. Въ тотъ же день было сдѣлано въ Браиловѣ распоряженіе о высылкѣ изъ города на противный берегъ всѣхъ турокъ, безъ всякаго дѣла остававшихся еще въ порту, отъ рѣчныхъ судовъ и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ, такъ какъ были основанія предполагать, что нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ безгрѣшны въ передачѣ нашимъ противникамъ кое-какихъ свѣ-

дѣній, между прочимъ и о часѣ ожидавшагося прибытія въ Браиловъ Великаго Князя, чѣмъ только и можетъ быть объяснено то обстоятельство, что корветъ, ни до, ни послѣ того дня не стрѣлявшій по желѣзно-дорожнымъ поѣздамъ, открылъ вдругъ огонь именно въ одинъ только этотъ разъ по поѣзду Его Высочества. Всѣхъ турокъ набралось въ Браиловѣ 35 человѣкъ. 30-го апрѣля они были переправлены въ нѣсколькихъ лодкахъ на турецкій берегъ. Въ эту экспедицію вызвались охотниками двѣнадцать болгаръ и одинъ русскій офицеръ. Отправляемые турки заранѣе были предупреждены, что если ихъ соотечественники въ Гечетѣ вздумаютъ, по ихъ знаку, оказать противъ перевощиковъ-болгаръ какое-либо враждебное дѣйствіе, то вооруженные болгары, не причаливая къ берегу, привезутъ ихъ обратно въ Браиловъ, и тогда съ ними немедленно же будетъ поступлено по всей строгости военныхъ законовъ; а если бы, послѣ высадки, свои не захотѣли ихъ принять, то отправляемымъ предложено было подать съ того берега извѣстный условный знакъ, и тогда за ними были бы высланы военныя шлюпки, чтобы взять ихъ обратно, но съ тѣмъ, что въ Браиловѣ они уже не останутся ни въ какомъ случаѣ. Турки благодарили браиловцевъ за то, что, не смотря на военное время, имъ не причинили никакого вреда, никакой обиды, а по доставкѣ ихъ на тотъ берегъ, бросились цѣловать руки, въ знакъ благодарности, отвозившему ихъ офицеру, такъ какъ они были убѣждены, что русскіе и болгары, подъ предлогомъ высылки, хотятъ перетопить ихъ на серединѣ Дуная.

Но что касается до шпіонства, то быть можетъ въ немъ повинны были въ Браиловѣ и не одни только высланные турки. Тамъ есть не мало подозрительныхъ личностей изъ евреевъ, поляковъ, венгерцевъ и проч., которые, не имѣя никакого опредѣленнаго занятія, проживаютъ по совершенно, по-видимому, законнымъ паспортамъ, подъ видомъ всевозможныхъ промышленныхъ агентовъ, путешественниковъ, антрепренеровъ различныхъ предпріятій сомнительнаго существованія, а также и подъ видомъ иностранныхъ корреспондентовъ. Спустя не болѣе часа послѣ взрыва корвета, артиллерійскій полковникъ Моллеръ, заѣхавъ на телеграфную станцію, нашелъ тамъ много этихъ иностранныхъ агентовъ, спѣшно писавшихъ

и подававшихъ и простыя, и шифрованныя депеши. Моральный эффектъ, произведенный на нихъ взрывомъ, былъ слишкомъ замѣтенъ; на лицахъ многихъ изъ нихъ явно выступали смущеніе, тревога и какое-то затаенно-злобное или же ироническое выраженіе. Не отсюда ли вышли появившіяся въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ «достовѣрныя» извѣстія, будто турецкій броненосецъ взорванъ вовсе не русскими выстрѣлами, а взлетѣлъ на воздухъ—по однимъ комментаріямъ—отъ лопнувшаго пароваго котла, а по другимъ—даже отъ упавшей въ крюйтъ-камеру сигары?

XVII

Первый отъѣздъ Главнокомандующаго за границу

Переѣздъ границы. — Осмотръ военно-временныхъ госпиталей въ Яссахъ. — Оваціи со стороны попутнаго населенія. — Пріѣздъ въ Галацъ. — Поѣздка въ Рени. — Огонь по поѣзду Великаго Князя. — Встрѣча на браиловской станціи. — Турецкая граната. — Бомбардировка съ мониторовъ. — Великій Князь на батареѣ. — Видъ съ этой батареи на Дунай и Добруджу. — Работы на батареяхъ. — Осмотръ войскъ нижнедунайскаго отряда. — Назначеніе свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева 2-го. — Возвращеніе Великаго Князя въ Кишиневъ.

Кишиневъ, 26-го апрѣля.

23-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, Его Высочество Главнокомандующій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ своей свиты, выѣхалъ изъ Кишинева по желѣзной дорогѣ, въ направленіи къ Унгенамъ. Въ одиннадцать часовъ утра поѣздъ миновалъ русскую границу. Проѣзжая порубежную черту на желѣзномъ мосту черезъ рѣку Прутъ, Великій Князь и всѣ присутствовавшіе перекрестились. — «Въ часъ добрый!» сказалъ при этомъ Его Высочество. Въ полдень подъѣхали къ Яссамъ, гдѣ на станціи встрѣтили Великаго Князя депутація отъ гражданъ города и многочисленныя толпы народа, привѣтствовавшія Высокаго Гостя громкими криками. Въ Яссахъ Его Высочество осматривалъ два военно-временные госпиталя; первый изъ нихъ устроился въ части зданія городской больницы св. Спиридонія, которая подъ его помѣщеніе уступила большое отдѣленіе изъ своихъ палатъ; вто-

рой же госпиталь пока еще никѣмъ не занятъ, но совершенно уже готовъ къ принятію больныхъ. Въ обоихъ помѣщеніяхъ комнаты достаточно высоки и просторны, много воздуха и свѣта, стѣны вновь оштукатурены и выбѣлены, и вообще внѣшняя чистота, порядокъ и разумное устройство этихъ госпиталей вызвали полное одобреніе Великаго Князя.

На пути до Галаца поѣздъ повсюду встрѣчали привѣтственные крики румынскихъ жителей, толпами выходившихъ на встрѣчу; на нѣкоторыхъ станціяхъ гремѣли хоры музыки и представлялись депутаціи мѣстныхъ властей, духовенства и земства.

Въ Галацъ пріѣхали предъ разсвѣтомъ: звѣзды еще были видны и свѣтилъ мѣсяцъ, а на востокѣ едва загоралась блѣдная заря. Великій Князь и сопровождавшія его лица помѣстились въ открытыхъ колясках и, подъ конвоемъ казаковъ, поѣхали со станціи въ городъ. Хотя улицы были еще пусты, но лавки и кофейни уже открывались.

Городъ Галацъ лежитъ на высокой косѣ, между Дунаемъ и озеромъ Братышъ. На главной его улицѣ есть довольно много домовъ изящной архитектуры, и здѣсь же помѣщаются почти всѣ европейскія консульства, надъ зданіями коихъ постоянно подняты государственные флаги, развивавшіеся, не смотря на раннюю пору, и въ минуту пріѣзда Его Высочества. Между населеніемъ встрѣчается много вольныхъ матросовъ того типа, который вообще свойственъ портовымъ городамъ, однимъ изъ коихъ является и Галацъ, ведущій значительную торговлю хлѣбомъ. Домъ, приготовленный для Великаго Князя, былъ весь ярко освѣщенъ и представлялъ зданіе весьма изящной отдѣлки снаружи и богатаго убранства внутри.

Отдохнувъ и напившись чаю, въ девять часовъ утра Главнокомандующій сѣлъ въ открытый экипажъ и, въ сопровожденіи свиты и казачьяго конвоя, отправился въ городокъ Рени, гдѣ уже возведены русскія батареи и погружены мины, заграждающія Дунай и устье Прута. Отъ Галаца до Рени считается пятнадцать верстъ; шоссейная дорога идетъ по гати, между Дунаемъ и озеромъ Братышъ. У моста на Прутѣ стояла наша флотилія черноморскаго отряда. Батареи, построенныя нами въ этомъ пунктѣ, обстрѣливаютъ подступы

со стороны Дуная къ миннымъ загражденіямъ; въ самомъ городѣ насыпана на берегу еще одна батарея. Изъ-за бруствера этой послѣдней наши девяти-фунтовыя орудія, наканунѣ пріѣзда Великаго Князя, встрѣтили огнемъ подошедшаго къ этому мѣсту турецкаго броненосца, который, получивъ нѣкоторыя поврежденія, отошелъ назадъ, на безопасное для себя разстояніе, и сталъ оттуда бомбардировать городъ, но не причинилъ ему никакого вреда. Его Высочество осмотрѣлъ въ Рени всѣ наши военныя сооруженія и возвратился около полудня въ Галацъ, откуда, послѣ завтрака, отправился на желѣзно-дорожную станцію и на особомъ поѣздѣ прослѣдовалъ черезъ Барбошъ въ Браиловъ. Въ ту минуту, какъ поѣздъ подходилъ уже къ этому послѣднему городу, турки открыли по немъ огонь со своихъ мониторовъ. Когда Великій Князь, встрѣченный на станціи Курскимъ пѣхотнымъ полкомъ, садился въ коляску среди громкаго «ура» солдатъ и привѣтственныхъ криковъ народа—вдругъ раздался на Дунаѣ глухой и короткій ревъ орудійнаго выстрѣла съ монитора, и черезъ нѣсколько секундъ, вмѣстѣ съ приближавшимся въ воздухѣ шипѣніемъ снаряда, послышался вблизи ударъ о груду каменнаго угля. То былъ снарядъ, около аршина длины, упавшій въ двадцати саженяхъ отъ станціи. Это падалъ уже третій снарядъ, пущенный въ тотъ день на станцію, но къ счастію—его не разорвало. Вообще, здѣсь можно замѣтить, что турецкіе снаряды большею частью не разрываются. Отъ какой причины это происходитъ—еще не дознано; но надо сказать, что лишь благодаря этому случайному обстоятельству городъ не потерпѣлъ пока того вреда, какой могъ бы быть нанесенъ ему нѣсколькими удачно попавшими выстрѣлами.

Со станціи Великій Князь отправился въ городъ. Впереди коляски Его Высочества скакалъ конвой румынскихъ кавалеристовъ, а позади—наши казаки. Дунай хорошо былъ видѣнъ, и въ одномъ его мѣстѣ, какъ бы отъ самаго уровня рѣки, порою поднимались густые бѣлые клубы пороховаго дыма. Пока поѣздъ Главнокомандующаго слѣдовалъ улицами города и его выгонами, надъ экипажами пролетѣло еще два снаряда. Въ городѣ замѣтно кидалось въ глаза какое-то необычное, судорожное движеніе; безпокойство ярко выдавало себя на каждомъ лицѣ, и въ особенности у женщинъ. Дѣти съ живымъ

любопытствомъ глядѣли на поѣздъ русскаго Великаго Князя, но и на ихъ миловидныхъ личикахъ отражалось впечатлѣніе тревоги взрослыхъ. Наконецъ экипажи подкатили къ кустамъ, за которыми въ нѣсколькихъ шагахъ была видна наша земляная батарея, которая строится на возвышенномъ берегу, непосредственно омываемомъ внизу волнами.

Выйдя на батарею, Главнокомандующій разсматривалъ въ бинокль позицію непріятельскихъ броненосцевъ и противоположный берегъ. Съ этого пункта совершенно отчетливо были видны пять броненосныхъ судовъ, стоявшихъ въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная, противъ города. То были: одинъ трехмачтовый корветъ, одинъ пароходъ и три монитора. За широкими «плáвнями» возвышалась вдали узорчатыми очертаніями гористая часть Добруджи съ ея передовою возвышенностью, извѣстною подъ именемъ «Буджакъ». По продолженію Мачинскаго рукава виднѣлась крѣпостца и городъ Мачинъ; за нимъ, на зеленѣющихъ скатахъ холмовъ можно было различить бѣловатыя полоски двухъ турецкихъ лагерей, а еще далѣе—другія, болѣе высокія и отдаленныя возвышенности добруджинскихъ горъ обрамляли темно-синими очерками всю эту широкую картину Дуная и береговъ турецкихъ. Состоящій при главной квартирѣ и пріѣхавшій сюда вмѣстѣ съ Его Высочествомъ художникъ Макаровъ набрасывалъ эскизъ ея съ бруствера батареи въ своемъ дорожномъ альбомѣ. На ютѣ и марсѣ корвета, съ помощью бинокля, можно было разглядѣть даже отдѣльныхъ людей въ красныхъ фескахъ и бѣлыхъ матроскахъ. Порою, съ промежутками въ нѣсколько минутъ, съ борта этого судна выкатывались въ вышину полные большіе клубы дыма, которые каждый разъ невольно заставляли чутко прислушиваться къ долетавшему чрезъ двѣ-три секунды громовому раскату выстрѣла и шипящему свисту снаряда. Двѣ большія гранаты ударились въ брустверъ сосѣдней батареи, которая насыпается впереди одной площадки города, выдающейся къ берегу и отдѣляемой оврагомъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Великій Князь Главнокомандующій со своею свитою.

Корветъ продолжалъ еще время отъ времени стрѣлять, а остальные броненосцы сдѣлали заворотъ и одинъ изъ нихъ, повернувшись бортомъ, пустилъ два выстрѣла. Одинъ изъ этихъ снарядовъ упалъ немного лѣвѣе бруствера, а другой—

во дворъ дома близь сосѣдней батареи, какъ разъ въ ту самую минуту, когда изъ воротъ его только что успѣла выбѣжать какая-то молодая женщина и подхватить на руки своего ребенка, съ которымъ она благополучно перебѣжала на противоположную сторону улицы.

Вскорѣ и броненосцы втянулись глубже въ рукавъ и скрыли свои борты за зеленью кустарниковъ.

Великій Князь переѣхалъ за оврагъ на сосѣднюю батарею, куда направлялось большинство турецкихъ выстрѣловъ. Тутъ шла усиленная ретивая работа саперъ и пѣхотинцевъ, съ тѣмъ чтобы успѣть къ вечеру установить за брустверомъ 24-хъ фунтовыя орудія; мортиры же могутъ быть установлены на этой батареѣ не ранѣе какъ черезъ два дня, а до тѣхъ поръ приходится не отвѣчать на выстрѣлы турокъ. Впрочемъ артиллеристы наши надѣются наверстать съ лихвою свое невольное молчаніе.

Внѣшній видъ и настроеніе нашихъ войскъ, видѣнныхъ Его Высочествомъ во время этой поѣздки, можно назвать безусловно превосходными. У Рени Великій Князь былъ встрѣченъ двумя пѣхотными полками: Камчатскимъ и Путивльскимъ. Этотъ послѣдній организованъ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ частей перваго, и теперь оба случайно сошлись за границею, въ одномъ и томъ же пунктѣ. Въ отвѣтъ на ихъ привѣтствіе, Его Высочество обратился къ Камчатскому и къ его сыну—Путивльскому полкамъ и, напомнивъ камчатцамъ геройскіе дни этого полка въ Севастополѣ, выразилъ надежду, что «отцы и дѣти поддержатъ славу своихъ дѣдовъ».

Отвѣтомъ со стороны обоихъ полковъ было такое задушевное, восторженное «ура», которое не оставляетъ сомнѣній, что они дѣйствительно употребятъ всѣ усилія для поддержки дѣдовской славы.

Въ Браиловѣ Главнокомандующій благодарилъ 1-й и 3-й батальоны Селенгинскаго пѣхотнаго полка, а также Якутскій полкъ и донскіе казачьи №№ 29, 31 и 40 полки, за ихъ отлично совершонный усиленный переходъ, менѣе чѣмъ въ однѣ сутки отъ Кубея до Рени и Барбошскаго моста, когда пѣхота сдѣлала 70, а казаки, съ полковникомъ Струковымъ во главѣ—болѣе ста верстъ.

Бывшій военный губернаторъ Ферганской области и командовавшій въ оной войсками, свиты Его Величества генералъ-маіоръ М. Д. Скобелевъ, на возвратномъ пути изъ этой поѣздки, отправленъ Его Высочествомъ Главнокомандующимъ къ своему отцу, генералъ-лейтенанту Д. И. Скобелеву, который, какъ извѣстно, командуетъ кавказскою дивизіею «гулевыхъ» казачьихъ полковъ. Генералъ-маіоръ Скобелевъ останется въ распоряженіи начальника этой дивизіи.

25-го апрѣля, около полуночи, Главнокомандующій благополучно возвратился изъ своей поѣздки въ Кишиневъ.

XVIII

Первыя дни за границей

Отъѣздъ Великаго Князя Главнокомандующаго изъ Кишинева.—Напутственное слово. — Составъ свиты. — Путешествіе до Плоештовъ. — Мѣры къ охраненію желѣзной дороги. — Пріѣздъ въ Плоешты и помѣщеніе Великаго Князя. — Визитъ князя Карла Главнокомандующему. — Мальчикъ-сербъ и герцеговинско-боснійскіе добровольцы. — Отдача Великимъ Княземъ визита въ Бухарестѣ. — Адресъ румынскихъ болгаръ.

Плоешты (Румынія), 4-го мая.

По возвращеніи Великаго Князя Главнокомандующаго изъ поѣздки въ Галацъ и Браиловъ, въ Кишиневѣ стало извѣстно, что Его Высочество намѣренъ 1-го мая двинуться налегкѣ въ Румынію и основать свою главную квартиру въ городѣ Плоешты, въ виду того, что уже почти всѣ части дѣйствующей арміи двигаются къ Дунаю по румынской территоріи.

29-го апрѣля, въ пятницу, съ утреннимъ шестичасовымъ поѣздомъ выѣхали за границу нѣсколько штабныхъ офицеровъ и чиновниковъ, для предварительныхъ распоряженій и приготовленій къ пріему Его Высочества въ Плоештахъ; вмѣстѣ съ этими лицами отправилась часть конвоя Главнокомандующаго (72 казака при трехъ офицерахъ), 120 лошадей и экипажи Великаго Князя и генералъ-адъютанта Непокойчицкаго.

30-го апрѣля, въ четыре часа пополудни, съ высокой колокольни Кишиневскаго собора загудѣлъ по городу призывный

благовѣстъ большаго колокола. Массы народа уже заранѣе наполняли бульваръ и толпились вокругъ собора, тщетно спѣша проникнуть внутрь храма, который былъ совершенно полонъ. Все городское духовенство, въ блестящемъ облаченіи, стояло двумя рядами отъ алтаря до главнаго входа; на амвонѣ епископъ Павелъ, съ крестомъ въ рукахъ, ожидалъ прибытія Великаго Князя. Все кишиневское общество—мужчины и дамы, старики и дѣти, православные и неправославные безразлично стремились занять мѣста, съ которыхъ можно было бы хоть что нибудь видѣть и слышать. Всѣ наличные представители военнаго сословія, администраціи, гражданскихъ и земскихъ учрежденій, начальство и ученики всѣхъ учебныхъ заведеній въ особыхъ группахъ присутствовали какъ во храмѣ, такъ и на прилегающей къ нему площадкѣ. Экипажи за экипажами безпрестанно подъѣзжали къ собору, и новыя толпы народа со всѣхъ сторонъ стремились туда же—на призывный благовѣстъ колокола.

Наконецъ, въ четверть пятаго, къ главному входу собора подкатила хорошо извѣстная кишиневцамъ четверка великолѣпныхъ вороныхъ коней Великаго Князя и изъ открытой коляски вышелъ Главнокомандующій со своимъ Августѣйшимъ Сыномъ и, среди толпы народа, прослѣдовалъ внутрь храма. Преосвященный началъ напутственный молебенъ, по окончаніи котораго, съ большимъ чувствомъ произнесъ напутственное слово, сдѣлавшее на массу присутствовавшихъ сильное и торжественное впечатлѣніе. Вотъ это слово:

Благовѣрный Государь!

«Великія чудеса во благо израильскаго народа совершилъ Господь Богъ чрезъ великихъ вождей израильскихъ—Моисея и Іисуса Навина. Своею побѣдительною десницею Онъ освободилъ израиля отъ тяжкаго египетскаго рабства; провелъ его по дну Чермнаго моря и Іордана какъ по сушѣ, потопивъ египтянъ въ пучинѣ морской; побѣдилъ Амаликову силу въ пустынѣ; сокрушилъ твердыни Іерихона и другихъ городовъ ханаанскихъ; истребилъ нечестивые народы ханаанскіе, повелѣвъ даже солнцу стати до окончательнаго пораженія Іисусомъ Навиномъ аморрейскихъ полчищъ, и даровалъ землю

обѣтованную въ достояніе израилю. Славно прославился Богъ израилевъ чрезъ великихъ избранниковъ своихъ Моисея и Іисуса Навина!

«Славно да прославится Господь Богъ нашъ и чрезъ Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора, чрезъ Тебя, Благовѣрный Государь, стяжавшій Себѣ, во время пребыванія Твоего среди насъ, безграничную по силѣ, искренности и теплотѣ, любовь всѣхъ, и чрезъ предводимое Тобою христолюбивое воинство. Съ твердою вѣрою, упованіемъ и смиреніемъ, св. Церковь молитъ и не перестанетъ молить споборавшаго Моисею и Іисусу Навину Господа, да удивитъ Онъ и на Тебѣ и сподвижникахъ Твоихъ милости Свои и да явитъ на васъ и чрезъ васъ силу и славу Свою. Да поможетъ Онъ Тебѣ съ Твоимъ воинствомъ побѣдоносно, безъ тяжкихъ потерь и жертвъ, перейдти родной Дунай, а всѣ преграды къ переходу препобѣдить и уничтожить, корабли вражескія попалить огнемъ, потопить въ глубинѣ водной и разметать по лицу земли и воды, какъ уже и разметанъ одинъ изъ нихъ. Да сокрушитъ Онъ силою оружія Твоего твердыни вражескія, заграждающія защитникамъ путь ко угнетеннымъ. Да содѣлаетъ Онъ для васъ строптные, неудобопроходимые пути горъ балканскихъ путями гладкими и легкими. Да воскреснетъ Богъ на помощь вамъ, и да расточатся враги имени Христова; да бѣжатъ отъ Лица Божія и вашего, при каждой встрѣчѣ съ вами, ненавидящіи Господа и Христа Его; яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ и враги ваши, и всѣ оплоты и твердыни ихъ. А страдальческіе народы христіанскіе да возвеселятся,—да содѣлаются свободными и счастливыми обладателями родныхъ земель своихъ и да воспоютъ, во срѣтеніе вамъ, побѣдную пѣснь: «Поимъ Господеви: славно бо прославися (Исх. XV, 1) въ избавленіи насъ отъ ига турецкаго, болѣе тяжкаго и невыносимаго, чѣмъ само иго египетское».

«Сила Креста Христова, преведшая израильтянъ чрезъ море Чермное и поразившая Амалика въ пустынѣ, да споборaетъ Тебѣ всегда и вездѣ. *Симъ Христовымъ Крестомъ—побѣждай*».

Впечатлѣніе на слушателей этой рѣчи, и въ особенности второй ея части, отъ словъ: «да воскреснетъ Богъ на помощь

вамъ», произнесенныхъ архипастыремъ съ глубокимъ и торжественнымъ внутреннимъ чувствомъ, было необычайно сильное, возвышающее духъ, вызывающее твердую рѣшимость на трудъ и подвиги.

1-го мая, къ шести часамъ утра, всѣ представители военной и гражданской власти, духовенства, суда, ученаго сословія, города и земства вмѣстѣ съ толпами народа собрались на кишиневскій вокзалъ—проводить Главнокомандующаго, котораго сопровождали слѣдующія лица: Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій; семь личныхъ адъютантовъ Главнокомандующаго; лейбъ-хирургъ докторъ Обермиллеръ; состоящіе: въ распоряженіи Его Высочества полковникъ Газенкампфъ и при Особѣ Его Высочества французскій военный агентъ, полковникъ Гальяръ; начальникъ штаба дѣйствующей арміи, его помощникъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Левицкій 1-й и адъютантъ начальника штаба; начальники отдѣленій штаба: строеваго—полковникъ Левицкій 2-й, инспекторскаго—полковникъ Колбе, канцеляріи—дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефенъ, военно-топографическаго отдѣла—полковникъ Обломіевскій; штабъ-офицеръ надъ вожатыми—полковникъ Артамоновъ, его помощникъ подполковникъ Фрезе и два переводчика; начальникъ артиллеріи—генералъ-адъютантъ князь Масальскій, съ двумя состоящими при немъ офицерами; начальникъ полеваго инженернаго управленія—генералъ-маіоръ Деппъ, съ двумя офицерами; полевой интендантъ арміи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аренсъ, съ двумя офицерами; дѣйствительный статскій совѣтникъ Нелидовъ съ частью дипломатической канцеляріи; оффиціальный корреспондентъ «Правительственнаго Вѣстника» и состоящій при Его Высочествѣ художникъ Макаровъ *).

Ровно въ шесть часовъ утра тронулся поѣздъ, провожаемый молитвами и благословеніями большой толпы кишиневскихъ жителей, въ радушной средѣ которыхъ Его Высочество провелъ около пяти мѣсяцевъ. Утро было теплое, блистатель-

---

*) Въ этомъ же поѣздѣ частнымъ образомъ слѣдовали г. Макъ-Гаханъ, извѣстный корреспондентъ газеты «Daily News», и г. Иванъ-де-Вестинъ, корреспондентъ «Figaro», удостоившіеся чести быть представленными Его Высочеству Главнокомандующему.

но свѣтлое, что особенно радовало отъѣзжающихъ, послѣ столькихъ дней продолжительнаго, свыше пятинедѣльнаго ненастья.

Въ Унгены, гдѣ уже заранѣе былъ приготовленъ завтракъ, прибыли въ полдень, а въ половинѣ втораго часа дня переѣхали русскую границу. Черезъ полчаса пріѣхали въ Яссы, гдѣ на платформѣ толпилось множество русскихъ и румынскихъ офицеровъ и солдатъ и масса публики. Префектъ дистрикта и префектъ города представились съ депутаціями Великому Князю, который любезно поблагодаривъ ихъ за вниманіе, поздоровался съ караульнымъ взводомъ казаковъ и нѣкоторыми другими частями нашихъ войскъ, выстроенныхъ шеренгами, безъ оружія. При отъѣздѣ—тѣ же крики, то же одушевленіе. Молдавскій священникъ въ эпитрахили и въ поярковомъ клобукѣ греческой формы прошелъ вдоль всего поѣзда и окропилъ его святою водой, при чемъ вмѣсто кропила служилъ ему букетъ полевыхъ цвѣтовъ и сирени.

На каждой значительной станціи Великаго Князя встрѣчали представители какъ русской военной, такъ и румынской администраціи и депутаціи отъ мѣстныхъ жителей съ хлѣбомъ и солью. Въ Пашканахъ Его Высочество обѣдалъ, а въ Романѣ пилъ чай. На этой послѣдней станціи, кромѣ взвода донскихъ казаковъ, находилась еще и мѣстная команда пожарныхъ (pompieri), выстроенныхъ шпалерами въ проходѣ отъ вагона до дверей вокзала и составлявшихъ почетную стражу. Форма помпіеровъ весьма щеголевата и напоминаетъ отчасти французскихъ кирасиръ, но грѣшитъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторою театральностью: такъ и кажется, будто это статисты одной изъ оффенбаховскихъ опереттокъ. Тутъ же стоялъ хоръ военной румынской музыки, игравшій во время чая различныя легкія пьесы мѣстнаго и общаго характера, преимущественно изъ оффенбаховскаго репертуара, и проводившій поѣздъ звуками русскаго народнаго гимна. Въ числѣ присутствовавшихъ, тѣсною толпою наполнявшихъ платформу и залы, было много дамъ и представителей всѣхъ родовъ румынскаго оружія. Разнообразіе и нѣсколько излишняя изысканность ихъ костюмовъ, составляя довольно утрированное подражаніе французскимъ образцамъ, въ соединеніи съ особеннымъ «шикомъ» манеръ господъ офицеровъ—манеръ, весьма напоминаю-

щихъ извѣстные типы парижскихъ boulevardiers,—тоже носятъ на себѣ весьма выдающійся характеръ оффенбаховской театральности. Таково, по крайней мѣрѣ, было общее впечатлѣніе, оставленное во всѣхъ насъ этими господами съ первой же встрѣчи. На всѣхъ почти попутныхъ пунктахъ народъ и публика румынская встрѣчали нашего Главнокомандующаго самымъ радушнымъ образомъ.

Въ Барбошѣ встрѣтили Его Высочество командиръ 11-го корпуса князь Шаховской, два адъютанта Главнокомандующаго: полковникъ Струковъ и капитанъ Поповъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля и многія другія начальствующія лица. Здѣсь Великій Князь впервые, изъ устныхъ разсказовъ очевидцевъ, узналъ интересныя подробности взрыва турецкаго броненоснаго корвета «Лютфи-Джелиль».

Въ Браиловъ поѣздъ прибылъ на разсвѣтѣ. Великому Князю была показана та самая бомба, которая упала на станцію въ бытность здѣсь Его Высочества 24-го апрѣля. Снарядъ этотъ—около аршина длиною,—какъ извѣстно уже, не разорвало. Онъ былъ вынутъ нашими артиллеристами изъ груды каменнаго угля и разряженъ. Его Высочество пожелалъ оставить эту бомбу себѣ на память, и она тутъ же была положена въ вагонъ Великаго Князя. Два солдата не безъ усилій могли перенести ее на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

Начиная отъ Браилова, шоссе во многихъ мѣстахъ идетъ параллельно дорогѣ, въ разстояніи отъ нея около 200—300 саженъ, такъ что изъ вагона довольно отчетливо было видно походное движеніе русскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія и ихъ обозовъ. Движеніе это совершалось со всѣми предохранительными мѣрами военнаго времени и, на сколько можно судить издали—въ образцовомъ порядкѣ. Обозы, не отставая, слѣдовали въ хвостѣ колоннъ, за своими частями. На нѣкоторыхъ станціяхъ встрѣчались воинскіе поѣзды. Его Высочество вездѣ здоровался съ людьми и получалъ въ отвѣтъ отъ нихъ громкія выраженія живѣйшаго восторга: изъ каждаго вагона гремѣло «ура». Должно сказать, что и многіе румынскіе сельчане, бывшіе съ ранняго утра на полевыхъ работахъ, встрѣчали поѣздъ Великаго Князя изъявленіями своихъ добрыхъ чувствъ: мужчины снимали шляпы и привѣтственно

махали ими, а женщины крестнымъ знаменіемъ посылали во слѣдъ поѣзду свои благословенія.

Желѣзная дорога на всемъ протяженіи ея отъ Унгенъ до Бухареста охраняется частями нашей арміи. Мѣстная желѣзно-дорожная администрація оставлена вся на своихъ мѣстахъ, но подъ непосредственнымъ наблюденіемъ чиновъ нашего 3-го желѣзно-дорожнаго батальона, части котораго находятся на каждой станціи, равно какъ и казаки, замѣняющіе здѣсь желѣзно-дорожныхъ жандармовъ. По всему протяженію дороги отъ станціи до станціи слѣдуютъ казачьи разъѣзды, наблюдающіе состояніе полотна, рельсовъ и телеграфа; въ каждой подорожной будкѣ поставленъ особый постъ изъ людей желѣзно-дорожнаго батальона, а также и отъ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ частей; вмѣстѣ съ дорожнымъ сторожемъ, обязаннымъ встрѣтить и проводить поѣздъ предъ своею будкой, съ флагомъ или фонаремъ въ рукѣ, для удостовѣренія, что путь свободенъ и безопасенъ—выходитъ и нашъ часовой съ ружьемъ; кромѣ того, на болѣе важныхъ станціяхъ расположены бивуакомъ нѣкоторыя части пѣхоты, численностью отъ полувзвода до одной роты; на всѣхъ мостовыхъ сооруженіяхъ точно также учреждены воинскіе караулы. Всѣ эти мѣры, своевременно предпринятыя и быстро приведенныя въ исполненіе, обезпечиваютъ намъ правильное и спокойное движеніе по румынской желѣзной дорогѣ. И эти мѣры тѣмъ болѣе были необходимы, что личный составъ румынской желѣзно-дорожной администраціи, въ весьма значительномъ большинствѣ, состоитъ изъ венгерцевъ и поляковъ, какъ галиційскихъ, такъ и нашихъ, бѣжавшихъ за границу въ повстанскія времена 1863 года. Еще зимою, во время нашей кишиневской стоянки, въ комендантскомъ управленіи главной квартиры были получены достовѣрныя свѣдѣнія и свидѣтельства о замыслахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ, желавшихъ вредить разными способами нашимъ военнымъ поѣздамъ и транспортамъ при движеніи ихъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Своевременно принятыя мѣры и назначеніе достаточнаго числа лицъ военно-полицейскаго надзора уничтожили эти замыслы, такъ сказать, въ самомъ зародышѣ.

Поѣздъ Великаго Князя пришелъ въ Плоешты 2-го мая, ровно въ девять часовъ утра. Во дворѣ станціи Его Высоче-

ство былъ встрѣченъ прибывшею наканунѣ частью своего конвоя со штандартомъ. Подъ эскортомъ казаковъ гвардейскаго терскаго эскадрона, Великій Князь въ открытомъ экипажѣ прослѣдовалъ въ городъ на свою квартиру, для которой избранъ небольшой, но достаточно удобный домъ, одинъ изъ лучшихъ въ маленькомъ городкѣ, и при томъ довольно изящной архитектуры въ стилѣ Людовика XV съ примѣсью греческаго; фасады, выходящіе на улицу, украшены изваяніями лѣпной работы, а надъ бельведеромъ-ротондой развѣвается нынѣ штандартъ Великаго Князя. Караулы у входа и внутренній во дворцѣ Его Высочества содержатъ болгары первой и второй дружинъ ополченія. Начальникъ штаба помѣстился на той же улицѣ, напротивъ квартиры Главнокомандующаго, а для лицъ, прибывшихъ съ Его Высочествомъ, мѣстный префектъ отвелъ приличныя помѣщенія у разныхъ обывателей-домовладѣльцевъ и въ нѣсколькихъ лучшихъ гостиницахъ. Всѣ эти лица большею частью были приняты своими хозяевами довольно любезнымъ образомъ.

Въ тотъ же день, въ исходѣ перваго часа, Великій Князь со всею свитою пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги, гдѣ къ этому времени былъ уже выстроенъ почетный караулъ отъ первой роты первой болгарской дружины, а во дворѣ ожидали въ строю конвойные казаки.

Ровно въ два часа пополудни подошелъ къ станціи небольшой поѣздъ, изъ трехъ вагоновъ, доставившій въ Плоешты князя Карла Румынскаго, въ сопровожденіи его дежурнаго адъютанта и двухъ ординарцевъ. Болгарская рота взяла «на-караулъ», барабаны ударили встрѣчу, и князь Карлъ, быстро выйдя изъ вагона, привѣтствовалъ Великаго Князя нѣсколькими поцѣлуями, послѣ чего Главнокомандующій представилъ ему своего Августѣйшаго Сына. За симъ послѣдовало представленіе выстроившихся на правомъ флангѣ почетнаго караула: начальника штаба, его помощника, начальниковъ артиллеріи и инженеровъ, походнаго атамана и начальника болгарскаго ополченія. Князь Карлъ имѣлъ на себѣ русскіе ордена, а Его Высочество Главнокомандующій орденскую цѣпь Гогенцоллернскаго Дома. Пройдя по фронту караула и принявъ отъ него ординарцевъ: офицера, унтеръ-офицера и рядоваго, князь Карлъ вмѣстѣ съ Главнокоман-

дующимъ и свитою отошли въ сторону, чтобы очистить мѣсто для церемоніальнаго марша. Рота прошла по отдѣленіямъ очень стройно и молодцевато, такъ что вмѣстѣ съ одобреніемъ вызвала и удивленіе со стороны князя Румынскаго, когда онъ узналъ, что эти люди собраны и обучены въ самый короткій срокъ, послѣ 12-го апрѣля.

Ихъ Высочества Главнокомандующій и князь Румынскій отправились со станціи въ городъ, въ открытой коляскѣ, въ сопровожденіи казачьяго конвоя. Сдѣлавъ визитъ Главнокомандующему, князь Карлъ послѣ обѣда отправился обратно въ Бухарестъ.

На слѣдующій день, 3-го мая, въ 10½ часовъ утра Его Высочество Главнокомандующій, въ сопровожденіи Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго, начальника штаба съ его помощникомъ и небольшой свиты, весь составъ коей, вмѣстѣ съ поименованными лицами, не превышалъ двѣнадцати человѣкъ, отправился въ Бухарестъ — отдать визитъ князю Карлу. Его Высочество пріѣхалъ на плоештинскую станцію минутъ за десять до отхода поѣзда и вышелъ на перонъ. Здѣсь Великому Князю попался на глаза мальчуганъ-сербъ, лѣтъ 14-ти, въ коричневой мундирной курткѣ сербскаго пѣхотинца, съ сербскою медалью «за храбрость» на груди. Его Высочество невольно обратилъ вниманіе на мальчика-воина и сталъ его разспрашивать кто и что онъ, и откуда, и зачѣмъ находится въ Плоештахъ? Мальчуганъ, довольно хорошо понимавшій по-русски (среди нашихъ добровольцевъ научился), отвѣчалъ не безъ бойкости, что онъ родомъ изъ Темешвара, австрійскій сербъ, что полтора года назадъ у него умерли отецъ и мать; оставшись сиротою, онъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ отправился въ Герцеговину сражаться противъ турокъ; братъ былъ убитъ въ одной изъ стычекъ, а онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими «усташами» пробрался въ Сербію и, когда тамъ началась война, поступилъ въ солдаты, былъ горнистомъ, и подъ Алексинацемъ, при отраженіи одной изъ турецкихъ аттакъ, собственноручно закололъ двухъ турокъ, оставаясь въ числѣ послѣднихъ немногихъ защитниковъ окопа; за это ему и пожалована медаль; а теперь идетъ въ Браиловъ «къ командѣ», гдѣ, — какъ было у нихъ слышно, — будто бы формируется сербскій легіонъ. Позади мальчика

стояло нѣсколько герцеговинцевъ, босняковъ и сербовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пробирались въ Браиловъ съ тою же цѣлью. Великій Князь объявилъ имъ, что у насъ никакого сербскаго легіона не формируется, а если желаютъ служить, то пусть опредѣляются въ болгарскія дружины, мальчугана же поручилъ пріютить и устроить одному изъ лицъ своей свиты.

По дорогѣ въ Бухарестъ не рѣдко попадаются прекрасные дубовые и смѣшанные лѣса, содержимые въ самой тщательной чистотѣ, точно рощи въ паркѣ; вырубка на дрова идетъ участками, съ толкомъ и разсчетомъ; вообще, видна любовь и знаніе дѣла. Но рядомъ же попадаются обширные пустыри, сплошь заросшіе шиповникомъ, который хотя и очень красивъ въ полномъ цвѣту, но совершенно непроизводительно глушитъ хорошую плодородную почву. Пріѣхали мы въ Бухарестъ въ 11½ часовъ утра. На дебаркадерѣ, по всему его протяженію, стояли шпалерами пѣшіе жандармы, съ ружьями «на-краулъ», и тутъ же выставленъ былъ почетный караулъ отъ 2-го гусарскаго (краснаго) полка *), со штандартомъ и своимъ хоромъ музыки, встрѣтившій прибытіе Его Высочества сначала полковымъ маршемъ, а потомъ звуками нашего народнаго гимна. При выходѣ изъ вагона, Главнокомандующій былъ встрѣченъ княземъ Карломъ и его супругою, княгинею Елисаветою, которыхъ окружала свита министровъ, адъютантовъ и депутація города. Подавъ руку княгинѣ, Великій Князь прошелъ вмѣстѣ съ ея высочествомъ вдоль фронта къ дверямъ парадныхъ комнатъ, гдѣ ожидало румынское духовенство въ полномъ облаченіи, съ хоромъ пѣвчихъ. Бухарестскій епископъ произнесъ на румынскомъ языкѣ краткое привѣтственное слово. Его Высочество, принявъ благословеніе епископа, обратился къ нему съ нѣсколькими отвѣтными словами, послѣ чего нѣкоторое время изволилъ съ нимъ еще бесѣдовать. Пѣвчіе запѣли тропарь, при звукахъ котораго Ихъ Высочества со всѣми присутствующими вышли на крыльцо обширнаго станціоннаго двора, гдѣ встрѣтилъ ихъ выстроен-

---

*) Румынская гусарская бригада извѣстна здѣсь болѣе подъ имѣнемъ рошіоровъ (rochiori), т. е. богачей, такъ какъ въ этихъ полкахъ служатъ офицерами преимущественно лица самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій Румыніи.

ный эскадронъ конныхъ жандармовъ, въ красивыхъ металлическихъ шишакахъ съ бѣлыми султанами. Черезъ дворъ по пути слѣдованія экипажей стояли шпалерами пѣшіе жандармы, а внѣ двора, начиная отъ воротъ, по всѣмъ улицамъ, гдѣ долженъ былъ прослѣдовать поѣздъ Великаго Князя, до самаго дворца разставлены были жандармы конные, шпалерами же. Его Высочество Главнокомандующій вмѣстѣ съ княгинею, а Николай Николаевичъ Младшій вмѣстѣ съ княземъ Карломъ сѣли въ два открытыя ландо, запряженныя четверками великолѣпныхъ лошадей цугомъ и въ шорахъ, и поѣхали во дворецъ князя. На улицахъ, залитыхъ горячимъ солнечнымъ свѣтомъ, стояли массы народа. Экипажи, вслѣдъ за ландо, вереницею тянулись двойнымъ рядомъ, такъ что двигаться приходилось не иначе, какъ шагомъ, поминутно останавливаясь. Всѣ окна и балконы полны были дамами въ праздничныхъ нарядахъ. Дома и улицы, по которымъ мы проѣзжали, отчасти напоминаютъ Варшаву, но не нынѣшнюю, а ту, какою она была въ серединѣ 60-хъ годовъ, послѣ повстанья, когда на главныхъ ея улицахъ изящество и великолѣпіе нѣкоторыхъ, въ то время еще немногочисленныхъ зданій, на каждомъ шагу мѣшалось со старыми, неуклюжими и грязноватыми домами, да и улицы были далеко не чистоплотны. Противъ дворца, у главной гауптвахты, стоялъ со знаменемъ и музыкою почетный караулъ отъ 5-го пѣхотнаго полка. Княжескій дворецъ снаружи не отличается никакимъ особеннымъ архитектурнымъ стилемъ; это старая, тяжеловатая постройка; но внутри убранство его очень изящно, хотя и ни въ чемъ не поражаетъ грандіозными размѣрами и эффектами; это скорѣе очень комфортабельное жилище частнаго богатаго человѣка, надѣленнаго отъ природы въ достаточной мѣрѣ изящнымъ вкусомъ. Очень хороша лѣстница, вся какъ бы пропитанная пунсовымъ полусвѣтомъ, и полутемныя сѣни съ изваяніями львовъ и фигурами рыцарей, закованныхъ въ стальные средневѣковые доспѣхи; пріемная гостинная верхняго этажа роскошно отдѣлана въ стилѣ Людовика XV; здѣсь Его Высочество Главнокомандующій представилъ князю и княгинѣ всѣхъ лицъ сопровождавшей его свиты. Князь Карлъ былъ очень любезенъ, и для каждаго нашелъ по нѣскольку привѣтливыхъ словъ и вопросовъ. Послѣ

представленія, гофмаршалъ княжескаго двора г. Васкареско пригласилъ всю русскую свиту къ завтраку, въ парадную столовую нижняго этажа, а Его Высочество вмѣстѣ съ княжескою четою и Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ перешли въ смежную съ пріемною комнату, гдѣ былъ сервированъ особый завтракъ. Въ нижней столовой завтракъ продожался болѣе часа. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, имѣя по правую руку отъ себя румынскаго военнаго министра генерала Чернатъ, а по лѣвую — министра иностранныхъ дѣлъ Когальничано, рядомъ съ которымъ завтракалъ г. Нелидовъ, начальникъ дипломатической канцеляріи при Главнокомандующемъ; противъ генерала Непокойчицкаго помѣщался его помощникъ генералъ Левицкій, въ сосѣдствѣ съ начальникомъ штаба румынской арміи, полковникомъ Сланичано, и гофмаршаломъ княжескаго двора Васкареско. Остальныя лица русской свиты и мѣстнаго русскаго консульства были перемѣшаны съ адъютантами и придворными чинами князя Карла. Въ числѣ присутствовавшихъ находился и генералъ Зефкаръ, назначенный къ Его Высочеству Главнокомандующему въ качествѣ румынскаго военнаго агента. На князѣ Карлѣ и представителяхъ румынскаго двора и правительства были надѣты русскіе ордена. Во время завтрака первый тостъ предложенъ былъ г. Когальничано за здоровье Государя Императора; генералъ-адъютантъ Непокойчицкій отвѣтилъ тостомъ за его высочество князя Карла Румынскаго; военный министръ генералъ Чернатъ поднялъ бокалъ за Его Императорское Высочество Главнокомандующаго, на что генералъ Левицкій отвѣтилъ тостомъ въ честь румынской арміи; полковникъ Сланичано предложилъ таковой же за русскую армію; были и другіе тосты, относившіеся съ обѣихъ сторонъ къ присутствовавшимъ лицамъ.

Послѣ завтрака Великій Князь совѣщался особо съ княземъ Карломъ, а свита перешла черезъ парадныя сѣни въ противуположную столовой комнату, отличающуюся дѣловымъ характеромъ и служащую гофмаршальскою пріемною. Здѣсь были предложены турецкій кофе, коньякъ и сигары. Придворныя особы и министры князя Карла были очень предупредительны и любезны. Изъ дворца Великій Князь со свитою отправился

въ домъ русскаго консульства, гдѣ Его Высочеству представились двѣ мѣстныя депутаціи: одна отъ русскихъ выходцевъ скопческой секты, а другая отъ мѣстныхъ болгаръ, имѣя во главѣ погоніанійскаго митрополита Панарета Рашева, который благословилъ Его Высочество большимъ образомъ Святителя Николая и подалъ слѣдующій адресъ, приводимый здѣсь въ русскомъ переводѣ, приложенномъ къ нему:

Ваше Императорское Высочество!

«Народъ болгарскій, подъ сильнымъ гнетомъ турецкаго господства, всю свою надежду на избавленіе отъ тяжкаго рабства отъ вѣка возлагаетъ на заступничество Православнаго Царя Русскаго. Эта надежда, завѣщанная намъ отъ праотцевъ, теперь, съ помощью Всемогущаго, будетъ осуществлена. Болгары тѣмъ больше вѣрятъ этому, что Его Императорское Величество избралъ Своего Брата исполнителемъ высокой Его воли о нашемъ избавленіи.

«Пребывающіе въ Румыніи болгары, считаемъ счастіемъ привѣтствовать Ваше Императорское Высочество на пути къ тому, и, какъ члены болгарскаго народа, вмѣстѣ съ нимъ отъ души возносимъ молитвы ко Всевышнему Богу—да благословитъ Васъ и предводимое Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ побѣдоносное христолюбивое воинство для совершенія этого великаго подвига въ честь и славу Православнаго Царя, великодушнаго Защитника страждущихъ и для величія всего народа русскаго».

Изъ русскаго консульства Великій Князь въ одномъ экипажѣ съ княземъ и княгинею Румынскими и съ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ отправился кататься по городу, гдѣ встрѣтилъ отдѣльную казачью бригаду и батарею на пути ихъ слѣдованія, при чемъ князь Карлъ очень любезно разговаривалъ съ нѣсколькими офицерами. Въ 4 часа и 25 минутъ пополудни Ихъ Высочества прибыли на станцію желѣзной дороги, гдѣ простились съ княземъ Карломъ и его супругою и ровно въ половинѣ пятаго часа оставили Бухарестъ, направясь обратно въ Плоешты.

XIX

Отъ Унгеней до Плоештовъ

(личныя впечатлѣнія и замѣтки)

Граница и раздумье. — «Вспрыски границы». — Часовой-доробанецъ. — Первыя впечатлѣнія на румынской почвѣ. — Жижійскія болота. — Степные фонтаны и колодцы. — Видъ на Яссы. — Ясская станція. — Типы румынскихъ военныхъ и молдавскихъ женщинъ. — Ясскіе извощики изъ русскихъ скопцовъ. — Союзники не зѣваютъ. — Агенты Грегера и К°. и ихъ гешефты. — Долина Серета. — Благословенная страна. — Барбошскій мостъ. — Дунайскій разливъ и тяжкія работы нашихъ солдатъ надъ укрѣпленіемъ полотна желѣзной дороги. — Браиловъ. — Придунайская степь и карпатскіе кряжи. — Культурный видъ страны. — Бузео. — Наши войска на походѣ. — Подорожныя корчмы.— Воинственная сторожиха. — Рѣка Теляжна и характеръ вообще румынскихъ рѣкъ. — Плоешты. — Оригинальный способъ водворенія военнаго постояльца. — Франкъ на водку цивилизованному хозяину. — 50 лѣтъ назадъ и нынѣ. — Осколокъ стараго времени. — Продѣлки румынскаго извощика. — Въ гостиницѣ «Молдавія». — Завтракъ по-румынски и его стоимость. — Прелести новой квартиры.

Поѣздъ тронулся изъ Унгеней. — Сейчасъ будетъ граница.

Граница... Простое слово, а какъ звучитъ оно для нашего уха чѣмъ-то особеннымъ теперь, именно въ эту минуту!

Никогда тамъ, въ глубинѣ покидаемаго отечества, не могли мы и предполагать въ глубоко мирные дни, что съ этимъ простымъ словомъ вдругъ свяжется для насъ столько новаго, невѣданнаго доселѣ чувства, которое въ эту минуту ярко отпечатлѣвается въ улыбкѣ, взорѣ, выраженіи лица каждаго изъ насъ. И казалось бы, что̀ тутъ такого особеннаго! — Люди готовятся сейчасъ переѣхать границу; все обстоитъ благополучно, всѣ живы, веселы, здоровы, смѣются, болтаютъ между собою, какъ смѣялись и болтали всего лишь четверть часа назадъ; а между тѣмъ нѣтъ, не то—совсѣмъ не то чувство проглядываетъ въ каждомъ сквозь обыденную внѣшнюю оболочку!. Что̀ же это такое? Глубоко̀ ли въ сердцѣ щемящее предчувствіе, раздумье: вернешься ли назадъ, или *тамъ* на вѣки кости твои останутся?... Или это гордое сознаніе, что вало̀мъ-валитъ великая и грозная сила земли русской, издревле славная сила Святогоръ-богатыря и Микулы Селяниновича, и что ты—одинъ изъ атомовъ этой тысячелѣтней, нынѣ сознательно

проснувшейся и дѣйствующей силы, которая обязываетъ тебя, какъ русскаго человѣка, какъ сына своего отечества,—«не посрамить земли русской» и лечь костьми за нея и за братій, какъ тысячу лѣтъ назадъ умѣли ложиться русскіе предки на томъ же широкомъ и синемъ Дунаѣ, на тѣхъ же крутыхъ и лѣсистыхъ Балканахъ? — Богъ-вѣсть, что̀ это за чувство и что̀ за мысли шевельнулись у каждаго, но только при словахъ: «сейчасъ будетъ граница» ясно почувствовалось всѣми нѣчто особенное, нѣчто не лишенное даже торжественности. Всѣ серьозно переглянулись, всѣ невольно смолкли,—каждый на мгновеніе ушелъ въ глубь самого себя... Тихо... только поѣздъ мѣрно гремитъ, приближаясь къ крутобережному, не широкому и мутно катящему желтыя волны Пруту.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ поручилъ своему сосѣду глядѣть въ окно и не прозѣвать границы: «чуть только будемъ по серединѣ моста, на самой, значитъ, чертѣ, ты сейчасъ же кричи намъ «граница»!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ розлилъ всѣмъ намъ по дорожнымъ стаканамъ и чаркамъ двѣ - три бутылки дешеваго бѣлаго винограднаго вина—своего, русскаго вина,—которое мы купили на станціи въ Унгенахъ, нарочно затѣмъ, чтобы «вспрыснуть границу»—и всѣ мы, съ обнаженными головами вставъ со своихъ мѣстъ, ждали условнаго сигнала.

— Граница! громко раздалось изъ окошка.

— Господи благослови и помоги честному дѣлу въ часъ добрый! благоговѣйно крестясь, произнесъ лихой казакъ кавказецъ, съ тремя солдатскими Георгіями на могучей груди.

Вслѣдъ за нимъ всѣ молча тоже перекрестились.

— Ура, ребята! За Царя, за Россію! Ура!!

— Уррра-а! подхватилъ весь вагонъ съ поднятыми стаканами,—«урррa-a-a!» раздавалось и изъ всѣхъ другихъ вагоновъ, шедшихъ въ одномъ и томъ же поѣздѣ. Съ этимъ кликомъ мы переѣхали пограничную черту русскаго государства.

— Прощай, дорогая!.. Прощай! До свиданья! невольно вырывались сердечныя восклицанія у многихъ, которые изъ окошекъ глядѣли на покинутую Россію.

По ту сторону моста часовой-доробанецъ взялъ ружье «накраулъ» и отдалъ русскимъ гостямъ воинскую почесть. Это былъ первый нерусскій воинъ, увидѣнный нами на чужой

территоріи. Онъ стоялъ у форменной будки, такой же какъ и наши, только съ другою окраской: шли по ней вкось синія, желтыя и красныя полосы государственныхъ цвѣтовъ румынскаго княжества. Милиціонеръ-доробанецъ одѣтъ былъ въ сѣрое суконное пальто, покроемъ схожее съ нашимъ, съ голубыми погонами и клапанами на воротникѣ; ноги обуты въ народные румынскіе «опàнки», совершенно такіе же какъ наши малороссійскіе «постолы», а на головѣ у него была надѣта особой формы барашковая шапка, верхъ которой кроенъ шире, чѣмъ тулья и сбитъ на правую сторону; спереди на шапкѣ двѣ перекрещенныя между собою буквы *C*, подъ короною—шифръ князя Карла, съ девизомъ «Nihil sine Deo», а съ лѣваго бока воткнуты въ нея два сѣро-пятнистыя пера какой-то птицы, чуть ли не простой индюшки, но за то ружье у доробанца было скорострѣльное и самъ онъ выглядѣлъ довольно бодро и воинственно.

Послѣ двухъ-минутной остановки за мостомъ въ Румынскихъ Унгенахъ (пограничная станція, при селеніи того же имени) поѣздъ тронулся далѣе, провожаемый любопытными взорами пограничныхъ румынскихъ офицеровъ и чиновниковъ, въ изысканно щеголеватыхъ форменныхъ костюмахъ.

И такъ, мы уже не дома, мы на чужой землѣ, въ чужомъ государствѣ.

Но что̀ же это?... Какъ будто ничто вокругъ насъ и не измѣнилось ни на волосъ: та же самая природа, къ какой мы привыкли уже и въ нашей Бессарабіи, тѣ же крестьяне, тѣ же бабы, ничѣмъ—рѣшительно ничѣмъ, кромѣ языка, не отличающіяся по внѣшности отъ бабъ общаго, всероссійскаго по̀шиба, тѣ же юркіе жидки въ длинныхъ засаленныхъ хламидахъ и въ шапкахъ сбитыхъ на затылокъ,—все то же, все свое, давнымъ давно знакомое...

Вотъ и первая станція—«Кристешти». На платформѣ двое русскихъ солдатиковъ—часовые—держатъ ружья «на-краулъ», трое дежурныхъ казаковъ стоятъ въ шеренгу, взявъ руку подъ козырекъ,—здѣсь они замѣняютъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ жандармовъ; русскій офицеръ распоряжается въ качествѣ коменданта станціи; тамъ и сямъ вокругъ слышенъ русскій говоръ. И здѣсь пока все еще какъ будто свое, какъ будто все та же Бессарабія: и деревня, и бѣлый домъ помѣщи-

чій на горѣ, съ кудрявымъ паркомъ вокругъ и внизъ по скату; даже станціонное зданіе отчасти напоминаетъ постройки въ русскомъ стилѣ съ гребешками и узорочьемъ по карнизу.

Ѣдемъ далѣе. Солнце палитъ, на небѣ ни облачка,—жара ужасная.

Вотъ неподалеку отъ дороги небольшой ставокъ, наполненный лягушками, которыя задаютъ громкій концертъ своимъ урчащимъ, долгимъ кваканьемъ. Тутъ же и наши солдатики: одинъ, раздѣвшись донага, примѣряется какъ бы ему искупаться въ этой лужицѣ, другіе совсѣмъ по домашнему портянки моютъ себѣ, а нѣсколько въ сторонѣ трое пѣхотинцевъ, заломивъ кепушки на затылокъ, сосредоточенно стоятъ и удятъ—надо думать, карасей, если не лягушекъ. И здѣсь ничто не дѣлаетъ новаго впечатлѣнія.

Рѣка Жижія, ближайшая молдавская сосѣдка Прута, широко разлилась по низменной луговой равнинѣ, превративъ ее въ зеленѣющее болото, къ истинному удовольствію многочисленныхъ аистовъ или *кукустырковъ*, какъ называютъ ихъ въ молдавскомъ простонародьѣ. Здѣсь такая масса лягушекъ, что кваканье ихъ, наполняя непрерывнымъ звукомъ всю окрестность, заглушаетъ для насъ, сидящихъ въ вагонахъ, даже грохотъ поѣзда на полномъ его ходу. Вправо, на этой же залитой низинѣ виднѣются нѣсколько избушекъ на курьихъ ножкахъ, т. е. плетеныхъ сарайчиковъ, построенныхъ на жердяныхъ козлахъ, вѣроятно для склада сѣна, въ предупрежденіе подмочки его во время разливовъ.

По дорогѣ неоднократно встрѣчаются особаго рода цистерны: къ дорожной земляной выемкѣ, или къ какому-нибудь обрывцу торчмя прислоненъ тесанный камень-плитнякъ съ просверленною посрединѣ его дырою, въ которую вдѣланъ желобокъ, и по немъ стекаетъ струйками вода въ небольшой водоемъ, выложенный плитою, или же просто въ придорожную канавку. Колодцы тоже часто встрѣчаются, и всѣ почти съ «журавлями» (очепъ), какъ и у насъ по всей южной Россіи. Тутъ, какъ и тамъ, колодцы эти выкапываются на степи съ богоугодною цѣлью, по какому-нибудь обѣту или за упокой чьей-либо души, на общую потребу путниковъ, обязанныхъ, по обычаю, за утоленіе жажды помянуть добраго человѣка добрымъ словомъ или молитвою за его душу.

Вотъ впереди, съ правой стороны показалась группа четырехъ высокихъ колоколенъ съ куполами, сближенно стоящихъ вмѣстѣ другъ противъ друга: это малыя главы недостроеннаго большаго ясскаго собора. Зданіе, говорятъ, дало трещину, и съ тѣхъ поръ, уже въ теченіи многихъ лѣтъ, окончательная постройка его брошена. По ту и другую сторону отъ этой группы малыхъ главъ виднѣется еще нѣсколько другихъ куполовъ и церковныхъ башень.

Холмы, ограничивающіе область разлива Жижіи, остались влѣво и идутъ нѣкоторое время параллельно дорогѣ, покрытые на вершинахъ и по скатамъ свѣжею кудрявою зеленью садовъ и рощъ, среди которыхъ кое-гдѣ бѣлѣются чистенькіе хуторки. Въ виду Яссъ картина расширилась еще болѣе: далеко въ правой сторонѣ низменную луговину тоже обрамляютъ незначительныя возвышенности, но тамъ не видать такой растительности и хуторовъ, какъ на лѣвыхъ холмахъ. По низинѣ, въ виду желѣзнаго пути, пролегаетъ шоссе, довольно узкое, но содержимое въ отличнѣйшемъ порядкѣ.

Яссы выясняются все болѣе и болѣе. Городъ довольно красиво раскинулся амфитеатромъ по холму. Бѣлый цвѣтъ стѣнъ пестрыми пятнами мѣшается съ зеленью садовъ, черепичными кровлями и жестяными, какъ серебро сверкающими на солнцѣ куполами многочисленныхъ церквей. Все это въ совокупности является очень чистенькимъ, нарядныъ и издали производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Но уже раньше побывавшіе въ Яссахъ наши офицеры сказываютъ, что это впечатлѣніе не измѣняется и внутри города, по крайней мѣрѣ на главныхъ его улицахъ, гдѣ проложены асфальтовыя мостовыя, хорошіе тротуары, бульваръ, ведущій въ загородный паркъ, и возвышаются каменные дома очень изящной архитектуры. Какъ говорятъ, Яссы по наружности далеко лучше Бухареста.

Неподалеку отъ желѣзно-дорожной станціи, на обширномъ плацу раскинулся базаръ, наполненный множествомъ «каруцъ», воловъ, лошадей и пестрымъ народомъ, среди котораго мелькаютъ знакомыя фигуры нашихъ солдатиковъ, отлучившихся съ ближайшаго бивуака, расположеннаго близь дебаркадера со своею ротною кухней. Разводные пути заставлены нѣсколькими военными поѣздами, ожидающими очереди къ отправкѣ; на одномъ изъ нихъ казаки съ лошадьми, на

другомъ артиллерія, на третьемъ саперная команда вмѣстѣ съ моряками, морскія цѣпи, якори, канаты и сѣти для вылавливанія торпедъ. На нѣсколькихъ платформахъ стоятъ лодки-миноноски, покрытыя брезентами. Изъ вагоновъ несутся звуки солдатскихъ хоровыхъ пѣсень. Галлерея дебаркадера кишитъ народомъ, среди котораго преобладаетъ военный элементъ—нашъ и румынскій; но послѣдній мало отличается военною выправкой,—такъ и кажется, будто это все мирные мѣщане, булочники, писцы, сапожники и парикмахеры, переряженные въ очень красивые военные костюмы и старающіеся придать своимъ физіономіямъ и манерамъ французскій характеръ. Въ толпѣ снуетъ много еврейскихъ агентовъ компаніи Грегера, Горвица и Когана, и много горожанокъ, изъ которыхъ однѣ одѣты по послѣдней парижской картинкѣ модъ, а другія щеголяютъ яркими, рѣзко кидающимися въ глаза нарядами, гдѣ преобладаютъ желтый и пунсовый цвѣта, но общій типъ здѣшнихъ женщинъ довольно красивъ. Впрочемъ, красота эта чисто животнаго характера, безъ малѣйшаго оттѣнка интеллектуальности; при взглядѣ на этихъ дамъ, такъ и напрашивается сравненіе съ откормленными пулярками, чему болѣе всего помогаютъ ихъ необычайно, почти до уродливости развитые бюсты. У станціи столпилось много извощичьихъ фаэтоновъ, очень удобныхъ и даже щеголеватыхъ, гдѣ на козлахъ возсѣдаютъ возницы въ нашихъ русскихъ кафтанахъ, приглашающіе на чистомъ русскомъ языкѣ прокатиться по городу. Здѣшніе извощики почти исключительно русскіе переселенцы скопческой секты. Они живутъ отдѣльною общиной, занимаются преимущественно извознымъ промысломъ; стойко поддерживаютъ другъ друга съ экономической стороны и вообще весьма зажиточны. Въ Бухарестѣ, какъ говорятъ, тоже самое. За буфетомъ пришлось размѣнять русскую кредитку. Дали за рубль два франка пятьдесятъ сантимовъ. Но и дерутъ же здѣсь! Стаканъ сельтерской воды изъ сифона—франкъ, бутылка пива, и вдобавокъ теплаго, прокислаго—два франка! Съ разу почуяли, значитъ, друзья и союзники безнаказанную возможность быстрой и наглой наживы на счетъ русскаго кармана. Жаль въ особенности солдатъ, которые сильно жалуются, что румыны и жиды всячески ихъ надуваютъ при каждой покупкѣ, при каждомъ размѣнѣ денегъ—и обмѣриваютъ, и об-

вѣшиваютъ, и обсчитываютъ самымъ безбожнымъ образомъ. Это, впрочемъ, какъ говорятъ, еще первые всходы, первые пупочки нашихъ союзническихъ отношеній съ румынами,— «а вотъ погодите, что́ будетъ далѣе!» предупреждаютъ насъ люди, уже успѣвшіе познакомиться съ дальнѣйшими прелестями этихъ отношеній. Союзники, какъ видно, не зѣваютъ и охулки на руку не кладутъ.

Тронулись далѣе. По дорогѣ, кромѣ казаковъ, держащихъ разъѣзды вдоль желѣзнаго пути, попадалось не мало и крестьянъ въ широкополыхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ съ широкими рукавами, подпоясанныхъ широкими красными шалями. Всѣ они были заняты, большею частью, полевыми работами; встрѣчались также и конные еврейчики въ бѣлыхъ фуражкахъ военной формы; это все агенты пресловутаго «товарищества», которые рыщутъ теперь по краю, обдѣлывая на счетъ нашихъ войскъ свои выгодные гешефты. Уже слышатся съ разныхъ сторонъ жалобы, что они торопятся задешево скупать продукты и, чуть лишь успѣютъ въ какой-либо мѣстности благополучно сдѣлать эту операцію, какъ тотчасъ же, съ помощью взятокъ мѣстнымъ румынскимъ властямъ, искусственно подымаютъ на эти продукты тройныя, пятерныя, а при удобномъ случаѣ даже и бо́льшія цѣны, по которымъ конечно и предъявляютъ предметы продовольствія нашимъ войскамъ, заручившись предварительно «оправдательными» документами, за надлежащею подписью и печатями мѣстныхъ румынскихъ властей. Однимъ словомъ, дѣло дѣлается «*чисто*», такъ что съ юридической стороны, какъ увѣряютъ сами «агенты» и другіе свѣдущіе люди, никакой «контроль» не придерется и иголки подъ нихъ не подточитъ.

По деревнямъ повсюду виднѣются сады, рощи, роскошныя деревья—не то что́ въ нашемъ русскомъ Буджакѣ *), гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ и одного-то деревца не встрѣтишь. Вообще, начиная отъ Пашканъ, и далѣе спускаясь внизъ на югъ къ Роману, Бакеу и до Текуча мѣстность по сторонамъ дороги, въ долинѣ рѣки Серетъ, повсюду свидѣтельствуетъ о значительной степени развитія культуры. Этими мѣстами проѣзжаешь словно бы по одному громадному сплошному

*) Такъ называется южная и юго-западная часть Аккерманскаго уѣзда.

парку, гдѣ каждый клочекъ земли тщательно воздѣланъ, расчищенъ, огороженъ; бѣлые домики хуторовъ и деревнюшекъ поддерживаются въ чистотѣ и порядкѣ; повсюду виденъ трудъ и благосостояніе. По истинѣ, это благословенныя страны Европы, и правъ былъ румынскій поэтъ, который въ своей пѣснѣ «Цăра Романеска», сдѣлавшейся одною изъ самыхъ популярнѣйшихъ во всей Румыніи, восклицаетъ: «о, мой край родимый, кто видѣлъ тебя однажды, тотъ никогда, никогда тебя не забудетъ!» Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но примѣняясь къ долинѣ Серета, слова поэта вполнѣ справедливы: этого роскошнаго сада, дѣйствительно, никогда не забудешь.

За нѣсколько верстъ не доѣзжая Текуча, долина Серета начинаетъ все болѣе и болѣе расширяться къ югу и юго-востоку, переходя въ открытую равнинную степь. Невысокіе горные кряжи тянутся все время пути только влѣво отъ дороги, доходя почти до самаго устья Серета у Барбоша. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ надъ самою станціею высится обрывистая, отвѣсная скала, на вершинѣ которой, въ день занятія Барбошскаго моста, расположенъ былъ бивуакъ полковника Струкова. Съ ея высоты открывается одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ на Дунай и представляется широкое громадное пространство для военныхъ наблюденій за противными берегами. Желѣзныя скрѣпленія моста построены не въ клѣтку, а продольными дугами, идущими по сторонамъ пути и постепенно понижающимися отъ средины моста къ его оконечностямъ. Внизу, у подошвы высокой мостовой насыпи, прислонился бѣлый сельскій домикъ, гдѣ расположенъ нашъ пѣхотный караулъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ разбросано нѣсколько бивуаковъ войскъ изъ состава 11-го корпуса.

Отъ Барбоша до Браилова желѣзный путь идетъ по болотистой низменности, которая сплошь, по обѣ стороны полотна залита теперь разливомъ. Напоромъ воды постоянно размываетъ дорогу, и нашимъ солдатамъ пришлось положить въ этихъ мѣстахъ не мало каторжнаго труда, устилая полотно мѣшками, наполненными пескомъ, и огораживая края пути плетнями. Вся эта работа производилась по поясъ въ водѣ, при весеннемъ холодномъ ненастьи.

Къ Браилову мы подъѣзжали на разсвѣтѣ. Влѣво отъ дороги на палевомъ фонѣ неба вырисовался темный силуэтъ

изящной церковки, за которою вскорѣ показалось болѣе двухъ десятковъ мельницъ-вѣтрянокъ. Тутъ уже начиналось предмѣстье. Браиловъ, если глядѣть на него съ дороги, кажется очень чистенькимъ городкомъ, надъ которымъ возвышаются нѣсколько церквей и колоколенъ очень порядочной архитектуры. Издали онъ показался намъ довольно похожимъ на наши русскіе города, въ довершеніе сходства съ которыми по серединѣ города торчитъ совершенно русская пожарная каланча. Пригородныя постройки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окружены брустверомъ,—это остатки прежнихъ турецкихъ укрѣпленій. Неподалеку отъ бруствера сгруппировалась небольшая густая рощица, среди которой возвышается мавзолей — каменная игла, увѣнчанная крестомъ, въ память русскихъ воиновъ, павшихъ при осадѣ Браилова въ турецкую войну 1828 года. Вокругъ рощи бѣлѣютъ бивуаки браиловскаго отряда.

Далѣе за Браиловымъ мѣстность пошла уже совершенно ровная; только влѣво, по ту сторону Дуная, виднѣются вдали причудливые изломы линіи добруджинскихъ горъ, и самъ Дунай съ его разливами и плесами выступаетъ порою на видъ широкими бѣлесоватыми полосами. По степи кочуютъ оборванные цыгане, которые попадались намъ на встрѣчу въ количествѣ нѣсколькихъ небольшихъ таборовъ—и все это, какъ въ общей обстановкѣ, такъ и въ деталяхъ, совершенно то же и такъ же, какъ и у насъ на югѣ Россіи. Здѣсь общій характеръ мѣстности напоминаетъ нѣсколько нашу буджакскую степь: растительности очень мало, деревни довольно рѣдки, глазъ не останавливается ни на какомъ возвышеніи, даже древнихъ кургановъ нигдѣ не замѣтно; повсюду—полное безлюдье, а вдали пустынная степь, подернутая легкою синевою, почти незамѣтно сливается съ горизонтомъ. Но чѣмъ ближе къ Бузео, тѣмъ все оживленнѣе и веселѣе становится эта равнина. Деревни, окруженныя садами, начинаютъ попадаться все чаще и чаще; въ каждой деревенькѣ непремѣнно маленькая церковка. Вправо показываются отроги карпатскихъ горъ, вершины которыхъ виднѣются грядами, однѣ за другими, на очень далекое разстояніе. Нѣкоторыя изъ грядъ мѣстами покрыты хорошимъ лѣсомъ. Наконецъ, уже на послѣднемъ планѣ голубоватой дали са-

мыя высокія горы исчезаютъ въ легкомъ туманѣ, такъ что о присутствіи ихъ можно догадаться только по бѣловатымъ пятнамъ снѣжныхъ залежей, разбросанныхъ тамъ и сямъ по вершинамъ. Склоны и подошва ближайшаго кряжа горъ усѣяны селеніями, утопающими въ роскошной растительности садовъ, надъ которыми подымаются бѣлыя башни сельскихъ церквей, а повыше селеній и садовъ склоны покрыты пашнями и виноградниками. Пространства вправо отъ дороги болѣе населены чѣмъ слѣва. По правую сторону равнины—деревни и сады тянутся почти непрерывнымъ рядомъ. Культура—судя, конечно, по бѣглому взгляду изъ вагоннаго окошка—кажется значительно выше бессарабской, гдѣ селенія представляются взору чѣмъ-то въ родѣ громадныхъ навозныхъ кучъ, тогда какъ здѣсь деревеньки все чистенькія, хаты выбѣлены и расписаны охрой, либо синькой, крыши крыты гонтомъ или черепицею, дворы и хозяйства огорожены хворостяною или кустарниковою изгородью; отдѣльно насаженныя рощицы очень миловидны и содержатся въ образцовомъ порядкѣ; здѣсь преимущественно растутъ липы, дубки и черноклепъ; всѣ эти насажденія раскинуты по равнинѣ отдѣльными группами, какъ бы островками. Огороды, нерѣдко разбитые въ полѣ, вдали отъ селеній, тоже огорожены, какъ и усадьбы, и при каждомъ непремѣнно качается на жерди убитая ворона, служащая пугаломъ для живыхъ пернатыхъ. Поля повсюду воздѣланы очень тщательно и на нихъ съ самаго ранняго утра идутъ работы, виднѣется много трудящагося народа—мужчинъ и женщинъ. Плуги запряжены волами въ шесть паръ; впрочемъ, иногда попадаются и смѣшанныя запряжки — волы съ лошадьми. Видно, что работники пріѣзжаютъ на свои поля издалека, за нѣсколько верстъ, потому что на межахъ нерѣдко попадаются распряженныя каруцы, близъ которыхъ пасутся кони. Мужчины, при видѣ нашего поѣзда, отрываются на минутку отъ работы и машутъ намъ широкополыми шляпами, женщины посылаютъ благословенія и сами крестятся. Славный, добрый народъ, и какъ жаль, что у него такая чуждая ему, офранцуженная интеллигенція, которая, засѣдая на скамьяхъ парламента, къ удивленію, совершенно разучилась понимать чувства и стремленія своего народа....

Съ лѣвой стороны желѣзной дороги тянется безконечная равнина степнаго характера; изрѣдка попадаются на ней курганы, разсѣянные тамъ и сямъ, вблизи и вдали, на самомъ горизонтѣ; изрѣдка зазеленѣетъ вдругъ роща, еще рѣже покажутся кровли какого-нибудь хуторка или деревнюшки— и опять пошла все степь да степь, по которой мѣстами излучины рѣки сверкаютъ. По равнинѣ выкопано много колодцевъ и встрѣчается не мало обмурованныхъ ключей; послѣдніе преимущественно вдоль шоссе, которое отъ Бузео и почти вплоть до Плоештовъ тянется рядомъ съ желѣзною дорогою, на очень близкомъ отъ нея разстояніи. Эта степь полна самыхъ разнообразныхъ птичьихъ свистовъ, ястребинаго клекота и урчанія лягушекъ, миріадами наполняющихъ каждую лужицу. Молодые ястребки и коршуны кружатъ и плаваютъ въ воздушныхъ высяхъ, пестрыя сороки и голубогрудыя сиворакши безпрестанно мелькаютъ передъ глазами. Вся степь уже покрыта свѣжею, сочною изумрудною зеленью; растительность такъ и претъ изъ земли, а изобильное присутствіе дикихъ блѣдно-розовыхъ мальвъ и золотистаго дрока доказываетъ на сколько жирна эта черноземная почва. Порою на степи попадаются значительныя пространства, которыя пестрѣютъ словно цвѣтныя скатерти: вотъ идетъ полоса совершенно желтая, далѣе бѣлая, рядомъ съ нею свѣтлосиняя или пунсовая—и эти коллера кажутся на столько сплошными, что среди ихъ почти не видать зелени—до такой степени изобильно и густо растутъ здѣсь степные цвѣты: цикорей, курослѣпъ, дрокъ, ромашка, гвоздика, мальва, пунсовый макъ, васильки и тюльпанчики. Нерѣдко на поляхъ можно замѣтить небольшіе, вкопанные въ землю, каменные кресты, всегда почти по два рядомъ, которые служатъ границами владѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное чувство народа соединяетъ съ ними символъ охраны полей отъ засухи, саранчи и пожаровъ. На степи пасутся отары овецъ и стада крупнаго рогатаго скота. Пастухи, вооруженные герлыгами и длинными бичами на короткихъ кнутовищахъ, иногда съ ружьемъ за плечами, стерегутъ свои стада не иначе, какъ верхомъ на степныхъ лошадкахъ; а умныя сторожевыя собаки-овчарки и волкодавы неизмѣнно присутствуютъ на своихъ постахъ, зорко оберегая отары со всѣхъ четырехъ сто-

ронъ отъ волковъ, которыхъ, какъ говорятъ, здѣсь водится не мало.

Бузео, также какъ и Браиловъ, издали кажется очень чистенькимъ городкомъ и производитъ милое, веселое впечатлѣніе мягкими контурами своихъ садовъ и построекъ. Колокольни и крыши нѣкоторыхъ домовъ крыты здѣсь бѣлою жестью—и все это какъ серебро сверкаетъ на солнцѣ; видно нѣсколько каменныхъ домовъ очень изящной архитектуры. Присутствіе нашихъ войскъ замѣтно повсюду; и здѣсь, какъ подъ Браиловымъ, раскинулся обширный бивуакъ пѣхоты и казаковъ близъ большой дубовой рощи. По шоссе тоже тянутся эшелоны войскъ—полки 31-й дивизіи, артиллерія, парки и длинные обозы, среди которыхъ порціонные волы, пока до убоя, пошли въ дѣло: тоже и ихъ запрягли въ какія-то повозки. Въ авангардахъ идутъ казачьи сотни: донцы въ бѣлыхъ фуражкахъ и уральцы въ высокихъ мѣховыхъ папахахъ. Ротныя собаки, высунувъ языки, понуро плетутся за своими кормильцами. Удушливая жара уже съ семи часовъ утра нестерпимо донимаетъ и людей и животныхъ. Не слыхать ни говора, ни пѣсень; батальоны двигаются молча, медленно, но безостановочно, словно бы ползутъ, какъ гигантская змѣя, свиваясь и развиваясь длинною лентой. Изъ вагона, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шоссе, видно очень ясно, какъ съ усталыхъ, запыленныхъ лицъ катится потъ; бѣлыя рубахи не только мокры, но даже посѣрѣли отъ поту и липнутъ къ плечамъ, къ рукамъ, къ груди; молодые солдаты изогнулисъ, что́ называется, въ три погибели, подъ навьюченною на нихъ тяжестью ранцевъ, патронныхъ подсумковъ и скатанныхъ черезъ плечо шинелей. Впрочемъ, отсталыхъ что-то не видать. Хотя и тяжко, очень тяжко людямъ, но замѣтно, что они за эти двѣ съ половиною недѣли успѣли уже постепенно втянуться въ трудное дѣло похода. Хорошо еще, что тутъ ровное прекрасное шоссе, и хоть жарко, да сухо; а каково было идти по Бессарабіи, въ первые дни послѣ 12-го апрѣля, по убійственнымъ косогорнымъ проселкамъ, въ дождливую слякоть, превратившую наши первобытные пути въ невылазное мѣсиво густой и липкой грязи.—Вотъ гдѣ была му́ка истинно адская, особенно когда приходилось поминутно вытаскивать изъ болотища застрявшія по

ступицу повозки и артиллерію, которыхъ даже и волы, по десяти паръ въ одной запряжкѣ, не всегда могли сдвинуть съ мѣста. За Бузео общій видъ страны сдѣлался еще культурнѣе. Горы справа все тянутся параллельно дорогѣ, но уже значительно отступя въ глубь долины; у подошвы ихъ все также тянется почти непрерывная цѣпь селеній съ бѣлыми колокольнями, а по склонамъ видны нѣжно-зеленые виноградники и правильно разчерченные четвероугольники то чернѣющихъ, то уже зеленѣющихъ пашень. Горы эти охватываютъ страну, какъ бы полукружіемъ съ сѣвера и съ запада. Теперь, когда утренній туманъ разсѣялся, очертанія отдаленныхъ карпатскихъ высей выступили гораздо яснѣе своими лиловато-бурыми массами. Вершины ихъ оголены совершенно; не замѣтно тамъ ни малѣйшихъ признаковъ какой-либо растительности и жизни, а снѣжныя залежи бѣлѣютъ по нимъ, точно бы мѣлъ въ гигантскихъ глыбахъ.

Первая станція за Бузео называется Мизиль. Это—небольшое, но, кажись, довольно промышленное мѣстечко съ двумя церквями, являющими въ своей архитектурѣ болѣе католическій, чѣмъ православный характеръ, благодаря двумъ башенькамъ по бокамъ передняго фасса. Купола и здѣсь, какъ почти повсюду въ Румыніи, обиты бѣлою жестью. На шоссе попадается не мало шинковъ и заѣзжихъ дворовъ, по наружному виду которыхъ можно заключить, что содержатели ихъ, преимущественно бѣглые русскіе и австрійскіе евреи, не смотря на стѣснительные для нихъ законы страны, положительно воспрещающіе евреямъ—не румынскимъ подданнымъ заниматься кабачествомъ, умѣютъ-таки, какъ и у насъ, обходить законъ вокругъ и около, и ловко обдѣлывать свои дѣлишки на счетъ крестьянскихъ заработковъ. Эти придорожныя корчмы, по большей части, каменныя, крытыя гонтомъ или черепицею, видимо бьютъ на внѣшнее щегольство, наглядно показывающее степень зажиточности кабатчиковъ.

Въ районѣ мѣстности у станціи Валеа Галюкареска горные отроги начинаютъ замѣтно понижаться, все болѣе и болѣе удаляясь вправо, въ глубину страны, пока наконецъ ихъ пологіе скаты не исчезаютъ гдѣ-то вдали, сливаясь съ обширною придунайскою равниною. Вотъ молодой лѣсокъ подбѣжалъ къ самой дорогѣ, такъ что кудрявыя вѣтви чуть не хлещутъ

по вагонамъ—и съ разу пахнуло на насъ живительною прохладой и тѣнью, но—увы! не болѣе какъ на одну или двѣ минуты, а тамъ—опять жара и духота, гнетущая и тѣло, и умъ, и волю. . . Вотъ придорожная будка. Вмѣсто сторожа выходитъ его дородная супруга; вытянувшись какъ солдатъ во фронтѣ, она въ одной рукѣ величественно держитъ флагъ, а другою отдаетъ намъ честь по-военному и оретъ—оретъ «ура» во все горло. Эта фигура, исполненная такого добродушнаго комизма и наивнаго восторга, невольно разсмѣшила насъ, не смотря на всю нашу вялую лѣнь, апатію и какую-то разваренность всего организма въ этой подавляющей духотѣ вагона, температура котораго подъ жгучими лучами солнца превратилась въ нѣчто напоминающее полокъ русской купеческой бани.

Окрестное населеніе и здѣсь все также густо, какъ передъ Бузео, но тутъ оно перекинулось уже и на степь, по лѣвую сторону дороги и, не смотря на жару, усердно продолжаетъ работу въ поляхъ, куда высыпало еще больше народу, чѣмъ давеча раннимъ утромъ.

Переѣзжаемъ по желѣзному мосту чрезъ рѣку Теляжну, которая, по спадѣ своихъ водъ, въ какія-нибудь двое сутокъ успѣла уже совершенно обмелѣть и изъ мутнаго, бурливаго потока, угрожавшаго даже устоямъ моста, превратилась въ смиреннѣйшій ручей, который, пробираясь мелкими и узкими струйками, расползается и вьется нѣсколькими рукавами по обнаженнымъ галькамъ неглубокаго плоскаго русла.

Таковы почти и всѣ румынскія рѣки: вчера камни ворочала, людей топила, мосты носила, а сегодня ее и курица вбродъ перейдетъ ногъ не обмочивши. Но это послѣднее состояніе продолжается пока не начнутъ таять снѣга карпатскихъ высей или пока не выпадутъ въ Карпатахъ сильные дожди; тогда обмелѣвшее русло снова переполнится водою, забурлитъ, зашумитъ, и опять начнетъ подмывать берега, сносить мосты и разрушать дороги. За тѣмъ рѣки вновь обмелѣютъ, до осени, когда наступаетъ періодъ карпатскихъ дождей, причемъ съ наступленіемъ зимы, смотря по средней температурѣ, иногда онѣ спадаютъ и замерзаютъ, а иногда, въ дождливыя теплыя зимы, все продолжаютъ порою бурлить, то повышаясь, то понижаясь въ своемъ уровнѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ переѣзда черезъ Теляжну, поѣздъ медленно подошелъ къ платформѣ плоештинской станціи.

Плоешты по-румынски значитъ «дождливые», и справедливость этого названія, какъ нарочно, подтвердилась для насъ съ первой же минуты: не успѣли мы подъѣхать къ дебаркадеру, какъ прыснулъ крупный косой дождикъ, который хотя и скоро прошелъ, но въ теченіи дня все-таки раза три принимался, довольно усерднымъ образомъ, барабанить по стекламъ и крышамъ, освѣжая на нѣсколько минутъ раскаленную мостовую.

Мнѣ отвели квартиру въ домѣ нѣкоего Калуда Димитріу на «страда (улица) Уэлло». Адресъ былъ сообщенъ мнѣ нашимъ квартирьеромъ еще на станціи и румынскимъ чиновникомъ растолкованъ извощику, который и подвезъ меня къ деревянному двухъэтажному домику, примолвя «аичь!» (здѣсь). Я постучался у запертой калитки. Въ одномъ изъ окошекъ верхняго этажа показалась какая-то пожилая женщина и скрылась въ то же мгновеніе, захлопнувъ форточку. Жду, что вотъ сейчасъ меня впустятъ,—не тутъ то было! Стучу второй разъ, стучу третій,—не отворяютъ; притаились такъ, что ни голоса, ни шороха, словно бы весь домъ вымеръ. Извощикъ спрыгиваетъ съ козелъ и начинаетъ усердно колотить въ калитку бичемъ, и въ то же время кричитъ что-то на верхъ. Напрасно: все то же мертвое молчаніе. Видя, что это не помогаетъ, онъ плюнулъ, выругался и жестомъ предложилъ мнѣ садиться въ свой фаэтонъ. Изъ его словъ я коекакъ понялъ, что надо ѣхать въ полицію. Пріѣзжаемъ. Общее впечатлѣніе, производимое этою полиціей если и говоритъ въ пользу ея патріархальности, то уже никакъ не чистоплотности: первое, что попалось подъ ноги, это хрюкающіе поросята въ прихожей; нравамъ этихъ милыхъ обитателей вполнѣ соотвѣтствовали и наслѣженный полъ съ комками уличной грязи, и закоптѣлыя стѣны, и какой-то особенный запахъ арестантской кутузки. Вхожу въ «присутственную» комнату, гдѣ виситъ портретъ князя Карла, подъ которымъ полицейскій чиновникъ не безъ помощи кулаковъ чинитъ патріархальное разбирательство нѣсколькимъ оборванцамъ, съ синяками и ссадинами на физіономіяхъ. Увидѣвъ во мнѣ русскаго офицера, онъ вѣжливо пригласилъ меня сѣсть и кликнулъ

секретаря, который, какъ оказалось, говоритъ по-русски и при томъ столь хорошо, правильно и чисто, что родиной его едва ли могла быть Румынія. Выслушавъ мою жалобу, онъ тотчасъ же распорядился отрядить со мною двухъ конныхъ калярашей, приказавъ имъ водворить меня на назначенной квартирѣ. Въ сопровожденіи этого конвоя, возвращаюсь я въ «страда Уэлло», но у калитки Калуда Димитріу—увы! начинается та же исторія, съ тою лишь разницей, что на этотъ разъ въ форточку уже никто не высовывался. Каларашн немилосердно колотятъ въ калитку ножнами своихъ сабель, такъ что всѣ сосѣднія собаки подняли неистовый лай и изъ оконъ ближайшихъ домовъ уже стали выглядывать любопытныя физіономіи, а у Калуда Димитріу все-таки ни малѣйшихъ признаковъ жизни. — «Ну, думаю, не сладко мнѣ тутъ будетъ жить, коли и полиція ничего не можетъ подѣлать». Наконецъ, гляжу, одинъ каларашъ, привязавъ лошадей къ желѣзному кольцу въ воротахъ, вскакиваетъ другому на спину, становится ему на плечи, цѣпляется за верхнюю перекладину воротъ и благополучно спрыгиваетъ во дворъ. Въ ту же минуту калитка предо мною растворяется. Подымаемся по деревянной лѣстницѣ, гдѣ на верхней открытой галлерейкѣ стоятъ три женщины—пожилая и двѣ среднихъ лѣтъ— и всѣ три, что называется, въ полномъ déshabillé,—въ сорочкахъ, юбкахъ и въ туфляхъ на босую ногу, но повидимому такая легкость костюмовъ ни мало ихъ не смущаетъ въ присутствіи постороннихъ мужчинъ; онѣ съ яростью накидываются на двухъ калярашей и извощика, несущаго мой чемоданчикъ; громкіе, раздраженные ихъ голоса совершенно заглушаютъ доводы одного изъ калярашей, доказывающаго имъ, что водвореніе мое въ ихъ домѣ есть вещь совершенно законная, сдѣланная по распоряженію румынскихъ властей, о чемъ домохозяева и были предупреждены заблаговременно, какъ объяснилъ мнѣ предъ этимъ секретарь полиціи. Пока идетъ вся эта перебранка, я остаюсь совершенно безучастнымъ, постороннимъ зрителемъ и терпѣливо жду чѣмъ окончится дѣло. Вѣроятно, убѣдившись, что съ бабами не сговоришь, каларашъ махнулъ рукою и растворилъ стеклянную дверь, приглашая меня войдти въ комнату. Такимъ образомъ, водвореніе мое было совершено. Я далъ обоимъ калярашамъ сколько-то мелочи на водку—и они

тотчасъ же удалились. Но тутъ мои хозяйки вдругъ врываются въ мою комнату и живо, въ попыхахъ, словно бы на пожарѣ, начинаютъ вытаскивать изъ нея всѣ вещи: подушки, тюфяки, посуду, утварь, столъ и стулья, такъ что въ какія-нибудь пять минутъ я очутился въ совершенно пустой горницѣ, на стѣнахъ которой осталось лишь нѣсколько литографированныхъ картинокъ.

Хорошо еще, что въ это время подъѣхалъ на другомъ извощикѣ мой деньщикъ съ вещами: теперь, по крайней мѣрѣ, я могъ присѣсть на своемъ чемоданѣ.

Минуту спустя, на галлерейкѣ появился какой-то одѣтый довольно прилично мужчина, которому мои хозяйки, повидимому, стали жаловаться, крича, жестикулируя и перебивая одна другую.

Тотъ, не дослушавъ, цыкнулъ на нихъ внушительнымъ образомъ, да еще ногою притопнулъ такъ, что онѣ сразу примолкли и даже исчезли куда-то, послѣ чего этотъ мужчина вошелъ ко мнѣ въ комнату, любезно протянулъ руку, отрекомендовался «господаремъ», т. е. хозяиномъ дома, и промолвилъ: «пу́ѳтиме!» (прошу покорно). «Славу Богу, думаю, конецъ моимъ испытаніямъ!» Надо было расплатиться съ извощиками, а мелочи у меня не оказалось. Вынимаю полуимперіалъ и съ помощью «Военнаго Переводчика» *) стараюсь объяснить, что мнѣ нужно размѣнять деньги; но какъ на зло въ «Военномъ Переводчикѣ» нѣтъ ровно ничего, касательно этого предмета: ни фразы «размѣняйте мнѣ деньги», ни глагола «мѣнять», «размѣнивать», ни существительныхъ «мѣна», «размѣнъ». — «Вотъ тебѣ и польза отъ «Военнаго Переводчика», думаю себѣ:—въ первый разъ пришлось къ нему прибѣгнуть, и сразу же такая осѣчка!» Но, къ счастью, нахожу въ немъ наконецъ слово «мѣняла»—«*зарафъ*». Произнося это слово и сопровождая его соотвѣтственными движеніями рукъ, мнѣ удалось наконецъ кое-какъ достичь, что хозяинъ понялъ чего

*) Предъ началомъ похода въ штабы и части войскъ были розданы особыя карманныя книжки, подъ названіемъ «Военный Переводчикъ, съ Русскаго языка на Турецкій, Болгарскій и Румынскій». Книжки эти, впрочемъ, принесли мало пользы, такъ какъ «Переводчикъ» весьма не полонъ и блещетъ отсутствіемъ многихъ, самыхъ необходимыхъ словъ и выраженій. Видно, что онъ былъ составленъ очень торопливо.

мнѣ надо. Онъ разстегнулъ крахмаленную грудь своей рубашки и досталъ изъ-за пазухи замшевый кошель, висѣвшій на шейномъ шнурочкѣ, вмѣстѣ съ крестикомъ и образками. Въ этомъ довольно полновѣсномъ кошелѣ у Калуда Димитріу хранились разныя золотыя и серебряныя монеты, крупныя и мелкія, такъ что онъ безъ затрудненія сейчасъ же размѣнялъ мнѣ мой червонецъ. Отдаю извощикамъ плату и прибавляю еще каждому на водку, какъ вдругъ—гляжу и собственнымъ глазамъ не вѣрю—мой хозяинъ тоже протягиваетъ мнѣ ладонь. Въ полномъ недоумѣніи я окинулъ его вопросительнымъ взглядомъ. Тогда онъ словами, совершенно мнѣ непонятными, но за то очень понятною интонаціею и еще болѣе краснорѣчивыми знаками начинаетъ мнѣ объяснять, что съ моей стороны будетъ очень любезно, если я и ему дамъ тоже на водку.

— Вамъ?—переспрашиваю я, и спѣшу заглянуть въ «Переводчикъ», гдѣ—слава Богу—нахожу въ отдѣлѣ румынской грамматики требуемое слово. — Вамъ? Думитáле? повторяю я, боясь какъ бы не оскорбить его самою возможностью такого несообразнаго предположенія, ибо мнѣ все еще думалось—не ошибаюсь ли я? точно ли онъ *этого* хочетъ, или имѣетъ въ виду объяснить мнѣ нѣчто совсѣмъ иное, да только я понялъ его знаки превратнымъ образомъ?

— Аша! міе, міе! **) утвердительно киваетъ онъ головою и тычетъ указательнымъ пальцемъ на свою грудь и на мои деньги.

— За что? Почему? Пентру чѐ? спрашиваю.

Мой Калуда Димитріу начинаетъ объяснять мнѣ что-то, и я, судя опять-таки по интонаціи и знакамъ, прихожу къ заключенію, что смыслъ его рѣчи таковъ: если, дескать, вы извощикамъ даете на водку, то дайте и мнѣ, потому что они для васъ только извощики, а я вашъ хозяинъ, и притомъ же я оказалъ вамъ услугу—размѣнялъ ваши деньги.

Признаюсь, я очень смутился и не столько за свое недоумѣніе, оказавшееся совсѣмъ не впопадъ, сколько за самый смыслъ просьбы моего прилично одѣтаго хозяина-домовладѣльца.

---

*) Да! мнѣ, мнѣ!

Чувствуя, что невольно краснѣю, протянулъ я ему ладонь, на которой лежало нѣсколько серебряныхъ монетъ и знакомъ пригласилъ указать, сколько именно желаетъ онъ получить. Это становилось даже любопытно, и мнѣ теперь уже было интересно увидѣть на сколько можетъ простираться наивное нахальство румына и сколько именно монетъ онъ себѣ отсчитаетъ. Но — къ вящему удивленію — Калуда Димитріу оказался весьма скромнымъ въ желательной ему суммѣ: онъ взялъ у меня съ ладони только одинъ *леу* (франкъ; по франку же я далъ и извощикамъ), опустилъ его въ свой кошель и съ большимъ достоинствомъ, очень любезно протянулъ мнѣ въ знакъ благодарности свою руку.

— Ваше благородіе! Никакъ это онъ съ васъ на водку взялъ? — въ полномъ недоумѣніи обратился ко мнѣ мой деньщикъ, по уходѣ хозяина.

— Да, на водку, подтвердилъ я: — а что̀?

— Да какъ же это?.. Вѣдь, по одежѣ глядя, онъ *господинъ* выходитъ, и опять же хозяинъ дому, — стало-быть, не бѣдный... и вдругъ — на водку!.. Это, ваше благородіе, совсѣмъ даже несообразно выходитъ.

И съ этой минуты мой деньщикъ восчувствовалъ къ Калуда Димитріу величайшее презрѣніе: — «воля ваша, а только я, ваше благородіе, послѣ этого, значитъ, уважать ему не согласенъ!»

Первымъ дѣломъ — захотѣлось помыться съ дороги. Деньщикъ пошелъ отыскивать у хозяевъ какой-нибудь кувшинъ да плошку и запропалъ что-то. Въ ожиданіи его, я, отъ нѣчего дѣлать, занялся разсматриваніемъ настѣнныхъ картинокъ. На одной написана въ гирляндовой каемкѣ какая-то греческая молитва, рядомъ съ нею вышитый гарусомъ попугай на вѣткѣ, далѣе цѣлая коллекція фотографическихъ медальоновъ на одномъ листѣ, гдѣ изображены съ одной стороны румынскіе вожди парламентской оппозиціи, а съ другой — консерваторы; тѣ и другіе, судя по портретамъ, почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга во внѣшности: тѣ же низкіе, плоскіе, маленькіе лбы, та же густая растительность на головѣ и на лицѣ, тѣ же распомаженные, расчесанные усы и эспаньолки, и волосы à la Капуль, тотъ же плоскій отпечатокъ бульварно-парижскаго, парикмахерскаго шика въ выраженіи фи-

зіономій и — въ довершеніе тождества — почти всѣ оконча-нія фамилій на *эско*. Но вотъ двѣ любопытныя картинки, и обѣ русскаго происхожденія. На одной подписано: «Взятіе графомъ Дибичемъ Забалканскимъ Адріанополя, — съ дозволенія цензора Снегирева, 1829 года», а на другой: «Переходъ Графа Дибича Забалканскаго 10-го іюля 1829 г. за Балканскія горы, почитавшіяся до сихъ поръ непреодолимымъ оплотомъ Европейской Турціи» (тоже съ дозволенія цензора Снегирева). Тутъ же подписаны и слѣдующіе стихи:

На брань призвалъ насъ Царь Державный,
И грудью мы впередъ пошли;
Весельемъ былъ намъ путь сей славный,
Орла Россіи мы несли,
Мы съ нимъ Дунай перелетѣли,
Дунай волнами зашумѣлъ;
Повсюду клики загремѣли,
Орелъ къ востоку полетѣлъ!
И вотъ, въ пути, какъ великаны,
Возстали цѣпи дикихъ горъ,—
То грозный щитъ Луны—Балканы;
Къ нимъ врагъ возвелъ надежный взоръ.
Взирай, Османъ, на ихъ вершины,
Не до небесъ твой крѣпкій щитъ!
Сіи высоки исполины,—
Орелъ превыше ихъ паритъ;
Гремятъ за ними громы брани,
Полки съ кремнистыхъ горъ идутъ,
А тамъ, еще отъ Эривани
Знамена русскія несутъ.
Хвала тебѣ, нашъ Царь Державный,
Сіяй въ вѣнцѣ побѣды намъ!
Ты самъ повелъ насъ въ путь сей славный!
Ура тебѣ!—ура вождямъ!

Какъ времена-то перемѣнчивы! Вотъ, вѣдь и громкіе стихи, но нѣтъ въ нихъ и намека на славянскую идею войны, на ту освободительную идею, которая и тогда лежала въ основѣ нашего движенія на Балканскій полуостровъ, какъ лежитъ

нынѣ; а вѣдь и тогда были тамъ тѣ же условія, что̀ и теперь, тѣ же болгары и сербы, тотъ же турецкій гнетъ и безправица, и та же самая задача предлежала русской арміи; но видно сознаніе ея въ то время еще не проникало въ массу русскаго народа и войска, тогда какъ теперь каждый солдатъ знаетъ за что̀ и за кого предстоитъ ему драться.

— Ваше благородіе! Тутъ, просто, жить нельзя! вскричалъ видимо раздосадованный деньщикъ, входя въ комнату, съ кувшиномъ воды и глиняною лоханью: — Шутъ ихъ знаетъ, что̀ они такое! Самъ хозяинъ въ трактиръ ушелъ, а бабы заперлися внизу на замокъ и голосу не подаютъ. Что̀ ни стучался къ нимъ—не отзываются! Долженъ былъ на базаръ бѣжать, и ужь еле-еле тамъ купилъ всю эту посудину, а воды набралъ съ городскаго фонтала, — такъ и несъ ее по улицѣ! Воля ваша, а только надо намъ куда ни-на-есть переѣхать.

Послѣдняя мысль, дѣйствительно, являлась лучшимъ изъ всего, что оставалось въ моемъ положеніи. Насильно милъ не будешь, а судя по началу, у этихъ квартирныхъ хозяевъ мнѣ, вѣроятно, предстоятъ ежеминутныя мелочныя непріятности. Пока что, я рѣшился взять нумеръ въ какой-нибудь гостиницѣ, но прежде всего занялся своимъ туалетомъ. Въ это время въ смежной горницѣ послышалось шарканье старческихъ шаговъ и кряхтѣнье. Черезъ минуту пріотворилась дверь и ко мнѣ вошла сгорбленная старушка, вся въ черномъ: на головѣ большой черный кашемировый платокъ, на плечахъ атласная, уже порыжѣлая отъ ветхости, ватная кацавейка, изъ подъ которой болталась черная ситцевая юбка. Въ Румыніи пожилыя женщины и старухи низшаго и средняго сословій носятъ исключительно черное *), очень походя своимъ костюмомъ на нищихъ богомолокъ, какихъ не въ рѣдкость случается встрѣчать по купеческимъ домамъ въ Москвѣ и въ провинціи! На желтомъ лицѣ этой старушки блуждала привѣтливая улыбка, а въ глазахъ сказывалось большое любопытство. Подходя ко мнѣ, она нѣсколько разъ кивнула головой, какъ бы здороваясь и, наконецъ, ласково огладила меня по плечу морщинистой, трясущеюся рукою.

— Майка а домнулу̌й, прошептала она, указывая на себя,

---

*) Въ Болгаріи повсюду то же самое.

и изъ этой рекомендаціи я, при всемъ моемъ плохомъ знакомствѣ съ румынскимъ языкомъ, понялъ однако, что это значитъ мать хозяина.

— Русъ офицерь?.. Капетанъ?.. Бунъ, бунъ!.. харошь! приговаривала она, продолжая меня оглаживать. Съ первыхъ словъ оказалось, что старуха немножко маракуетъ по-русски:

— Молода была, Рѡссія жила... Одесса жила... Бунъ, бунъ капетанъ...

— Вотъ ты, божья старушка, добрая,—и видать, что добрая, вмѣшался мой деньщикъ: — а тѣ бобры, словно вѣдьмы злющія! Не токмà что изъ комнаты всю небиль повыташкали, а и воды ковша добромъ не допросишься.

Старуха только рукой махнула—«ужь и не говори, молъ», и со вздохомъ безсильнаго сожалѣнія покачала головою. Видно было, что не она тутъ верховодитъ въ домѣ.

— Тà-то, злющій подстарокъ, какъ твоему сыну доводится? Теща, что ли? продолжалъ деньщикъ.

— Сѡкры, сѡкры... Ашà, подтвердила, понявшая вопросъ, старушка.

— Такъ ты чтожъ? Развѣ не голова въ дому? Тыбъ ее въ струнѣ содержала, чтобъ она экимъ манеромъ дерзить-то не смѣла бы.

Но этотъ послѣдній діалогъ, видимо, не былъ понятъ, потому что старуха вопросительно поглядывая то на меня, то на него, только головою поддакивала, да улыбалась добросердечно. Послѣ этого она вышла изъ комнаты, но черезъ двѣ-три минуты возвратилась снова, принеся какія-то свернутыя въ трубку бумаги. Оказалось, что это были нѣсколько плохихъ литографій, между которыми одна изображала покойнаго Государя Николая Павловича, а другая Наполеона III.

— Импэраторулъ Никѡлай, пояснила она, показывая мнѣ портретъ и произнеся эти слова тономъ особеннаго почтенія: — Господарь а Рѡссія... Знакѡмъ?... О, маре́ маре́ Господарь!.. великій!.. Живъ Никѡлай?

Признаюсь, я былъ нѣсколько удивленъ столь неожиданнымъ вопросомъ.

— Умеръ, говорю ей: — давно уже умеръ.

— Умеръ? какъ бы машинально повторила за мной удивленная этимъ извѣстіемъ старуха и перекрестилась, съ соболѣзно-

ваніемъ покачавъ головою и пробормотавъ что-то по-румынски— вѣроятно, молитву за душу покойнаго Государя.

— А кто импэраторулъ ынтру Россія? спросила она, послѣ короткаго раздумья.

— Теперь-то? Теперь у насъ Императоръ Александръ, Сынъ Николая.

— Александеръ... Александеръ, нѣсколько разъ прошептала она, какъ бы про себя, видимо стараясь запомнить имя:— Александеръ маре... Сы дэ луй Думнезеу! Сы дэ луй! *)

И послѣ этого вытащила портретъ Наполеона и ткнула въ него пальцемъ:

— Живъ?

— Нѣтъ, говорю: — умеръ, тоже умеръ.

Очевидно, и это было для старухи совершенною новостію, но послѣднее извѣстіе, кажись, уже не произвело на нее такого впечатлѣнія, какъ первое.

— Сы дэ луй Думнезеу! Сы дэ луй! пробормотали ея безцвѣтныя губы, и ужь что хотѣла она выразить этимъ послѣднимъ «сы дэ луй» — Богъ ее знаетъ!

Какъ непохожа показалась мнѣ эта добрая старуха на трехъ остальныхъ моихъ хозяекъ! Въ этомъ дряхломъ существѣ, въ этомъ уцѣлѣвшемъ осколкѣ былыхъ временъ, не смотря на всю ограниченность его умственнаго и духовнаго кругозора, видимо сохранились совсѣмъ иныя чувства, помыслы, воспоминанія и сочувствія, чѣмъ тѣ, которыми жило позднѣйшее румынское поколѣніе и на которыхъ всецѣло воспиталось и живетъ нынѣшнее. У нынѣшнихъ Наполеона-то, пожалуй, найдешь, и даже весьма и весьма не рѣдко, но Императора Николая, которому столь многимъ добромъ обязана Молдо-Валахія, навѣрное ни у кого не встрѣтишь.

Переодѣвшись, я тотчасъ же отправился на поиски гостинницы, куда можно бы было перебраться со своимъ незатѣйливымъ и немногосложнымъ походнымъ скарбомъ. Подрядилъ «биржу», какъ называютъ здѣсь пароконныхъ колясочныхъ извощиковъ, и съ помощью «Военнаго Переводчика» говорю ему: «траджь ла-челъ май бунъ готелъ», т. е. вези въ лучшую гостинницу. Повезъ. Труситъ лѣнивою рысцою и самъ

*) Дай Богъ ему, дай!..

сидитъ на козлахъ, какъ разваренный, еле вожжи изъ рукъ не валятся, по сторонамъ глазѣетъ; въ одномъ мѣстѣ чуть не наѣхалъ на двухъ женщинъ и еще ихъ же обругалъ въ придачу; попадется на встрѣчу свинья, мальчишка или какой-нибудь подхалюзый жидокъ — возница мой непремѣнно наровитъ хлестнуть ихъ бичемъ; глупая утица черезъ дорогу шлепаетъ, переваливаясь съ боку на бокъ,—онъ и ту подхлестнулъ слегка. Только замѣчаю я, что извощикъ мой колеситъ безъ толку изъ переулка въ переулокъ, а гостинницы нѣтъ, какъ нѣтъ. Я ему повторяю еще разъ чего собственно мнѣ надо.

— Штіу, штіу! (знаю, знаю!) отвѣчаетъ мотнувъ головою и все-таки продолжаетъ кружить по какимъ-то пустырямъ да задворкамъ, межъ садовъ и заборовъ. Прокружили мы съ нимъ такимъ образомъ болѣе получасу, пока, наконецъ, случайно не вывезъ онъ меня къ дому, гдѣ занялъ помѣщеніе Великій Князь Главнокомандующій. Здѣсь на тротуарахъ толпа горожанъ любопытно глазѣла на конвойныхъ казаковъ, на великокняжескую прислугу и офицеровъ главной квартиры, то входившихъ въ ворота, то выходившихъ изъ нихъ на улицу. Встрѣтился я съ знакомыми и разсказываю имъ свое критическое положеніе, а къ моимъ словамъ видимо прислушивается какой-то молодой жидокъ, безъ шапки.

— Зжвините, вамъ до готѣлю? вмѣшался онъ въ разговоръ:— я факторъ, пазжволте!

И съ этими словами прыгъ на козлы, какъ былъ безъ шапки, и черезъ полторы — двѣ минуты возница мой остановился въ узенькомъ переулкѣ у воротъ гостинницы «Молдавія». Оказалось, что отъ этой «Молдавіи» до моей квартиры у Калуда Димитріу и полуверсты не будетъ, а извощикъ колесилъ по закоулкамъ и окраинамъ города нарочно для того, чтобъ имѣть предлогъ содрать съ меня побольше. И дѣйствительно, едва я, соступя съ подножки, даю ему по таксѣ одинъ леу (франкъ), какъ онъ вломился въ претензію и нагло потребовалъ два цѣлковыхъ, доказывая, что онъ меня возилъ столько времени.

— Стто изъ нимъ гаварить! Дайте ему уфъ шея! настойчиво рекомендовалъ мнѣ жидокъ-факторъ, но я, строго памятуя о внушенной намъ необходимости вѣжливаго обхожденія съ нашими союзниками-румынами, не послѣдовалъ его благоразумному совѣту и поднялся на верхъ. Извощикъ неотступно

слѣдуетъ за мною и тономъ несправедливо обиженнаго человѣка громко вопіетъ на всю гостинницу, требуя немедленной уплаты двухъ цѣлковыхъ. На этотъ шумъ вышелъ хозяинъ гостинницы, который, къ счастію, оказался говорящимъ немного по-французски. Выслушалъ онъ извощика, излагавшаго свою обиду съ притворнымъ завывающимъ плачемъ и съ жалостливою гримасой на куксившемся лицѣ, выслушалъ за тѣмъ и мое объясненіе, и чуть лишь узналъ, что мнѣ нужна комната, не по отводу, а за плату, какъ тотчасъ же предупредительно заявилъ мнѣ на счетъ извощика:

— Не безпокойтесь и не трудитесь платить ему; я это устрою, я его сейчасъ урезоню.

И за тѣмъ проболтавъ ему что-то по-румынски, направилъ его внизъ къ буфету. Извощикъ удалился безпрекословно.

Комната, указанная мнѣ подъ именемъ «лучшей», блистала только отрицательными качествами: не длинна, не широка (шесть шаговъ вдоль и пять впоперегъ), не свѣтла, не чиста, не удобна и вдобавокъ съ какимъ-то специфическимъ затхлымъ и кислымъ запахомъ. Все убранство ея состояло изъ деревянной кровати съ слежавшимся тюфякомъ весьма подозрительной опрятности, безъ бѣлья и подушекъ, за тѣмъ изъ ломбернаго стола и двухъ плетеныхъ стульевъ. Но все же это лучше, чѣмъ у Калуда Димитріу. Спрашиваю, какая цѣна этому нумеру?

— Десять франковъ въ сутки, объявляетъ мнѣ хозяинъ, съ самою любезною, предупредительною улыбкой.

Я такъ и ахнулъ. Вѣдь это 300 франковъ въ мѣсяцъ, а на наши кредитки около 120-ти рублей, за такую мерзость!

— Какъ угодно, но лучше и дешевле вы нигдѣ не найдете, — можете убѣдиться на опытѣ, вѣжливо-сухимъ тономъ заявилъ мнѣ хозяинъ.

Я попытался-было объяснить ему, что такая цѣна еще кудабы ни шла, если бы мнѣ понадобилась комната только на одни сутки, но такъ какъ я располагаю остаться здѣсь все время, пока главная квартира будетъ находиться въ Плоештахъ, то не безразсчетно было бы ему уступить ее и по дешевле. Но хозяинъ уперся на своемъ.

— Pas un sou! (Ни одной копѣйки!) объявилъ онъ самымъ рѣшительнымъ, не допускающимъ возраженія тономъ, и за тѣмъ,

напустивъ на себя видъ благороднаго достоинства, прибавилъ: не думайте, monsieur, чтобы я набавилъ вамъ хотя одинъ сантимъ; я румынъ и считалъ бы это безчестнымъ по отношенію къ нашимъ гостямъ и союзникамъ, къ доблестной и либеральной арміи освободителей.

При послѣднихъ словахъ я невольно расхохотался. Но, въ концѣ концовъ, пришлось согласиться и на 10 франковъ, пока до пріисканія болѣе удобнаго и дешеваго помѣщенія, потому что комнаты по гостинницамъ разбирались въ этотъ день нарасхватъ и офицерами, и чиновниками, и корреспондентами, и агентами; пока я переговаривался съ хозяиномъ, на стеклянной галлереѣ (она же и коридоръ) дожидалось уже трое алчущихъ и жаждущихъ пріюта. Надо было торопиться захватить что̀ есть, буде не желаешь очутиться къ ночи съ чемоданами на улицѣ.

Пославъ еврейчика-фактора къ Калуда Димитріу за деньщикомъ и вещами, я спустился внизъ, во дворъ, половина котораго была занята огороженнымъ садикомъ, гдѣ помѣщалась въ особомъ свѣтломъ павильонѣ общая столовая. Здѣсь я встрѣтился съ однимъ знакомымъ. Ѣсть намъ обоимъ хотѣлось ужасно, потому что со вчерашняго вечера, отъ самаго Бакеу, у насъ во рту не было ни крошки хлѣба, ни глотка чаю.

Мудреное дѣло разбирать порціонныя карточки, писанныя по румынски и въ добавокъ безграмотно. Хоть убей, ничего не понимаемъ! Является на выручку кельнеръ, толстенькій приземистый нѣмецъ, съ брюшкомъ, изъ швабскихъ уроженцевъ.

— Порцію телячьихъ котлетъ и порцію ростбифу, а пока— поскорѣе по рюмкѣ водки и закусить что-нибудь.

Кельнеръ, съ грязной салфеткой въ рукѣ, виляя толстыми бедрами, бѣжитъ на кухню, но черезъ пять минутъ возвращается съ извиняющимся видомъ и не безъ прискорбія объявляетъ, что нѣтъ ни котлетъ, ни ростбифной говядины, потому что сегодня никакъ не ожидали столь достопочтенныхъ гостей, а заурядъ держать такіе продукты здѣсь не въ обычаѣ, потому что спроса на нихъ у мѣстной публики почти вовсе не существуетъ, на базаръ же посылать теперь—пройдетъ слишкомъ много времени.

— Что же у васъ есть, наконецъ?

— Все что̀ прикажете; соблаговолите выбрать по карточкѣ.

Порѣшили на томъ, чтобы онъ далъ чего самъ знаетъ, что̀ есть изъ готоваго, только поскорѣе. Это даже было интересно попробовать національной румынской кухни.

Но вотъ, несетъ мальчикъ закуску. Что̀ же это, однако? — Розовое варенье на блюдечкѣ, два стакана воды и двѣ рюмки вонючей сладкой мастики. Съ этимъ послѣднимъ напиткомъ мы уже ознакомились вчера на дорогѣ и изъ сего горькаго опыта узнали, что проглотить мастику безъ отвращенія невозможно — по̀ крайней мѣрѣ, съ непривычки. Опять приходится взяться за кельнера и объяснять ему, чего намъ надобно. Ничего; повидимому, понялъ — и вотъ, нѣсколько времени спустя, опять бѣжитъ мальчуганъ изъ буфета. Но послѣднее горше перваго! Подноситъ онъ вдругъ по рюмкѣ ванильнаго ликеру и двѣ шеколадинки на закуску. При нашемъ голодѣ это было слишкомъ досадно и потому понятно, что его послали къ черту. Пришлось сѣсть за завтракъ безъ водки, ибо здѣсь о ней, повидимому, и понятія не имѣютъ.

— Нѣтъ ли хоть коньяку и куска сыру, по крайней мѣрѣ?

— Ja wohl, gnaedige Herren! есть и то и другое.

Слава Богу, наконецъ-то хоть что̀ нибудь путное нашлось! Но что̀ это за сыръ принесли намъ! Кельнеръ объяснилъ, что это самый лучшій здѣшній сыръ, изъ овечьяго молока, называется *качкавалъ* и производится въ мѣстечкѣ Пентилло̀, гдѣ находится «знаменитое» сыворотко-лечебное заведеніе. Съ виду онъ однако не особенно привлекателенъ: на кусокъ сѣраго мыла похожъ. Впрочемъ, рѣшились попробовать, но — увы! это оказалось Богъ знаетъ что̀ такое: вкусу никакого, — замазку напоминаетъ, ѣсть невозможно, а кромѣ качкавала, тутъ ни голландскаго, ни швейцарскаго сыра, ни пармезана, ни даже пресловутой «брынзы» молдавской неоказалось. Наконецъ, принесли намъ въ маленькихъ лоханочкахъ какую-то тепловатую жидкую, заправленную молокомъ или сметаной бурду, въ родѣ супа. Попробовали, — кислятина такая, что весь ротъ свело. Оказалось, что это румынская *«чорба»*, приготовляемая... *на уксусѣ*. Полулитръ уксуса на два литра кипяченой воды или бульона, какъ пояснилъ намъ кельнеръ. Приказали унести прочь и давать слѣдующее блюдо, которое — опять же по объясненію кельнера — называется

«сармàли» и составляетъ одно изъ любимѣйшихъ кушаній румыновъ. Это то же, что малороссійскіе «голубцỳ», т. е. фаршированная говядина съ рисомъ, плотно обернутая, вмѣсто капустныхъ, виноградными листьями, и хотя «сармали» тоже оказались со значительною примѣсью уксуса, но ѣсть ихъ, по крайней мѣрѣ, возможно, особенно съ голодухи. Впрочемъ, порціи были, что̀ называется, весьма микроскопичны. Послѣ «сармали» подали намъ «яуртъ» — одно изъ наиболѣе любимыхъ лакомствъ румынскихъ гурмановъ. Это кусокъ сгущенныхъ сливокъ, доведенныхъ до значительно бо̀льшей плотности чѣмъ обыкновенное коровье масло. Оно, пожалуй, и вкусно, но уже черезъ-чуръ жирно и прѣсно-приторно, такъ что его можно только попробовать ложечку, другую, но отнюдь не наѣдаться, какъ дѣлаютъ это румыны. На томъ нашъ завтракъ и кончился. Спросили счетъ, — и вдругъ оказывается, что за все это удовольствіе, съ присовокупленіемъ бутылки пива, приходится платить 14 франковъ и 10 бань (сантимовъ), причемъ наша рублевая бумажка принимается только за 2 фр. 50 сантимовъ. Дали ужь всѣ 15, вмѣстѣ съ «на-водкой», чтобы зла на насъ не оставалось. И такъ, считая на бумажки, — шесть рублей, за скуднѣйшій и мерзѣйшій завтракъ, — это у Бореля и Дюссо, даже прихотничая, пожалуй, дешевле обойдется. Судя по такому началу, «доблестной арміи либеральныхъ освободителей» придется сильно пооблегчить, если даже не совсѣмъ «освободить» свои карманы у ея «друзей и союзниковъ».

— Виноватъ, gnaediger Herr! какъ бы спохватясь и извиняясь, обратился вдругъ ко мнѣ толстенькій кельнеръ: — съ васъ слѣдуетъ дополучить еще восемь франковъ.

— За что это? удивился я.

— За извощика, что̀ привезъ васъ сюда; хозяинъ съ нимъ разсчитался и приказалъ мнѣ получить съ вашей милости.

— Нѣтъ сомнѣнія, домекнулся мой застольный товарищъ: — что этотъ «благо̀родный другъ и союзникъ» далъ извощику не болѣе одного, а много-много если два франка, и тотъ, конечно, остался этимъ вполнѣ доволенъ; остальное же «другъ и союзникъ» заблагоразсудилъ взыскать съ васъ въ собственную пользу.

Такое предположеніе, судя по всему, не заключало въ себѣ ничего невѣроятнаго. Я безпрекословно заплатилъ восемь франковъ, но, наученный опытомъ, рѣшилъ себѣ избѣгать на будущее время предупредительныхъ услугъ и одолженій со стороны «друзей и союзниковъ».

Въ первую же ночь я позналъ, что новое жилище мое не просто гостинничная квартира, но «квартира съ удовольствіемъ и развлеченіями». Едва улегся я спать, какъ на меня напала цѣлая армія насѣкомыхъ, между которыми подвизались и летучая кавалерія, и тяжелая инфантерія, задавшія мнѣ такое генеральное сраженіе, что я, при всей невзыскательности походнаго человѣка, рѣшился употребить на слѣдующую ночь противъ этой арміи взаимныхъ «друзей и союзниковъ» самыя радикальныя и безпощадныя мѣры, въ видѣ цѣлаго фунта персидской ромашки. На томъ и кончилось «удовольствіе» моей квартиры, но за то «развлеченія» ея неотступно преслѣдовали меня до такой степени, что послѣ нѣсколькихъ дней пытки пришлось просто бѣжать, и хорошо еще, что на мое счастіе нашелся свободный уголокъ въ квартирѣ у моихъ сослуживцевъ, на «страда франчеза», гдѣ меня и пріютили. Представьте себѣ, что начиная съ пяти часовъ пополудни и до четырехъ ночи въ саду «Молдавіи» и въ сосѣднемъ съ нею садикѣ «Болгарской гостинницы», безъ устали и почти безъ перерыва раздаются взвизгиванія, свисты, нытье и завыванье, то цыганской музыки, то нѣмецкихъ «арфистокъ», поощряемыя шумными «браво», «bis» и неистовыми аплодисментами многочисленной и не совсѣмъ-то трезвой публики. Ни спать, ни работать! И это изо дня въ день, изъ ночи въ ночь — непрерывно, назойливо и неизбѣжно, какъ нѣчто роковое. Господи! какъ возблагодарилъ я Провидѣніе, когда наконецъ избавился отъ этого музыкальнаго Содома!

XX

О корреспондентахъ и художникахъ

Корреспондентскій знакъ. — Условія допущенія корреспондентовъ и художниковъ въ армію. — Рекомендація осторожности съ ними. — Ихъ наличный составъ.

Плоешты, 5-го *мая*.

Его Высочество Главнокомандующій призналъ возможнымъ допустить корреспондентовъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, сопровождать армію во время войны, но при этомъ, во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній, велѣно принять къ руководству относительно корреспондентовъ слѣдующія основанія:

Если начальники отрядовъ, по ихъ военнымъ соображеніямъ и по положенію того или другаго отряда, признаютъ возможнымъ допустить у себя присутствіе корреспондентовъ, то изъ нихъ могутъ быть допускаемы только тѣ, которые будутъ имѣть на лѣвомъ рукавѣ особый наружный знакъ, а именно: круглую бляху изъ листовой мѣди, съ выбитымъ на ней орломъ, нумеромъ, надписью *«корреспондентъ»* и съ печатью полеваго комендантскаго управленія арміи *); во-вторыхъ, они обязаны имѣть при себѣ свой фотографическій портретъ, снабженный на оборотной сторонѣ письменнымъ удостовѣреніемъ личности корреспондента, за печатью полеваго комендантскаго управленія арміи.

Присутствіе при войскахъ лицъ, не имѣющихъ при себѣ обоихъ этихъ знаковъ, ни въ какомъ случаѣ не будетъ терпимо, равно какъ не велѣно придавать никакого удостовѣ-

---

*) Приказомъ Главнокомандующаго отъ 7-го іюня 1877 г. за № 131, этотъ знакъ замѣненъ шелковою трехцвѣтною (государственныхъ цвѣтовъ: чернаго, желтаго и бѣлаго) нарукавною повязкою, на красномъ суконномъ подбоѣ. На повязкѣ вышиты: серебромъ—двуглавый орелъ и вокругъ него полукружіемъ надпись «корреспондентъ»; подъ нею золотомъ — тотъ нумеръ, подъ которымъ корреспондентъ занесенъ въ общій списокъ. Каждая повязка необходимо снабжалась, какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, мастичною печатью полеваго штаба или полеваго комендантскаго управленія, безъ чего повязка не имѣла значенія.

ряющаго значенія одной бляхѣ, безъ предъявленія засвидѣтельствованнаго фотографическаго портрета.

Всѣмъ вообще начальствующимъ лицамъ предписано слѣдить за корреспондентами и, въ случаѣ какихъ-либо подозрительныхъ дѣйствій и сношеній, а тѣмъ болѣе въ случаѣ попытокъ перебраться на непріятельскую сторону, препровождать ихъ въ штабъ арміи, съ объясненіемъ причинъ задержанія.

Свобода корреспондентовъ въ передвиженіи съ мѣста на мѣсто не будетъ стѣсняема; но въ этихъ случаяхъ отъ нихъ необходимо потребуется, чтобы они увѣдомляли о каждой перемѣнѣ своего мѣстопребыванія и доносили записками въ штабъ арміи о томъ, кто, куда и когда отправился.

Всѣмъ вообще чинамъ арміи, а въ особенности тѣмъ лицамъ, у которыхъ въ рукахъ сосредоточиваются какія-либо свѣдѣнія, внушительно рекомендовано, въ случаѣ бесѣдъ съ корреспондентами, соблюдать *вообще* осторожность и *отнюдь не сообщать* имъ *никакихъ свѣдѣній* о составѣ, численности, направленіи и цѣли движенія колоннъ и о расположеніи частей войскъ *).

До сихъ поръ изъ числа корреспондентовъ русскихъ газетъ прибыли только: Н. Максимовъ, отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (находится пока въ Кишиневѣ) и г. Каразинъ, отъ «Новаго Времени» (проживаетъ въ Галацѣ); изъ иностранныхъ же слѣдовали въ пассажирскомъ поѣздѣ изъ Кишинева за границу, одновременно съ Его Высочествомъ Главнокоман-

*) Тѣмъ не менѣе, корреспонденты несочувствующихъ намъ газетъ, какъ напр. «Standard», «Neue Freie Presse», «Kölnische Zeitung» и проч. нерѣдко сообщали своимъ редакціямъ свѣдѣнія подобнаго характера, что послужило даже причиною высылки одного изъ нихъ (г. Бойля) изъ дѣйствующей арміи. И замѣчательно, что эти свѣдѣнія сообщались не столько корреспондентами слѣдовавшими при отрядахъ, сколько тѣми, которые проживали въ тылу арміи, гдѣ нибудь въ Зимницѣ, Бухарестѣ или въ Яссахъ. Для добыванія подобныхъ свѣдѣній вовсе не нужно было обращаться къ чинамъ арміи, которые къ тому же и рѣдко знали что-либо выходящее изъ непосредственнаго тѣснаго круга ихъ занятій; достаточно было обратиться почти къ любому агенту г-дъ Грегера, Горвица и Когана, чтобы получить, въ особенности при посредствѣ всемогущаго полуимперіала, данныя обо всемъ что хотѣлось знать. Конечно эти свѣдѣнія не всегда отличались безусловною точностью и достовѣрностью, но за то они всегда соотвѣтствовали тенденціямъ означенныхъ выше органовъ печати, основываясь болѣе или менѣе на дѣйствительныхъ фактахъ.

дующимъ, г. Макъ-Гаханъ, отъ газеты «Daily News», и г. Иванъ де-Вестинъ (Iwan de-Westinne), отъ «Figaro» *).

Изъ числа русскихъ художниковъ при дѣйствующей арміи находятся пока двое: Е. К. Макаровъ, состоящій непосред-

*) Въ теченіи мая мѣсяца понаѣхало въ Плоешты множество корреспондентовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, но всѣ они, за исключеніемъ очень и очень немногихъ, постепенно исчезли изъ района военныхъ дѣйствій, предпочитая удобства городской жизни лишеніямъ и невзгодамъ бивуачнаго боеваго существованія. Сколько мнѣ извѣстно, до конца кампаніи выдержали только гг. Немировичъ-Данченко, А. Ивановъ, кн. Шаховской и Макъ-Гаханъ. Г-нъ Н. Максимовъ не могъ продолжать своей дѣятельности, потому что былъ раненъ 30-го августа подъ Плевной. При этомъ, нельзя не выразить искренняго пожеланія, чтобы въ слѣдующей войнѣ (буде таковая намъ предстоитъ) нашимъ русскимъ корреспондентамъ оказывалась со стороны полеваго штаба если ужъ не бо̀льшая, то хотя бы равная степень вниманія съ корреспондентами газетъ иностранныхъ. Опытъ нынѣшней войны, къ сожалѣнію, убѣждаетъ, что иностранные корреспонденты (какъ напр. г.-да Форбсъ, Макъ-Гаханъ, Дикъ-де-Лоне, корреспондентъ «Times» (имени не помню), и даже пресловутый Иванъ де-Вестинъ), предпочтительно предъ своими, русскими, имѣли довольно легкій доступъ къ высокостоящимъ лицамъ, и эти послѣднія съ очень любезною предупредительностію сообщали имъ нерѣдко весьма важныя свѣдѣнія, о которыхъ русское общество, до коего эти свѣдѣнія касались наиболѣе близкимъ, кровнымъ образомъ, узнавало, помимо своихъ русскихъ корреспондентовъ, лишь изъ иностранныхъ и преимущественно англійскихъ газетъ. Такимъ предпочтительнымъ вниманіемъ пользовались покойный Макъ-Гаханъ и корреспондентъ «Times» (не полковникъ Гавелокъ, а вышеупомянутый, имени котораго не помню). Слова нѣтъ, для высшихъ соображеній, быть можетъ, и очень важно, чтобы иностранная публика и дипломатія имѣли возможность своевременно и въ должномъ свѣтѣ узнавать то, что̀ намъ хочется чтобы онѣ знали; но такая предупредительность относительно иностранцевъ не исключаетъ нѣкотораго вниманія и къ своему русскому обществу, для котораго оффиціальныя телеграммы не всегда могли служить совершенно удовлетворяющимъ и окончательнымъ источникомъ. Говоря это, я имѣю въ виду въ особенности адріанопольскіе и санстефановскіе переговоры о перемиріи и мирѣ, свѣдѣнія о которыхъ русское общество почерпало изъ «Times» и «Daily News», тогда какъ и въ Адріанополѣ, и въ Сан-Стефано въ то время находилось нѣсколько русскихъ корреспондентовъ, окончательно и всецѣло не посвящаемыхъ въ ходъ переговоровъ. Если намъ возразятъ, что иностранные корреспонденты могли узнавать нужныя имъ свѣдѣнія отъ турецкихъ уполномоченныхъ — что̀ однако же будетъ не совсѣмъ такъ, — то отчего же русскіе корреспонденты были лишены возможности имѣть такія же свѣдѣнія отъ уполномоченныхъ русскихъ. Могутъ возразить еще, что предпочтительная любезность штаба и дипломатовъ клонилась въ пользу иностранныхъ корреспондентовъ потому, что англійскія газеты успѣвали облетѣть Россію ранѣе, чѣмъ русская корреспонденція могла достигнуть до мѣста назначенія, но.... въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вина уже никакъ не лежитъ на русскихъ корреспондентахъ, которые для отсылки своихъ писемъ могли пользоваться (по крайней мѣрѣ, до прибытія штаба въ Сан-Стефано) исключительно лишь услугами полевой почты.

ственно при Особѣ Его Высочества, и В. В. Верещагинъ, составившій себѣ почетную извѣстность два года назадъ большою выставкою своихъ картинъ изъ средне-азіатской русской и туземной жизни *).

XXI

Болгарское знамя

Болгарская депутація въ Плоештахъ. — Приготовленія къ торжеству въ болгарскомъ лагерѣ. — Болгарское духовенство. — Цеко Петковъ, болгарскій воевода. — Представители города Самары. — Описаніе знамени, его прибивка и освященіе. — Добрая примѣта. — Слова Великаго Князя къ болгарскимъ дружинамъ. — Впечатлѣніе этого торжества на присутствовавшихъ болгаръ.

Плоешты, 6-го мая.

2-го мая, въ день пріѣзда Великаго Князя Главнокомандующаго въ Плоешты, Его Высочеству представлялась депутація отъ мѣстныхъ почетныхъ жителей-болгаръ: Тодора Демянова, Панаіота Жекова, Тони Атанасова и проч. Поднеся Его Высочеству, по славянскому обычаю, хлѣбъ-соль, старшій представитель депутаціи произнесъ слѣдующія слова: «Ваше Высочество! Пріими хлѣбъ и соль отъ здѣшняго болгарскаго общества, которое имѣетъ честь привѣтствовать Твой пріѣздъ.

*) Впослѣдствіи, а именно въ іюлѣ мѣсяцѣ 1877 г., пріѣхали еще двое художниковъ: г-да П. Соколовъ и Буткевичъ, изъ коихъ послѣдній набросалъ нѣсколько эскизовъ, ландшафтовъ, сценъ и портретовъ подъ Плевной и на Шипкѣ, а изъ баталистовъ нашихъ находился въ отрядѣ Великаго Князя Владиміра Александровича г. Ковалевскій. Но вообще говоря, художниковъ у насъ было очень немного, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что война 1877—1878 годовъ могла бы представить для ихъ дѣятельности массу прекраснѣйшаго матеріала, какъ въ пейзажѣ, такъ и въ бытовомъ и военномъ жанрѣ. В. В. Верещагинъ, вылечившись отъ своей раны, полученной при аттакѣ турецкаго броненосца на Дунаѣ, возвратился къ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ ея предпріятіяхъ до самаго конца кампаніи, отличаясь въ передовомъ кавалерійскомъ отрядѣ генерала Струкова не только какъ художникъ, но и какъ волонтеръ, не рѣдко исполнявшій обязанности офицера генеральнаго штаба. Братъ его С. В. Верещагинъ, тоже художникъ, убитъ подъ Плевною 30-го августа, гдѣ онъ добровольно принялъ на себя обязанности ординарца при генералѣ Скобелевѣ 2-мъ.

Всѣ болгары съ нетерпѣніемъ и любовью ждутъ Ваше Высочество въ Болгаріи, какъ избавителя отъ позорнаго турецкаго рабства».

Великій Князь Главнокомандующій удостоилъ депутацію слѣдующимъ отвѣтомъ: «Надѣюсь, съ помощію Божіею, скоро сдѣлать все необходимое для счастія Болгаріи».

Затѣмъ всѣ болгары въ одинъ голосъ воскликнули: «Да живій Царь Александръ и Ваше Высочество на многая и многая лѣта».

Сегодня, 6-го мая, происходило торжество прибивки знамени, присланнаго болгарскимъ дружинамъ отъ города Самары.

Болгарское ополченіе расположено лагеремъ, въ полутора верстахъ отъ Плоештовъ. 25-го апрѣля изъ Кишинева отправились сюда двѣ дружины, а на сегодняшнемъ торжествѣ участвовало ихъ уже шесть.

Въ началѣ втораго часа, въ виду лагеря показался въ открытомъ экипажѣ Главнокомандующій, съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, окруженный конвоемъ терскихъ казаковъ. Далѣе слѣдовала свита, частію въ экипажахъ, частію верхами. Генералъ Столѣтовъ, командующій, на правахъ начальника отдѣльной дивизіи, шестью болгарскими дружинами, встрѣтилъ Главнокомандующаго верхомъ, на границѣ лагернаго поля, и подалъ строевой рапортъ.

Прибывъ къ лагерному мѣсту, Великій Князь обошелъ всѣ дружины, выстроенныя во взводныхъ батальонныхъ колоннахъ, и здоровался съ каждою отдѣльно, при привѣтственныхъ криках «ура».

Посреди лагерной промежуточной площадки стоялъ большой столъ, покрытый церковными пеленами. На одной части его помѣщались: св. евангеліе, крестъ, походные дружинные образа и чаша со святою водою, а на другой распростерто было полотнище знамени и лежали ленты съ древкомъ. Тутъ же, въ облаченіи, присутствовало болгарское духовенство: архимандритъ Амфилогій, сопровождавшій дружины въ походъ изъ Кишинева и назначенный нынѣ къ нимъ въ качествѣ дивизьоннаго благочиннаго, и священникъ, отецъ Петко Драгановъ *), изъ окрестностей Тырнова, принимавшій участіе

*) Одинъ изъ оставшихся въ живыхъ восьми болгаръ, защищавшихъ Дряновскій монастырь.

въ защитѣ Дряновской обители противъ турецкихъ войскъ въ 1876 году, а нынѣ состоящій дружиннымъ священникомъ 1-й болгарской бригады.

Покончивъ обходъ батальоновъ, Его Высочество приказалъ барабанщику ударить бой «на молитву» и приблизился къ столу, на которомъ лежало знамя; батальоны, по командѣ, взяли ружья на молитву и сняли шапки. Изъ строя былъ вызванъ впередъ, къ столу, унтеръ-офицеръ, назначенный знаменщикомъ. Началось священнодѣйствіе, установленное церковнымъ чиномъ для освященія знаменъ и штандартовъ. Съ одной стороны стояли батальоны, а съ другой—длинный рядъ выстроенныхъ въ нѣсколько шеренгъ болгаръ-охотниковъ, пришедшихъ сюда записаться въ дружины. Мѣсто священнодѣйствія было окружаемо, кромѣ свиты Главнокомандующаго и всѣхъ дружинныхъ офицеровъ, еще и болгарскою депутаціею и многочисленнымъ собраніемъ мужчинъ и женщинъ мѣстнаго болгарскаго общества. Въ числѣ присутствовавшихъ находился извѣстный болгарскій воевода Цеко Петковъ, начиная съ дѣтства и до сего времени участникъ всѣхъ болгарскихъ возстаній. Уже 32 года ведетъ онъ самостоятельно непрестанную войну съ турками въ балканскихъ трущобахъ, являясь со своею «четой» мстителемъ за всякое насиліе его соотчичамъ. У него на тѣлѣ 28 ранъ; однажды онъ попался въ руки туркамъ и былъ брошенъ въ подземную тюрьму, гдѣ провелъ два года въ цѣпяхъ и въ желѣзномъ ошейникѣ, прикованный къ стѣнѣ. Друзья внесли за него мѣстному вали значительный выкупъ, что и дало Петкову возможность якобы тайно бѣжать изъ тюрьмы. Вообще, жизнь этого человѣка полна романтическихъ приключеній и борьбы за народное дѣло. Въ войну 1876 года онъ съ набранными имъ четами сражался въ Сербіи. На видъ—это старикъ весьма воинственной наружности, очень еще бодрый, крѣпкій, съ чрезвычайно мужественнымъ и энергическимъ лицомъ, изборожденнымъ шрамами отъ ранъ, которыхъ на одномъ затылкѣ у него нѣсколько отъ желѣзнаго ошейника. Почуявъ, что въ средѣ русской арміи формируются дружины его соотчичей, «балканскій орелъ», какъ называютъ его болгары, не выдержалъ и спѣшно прилетѣлъ къ нимъ изъ-за Дуная.

Тутъ же присутствовали и уполномоченные отъ города Са-

мары: городской голова Кожевниковъ и гласный думы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алабинъ, доставившіе знамя въ Плоешты.

Знамя это представляетъ собою широкое, квадратной кройки полотнище, раздѣленное по горизонтальному направленію на три цвѣтныя полосы: бѣлую, пунсовую и синюю, съ таковыми же къ оному лентами. Посреди полотнища—черный крестъ, разукрашенный золотыми арабесками; посреди креста: съ одной стороны знамени образъ Иверской Богоматери, а съ другой—изображеніе болгарскихъ святителей Кирилла и Меѳодія. На пунсовой лентѣ—шитая золотомъ надпись: «Болгарскому народу». Древко черное, съ позолоченною скобою, украшенное серебряннымъ, вызолоченнымъ съ чернію копіемъ въ древне-русскомъ стилѣ; на скобѣ надпись: «Болгарскому народу городъ Самара 1876 года». Знамя это приготовлено было для возставшихъ болгаръ еще въ прошломъ году, но съ подавленіемъ возстанія извѣстною рѣзнею не было послано по назначенію до сего времени, когда явилась возможность передать его въ правильно организованное болгарское ополченіе.

Когда среди священнодѣйствія наступило время прибитія полотнища къ древку, самарскій голова Кожевниковъ подалъ на блюдѣ Его Высочеству молотокъ и гвозди. Трижды осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, Великій Князь Главнокомандующій изволилъ прибить первые три гвоздя: вверху, посрединѣ и въ нижнемъ концѣ полотнища, и затѣмъ передалъ молотокъ своему Августѣйшему Сыну. Послѣ Его Высочества Николая Николаевича Младшаго прибивали послѣдовательно, каждый по одному гвоздю: главный начальникъ всѣхъ болгарскихъ ополченій *), генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, за нимъ начальникъ сформированнаго и нынѣ формируемаго ополченія, генералъ-маіоръ Столѣтовъ, потомъ бригадные и дружинные командиры и начальникъ болгарскаго штаба, вслѣдъ за которымъ Великій Князь подозвалъ воеводу Цеко Петкова и вручилъ ему молотокъ. Воевода перекрестился и, вколачивая, произнесъ: «Дай Боже, въ часъ добрый! Да помдже Русскій Богъ счастливо намъ кончить вѣкова-то дѣло!» За Петковымъ вбили по гвоздю уполномоченные города Самары, священни-

*) На правахъ командира неотдѣльнаго корпуса.

ки—отцы Амфилогій и Петко, предсѣдатель кишиневскаго болгарскаго общества И. С. Ивановъ, старшина мѣстной болгарской депутаціи Іоннъ Котленстый, которому Его Высочество при этомъ сказалъ: «Дай Богъ поскорѣе кончить въ вашу пользу!» За симъ вбивали гвозди болгары-охотники, по одному человѣку отъ каждой дружины, и наконецъ послѣдній гвоздь вколотилъ знаменщикъ—3-й дружины унтеръ-офицеръ Антонъ Марченко.

Послѣ этого Его Высочество Главнокомандующій, бантомъ навязавъ ленты на знамя, поднялъ его со стола и передалъ генералу Столѣтову, опустившемуся, для принятія знамени, на колѣни, что слѣдуетъ по нашему уставу, и остававшемуся колѣнопреклоненнымъ все время пока архимандритъ Амфилогій читалъ надъ полуопущеннымъ знаменемъ побѣдоносную молитву и окропилъ его святою водою. По окончаніи этого обряда, Его Высочество, принявъ отъ генерала Столѣтова знамя, самолично вручилъ его знаменщику.

На востокѣ собирались на небѣ грозовыя тучи, и въ тотъ самый моментъ какъ поднятое Великимъ Княземъ только что освященное знамя распахнулось и зашумѣло въ воздухѣ своимъ полотнищемъ, на темно-свинцовомъ горизонтѣ излучисто блеснула вдругъ молнія и грянулъ раскатъ перваго грома, вслѣдъ за которымъ тотчасъ же прыснулъ легкій дождикъ. — «Доброе начало! Добрая примѣта: это къ болгарскому счастію кропитъ теперь Божій дождь наше знамя!» замѣчали многіе болгары и, крестясь, поздравляли другъ друга.

Велѣно было ударить «отбой». Батальоны накрыли головы, взяли ружья «на плечо», потомъ «на краулъ»—и знамя, при общихъ крикахъ «ура» и грохотѣ барабановъ, бившихъ ему «походъ», предшествуемое батальоннымъ адъютантомъ, торжественно было отнесено къ дружинамъ, во фронтъ 3-го батальона.

«Поздравляю васъ, ребята, со знаменемъ!» обратился къ дружинамъ Главнокомандующій.—«Надѣюсь, что вы молодцами подъ нимъ послужите и выручите своихъ братьевъ изъ-подъ турецкой неволи!»

Слова эти встрѣчены были всеобщимъ восторженнымъ кликомъ войска и присутствовавшаго болгарскаго народа.

Послѣ этого дружины, во взводныхъ батальонныхъ колоннахъ, были пропущены мимо Главнокомандующаго церемоніаль-

нымъ маршемъ, и торжество окончилось. Оно имѣло въ особенности большое нравственное значеніе для присутствовавшихъ болгаръ; одинъ изъ нихъ, сѣдоусый старикъ, со слезами умиленія на глазахъ, взволнованнымъ голосомъ говорилъ собравшейся вокругъ него толпѣ соотчичей: «Это знамя—залогъ нашей свободы! Четыреста лѣтъ вотще ожидалъ его народъ болгарскій, и теперь намъ его вручаетъ великодушная мать—Россія!»

XXII

Болгарскій обѣдъ

Райчо Николовъ и его прошлое. — Воззваніе его къ братьямъ-болгарамъ. — Обѣденные тосты. — Рѣчь г. Алабина. — Адресъ болгаръ Самарскимъ уполномоченнымъ.

Плоешты, 7-го мая.

Сегодня, въ четыре часа пополудни, представители мѣстнаго болгарскаго общества давали въ русско-болгарскомъ отелѣ обѣдъ депутатамъ города Самары и офицерамъ болгарскихъ дружинъ, съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ. Въ числѣ приглашенныхъ находился и капитанъ 56-го пѣхотнаго Житомірскаго полка (14-й дивизіи) Райчо Николовъ, тотъ самый, который будучи еще 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, 22-го іюня 1854 года переплылъ Дунай и доставилъ нашимъ войскамъ важныя свѣдѣнія о противникѣ. За этотъ подвигъ, какъ извѣстно, покойный Императоръ Николай Павловичъ принялъ болгарскаго мальчика-героя на свое попеченіе и помѣстилъ его во 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ Райчо окончилъ свое образованіе и былъ выпущенъ офицеромъ въ Кексгольмскій гренадерскій Императора Австрійскаго полкъ. Находясь потомъ нѣкоторое время въ отставкѣ, Райчо, въ прошломъ году, при началѣ сербско-турецкой войны уѣхалъ въ Сербію добровольцемъ, гдѣ, по назначенію генерала Черняева, оцѣнившаго его способности, организовалъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ офицеровъ, болгарскіе батальоны и былъ назначенъ командиромъ одного изъ нихъ (батальонъ № 2-го), который

подъ его командою, 16-го сентября, шелъ на штурмъ гредетинскихъ высотъ и взялъ приступомъ турецкіе шанцы. По возвращеніи изъ Сербіи, Райчо Николовъ опять поступилъ въ русскую военную службу и былъ зачисленъ съ чиномъ капитана въ Житомірскій полкъ, расположенный въ то время въ Бессарабіи, а изъ сего полка, «чтобы не отставать (по его словамъ) отъ роднаго болгарскаго дѣла», просился о командированіи въ болгарское ополченіе, гдѣ и состоитъ нынѣ въ 4-й дружинѣ командиромъ 1-й роты. Съ переходомъ нашихъ войскъ за границу, Райчо Николовъ обнародовалъ 24-го апрѣля слѣдующее воззваніе къ своимъ соотчичамъ:

«Воззваніе къ моимъ братьямъ.

«Плоешты, 24-го апрѣля 1877 года.

«Братія болгары!

«Время освобожденія нашего, давно порабощеннаго, милаго отечества уже настало. Русская армія стала лагеремъ на Дунаѣ; изъ пушекъ стрѣляютъ за наше освобожденіе!

«И вотъ я опять къ вамъ! Прибылъ я въ Плоешты и привезъ съ собою присланныя Россіею пушки, ружья, военныя одежды и другія принадлежности для нашего «болгарскаго ополченія».

«Братья болгары! Вы юнацки перешли р. Тимокъ 6-го августа и р. Мораву 20-го августа; геройски сражались 16-го сентября на гредетинскихъ горахъ, и ваши груди украшены были воинскими знаками «за храбрость»! Но теперь вы имѣете получить самую дорогую награду: *«свободу Болгаріи»*.

«Я васъ знаю и вѣрю, что теперь вы не опоздаете ни одной минуты собраться опять и еще болѣе юнацки броситься, Божіею волею, на звѣрскихъ турокъ, которые безчестятъ нашихъ сестеръ и матерей, убиваютъ нашихъ отцовъ и братьевъ, сожигаютъ наши села, мѣстечки и опустошаютъ прекрасное и милое наше отечество.

«Время, братья болгары! Минута нашего освобожденія наступила! Стекайтесь голые и босые въ Плоешты, берите ружье, одѣвайтесь въ военное одѣяніе и съ *Богомъ впередъ* (напредъ)! Кто юнакъ надъ юнакомъ, пускай теперь докажетъ свое юначество на бранномъ полѣ.

«Я, вашъ братъ и товарищъ, буду съ вами въ сраженіи впереди и надѣюсь, что и вы не останетесь сзади.

«Впередъ! Впередъ!

«Вашъ другъ, капитанъ Райчо Николовъ».

За обѣдомъ первый тостъ былъ провозглашенъ генераломъ Столѣтовымъ за здравіе Государя Императора Александра Николаевича и повторенъ предсѣдателемъ кишиневскаго болгарскаго общества И. С. Ивановымъ «отъ имени болгарскаго народа». Затѣмъ слѣдовали тосты за Великаго Князя Главнокомандующаго и генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, послѣ коихъ поднялся самарскій предводитель дворянства г. Алабинъ и предложилъ бокалъ: «За болгарское ополченіе. Да созрѣетъ изъ этого цвѣтка роскошный плодъ на счастіе и славу Болгаріи и Россіи». Въ отвѣтъ на это генералъ Столѣтовъ предложилъ тостъ за самарцевъ и ихъ представителей, «бывшихъ виновниками вчерашняго торжества». На это г. Алабинъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью:

«Не намъ, господа, принадлежитъ эта честь. Мы только ничтожная часть, одинъ маленькій уголокъ нашей Россіи, и не мы одни сочувствуемъ вамъ, нашимъ братьямъ: она вся вмѣстѣ съ нами! Намъ же выпала только счастливая доля явиться предъ вами первыми выразителями ея всенароднаго чувства. Поэтому позвольте предложить тостъ за славу, честь и процвѣтаніе всей Россіи, которая поможетъ болгарскому народу съ бою взять его свободу, на чтó онъ пріобрѣлъ себѣ святое право за всѣ свои многовѣковыя страданія и недавно еще пролитые ужасающіе потоки мученической крови».

Послѣ этой рѣчи самарскимъ уполномоченнымъ былъ поднесенъ слѣдующій адресъ отъ мѣстнаго болгарскаго общества:

«Милостивые государи!

«Болгары, присутствовавшіе 6-го мая сего года при передачѣ въ третью дружину болгарскаго ополченія посвященнаго самарскимъ обществомъ болгарскому народу знамени, считаютъ своимъ долгомъ выразить вамъ, милостивые государи, свою искреннюю признательность самарскому обществу за

столь высокую честь и вниманіе его къ страждущему болгарскому народу. Принесенное вами святое знамя служитъ новымъ доказательствомъ того живаго участія, которое русскій народъ всегда принималъ въ судьбѣ несчастной Болгаріи, ожидающей отъ русскаго народа своего освобожденія, уже начатаго волею Августѣйшаго Всероссійскаго Монарха Александра II, естественнаго покровителя и защитника угнетенныхъ христіанъ на Востокѣ. Событіе 6-го мая въ болгарскомъ лагерѣ въ Плоештахъ, гдѣ Его Императорское Высочество Главнокомандующій дѣйствующей арміи первый соизволилъ поднять и передать знаменоносцу третьей дружины это знамя, останется незабвеннымъ въ памяти и исторіи болгаръ.

«Высоко цѣнимъ вниманіе самарскаго общества и покорнѣйше просимъ передать, что болгарскій народъ благоговѣетъ передъ этимъ дорогимъ подаркомъ.

«Примите увѣреніе въ искреннемъ нашемъ къ вамъ почтеніи и душевной преданности». (Слѣдуютъ многочисленныя подписи).

За тѣмъ были еще предложены болгарскими членами тосты за кн. Черкасскаго, И. С. Аксакова, генерала М. Г. Черняева и всѣхъ русскихъ дѣятелей по славянскому дѣлу, за вѣчное единеніе русскихъ и болгаръ и «за здоровье всего русскаго народа, приносящаго столь великія и кровавыя жертвы за свободу славянъ».

6-го мая прибыли въ нашу главную квартиру офицеры австрійской службы: полковникъ Лонейзенъ и капитанъ генеральнаго штаба Коломанъ Болла де-Чафордъ Іогабаза; послѣдній весьма сносно объясняется по-русски, изучивъ нашъ языкъ въ довольно непродолжительный срокъ только теоретически.

XXIII

Минныя загражденія

Случай съ пароходомъ «Альфредъ», чуть было не сдѣлавшійся роковымъ. — Минныя работы 3-го и 4-го мая. — Взрывы. — Наши орудія. — Спасенный турокъ. — Любопытство противника. — Теченіе Дуная. — Санитарное состояніе войскъ въ Браиловѣ. — Второе болгарское знамя и проекты будущихъ знаменъ. — Молебствіе по случаю взятія Ардагана. — Состояніе погоды.

Плоешты, 9-го мая.

Главноначальствующій надъ браиловскимъ отрядомъ, генералъ-маіоръ Саловъ, въ ночь на 1-е мая, поручилъ адъютанту Его Высочества Главнокомандующаго, полковнику Струкову, принять начальство надъ сборною ротою, составленною въ количествѣ 140 человѣкъ изъ 10-й линейной и 1-й стрѣлковой ротъ Якутскаго полка, и отправиться съ нею на турецкій берегъ, къ селенію Гечетъ, для прикрытія работъ по заложенію минныхъ загражденій.

Въ четыре часа утра, посадивъ означенныхъ людей на пароходъ «Альфредъ», полковникъ Струковъ высадился съ ними въ назначенномъ пунктѣ и, чтобы не терять даромъ времени, приказалъ нѣкоторой части своей команды заняться нагрузкою каменнаго угля изъ турецкаго склада, находящагося въ количествѣ до восьми тысячъ пудовъ въ Гечетѣ.

Начавъ эту работу въ половинѣ пятаго часа, въ виду трехъ турецкихъ паровыхъ судовъ, изъ коихъ два были мониторы, команда, въ продолженіи двухъ часовъ времени, успѣла нагрузить до тысячи пудовъ угля на баржу, бывшую на буксирѣ у «Альфреда». Убѣдившись послѣ тщательнаго осмотра мѣстности и изъ наблюденій за судами противника, что работы по заложенію минъ свободно могутъ быть начаты, пароходъ «Альфредъ» приступилъ къ нимъ со своими шлюпками и, успѣшно окончивъ заложеніе перваго ряда, а также выждавъ пока баржа нагрузилась углемъ, забралъ на бортъ къ себѣ сборную роту и въ половинѣ седьмаго часа утра отплылъ съ баржею обратно къ Браилову. Онъ успѣлъ уже выйдти на середину Дуная, когда машина его вдругъ перестала дѣйствовать, и сильное теченіе понесло его внизъ по рѣкѣ — прямо на минныя загражденія.

Лейтенантъ Дубасовъ поспѣшилъ отдать якорь, но напрасно—якорь не удержалъ парохода. Видя, что «Альфредъ» находится уже весьма недалеко отъ загражденій и что такимъ образомъ ему грозитъ неминуемая опасность быть взорваннымъ на воздухъ, полковникъ Струковъ съ лейтенантомъ Дубасовымъ рѣшились, не теряя минуты, пересадить людей на баржу, съ тѣмъ что три винтовыя шлюпки, которыхъ сигналомъ потребовалъ Дубасовъ, отбуксируютъ ее къ нашему берегу. Между тѣмъ генералъ Саловъ, все время наблюдавшій съ батареи за турецкими мониторами, распорядился выслать на помощь «Альфреду» всѣ, какія только были шлюпки, которыя и успѣли подплыть къ его борту. Люди начали пересаживаться на шлюпки, какъ вдругъ, къ счастію, машина стала дѣйствовать. Причина порчи заключалось въ томъ, что шпонка тяги золотника была не на мѣстѣ. Въ восемь часовъ «Альфредъ» благополучно прибылъ къ браиловской пристани, гдѣ и снабдилъ наши пароходы углемъ, въ которомъ у нихъ, какъ говорятъ, ощущается нѣкоторый недостатокъ. Вслѣдъ за этимъ, въ Гечетъ опять были отправлены десять человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ для прикрытія работъ надъ вторымъ рядомъ минныхъ загражденій, такъ какъ опасались, чтобы не помѣшали дѣлу баши-бузуки, пріѣзжавшіе наканунѣ въ Гечетъ изъ Мачина. Загражденіе однако же въ тотъ день не могло быть окончено, такъ какъ избранное для сего мѣсто оказалось слишкомъ глубокимъ; но работа благополучно исполнена была впослѣдствіи.

3-го мая, полковникъ Струковъ съ флотиліею и ротою селенгинцевъ*) снова направленъ былъ въ Гечетъ, для прикрытія паровыхъ шлюпокъ, работавшихъ надъ торпедами въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная. Приплывъ на мѣсто назначенія, флотилія наша встрѣтила два турецкіе баркаса съ десантомъ, которые отступили. 84 человѣка селенгинскихъ стрѣлковъ, подъ командою капитана Перумова, были переправлены къ Гечету и разсыпали цѣпь по направленію къ Мачину для прикрытія

---

*) 3-я стрѣлковая рота была посажена на рыбачьи лодки, подъ охраною трехъ винтовыхъ и пяти гребныхъ шлюпокъ, находившихся подъ общимъ начальствомъ капитана 1-го ранга Рогули; винтовыми шлюпками командовали лейтенанты Дубасовъ, Шестаковъ и мичманъ Персинъ. Всѣ восемь шлюпокъ предназначались для работъ по минному загражденію рѣки.

минныхъ работъ. Эта послѣдняя мѣра понадобилась потому, что наканунѣ баши-бузуки опять пробыли цѣлый день на мѣстности подъ Гечетомъ, но на сей разъ уже въ количествѣ до двухсотъ человѣкъ. Турецкіе мониторы, какъ видно, не ожидавшіе нашего предпріятія, не приготовились къ отпору и стали поспѣшно разводить пары. Въ это время часть селенгинцевъ въ Гечетѣ, съ помощью ломовъ, разрушила стѣну съ устроенными въ ней бойницами, изъ которыхъ турки постоянно стрѣляли по нашей батареѣ во все предшествовавшее время, до оставленія ими Гечета.

Начавъ погрузку минъ въ $7^1/_2$ часовъ утра, въ виду двухъ мониторовъ, стоявшихъ въ разстояніи версты, моряки съ минерами къ половинѣ одиннадцатаго часа того же утра уже кончали свою работу; оставалось только провести электрическій проводникъ черезъ островъ, дабы доставить конецъ его на румынскій берегъ. Съ нашей стороны заблаговременно были приняты всѣ предосторожности: лодки стояли по указаннымъ мѣстамъ и люди разсчитаны по нимъ для посадки, на случай нечаяннаго нападенія. Почти при самомъ окончаніи нашей работы, одинъ изъ мониторовъ вдругъ двинулся на полныхъ парахъ противъ нашихъ рабочихъ шлюпокъ. Замѣтивъ это, генералъ Саловъ, слѣдившій за ходомъ работъ съ нашей батареи № 3, тотчасъ же поднялъ на ней бѣлый флагъ, служившій условнымъ сигналомъ, по которому люди быстро были собраны и посажены на шлюпки, отплывшія въ ту же минуту. Минная проволока была брошена, мѣсто ея погруженія намѣчено небольшимъ буйкомъ, а винтовыя шлюпки, отступивъ предъ мониторомъ, благополучно вернулись въ браиловскій портъ. Однако же, спустя нѣсколько времени, онѣ отправились снова доканчивать свои работы и были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ съ мониторовъ, которые выпустили по нимъ четырнадцать, впрочемъ, совершенно безвредныхъ, снарядовъ. Въ восемь часовъ вечера лейтенантъ Дубасовъ отправился поднять электрическій проводникъ, съ цѣлью провести его на берегъ, но былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами изъ-за кустовъ острова, отвѣтивъ на которые, долженъ былъ возвратиться въ портъ.

4-го мая, предъ разсвѣтомъ, пользуясь густымъ туманомъ, Дубасовъ отправился въ Мачинскій рукавъ положить второй

рядъ загражденій, къ чему и было приступлено въ три часа ночи, а къ восьми утра работы окончены подъ выстрѣлами съ турецкихъ мониторовъ, снаряды которыхъ весьма близко ложились около нашихъ шлюпокъ; но лейтенантъ Дубасовъ распорядился, чтобы лодки не стояли на мѣстѣ, а маневрировали въ разныхъ направленіяхъ, и благодаря этому, ни одна изъ нихъ не подверглась ни малѣйшему пораженію. Для прикрытія минныхъ работъ въ Мачинскомъ рукавѣ былъ открытъ огонь съ батареи № 3-й, которая удачнымъ направленіемъ своихъ выстрѣловъ заставила отступить турецкій броненосецъ. Такимъ образомъ, въ два дня было исполнено весьма важное для насъ загражденіе Мачинскаго рукава, при замѣчательномъ спокойствіи и хладнокровной увѣренности какъ лицъ, распоряжавшихся работами, такъ и нижнихъ чиновъ-работниковъ, отлично исполнившихъ свое трудное и отчаянно-рискованное дѣло подъ огнемъ непріятеля.

Въ ночь на 5-е мая произошли взрывы трехъ минъ, но неизвѣстно по какой причинѣ; полагаютъ, впрочемъ, что на нихъ наткнулись плывшія бревна, при чемъ гальваническая батарея у насъ оставалась заряженною. Караульная шлюпка, всю ночь стоявшая въ затопленномъ островѣ, ничего не замѣтила. Когда же нашъ паровой катеръ подошелъ къ мѣсту происшествія, съ цѣлью разузнать о причинѣ взрывовъ, изъ Гечета, вновь занятаго турками, стали по немъ стрѣлять. На мѣсто лопнувшихъ минъ уже погружены новыя.

Изъ турецкихъ источниковъ увѣряютъ, будто дорога въ Мачинъ минирована.

Батареи наши всѣ уже готовы и вооружены. Мониторы стрѣляютъ только по работамъ, но сами стоятъ внѣ нашихъ выстрѣловъ.

Въ настоящее время въ Мачинскомъ рукавѣ находятся два монитора и одинъ колесный пароходъ. На нашихъ батареяхъ № 1-й и № 2-й, выше города, установлены отличныя орудія для обстрѣла фарватера рѣки вверхъ по теченію; такъ какъ калибръ этихъ орудій равняется 8,5, то по причинѣ ихъ дальнобойности рѣшено было прибавить такихъ же орудій и къ вооруженію батарей, имѣющихъ назначеніе бить по направленію къ Мачину, дабы угрожать мониторамъ съ тылу.

Плѣнный турокъ съ погибшаго корвета все болѣе и болѣе поправляется въ своемъ здоровьи; онъ лежитъ въ браиловскомъ военно-временномъ госпиталѣ, рядомъ съ рядовымъ, раненнымъ въ ногу 26-го апрѣля, который тоже поправляется и охотно ухаживаетъ за своимъ сосѣдомъ. Турокъ этотъ, между прочимъ, показываетъ, что вверхъ по Дунаю, въ гирлахъ, есть еще пять турецкихъ мониторовъ, и что на взорванномъ корветѣ, кромѣ 219 нижнихъ чиновъ, было еще 17 человѣкъ офицеровъ.

Въ Браиловѣ, какъ въ самомъ бойкомъ пунктѣ по Дунаю, ни одного дня не проходило безъ ружейной перестрѣлки и обмѣна орудійными выстрѣлами, при ежесуточной усиленной работѣ днемъ и ночью, и если не было у насъ существенныхъ потерь, то этимъ мы должны быть обязаны съ одной стороны туркамъ, не направлявшимъ какъ слѣдуетъ свои орудія, а съ другой — энергическому и строго-разсудительному дѣйствію браиловскаго военнаго начальства, которое постоянно заботилось о томъ, чтобы при быстромъ и успѣшномъ ходѣ предначертанныхъ операцій отнюдь не подвергать людей излишнимъ потерямъ.

Въ то время, когда 2-го числа пароходу «Альфредъ» угрожала страшная опасность наткнуться на наши собственныя мины, турки вышли смотрѣть на предстоявшую гибель парохода, и по мѣсту ся они могли бы, при свѣтѣ дня, опредѣлить линію нашихъ загражденій; но это, по счастію, имъ не удалось ни въ этотъ разъ, ни ночью при молніеобразномъ блескѣ взрыва трехъ нашихъ минъ, такъ какъ освѣщеніе отъ этихъ взрывовъ послѣдовало на одно лишь мгновеніе, а ночь была темна, какъ только она можетъ быть на югѣ, при небѣ сплошь покрытомъ густыми облаками. Но можно съ достаточною достовѣрностью предположить, что бревна были нарочно пущены внизъ по рукаву изъ Мачина, съ цѣлью опредѣленія линіи нашихъ загражденій. Попытка эта ни къ чему не повела, благодаря тому, что на мѣсто взорванныхъ были успѣшно погружены новыя мины. Надо отдать справедливость начальству крѣпостной артиллеріи, которое для доставки на мѣсто всѣхъ матеріаловъ въ надлежащемъ видѣ сдѣлало съ своей стороны все возможное, и сдѣлало хорошо и быстро. Саперы точно также приложили всѣ усилія, чтобы возвести прочныя

батареи въ теченіи двухъ сутокъ, работая безъ перерыва днемъ и ночью. Всѣ требованія начальства на всѣхъ пунктахъ исполнялись безотлагательно, и такимъ образомъ Дунай въ продолженіи десяти дней былъ совершенно вооруженъ и загражденъ на пространствѣ отъ Рени до Браилова. Полки Селенгинскій и Якутскій все это время работали прекрасно, и части ихъ неоднократно подъ пулями ходили въ утлыхъ душегубкахъ на турецкій берегъ. Моряки и команда гальванеровъ, при кладкѣ минныхъ загражденій подъ выстрѣлами, вполнѣ показали себя истинными молодцами.

Теченіе Дуная теперь весьма быстрое, благодаря особенно изобильному въ нынѣшнюю весну стоку водъ, такъ что у Рени все шоссе на дняхъ было залито водою.

Санитарное состояніе войскъ въ Браиловѣ, равно какъ и самое устройство госпитальной части, вполнѣ удовлетворительны. Больныхъ во всемъ отрядѣ 5-го мая было только 37 человѣкъ и преимущественно лихорадкою.

Мѣстные румынскіе гражданскіе чины, которые вообще оказывали по разнымъ частямъ содѣйствіе браиловскому отряду, рекомендованы военнымъ начальствомъ вниманію русскаго генеральнаго консула въ Бухарестѣ.

8-го мая, въ полдень, предсѣдатель кишиневскаго болгарскаго общества, И. С. Ивановъ, имѣлъ честь представить Великому Князю Главнокомандующему браиловскаго болгарина Ивана Параскевова, который при этомъ поднесъ Его Высочеству болгарское знамя, изготовленное его дочерью, дѣвицею Стеліяною. На трехцвѣтномъ полѣ этого знамени изображенъ, вышитый золотомъ, коронованный левъ — нѣкогда гербъ царства болгарскаго, — съ надписью надъ короною «*Блъгарія*».

Подъ львомъ слѣдующія слова: «*Съ Божіи воли и съ силато Славнаго Русскаго Царя Александра II, напредъ!*»

Его Высочество милостиво принялъ приношеніе дѣвицы Стеліяны Параскевовой, благодарилъ ея отца и поручилъ ему передать свою благодарность и его дочери, а знамя назначилъ въ 4-ю болгарскую дружину.

При этомъ случаѣ, И. С. Ивановъ доложилъ Его Высочеству о желаніи болгарскихъ обществъ въ Россіи и въ Румыніи изготовить два знамени, изъ коихъ на одномъ, посвященномъ имени Государя Императора, будетъ изображеніе

св. князя Александра Невскаго, «дабы память о священномъ имени Русскаго Царя переходила изъ рода въ родъ въ потомствѣ болгаръ»,—а на другомъ знамени, которое болгары желаютъ посвятить имени Его Высочества Главнокомандующаго, имѣетъ быть изображенъ ликъ св. Николая Чудотворца,—святаго наиболѣе чтимаго въ Болгаріи. Его Высочество изволилъ выразить, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ это посвященіе и полагаетъ, что и Его Императорское Величество не откажетъ въ милостивомъ принятіи таковаго же Своему Августѣйшему имени.

Сегодня, 9-го мая, въ 5 часовъ пополудни, въ Плоештахъ, на полѣ за станціею желѣзной дороги, гдѣ расположена лагеремъ 2-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи, имѣющая здѣсь дневку, совершено было, въ присутствіи Его Высочества Главнокомандующаго, торжественное молебствіе, по случаю побѣды при Ардаганѣ.

Мѣстомъ для священнослуженія былъ избранъ находящійся впереди лагеря древній курганъ, или «могила», по мѣстному румынскому названію. Батальоны, выведенные въ церковный парадъ съ хорами музыки, окружали курганъ съ трехъ сторонъ, покоемъ. Его Высочество изволилъ лично прочесть батальонамъ полученную въ главной квартирѣ телеграмму о взятіи штурмомъ войсками Кавказской арміи крѣпости Ардагана, а по окончаніи молебствія обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Ребята! Когда пущу васъ въ дѣло,—надѣюсь, и вы порадуете Государя и Россію!»

Батальоны съ музыкою и долгими криками «ура» разошлись по палаткамъ.

Погода, начиная съ вечера 3-го мая, стоитъ здѣсь сырая, ненастная; каждый день безпрестанно перепадаютъ дожди; дороги не пересыхаютъ.

XXIV

Кавалерія на Дунайскомъ побережьѣ

Прибытіе 11-й кавалерійской дивизіи въ Браиловъ. — Встрѣча, сдѣланная ей браиловскимъ отрядомъ. — Братство между разнородными частями войскъ. — Такъ ли это было прежде? — Прибрежныя рекогносцировки и кордоны кавалеріи. — Уланъ противъ монитора. — Граничары. — Волчій способъ угонки скота. — Бараганская степь. — Отношеніе къ намъ румынскаго крестьянства и арендаторовъ. — Мѣстечко Слободзея. — Рекогносцировка полковника Струкова и генеральнаго штаба штабсъ-капитана Андреева на Каларашъ. — Ночныя сцены на болгарскомъ кладбищѣ. — Калараш. — Свѣдѣнія о туркахъ и о санитарномъ состояніи силистрійскаго гарнизона. — 70 верстъ пути въ шесть часовъ времени.

Плоешты, 10-го мая.

Въ Браиловъ прибыла 3-го мая 11-я кавалерійская дивизія (начальникъ—генералъ-лейтенантъ Татищевъ) и расположилась на бивуакѣ за городомъ, около садика, окружающаго обелискъ въ память русскихъ воиновъ, павшихъ въ 1828 году подъ Браиловымъ. Тутъ же, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, находятся лагери Селенгинскаго и Якутскаго пѣхотныхъ полковъ. Пѣхотинцы, завидѣвъ пришедшую къ нимъ кавалерію, прибѣжали къ ней изъ лагеря и встрѣтили ее совершенно по-братски, предложили всадникамъ подержать за нихъ лошадей, пока разбиваются коновязи, помогали въ разбивкѣ этихъ послѣднихъ, разсѣдлывали коней, таскали дрова и сѣно, и наконецъ добровольно отдали новоприбывшимъ товарищамъ свой ужинъ и свою чарку вина. Въ восемь часовъ вечера пріѣхалъ на бивуакъ генералъ Саловъ вмѣстѣ съ полковникомъ Струковымъ. Здѣсь, въ садикѣ что у памятника, встрѣтили ихъ начальникъ 11-й кавалерійской дивизіи и командиры обоихъ пѣхотныхъ полковъ; сюда же собрались и офицеры всего отряда: кавалеристы, пѣхотинцы, артиллеристы, инженеры и моряки дунайской флотиліи—и прекрасный тихій вечеръ огласился звуками музыки и русскихъ пѣсенъ, раздававшихся во всѣхъ концахъ военнаго стана. Изъ города пріѣхали въ лагерь множество жителей и въ особенности болгаръ, городской префектъ и прочія румынскія власти, и всѣ они дивились бодрости и неутомимости русскихъ людей, го-

товыхъ пѣть и лихо плясать послѣ столь длинныхъ и утомительныхъ переходовъ. Во время ужина, по всему стану раздалось вдругъ общее «ура». Это были тосты за Государя Императора и Великаго Князя Главнокомандующаго, выпитые салдатскими чарками, которыя были радушно предложены пѣхотинцами—кавалеристамъ. На браиловскомъ бивуакѣ въ этотъ день повторилось еще разъ то же явленіе взаимнаго братства, общенія и поддержки между разнородными частями войскъ, свидѣтелями коего все болѣе и болѣе приходится быть въ нынѣшнюю войну всѣмъ членамъ русской дѣйствующей арміи. Въ прежнія времена такія явленія бывали большою рѣдкостью, такъ какъ между кавалеріею и пѣхотою, а равно между ими обѣими и артиллеріею существовалъ нѣкоторый антагонизмъ—антагонизмъ тѣмъ болѣе странный, что онъ не основывался ни на чемъ, кромѣ какихъ-то пустыхъ фанаберій. Начало такого прискорбнаго явленія шло, конечно, изъ офицерскихъ кружковъ, а отъ нихъ уже невольнымъ образомъ сообщалось и солдатамъ. Артиллеристъ и инженеръ считали себя образованнѣе, а потому выше кавалериста и пѣхотинца; щеголь кавалеристъ, въ свою очередь, бывши нѣкогда богаче и тароватѣе, чѣмъ въ нынѣшнія времена, тоже не сходился со скромнымъ пѣхотнымъ офицеромъ; теперь же, подъ вліяніемъ духа времени и примѣровъ послѣднихъ войнъ, въ нашей арміи прочно установилось сознаніе, что всѣ роды войска могутъ быть нравственно сильны только при высоко-развитомъ духѣ военнаго братства, съ коимъ неразлученъ принципъ взаимной помощи и поддержки. Что касается кавалеріи, то развитіемъ въ ней такихъ убѣжденій она должна быть обязана исключительно тому направленію, которое въ теченіи болѣе чѣмъ десяти лѣтъ мирнаго времени неуклонно давалъ ей Августѣйшій Генералъ-Инспекторъ.

Утромъ, на другой день, кавалерійская дивизія покинула браиловскій бивуакъ и сдѣлала слишкомъ 30-ти-верстный переходъ до Визире-де-Сусъ, а ея 1-я бригада проникла еще 20 верстъ далѣе—до Бертешты. При этомъ движеніи, задача 11-й дивизіи заключалась въ томъ, чтобы пройти берегомъ Дуная, захватить у румынскаго берега суда (если таковыя найдутся) и не давать непріятелю возможности сдѣлать десантъ, а для того ежедневно производить рекогносцировки въ разныхъ мѣ-

стахъ берега и держать вдоль его постоянные разъѣзды. За движенiемъ частей 11-й дивизiи все время слѣдили съ рѣки турецкiе мониторы и при первой возможности открывали по нимъ огонь. Такъ, около Гура-Яломицы они бросили нѣсколько снарядовъ по 1-му эскадрону Чугуевскаго уланскаго имени Цесаревны полка, при чемъ въ эскадронѣ была убита одна лошадь, но паденiе съ нея всадника обошлось благополучно. Когда эскадронъ уходилъ шагомъ изъ-подъ выстрѣловъ, стараясь въ то же время рекогносцировать характеръ и свойства прибрежной мѣстности, одинъ молодой уланъ сталъ просить, чтобы ему позволили выстрѣлить изъ берданки «въ турку».—«Ничего, что мониторъ, говорилъ онъ съ полнымъ убѣжденiемъ:—Богъ поможетъ, и на мониторѣ пуля свое возметъ, а намъ хоть бы разъ стрѣльнуть ему въ отвѣтъ—все же легче на сердцѣ будетъ!»

Рѣка Яломица течетъ въ отлогихъ берегахъ, покрытыхъ сочною, хорошею травою. Съ обѣихъ ея сторонъ разбросано много богатыхъ молдаванскихъ селъ и земель, принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ, по большей части не живущимъ на мѣстѣ, а сдающимъ свои имѣнiя въ аренду. До прихода нашихъ войскъ, между сельскимъ прибрежнымъ населенiемъ господствовала повсемѣстная паника, потому что турки ежедневно высаживались на румынскiй берегъ и безнаказанно угоняли крестьянскiй и помѣщичiй скотъ, а при малѣйшемъ сопротивленiи начинали стрѣлять, рѣзать и поджигать деревни. Для береговой охраны въ Румынiи существуютъ такъ называемые «граничары». Это не болѣе какъ сельская стража изъ тѣхъ же побережныхъ крестьянъ, которые въ извѣстные сроки обязаны очередною службою на непродолжительное время и вооружены старыми пистонными ружьями. Надо отдать этимъ граничарамъ справедливость—они защищались стойко, а если уступали, то лишь потому, что были подавляемы несоразмѣрнымъ превосходствомъ наличныхъ силъ противника. Тѣ трупы граничаръ, на которые случалось натыкаться нашимъ развѣдочнымъ отрядамъ, были находимы всегда на своихъ сторожевыхъ постахъ, съ явными вокругъ себя слѣдами борьбы и сопротивленiя. Одинъ изъ нашихъ отрядцевъ, между прочимъ, подобралъ двухъ тяжело раненыхъ граничаръ, которые тотчасъ же были отправлены въ нашъ ближайшiй

лазаретъ. Для угона румынскаго скота турки употребляютъ пріемъ, очень характерно и мѣтко названный мѣстными жителями «волчьимъ способомъ». Начинается обыкновенно съ того, что противъ какого-либо села останавливается мониторъ и пускаетъ по немъ два-три снаряда. Жители, устрашенные бомбардировкой, бѣгутъ, конечно, куда попало вонъ изъ селенія, не думая уже о спасеніи имущества. Замѣтивъ, что крестьяне разбѣжались, турки уже совершенно спокойно, подъ прикрытіемъ того же монитора, высылаютъ въ нѣсколькихъ лодкахъ десантъ, который и принимается шарить по всей деревнѣ. Награбленное имущество и припасы нагружаются въ лодки, а скотъ загоняютъ мародеры цѣлымъ стадомъ въ рѣку и оцѣпляютъ его съ боковъ и сзади своими лодками. Крики, маханье оружіемъ и иныя понуканья заставляютъ животныхъ скучиваться и плыть вмѣстѣ, за передовымъ быкомъ или бараномъ, на ту сторону Дуная. При этомъ, конечно, тонетъ болѣе двухъ третей стада и въ особенности гибнутъ молодые ягнята и телята, но въ концѣ концовъ все-таки кое-что остается и на долю турокъ. У одного помѣщика угнали такимъ образомъ болѣе трехсотъ головъ крупнаго скота, а баранамъ, составляющимъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ богатства здѣшнихъ крестьянъ, еще не сведено счета. Извѣстно только, что уже угнано все что̀ лишь можно было захватить.

Отъ Чиндарая 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи пошла къ Слободзеѣ, а 2-я бригада, подъ начальствомъ генералъ-маіора Петровскаго, получила направленіе вверхъ по берегу Дуная, который и былъ очень быстро и успѣшно занятъ ея частями, не прерывавшими все время связи со штабомъ дивизіи посредствомъ особыхъ разъѣздовъ. Послѣднее обстоятельство упоминается потому, что между Дунаемъ и Яломицею, верстъ на 50 въ ширину, залегаетъ почти безлюдная, безводная и безплодная степь, извѣстная подъ именемъ «Бараганъ». Она представляетъ неоглядную плоскость, по которой мѣстами виднѣются только древнія «могилы». Все продовольствіе бригады, хлѣбъ и фуражъ, приходилось доставлять ей изъ штаба дивизіи черезъ Бараганскую степь, что̀ само по себѣ было уже чрезвычайно затруднительно. Генералъ Петровскій, занявъ берегъ Дуная болѣе чѣмъ на сто верстъ, прикрылъ его частыми поста̀ми и разъѣздами, такъ

что съ ихъ появленіемъ прибрежные жители могли уже спокойно возвратиться къ своимъ обыденнымъ работамъ и занятіямъ. Вообще, румынскіе крестьяне съ живѣйшею радостью встрѣчали наши эскадроны, предлагая имъ и хлѣбъ, и кровъ. Но нельзя сказать того же о большинствѣ арендаторовъ (преимущественно изъ евреевъ или грековъ), которые не упускали ни малѣйшаго случая къ своекорыстной наживѣ на счетъ русскаго солдата и офицера. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, за то, что интендантскій транспортъ (правда, въ 150 повозокъ) пасъ около часу времени своихъ коней на придорожной луговой полосѣ арендуемой имъ земли, подалъ счетъ въ 30,000 франковъ. Арендаторъ этотъ—грекъ.

Въ это же время Слободзея, которая въ сущности есть только довольно большое село, принимала съ почетомъ начальника 11-й кавалерійской дивизіи съ его штабомъ, предлагая ему и хлѣбъ, и удобный пріютъ. Мѣстный субъ-префектъ, румынской службы лейтенантъ Стойко, неутомимо хлопоталъ, отводя квартиры и размѣщая части войскъ по селенію и его ближайшимъ окрестностямъ. На жителей Слободзеи видимо пріятное впечатлѣніе произвела прослѣдовавшая вдоль по селенію конная батарея полковника Гросмана, отличавшаяся, не смотря на походное движеніе, замѣчательно бодрымъ, молодецкимъ и внушительнымъ видомъ.

7-го мая, вечеромъ, начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Татищевъ далъ полковнику Струкову порученіе сдѣлать рекогносцировку по направленію къ городу Каларашу, при чемъ въ помощь ему отряженъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Андреевъ. Принимая въ разсчетъ утомленіе кавалеріи и не желая на ночь тревожить ни одной ея части, оба эти офицера отправились одни, безъ всякаго конвоя, по дорогѣ, пролегающей черезъ Бараганскую степь. Надо было проѣхать ночью до 50-ти верстъ, а на пути нѣтъ ни одного жилья, повсюду одна лишь степь, необозримая и мертвая. Тѣмъ не менѣе оба всадника къ разсвѣту были уже на мѣстѣ. Городъ еще спалъ, но и среди ночи все-таки было замѣтно въ немъ нѣчто напряженное: милиція всю ночь простояла въ ружьѣ на берегу, въ завалахъ, а на другомъ концѣ города болгарскія женщины, со свѣчами въ рукахъ, молились на кладбищѣ. Въ эту ночь онѣ справляли одинъ древній на-

родный обрядъ, который заслуживаетъ, чтобы разсказать о немъ подробнѣе. На болгарскихъ могилахъ, кромѣ обыкновеннаго креста, на которомъ написано или вырѣзано имя покойнаго, родственники устраиваютъ небольшіе, около аршина вышиною, шкафчики изъ камня, изъ жести или изъ выкрашенныхъ досокъ. Въ этихъ шкафчикахъ помѣщаются: лампадка, каганецъ, или просто горшокъ съ угольями, и восковая свѣча. Бѣдные люди вмѣсто шкафчика ставятъ на родную могилу одинъ лишь большой горшокъ съ выбитымъ бокомъ, а подъ нимъ складываютъ нѣсколько камней и промежъ нихъ втыкаютъ свѣчу. Существуетъ у болгаръ повѣрье, что каждую субботу, и преимущественно отъ Воскресенія Христова до Троицына дня, души умершихъ прилетаютъ на землю — однѣ для испрошенія прощенія за свои хрѣхи, а другія — праведныя, для наставленія своихъ близкихъ на путь правды и спасенія. Въ силу этого древняго повѣрья, каждую субботу на болгарскихъ кладбищахъ родственники покойныхъ зажигаютъ въ шкафчикахъ и въ горшкахъ свѣчи, а самыя могилы поливаютъ виноградньмъ виномъ и окуриваютъ ладономъ. Вечеромъ же наканунѣ Вознесенія и вообще въ одну изъ промежуточныхъ ночей отъ этого праздника до Троицына дня, болгарскія женщины совершаютъ на могилахъ своихъ родственниковъ особый обрядъ, нѣчто въ родѣ древне-славянской тризны. Тутъ онѣ зажигаютъ уже всѣ безъ исключенія лампады и свѣчи; на жаровняхъ воспламеняютъ уголья, и бросая въ нихъ ладонъ, окуриваютъ имъ могилы; здѣсь же, въ память покойнаго, идетъ угощеніе знакомыхъ и бѣдныхъ принесенными съ собою кушаньями, виномъ и ракіею (виноградная водка) и раздача милостыни нищимъ. Женщины всю ночь остаются на кладбищѣ и въ промежуткахъ между угощеніемъ и милостынею молятся со свѣчами въ рукахъ на родныхъ могилахъ.

Каларашъ—маленькій, полурумынскій, полуболгарскій городокъ, извѣстный русскимъ по ихъ военной исторіи; онъ лежитъ противъ Силистріи, отдѣляемый отъ нея, верстъ на десять, однимъ изъ дунайскихъ протоковъ и болотистою низменностью. По развѣдкѣ, изъ достовѣрныхъ источниковъ оказалось, что въ настоящее время въ Силистріи находится не болѣе десяти тысячъ войска на довольно сильной позиціи, куда недавно привезены новыя дальнобойныя пушки; но всѣ

мѣропріятія исполняются тамъ крайне вяло и не по собственной инициативѣ; къ тому же войско, лишенное госпиталей, чрезмѣрно обременено больными, въ средѣ которыхъ замѣчается въ послѣднее время большая смертность, происходящая отъ соединенія многихъ причинъ, изъ коихъ главнѣйшія: отсутствіе въ городѣ и крѣпости всякихъ раціонально-санитарныхъ условій, тяжелыя работы, недостатокъ здоровой пищи, недостатокъ въ обуви и одеждѣ, и наконецъ мѣстныя климатическія условія, въ зависимости отъ безпрестанныхъ дождей, болотъ и чрезмѣрнаго весенняго разлива, порождающаго весьма сильную сырость воздуха, быстро охлаждаемаго ночью. Разливъ Дуная подъ Силистріею простирается до десяти верстъ въ ширину, и судя по изобильно перепадающимъ дождямъ и имѣющему вскорѣ начаться таянію горныхъ снѣговъ, вода спадетъ еще не скоро. Дунай въ настоящее время даже не производитъ впечатлѣнія обыкновенной рѣки: это необычайно широкій, молочнаго цвѣта потокъ, который стремительно, но плавно несетъ громадную массу воды въ Черное море.

Такъ какъ Каларашъ, по своему положенію противъ одной изъ сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей на Дунаѣ, является для насъ довольно важнымъ наблюдательнымъ пунктомъ, то тутъ оставлено нами соотвѣтственное количество кавалеріи съ артиллеріею, которыя расположены частію на берегу, въ тѣхъ же казармахъ, что̀ были построены нами еще въ 1854 году. Казармы эти, будучи время отъ времени ремонтированы румынами, представляютъ и по сію пору группу довольно еще прочныхъ зданій.

Объѣхавъ мѣста расположенія всѣхъ частей 11-й кавалерійской дивизіи до оконечнаго ихъ пункта, деревни Обилешти, полковникъ Струковъ, для донесенія Его Высочеству Главнокомандующему о результатѣ своего осмотра, отправился въ Бухарестъ верхомъ, такъ какъ въ данной мѣстности Румыніи не существуетъ правильной почтовой гоньбы. Выѣхавъ въ половинѣ третьяго часа пополудни, при сильномъ противномъ вѣтрѣ, онъ въ семь часовъ вечера прибылъ въ Бухарестъ, отстоящій отъ Обилешти на 70 верстъ пути, который былъ пройденъ безостановочно.

XXV

Ямарка въ Бухарестѣ

Празднованіе одиннадцатой годовщины вступленія на престолъ князя Карла. — Провозглашеніе независимости Румыніи. — Учрежденіе ордена «Румынской Звѣзды». — Никольская ярмарка въ Бухарестѣ и ея особенности. — Народные обычаи по поводу ярмарки. — Шпора. — Посѣщеніе ярмарки Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и румынскимъ Дворомъ. — Видъ улицъ и характеръ уличной толпы. — Княжеская ставка. — Народные танцы крестьянъ и придворныхъ дамъ и кавалеровъ на ярмаркѣ. — Почему веселятся румыны?

Бухарестъ, 13-го мая.

Его Высочество Главнокомандующій, въ сопровожденіи небольшой свиты, 10-го мая опять посѣтилъ князя Карла въ Бухарестѣ. Въ этотъ день праздновалась одиннадцатая годовщина вступленія князя на престолъ Румыніи. Во дворцѣ былъ парадный обѣдъ, а вечеромъ, въ городскомъ театрѣ, парадный спектакль. Великій Князь Главнокомандующій присутствовалъ на томъ и другомъ, а ночь провелъ въ домѣ русскаго генеральнаго консульства. Послѣ обѣда Его Высочество пѣшкомъ отправился изъ дворца въ наше консульство и во время пути встрѣчалъ самое сочувственное отношеніе къ Своей Особѣ со стороны мѣстнаго населенія. Вечеромъ передъ дворцомъ прослѣдовала съ музыкой факельная процессія, въ которой участвовали преимущественно студенты бухарестскаго университета. Въ театрѣ тоже происходили шумныя манифестаціи въ честь князя и Его Высочества. Вообще день 10-го мая въ Бухарестѣ былъ днемъ самыхъ восторженныхъ овацій. Общее настроеніе населенія выражалось столь радостнымъ образомъ по той причинѣ, что въ этотъ день палата румынскихъ представителей одобрила актъ о провозглашеніи независимости Княжества Румынскаго и объ учрежденіи особаго орденскаго знака, который называется «Звѣзда Румыніи». Этотъ *новый орденъ*, великимъ магистромъ котораго состоитъ царствующій князь, насчитываетъ до тысячи членовъ, изъ коихъ 500 рыцарей, 300 офицеровъ и 120 командоровъ, 40 высшихъ офицеровъ и 20 кавалеровъ большаго креста. Съ пожалованіемъ этого ордена военнымъ полагается еще пенсія:

унтеръ-офицерамъ—по 240 франковъ въ годъ, капраламъ—по 180 и рядовымъ—по 144. Лента этого ордена алая съ голубою каймою; самые знаки ордена имѣютъ видъ греческаго креста подъ синею эмалью, съ золотымъ бордюромъ, и украшены лучами и княжескою золотою короною. Для военныхъ подъ короною находится два скрещенныхъ между собою обнаженныхъ меча. Въ срединѣ креста сдѣланъ лавровый вѣнокъ изъ зеленой эмали, перевитый золотыми лентами, а внутри вѣнка на красной эмали изображены вязью двѣ буквы С, подъ которыми поставлена цифра I (Карлъ I) подъ маленькою короною. На оборотѣ, внутри ободка изъ синей эмали, изображенъ золотой орелъ и девизъ «In fide virtus».

Весь Бухарестъ теперь ликуетъ: ярмарка, самая веселая изъ всѣхъ существующихъ въ Румыніи, посѣщеніе русскихъ гостей—все это одно къ одному скопилось вмѣстѣ, съ 10-го по 12-е мая, и придало Бухаресту самый оживленный праздничный характеръ.

Ярмарка эта имѣетъ нѣсколько такихъ особенностей, что о ней стоитъ разсказать подробнѣе. Начинается она обыкновенно съ 9-го мая, въ день, посвященный св. Николаю Чудотворцу, и продолжается цѣлую недѣлю. Весь Бухарестъ—и плебейскій и фешенабельный—стремится ежедневно на ярмарочную площадь, на гулянье. Вереницы каретъ, колясокъ, ландо, нетычанокъ и бричекъ тянутся гусемъ между густыми толпами народа. Музыка гремитъ въ десяти, въ двадцати мѣстахъ разомъ и все разное; бухаютъ турецкіе барабаны, звякаютъ металлическія тарелки, визжатъ цыганскія скрипки и дудки, тромбоны рѣжутъ ухо своимъ усерднымъ, но не всегда стройнымъ аккомпаниментомъ,—все это, вмѣстѣ съ шумомъ игрушечныхъ трещетокъ и кри-кри, свистомъ глиняныхъ уточекъ, звономъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, пѣснями и возгласами народной массы, представляетъ хаосъ невозможныхъ музыкальныхъ диссонансовъ; но все это дышетъ такимъ веселіемъ, такою жаждой жизни, которая сказывается и въ этихъ диссонансахъ, и въ яркой пестротѣ нарядовъ, и въ этомъ неугомонномъ движеніи съ ранняго утра до поздней ночи, и все это вмѣстѣ съ тѣмъ такъ красиво и оригинально, что невольно подкупаетъ въ свою пользу посторонняго зрителя, заставляя и его немножко увлекаться столь кипучею жизнью. Если вы

хотите имѣть приблизительное понятіе объ этомъ ярмарочномъ гомонѣ и движеніи, то вспомните гулянье на Масляницѣ и на Святой подъ-Новинскимъ, но гулянье не нынѣшняго, а добраго стараго времени, съ тою только разницей, что когда Москва веселится подъ-Новинскимъ, надъ нею виситъ еще хмурое мартовское, или морозное зимнее небо, заставляющее кутаться въ енотовыя шубы, а здѣсь весенняя прозрачность лазуревыхъ небесъ, чудная нѣжащая теплота майскаго воздуха, яркое солнце, или яркая луна, быстро вступающая въ свои полныя права вслѣдъ за короткими сумерками, едва лишь румяное солнце канетъ за черту горизонта, и при всемъ этомъ масса роскошной зелени,—вездѣ фіалки, розы и жасмины, бѣлая акація цвѣтетъ на каждомъ шагу и разливаетъ въ воздухѣ свое одуряющее благоуханіе; постоянно снуетъ предъ глазами множество красивыхъ женщинъ въ національныхъ костюмахъ или въ весенне-легкихъ прозрачныхъ туалетахъ, множество мужчинъ въ народномъ румынскомъ, въ ловкомъ венгерскомъ, въ красивомъ арнаутскомъ или славянскомъ нарядахъ; множество горячихъ, страстныхъ черныхъ глазъ,— вотъ что̀ такое эта бухарестская ярмарка. Но самая главная ея особенность вовсе не въ этомъ: съ нею соединяется одно народное празднество, начало котораго теряется еще во мракѣ временъ языческихъ. Нынѣшніе румыны, любящіе производить себя непосредственно отъ древнихъ римлянъ, увѣряютъ, будто празднество это есть народное воспоминаніе въ честь похищенія сабинянокъ. Не берусь оспаривать румынъ, особенно если это имъ такъ нравится, но съ своей стороны все-таки думаю, что этотъ праздникъ имѣетъ скорѣе восточное, чѣмъ западное происхожденіе: въ немъ даже замѣтенъ какъ бы индійско-факирскій характеръ, Не положили ли начало ему здѣсь тѣ племена, для которыхъ, въ эпоху великаго переселенія народовъ изъ глубины азіятскихъ степей и гималайскихъ горъ на западъ, наши южныя степи и почва Румыніи служили постояннымъ поприщемъ походовъ, войнъ и первой осѣдлости?

Праздникъ этотъ заключается въ особенныхъ народныхъ плясках. Но не каждый желающій имѣетъ право принять въ нихъ участіе, если бы ему вдругъ теперь же вздумалось потанцовать въ одномъ кругу съ избранными плясунами и пля-

суньями. Чтобы добыть себѣ это право, надо подготовиться къ нему предварительнымъ и весьма не легкимъ искусомъ. Крестьяне и крестьянки, являющіеся на ярмарочную площадь въ качествѣ, такъ сказать, привилегированныхъ танцоровъ (преимущественно изъ ближайшихъ подгородныхъ селеній), принимаютъ на себя предъ тѣмъ строгій обѣтъ сорокадневнаго поста и безусловнаго молчанія,—и горе нарушившему эту добровольно принятую тягу! Древнее повѣрье, глубоко вкоренившееся въ убѣжденіе народа, говоритъ, что оскоромившійся или невольно обронившій какое-нибудь слово непремѣнно умретъ въ теченіе того же года. И до какой степени силенъ этотъ предразсудокъ—лучше всего пояснитъ слѣдующій недавно случившійся фактъ: одинъ молодой крестьянинъ, наложившій на себя помянутый обѣтъ, долженъ былъ во время своего искуса идти на очередь въ военную службу. Въ казармѣ не уважили его обѣта: заставили и ѣсть что̀ ѣдятъ другіе, и отвѣчать по служебнымъ обязанностямъ на вопросы начальства. Только вдругъ стали всѣ замѣчать, что съ молодымъ солдатикомъ творится нѣчто странное: сохнетъ, желтѣетъ, задумывается, тоскуетъ и, наконецъ, обнаруживаются въ немъ припадки пляски св. Витта. Ротный командиръ, невольно обратившій на это вниманіе, спрашиваетъ у фельдфебеля о причинахъ.

— Да ничего собственно... Шпору онъ все видитъ, отвѣчаетъ фельдфебель.

— Какъ шпору? Какую шпору?

— Такъ; шпору и только. Это ему отъ Бога, за то, что нарушилъ постъ и молчаніе.

— Да почему же непремѣнно шпору, и только ее одну, а не что̀ другое?

— А потому что плясуны, дающіе обѣтъ, отправляясь на танцы, надѣваютъ на ноги особыя шпоры съ бубенцами и погремушками, въ знакъ того, что обѣтъ дѣйствительно ими исполненъ.

Черезъ нѣсколько дней молодой солдатикъ умеръ въ ужаснѣйшемъ припадкѣ пляски св. Витта, и до послѣдняго издыханія все мерещилась ему роковая шпора *). Само собою ра-

---

*) Случай этотъ разсказанъ мнѣ румынской службы генералъ-маіоромъ Зефкаромъ.

зумѣется, что подобные случаи еще болѣе вкореняютъ въ народѣ убѣжденіе въ неизбѣжной смерти нарушителей обѣта, да и самая смерть, конечно, происходитъ именно отъ силы убѣжденія, такъ какъ оно вліяетъ слишкомъ угнетающимъ образомъ на душу и воображеніе человѣка.

На 12-е мая приходится какъ разъ середина ярмарочной недѣли, когда здѣсь идетъ то что̀ называется у насъ «самый развалъ» ярмарки. 9-е, 12-е и 15-е числа суть по преимуществу дни плясуновъ, и уже въ эти дни они пляшутъ до упаду, съ утра и до поздней ночи. 12-го же мая обыкновенно посѣщаютъ ярмарку князь Карлъ съ княгинею Елизаветою, весь ихъ дворъ и вообще все высшее общество Бухареста, въ богатыхъ національныхъ костюмахъ. Здѣсь еще недавно существовалъ обычай, который отчасти не вывелся и теперь, что вся мѣстная аристократія, пріѣзжая на ярмарку, покупала особые деревянные жбаны, названіе которыхъ по румынски выходитъ синонимомъ *подарка*, и дарила ихъ желающимъ изъ простаго народа.

Князь Карлъ пригласилъ Его Высочество Главнокомандующаго посѣтить ярмарку въ день ея наибольшаго разгара и оживленія.

12-го мая, послѣ обѣда во дворцѣ, Великій Князь, вмѣстѣ съ четою своихъ высокихъ хозяевъ, отправился, подъ вечеръ, въ открытомъ парадномъ ландо, на ярмарку. Впереди скакали жокеи, а по бокамъ и сзади экипажъ Ихъ Высочествъ окружали адъютанты и ординарцы князя Карла верхами, въ парадной формѣ. За ними въ нѣсколькихъ колясках слѣдовала небольшая русская свита. Путь лежалъ чуть ли не черезъ весь городъ, и улицы, на всемъ протяженіи дороги, по которой слѣдовалъ поѣздъ, были переполнены народомъ. Открытыя окна домовъ, балконы и терассы въ зелени составляли какъ бы исключительную собственность дамъ, которыя унизывали ихъ нѣсколькими рядами, въ своихъ весеннихъ праздничныхъ нарядахъ, съ живыми цвѣтами въ волосахъ, по большей части не покрытыхъ шляпками, съ букетами и вѣерами въ рукахъ. Мужчины преимущественно толпились внизу на тротуарахъ и очень привѣтливо раскланивались съ русскими гостями. Конные жандармы въ металлическихъ шишакахъ и съ карабинами, взятыми «на изготовку», стояли шпалерами на

протяженіи второй половины пути, который, чѣмъ ближе къ ярмаркѣ, тѣмъ становился все люднѣе. Вагоны конно-желѣзной дороги, переполненные внутри и на верху пассажирами, окончательно не могли продвинуться за толпою; съ высоты вагонныхъ имперіаловъ раздавались звуки дѣтскихъ трещотокъ, погремушекъ и высвисты глиняныхъ уточекъ, которыми забавлялись взрослые, кричавшіе «ура» и махавшіе шляпами и дѣтскими воздушными шарами. Экипажи наши, въѣхавъ въ общую цѣпь, съ трудомъ могли слѣдовать только шагомъ, чему мы были весьма рады, такъ какъ медленное движеніе давало болѣе простора и времени для наблюденій, исполненныхъ самыми разнообразными и живыми впечатлѣніями. Въ одномъ мѣстѣ толпа ребятишекъ въ бѣлыхъ рубахахъ съ голубыми воротниками и обшлагами и въ барашковыхъ шапкахъ, какія носятъ здѣсь милиціонеры - доробанцы, стояла, выстроившись во фронтъ и, съ крикомъ «ура», отдавала Ихъ Высочествамъ военную почесть своими игрушечными ружьями и саблями; при этой дѣтской когортѣ были и барабанщикъ, и знамя національныхъ цвѣтовъ, на которомъ было даже что-то написано, но чтò?—мы разобрать не успѣли. Вообще здѣсь многихъ дѣтей одѣваютъ въ національный костюмъ и преимущественно костюмъ доробанцевъ. Головы и бюсты женщинъ въ народныхъ нарядахъ были украшены ожерельями изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ; у дѣвушекъ живые цвѣты на головѣ и въ густыхъ косахъ, а у замужнихъ голова покрыта тонкимъ, широко ниспадающимъ вуалемъ; юпки по щиколку, не рѣдко затканныя или расшитыя серебряными и золотыми узорами: тонкая бѣлая сорочка съ кружевами на воротникѣ, по широкимъ рукавамъ и на подолѣ, тоже затканная, иногда на восточный ладъ, золотыми или серебряными нитями и позументами, украшаетъ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, при чемъ послѣдніе носятъ ее на выпускъ, какъ наши великороссы, и подпоясываются широкимъ (вершка въ четыре или пять) кожанымъ поясомъ, который пестрѣетъ затѣйливыми узорами; искусно выведенными изъ цвѣтныхъ сафьяновъ, шелковъ, крупнаго бисера, стеклáруса и разныхъ металлическихъ бляшекъ. На головѣ у мужчинъ либо барашковая, либо войлочная круглополая шляпа, ноги же обуты въ постолы, а у женщинъ въ полусапожки. И надъ всею этою вереницею экипажей, всад-

никовъ и пѣшеходовъ, надъ этими пиджаками, цилиндрами, шляпами, старосвѣтскими широкими «интереу» (кафтанъ), «тульпанами» (женскій головной уборъ), священническими камилавками греческой формы, надъ всѣмъ этимъ пестрымъ и веселящимся людомъ летаютъ въ воздухѣ бумажные змѣи, красные, желтые и синіе (сочетаніе румынскихъ государственныхъ цвѣтовъ) воздушные шары, и вмѣстѣ съ гомономъ голосовъ стоитъ гулъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ возгласовъ продавцевъ «дульчацъ» (сладостей), воды, прохладительныхъ напитковъ, табаку, игрушекъ, и отъ множества не менѣе разнообразныхъ высвистовъ, щелканья, звяканья, трескотни и т. п. Длиннымъ рядомъ вытянулись палатки и балаганы съ товарами, лотереями, народными ресторацiями и разными представленiями заѣзжихъ фокусниковъ, жонглеровъ, буфоновъ, маговъ и чревовѣщателей; карусели кружатся, тамъ и сямъ скрыпятъ качели; множество крестьянскихъ возовъ съ сельскими товарами протянулись длинными рядами; множество пестрыхъ флаговъ на высокихъ шестахъ развѣвается въ воздухѣ. Словомъ, все это ярко, шумно, пестро и производитъ веселое, самое прiятное впечатлѣнiе.

По срединѣ площади былъ раскинутъ большой красивый шатеръ, убранный цвѣтами, зеленью тропическихъ растенiй и нацiональными румынскими флагами. Тутъ, по близости, остановилось ландо Ихъ Высочествъ; они вышли изъ экипажа и по длинному ковру направились къ палаткѣ, между двумя живыми стѣнами народа.

Княгиня Елизавета представила Великому Князю присутствовавшихъ придворныхъ дамъ и фрейлинъ, которыя всѣ были въ нацiональныхъ нарядахъ, а князь Карлъ отрекомендовалъ Его Высочеству нѣкоторыхъ кавалеровъ. Подано было, по мѣстному обычаю, привѣтственное угощенiе: стаканы холодной воды и «дульчацы», т. е. разное варенье на хрустальныхъ блюдцахъ, мороженое и разные прохладительные напитки, а за тѣмъ начались танцы, открывшiеся ватагою Калушаровъ (названiе крестьянъ по мѣстности, изъ которой они пришли). Изъ парней, одѣтыхъ въ нарядныя бѣлыя сорочки по колѣно, съ пунсовыми шарфами черезъ плечо и со шпорами-погремушками на постолахъ, составился кругъ человѣкъ въ тридцать или сорокъ. Каждый изъ танцоровъ держалъ обѣими

руками надъ головою довольно толстую палку. Тѣлодвиженія танца, производимыя почти на мѣстѣ руками, ногами и всѣмъ корпусомъ, подъ оживленный быстрый темпъ, сопровождаются при каждомъ тактѣ возгласомъ «гайда!» который выкрикивается всѣми танцорами разомъ. Двѣ цыганскія скрипицы аккомпанировали танцу, но ихъ почти не было слышно за шумомъ этихъ энергическихъ «гайда!» и шпоръ-погремушекъ. Потомъ кругъ разомкнулся въ полукружіе, и танцоры, полуприсѣвъ на корточки, съ сильно откинутымъ назадъ корпусомъ и опираясь на свои палицы, продолжали на мѣстѣ ногами и тѣломъ тѣ же энергически-быстрыя, порывистыя движенія, а четверо изъ нихъ выступили впередъ, стали по два въ рядъ лицомъ другъ къ другу и положили свои палки на плечи одинъ другому, въ видѣ перекладины. На эту перекладину вскочилъ пятый танцоръ и ловко эквилибрировалъ на ней, выплясывая тотъ же танецъ, который называется *«Романа»* и имѣетъ большое сходство съ нѣкоторыми танцами нашихъ кавказскихъ горцевъ — ингушей и осетиновъ, съ тою лишь разницей, что движенія горцевъ гораздо плавнѣе и тише. Самый характеръ танца носитъ на себѣ никакъ не западный, а чисто восточный оттѣнокъ: въ немъ сказывается даже нѣчто изступленное, факирское или дервишское, и это сходство еще болѣе усиливается, когда вспомнишь, что обычай этой пляски есть собственно древній обрядъ и что плясуны подготовляются къ нему строжайшимъ сорокадневнымъ искусомъ.

По окончаніи перваго танца, составились рядомъ два новые круга: въ одномъ плясали крестьяне съ крестьянками, а въ другомъ придворныя дамы съ адъютантами князя и иными военными лицами. Танецъ этотъ, называемый *«Хóра»* и танцуемый подъ звуки цѣлаго національнаго оркестра, отличается плавными граціозными движеніями танцоровъ и въ особенности танцорокъ, и очень напоминаетъ наши русскіе хороводы. Третій танецъ *«Киндія»*,—подъ темпъ не то нашего трепака, не то италіянской тарантеллы, ловко плясалъ адъютантъ князя, капитанъ 1-го гусарскаго полка, Владояно, съ тремя дамами, которыя становятся подъ рядъ съ лѣвой стороны кавалера и всѣ вмѣстѣ переплетаются руками, не смыкаясь однако же въ кругъ, а пляшутъ, такъ сказать, извивающеюся лен-

той. Всѣ эти танцы очень красивы, въ особенности при живописныхъ военныхъ и женскихъ нарядахъ и при замѣчательной красотѣ дамъ. Толпы зрителей всѣхъ классовъ и состояній безразлично и совершенно свободно обступили мѣста, гдѣ происходили танцы.

Въ началѣ девятаго часа вечера Высокіе Гости, поблагодаривъ танцоровъ, оставили ярмарочную площадь и отправились на станцію желѣзной дороги, при шумныхъ оваціяхъ народа, по мѣстности освѣщаемой бенгальскими огнями.

Въ 9 часовъ князь Карлъ и княгиня Елизавета простились на дебаркадерѣ съ Великимъ Княземъ, который отправился обратно въ Плоешты, куда прибылъ въ исходѣ одиннадцатаго часа и былъ встрѣченъ на станціи привѣтствіями выстроеннаго вдоль станціонной платформы Тамбовскаго пѣхотнаго полка, только что прибывшаго сегодня въ Плоешты съ похода. Его Высочество прослѣдовалъ вдоль фронта всего полка, разспрашивалъ о его состояніи, о количествѣ больныхъ, которыхъ впрочемъ не оказалось, и поблагодаривъ начальниковъ за бодрое состояніе людей, въ двѣнадцатомъ часу вечера прибылъ въ свое помѣщеніе. Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій не участвовалъ въ этой поѣздкѣ, такъ какъ находится нынѣ на рекогносцировкѣ нѣкоторой части дунайскаго побережья, по званію офицера генеральнаго штаба.

И все это веселье, празднества и торжества происходятъ въ то самое время, когда турки около Калафата, Ольтеницы и въ другихъ мѣстахъ угрожаютъ безопасности румынскихъ береговъ; все это спокойное и увѣренное настроеніе духа разомъ смѣнило ту общую панику, которая господствовала во всей Румыніи еще не болѣе двухъ-трехъ недѣль назадъ, когда румыны ждали переправы турецкой арміи на лѣвый берегъ Дуная, когда въ Бухарестъ пріѣзжали турецкіе уполномоченные съ требованіемъ сдачи Калафата, угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ разрушенъ и когда все бухарестское населеніе, сильно встревоженное этими вѣстями, принимало мѣры къ удаленію женщинъ и дѣтей въ безопасныя мѣста, въ Австрію, а теперь... теперь здѣсь о туркахъ словно позабыли и думать! Отчего все это такъ случилось? Отчего столь рѣзко обозначилась въ общественномъ настроеніи Румыніи такая счастливая перемѣна?—Отвѣчаемъ смѣло: оттого

что примѣрное поведеніе русской арміи, слѣдующей по румынской территоріи, и ея первыя дѣйствія, выразившіяся въ самый короткій промежутокъ времени тѣмъ, что она чуть не экспромтомъ успѣла занять и укрѣпить дунайскій берегъ, заградить рѣку минами и взорвать одинъ изъ самыхъ сильныхъ турецкихъ броненосцевъ, съ разу поселили въ румынскомъ населеніи увѣренность, что за спиною такой арміи можно пока быть совершенно спокойнымъ. Но есть и еще причина, самая вѣская послѣ только что названной; это — золотой дождь полуимперіаловъ, который въ изобиліи льется и льется теперь на Румынію изъ русскихъ офицерскихъ кармановъ и казенныхъ денежныхъ ящиковъ....

XXVI

Взрывъ втораго турецкаго броненосца

Стремленіе моряковъ къ дѣятельной роли. — Замыселъ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова. — Разрѣшеніе получено. — Благопріятная погода. — Маіоръ Муржеско. — Общій планъ дѣйствій и составъ флотиліи. — Извинительный предразсудокъ. — Отвалъ на предпріятіе. — Положеніе непріятельскихъ судовъ. — Лягушки. — Окликъ турецкаго часоваго. — Ударъ первою миною. — Непріятный случай съ катеромъ «Цесаревичъ». — Кисловъ и Муржеско. — Вторая мина. — Лейтенантъ Петровъ. — Критическое положеніе «Ксеніи» и «Джигита». — Поджогъ турецкой караулки. — Возвращеніе въ Браиловъ. — Поведеніе всѣхъ чиновъ флотиліи въ дѣлѣ. — Флагъ съ потопленнаго монитора. — Награды. — Общіе выводы изъ военныхъ дѣйствій за первый мѣсяцъ кампаніи.

Плоешты, 15-го мая.

Съ окончаніемъ работъ надъ минными загражденіями, дѣятельность нашей дунайской флотиліи на нѣкоторое время затихла. Но не могли моряки помириться даже и на короткій срокъ съ пассивною ролью, которая, какъ казалось, выпадаетъ имъ на долю на неопредѣленное время, до общихъ рѣшительныхъ дѣйствій на Дунаѣ. А между тѣмъ турецкіе мониторы совсѣмъ на виду стоятъ и словно дразнятъ своимъ присутствіемъ. Предположенія о дѣйствіяхъ, при случаѣ, торпедами еще до начала кампаніи входили въ наши планы; для моряковъ же и тѣмъ болѣе казалось важнымъ испытать соб-

ственною практикою то, что было дотолѣ извѣстно имъ лишь теоретически, а именно: на сколько шестовыя мины могутъ быть дѣйствительно опасны для хорошаго броненоснаго судна.

Капитанъ Рогуля, какъ начальникъ дунайской флотиліи, вполнѣ раздѣлялъ стремленіе своихъ офицеровъ и заранѣе далъ имъ согласіе на это испытаніе. Оставалось только испросить разрѣшенія у командующаго браиловскимъ отрядомъ, генералъ-маіора Салова; но и за этимъ дѣло не стало; разрѣшеніе охотно было дано, и моряки стали приготовляться.

Весь день и весь вечеръ хлесталъ проливной дождь безъ перерыва. За прясломъ этого ливня противоположный берегъ Дуная и устье Мачинскаго рукава совсѣмъ исчезали въ дождевомъ туманѣ, а съ наступленіемъ вечера низко надвинувшіяся тучи, ровною и безпросвѣтною пеленой обложившія все небо, еще усилили мглу, до такой степени, что въ десяти шагахъ уже невозможно было разглядѣть что бы то ни было. Холодно, сыро, темно, — какъ разъ самое счастливое соединеніе всѣхъ условій для рискованнаго предпріятія.

Четыре легкія паровыя шлюпки уже разводили пары у браиловской пристани. Лейтенантъ Дубасовъ совѣщался со своими ближайшими помощниками о планѣ предстоявшаго нападенія, когда къ нему подошелъ начальникъ румынской флотиліи, морской службы маіоръ Муржеско, и освѣдомился куда это собираются наши катера въ такую непогоду? Лейтенантъ Дубасовъ объяснилъ, что хотятъ-де попытать на практикѣ дѣйствіе шестовыхъ минъ и предложилъ маіору Муржеско — не желаетъ ли онъ принять участіе въ ихъ поѣздкѣ. Тотъ согласился съ величайшею готовностію, и Дубасовъ пригласилъ его на свой катеръ «Цесаревичъ», пріобрѣтенный нами у румынскаго правительства. Всѣхъ катеровъ было четыре, и общій планъ предстоявшихъ дѣйствій заключался въ томъ, чтобъ идти къ затопленному лѣсистому острову, держась все время пути въ разстояніи двадцати сажень одинъ отъ другаго, дабы имѣть возможность оказывать другъ другу ближайшее содѣйствіе и помощь, въ случаѣ несчастія съ которымъ либо изъ катеровъ; за тѣмъ, обогнувъ островъ и прослѣдовавъ по протоку, войти въ Мачинскій рукавъ выше турецкихъ броненосцевъ, замѣтить какъ можно лучше ихъ позицію и, спу-

скаясь на всѣхъ парахъ внизъ по рукаву, нанести ударъ миною тому судну, которое будетъ избрано для этой цѣли.

Первымъ долженъ былъ идти гвардейскаго экипажа лейтенантъ Дубасовъ, съ маіоромъ Муржеско и четырнадцатью матросами. Въ носовой и кормовой частяхъ его катера были уже заранѣе приготовлены длинные шесты въ 22 фута, съ укрѣпленными на выдающемся концѣ ихъ минами, заряженными каждая двумя пудами пороха. Подобныя же приспособленія имѣлись и на всѣхъ остальныхъ шлюпкахъ. За Дубасовымъ долженъ былъ слѣдовать лейтенантъ Шестаковъ [1]) на шлюпкѣ «Ксенія» [2]), съ охотникомъ лейтенантомъ Петровымъ и девятью матросами; за Шестаковымъ мичманъ Персинъ и восемь матросовъ на «Джигитѣ», а за нимъ шлюпка «Царевна» [3]), съ мичманомъ Балемъ и девятью матросами [4]).

Если бы первый ударъ миной у лейтенанта Дубасова былъ неудаченъ, то второй, по условному сигналу, долженъ былъ наносить лейтенантъ Шестаковъ; въ случаѣ же неуспѣха и этого удара, третій даетъ мичманъ Персинъ, а потомъ мичманъ Баль; передовыя же шлюпки въ это время уже успѣли бы описать на водѣ кругъ и такимъ образомъ явиться готовыми для новыхъ ударовъ, если бы то потребовалось. Въ случаѣ несчастія съ которымъ либо изъ катеровъ, остальные должны были тотчасъ же оказать ему возможную помощь и быть въ полной готовности принять на свой бортъ людей съ утопающей лодки; съ этою цѣлью къ «Цесаревичу» былъ назначенъ катеръ «Царевна», а къ шлюпкѣ «Ксенія» — «Джигитъ», и обратно. Оставалось только отвалиться и плыть съ Божіею помощью. Но... останавливалъ одинъ маленькій, вполнѣ впрочемъ извинительный, предразсудокъ, отъ котораго, какъ извѣстно, не свободны бываютъ въ иную минуту самые развитые и отважные люди.

Было *тринадцатое* число, и притомъ *пятница*: день тяжелый, да и число-то нехорошее. Матросамъ нашимъ не хотѣлось «на такое дѣло» выходить «подъ нелегкую руку», и

---

[1]) 1-го флотскаго Его Высочества Генералъ-Адмирала экипажа.

[2]) Съ пароходо-фрегата «Олафъ».

[3]) Съ фрегата «Адмиралъ Чичаговъ».

[4]) Петровъ и Персинъ гвардейскаго экипажа, а Баль—черноморской команды.

поэтому, въ видѣ уступки людямъ, рѣшено было переждать полночь.

Въ 4 минуты перваго часа 14-го мая, шлюпки наши, благословясь, отвалили отъ пристани и пошли по заранѣе назначенному направленію.

Дождь начиналъ стихать и вскорѣ затѣмъ прекратился, но небо по прежнему оставалось покрыто сплошною тучей, сквозь которую мутно-бѣлесоватымъ пятномъ, безъ ясныхъ очертаній, просвѣчивалъ мѣсяцъ, и при его неопредѣленномъ полусвѣтѣ, сквозь сырую мглу можно было кое-какъ разглядѣть темный призракъ сосѣдней лодки.

Было уже около половины третьяго часа ночи, когда шлюпки наши вошли въ Мачинскій рукавъ и различили неподалеку отъ себя три турецкія судна. По срединѣ рукава стоялъ одинъ, самый большой, мониторъ; вправо отъ него и нѣсколько впереди, надъ берегомъ виднѣлась во мглѣ темная масса другаго броненосца, а влѣво — военный пароходъ, на которомъ можно было разглядѣть смутныя очертанія двухъ трубъ. Сторожевыхъ огней ни на одномъ изъ этихъ судовъ не было замѣтно. Тѣмъ не менѣе, невозможно же было предположить, чтобы на палубахъ не стояли часовые, которые въ потьмахъ еслибъ и не разглядѣли нашихъ шлюпокъ, то все-таки по знакомому морякамъ звуку работающихъ механизмовъ могли бы разслышать ихъ приближеніе. Но и въ этомъ случаѣ, къ счастію, нашимъ морякамъ помогло одно совершенно постороннее обстоятельство, приключившееся какъ нельзя болѣе кстати: по берегамъ Мачинскаго рукава миріады лягушекъ подымали на всю окрестность такой громкій, неистовый концертъ, о какомъ сѣверные жители и понятія себѣ не могутъ составить. Это непрерывное кваканье, сливавшееся въ одинъ урчащій гулъ, было столь сильно, что до извѣстной степени заглушало даже шумъ четырехъ паровыхъ машинъ.

Не теряя времени, такъ какъ вскорѣ должно было уже свѣтать, лейтенантъ Дубасовъ рѣшился тотчасъ же аттаковать средній мониторъ и далъ знать Шестакову, чтобы тотъ, выждавъ результатъ перваго удара, былъ въ полной готовности ко второму. Затѣмъ, направивъ свою шлюпку къ лѣвой кормовой раковинѣ монитора, Дубасовъ велѣлъ дать ей полный ходъ.

— *Кимъ дыръ о?* *) послышался окликъ съ непріятельской палубы.

Что отвѣчать ему?... А отвѣчать что нибудь надо же. Дубасовъ вспомнилъ знакомое ему турецкое слово и хватилъ на удачу: «*сизымъ-адамъ*», дескать: «свой человѣкъ», но во первыхъ, произнесъ его не совсѣмъ правильно, а именно: «*сени-адамъ*», да потомъ и самое слово-то въ данномъ случаѣ оказалось вовсе не подходящимъ. По объясненію Н. Д. Макѣева, драгомана при Главнокомандующемъ, турки, на окликъ часоваго, отвѣчаютъ всегда: «*япанджи деиль*», что совершенно, пожалуй, равнозначуще «своему человѣку», но въ буквальномъ переводѣ значитъ: «я не иностранецъ», или «я не чужеземецъ». Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что наше на удачу пущенное «сызымъ-адамъ», да еще перековерканное въ «сени-адамъ», показалось подозрительнымъ турецкому часовому. Онъ окликнулъ вторично.

— Сени-адамъ, повторилъ лейтенантъ Дубасовъ.

Часовой настойчиво окликаетъ въ третій разъ.

— Да говорятъ же тебѣ «сени-адамъ»! раздается въ отвѣтъ ему съ нашей шлюпки.

Турокъ далъ по ней предупредительный выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ и съ другихъ судовъ часовые пустили по заряду. Пули просвистали надъ головами. «Цесаревичъ» между тѣмъ быстро приближался къ монитору. Правая носовая мина была уже у него наготовѣ, и ея шестъ высунутъ на 22 фута за бортъ. На палубѣ броненосца поднялась суматоха, матросы загалдѣли, забѣгали во всѣ стороны, раздалась трескотня нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ... стали-было пытаться выпалить изъ орудія, но оно дало три осѣчки. Въ это время «Цесаревичъ» уже поравнялся съ мониторомъ и ловко ткнулъ его подъ лѣвый бортъ, нѣсколько выше кормовой раковины. Раздался оглушительный трескъ, и за чернымъ дымомъ турецкое судно совершенно скрылось изъ глазъ. Въ это же самое мгновеніе поднявшійся столбъ воды опрокинулся на шлюпку Дубасова и залилъ ее до борта. Полагая, что она получила пробоину и уже тонетъ, лейтенантъ Дубасовъ крикнулъ машинисту и кочегару, чтобъ они вылѣзали изъ-подъ блиндажа на верхъ.

*) *Кто идетъ?* или, еще вѣрнѣе, *кто это есть?*

— Не сумлевайтесь, ваше благородіе! хладнокровно отозвался ему со своего мѣста рулевой Кисловъ, черноморскій матросъ 1-й статьи изъ старо-опытныхъ моряковъ, — катеръ еще ништо себѣ: держится.

Тогда машинисту приказано было дать полный задній ходъ, а всей командѣ откачивать воду. Не было извѣстно, откуда набралось въ катерѣ столько воды — сверху ли она попала отъ перваго всплеска, поднявшагося при взрывѣ, или же кромѣ того есть еще и пробоина; но маіоръ Муржеско пролѣзъ въ машинное отдѣленіе и, энергично помогая во всемъ машинисту, быстро успѣлъ пустить въ ходъ паровой экзекторъ. Приблизившаяся «Царевна» была уже въ полной готовности принять къ себѣ людей съ «Цесаревича», если бы этотъ послѣдній сталъ тонуть окончательно. Однако же, благодаря находчивости и энергіи маіора Муржеско, на катерѣ все обошлось благополучно.

Всполошившіеся турки открыли между тѣмъ со всѣхъ судовъ бѣглый и сильный, но безпорядочный огонь изъ ружей и пушекъ по нашимъ лодкамъ.

Видя, что раненый мониторъ хотя и сильно осѣлъ кормою, но все еще держался, тогда какъ съ момента взрыва прошло уже около десяти минутъ, лейтенантъ Дубасовъ крикнулъ слѣдующей шлюпкѣ:

— Шестаковъ, начинай! Плохо тонетъ!...

«Ксенія» полнымъ ходомъ двинулась впередъ, не смотря на отовсюду направляемый въ нее сильный, горячій огонь. Лейтенантъ Петровъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и выдержкой далъ направленіе минѣ, — и черезъ минуту новый трескъ удачнаго взрыва съ сильнымъ сотрясеніемъ отдался въ воздухѣ.

Надо отдать справедливость упорной стойкости турокъ, которые не прекратили огня, и даже во время погруженія монитора продолжали стрѣлять изъ орудій. Второй ударъ былъ намѣченъ тоже со стороны лѣваго борта, подъ самую середину, и вся масса монитора тотчасъ же вслѣдъ за нимъ тихо и уже окончательно погрузилась въ воду.

«Ура» нашихъ моряковъ дружно и единодушно грянуло со всѣхъ шлюпокъ, при видѣ смерти грознаго броненосца. Но тутъ вышелъ случай, который для «Ксеніи» и ея экипажа могъ бы имѣть самыя печальныя послѣдствія. Вслѣдъ за вто-

рымъ взрывомъ, съ монитора посыпалось въ воду и на шлюпку множество всякихъ осколковъ, даже цѣлая тяжелая дверь упала въ нее около кормы, чуть было не убивъ ближайшихъ матросовъ, и «Ксенія» запуталась своимъ винтомъ въ массѣ этихъ обломковъ. Механизмъ пересталъ дѣйствовать, такъ что шлюпка не могла двинуться ни взадъ, ни впередъ. Лейтенантъ Шестаковъ, видя приближавшуюся непріятельскую шлюпку, приказалъ четыремъ своимъ стрѣлкамъ отвѣчать на огонь противника и самъ пустилъ въ дѣло свой револьверъ, распоряжаясь въ то же время, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Петровымъ, работой надъ освобожденіемъ винта изъ хаоса опутавшихъ его осколковъ. Встрѣченная выстрѣлами, непріятельская шлюпка отошла. Остальныя шлюпки все это время оставались подъ сильнымъ огнемъ. Въ «Джигита» (катеръ мичмана Персина) хватило турецкое ядро и сдѣлало въ его кормѣ пробоину, а вмѣстѣ съ этимъ другой снарядъ упалъ въ воду около самаго носа того же катера и, поднявъ сильный и высокій всплескъ, залилъ его водою. Мичманъ Персинъ тотчасъ же далъ полный ходъ, подчалилъ къ берегу и на-скоро принялся затыкать пробоину просаленною пенькою, но тутъ, на бѣду, и его винтъ запутался въ вѣтвяхъ затопленныхъ кустарниковъ. Не малыхъ и долгихъ усилій стоило «Джигиту» высвободиться подъ огнемъ изъ этого подводнаго капкана, а тѣмъ временемъ часть его команды, чтобы не сидѣть безъ дѣла, сожгла стоявшую вблизи турецкую караулку. «Цесаревичъ», все еще наполненный водою, не могъ пока маневрировать и потому былъ лишенъ возможности подать ему помощь. Но наконецъ, благодаря маіору Муржеско, успѣли откачать воду, а тѣмъ часомъ освободили свои винты «Джигитъ» и шлюпка лейтенанта Шестакова.

Къ этому времени востокъ уже быстро сталъ заниматься зарею, такъ что всѣ предметы вблизи и даже вдали могли быть ясно различаемы, а вмѣстѣ со свѣтомъ еще болѣе усилился и огонь противника. Какъ только обѣ шлюпки управились со своими винтами, лейтенантъ Дубасовъ приказалъ флотиліи начинать отступленіе, послѣ чего она вскорѣ благополучно вышла изъ-подъ выстрѣловъ и возвратилась въ Браиловъ. Къ удивленію всѣхъ, это лихое, горячее дѣло не стоило намъ ни единой потери; по повѣркѣ, даже и раненыхъ не

оказалось *). Вотъ что̀ значатъ быстрота, внезапность аттаки и беззавѣтная рѣшимость довести ее до конца во что̀ бы то ни стало! Вся исторія продолжалась не болѣе двадцати минутъ, и во все время боя участники его съ нашей стороны успѣли выказать замѣчательное спокойствіе и самообладаніе; все исполнялось отчетливо и вѣрно, словно это былъ не бой, а простое ученье; никто не позволилъ себѣ даже громкаго возгласа, за исключеніемъ, конечно, «ура», когда мониторъ окончательно пошелъ ко дну. Честь и слава нашимъ морякамъ - героямъ! Пускай у насъ нѣтъ пока флота, — онъ будетъ, онъ создастся, лишь бы были подобные моряки, а они есть, они не перевелись... Духъ Петра I, духъ Орлова - Чесменскаго, Лазарева, Нахимова, духъ славныхъ дѣдовъ и отцовъ всецѣло продолжаетъ жить и въ дѣтяхъ.

Наши молодцы успѣли снять и флагъ съ потопленнаго ими монитора. 15-го числа вечеромъ Великій Князь Главнокомандующій послалъ въ Петербургъ нарочнаго курьера, дабы повергнуть этотъ нашъ второй дунайскій трофей нынѣшней войны къ стопамъ Монарха. Въ тотъ же день (15-го) къ обѣду Его Высочества прибыли вызванные по телеграммѣ герои совершившагося событія, лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ. Въ это время была уже получена телеграмма Государя Императора, выражающая удовольствіе и признательность Его Величества молодцамъ - морякамъ за ихъ подвигъ, въ воздаяніе коего оба они пожалованы орденомъ св. Георгія Побѣдоносца 4-й степени. Главнокомандующій собственноручно навѣсилъ на грудь обоихъ офицеровъ по кресту, изъ числа своихъ собственныхъ орденовъ, и предложилъ за обѣдомъ тостъ въ честь этихъ первыхъ нашихъ въ настоящую войну георгіевскихъ кавалеровъ офицерскаго ранга и за здоровье всего русскаго флота. Прочіе участники молодецкаго дѣла представлены къ соотвѣтственнымъ наградамъ.

На этой лихой и оригинальной атакѣ заканчивается лѣтопись перваго мѣсяца нашихъ военныхъ дѣйствій. Попытаемся

---

*) «Только волею Всемогущаго Провидѣнія—говоритъ лейтенантъ Дубасовъ въ своемъ донесеніи — могу я себѣ объяснить тотъ фактъ, что мы вышли невредимыми изъ того неистоваго огня, который турки въ поспѣшности ли, въ испугѣ ли открыли по насъ и поддерживали, по крайней мѣрѣ, двадцать минутъ».

же теперь сдѣлать общій выводъ изъ фактовъ этого періода времени:

1) Черезъ 12 часовъ по объявленіи войны, кавалерія наша уже захватываетъ одинъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, сдѣлавъ для этого болѣе ста верстъ и не имѣя при томъ ни отсталыхъ, ни заболѣвшихъ людей и лошадей; всѣ лошади пришли съ цѣлыми спинами, и третья часть всадниковъ тотчасъ же, безъ отдыха, отправилась на трудную сторожевую и разъѣздную службу. Таковой результатъ нашего казачьяго *«набѣга»*, можно сказать не хвалясь,—стоитъ любаго американскаго «рэйда», которые получили въ военномъ мірѣ такую почетную извѣстность въ войну за освобожденіе негровъ.

2) Пѣхота наша въ тотъ же день проходитъ 70 верстъ и занимаетъ Рени и Галацъ — два пункта первостепенной важности, а особенно послѣдній. Этотъ истинно суворовскій переходъ даетъ намъ возможность убѣдиться, что наши молодыя войска воспитательною подготовкою мирнаго времени отлично пріучены къ перенесенію тяжкихъ трудовъ военнаго похода.

3) О нравственномъ значеніи рѣшимости двухъ легкихъ полевыхъ орудій, не задумываясь, дѣйствовать противъ двухъ броненосцевъ, мы уже высказались раньше. Но здѣсь слѣдуетъ теперь обратить полное вниманіе на степень подготовки и знаніе дѣла нашихъ, опять-таки молодыхъ, артиллеристовъ. Легкія орудія въ нѣсколько выстрѣловъ сбиваютъ у одного монитора трубу и руль, не говоря уже о потерѣ людьми, у другаго же пробиваютъ и зажигаютъ палубу; а въ дѣлѣ 29-го апрѣля два мѣткіе выстрѣла сразу пускаютъ ко дну броненосецъ, потеря котораго выражается не однимъ милліономъ рублей не только для турокъ, но и для англичанъ, у которыхъ всѣ турецкія броненосныя суда, какъ извѣстно, находятся въ залогѣ. Значительно было нравственное воздѣйствіе на жителей Браилова уже и того факта, что наши легкія орудія, нанеся уронъ броненосцамъ, заставили ихъ ретироваться; но что сказать о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ не только на браиловцевъ, но и на всю Румынію, взрывъ «Лютфи-Джелиля»! Двѣ недѣли назадъ, когда войска наши только что вступали въ это княжество, здѣсь не было увѣренности: боялись и Европы (т. е. австрійцевъ), боялись и перехода

турокъ черезъ Дунай; но эти удачныя дѣйствія внушили нашимъ сосѣдямъ, а нынѣ хозяевамъ, нравственное довѣріе къ нашей силѣ и умѣнью.

4) Минныя загражденія главнаго русла Нижняго Дуная и Мачинскаго рукава, а также и всѣ инженерныя работы по возведенію прибрежныхъ укрѣпленій вполнѣ окончены нами въ десятидневный срокъ, на пространствѣ отъ Рени до Браилова, и такимъ образомъ переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай, если бы обстоятельства указали необходимость ея именно на этомъ пространствѣ, совершенно уже была обезпечена для насъ сверху и снизу теченія рѣки отъ всякихъ покушеній противника, коль скоро онъ не пожелаетъ безполезно взлетѣть на воздухъ, наткнувшись на первую же подводную мину. При этихъ спеціальныхъ работахъ, какъ саперы, такъ и моряки съ гальванерами, показали себя вполнѣ достойными своего почтеннаго назначенія.

5) Четыре шлюпки рѣчной флотиліи рѣшаются напасть на бóльшой мониторъ, стоящій въ ближайшемъ сосѣдствѣ другихъ военныхъ судовъ, и двѣ изъ нихъ въ нѣсколько минутъ пускаютъ его ко дну. Обстоятельство это, не говоря уже о почти невѣроятной, геройской рѣшимости исполнителей-моряковъ, само по себѣ на столько важно, что заставляетъ призадуматься о степени полезности дорого стоющихъ броненосцевъ. Въ европейской печати уже высказываются сомнѣнія стóитъ ли убивать на сооруженіе ихъ цѣлые милліоны, если достаточно одной смѣлой шлюпки, чтобы все это богатство въ минуту пустить ко дну!

И такъ, вотъ каковы результаты перваго мѣсяца нашей дунайской кампаніи.

XXVII

Военная жизнь въ Плоештахъ

Ожиданія прибытія Государя Императора къ арміи. — Распредѣленіе квартиръ и помѣщеній. — Обѣденный столъ у Главнокомандующаго. — Походная церковь. — Иностранные военные агенты. — Русскій гарнизонъ въ Плоештахъ. — Смотры проходящихъ войскъ и состояніе послѣднихъ послѣ похода. — Офицеры будущихъ болгарскихъ конныхъ сотень. — Повседневная жизнь русскихъ въ Плоештахъ. — Произвольные денежные курсы. — Обсчитываніе офицеровъ и солдатъ. — Еврейская эксплуатація. — Опять шпіоны. — Желѣзно-дорожныя несчастія и «случаи». — Общественная и уличная жизнь въ Плоештахъ. — Садикъ «Молдавія». — Цыганская музыка. — Румынское общество. — Тымыдуирскій «старецъ» Геласій. — Типъ «цивилизованнаго» румына.

Плоешты, 25-го мая.

Самое крупное событіе, которымъ занята теперь армія, отъ высшихъ до низшихъ чиновъ, это — предстоящій пріѣздъ Государя Императора въ Плоешты. Уже около десятыхъ чиселъ мая стали у насъ поговаривать, что Государь пріѣдетъ въ непродолжительномъ времени и что съ Его Величествомъ прибудутъ къ намъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе Князья Владиміръ и Сергій Александровичи. И дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени слухи и разговоры стали постепенно переходить въ область совершающагося факта. По городу закипѣла спѣшная работа: онъ мостился, чистился, охорашивался въ своей пестрой, полуевропейской, полуазіятской, но вообще довольно миловидной и оригинальной наружности; румынскіе коммисары цѣлыми днями рыскали по городу и разъѣзжали въ «биржахъ», т. е. въ фаэтонахъ, вмѣстѣ съ чинами комендантскаго управленія, отводя квартиры для ожидаемыхъ гостей. Великій Князь Главнокомандующій лично выбралъ и осмотрѣлъ въ подробностяхъ помѣщенія для Его Величества, для Наслѣдника Цесаревича и прочихъ лицъ Царствующаго Дома. Для квартиры Его Величества избранъ домъ г. Николеско, состоящій изъ семи комнатъ, изъ которыхъ только пять предназначаются для личнаго помѣщенія Государя. Наслѣдникъ Цесаревичъ будетъ квартировать въ сосѣднемъ домѣ. Министры Двора и военный съ государственнымъ канцлеромъ размѣстятся въ ближайшихъ домахъ. Помѣщенія наняты срокомъ на шесть мѣсяцевъ, и за квартиру

для Государя Императора уплачено 12,000 австрійскихъ гульденовъ. Комнаты этой квартиры отдѣлываются заново, просто, но изящно, подъ руководствомъ румынскаго правительственнаго коммисара. Для верховыхъ, экипажныхъ и конвойныхъ лошадей строятся три громадные барака на 250 стойлъ, а для экипажей приготовлено отдѣльно пять просторныхъ сараевъ. Мѣстные домовладѣльцы уже заранѣе запасаются декоративными украшеніями, а въ правительственныхъ зданіяхъ приступаютъ къ уборкѣ наружныхъ фасадовъ флагами и гирляндами. Дня два спустя послѣ выбора помѣщеній для Высочайшихъ Особъ, стали понемногу подъѣзжать въ Плоешты и лица Императорской квартиры,—такъ, пріѣхали: генералъ-адъютантъ князь Витгенштейнъ, нѣсколько генераловъ свиты и флигель-адъютантовъ, а 21-го мая прибыли Великій Князь Владиміръ Александровичъ и герцоги Лейхтенбергскіе — Николай и Сергій Максимиліановичи. Къ 21-му же числу перебрался, наконецъ, изъ Кишинева и штабъ дѣйствующей арміи въ полномъ своемъ составѣ; предпослѣдними прибыли военная инспекція госпиталей и полевое медицинское управленіе, а послѣднимъ—главное полевое казначейство. Появился и новый комендантъ главной квартиры, генералъ-маіоръ Штейнъ, бывшій начальникъ учебнаго эскадрона, назначенный нынѣ вмѣсто генерала Воейкова, который получилъ назначеніе въ Москву, — и съ прибытіемъ новаго коменданта, дѣятельность по приготовленіямъ къ пріему Его Величества и по отводу квартиръ закипѣла еще энергичнѣе. Впрочемъ, большинство жителей довольно охотно уступали свои помѣщенія, такъ что нашлось мѣсто и удобство всѣмъ — и лицамъ Императорской квартиры, и многочисленнымъ служащимъ въ штабѣ, его отдѣлахъ и управленіяхъ дѣйствующей арміи. Походная канцелярія Его Величества помѣстилась въ обширномъ зданіи городской префектуры, гдѣ въ одной изъ залъ открытъ теперь гофмаршальскій столъ для Императорской свиты, а лица главной квартиры Главнокомандующаго и полеваго штаба имѣютъ столъ у Его Высочества. Такъ какъ домъ, занимаемый Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, весьма не великъ, а между тѣмъ къ завтраку и обѣду ежедневно сходятся до ста человѣкъ, то походнымъ гофмаршаломъ Его Высочества, генералъ-маіоромъ Галломъ, было пріи-

искано соотвѣтственное помѣщеніе въ обширномъ зданіи мужской гимназіи, находящейся не болѣе какъ въ полутораста шагахъ отъ квартиры Великаго Князя. Здѣсь, къ 11-ти часамъ дня, сходятся во дворѣ весь штабъ, иностранные военные агенты и особо приглашенныя лица, поджидая Главнокомандующаго, который приходитъ всегда въ сопровожденіи начальника штаба; за тѣмъ всѣ тотчасъ же, за Его Высочествомъ, направляются наверхъ, въ обширную актовую залу, къ закускѣ и завтраку, а къ часу всѣ уже расходятся къ своимъ занятіямъ, и вновь собираются на томъ же дворѣ къ шести часамъ по полудни, къ обѣду. Гимназическое начальство изукрасило эту залу гирляндами и вѣнками изъ еловыхъ вѣтвей, вензелемъ Его Высочества и флагами съ надписями на румынскомъ языкѣ. Въ длину всей комнаты стоитъ довольно узкій, длинный столъ, составленный изъ складныхъ походныхъ столовъ и сервированный въ высшей степени чисто, но совершенно просто. Здѣсь, вмѣсто фарфора и хрусталя, употребляются металлическая посуда и толстое, небьющееся стекло, а вмѣсто стульевъ, вдоль стола протянуты простыя тесовыя скамейки; завтракъ состоитъ изъ двухъ, а обѣдъ изъ четырехъ простыхъ, но сытныхъ и вкусныхъ блюдъ, для питья же служитъ красное вино и пиво. Вообще, здѣсь все по походному; такъ называемыхъ «разносоловъ» и кулинарныхъ или гастрономическихъ тонкостей нѣтъ никакихъ—было бы сытно да вкусно! Прислуживаютъ за столомъ личные камердинеры Его Высочества и нѣсколько военныхъ деньщиковъ. Иностранные военные агенты съ большою похвалою отзываются объ этомъ отсутствіи всякой роскоши, объ этой чисто военной, походной обстановкѣ, и называютъ ее спартанскою. Единственная роскошь, допущенная сюда, заключается въ музыкѣ, которая играетъ во время обѣда. Теперь играетъ хоръ 5-го сапернаго батальона, а до его прибытія приглашаема была мѣстная цыганская музыка — небольшой оркестрикъ, составленный изъ очень оригинальныхъ инструментовъ, между которыми преобладаютъ однако струнные: скрипки, контръ-бассъ, цимбалы, торбанъ и гитара, а изъ духовыхъ — *«най»*, особаго устройства флейта о 24-хъ дудкахъ, очень напоминающая классическій инструментъ бога Пана. Цыгане эти играли и пѣли пьесы преимущественно мѣстнаго, весьма

своеобразнаго характера, и за исполненіе ихъ нерѣдко удостоивались дружныхъ рукоплесканій, по почину Великаго Князя.

Во время завтраковъ и въ особенности обѣдовъ, вокругъ рѣшотки собирается толпа горожанъ, охочихъ поглазѣть на русскихъ и послушать музыку; эта толпа стала замѣтно увеличиваться съ тѣхъ поръ, какъ началъ играть прекрасный хоръ 5-го сапернаго батальона. Сюда же обыкновенно къ завтраку и обѣду доставляются съ почты частныя письма и газеты, адресованныя лицамъ главной квартиры; здѣсь главный пунктъ общихъ свиданій, источникъ военныхъ, политическихъ и вообще всякихъ новостей *).

На этихъ дняхъ, въ оградѣ, окружающей дворъ гимназическаго зданія, раскинулся шатеръ походной церкви Его Высочества, гдѣ по субботамъ и воскресеньямъ, а также и въ праздники совершается священнослужителями главной квартиры божественная служба. Шатеръ этотъ не великъ, и потому молящіеся присутствуютъ предъ нимъ, на открытомъ воздухѣ.

Изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ при главной квартирѣ находятся въ настоящее время: одинъ французскій, трое германскихъ, двое австрійскихъ, одинъ шведскій и одинъ датскій. Итальянскій военный агентъ умеръ еще зимою, въ Кишиневѣ, и съ тѣхъ поръ никѣмъ пока не замѣненъ; англійскіе же агенты блещутъ своимъ отсутствіемъ; за то ихъ много, какъ говорятъ, въ лагеряхъ нашихъ противниковъ. Оно и лучше, пожалуй...

Собственно въ Плоештахъ войскъ весьма немного, а недавно было и еще меньше. Теперь у насъ находятся: дивизьонъ Собственнаго Его Величества конвоя, т. е. кубанскій и терскій эскадроны, шесть болгарскихъ пѣшихъ дружинъ, стоя-

---

*) Къ числу особенностей этихъ завтраковъ и обѣдовъ надо отнести одинъ обычай, издавна впрочемъ установленный у себя Его Высочествомъ. Великій Князь хотя самъ и не куритъ, но, снисходя къ этой столь распространенной человѣческой слабости, разрѣшаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ курить въ своемъ присутствіи. Съ этою цѣлью, обыкновенно, въ концѣ каждаго завтрака и обѣда, раздается вдругъ звучная команда Его Высочества: «вынимай патронъ», но происходитъ это такимъ образомъ, что Великій Князь произноситъ только предварительную команду, т. е. «вынимай па-а...», а всѣ остальные, громко и дружно, какъ одинъ человѣкъ, подхватываютъ исполнительное окончаніе слова *тррронъ!* На новичковъ и иностранцевъ эта неожиданность всегда производитъ эфектъ очень забавный.

щихъ за городомъ, въ особомъ лагерѣ, да одна пѣхотная рота, охраняющая станцію желѣзной дороги. Недавно, впрочемъ, собранъ изъ лучшихъ людей всѣхъ пѣхотныхъ частей дѣйствующей арміи особый батальонъ пяти-ротнаго состава, названный «пѣшимъ конвоемъ Главнокомандующаго» *). Съ 24-го числа стоитъ у насъ бивуакомъ, и тоже за городомъ, сводный лейбъ-гвардіи Казачій полкъ **), а къ 26-му ожидается конвой Императорской квартиры, составленный въ размѣрѣ одной роты, одного сапернаго взвода и одного полуэскадрона отъ всѣхъ, безъ исключенія, войскъ гвардіи, подъ общимъ начальствомъ Преображенскаго полка полковника флигель-адъютанта Озерова. Но за то, почти нѣтъ того дня, чтобы черезъ городъ не проходили эшелоны войскъ, слѣдующихъ къ своимъ оконечнымъ пунктамъ на Дунаѣ. Войска эти проходятъ всегда въ походномъ порядкѣ, съ музыкой и пѣснями, мимо дома Главнокомандующаго, при чемъ Его Высочество обыкновенно смотритъ ихъ съ балкона, и каждую роту, каждую батарею и сотню встрѣчаетъ особымъ привѣтствіемъ, на которое люди отвѣчаютъ бойко и весело и затѣмъ сразу же подхватываютъ дружное «ура». Обыкновенно, въ нашихъ войскахъ водится такъ, что когда часть идетъ съ пѣснями, то пѣсенники вызываются впередъ; теперь же въ нѣкоторыхъ полкахъ обычай этотъ измѣненъ и, пожалуй, что къ лучшему: пѣсенники остаются каждый на своемъ мѣстѣ, гдѣ ему положено быть въ строю, и такимъ образомъ на походѣ, подлаживаясь къ нимъ, поетъ почти вся рота, что для нея значительно облегчаетъ шагъ, доставляетъ болѣе развлеченія и незамѣтно сокращаетъ трудные часы перехода. А трудовъ за

---

*) Сформированъ по приказу Главнокомандующаго отъ 8-го мая 1877 г. за № 66, и врученъ въ командованіе числящемуся по армейской пѣхотѣ полковнику Ключареву.

**) Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, лейбъ-гвардіи сводный Казачій полкъ назначенъ въ конвой Главнокомандующаго, взамѣнъ дотолѣ находившихся при Его Высочествѣ л.-гв. кубанскаго и терскаго эскадроновъ Собственнаго Его Величества Конвоя, которые, съ прибытіемъ Государя Императора въ Плоешты, поступили въ вѣдѣніе командующаго Императорскою главною квартирою (приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 28-го мая 1877 г. за № 82). Впослѣдствіи эскадроны Атаманскаго полка выдѣлены были въ составъ рущукскаго отряда и состояли при главной квартирѣ Государя Наслѣдника Цесаревича, нерѣдко неся въ то же время и чисто боевыя обязанности.

это время, дѣйствительно, не мало-таки пришлось перенести нашимъ, никогда впрочемъ неунывающимъ, солдатамъ!... Безконечные дожди, лишь нѣсколько дней смѣнившіеся едва выносимою жарою, до такой степени перепортили дороги, что не только лошади, но и волы отказывались везти наши походныя тяжести, а солдатики между тѣмъ шли себѣ да шли, въ грязи по колѣно, не просыхая по нѣсколько сутокъ отъ несносныхъ дождей, ночуя на мокрыхъ бивуакахъ, починяя мосты, разрушенные и снесенные чрезвычайными въ нынѣшнемъ году весенними разливами, а то и просто путешествуя въ бродъ черезъ рѣчки, по поясъ въ водѣ, и вытаскивая въ гору изъ невылазной грязи орудія и обозныя повозки на собственныхъ своихъ плечахъ... И при всемъ этомъ, говоря относительно, видъ у людей, еще достаточно бодрый, — и какъ мало больныхъ, принимая въ соображеніе всѣ жданныя и нежданныя невзгоды одного изъ труднѣйшихъ походовъ!.. И не смотря на всѣ невзгоды, почти всѣ части передовыхъ войскъ къ назначенному сроку были уже на оконечныхъ пунктахъ. Проходящія войска обыкновенно имѣютъ въ Плоештахъ дневку и стоятъ бивуакомъ на однажды избранномъ для нихъ полѣ, за желѣзно-дорожною станціею.

Недѣли двѣ назадъ, прибыли сюда гвардейскіе кавалерійскіе офицеры, штабсъ-ротмистерскаго и ротмистерскаго чиновъ, для составленія кадра болгарскихъ конныхъ сотень, формированіе которыхъ поручено флигель-адъютанту полковнику графу Штакельбергу, бывшему офицеру лейбъ-гвардіи Уланскаго полка *).

Что касается нашего повседневнаго обихода въ Плоештахъ и вообще въ Румыніи, то прежде всего было бы очень желательно, чтобы здѣсь поменьше обирали въ лавкахъ нашего брата-офицера, а на базарѣ — солдата, и чтобы установился на русскія деньги хоть какой-нибудь сносный курсъ, вмѣсто нынѣшняго, совершенно произвольнаго и фантастическаго. Наши полуимперіалы, которые мы покупали у евреевъ-мѣнялъ въ Кишиневѣ по 7 рублей 70 копѣекъ, здѣсь вдругъ ходятъ даже ниже своей номинальной стоимости (5 руб. 15 копѣекъ).

---

*) Формированіе этихъ сотень въ то время было отложено, и вызванные для нихъ офицеры зачислены въ штабъ болгарскаго ополченія.

Тутъ, при расплатахъ за кушанье и покупки, считаютъ нашъ золотой, вмѣсто 20-ти франковъ 60-ти сантимовъ (какъ слѣдовало бы), иногда за 20 фр. 40 сан., иногда 20 фр. 10, 15, сант., а иногда и просто 20 франковъ. Начинаешь протестовать, стараешься и такъ и сякъ объясниться — увы! все тщетныя усилія!.. Въ отвѣтъ только вѣжливо плечами пожимаютъ, вѣчно приговаривая свое «нушти» (не знаю, не понимаю). И платишь по неволѣ, но въ особенности жутко приходится иной разъ бѣдному солдату, у котораго нашу кредитку принимаютъ по произвольному курсу, считая рубль за 2 франка 40 или 35 сантимовъ, а отъ размѣннаго мелкаго серебра и вовсе отказываются: подавай имъ банковое, 84-й пробы! Во всемъ этомъ отличаются на столько же румыны, на сколько и евреи, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается значительная часть румынской торговли и промышленности. Евреямъ же должны мы быть обязаны и тѣмъ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ продукты первой жизненной необходимости, какое проявилось здѣсь вскорѣ по переходѣ нашихъ войскъ чрезъ румынскую границу. Впрочемъ, послѣднее, какъ утверждаютъ люди свѣдущіе, произошло по предварительному (конечно, не гласному) соглашенію мѣстныхъ крупныхъ евреевъ и административныхъ чиновниковъ съ еврейскими агентами и уполномоченными пресловутой компаніи Грегеръ, Горвицъ и Коганъ. По замѣчанію одного, не лишеннаго остроумія человѣка, мы теперь присутствуемъ здѣсь при весьма замѣчательномъ явленіи: въ прежніе времена, говоритъ онъ, когда какая-нибудь наполеоновская grande armée вступала въ дружественную страну и начинала ее грабить — это никого не удивляло, это почиталось вполнѣ естественнымъ и чуть ли даже не легальнымъ дѣломъ; теперь же, благодаря всемогущимъ «нашимъ и вашимъ» евреямъ, не армія грабитъ страну, а страна грабитъ армію. Это, конечно, хорошо, что наша армія гнушается прежними «цивилизованными» способами «реквизицій» разныхъ grandes armées; это дѣлаетъ ей величайшую честь и показываетъ высокій уровень ея дисциплины и нравственнаго развитія; но слѣдуетъ ли изъ этого, что, благодаря именно таковымъ качествамъ нашей арміи, ее можно обирать по совершенному произволу того или другаго эксплуататора-еврея. Эти мелкіе агенты пресловутаго «товарищества по продовольствію» не до-

вольствуются крупнымъ дождемъ серебряныхъ рублей и полуимперіаловъ, ежедневно перепадающихъ въ ихъ укладистые карманы, но съ истинно жидовскою алчностью выгадываютъ въ свою пользу каждый мѣдный грошъ, если имъ можно попользоваться на счетъ залишняго труда безотвѣтнаго казака и солдата. Такъ, напримѣръ, казаки, разбитые на мелкія команды для дозорной службы по линіи желѣзной дороги, принуждены почти ежедневно ѣздить за двадцатъ — за тридцатъ верстъ за фуражемъ въ склады «товарищества», потому что агенты не находятъ для себя выгоднымъ снабжать сѣномъ подорожные пункты, если на послѣднихъ не стоитъ по крайней мѣрѣ полусотня; такимъ образомъ, казакъ, послѣ утомительной службы въ разъѣздѣ, гдѣ ему приходится сдѣлать въ оба конца по наименьшей мѣрѣ 25 верстъ, долженъ на своей измученной лошаденкѣ махать еще отъ 40 до 60 верстъ, въ оба же конца, за сѣномъ. Казаки очень ропщутъ на такіе порядки и нѣкоторые изъ нихъ уже прирѣзали своихъ лошадей, единственно по причинѣ недостатка въ кормѣ. Впрочемъ, и съ ближайшихъ къ складамъ постовъ, люди принуждены еждневно ходить за три—за пять верстъ въ эти склады и таскать оттуда на собственныхъ спинахъ тюки сѣна, потому только, что «агентамъ» не выгодно переплачивать подводчикамъ лишнія 10 бани за доставку потребнаго количества фуража, вмѣсто склада, непосредственно къ самому посту. Нечего говорить, на сколько такія прогулки отнимаютъ у людей лишняго времени изъ часовъ ихъ отдыха.

Евреи, какъ извѣстно, мастера на всѣ руки, и всегда готовы служить «и нашимъ, и вашимъ», лишь бы въ этой службѣ представлялась возможность выгоднаго «гешефта». Еврей и фуражъ поставлять будетъ, а иногда и шпіономъ послужитъ. А кстати о шпіонахъ. Этихъ господъ тутъ теперь не мало, и не только турецкихъ, но и иныхъ, и не только изъ евреевъ, но и изъ христіанскихъ націй. Есть между ними и мадьяры, и поляки. Въ Плоештахъ уже попалось ихъ нѣсколько человѣкъ, а на этихъ дняхъ поймали даже одного гуся, украшающаго себя разными орденами, и прибывшаго сюда въ качествѣ якобы корреспондента. Впрочемъ, о немъ было здѣсь извѣстно уже заранѣе, и фотографическая его карточка находилась въ комендантскомъ управленіи. Онъ между

тѣмъ пріѣхалъ въ Плоешты хлопотать о допущеніи его въ армію, какъ корреспондента одной изъ жидовскихъ газетъ, и съ этою цѣлью проникъ въ кабинетъ начальника штаба, гдѣ, какъ говорятъ, и былъ благополучно арестованъ. Всѣхъ этихъ господъ не задерживаютъ надолго въ Плоештахъ, а отправляютъ въ Кишиневъ, для заслуженныхъ послѣдствій ихъ профессіи *). Но есть между ними и очень ловкіе. Такъ, напримѣръ, намъ передавали два врача, вполнѣ заслуживающіе довѣрія, что во время ихъ пути по желѣзной дорогѣ изъ Кишинева въ Плоешты, на одной изъ станцій за Яссами невольно обратила на себя вниманіе одна личность, которая занималась тѣмъ, что на каждой станціи, выглянувъ въ окно и выждавъ пока подойдетъ какой-то человѣкъ (на каждой станціи особый), выбрасывала ему изъ окна какую-то бумажку, получая взамѣнъ таковую же отъ неизвѣстнаго. По указанію нашихъ офицеровъ и докторовъ, этого господина попросили наконецъ на станціи Преваль для объясненія къ коменданту; но неизвѣстный господинъ былъ столь ловокъ, что ухитрился какимъ-то способомъ исчезнуть въ самую критическую для него минуту. Вещи его остались въ вагонѣ. Офицеры и доктора продолжали дальнѣйшій путь, и представьте себѣ ихъ изумленіе, когда, по пріѣздѣ въ Галацъ, та же самая личность вдругъ опять появилась въ вагонѣ, быстро схватила свой чемоданчикъ, и еще быстрѣе выскользнула въ дверцу. Послали казаковъ разыскивать, но того и слѣдъ простылъ. Вообще, намъ передавали нѣсколько офицеровъ, что на многихъ изъ поѣздовъ замѣчалось ими присутствіе какихъ-то подозрительныхъ личностей: войдетъ себѣ незамѣтно въ вагонъ на какой-нибудь изъ станцій, проѣдетъ часъ, другой, и вдругъ выскочитъ изъ дверцы въ сторону, противоположную бангофу и быстро скроется. Впрочемъ, подобнаго сорта шпіоны намъ не опасны. И въ самомъ дѣлѣ, что такое могли бы они донести туркамъ? О стратегическихъ задачахъ и предположеніяхъ изъ устъ офицеровъ никакой шпіонъ не могъ бы услышать ровно ничего, такъ какъ стратегическіе планы, сосре-

*) Впрочемъ, на сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ захваченныхъ шпіоновъ, за все время войны, не былъ у насъ наказанъ смертью; всѣ они препровождались въ тылъ, въ Кишиневъ, а оттуда въ разные города, подъ военный полицейскій надзоръ, до окончанія кампаніи.

доточиваясь въ исключительномъ вѣдѣніи начальника штаба и его помощника, генералъ-маіора Левицкаго, составляютъ глубокую и непроницаемую тайну даже и для большинства весьма высоко стоящихъ лицъ арміи и штаба, а еслибы и услыхали что̀-либо, то это было бы нѣчто, не имѣющее ровно никакихъ отношеній къ дѣйствительности; затѣмъ остается развѣ сообщать о томъ, что русскіе стягиваютъ къ Дунаю весьма значительныя силы, занимающія на большомъ протяженіи весь лѣвый берегъ, но это̀ турки и безъ того очень хорошо сами видятъ и знаютъ; или о томъ, что какъ дисциплина и порядокъ, такъ и санитарное состояніе, и духъ войскъ, и ихъ пламенное желаніе скорѣе сразиться съ врагомъ, не оставляютъ для Россіи желать ничего лучшаго; но это все свѣдѣнія не особенно утѣшительныя для нашего противника, и пускай себѣ сообщаютъ ихъ ему на здоровье, сколько угодно! Мы отъ этого не будемъ въ потерѣ.

Гораздо прискорбнѣе разныя желѣзно-дорожныя обстоятельства. Такъ, напримѣръ, въ военно-транспортномъ движеніи происходятъ постоянныя задержки; въ теченіи нѣсколькихъ дней провалились три моста, изъ которыхъ одинъ, у Слатины, обрушился подъ пустымъ обратнымъ поѣздомъ, а 6-го мая, днемъ, не доѣзжая Слатины, произошло столкновеніе поѣздовъ, причемъ убитъ одинъ и ранено семь гусаровъ Кіевскаго полка. Великій Князь начинаетъ, наконецъ, подозрѣвать во всемъ этомъ злоумышленныя дѣйствія и приказалъ произвести строжайшее слѣдствіе по послѣднему якобы несчастному «случаю». Предполагать злые умыслы весьма возможно, такъ какъ желѣзно-дорожная служба въ Румыніи переполнена венгерцами и бѣглыми поляками. 3-го мая, на желѣзномъ пути между Браило̀вымъ и Бузео, произошелъ еще одинъ «случай»: около четырехъ часовъ утра, фейерверкеръ одной изъ 9-тифунтовыхъ батарей 31-й артиллерійской бригады, слѣдовавшей на поѣздѣ, замѣтилъ, что на платформѣ, нагруженной артиллерійскимъ обозомъ, горитъ одинъ изъ зарядныхъ ящиковъ, наполненный боевыми снарядами; на сосѣдней же платформѣ были сложены чиненые снаряды осадной артиллеріи. Перескочивъ изъ вагона на платформу, фейерверкеръ принялся тушить пожаръ, но убѣдясь, что единоличными усиліями ничего не подѣлаешь, о̀нъ на полномъ ходу поѣзда перелѣзъ по

наружнымъ вагоннымъ приступкамъ въ купе́, гдѣ находились слѣдовавшіе съ батареею офицеры. Доложивъ о грозящей бѣдѣ, онъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ офицеровъ и еще съ другимъ фейерверкеромъ, пробрался опять на платформу къ горящему ящику. Здѣсь, втроемъ, они принялись тушить пожаръ, накидывая на огонь принесенныя съ собою пальто и одѣяла. Огонь ослабѣлъ, но не прекратился, такъ какъ сильное движеніе воздуха отъ полнаго хода локомотива постоянно его поддерживало. Къ счастью, вспомнили, что у капитана поставленъ самоваръ, фейерверкеръ отправился за нимъ въ офицерскій вагонъ и, съ ежеминутнымъ рискомъ слетѣть съ приступки отъ малѣйшаго неосторожнаго шага или случайнаго вагоннаго толчка, притащилъ кипящій самоваръ на платформу; тогда стали заливать огонь кипяткомъ изъ крана, тотчасъ же покрывая заливаемыя мѣста одѣялами и платьемъ. Самоваръ былъ не великъ, и потому слѣдовало разсчитать такъ, чтобы воды хватило на всю горящую площадь ящика. Къ счастью, это удалось, и поѣздъ былъ спасенъ отъ неминуемаго взрыва. Ящичная стѣнка не догорѣла до гранатъ только на ½ дюйма. Слѣдуетъ замѣтить, что не смотря на сигналы и крики, машинистъ не остановилъ локомотива, отговорившись потомъ, что ничего не видѣлъ и не слышалъ. Румынскіе желѣзнодорожники сваливаютъ пожаръ на искру; можетъ быть оно и такъ, но странно, что ящикъ загорѣлся не сверху, какъ естественнѣе всего было бы загорѣться отъ случайной искры, если уже допустить такую возможность, а съ исподу, куда искрѣ довольно мудрено залетѣть, но еще мудренѣе — не потухнувъ, продержаться на столько, чтобы успѣть зажечь толстыя, окрашенныя доски. Дѣло это предано «волѣ Божіей».

Общественная, или точнѣе сказать — уличная жизнь въ Плоештахъ довольно развита. Городокъ, благодаря множеству садовъ и огороженныхъ пустырей, широко разметался по открытой равнинѣ, которая къ сѣверу, въ 87-ми километрахъ отъ Плоештовъ упирается въ Карпатскія горы, блистающія въ ясные дни своими снѣжными вершинами, очень хорошо видными изъ Плоештовъ. Городокъ производитъ какое-то смѣшанное — полуевропейское, полуазіятское впечатлѣніе; впрочемъ въ центральной его части сосредоточено нѣсколько небольшихъ домовъ очень изящной архитектуры. Лучшіе изъ этихъ домовъ тѣ,

которые не носятъ промышленнаго характера, а приспособлены къ удобному житью для одного семейства. При такихъ домикахъ всегда находится небольшой, но тѣнистый садикъ и нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ, украшенныхъ зеркальными шарами изъ разноцвѣтнаго стекла. Эти шары, насаженные на тычины, повидимому, предпочитаются здѣсь всякимъ другимъ украшеніямъ, и румыны во множествѣ натыкàютъ ихъ въ свои клумбы. Но истинную прелесть изящныхъ домиковъ составляютъ ихъ крылечки, уставленныя душистыми цвѣтами, обвитыя ползучими розами, виноградомъ и иными вьющимися растеніями. Здѣсь, въ теченіи всего лѣта, проводятъ время обитатели и преимущественно обитательницы этихъ домиковъ; здѣсь онѣ принимаютъ визиты, пьютъ кофе, ѣдятъ «дульчàцы» (сласти), курятъ верченныя папироски, иногда занимаются рукодѣльемъ, но большею частію круглымъ бездѣльемъ. Для многихъ изъ насъ кажется просто удивительною эта способность румынскихъ дамъ не вставая сидѣть по нѣсколько часовъ сряду у раскрытаго окна, на крыльцѣ или на балконѣ, лѣниво глазѣть на улицу, на проходящихъ и ровнехонько-таки ничего не дѣлать — ни шить, ни вязать, ни читать; но не менѣе поразительна — по крайней мѣрѣ, на нашъ непривычный глазъ — и эта чрезвычайная, такъ сказать, откровенность и легкость ихъ костюма, который приличнѣе всего можно назвать спальнымъ déshabillé: бѣлая, прошитая кружевомъ кофта, такая же юбка и туфли, надѣтыя не рѣдко на босую ногу — вотъ и весь костюмъ румынской «кукòны» (дамы), въ которомъ она проводитъ свой день на крылечкѣ, въ виду всей публики, ни мало не стѣсняясь такою легкостію. Принаряжаются «кукòны» только къ вечеру, когда онѣ выходятъ изъ дому, вмѣстѣ съ мужьями или знакомыми кавалерами, послушать цыганскую музыку въ публичномъ садикѣ той или другой гостинницы.

На улицахъ, между которыми лучшія «страда де-ля-префектура» и «страда францеза», съ утра до ночи толчется не мало празднаго народа изъ низшихъ сословій, преимущественно предъ гостепріимными и широко раскрытыми дверями разныхъ «кырчумы» (кабачковъ), заражающихъ окрестный воздухъ отвратительно-спиртуознымъ запахомъ ракіи и мастики. Но въ этихъ кучкахъ праздныхъ зѣвакъ нѣтъ того оживленія, ко-

торое, казалось бы, такъ должно быть свойственно южнымъ народамъ; тупо глазѣя на что нибудь, случайно обратившее на себя ихъ вниманіе, они стоятъ на мѣстѣ, словно пришибленные подавляющею апатіей, скукой и лѣнью; иногда только для разнообразія жестоко подерутся между собою и идутъ въ свою излюбленную «кырчуму» запивать мировую, къ чему всегда присоединяется и полицейскій хожалый, являющійся на шумъ, якобы для разбирательства. Юркость уличному движенію сообщаютъ только непосѣдливые, вездѣсущіе жидки, которые снуютъ туда-сюда, вынюхиваютъ, высматриваютъ и назойливо пристаютъ къ русскимъ офицерамъ съ разными предложеніями, въ качествѣ факторовъ, коммиссіонеровъ, штучныхъ продавцовъ, ручныхъ торговцевъ и всевозможныхъ «гешефтс-махеровъ». Здѣсь нѣтъ, какъ у насъ, правительственнаго запрета ни на пейсы, ни на традиціонный еврейскій костюмъ, и потому сыны Израиля зачастую встрѣчаются на улицахъ и базарахъ, такъ сказать, во всей своей неприкосновенности. Однимъ изъ любимѣйшихъ мѣстъ уличнаго сборища является небольшая площадка предъ такъ называемой «Примаріей», гдѣ помѣщается пожарная команда (pompieri). Эту команду почти ежедневно выводятъ на площадку для ученья, но не пожарнаго или гимнастическаго, а для артиллерійскаго, почему каждый разъ выкатываютъ изъ сарая, называемаго «батерія помпіери», двѣ старинныя пушки. При чемъ тутъ пушки и съ какой стати понадобилось для пожарныхъ артиллерійское ученье — ужъ это Богъ вѣсть; но народъ очень любитъ глазѣть, какъ помпіеры, громко выкрикивая и отсчитывая каждый темпъ, обучаются стариннымъ пріемамъ при орудіяхъ. Иногда улицы оживляются также очень своеобразнымъ шествіемъ гражданской гвардіи и резервистовъ на учебный плацъ. Представьте себѣ самый пестрый сбродъ всевозможныхъ «цивильныхъ» костюмовъ, отъ крестьянской рубахи до щегольской жакетки и фрака, сплошь обритыя лица и рядомъ физіономіи, украшенныя всевозможною растительностію, цилиндры, смушковыя шапочки, долгополыя шляпы, очки, пенсне и монокли, пестрыя штаны и жилетки, лакированные сапоги и рядомъ голыя ноги, высокія и низенькія, толстыя и тощія фигуры этихъ гражданъ-воиновъ, кое-какъ поставленныхъ въ ряды, безъ разбора и ранжира, вооруженныхъ тесаками и

ружьями, и преважно шествующихъ по улицамъ, не иначе какъ подъ звуки рожковъ и барабановъ, съ развернутымъ батальоннымъ знаменемъ и пестрыми ротными значками, въ сопровожденіи досужей толпы и прыгающихъ между рядами мальчишекъ. Картина эта если и не воинственна, за то очень оригинальна. Впрочемъ, съ прибытіемъ русскихъ войскъ, какъ слышно, румынскихъ гражданъ обуялъ очень воинственный духъ и потому они весьма охотно стали удѣлять отъ своихъ домашнихъ занятій разъ или два въ недѣлю по часу времени для бранныхъ упражненій на учебномъ плацъ-парадѣ. Въ особенности сдѣлались воинственны разные газетчики, адвокаты, аптекаря и лавочники; что же касается до простыхъ ремесленниковъ, которымъ дорогъ каждый рабочій часъ, и до босоногихъ гражданъ, любящихъ проводить свой день у дверей кабачковъ въ пріятномъ бездѣльи, то воиновъ этихъ двухъ категорій — какъ разсказываютъ здѣсь — приходится загонять на сборный пунктъ, по большей части, съ помощію принудительныхъ мѣръ полицейскаго характера.

Трактирчики и кофейни въ Плоештахъ съ утра и до поздней ночи переполнены мѣстными чиновниками, щеголеватыми офицерами, докторами, адвокатами, депутатами и т. п. — вообще, людомъ средняго сословія, для котораго наивысшій интересъ представляетъ политика и политическое пустословіе. Всѣ они очень любятъ спорить, слушать и передавать всяческія политическія новости и сплетни, созидать самыя курьезныя политическія комбинаціи и планы. Любимѣйшее чтеніе этихъ господъ — или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, что́ понимаютъ по нѣмецки—вѣнская «Neue Freie Presse», почти единственная распространенная здѣсь газета,—другой изъ заграничныхъ не увидишь ни въ одномъ ресторанѣ. Достаточно назвать ее, чтобы не опредѣлять далѣе направленія мыслей, взглядовъ и сочувствій къ намъ ея многочисленныхъ румынскихъ читателей и почитателей. Изъ румынскихъ органовъ печати наиболѣе распространена въ Плоештахъ маленькая газетка «Vestea», форматомъ не болѣе нашего «Гражданина». Печатается она въ Бухарестѣ очень четко, въ три столбца и заключаетъ въ себѣ на четырехъ страничкахъ все что́ угодно въ видѣ газетныхъ выжимковъ, отъ передовой статьи въ двадцать строкъ до фельетона какого-то г. Леандру, и сто́итъ 20 франковъ въ годъ.—

*

цѣна, соотвѣтственно ничтожному объему газетки, далеко не маленькая. У мѣстныхъ болгаръ тоже есть свой органъ «Секидневный Новинаръ», объемомъ и форматомъ не превышающій «Vestea» и служащій интересамъ партіи, преданной Россіи и ратующей за свободу Болгаріи. Въ тѣхъ же кофейняхъ, вмѣстѣ съ политическимъ празднословіемъ, идетъ публично жестокая игра въ кости и въ карты, до которыхъ румыны, судя по здѣшнимъ образцамъ, большіе охотники. Шуллеровъ при этомъ, конечно, пропасть, и все это алчно-пытливыми взглядами окидываетъ русскаго офицера, если тотъ случайно подойдетъ къ игорному столу; но наши пока не поддаются соблазну.

При двухъ-трехъ гостинницахъ здѣсь существуютъ внутренніе садики, съ буфетомъ, эстрадою для цыганъ-музыкантовъ и даже съ маленькою сценой для фарсовъ и шансонетокъ, которыя впрочемъ теперь не исполняются за неимѣніемъ артистокъ. Садики эти очень напоминаютъ варшавскіе «огрудки» съ какой нибудь «Фреты» или «Длугой улицы», да и буфеты-то въ нихъ держатъ преимущественно поляки, и чуть ли не эмигранты; по крайней мѣрѣ, они хорошо объясняются по польски, и это обстоятельство для многихъ изъ нашихъ офицеровъ, стоявшихъ въ Польшѣ и не понимающихъ румынскаго языка, служитъ большимъ подспорьемъ; а не будь здѣсь этихъ бѣглыхъ поляковъ, — плохо пришлось бы не одному голодному желудку. Они очень услужливы и, судя по наружности, никакой вражды къ намъ не питаютъ. Наибольшею популярностію между трактирными садиками пользуется «Молдавія». Здѣсь, подъ сѣнію бѣлыхъ акацій и цвѣтущихъ олеандровъ, за круглыми столиками, при звукахъ цыганскаго оркестра, собирается по вечерамъ чуть ли не все русское офицерство. Посѣщаютъ порою «Молдавію» и лица высоко стоящія въ нашей военной іерархіи. Тутъ же бываетъ много мужчинъ и дамъ мѣстнаго румынскаго общества, которое впрочемъ держится совершенно отдѣльно отъ русскихъ. Нѣкоторые мужчины иногда еще кое-какъ сходятся съ нами и вступаютъ въ разговоры, но дамъ своихъ ревниво оберегаютъ отъ всякаго сближенія съ русскими, тщательно избѣгая приглашать послѣднихъ въ свои семейства. Наши, съ своей стороны, и не навязываются на знакомство, хотя многія румынскія дамы находятъ возмож-

ность въ нему помимо воли и вѣдома своихъ супруговъ. Русское общество проводитъ свободные вечера въ «Молдавіи», разбившись на пріятельскіе кружкй, за кружкою пива или бутылкою мѣстнаго вина. Иностранныхъ винъ въ Плоештахъ, за исключеніемъ поддѣльнаго австрійскаго шампанскаго, почти совсѣмъ не обрѣтается, а если и есть, то такого подозрительнаго качества, что нужна не малая рѣшимость ихъ попробовать. Но мѣстныя вина вообще не дурны, попадаются не рѣдко даже и очень хорошія; изъ среднихъ же сортовъ наиболѣе роспивается «pelin» (полынное),—это виноградное бѣлое вино, нѣсколько горьковатое, вслѣдствіе подмѣси полыни, но довольно пріятное на вкусъ и стоющее недорого: ½ франка полубутылка. Къ сожалѣнію, здѣсь невозможно пить чаю: его окончательно не умѣютъ заваривать, а именно, щепотъ чаю кидаютъ въ кострюльку холодной воды и начинаютъ кипятить на плитѣ, а то и просто ставятъ въ печку, въ результатѣ чего получается мутно-желтоватая бурда неопредѣленнаго вкуса.

Въ «Молдавіи» играетъ небольшой цыганскій оркестръ, подъ управленіемъ нѣкоего Добрики Маринеско, который игралъ и во время обѣдовъ у Великаго Князя. Въ первый же вечеръ, какъ появились здѣсь русскіе, этотъ Добрика, примѣняясь къ мѣстнымъ вкусамъ, сталъ было наигрывать изъ «Анго» и всякую другую оффенбаховскую дребедень, да еще въ добавокъ наигрывать весьма плохо. Нашимъ это не понравилось и они попросили его лучше сыграть что нибудь мѣстное, народное. Цыгане заиграли свою «Садарому», гдѣ въ началѣ чрезвычайно своеобразные тоскливые звуки переходятъ потомъ въ бѣшено-страстный темпъ пляски, съ аккомпаниментомъ соловьиныхъ высвистовъ на 24-хъ-дудочной свирѣли. Нашимъ это очень понравилось, такъ что они собрали между собою до десяти рублей и высыпали свою складчину изъ шапки музыкантамъ. Но такое щедрое поощреніе далеко не понравилось румынской публикѣ, которая не имѣетъ обыкновенія баловать цыганъ какими бы то ни было поощреніями, кромѣ рукоплесканій, и потому на нашихъ офицеровъ посыпались съ разныхъ концовъ ироническіе взгляды и улыбки. Съ того самаго вечера Добрика Маринеско, со своимъ оркестрикомъ, въ угоду русскимъ офицерамъ, сталъ пѣть и играть исключительно румынскія пьесы, между которыми пѣсни народныя носятъ

характеръ рапсодій, а въ романсахъ не рѣдко попадаются очень милые и граціозные мотивы, какъ напримѣръ «Цара Романе́ска» и «Копелйца». Румыны положительно не понимали, что̀ это можетъ нравиться намъ «въ такой дикой, грубой, мужицкой музыкѣ», и въ началѣ не рѣдко случалось такъ, что чуть лишь офицеры потребуютъ «Пѣсню Гайдука» или «Дойну», какъ румыны принимаются кричать «Angôt! Angôt!.. Barbe bleue!.. Belle Hélène»!.. Но впослѣдствіи они примирились съ нами на одной пѣсенкѣ «Postillon», и то потому лишь, что она вѣнскаго происхожденія. Вскорѣ звуки этого «Постильона» до такой степени стали популярны, что отъ нихъ, просто, дѣваться было некуда въ Румыніи.

Среди румынской публики въ той же «Молдавіи» засѣдаетъ не рѣдко и румынское духовенство, между которымъ особенно характеренъ показался мнѣ одинъ молодой священникъ-франтъ; онъ не дуренъ собою и, кажись, не только сознаетъ это̀ самъ, но и другимъ достаточно даетъ чувствовать,—такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по его изысканному костюму: коротенькой шелковой ряскѣ, *гриперловымъ* перчаткамъ, свѣтлымъ прюнелевымъ ботинкамъ, по завитымъ и распомаженнымъ усикамъ, по золотому пенснѐ на нахальномъ носу, по запаху очень сильныхъ духовъ «Chypre», пропитавшихъ всю его̀ особу, и, наконецъ, по фатовато-изломаннымъ манерамъ, которымъ онъ старается придать изящную небрежность свѣтскаго денди. Попикъ этотъ, что̀ называется, баловень дамъ: всегда окруженъ молодыми женщинами, которыя за нимъ ухаживаютъ, а онъ какъ бы снисходительно позволяетъ имъ окружать себя предупредительнымъ вниманіемъ и любезностями.

Впрочемъ, надо сказать, что этотъ служитель алтаря составляетъ довольно выдающееся явленіе между румынскими священниками, которые, при полномъ религіозномъ индиферентизмѣ свѣтскаго общества, не только не пользуются въ немъ какимъ либо авторитетомъ, но держатся, что̀ называется, въ черномъ тѣлѣ. Къ ихъ посредству прибѣгаютъ только за самыми необходимыми гражданско - духовными требами, какъ крестины и похороны, да еще въ тѣхъ случаяхъ, когда надо повѣнчать сомнительно-легальный бракъ или учинить разводъ супруговъ, что̀ здѣсь дѣлается очень легко и быстро, а главное дешево; поэтому въ обществѣ, какъ увѣряютъ люди свѣдущіе, не въ

рѣдкость можно встрѣтить дважды разведенныхъ дамъ, вышедшихъ замужъ въ третій разъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, болтающихъ въ свѣтскихъ гостинныхъ съ обоими своими бывшими мужьями, которые присутствуютъ тутъ же, на лицо, вмѣстѣ съ третьимъ, настоящимъ супругомъ.

Верстахъ въ трехъ отъ Плоештовъ, среди великолѣпной рощи старорослыхъ дубовъ пріютился маленькій монастырекъ Тымыдуирскій — «извѳру Тымыдуйре», какъ называютъ его румыны. Здѣсь находится неистощимый ключъ, прекрасная вода котораго напоминаетъ вкусомъ и прозрачностію нашу невскую. Ключъ бьетъ изъ камня, и къ нему ежедневно стекаются изъ Плоештовъ сотни народа — отдохнуть подъ густолиственной сѣнью рощи, на роскошной муравѣ и отвѣдать воды, которая нѣкоторыми почитается даже цѣлебною. Люди зажиточные присылаютъ сюда осликовъ, навьюченныхъ боченками, и запасаются монастырскою водою на цѣлыя сутки для домашнихъ надобностей. Въ Румыніи, да и вообще на югѣ, при томительной духотѣ и палящемъ солнцѣ, хорошая холодная вода въ большомъ почетѣ и составляетъ предметъ необходимой потребности въ такой мѣрѣ, что особые продавцы разносятъ ее даже по улицамъ и продаютъ на стаканы; такимъ образомъ Тымыдуирскій ключъ въ лѣтніе мѣсяцы служитъ источникомъ дохода для нѣсколькихъ дѣсятковъ бѣдняковъ. Сюда же не рѣдко наѣзжаютъ и люди мѣстнаго свѣтскаго общества устраивать себѣ веселые пикники, а по ихъ примѣру стали ѣздить и наши офицеры, запасаясь обыкновенно какимъ нибудь коммиссіонеромъ, который могъ бы служить переводчикомъ. Въ Тымыдуирѣ есть викарный архимандритъ или «старецъ», какъ ихъ здѣсь называютъ, отецъ Геласій, который знаменитъ чуть ли не на всю Румынію изобрѣтенною имъ «апой», сирѣчь водою. «Апа отца Геласія» извѣстна здѣсь въ каждой аптекѣ и, по словамъ ея изобрѣтателя, «помогаетъ отъ всѣхъ недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ, а наипаче отъ разслабленія желудка». Это чрезвычайно крѣпкій, отлично очищенный спиртъ съ легкимъ ароматическимъ букетомъ, въ родѣ fleur d'orang'a, и отецъ Геласій—веселый, радушный хозяинъ—любитъ имъ немножко поковарствовать надъ своими новыми гостями. «Дульчацы» въ здѣшнемъ гостепріимствѣ—необходимѣйшій элементъ каждаго визита, и потому отецъ Геласій любезно преподноситъ

своимъ гостямъ небольшой стаканъ «апы», смѣшанной съ сахарнымъ порошкомъ—одинъ на всѣхъ, да больше и не требуется. Гости, бесѣдуя чрезъ переводчика съ хозяиномъ, смакуютъ маленькими деревянными ложечками его «дульчацъ», замѣчательный тѣмъ, что крѣпость его при употребленіи вовсе не ощущается,—кажется, будто пробуешь очень пріятный и нѣжный шербетъ, но въ результатѣ незамѣтно опорожненнаго нѣсколькими человѣками стакана—всѣ привезенные съ собою для пикника напитки оказываются совершенно излишними. Гостепріимство свое тымыдуирскій «старецъ» обыкновенно заканчиваетъ тѣмъ, что благословляетъ гостей монастырскимъ хлѣбомъ и даритъ каждому на память по деревянной, обѣденной и чайной ложкѣ, собственной своей, весьма искусной работы. Конечно, его отдариваютъ за это сообща серебрянымъ рублемъ, а иногда и червонцемъ. Отецъ Геласій—67-ми-лѣтній, но еще бодрый старикъ—монахъ совсѣмъ стараго покроя, хорошо помнитъ графа Дибича, которому въ молодости своей однажды былъ лично представленъ, съ увлеченіемъ разсказываетъ о войнѣ 1828 года, гдѣ самъ принималъ участіе волонтеромъ, сохранивъ въ памяти имена и многихъ другихъ нашихъ генераловъ и офицеровъ того времени.

— А что, живъ ли капитанъ Антоновъ, мой большой пріятель? добродушно освѣдомлялся у насъ старецъ:—если живъ, то я полагаю, долженъ быть теперь большимъ генераломъ, потому что онъ былъ большой храбрости капитанъ,—о! весьма большой храбрости!

Очень интересуясь нынѣшнею войною, отецъ Геласій заявляетъ съ видимою искренностію, что молится каждый день о ниспосланіи русскимъ побѣды и прибавляетъ: «пора, пора! давно уже пора вамъ было придти сюда!»

Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ: чуть только попадется въ здѣшнихъ мѣстахъ уцѣлѣвшій осколокъ стараго времени—будетъ ли то отецъ Геласій, или «майка а домнулуй Калуда Димитріу»—сейчасъ предъ тобой встаетъ цѣльный человѣкъ какъ будто совсѣмъ другаго міра, не имѣющій ничего общаго съ нынѣшнимъ «цивилизованнымъ» румыномъ.

Въ нынѣшнихъ «цивилизованныхъ» субъектахъ этой рассы есть нѣчто отталкивающее (не говорю, конечно, о всѣхъ поголовно) и это — именно ихъ безпредѣльное фанфаронство, само-

мнѣніе, самонадѣянность, хвастовство и замѣчательная легкомысленность. Они почитаютъ себя высшею рассой въ человѣчествѣ, прямыми потомками древнихъ римлянъ, преемственными носителями идей европейской цивилизаціи и свободы, много толкуютъ о «миссіи румынъ», о своемъ важномъ международномъ и государственномъ значеніи для равновѣсія Европы—дескать, на чью сторону вѣсовъ будетъ брошенъ румынскій мечъ, тому и достанется побѣда; наши корреспонденты уже передавали знаменитое изрѣченіе одного изъ этихъ «носителей»—«N'ayez pas peur—nous sommes avec vous!» — Послушать этого сорта румынъ, такъ ихъ парламентъ самый образцовый въ мірѣ, ихъ ораторы блещутъ демосѳеновскимъ и цицероновскимъ геніемъ, и къ ихъ заявленіямъ должны прислушиваться, а не рѣдко и соображаться съ ними «кабинеты» и политики всей «цивилизованной Европы», ихъ журналистика «высоко держитъ свое знамя» и играетъ почетную роль даже и за предѣлами Румыніи; но паче всего льститъ имъ увѣренность, что они, будучи «самою древнею» націей Европы, въ то же время и ея самая молодая, самая передовая и либеральная нація, стоящая оплотомъ противъ наплыва варварства. Въ этомъ-то и состоитъ «великая *миссія* румынскаго народа».

Съ 1856 года очи боярской и буржуазной Румыніи отвернулись отъ Востока и всецѣло обратились на Западъ, ища и чая исключительно тамъ своихъ идеаловъ и своего спасенія. При этомъ румынское «интеллигентное» правительство и «либеральный» парламентъ прежде всего постарались изгнать изъ употребленія свою древнюю кириллицу и замѣнить ее латинскимъ алфавитомъ. Сообразно этому началу, пошла радикальная ломка и почти во всѣхъ остальныхъ формахъ и порядкахъ самобытной жизни. Для современнаго «цивилизованнаго» румына, необходимо воспитавшагося на вѣнской Rings-Strasse или на парижскихъ бульварахъ, наивысшій соціальный и нравственный идеалъ, къ которому онъ стремится всею душою и всѣми помыслами, составляетъ Франція—и даже не Франція, а только Парижъ, но не нынѣшній республиканскій, а наполеоновскій, Парижъ второй имперіи, со всѣмъ его режимомъ, со всѣмъ мишурнымъ блескомъ, нарядной внѣшностью и внутренней пустотой и гнилью разврата семейнаго и общественнаго, съ его широкою продажностью—отъ высшихъ сферъ

администраціи до сокровенныхъ сферъ супружескаго алькова включительно,—съ его скаредностью и жадностью, безшабашнымъ стремленіемъ въ быстрой, хотя бы и темной наживѣ, съ легкомысленнымъ, поверхностнымъ отношеніемъ ко всему на свѣтѣ, съ полнымъ индиферентизмомъ къ религіи, къ семейству, къ гражданскимъ обязанностямъ, съ его громкимъ, но пустымъ газетнымъ и парламентскимъ фразерствомъ и грошовымъ «либерализмомъ». Оффенбаховщина и бульварность въ жизни, въ нравахъ, въ модахъ, въ идеяхъ и стремленіяхъ—вотъ полное выраженіе современнаго «цивилизованнаго» румына, который называетъ свой грязненькій полуцыганскій, полужидовскій Бухарестъ не иначе, какъ «маленькимъ Парижемъ» («Notre petit Paris»). Разница между оригиналомъ и копіей является только въ томъ, что оригиналъ, при всемъ его внутреннемъ безобразіи, все-таки казался грандіознымъ, а копія—грязненькая, пошленькая, мизерная... Въ довершеніе этой характеристики необходимо слѣдуетъ прибавить, что при всѣхъ стремленіяхъ къ парижскому идеалу, во внутренней сущности «цивилизованнаго» румына и въ его домашнихъ непоказныхъ порядкахъ остается еще очень много азіатскаго и цыганскаго начала: жизнь подъ турецкимъ владычествомъ оставила-таки въ немъ не мало своихъ существенныхъ слѣдовъ. Отъ наполеоновскаго Парижа онъ перенялъ только его внѣшній шикъ, да и то дурнаго разбора, и всѣ его гнилыя, нездоровыя стороны, утративъ въ то же время все то хорошее, что лежало въ основахъ старосвѣтской, православной жизни его дѣдовъ и прадѣдовъ, и, въ довершеніе всего, окончательно разошелся съ своимъ простымъ сельскимъ народомъ, разучившись понимать его внутренній складъ, поэзію, стремленія и нужды. Что же касается сельскаго народа, то его—слава Богу—еще не коснулись эти язвы; онъ представляетъ собою пока только сырой матеріалъ, изъ котораго могло бы выйдти нѣчто своеобразное и хорошее, но не иначе, какъ при условіяхъ здороваго направленія и развитія мѣстной цивилизаціи.

XXVIII

Пріѣздъ Государя Императора къ арміи

Встрѣча, сдѣланная Его Величеству въ Яссахъ. — Остановка въ Браиловѣ. — Представленіе Государю Императору отличившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ. — Пріѣздъ въ Плоешты. — Встрѣча на станціи. — Адресы отъ города Плоешты и отъ болгаръ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Молдо-Валахіи. — Бѣлый голубь. — Пріемъ Его Величествомъ Князя Румынскаго. — Смотръ конвоя Императорской квартиры.

Плоешты, 26-го мая.

Переѣхавъ русскую границу 24-го мая, въ 9 часовъ вечера, Его Императорское Величество въ 25 минутъ десятаго часа прибылъ въ городъ Яссы, и еще не доѣзжая онаго, былъ уже привѣтствованъ криками народа. При выходѣ изъ вагона, Государь Императоръ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ, съ ясскимъ митрополитомъ во главѣ, при чемъ духовенство запѣло: «Благословенъ грядый во имя Господне», а митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, смыслъ коего заключался въ томъ, что единовѣрная Россіи—земля румынская, испытавшая на себѣ многовѣковое иго турокъ, нынѣ почитаетъ себя счастливою, встрѣчая Русскаго Монарха, идущаго во главѣ своихъ войскъ освобождать изъ-подъ этого ига христіанскіе народы Востока. Послѣ этого было пропѣто Его Величеству многолѣтіе, а представители города поднесли Царственному Гостю хлѣбъ-соль, причемъ ученики ясской гимназіи пропѣли стройнымъ хоромъ на русскомъ языкѣ «Боже Царя храни». Ясскія дамы усыпали цвѣтами путь Его Величества отъ вагона до залы. Всѣ зданія станціи были роскошно иллюминованы.

По румынской дорогѣ Его Величество изволилъ путешествовать въ особомъ, собственномъ поѣздѣ, коего ходовой механизмъ приспособленъ такимъ образомъ, что можетъ совершенно свободно идти по какимъ бы то ни было узко или широко-колейнымъ путямъ. Излишне говорить, что повсюду на пути Своего слѣдованія Русскій Царь былъ встрѣчаемъ самымъ восторженнымъ образомъ русскими войсками и мѣстнымъ населеніемъ.

25-го мая, въ началѣ втораго часа дня, при великолѣпной солнечной погодѣ, Императорскій поѣздъ прибылъ въ Браиловъ. Здѣсь, на изукрашенной станціи, встрѣтили Государя Императора прибывшіе наканунѣ: Его Императорское Высочество Главнокомандующій, Великіе Князья Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ Младшій и Герцоги Лейхтенбергскіе Николай и Сергій Максиміліановичи, начальникъ штаба дѣйствующей арміи, командиръ 11-го армейскаго корпуса, князь Шаховской со штабомъ, браиловское начальство русскихъ войскъ, мѣстныя румынскія власти, городскіе представители, духовенство и громадныя толпы народа. Якутскій пѣхотный полкъ, въ бѣлыхъ гимнастическихъ сорочкахъ и съ бѣлыми чахлами на шапкахъ, былъ выстроенъ, безъ оружія, вдоль станціи, по обѣимъ сторонамъ пути, а далѣе стояли люди 5-й батареи 11-й артиллерійской бригады, тѣ самые, что̀ огнемъ своихъ четырехъ легкихъ пушекъ 21-го апрѣля положили начало нашимъ военнымъ дѣйствіямъ и заставили два турецкіе монитора отступить съ урономъ далеко въ Мачинскій рукавъ. За все царствованіе Государя Императора Якутскій полкъ до сего раза имѣлъ счастіе представляться Его Императорскому Величеству только однажды, въ Крыму, въ 1855 году. Между прочимъ, Его Величеству благоугодно было замѣтить, что Селенгинскому и Якутскому полкамъ—судьба сражаться совмѣстно съ моряками; такимъ образомъ оба они преимущественно дрались въ Севастополѣ, такимъ же образомъ начали и нынѣ дунайскую кампанію. На платформѣ, у входа въ станціонную залу, были выстроены матросы гвардейскаго и черноморскаго экипажей, числомъ около 45-ти человѣкъ, участники взрыва втораго турецкаго монитора, а также и четверо гальванеровъ, работавшихъ на шлюпкахъ, при минномъ загражденіи Мачинскаго рукава. Каждый изъ нихъ былъ украшенъ знакомъ отличія военнаго ордена, а впереди ихъ выстроились офицеры, получившіе награды за подвиги подъ Браиловымъ. Здѣсь стояли георгіевскіе кавалеры, лейтенанты: Дубасовъ и Шестаковъ; кавалеры ордена св. Владиміра 4-й степени съ мечами: румынской службы маіоръ Муржеско и лейтенантъ Петровъ; кавалеры ордена св. Анны 3-й степени съ мечами, мичманы: Персинъ и Баль, генералъ-маіоръ Боресковъ, завѣдывающій минными

работами въ дѣйствующей арміи, капитанъ 1-го ранга Рогуля и адъютантъ Его Высочества Главнокомандующаго, полковникъ Струковъ, получившіе золотое оружіе за храбрость, и другіе.

Государь Императоръ подошелъ къ нимъ съ радостнымъ лицомъ, видимо тронутый изъявленіями того неудержимаго восторга, который проявлялся въ кликахъ войска и народа. Поздоровавшись съ нижними чинами, георгіевскими кавалерами, Его Императорское Величество изволилъ подойти къ награжденнымъ офицерамъ, каждому изъ нихъ по очереди подалъ Свою руку и каждому сказалъ по нѣскольку ласковыхъ, высоко-милостивыхъ словъ, относившихся къ личнымъ заслугамъ сихъ офицеровъ. Эта минута, когда одинъ изъ могущественнѣйшихъ Императоровъ въ мірѣ, въ виду своихъ воиновъ и чужеземныхъ людей, чающихъ отъ Его Державной воли своего освобожденія, протягивалъ Царственную руку отличившимся офицерамъ и благодарилъ ихъ за самоотверженные подвиги—эта прекрасная минута во всей ея простотѣ была исполнена высокой торжественности и глубокаго нравственнаго значенія для настоящаго военнаго времени.

Русскіе люди, живущіе въ Браиловѣ, поднесли Его Императорскому Величеству хлѣбъ-соль, а болгарскія, румынскія и греческія женщины и дѣвицы бросали къ ногамъ Государя цвѣты и букеты.

Черезъ полчаса Императорскій поѣздъ отошелъ отъ Браиловской станціи, при восторженныхъ кликахъ войска и народа.

Въ тотъ же день, 26-го мая, съ шести часовъ вечера, зала и платформа желѣзно-дорожной станціи въ Плоештахъ быстро начали наполняться массою разнородныхъ посѣтителей. Тутъ присутствовали заранѣе прибывшія въ главную квартиру лица Императорской свиты, адъютанты Государя Наслѣдника Цесаревича, Главнокомандующаго и Великаго Князя Владиміра Александровича, полевой штабъ дѣйствующей арміи, генералы и адъютанты, состоящіе при особѣ князя Карла *), префектъ города Плоешты, съ депутаціею

*) Румынскіе министры гг. Братіано и Когальничано встрѣтили Государя Императора въ Яссахъ и проводили до Плоештовъ.

отъ мѣстныхъ жителей и 75 человѣкъ болгарскихъ депутатовъ отъ всѣхъ городовъ Молдо-Валахіи, гдѣ только проживаютъ болгары, съ настоятелемъ бухарестской болгарской церкви и митрополитомъ всего болгарскаго духовенства въ Румыніи, Панаретомъ Рашевымъ, воспитанницы плоештинскаго городскаго училища съ букетами и, наконецъ, въ залѣ —мѣстное духовенство, въ полномъ облаченіи, со крестомъ и св. водою, имѣя во главѣ своей плоештинскаго соборнаго протоіерея Константина Болинтинено, архимандрита келдурошанскаго монастыря «старца» Тимоѳея и архимандрита тымыдуирскаго монастыря «старца» Ювеналія. Тутъ же находились и представители иностранныхъ армій: германской, австрійской, черногорской, сербской, румынской, французской, датской, и шведской. Почетный караулъ, выстроенный вдоль платформы, занимала рота 3-й дружины болгарскаго ополченія. Посреди ея строя развѣвалось красивое знамя, присланное городомъ Самарою въ даръ болгарскому воинству. На лѣвомъ флангѣ стояли ординарцы отъ почетнаго караула: офицеръ, унтеръофицеръ и рядовой—молодецъ-болгаринъ, украшенный сербскою серебряною медалью «за храбрость», а также и хоръ музыки 5-го сапернаго батальона. Обѣ депутаціи, какъ румынская, такъ и болгарская приготовили хлѣбъ-соль на серебряныхъ блюдахъ и слѣдующіе адресы:

1) Адресъ города Плоешты.

«Ваше Императорское Величество!

«Нашъ городъ почитаетъ себя теперь счастливѣе всѣхъ городовъ Румыніи, ибо Провидѣнію угодно было осчастливить его Вашимъ посѣщеніемъ. Мы невыразимо счастливы, имѣя величайшую честь привѣтствовать Ваше Императорское Величество посреди румынскаго народа, который Вамъ столь преданъ. И когда мы видимъ, что на побѣдоносныхъ Вашихъ знаменахъ красуется надпись: *«За свободу народовъ Востока»*, когда мы видимъ Ваше безконечное великодушіе и милосердіе,—мы усердно молимъ Бога, да поможетъ Онъ Вашему Императорскому Величеству сломить общаго врага, на славу Россіи и ради свободы народовъ Востока. Да здравствуетъ Русскій Императоръ! Да здравствуетъ Россія!»

2) Адресъ болгаръ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Молдо-Валахіи.

«Ваше Императорское Величество,

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Мы, пребывающіе въ Румыніи болгары, имѣвшіе злополучіе покинуть милую свою родину, чтобы въ чужой землѣ искать убѣжища отъ насилій и гоненій нашихъ мучителей,—считаемъ себя нынѣ счастливѣе своихъ единоплеменниковъ тѣмъ, что намъ выпалъ жребій первымъ встрѣтить свѣтлое Ваше лицо, Великій Государь, и съ благоговѣніемъ выразить у ногъ Вашего Императорскаго Величества безпредѣльную благодарность, которую чувствуетъ весь болгарскій народъ, при мысли о высокомъ подвигѣ, предпринятомъ по Вашей Державной волѣ Великою Россіею изъ святой лишь любви къ угнетеннымъ и страждущимъ братьямъ, въ осуществленіе надеждъ, которыя болгары отъ вѣка, по преданію, возлагаютъ на Православнаго Русскаго Царя и на братственный русскій народъ, для своего избавленія отъ тяжкаго рабства».

На болгарскомъ блюдѣ вырѣзана слѣдующая надпись: «Возвеселихомся вси уповающіи на Тя и похвалимся о Тебѣ любящіи имя Твое. Великому Государю Царю Александру В. (II), дръжавному заступнику за блъгарскій народъ—пребивающи-ти въ Румынія блъгаре, маія, 1877 г.».

Станція—и внѣ, и внутри—была изукрашена русскими и румынскимм флагами, гирляндами изъ зелени, цвѣтами и вензелевыми щитами. Городъ также былъ убранъ флагами. На всемъ протяженіи пути отъ желѣзной дороги до дома, въ коемъ изволилъ занять помѣщеніе Государь Императоръ, стояли шпалерами, безъ оружія, войска: болгарскіе батальоны, пѣшій конвой Главнокомандующаго, лейбъ-гвардіи сводный казачій полкъ и часть Собственнаго Его Величества конвоя. Почетный караулъ у дворца выставленъ былъ со штандартомъ отъ терскаго конвойнаго эскадрона. Массы народа покрывали тротуары, занимали окна, балконы, верранды и террасы. На одной изъ улицъ была устроена арка изъ зелени и флаговъ.

Въ 7 часовъ 50 минутъ вечера подошелъ къ станціи Императорскій поѣздъ, доставленный сюда румынскимъ локомоти-

вомъ, на которомъ былъ укрѣпленъ среди зелени и флаговъ щитъ съ русскимъ государственнымъ гербомъ. Тотчасъ же на обширномъ окрестномъ пространствѣ разлилось «ура», вмѣстѣ со звуками русскаго народнаго гимна. Государь Императоръ, по выходѣ изъ вагона, изволилъ прослѣдовать по фронту почетнаго караула и принять ординарцевъ, а затѣмъ и депутаціи, причемъ владыка Панаретъ Рашевъ прочелъ болгарскій адресъ и благословилъ Государя иконою св. царя Константина и матери его Елены, къ которой Его Величество приложился устами, сотворивъ крестное знаменіе. При поднесеніи хлѣба-соли, болгары дружно грянули самое восторженное «живіо». Духовенство румынское встрѣтило Государя заздравною литіею и многолѣтіемъ, а воспитанницы городскаго училища поднесли букеты. При слѣдованіи по улицамъ города, дамы съ изукрашенныхъ балконовъ кидали вѣнки и букеты, а у дома, занятаго для Его Величества, въ коляску Государя былъ брошенъ бѣлый голубь—эмблема «благословенія», какъ значилось въ записочкѣ, привязанной вокругъ его шеи. Вечеромъ всѣ окна обывательскихъ домовъ были иллюминованы, и долго еще въ разныхъ концахъ города раздавалась музыка и радостныя румынскія и болгарскія пѣсни.

26-го мая, ранѣе полудня, Его Императорское Величество изволилъ принимать у себя князя Карла и представлять ему Свою свиту, при чемъ Государь Императоръ и всѣ присутствовавшія лица Императорской Фамиліи имѣли на себѣ цѣпь ордена гогенцолернскаго дома. Въ началѣ 1-го часа дня, выѣхавъ верхомъ, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича, Великихъ Князей: Николая Николаевича Старшаго, Владиміра и Сергія Александровичей, Николая Николаевича Младшаго, князя Карла, Герцоговъ Лейхтенбергскихъ Николая и Сергія Максимиліановичей, министровъ: Двора, военнаго и шефа жандармовъ и многочисленной свиты, Государь Императоръ изволилъ смотрѣть только что прибывшія въ Плоешты части конвоя главной Императорской квартиры. Впереди, справа по три, шелъ лейбъ-гвардіи кубанскій казачій эскадронъ, за нимъ—по отдѣленіямъ—сводная гвардейская рота, потомъ взводъ гвардейскихъ саперъ, команда пѣшей артиллеріи и, наконецъ, сводный полуэскадронъ всѣхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Появленіе нашихъ рослыхъ

и красивыхъ молодцовъ-гвардейцевъ видимо сдѣлало очень пріятное впечатлѣніе на массу горожанъ-зрителей. За тѣмъ, въ часъ дня, Его Величество изволилъ посѣтить расположенный неподалеку отъ дворца, въ саду одного частнаго владѣльца, бивуакъ сводной гвардейской роты.

XXIX

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Бухареста

Изъявленія привѣтствій по пути. — Крестьянскіе букеты. — Встрѣча на дебаркадерѣ. — Красные гусары. — Депутаціи и рѣчь президента румынской палаты представителей. — Императорскій кортежъ на улицѣ Могошои. — Украшенія города. — Стрѣлки почетнаго караула. — Завтракъ во дворцѣ и тосты г. Когальничано и князя Горчакова.—Отъѣздъ Государя Императора изъ Бухареста.

Бухарестъ, 27 го мая.

27-го мая, въ 10¼ часовъ утра, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Главнокомандующаго и прочихъ особъ Высочайшей Фамиліи изволилъ отправиться въ Бухарестъ, куда и прибылъ въ полдень *). Изъявленія привѣтствій начались еще съ дороги, гдѣ на одной изъ промежуточныхъ станцій столпилась у Императорскаго вагона многочисленная группа мѣстныхъ поселянъ въ яркихъ праздничныхъ нарядахъ. Здѣсь были мужчины и женщины, старики, дѣвушки и дѣти, и всѣ они съ радостными криками простирали впередъ свои руки съ букетами полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. Государь собственноручно принималъ отъ каждаго изъ нихъ букетъ, съ выраженіемъ своей

*) Государя Императора сопровождали: Великіе Князья Владиміръ и Сергій Александровичи и Николай Николаевичъ Младшій, Князья Романовскіе, герцоги Лейхтенбергскіе Николай и Сергій Максиміліановичи, государственный канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, министръ Двора графъ А. В. Адлербергъ, военный министръ генералъ-адъютантъ Д. А. Милютинъ, шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Н. В. Мезенцовъ, дежурные: генералъ-адъютантъ графъ Левашовъ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Протасовъ-Бахметьевъ и флигель-адъютанты полковники Тучковъ 2-й и князь Долгоруковъ 2-й, а также дежурные адъютанты Великихъ Князей: Государя Цесаревича, Главнокомандующаго, Владиміра Александровича, и нѣкоторыя другія лица.

Царственной благодарности. Всѣхъ букетовъ было подано болѣе пятидесяти.

Едва Императорскій поѣздъ подошелъ къ бухарестской станціи, какъ подъ сводами ея широкой галлереи раздались звуки «Боже Царя храни», и золотой румынскій орелъ на красивомъ штандартѣ почетнаго караула отъ 2-го гусарскаго полка склонился предъ вышедшимъ Императоромъ. Князь Карлъ, въ русскихъ орденахъ, вмѣстѣ съ княгиней Елизаветой, встрѣтилъ Государя при самомъ выходѣ изъ вагона. Ихъ окружали придворныя дамы, румынскіе генералы, личные адъютанты князя и министры. Его Величество, поздоровавшись, подалъ княгинѣ руку и вмѣстѣ съ ея высочествомъ прошелъ вдоль фронта почетнаго караула. Форма этихъ гусаръ очень красива: краповаго цвѣта щегольски-разсшитый долманъ, бѣлыя съ черными узорами чакчиры и барашковая маленькая шапочка съ бѣлымъ шлыкомъ, золотымъ этишкетомъ и стоячимъ султанчикомъ. Тутъ же присутствовали члены русскаго генеральнаго консульства и нѣкоторые изъ нашихъ военныхъ, находящихся въ Бухарестѣ. Передъ входомъ въ залу выступилъ впередъ находившійся во главѣ членовъ румынской палаты народныхъ представителей, президентъ собранія г. Россети и произнесъ пофранцузски привѣтственное слово. — «Государь! сказалъ онъ въ заключеніе: — позвольте свободной Румыніи широко раскрыть свои двери предъ ея Освободителемъ». Представители города, вмѣстѣ съ привѣтственными словами, поднесли Его Величеству хлѣбъ-соль; таковые же были поднесены отъ представителей румынскаго духовенства и бухарестскаго болгарскаго общества, привѣтственный адресъ котораго былъ съ особымъ вниманіемъ выслушанъ Государемъ Императоромъ. Митрополитъ, въ полномъ облаченіи, далъ Его Величеству приложиться ко Кресту и Евангелію, а остальное духовенство пропѣло особый тропарь. Послѣ этого Государь обратился съ милостивымъ привѣтствіемъ къ нашимъ русскимъ сестрамъ милосердія, недавно прибывшимъ въ Бухарестъ и тоже находившимся на станціи. Не обойдены были Высочайшимъ вниманіемъ и члены русскаго генеральнаго консульства, съ нѣсколькими русскими офицерами.

Въ роскошно убранномъ покоѣ, князь Карлъ представилъ Государю всю свою свиту, министровъ, сенаторовъ и депута-

товъ румынской палаты, а въ широкомъ, свѣтломъ корридорѣ члены мѣстнаго общества русскихъ раскольниковъ встрѣтили Его Величество хлѣбомъ-солью и поднесли образъ св. Николая Чудотворца.

Выйдя на подъѣздъ, Государь Императоръ посадилъ въ парадное ландо княгиню Елизавету и самъ изволилъ сѣсть рядомъ съ ея высочествомъ, а на переднемъ сидѣньи помѣстились Великіе Князья Владиміръ и Сергій Александровичи.

Въ слѣдующемъ ландо сѣли Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Его Высочествомъ Главнокомандующимъ и княземъ Карломъ; за тѣмъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій съ герцогами Лейхтенбергскими и далѣе нашъ государственный канцлеръ, министры Двора и военный, шефъ жандармовъ, дежурный генералъ-адъютантъ, свиты генералъ-маіоръ, два флигель-адъютанта и остальныя лица немногочисленной русской свиты. Экипажъ Его Величества былъ окруженъ конною свитою князя Карла и сопровождался полуэскадрономъ румынскихъ жандармовъ.

Улицы до такой степени были переполнены массами ликующаго народа, что царскій поѣздъ не могъ двигаться иначе, какъ шагомъ. Городъ былъ великолѣпно изукрашенъ: повсюду красивыя арки, гирлянды, русскіе и румынскіе флаги, гербы, вензеля, дорогіе ковры и ткани; окна и балконы сплошь унизаны дамами, и оттуда сыпался къ ногамъ Государя цѣлый дождь гирляндъ, цвѣтовъ и букетовъ, такъ что все ландо было, буквально, засыпано ими. Многіе изъ букетовъ, падая съ высоты, разсыпали вокругъ себя множество легкихъ блестокъ, золотыхъ и серебряныхъ, которыя, словно брилліантовыя слезинки, сверкая, плавали въ воздухѣ. Массы народа кричали: «да здравствуетъ Императоръ Александръ! Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ славная армія освободителей!»

Противъ княжескаго дворца, у главной гауптвахты стоялъ другой почетный караулъ отъ батальона стрѣлковъ (venatori), со знаменемъ и хоромъ музыки. Стрѣлковая форма у румынъ тоже весьма красива: люди одѣты въ коричневый двубортный пиджакъ охотничьяго покроя съ зеленымъ воротникомъ, обшлагами и погонами; сѣрые широкіе панталоны запущены въ голенища, на головѣ легкая лакированная шляпа съ круглыми полями, причемъ правое поле щеголевато загнуто къ верху,

гдѣ надъ кокардой торчитъ небольшой помпончикъ, а съ лѣваго поля спускается внизъ пучекъ темнозеленыхъ пѣтушьихъ перьевъ; вооруженіе — скорострѣльныя винтовки, съ саблями-штыками французскаго образца. Вообще, въ румынскомъ войскѣ преобладаетъ въ обмундированіи щегольской французскій характеръ, который сказывается и въ придворной обстановкѣ.

По отданіи чести, стрѣлки были пропущены мимо Его Величества церемоніальнымъ маршемъ, по отдѣленіямъ, и прошли стройно, отчетливо, молодцами, послѣ чего выстроили фронтъ въ прежнемъ порядкѣ. Наружный видъ и военная выправка ихъ, какъ и вообще регулярныхъ румынскихъ войскъ, благодаря германскимъ инструкторамъ, вызваннымъ сюда нѣсколько лѣтъ назадъ княземъ Карломъ, вполнѣ хороша.

Тотчасъ же послѣ церемоніальнаго марша, Государь Императоръ изволилъ войдти въ княжескій дворецъ, гдѣ уже былъ приготовленъ завтракъ. Его Величество и прибывшіе въ Бухарестъ члены Императорскаго Дома съ княземъ и княгинею имѣли столъ особо, въ верхнемъ помѣщеніи дворца, а русская и румынская свиты въ нижней столовой, гдѣ присутствовали и придворныя дамы. Завтракъ продолжался около часа.

Во время стола были провозглашены два тоста: первый — министромъ иностранныхъ дѣлъ Когальничано, за здоровье Государя Императора и процвѣтаніе Россіи, а второй княземъ А. М. Горчаковымъ, за здоровье князя Карла и княгини Елизаветы и за процвѣтаніе ихъ арміи.

Послѣ завтрака Его Императорское Величество, съ особами Своего Царствующаго Дома и всею свитою, въ сопровожденіи князя и княгини Румынскихъ, изволилъ отправиться на вокзалъ желѣзной дороги, среди столь же сильнаго восторга народной толпы, какъ и при встрѣчѣ, и въ началѣ третьяго часа дня отбылъ изъ Бухареста въ Плоешты.

XXX

Пребываніе Государя Императора въ Плоештахъ

Государь у обѣдни въ Плоештахъ. — Счастливый ливень. — Посѣщеніе Государя Императора княземъ и княгинею Румынскими. — Болгарская депутація у генерала Игнатьева и князей Горчакова и Черкасскаго. — Плоешты начинаютъ пустѣть. — Штатъ кн. Черкасскаго. — Англійскій военный агентъ полковникъ Веделей. — Германскіе и прочіе военные агенты. — Обѣдъ въ Котроченахъ. — Пріѣздъ князя Милана въ Плоешты. — Пріѣздъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. — Смотръ части войскъ 13-го корпуса. — Опять Донъ-Карлосъ. - Переѣздъ кн. Горчакова въ Бухарестъ.

Плоешты, отъ 28-го мая до 14-го іюня.

28-го мая, въ воскресенье, Государь Императоръ присутствовалъ за литургіей въ плоештинской церкви Успенія Пресвятой Богородицы, гдѣ пѣли наши придворные пѣвчіе. Послѣ обѣдни былъ сдѣланъ церковный парадъ конвойнымъ частямъ и смотръ проходившей черезъ Плоешты пѣхотной бригадѣ съ ея артиллеріею. Едва окончился этотъ смотръ, какъ надъ городомъ хлынулъ ливень, сопровождавшійся грозою, что замѣтно освѣжило воздухъ, послѣ нѣсколькихъ томительно-знойныхъ дней. Сельскіе хозяева необычайно рады этому дождю и говорятъ, что онъ, въ прибавку къ дождю русскаго золота, даритъ ихъ странѣ еще нѣсколько милліоновъ франковъ, такъ какъ послѣ такого ливня есть полная надежда разсчитывать на самый счастливый урожай.

Въ шесть часовъ пополудни, того же дня, Его Величество встрѣтилъ на станціи желѣзной дороги прибывшихъ въ Плоешты князя и княгиню Румынскихъ, которые послѣ обѣда у Государя Императора выѣхали въ Бухарестъ.

Нашъ бывшій константинопольскій посолъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ прибылъ въ Плоешты еще 24-го мая. Черезъ два дня послѣ его прибытія (26-го), къ нему явилась депутація отъ болгарскаго народа, которая представлялась также князьямъ Горчакову и Черкасскому. Депутація эта всѣми названными лицами была принята очень благосклонно и получила самыя опредѣленныя обѣщанія будущаго устрой-

ства Болгаріи, если Богъ благословитъ русское оружіе побѣдой.

Плоешты понемногу начинаютъ пустѣть, хотя присутствіе двухъ главныхъ квартиръ—Императорской и Главнокомандующаго — все еще придаетъ этому городку много блеску и необычнаго оживленія. 1-го іюня выступили изъ Плоештовъ болгарскія дружины, а 2-го числа лейбъ-казаки и князь Черкасскій, который переѣхалъ въ Бухарестъ со всѣмъ своимъ многочисленнымъ штатомъ служащихъ по Красному Кресту и по будущему гражданскому управленію Болгаріей. Штатъ этого послѣдняго отдѣла очень многочисленъ, такъ какъ въ немъ — судя по здѣшнимъ разсказамъ—уже находятся и рущукскій, и варненскій, и систовскій, и прочихъ иныхъ санджаковъ губернаторы и вице-губернаторы, получающіе весьма значительное содержаніе.

31-го мая получено телеграфическое извѣстіе, что Сербскій князь Миланъ выѣзжаетъ 2-го іюня въ Плоешты, въ сопровожденіи г-дъ Ристича, Протича, Лешанина и Хорватовича.

1-го іюня въ главной квартирѣ Великаго Князя, къ немалому удивленію весьма многихъ, появился вдругъ г. Веселей, англійскій военный агентъ. Онъ былъ принятъ довольно сухо: за исключеніемъ одного-двухъ лицъ, недавно прибывшихъ изъ Петербурга, гдѣ г. Веселей пользовался ихъ добрымъ знакомствомъ въ прежнее время, къ нему никто не отнесся съ радушіемъ. Все ограничилось только сухою вѣжливостью, при замѣчательной сдержанности, которая дѣлала безполезными всѣ старанія англійскаго агента вступать въ разговоры съ какими-либо лицами главной квартиры; къ нему никто не подходилъ первымъ, равно какъ никто не протянулъ и руки для пожатія. Разсказываютъ, что г. Веселей изъявилъ желаніе слѣдовать къ Дунаю—если и не немедленно, то хотя бы въ свитѣ Главнокомандующаго, но вмѣсто этого ему очень любезно предложено оставаться при Императорской квартирѣ, пока она находится въ Плоештахъ, а впослѣдствіи пребывать—въ мѣстахъ ея расположенія. Германскіе военные агенты, пріѣхавшіе сюда нѣсколько ранѣе г. Веселея, нашли какъ въ Императорской, такъ и въ главной квартирахъ самый радушный, дружественный пріемъ. Во главѣ германской группы стоитъ молодой драгунскій поручикъ принцъ Баттен-

бергъ, производящій на всѣхъ очень симпатичное впечатлѣніе своею скромностью, привѣтливостью и замѣчательнымъ умѣніемъ держать себя съ солиднымъ тактомъ и совершенно просто. Въ числѣ остальныхъ лицъ германской группы находятся маіоры генеральнаго штаба: фонъ-Лигницъ (человѣкъ съ очень обширнымъ военнымъ образованіемъ), фонъ-Вильйомъ и графъ Ведель.

2-го іюня прибылъ въ Плоешты военный агентъ Японіи, подполковникъ Сего-Іамазо, вмѣстѣ съ секретаремъ японскаго посольства. Форма одежды японскаго офицера нѣсколько напоминаетъ французскую: черная венгерка, съ такими же шелковыми снурами и низенькое кепи съ бронзовымъ дискомъ спереди, изображающимъ солнце — государственный гербъ Японіи. Изъ военныхъ агентовъ прочихъ государствъ здѣсь находятся: французскій — полковникъ Гальяръ, шведскій — генеральнаго штаба капитанъ Варбергъ, датскій — флигель-адъютантъ Короля, гвардіи капитанъ фонъ-Гедеманъ, сѣверо-американскій — поручикъ Гринъ, сербскій — полковникъ Катарджи, черногорскій — воевода Станко Радоничъ и румынскіе — генералъ Зефкаръ и флигель-адъютантъ князя полковникъ Гергель. Объ австрійскихъ агентахъ уже упоминалось въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ.

3-го іюня, въ 4 часа пополудни, Государь Императоръ изволилъ отправиться съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Князьями къ обѣду въ Котрочены, загородный дворецъ князя Румынскаго въ окрестностяхъ Бухареста, откуда въ $10^1/_2$ часовъ вечера возвратился въ Плоешты. Во время пребыванія въ Плоештахъ, Его Величество почти ежедневно изволитъ производить смотры проходящимъ войскамъ и посѣщать бивуаки, расположенные въ окрестностяхъ.

4-го іюня пріѣхалъ въ Плоешты князь Миланъ, въ сопровожденіи выше названныхъ лицъ своей свиты, и былъ встрѣченъ на станціи Ихъ Высочествами Главнокомандующимъ и Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ. Представительная наружность князя Милана производитъ очень внушительное и вмѣстѣ пріятное впечатлѣніе: у него открытое, симпатичное лицо, умный взглядъ и добродушная улыбка. Послѣ встрѣчи съ Великими Князьями на станціи, князь Сербскій сейчасъ же поѣхалъ представиться Государю Императору. При этомъ

представленіи онъ выразилъ Его Величеству благодарность за себя и за сербскій народъ, глубоко цѣнящій личное благорасположеніе къ нему Императора Всероссійскаго, и за помощь, оказанную Россіей Сербіи во время войны, а въ особенности за вмѣшательство Императора, которое, послѣ пораженія при Дюнишѣ, спасло Сербію отъ дальнѣйшаго нашествія турокъ. Послѣ обѣда у Его Величества, князь Миланъ уѣхалъ въ Бухарестъ, гдѣ обмѣнялся посѣщеніями съ княземъ Карломъ. Пріѣзду сербскаго князя въ Плоешты и его аудіенціи у Государя Императора придаютъ большое значеніе въ нашихъ военныхъ сферахъ. Увѣряютъ, что Ристичъ передалъ князю Горчакову меморандумъ, развивающій идею, что Сербія должна выйдти изъ своей пассивной роли, такъ какъ ей необходимо нравственное и матеріальное вознагражденіе за принесенныя ею громадныя жертвы въ войну 1876 года. Подъ вознагражденіемъ подразумѣвается здѣсь присоединеніе нишскаго и новобазарскаго санджаковъ, Малаго Зворника и Сакара при уничтоженіи вассальныхъ отношеній къ Портѣ. Кромѣ того, говорятъ, что генералъ Коста Протичъ представилъ Великому Князю Главнокомандующему отчетъ о состояніи боевыхъ силъ и военныхъ запасовъ Сербіи. Вполнѣ благосклонный пріемъ, оказанный Его Величествомъ князю Милану, оставилъ какъ въ самомъ князѣ, такъ и въ лицахъ сопровождавшей его небольшой свиты самое отрадное, исполненное свѣтлыхъ надеждъ впечатлѣніе.

9-го іюня Государь Императоръ изволилъ встрѣчать на станціи желѣзной дороги Великаго Князя Алексія Александровича, прибывшаго въ Плоешты. На Его Высочество, какъ слышно, будетъ возложено главное завѣдываніе всею дѣятельностью морскихъ командъ на Дунаѣ.

10-го іюня Государь Императоръ произвелъ смотръ бригадѣ войскъ 13-го корпуса и остался вполнѣ доволенъ состояніемъ этой части, понесшей много трудовъ во время тяжелаго похода.

8-го іюня прибылъ въ Бухарестъ изъ Вѣны Донъ-Карлосъ. Претендентъ испанской короны странствуетъ инкогнито, въ сопровожденіи небольшой свиты. 13-го числа онъ посѣтилъ Плоешты. — «И чего ему отъ насъ нужно?» спрашиваютъ другъ друга русскіе, въ недоумѣніи пожимая плечами. Слыш-

но, что онъ намѣревается провести въ Бухарестѣ довольно долгое время, пока не добьется разрѣшенія состоять при нашей арміи, и что правительство крайне затруднено этимъ домогательствомъ, такъ какъ оно не желаетъ дѣлать неудовольствій дружественному намъ правительству Испаніи. Можно отвѣчать вполнѣ утвердительно, что домогательства Донъ-Карлоса останутся безъ послѣдствій, какъ у насъ, такъ и у князя Румынскаго.

14-го іюня нашъ государственный канцлеръ князь Горчаковъ, съ лицами своей походной канцеляріи переѣхалъ въ Бухарестъ, гдѣ онъ, какъ слышно, намѣревается провести все время нашей кампаніи.

XXXI

Продолженіе дѣйствій на Дунаѣ до переправы у Галаца

Смѣна нашими войсками румынскихъ частей и окончательное занятіе дунайскаго побережья. — Захватъ судовъ съ военною контрабандой. — Береговыя бомбардировки и перестрѣлки. — Князь Карлъ принимаетъ главное командованіе румынскою арміею. — Бомбардировка Виддина. — Разливы рѣкъ. — Выстрѣлъ сотника Князева. — Продолженіе бомбардировки у Корабіи 15-го мая. — Потопленіе нашихъ баржъ и парохода. — Канонада между Калафатомъ и Виддиномъ. — Князь Карлъ на батареѣ. — Мѣры для сохраненія другаго нашего парохода у Фламунды. — «Пощупываніе противника». — Дѣйствія противъ Никополя по 23-е мая. — Бомбардировка Журжева. — Дѣйствія 25-го и 26-го мая на всемъ дунайскомъ побережьѣ. — Загражденіе фарватера у Гирсова и въ верховьяхъ Мачинскаго рукава. — Прорывъ турецкихъ пароходовъ. — Приключеніе съ казаками 30-го донскаго полка у Малороша. — Безполезныя канонады. — Русскія батареи у Гечета. — Препятствіе къ переправѣ. — Извѣстія о сборѣ одной изъ турецкихъ армій у Виддина. — Мелкія предпріятія русскихъ и турецкихъ охотниковъ. — Соглашеніе о совмѣстномъ дѣйствіи русской и румынской армій. — Приготовленія къ переправѣ на нижнемъ Дунаѣ.

Плоешты, 11-го іюня.

Между 8-мъ и 10-мъ мая русскія войска окончательно смѣнили на Дунаѣ румынскія части *), которыя вслѣд-

*) Составъ и расположеніе нашихъ передовыхъ дунайскихъ войскъ были слѣдующія:

ствіе этого отошли за рѣку Алуту (она же Ольта), въ Малую Валахію, гдѣ и занимаютъ все побережье—отъ Корабіи (выше устья Алуты) до Турну-Северина, сосредоточивая главныя свои силы у Калафата, противъ Виддина. Въ Калафатѣ уже заблаговременно было приступлено къ насыпкѣ и вооруженію прибрежныхъ батарей, а теперь эти работы идутъ тамъ самымъ усиленнымъ образомъ; подобныя же батареи насыпаются и усиливаются, какъ русскими, такъ и румынами, на всѣхъ сколько-нибудь важныхъ пунктахъ лѣваго берега. Наша осадная артиллерія еще 7-го мая уже была доставлена на нѣкоторыхъ, но, къ сожалѣнію, не на всѣхъ пунктахъ, къ берегамъ Дуная; впрочемъ, и то хорошо, потому что мы получили кое-гдѣ возможность безотлагательно заняться установкой мортиръ и тяжелыхъ орудій, вмѣсто полевыхъ, дѣйствовавшихъ до того времени. Мѣстечко Ольтеница, находящееся противъ Туртукая, и его окрестныя позиціи были окончательно заняты нашими войсками въ ночь съ 9-го на 10-е мая, безъ малѣйшей помѣхи со стороны турокъ.

8-го мая части отряда, ввѣреннаго князю Манвелову *), задержали у Корабіи и Турну-Магурели два парохода и десять баржъ, плывшихъ подъ нейтральными флагами съ непріятельскимъ военнымъ грузомъ для Никополя. Турки съ того же числа начали ихъ обстрѣливать, что́ и продолжалось въ теченіи пяти дней, но суда при этомъ не потерпѣли существенныхъ поврежденій: разбиты только обѣ трубы на пароходахъ и одна баржа.

---

a) 8-я кавалерійская дивизія къ 7-му мая заняла прибрежную линію отъ рѣки Алуты до рѣки Веде, имѣя дивизьонный штабъ въ Турну-Магурели.

b) Отрядъ генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го къ 8-му мая отъ р. Веде до озера Гречилоръ, имѣя главныя свои силы и штабъ у Журжева.

c) 32-я пѣхотная дивизія съ донскимъ казачьимъ № 31-го полкомъ — къ 8-му (1-я бригада) и къ 13-му мая (2-я бригада) въ Ольтеницу, имѣя главныя силы на линіи Будешти — Фратешти и наблюдая казачьимъ полкомъ за Дунаемъ на протяженіи отъ озера Гречилоръ до р. Арджисъ.

d) 11-я кавалерійская дивизія — къ 9-му мая въ Обилешти-Ноу и Слободзею (штабъ въ Слободзеи), имѣя авангардъ въ Каларашѣ и наблюдая за дунайскимъ побережьемъ отъ р. Арджисъ до Гуры-Яломицы (противъ Гирсова).

e) Нижне-Дунайскій отрядъ занялъ къ 22-му апрѣля всѣ важнѣйшіе прибрежные пункты отъ Гура-Яломицы до Киліи, имѣя резервъ въ Болградѣ и штабъ въ Галацѣ.

*) Начальникъ 8-й кавалерійской дивизіи.

Съ 8-го же мая начались по всей линіи артиллерійскія и ружейныя перестрѣлки между обоими берегами Дуная, преимущественно же въ Турну-Магурели, Журжевѣ и Ольтеницѣ. Всѣ эти перестрѣлки каждый разъ затѣвались самими турками; мы же не всегда отвѣчали имъ, а если и приходилось открывать артиллерійскій огонь, то не иначе, какъ рѣдкій, разсчитанный, да и для ружейной стрѣльбы употреблялись только лучшіе стрѣлки. О результатахъ нашей стрѣльбы, за дальностью разстоянія судить, конечно, трудно; что́ же касается турокъ, то всѣ ихъ бомбардировки до сихъ поръ не наносятъ ни намъ, ни румынамъ ни малѣйшаго существеннаго вреда: убитыхъ нѣтъ, а раненыхъ за все время только три человѣка, и то легко. На нижнемъ Дунаѣ, послѣ взрыва втораго монитора, господствуетъ полное затишье и совсѣмъ не замѣчается присутствія турецкихъ войскъ; но противъ Калараша, Ольтеницы, Журжева и Турну-Магурели замѣтна у противника оживленная дѣятельность по устройству довольно сильныхъ батарей. Судя по извѣстіямъ, доходящимъ, порою, съ того берега, турки обнаруживаютъ не малое смятеніе и потому стараются укрѣпиться какъ можно скорѣе и сильнѣе.

Съ провозглашеніемъ румынами своей независимости, князь Карлъ 11-го мая вступилъ фактически въ отправленіе обязанностей главнокомандующаго румынской арміи, которая въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ ограничивается покуда обороною побережья.

12-го мая батареи Калафата были уже окончательно вооружены и тотчасъ же начали обстрѣливаніе виддинской крѣпости. Слѣдя съ батареи въ подзорную трубу, можно было видѣть, какъ цѣлые караваны и толпы жителей Виддина бѣжали частію въ Сербію, частію по шоссе въ Бѣлградчикъ. До 12-го числа противникъ безнаказанно обстрѣливалъ изъ виддинскихъ укрѣпленій Калафатъ и береговыя саперныя работы; съ этого же дня и румыны стали наносить туркамъ нѣкоторыя поврежденія. 12-го и 13-го мая румынскія батареи, сооруженныя въ Излазѣ (онъ же Ислашъ, нѣсколько выше устья Алуты), обстрѣливали Никополь. Съ этого же времени замѣчено, что турки разставили по всему дунайскому побережью пикеты, приблизительно человѣкъ до 30-ти каждый, на разстояніи трехъ верстъ одинъ отъ другаго, и устроили между

ними сообщеніе посредствомъ телеграфа и фальшфейеровъ. Ближайшіе резервы, какъ слышно, находятся въ разстояніи отъ полуторы до двухъ верстъ за этими пикетами.

Всѣ эти дни вóды Дуная, Серета и Алуты продолжали сильно подыматься, вслѣдствіе изобильныхъ дождей въ Карпатахъ. Это вызвало серьозныя опасенія перерыва въ сообщеніяхъ почты и военныхъ транспортовъ.

14-го мая, около шести часовъ утра, съ румынской батареи у Корабіи и съ сосѣднихъ съ нею румынскихъ постовъ былъ замѣченъ турецкій броненосецъ, подымавшійся вверхъ по Дунаю отъ Никополя. Румыны открыли по немъ огонь изъ двухъ 9-ти-фунтовыхъ орудій, стоявшихъ у самаго берега, влѣво отъ румынской, еще невооруженной батареи, которую прикрывала цѣпь, составленная изъ румынскихъ стрѣлковъ и охотниковъ 8-го донскаго казачьяго полка, расположенныхъ по обѣ стороны бруствера въ особо вырытыхъ ложементахъ. Около семи часовъ утра раздался первый выстрѣлъ съ броненосца, который послѣдующими своими выстрѣлами произвелъ нѣкоторыя разрушенія въ зданіи гостиницы, построенной на берегу. Послѣ этого три гранаты упали у самой батареи, не причинивъ однако вреда ни людямъ, ни орудіямъ, и затѣмъ огонь съ броненосца направился уже исключительно на захваченныя нами 8-го мая суда, стоявшія у обрывистаго берега. Командиръ 8-го казачьяго полка, полковникъ Желтоножкинъ еще въ самомъ началѣ этой бомбардировки позволилъ сотнику Князеву отправиться на батарею, чтобы оказать помощь румынскимъ артиллеристамъ. Офицеръ, командовавшій батареею, охотно разрѣшилъ Князеву принять участіе въ руководствѣ огнемъ,—и первый же выстрѣлъ изъ орудія, наведеннаго Князевымъ, былъ такъ удаченъ, что снарядъ разорвался на самой палубѣ. Броненосецъ сейчасъ же прекратилъ пальбу и быстро удалился вверхъ по Дунаю верстъ на шесть, гдѣ и остался на ночь, бросивъ якорь.

На слѣдующій день (15-го), около $7^1/_2$ часовъ утра, одинъ изъ румынскихъ пикетовъ далъ знать, что внизъ по Дунаю спускаются два непріятельскихъ броненосца. И дѣйствительно, они вскорѣ показались въ виду Корабіи и, ставъ уступомъ, открыли огонь. Сотникъ Князевъ и на этотъ разъ принялъ участіе въ дѣлѣ, вмѣстѣ съ 60-ю охочими казаками,

которые расположились частію при орудіяхъ, частію въ цѣпи, но огонь изъ-за амбразуръ батареи, на которую успѣли уже поставить обѣ пушки, не имѣлъ такого успѣха, какъ наканунѣ. Въ 11 часовъ утра броненосцы прекратили пальбу и удалились вверхъ по Дунаю, опять остановясь въ шести верстахъ отъ Корабіи. Можно было предполагать, что противникъ отошелъ для того, чтобы дать время пообѣдать своимъ людямъ, потому что спустя полтора часа оба броненосца снова появились у Корабіи и, вытянувшись въ одну линію, открыли усиленный огонь какъ по батареѣ, такъ и въ особенности по судамъ. Румынская батарея отвѣчала имъ безостановочно, но, къ сожалѣнію, она была снабжена только дистанціонными гранатами, которыя не могли нанести бронямъ турецкихъ судовъ никакого существеннаго вреда, да и положеніе полевыхъ орудій за амбразурами батареи было не столь уже выгодно для мѣткой стрѣльбы, какъ наканунѣ, когда они стояли на самомъ гребнѣ высокаго обрывистаго берега. Вскорѣ на палубѣ одного изъ броненосцевъ показалась пѣхота, которая открыла огонь по нашему прикрытію, и это послужило началомъ обоюдной ружейной перепалки. Въ четыре часа пополудни правый броненосецъ рѣшительно направился къ нашему берегу и, обогнувъ островъ, расположился бокомъ между нимъ и нашими судами, въ разстояніи четырехсотъ шаговъ отъ послѣднихъ и въ таковомъ положеніи уже готовился прямо въ упоръ разстрѣливать тѣсно-скученныя баржи. Огонь съ румынской батареи долженъ былъ прекратиться, потому что броненосецъ, приблизясь къ нашей сторонѣ на столь короткое разстояніе, вышелъ изъ-подъ линіи возможнаго прицѣла, и снаряды, пускаемые въ него съ берега, какъ уже извѣстно, весьма высокаго и почти отвѣсно обрывистаго, постоянно давали значительный перелетъ. Видя, что броненосецъ легко могъ бы захватить наши баржи на буксиръ, такъ какъ онъ съ каждою минутой подходилъ къ нимъ все ближе, сотникъ Князевъ, съ казаками и двумя румынскими наводчиками, на рукахъ выкатили орудія изъ-за амбразуръ и, установивъ ихъ на самомъ краю обрыва, открыли огонь по приближавшемуся броненосцу. Въ то же время, при каждой попыткѣ противника открыть люки для стрѣльбы изъ орудій, въ эти отверстія тотчасъ же направлялся изъ нашей стрѣлковой цѣпи цѣлый рой пуль,—

и люки мгновенно закрывались. Такимъ образомъ, этому броненосцу не удалось сдѣлать по баржамъ ни одного выстрѣла въ упоръ.

Къ пяти часамъ пополудни противникъ, выпустивъ болѣе 60-ти снарядовъ, удалился отъ берега Корабіи, причемъ одинъ изъ броненосцевъ направился вверхъ, а другой внизъ по Дунаю и оба остановились на разстояніи около десяти верстъ другъ отъ друга. Наши суда подверглись весьма чувствительнымъ поврежденіямъ: нѣкоторые снаряды пронизывали насквозь три рядомъ стоявшія баржи, другіе пробили бортъ на пароходѣ, не испортивъ впрочемъ машины, а одно рѣчное судно было совершенно избито гранатами; между людьми же не только убитыхъ или раненыхъ, но даже и слабо контуженыхъ не было.

На слѣдующій день можно было ожидать не только продолженія бомбардировки, но и не безъ основаній опасаться, что непріятелю удастся наконецъ увести на буксирѣ захваченныя нами суда; поэтому полковникъ Желтоножкинъ рѣшился потопить пароходъ и баржи, что и было исполнено въ ночь съ 15-го на 16-е мая *).

16-го мая часть нашего фламундскаго отряда **) переведена на новую позицію, съ которой гораздо удобнѣе можно, въ случаѣ надобности, подавать помощь отряду, охраняющему прибрежныя батареи и сохраненный нами пароходъ. Въ этотъ день, противъ ожиданія, броненосцы не безпокоили отряда, расположеннаго въ Корабіи; ночью же мы безпрепятственно продолжали работы по расширенію нашихъ батарей и усиленію ихъ заслоновъ къ сторонѣ Никополя.

16-го же мая, въ теченіи часа происходила усиленная канонада между Калафатомъ и Виддиномъ. Въ этотъ день князь Карлъ, выѣхавшій изъ Бухареста еще 14-го числа, для инспекціи своихъ войскъ въ Малой Валахіи, впервые принялъ, такъ называемое, огненное крещеніе. По пріѣздѣ въ Калафатъ, онъ тотчасъ отправился на батарею Карла I, вооруженную тяжелыми русскими орудіями, и оставался на ней во все продолженіе канонады, причемъ на одну только

*) Другой изъ захваченныхъ пароходовъ намъ удалось сохранить; онъ оказывалъ намъ не мало услугъ при переправѣ и впослѣдствіи.

**) Фламунда лежитъ противъ Никополя, нѣсколько ниже Турну-Магурели.

эту батарею турки бросили до тридцати гранатъ *). Румынскій огонь былъ очень удаченъ. По свидѣтельству самихъ турокъ **), въ Виддинѣ много убитыхъ, разрушена военная паровая хлѣбопекарня, и сильно пострадалъ военный госпиталь. Если послѣднее справедливо, то въ этомъ прискорбномъ обстоятельствѣ прежде всего виноваты сами же турки, выставляющіе (какъ намъ извѣстно изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ) флаги Краснаго Полумѣсяца не столько надъ госпиталями, сколько надъ пороховыми и иными военными складами. Дознанныя злоупотребленія санитарнымъ флагомъ по неволѣ заставляютъ подозрѣвать обманъ даже и тамъ, гдѣ его иногда вовсе не кроется.

17-го мая, около двухъ часовъ дня, большой турецкій броненосецъ, не замѣчавшійся дотолѣ въ при-никопольскихъ водахъ Дуная, сталъ приближаться къ нашей фламундской позиціи по главному фарватеру рѣки, а не позади острова, какъ дѣлали до сихъ поръ въ этомъ мѣстѣ другіе броненосцы. Видя это движеніе, наши думали, что противникъ идетъ съ цѣлью забрать на буксиръ уцѣлѣвшія баржи, находившіяся, вмѣстѣ со вторымъ изъ захваченныхъ нами пароходовъ, подъ прикрытіемъ фламундскихъ батарей. Вслѣдствіе этого спѣшенныя части Вознесенскаго уланскаго и Астраханскаго драгунскаго полковъ тотчасъ же приготовились къ бою, но броненосецъ вскорѣ повернулъ по фарватеру и смирно прошелъ мимо нашихъ батарей въ разстояніи не далѣе двухсотъ саженъ. По мнѣнію морскаго офицера, лейтенанта Ломана, присутствовавшаго въ это время на одной изъ батарей, броненосецъ хотя и шелъ полнымъ ходомъ, но все-таки двигался противъ теченія крайне медленно. Имѣя въ виду волю Главнокомандующаго—не начинать первыми огня безъ особенной надобности,—князь Манвеловъ приказалъ не стрѣлять. Броненосецъ, поднявшись до Никополя, сталъ на якорь у праваго берега. Опасенія за возможность попытки взять у насъ на буксиръ наши суда, внушили князю Манвелову мысль защитить ихъ болѣе солиднымъ об-

---

*) По возвращеніи въ Бухарестъ, представители румынской арміи и палаты поднесли князю Карлу золотую медаль «Virtuti militari», учрежденную въ Румыніи въ награду воинской доблести.

**) Телеграмма изъ Константинополя отъ $^{17}/_{29}$-го мая.

разомъ отъ всякихъ покушеній. Съ этою цѣлью въ ту же ночь у Фламунды былъ возведенъ новый ретраншаментъ, а на пароходную машину и котлы наложены мѣшки съ землею, и самый пароходъ прикрытъ особою баржею со стороны, обращенной къ непріятелю.

На нижнемъ Дунаѣ, у Сатунова, въ ночь съ 17-го на 18-е мая, турецкіе охотники, въ числѣ до 15-ти человѣкъ, перебрались на нашъ берегъ, гдѣ на нихъ наткнулся разъѣздъ Ольвіопольскаго уланскаго полка; вслѣдствіе поднявшейся между ними перестрѣлки, на звукъ выстрѣловъ прибѣжали съ ближайшаго поста два взвода пѣхотинцевъ и тотчасъ же прогнали турокъ, поспѣшившихъ убраться въ свои лодки и отчалить отъ берега.

Наши охотники тоже предпринимаютъ почти каждую ночь подобныя же поѣздки на противную сторону, и это называется у нихъ «пощупать непріятеля». Такія поѣздки служатъ для нихъ нѣкотораго рода развлеченіемъ среди томительнаго бездѣйствія въ ожиданіи общей переправы за Дунай, которая, судя по состоянію разлива, не можетъ состояться въ скоромъ времени. Уже съ 12-го мая движеніе по желѣзнымъ дорогамъ было крайне затруднено, вслѣдствіе разливовъ, срывавшихъ мосты, а къ 18-му мая полотно между Барбошемъ и Браиловымъ такъ размыло и залило водою, что всякое движеніе по желѣзному пути окончательно остановилось, а также невозможно было направить и по грунтовымъ дорогамъ подходившія изъ Россіи войска и тяжести, такъ какъ вода въ рѣкѣ Серетъ поднялась на столько, что пришлось развести нашъ пловучій мостъ. Едва лишь съ 19-го мая вода въ Дунаѣ пошла на убыль, но очень медленно. Однако, благодаря начавшемуся спаду, неимовѣрными усиліями и трудами нашихъ войскъ сообщеніе по желѣзной дорогѣ было возстановлено уже 21-го мая.

18-го числа на линіи Дуная все было спокойно, а на слѣдующій день усмотрѣно особенное движеніе въ Никополѣ, которое дало поводъ предполагать, что тамъ строятся новыя батареи. Броненосцы цѣлый день передвигались вверхъ и внизъ по Дунаю, не выходя однако изъ границъ береговой черты города; къ нимъ подвозили изъ Никополя на шлюпкахъ какіе-то предметы, и все это заставило нашихъ

предполагать, что турки дѣлаютъ въ рѣкѣ минныя заложенія. Полковникъ Мацылевичъ *) выѣхалъ съ разъѣздомъ на самый конецъ турнувской гати, чтобы поближе разсмотрѣть, надъ чѣмъ именно работаютъ броненосцы, и былъ встрѣченъ выстрѣлами орудій изъ крѣпости; до этого же раза турки никогда не безпокоили нашихъ офицеровъ, неоднократно ѣзжавшихъ сюда для наблюденій. Съ наступленіемъ вечерней темноты, около этой гати и у фламундскихъ батарей появилось нѣсколько турецкихъ лодокъ, которыя пытались сдѣлать развѣдку, но это имъ не удалось: каждый разъ, что онѣ пытались причалить, по нимъ открывался огонь нашихъ секретовъ и разъѣздовъ, принуждавшій турокъ быстро удаляться отъ берега.

Въ Турну и на разныхъ другихъ пунктахъ дунайскаго побережья съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаются по ночамъ огневые сигналы, на которые получаются такіе же отвѣты съ того берега; это заставило князя Манвелова принять мѣры для поимки таинственныхъ сигнальщиковъ.

8-й казачій полкъ, выступившій еще 17-го мая изъ Корабіи къ переправамъ на Алутѣ, для соединенія съ турну-магурельскимъ отрядомъ, переправилъ 19-го числа всѣхъ лошадей и бо́льшую часть людей вплавь, а остальныхъ вмѣстѣ съ обозомъ на паромахъ. Переправа была чрезвычайно затруднительна, но совершена благополучно. Въ половинѣ пятаго часа пополудни полкъ, въ составѣ $5^1/_2$ сотень, стоялъ уже на бивуакѣ у Турну, а полусотня осталась въ Корабіи для охраны судовъ, затопленныхъ нами въ этомъ пунктѣ, причемъ весьма важно было сберечь уцѣлѣвшую машину парохода, которая могла еще пригодиться намъ впослѣдствіи. Въ тотъ же день (19-го) лейтенантъ Ломанъ изслѣдовалъ устье Алуты и пришелъ къ заключенію, что теперь, во время разлива, судамъ почти невозможно входить въ эту рѣку изъ Дуная, такъ какъ фарватеръ въ устьѣ оказался мелкимъ, узкимъ и извилистымъ.

20-го мая турки возвели у Никополя новую батарею, расположивъ ее ниже и западнѣе центральнаго люнета. Лагерь, стоявшій, на виду у насъ, въ крѣпости близъ этого люнета,

*) Командиръ 8-го драгунскаго Астраханскаго полка.

снялся и часть его спустилась въ городъ къ рѣкѣ, а другая — надо предполагать — размѣстилась внѣ сферы выстрѣловъ нашихъ турну-магурельскихъ батарей, на что указываетъ появленіе бѣлыхъ палатокъ на гребнѣ одного ущелья, къ югу отъ Никополя. По мнѣнію нашихъ моряковъ, посѣщавшихъ Турну, здѣсь представляются условія весьма удобныя для уничтоженія непріятельскихъ броненосцевъ при помощи паровыхъ миноносокъ; они же увѣряютъ, что доставка сюда миноносокъ черезъ Слатину *) не представляетъ особенныхъ трудностей. По указанію лейтенанта Ломана, во Фламундѣ приняты нѣкоторыя дополнительныя мѣры для сохраненія въ цѣлости баржъ и парохода «Аннета». Моряки наши очень хвалятъ этотъ пароходъ и считаютъ его значительно лучше затопленнаго въ Корабіи; не менѣе хороши, по ихъ мнѣнію, и баржи, изъ которыхъ одна можетъ поднять за разъ тысячу человѣкъ; остальныя меньше, но тоже очень помѣстительны и хорошей конструкціи. «Аннета» можетъ буксировать противъ теченія четыре такихъ баржи.

Вода въ Дунаѣ за послѣдніе дни сбыла на одинъ футъ, а въ теченіи 35-ти часовъ (съ 8-ми вечера 19-го по 8 утра 21-го мая) еще на четыре дюйма. Наблюденія уровня рѣки производятся ежедневно. Турецкіе броненосцы подъ Никополемъ безпрерывно дымятся; по всему замѣтно, что турки очень опасаются за ихъ участь, съ тѣхъ поръ какъ узнали, что въ Турну и Фламундѣ появились русскіе моряки.

22-го мая противникъ открылъ на высокомъ гребнѣ противъ фламундской позиціи новую батарею и въ $2^1/_2$ часа пополудни сдѣлалъ съ нея пять пробныхъ выстрѣловъ изъ стальныхъ дальнобойныхъ орудій 4-хъ-фунтоваго калибра. Гранаты падали около батареи № 2 и всѣ разрывались. Вслѣдъ за тѣмъ изъ амбразуръ нижняго бастіона крѣпостной ограды былъ открытъ артиллерійскій огонь по усиленному драгунскому разъѣзду (Астраханскаго полка), который приближался къ прибрежному лѣску. Поводомъ къ движенію этого разъѣзда послужило слѣдующее обстоятельство:

Послѣ полудня, изъ прибрежнаго лѣска вышла группа людей, одѣтыхъ въ обыкновенное платье румынскихъ крестьянъ.

*) До Слатины по желѣзной дорогѣ, а далѣе водою, внизъ по Алутѣ.

Приблизясь къ стаду рогатаго скота, который пасся здѣсь подъ охраною двухъ мальчиковъ, эти люди внезапно схватили одного изъ нихъ и, отогнавъ восемь буйволовъ, поспѣшно удалились въ лѣсъ. Какъ только другой мальчикъ, успѣвшій убѣжать, далъ знать объ этомъ въ Турну, изъ нашего лагеря была выдвинута въ погоню часть дежурнаго эскадрона *). Подойдя нарысяхъ къ чертѣ разлива, разъѣздъ нашъ спѣшился, оставивъ коноводовъ въ укрытомъ мѣстѣ. Люди сняли съ себя все нижнее платье и, подвязавъ къ шеѣ патронташи, двинулись по водѣ къ лѣсу, въ сопровожденіи родственниковъ захваченнаго мальчика. Послѣ продолжительныхъ розысковъ, имъ удалось найдти въ чащѣ лѣса трехъ буйволовъ, которые и были возвращены хозяевамъ; остальной же захваченный скотъ и мальчикъ увезены на турецкій берегъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ отчалила непріятельская лодка, найденъ большой кремневый пистолетъ, и эта находка служитъ указаніемъ, что переодѣтые люди были баши-бузуки. Во время розысковъ въ лѣсу, драгуны подверглись артиллерійскимъ выстрѣламъ изъ крѣпости, а когда они стали подходить къ берегу, то толпы пѣшихъ турокъ, спустившіяся къ Дунаю, открыли по нимъ бѣглый ружейный огонь; впрочемъ, гранатные осколки не задѣли у насъ ни одного человѣка, а ружейныя пули не долетали.

Въ теченіи пятнадцати дней, съ 8-го по 22-е мая, турки сдѣлали по Фламундѣ и Турну около 250-ти пушечныхъ выстрѣловъ, да около 75-ти по Корабіи, не причинивъ намъ ни малѣйшей потери въ людяхъ и лошадяхъ. 22-го же мая турки начали снова обстрѣливать Калафатъ; румыны отвѣчали имъ весьма энергически и мѣтко, послѣдствіемъ чего были пожары, вспыхнувшіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ турецкаго расположенія въ городѣ.

23-го мая непріятель впервые сталъ бомбардировать Журжево. Огонь, открытый въ пять часовъ пополудни изъ рущукскаго форта Салканъ, продолжался вполнѣ безвредно до семи часовъ вечера, направляясь исключительно на журжевскую гавань.

---

*) 2-го эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка, маіора Рожнятовскаго.

На слѣдующій день (24-го), въ пять часовъ утра, канонада со стороны Рущука возобновилась. Всего было выпущено турками до 50-ти снарядовъ, изъ которыхъ послѣдній пущенъ въ 8¼ часовъ утра, и затѣмъ все умолкло. Большинство снарядовъ разрывалось. На этотъ разъ противникъ стрѣлялъ съ двухъ фланговыхъ батарей, правѣе Рущука, изъ которыхъ одна устроена на шесть дальнобойныхъ орудій, а другая, маскированная каменною стѣною, на четыре 6-ти-дюймовыя мортиры. Въ Журжевѣ, на берегу Дуная стоятъ каменныя казармы, гдѣ временно расположены кубанскіе казаки гулевой дивизіи. Въ эти казармы хватилъ одинъ снарядъ, который пробилъ стѣну и исковеркалъ вѣшалки и нары. По счастію, въ это время внутри казармы никого уже не было: за три минуты до влета гранаты, спавшіе люди были разбужены по тревогѣ и тотчасъ же бросились въ конюшни сѣдлать коней. Другой снарядъ лопнулъ у самой церкви, стоящей на берегу; три гранаты попали въ два иностранныя судна и разщепили имъ борты; кромѣ того, пострадали нѣсколько домовъ, но этимъ и ограничились всѣ поврежденія, нанесенныя намъ бомбардировкой, — потерь между людьми и лошадьми ни въ войскахъ, ни среди жителей не было. Еще со вчерашняго вечера, послѣ первой, такъ сказать, пробной бомбардировки, большинство журжевскихъ жителей въ ночь покинуло городъ, изъ котораго и весь день 24-го мая выбирались всѣ, кто имѣлъ лишь малѣйшую возможность уѣхать. Уже на утро бо́льшая часть домовъ была покинута, ворота и двери на запорѣ, ставни на́глухо заколочены, лавки и магазины пусты, либо запечатаны, — повсюду тишина, уныніе и страхъ. Не унываютъ только наши солдаты на батареяхъ, да сестры милосердія, только что прибывшія въ журжевскій госпиталь, въ ожиданіи работы. Мы не отвѣчали туркамъ, потому что батареи наши не совсѣмъ готовы, да и осадныя орудія, предназначенныя для Журжева, пока еще въ дорогѣ. Въ Журжевѣ и его окрестностяхъ расположены: 1-я бригада Кавказской казачьей дивизіи и 4-я. стрѣлковая бригада; расположеніе этихъ частей довольно хорошо прикрыто отъ выстрѣловъ противника, за движеніями котораго наши люди слѣдятъ неусыпно. Изъ Журжева весь турецкій лагерь видѣнъ какъ на ладони; можно замѣтить простымъ глазомъ даже большую зе-

леную ставку паши, начальствующаго рущукскимъ отрядомъ, силы котораго, по свѣдѣніямъ, полученнымъ полторы недѣли назадъ (т. е. около 14-го мая), равняются 30-ти тысячамъ человѣкъ. Весь этотъ корпусъ группируется въ шести особыхъ лагеряхъ, изъ которыхъ самый большой находится въ десяти верстахъ за городомъ. Съ малорошской вышки, гдѣ у насъ расположенъ 30-й казачій полковника Орлова полкъ *), еще 16-го мая было замѣчено появленіе вокругъ рущукскихъ укрѣпленій множества бѣлыхъ и зеленыхъ палатокъ; но страннымъ казалось то, что среди этихъ лагерей не проявлялось ни малѣйшаго движенія, ни малѣйшей жизни. Это, конечно, заставляло подозрѣвать обманъ со стороны турокъ, у которыхъ въ то время далеко еще не было подъ Рущукомъ въ наличности тридцати тысячъ. Надо думать, что силы ихъ прибывали постепенно, потому что въ послѣдующее время и вокругъ палатокъ съ каждымъ днемъ стало обнаруживаться все болѣе и болѣе жизни. Съ нашего берега ясно видна также масса рѣчныхъ судовъ, сгруппированныхъ турками у Рущука. По точнымъ свѣдѣніямъ, тамъ стоятъ 102 судна, изъ коихъ 80 соединены въ одну группу. Изъ военныхъ же судовъ подъ Рущукомъ находятся одинъ мониторъ, одинъ паровой и три парусные корвета. Вообще же на Дунаѣ, по свѣдѣніямъ отъ 22-го мая, у турокъ плаваютъ 12 мониторовъ и 9 канонерокъ.

Бомбардировки 23-го и 24-го мая, какъ утверждаютъ свѣдѣнія, полученныя съ того берега, были предприняты турками для того чтобы отвлечь наше вниманіе отъ производства работъ на обходной вѣтви желѣзной дороги, такъ какъ прежній путь, проходя открыто по самому берегу, лежитъ подъ нашими выстрѣлами.

Въ этотъ же день (24-го) турки опять открыли сильную бомбардировку изъ Виддина по румынскимъ батареямъ въ Калафатѣ, но сильная гроза, разразившаяся съ проливнымъ дождемъ надъ этими мѣстами, вынудила вскорѣ обѣ стороны прекратить канонаду. Дунай понизился еще на одинъ футъ.

25-го мая на всѣхъ прибрежныхъ военныхъ пунктахъ происходили небольшія перестрѣлки. Изъ Журжева, гдѣ нако-

---

*) Изъ состава Кавказской казачьей дивизіи.

нецъ установили на батареяхъ осадныя орудія, была открыта канонада по Рущуку, на которую турки не отвѣчали, что невольно вызывало сомнѣніе въ успѣшности нашихъ выстрѣловъ. Во время этой канонады было замѣчено въ Рущукѣ движеніе значительныхъ массъ войска, направлявшихся изъ лагеря къ берегу, причемъ поднялась у турецкихъ стрѣлковъ безвредная перестрѣлка съ казаками, по окончаніи которой часть турецкихъ войскъ удалилась изъ Рущука къ югу.

Въ Ольтеницѣ въ этотъ день (25-го) мы начали поправлять дамбу, размытую разливомъ. Турки, замѣтивъ эти работы, открыли изъ Туртукая огонь, причемъ у насъ ранило одного рядоваго. Непріятельскія батареи противъ Ольтеницы расположены очень выгодно, за кустами, такъ что мы открыли ихъ только тогда, какъ противникъ сталъ уже ихъ вооружать. Наши охочіе казаки два раза на разсвѣтѣ ѣздили въ лодкахъ къ той сторонѣ разсматривать расположеніе противника и количество его судовъ. Турки оба раза открывали по нимъ огонь, причемъ одна граната шлепнулась въ воду у самаго борта казачьей лодки. Вообще, въ послѣднее время наблюдательность противника стала весьма внимательна. Въ эту же ночь и турки ходили на развѣдку къ Ольтеницѣ, въ устье рѣки Арджиса, но были своевременно замѣчены на казачьемъ пикетѣ, который своимъ огнемъ вынудилъ ихъ уйдти, не достигнувъ цѣли развѣдки.

У Никополя въ этотъ день (25-го) непріятель продолжалъ воздвигать все новыя батареи, а у Калафата пытался высадить десантъ, но эти попытки успѣшно были отбиты румынами.

26-го мая открыто нами существованіе тайной телеграфной корреспонденціи между Рущукомъ и Журжевымъ. Такъ какъ бо̀льшая часть проволоки была погружена въ Дунай, то при высокой водѣ телеграфъ могъ дѣйствовать вполнѣ свободно, безъ опасеній быть открытымъ; но съ началомъ спада водъ, въ разныхъ мѣстахъ рѣки стали обнаруживаться верхушки столбиковъ съ фарфоровыми болванками и проволокой. Капитаны Масловъ и Альбертовъ, съ нѣсколькими охотниками, подплыли ночью на ботѣ къ отмели и уничтожили на ней телеграфъ, перервавъ кромѣ того въ нѣсколькихъ мѣстахъ проволоку, которую бросили въ воду.

26-го же мая противникъ у Туртукая началъ вооружать скрытно устроенную батарею; наши ольтеницкіе артиллеристы семью мѣткими выстрѣлами испортили на ней амбразуры и мерлоны и принудили турокъ удалить орудія.

Затѣмъ непріятель открылъ огонь изъ другаго укрѣпленія, съ котораго наши точно также принудили его не только убрать артиллерію, но и почти разрушили самое укрѣпленіе.

По окончаніи пальбы съ нашихъ батарей, турки приступили было къ исправленію поврежденій, но наша артиллерія тремя картечными гранатами разогнала рабочихъ. У насъ при этой перестрѣлкѣ потерь не было.

Точно также и въ Рущукѣ мы разрушили въ этотъ день (26-го) два укрѣпленія, заставивъ убрать съ нихъ орудія, и мѣшали возобновленію турецкихъ работъ.

На нижнемъ Дунаѣ въ это время происходило слѣдующее:

22-го мая, Великій Князь Главнокомандующій, призвавъ къ себѣ капитана 1-го ранга Рогулю, отдалъ ему приказаніе заградить мачинскій рукавъ въ его верховьяхъ, подобно тому, какъ нѣсколько времени назадъ былъ онъ загражденъ въ своемъ устьѣ, а также погрузить мины и въ большой Дунай, около Гирсова. Для исполненія этого приказанія, капитанъ Рогуля началъ готовить эскадру, состоявшую изъ слѣдующихъ судовъ:

1) Румынская лодка «Фульджеро», подъ командою лейтенанта Дубасова; на ней: мичманъ Өедоровъ, докторъ Поплавскій, механикъ подпоручикъ Синебрюховъ и 30 человѣкъ матросовъ.

2) Катеръ «Царевичъ», подъ командою лейтенанта Шестакова; на немъ: мичманъ Өеодосіевъ и 16 человѣкъ матросовъ.

3) Катеръ «Ксенія»—мичманъ Персинъ и 16 человѣкъ матросовъ.

4) Катеръ «Джигитъ»—мичманъ Баль и 10 человѣкъ матросовъ.

5) Пароходъ «Загражденіе», подъ командою лейтананта Туркула; на немъ: мичманъ Аркасъ, механикъ подпоручикъ Огладинъ, румынской морской службы маіоръ Муржеско, приглашенный къ участію въ экспедиціи, какъ офицеръ, хорошо знакомый съ Дунаемъ, и 12 человѣкъ матросовъ.

Пароходъ этотъ служилъ въ качествѣ депо для минъ и велъ на буксирѣ четыре минные баркаса, съ пятью матросами на каждомъ, подъ командою лейтенанта Петрова.

Въ среду, 25-го мая, всѣ эти суда были изготовлены къ плаванію, а потому на слѣдующій день (26-го), съ разсвѣтомъ, снялись съ якоря изъ-подъ Браилова и отправились по назначенію.

Чтобы не задерживаться малымъ ходомъ катеровъ «Джигитъ» и «Ксенія», при плаваніи вверхъ по рѣкѣ, оба эти судна взяты были на буксиръ «Царевичемъ» и лодкою «Фульджеро».

Въ 9 часовъ утра, подойдя къ селенію Гропени, лодки наши увидѣли въ каналѣ Вальтцуію два дыма. Чтобы не быть отрѣзанными отъ Браилова судами, которыя, по весьма вѣроятному предположенію, легко могли бы находиться въ каналѣ, эскадра стала на якорѣ—и тогда въ устьѣ Вальтцуію было положено минное загражденіе. Окончивъ эту работу къ полудню, эскадра продолжала плаваніе вверхъ по Дунаю. Не доходя селенія Гура-Гирлица, нашимъ судамъ попались на встрѣчу сотники 29-го казачьяго полка, Лодочниковъ и Сережняковъ, посланные изъ отряда полковника Рика (въ Гура-Яломицѣ), съ извѣщеніемъ о положеніи дѣлъ у Гирсова. Изъ этого краткаго извѣщенія и изъ устныхъ разсказовъ обоихъ посланныхъ офицеровъ оказалось, что въ тотъ же день (26-го мая), въ 9 часовъ утра, изъ озера Ротунда вышли по рѣчкѣ Барой два турецкіе парохода, и, находясь внѣ выстрѣловъ, спустились въ главное русло, съ цѣлію пройдти подъ Гирсову гору. Сначала оба эти парохода стали было плавать взадъ и впередъ, за лѣсомъ, противъ селенія Гура-Яломицы, причемъ наша стрѣлковая цѣпь открывала по нимъ огонь, если кто-либо изъ турокъ появлялся на палубахъ. Въ это время изъ-за Гирсовой горы показались три непріятельскіе броненосца; два изъ нихъ, прикрываясь лѣсомъ отъ дѣйствія нашихъ батарей, открыли канонаду по селенію Гура-Яломица, а третій началъ стрѣлять по деревнѣ Піа-Петри. Подъ прикрытіемъ этого огня, два парохода, пришедшіе изъ озера Ротунда, быстро направились къ Гирсовой горѣ; но чуть лишь вышли изъ-за лѣса, какъ были встрѣчены огнемъ нашихъ батарей. Изрѣдка

останавливаясь для отвѣта на выстрѣлы, эти пароходы, равно какъ и прикрывавшія ихъ суда, прошли передъ нашими батареями и, прекративъ огонь, удалились подъ Гирсову гору. Во время прохожденія ихъ мимо нашихъ батарей, у одного изъ нихъ подбита шедшая на буксирѣ лодка, которая опрокинулась, вмѣстѣ съ находившимися въ ней людьми. Канонада, совершенно для насъ безвредная, прекратилась въ 10 часовъ утра.

Съ извѣстіемъ объ окончаніи этой канонады и о томъ, что за Гирсовою горою стоятъ три непріятельскіе броненосца и два парохода, посланъ былъ урядникъ Чеботаревъ, который пустился отыскивать нашу флотилію безъ проводника, въ рыбачьей душегубкѣ. Капитанъ Рогуля встрѣтилъ Чеботарева спустя полчаса послѣ полученія извѣстій отъ сотниковъ Лодочникова и Сережнякова, когда эскадра миновала уже Гура-Гирлицу, и взялъ на буксиръ его душегубку. Въ 8¼ часовъ вечера флотилія капитана Рогули подошла къ Гура-Яломицѣ и расположилась у берега, между нашими батареями № 2 и № 3, подъ прикрытіемъ находящагося здѣсь Селенгинскаго пѣхотнаго полка.

27-го мая, съ разсвѣтомъ, лодка «Фульджеро», катеръ «Царевичъ» и катеръ «Ксенія» вышли изъ-подъ Гура-Яломицы для рекогносцировокъ. Въ это же самое время три турецкіе монитора и два парохода, стоявшіе подъ Гирсовою горою, начали поднимать пары. Когда наши суда подошли къ нижней оконечности острова Гиска-Маре, то одинъ изъ трехъ мониторовъ началъ спускаться на нихъ по теченію, съ намѣреніемъ атаковать; но наши лодки, замѣтивъ это, дали полный ходъ и смѣло пошли къ нему на встрѣчу, а съ «Фульджеро» былъ даже открытъ по немъ огонь изъ носоваго четырехъ-фунтоваго орудія. Мониторъ, видя такую рѣшимость и, вѣроятно, принявъ въ соображеніе печальную судьбу «Хивзи-Рахмана», поспѣшилъ поворотить назадъ и быстро пошелъ къ Гирсову. Наши продолжали его преслѣдовать, въ томъ разсчетѣ, что турки, вѣроятно, откроютъ по нимъ пальбу и такимъ образомъ дадутъ возможность опредѣлить сферу своего береговаго огня. И дѣйствительно, вскорѣ раздались выстрѣлы съ круглой батареи, расположенной на лѣвыхъ возвышенностяхъ Гирсова. Первый снарядъ далъ

перелетъ, второй недолетъ, а остальные два легли влѣво, сажень на двадцать. Достигнувъ такимъ способомъ своей цѣли, относительно опредѣленія сферы огня гирсовскихъ батарей и убѣдясь, что турецкія суда стоятъ выше Гирсова, наши лодки вышли изъ-подъ выстрѣловъ и въ девять часовъ утра возвратились въ Гура-Яломицу.

Въ тотъ же день (27-го) съ девяти утра, и до двухъ часовъ пополудни капитанъ Рогуля, съ маіоромъ Муржеско, на гребной шлюпкѣ ѣздили вверхъ по Дунаю, съ цѣлію сдѣлать рекогносцировку устьевъ Яломицы и канала Борча, а въ два часа дня всѣ суда нашей эскадры вышли для постановки загражденій въ большомъ Дунаѣ, противъ середины острова Гиска-Мика. «Фульджеро» при этомъ стоялъ впереди, для охраненія работъ отъ мониторовъ, на случай, если бы они вздумали броситься на эскадру, а также и противъ стрѣлковъ, которыхъ можно было ожидать въ плавняхъ за лѣсомъ, лежащихъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ наши приступили къ работѣ. Вся гора, на которой возведены батареи и расположенъ непріятельскій лагерь, была усѣяна турецкими солдатами—свыше трехъ тысячъ человѣкъ,—вышедшими смотрѣть на наши работы. Зрители эти толпились на брустверахъ и между батареями. Окончивъ загражденіе въ 8 часовъ вечера, наши суда благополучно возвратились къ селенію Гура-Яломица, гдѣ были встрѣчены привѣтственными криками собравшихся на берегу людей отряда полковника Рика.

Въ этотъ же день (27-го) турецкіе пароходы, «Киліашъ-Али» и «Фехтъ-уль-Исламъ», стоявшіе въ четырехъ часахъ пути ниже Гирсова, будучи не въ состояніи двинуться съ мѣста, такъ какъ фарватеръ Дуная былъ загражденъ нашими минами, спустили десять лодокъ съ водолазами (какъ слышно, англійскими), чтобы выловить нѣсколько торпедъ и тѣмъ освободить себѣ проходъ. Это имъ удалось, и тогда пароходы, слѣдуя осторожно за лодками, поплыли внизъ и на пути соединились съ тремя другими пароходами: «Аркади», «Семендрія» и «Аккія», причемъ водолазами было найдено еще нѣсколько торпедъ. Во время прохожденія ихъ мимо Гура-Яломицы, наши батареи открыли по нимъ огонь, на который суда отвѣчали; но послѣ непродолжительной задерж-

ки имъ удалось однако пройдти мимо нашихъ батарей, не испытавъ тяжелыхъ поврежденій. У насъ потери не было.

28-го мая, съ разсвѣтомъ, «Фульджеро» и «Царевичъ» были посланы для рекогносцировки въ мачинскій рукавъ. Войдя въ него, они замѣтили въ плавняхъ двѣ непріятельскія шлюпки со стрѣлками. «Фульджеро» далъ по нимъ три картечныхъ выстрѣла, что́ и заставило ихъ удалиться. Тогда остальныя наши суда приступили къ загражденію верховьевъ мачинскаго рукава и успѣли благополучно окончить работу къ девяти часамъ утра, послѣ чего вернулись къ Гура-Яломицѣ. Оставивъ здѣсь двѣ большія шлюпки, съ тремя матросами на каждой, для охраны минныхъ загражденій, и поручивъ ихъ попеченію командира казачьяго № 40-го полка, капитанъ Рогуля съ эскадрой, въ полдень, того же 28-го числа, направился обратно къ Браилову, куда и прибылъ въ пять часовъ пополудни.

28-го же мая турки изъ Рущука два раза открывали артиллерійскій огонь по нашимъ сапернымъ работамъ у Журжева; утромъ ихъ канонада длилась съ 8¹/₂ до 12-ти часовъ, а вечеромъ отъ 6-ти до тѣхъ поръ пока совсѣмъ не стемнѣло. У насъ во все время этой пальбы саперныя работы не прекращались и потерь не было. При стрѣльбѣ по малорошскому посту, нѣсколько гранатъ попали въ коновязи 30-го донскаго казачьяго полка, но какъ для людей, такъ и для лошадей это приключеніе обошлось вполнѣ благополучно, если не считать потери нѣсколькихъ пичныхъ древковъ, изщепленныхъ снарядомъ, разорвавшимся среди пирамиды пикъ. Не обошлось и безъ комическаго приключенія: одна изъ гранатъ, при паденіи, запуталась въ штанахъ какого-то казака, разложенныхъ на землѣ для просушки и, обмотавшись ими, на глазахъ у всѣхъ, — къ общему удивленію — не разорвалась. Казакъ тутъ же осторожно высвободилъ концомъ пики необходимую принадлежность своего туалета, при общемъ смѣхѣ трунившихъ надъ нимъ товарищей. Послѣ этой стрѣльбы, командиръ полка, полковникъ Орловъ отвелъ свою часть на полверсты дальше отъ берега, и съ тѣхъ поръ турки уже не безпокоили его казаковъ.

Въ послѣдующіе дни на всемъ Дунаѣ происходили почти ежедневныя, но совершенно безвредныя перестрѣлки, которыя

стали уже наводить на наши войска изрядную скуку.—«Одинъ только переводъ деньгамъ турецкимъ, а проку никакого!»—неоднократно выражались въ разговорахъ солдаты и вывели изъ этого одно, далеко не безполезное для себя заключеніе, что видно много, очень много надо извести пороха и чугуна, для того чтобы вывести изъ строя одного человѣка и что поэтому, стало быть, артиллерійскій огонь вовсе не страшенъ.

1-го іюня, на нижнемъ Дунаѣ, у Гечета противъ Браилова, мы безпрепятственно окончили свои батареи, поставили на нихъ орудія и, такимъ образомъ, съ этого дня фактически утвердились на турецкомъ берегу.

3-го іюня, во время канонады при Ольтеницѣ, у насъ раненъ одинъ нижній чинъ и повреждена турецкою гранатой дульная часть орудія; граната влетѣла прямо въ амбразуру и ударилась какъ разъ въ самое жерло пушки. Вода спадаетъ хотя медленно, но постоянно; впрочемъ, Дунай все еще стоитъ на 16 футовъ выше нормальнаго уровня. Это обстоятельство очень затрудняетъ ходъ работъ по затопленнымъ берегамъ и по неволѣ вынуждаетъ главныя силы нашей арміи на томительное бездѣйствіе, въ ожиданіи болѣе удобныхъ обстоятельствъ для рѣшительной переправы. Турки съ своей стороны — какъ слышно — ожидаютъ этого неизбѣжнаго событія въ семи мѣстахъ, а именно: противъ Мачина, Рассовы, Туртукая, Систова, Никополя, Рахова и Виддина, и потому во всѣхъ этихъ пунктахъ усиленно спѣшатъ возводить окопы. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти видимыя укрѣпленія, ходятъ нѣкоторые слухи, будто турки, въ силу какого-то особаго стратегическаго плана, выработаннаго въ ихъ главной квартирѣ, вовсе не намѣреваются оказать намъ не только серьозное, но и какое бы то ни было сопротивленіе на Дунаѣ. Эти слухи, какъ увѣряютъ плоештинскіе румыны, исходятъ изъ среды проживающихъ между ними иностранцевъ. На сколько тутъ вѣроятнаго — конечно, трудно судить, но скорѣе есть основанія думать, что противникъ вѣроятнѣе всего ожидаетъ встрѣчи съ нашею арміей гдѣ-нибудь по близости сербской границы, потому что еще 1-го іюня до насъ дошли телеграфнымъ путемъ два извѣстія изъ Турнъ-Северина и Вѣны, будто турки съ поспѣшностью сосредоточиваютъ большой корпусъ, подъ начальствомъ Османа-паши, у сербской границы, на усть-

яхъ Тимока, выше Виддина. Впрочемъ, компетентные люди, какъ слышно, не придаютъ этимъ извѣстіямъ особаго значенія, такъ какъ, мало склонны вѣрить въ ихъ вѣроятность, зная приблизительно количество боевыхъ силъ противника.

3-го же іюня утромъ аванпосты браиловскаго отряда стали подвигаться на правомъ берегу впередъ и проникли изъ Гечета почти къ самому Мачину. Въ то же время три наши канонерки успѣли сдѣлать до полудня полную рекогносцировку мачинскаго рукава, вплоть до самаго города, не подвергаясь выстрѣламъ.

Ночью съ 3-го на 4-е іюня охотники Изюмскаго гусарскаго полка, подъ командою подполковника Волькенау, поплыли на восьми лодкахъ къ непріятельскому берегу, выше Силистріи, и успѣли высмотрѣть расположеніе противника, но на разсвѣтѣ были замѣчены и вынуждены уйдти назадъ подъ сильнымъ огнемъ, потерявъ одного гусара убитымъ и четырехъ ранеными. Уровень воды на $15^3/_4$ футовъ выше нормальнаго.

6-го іюня получены извѣстія, требующія впрочемъ подтвержденія, что въ этотъ день десяти-тысячный турецкій отрядъ вступилъ въ Мачинъ, на подкрѣпленіе тамошняго бездѣйствующаго гарнизона, и къ этому же времени русскіе отряды уже заняли всю Малую Валахію, такъ что, въ виду сосредоточенія значительныхъ нашихъ силъ у Турну-Магурели, и изъ опасенія, что переходъ черезъ Дунай будетъ совершенъ именно въ этомъ мѣстѣ, турецкія войска съ различныхъ пунктовъ, какъ слышно, спѣшатъ къ Никополю.

6-го іюня турки, въ числѣ около 800 человѣкъ, высадились на нашъ берегъ близь Турну-Магурели и захватили пасшійся на лугу румынскій скотъ. Подоспѣвшія части Вознесенскихъ уланъ, казаковъ 8-го полка и одна рота Тамбовскаго пѣхотнаго полка отбили большую часть угнаннаго скота и прогнали турокъ, причемъ послѣдніе потеряли восемь человѣкъ, а наши двухъ: одного казака и одного улана ранеными.

7-го іюня, къ ночи, часть людей съ казачьяго пикета у Калараша предприняла рекогносцировку островов, лежащихъ предъ Силистріей, и успѣла въ своемъ предпріятіи, но, къ сожалѣнію, при этомъ въ охочей партіи были ранены четыре казака и проводникъ-крестьянинъ.

Въ Журжево прибыли наши моряки и начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи генералъ-адъютантъ князь Масальскій, который въ настоящее время развиваетъ въ этомъ пунктѣ усиленную артиллерійскую дѣятельность. Журжевскій госпиталь почти разрушенъ дѣйствіемъ турецкихъ снарядовъ, которые нерѣдко ложатся и въ районѣ желѣзнодорожной станціи. Какъ видно, приходится на будущее время не выставлять надъ госпитальными пунктами флаговъ Краснаго Креста, дабы не привлекать на нихъ усиленнаго вниманія турокъ, видимо старавшихся нарочно избирать цѣлью своихъ выстрѣловъ госпитальное зданіе въ Журжевѣ. Рущукъ, какъ слышно, вовсе покинутъ жителями. Сказываютъ, гарнизона въ немъ до 18,000 человѣкъ, да кромѣ того внѣ стѣнъ крѣпости расположено лагерями 15 тысячъ, и что туда пріѣзжалъ недавно Ахметъ - Эюбъ - паша, который произвелъ нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи войскъ и въ составѣ начальствующихъ.

8-го іюня получилось и изъ Бѣлграда подтвержденіе прежнихъ вѣнскихъ и турну - северинскихъ извѣстій о томъ, что сильный турецкій корпусъ продолжаетъ собираться на сербской границѣ, повидимому, угрожая долинѣ Тимока. Это обстоятельство побудило румынъ воздвигать въ Калафатѣ новыя сильныя батареи.

9-го іюня, въ Плоештахъ послѣдовало окончательное соглашеніе о совмѣстномъ дѣйствіи русской и румынской армій. Переговоры объ этомъ, при посредствѣ г-дъ Братіано и Когальничано, длились еще съ 30-го мая, причемъ рѣчь, какъ слышно, шла главнѣйшимъ образомъ о русскихъ субсидіяхъ. Въ офицерской (неоффиціальной) средѣ держатся того мнѣнія, что гораздо лучше было бы предоставить дѣйствія румынъ ихъ собственному благоусмотрѣнію, а деньги, предназначаемыя для субсидіи имъ, употребить на мобилизацію соотвѣтственнаго количества своихъ собственныхъ русскихъ силъ.

У Браилова все уже окончательно готово для наводки моста и переправы, которая должна совершиться въ самомъ непродолжительномъ времени; но, какъ слышно, эта переправа будетъ имѣть только второстепенное, демонстративное значеніе, служа лишь для того, чтобы отвлечь турецкія силы отъ пункта главной переправы, который до времени составляетъ

величайшій секретъ самаго ограниченнаго числа высшихъ лицъ полеваго штаба. Между Гечетомъ и Мачиномъ происходитъ пока ежедневная артиллерійская перестрѣлка, а тѣмъ временемъ главныя силы нашихъ войскъ форсированными маршами все болѣе и болѣе подвигаются къ Дунаю. Вода начала спадать довольно быстро.

XXXII

Переправа у Галаца и занятіе Мачина

Окончательное сосредоточеніе дѣйствующей арміи въ Румыніи. — Приготовленія къ демонстративной переправѣ на нижнемъ Дунаѣ. — Устройство плавучаго моста въ Браиловѣ. — Свѣдѣнія о турецкихъ силахъ въ Добруджѣ. — Ночная переправа съ 9-го на 10-е іюня у Галаца и ея трудности. — Прапорщикъ Сушковъ и поручикъ Эльсперъ. — Первая аттака и бой на буджакскихъ высотахъ. — Дѣйствія демонстративной флотиліи противъ Мачина. — Возобновленіе боя на Буджакѣ послѣ 7-ми часовъ утра. — Критическое положеніе двухъ ряжскихъ ротъ. — Черкесскія звѣрства. — Аттака пѣхоты на кавалерію. — Прибытіе перваго нашего орудія и рѣшительный моментъ боя. — Окончаніе дѣла. — Состояніе температуры. — Наша боевая убыль. — Отличившіеся офицеры. — Пріѣздъ Государя Императора въ Галацъ и посѣщеніе раненыхъ въ мѣстномъ госпиталѣ. — Пріѣздъ Его Величества въ Браиловъ. — Молебствіе въ браиловскомъ лагерѣ. — Настроеніе войскъ въ минуту выступленія къ переправѣ у Браилова. — Праздничный видъ города и порта. — Открытіе движенія по мосту. — Отплытіе трехъ миноносокъ на рекогносцировку къ Мачину. — Напутствіе войскамъ Великаго Князя Главнокомандующаго. — Сочувственныя демонстраціи браиловскихъ жителей. — Послѣдовательный ходъ переправы у Браилова. — Сигналъ побѣды на Буджакѣ. — Отрѣздъ Государя Импеатора изъ Браилова. — Телеграмма къ графу Мольтке. — Награды. — Встрѣча генерала Циммермана въ Мачинѣ. — Вступленіе въ Мачинъ лейбъ-Бородинскаго полка. — Новыя звѣрства турокъ и протоколъ о нихъ. — Одиночная рекогносцировка казака-ординарца. — Встрѣча казаковъ въ Бабадагѣ. — Поиски полковниковъ Измайлова и Слюсарева. — Окончательное очищеніе Добруджи отъ непріятельскихъ партій. — Административныя мѣры генерала Циммермана. — Воззваніе Государя Императора къ болгарскому народу.

Зимница, 20-го іюня.

Главныя силы дѣйствующей арміи окончательно сосредоточились въ Румыніи къ 20-му мая [1]) и расположились правымъ флангомъ [2]) у Слатины, центръ [3]) по дорогѣ изъ Бу-

[1]) Не считая 4-го, 13-го и 14-го армейскихъ корпусовъ, находившихся еще на походѣ.

[2]) 9-й армейскій корпусъ, безъ 5-й пѣхотной дивизіи, сосредоточился къ 18-му мая у Слатины.

[3]) 12-й армейскій корпусъ, съ уральскою казачьею сотнею и донскимъ № 37-го

хареста въ Александрію и лѣвый флангъ [1]) по дорогѣ изъ Бухареста въ Журжево. 14-му армейскому корпусу Великій Князь Главнокомандующій предписалъ: прибыть къ 1-му іюня въ Галацъ, дабы смѣнить находившіяся тамъ части 11-го корпуса [2]) и составить, съ отрядомъ войскъ 7-го корпуса, нижне-дунайскій отрядъ, начальство надъ коимъ ввѣрено командиру 14-го корпуса, генералъ-лейтенанту Циммерману. Общее сосредоточеніе арміи, благодаря разливамъ рѣкъ и желѣзнодорожнымъ неисправностямъ, было задержано среднимъ числомъ на шесть дней, а потому и приготовленія къ переправѣ шли крайне медленно. Необходимо было доставить по желѣзной дорогѣ всю осадную артиллерію, боевые припасы, паровыя шлюпки минной флотиліи [3]), понтонные парки, разныя мостовыя принадлежности и, наконецъ, продовольственные запасы.

Къ заготовкѣ матеріаловъ для нижне-дунайскаго моста было приступлено вскорѣ по переходѣ нашими войсками границы и по занятіи Рени и Барбоша: на Прутѣ и Серетѣ было заготовлено до тысячи плотовъ и понтоновъ, которыхъ съ избыткомъ хватило бы на два моста, у Браилова и у Галаца, гдѣ эти принадлежности и хранились до времени.

Занятіе русскимъ отрядомъ селенія Гечетъ и устройство тамъ батарей еще съ 1-го іюня уже достаточно обезпечивало намъ возможность безпрепятственнаго устройства моста на главномъ руслѣ Дуная, отъ Браилова до Гечета. Но этого мало: надо было еще исправить дорогу, которая идетъ отъ Гечета къ Мачину вдоль берега стараго дунайскаго русла.

полкомъ—13-го мая въ окрестностяхъ Бухареста, по дорогѣ въ Александрію (штабъ въ Михалештахъ), 12-я кавалерійская дивизія (резервъ отряда генерала Скобелева 1-го)—къ 3-му мая въ Копаченяхъ, къ югу отъ Бухареста.

[1]) 8-й армейскій корпусъ, съ донскимъ № 23-го полкомъ—18-го мая въ окрестностяхъ Бухареста, по дорогѣ въ Журжево (штабъ въ Жилявѣ), выдвинувъ во Фратешти, для поддержанія, въ случаѣ надобности, отряда генерала Скобелева 1-го, одну бригаду 14-й пѣхотной дивизіи.

5-я пѣхотная дивизія, съ донскимъ № 34-го полкомъ—20-го мая въ окрестностяхъ Бухареста.

[2]) Которымъ велѣно идти на соединеніе съ 32-ю пѣхотною дивизіею къ Ольтеницѣ.

[3]) Гвардейскаго экипажа, черноморскаго флотскаго отряда и прибывшаго впослѣдствіи, по требованію Великаго Князя Главнокомандующаго, балтійскаго флотскаго отряда.

Надъ этою работой, начиная съ 5-го іюня, ежедневно трудились по пятисотъ солдатъ, которые каждое утро переправлялись за рѣку и работали надъ насыпью вплоть до вечера.

Такимъ образомъ, въ теченіи пяти дней, до 9-го іюня, дорога была исправлена на протяженіи около пяти верстъ.

Великій Князь Главнокомандующій, предполагая совершить главную переправу ниже Никополя не позже 12-го іюня, приказалъ генералъ-лейтенанту Циммерману сдѣлать демонстративный десантъ на нижнемъ Дунаѣ 10-го числа, въ томъ разсчетѣ, что непріятель, увидя, что переходъ за Дунай уже совершившійся фактъ, вѣроятно, поспѣшитъ стянуть противъ Циммермана значительныя силы и такимъ образомъ невольно ослабитъ себя на невѣдомомъ ему пунктѣ главной переправы. Генералъ Циммерманъ, принимая въ разсчетъ чрезвычайную высоту воды, находилъ, что переправа въ назначенный день (10-го іюня) невозможна и потому просилъ у Главнокомандующаго отложить предпріятіе до спада водъ, но Великій Князь настойчиво подтвердилъ свое приказаніе, присовокупивъ, что Ему совершенно необходимо, чтобы переправа у Браилова состоялась непремѣнно 10-го іюня. Тогда генералу Циммерману не оставалось ничего, какъ только употребить всѣ мѣры и усилія для исполненія рискованной задачи.

Благодаря успѣшно оконченнымъ загражденіямъ всего нижняго Дуная отъ Рени до Гирсова, рѣка на данномъ пространствѣ была въ нашихъ рукахъ и совершенно свободна отъ судовъ турецкаго флота; поэтому наводка моста отъ Браилова до Гечета могла быть исполнена безъ всякихъ препятствій.

Къ устройству браиловскаго моста было приступлено 7-го іюня, въ восточномъ концѣ города, противъ котораго Дунай не особенно широкъ; нѣкоторое затрудненіе представилось только въ томъ, что на обоихъ берегахъ въ этомъ мѣстѣ образовались отъ наводненія значительныя топи, по которымъ пришлось устраивать мосты на козлахъ. Къ наводкѣ было приступлено одновременно съ обоихъ береговъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы свести мостъ на серединѣ. Въ этой операціи, кромѣ саперовъ и солдатъ, приняли участіе греческіе матросы съ задержанныхъ нами судовъ, которые съ радостью воспользовались случаемъ заработать себѣ на кусокъ хлѣба. Впрочемъ, нашимъ войскамъ не пришлось воспользоваться этимъ

мостомъ, такъ какъ весь берегъ отъ Гечета почти до самаго Мачина все еще былъ затопленъ и самый мостъ упирался у Гечета въ разливъ. Пришлось прибѣгнуть къ помощи лодокъ, плотовъ и пароходовъ. Съ этою цѣлью, уже въ послѣдніе дни, инженеръ-подполковникъ Клименко заготовилъ нѣсколько баржъ, которыя были ограждены толстыми деревянными бортами и покрыты навѣсами, обшитыми листовымъ желѣзомъ, а на носу каждой баржи помѣстили по одной 12-ти-фунтовой пушкѣ; за тѣмъ мы изготовили семь блиндированныхъ канонерокъ, поднимающихъ по 200 человѣкъ каждая, обшили ихъ бронею и вооружили каждую двумя орудіями; кромѣ того, для перевозки четырехъ орудій 4-хъ-фунтоваго калибра, съ двумя зарядными ящиками и упряжными лошадьми, устроили двѣнадцать плотовъ и, наконецъ, приготовили всѣ коммерческія суда, которыя были задержаны въ браиловскомъ портѣ.

По свѣдѣніямъ, доставляемымъ изъ-за Дуная черезъ шпіоновъ и бѣглецовъ, силы турокъ на нижнемъ Дунаѣ были не велики; впрочемъ, цифры въ этихъ свѣдѣніяхъ колебались между тремя и десятью тысячами. Гдѣ была правда, — предстояло узнать на собственномъ опытѣ. Наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія доставлялъ лейтенантъ Никоновъ, подобравшій себѣ небольшую команду изъ некрасовцевъ, болгаръ и греческихъ матросовъ, съ которыми постоянно «пощупывалъ» тайно противный берегъ, и по свѣдѣніямъ этого офицера — турокъ противъ Галаца и Браилова было отъ трехъ до четырехъ тысячъ пѣхоты и конницы, при нѣсколькихъ орудіяхъ.

Заручившись этими свѣдѣніями, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ къ вечеру 9-го іюня отдалъ секретное приказаніе командиру 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Жукову — сдѣлать въ ночь десантъ изъ Галаца на буджакскія высоты и непремѣнно занять ихъ.

Дунай на протяженіи отъ Мачина до Галаца течетъ съ юга къ сѣверу и у Галаца загибаетъ сначала на востокъ, а потомъ на юго-востокъ, вслѣдствіе чего на правомъ берегу его образуется вдающаяся къ юго-востоку полукруглая низменность, которая въ настоящее время представляетъ собою озеро, покрытое во многихъ мѣстахъ плешинами мелей и тростниковою порослью плавней, весьма трудно одолимою при движеніи лодокъ. Эту-то низменную котловину окаймили съ юга два

отрога добруджинскихъ горъ, оканчивающіеся по обѣ стороны полукружія двумя горами: со стороны ближайшей къ Галацу—Буджакомъ, а со стороны ближайшей къ Мачину—Орличемъ. Буджакъ лежитъ противъ Галаца въ разстояніи около семи верстъ, а Орличъ тянется отъ Мачина вдоль мачинско-браиловской дороги, на такомъ же протяженіи. Съ восточной стороны вдоль буджакскаго кряжа идетъ дунайскій протокъ Чулонецъ.

Эта-то мѣстность и должна была служить театромъ предстоявшей высадки.

Къ семи часамъ вечера четыре орудія, съ принадлежностями и небольшимъ прикрытіемъ, были поставлены на плоты и отвалили отъ берега. Что касается пѣхоты, то для исполненія задуманнаго предпріятія было назначено только десять ротъ 69-го Рязанскаго и 70-го Ряжскаго полковъ, по пяти отъ каждаго, причемъ людямъ велѣно было имѣть на себѣ четырехдневный запасъ сухарей.

Посадка людей на суда происходила въ присутствіи генерала Циммермана, наблюдавшаго за правильностью ея исполненія. Баржи и лодки съ пѣхотой въ полной тишинѣ отплыли изъ Галаца въ девятомъ часу вечера.

Съ десантнымъ отрядомъ отправились генералъ-маіоръ Жуковъ, начальникъ штаба 18-й дивизіи полковникъ Михѣевъ и командиры обоихъ полковъ — Рязанскаго полковникъ Шульгинъ и Ряжскаго полковникъ Шелковниковъ. На веслахъ сидѣли 60 донскихъ казаковъ и часть пѣхотинцевъ, подъ руководствомъ нѣсколькихъ опытныхъ матросовъ.

Для наибольшаго обезпеченія успѣха этого предпріятія генералъ Циммерманъ приказалъ капитану 1-го ранга Рогулѣ выслать лейтенанта Дубасова съ канонеркой «Фульджеро» и двумя паровыми катерами на видъ Мачина, съ тою цѣлью, чтобы угрожая городу аттакой, удержать въ немъ часть турецкой артиллеріи и гарнизона, лишивъ ихъ такимъ образомъ возможности подать помощь аттакуемымъ, и съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы флотилія наша могла показаться въ виду Мачина на разсвѣтѣ, когда, какъ предполагалось, десантныя роты успѣютъ уже высадиться. Для руководства по исполненію флотиліей ея демонстраціи въ связи съ общей

задачей предпріятія — былъ посланъ вмѣстѣ съ Дубасовымъ генеральнаго штаба подполковникъ Шуруповъ.

Надо замѣтить, что состояніе атмосферы не особенно благопріятствовало предпріятію: была чудная теплая ночь, на небѣ ни облачка, неподвижный воздухъ ясенъ и прозраченъ, какъ только можетъ онъ быть иными ночами на югѣ и — къ довершенію неудобства — яркая полная луна заливала Дунай и дальнія очертанія его береговъ серебристымъ свѣтомъ, такъ что каждая точка — случайный челнокъ, какое-нибудь бревно, или плывущая суковатая корча, вступая въ область луннаго отраженія, на главномъ, т. е. ближайшемъ къ намъ руслѣ, — ясно чернѣлись на зеркально-гладкой поверхности рѣки. Лица, слѣдившія съ галацскаго берега за ходомъ нашихъ лодокъ, отчетливо видѣли, какъ онѣ, переплывъ главное русло, имѣющее въ этомъ мѣстѣ болѣе версты въ ширину, подошли къ затопленной и покинутой жителями-турками деревушкѣ Заклый и вступили въ широкую область разлива и плавней, которыя, словно узкія черныя полосы острововъ, выступали изъ осребренныхъ водъ рядами камышей и осоки. Видно было, какъ лодки медленно подвигались какъ бы зигзагами впередъ, все дальше и дальше по громадному разливу, то появляясь въ свѣтлыхъ полосахъ воды, то скрываясь въ камышахъ. Все пространство низменности, въ нѣсколько верстъ шириною, до самой подошвы Буджака, было сплошь затоплено. Всѣ мосты были сломаны, а дорога перекопана турками и залита разливомъ.

Переплывъ на ту сторону, многія лодки попали на мели, но все-таки успѣли къ десяти часамъ вечера собраться въ одномъ мѣстѣ, у камышей, верстахъ въ четырехъ отъ Галаца и въ трехъ отъ Буджака, гдѣ и простояли до половины втораго часа ночи, въ ожиданіи луннаго заката. Съ наступленіемъ же этого момента, роты Рязанскаго полка *) направились къ востоку, для того чтобы, обогнувъ въ темнотѣ мысъ Буджака съ восточной стороны, сдѣлать тамъ высадку; роты же Ряжскаго полка пошли прямо къ югу, чтобы, проплывъ

*) Сперва 2-я стрѣлковая капитана Клоченко, потомъ 3-я стрѣлковая поручика Заваліевскаго, 10-я штабсъ-капитана Кирилова, 6-я поручика Эльснера и 5-я поручика Кюрто.

какъ можно дальше, или высадиться, или же способствовать высадкѣ рязанцевъ, угрожая тылу непріятеля.

Вскорѣ работа веслами оказалась безполезною: плывя по лугамъ и болотамъ, пришлось отпихиваться баграми и даже, мѣстами, тащить лодки волокомъ, на лямкахъ, по грудь въ водѣ, высвобождая ихъ изъ путъ камыша и кустарника. При этомъ нога глубоко уходила въ илистую почву, люди часто спотыкались, падали, попадали въ подводную трясину, откуда ихъ съ трудомъ надо было вытаскивать. Но этимъ еще не ограничивались невзгоды десантнаго отряда: турки, благодаря своимъ удивительно ловкимъ шпіонамъ, знали заранѣе о готовящейся переправѣ и потому, зорко наблюдая за нашими дѣйствіями, заблаговременно приготовились ко встрѣчѣ и усилили способы обороны; такъ, они во многихъ мѣстахъ перегородили плавни лозовымъ плетнемъ и особаго рода цѣпями, скрученными изъ фашинника, а ближайшіе подступы къ твердому берегу окружили фашинными и бревенчатыми бонами и даже рыболовными сѣтями; подъемъ же на возвышенность былъ изрытъ рядами стрѣлковыхъ ложементовъ, доставившихъ противнику оборону въ нѣсколько ярусовъ.

Буджакская возвышенность вдается въ низину довольно узкимъ и длиннымъ мысомъ, и потому огибающее его теченіе разлива въ этомъ мѣстѣ довольно быстро; попавъ же въ самую быстрину, многія лодки, гдѣ гребцами сидѣли непривычные къ этому дѣлу пѣхотинцы, не могли выгрести; нѣкоторыя изъ судовъ снесло теченіемъ далеко въ сторону отъ мѣста предполагавшейся высадки, а люди, шедшіе въ водѣ, едва могли держаться на ногахъ отъ ея напора. Рязанскія роты успѣли обогнуть буджакскій мысъ около половины третьяго часа ночи. Хотя ихъ лодки старались плыть по окраинамъ камыша, чтобы быть менѣе на виду, да и свѣтать еще не начинало въ это время, тѣмъ не менѣе турки открыли по нимъ съ дальнихъ разстояній самый учащенный огонь; кромѣ того передовая цѣпь ихъ укрыто засѣла кое-гдѣ въ самыхъ плавняхъ. Къ довершенію всѣхъ этихъ неудобствъ, на нашихъ десантныхъ лодкахъ было вдругъ замѣчено, что окраина камышей приближается къ самому берегу, и тростникъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлался очень густъ, вслѣдствіе чего лодки рязанскихъ ротъ пошли гораздо медленнѣе, а управленіе и командованіе

ими стало очень затруднительнымъ. Но къ счастью дунайскій протокъ Чуломецъ, проходящій, какъ уже сказано, параллельно восточному берегу Буджака, далъ возможность направить нѣсколько лодокъ далѣе, какъ для того, чтобы угрожать высадкой, такъ и для того въ особенности, чтобы обойдти небольшой мысокъ, съ котораго обстрѣливался съ боку подступъ рязанскихъ ротъ къ берегу. Этотъ послѣдній маневръ заставилъ противника растянуть свое береговое расположеніе,—и рязанскія лодки, по мѣрѣ того, какъ успѣвали прорываться сквозь плавни, быстро подходили къ берегу; люди выскакивали, кто какъ могъ, подъ градомъ пуль, къ счастью, летѣвшихъ черезъ головы; имъ пришлось терпѣливо преодолѣвать мучительныя препятствія и капканы: они рвали сѣти, ломали плетни, рубили боны — все это требовало времени, усилій, и поминутно задерживало наступленіе.

Нѣсколько изъ нашихъ молодыхъ солдатъ не выдержали и еще съ лодокъ открыли было отвѣтный огонь, пустивъ пять-шесть выстрѣловъ, но ихъ тотчасъ же строго удержали отъ безполезной и вредной траты зарядовъ. Многіе изъ нихъ, еще не подплывъ къ самому берегу, нетерпѣливо соскакивали за бортъ и шли впередъ, по грудь и даже по горло въ водѣ. Все это дѣлалось съ замѣчательнымъ одушевленіемъ.

Было ровно три часа ночи, когда наконецъ первыя двѣ-три лодки подчалили къ берегу.

Первыми выскочили на твердую почву непріятельскаго берега два молодыхъ офицера Рязанскаго полка: прапорщикъ Сушковъ и поручикъ Эльснеръ, котораго тутъ же и ранило пулею. Двѣ рязанскія роты достигли берега ранѣе прочихъ и спѣшно высаживались подъ прикрытіемъ флангового огня остальныхъ своихъ ротъ, остававшихся еще въ лодкахъ.

По мѣрѣ выхода на берегъ, люди собирались въ звѣнья и, раскинувшись цѣпью, тотчасъ же бросились впередъ на ложементы. Безпорядочный огонь противника въ это самое время умолкъ было на минуту: турки выжидали и, подпустивъ нашихъ на полтораста шаговъ къ своимъ ложементамъ, вдругъ открыли по нимъ огонь залпомъ, который впрочемъ сейчасъ же перешелъ у нихъ въ непрерывную бѣглую трескотню. Съ непривычки, прислушиваясь издали, на водѣ, къ звуку выстрѣловъ, казалось, будто это трещитъ въ кострѣ

пылающій свѣжій ельникъ. Здѣсь турки впервые въ нынѣшнюю войну примѣнили къ дѣлу свою систему *обливанія* свинцовымъ дождемъ всего района мѣстности, занимаемой противникомъ. Но и обливаніе не устрашило молодцовъ-рязанцевъ: учащая шагъ, они продолжали наступать на ложементы, не смотря на то, что приходилось идти по разрыхленнымъ кукурузнымъ пашнямъ и затѣмъ взбираться на каменистыя крутизны, имѣвшія болѣе тридцати сажень вышины. При этомъ движеніи былъ убитъ поручикъ Васильевъ, произведенный въ офицеры только въ концѣ ноября 1876 года. Тутъ же легло и нѣсколько нижнихъ чиновъ, убитыми и ранеными; между послѣдними былъ и прапорщикъ Отрашкевичъ-Погожевъ. Когда наконецъ наши взобрались на гребень высоты, — турки дрогнули и перебѣжали за лощинку до слѣдующихъ ложементовъ. Между тѣмъ, мало-по-малу причаливали къ берегу и остальныя роты, которыя тотчасъ же выстраивались въ боевой порядокъ ротными колоннами. Силы были не равны, особенно же чувствовалось отсутствіе у насъ артиллеріи, въ которой была такая настоятельная надобность именно въ эту минуту, но которая не успѣла еще причалить. Не смотря на ожесточенный усиленный огонь, войска наши тотчасъ же двинулись въ поддержку двумъ передовымъ ротамъ, вслѣдъ за отступающимъ непріятелемъ. Наша аттака велась по обѣимъ сторонамъ холмистаго кряжа, въ направленіи на деревни Гарвино и Вокарени. Турки дрались очень стойко и два раза густыми колоннами устремлялись на нашихъ во встрѣчную штыковую аттаку, причемъ наши одинъ разъ даже подались было назадъ, но будучи своевременно поддержаны резервомъ, тотчасъ же поправились и приняли въ штыки наступающаго противника. Аттаки турокъ могли бы быть гораздо удачнѣе, если бы онѣ велись не столь скученными массами, представлявшими для нашихъ стрѣлковъ отличную цѣль, а главное— если бы турки болѣе соображали свой шагъ съ разстояніемъ до противника: ихъ колонны еще за нѣсколько сотъ шаговъ уже пускались бѣгомъ и потому утомлялись значительно ранѣе момента столкновенія, такъ что чѣмъ ближе подходили они къ нашимъ, тѣмъ болѣе укорачивался ихъ бѣгъ, переходя въ неровный, колеблющійся, безпорядочный шагъ, ли-

шенный надлежащей энергіи для удара; турки сходились съ нашими уже сильно запыхавшись и измаявшись продолжительнымъ бѣгомъ. Наши, напротивъ того, двигались на встрѣчу ровнымъ, спокойнымъ шагомъ и потому въ минуту штыковаго удара экономія физическихъ силъ давала перевѣсъ нашей сторонѣ, не смотря на то, что людей у насъ было чуть не на половину меньше, чѣмъ у турокъ. Въ общемъ дѣло представляло рядъ непродолжительныхъ съ нашей стороны перестрѣлокъ и аттакъ перекатными цѣпями; въ результатѣ каждой аттаки, противникъ, выбиваемый изъ одной позиціи, перебѣгалъ на слѣдующую, чему очень помогалъ и самый характеръ мѣстности, представляющей кряжистую цѣпь холмовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго неглубокими сѣдловинами. Пытались было турки нѣсколько разъ пускать на нашу цѣпь черкесскую конницу, но всѣ аттаки послѣдней были успѣшно отражаемы залпами кучекъ. Однажды только налетѣли черкесы на два звѣна и окружили ихъ густою лавой, требуя сдачи; наши отбились огнемъ въ упоръ и штыками, и хотя нѣсколько человѣкъ пало подъ ударами шашекъ, за то не мало и черкесовъ съ ихъ конями было уложено вокругъ обѣихъ кучекъ.

Когда рязанцы успѣли захватить послѣдовательно, одну за другою, три высоты, десантъ Ряжскаго полка началъ подходить къ западному берегу Буджака и, рота за ротою, появляться на мѣстѣ боя. Ряжцы очень удачно успѣли — именно, благодаря пункту своей высадки—зайдти во флангъ и частію въ тылъ противнику, что и рѣшило его окончательное отступленіе по направленію къ югу. Такимъ образомъ, наша пѣхота прошла съ непрерывнымъ боемъ около двѣнадцати верстъ и остановилась для крайне необходимаго отдыха за деревнею Гарвино. Выстрѣлы стихли и дѣло на нѣсколько времени прекратилось.

Въ то самое время, когда завязался первый бой на передовой возвышенности Буджака, наша демонстративная флотилія вошла въ мачинскій рукавъ и показалась въ виду Мачина, лавируя на высотѣ сожженой 14-го мая караулки, около того мѣста, гдѣ былъ пущенъ ко дну броненосецъ «Хивзи-Рахманъ». Турки открыли по ней канонаду изъ двухъ орудій, защищавшихъ городъ, и выпустили около двадцати

снарядовъ. «Фульджеро» отвѣтилъ только четырьмя выстрѣлами своего носоваго 9-ти-фунтоваго орудія *), и то лишь для того собственно, чтобы, обнаруживъ у себя присутствіе артиллеріи, удержать турецкія орудія на мачинскихъ батареяхъ и тѣмъ лишить ихъ возможности присоединиться на помощь къ своимъ войскамъ, сражавшимся на буджакскомъ кряжѣ. Лавируя все время по рукаву отъ одного берега къ другому, лейтенанту Дубасову удалось избѣгнуть послѣдствій турецкаго огня, направляемаго на сей разъ вообще довольно мѣтко, и когда около шести часовъ утра на нашихъ судахъ услышали, что перестрѣлка на Буджакѣ замолкла—Дубасовъ подалъ сигналъ къ отступленію и благополучно возвратился съ флотиліей въ Браиловъ.

Въ восьмомъ часу утра къ отступившимъ туркамъ подошли подкрѣпленія, съ двумя орудіями, и это дало имъ возможность вскорѣ возобновить съ нами дѣло. Противникъ повелъ аттаку со стороны села Жижила на правый флангъ нашего расположенія, гдѣ стояли 11-я линейная и 2-я стрѣлковая роты Ряжскаго полка, которыя, встрѣтивъ аттакующаго огнемъ, заставили его дать тылъ и тотчасъ же перешли въ наступленіе. Но увлекшись преслѣдованіемъ, роты эти не замѣтили, какъ противникъ, заманивая ихъ своимъ отступленіемъ все дальше и дальше, неожиданно навелъ ихъ подъ близкій огонь двухъ орудій. Наши уже хотѣли было броситься на батарею, какъ вдругъ замѣтили, что они охвачены и совершенно отрѣзаны отъ своихъ черкесскою конницей, въ количествѣ отъ 300 до 400 всадниковъ, внезапно налетѣвшихъ съ тылу изъ засады. Въ то же время отступавшая доселѣ турецкая пѣхота вновь повернула фронтъ и пошла въ аттаку на обѣ роты. Остальныя части нашего отряда, видя критическое положеніе товарищей, тотчасъ же быстро двинулись впередъ — и горячій бой закипѣлъ по всей линіи. Одушевленіе и упорство съ обѣихъ сторонъ были равныя: цѣпи сближались на 30 шаговъ, стрѣляли въ упоръ и бросались въ рукопашную. Ряжцы, составлявшіе правое крыло отряда, израсходовали уже всѣ свои резервы. 11-я и 2-я стрѣлко-

---

*) Это было орудіе, взятое изъ полевой артиллеріи и поставленное на морской лафетъ.

вая роты, отбиваясь отъ пѣхоты штыками, вынуждены были половину своего состава обратить противъ конницы, и эти послѣдніе взводы привели въ изумленіе турецкихъ кавалеристовъ: вмѣсто того, чтобы встрѣтить несущихся всадниковъ огнемъ кучекъ, они, давъ по нимъ залпъ, сами кинулись бѣгомъ въ аттаку на кавалерію. Отчаянная дерзость этого неожиданнаго маневра такъ изумила черкесовъ, что они, не выждавъ встрѣчнаго удара, разсыпались какъ рой шмелей и удрали... Такимъ образомъ, обѣ роты, освободившія сами себя отъ охватившаго ихъ кольца, примкнули къ остальнымъ своимъ подошедшимъ товарищамъ и продолжали фронтальный бой съ турецкою пѣхотой. Уже безъ малаго два часа длилось возобновившееся дѣло, а артиллерія наша, встрѣтившая въ плавняхъ массу препятствій, все еще не могла высадиться на твердый берегъ. Недостатокъ орудій живо давалъ себя чувствовать всѣмъ, до послѣдняго человѣка, и когда напоръ турецкой пѣхоты, поддержанный частою картечью, заставилъ нашихъ податься нѣсколько назадъ—въ рядахъ видѣли, какъ черкесы, въ трехъ-стахъ шагахъ отъ фронта, начали истязать и уродовать нашихъ раненыхъ. Одно звѣно, не замѣтившее отступленія товарищей, было въ мигъ окружено турками, но не хотѣло сдаться. Эта горсть храбрецовъ до послѣдняго человѣка была перестрѣляна въ упоръ, изрублена и обезглавлена; тутъ погибли поручики Никольскій и Васильевъ; турки однимъ отсѣкали головы, у другихъ, еще живыхъ, отрѣзывали половыя части и втискивали ихъ въ ротъ; злодѣи, схвативъ отрубленныя головы за волосы, швыряли ими, какъ мячиками, въ нашу сторону. Въ виду этихъ, впервые воочію увидѣнныхъ злодѣйствъ, наши солдаты пришли въ такое ярое остервенѣніе, — что нѣсколько ротъ, стоявшихъ ближе прочихъ къ мѣсту этой звѣрской потѣхи, сами, безъ всякой команды ринулись впередъ—и тутъ уже никому не было пощады. Напрасно отдѣльные люди кидали оружіе, и на колѣняхъ кричали «аманъ»—все живое ложилось подъ ударами штыковъ и прикладовъ. Остальныя роты, увидѣвъ неожиданный и столь стремительный натискъ своихъ товарищей, сейчасъ же примкнули къ нимъ и «на ура» бросились на противника. Между тѣмъ черкесы, прогнанные встрѣчною аттакой нашихъ пѣхотинцевъ, успѣли снова собраться въ

одной укрытой лощинѣ и съ гикомъ вынеслись изъ нея въ обхватъ нашего праваго фланга, гдѣ шла наиболѣе ожесточенная штыковая работа. Моментъ былъ критическій, но, къ счастью, подполковникъ Акинфіевъ (Ряжскаго полка) успѣлъ во-время замѣтить опасность и повернулъ въ сторону налетавшихъ черкесовъ; часть храбрецовъ, которые, увлекшись личнымъ примѣромъ своего ближайшаго начальника, поручика Ермолова, вслѣдъ за встрѣчнымъ залпомъ, еще разъ бросились бѣгомъ въ аттаку на кавалерію. Черкесы были вторично отброшены. Въ это самое время прискакало на позицію первое наше орудіе, подъ командой капитана Липинскаго, и первая же его граната очень удачно лопнула между двухъ турецкихъ пушекъ. Услышавъ звукъ своего артиллерійскаго выстрѣла, вся наша линія привѣтствовала его дружнымъ «ура» и уже безостановочно, не смотря на страшную жару и утомленіе, стала насѣдать на отступающихъ турокъ. Одновременно съ орудіемъ появились и двѣ свѣжія ряжскія роты, удачно высадившіяся противъ лѣваго фланга противника, что̀ и дало намъ всѣ выгоды флангового обхода. Съ этого момента перевѣсъ боя окончательно склонился на нашу сторону. Артиллерійскій и руженый огонь противника уже утратилъ прежнюю энергію, затѣмъ началъ мало-по-малу стихать и, наконецъ, въ одиннадцатомъ часу утра совсѣмъ прекратился. Турки спѣшили уходить частью на Исакчу, частью же на Гирсово, и вскорѣ скрылись изъ вида въ густыхъ облакахъ пыли, успѣвъ зажечь предъ отступленіемъ большія скирды болгарскаго сѣна, но побросавъ нѣсколько изъ своихъ убитыхъ и раненыхъ и десять зарядныхъ ящиковъ, сплошь наполненныхъ патронами. По показаніямъ плѣнныхъ, противъ насъ дралось 3,000 регулярныхъ пѣхотинцевъ и отъ 300 до 400 конныхъ черкесовъ, при двухъ орудіяхъ.

Во все время боя поселяне ближайшаго къ мѣсту дѣйствія села Гарвина собрались въ свою церковь и молились о дарованіи намъ побѣды; а когда двѣ рязанскія роты (10-я линейная и 3-я стрѣлковая) проходили черезъ это село для занятія гарвинской высоты, гдѣ находился турецкій блокгаузъ, то поселяне вышли къ нимъ на встрѣчу съ крестнымъ ходомъ, и священникъ окропилъ обѣ роты св. водою.

Генералъ Жуковъ остался на послѣдней взятой съ боя позиціи, между деревнями Гарвино и Вокарени, фронтомъ къ Мачину, и здѣсь поздравилъ войска съ первою побѣдой. Бой съ часовымъ перерывомъ длился около восьми часовъ, подъ убійственною жарою. Уже въ 7 часовъ утра термометръ въ Галацѣ показывалъ 25 градусовъ; въ 10 часовъ ртуть въ Реомюрѣ поднялась до 30-ти, а въ $10^3/_4$ стояла уже на 41-мъ градусѣ.

Не считая легко раненыхъ и контуженыхъ, которые самоотверженно возвращались въ бой тотчасъ же послѣ первой перевязки, наша потеря заключалась въ 134-хъ человѣкахъ, выбывшихъ изъ строя, изъ коихъ убито 44, и болѣе или менѣе тяжело ранено 99, а именно:

Рязанскаго полка убиты: подпоручикъ Васильевъ и 10 нижнихъ чиновъ, ранены: поручикъ Эльснеръ и 25 нижнихъ чиновъ.

Ряжскаго полка убиты: поручики Васильевъ и Никольскій и нижнихъ чиновъ 31 человѣкъ, ранены: поручикъ Отрашкевичъ-Погожевъ и 63 нижнихъ чина.

Товарищи-солдаты собрали изувѣченныя тѣла убитыхъ, отыскали ихъ отсѣченныя и обезображенныя головы, съ отрубленными носами и ушами, съ разорванными до скулъ ртами, и похоронили ихъ въ одной братской могилѣ, надъ которою полковой священникъ отслужилъ панихиду. Нѣсколько въ сторонѣ была вырыта другая могила, гдѣ закопали убитыхъ турокъ.

Генералъ-маіоръ Жуковъ, донося о дѣлѣ на буджакскихъ высотахъ, выставилъ полковниковъ Шульгина, Шелковникова и Михѣева, подполковника Акинфіева, капитана Клоченко и поручика Ермолова, какъ лицъ, которыя своею распорядительностью наиболѣе способствовали нашему успѣху. Войска, участвовавшія въ бою, цѣлыя сутки простояли на позиціи, пока не присоединились къ нимъ остальныя роты ихъ полковъ и три орудія, а 12-го іюня, съ восходомъ солнца, выступили съ бивуака въ Мачинъ, по требованію генерала Циммермана.

Государь Императоръ, въ девять часовъ вечера, 10-го іюня, выѣхалъ изъ Плоештовъ и въ три часа ночи прибылъ въ Браиловъ, откуда, послѣ кратковременной остановки, продол-

жалъ путь до Галаца. Его Величество сопровождали Государь Цесаревичъ и Великіе Князья Владиміръ, Алексій и Сергій Александровичи. Прибывъ въ Галацъ, Государь Императоръ прямо со станціи желѣзной дороги поѣхалъ въ мѣстный военно-временный госпиталь, куда уже успѣли перевезти всѣхъ раненыхъ. Здѣсь невольно поражали всѣхъ замѣчательная выносливость и терпѣніе русскаго солдата: очевидцы разсказывали, что во время переноски и нѣкоторыхъ ампутацій не было слышно не только жалобъ, но даже и стоновъ почти не раздавалось. Между этими страдальцами не мало нашлось раненыхъ штыками и шашками. Государь милостиво разговаривалъ съ ранеными и, узнавъ, что первымъ вышелъ на непріятельскій берегъ поручикъ Эльснеръ, подалъ ему руку и лично вручилъ георгіевскій крестъ 4-й степени. Въ войскахъ нашей пѣхоты это была первая офицерская награда за нынѣшнюю кампанію. Тотъ же орденъ, по волѣ Его Величества, былъ пожалованъ генералъ-маіору Жукову и прапорщику Сушкову. Государь Императоръ обошелъ всѣ госпитальныя палаты, радостно привѣтствуемый ранеными солдатами, которымъ Его Величеству благоугодно было назначить сверхъ георгіевскихъ крестовъ еще и денежныя пособія. Посѣтивъ лагерь 65-го пѣхотнаго Московскаго полка, Государь Императоръ въ семь часовъ утра (11-го числа) выѣхалъ изъ Галаца въ Браиловъ. Въ ожиданіи Высочайшаго пріѣзда, браиловскіе жители вышли на встрѣчу Державному Гостю, въ праздничныхъ нарядахъ, съ букетами розъ и жасминовъ, съ лавровыми и миртовыми вѣнками. Около девяти часовъ утра Императорскій поѣздъ подошелъ къ браиловской станціи, откуда Его Величество, встрѣченный Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и его свитой, тотчасъ же направился въ открытой коляскѣ къ большому лагерю войскъ 14-го корпуса. Тамъ войска, въ полномъ боевомъ снаряженіи, съ четырехдневнымъ запасомъ сухарей, но безъ ранцевъ, уже были выстроены для напутственнаго молебствія, которое должно было совершать духовенство 14-го корпуса. Божественное служеніе среди открытаго поля началось тотчасъ же по прибытіи Его Величества въ лагерь. Знамена, окружавшія аналой, были окроплены святою водою.

По окончаніи молебствія, войска были двинуты къ переправѣ. Объ отступленіи турокъ изъ Мачина ходили только

разные слухи, но еще не было положительныхъ свѣдѣній, и потому всѣ надѣялись, что тотчасъ же по переправѣ вступятъ въ бой. Общее настроеніе войскъ было радостное, восторженное. Двинутые по мановенію Монарха, полки привѣтствовали изъявленіе Его державной воли громкими, продолжительными криками «ура» и проходили мимо Императора съ музыкой и веселыми пѣснями. Не смотря на 30-ти градусную жару, ротные плясуны, заломивъ шапки на затылокъ, съ «ложками» и цвѣтами въ рукахъ, отбивали лихаго трепака впереди своихъ фронтовъ. Это шествіе въ предполагаемый бой являлось истинно военнымъ торжественнымъ праздникомъ. Звонъ городскихъ колоколовъ, трубы и барабаны, радостные клики, гудѣніе бубновъ, звяканье металлическихъ тарелокъ, искусные соловьиные высвисты и множество скрещивавшихся въ воздухѣ широкихъ мотивовъ русскихъ пѣсень—все это сливалось вмѣстѣ и стояло однимъ свѣтлымъ, ликующимъ, непрерывнымъ гуломъ надъ громаднымъ пространствомъ лагернаго поля, и надъ городомъ, и внизу надъ Дунаемъ. Всѣ суда, наполнявшія браиловскій портъ, разцвѣтились пестрыми флагами; на городскихъ улицахъ тоже развѣвались флаги русскихъ, болгарскихъ, сербскихъ и румынскихъ національныхъ цвѣтовъ; окна и балконы красиво пестрѣли коврами, яркими тканями, цвѣточными гирляндами и роскошною комнатною зеленью, а подъ ними, на тротуарахъ и площадяхъ, въ ожиданіи проѣзда Государя, колыхалась и гудѣла говоромъ, празднично настроенная толпа городскихъ жителей. Войска, спускавшіяся съ возвышенности, мало-по-малу залили своими стройными массами всю низменную плоскость подгорнаго браиловскаго берега, у пристани и у понтоннаго моста, который какъ длинная, ровно вытянутая лента, стройно перебросился чрезъ всю ширину рѣки вдаль, къ гечетскому берегу. За рѣкою, равно какъ и на самомъ мосту пока еще господствовала мертвая пустота, тишина—словомъ, полное отсутствіе жизни и движенія, которыя за то кипѣли внизу у пристани, какъ въ пчелиномъ ульѣ. Канонерки: «Фульджеро», «Rondinica» (Ласточка), «Румынія» и пароходъ «Стефанъ Великій», всѣ подъ русскими флагами, вытянулись у пристани, таща за собою на буксирѣ—каждое судно по двѣ блиндированныя баржи, вооруженныя съ носа и съ кормы двумя ору-

діями. Кромѣ этихъ судовъ, тутъ же находились сорокъ гребныхъ лодокъ, на десять человѣкъ, кромѣ гребцовъ, каждая. Въ половинѣ десятаго началась посадка войскъ на суда. Предъ отправленіемъ ихъ, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ сказалъ людямъ нѣсколько воодушевляющихъ словъ, на которыя со всѣхъ сторонъ раздались отвѣтные крики: «Постараемся! Не выдадимъ! Ляжемъ до послѣдняго, а не отступимъ!»

Въ десять часовъ на мостъ вступили первые два батальона; въ то же время три миноноски «Царевичъ», «Ксенія» и «Джигитъ» направились въ мачинскій рукавъ на развѣдку—не появились ли тамъ отъ Гирсова броненосцы, которые могли бы, спустясь далѣе внизъ, мѣшать нашей переправѣ. Въ случаѣ, если бы броненосцы дѣйствительно тамъ оказались, наши миноноски должны были немедленно аттаковать ихъ, во что̀ бы то ни стало.

Великій Князь Главнокомандующій со своею свитой, спустясь верхомъ съ прибрежныхъ высотъ, остановился у входа на мостъ и, пропуская мимо себя войска, обратился къ нимъ съ краткою, энергически сказанною, напутственною рѣчью, въ отвѣтъ на которую зашумѣло могучее «ура», подхваченное и горожанами, пестро̀ унизавшими карнизъ прибрежной возвышенности, и частями войскъ,—какъ тѣми, что̀ уже сѣли на суда, такъ и тѣми, что̀ кишѣли еще у пристани, и тамъ на верху, у лагернаго поля, и тѣми, что̀ шли уже по̀ мосту; откликнулись и люди съ сорока лодокъ, плывшихъ по Дунаю вслѣдъ за миноносками, — отовсюду неслись эти восторженные клики. Отплывающіе солдаты махали бѣлыми шапками, а въ отвѣтъ имъ на высокомъ берегу женскіе батистовые платки привѣтно мелькали въ воздухѣ, ребятишки размахивали флагами, тысячи рукъ посылали во слѣдъ уходящимъ благословенія; болгарскія дѣвушки съ края обрыва кидали внизъ на головы тѣсно столпившихся солдатъ цвѣты, вѣнки и букеты.... Передовые батальоны, пущенные по мосту, уже приближались къ тому берегу, и легкій вѣтерокъ доносилъ оттуда высокія, звѣнящія нотки ротныхъ подголосковъ и стройные оркестровые звуки красиваго марша. Про̀рвало наконецъ роковую плотину — и волна русскаго войска, столь долго скованнаго томительнымъ ожиданіемъ и бездѣйствіемъ, хлынула на ту сторону.... Вслѣдъ за передо-

выми батальонами вступила на мостъ авангардная сотня донцовъ, съ подполковникомъ генеральнаго штаба Шуруповымъ, а вскорѣ за тѣмъ и вся 1-я донская казачья дивизія, которая, миновавъ Гечетъ, переправлялась черезъ рукавъ къ Мачину вплавь, причемъ въ дивизіи утонуло двѣнадцать лошадей; люди же всѣ переправились благополучно.

Въ исходѣ десятаго часа тронулись въ путь «Рондиника» и «Румынія» со своими баржами. На ихъ палубахъ гремѣла музыка, раздавались пѣсни.

Государь Императоръ и Великіе Князья, осмотрѣвъ береговую батарею № 4 (мортирную), построенную на далеко выдающейся впередъ оконечности остраго мыса, какъ-разъ противъ мачинскаго рукава, оставили Браиловъ и въ полдень отправились по желѣзной дорогѣ въ Плоешты.

Министръ Двора, по порученію Его Величества, послалъ графу Мольтке, какъ шефу 69-го пѣхотнаго Рязанскаго полка, слѣдующую телеграмму:

«По Высочайшему повелѣнію, имѣю честь извѣстить ваше превосходительство, что на долю вашего Рязанскаго пѣхотнаго полка выпала честь 22-го (10-го) іюня перейдти Дунай у Галаца, какъ передовой части войскъ русской арміи, вступить на непріятельскую территорію и послѣ славнаго боя заслужить первые ордена св. Георгія, какъ офицерскіе, такъ и солдатскіе».

Его Императорское Величество соизволилъ пожаловать, кромѣ офицерскихъ наградъ, всѣмъ переправившимся и участвовавшимъ въ бою частямъ по три знака отличія военнаго ордена на роту, а 11-й линейной и 2-й стрѣлковой ротамъ Ряжскаго полка по пяти.

Съ отъѣздомъ Государя Императора, командиръ 14-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ со своимъ штабомъ перешелъ на палубу «Фульджеро». Вмѣстѣ съ этимъ, въ $11^{3}/_{4}$ часовъ утра, пароходъ «Стефанъ Великій» отвалилъ отъ пристани, таща на буксирѣ двѣ баржи съ полутора-тысячью человѣкъ.

Два полка остались пока на пристани въ резервѣ. Вскорѣ послѣ полудня «Фульджеро» догналъ «Рондинику» и «Румынію», и въ часъ пополудни вся эта флотилія показалась уже въ виду Мачина, который казался совершенно опустѣвшимъ, мертвымъ

городомъ. Имѣя въ виду, что турки, засѣвшіе въ строеніяхъ, легко могутъ устроить внезапную ловушку, генералъ Циммерманъ, на всякій случай, приказалъ судамъ остановиться въ рукавѣ у противоположнаго Мачину берега и выстроиться въ боевой порядокъ. Но вотъ показалась издали толпа мачинскихъ жителей, предшествуемая православнымъ духовенствомъ, съ крестнымъ ходомъ. Въ часъ и 20 минутъ флотилія направилась къ мачинскому берегу и началась высадка. Представители болгарскаго населенія поднесли генералу хлѣбъ-соль, а три священника, въ полномъ облаченіи, съ небольшими деревянными крестами въ рукахъ, отслужили на мѣстѣ высадки благодарственную литію и окропили войска святою водою. Приложившись ко кресту, представитель русской арміи, со штабомъ 14-го корпуса, предшествуемый крестнымъ ходомъ, двинулся въ Мачинъ, во главѣ нашего славнаго 68-го лейбъ-пѣхотнаго Бородинскаго Его Величества полка, за которымъ слѣдовали четыре полевыя орудія. Церковный хоръ во все время шествія пѣлъ «Благословенъ грядый во имя Господне» и «Спаси Господи люди Твоя», а музыка Бородинскаго полка играла «Боже Царя храни», и при звукахъ этого гимна полкъ, съ распущенными знаменами, торжественно вступилъ въ первый на турецкой землѣ занятый нами городъ. На площади генералъ Циммерманъ пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ, при радостныхъ кликахъ и манифестаціяхъ христіанскаго населенія. Оказалось, что мѣстнымъ туркамъ было заранѣе извѣстно въ точности наше намѣреніе аттаковать буджакскія высоты въ ночь съ 9-го на 10-е іюня, и потому бо́льшая часть жителей-магометанъ еще 9-го вечеромъ поспѣшила оставить городъ, а запоздавшіе ушли послѣ окончанія дѣла на буджакскихъ высотахъ, вслѣдъ за своими отступившими войсками. Всю ночь, пока шло дѣло, турецкія семейства выбирались изъ Мачина, а черкесы и баши-бузуки въ то же время грабили христіанскія лавки и совершали неистовства. На одномъ изъ дворовъ нашимъ офицерамъ показали три трупа: то была еще молодая мать-болгарка, съ двумя дочерьми-подростками; на всѣхъ трехъ оказались слѣды изнасилованія; насытивъ свои скотскія вожделенія, турки вырѣзали изъ кожи этихъ мученицъ на рукахъ и грудяхъ широкіе ремни и связали ими три трупа вмѣстѣ. Объ этомъ звѣрствѣ былъ тутъ же состав-

ленъ протоколъ, равно какъ и еще другой объ истязаніяхъ, совершенныхъ во время дѣла надъ нашими ранеными. Но... невольно является горькое сомнѣніе: кому нужны въ Европѣ и къ чему послужатъ тамъ всѣ эти протоколы, чему они помогутъ?...

Тотчасъ же по занятіи города, казакъ изъ свиты генерала Циммермана одинъ-одинешенекъ отправился на развѣдку по окрестнымъ полямъ,—есть ли гдѣ еще турки. Въ пять часовъ дня онъ возвратился и донесъ, что вся окрестная страна очищена какъ турецкими войсками, такъ и мусульманскимъ населеніемъ. Генералъ Циммерманъ въ тотъ же день направилъ части войскъ на Гирсово, Исакчу, Тульчу и Бабадагъ, приказавъ генералу Жукову идти на соединеніе съ нимъ къ Мачину. Лейбъ-Бородинскій полкъ остался пока гарнизономъ въ этомъ городѣ. Къ 13-му іюня турки уже очистили безъ боя Исакчу и Тульчу, отступивъ по направленію къ Гирсову, а 16-го былъ безъ боя занятъ Бабадагъ казаками 1-й донской дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Шамшева.

Христіанское населеніе всѣхъ попутныхъ деревень встрѣчало казаковъ съ восторгомъ, но отовсюду приносились имъ горькія жалобы на невыносимыя притѣсненія и лютую жестокость черкесовъ. Бабадагское духовенство вышло къ нимъ на встрѣчу, въ полномъ облаченіи, съ крестнымъ ходомъ и провозгласило многолѣтіе «Всероссійскому и Болгарскому Царю Александру». Народъ, не умолкая, кричалъ «ура» и «живіе». На городской площади было во всеуслышаніе прочитано на болгарскомъ языкѣ воззваніе Государя Императора къ болгарскому народу *), принятое съ восторгомъ и слезами умиленія. Вмѣстѣ съ христіанами, встрѣтило казаковъ и мѣстное еврейское населеніе, со своимъ раввиномъ, который сказалъ генералу Шамшеву нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Немедленно же начали стекаться въ городъ представители окрестнаго населенія болгарскихъ и русскихъ сельскихъ обществъ, съ поздравленіями и хлѣбомъ-солью. Черкесскіе и турецкіе дворы, какъ въ городахъ, такъ и во всей Добруджѣ были покинуты ихъ обитателями, которые забрали съ собою и все имущество, не только свое, но и болгарское — что по-

*) Текстъ этого воззванія см. ниже.

пало подъ руку; нѣкоторые мусульмане удалились въ глубь страны еще ранѣе, вскорѣ вслѣдъ за объявленіемъ манифеста о войнѣ. Татары же, крымскіе переселенцы, почти на половину остались спокойно на мѣстахъ своего поселенія. Въ самый день вступленія въ Бабадагъ, генералъ - адъютантъ Шамшевъ получилъ точныя указанія, что черкесы и баши-бузуки неистовствуютъ въ деревняхъ: Кацапкіой, Каранасуфъ, Сарыюртъ и Хаманджи *), гдѣ убиваютъ мужчинъ, насилуютъ женщинъ и оскверняютъ православные храмы, и что болгарскія семейства, спасаясь отъ этихъ разбойниковъ, уже нѣсколько дней сидятъ въ плавняхъ безъ пищи.

Въ виду этого, генералъ Шамшевъ, утромъ 17-го іюня, выслалъ на поискъ два небольшіе казачьи отряда, вручивъ одинъ изъ нихъ полковнику Измайлову, а другой полковнику Слюсареву. Измайловъ въ тотъ же день настигъ, одну за другою, двѣ черкесскія шайки, около ста человѣкъ, разбилъ ихъ и отнялъ 70 штукъ оружія, 50 лошадей и 20,000 головъ разнаго скота. Черкесы оставили на мѣстѣ стычки 37 тѣлъ, не считая тѣхъ, которые погибли въ плавняхъ, въ то время, какъ бѣжали туда отъ спѣшенныхъ казаковъ. Въ плѣнъ взято семь человѣкъ, въ томъ числѣ извѣстные разбойники и заклятые враги христіанъ Кара-Мустафа (турокъ) и Аадемъ (арабъ). Первый изъ нихъ безнаказанно свирѣпствовалъ въ краѣ цѣлыя двѣнадцать лѣтъ, наводя ужасъ своими злодѣйствами, а въ послѣднее время состоялъ на службѣ турецкаго правительства, въ качествѣ лазутчика. Послѣ стычки съ казаками черкесы и баши-бузуки сразу очистили всю окрестную страну и бѣжали къ югу, за Трояновъ валъ; полковникъ же Измайловъ роздалъ мѣстнымъ жителямъ-христіанамъ отбитое у черкесовъ оружіе, скотъ и возвратился въ Бабадагъ, пробѣжавъ со своимъ отрядомъ въ теченіи сутокъ (съ 17-го на 18-е іюня) всего сто верстъ. Наша потеря въ стычкѣ: два раненыхъ казака, одна убитая и пять раненыхъ лошадей.

Отрядъ же полковника Слюсарева, высланный на поискъ къ сторонѣ селеній Татаръ - Рыбникъ и Татаръ - Ирымникъ, нигдѣ черкесовъ не нашелъ, но видѣлъ кровавые слѣды ихъ пребыванія и «работы» въ этой мѣстности. На улицахъ опу-

---

*) Всѣ эти деревни въ разстояніи 20 — 40 верстъ къ югу отъ Бабадага.

стѣвшей деревни Сарыюртъ лежало пятнадцать труповъ, страшно обезображенныхъ. Жители-христiане всѣ бѣжали въ лѣса *). Изъ распросовъ по дорогѣ полковникъ Слюсаревъ получилъ свѣдѣнiя, что турки отступили къ городу Меджидiе **) и далѣе, за Траяновъ валъ, что въ Меджидiе стоитъ до двухъ тысячъ пѣхоты и эскадронъ кавалерiи; въ самомъ же городѣ Кюстенджи войскъ нѣтъ: они перевезены по желѣзной дорогѣ въ Черноводы, а артиллерiя вывезена на пароходахъ въ Варну, и что, наконецъ, за Траяновымъ валомъ турки укрѣпляются и ожидаютъ египетскаго принца Гассана-пашу, съ прибытiемъ котораго у нихъ образуется корпусъ въ въ 25,000 человѣкъ, достаточный для перехода ихъ самихъ въ наступленiе

19-го iюня въ Бабадагѣ разнесся слухъ, будто наши войска намѣрены уйдти оттуда. Это произвело ужасное смятенiе: толпы народа, женщины и дѣти окружили генерала Шамшева, возвращавшагося съ рекогносцировки, и молили не оставлять ихъ городъ на жертву лютому мщенiю турокъ. Затѣмъ, явилось духовенство съ тою же мольбою — не покидать христiанъ, уже ограбленныхъ почти до-нага, на вѣрную мученическую смерть. Генералъ-адъютантъ Шамшевъ поспѣшилъ успокоить встревоженное населенiе и увѣрилъ его, что русскiя войска если и покинутъ Бабадагъ, то только для того, чтобы идти впередъ, къ Траянову валу.

Дальнѣйшiя свѣдѣнiя и развѣдки убѣдили, что все пространство Добруджи, отъ Дуная до Траянова вала, окончательно освобождено отъ турокъ и черкесовъ. Генералъ Циммерманъ немедленно же учредилъ по всей очищенной отъ непрiятеля странѣ гражданское управленiе и устроилъ правильное почтовое сообщенiе между ея главными пунктами и румынскимъ берегомъ. Въ Мачинѣ учрежденъ городской совѣтъ изъ среды достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей, по выбору самихъ жителей. Избраны четыре болгарина, три молдавана и нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ другимъ христiанскимъ народностямъ, для временнаго исполненiя судейскихъ и полицейскихъ обязан-

---

*) Впослѣдствiи оказалось, что черкесы свирѣпствовали въ Сарыюртѣ 17-го iюня, въ то самое время, какъ полковникъ Измайловъ имѣлъ стычку съ двумя другими ихъ шайками.

**) На линiи Кюстенджи-Черноводской желѣзной дороги.

ностей. Въ то же время по занятому краю было возвѣщено и распространено на болгарскомъ языкѣ слѣдующее воззваніе Государя Императора къ болгарскому народу:

«Болгаре!

«Мои войска перешли Дунай и вступаютъ нынѣ на землю вашу, гдѣ уже не разъ сражались они за облегченіе бѣдственной участи христіанъ Балканскаго полуострова. Неуклонно слѣдуя древнему историческому преданію, всегда черпая новыя силы въ завѣтномъ единомысліи всего православнаго русскаго народа, Мои прародители успѣли въ былые годы своимъ вліяніемъ и оружіемъ послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румынъ и вызвали эти народы къ новой политической жизни. Время и обстоятельства не измѣнили того сочувствія, которое Россія питала къ единовѣрцамъ своимъ на Востокѣ. И нынѣ она съ равнымъ благоволеніемъ и любовію относится ко всѣмъ многочисленнымъ членамъ великой христіанской семьи на Востокѣ. На храброе войско Мое, предводимое Моимъ любезнымъ братомъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, повелѣніемъ Моимъ возложено — оградить на вѣки вашу народность и утвердить за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ не мыслимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы пріобрѣли не силою вооруженнаго сопротивленія, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій, цѣною крови мучениковъ, въ которой такъ долго тонули вы и ваши покорные предки.

«Жители страны болгарской! Задача Россіи — созидать, а не разрушать. Она призвана Всевышнимъ Промысломъ согласить и умиротворить всѣ народности и всѣ исповѣданія въ тѣхъ частяхъ Болгаріи, гдѣ совмѣстно живутъ люди разнаго происхожденія и разной вѣры. Отнынѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина; ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы; ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманиномъ или кѣмъ другимъ. За каждое преступленіе безпощадно послѣдуетъ законное наказаніе. Жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, къ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ, будутъ одинаково обезпечены. Но не месть будетъ руководить нами, а сознаніе строгой

справедливости, стремленіе создать постепенно право и порядокъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ.

«Мусульмане Болгаріи! Къ вамъ обращаюсь Я со словомъ спасительнаго для васъ самихъ предостереженія. Съ горестью вспоминаю Я о недавнихъ жестокостяхъ и преступленіяхъ, совершенныхъ многими изъ васъ надъ беззащитнымъ христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова. Міръ не можетъ позабыть этихъ ужасовъ; но русская власть не станетъ вымѣщать на всѣхъ васъ содѣянныя вашими единовѣрцами преступленія. Справедливому, правильному и безпристрастному суду подвергнутся лишь тѣ немногіе злодѣи, имена которыхъ были извѣстны и вашему правительству, оставившему ихъ безъ должнаго наказанія. А вы—признайте чистосердечно судъ Божій, надъ вами безповоротно совершающійся. Смиренно покоритесь его священному предопредѣленію. Подчинитесь безусловно законнымъ требованіямъ тѣхъ властей, которыя будутъ установлены съ появленіемъ Моихъ войскъ. Исполняйте ихъ приказанія безпрекословно. Сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать и вамъ всѣ блага правильно устроенной гражданской жизни. Ваша вѣра останется неприкосновенною; ваша жизнь, достояніе, жизнь и честь вашихъ семействъ будутъ охраняемы.

«Христіане Болгаріи! Вы переживаете нынѣ дни, для васъ присно памятные. Пробилъ часъ освобожденія вашего отъ мусульманскаго безправнаго гнета. Явите же воочію міра высокій примѣръ взаимной христіанской любви. Забудьте старыя домашнія распри, строго уважая права каждой народности, какъ братья по вѣрѣ, соединитесь въ общемъ единодушномъ чувствѣ дружества и согласія, безъ котораго ничего прочнаго не создается. Сплотитесь твердо подъ сѣнію русскаго знамени, побѣды котораго уже столько разъ оглашали Дунай и Балканы. Содѣйствуя успѣхамъ русскаго оружія, помогая ему усердно всѣми вашими силами, всѣми зависящими отъ васъ средствами, вы будете служить вашему собственному дѣлу — дѣлу прочнаго возрожденія болгарскаго края.

«По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участію въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руко-

водствомъ Мною установленной для сего власти, а новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности. Готовностію честно служить своей родинѣ, безкорыстіемъ и безпристрастіемъ въ исполненіи этого высокаго служенія — докажите вселенной, что вы достойны участи, которую Россія столько лѣтъ, съ такимъ трудомъ и пожертвованіями для васъ готовила. Слушайтесь русской власти, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе.

«Смиренно молю Всевышняго — да даруетъ намъ одолѣніе надъ врагами христіанства и да низпошлетъ свыше благословеніе Свое на правое дѣло!»

«Іюня 10-го дня 1877 года.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*Александръ*».

XXXIII

Окончательныя загражденія Дуная

Необходимость устраненія помѣхъ отъ мониторовъ. — Предписаніе капитану 1-го ранга Новикову. — Загражденіе Дуная у острова Мечки. — «Шутка» въ бою съ пароходо-фрегатомъ. — Лейтенантъ Скрыдловъ и художникъ В. Верещагинъ. — Новая опасность. — Скобелевъ 2-й и Струковъ выручаютъ наши минерныя команды. — Забытый матросъ. — Наши потери. — Заложеніе минъ мичманомъ Ниловымъ и результатъ работъ этого дня. — Движеніе флотиліи Новикова вверхъ по Дунаю и остановка у Зимницы. — Прибытіе флотиліи къ Фламундѣ. — Минныя загражденія у Корабіи. — Бой монитора съ паровыми катерами мичмана Нилова, подъ Никополемъ. — Загражденіе Дуная у Фламунды. — Результаты всѣхъ этихъ работъ.

Зимница, 21-го іюня.

Переправа главныхъ силъ арміи на среднемъ Дунаѣ, немыслимая въ присутствіи мониторовъ, требовала или окончательнаго ихъ уничтоженія, или же такихъ мѣропріятій, которыя поставили бы броненосцевъ въ невозможность вредить

намъ на всемъ протяженіи рѣки отъ Рущука до мѣстечка Корабіи, какъ крайняго пункта расположенія русскихъ войскъ вверхъ по Дунаю. Поэтому Великій Князь Главнокомандующій отдалъ приказаніе капитану 1-го ранга Новикову, извѣстному еще по своимъ севастопольскимъ заслугамъ, заградить во что̀ бы то ни стало Дунай на данномъ пространствѣ и постараться уничтожить какъ мониторы, такъ и всѣ вообще непріятельскія военныя суда. Въ помощь капитану Новикову былъ командированъ адъютантъ Главнокомандующаго, полковникъ Струковъ, а старшимъ по Новиковѣ офицеромъ на флотиліи находился гвардейскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ Тудеръ. Сколь ни трудно казалось исполненіе этого порученія, тѣмъ не менѣе къ нему было приступлено 7-го іюня, въ 11 часовъ вечера, когда изъ деревни Малу-ди-Жосъ выступила наша флотилія, въ числѣ десяти паровыхъ катеровъ и шести весельныхъ шлюпокъ (шестерокъ) съ минами. Флотилія направилась вверхъ по теченію къ мѣстечку Парапанъ (въ 15-ти верстахъ выше Рущука) и съ первымъ проблескомъ разсвѣта (8-го числа) приступила къ миннымъ загражденіямъ, занявъ низменный островъ Мечку частію высаженныхъ стрѣлковъ и казаковъ. Баши-бузуки, занимавшіе возвышенный турецкій берегъ, тотчасъ же открыли по рабочимъ шлюпкамъ ружейный огонь, значительно мѣшавшій нашимъ морякамъ и минерамъ; поэтому, для наибольшаго прикрытія работъ, къ берегу противника были выставлены два баркаса съ тридцатью отличнѣйшими стрѣлками изъ лучшихъ уральскихъ казаковъ и пѣхотинцевъ.

Турки, извѣщенные въ Рущукѣ о происходящихъ работахъ, выслали на восходѣ солнца блиндированный пароходо-фрегатъ противъ нашей флотиліи, работавшей у острова Мечки. Пароходъ открылъ по шлюпкамъ огонь и нанесъ имъ нѣкоторое поврежденіе, впрочемъ вскорѣ исправленное. Встрѣченный огнемъ нашей осадной батареи у Парапана, онъ вскорѣ удалился, но не надолго. Паровой шлюпкѣ «Шуткѣ» *) еще въ началѣ работъ было приказано расположиться

---

*) Паровая шлюпка «Шутка» построена по заказу Государя Наслѣдника Цесаревича, за 9,573 рубля, англійскимъ заводчикомъ Торнейкрафтомъ въ 1874 году, и отличается особенною быстротою хода. Шлюпка построена изъ стали, длина ея = 53 фута, ширина 6 футовъ и 6 дюймовъ, углубленіе 2 фута

за восточнымъ угломъ острова Мечки, какъ для наблюденій за проливомъ между Мечкой и островомъ Диналуи, такъ и для препятствованія турецкимъ мониторамъ и пароходу, въ случаѣ, если бы они попытались приблизиться къ нашимъ работамъ. Около пяти часовъ утра, уже при полномъ дневномъ свѣтѣ, лейтенантъ Скрыдловъ, командовавшій «Шуткою», замѣтилъ приближеніе пароходо-фрегата, вооруженнаго однимъ большимъ и четырьмя меньшими орудіями. Пароходо-фрегатъ шелъ противъ теченія. Капитанъ Новиковъ, желая во что бы ни стало продолжать работы, приказалъ «Шуткѣ» аттаковать противника. Лейтенантъ Скрыдловъ тотчасъ же на всѣхъ парахъ пустился на встрѣчу непріятельскому пароходу. Съ нимъ находился, въ качествѣ охотника, бывшій морской офицеръ, нашъ извѣстный художникъ В. В. Верещагинъ. Съ парохода немедленно же открыли по «Шуткѣ» усиленный ружейный и картечный огонь, и только тогда Скрыдловъ, стоявшій на рулѣ (причемъ блиндажъ прикрывалъ его грудь и голову), замѣтилъ, что за пароходомъ въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдуетъ еще мониторъ, также открывшій огонь по «Шуткѣ». Въ надеждѣ увернуться отъ грознаго, хотя и ничтожнаго по размѣрамъ противника, пароходъ сталъ уходить, забирая ближе къ турецкому берегу, чтобы завернуть въ небольшую бухту, и разсчитывая, что такимъ образомъ быстроходная шлюпка, вѣроятно, пронесется мимо. Но Скрыдловъ во-время перемѣнилъ свое направленіе и, подъ градомъ пуль, полетѣлъ въ догонку за противникомъ. Въ это время Верещагинъ замѣтилъ, что Скрыдловъ вздрогнулъ, словно бы его всего передернуло, и догадался, что онъ раненъ, но молчитъ, чтобы не отвлекать команду отъ ея главнаго дѣла. Матросы всѣ пригнулись ко дну шлюпки, а минеръ, у котораго пуля уже пробила шапку, жался кое-какъ за машиной. Черезъ минуту «Шутка» была уже у борта противника. Въ Верещагинѣ и въ эту минуту прежде всего сказался художникъ, наблюдавшій общій эффектъ картины. Онъ разсказывалъ потомъ—какой паническій ужасъ искривилъ лица турокъ, какъ ихъ капитанъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, опрометью кинулся съ мостика внизъ,

---

и 6 дюймовъ, машина въ 12 силъ. Во время аттаки на ней находились, кромѣ Скрыдлова и Верещагина, механикъ прапорщикъ Болеславскій и 7 нижнихъ чиновъ.

какъ завопила и заметалась по палубѣ вся команда и, словно стадо барановъ, хлынула и прижалась вдругъ къ противоположному борту. Ударъ миною нанесенъ былъ около самаго колеса, но... взрыва, къ общему удивленію, не послѣдовало. Оказалось, что электрическій проводникъ перебитъ пулею. Тогда Скрыдловъ далъ команду *«рви по желанію!»* Для непосвященныхъ въ технику дѣла, это слѣдуетъ пояснить: на каждой миноноскѣ существуютъ мины: носовая, кормовая и одна или двѣ маленькія; — послѣднія на случай нападенія шлюпокъ противника; къ каждой минѣ ведутъ два проводника, изъ коихъ второй служитъ запаснымъ. Первая мина взрывается по предварительному разсчету времени и мѣста удара; если же это почему-либо не удалось, то послѣдующій взрывъ дѣлается уже «по желанію», т. е. куда и какъ придется, соображаясь съ обстоятельствами послѣдняго момента. Но, къ несчастью, и запасный проводникъ оказался тоже перебитымъ. На ударъ же кормовою миною нельзя было разсчитывать, потому что ее подбивало теченіемъ подъ самый катеръ, который и могъ отъ этого взлетѣть на воздухъ прежде противника. Тогда нашимъ смѣльчакамъ уже не оставалось ничего болѣе, какъ только уходить поскорѣе — и они направились къ Малу-ди-Жосъ, мимо восточнаго края Мечки. Турки, столь легко отдѣлавшись отъ смертной опасности, открыли вслѣдъ по «Шуткѣ» еще болѣе учащенный огонь, которымъ значительно повредило корпусъ шлюпки, такъ что она стала наполняться водою. Скрыдловъ и Верещагинъ стояли по бокамъ штурвала, двѣ ручки котораго были разбиты пулями — на высотѣ ихъ груди. Въ это время Верещагинъ былъ раненъ пулею насквозь въ правую ягодицу. «Шутка» начинала уже тонуть; поэтому пришлось подъ жестокимъ огнемъ остановиться на нѣсколько времени у берега Мечки, чтобы подвести подъ киль парусъ, который могъ хоть на сколько нибудь предохранить судно отъ дальнѣйшаго наполненія водою. Скрыдловъ лично участвовалъ въ этой работѣ и предварилъ всю команду, что если броненосецъ перерѣжетъ имъ дорогу раньше, чѣмъ они успѣютъ справиться съ работой и обогнуть окраину острова, то придется выскочить на отмель и самимъ взорвать «Шутку». Но, къ счастью, мониторъ не приближался, ограничиваясь только пальбою издали — и такимъ образомъ наша

шлюпка, безъ дальнѣйшихъ приключеній, возвратилась къ флотиліи, работавшей надъ погруженіемъ минъ. У Скрыдлова оказалось три раны — въ обѣ ноги и въ правую руку, — по счастью, безъ раздробленія костей. По отводѣ «Шутки» на мѣсто ея стоянки у Малу-ди-Жосъ, онъ, вмѣстѣ съ Верещагинымъ и тремя ранеными въ этомъ же дѣлѣ матросами, былъ отправленъ въ журжевскій госпиталь. Не смотря на то, что не удалось взорвать пароходъ, дѣло это все-таки остается однимъ изъ блистательныхъ, по беззавѣтной храбрости и рѣшимости исполнителей; поэтому Скрыдловъ и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Кромѣ того, для дальнѣйшей практики нашихъ миноносокъ, это дѣло даетъ слѣдующій выводъ: при дневномъ свѣтѣ нельзя рѣшаться (исключая, конечно, послѣдней крайности, въ безвыходномъ положеніи) на аттаку сильнѣйшаго противника одною только шлюпкой; надо имѣть ихъ, по крайней мѣрѣ, двѣ, чтобы разсчитывать на успѣхъ послѣ того, какъ первая будетъ приведена почему-либо въ невозможность исполнить свое назначеніе.

Работа продолжалась, и для ея прикрытія парапановская наша батарея не разъ открывала огонь, оказавшій флотиліи дѣйствительную услугу. Видя, что мониторъ съ пароходомъ не въ состояніи существенно воспрепятствовать занятіямъ нашихъ минеровъ, турки рѣшились выслать изъ Рущука конную батарею, подъ прикрытіемъ пѣхотнаго батальона. Это было въ два часа дня. Капитанъ Новиковъ, работавшій на горизонтѣ воды, не замѣтилъ подхода этой батареи, которая успѣла хорошо маскировать свое движеніе, благодаря особенностямъ мѣстности возвышеннаго берега. Тогда свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ 2-й, исполнявшій должность начальника штаба при парапановскомъ отрядѣ, и полковникъ Струковъ, съ полковникомъ Мольскимъ *), генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Сахаровымъ и нѣсколькими хорошими стрѣлками, бросились съ нашего берега въ лодкахъ на выручку флотиліи. Дунай, разлившійся почти на двѣ версты, отнялъ не мало времени, пока Скобелевъ и Струковъ успѣли доплыть до острова Мечки. Въ это время турецкая батарея уже заняла позицію и снималась съ передковъ; наши же лодки

*) Командиръ 54-го пѣхотнаго Минскаго полка.

не могли подчалить къ берегу, такъ какъ этому мѣшали густые тростники. Видя, что нашей минерной флотиліи, слишкомъ драгоцѣнной въ настоящую минуту, угрожаетъ почти неизбѣжная гибель, Скобелевъ, Струковъ и штабсъ-капитанъ Сахаровъ бросились за бортъ и, частію вплавь, частію по грудь въ водѣ, успѣли достичь до паровыхъ катеровъ, гдѣ и предупредили Новикова объ опасности. Капитанъ Новиковъ вынужденъ былъ моментально сняться и идти съ пятью паровыми шлюпками вверхъ по теченію, поручивъ Струкову передать Тудеру, чтобы этотъ послѣдній тоже немедленно снимался и шелъ съ остальными пятью паровыми катерами внизъ по теченію. Раздумывать было некогда: спасеніе катеровъ и минеровъ съ опытными офицерами было важнѣе всего, а потому всѣ наши паровые катера быстро скрылись изъ глазъ противника. Но у берега на отмели оставались еще наши шестерки и до 140 матросовъ и стрѣлковъ, съ тремя ранеными. Первою заботою Скобелева и Струкова было теперь спасеніе оставшихся на отмели, въ чемъ они и успѣли, при помощи своихъ людей и съ содѣйствіемъ штабсъ-капитана Сахарова и полковника Мольскаго. Отойдти по водѣ шестерки не могли иначе, какъ только обогнувъ островъ Мечку, что потребовало бы, сравнительно, значительнаго времени. Поэтому Скобелевъ рѣшилъ перетащить ихъ на рукахъ черезъ западную косу этого острова. Подплывъ къ берегу, дружно схватились всѣ они за шестерки и на рукахъ стали перетаскивать ихъ черезъ отмель, какъ вдругъ снарядъ, упавшій въ первую же лодку, разорвалъ ее въ дребезги, ранивъ при этомъ нѣсколькихъ человѣкъ. Удалось перетащить и спустить на воду только двѣ лодки, а двѣ остальныя были оставлены на берегу, такъ какъ турецкій огонь по косѣ положительно былъ нестерпимъ. Невозможность посадить всѣхъ людей на эти суда заставила отступать просто пѣшкомъ, по горло въ водѣ, отстрѣливаясь отъ турецкой батареи. Людямъ велѣно было разсыпаться въ водѣ, дабы по возможности менѣе служить цѣлью выстрѣламъ противниковъ. Впрочемъ, суета турецкихъ артиллеристовъ лишила ихъ прицѣлъ надлежащей мѣткости, при дальнѣйшемъ нашемъ отступленіи по сю сторону косы. Генералъ Скобелевъ и полковникъ Струковъ, стоя по плечи въ водѣ, размѣщали въ лодкахъ всѣхъ раненыхъ и

оставшихся людей. Тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ не хватило мѣста, они бросали пробковые матросскіе пояса, а неумѣвшимъ держаться на водѣ подавались связанные между собою ружейные ремни, съ помощью которыхъ люди эти буксировались за лодками. Осмотръ всего берега убѣдилъ, наконецъ, что тамъ не оставлено никого изъ нашихъ, и только послѣ этого оба начальника, распоряжавшіеся размѣщеніемъ людей на судахъ, позволили себѣ вылѣзть изъ воды и послѣдними сѣли въ лодки. Они уже приплыли къ нашему берегу, какъ вдругъ съ турецкой стороны донесся отчаянный крикъ человѣка, умолявшаго о помощи. Сознавая, что оставленному грозитъ неминуемая погибель, Скобелевъ со Струковымъ перепрыгнули въ легкую весельную шлюпку и подъ неумолкавшимъ турецкимъ огнемъ поплыли на ту сторону. Тамъ, дѣйствительно, оказался одинъ изъ нашихъ, гвардейскаго экипажа матросъ Шульскій, который, не желая оставлять свое ружье, положенное на землю во время работы, пошелъ разыскивать его по берегу и не замѣтилъ, когда отплыли лодки. Увидѣвъ, что для его спасенія плыветъ наша шлюпка, онъ самъ бросился въ воду съ отысканнымъ ружьемъ, и поплылъ къ ней навстрѣчу. Въ это время два крупповскія орудія стрѣляли съ берега по Парапану.

Потери дня, сверхъ понесенныхъ на «Шуткѣ», заключались въ одномъ убитомъ казакѣ и въ десяти раненыхъ матросахъ и стрѣлкахъ. Кромѣ того, три шлюпки значительно повреждены артиллерійскимъ огнемъ противника.

Итакъ, не смотря на нападенія монитора и парохода, и на непрерывный огонь пѣхоты и батареи, стрѣлявшей съ разстоянія трехсотъ сажень, загражденіе было окончено. Мичманъ Ниловъ успѣлъ положить мины даже подъ самымъ турецкимъ берегомъ и молодецки исполнилъ это отважное предпріятіе, подъ градомъ пуль, причемъ на его шлюпкѣ были ранены: механикъ унтеръ-офицеръ Александровъ и матросъ-минеръ Письменный. Мичману Нилову угрожала самая серьезная опасность, но въ это время капитанъ Новиковъ вышелъ впередъ на своемъ катерѣ и сталъ въ оборонительное положеніе противъ монитора, что̀ и помогло ему выручить Нилова, а этому послѣднему исполнить свое дѣло. Хотя наши паровые катера понесли въ этотъ день поврежденія настолько значительныя,

что вся ночь была употреблена на ихъ починку, за то два турецкіе монитора, не смотря на всѣ затрудненія, были заперты у Рущука.

Но кромѣ этого, надо было лишить турецкія суда возможности свободно плавать по Дунаю на пространствѣ отъ Парапана до Турну. Для этого предстояло уничтожить два броненосца, стоявшіе у Никополя, или преградить Дунай выше и ниже Никополя: ниже—если переправа будетъ совершена гдѣ нибудь между этою крѣпостью и Рущукомъ, и выше — если она состоится, согласно первоначальному предположенію, у Никополя. Но, во всякомъ случаѣ, враждебныя дѣйствія броненосцевъ должны были быть парализованы, и потому въ ночь съ 8-го на 9-е іюня капитанъ Новиковъ съ шестью катерами отправился вверхъ по Дунаю и еще до разсвѣта былъ встрѣченъ въ одномъ изъ узкихъ рукавовъ рѣки непріятельскимъ мониторомъ, который открылъ по катерамъ огонь изъ орудій, съ цѣлью воспрепятствовать ихъ дальнѣйшему проходу. Но Новиковъ, преслѣдуя свою задачу, промѣрилъ подъ огнемъ неизвѣстный ему рукавъ и смѣло двинулся впередъ, встрѣчаемый и провожаемый огнемъ со всѣхъ береговыхъ турецкихъ постовъ. Онъ едва могъ тащить на буксирѣ поврежденные катера, и накопецъ въ шесть часовъ утра 9-го числа пришелъ въ Зимницу, гдѣ и сошелся съ полковникомъ Струковымъ, который съ казаками все время слѣдилъ по берегу за движеніемъ катеровъ, для поддержки ихъ въ случаѣ надобности.

Исправивъ въ Зимницѣ свои поврежденія, флотилія съ 9-го на 10-е іюня отправилась далѣе вверхъ, все больше и больше удаляясь впередъ отъ своей сухопутной поддержки. Не было того турецкаго поста, который не преслѣдовалъ бы ее огнемъ. Она старалась держаться преимущественно нашего берега, но фарватеръ иногда вынуждалъ ее идти вплоть къ берегу противника.

10-го числа катера капитана Новикова прибыли къ деревнѣ Фламундѣ, противъ Никополя, и были тамъ нагнаны полковникомъ Струковымъ съ береговымъ отрядомъ, приготовившимся къ поддержкѣ Новикова, на случай возможнаго нападенія съ турецкаго берега, гдѣ постоянно находилось у пристани до 500 человѣкъ баши-бузуковъ, которые уже неоднократно пытались дѣлать высадки на румынскую сторону. Подъ выстрѣ-

лами этихъ баши-бузуковъ, флотилія зашла за островъ Инзулу и стала подъ прикрытіемъ нашего отряда и полевыхъ орудій. Сюда же къ 12-му іюня были перевезены сухимъ путемъ на биндюгахъ и тѣ паровыя шлюпки, что̀ оставались у Малу-ди-Жосъ.

Береговыя батареи противника были такъ сильны, а фарватеръ такъ близокъ къ возвышенному турецкому берегу, что дальнѣйшій проходъ къ Никополю оказался невозможнымъ. Поэтому Новиковъ, имѣя въ виду малочисленность нашихъ паровыхъ шлюпокъ и крайнюю въ нихъ необходимость для переправы арміи, рѣшился поберечь ихъ и взялся за трудную работу по устройству загражденій у Корабіи только съ однѣми гребными лодками. Захвативъ съ собою ограниченное число самыхъ необходимыхъ людей, онъ, вмѣстѣ со Струковымъ, отправился въ Корабію сухимъ путемъ, и тутъ, съ 11-го на 12-е іюня, ночью приступилъ къ работамъ надъ миннымъ загражденіемъ, даже безъ потребнаго числа офицеровъ... Успѣли только кое-какъ набрать тамъ и сямъ нѣсколько рыбачьихъ лодокъ, посадили на нихъ гребцами двадцать казаковъ донскаго № 31-го полка, поспѣшно собранныхъ съ разныхъ постовъ, и съ малымъ числомъ моряковъ-минеровъ тотчасъ же принялись за дѣло. Казаки оказались лихими мастерами своего дѣла не только на конѣ, но и на водѣ. Безъ паровыхъ катеровъ — какъ уже сказано — и безъ якорей приходилось держаться на самой быстринѣ Дуная, при глубинѣ отъ 6-ти до 10-ти сажень, и погружать опасныя для самихъ себя мины.

Два обстоятельства, совершенно непредвидѣнныя, заставили дважды снимать всю линію выставленныхъ лодокъ. Первое заключалось въ томъ, что отъ тяжести людей и минъ у насъ, на самой серединѣ Дуная, затонула одна лодка и всѣ остальныя должны были броситься къ ней на помощь, а вторую тревогу произвелъ показавшійся вдали дымъ, принятый за дымъ наступающаго монитора. Это, дѣйствительно, былъ непріятельскій броненосецъ, шедшій по направленію отъ Рущука, вѣроятно, тотъ самый, который въ ночь съ 8-го на 9-е іюня стрѣлялъ по флотиліи Новикова, во время хода послѣдней въ одномъ изъ узкихъ рукавовъ Дуная вверхъ, къ Зимницѣ, по окончаніи загражденій у Мечки. Броненосецъ этотъ не безъ поврежденій прошелъ къ Никополю, подъ огнемъ всѣхъ

нашихъ турну-магурельскихъ орудій. Пропустивъ его, минная флотилія снова принялась за дѣло.

Зная опасность, грозившую тѣмъ людямъ, которые работали у турецкаго берега, гдѣ въ непріятельскомъ лагерѣ было расположено до тысячи человѣкъ, полковникъ Струковъ высадился на турецкій берегъ и выставилъ тамъ цѣпь изъ 12-ти пластуновъ и 15-ти казаковъ-охотниковъ, которые должны были предупредить минеровъ въ случаѣ нападенія съ берега. Давно уже встало солнце, когда турки замѣтили, наконецъ, наши работы и выслали двѣ роты, открывшія по рабочимъ огонь, но, къ счастью, въ это время погружалась уже наша послѣдняя мина. Быстро снятая съ турецкаго берега, сторожевая цѣпь благополучно отплыла къ нашей сторонѣ, подъ прикрытіе корабійской береговой батареи, которая двумя-тремя удачными выстрѣлами изъ орудій большаго калибра остановила подступавшія все ближе къ своему берегу турецкія роты. Второй рядъ загражденій вполнѣ успѣшно былъ положенъ къ семи часамъ вечера 12-го іюня, и такимъ образомъ двумъ мониторамъ, стоявшимъ у Никополя, былъ отрѣзанъ путь отступленія вверхъ къ Виддину.

Пока собирались залагать мины при Корабіи, — подъ Никополемъ, 11-го числа, происходилъ бой монитора съ паровыми катерами, оставленными у Фламунды подъ начальствомъ мичмана Нилова. Мониторъ, выйдя изъ никопольской пристани, пошелъ внизъ, къ нашимъ катерамъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ аттаковать ихъ. Генералъ-маіоръ Леоновъ, командовавшій фламундскимъ сухопутнымъ отрядомъ, тотчасъ же получилъ объ этомъ донесеніе со сторожеваго поста. Не теряя ни одной минуты, онъ далъ знать объ этомъ обстоятельствѣ мичману Нилову и выставилъ на позицію четыре орудія 15-й конной батареи, подъ командой штабсъ-капитана Коломейцова. Шлюпки, перевозимыя сухимъ путемъ изъ Малу-ди-Жосъ, еще не прибывали на мѣсто назначенія, а изъ пяти миноносокъ, остававшихся у Фламунды, только двѣ могли быть немедленно приспособлены къ дѣлу, такъ какъ остальныя еще не успѣли исправить свои поврежденія. Мичманъ Ниловъ тотчасъ же снарядился съ этими двумя шлюпками и, не выжидая начала дѣйствій со стороны противника, самъ пошелъ на встрѣчу монитору. Чуть лишь показался Ниловъ на фарватерѣ, какъ съ

монитора открыли по обѣимъ шлюпкамъ сильный ружейный и картечный огонь. Впереди летѣла шлюпка «Мина», подъ командой гардемарина Аренса; ей предстояло первою аттаковать мониторъ, но минный проводникъ былъ перебитъ гранатою, которая повредила и самую шлюпку, такъ что Аренсъ вынужденъ былъ отступить. Тогда наступила очередь мичмана Нилова, шедшаго на шлюпкѣ «Шутка». Онъ правилъ на носовую часть монитора и вдругъ чуть не наткнулся на подставленную ему носовую мину. Необычайно счастливый случай уберегъ «Шутку» отъ гибели, повидимому, неизбѣжной. Ниловъ, благополучно проскользнувъ мимо носа, сталъ рѣзать корму монитора въ разстояніи одной сажени. Капитанъ этого судна—судя по наружности, типичный рыжебородый англичанинъ — насмѣшливо снялъ фуражку и отвѣсилъ ему поклонъ. Ниловъ отвѣтилъ тоже поклономъ и пустилъ въ него изъ револьвера три пули, изъ которыхъ послѣдняя ранила капитана, такъ что онъ отскочилъ назадъ уже безъ поклоновъ. Идучи къ кормѣ мимо праваго борта монитора, «Шутка» вдругъ получила пробоину въ свою правую часть отъ осколка чуть ли не одной изъ нашихъ же гранатъ, которыя очень мѣтко направлялись съ берега четырьмя орудіями конной артиллеріи прямо на палубу монитора. Это обстоятельство замедлило ходъ миноноски и дало возможность непріятельскому броненосцу «положить право на бортъ» и такимъ образомъ отвести свою корму отъ удара нашей мины. Тогда Ниловъ пошелъ по лѣвому борту монитора, но «Шутка», на половину залитая водою, хлынувшею въ пробоину, уже лишилась прежняго хода, и минный шестъ ея только на нѣсколько вершковъ не дохватилъ до непріятельскаго борта. Избавясь отъ опасности, мониторъ далъ заднiй ходъ, потомъ сдѣлалъ заворотъ и на всѣхъ парахъ ушелъ къ Никополю. Отступленію его не мало способствовалъ чрезвычайно мѣткій огонь дивизьона 15-й конной батареи: не попали въ цѣль только три первыя гранаты, остальныя же почти всѣ разрывались на палубѣ, причемъ была погнута и насквозь прострѣлена труба монитора. Подвигъ мичмана Нилова признанъ блистательнымъ. Въ награду за него юноша-офицеръ получилъ георгіевскій крестъ 4-й степени, а гардемарину Аренсу пожалованъ знакъ отличія военнаго ордена.

12-го іюня, вечеромъ, изъ Никополя вышелъ другой мониторъ и пошелъ было вверхъ по рѣкѣ. Наша осадная батарея встрѣтила его огнемъ и вскорѣ заставила вернуться къ Никополю. Это была уже послѣдняя попытка никопольскихъ броненосцевъ, которые послѣ сего раза остались на мѣстѣ своей стоянки въ полномъ бездѣйствіи.

Съ 13-го на 14-е іюня капитанъ Новиковъ вернулся къ своей флотиліи, а съ 14-го на 15-е приступлено къ загражденію Дуная ниже Никополя, у деревни Фламунды. Къ утру нашимъ рабочимъ снова пришлось выносить огонь крупповскихъ орудій, вывезенныхъ на возвышенный берегъ, и тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ мины и десантъ перевозились на тяжелоходныхъ понтонахъ, которые безпрестанно сносило теченіемъ, такъ что не разъ приходилось ловить ихъ паровыми катерами; но не смотря на всѣ затрудненія, минное загражденіе успѣшно было положено и подъ Фламундой, чѣмъ и завершилось вполнѣ общее загражденіе Дуная. Мины (галваническія и герцовскія) положены въ два, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ три ряда, и такимъ образомъ вся сила турецкихъ броненосцевъ на Дунаѣ окончательно парализована. Вслѣдствіе этого загражденія, достигнутаго геройствомъ нашихъ моряковъ, инженеры получили возможность вывести на Дунай сооруженные въ рѣкѣ Ольтѣ понтоны и плоты для постройки большихъ мостовъ между Зимницею и Систовымъ (Свиштовъ), а главныя силы русской арміи пріобрѣли способы совершить переправу на среднемъ Дунаѣ. Капитанъ 1-го ранга Новиковъ за успѣшное загражденіе средняго Дуная, сопряженное со столькими серьозными опасностями и трудами, награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени *).

---

*) Капитанъ 1-го ранга М. Д. Новиковъ служилъ во флотѣ во время крымской войны и за оборону Севастополя, 28-го декабря 1855 года, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. По окончаніи войны лейтенантъ Новиковъ перешелъ въ сухопутныя войска, откуда въ 1874 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ подполковника. На георгіевскомъ праздникѣ, въ ноябрѣ 1876 года, М. Д. Новиковъ обратилъ на себя вниманіе Государя Императора и тогда же всеподданнѣйше заявилъ желаніе вновь поступить на службу, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій. При объявленіи нынѣшней войны, онъ былъ принятъ на службу во флотъ съ чиномъ капитана 2-го ранга и, по прибытіи на Дунай, произведенъ въ слѣдующій чинъ для сравненія съ сверстниками.

XXXIV

Приготовленія къ главной переправѣ

Тайный выѣздъ Великаго Князя изъ Плоештовъ. — Рекогносцировка дунайскихъ береговъ, произведенная лично Главнокомандующимъ. — Никополь, или Систово? — Окончательный выборъ пункта переправы и соотвѣтственныя сему распоряженія. — Заготовка матеріаловъ для моста. — Неожиданная задержка понтоновъ и остановка движенія арміи. — Выгоды этой задержки. — Вниманіе противника утомляется. — Демонстративныя артиллерійскія дѣйствія. — Бомбардированіе Рущука и Туртукая. — Дѣйствія противъ Никополя. — Вооруженіе вновь насыпанныхъ батарей въ Турну-Магурелли и дѣйствія ихъ съ 9-го по 14-е іюня. — Дѣйствія артиллеріи съ 14-го по 17-е іюня. — Пребываніе Государя Императора на Грапавскомъ курганѣ. — Телеграфная корреспонденція между Грапавскимъ курганомъ и Зимницею, во время переправы 15-го іюня. — Общій результатъ демонстративныхъ дѣйствій противъ Никополя.

Зимница, 22-го іюня.

Въ тотъ же періодъ времени, съ 8-го по 12-е іюня, когда капитанъ Новиковъ трудился надъ загражденіемъ средняго Дуная, Великій Князь Главнокомандующій, такъ сказать, исчезъ изъ Плоештовъ. Отъѣздъ Его Высочества, въ сопровожденіи только трехъ лицъ — Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго, начальника штаба и его помощника, генерала Левицкаго,—совершился 9-го числа такъ скрытно и неожиданно, что въ первое время никто и не подозрѣвалъ объ отсутствіи Главнокомандующаго. Думали, что Его Высочество не совсѣмъ здоровъ и потому не показывается изъ своей комнаты, а когда отсутствіе это было наконецъ замѣчено, то рѣшительно никто въ главной квартирѣ не зналъ куда, когда и зачѣмъ поѣхалъ Великій Князь. Между тѣмъ Его Высочество употребилъ это время на личную рекогносцировку Дуная отъ Зимницы до Турну. Еще до открытія кампаніи, соображая стратегическіе планы движенія за Дунай, Главнокомандующій намѣтилъ Зимницу — Систово, какъ самый желательный, т. е. наиболѣе выгодный въ военномъ отношеніи пунктъ переправы. Но предварительныя рекогносцировки зимницкихъ окрестностей, глубоко затопленныхъ разливомъ, заставили отказаться отъ мысли о переправѣ въ этомъ мѣстѣ. Тогда по неволѣ пришлось оста-

новиться на Никополѣ *), сообразно чему и были своевременно сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія о передвиженіяхъ войскъ и матеріаловъ въ данномъ направленіи **). Но личная рекогносцировка убѣдила Великаго Князя въ весьма значительныхъ трудностяхъ и опасностяхъ, съ какими неизбѣжно будетъ сопряжена никопольская переправа: достаточно сказать, что въ началѣ мая, когда прибыли на побережье наши передовыя войска, у Никополя существовали только два отдѣльныя укрѣпленія, а къ началу іюня ихъ выросло у насъ на глазахъ и подъ нашимъ огнемъ уже тринадцать! По осмотрѣ зимницкихъ окрестностей, Великій Князь удостовѣрился, что уровень воды уже понизился, хотя и не до желательной степени, но все же на столько, что переправа могла бы тутъ состояться, и потому остановилъ окончательный свой выборъ на этомъ пунктѣ. Турки, кажется, и не подозрѣвали, что русскій Главнокомандующій самъ осматриваетъ берегà; — по крайней мѣрѣ, такъ можно думать потому, что они ни разу не открывали огня по небольшой группѣ лицъ, сопровождавшихъ Его Высочество при этихъ осмотрахъ. Впрочемъ, были приняты мѣры, чтобы противникъ ни коимъ образомъ, ни прямымъ, ни кружнымъ (телеграфнымъ) путемъ не могъ узнать объ этой рекогносцировкѣ и на основаніи ея вывести свои заключенія о пунктѣ готовящейся переправы; съ этою цѣлью всякое сообщеніе между берегами было окончательно прервано и посты наши зорко наблюдали, чтобы нигдѣ не могло по-

---

*) Дунай подъ Никополемъ течетъ въ одномъ руслѣ и не имѣетъ значительныхъ протоковъ и затоновъ.

**) Передвиженія эти должно было произвести по слѣдующимъ маршрутамъ:

Часть 9-го корпуса (31-я пѣхотная и 9-я кавалерійская дивизіи)—изъ Слатины къ Сегарчѣ.

12-й корпусъ, 5-я пѣхотная дивизія (9-го корпуса) и болгарское ополченіе — къ Салчѣ (5-я дивизія на присоединеніе къ своему корпусу къ Сегарчѣ). 12-я кавалерійская дивизія должна была остаться позади своего корпуса у Витанешти.

4-я стрѣлковая бригада, 8-й корпусъ и понтонные парки (послѣдніе по прибытіи ихъ къ ст. Баняса по желѣзной дорогѣ) — къ Сякѣ и Пятрѣ.

Кавказская казачья дивизія — къ Зимницѣ.

11-я пѣхотная дивизія на соединеніе съ остальными частями 11-го корпуса — къ Ольтеницѣ и Журжеву.

13-й корпусъ — къ Александріи, въ видѣ общаго резерва.

явиться какихъ-либо дневныхъ и ночныхъ сигналовъ, а особые посты, выставленные по всѣмъ румынскимъ дорогамъ, ведущимъ къ побережью, обязаны были не пропускать никого изъ частныхъ людей ни въ ту, ни въ другую сторону.

Сообразно своему окончательному выбору, Великій Князь сдѣлалъ всѣ надлежащія распоряженія о передвиженіяхъ и сосредоточеніи войскъ, такимъ образомъ, чтобы до самой послѣдней минуты никто и нигдѣ не могъ догадаться о дѣйствительномъ пунктѣ переправы *).

Но кромѣ этихъ распоряженій, надо было заблаговременно позаботиться о заготовкѣ матеріаловъ, потребныхъ для устройства моста на среднемъ Дунаѣ. Съ этою цѣлью, какъ извѣстно уже, были построены въ Галацѣ понтоны, а въ Слатинѣ — плоты и всѣ прочія принадлежности. Понтоны изъ Галаца въ

---

*) Распоряженія эти были слѣдующія:

1) О томъ, что переправа будетъ у Зимницы, Его Высочество объявилъ только командиру 8-го корпуса (генералу Радецкому), части котораго должны были начать переправу. При этомъ, чтобы замаскировать избранный пунктъ даже отъ своихъ, Великій Князь приказалъ направить 9-ю пѣхотную дивизію (князя Святополкъ-Мирскаго) отъ Александріи по прежнему маршруту, къ Пятрѣ. Только 14-ю пѣхотную дивизію (генерала Драгомирова), съ гвардейскою сводною ротою, полубатальономъ пластуновъ, 4-ю стрѣлковою бригадою, 23-мъ донскимъ полкомъ, уральскою казачьею сотнею, со всею горною пѣшею артиллеріею (двѣ батареи, 16 орудій) и со всѣми понтонными парками Главнокомандующій двинулъ отъ Бею прямо къ Зимницѣ, съ секретнымъ предписаніемъ начать переправу на понтонныхъ лодкахъ въ ночь съ 14-го на 15-е іюня.

2) Кавказской казачьей дивизіи не идти на Зимницу, гдѣ присутствіе ея было бы безполезно, а оставаться у Бею, впредь до приказанія.

3) 12-му корпусу идти не на Салчу, а къ Воеводѣ и Крошкѣ, какъ бы для приближенія къ Фламундѣ, но въ сущности, чтобы приблизить его къ Зимницѣ. Туда же идти и болгарскому ополченію.

4) 9-му корпусу объявлено, что онъ пойдетъ въ головѣ на переправу у Фламунды, и поэтому долженъ, немедленно по прибытіи въ Сегарчу, перейдти оттуда къ Сякѣ, оставивъ въ Турну лишь небольшой пѣхотный отрядъ и смѣнивъ по линіи Дуная 8-ю кавалерійскую дивизію — 9-ю кавалерійскою. Придвинутый къ Сякѣ, 9-й корпусъ дѣйствительно находился какъ бы въ полной готовности переправиться у Фламунды, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигалась скрытая настоящая цѣль: приблизить его и къ Зимницѣ.

5) 13-му корпусу, имѣя въ головѣ 35-ю пѣхотную дивизію, двинуться отъ Александріи къ Пятрѣ, т. е. къ такому пункту, который одинаково приближалъ этотъ корпусъ какъ къ демонстративному, такъ и къ истинному пункту переправы.

6) Начиная съ 12-го іюня, осадной артиллеріи у Журжева ежедневно бомбардировать Рущукъ; а съ вечера 13-го начать бомбардированіе Никополя, продолжая его безостановочно, впредь до приказанія.

Слатину пришлось перевозить по желѣзной дорогѣ и, по доставкѣ на мѣсто, всѣ мостовыя принадлежности были спущены въ Алуту. Для человѣка, незнакомаго съ мѣстною гидрографіею, естественно можетъ представиться вопросъ: почему же непремѣнно въ Алуту, а не въ какую либо другую рѣку, ниже Никополя, что̀ избавило бы насъ отъ необходимости проводить плоты и понтоны мимо никопольскихъ укрѣпленій? — Но въ томъ-то и дѣло, что между Арджисомъ и Алутою нѣтъ въ Румыніи ни одной сплавной рѣки; заготовка же мостовыхъ принадлежностей на Арджисѣ потребовала бы поднятія ихъ буксиромъ вверхъ до Систова, мимо Рущука, укрѣпленія котораго значительно сильнѣе никопольскихъ; стало быть, въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ бо̀льшей опасности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, потребовалось бы и несравненно болѣе времени на самую операцію провода. Но кромѣ всѣхъ помянутыхъ принадлежностей, заготовленныхъ на мѣстѣ, въ распоряженіи Главнокомандующаго находились четыре понтонные парка, вошедшіе въ составъ дѣйствующей арміи, еще при ея первоначальной мобилизаціи. Они были двинуты изъ Россіи по желѣзной дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы по доставкѣ на станцію Баняса (между Бухарестомъ и Журжевымъ), отправиться далѣе до деревни Бею (на рѣкѣ Веде) уже обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ. Но, благодаря обычной неисправности румынской желѣзной дороги, понтонные парки запоздали противъ назначенныхъ имъ маршрутовъ на трое сутокъ, такъ что изъ-за этого обстоятельства пришлось остановить на такое же количество времени и все движеніе главныхъ силъ дѣйствующей арміи, которыя, по экстренному распоряженію Главнокомандующаго, и были задержаны на линіи рѣки Веде, около Руше-де-Веде, Александріи и Бею. Но эта невольная задержка заключала въ себѣ и нѣкоторыя небезвыгодныя для насъ обстоятельства: во-первыхъ, вода въ Дунаѣ за трое сутокъ сбыла еще на нѣсколько футовъ, а во-вторыхъ, самое расположеніе главныхъ силъ арміи въ трехъ названныхъ пунктахъ давало Главнокомандующему полную возможность двинуть эти войска съ одинаковыми удобствами и скоростію къ Турну, Зимницѣ или Журжеву, смотря по обстоятельствамъ, и такимъ образомъ турки, не смотря на всѣ свои свѣдѣнія, все-таки оставались въ полной неизвѣстности на счетъ из-

браннаго пункта переправы и по неволѣ должны были растягивать и дробить свои силы на всемъ пространствѣ отъ Туртукая до Никополя. Это напряженное ожиданіе требовало съ ихъ стороны особенной бдительности, и дѣйствительно, въ теченіи цѣлаго мѣсяца они очень усердно и зорко наблюдали за всѣми движеніями нашихъ прибрежныхъ войскъ, открывая огонь почти по всякому береговому разъѣзду, по всякой отплывавшей лодкѣ. Но такое чрезмѣрное напряженіе, въ концѣ концовъ, очень утомило сторожевыя силы противника, такъ что предъ наступленіемъ рѣшительной минуты вниманіе его уже было въ значительной мѣрѣ притуплено. Какъ оказалось потомъ, между турками даже укоренилось убѣжденіе, что мы едва ли отважимся на рискъ большой переправы. Все это, въ извѣстной степени, облегчило намъ ея подготовку. Надо было только какъ можно долѣе держать противника въ полномъ невѣденіи, сбивать его съ толку, и съ этою цѣлью 12-го іюня, согласно распоряженію Великаго Князя, была начата усиленная бомбардировка Рущука, гдѣ, впрочемъ, и на этотъ разъ турки первые завязали съ нами артиллерійскую перестрѣлку. Трудно, конечно, судить о дѣйствительныхъ результатахъ нашей стрѣльбы, но судя по тому, что въ городѣ вспыхнуло нѣсколько пожаровъ и что на нѣкоторыхъ турецкихъ батареяхъ прекращалась стрѣльба на довольно значительное время, а двѣ изъ нихъ даже и вовсе умолкли, можно думать, что нашъ огонь былъ весьма дѣйствителенъ. Съ нашей стороны было сдѣлано предвареніе рущукскаго коменданта объ имѣющей начаться усиленной бомбардировкѣ, для того чтобы дать жителямъ время убраться изъ города заблаговременно *).

---

*) Вотъ что по этому поводу сообщалъ берлинской газетѣ «Post» ея константинопольскій корреспондентъ отъ 5-го іюля (18-го іюня):

«Вчера прибылъ изъ Варны пароходъ съ бѣжавшими изъ Рущука жителями. Между ними я нашелъ одного изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, аптекаря Могоса, родомъ венгерца, который мнѣ разсказалъ слѣдующее: «*Чтобы дать время жителямъ оставить городъ, русскій комендантъ Журжева объявилъ коменданту Рущука, чрезъ парламентера, за 24 часа, что городъ будетъ бомбардированъ.* Сами турки съ благодарностью оцѣнили этотъ справедливый и человѣчный поступокъ. О предстоящемъ бомбардированіи было объявлено населенію; но большая часть жителей осталась въ городѣ, въ той надеждѣ, что русскія бомбы не будутъ долетать до нихъ. Бомбардированіе, продолжавшееся въ теченіи пяти дней со страшною силою, жестоко образумило заблуждавшихся».

Между тѣмъ вся туркофильская печать подняла гвалтъ и пустилась обвинять насъ въ преднамѣренномъ бомбардированіи самаго города Рущука, назы-

Турки, съ своей стороны, за двое сутокъ (12-го и 13-го числа) выпустили массу снарядовъ, какъ изъ Рущука, такъ и изъ Туртукая, и успѣли нанести значительный вредъ строеніямъ въ Журжевѣ и Ольтеницѣ, которыя, впрочемъ, давно уже были оставлены жителями; но наши войска въ первый день не понесли ровно никакой потери, а 13-го іюня былъ раненъ пулею въ шею находившійся въ Ольтеницѣ генералъ-маіоръ Эрнротъ, командующій 11-ю пѣхотною дивизіею.

13-го іюня главная квартира Великаго Князя, двинутая за нѣсколько дней до сего частію въ Александрію, частію въ

вая такой поступокъ жестокимъ и безцѣльнымъ. Но насколько справедливы были подобныя обвиненія — показываетъ слѣдующее заявленіе журжевскаго корреспондента газеты «Times»:

«Я осмотрѣлъ сегодня (12-го іюля) всѣ русскія батареи въ Слободзеѣ и нашелъ устройство ихъ превосходнымъ. Внимательный осмотръ позицій въ этомъ пунктѣ и турецкихъ батарей въ городѣ Рущукѣ убѣдилъ меня, что поврежденія, причиненныя самому городу и консульствамъ, могли быть обычными случайностями артиллерійскаго огня. Самыя большія турецкія орудія были расположены на батареѣ на крутомъ берегу рѣки, прямо противъ центральной части города; слѣдовательно, всякая бомба, перелетавшая черезъ батарею, неизбѣжно должна была падать въ городъ. По той же причинѣ нельзя обвинять и турокъ, что они разрушили селеніе Слободзею, расположенное непосредственно за русскими батареями. Турки стрѣляли въ Журжево, по всей вѣроятности, изъ жажды мести, не замѣчая, что русскіе не могли помѣшать своимъ бомбамъ падать въ городъ Рущукъ, когда турецкія пушки вызывали перестрѣлку своимъ огнемъ».

По тому же поводу рущукскій корреспондентъ «Politische Correspondenz» пишетъ слѣдующее:

«Губернаторъ Рущука, Ахмедъ-Кайссерли-паша, обратился 25-го іюня къ иностраннымъ консуламъ съ нотою, въ которой протестуетъ противъ бомбардированія города и въ особенности находящихся подъ защитою женевскаго креста госпиталей, а также консульскихъ зданій. Но слѣдуетъ замѣтить, что какъ въ Виддинѣ, гдѣ госпиталь находился въ срединѣ цитадели, такъ и въ Рущукѣ турки злоупотребляютъ «Краснымъ Полумѣсяцемъ». Среди самаго города расположено нѣсколько госпиталей, надъ которыми развѣвается бѣлый флагъ съ краснымъ полумѣсяцемъ, такъ что непріятелю, если бы онъ пожелалъ щадить всѣ эти священныя мѣста, не оставалось бы ничего болѣе какъ совершенно отказаться отъ всякой бомбардировки. Особенно непростительно было помѣщать госпиталь въ конакѣ. Непріятель имѣлъ полное право принять вывѣшенный на конакѣ госпитальный флагъ за хитрую уловку и потому мишенью своихъ выстрѣловъ избралъ именно это зданіе, въ которомъ, впрочемъ, лишь двѣ комнаты заняты были больными. Только вслѣдствіе бомбардированія рѣшились очистить зданіе конака; но и теперь еще развѣвается на немъ госпитальный флагъ».

Слатину, перешла въ село Драчу (на рѣкѣ Кацмалуй), куда на слѣдующій день была переведена и Императорская квартира.

Драча находится почти на одинаковомъ разстояніи, какъ отъ Турну, такъ и отъ Зимницы.

13-го же числа вечеромъ начаты усиленныя демонстративныя дѣйствія артиллеріи и противъ Никополя, гдѣ общій ходъ нашихъ операцій заключался послѣдовательно въ слѣдующемъ:

Дабы еще болѣе утвердить противника въ его заблужденіи относительно вполнѣ рѣшенной переправы въ семъ пунктѣ, Великій Князь приказалъ возводить противъ Никополя сильныя батареи и вооружать ихъ осадными орудіями. Съ этою цѣлью на прибрежной позиціи у города Турну и селенія Магурелли было сооружено восемъ осадныхъ батарей, вооруженіе коихъ происходило тотчасъ же по прибытіи транспортовъ осадной артиллеріи изъ города Слатины, такъ что подвозъ на батареи всего имущества производился на тѣхъ же волахъ, которые доставляли транспорты къ Турну.

Батарея № 1-й, на три 6,03 дюйм. пушки, вооружалась ея командиромъ, штабсъ-капитаномъ Потемкинымъ, въ ночь съ 9-го на 10-е іюня. Батарея № 2-й, на то же количество пушекъ такого же калибра, вооружена въ ночь съ 10-го на 11-е іюня, и въ ту же ночь успѣли вооружить батареи № 3-й и № 4-й, а съ 13-го на 14-е число и всѣ остальныя. Вооруженіе всѣхъ восьми батарей производилось непосредственными ихъ командирами, подъ личнымъ наблюденіемъ помощника начальника осадной артиллеріи, полковника Анчутина (№№ 1-й, 3-й и 4-й), полковника Лѣсоваго (№№ 5-й и 6-й) и капитана Судравскаго (№№ 7-й и 8-й). Особенно заслуживаетъ вниманія вооруженіе батарей на правомъ флангѣ, производившееся подъ руководствомъ полковника Лѣсоваго. Къ шести часамъ утра, 3-я батарея 5-й артиллерійской бригады и 1-я батарея 31-й бригады были готовы и одновременно открыли огонь по назначеннымъ имъ цѣлямъ. Батарея же изъ четырехъ 24-хъ-фунтовыхъ орудій не была еще готова къ этому времени: пушки ея только что были подвезены къ мѣсту вооруженія. Съ шести и до девяти часовъ утра 1-й дивизьонъ 3-й батареи 5-й артиллерійской бригады, подъ личнымъ начальствомъ командира батареи, подполковника Ильинскаго,

вмѣстѣ съ вооружающеюся 24-хъ-фунтовою батареею № 7-й, тутъ же расположенною, выдерживали въ теченіи трехъ часовъ жестокій перекрестный огонь монитора и пяти непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на командующихъ высотахъ, и производили стрѣльбу съ твердостью и спокойствіемъ. Мѣткость ихъ выстрѣловъ была замѣчательна, а быстрая установка 24-хъ-фунтовыхъ орудій на летучія платформы, постепенно замѣняемыя настильными, и постепенное, въ полномъ порядкѣ, вступленіе въ бой подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ,—здѣсь же, на мѣстѣ боя, обратили на храбрыхъ молодцовъ-артиллеристовъ вниманіе ихъ товарищей и стороннихъ свидѣтелей. 11-го іюня, въ три часа дня, мониторъ, стоявшій на якорѣ у Никополя, поднялъ пары и направился къ Фламундѣ.

При движеніи его внизъ, наши батареи молчали, вслѣдствіе особо отданнаго по этому поводу приказанія. Мониторъ, какъ оказалось впослѣдствіи, вышелъ съ намѣреніемъ аттаковать наши паровыя шлюпки, оставленныя при Фламундѣ капитаномъ 1-го ранга Новиковымъ; но огонь фламундской батареи № 1-го помѣшалъ его намѣренію и далъ время нашимъ шлюпкамъ аттаковать въ упоръ его самого, при чемъ онъ выпустилъ по батареѣ три снаряда, въ то время какъ турецкія прибрежныя батареи произвели по ней и по шлюпкамъ до тридцати выстрѣловъ. Рѣшимость мичмана Нилова и три снаряда съ батареи № 1, попавшіе въ мониторъ, а также и огонь дивизьона 15-й конной батареи, заставили его уйдти вверхъ, къ Никополю. Не менѣе удачные выстрѣлы сдѣланы и съ батареи № 2-го. У селенія Магурелли мониторъ былъ встрѣченъ огнемъ съ батарей № 3-го и № 4-го, что и вынудило его подняться значительно выше, къ Корабіи, но здѣсь попали въ него еще два снаряда, вслѣдствіе чего ему пришлось снова спуститься внизъ и втянуться скрытно въ устье рѣки Осмы. 12-го іюня другой мониторъ, шедшій отъ Рущука, былъ также встрѣченъ огнемъ всѣхъ осадныхъ батарей и, пройдя вверхъ, съ значительными поврежденіями, тоже втянулся въ устье Осмы и сталъ рядомъ съ первымъ. Здѣсь капитанъ Новиковъ, съ полковникомъ Струковымъ, хотѣли было взять ихъ ночью на абордажъ, но оказалось, что оба монитора ограждены бонами; поэтому означенные офицеры

распорядились выставить на нашемъ берегу двѣ мортиры, которыя, должно быть, своими снарядами привели оба, уже пострадавшіе монитора въ окончательную негодность и такимъ образомъ довершили близь Никополя обезсиленіе броненосной флотиліи на Дунаѣ, начатое столь счастливо въ Браиловѣ.

13-го іюня съ батареи № 2-го было произведено по турецкимъ прибрежнымъ батареямъ 36 выстрѣловъ, изъ которыхъ 23 были вполнѣ удачны и заставили турокъ увезти свои орудія.

14-го іюня, въ шесть часовъ утра, непріятель открылъ огонь по вооружавшимся батареямъ нашего праваго фланга, расположеннымъ при устьѣ рѣки Ольты (она же Алута). Батареи № 5-го и 9-ти-фунтовая полевая не замедлили отвѣтомъ, да и магурельскія батареи также открыли огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ, а наша № 3-й двѣнадцатью своими выстрѣлами прогнала съ позиціи непріятельскую полевую батарею, которая, окопавшись на возвышенномъ и командующемъ надъ нами берегу, производила сильный огонь по нашимъ укрѣпленіямъ праваго фланга, съ дистанціи въ 2,300 сажень. Къ тремъ часамъ пополудни непріятель однако же замолкъ. Съ фламундскихъ укрѣпленій въ этотъ же разъ было сдѣлано нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ по противолежащимъ турецкимъ батареямъ, что̀ и вынудило ихъ замолкнуть на цѣлый день. Нѣсколько бомбъ, пущенныхъ непріятелемъ въ Турну, произвели въ городѣ небольшой пожаръ, вскорѣ потушенный усиліями мѣстной пожарной команды *).

---

*) 15-го іюня открыта бомбардировка по нижнему городу, что̀ произвело въ немъ нѣсколько пожаровъ, продолжавшихся нѣсколько сутокъ. Сгорѣли непріятельскіе провіантскіе магазины и склады каменнаго угля.

Въ ночь съ 15-го на 16-е число, когда наши понтоны, выведенные изъ устьевъ Ольты, проходили мимо Фламунды, непріятель открылъ было по нимъ огонь, который однако вскорѣ прекращенъ вслѣдствіе чрезвычайно мѣткаго выстрѣла, пущеннаго съ нашей батареи № 2-го.

Утромъ 16-го числа турки съ своей нижней батареи и съ люнета открыли артиллерійскую пальбу по магурельскимъ укрѣпленіямъ и ружейную по болгарамъ, переправлявшимся на нашъ берегъ; но нашъ огонь удачно прикрылъ бѣгство болгаръ, заставивъ замолчать непріятеля. Около девяти часовъ утра на турецкой сторонѣ снова раздались орудійные выстрѣлы, направленные съ верхняго бастіона по магурельскимъ батареямъ; но противникъ успѣлъ выпустить только семь снарядовъ, когда нашъ выстрѣлъ съ батареи № 3-го, на разстояніи 2,100 сажень, подбилъ непріятельское орудіе настолько, что окончательно ли-

Мѣсто пребыванія для Государя Императора и для Себя, на 14-е и 15-е іюня, — Великій Князь избралъ какъ разъ позади Фламунды, на Грапавскомъ курганѣ (Magura de la Grapavi), который былъ соединенъ съ Зимницей военнымъ телеграфомъ, дабы Его Величество безостановочно могъ получать послѣдовательныя извѣстія о ходѣ переправы *).

шилъ его возможности дѣйствовать, вслѣдствіе чего оно было даже снято съ вооруженія.

Въ ночь съ 16-го на 17-е іюня, при проходѣ нашихъ понтоновъ, слѣдовавшихъ къ Зимницѣ, непріятель въ самую полночь открылъ по нимъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь, но выстрѣлами съ нашей стороны вынужденъ былъ прекратить пальбу къ двумъ часамъ пополуночи; а вечеромъ того же числа осадная наша батарея № 6-го зажгла баржу съ каменнымъ углемъ. Этою баржею турецкій мониторъ постоянно закрывался отъ нашихъ выстрѣловъ.

17-го іюня бомбардировка прекратилась, въ ожиданіи другихъ событій и новой артиллерійской дѣятельности, которая не замедлила проявиться, когда войска нашего 9-го корпуса появились подъ Никополемъ.

Лучшимъ результатомъ дѣйствій нашихъ артиллеристовъ съ 13-го по 17-е іюня противъ Никополя было то, что они успѣли привлечь на себя вниманіе противника, продержавъ его нѣсколько дней въ неизвѣстности и заблужденіи относительно главнѣйшаго нашего предпріятія. Нижніе чины осадной артиллеріи, какъ въ пути съ транспортами, такъ и во время работы и дѣйствій на батареяхъ вели себя истинными молодцами. Вооруженіе почти всѣхъ батарей производилось въ ту же ночь, какъ только транспортъ прибывалъ въ Турну; всѣ, до послѣдняго человѣка, безъ отдыха, были заняты тяжкою работою по доставкѣ и установкѣ орудій на батареяхъ и открыли мѣткій и энергическій огонь, не спавши предъ этимъ въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ.

*) Послѣдовательный ходъ извѣстій, вопросовъ съ Трапавской и отвѣтовъ съ Зимницкой станцій былъ слѣдующій:

8 час. 20 мин. утра. «Переправа совершается. Мониторъ приближается, видно его». Вскорѣ вслѣдъ за этою депешею, встревожившею всѣхъ на Грапавскомъ курганѣ, была прислана новая, извѣстившая, что усмотрѣнное судно было не мониторъ, а нашъ пароходъ «Аннета».

8 час. 31 мин. утра. «Часть 14-й дивизіи переправилась и переправа продолжается. Наши уже давно схватились съ турками. Сколько видно — непріятель отбитъ на всѣхъ пунктахъ. Изъ Систова отвѣчаетъ только одно орудіе изрѣдка. Только что пришли три наши паровые катера и пароходъ («Аннета») съ Тудеромъ. Нашихъ довольно уже много на томъ берегу, а турокъ въ большемъ числѣ не видно».

9 час. утра. «Въ Систовѣ не видно никакого движенія и никакихъ войскъ. Наши батареи обстрѣливаютъ турецкія».

9 час. 57 мин. утра. «Наши войска пошли влѣво отъ Систова. Переправа совершается весьма благополучно. Сегодня утромъ, въ началѣ переправы, турецкая бомба попала въ понтонную лодку и разбила ее; при этомъ утонули: батарейный командиръ, два офицера, нижніе чины и два горныя орудія. Сегодня утромъ турки отвѣчали на выстрѣлы, но давно уже замолчали и по переправѣ больше не стрѣляютъ. Наши войска переправляются безпрепятственно. Говорятъ, что въ Систовѣ сбита турецкая батарея».

Такимъ образомъ, благодаря искусному сосредоточенію войскъ, демонстративнымъ дѣйствіямъ фламундскихъ и турну-магурельскихъ батарей и этому пребыванію обѣихъ главныхъ квартиръ на Грапавскомъ курганѣ, — никому и въ голову не приходило, чтобы переправа могла быть гдѣ либо, кромѣ Фламунды. Вся

Вопросъ съ Грапавской станціи. 10 час. 5 мин. утра. «Стрѣляетъ ли наша артиллерія на томъ берегу»?

Отвѣтъ. 10 час. 15 мин. утра. «На томъ берегу горныя орудія, кажется, не дѣйствуютъ теперь. Уже съ полчаса, что не слышно выстрѣловъ. Переправа продолжается».

Вопросъ. 10 час. 30 мин. утра. «Дошелъ ли Драгомировъ до Систова, или нѣтъ»?

Отвѣтъ. 10 час. 32 мин. утра. «Наши высадились ниже Систова. Непріятель отступаетъ. Драгомировъ наступаетъ къ Систову. Командиръ гвардейской роты (Преображенскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ Озеровъ) раненъ въ ногу».

11 час. 16 мин. утра. «Наши преслѣдуютъ непріятеля, до Систова еще не дошли. Пароходы переправляютъ нашихъ успѣшно. Драгомировъ преслѣдуетъ».

Вопросъ. 11 час. 20 мин. утра. «По комъ стрѣляютъ наши 9-ти-фунтовыя батареи съ нашего берега? Есть ли нашъ артиллерійскій огонь на той сторонѣ?

Отвѣтъ. 11 час. 35 мин. утра. «Стрѣляютъ по батареѣ въ Систовѣ. На ту сторону переправилась вся 14-я дивизія и началъ переправляться полкъ 9-й дивизіи. Наша артиллерія еще не находится на той сторонѣ».

Вопросъ. 11 час. 36 мин. утра. «Гдѣ наша горная артиллерія»?

Отвѣтъ. 11 час. 55 мин. утра. «Горной артиллеріи не слыхать; она пошла съ отрядомъ по направленію къ Рущуку».

11 час. 46 мин. утра. «Непріятельская батарея въ Систовѣ совершенно замолчала. Наши батареи съ большимъ успѣхомъ обстрѣливаютъ высоты лѣвѣе Систова, гдѣ находится непріятельская позиція».

Вопросъ. 12 час. дня. «Сколько перевезено полевой артиллеріи вообще и что дѣлаетъ отрядъ, который пошелъ къ Рущуку? Его Императорское Величество приказываетъ генералу Радецкому подробно донести о положеніи дѣла телеграммою».

Отвѣтъ генералъ-лейтенанта Радецкаго. 12 час. 8 мин. дня. «Въ 10 часовъ 40 минутъ утра вся 14-я дивизія съ горными батареями окончила переправу. Была довольно горячая перестрѣлка, Его Высочество Николай Николаевичъ Младшій сейчасъ отправился на тотъ берегъ къ генералу Драгомирову. Стрѣлки и 9-я дивизія начинаютъ переправляться».

Отвѣтъ на тотъ же запросъ, дополнительно. «Перевезена на ту сторону только горная артиллерія изъ 14-ти орудій: два потонуло при переправѣ».

Вопросы: 12 час. 16 мин. дня. «Великій Князь спрашиваетъ, что дѣлается на томъ берегу?»

12 час. 29 мин. дня. «Горитъ Систово?»

Отвѣтъ. 12 час. 36 мин. дня. «Положеніе то же. Наши батареи обстрѣливаютъ по направленію къ Систову окопавшагося непріятеля. На лѣвомъ краю города загорѣлась хата».

Вопросъ. 12 час. 23 мин. дня. «Что горитъ теперь на непріятельскомъ берегу? Отсюда видѣнъ дымъ. Идетъ ли ружейная перестрѣлка 14-й дивизіи съ непріятелемъ? Много ли раненыхъ перевезено»?

совокупность распоряженій видимо была направлена къ этому пункту. Одного только никто не зналъ, а именно — движенія отряда свиты Его Величества генералъ-маіора Драгомирова къ Зимницѣ. Это обнаружилось лишь 15-го іюня утромъ, когда переправа уже была совершившимся фактомъ.

Отвѣтъ. 1 час. 45 мин. дня. «Тлѣетъ далеко на лѣвой окраинѣ города. Ружейная перестрѣлка, продолжавшаяся до сихъ поръ, умолкла. Непріятель, сколько видно отсюда, удаляется въ горы. Приблизительная убыль около 300 человѣкъ, въ томъ числѣ до 30 убитыхъ».

Въ два часа пополудни Государь Императоръ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ возвратились въ Драчу, а въ пять часовъ пришла слѣдующая депеша начальника штаба дѣйствующей арміи, отправившагося въ Зимницу:

«Предначертанія Вашего Императорскаго Высочества увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Многотрудная и сложная задача военнаго дѣла перехода Дуная разрѣшена, Систово и окружающія высоты въ нашихъ рукахъ. Я счастливъ, что могу отъ души поздравить Государя Императора и Ваше Высочество съ блестящимъ успѣхомъ нашихъ храбрыхъ и дорогихъ войскъ. Переправлена уже вся пѣхота 14-й дивизіи, стрѣлковая бригада, сотня пластуновъ, гвардейская рота, 1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи и до ночи переведется 2-я бригада, горныя батареи, шесть орудій 14-й артиллерійской бригады. До ночи будутъ на той сторонѣ три батареи, сотня козаковъ; потомъ перевезется 35-я пѣхотная дивизія. Благоволите обратить вниманіе Аренса на продовольствіе. Съ пріѣздомъ въ городъ, я заѣхалъ тотчасъ на перевязочный пунктъ. Раненыхъ до сихъ поръ свезено до 200; въ числѣ офицеровъ раненъ въ ногу флигель-адъютантъ Озеровъ. Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій перешелъ благополучно. Такъ какъ отъ Штакельберга и Дерфельдена *), встрѣченныхъ мною по дорогѣ, я узналъ, что перевозка войскъ черезъ Дунай совершается, сверхъ ожиданія, чрезвычайно успѣшно, то я послалъ приказаніе генералъ-лейтенанту Ванновскому двинуть сегодня въ Зимницу обѣ пѣхотныя дивизіи 12-го корпуса. Въ Пятрѣ подвижной госпиталь для больныхъ устроенъ. Первый транспортъ раненыхъ отправленъ въ Пятру. Не признаете ли необходимымъ приказать двинуть тотчасъ отъ Фламунды къ Систову всѣ деревянные понтоны и всѣ мостовыя приспособленія? Отправляюсь на переправу. Непокойчицкій».

По прочтеніи этой телеграммы, Государь Императоръ немедленно пожаловалъ Великому Князю Главнокомандующему орденъ св. Георгія 2-й степени. Крики «ура» и общее ликованіе всего Драчевскаго бивуака продолжались до ночи.

---

*) Первый изъ нихъ ординарецъ, а второй адъютантъ Великаго Князя Главнокомандующаго.

XXXV

Переправа у Зимницы

Наставленіе и приказъ генерала Драгомирова. — Правила переправы, составленныя генераломъ Рихтеромъ. — Переходъ десантнаго отряда изъ Бею къ Зимницѣ. — Планъ первоначальнаго боеваго порядка. — Характеръ мѣстности и видъ на противоположный берегъ. — Мѣсто высадки. — Предварительныя мѣры и приготовленія къ переправѣ на мѣстѣ. — Состояніе погоды. — Первый рейсъ. — Высадка первой горсти и тревога у турокъ. — Боевыя товарищества. — Турецкій огонь на разсвѣтѣ. — Дѣйствія нашей и турецкой артиллеріи. — Гибель понтоновъ. — Эпизоды изъ переправы горной артиллеріи. — Положеніе дѣла въ устьѣ Текиръ-дере на разсвѣтѣ. — Драгомировъ переправляется со штабомъ. — Штурмъ мельницы. — Дѣйствія волынцевъ и гвардейцевъ на восточныхъ высотахъ. — Смерть штабсъ-капитана Брянова. — Возстановленіе первоначально предположеннаго боеваго порядка. — Разрывъ въ центрѣ нашей боевой линіи. — Затрудненія въ составленіи общаго резерва. — Дѣйствія западнаго фронта противъ систовскихъ высотъ. — 9-я пѣхотная дивизія двигается къ переправѣ. — Прибытіе парохода «Аннета» съ паровыми катерами. — Что дѣлалось въ это время на зимницкой низменности и на островѣ Адда. — Распоряженіе генерала Драгомирова относительно аттаки систовскихъ высотъ. — Занятіе тѣснины тырновской дороги. — Вступленіе генералъ-маіора Петрушевскаго въ Систово. — Встрѣча войскъ систовскими жителями. — Переправа артиллеріи и полковъ 9-й пѣхотной дивизіи. — Наша боевая убыль. — Особенная манера стрѣльбы у турокъ при отступленіи. — Поведеніе въ бою нашихъ офицеровъ и солдатъ. — Вѣроломство турокъ по отношенію къ санитарамъ. — Отличившіеся офицеры.

Утромъ 14-го іюня, въ мѣстечкѣ Бею, генералъ Драгомировъ собралъ къ себѣ начальниковъ всѣхъ отдѣльныхъ частей ввѣреннаго ему отряда *) и офицеровъ Волынскаго пѣхотнаго полка. Предваривъ о строжайшемъ соблюденіи ввѣренной имъ военной тайны, онъ объявилъ, что въ эту же ночь будетъ переправа, для прикрытія наводки моста, причемъ сначала отправятся на понтонахъ три стрѣлковыя волынскія роты и первые два батальона Волынскаго же полка.

— Всѣ вы, господа, говорилъ генералъ — должны безуслов-

*) 14-я пѣхотная дивизія (1-я бригада генералъ-маіора Іолшина, полки: 53-й Волынскій, 54-й Минскій; 2-я бригада генералъ-маіора Петрушевскаго, полки: 55-й Подольскій, 56-й Житомірскій), 4-я стрѣлковая бригада, генералъ-маіора Цвѣцинскаго (13-й, 14-й, 15-й и 16-й батальоны), двѣ роты пластуновъ, гвардейская рота конвоя Его Величества, часть саперъ и двѣ пѣшія горныя батареи.

но подчиняться офицерамъ, завѣдующимъ переправою *). На суднѣ соблюдается полная тишина. Во время слѣдованія на понтонахъ никоимъ образомъ не отвѣчать на непріятельскій огонь. Помощи раненымъ не подавать, памятуя о томъ, что каждое лишнее, неловкое движеніе можетъ опрокинуть понтонъ. Крѣпко внушите людямъ, что въ дѣлѣ у насъ сигналовъ нѣтъ, — слушай приказаніе командировъ; береги пулю — не выпускай ее даромъ, стрѣляй навѣрняка, иди впередъ — коли! Побьешь турка — не говори, что побѣдилъ его, пока не кончится война; помни, что «конецъ вѣнчаетъ дѣло». Затѣмъ, по высадкѣ на берегъ, прошу руководствоваться моимъ сегодняш-

---

*) Въ ожиданіи переправы, завѣдывавшій оною, начальникъ 3-й саперной бригады, генералъ-маіоръ Рихтеръ, объявилъ по войскамъ, чрезъ полевой штабъ арміи, слѣдующія «Правила для посадки пѣхоты въ понтоны, соблюденія порядка во время переправы и высадки на непріятельскомъ берегу»:

1) Прибывшая къ мѣсту переправы пѣхота строится по-ротно, по возможности въ развернутомъ строѣ, въ 40 шагахъ отъ берега, фронтомъ къ рѣкѣ, каждая рота въ районѣ того понтоннаго батальона, на понтонахъ котораго совершитъ переправу, о чемъ ротный командиръ долженъ быть извѣщенъ своевременно полковымъ командиромъ. Полковымъ командирамъ будутъ своевременно высланы черезъ дивизьонный штабъ нумера понтоновъ и понтонныхъ батальоновъ.

2) Прибывшая къ своимъ понтонамъ рота разсчитывается, по указанію командира понтоннаго батальона, на отдѣленія, по числу понтоновъ, назначенныхъ для перевозки одной роты; къ каждому отдѣленію назначается начальникомъ офицеръ или унтеръ-офицеръ.

3) Понтонные отрядные офицеры указываютъ каждому начальнику отдѣленія понтонъ, въ которомъ онъ будетъ переправляться, чтобы при посадкѣ не произошло безпорядковъ; при этомъ они провѣряютъ число чиновъ въ отдѣленіяхъ, чтобы не было лишнихъ противъ назначеннаго числа.

4) Передъ началомъ посадки дается свистокъ, по которому понтонные офицеры и носовые унтеръ-офицеры становятся на берегу при своихъ понтонахъ, для наблюденія за посадкою.

5) Когда все готово, каждый отрядный офицеръ докладываетъ своему командиру понтоннаго батальона, а послѣдній подаетъ команду «садись», по которой каждое отдѣленіе идетъ рядами и, строясь на ходу въ одну шеренгу, садится въ свой понтонъ, соблюдая слѣдующія правила:

а) Люди несутъ ружья на перевѣсъ.

б) Если для посадки понтоны поставлены носами къ берегу, то для всхода кладутся доски, по которымъ люди вступаютъ на понтонъ, гдѣ разставляются рулевымъ задомъ къ бортамъ, такъ, чтобы не мѣшать гребцамъ при греблѣ. Поставленные у бортовъ люди садятся на оные, ставя ружья между колѣнъ; остальные люди располагаются стоя, держа ружья между ногъ. Понтонные офицеры и носовые унтеръ-офицеры входятъ послѣдними.

в) Если понтоны стоятъ къ берегу бортами, то люди, идя также въ одну шеренгу, входятъ на соединеніе полупонтоновъ и оттуда сходятъ: передняя

нимъ приказомъ *). Что же касается плана аттаки, то его укажутъ вамъ обстоятельства и мѣстность. А теперь, господа, отъ души желаю вамъ полнаго успѣха! На насъ возложено Государемъ великое дѣло, — постараемся же выполнить его съ достоинствомъ!

шеренга въ правый, а задняя въ лѣвый полупонтонъ, гдѣ размѣщаются согласно пункта б.

г) Посадка людей въ понтоны исполняется по строевому, т. е. безъ малѣйшаго шума, а тѣмъ болѣе безъ разговоровъ; то же соблюдается и во все время переѣзда и высадки, т. е. люди стоятъ и сидятъ смирно, и немедленно исполняютъ команды офицеровъ и носовыхъ унтеръ-офицеровъ, отдаваемыя въ полголоса.

д) Сходя въ понтоны, люди не должны прыгать, во избѣжаніе качки, затрудняющей посадку.

6) По разсадкѣ войскъ, командирами понтонныхъ батальоновъ подается команда «отваливай», повторяемая понтонными офицерами, каждымъ своему отряду.

Примѣчаніе. Для перваго рейса, который будетъ на разсвѣтѣ или ночью, вмѣсто командъ командировъ понтонныхъ батальоновъ или свистковъ, будутъ установлены особые оптическіе сигналы и все будетъ исполняемо по часамъ командировъ понтонныхъ батальоновъ, предварительно провѣреннымъ **).

7) Во время переѣзда:

а) Какъ люди, такъ и начальство перевозимыхъ частей обязаны безусловно исполнять всѣ требованія понтонныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, ибо на нихъ лежитъ отвѣтственность за правильное и успѣшное движеніе понтоновъ.

б) Люди десанта должны стоять и сидѣть смирно, не разговаривать, не бросаться въ стороны и даже, въ случаѣ удара въ понтонъ гранаты, не ошалѣвать, а исполнять все по командамъ.

в) При переправѣ въ виду непріятеля, отнюдь не стрѣлять до высадки на противоположный берегъ, хотя бы непріятель и открылъ огонь.

8) Приставъ къ противоположному берегу, люди выходятъ изъ понтоновъ въ томъ порядкѣ, какъ садились, и строются на берегу, въ такомъ разстояніи отъ мѣста высадки, чтобы не мѣшать остальнымъ выходить изъ понтоновъ. Если по мелководію понтонъ не можетъ подойдти къ берегу, то люди переходятъ на оный въ бродъ, но не иначе, какъ по командѣ отрядныхъ понтонныхъ офицеровъ.

9) Послѣ высадки, понтоны немедленно возвращаются обратно.

**) Отдавая должную дань полезности этихъ правилъ, все-таки нельзя не замѣтить ,что употребленіе свистковъ, а въ особенности оптическихъ сигналовъ для *перваго рейса*, совершаемаго въ глубокой тишинѣ и подъ покровомъ ночной тьмы, едвали цѣлесообразно, потому что свистъ, а тѣмъ болѣе свѣтовой сигналъ невольно привлекутъ на себя вниманіе часовыхъ противника. Для того, чтобы рѣшаться на подобные сигналы, надо быть безусловно увѣреннымъ въ окончательномъ отсутствіи не только всякой бдительности, но и самыхъ береговыхъ постовъ у непріятеля. А кто же можетъ быть въ этомъ увѣренъ? *Примѣчаніе автора.*

---

*) Вотъ этотъ замѣчательный, какъ по слогу, такъ и въ отношеніи глубины пониманія военнаго дѣла и духа, приказъ начальника 14-й пѣхотной дивизіи:

При послѣднихъ словахъ, у М. И. Драгомирова навернулись на глазахъ слезы, — онъ зналъ, что нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, съ которыми такъ душевно сжился въ мирные дни своего командованія дивизіею, видитъ въ послѣдній разъ....

Отрядъ пообѣдалъ раньше обыкновеннаго и, взявъ съ собою четырехдневный запасъ сухарей, да по фунту вареного мяса

«Начальникамъ всѣхъ степеней не забывать назначать—кто ихъ долженъ замѣнить въ случаѣ убыли.

«Предварить всѣхъ, что въ случаѣ дѣла, поддержка будетъ, но смѣны никогда. Кто попадетъ въ боевую линію, останется въ ней пока не будетъ сдѣлано дѣло; потому патроны беречь; хорошему солдату 30 патроновъ достанетъ на самое горячее дѣло.

«Какъ бы тяжело ни приходилось, — не унывать, а помнить, что только «претерпѣвый до конца спасется». Святой долгъ офицеровъ — самимъ это постоянно помнить и людей подбадривать, чтобы этого не забывали.

«При вечерней и утренней молитвѣ, послѣ «Отче нашъ» пѣть: «Господи силъ съ нами буди, инаго бо развѣ Тебѣ помощника въ скорбѣхъ не имамы; Господи силъ помилуй насъ!»

«Выносъ раненыхъ возложенъ на санитаровъ. Слѣдовательно, никто для этого и ни для чего другаго рядовъ оставлять не долженъ. Офицеры и унтеръ-офицеры слѣдятъ, чтобы этого не было. Держись кучи, выручай другъ дружку—будетъ хорошо.

«Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ.

«Штабъ-офицерамъ въ огнѣ рекомендую спѣшиваться.

«Врачамъ обращать бдительное и постоянное вниманіе на то, чтобы люди, сколько нибудь способные работать, въ число больныхъ не попадали.

«*Никогда* не забывать объявлять передъ дѣломъ — что̀ собираемся дѣлать. Послѣдній солдатъ долженъ знать куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тогда, если начальникъ будетъ убитъ, смыслъ дѣла не потеряется.

«Если начальникъ будетъ убитъ, людямъ не только не теряться, но еще съ большимъ ожесточеніемъ лѣзть впередъ и бить врага.

«Помнить, что сигналы наши могутъ быть подаваемы и непріятелемъ, а потому начальникамъ рекомендуется воздерживаться отъ ихъ употребленія, а работать преимущественно словесными приказаніями.

«Сверхъ того, «отбоя», «отступленія» и т. п. *вовсе и никогда не подавать*, и предупредить людей, что если такой сигналъ услышатъ, то это только обманъ со стороны непріятеля.

«У насъ ни фланга, ни тыла нѣтъ и быть не должно: всегда фронтъ тамъ, откуда непріятель. Дѣлай такъ, какъ дома учился: стрѣляй мѣтко, штыкомъ коли крѣпко, иди впередъ — и Богъ наградитъ тебя побѣдой.

«Помнить мѣры предохраненія отъ огня: въ огнестрѣльный періодъ боя — строй разомкнутый; близко ложатся снаряды — передвинуть впередъ; ложиться только по приказанію старшаго начальника.

«Помнить, что пока дѣло совсѣмъ не кончено, — еще ничего не сдѣлано, т. е. нужно бить до тѣхъ поръ, пока ничего свѣжаго и устроеннаго передъ тобой не останется. Иначе, получивъ подкрѣпленія, могутъ снова поворотить на насъ».

на человѣка, двинулся изъ Бею къ Зимницѣ. Этотъ переходъ около 30-ти верстъ. Въ началѣ шестаго часа пополудни отрядъ былъ уже на мѣстѣ и остановился на равнинѣ, не доходя нѣсколько Зимницы, такимъ образомъ, чтобы строенія и сады мѣстечка скрывали его отъ наблюденій противника съ того берега.

Въ шесть часовъ пополудни, командиръ Волынскаго полка, полковникъ Родіоновъ, собравъ къ себѣ всѣхъ своихъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ, объявилъ, что въ десять часовъ вечера, безъ особаго сигнала, роты собираются и слѣдуютъ къ мѣсту посадки, а разсаживаться будутъ сначала три стрѣлковыя роты, потомъ 2-й батальонъ и наконецъ 1-й батальонъ. Эти части составятъ первый рейсъ. По высадкѣ на противный берегъ, 3-я стрѣлковая рота немедленно разсыпается въ цѣпь, перпендикулярно къ Дунаю и фронтомъ на востокъ, къ Рущуку, 2-я стрѣлковая — паралельно Дунаю, фронтомъ на югъ, къ Тырнову и, наконецъ, 1-я стрѣлковая рота — тоже перпендикулярно къ Дунаю, но фронтомъ на западъ, къ Систову. Затѣмъ, роты 2-го батальона размѣщаются: 1-я за 2-й стрѣлковой, 2-я за 3-й стрѣлковой, 3-я за 1-й стрѣлковой и 4-я за 1-й ротой своего батальона. Ротамъ 1-го батальона расположиться въ томъ же самомъ порядкѣ за ротами 2-го батальона, составляя на первое время ихъ резервы. Это расположеніе покоемъ (П) должно было оградить со всѣхъ сторонъ мѣсто высадки послѣдующихъ эшелоновъ отъ покушеній непріятеля.

Въ ожиданіи часа посадки, десантный отрядъ расположился на отдыхъ за мѣстечкомъ, въ своемъ укрытомъ расположеніи.

Прежде чѣмъ начать переправу, необходимо было исполнить не мало предварительныхъ работъ. Десантному отряду предшествовали всѣ четыре понтонные парка, 23-й донской полкъ и уральская казачья сотня, которые и должны были заняться этими работами. Но приступить къ нимъ можно было не раньше, какъ совсѣмъ уже стемнѣетъ, — иначе мы рисковали бы преждевременно раскрыть противнику наше предпріятіе; поэтому къ спуску понтоновъ, вязкѣ плотовъ и паромовъ было приступлено только въ девять часовъ вечера. Мосты черезъ ближайшіе къ Зимницѣ протокъ и затонъ, были наведены еще наканунѣ, въ дождливую, туманную ночь съ 13-го на 14-е

іюня, при чемъ наименьшій мостъ сооруженъ на козлахъ, а другой, до 30-ти саженъ длиною, на парусинныхъ понтонахъ. Такимъ образомъ, еще утромъ 14-го числа уже былъ устроенъ удобопроходимый путь по всему лѣвому низменному берегу. Всѣ эти работы совершались въ полной тишинѣ: ни громкаго говора, ни громыханья громоздкихъ матеріальныхъ приспособленій. Вечеромъ 14-го числа, подошедшая къ берегу артиллерія 14-й и 9-й артиллерійскихъ бригадъ ожидала очереди спуститься на топкую низменность, чтобы у самаго берега Дуная, на отмели, прикрыть предстоявшую переправу. Установка ея на позиціи тоже относилась къ числу предварительныхъ мѣръ.

До наступленія темноты, командиръ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій, вмѣстѣ съ генераломъ Драгомировымъ и самымъ ограниченнымъ числомъ начальствующихъ лицъ и штаба, осмотрѣли съ довольно возвышеннаго берега, на которомъ стоитъ Зимница, всю впереди лежащую мѣстность. Прямо подъ обрывистымъ спускомъ протекаетъ, въ видѣ неширокой рѣчки, одинъ изъ дунайскихъ протоковъ, начинающійся нѣсколько выше Зимницы и впадающій въ главное русло у Журжева. Черезъ этотъ протокъ существуетъ у Зимницы деревянный мостъ, къ которому ведетъ неудобный спускъ, нѣсколько разработанный теперь нашими саперами. Пыль, какъ въ самомъ мѣстечкѣ, такъ и въ особенности на этомъ спускѣ, просто ужасающая, невозможная: при движеніи нѣсколькихъ человѣкъ, а тѣмъ болѣе повозокъ, она сейчасъ же поднимается густымъ облакомъ, такъ что въ пяти шагахъ предъ собою уже ничего невозможно разглядѣть. Тотчасъ же за мостомъ начинается широко раскинувшееся пространство топкой низменности, пересѣкаемое нѣсколькими затонами и лужами различной, но болѣе или менѣе значительной величины. Черезъ низменность дорога идетъ къ пристани по земляной дамбѣ, но теперь она была сильно размыта и мѣстами даже разрушена водою, такъ что воспользоваться ею для нашихъ цѣлей не представилось никакой возможности. Южная окраина низменности отдѣляется новымъ протокомъ (гораздо шире перваго), отъ двухъ отмелей, носящихъ названіе острововъ: Чингиневъ (ближайшій къ Зимницѣ и лежащій противъ нея) и Адда (находящійся ниже по теченію), за которыми по ту сторону уже идетъ главное русло Дуная. Вся эта низменность со-

вершенно гола и песчана: ни одного дерева, ни одного кустика, даже травы сколько нибудь высокой невидно; только на Чингиневѣ растетъ высокій кустарникъ, уже могущій называться молодымъ лѣскомъ, а поверхность Адда кое-гдѣ покрыта мелкимъ кривымъ кустарникомъ. Предварительная рекогносцировка этихъ островов показала, что оба они весьма болотисты и потому не представляютъ возможности быть заняты пѣхотою. Но далѣе, къ востоку, на низменной части лѣваго берега замѣтенъ небольшой лѣсокъ, подбѣгающій къ самому берегу главнаго русла. Изъ-подъ этого лѣска и будетъ происходить ночью посадка. За островомъ Адда глазъ хватаетъ уже на турецкій берегъ. Онъ представляется въ видѣ не высокихъ, но отвѣсныхъ обрывовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они кажутся какъ будто утесами, но мѣстные жители сказываютъ, что каменныхъ глыбъ на томъ берегу мало, почва же глинистая, глубоко изрытая водомоинами. Обрывы эти стоятъ надъ самою водой, отражающей ихъ темно-желтыя и красноватыя очертанія. Далѣе, въ глубь страны, берегъ начинаетъ постепенно возвышаться террасами и отдѣльными кряжами, одинъ выше другаго, тянущимися паралельно рѣкѣ. Эти возвышенности, окутанныя прозрачно-лиловою дымкой воздуха, кудрявятся желтоватою зеленью виноградниковъ и темными очерками садовъ, наполненныхъ пирамидальными тополями, раскидистыми орѣховыми и иными фруктовыми деревьями. Самыя же дальнія изъ возвышенностей, заканчивающія своими очертаніями картину противоположнаго берега, совершенно голы. Еще далѣе къ востоку кряжи перемѣшиваются съ отдѣльными круглыми холмами, но повсюду эти разнохарактерныя возвышенности, каждая отдѣльно и всѣ вмѣстѣ, представляютъ рядъ великолѣпныхъ оборонительныхъ позицій, которыя легко можно защищать шагъ за шагомъ. Если взять глазомъ на ту сторону, чуть-чуть правѣе Зимницы, то замѣтно, что тамъ, среди темной зелени и красноватаго фона горныхъ склоновъ, что-то пестрѣетъ и бѣлѣется какъ бы отдѣльными группами пятнышекъ, надъ которыми тамъ и сямъ торчатъ вертикально бѣлыя же черточки минаретовъ, да куполы двухъ церквей, и на бѣлой жести, покрывающей ихъ верхушки, ослѣпительно сверкаютъ искры солнца. Это городъ Систово (по-болгарски Свиштовъ), террасами расположившійся на сѣверномъ склонѣ кряжистыхъ

высотъ праваго берега. Отъ Зимницы до Систова, по прямой математической линіи, будетъ версты три слишкомъ, но ясный, прозрачный воздухъ до такой степени оптически обманчиво приближаетъ всю массу противнаго берега, что на глазъ сдается, будто до Систова верста, не болѣе. Надъ самымъ Систовомъ съ южной стороны господствуетъ высокій горный кряжъ, и на него-то генералъ Драгомировъ указалъ теперь всѣмъ сопровождавшимъ его отдѣльнымъ начальникамъ, какъ на главную и конечную цѣль предстоявшей аттаки: овладѣвъ этимъ кряжемъ, мы овладѣемъ не только Систовымъ, но и всею окрестною страною.

Чтобы хорошо разглядѣть съ румынскаго берега самое мѣсто высадки, надо либо перебраться по топи въ лѣсокъ, либо выдти изъ Зимницы версты на двѣ къ востоку, по журжевской дорогѣ и, не доходя деревушки Зимничале, бросить взглядъ, вооруженный биноклемъ, на противный берегъ, который противъ этого пункта ничѣмъ не заслоняется. Тамъ, сажень на 600 ниже восточной оконечности Адда, между береговыхъ обрывовъ, замѣтна небольшая лощина, образуемая устьемъ ручья Текиръ-дере. Крутые склоны возвышенностей, спадающіе въ нее, покрыты молодымъ лѣскомъ и кудрявымъ кустарникомъ. Тамъ — сказываютъ — есть турецкая караулка и водяная мельница, только ихъ за растительностію не видать отсюда. Эта-то лощинка и будетъ мѣстомъ высадки.

Подъ вечеръ небо начало хмуриться, и вѣтеръ, налетавшій порывами, сталъ свѣжѣть и крѣпчать все болѣе. Можно было опасаться къ ночи значительнаго волненія на Дунаѣ.

Десантный отрядъ былъ распредѣленъ на шесть рейсовъ: первые два — изъ одиннадцати ротъ регулярной пѣхоты, сотни пластуновъ, 60-ти казаковъ и восьми горныхъ орудій каждый; послѣдующіе — такой же силы, т. е. на 2,250 человѣкъ пѣхоты, но вмѣсто горныхъ, по шести полевыхъ орудій въ каждомъ.

Въ девять часовъ вечера приступили къ спуску 208 понтоновъ на воду и подвели ихъ по поперечному протоку къ такъ называемой австрійской таможнѣ. Этотъ пунктъ, находящійся на берегу большой песчаной отмели, у южной оконечности дамбы, обозначенъ высокою мачтой, на которой до войны, во время навигаціи, обыкновенно развѣвался австрійскій флагъ; прежде тутъ стояла баржа, служив-

шая пристанью для австрійскихъ пароходовъ. Въ этомъ мѣстѣ должны были сѣсть на понтоны войска перваго рейса; для остальныхъ же рейсовъ посадка предназначалась нѣсколько ниже, какъ уже сказано, изъ-подъ лѣска. Понтонные баталъоны распредѣлены для работы слѣдующимъ образомъ: 3-й, 4-й и 5-й батальоны — на полуторныхъ понтонахъ, поднимающихъ кромѣ гребцовъ отъ 30 до 45 человѣкъ *), для перевозки пѣхоты, а 6-й — на понтонныхъ паромахъ, исключительно для артиллеріи и казаковъ. На случай появленія непріятельскихъ мониторовъ и для прикрытія переправы, одновременно со спускомъ понтоновъ были выставлены пять 9-тифунтовыхъ батарей, расположившихся по обѣимъ сторонамъ пункта посадки, а именно: три батареи (24 орудія) 14-й артиллерійской бригады — у австрійской таможни, примыкая къ ней своимъ правымъ флангомъ, и двѣ батареи (16 орудій) 9-й артиллерійской бригады — на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, примыкая своимъ правымъ флангомъ къ восточной оконечности лѣска. Вся эта артиллерія была выдвинута къ самой чертѣ берега, и для ея прикрытія назначенъ 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, съ частью стрѣлковъ: одинъ батальонъ у австрійской таможни и два на островѣ. Въ десятомъ часу вечера въ Систовѣ было замѣтно много огней, а слѣва, изъ вардарскаго турецкаго лагеря довольно хорошо доносились по водѣ звуки музыки, нѣсколько напоминавшей маршъ Черномора въ «Русланѣ»; въ одиннадцатомъ часу музыка прекратилась, а вскорѣ послѣ этого стали гаснуть, исчезая одинъ за другимъ, и огоньки въ Систовѣ.

Въ полночь, на берегу низменности, близь австрійской таможни сосредоточились войска первыхъ трехъ эшелоновъ десанта. Всѣ приготовленія и подходъ войскъ были совершены въ полной тишинѣ. Запрещено было даже курить, чтобы свѣтящимися точками папиросъ и трубокъ не привлечь вниманіе противника **). Турецкій берегъ, погруженный въ мертвое мол-

---

*) На каждомъ изъ этихъ понтоновъ полагалось восемь человѣкъ гребцовъ, одинъ рулевой, одинъ понтонный офицеръ и его помощникъ — унтеръ-офицеръ; четвертая часть понтонныхъ начальниковъ была изъ моряковъ; на тѣхъ же понтонахъ, гдѣ офицеровъ не доставало, начальство ввѣрялось свѣдущимъ и опытнымъ унтеръ-офицерамъ, морскимъ и понтоннымъ.

**) Стало быть, оптическіе сигналы для посадки были совсѣмъ уже неумѣстны.

чаніе, смутно обозначался темною массой въ легкомъ ночномъ туманѣ. Смутный призракъ луны изрѣдка неясно просвѣчивалъ бѣлесоватымъ пятномъ среди клубившихся облаковъ. Всплески волнъ, вздымаемыхъ расходившимся вѣтромъ, съ легкимъ шумомъ плавно били въ берега, и этотъ шумъ помогъ скрыть громыханіе приближавшейся артиллеріи. На той сторонѣ — ни огонька, ни звука. Турки, казалось, спали, не подозрѣвая близкой опасности.

Генералъ Рихтеръ лично распоряжался посадкой. Правильно, тихо и безъ малѣйшей суеты сѣли на понтоны люди перваго рейса, подъ начальствомъ полковника Родіонова и, перекрестясь, отвалили отъ берега. Это было ровно въ часъ ночи. Генералъ Драгомировъ въ послѣднюю минуту еще разъ предупредилъ людей, что отступленія нѣтъ, развѣ въ Дунай, а потому—такъ или иначе, но нужно идти впередъ: впереди— побѣда, позади — во всякомъ случаѣ погибель, если и не отъ пули, то въ водѣ. Онъ тихо послалъ вслѣдъ отплывающимъ свое благословеніе. Въ небольшой группѣ лицъ, окружавшихъ его, находились Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій и молодой Скобелевъ, котораго, безъ всякаго особаго назначенія, прикомандировали къ генералу Драгомирову. При первомъ рейсѣ отправился начальникъ 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Іолшинъ, старый кавказецъ боевыхъ временъ, бывшій нѣкогда командиромъ славнаго Мингрельскаго гренадерскаго полка, мундиръ котораго оставленъ ему въ награду за подвиги его части, совершенные во время его командованія. Понтонъ, на которомъ находился генералъ Іолшинъ, съ капитаномъ генеральнаго штаба Мальцевымъ и прусскимъ маіоромъ Лигницемъ, плылъ впереди, указывая остальнымъ дорогу. Этимъ передовымъ понтономъ начальствовалъ капитанъ Трентовіусъ. На ближайшихъ за нимъ понтонахъ находились пластуны, потомъ волынскіе стрѣлки и, наконецъ, остальныя роты 2-го батальона. Рейсъ замыкался паромами съ казаками и артиллеріею 2-й горной батареи.

Вѣтеръ разыгрывался все болѣе и болѣе, волненіе на серединѣ рѣки значительно увеличилось, такъ что усилія гребцовъ становились почти напрасными. Къ тому же луна, окончательно заволокнувшаяся густыми тучами, уже не давала и того скуднаго отсвѣта, который во время посадки еще прони-

калъ порою сквозь туманъ облаковъ. Турецкій берегъ, закутавшись мглою, совершенно исчезъ изъ глазъ, и на водѣ стала такая темнота, что судамъ десанта почти невозможно было слѣдить другъ за другомъ. Усилившееся волненіе вскорѣ разорвало линію понтоновъ, разбросало ихъ по рѣкѣ и, раньше срока, прибило одни изъ нихъ къ берегамъ выше назначеннаго мѣста высадки, а другіе, числомъ пять, сильнымъ теченіемъ, не позволявшимъ пристать къ берегу, поснесило на версту ниже устья Текиръ-дере, котораго за темнотою почти и невозможно было разглядѣть. Тѣмъ не менѣе, часть передовыхъ понтоновъ, державшихся кучнѣе другъ къ другу, успѣли пристать къ лощинѣ. Первыми высадились генералъ Іолшинъ съ Мальцевымъ и Лигницемъ, горсть 3-й стрѣлковой роты волынцевъ со своимъ командиромъ, капитаномъ Фокомъ, и часть пластуновъ. Послѣдніе тотчасъ же, какъ кошки незамѣтно крадучись, подползли къ дремавшему турецкому пикету и безъ шума покончили съ нимъ въ ту же минуту. Но часовой, стоявшій на посту у караулки, замѣтилъ наконецъ подозрительное присутствіе на берегу постороннихъ людей и далъ по нимъ выстрѣлъ. Въ ту же минуту послышались встревоженные голоса и возгласы турокъ на мельницѣ.... Галдятъ что-то, поднялась бѣготня, суматоха, раздалось еще два-три безпорядочныхъ выстрѣла — и пошла пальба, сначала рѣдкая, потомъ все чаще и чаще... Влѣво, на выдающемся возвышенномъ береговомъ пунктѣ, версты на три ниже устья ручья, ярко вспыхнула большимъ пламенемъ смоляная сигнальная вѣха... Издалека, съ восточной стороны, отъ села Вардина уже доносятся звуки сигнальныхъ рожковъ въ турецкомъ лагерѣ.

Поднялась общая тревога.

Первые изъ приставшихъ кое-какъ къ берегу, разрозненные понтоны, какъ уже сказано, очутились въ трехъ пунктахъ: выше устья ручья, въ самомъ устьѣ и значительно ниже его. Остальныя суда въ это время еще усѣевали собою тамъ и сямъ поверхность рѣки. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ правильная высадка по нумерамъ понтоновъ и цѣльными ротами, какъ предполагалъ было въ своей инструкціи генералъ Рихтеръ, окончательно не могла состояться. Высадившіеся люди въ первый моментъ по неволѣ растянулись

болѣе чѣмъ на двѣ версты на непріятельскомъ берегу и сбились въ отдѣльныя, разобщенныя между собою кучки на трехъ вышесказанныхъ пунктахъ. Такимъ образомъ, съ первой же минуты, вмѣсто правильныхъ ротъ, образовалось то, что̀ генералъ Драгомировъ чрезвычайно удачно и мѣтко назвалъ потомъ «боевыми товариществами» или «боевою артелью». Кто гдѣ высаживался, благодаря случаю, тотъ тамъ и дрался, примазываясь къ ближайшей кучкѣ своихъ и не спрашивая какой они роты; старались только поскорѣе добраться, такъ сказать, до ядра своихъ силъ, въ устье ручья, связаться тамъ въ одинъ общій клубокъ, чтобы потомъ уже дѣйствовать, по возможности, сообразно плану предначертанной аттаки *). Это чрезвычайно важное и въ высшей степени пригодное въ такія минуты боевое качество было привито генераломъ Драгомировымъ къ людямъ своей дивизіи еще въ воспитательное время ихъ мирной подготовки. Главное дѣло, чтобы люди и младшіе начальники — разъ, что имъ заранѣе ясно указана общая, главная цѣль — не терялись и дѣлали что̀ нужно, по собственной инициативѣ, при всякихъ неожиданныхъ обстоятельствахъ и при какой бы ни было обстановкѣ. Въ данномъ случаѣ — хорошая выработка этого качества пригодилась какъ нельзя болѣе. Генералъ Іолшинъ, высадивъ горсть людей, бывшихъ съ нимъ на одномъ понтонѣ, приказалъ имъ — на первое время, пока не выяснятся на сколько нибудь обстоятельства — залечь въ топи устья и отвѣчать выдержаннымъ, разсчетливымъ огнемъ на безпорядочные выстрѣлы турокъ, которыхъ ближайшая позиція находилась шагахъ въ двухстахъ отъ берега. Люди съ понтоновъ, прибитыхъ къ берегу выше и ниже устья, шли на выстрѣлы, пробираясь

---

*) Вотъ что говоритъ объ этомъ генералъ Драгомировъ въ своемъ донесеніи командиру 8-го корпуса:

«Характеристическою чертою боя было то, что первыя вступавшія въ бой части не составляли не только цѣльныхъ батальоновъ или ротъ, но даже взводовъ; каждая вновь прибывшая часть пристраивалась къ первымъ попавшимся кучкамъ, и такими-то импровизированными «частями-товариществами» наши храбрецы, предводимые и руководимые случайными начальниками, безъ малѣйшей надежды на близкую поддержку, выдержали славный бой; каждое товарищество зорко слѣдило за тѣмъ, что дѣлается у сосѣдей, и какъ только послѣдніе подавались впередъ, или имъ угрожалъ непріятель, немедленно слѣдовала помощь, или производилось передвиженіе въ связи съ движеніемъ сосѣдей.

поодиночкѣ, зачастую въ водѣ по колѣно, вдоль обрывистыхъ кручъ, мѣстами нависшихъ прямо надъ рѣкою, безъ малѣйшей тропинки у своего основанія. Такимъ образомъ, первоначальная горсть стрѣлковъ въ устьѣ ручья мало-помалу росла, и вновь прибывавшіе люди тотчасъ же усиливали съ обоихъ концовъ звенья нашей ничтожной въ началѣ цѣпи.

Но, все-таки, десантъ, благодаря уже указаннымъ неожиданнымъ случайностямъ, былъ замедленъ на первомъ же рейсѣ. Роты не могли сразу собраться въ одно мѣсто, вслѣдствіе чего, по недостаточности силъ, не могло состояться и предварительное движеніе на три стороны впередъ, покоемъ, какъ было предположено. Оно хотя и состоялось, но уже значительно позже, съ прибытіемъ послѣдующихъ рейсовъ; первыя же разрозненныя кучки десанта смогли только удержаться на берегу до разсвѣта, — и то уже слава Богу! Между тѣмъ невольное промедленіе въ высадкѣ дало туркамъ возможность быстро собраться по тревогѣ и усѣять стрѣлками прибрежныя позиціи на кручахъ, по обѣ стороны устья. Тогда по нашей горсти, залегшей въ топи этого устья, и по поверхности Дуная былъ открытъ усиленный ружейный огонь. Звуки турецкихъ выстрѣловъ раздавались мелкою непрерывною дробью. Въ это время на облачномъ горизонтѣ смутно засѣрѣлъ первый просвѣтъ утренней зари. Темная поверхность рѣки стала мало-по-малу свѣтлѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали проясняться и очертанія противоположнаго берега. Это былъ первый моментъ борьбы ночной тьмы съ утреннимъ свѣтомъ, когда въ природѣ только начинаютъ неясно и нѣсколько фантастически вырисовываться общія очертанія наиболѣе крупныхъ предметовъ. Но уже и при этомъ смутномъ освѣщеніи, на бѣлесоватой поверхности рѣки сдѣлались замѣтны черныя точки и черточки отдѣльныхъ понтоновъ. Чуть только они выяснились, какъ въ небѣ вспыхнула точно молнія и вслѣдъ за тѣмъ гулко прокатился по водѣ красивый звукъ перваго артиллерійскаго выстрѣла. Это была турецкая пушка — и граната, направленная съ батареи, прикрывавшей городъ Систово, шлепнулась въ воду среди понтоновъ, поднявъ цѣлый фонтанъ брызговъ. Вмѣстѣ съ этимъ и ружейный огонь противника, по мѣрѣ того какъ цѣли очерчивались все

болѣе и яснѣе, становился сильнѣе и мѣтче. Къ первому орудію вскорѣ присоединились и три другія, съ батареи, находившейся на восточныхъ высотахъ, близь вардарскаго лагеря *). Такимъ образомъ огонь сдѣлался перекрестнымъ— и на нашихъ понтонахъ люди стали нести довольно чувствительныя потери. Какъ только второй и третій выстрѣлы систовской батареи позволили опредѣлить мѣсто ея нахожденія, мы точасъ же направили на нее огонь трехъ 9-ти-фунтовыхъ батарей 14-й артиллерійской бригады, стоявшихъ на позиціи у австрійской таможни. Но не смотря на то, что сначала 24, а потомъ 36 орудій боролись противъ одного, которымъ была вооружена систовская батарея, имъ удалось заставить его замолчать только по прошествіи слишкомъ девяти часовъ съ начала канонады. Этою батареею, какъ оказалось потомъ, изъ разсказовъ систовскихъ жителей, командовалъ англійскій офицеръ, — и надо отдать ему полную справедливость: изъ одного орудія онъ ухитрялся бить и по понтонамъ, и по нашимъ прибрежнымъ орудіямъ, и по войскамъ, скоплявшимся на берегу, въ ожиданіи переправы. При этомъ замѣчательна та быстрота, съ какою его наводчики успѣвали направлять орудіе отъ понтоновъ къ берегу и обратно. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что углы возвышенія хорошо были опредѣлены съ первыхъ же выстрѣловъ. Но что значитъ земляное закрытіе! — въ то время какъ болѣе половины выстрѣловъ систовской пушки не пропадали даромъ, — огонь нашихъ орудій, выпустившихъ каждое до 30-ти снарядовъ и стрѣлявшихъ на 1,100 саженъ, огонь — надо замѣтить — чрезвычайно мѣтко направлявшійся въ брустверъ систовской батареи, долго не могъ ничего сдѣлать. Пришлось усилить артиллерію праваго фланга еще одною 9-ти-фунтовою батареею 9-й артиллерійской бригады, которая расположилась правѣе, т. е. западнѣе австрійской таможни, и когда такимъ образомъ противъ систовской батареи сосредоточились 36 сильныхъ, дальнобойныхъ орудій, — огонь ихъ заставилъ, наконецъ, но и то лишь послѣ полудня, замолчать турецкую

---

*) Часть турецкихъ войскъ была расположена лагеремъ близь села Вардаръ (оно же и Варденъ), лежащаго по рущукской дорогѣ, верстахъ въ десяти отъ Систова.

пушченку [1]). И добро бы, стрѣляли наши плохо, неумѣли бы брать вѣрнаго прицѣла, — но нѣтъ, этого сказать нельзя, и даже иностранцы свидѣтельствуютъ противное [2]). Гранаты наши ловко впивались въ систовскую батарею, поднимая на ней грязно-желтыя облака земляной пыли, а турецкіе снаряды все-таки продолжали удачно рваться между войсками, стоявшими на зимницкой низменности, и шлепаться въ воду среди плывущихъ понтоновъ. Вслѣдъ за систовской батареей, какъ сказано уже, открыла огонь и другая батарея, у вардарскаго лагеря, состоявшая изъ трехъ дальнобойныхъ орудій, огонь которыхъ съ разстоянія въ 1,500 сажень направлялся на понтоны и на лѣвый флангъ нашего расположенія; имъ отвѣчали двѣ 9-ти-фунтовыя батареи 9-й артиллерійской бригады, расположенныя на восточной окраинѣ лѣска [3]).

Еще въ первомъ рейсѣ, происходившемъ, можно сказать, въ наилучшихъ условіяхъ относительно турецкаго огня, оказались уже весьма серьозныя потери; а съ разсвѣтомъ нѣсколько понтоновъ положительно изрѣшетило пулями [4]), такъ что два изъ нихъ затонули вмѣстѣ съ бывшими на нихъ людьми, въ глубинѣ Дуная. Не мало доставалось и людямъ. Съ пункта посадки было видно, какъ на какомъ-нибудь понтонѣ, случайно избранномъ преимущественною цѣлью того или другаго отдѣленія турецкихъ стрѣлковъ, начинали падать наши солдаты. При разсвѣтѣ, все болѣе и болѣе вступавшемъ въ свои права, это въ особенности было замѣтно по штыкамъ. Частоколъ ихъ бодро и прямо торчитъ надъ головами сидящихъ людей, но вотъ, случайно попадаетъ понтонъ подъ сосредоточенный огонь — и штыки начинаютъ все болѣе склоняться книзу, рѣдѣть, падать; вмѣстѣ съ ними склоняются и падаютъ люди — то ничкомъ во внутрь понтона, то на-взничь, опрокидываясь въ во-

---

[1]) Калибръ этого орудія былъ не великъ; по силѣ боя оно представляло среднее между нашими четырехъ и девяти-фунтовыми, и било по переправлявшимся понтонамъ съ разстоянія до 1,500 сажень.

[2]) Корреспондентъ «Daily News» и др.

[3]) Хотя вардарскія орудія стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега и были хорошо укрыты, тѣмъ не менѣе, наши лѣво-фланговыя батареи заставили ихъ къ десяти часамъ утра не только прекратить огонь, но и вовсе убраться съ позиціи.

[4]) Эти издырявленные понтоны, еще нѣсколько дней спустя, можно было видѣть на отмели, куда ихъ вытащили по распоряженію генерала Рихтера.

ду — и вотъ, на понтонѣ пусто... виднѣются только сидящія фигурки какихъ нибудь двухъ-трехъ гребцовъ, но и тѣ, одна за другою, никнутъ и падаютъ внизъ; вмѣстѣ съ ними валятся въ воду весла, — все это происходитъ въ теченіи одной, или много двухъ минутъ — и быстрое теченіе свободно подхватываетъ и несетъ куда-то внизъ по Дунаю понтонъ, издырявленный пулями и наполненный тѣлами убитыхъ и раненыхъ... Плыветъ онъ, все болѣе и болѣе погружаясь въ воду, которая струями вливается въ него сквозь пробоины, — плыветъ, лавируя по волѣ прихотливаго теченія и, наконецъ, тихо тонетъ, тонетъ, исчезаетъ — и на поверхности рѣки не остается никакихъ слѣдовъ только-что совершившейся катастрофы. Такъ, между прочимъ, погибъ въ первомъ же рейсѣ и 1-й взводъ 2-й горной батареи, съ командиромъ ея, подполковникомъ Стрѣльбицкимъ, штабсъ-капитаномъ Кобіевымъ, подпоручикомъ Тюрбертомъ *) и девятнадцатью нижними чинами этой батареи. Переправа горной артиллеріи, вообще заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія:

На каждомъ паромѣ, устроенномъ на двухъ соединенныхъ понтонахъ, было размѣщено по два орудія, по десяти коней и по 26-ти человѣкъ прислуги. Впереди шелъ 1-й взводъ, со Стрѣльбицкимъ, Кобіевымъ и Тюрбертомъ, за нимъ 2-й взводъ съ поручикомъ Гофмейстеромъ, далѣе паромъ съ 3-мъ взводомъ поручика Яковлева и, наконецъ, 4-й взводъ, подъ командою поручика Лихачева, который, послѣ смерти Стрѣльбицкаго и Кобіева, остался старшимъ офицеромъ во 2-й горной батареѣ. Теченіе стало сносить первые три парома къ отмели острова Адда, такъ что 2-й и 3-й взводы совсѣмъ-было сѣли на мель, а первый плотъ всячески старался отпихнуться съ мелководья и потому нѣсколько замѣшкался. Четвертый паромъ, гдѣ находился Лихачевъ, видя эту опасность, своевременно взялъ должное направленіе и такимъ образомъ опередилъ остальные. Парому 1-го взвода удалось сдвинуться съ мели ранѣе двухъ другихъ, и онъ уже направился вслѣдъ за Лихачевымъ, какъ вдругъ попалъ подъ сосредоточенный ружейный огонь

---

*) Лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады подпоручикъ Тюрбертъ былъ временно прикомандированъ ко 2-й горной батареѣ, изъ состава гвардейскаго конвоя Императорской квартиры.

турокъ. Нѣсколько пуль попали въ лошадей, что произвело сильный переполохъ на паромѣ: кони стали биться, брыкаться, взвиваться на дыбы, а пули между тѣмъ сыпались на паромъ, какъ вода изъ садовой лейки. Оба желѣзные понтона, поддерживавшіе настланный поперегъ ихъ плотъ, въ минуту были продырявлены пулями и быстро стали наполняться водою. Не смотря на это, надежда добраться до турецкаго берега не была еще потеряна; гребцы напрягали отчаянныя усилія, чтобы добраться до него поскорѣе, но тутъ, на бѣду, хватила въ край плота систовская граната, и трескъ ея разрыва произвелъ окончательный переполохъ между лошадьми: онѣ шарахнулись къ противоположному борту парома и чрезъ это сильно накренили его въ одну сторону, что при понтонахъ, уже наполненныхъ водою, было вполнѣ естественно; орудія и вьюки снарядовъ повалились туда же; видно было, что на паромѣ произошла какая-то каша; однѣ лошади падали со всѣхъ четырехъ ногъ, другія, взвившись на дыбы, стали кидаться за бортъ, — плотъ накренился еще болѣе и, осыпаемый пулями, въ ту же минуту пошелъ ко дну. Видно было, какъ нѣсколько человѣкъ стараются спасаться вплавь, иные хватались за какіе-то обломки, а поверхность рѣки, то и дѣло, рябилась фонтанчиками и снопиками брызговъ отъ шлепавшихъ въ нее пуль... Нѣсколько мгновеній спустя, ни 1-го взвода, ни парома уже не существовало.

Между тѣмъ, 4-й взводъ, благополучно пройдя мимо сѣвшихъ на мель плотовъ, былъ уже не далѣе, какъ въ сорока саженяхъ отъ берега; но тутъ съ карниза ближайшаго обрыва на него посыпались пули, одна изъ которыхъ хватила въ ногу вьючную ящичную лошадь. Та стала биться и сорвалась задними ногами въ воду; остальныя лошади съ перепугу тропотили на мѣстѣ, сбившись въ кучу, и это уже угрожало 4-му взводу тою же участью, какая постигла первый паромъ, какъ вдругъ нѣсколько артиллеристовъ успѣли ухватить сорвавшуюся лошадь подъ уздцы и за хвостъ, и такимъ образомъ встащили ее на плотъ. Но въ ту же минуту новая пуля хватила ее въ ухо и свалила съ ногъ въ ужасныхъ конвульсіяхъ. Пришлось самимъ сейчасъ же придушить несчастное животное, такъ какъ только съ помощью этого средства возможно было кое-какъ успокоить суматоху, поднявшуюся между

конями. Среди такой-то кутерьмы, не ранѣе какъ полчаса спустя послѣ обрыва лошади въ воду, удалось четвертому понтону подойдти близко къ берегу; только высадиться сразу неудалось, по причинѣ мелководья. Пришлось орудія и ящики перетаскивать на рукахъ; но усилія одной команды 4-го взвода были недостаточны, чтобы встащить ихъ съ берега навысоту, и потому поручикъ Лихачевъ самъ вскарабкался на утесъ и кликнулъ сверху нѣсколько волынскихъ солдатъ на помощь. Общими усиліями удалось наконецъ вытянуть обѣ пушки на возвышенность, и появленіе этихъ орудій пришлось какъ нельзя болѣе кстати: турки густою цѣпью сильно насѣдали на нашихъ съ гребня смежной, командующей высоты, такъ что принудили даже рѣдкую цѣпь волынцевъ податься нѣсколько назадъ. Первая граната, пущенная нашимъ горнымъ орудіемъ съ разстоянія въ 200 сажень, въ высшей степени удачно разорвалась среди турецкихъ рядовъ и сразу заставила ихъ пріостановиться.

Между тѣмъ вотъ что̀ происходило на берегу, у высадившихся кучекъ перваго рейса:

Сѣренькій отсвѣтъ зари позволилъ наконецъ различить окружающую обстановку въ устьѣ Текиръ-дере. Тамъ обнаружилось прежде всего присутствіе турокъ въ двухъ пунктахъ: на водяной мельницѣ и у сторожевой караулки, которая торчала около мельницы, но по разстоянію находилась ближе послѣдней къ мѣсту расположенія нашихъ кучекъ. У караулки засѣло около 60-ти человѣкъ турокъ. Командиръ 3-й стрѣлковой роты, капитанъ Фокъ, бросился туда «на ура», вмѣстѣ съ пятнадцатью своими молодцами, и смѣлымъ ударомъ въ штыки сразу вышибъ противника изъ его позиціи. Бо̀льшая часть турокъ еще до столкновенія поспѣшила перебѣжать на мельницу, а неуспѣвшіе этого сдѣлать легли подъ ударами штыковъ. Такимъ образомъ, часть турецкой позиціи была захвачена нами, и стрѣлки капитана Фока на нѣкоторое время залегли у караулки. Но до прибытія дальнѣйшихъ подкрѣпленій невозможно было рѣшаться на бо̀льшее: горсть нашихъ людей въ устьѣ Текиръ-дере, какъ извѣстно, была слишкомъ ничтожна по своимъ силамъ, да и въ этой-то горсти уже не хватало двухъ-трехъ человѣкъ, уложенныхъ турецкими пулями. Аттаковать сильно занятую мельницу въ данныхъ условіяхъ

значило бы вести людей на безполезное разстрѣляніе. По неволѣ надо было выждать пока побольше соберется своихъ, и эти минуты томительнаго ожиданія, при возбужденномъ состояніи людей, готовыхъ, не думая о себѣ, беззавѣтно ринуться впередъ, были для нихъ особенно тяжелы и казались часами. Какъ уже сказано, гребцамъ пришлось бороться съ сильнымъ вѣтромъ и быстрымъ теченіемъ; составныя части желѣзныхъ понтоновъ неоднократно развинчивались во время самаго движенія, которое чрезъ это замедлялось еще болѣе: необходимо было свинчивать ихъ, закрѣплять гайки и отливать набиравшуюся воду, а потому понтоны торопились подчаливать къ берегу гдѣ попало, лишь бы пристать поскорѣе. Послѣдующія горсти людей, видя, что дѣло переправы замѣшкалось и слыша на берегу рокотъ учащенной перестрѣлки, со всевозможнымъ рвеніемъ старались скорѣе взобраться на береговыя кручи. При этомъ нерѣдко случалось, что люди первой шеренги, стоя на плечахъ своихъ товарищей второй шеренги, работали кирками, лопатами и штыками, чтобы образовать въ стѣнѣ обрыва площадку, въ родѣ бермы, на которую они руками втаскивали снизу остальныхъ, и оттуда уже всѣ вмѣстѣ карабкались на вершину, цѣпляясь за стебли травы и корни кустарника. И вотъ, такимъ-то образомъ, отдѣльными горстями мало-по-малу накоплялась наша сила въ устьѣ Текиръ-дере. Пробѣгая мимо караулки, кучки прилаживались одна къ другой, стараясь выстраиваться въ порядкѣ, чтобы имѣть видъ отдѣльныхъ ротъ.

Генералъ Драгомировъ переправился со вторымъ рейсомъ, подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ турецкихъ батарей. Съ нимъ въ одномъ понтонѣ находились лица дивизіоннаго штаба *), генералъ-маіоръ Скобелевъ, генеральнаго штаба подполковникъ Сухотинъ, адъютантъ Главнокомандующаго капитанъ Ласковскій и ординарецъ Его Высочества штабсъ-ротмистръ Цуриковъ **). Дальнѣйшее веденіе переправы начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, съ разрѣшенія командира 8-го корпуса, поручилъ генералъ-маіору Рихтеру, оставивъ

*) 14-й пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба полковникъ Якубовскій, штабсъ-капитанъ Котельниковъ и поручикъ Шостакъ.

**) Лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка.

при немъ за офицера генеральнаго штаба Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго.

Не задолго до отправленія Драгомирова на непріятельскій берегъ, возвратился оттуда первый понтонъ, вслѣдъ за которымъ постепенно стали прибывать и другіе, принося все одно и то же извѣстіе, что требуются подкрѣпленія и какъ можно скорѣе. Поэтому было рѣшено посылать дальнѣйшіе десанты уже не правильными рейсами, а по мѣрѣ прибытія возвращающихся понтоновъ и притомъ только одну пѣхоту, стараясь, по возможности, группировать людей поротно. Отправка въ этомъ послѣднемъ порядкѣ началась съ гвардейской конвойной роты.

Въ то время какъ генералъ Драгомировъ высадился на ту сторону, капитанъ Фокъ съ людьми своей 3-й стрѣлковой роты, уже успѣвшими въ значительномъ числѣ собраться въ строй, кинулся на штурмъ мельницы. Лихая атака его, по распоряженію генерала Драгомирова, лично поведшаго людей въ дѣло, была своевременно поддержана нѣсколькими «боевыми артелями» — и тогда вокругъ мельницы загорѣлся жаркій, отчаянный бой. Много уже лежало около нея труповъ — и нашихъ, и турецкихъ — результатъ преимущественно штыковой работы. Часть турокъ бѣжала въ гору, гдѣ въ виноградникахъ засѣла на вершинѣ ихъ цѣпь; другая же часть заперлась внутри мельницы и не хотѣла сдаваться, отстрѣливаясь изъ маленькихъ окошекъ и изъ-подъ нижнихъ прорѣшинъ черепичной крыши. Наши стали было прикладами вышибать дверь, какъ вдругъ отъ мельницы повалилъ густой черный дымъ и сквозь нѣкоторыя щели пробились языки пламени.

Какимъ образомъ она загорѣлась — трудно сказать: иные говорятъ, что подожгли наши, другіе утверждаютъ, что сами турки, видя свое безвыходное положеніе, рѣшились на поджогъ, предпочитая сдачѣ доблестную смерть. Черезъ нѣсколько минутъ кровля рухнула—и они всѣ до послѣдняго погибли подъ ея развалинами. Дней пять спустя, еще можно было видѣть ихъ обугленныя руки, торчавшія изъ-подъ обгорѣлыхъ бревенъ и черепицы.

Одновременно съ атакою мельницы, одной кучкѣ нашихъ людей удалось занять съ боя гребень каменнаго мостика, ведущаго черезъ ручей Текиръ.

Всѣ эти эпизоды боя покончились въ началѣ третьяго часа утра.

Къ этому времени къ туркамъ успѣли прибѣжать новыя подкрѣпленія изъ вардерскаго лагеря съ одной и изъ Систова съ другой стороны. Они усѣяли стрѣлковыми цѣпями береговыя кручи и ближайшія высоты, образовавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оборону ружейнымъ огнемъ въ нѣсколько ярусовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, противникъ уже началъ было напирать на нашу цѣпь, разсчитывая сбросить ее въ Дунай, какъ вдругъ появилось наше первое горное орудіе, тотчасъ же пустившее весьма удачную гранату. Турки, какъ уже сказано, замялись и пріостановили свое наступленіе. Въ это время подоспѣло и второе орудіе. Три - четыре не менѣе удачныхъ выстрѣла заставили непріятеля сначала попятиться, а потомъ и просто бѣжать назадъ, на вершину горы. Этого момента нельзя было упустить, и потому 3-й стрѣлковой ротѣ велѣно тотчасъ же двинуться въ атаку противъ лѣвыхъ высотъ, окаймлявшихъ Текирскую долину съ восточной стороны (отъ Рущука). Вслѣдъ за 3-й стрѣлковой, туда же были двинуты 5-я и 6-я, имѣя за собою въ резервѣ 7-ю и 8-ю роты *). 3-я стрѣлковая благополучно перешла ровъ и ручей, но 6-я рота при спускѣ была встрѣчена сильнымъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ по другую сторону ручья на восточныхъ высотахъ, командующихъ мѣстностью и сплошь покрытыхъ виноградниками. При этомъ были убиты ротный командиръ подпоручикъ Швили и его субалтернъ - офицеръ, прапорщикъ Лукьяновъ; половина молодцовъ солдатъ тоже выбыла изъ строя. Маіоръ Подгурскій, находившійся въ этотъ моментъ при 6-й ротѣ, желая дать ей хоть одного офицера, потребовалъ отъ поручика Кузьмина, командовавшаго 5-ю ротою, его субалтерна, подпоручика Рѣшетникова, но оказалось, что Рѣшетниковъ раненъ.

— Ну, такъ давайте сюда прапорщика Прохницкаго!

— Тоже выбылъ изъ строя: раненъ.

Мѣшкать было нечего, а потому для поддержанія стрѣлковъ капитана Фока, маіоръ Подгурскій направилъ вмѣсто разстроенныхъ 6-й и 5-й ротъ — 7-ю и 8-ю изъ резерва.

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ нумера и названія ротъ надо понимать условно: если говорится 5-я, 6-я и т. д., то это значитъ, что въ данной кучкѣ либо преобладало большинство людей такой-то роты, либо ея командиръ находился налицо; каждая рота все-таки оставалась въ дѣлѣ случайнымъ, но нравственно и потому тѣсно связаннымъ между собою «боевымъ товариществомъ».

Въ это время успѣла высадиться ниже устья Текиръ - дере 12-я волынская рота, а 10-я волынская, вмѣстѣ съ ротою гвардейскаго Императорскаго конвоя, прибыли къ самому устью. Гвардейцы и волынцы 10-й роты были тотчасъ же направлены въ поддержку капитана Фока, для атаки восточныхъ высотъ съ фронта, а 12-я рота, съ тяжкими усиліями, стала взбираться на крутой прибрежный скатъ, для того чтобы взять турокъ во флангъ, со стороны Дуная. Гвардейцы, едва успѣвъ выстроиться, безъ выстрѣла ринулись съ мѣста на высоты— и не мало легло ихъ въ этомъ славномъ штыковомъ дѣлѣ. Въ это же самое время, командиръ 12-й роты, штабсъ-капитанъ Бряновъ, успѣлъ наконецъ со своими людьми вскарабкаться на утесъ и первый, съ крикомъ «ура», бѣгомъ бросился во флангъ туркамъ. Аскеры на встрѣчу ему подставили стальную щетину — и девять штыковъ вонзились въ геройски смѣлаго Брянова. Онъ былъ поднятъ штыками на воздухъ, но и въ этомъ положеніи—какъ сказываютъ очевидцы—успѣлъ хватить саблею по головѣ какого-то турка. Изъ девяти ранъ, доставшихся на долю Брянова, двѣ были въ животъ. Когда подоспѣли его солдаты, — а это было два - три мгновенія спустя, — турки сбросили его со штыковъ имъ на встрѣчу и, не дожидая рукопашной расправы, кинулись бѣжать. Истекая кровью, Бряновъ однако не потерялъ сознанія и, приподнявшись съ земли на локтѣ, нашелъ еще въ себѣ достаточно силъ, чтобы подбодрять и направлять своихъ солдатъ словами. Это была могучая натура... Черезъ день онъ умеръ въ Зимницкомъ госпиталѣ, имѣвъ предъ смертью утѣшеніе въ георгіевскомъ крестѣ, который собственноручно былъ надѣтъ на него Государемъ Императоромъ.

Ударъ гвардейцевъ съ фронта и 12-й роты съ фланга заставилъ турокъ очистить первую восточную высоту. Между тѣмъ 5-я и 6-я волынскія роты успѣли къ тому времени оправиться и спустились къ ручью. Маіоръ Подгурскій назначилъ одного изъ старшихъ унтеръ-офицеровъ *) командовать 6-ю ротою, выразивъ ея людямъ увѣренность, что онъ молодцомъ поведетъ ихъ впередъ въ дѣло и что они съумѣютъ отомстить за смерть своего командира. Люди дружно крикнули «ради

*) Фельдфебель выбылъ изъ строя.

стараться» и молодецки пошли въ бой, на поддержку своихъ стрѣлковъ и гвардейцевъ.

Въ штурмѣ восточныхъ высотъ приняли дѣятельное участіе двѣ батареи 9-й артиллерійской бригады, стоявшія у восточной окраины лѣска, на зимницкой низменности. Мѣткій огонь ихъ направлялся черезъ рѣку въ ряды турокъ и на много облегчилъ штурмовымъ ротамъ ихъ тяжелую задачу.

Вообще, до пяти часовъ утра, всѣ вновь прибывавшія десантныя команды направлялись отдѣльными партіями — частію на югъ, въ глубь по текирской долинѣ, частію же направо и налѣво, причемъ двумъ послѣднимъ направленіямъ по необходимости пришлось отдавать преимущество въ количествѣ силъ, потому что генералу Драгомирову надо было прежде всего отогнать турокъ съ прибрежныхъ высотъ на столько, чтобы они не могли вредить своимъ стрѣлковымъ огнемъ нашимъ командамъ, во время ихъ слѣдованія на понтонахъ. А такъ какъ наибольшій вредъ наносили цѣпи, раскинувшіяся вправо отъ устья ручья, то и пришлось прежде всего штурмовать восточныя высоты, обладаніе коими дало намъ наконецъ возможность привести въ исполненіе, хотя и не вполнѣ точно, первоначальный планъ построенія фронта на три стороны, покоемъ. Тогда 1-й батальонъ Волынскаго полка — пока не подойдутъ на смѣну ему части 2-й бригады 14-й дивизіи—былъ направленъ фронтомъ на западъ, противъ холмовъ и кряжей, среди которыхъ лежитъ городъ Систово.

Пока длился только что описанный бой,—на одной изъ вершинъ, лежащихъ ниже ручья по теченію Дуная, появились вдругъ двѣ роты турокъ, выстроились развернутымъ фронтомъ и открыли огонь залпами по парому, на которомъ плыли 60 человѣкъ Минскаго полка, изъ которыхъ каждый получилъ по нѣсколько ранъ; всѣ они были перебиты. Но и туркамъ не прошло это безнаказанно: одна рота Минскаго полка бросилась на нихъ въ штыки, опрокинула и многихъ положила тутъ же, на мѣстѣ. Вообще, пока мы не оттѣснили турокъ отъ берега, всѣмъ понтонамъ, отправлявшимся послѣ перваго рейса, приходилось терпѣть на рѣкѣ огонь, еще болѣе губительный, чѣмъ въ началѣ, потому что къ этому времени стало уже совсѣмъ свѣтло, цѣли выяснились вполнѣ, да и къ туркамъ прибыли еще новыя подкрѣп-

ленія изъ лагеря и изъ Систова. Между тѣмъ наши подкрѣпленія, не смотря на всѣ усилія, прибывали медленно, горстями, потому что число подбитыхъ понтоновъ все увеличивалось, многіе изъ нихъ, чтобы быть вновь пущенными въ дѣло, требовали необходимыхъ исправленій, другіе же пришлось отводить назадъ, такъ какъ они, будучи снесены къ отвѣснымъ обрывамъ берега, не могли высадить свой десантъ. Едва лишь къ шести часамъ утра удалось гвардейцамъ и волынцамъ съ минскими на столько отбросить противника отъ прибрежныхъ высотъ, что дальнѣйшіе десанты могли слѣдовать по рѣкѣ, не подвергаясь болѣе ружейному огню. Къ этому же времени, по указанію генерала Іолшина, былъ разработанъ спускъ для десанта, нѣсколько выше устья Текиръ-дере. Все это дало намъ возможность возстановить до нѣкоторой степени правильность рейсовъ и распредѣлить болѣе систематическимъ образомъ десантныя части, для посадки ихъ на понтоны.

Отбросивъ противника къ востоку и отчасти къ западу, слабосильный фронтъ нашъ по необходимости растянулся чрезмѣрнымъ образомъ *), такъ что въ центрѣ (т. е. въ части, обращенной къ югу) вышелъ значительный разрывъ, который до времени нечѣмъ было заполнить. Турки, замѣтивъ это обстоятельство, стали напирать преимущественно на центръ и, для усиленія своей атаки, выдвинули на южныхъ высотахъ два дальнобойныя орудія, которыя били не только по центру и вдоль текирской долины, но стали поражать также фланги и тылъ восточнаго и западнаго фронтовъ. Между тѣмъ у насъ на турецкомъ берегу было пока только шесть горныхъ орудій, огонь которыхъ, за дальностію разстоянія, не могъ наносить этой новой батареѣ никакого вреда, а потому и былъ сосредоточенъ противъ восточной стороны, гдѣ оказалъ грамадную поддержку нашему лѣвому флангу **). Кромѣ того, у насъ не имѣлось достаточно силъ и для образованія общаго резерва, въ коемъ уже начинала ощущаться настоятельная надобность. Поэтому генералъ Драгомировъ, выславъ часть вновь прибывшаго эшелона на заполненіе разрыва въ центрѣ, приказалъ,

*) Около пятнадцати ротъ занимали фронтъ до трехъ верстъ.

**) Эта поддержка принесла на столько существенную пользу, что генералъ Драгомировъ полагаетъ, что въ будущемъ горныя батареи должны составлять незамѣнимую принадлежность десанта, производимаго въ подобныхъ же условіяхъ.

чтобы части, которыя будутъ высаживаться впредь, собирались у мельницы, для образованія резерва. Но это распоряженіе не вполнѣ могло состояться, потому что турки проявляли все бо̀льшую и бо̀льшую настойчивость въ своихъ атакахъ, какъ противъ центра, такъ и противъ восточной стороны нашего боеваго порядка, вслѣдствіе чего Драгомирову приходилось безпрестанно посылать и туда, и сюда все новыя и новыя подкрѣпленія, такъ что объ образованіи общаго резерва онъ имѣлъ возможность подумать только тогда, какъ уже успѣли переправиться послѣдніе эшелоны его дивизіи, т. е. около 9½ часовъ утра, — слѣдовательно, почти черезъ восемь часовъ по завязкѣ боя. Когда рядъ послѣдовательныхъ штыковыхъ атакъ на восточныхъ высотахъ вышибъ наконецъ турокъ изъ виноградниковъ и рвовъ, окружающихъ эти плантаціи, — генералъ Драгомировъ нашелъ, что дѣло переправы уже достаточно обезпечено съ восточной стороны, а потому рѣшилъ перейдти къ подготовкѣ главнѣйшей задачи этого дня, т. е. къ занятію южнаго хребта, командующаго Систовымъ. Для этой цѣли онъ воспользовался 2-ю бригадою *), первые эшелоны которой прибыли еще раньше и тотчасъ же двинулись къ Систову, вмѣстѣ со своимъ бригаднымъ командиромъ, генералъ-маіоромъ Петрушевскимъ. Остальнымъ же эшелонамъ этой бригады, по сборѣ батальоновъ, было приказано продвинуться впередъ, сквозь утомленныя и потерпѣвшія части 1-й бригады, и взять направленіе на систовскія высоты. При этомъ, впрочемъ, генералу Петрушевскому послано приказаніе — не предпринимать рѣшительнаго наступленія, пока не прибудутъ къ нему 4-я стрѣлковая бригада и артиллерія.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло на правомъ берегу, въ половинѣ десятаго часа утра.

Князь Святополкъ-Мирскій, сдѣлавъ со своею 9-ю пѣхотною дивизіею **) ночной переходъ изъ Лиссы къ Зимницѣ, пришелъ въ седьмомъ часу утра въ это мѣстечко и остано-

*) Полки 55-й Подольскій и 56-й Житомірскій.

**) Полки: 33-й Елецкій, 34-й Сѣвскій, Е. И. В. Наслѣднаго принца Австрійскаго, 35-й Брянскій, генералъ-адъютанта князя Горчакова (находился уже

вился на лугу, за строеніями, чтобы дать людямъ кратковременный отдыхъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній корпуснаго командира *). Рядомъ съ частями 9-й дивизіи стояла 4-я стрѣлковая бригада. Въ половинѣ девятаго часа ординарецъ генерала Радецкаго привезъ приказаніе всѣмъ этимъ частямъ двигаться къ переправѣ **). Стрѣлковые батальоны шли впереди, за ними три полка князя Мирскаго. Задача этого отряда заключалась въ томъ, чтобы, въ случаѣ удачи нашей переправы, тотчасъ же слѣдовать на турецкій берегъ за 14-ю дивизіею, а при неустойкѣ послѣдней — принять на себя бой и форсировать переправу, чего бы то ни стоило, не смотря ни на какія жертвы, такъ какъ Великій Князь объявилъ, что Онъ не приметъ никакого оправданія и что Дунай долженъ быть перейденъ у Зимницы, во что бы ни стало. Когда стрѣлки, въ девятомъ часу утра, спускались съ берега на низменность,—вправо на Дунаѣ вдругъ показался пароходный дымъ и вскорѣ затѣмъ обрисовался корпусъ друхтрубнаго парохода, принятый сначала за непріятельскій броненосецъ, спускающійся внизъ, отъ Никополя. Но вскорѣ ошибка разъяснилась: это былъ нашъ фламундскій пароходъ «Аннета» (подъ командой капитанъ-лейтенанта Тудера), который спѣшилъ теперь на помощь десанту, буксируя за собою двѣ большія баржи. Когда онъ плылъ на высотѣ систовской батареи, турки пустили по немъ двѣ-три гранаты — и тѣмъ ограничились; одна изъ нихъ попала въ трюмъ баржи, гдѣ лежалъ цѣлый слой кукурузы—остатокъ добычи, находившейся на ней при взятіи нами этого судна,—другія же пролетѣли мимо. Къ десяти часамъ «Аннета» была уже у цѣли своего плаванія и стала противъ лѣска. Изъ-подъ роскошныхъ вѣтвей ивъ и тамаринда, купавшихся въ самой водѣ, выглядывали, покачиваясь, наши понтонныя лодки — въ ожиданіи посадки слѣдующаго эшелона, въ которомъ должны были слѣдовать части стрѣлковой бригады уже на пароходѣ и баржахъ. По всей низменности,

---

ранѣе на переправѣ, въ прикрытіи артиллеріи) и 36-й Орловскій, генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго.

*) Генералъ-лейтенанта Радецкаго.

**) Одновременно съ этимъ генералъ Радецкій послалъ приказанія 35-й пѣхотной дивизіи въ мѣстечко Фрумозу и Кавказской казачьей дивизіи въ Бею — немедленно слѣдовать къ переправѣ, не останавливаясь въ Зимницѣ.

обходя затоны тянулись длинными косыми зигзагами колонны пѣхоты и 4-хъ-фунтовыя батареи артиллеріи 8-го корпуса. Люди, тяжело нагруженные боевымъ и походнымъ снаряженіемъ, въ суконныхъ мундирахъ, со скатанными шинелями черезъ плечо, тяжело ступали по глубокой топи, на каждомъ шагу уходя въ густую грязь по колѣно и, не смотря на солнечные лучи, успѣвшіе уже накалить воздухъ, энергически преодолѣвали всѣ эти тяжкія препятствія — лишь бы скорѣй дойдти къ переправѣ. Лошади тоже грузли, артиллерійскія колеса увязали по ступицу, но охочіе люди, забывъ про усталость, безпрестанно вытягивали на плечахъ орудія и ящики изъ болота. Голова этихъ колоннъ направлялась въ пространство низменности, прикрытое спереди лѣскомъ. Тамъ уже стояли нѣкоторыя части, въ ожиданіи очереди къ посадкѣ. Гранаты, между тѣмъ, и справа, и слѣва продолжали разсѣкать воздухъ сверлящимъ, спиральнымъ шипѣніемъ своего полета; онѣ бултыхались въ воду, подымая фонтаны, но, по счастію, уже не нанося особеннаго вреда понтонамъ, свистали черезъ ивнякъ и рвались между деревьями, ломая сучья и вѣтви, шлепались въ самый берегъ, среди нашихъ 9-ти-фунтовыхъ батарей, обдавая пространство вокругъ себя илистою грязью; рвались иногда и между колоннъ, двигавшихся по топи. Самому лѣску доставалось отъ гранатъ чуть ли не больше, чѣмъ остальнымъ мѣстамъ низменности: здѣсь на травѣ валялось много клочковъ и обрывковъ бѣлья, платья, аммуниціи... Санитары съ носилками быстро сновали по всему берегу, подбирая раненыхъ и убитыхъ; послѣднихъ сносили на сѣверную окраину лѣска, въ кустарники, гдѣ и складывали рядкомъ. Тѣла, подъ дѣйствіемъ палящихъ солнечныхъ лучей, вздувались, чернѣли и начинали разлагаться чрезвычайно быстро. На низменности было устроено два перевязочныхъ пункта, и ближайшій изъ нихъ, за западной оконечностью лѣска, находился въ сферѣ артиллерійскаго огня: все пространство сырой, еще не просохшей земли вокругъ него было изрыблено ямками и бороздами разрывовъ. Но медики и въ этихъ условіяхъ спокойно и твердо исполняли свое дѣло. Впрочемъ, о дѣятельности врачей на переправѣ я скажу послѣ.

Прибытіе парохода съ тремя паровыми катерами и двумя большими баржами быстро двинуло впередъ все дѣло пере-

правы, такъ какъ эти суда въ два рейса могли перевозить цѣлый пѣхотный полкъ. Такимъ образомъ, къ половинѣ одиннадцатаго часа была переправлена 4-я стрѣлковая бригада, что и дало Драгомирову возможность въ одиннадцать часовъ двинуть генерала Петрушевскаго на Систово. Для этого движенія, начальникъ 14-й девизіи отдалъ слѣдующее приказаніе:

«2-й бригадѣ (генералъ-маіора Петрушевскаго) двинуться на систовскія высоты съ фронта, направляясь отъ Дуная; стрѣлковой бригадѣ (генералъ-маіора Цвѣцинскаго) поддержать это наступленіе, направляясь за лѣвымъ флангомъ 2-й бригады; а затѣмъ, обѣимъ бригадамъ, сдѣлавъ захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ, направиться: 2-й брагадѣ—къ Систову, а стрѣлковой бригадѣ—въ обхватъ главнаго и командующаго гребня систовскихъ высотъ; бригадѣ же генералъ-маіора Іолшина—оставаться на занятыхъ (восточныхъ) высотахъ».

2-я бригада двинулась впередъ черезъ виноградники и разграничивающіе ихъ глубокіе рвы, причемъ и самыя дороги, ведущія на подъемы, походили болѣе на рвы или траншеи—столь онѣ были узки и окаймлены высокими краями. Труднѣе всѣхъ при этомъ пришлось Подольскому полку, на долю котораго досталась задача—овладѣть ближайшимъ предгоріемъ систовскихъ высотъ. Не смотря на удушающую жару, подольская цѣпь бѣгомъ двинулась къ своей цѣли и, къ счастію, ея атака была поддержана нашимъ прибрежнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ зимницкой низменности. Подольцы и дѣйствовавшіе лѣвѣе ихъ житомірцы, напирая на противника, быстро заняли тѣснину тырновской дороги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта послѣдняя отдѣляется въ глубь страны отъ дороги рущукской. Путь въ этомъ мѣстѣ идетъ между двухъ отвѣсныхъ глинистыхъ утесовъ, стѣны которыхъ обработаны лопатами, и могъ бы представить для турокъ хорошую оборонительную позицію, если бы они не были тѣснимы также и со своего праваго фланга стрѣлками 4-й бригады, руководимыми генераломъ Скобелевымъ 2-мъ. Угрожаемые обходомъ праваго фланга, турки вынуждены были очистить эту тѣснину безъ особеннаго сопротивленія и потянуться въ направленіи къ Тырнову.

Въ два часа пополудни 2-я бригада 14-й дивизіи показалась на гребнѣ высотъ, господствующихъ надъ Систовымъ, и заняла подступы къ городу, а въ четвертомъ часу дня генералъ-

маiоръ Петрушевскiй вступилъ уже и въ самый городъ. Все, что только принадлежало къ христiанскому населенiю Систова, высыпало къ нему на встрѣчу, съ православнымъ духовенствомъ впереди, съ крестнымъ ходомъ и хлѣбомъ-солью. Болгарскiя женщины вынесли на улицы воды, вина, разныхъ угощенiй и подымали повыше маленькихъ своихъ дѣтей, чтобы тѣ могли лучше видѣть и запечатлѣть черты «русскихъ братiй», и заставляли ихъ подавать солдатамъ вѣнки и букеты. Когда генералъ Петрушевскiй заявилъ, что не онъ главный начальникъ, а Драгомировъ, который остается еще на мѣстѣ боя, то систовскiя женщины просили его переслать отъ нихъ большой букетъ генералу Драгомирову. Радостныя лица, восторженныя объятiя, поцѣлуи, словно въ Свѣтлый праздникъ, ликованiе, крики «ура» и «живiе», зазывы нашихъ воиновъ, на перебой другъ передъ другомъ, къ себѣ на постой—все это дополняло картину общей великой радости и восторга систовскаго населенiя. Городъ сейчасъ же разцвѣтился коврами, флагами и тканями, развѣвавшимися съ каждаго окна и балкона; христiанскiе дома были отмѣчены большими крестами, начерченными мѣломъ на стѣнахъ и воротахъ; мужчины явились тоже съ бѣлыми и черными крестами, нашитыми на ихъ шапки и рукава сорочекъ. Такимъ образомъ, городъ былъ занятъ почти безъ выстрѣла, и только одному изъ батальоновъ, стоявшихъ на высотахъ, пришлось дать нѣсколько выстрѣловъ по непрiятелю, появившемуся влѣво отъ командующаго гребня. Турки впрочемъ сейчасъ же удалились, чуть лишь замѣтили, что ихъ позицiи угрожаетъ справа цѣпь стрѣлковъ генералъ-маiора Скобелева 2-го.

Между тѣмъ, къ тремъ часамъ пополудни переправился уже 34-й пѣхотный Сѣвскiй полкъ, которому генералъ-лейтенантъ Радецкiй приказалъ поддержать бригаду Iолшина, на восточныхъ высотахъ. Затѣмъ, переѣхавъ самъ, съ корпуснымъ штабомъ, на правый берегъ, командиръ 8-го корпуса велѣлъ продолжать дальнѣйшую переправу пѣхоты, а именно: 33-го Елецкаго и 36-го Орловскаго пѣхотныхъ полковъ; 35-й пѣхотный Брянскiй полкъ, находившiйся частiю на островѣ, частiю на низменности, въ прикрытiи береговыхъ батарей, велѣно также переправить, а на смѣну его поставить 35-ю пѣхотную дивизiю. Одновременно

съ этими распоряженіями, генералъ Радецкій приказалъ переправлять и артиллерію на паромахъ. Къ девяти часамъ вечера всѣ полки 9-й пѣхотной дивизіи были уже на правой сторонѣ Дуная, при чемъ ея 1-я бригада стала въ резервѣ бригады Іолшина, 2-я же бригада (Брянскій и Орловскій полки) ночевала у переправы. Турки окончательно отступили еще въ пятомъ часу пополудни; бо̀льшая часть изъ нихъ пошла на Рущукъ, а остальные на Тырново.

У насъ, общимъ числомъ, выбыло изъ строя 748 человѣкъ убитыми и ранеными; изъ этого числа 636 человѣкъ пришлось на долю первыхъ эшелоновъ *), гдѣ, слѣдовательно, почти седьмой ратникъ выбылъ изъ строя. — «Но смѣло можно сказать, говоритъ генералъ Драгомировъ, что эшелоны честно выполнили свой долгъ: не смотря на весьма упорное сопротивленіе турокъ, на ихъ убійственный и мѣткій огонь, не взирая на безвыходное положеніе, въ которомъ находились эти эшелоны въ первые часы переправы, когда, встрѣченные вдесятеро превосходившимъ непріятелемъ, они могли ясно видѣть, что разсчитывать на скорую помощь съ берега нельзя, — не смотря на все это, наши храбрецы беззавѣтно шли въ штыки, сбрасывали турокъ съ кручъ и овладѣвали ими; не было возможности гдѣ-либо укрыться и временно передохнуть немного: изъ каждаго куста летѣли пули и вырывали изъ строя храбрецовъ». Турки рѣдко когда выдерживали штыковый натискъ. Они, по большей части, видя рѣшительное наступленіе нашихъ, оставляли ровъ и перебѣгали черезъ виноградникъ до слѣдующаго рва, отстрѣливаясь на ходу. Но замѣчателенъ способъ этого послѣдняго отстрѣливанія: положивъ ружье на лѣвое плечо «вольно» и только придавъ ему наиболѣе горизонтальное положеніе, аскеръ заряжалъ и стрѣлялъ на ходу, не оборачиваясь, черезъ спину: авось-либо попадетъ! Это вызывало невольный смѣхъ у нашихъ солдатъ, которымъ еще и въ мирные дни завѣщалось беречь патронъ, какъ можно болѣе.

Всѣ чины, по отзыву генерала Драгомирова, до конца исполнили свой долгъ съ полнымъ самоотверженіемъ: начальники, начиная съ субалтернъ-офицеровъ и до старшихъ чи-

---

*) Т. е. Волынскаго и Минскаго пѣхотныхъ полковъ, гвардейской роты, горной батареи и двухъ пластунскихъ сотень.

новъ дивизіи, а равно и состоявшіе при ней — генералъ *), штабъ и оберъ-офицеры, выполняя возложенныя на нихъ назначенія и порученія, почти все время находились въ передовыхъ цѣпяхъ, и генералъ Драгомировъ свидѣтельствуетъ, что это дѣлалось не изъ пустой запальчивости, а потому, что только такимъ путемъ можно было сколько нибудь судить о положеніи дѣлъ въ боевой части: крайне пересѣченная мѣстность, до такой степени закрытая, что достаточно было отойдти шаговъ на пятьдесятъ назадъ отъ цѣпи, чтобы не имѣть уже никакого понятія о происходящемъ въ ней; отсутствіе не только конныхъ ординарцевъ, но даже лошадей у начальствующихъ лицъ — не допускали инаго способа управлять боемъ, такъ какъ своевременное полученіе приказаній въ боевыхъ участкахъ было почти не мыслимо при разъединеніи ихъ крутыми и глубокими оврагами и длинными скатами высотъ, на которыхъ стояли наши боевыя части **).

Въ дѣлѣ 15-го іюня турки явили нашимъ санитарамъ первые и, къ сожалѣнію, неоднократные примѣры вѣроломства: не только тѣ изъ нихъ, которые были отрѣзаны отъ своихъ въ кустахъ и оврагахъ, но даже раненые стрѣляли и бросались съ ножами на одиночныхъ санитаровъ, нерѣдко послѣ только что оказанной имъ, наравнѣ съ русскими, первой помощи.

Между особенно отличившимися субалтернъ-офицерами, проявившими выходящее изъ ряда самоотверженіе, хладнокровіе и распорядительность, генералъ Драгомировъ называетъ Минскаго полка поручика Моторнаго, Волынскаго полка прапорщика Сергѣева и конно-горной батареи поручика Лихачева, а также особенно свидѣтельствуетъ «о великой помощи», оказанной ему генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, который съ полною готовностью принималъ на себя всѣ назначенія, «не исключая и ординарческихъ», и оказывая самое благотворное вліяніе на молодежъ «своимъ блистательнымъ и неизмѣнно яснымъ спокойствіемъ».

---

*) Скобелевъ 2-й.

**) Переправленная полусотня казаковъ въ первое время была отвлечена порученіемъ разрушить телеграфъ, что однако не удалось, вслѣдствіе отпора со стороны турецкой пѣхоты.

XXXVI

Дѣятельность врачей на переправѣ

Подготовительныя мѣры. — Устройство и мѣстоположеніе перевязочныхъ пунктовъ. — Дѣятельность передовыхъ пунктовъ на зимницкой низменности и на болгарскомъ берегу. — Сестры милосердія, фельдшера и санитары. — Сортировка раненыхъ. — Работа хирурговъ на главномъ пунктѣ. — Профессоръ Бергманъ. — Перевозка раненыхъ и ея средства. — Посѣщеніе госпиталей Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. — Отзывъ о русскихъ военныхъ врачахъ одного изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ. — Георгіевскіе кресты санитарамъ. — Свойства большей части ранъ и способъ ихъ леченія. — Примѣръ замѣчательной выносливости и живучести.

Систово, 22-го іюня.

Дѣятельность военныхъ врачей во время переправы 15-го іюня занимаетъ мѣсто на столько видное, что о ней необходимо разсказать подробно, коснувшись при этомъ многихъ весьма интересныхъ и даже поучительныхъ частностей. Для нагляднаго изложенія этой дѣятельности слѣдуетъ предварительно замѣтить, что въ ожиданіи событія переправы, по распоряженію начальника штаба и инспектора госпиталей, былъ развернутъ въ городѣ Александріи военно-временный госпиталь № 53, на 630 кроватей. 14-го іюня госпиталь этотъ передвинутъ въ деревню Пятра, въ 24-хъ верстахъ отъ Зимницы, а въ Александрію, взамѣнъ его, перемѣщены изъ Руше-де-Веде два отдѣленія госпиталя № 55-го, на 400 кроватей. Вмѣстѣ съ тѣмъ инспекторомъ госпиталей подготовлялись перевозочныя средства, на случай надобности, для транспортированія раненыхъ.

Около полуночи, съ 14-го на 15-е іюня, по распоряженію полеваго военно-медицинскаго инспектора, отправились изъ деревни Пятра статскій совѣтникъ Петровскій (исправляющій должность помощника инспектора) съ главнымъ хирургомъ арміи, докторомъ Кадацкимъ, и шестью полевыми хирургами *) въ мѣстечко Зимницу, для устройства главнаго перевязочнаго пункта и завѣдыванія онымъ. Въ Зимницу при-

---

*) Доктора: Духновскій, Блюменфельдтъ, Симвулидъ, Финкельштейнъ, Франкъ и Гольденбергъ.

были они къ тремъ часамъ утра, когда дивизьонные лазареты 9-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій приступили уже къ развертыванію. Сюда же, по приказанію инспектора госпиталей, двинутъ былъ находившійся въ его распоряженіи интендантскій транспортъ повозокъ (числомъ 300) и кромѣ того всѣ свободныя повозки военно-временныхъ госпиталей № 53-го и № 56-го (числомъ 50). Большая часть этихъ перевозочныхъ средствъ была приспособлена къ удобному помѣщенію раненыхъ.

На главномъ перевязочномъ пунктѣ, заботливостію инспектора госпиталей, приготовлены были: чай, сахаръ, спиртъ, вино, бѣлый хлѣбъ, солома, матрацы, 500 цыновокъ и подвижная полевая кухня; самый же пунктъ устроенъ въ лазаретныхъ шатрахъ 9-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій, въ разстояніи около $^3/_4$ версты отъ берега Дуная, на одной изъ площадей Зимницы. Къ пяти часамъ утра всѣ шатры были уже готовы къ пріему раненыхъ.

Въ предшествовавшемъ письмѣ я уже говорилъ, что у румынскаго берега, отдѣляясь узкимъ рукавомъ, лежитъ широкій, низменный островъ, въ то время еще не вполнѣ освободившійся отъ воды разлива. По этому острову, переходя по двумъ мостамъ и увязая въ вязкомъ илу, слѣдовали наши войска къ мѣсту переправы, и чтобы достигнуть ее, вынуждены были дѣлать довольно значительный обходъ зигзагомъ. У мѣста посадки войскъ на понтоны былъ поставленъ передовой перевязочный пунктъ, три раза перемѣнявшій мѣсто, такъ какъ вблизи его постоянно падали турецкія гранаты, направленныя въ части, садившіяся на понтоны.

Разстояніе между передовымъ и главнымъ пунктами было очень значительно (до трехъ верстъ), и потому между ними, на томъ же островѣ, оказалось необходимымъ поставить еще одинъ пунктъ—промежуточный.

Полковые врачи, переправлявшіеся вмѣстѣ со своими частями, устроили на болгарскомъ берегу еще одинъ (т. е. третій) передовой перевязочный пунктъ, и сдѣлано это на томъ основаніи, что придвигать ближе къ переправѣ главный пунктъ было невозможно при илистомъ, топкомъ грунтѣ, въ виду непрерывнаго движенія войскъ по мѣстности совершенно открытой и вполнѣ доступной огню непріятеля, которому неоднократно подвергались всѣ передовые перевязочные пункты. Съ

полками переправились, подъ выстрѣлами турецкой артиллеріи и пѣхоты, врачи 14-й пѣхотной дивизіи: Радуловичъ, Ивановъ, Поплавскій и Котляровъ, подавая на понтонахъ и на пути помощь ранеымъ. Вообще же, для своевременнаго поданія медицинской помощи, врачебныя силы были въ соотвѣтственномъ числѣ распредѣлены между главнымъ и передовыми перевязочными пунктами слѣдующимъ образомъ: на болгарскомъ берегу — названные выше врачи 14-й дивизіи, на двухъ передовыхъ пунктахъ низменнаго острова — доктора: Петровскій, главный хирургъ арміи Кадацкій, дивизьонный врачъ 14-й дивизіи Норейко, Симвулидъ и нѣкоторые изъ полковыхъ врачей, а на главномъ пунктѣ работали одновременно: лейбъ-хирургъ Великаго Князя Главнокомандующаго Обермиллеръ, со своимъ помощникомъ К. И. Березкинымъ, и военные хирурги Духновскій, Блюменфельдтъ, Финкельштейнъ, профессора Корженевскій и Бергманъ, врачи 9-й пѣхотной дивизіи Анучинъ и Пильшинскій и нѣсколько другихъ отъ 14-й дивизіи. Всѣ же вообще пункты находились въ непосредственномъ вѣдѣніи военно-медицинскаго инспектора госпиталей, генералъ-маіора Косинскаго. Около двухъ часовъ пополудни главный хирургъ, докторъ Кадацкій, переправился для ближайшаго наблюденія за работою на передовой пунктъ болгарскаго берега. При раціональномъ распредѣленіи труда на главномъ перевязочномъ пунктѣ, хирургическая помощь, съ наложеніемъ гипсовыхъ повязокъ, была подаваема одновременно многими хирургами; вслѣдствіе этого раненые имѣли время отдохнуть и могли быть транспортированы далѣе уже со втораго часа пополудни. Общее же раздѣленіе труда между главнымъ и передовыми пунктами имѣло то благодѣтельное послѣдствіе, что помощь раненымъ подавалась по возможности быстро и скоро, почти съ самаго момента раненія: они не истекали кровью на полѣ сраженія, въ ожиданіи врачебнаго пособія, такъ какъ врачи передовыхъ пунктовъ, съ главнымъ хирургомъ во главѣ, были главнѣйшимъ образомъ озабочены остановкою кровотеченія, наложеніемъ удерживающихъ повязокъ на поврежденные члены и вообще приготовленіемъ раненыхъ къ перевозкѣ съ главнаго перевязочнаго пункта. И результатъ дѣятельности врачей передовыхъ пунктовъ на столько былъ замѣтенъ, что Великій Князь Главнокомандующій, посѣ-

тивъ на другой день лазаретные шатры главнаго пункта, обратилъ вниманіе на бодрый, здоровый видъ раненыхъ, между которыми вовсе не было видно изнуренныхъ, поблѣднѣвшихъ лицъ.

На передовыхъ же перевязочныхъ пунктахъ, съ самаго начала переправы, находились всѣ санитарныя команды 14-й пѣхотной дивизіи, а также дивизьонныя линейки и носилки, служившія для транспортировки раненыхъ къ главному пункту, гдѣ помогали дѣлу крестовоздвиженскія сестры милосердія, смѣненныя потомъ сестрами георгіевской общины. Уходъ сестеръ за ранеными заслуживаетъ всякой похвалы. Въ теченіи всей ночи онѣ не имѣли ни минуты покоя и проводили все время, большею частью, на колѣняхъ у постелей: надо было ежеминутно поправлять подъ больными соломенные мѣшки, подушки, прикладывать къ ранамъ компрессы съ карболовою водою, давать пить больнымъ, которыхъ томила жажда. На передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ, подъ гранатнымъ огнемъ онѣ выказали замѣчательное спокойствіе и твердость, при самомъ точномъ исполненіи своего дѣла. То же должно сказать о санитарахъ и фельдшерахъ, которые самоотверженно отыскивали и подбирали раненыхъ, подавая имъ первое пособіе подъ огнемъ. Этотъ трудъ не обошелся санитарамъ и фельдшерамъ безъ кровавыхъ жертвъ: между ними есть и убитые, и раненые, а о вѣроломствѣ нѣкоторыхъ раненыхъ турокъ уже упоминалось въ предшествовавшемъ письмѣ. Такимъ образомъ, уже начало кампаніи показало, на сколько полезны у насъ санитарныя команды.

На главномъ перевязочномъ пунктѣ сортировка раненыхъ производилась въ операціонныхъ шатрахъ, послѣ чего они размѣщались въ прочихъ помѣщеніяхъ, которыми завѣдывали отдѣльно всѣ вышеназванныя врачебныя силы.

Первые раненые стали доставляться на главный пунктъ къ шести часамъ утра — сначала рѣдко, а потомъ все чаще и чаще, и таковая доставка продолжалась вплоть до вечера, такъ что въ первый день въ главномъ перевязочномъ пунктѣ всѣхъ раненыхъ было 382 человѣка. Работа хирурговъ не прерывалась до тѣхъ поръ, пока медицинское пособіе не было подано (постепенно, по мѣрѣ прибытія) всѣмъ безъ изъятія раненымъ, что̀ и продолжалось до одиннадцати часовъ вечера.

«Въ одиннадцать часовъ вечера наложилъ я послѣднюю перевязку—разсказываетъ профессоръ Бергманъ — и въ первый разъ можно было мнѣ и моимъ ассистентамъ на четверть часа успокоиться. Къ ночи едва могли мы справиться съ дѣломъ... И у опытнаго хирурга окончательно истощится вся нервная сила, когда приходится пятнадцать часовъ безъ перерыва ампутировать, рѣзать, перевязывать и налагать гипсовыя повязки».

Дабы устранить переполненіе дивизьонныхъ лазаретовъ, которые могли дать пріютъ только 166 раненымъ, еще до начала переправы имѣлась въ виду усиленная транспортировка ихъ въ пятринскій (№ 53-го) госпиталь, а для осуществленія этой крайне необходимой мѣры, всѣ дѣйствія полевыхъ хирурговъ были направлены къ тому, чтобы сдѣлать раненыхъ способными къ перевозкѣ и обезпечить ихъ отъ вредныхъ случайностей при слѣдованіи по грунтовому, не всегда удобному пути. Къ транспортировкѣ раненыхъ въ первые два дня служили интендантскія подводы, на которыя для лежачихъ больныхъ устанавливались носилки съ сѣнною подстилкою, а при недостаткѣ носилокъ употреблялись нарочно заготовленные ради этой цѣли матрацы; для сидячихъ же ставились переплеты. Кромѣ интендантскихъ подводъ для той же цѣли, съ 17-го числа, когда прекратилась доставка раненыхъ съ передовыхъ пунктовъ на главный, служили и освободившіяся дивизьонныя линейки, а 18-го іюня предложило свои линейки (шведскія и вѣнскія) и общество «Краснаго Креста», но въ очень ограниченномъ числѣ, такъ что нѣкоторыхъ, и даже не изъ легко раненыхъ, пришлось транспортировать не только на подводахъ, но иногда и безъ носилокъ.

Къ ночи съ 15-го на 16-е и утромъ 16-го числа на главный перевязочный пунктъ вновь стали доставлять раненыхъ изъ дальнихъ пунктовъ, куда заходили наши войска. Въ теченіи дня ихъ прибыло 46 человѣкъ, которымъ и была подана своевременная помощь. Всего же транспортировано въ пятринскій военновременный № 53-го госпиталь слѣдующее число раненыхъ:

16-го іюня	205	чел.
17-го »	—	»

18-го іюня	. . . .	32	чел.
19-го »	. . . .	—	»
20-го »	. . . .	191	»
22-го »	. . . .	6	»
Итого	. . .	434	чел.

Кромѣ того, къ 23-му іюня оставалось: въ санитарномъ отрядѣ студента Рыжова 8 чел., въ лазаретѣ общества «Краснаго Креста» 4 чел. и въ лазаретѣ 9-й пѣхотной дивизіи 5 чел., которые были частію транспортированы, частію переданы въ прибывшій въ Зимницу госпиталь № 62-го. Не смотря на недостаточность перевозочныхъ средствъ и неудобства грунтоваго пути, всѣ раненые, за исключеніемъ одного, доставлены въ госпиталь въ совершенно хорошемъ состояніи. Такимъ образомъ, транспортировка раненыхъ съ передовыхъ пунктовъ на главный, а съ послѣдняго въ госпиталь, дала вполнѣ удовлетворительные результаты.

16-го іюня раненые, находившіеся на главномъ перевязочномъ пунктѣ, были посѣщены сперва Его Высочествомъ Главнокомандующимъ, а затѣмъ, спустя часа два, и Государемъ Императоромъ. Его Величество изволилъ осматривать шатры вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Князьями Алексѣемъ и Сергіемъ Александровичами, въ сопровожденіи военнаго министра и многочисленной свиты. Августѣйшіе посѣтители не пропустили безъ вниманія ни одного раненаго, причемъ врачи лично докладывали Государю о свойствѣ и степени опасности каждой раны. Его Величество подходилъ къ каждому изъ раненыхъ и останавливался дольше около троихъ, получившихъ до восьми и болѣе ранъ, разспрашивая ихъ, какъ съ каждымъ было дѣло. Профессоръ Бергманъ разсказываетъ, что одинъ солдатъ, эстонецъ, отвѣчалъ Государю, какъ умѣлъ, плохо по-русски: «Ваше Величество, сперва я турка кололъ, а потомъ другой подбѣжалъ и меня кололъ». Иные жалобно просили отправить ихъ скорѣе въ полкъ, увѣряя, что рана ничтожная и что они еще не успѣли исполнить свой долгъ, какъ слѣдуетъ.

Въ заключеніе — фактъ замѣчательной не только выносливости, но и живучести.

*

Вчера, 21-го іюня, подъ вечеръ, въ палатку санитарнаго отряда студента Рыжова былъ доставленъ матросъ гвардейскаго экипажа Семенъ Лопатинъ, который разсказалъ о себѣ слѣдующее: въ понтонъ, гдѣ находился онъ во время переправы, попала граната и разнесла его чуть не въ дребезги. Изъ всѣхъ находившихся тамъ, уцѣлѣло только три гребца-матроса, въ числѣ которыхъ былъ и Лопатинъ. Онъ еще до катастрофы уже былъ раненъ въ руку, съ раздробленіемъ кости; остальныхъ же двухъ его товарищей ранило осколками. Приходилось спасаться вплавь, а потому раненый Лопатинъ спѣшно сталъ сбрасывать съ себя мундиръ, чтобы легче было плыть, и въ эту самую минуту получилъ новую огнестрѣльную рану въ другую руку, въ плечѣ. Поймавъ плавающую доску, трое товарищей ухватились за нее и поплыли. Теченіемъ прибило ихъ къ острову Вардару (онъ же и Вардинъ), лежащему въ четырехъ верстахъ ниже мѣста переправы. Здѣсь обезсиленный Лопатинъ рѣшился остаться, а товарищи его, съ помощью той же доски, поплыли далѣе, держа къ румынскому берегу, но вѣроятно погибли, такъ какъ о нихъ даже и слуха нѣтъ никакого *). Цѣлыя пять съ половиною сутокъ провелъ Лопатинъ на пустынномъ островѣ, изнемогая отъ потери крови и голода. Поддержку жизненныхъ силъ и нѣкоторое облегченіе страданій доставляли ему только частыя купанія въ Дунаѣ, вода котораго служила ему и пищей, если можно такъ выразиться. Отъ страшной жары въ его ранахъ завелись черви, но вода кое-какъ помогала преодолѣвать и эту напасть. Все-таки же, проведя пять съ половиною сутокъ въ такомъ ужасномъ положеніи, несчастный подъ конецъ потерялъ уже всякую надежду на спасеніе и сталъ готовиться къ смерти, какъ вдругъ видитъ онъ, что не вдалекѣ плыветъ лодка и даже голоса на ней слышны — русскіе голоса... Лопатинъ вглядывается и въ одномъ изъ пловцовъ узнаетъ своего товарища по ротѣ. Онъ сталъ кричать, отчаянно взывая къ нимъ о спасеніи. Тѣ услышали, причалили къ берегу и взяли Лопатина въ свою лодку. Такимъ

---

*) Нѣсколько времени спустя открылось, что подобнымъ же образомъ спасся не только самъ, но спасъ и двухъ другихъ своихъ товарищей понтонеръ Крыловъ, сидѣвшій на одномъ изъ погибшихъ понтоновъ гребцомъ. Великій Князь пожаловалъ ему знакъ отличія военнаго ордена.

образомъ онъ былъ спасенъ. Раны его очень серьезны, но докторъ Поповъ, на попеченіи котораго находится теперь Лопатинъ, надѣется на благополучный исходъ. Сегодня, 22-го іюня, Государь Императоръ дважды посѣтилъ Лопатина, а Великій Князь Главнокомандующій лично пришпилилъ знакъ военнаго ордена къ его рубахѣ. Лопатинъ все время находится въ полной памяти, говоритъ, что ужасно хочетъ ѣсть, только ничего не можетъ прибрать себѣ по вкусу и ни на минуту не разстается со своимъ георгіевскимъ крестомъ, держась за него рукою и любуясь на драгоцѣнную награду. Всѣ врачи были осчастливлены выраженіемъ Высочайшей благодарности. Государь Императоръ въ каждой палатѣ милостиво обращался къ раненымъ и благодарилъ за службу, а при словахъ: «Показали себя молодцами; сдержали то, что обѣщали Мнѣ еще въ Кишиневѣ», раздавался вездѣ такой здоровый и бодрый крикъ: «ради стараться, Ваше Императорское Величество», что трудно было повѣрить — неужели это голоса раненыхъ. Въ виду столь теплаго, сердечнаго участія Монарха, у раненыхъ и у весьма многихъ изъ присутствовавшихъ навертывались на глаза слезы. Его Величество, при отъѣздѣ, поблагодаривъ еще разъ провожавшихъ медиковъ, изволилъ выразить имъ надежду, что они и въ другой разъ также усердно помогутъ раненымъ, какъ помогли теперь.

Нельзя пройдти молчаніемъ отзывъ одного изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ о нашихъ врачахъ. Изумляясь ихъ самоотверженію и хладнокровію, съ которымъ они, на глазахъ его, подавали подъ непріятельскимъ огнемъ помощь раненымъ, онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Я былъ подъ Маджентой, былъ при Гравелотѣ, но нигдѣ не встрѣчалъ ничего подобнаго. На моихъ глазахъ убило осколкомъ санитара, помогавшаго врачу перевязывать ранепаго; но самъ врачъ при этомъ, дѣлая лигатуру, не выпустилъ даже пинцета изъ рукъ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, доканчивать свое дѣло».

Геройская дѣятельность санитаровъ на перевязочныхъ пунктахъ также не осталась безъ Монаршаго вниманія: Его Величество изволилъ объявить, что имъ назначены въ награду знаки отличія военнаго ордена.

Должно замѣтить, что по свойству мѣстности и условіямъ боя 15-го іюня, войскамъ нашимъ приходилось преодолѣвать серьезныя естественныя препятствія: взлѣзать на крутыя высоты, пробираться, словно бы корридорами, по узкимъ тропинкамъ, обросшимъ съ боковъ густою растительностью, гдѣ на каждомъ шагу ихъ встрѣчали засады, изъ которыхъ турецкіе стрѣлки могли бить на выборъ любаго человѣка съ самаго близкаго разстоянія, почти въ упоръ. Поэтому раны у нашихъ были бо̀льшею частью тяжелаго свойства. Однако же, не смотря на множество огнестрѣльныхъ переломовъ верхнихъ и нижнихъ конечностей и значительную цифру огнестрѣльныхъ же сквозныхъ ранъ груди, — на главномъ перевязочномъ пунктѣ было сдѣлано всего двѣ ампутаціи и двѣ резекціи. Здѣсь принятъ преимущественно консервативный методъ леченія, при помощи гипсовыхъ повязокъ и иныхъ новѣйшихъ хирургическихъ приспособленій. При этомъ методѣ, множество раненыхъ, доставленныхъ на главный перевязочный пунктъ съ огнестрѣльнымъ переломомъ бедеръ, по наложеніи гипсовой повязки, были спокойно транспортированы въ Пятро, и судя по ходу леченія, съ надеждой на сохраненіе ихъ членовъ. Раны въ грудь и другія части тѣла, вслѣдствіе своевременной помощи и остановки кровотеченія на передовыхъ пунктахъ, идутъ бо̀льшею частью очень хорошо, и общее состояніе раненыхъ, принимая во вниманіе тяжесть ранъ, должно считаться весьма удовлетворительнымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ главный полевой хирургъ, посѣтившій на четвертый день послѣ переправы госпиталь въ Пятро, гдѣ нашелъ работающимъ профессора Бергмана.

XXXVII

Пребываніе главныхъ квартиръ въ Зимницѣ

Расположеніе обѣихъ главныхъ квартиръ въ Зимницѣ. — Переправа Государя черезъ Дунай. — Государь благодаритъ войска на мѣстѣ боя. — Раздача наградъ. — Встрѣча Его Величества въ Систовѣ. — Систовскій соборъ. — Благодарственное молебствіе на лѣвомъ берегу Дуная. — Раздача георгіевскихъ крестовъ нижнимъ чинамъ гвардейской роты. — Слова Государя Императора, обращенныя къ войскамъ. — Проводъ мостовыхъ матеріаловъ изъ устья Ольты къ Зимницѣ. — Устройство моста. — Приказы Государя Императора и Великаго Князя Главнокомандующаго по войскамъ дѣйствующей арміи, по поводу переправы. — Образованіе Рущукскаго отряда и служебныя назначенія Великихъ Князей Владиміра и Алексѣя Александровичей. — Важнѣйшія распоряженія Главнокомандующаго по управленію арміею и болгарскимъ краемъ со времени переправы.

Систово, 24-го іюня.

16-го іюня обѣ главныя квартиры перешли въ Зимницу. Для Государя Императора избранъ былъ деревянный двухъэтажный домъ, съ тѣнистымъ садомъ, въ западномъ концѣ мѣстечка, надъ высокимъ обрывистымъ берегомъ, съ котораго открывается дивный видъ на Систово и на всю окрестную ширь Дуная. Императорская свита помѣстилась въ палаткахъ, подъ деревьями, расположившись по обѣ стороны проѣзда, ведущаго отъ деревянныхъ воротъ къ крыльцу квартиры Его Величества. Обѣденный столъ раскинутъ тутъ же, подъ густою тѣнью высокихъ старорослыхъ деревьевъ. У воротъ теперь стоятъ часовые гвардейской конвойной роты, отличившейся при штурмѣ восточныхъ высотъ праваго берега. Великій Князь Главнокомандующій со штабомъ помѣстился въ другомъ концѣ, на бивуакѣ.

16-го іюня, послѣ полудня, Государь Императоръ изволилъ спуститься къ зимницкой пристани. Здѣсь ожидалъ Его Величество военный катеръ, съ гребцами гвардейскаго экипажа, съ ихъ командиромъ и лейтенантомъ Полтавцевымъ на рулѣ. Въ этомъ катерѣ Государь переѣхалъ черезъ Дунай при восторженныхъ крикахъ «ура», съ обоихъ береговъ, усѣянныхъ толпами народа, и высадился близъ мѣста переправы, на болгарскомъ берегу. Здѣсь Его Величество объѣхалъ войска десанта, всю 14-ю и 35-ю дивизіи, на самомъ мѣстѣ боя, и милостиво

благодарилъ ихъ за доблестно исполненное дѣло; благодарилъ также и гвардейскую роту, которой приказалъ вовратиться на лѣвый берегъ, въ конвой Императорской квартиры. Тутъ же послѣдовала и раздача наградъ высшимъ чинамъ 14-й дивизіи. Государь Императоръ лично надѣлъ на генерала Драгомирова крестъ св. Георгія 3-й степени и вручилъ таковые же кресты 4-й степени генералъ-маіорамъ Іолшину, Петрушевскому и командиру Волынскаго полка полковнику Родіонову. Ранѣе этихъ лицъ получили тотъ же крестъ 3-й степени: начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, генералъ-лейтенантъ Радецкій, начальникъ 3-й саперной бригады, генералъ-маіоръ Рихтеръ, и 4-й степени— Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, который, по отъѣздѣ Драгомирова на болгарскую сторону, оставался все время на берегу при генералѣ Рихтерѣ и, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, исполнялъ порученія по посадкѣ войскъ на понтоны, до отплытія послѣдняго эшелона 14-й дивизіи, вмѣстѣ съ которымъ переправился также и Его Высочество.

Осмотрѣвъ и поблагодаривъ войска, Государь Императоръ отправился въ Систово, гдѣ былъ встрѣченъ съ восторгомъ всѣмъ городскимъ духовенствомъ и христіанскимъ населеніемъ. Приложившись ко кресту, Его Величество отправился въ городской соборъ, гдѣ прослушалъ литію съ многолѣтіемъ. На мраморномъ помостѣ этого собора, предъ царскими дверями, вдѣлана бѣлая плита съ рельефнымъ изображеніемъ двуглаваго орла; другой такой же орелъ изображенъ на фронтонѣ хоровъ *). Обстановка православнаго храма, характеръ письма иконъ, рѣзьба иконостаса и служеніе на томъ же самомъ церковно-славянскомъ языкѣ—все это такъ напоминало Россію, и въ особенности нѣкоторыя наши монастырскія стародавнія церкви, все это казалось такъ близко, вѣяло роднымъ, знакомымъ, точно мы вдругъ очутились бы у себя дома, на родной русской землѣ... И дѣйствительно, можно сказать,

*) Въ послѣдствіи, подобные же орлы намъ приходилось встрѣчать во множествѣ церквей Болгаріи. Одно изъ двухъ: или турки не заглядывали въ православные храмы иначе, какъ съ цѣлью грабежа, или же не придавали этому символу политическаго значенія, считая его уцѣлѣвшимъ преданіемъ временъ Византійской имперіи.

что въ нравственномъ смыслѣ мы были дома, среди населенія, встрѣчавшаго насъ съ восторгомъ, какъ братъ брата послѣ долгой разлуки. Изъ собора Его Величество проѣхалъ по главной улицѣ города. Женщины усыпали путь Государя цвѣтами, населеніе бросалось къ Его ногамъ, цѣловало Его руки и одежду; тысячи устъ посылали Ему привѣтъ и благословеніе. Вечеромъ Его Величество, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, возвратились въ Зимницу.

17-го іюня, въ три часа пополудни, было отслужено торжественное молебствіе по случаю благополучной переправы и побѣды надъ турками. Мѣстомъ служенія былъ избранъ высокій древній курганъ, на берегу Дуная, близь Зимницы и какъ разъ напротивъ Систова. Служило все военное духовенство 12-го корпуса и болгарскихъ дружинъ, въ числѣ одиннадцати священниковъ и одного болгарскаго архимандрита, отца Амфилогія. Войска стояли вокругъ въ батальонныхъ ротныхъ колоннахъ. Ровно въ три часа пополудни къ мѣсту служенія прибылъ Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и другими, находящимися здѣсь членами Царствующаго Дома. Объѣхавъ фронтъ восторженно Его встрѣтившихъ войскъ, Государь взошелъ на курганъ и, ставъ на разостланномъ коврѣ, приказалъ начинать молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Хоръ пѣвчихъ составленъ былъ изъ офицеровъ 12-го корпуса. Во время чтенія Апостола, Его Величество изволилъ подойдти къ благочинному 12-й пѣхотной дивизіи, о. Иванову, и приказалъ ему— послѣ многолѣтія Царствующему Дому, возгласить «вѣчную память» воинамъ, павшимъ въ дѣлѣ при переправѣ. Съ глубокимъ смиреніемъ Державный Вождь русскаго народа, первый изъ всѣхъ молящихся, опустился на колѣни и со слезами вознесъ горячую молитву объ упокоеніи душъ Своихъ доблестно павшихъ воиновъ. Болѣе тридцати тысячъ собранныхъ здѣсь войскъ, всею массою, послѣдовали примѣру своего Монарха. По окончаніи молебна и по окропленіи св. водою стоявшихъ впереди, предъ курганомъ, гвардейцевъ конвойной роты, предназначенныхъ, въ числѣ девяти человѣкъ, къ награжденію знаками отличія военнаго ордена, началась и самая раздача крестовъ. Великій Князь Главнокомандующій лично вызывалъ по списку къ Особѣ Его Величества каждаго изъ удостоенныхъ,—

и Государь собственноручно вручалъ каждому его награду и, сказавъ по нѣсколько милостивыхъ словъ благодарности за храбрость и молодечество, каждаго удостоилъ поцѣлуемъ.

Когда кресты были розданы, Его Величество приказалъ солдатамъ, удостоеннымъ воинской награды, взойдти на курганъ и изволилъ скомандовать всѣмъ войскамъ: «Новымъ георгіевскимъ кавалерамъ честь отдать: батальоны — на плечо!» При этомъ Государь приложилъ руку къ козырьку и вмѣстѣ со всею массою войскъ провозгласилъ «ура» кавалерамъ, а затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ Главнокомандующаго; когда же наконецъ крики умолкли, Его Величество, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Жалѣю, что не могу видѣть и лично благодарить и наградить храбрецовъ, которые на томъ берегу» и, обратясь къ одному изъ членовъ Своей свиты, присовокупилъ: «Поѣзжай на ту сторону и скажи тѣмъ храбрецамъ, что мы здѣсь горячо молимся за ихъ павшихъ товарищей». Войскамъ же 12-го корпуса Его Величество изволилъ выразить Свою увѣренность въ томъ, что и они, когда придетъ очередь, исполнятъ долгъ свой такъ же, какъ и ихъ товарищи. По отъѣздѣ Государя Императора, части присутствовавшія при молебствіи, съ музыкою разошлись по своимъ бивуакамъ.

Къ наводкѣ моста между румынскимъ и болгарскимъ берегами было приступлено 16-го іюня. Доставка мостовыхъ матеріаловъ и принадлежностей къ Зимницѣ можетъ быть также отнесена къ числу смѣлыхъ подвиговъ. Всѣ деревянные плоты, понтоны, настилка и проч. еще ранѣе были собраны въ устьѣ Алуты. Спускъ ихъ въ Дунай и проводъ внизъ по рѣкѣ до мѣста назначенія могъ быть совершенъ не иначе, какъ подъ огнемъ никопольскихъ укрѣпленій. Это опасное предпріятіе было исполнено въ три ночи: на 15-е, 16-е и 17-е іюня. Первый транспортъ, состоявшій изъ ста деревянныхъ понтоновъ, провелъ капитанъ 1-го ранга Новосильскій, слѣдуя самъ въ арріергардѣ, на послѣднемъ понтонѣ; головной же понтонъ, на которомъ находились начальникъ инженеровъ арміи, генералъ-маіоръ Деппъ, со знаменемъ 5-го сапернаго батальона въ рукахъ, и командиръ этого батальона, полковникъ Свищевскій, велъ лейтенантъ Ломанъ. Непріятель замѣтилъ это движеніе уже тогда, когда мимо Никополя проходилъ хвостъ отряда, но ружейный и артиллерійскій огонь его не нанесъ

ни малѣйшаго вреда ни людямъ, ни понтонамъ, которые въ полномъ составѣ пришли къ Фламундѣ, откуда въ слѣдующую ночь прибыли къ Зимницѣ, подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. Въ ночь съ 15-го на 16-е іюня также смѣло прошелъ и второй транспортъ, состоявшій изъ 50-ти понтоновъ и 34-хъ плотовъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Зубова, который шелъ на головномъ, а его помощникъ, лейтенантъ Макаровъ — на заднемъ понтонѣ; на плотахъ же находились мичманъ Ивановскій и прапорщикъ Мощинскій. Движеніе это было открыто непріятелемъ въ половинѣ третьяго часа ночи и преслѣдовалось огнемъ со всѣхъ никопольскихъ батарей, причемъ одинъ изъ мѣстныхъ лоцмановъ-румыновъ, будучи раненъ, выскочилъ на берегъ, и его примѣру послѣдовали, уже безъ всякой причины, кромѣ страха, прочіе лоцманы-румыны съ пяти ближайшихъ плотовъ. Оставшіеся на плотахъ саперы, по своей малочисленности и незнакомству съ русломъ и силою теченія рѣки, не могли справиться одни съ шестью плотами; но не теряя присутствія духа и соображенія, они причалили въ берегу, подъ сильнымъ огнемъ связали два плота вмѣстѣ и, войдя на нихъ въ линію, спокойно продолжали плыть по назначенію. Остальные четыре плота отнесло теченіемъ къ турецкому берегу, но они на слѣдующій же день были молодецки уведены оттуда, подъ огнемъ, тремя охотниками—казакомъ и артиллеристами. Наконецъ, въ ночь съ 16-го на 17-е іюня были спущены мимо Никополя остальные 30 плотовъ. Зимницкій мостъ долженъ былъ быть готовъ 18-го іюня, но страшная буря, поднявшаяся на Дунаѣ въ ночь съ 17-го на 18-е, разорвала его, причемъ потонуло 26 понтоновъ. Какъ только утихла непогода, понтонеры тотчасъ же, еще ретивѣе принялись за работу, и къ утру 20-го числа мостъ былъ уже вполнѣ оконченъ. Съ этого дня пошло уже безостановочное сообщеніе между обоими берегами, и потому, во избѣжаніе задержекъ и встрѣчныхъ столкновеній на узкой настилкѣ, назначены были часы для правильнаго движенія въ ту и другую сторону; по концамъ моста выставлены сигнальные шесты и часовые, учреждены офицерскія дежурства; все полотно главнаго моста, равно какъ и всѣ остальные мосты на протокахъ и затонахъ освѣщены фонарями; кавалерія и пѣхота проходитъ по настилкѣ

не иначе, какъ разомкнутыми рядами, а артиллерія и обозы на широкихъ дистанціяхъ. Но такъ какъ необходимая регуляція движенія служитъ въ то же время и его задержкою, то признано необходимымъ приступить къ устройству втораго систово-зимницкаго моста, (по теченію выше перваго), съ тѣмъ, чтобы по одному изъ нихъ совершалось только обратное движеніе.

17-го іюня Государь Императоръ соизволилъ отдать по войскамъ нижеслѣдующій Высочайшій приказъ *):

«*Главная квартира въ Зимницѣ* (*на Дунаѣ*) *17-го іюня 1877 года.*

«Слѣдивъ съ живымъ участіемъ, съ самаго объявленія войны, за всѣми распоряженіями Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, для сосредоточенія войскъ къ назначеннымъ пунктамъ, Я лично убѣдился въ примѣрномъ порядкѣ въ движеніяхъ, въ заботахъ о сохраненіи здоровья войскъ, о продовольствіи ихъ, а затѣмъ и въ искусныхъ распоряженіяхъ для исполненія совершившихся нынѣ съ полнымъ успѣхомъ переправъ чрезъ Дунай, первоначально частями 14-го

---

*) Объявленіе сего Высочайшаго приказа по войскамъ дѣйствующей арміи сопровождалось слѣдующимъ приказомъ Великаго Князя Главнокомандующаго, отъ 24-го іюня 1877 г. за № 106:

«Спѣшу объявить Высочайше ввѣреннымъ Мнѣ войскамъ приказъ, который благоугодно было Государю Императору отдать сего (17-го) числа въ Зимницѣ по войскамъ дѣйствующей арміи, равно какъ и выписку изъ Высочайшаго приказа по военному вѣдомству отъ того же числа *)

«Поздравляю васъ, доблестныя войска, съ первымъ вашимъ успѣхомъ на боевомъ поприщѣ, давшимъ намъ всѣмъ случай заслужить «*Спасибо*» нашего Отца-Государя. Горжусь командовать вами и увѣренъ, что съ такими молодцами Мнѣ удастся преодолѣть всѣ предстоящія намъ трудности и добиться той святой цѣли, для достиженія которой обнажилъ мечъ нашъ обожаемый Отецъ и Благодѣтель.

---

*) Въ этомъ послѣднемъ Высочайшемъ приказѣ Государь Императоръ изволилъ выразить «Свою сердечную признательность» Великому Князю Главнокомандующему и начальнику Его штаба, «искреннюю благодарность» прочимъ начальникамъ полевыхъ управленій арміи и командирамъ 14-го и 8-го армейскихъ корпусовъ, на которыхъ лежали главныя распоряженія на переправахъ, а также непосредственно командовавшимъ перешедшими въ головѣ корпусовъ частями войскъ генералъ-маіорамъ Жукову и свиты Его Величества Драгомирову, равно какъ и генералу Рихтеру, Высочайшее благоволеніе командирамъ бригадъ и полковъ, всѣмъ прочимъ командирамъ частей, начальникамъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, участвовавшимъ въ переправѣ; нижнимъ же чинамъ, молодецки исполнившимъ свой долгъ въ жаркихъ бояхъ 10-го и 15-го іюня, Его Величество объявляетъ Свое милостивое спасибо и жалуетъ по два рубля на каждаго изъ строевыхъ чиновъ». Выписка изъ сего Высочайшаго приказа подписана военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Милютинымъ.

армейскаго корпуса у Галаца и Браилова, а потомъ и главными силами у Зимницы. Бывъ очевидцемъ превосходнаго дѣйствія нашей артиллеріи, работъ неутомимыхъ саперъ и понтонеровъ, отважныхъ подвиговъ состоящихъ при арміи моряковъ и, наконецъ, геройскихъ дѣйствій частей войскъ, участвовавшихъ въ бояхъ 10-го іюня на Буджакѣ и 15-го іюня при Систовѣ, Я поставляю Себѣ въ истинное удовольствіе выразить мою сердечную и глубокую признательность Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему дѣйствующею арміею, Его ближайшимъ помощникамъ и храбрымъ войскамъ моимъ, покрывшимъ себя новою славою.

«Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ, какъ дѣйствующей арміи, такъ и вообще во всѣхъ частяхъ гвардіи, арміи и флота».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ тотъ же день и Великій Князь Главнокомандующій объявилъ по войскамъ приказъ (за № 96) слѣдующаго содержанія:

Главная квартира, г. Зимница, 17-го іюня 1877 года.

«Войска ввѣренной Мнѣ арміи!

«Самое трудное дѣло предстоящей намъ кампаніи—переходъ черезъ Дунай — совершено, и совершено блистательно въ Галацѣ, Браиловѣ и въ Систовѣ.

«Тамъ и здѣсь войска, бывшія въ дѣлѣ, вели себя по истинѣ геройски. Ни казавшіяся непреодолимыми препятствія природы, ни громадныя средства обороны врага, ни его упорное сопротивленіе не остановили васъ.

«Вы побороли все и явились достойными тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя возлагаетъ на васъ обожаемый нашъ Монархъ, а съ нимъ и вся Россія.

«Рядомъ съ непобѣдимымъ мужествомъ войскъ, одолѣвшихъ штыкомъ и пулею врага, не меньшее геройство и самоотверженіе выказано было всѣми чинами и частями войскъ, подготовлявшими средства для переправы.

«Моряки, саперы и казаки, пѣхота, кавалерія и артиллерія наперерывъ другъ передъ другомъ работали безъ устали надъ подготовкою лодокъ, плотовъ, надъ проводомъ ихъ подъ

огнемъ непріятельской крѣпости къ мѣсту переправы, надъ ослабленіемъ непріятельской артиллеріи. Моряки, съ самыми скудными средствами, на утлыхъ ладьяхъ, борются съ мониторами, взрываютъ ихъ или заграждаютъ минами и дѣлаютъ ихъ безвредными.

«Не могу нахвалиться добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣми чинами своего долга, а равно мужествомъ и безстрашіемъ, съ которыми войска бились съ врагомъ.

«Не моимъ заслугамъ, а вашему самоотверженію и мужеству приписываю Я награду—орденъ Св. Георгія 2-й степени, которымъ Государь Императоръ удостоилъ Меня пожаловать. Не Я, а вы заслужили эту награду.

«Сердечное спасибо Мое всѣмъ—отъ старшихъ начальниковъ до рядоваго!

«Продолжайте же работать и напередъ такъ, какъ начали, и мы исполнимъ то святое тѣло, на которое послалъ насъ Царь и за успѣхъ котораго молится вся Россія!»

Приказъ этотъ былъ прочитанъ во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ.

При движеніи арміи впередъ, Великій Князь Главнокомандующій призналъ необходимымъ соединить въ отдѣльный отрядъ 12-й и 13-й армейскіе корпуса, назначивъ этому отряду особую цѣль дѣйствій въ окрестностяхъ крѣпости Рущука, почему и самый отрядъ названъ Рущукскимъ, а общее начальство надъ нимъ ввѣрено Государю Наслѣднику Цесаревичу. Но кромѣ этихъ двухъ корпусовъ, подъ начальство Его Императорскаго Высочества поступаютъ и всѣ тѣ части, отряды и команды, которыя будутъ находиться въ районѣ дѣйствія двухъ названныхъ корпусовъ, по обоимъ берегамъ Дуная: на лѣвомъ—ниже рѣки Веде до устья Арджиса включительно, а на правомъ—ниже рѣки Янтры. Наслѣдникъ Цесаревичъ вступаетъ въ командованіе означенными корпусами и частями войскъ по присоединеніи къ 12-му корпусу 13-го армейскаго корпуса, т. е. съ 25-го іюня, причемъ въ командномъ отношеніи Его Императорскому Высочеству предоставляются права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время *), а въ отношеніи военныхъ дѣйствій—

*) На основаніи 506 ст. Полож. о полевомъ упр. войскъ.

право самостоятельныхъ распоряженій, на основаніи тѣхъ общихъ указаній, которыя будутъ отдаваемы Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. На должность начальника штаба Рущукскаго отряда назначенъ командиръ 12-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Ванновскій, командованіе же 12-мъ корпусомъ возложено на Великаго Князя Владиміра Александровича *).

Приказомъ Главноконандующаго отъ 20-го іюня (за № 98), Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ назначенъ начальникомъ всѣхъ морскихъ командъ, находящихся на Дунаѣ, съ тѣмъ, чтобы команды эти, для ближайшаго распоряженія ими и по продовольственной части оставались въ вѣдѣніи: на нижнемъ Дунаѣ—командира 14-го корпуса, а на среднемъ—начальника инженеровъ дѣйствующей арміи.

Въ эти же дни сдѣлано не мало весьма важныхъ распоряженій по разнымъ отраслямъ управленія, какъ арміею, такъ и болгарскимъ краемъ, а именно:

1) Приказано — послѣ всякаго сраженія или стычки съ непріятелемъ, старшему изъ начальниковъ войскъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, доставлять въ полевой штабъ арміи свѣдѣнія о числѣ и именахъ убитыхъ, раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ и безъ вѣсти пропавшихъ **).

2) Объявлена во всеобщее свѣдѣніе жителей и войскъ прокламація Главнокомандующаго о характерѣ преступленій, подлежащихъ военному полевому суду, не изъемля изъ онаго не только лицъ мужскаго пола, но и женщинъ, уличенныхъ въ преступленіяхъ, клонящихся къ какому-либо существенному вреду арміи.

3) Объявленъ Высочайше утвержденный 5-го іюня 1877 года проектъ главныхъ основаній казеннаго управленія во всѣхъ земляхъ болгарскихъ, занимаемыхъ русскими войсками, въ силу чего всѣ коренные жители края, безъ различія вѣроисповѣданія, подлежатъ отправленію личной воинской повинности и потому освобождаются на всегда отъ уплаты подати,

---

*) Приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 23-го іюня 1877 г. за № 104.

**) Приказаніе начальника штаба дѣйств. арміи отъ 23-го іюня за № 135.

взимавшейся турецкимъ правительствомъ за изъятіе изъ военной службы. Съ 1878 года отмѣняется на всегда взиманіе десятины (ашуръ) съ произведеній земли, въ замѣнъ чего будетъ введена поземельная подать на правильныхъ основаніяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду совершенно исключительныхъ и неотложныхъ потребностей, порождаемыхъ войною, десятина въ текущемъ 1877 году будетъ еще взимаема деньгами (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбныя произведенія не будутъ необходимы для продовольствія войска) и натурою (лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произведенія земли будутъ необходимы для продовольствія войска). Откупщикамъ, уже взявшимъ у турецкаго правительства на откупъ десятины на текущій годъ, воспрещается взимать ихъ съ жителей, подъ страхомъ личной и имущественной отвѣтственности, а въ платежахъ, внесенныхъ или вносимыхъ откупщиками за нынѣшній годъ, они считаются съ турецкимъ правительствомъ. Подъ страхомъ же личной и имущественной отвѣтственности, воспрещается кому бы то ни было покупать, или инымъ образомъ пріобрѣтать у откупщиковъ и вывозить изъ селеній и мѣстечекъ тѣ произведенія земли, которыя поступаютъ или уже поступили отъ мѣстнаго народонаселенія къ откупщику, гдѣ бы эти произведенія ни были сложены, потому что всѣ таковые склады должны быть сданы мухтарами (сельскими старостами) русскимъ властямъ, по мѣрѣ ихъ прибытія. Турецкія ассигнаціи (кайме) не принимаются въ уплату слѣдующихъ съ народонаселенія податей, которыя уплачиваются населеніемъ какъ металлическими деньгами, такъ и русскими государственными кредитными билеми, по курсу, установленному Главнокомандующимъ.

4) Объявленъ Высочайше утвержденный 20-го іюня 1877 года проектъ основаній для финансоваго управленія въ болгарскомъ краѣ, причемъ денежные сборы обращаются преимущественно на учрежденіе и содержаніе органовъ внутренняго порядка и управленія страны и на покрытіе расходовъ по народному образованію и по устройству болгарскаго ополченія.

5) Объявлена инструкція для учрежденія въ странѣ первоначальнаго военно-полицейскаго управленія, причемъ существующія нынѣ границы санджаковъ, казъ, нахій (губерній,

уѣздовъ, волостей) и проч. остаются на первое время безъ измѣненій.

6) Утверждены главныя основанія гражданскаго управленія въ санджакахъ и казахъ болгарскаго края: по дѣламъ гражданскимъ и финансовымъ, по части судебной, по мѣстному земско-хозяйственному управленію, по отчетности и по полицейскому управленію въ большихъ городахъ, а также издана инструкція о порядкѣ взиманія въ текущемъ году десятиннаго налога съ хлѣбныхъ полей и луговъ.

7) Для фуражнаго офицерскаго довольствія, а равно для покупки, попеченіемъ самихъ войскъ, топлива вообще и фуража въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ войскамъ разрѣшено, установлены (начиная съ 1-го іюня) цѣны: за четверть зерноваго фуража 6 рублей, за пудъ сѣна 50 копѣекъ, за пудъ соломы 35 копѣекъ и за сажень топлива 17 рублей.

8) На основаніи договора, заключеннаго между нашимъ и румынскимъ правительствами, допущенъ безпошлинный привозъ въ Румынію всякихъ предметовъ, назначенныхъ на удовлетвореніе потребностей арміи, кромѣ одного лишь табаку, продажа котораго въ предѣлахъ Румыніи составляетъ исключительную принадлежность особаго общества, взявшаго эту продажу на откупъ у румынскаго правительства.

25-го іюня главная квартира Великаго Князя Главнокомандующаго переходитъ на правый берегъ Дуная и становится бивуакомъ въ семи верстахъ отъ Систова, въ селеніи Царевицѣ (оно же по-турецки Текиръ), недалеко отъ развѣтвленія дорогъ, ведущихъ въ Рущукъ и въ Тырново.

XXXVIII

Зимница и Систовъ

Нынѣшній характеръ Зимницы. — Систовскій продовольственный складъ. — Городъ Систовъ и его наружность. — Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о Систовѣ. — Систовскія церкви, школы, библіотека, языкознаніе, торговля и промышленность. — Не состоявшіяся кровавыя намѣренія систовскихъ турокъ и бѣгство мусульманъ изъ города. — Анархія и грабежъ, предшествовавшіе нашему вступленію. — Водвореніе порядка и оживленіе Систова. — Румынская «Европа» и болгарская «Азія». — Одѣянія болгарскихъ горожанъ. — Мѣстная болгарская интеллигенція. — «Учительки». — Общественная и семейная нравственность болгаръ. — Мой хозяинъ Вылкъ Поварджіевъ — Устройство болгарскихъ домовъ, ихъ внутренняя обстановка и домашній обиходъ. — Какъ и что̀ ѣдятъ болгары. — Положеніе прислуги въ семьѣ и отсутствіе профессіональнаго нищенства; гордость и самолюбіе, какъ черты народнаго характера. — Парадный покой зажиточнаго болгарскаго дома. — Портреты государей. — Произведенія изящныхъ искусствъ, книги, пѣсни, болгарская «Марсельеза». — Семейный бытъ и отношенія. — Житейскій тактъ болгарскихъ женщинъ. — Характеръ женской красоты. — Значеніе въ народѣ православной вѣры и католическая пропаганда. — Религіозные обычаи, гостепріимство, свадебные обряды, народные обычаи коляды, пинеруды и проч., болгарскія похороны. — Турецкія кладбища, какъ источникъ заразы.

Бивуакъ при с. Царевица (Текиръ), 26-го іюня.

Зимница теперь ликуетъ. Чуть только прослышали въ тылу о состоявшейся переправѣ, какъ тотчасъ же полетѣли сюда всевозможные іудеи, эллины, румыны, армяне и иные западные и восточные человѣки, алчущіе и жаждущіе русскаго золота въ замѣнъ своихъ товаровъ и продуктовъ, подъ часъ болѣе чѣмъ сомнительнаго качества. Маркитантъ Брофтъ, разбившій свою палатку на какомъ-то заднемъ дворѣ, между двумя-тремя повозками, торгуетъ великолѣпно и деретъ—деретъ за все, про все немилосердо, такъ что если сказать «въ три дорога», то это будетъ очень умѣренно. Кабачки и лавченки ростутъ, какъ грибы послѣ дождя. Въ двухъ скверныхъ трактиришкахъ, биткомъ набитыхъ проходящимъ офицерствомъ, цыганская музыка съ утра и до утра наигрываетъ «Постильона» и «Копелицу»; агенты Грегера, Горвица и Когана заняли подъ себя одно изъ лучшихъ помѣщеній и щеголяютъ по улицамъ въ бѣлыхъ офицерскихъ фуражкахъ съ кокардами, въ длинныхъ ботфортахъ съ огромными настежными шпорами и

съ нагайками черезъ плечо, а нѣкоторые даже понавѣсили на себя револьверы и шашки. Умора, да и только! Однимъ словомъ, въ Зимницѣ весело. Да и какъ не радоваться? Переправа—эта завѣтная и томительная мечта всей дѣйствующей арміи, наконецъ совершилась и, говоря относительно, обошлась намъ очень дешево. Многіе, и даже весьма компетентные люди, разсчитывали положить здѣсь тысячъ тридцать народа, а вмѣсто того мы не потеряли и тысячи. Массы войскъ придвинулись теперь къ Зимницѣ и бивуакируютъ вокругъ мѣстечка, въ ожиданіи своей очереди къ переправѣ; другія массы всѣхъ родовъ оружія наполняютъ улицы, ведущія къ спуску и всю низменность, вплоть до понтоннаго моста. Въ лагеряхъ подъ вечеръ раздаются звуки пѣсень и музыки. Такова-то теперь физіономія Зимницы, этого сквернаго румынскаго мѣстечка, стоящаго на ровной плоскости и утопающаго въ глубокой и густой, чисто первобытной пыли, которая слѣпитъ глаза и въ нѣсколько мгновеній покрываетъ въѣдающимся слоемъ все платье.

При занятіи нашими войсками Систова, въ городѣ, по указанію болгаръ, были открыты большіе склады продовольственныхъ запасовъ, принадлежащіе турецкому правительству. Магазинъ тотчасъ же былъ опечатанъ, и приставленъ къ нему караулъ, а затѣмъ составлена пріемочная коммисія, подъ предсѣдательствомъ временнаго военнаго коменданта города, командира Житомірскаго полка, полковника Тяжельникова, въ составъ которой вошли два интендантскихъ чиновника, военный врачъ, три болгарскихъ депутата, изъ членовъ систовскаго городскаго управленія, и, какъ экспертъ, профессоръ химіи Варшавскаго университета А. Н. Поповъ, состоящій при арміи для завѣдыванія дезинфекціонною частью. Послѣдній долженъ былъ обслѣдовать, не отравлены ли мука и прочіе запасы склада. Всѣ продовольственные запасы оказались доброкачественными, и общее количество ихъ оцѣнено въ 245,000 русскихъ рублей, т. е. около милліона франковъ нарицательныхъ, а именно: на 148,000 рублей кукурузы, на 48,000 руб. пшеницы, на 30,000 руб. овса, на 14,000 руб. ячменя, на 3,000 руб. соли; а на остальную сумму дегтя, смолы, табаку, кофе и другихъ продуктовъ; кромѣ того найдено нѣсколько тысячъ турецкихъ кило пшеничныхъ, отлич-

наго качества галетъ, которыя велѣно было раздавать проходящимъ черезъ Систово войскамъ, вмѣсто сухарей, а пшеничное зерно отдано болгарамъ для перемола и печенія хлѣбовъ, за извѣстную плату. Послѣднее распоряженіе пришлось какъ нельзя болѣе кстати, потому что свѣжій пшеничный хлѣбъ сейчасъ же понадобился для госпиталей, а добыть его на систовскихъ базарахъ почти невозможно, за отсутствіемъ всегдашняго спроса на этотъ продуктъ у мѣстныхъ жителей, которые, для удовлетворенія домашнихъ потребностей, за рѣдкими исключеніями, пекутъ хлѣбъ у себя дома. Кукурузу предполагается подмѣшивать въ хлѣбъ, а также давать въ нѣкоторой пропорціи и лошадямъ. Кромѣ продовольственнаго склада, въ Систовѣ оказалась и иная военная добыча, какъ напримѣръ: сорокъ турецкихъ судовъ и нѣсколько лодокъ у пристани и складъ деревяннаго строительнаго матеріала *).

Городъ Систово или Систовъ—по-болгарски Свиштовъ, а по-русски, стало быть, Свищовъ **)—считается однимъ изъ наиболѣе торговыхъ городовъ Болгаріи и одною изъ лучшихъ пристаней на Дунаѣ. Онъ лежитъ на возвышенномъ берегу, высшая точка котораго въ данной мѣстности равняется слишкомъ 900 футамъ.

Это небольшой городокъ, красиво скученный амфитеатромъ на береговыхъ склонахъ и частію на самомъ берегу, у пристани, населенный на половину турками, на половину болгарами, причемъ общее количество населенія не превосходитъ восьми или десяти тысячъ ***). Дома зажиточныхъ людей, и преимущественно болгаръ, окружены высокими глухими каменными стѣнами, такъ что каждый дворъ является своего рода замкнутымъ укрѣпленіемъ, во внутрь котораго пробраться довольно-таки трудно, если хозяинъ не заблагоразсудитъ добровольно растворить предъ входящимъ гостемъ свои прочныя, окованныя желѣзомъ, дубовыя ворота, устройство которыхъ

---

*) Къ сожалѣнію, впослѣдствіи интендантское вѣдомство какъ бы вовсе забыло о существованіи систовскаго склада, еще и въ позднюю осень неизмѣнно охранявшагося часовыми, между тѣмъ какъ войска, проходившія въ это самое время черезъ Систовъ, уже терпѣли нѣкоторыя лишенія въ продовольствіи.

**) У насъ почему-то усвоилось румынское и австрійское произношеніе имени этого города.

***) Въ Систовѣ считается 2,000 домовъ болгарскихъ, до 100 валашскихъ, 1,530 турецкихъ и 160 цыганскихъ.

очень напоминаетъ наши русскія ворота, съ перекладинами, увѣнчанныя, въ видѣ гребня, небольшимъ навѣсцемъ. Если бы пришлось брать Систово штурмомъ, то каждый изъ подобныхъ домовъ могъ бы послужить обороняющемуся прекраснымъ редюитомъ. Улицы узки, извилисты и, за исключеніемъ главной, названной нынѣ «Александровскою», очень однообразны, такъ какъ въ большей части изъ нихъ по бокамъ тянутся только глухіе, высокіе каменные заборы; изрѣдка развѣ выдвинется гдѣ нибудь балкончикъ, устроенный по восточному, фонарикомъ, съ широкими окошками, закрытыми частою деревянною рѣшеткою. Это — навѣрное мусульманскій покинутый домъ, и балкончикъ его принадлежитъ именно гаремной половинѣ, на что указываетъ необходимая ея принадлежность, т. е. рѣшетка. Впрочемъ, многіе болгарскіе дома строятся по этому же образцу, причемъ верхніе этажи одинъ за другимъ выдвигаются надъ нижними—верандами и фонариками на разстояніе около аршина каждый. Типъ такихъ построекъ, крытыхъ черепицею или гонтомъ, очень красивъ и своеобразенъ. Въ нижней торговой части города, называемой «Агенція», дома и лавки почти сплошь европейскаго, но самаго неуклюжаго и скучнаго характера, въ родѣ того, какимъ у насъ отличаются казенные хлѣбные магазины. Всѣ они выстроены вновь послѣ пожара 1870 года.

Въ верхнемъ же городѣ, носящемъ названіе «Чука», почти каждый домикъ окруженъ цвѣтникомъ и фруктовымъ садикомъ, съ рѣшетчатымъ винограднымъ навѣсомъ и непремѣнно съ цистерною, колодцемъ или фонтаномъ, что придаетъ внутренней сторонѣ этихъ каменностѣнныхъ дворовъ очень милый, уютный и даже поэтическій характеръ. Городскихъ площадей не существуетъ, а есть только небольшія, неправильной формы площадки, обсаженныя бѣлой акаціей или каштанами и непремѣнно снабженныя въ одномъ изъ своихъ уголковъ общественною цистерной, которая представляется въ видѣ фронтона, облицованнаго плитнякомъ или мраморомъ, гдѣ въ верхней части изображены вязью, не рѣдко позолоченною, какія-то благочестивыя турецкія или болгарскія надписи и изрѣченія. Здѣсь обыкновенно собираются кучки женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей съ кувшинами и металлическими ведрами. Это нѣчто въ родѣ ихъ клуба или фойе, гдѣ сообщаются

другъ дружкѣ всѣ городскія и иныя новости, слухи и ведутся дружескія, оживленныя бесѣды. Мѣстность, на которой расположенъ городъ, въ придунайской своей части изрыта глубокими водомоинами и оврагами, прорѣзывающими ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ и въ разныхъ направленіяхъ; на самой высокой надбрежной скалѣ высятся каменныя развалины древняго укрѣпленія. Въ настоящее время тамъ кто-то изъ болгаръ водрузилъ высокій шестъ съ русскимъ національнымъ флагомъ.

Время основанія Систова въ точности не извѣстно, но относится ко временамъ Римской имперіи, чему и доселѣ служитъ свидѣтелемъ, въ западномъ концѣ города, самый характеръ постройки древнихъ укрѣпленій, разрушенныхъ турками во время ихъ нашествія на эти страны. Съ 1790 года Систовъ получаетъ европейскую извѣстность, какъ мѣсто подписанія австрійско-турецкаго мирнаго трактата, опредѣлившаго нынѣшнія границы между этими двумя государствами. Съ этого же времени начинается и эпоха враждебнаго раздѣленія интересовъ въ восточной политикѣ между Австріей и Россіей. Въ нашу войну съ Турціей, въ 1809 году, турки ожидали здѣсь переправы русской арміи и потому укрѣпили городъ, но въ слѣдующемъ 1810 году генералъ-маіоръ Сен-При (Saint-Priest) сжегъ городъ и разрушилъ его укрѣпленія, а въ 1820 году Систовъ является уже вновь обстроеннымъ и укрѣпленнымъ. Въ войну 1828—29 годовъ жители Систова, тѣснимые турками, бѣжали въ Зимницу и на сѣверъ отъ нея, гдѣ и основали городъ Александрію—недавнее мѣсто пребыванія обѣихъ нашихъ главныхъ квартиръ. Русскія батареи, построенныя на лѣвомъ берегу Дуная генераломъ Хрулевымъ, заставили въ февралѣ 1854 года турецкія канонерки отойдти отъ Систова вверхъ по Дунаю и укрыться въ рѣкѣ Осмѣ, за Никополемъ. Въ нынѣшнюю войну турки, полагая, что мѣстность вокругъ Систова положительно неприступна, оставили его почти безъ всякой защиты: весь гарнизонъ города состоялъ только изъ двухъ таборовъ; тѣ же три-четыре табора, съ которыми мы имѣли дѣло на восточныхъ возвышенностяхъ Текиръ-дере, не входили въ составъ мѣстной береговой защиты. Они были направлены изъ Рущука въ Никополь, для усиленія тамошняго гарнизона, въ виду ожидаемой переправы у Фламунды и Турну, такъ что — какъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые

турецкіе плѣнные и мѣстные жители — если бы мы вздумали переправляться здѣсь сутками раньше, или сутками позже, то, пожалуй, не встрѣтили бы вовсе никакого отпора.

Въ Систовѣ находятся четыре православныя церкви: св. Димитрія, св. Петра, преображенская и покровская. Двѣ изъ нихъ имѣютъ купола и колокольни, на которыя, впрочемъ, колокола повѣшены только со дня нашего прихода въ городъ, а до тѣхъ поръ долгое время они хранились въ церковныхъ склепахъ, такъ какъ турки не позволяли звонить православнымъ христіанамъ. Эта привилегія дана была только совратившимся, при агитаціи извѣстнаго Цанкова, въ римское католичество. Мѣстное населеніе свято чтитъ свои храмы, какъ завѣтный символъ своей народности и единенія съ православною Россіей, а потому удѣляетъ значительную часть своихъ доходовъ на поддержаніе ихъ благолѣпія и на развитіе народнаго образованія. Въ Систовѣ есть публичная библіотека («читалиште»), шесть начальныхъ училищъ, изъ коихъ три для дѣвочекъ, одно среднее четырехклассное учебное заведеніе и высшее болгарское училище, насчитывающее до полутораста учениковъ и ученицъ; учительскій же персоналъ низшихъ учебныхъ заведеній состоитъ изъ 13-ти учителей и 7-ми «учителекъ» (наставницъ). Между мѣстными болгарами, благодаря непрерывнымъ международнымъ сношеніямъ, есть очень много лицъ, прекрасно владѣющихъ языками русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, турецкимъ, сербскимъ и румынскимъ. Да и кромѣ того, болгарскій языкъ, самъ по себѣ, на столько близокъ къ нашему, что мы не встрѣчаемъ ни малѣйшихъ затрудненій въ сношеніяхъ съ жителями. Такъ какъ Систовъ городъ торговый, то въ немъ живетъ очень много зажиточныхъ купцовъ и промышленниковъ; послѣдніе занимаются преимущественно рыбными ловлями въ Дунаѣ и обширномъ Систовскомъ озерѣ, лежащемъ въ низменности, западнѣе города, и сливающимся въ каждый разливъ съ водами Дуная. Привозные товары на мѣстномъ рынкѣ нынѣ преимущественно австрійскаго происхожденія; до восточной же войны 1853—56 годовъ, когда Россія обладала дунайскимъ устьемъ, здѣсь сильно и не безвыгодно соперничали съ австрійскими произведеніями товары русскіе, и надо думать, что съ возвращеніемъ къ намъ ру-

мынской Бессарабіи, русское торговое вліяніе возстановится на придунайскихъ болгарскихъ рынкахъ.

Турецкое населеніе Систова не ожидало столь быстраго вступленія русскихъ въ Болгарію и еще менѣе думало, что переправа совершится именно у ихъ города. Турки вообще плохо вѣрили въ возможность скорой переправы въ какомъ бы то ни было пунктѣ и были убѣждены, что дѣло долго еще протянется въ артиллерійскихъ перестрѣлкахъ между обоими берегами, а тамъ — Аллахъ дастъ — вмѣшается «инглизъ» и все обойдется благополучно. Такова была увѣренность, которую они высказывали повсюду, а болѣе всего въ цирюльняхъ (онѣ же и кофейни), во время сладкаго кейфа и дружеской бесѣды за урчащимъ «наргиле» *). Но въ то же время по Систову ходили и мрачные для болгаръ слухи, распускаемые изъ-подъ руки турецкими же чиновниками. Вѣрно ли, нѣтъ ли, но здѣсь были положительные толки, что турецкіе аскеры и черкесы изъ нѣкоторыхъ окрестныхъ селеній готовятся къ повальному избіенію систовскихъ христіанъ, какъ измѣнниковъ «падишаху», осмѣливающихся сочувствовать замысламъ «москова». Увѣряютъ, что уже были составлены два проскрипціонные списка: въ одномъ находились имена лицъ, обреченныхъ на убіеніе, а въ другомъ — имена женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ турки предполагали увести на продажу въ Малую Азію. Замѣчательно, однако, вотъ что: турецкое населеніе стало почти поголовно выбираться изъ Систова въ глубь страны еще съ 13-го на 14-е іюня, болѣе чѣмъ за сутки до нашей переправы. Это невольно наводитъ на сомнѣніе, что день и мѣсто ея едва ли составляли непроницаемую тайну для турокъ, если не предположить въ нихъ инстинкта крысъ и черныхъ таракановъ, которые — какъ увѣряютъ — заблаговременно покидаютъ жилье, въ предчувствіи скораго пожара или наводненія. Все, что было цѣннаго, бѣглецы забрали съ собою; остались только матрацы, лишняя домашняя утварь, да разныя книжки (преимущественно въ мечетяхъ), которыя, къ сожалѣнію, были изодраны въ клочья и истреблены болгарами, ранѣе чѣмъ русскія власти подумали наложить запрещеніе на мечетное имущество. По выѣздѣ изъ го-

*) Родъ кальяна, но меньшихъ размѣровъ.

рода турецкихъ властей и жителей, здѣсь на нѣкоторое время наступило царство полной анархіи; въ рабочемъ и вообще недостаточномъ классѣ христіанскаго населенія разыгрались дурные инстинкты, которые повлекли этихъ людей на грабежъ оставленнаго имущества и раззореніе турецкихъ жилищъ. Когда мы вступили въ городъ, то уже нашли значительную часть турецкихъ кварталовъ чуть не въ полномъ разрушеніи: двери, рамы и стекла оконъ были либо выбиты и исковерканы, либо унесены кѣмъ-то на собственную потребу; утварь — въ черепкахъ, кладовыя — что̀ называется, шиворотъ на выворотъ; подушки, тюфяки, матрацы, обыкновенно набиваемые здѣсь кусочками ваты, овечьей волною и лоскутьями — изодраны въ клочья, причемъ все содержимое ихъ, вмѣстѣ съ разною вѣтошью, рваными книжками и рукописями, устилало бо̀льшую часть дворовъ и полы всѣхъ горницъ. Болгары все отыскивали — нѣтъ ли въ этихъ тюфякахъ забытыхъ или оставленныхъ въ попыхахъ турецкихъ денегъ, но большинство предавалось раззоренію только ради самаго раззоренія, изъ чувства мести, чтобы и слѣда турецкаго здѣсь болѣе не оставалось. Это возмездіе съ обще-гуманной точки зрѣнія, конечно, очень дурно, но оно понятно: больно много уже накипѣло на душѣ у этихъ людей за вѣковыя насилія надъ ними и за безправицу. Впрочемъ, со дня вступленія нашихъ войскъ, всѣ эти безобразія тотчасъ же прекратились: къ уцѣлѣвшимъ случайно мечетямъ приставлены военные караулы, раззоренныя же — очищены, на сколько возможно исправлены и временно обращены подъ склады и госпитали, такъ что уже 17-го числа надъ нѣсколькими минаретами развѣвались флаги «Краснаго Креста», равно какъ и цѣлый рядъ домовъ въ турецкомъ кварталѣ былъ наскоро приведенъ въ кое-какой порядокъ и предназначенъ подъ помѣщеніе одного изъ военно-временныхъ госпиталей. Нашими властями былъ сейчасъ же учрежденъ городской совѣтъ изъ мѣстнаго соборнаго протоіерея и нѣсколькихъ выборныхъ гражданъ, которые въ свой чередъ немедленно организовали гражданскую полицейскую стражу, въ помощь нашей военной полиціи, — и полный порядокъ въ городѣ возстановился уже на слѣдующее утро. Улицы, впрочемъ, постоянно были переполнены проходящими войсками,

а съ 20-го числа ихъ загромоздили интендантскіе транспорты и войсковые обозы, такъ что движеніе становилось подъ-часъ крайне затруднительнымъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи въ городѣ кипѣла самая бойкая торговля, преимущественно мѣстными продуктами: виноградным вином, табакомъ и хлѣбомъ, который, чуть лишь сказалась потребность, болгары тотчасъ же начали печь на продажу; повсюду пооткрывалось множество мелкихъ лавченокъ, такъ что онѣ ютились въ каждой двери, въ каждомъ проходѣ, чуть не въ каждомъ окнѣ и подъ навѣсами на уличныхъ площадкахъ. Въ болгарскихъ «питальницахъ», прямо въ раскрытыхъ широкихъ окнахъ варилась въ мѣдныхъ луженыхъ котлахъ «чорба» съ горлодёрной «паприкой» *), безъ которой здѣсь не обходится почти ни одно кушанье, упрѣвалъ жирный пловъ съ бараниной, жарились на угольяхъ бараньи колбасы и рыба, распространяя въ воздухѣ невыносимый смрадный чадъ сала и постнаго масла; тутъ же рядомъ продавались разные рахатъ-лакумы, халвы и прочія восточныя сласти, вино и ракія, деготь и сапоги, и галантерейныя вещи — и все это находило себѣ множество покупателей между салдатами. Какіе-то предпріимчивые нѣмцы и французы сейчасъ же пооткрывали «рестораны» для офицеровъ, гдѣ, конечно, за все, про все драли съ послѣднихъ сколько вздумается и гдѣ скрыпки и «нуи» румынско-цыганскаго оркестрика визжали неизмѣннаго «Постильона». Агенты Грегера и К° и здѣсь, конечно, заняли подъ себя нѣсколько лучшихъ помѣщеній, и надъ однимъ изъ нихъ выкинули свой собственный особенный флагъ, — словомъ, Систовъ зажилъ вдругъ самою кипучею, лихорадочною жизнью. Но все же въ этомъ отношеніи здѣсь далеко не было такого безобразія, какъ въ Зимницѣ, гдѣ разная международная саранча сейчасъ же образовала самую безшабашную ярмарку, со всѣми ея «прелестями», и гдѣ всѣ гостинницы и вообще свободныя помѣщенія въ обывательскихъ домахъ до такой степени переполнились вдругъ извѣстнаго рода женщинами, что не рѣдко больнымъ офицерамъ, или сестрамъ милосердія, а также врачамъ, чиновникамъ и офицерамъ, слѣдующимъ къ арміи, приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ.

---

*) Красный стручковый перецъ.

Чуть лишь переѣдешь въ Систовъ, какъ уже чувствуешь, что «цивилизованная» Европа осталась позади, за Дунаемъ, и что ты попалъ вдругъ въ коловоротъ чего-то до-нельзя своеобразнаго, невиданнаго, что здѣсь уже начинается Азія или «Туреччина», какъ называютъ солдаты. Это чувствуется во всемъ — въ пестромъ обиходѣ жизни, совершающейся открыто на главной улицѣ, въ характерѣ костюмовъ, построекъ, жилищъ, въ этихъ стройныхъ бѣлыхъ минаретахъ... Зимница, сколь она ни безобразна сама по себѣ — все же таки «Европа»; въ улицахъ ея задыхаешься отъ пыли, но эти улицы достаточно широки и разбиты правильно, на кварталы; здѣсь же пыли нѣтъ, много воды въ цистернахъ, но эти стѣны каменныхъ заборовъ и эти до невозможности узкія улицы, переулки и закоулки представляютъ такой лабиринтъ, что въ немъ съ непривычки, какъ говорится, чертъ ногу сломитъ; людямъ же и подавно можно сломать, потому что мостовыя здѣсь, за исключеніемъ опять-таки главной улицы, представляютъ не рѣдко груды развороченнаго булыжника и плитняка, по которому ходи и гляди подъ ноги въ оба глаза. Однимъ словомъ, тамъ Европа, здѣсь — Азія, но ея наружность и весь этотъ, такъ сказать, первобытный и наивно-откровенный житейскій уличный обиходъ до такой степени своеобразенъ и новъ для насъ, что невольно привлекаетъ къ себѣ и любопытство, и сочувствіе, именно своею новизной и оригинальностью.

Маломальски зажиточныя болгарки всѣ эти дни ходятъ въ своихъ лучшихъ нарядахъ, словно бы въ великій праздникъ; ихъ волосы, заплетенные въ двѣ косы, спущенные на спину и соединенные концами какою нибудь лентою, прячутся подъ легкій головной платочекъ, общій для дѣвушекъ и женщинъ, съ тою лишь разницею, что у послѣднихъ онъ преимущественно чернаго цвѣта; дѣвушки же, кромѣ того, иногда украшаютъ волосы живыми цвѣтами; ихъ таліи стянуты широкими узорчато расшитыми поясами, которые застегиваются спереди двумя большими, рельефно орнаментированными, выпуклыми бляхами изъ кованнаго серебра; ихъ плечи покрыты щегольски сшитыми, короткими душегрейками, отороченными гагачьимъ пухомъ или какимъ-либо цѣннымъ мѣхомъ, въ родѣ соболя, красной лисицы и т. п.

Эти душегрейки по большей части шьются изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ: желтаго, пунсоваго, зеленаго и лиловаго; бѣлыя тонкія сорочки прошиты на воротѣ и рукавахъ разноцвѣтнымъ узорочьемъ и очень напоминаютъ наши русскія и малороссійскія вышивки на подобныхъ же сорочкахъ; на шеѣ у дѣвушекъ — буссы, коральки или ожерелья изъ серебряныхъ и золотыхъ старыхъ дукатовъ; шерстяныя юбки — по щиколку, нога обута въ узорчатый чулокъ и узенькую туфлю. Но на сколько миловидна болгарка въ своемъ народномъ нарядѣ, на столько же она проигрываетъ, чуть лишь вздумаетъ пощеголять въ европейскомъ модномъ костюмѣ: — тутъ уже все на ней выходитъ какъ-то аляповато, не складно, не граціозно, — просто горничная средней руки изъ чиновничьяго семейства. Мужской народный нарядъ состоитъ изъ невысокой барашковой шапки, суконной темно-коричневой или темно-лиловой куртки, широко открытой спереди и прошитой по швамъ, на спинѣ и рукавахъ черными тесьмами и снурками; очень широкія въ шагу и узкія въ обтяжку за колѣномъ, суконныя, одинаковаго цвѣта съ курткой, шаровары, тоже фигурно расшитыя спереди, по гусарски, черными тесьмами; шаровары эти напускаются небольшимъ раструбомъ на подъемъ ступни, обутой въ башмакъ, а грудь и животъ стянуты широкимъ краснымъ, синимъ или зеленымъ шерстянымъ поясомъ, за которымъ въ настоящее время не рѣдко торчитъ кривой ятаганъ или пара кремневыхъ пистолей. Пожилые зажиточные люди къ этому костюму прибавляютъ суконный широкій и отороченный лисьимъ мѣхомъ кафтанъ, — «джубе» или «шамолажи», — кончающійся нѣсколько ниже колѣна и покроемъ своимъ отчасти напоминающій рясу. Наиболѣе зажиточные купцы и, такъ называемая, «интеллигенція», по большей части, носятъ европейскій костюмъ, но къ нимъ онъ присталъ точно такъ же, какъ и парижскія моды къ ихъ женщинамъ, и если модницы болгарскія походятъ на горничныхъ, то модники сильно смахиваютъ на закорузлыхъ лакеевъ. Вообще, этотъ народъ уже теперь кажется намъ на столько цѣлостнымъ и своеобразнымъ, что каждое поползновеніе въ немъ на обще-европейскій банальный пошибъ звучитъ какимъ-то рѣзкимъ, фальшивымъ диссонансомъ. «Учительки» здѣшнія въ этомъ отношеніи гораздо чутче «интеллигентныхъ» мужчинъ:

онѣ носятъ очень скромный народный костюмъ и всячески стараются въ своихъ маленькихъ школкахъ поддерживать и развивать духъ православія и народности. Типъ болгарской учительки — совсѣмъ особенный. Это почти исключительно дѣвушки, сироты, посвятившія себя учительскому дѣлу, какъ бы по нѣкоему священному обѣту; для нихъ учительство — богоугодное дѣло. Воспитаніе свое и нѣкоторые начатки общаго образованія онѣ получили либо въ городскихъ училищахъ, либо же въ женскихъ монастыряхъ (и въ послѣднихъ преимущественно); всѣ онѣ пламенныя патріотки, живыя хранительницы народной поэзіи, пѣсень, сказокъ, историческихъ болгарскихъ легендъ, и не рѣдко сами слагаютъ стихи и пѣсни, которыя потомъ изъ устъ въ уста расходятся по всей Болгаріи. Онѣ очень религіозны, и православіе является для нихъ не только вѣрою души, но и святымъ народнымъ знаменемъ. О безупречной чистотѣ ихъ жизни нечего и говорить, тѣмъ болѣе что здѣсь *) общественная и семейная нравственность стоитъ на очень высокой степени, что̀ производитъ поразительный контрастъ съ лѣвымъ берегомъ Дуная **). Поэтому «учительки» повсюду пользуются большимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Дай Богъ, чтобы это такъ сохранилось и на будущее время въ жизни болгарскаго народа.

Нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ Систовѣ, мнѣ довелось прожить въ домѣ зажиточнаго купца Вылка Повард-

---

*) Какъ и во всей вообще Болгаріи.

**) Въ Систовѣ, между прочимъ, въ первые же дни по переходѣ войскъ за Дунай, появилось нѣсколько румынскихъ извѣстнаго рода женщинъ. Городской совѣтъ тотчасъ же выпроводилъ ихъ обратно въ Зимницу, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что въ нашемъ-де городѣ испоконъ вѣку такой мерзости не водилось. Это, если хотите, даже черезъ чуръ уже пуристически. Супружеская измѣна здѣсь просто неслыханное дѣло, и нарушившій законъ не нашелъ бы себѣ мѣста въ обществѣ; на него всѣ смотрѣли бы, какъ на потерявшаго честь и достоинство, опозореннаго человѣка, а въ простомъ народѣ незыблемая вѣра въ дѣвическую нравственность доходитъ до такой степени, что во многихъ мѣстностяхъ дѣвушкамъ до выхода замужъ не въ обычаѣ ходить на исповѣдь и къ причастію. Однажды, когда я, удивленный этимъ обстоятельствомъ, спросилъ одну почтенную мать семейства, почему это такъ? — она мнѣ отвѣтила о своей 16-ти-лѣтней дочери: «ей пока еще не въ чемъ каяться, она чиста, она — *ангелъ*». Можно представить себѣ, какимъ ужаснымъ, невыносимымъ оскорбленіемъ, при такомъ-то взглядѣ, являлись для болгаръ эти вѣчныя изнасилованія турками ихъ женщинъ.

жіева, торгующаго въ нижнемъ городѣ желѣзомъ. Но въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ находится только его лавка, а самъ онъ съ семействомъ живетъ въ собственномъ домѣ, на главной, нынѣ Александровской улицѣ, недалеко отъ городскаго собора. Въ это же время доводилось мнѣ бывать въ гостяхъ и у другихъ болгаръ — въ одномъ домѣ на имянинахъ, въ другомъ на свадьбѣ, — и если я изображу обстановку и бытъ моего хозяина, то это будутъ черты болѣе или менѣе общія для всѣхъ мѣстныхъ жителей этой категоріи *).

Домъ Вылка Поварджіева стоитъ во дворѣ, обнесенномъ высокою каменною стѣною, какъ и бо́льшая часть болгарскихъ домовъ въ Систовѣ **). Каменный фундаментъ представляетъ собою первый этажъ, нѣсколько углубленный въ землю. Въ это помѣщеніе ведетъ одна только дверь со ступеньками внизъ; оконъ нѣтъ, для того, чтобы въ нижнемъ помѣщеніи въ жаркое лѣтнее время поддерживалась постоянная прохлада; свѣтъ проникаетъ сюда только чрезъ раскрытую дубовую, массивную дверь. Это подвальное помѣщеніе служитъ кладовою и изъ него же особый люкъ ведетъ въ подземный погребъ, гдѣ хранятся вина, живность и разные запасы. Въ подвальномъ помѣщеніи, равно какъ и во всемъ остальномъ домѣ всегда поддерживается замѣчательная чистота и опрятность; то же самое и во дворѣ съ очень изящнымъ садикомъ. Тутъ обыкновенно и проводитъ свое время семейство въ знойную пору дня, удаляясь изъ садика, когда солнце начинаетъ пропекать даже и сквозь навѣсъ виноградной бесѣдки. Тутъ женщины занимаются разными домашними работами и рукодѣльями: вяжутъ узорчатые чулки, вышиваютъ шелками и золотою битью платки, полотенца, бархатныя и шелковыя женскія курточки-арнаутки. Въ полдень возвращается изъ лавки хозяинъ, и тогда семья съ молитвой приступаетъ къ обѣду, который подается въ подвальномъ же помѣщеніи. Для обѣда всѣ собираются въ тѣсный кружокъ, присѣвъ на корточки, или поджавъ подъ себя скрещенныя ноги, на разостланной по земляному полу широкой цыновкѣ. Разсаживаются

*) Тѣ же черты, какъ приглядывался я впослѣдствіи, суть общія и для всей Болгаріи.

**) Въ другихъ городахъ, далѣе въ глубь страны, этотъ характеръ построекъ является уже не столь исключительнымъ.

они такимъ образомъ вокругъ очень низенькаго (не болѣе какъ на четверть отъ пола) круглаго стола, называемаго *«маса»* или *«низка софра»* *), который весь заставляется разными кушаньями; между послѣдними болгарскій борщъ — *«чорба»*, или лимонный супъ изъ курицы съ рисомъ, пилавъ, жареная баранина, или «паприцяржъ», т. е. баранье рагу съ лукомъ и паприкой, играютъ главнѣйшую, рѣдко измѣняемую роль. Хлѣбаютъ, по большей части, изъ общей миски, или же накладываютъ себѣ кушанья на особыя тарелки, которыя во время ѣды держатъ въ лѣвой рукѣ, либо на колѣняхъ. Прислуга — кухарка и парень,—принеся кушанье, садится тутъ же, за одинъ столъ съ хозяевами, и ѣстъ вмѣстѣ. Все это очень патріархально, да иначе и нельзя, потому что, при отсутствіи кастъ и сословій, здѣсь всѣ равны между собою, всѣ болгары, «божьи дѣти» и всѣ — турецкая раія; да и кромѣ того, въ общественномъ быту, уживчивые и почтительные къ старшимъ въ своемъ племени, болгары вообще горды и самолюбивы; поэтому они считаютъ даже унизительнымъ для себя быть въ услуженіи у другихъ; пойдти въ услуженіе къ чужимъ людямъ можетъ заставить болгарина только крайняя нужда; и хозяева, понимая и щадя самолюбіе прислуги, стараются сдѣлать для нея зависимое ея положеніе какъ можно безобиднѣе, принимая прислугу какъ бы въ члены своего собственнаго семейства. По этой же причинѣ и нищихъ между ними въ обыкновенное мирное время очень мало **); если болгарское дитя остается сиротою, безъ отца и матери, то какой нибудь зажиточный болгаринъ беретъ его въ свою семью на воспитаніе, для того только, чтобы нищенство не позорило ихъ племени; и вотъ изъ этихъ-то сиротъ, по большей части, и выходитъ семейная прислуга; это какъ бы младшіе или побочные члены семьи, на которыхъ возлагается извѣстный родъ домашней работы ***).

---

*) Первое названіе румынскаго, а второе турецкаго происхожденія. У румынъ (кромѣ высшаго сословія) и у турокъ ѣдятъ за обѣдомъ и ужиномъ на точно такихъ же столикахъ,— обычай, заимствованный, очевидно, съ Востока.

**) Теперь, конечно, это иначе: турецкая рѣзня и истребленіе породили массу бѣдняковъ, лишившихся послѣдняго куска хлѣба; но и то рѣдкость, когда болгаринъ рѣшится на улицѣ протянуть руку за милостыней; если и просятъ, то больше несчастныя женщины, вдовы зарѣзанныхъ мужей, бѣжавшія сюда изъ-за Балканъ съ малыми ребятами.

***) Въ тѣхъ же домахъ, гдѣ прислуги нѣтъ, ея обязанности исполняются членами семейства, преимущественно младшими.

По окончаніи обѣда, опять-таки не иначе какъ съ молитвой, наступаетъ общій кратковременный отдыхъ, послѣ котораго хозяинъ снова уходитъ въ свою лавку, а женщины принимаются либо за рукодѣлье, либо ухаживаютъ въ садикѣ за цвѣтами, виноградомъ и плодовыми деревцами, либо же усаживаются съ ручною работой въ тѣни, на коврѣ, и слушаютъ чтеніе книжки или газеты, читаемой кѣмъ-либо изъ членовъ семьи. Подъ вечеръ, т. е. часа въ четыре или въ пять, къ нимъ являются гости — по большей части женщины, иногда съ дѣтьми, и тогда вся семья переходитъ въ верхнюю половину дома; тамъ же, гдѣ верхняго этажа нѣтъ, пріемъ происходитъ въ особой парадной комнатѣ. Во всѣхъ вообще болгарскихъ домахъ — будутъ ли они одно или много-этажные — съ крыльца вы подымаетесь въ просторную, свѣтлую прихожую, гдѣ, какъ хозяева, такъ и гости снимаютъ съ себя башмаки и туфли; это обыкновеніе, впрочемъ, не простирается на мужчинъ, носящихъ сапоги, которые, прежде чѣмъ войдти, всегда надо тщательно обтереть съ подошвы объ особую стельку, положенную предъ входною дверью, а иначе вы рискуете показаться невѣжливымъ, не знающимъ правилъ приличія и общежитія. Изъ прихожей нѣсколько дверей ведутъ въ особыя комнаты, которыя не всегда имѣютъ внутреннее сообщеніе между собою, такъ что изъ одной комнаты въ другую надо переходить черезъ прихожую. Въ боковыхъ горницахъ помѣщаются отдѣльные члены семейства, но спальное помѣщеніе мужа съ женою всегда общее для обоихъ, и это, такъ сказать, святая святыхъ, куда нѣтъ входа не только для постороннихъ, но и члены семьи не имѣютъ на него права, безъ предваренія голосомъ или стукомъ въ дверь. Одна или двѣ сообщающіяся между собою комнаты служатъ паряднымъ мѣстомъ пріема гостей. Онѣ всегда достаточно свѣтлы и содержатся въ замѣчательной, можно сказать, голландски-педантической чистотѣ, такъ что лица, носящія башмаки или туфли, входятъ сюда не иначе, какъ въ чулкахъ, и такъ остаются во все время своего тамъ пребыванія. Въ одной изъ такихъ комнатъ наружная стѣна не рѣдко представляетъ собою сплошной рядъ стекольчатыхъ рамъ, какъ бы одно большое широкое окно; а иногда, вмѣсто этого, въ такихъ комнатахъ имѣется либо четырехугольный, либо полукруглый свѣт-

лый балконъ-фонарикъ, обставленный по стѣнѣ широкою отоманкой съ подушками. Вообще, въ пріемныхъ комнатахъ, одна или двѣ стѣны заняты сплошь большимъ широкимъ и низкимъ восточнымъ диваномъ, съ подушками вмѣсто спинки *); на обивку этой мебели идутъ ковры или очень красивыя восточныя ткани, не рѣдко составленныя какъ бы мозаически, великолѣпнымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ, расшитыхъ шелками, въ видѣ фантастическихъ цвѣтовъ и арабесокъ. Предъ диванами въ нѣкоторыхъ домахъ помѣщаются низенькіе восточные столики, въ родѣ круглыхъ или многогранныхъ табуретовъ, сплошь инкрустированные перламутромъ, черепахой, слоновой костью, чернымъ, орѣховымъ и палисандровымъ деревомъ, необычайно красивой и изящной работы. Эти вышивныя столовыя скатерти, покрышки дивановъ и столики составляютъ истинное изящество и роскошь восточнаго убранства комнатъ. И какъ непріятно рѣжетъ глазъ, когда рядомъ съ подобными предметами встрѣчаешь иногда въ той же горницѣ гнутые вѣнскіе стулья, ломберные гостинные столы и тому подобныя вещи обще-европейскаго, такъ сказать, цивилизованно-пошлаго образца. Онѣ вяжутся съ оригинальной стороной этой обстановки точно такъ же, какъ и европейскій костюмъ съ болгариномъ и болгаркой. Не рѣдко приходится встрѣчать въ одной изъ парадныхъ комнатъ двуспальную кровать, убранную очень пышно стеганнымъ шелковымъ одѣяломъ и подушками въ кисейныхъ или батистовыхъ, прошитыхъ кружевомъ наволочкахъ; но на такой кровати никто никогда не спитъ и даже хозяева на нее не садятся, а стоитъ она здѣсь только для вида, какъ символъ семейнаго начала въ дому. Начисто выструганный, некрашенный полъ сплошь покрытъ большими, очень изящной работы тростниковыми цыновками, а предъ диванами положены пестроцвѣтные ковры, которые иногда вѣшаются и вдоль стѣнъ, надъ кроватью и отоманками; стѣны же всегда начисто выбѣлены и иногда разрисованы, въ родѣ обоевъ, по трафарету, синей, розовой или зеленой краскою; потолки деревянные, изъ дуба, сосны или орѣха, и нерѣдко

*) У бѣдняковъ и сельчанъ, въ глиняныхъ мазанкахъ, внутри горницы, а также и съ какой-либо стороны наружнаго шелашеобразно крытаго входа, эти диваны дѣлаются изъ земли, а поверхъ накладывается толстый слой битой глины, и здѣсь уже они покрываются цыновкою, кошмою, или домодѣльными коврами.

украшенные великолѣпною, изящною рѣзьбою; среди потолка — рѣзная деревянная розетка, съ которой спускается восточный разноцвѣтный фонарикъ, украшенный шелковыми кистями, или же зеркальный стеклянный шаръ; на столахъ — букеты розъ и иныхъ живыхъ цвѣтовъ, въ фарфоровыхъ вазочкахъ вѣнскаго издѣлія, на стѣнѣ — «огледа̀ло», т. е. зеркало, а въ правой отъ входа, либо въ передней стѣнѣ устроена небольшая ниша, запирающаяся въ родѣ шкафчика; это — кіотъ, гдѣ хранятся фамильные, наслѣдственные образа, и непремѣнно образъ того святаго угодника, покровительству котораго хозяинъ поручилъ свою семейную жизнь, при вступленіи въ бракъ; и каждый болгаринъ непремѣнно празднуетъ день этого *своего* святаго, служитъ ему молебенъ у себя въ дому и дѣлаетъ пожертвованія на церковь, на школу, на народное дѣло, на бѣдныхъ и убогихъ, призрѣваемыхъ его приходомъ. Въ этихъ же кіотахъ у большей части болгаръ запрятаны и портреты Государя Императора, или покойнаго Государя Николая Павловича — «нашего истиннаго царя, его же чаемъ и ему же служить желаемъ», какъ объясняютъ болгары.

— Ужъ будто ли такъ? спросилъ я однажды по этому поводу моего хозяина, который довольно порядочно изъясняется по русски и вообще человѣкъ весьма не глупый.

— Не сомнѣвайтесь; непремѣнно такъ! подтвердилъ онъ: — и знаете ли почему? Потому что если намъ нельзя быть самими собою, самостоятельнымъ и сильнымъ царствомъ болгарскимъ, какимъ оно было при царѣ Симеонѣ, то лучше же быть подъ рукою русскаго православнаго царя, чѣмъ подъ рукою султана, или — не дай того Боже! — швабо-мадьяра.

— Но отчего же, спросилъ я: — во многихъ домахъ мнѣ приходилось встрѣчать портретъ Франца-Іосифа? Стало быть, боязнь швабскаго владычества если и существуетъ, то далеко не во всѣхъ?

Мой хозяинъ только ухмыльнулся на это.

— Портреты-то есть, это правда, сказалъ онъ: — но замѣтили ли вы вотъ что: гдѣ виситъ портретъ императора австрійскаго, тамъ непремѣнно открыто, рядомъ же съ нимъ, повѣшенъ и портретъ Императора Всероссійскаго, тамъ же не рѣдко вы встрѣтите и Вильгельма, и Викторію, и Георга греческаго, и Наполеона, и кого угодно. Почему это такъ? Въ этомъ-то

и задача! Не даромъ насъ, болгаръ, хитрыми называютъ! Это все единственно для того, чтобы имѣть законный предлогъ выставить въявѣ изображеніе вашего и нашего царя, ибо, повторяю вамъ, мы втайнѣ привыкли почитать его *нашимъ*. Нагрянутъ вдругъ заптіи, а то и самъ каймакамъ, по какому-либо дѣлу, увидятъ они у меня портретъ русскаго Императора — вотъ я и пропалъ! Сейчасъ обвиненіе въ политической неблагонадежности, арестъ, вымогательства, бакшиши — и не дай ты Боже! А увидятъ его у меня рядомъ съ Францомъ-Іосифомъ, — и ничего сказать не возможно: всѣхъ, молъ, равно обожаю! И вы обратите вниманіе: гдѣ не выставлено изображеніе Царя Александра, тамъ вы навѣрное не найдете ни Франца-Іосифа, ни султана, ни кого-либо прочаго; въ этихъ семействахъ, значитъ, царь Никола или царь Александръ запрятанъ подъ образа, въ кіотъ, и только изрѣдка показывается матерью дѣтямъ: «смотрите, вотъ нашъ истинный, законный, православный царь болгарскій, вотъ каковъ онъ!... Смотрите и знайте его, да не пробалтайтесь малымъ турчатамъ, и никому не болтайте!»... Да, господине, такъ-то и мнѣ самому нѣкогда моя мать говорила, такъ и я до нынѣ говорилъ своему сыну. Царь — это знамя, символъ, это вѣковое, готовое понятіе. Мой мальчишка изъ житейскаго обихода, изъ самой жизни знаетъ, что царь есть, существуетъ, что безъ царя нельзя; только то горе, что надъ болгарами царь теперь злой, иновѣрный, султаномъ называется; а есть тамъ гдѣ-то на сѣверѣ другой царь — православный, во истину законный владыка, который придетъ и отвоюетъ болгарскій народъ изъ-подъ ига. И въ это каждый болгаринъ долженъ вѣрить, знать и чаять этого, и для того молиться, учиться, работать, пока его родина не станетъ свободною. Это тотъ же символъ вѣры. Такъ-то, господине!

Та же идея о прошломъ величіи родины, о ея порабощеніи, о чаяніи ея свободы проходитъ и во многихъ картинкахъ, украшающихъ стѣны домовъ болгарскихъ. Это все, почти исключительно, довольно плохія литографіи, съ подписями, въ родѣ слѣдующей: «Царь Симеонъ влазя въ Царьградъ», или: «Царь Симеонъ излазя изъ Цареграда»; но одна изъ подобныхъ картинокъ, наиболѣе распространенная, заслуживаетъ подробнаго описанія, какъ чуть ли не самая характерная.

Называется она, какъ гласитъ подпись, — «*Блъгарія*», и раздѣляется на четыре клѣтки. Въ первой клѣткѣ изображена царица въ коронѣ и порфирѣ, съ крестомъ и пальмовою вѣтвью въ правой и со щитомъ въ лѣвой рукѣ. На щитѣ изображенъ левъ, стоящій на дыбахъ, и во львѣ надпись: «*крѣпитель Блъгаріи*». Надпись надъ картиною, подъ словомъ «*Блъгарія*»: «Виждь исторію Раичъ, ч. I, стр. 97 и т. д. и исторію г. Раковскаго и Зонаръ, т. 2, стр. 78». Надпись надъ первою клѣткою: «Свѣтъ тьма отлагаетъ» и подъ клѣткою: «Блъгарія отъ 5 до 14$^1/_2$ вѣкъ, — превозходна же отъ 8 до 13 — всѣмъ блъгаромъ и грькомъ державна». Во второй клѣткѣ изображены два обнаженные турка надъ поверженною на собственный щитъ женщиной — Болгаріей; мечь и копье ея попраны турками, корона во прахѣ; одинъ турокъ замахнулся на нее палицей и хочетъ размозжить ей голову, а другой тянетъ цѣпь, охватывающую горло Болгаріи; за этимъ послѣднимъ туркомъ видны двѣ фигуры: священникъ, въ коемъ написано «*духовна властъ*» и гражданинъ, въ коемъ «*цивилна властъ*»; общая подпись подъ этою клѣткой: «Ахъ! храбри славянски синове! Гдѣ сте? да видите, бѣдна мати коль угнетенна, немилостивно побіенна, побіенна отъ народъ, отъ народъ съ нравіе звѣрско (Гласъ 14$^1/_2$ вѣкъ)». Въ третьей клѣткѣ: женщина, драпированная вокругъ пояса порфирой, съ цѣпью, охватывающею шею, грудь и ноги, прикована къ сухому дереву; подлѣ нея на землѣ болгарскій щитъ и корона, надъ которою надпись: «*кроня дололежащая*». Подпись подъ клѣткой: «Ахъ! жалостна мати! тежко мене връзана, слези проливающе, отъ двѣ очи сущи двѣ бистри рѣки, а претежко синовіемъ безъ мати! (16, 17, 18, 19 вѣкъ)». Въ четвертой клѣткѣ: женщина, тоже драпированная порфирой и окованная цѣпями, обращаетъ лицо къ нѣсколькимъ одѣтымъ въ европейскій костюмъ господамъ, съ горбатыми носами, и указываетъ имъ рукою на замокъ съ высокою башнею, на скалѣ стоящій. Надпись надъ клѣткой: «Виждь гюлханскій-тъ хатихума-юнъ 1856, $^6/_{18}$ февр.» и подпись внизу картинки: «О ты, народе! погледай тамо на ѻны стари дворови; тамо ся прадѣди обитавали, старообракована мати свидючи, свидючи подъ все солнце; чи ви есте потомци тѣхъ дворовѣ? Ищите си наслѣдство! (Гласъ 19 вѣкъ)».

Вся эта четырехклѣточная картинка отличается нѣсколько наивнымъ простодушіемъ, но потому-то именно она и можетъ, съ ея «прежалостными» подписями, дѣйствовать трогательнымъ образомъ на сердце и западать въ душу простаго, непосредственнаго человѣка-болгарина, наглядно напоминая ему славное прошлое, тяжкое настоящее и взывая не безъ укора къ свѣтлому будущему. Изъ остальныхъ литографированныхъ картинокъ, какія очень часто доводится встрѣчать и въ Систовѣ, и въ Румыніи, наиболѣе распространена исторія въ лицахъ Максимиліана, императора мексиканскаго: его пріѣздъ въ Мексику, революція противъ него, арестъ, судъ, послѣдняя ночь Максимиліана и, наконецъ, его разстрѣляніе. Эти послѣднія картинки — вѣнскаго происхожденія и, между прочимъ, указываютъ собою откуда направляется въ послѣдніе годы, даже и въ подобныхъ мелочахъ, торгово-промышленное теченіе въ придунайскія земли. По этому поводу я тоже спросилъ однажды у Вылка Поварджіева: почему это въ Румыніи и въ Болгаріи такое сочувствіе къ австрійскому эрц-герцогу Максимиліану? — «Особеннаго сочувствія нѣтъ никакого, отвѣчалъ онъ, а навезли сюда какъ-то изъ Австріи множество этихъ картинокъ и продавали дешево; кто хотѣлъ украшать свои стѣны, тотъ и покупалъ, за неимѣніемъ другаго; исторія, конечно, очень трогательная, а потому, быть можетъ, швабы и разсчитывали отчасти привлечь ею наше сочувствіе къ Габсбургскому дому».

Въ каждомъ домѣ здѣсь непремѣнно найдется нѣсколько болгарскихъ брошюрокъ и книгъ учебнаго и политическаго содержанія, изданныхъ въ Одессѣ или Бухарестѣ; тутъ можно встрѣтить и сборникъ народной болгарской поэзіи, и историческія сочиненія Раича, Раковскаго, Соловейкова; не рѣдко попадаются и русскія книжки, но выборомъ послѣднихъ руководитъ чистая случайность, — такъ, рядомъ съ какою нибудь рыночною книжонкой вдругъ очутится одинъ изъ разрозненныхъ томовъ Пушкина или Лермонтова; но все-таки въ этомъ видно стремленіе къ ознакомленію съ нашею литературой. Изящныя искусства здѣсь не процвѣтаютъ: въ городѣ нѣтъ ни артистовъ, ни художниковъ, и на все Систово существуетъ только одно фортепіано, выписанное изъ Румыніи для дочери какого-то богатаго купца, учившейся въ какомъ-то бухарест-

скомъ пансіонѣ. Болгарки очень искусныя рукодѣльницы, и этого рода ихъ произведенія не рѣдко отличаются очень изящнымъ и своеобразнымъ вкусомъ, но онѣ не занимаются, подобно барышнямъ обще-цивилизованнаго пошиба, ни рисованіемъ, ни музыкою, хотя очень любятъ пѣніе и поютъ исключительно свои народныя пѣсни. Въ настоящую минуту не только здѣсь, но — говорятъ — и по всей Болгаріи распѣвается и старыми, и малыми слѣдующая пѣсня:

Шумъ и Марѝца окрвавѐнна,
Плáчи вдовѝца люто ранѐнна.
Напредъ да ходѝмъ, вòйницы мѝли,
Дунàвъ да бродимъ съ сѝчки сили!
Маршъ, маршъ съ генерàла нашъ!
Разъ, два, три! Маршъ, войницы̀!

Юнàка дóнскы *) намъ ѐ вòдѝтель,
Съ препóрецъ левски **) вождъ побѣдитель.
Виждте, деспóти, генерала нашъ!
Чуйте — запойми Николаевъ маршъ!
Маршъ, маршъ! съ генерала нашъ!
Разъ, два, три! Маршъ, войницы̀! и т. д.

Эта пѣсня, по ея современному значенію — нѣчто въ родѣ болгарской «Марсельезы», и нашъ лейбъ-казачій оркестръ уже сдѣлалъ изъ нея маршъ, звуки котораго раздаются на Царевицкомъ бивуакѣ, къ особенному удовольствію толпы болгарскихъ слушателей.

Вслѣдствіе правительственныхъ стѣсненій, общественная жизнь и дѣятельность болгаръ не могла имѣть достаточно широкаго круга и развитія; поэтому болгаринъ по неволѣ уходитъ либо въ коммерческое дѣло (преимущественно тамъ, гдѣ существуетъ консульскій надзоръ, съ которымъ турки должны считаться и церемониться), стараясь для этого, какими ни-на-есть судьбами, записаться въ подданство какой нибудь державы, либо замыкается въ свое семейство, всецѣло посвящая ему свои неустанныя, скромныя заботы.

---

*) Донской витязь.

**) Со знаменемъ львинымъ.

Быть можетъ, поэтому семейный бытъ болгаръ замѣчательно строгъ и патріархаленъ: обязанности и отношенія членовъ семьи соблюдаются у нихъ, по степенямъ почтенія, съ неуклонною точностью. Отецъ является безусловнымъ вождемъ и главою семьи; мужъ — точно также глава своей жены, которая считаетъ себя нравственно обязанною исполнять его волю, сообразовать свои желанія и вкусы съ желаніями и вкусами мужа и являться во всемъ его первою, ближайшею помощницею. Между тѣмъ, надъ женою никогда не тяготѣетъ рука суроваго мужа, и здѣсь даже понятія не имѣютъ о томъ, что̀ у насъ извѣстно подъ характерными словами «самодуръ», «самодурство». Напротивъ, отношенія мужа къ женѣ преисполнены тихой мягкости и деликатности, такъ что свое подчиненное положеніе жена несетъ не изъ страха, не изъ боязни кулака, а на основаніи общихъ примѣровъ и глубоко вкоренившагося извѣчнаго обычая, да и самый внутренній складъ, самая натура болгарки не перечитъ этому, и потому-то болгарскія женщины отличаются своимъ цѣломудріемъ и супружескою вѣрностью. Здѣсь скорѣе можно услышать о паденіи дѣвушки, увлекшейся романическою любовью (хотя это и величайшая рѣдкость), но о паденіи замужней женщины — никогда. Балканская и преимущественно болгарская славянщина — чуть ли не единственный уголокъ во всей Европѣ, гдѣ семейная нравственность сохранилась въ такой неприкосновенной чистотѣ, и это потому, что обще-европейская цивилизація еще не успѣла внести сюда своихъ благъ и своего растлѣнія.

Замѣчателенъ тактъ и умѣніе болгарскихъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ держать себя съ посторонними мужчинами. Встрѣчаясь съ чужимъ человѣкомъ гдѣ бы то̀ ни было, въ обществѣ, или на-единѣ, болгарка ведетъ себя совершенно одинаково, просто и довѣрчиво; она радушно протянетъ свою руку, будетъ разговаривать безъ всякаго смущенія или застѣнчивости, какъ съ добрымъ другомъ, съ хорошимъ знакомымъ, но все это такъ, что никому и въ голову не придетъ сказать ей нескромное слово, сдѣлать двусмысленный намекъ, а тѣмъ болѣе, какъ говорится, поухаживать за нею. Здѣсь между обоими полами существуетъ то, что̀ всего вѣрнѣе можно назвать *человѣческими* отношеніями, въ хорошемъ,

серьозномъ значеніи этого понятія. И опять-таки, какая поразительная противоположность съ лѣвымъ, румынскимъ берегомъ Дуная! Я уже писалъ однажды, что красота румынскихъ женщинъ, за рѣдкими исключеніями, носитъ на себѣ преимущественно животный оттѣнокъ, безъ всякаго одухотворенія и разумности въ выраженіи глазъ, улыбки и вообще физіономіи. Здѣсь же — совсѣмъ не то. Болгарки стройны, нѣсколько сухощавы, и лица ихъ исполнены смысла и чувства. Не рѣдко въ складѣ ихъ привѣтливой улыбки и въ выраженіи прекрасныхъ глазъ просвѣчиваетъ нѣчто больное, тоскливое, какъ будто глубоко схороненное и сжатое въ душѣ горе. Она говоритъ съ вами, повидимому, весело, мило, непринужденно, но нѣтъ-нѣтъ — и вдругъ проскользнетъ на мгновенье въ глазахъ это щемящее страданіе, словно бы мимолетное воспоминаніе души о чемъ-то роковомъ, ужасномъ. Я увѣренъ, что тотъ, кто порою серьозно вглядывался и наблюдалъ эти лица, будетъ вполнѣ согласенъ со мною.

Не смотря на многовѣковое давленіе магометанства, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого давленія, болгары, городскіе и сельскіе, сохранили въ чистотѣ не только православную вѣру, но и религіозные обычаи своихъ предковъ. Они какъ бы инстинктивно чуютъ, что православная вѣра — это ихъ знамя, камень спасенія, ковчегъ, въ которомъ до дня воскресенія изъ рабства должна сохраниться ихъ народность отъ смѣшенія и поглощенія ея мусульманскимъ началомъ. На сколько на лѣвомъ берегу румынское «общество» пропиталось индиферентизмомъ къ своей православной вѣрѣ, на столько же здѣсь то, что составляетъ «общество», держится за эту вѣру, какъ за самый прочный оплотъ свой.

Старанія г. Цанкова, который изъ патріотическаго усердія, чтобы болгарамъ было полегче жить подъ туркомъ, задумалъ было обратить ихъ въ католичество, имѣли самый ничтожный успѣхъ: нѣсколько «цивилизованныхъ» горожанъ, воспитывавшихся въ Парижѣ или въ Вѣнѣ, да нѣсколько сельскихъ общинъ, которымъ турки за измѣну вѣрѣ отцовъ дозволили построить костелы съ высокими колокольнями и повѣсить на нихъ колокола — вотъ и весь результатъ усилій г. Цанкова. Масса народа осталась совершенно чужда этой затѣѣ и предпочла лучше оставаться подъ невыносимымъ гнетомъ, чѣмъ

покупать себѣ льготы подобною цѣною. Между религіозными обычаями болгаръ самый главный — хожденіе ко святымъ мѣстамъ: въ Іерусалимъ и на Аѳонскую гору. Странникъ, побывавшій въ первомъ изъ этихъ мѣстъ и принесшій о томъ свидѣтельство отъ іерусалимскаго патріарха, получаетъ въ обществѣ почетное имя «*хаджи*», которымъ болгаринъ дорожитъ едва ли не болѣе всякаго титула. Званіе хаджи переходитъ иногда въ потомство и обращается въ прозвище, въ фамилію. Болгары въ особенности чествуютъ праздники: Вознесенія Господня, Успѣнія и Рождества Пресвятой Богородицы и дни святыхъ: Архангела Михаила, Николая Чудотворца, Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянскихъ, Аѳанасія (марта 18-го), Іоанна Крестителя и Іоанна Рыльскаго, св. Димитрія (26-го октября) и въ особенности чтимаго св. Георгія Побѣдоносца. Въ эти дни у болгаръ совершаются въ домахъ молебны, устраиваются столы, дѣлаются пожертвованія на бѣдныхъ и на церковь, болгарки заходятъ къ знакомкамъ и сосѣдкамъ поздравить съ праздникомъ и приносятъ въ даръ другъ дружкѣ пшеничные короваи, медъ, вареные бобы и иныя лакомства, украшенныя, смотря по времени года, либо живыми цвѣтами, либо же пучечками сушеныхъ ароматическихъ травъ. Кромѣ того, каждый изъ ремесленныхъ классовъ имѣетъ своего особаго покровителя изъ числа св. угодниковъ, день котораго они празднуютъ общественными угощеніями; такъ, напримѣръ, врачи и аптекаря — св. Пантелеймона Цѣлителя, изображеніе коего не рѣдко помѣщается и на вывѣскахъ аптекъ, учителя — св. Кирилла и Меѳодія, плотники и бочары — св. Іосифа Обручника и т. п., а въ день св. Ѳедора Тирона каждый молодой болгаринъ непремѣнно наскакиваетъ свою верховую лошадь, считая этого святаго покровителемъ лошадей и думая, что скачка въ этотъ день даетъ лошади крѣпость и здоровье. По окончаніи же полевыхъ работъ, послѣ сбора фруктовъ и винограда, болгары — преимущественно сельчане — устраиваютъ особый праздникъ, называемый «за Боже име». Для этого, священникъ и община назначаютъ день, къ которому каждый изъ хозяевъ жертвуетъ, смотря по состоянію: куръ, барановъ, масло, сыръ и прочее; все это сносится на церковный дворъ. Мужчины варятъ и жарятъ пожертвованную живность, а женщины въ это же са-

мое время занимаются по домамъ приготовленіемъ разныхъ другихъ кушаній, между которыми главное — *«коливо»* — вареная свѣжая пшеница, обливаемая либо медовою сытою, либо топленымъ масломъ, какъ кому по вкусу. Все наготовленное сносится также на церковный дворъ, гдѣ послѣ обѣдни священникъ съ молитвою окропляетъ св. водою яства и питія, а по исполненіи этого, начинается общественный пиръ; раздача бѣднымъ и, главное, священнослужителямъ съ причтомъ, въ пользу которыхъ идутъ также всѣ кожи и перья пожертвованныхъ животныхъ.

Систовскіе болгары очень гостепріимны; это, впрочемъ, общая славянская черта. Наша хозяйка, каждое утро, какъ только мы съ двумя товарищами просыпались, говорила намъ чрезъ затворенную дверь «добыръ день!» и присылала съ деньщикомъ подносъ, на которомъ неизмѣнно красовались три букетика свѣжихъ цвѣтовъ, три стакана чистой холодной воды и столько же хрустальныхъ блюдцевъ съ вареньемъ; каждый разъ варенье было все разное: то молодые грецкіе орѣхи въ меду, то сливы, вишни, розовые лепестки и т. п. Угощеніе турецкимъ кофе, въ миніатюрныхъ чашечкахъ, входило также въ неизбѣжный обиходъ, и притомъ по нѣскольку разъ на день. Вылкъ Поварджіевъ хотѣлъ было, чтобы мы у него каждый день и обѣдали, и ужинали, и для этого измѣнилъ даже свой обычай ѣсть за низенькой масой, приказавъ накрывать столъ въ парадной комнатѣ по европейски. Первые два дня не было никакой возможности отговориться отъ этого, но потомъ мы кое-какъ, разными дипломатическими путями, отдѣлались, не желая стѣснять и вводить въ лишніе расходы своихъ добрыхъ хозяевъ.

Я упомянулъ, что мнѣ довелось быть на болгарской свадьбѣ. Женился одинъ бравый молодой человѣкъ, который, обрадовавшись приходу русскихъ, торопился сыграть свою свадьбу до наступленія Петровскаго поста, съ тѣмъ, чтобы, поживъ немножко съ женою, опредѣлиться въ болгарское ополченіе. Свадьба передъ боемъ, со всѣми его роковыми случайностями, явленіе не совсѣмъ обычное; но тутъ оправданіемъ ея служила сильная взаимная любовь молодыхъ людей. Не идти въ ополченіе такому молодцу стыдно, а пойдешь—быть можетъ, и убьютъ, такъ дай же хоть передъ смертью минуту взаим-

наго счастія! Мои хозяева были въ числѣ почетныхъ гостей, а вмѣстѣ съ ними родители жениха и намъ сдѣлали приглашеніе. Въ свадебныхъ обрядахъ болгаръ есть много своеобразныхъ и въ то же время обще-славянскихъ чертъ. Вылкъ Поварджіевъ съ женою — и даже не столько онъ, сколько его жена — причемъ самъ онъ служилъ переводчикомъ, разсказали мнѣ весь послѣдовательный ходъ этихъ обрядовъ, что я тотчасъ же и записалъ, на свѣжую память.

Молодой, или — какъ здѣсь называютъ — юнакъ-болгаринъ наглядываетъ себѣ невѣсту всегда самъ, но женится на ней не иначе, какъ съ согласія своихъ родителей, причемъ сватовство составляетъ очень тонкую, дипломатическую процедуру и идетъ большею частію чрезъ посредство друзей жениховыхъ отца и матери. Когда родители невѣсты согласны на бракъ, тогда уже въ ихъ домъ открыто и, такъ сказать, официально засылаются сваты, которые, въ заключеніе сговора, условливаются объ имуществѣ и приданомъ, имѣющемъ поступить въ собственность жениха отъ родителей невѣсты. При этомъ сговорѣ иногда присутствуетъ и женихъ, но не иначе, какъ безмолвнымъ зрителемъ и слушателемъ, словно бы его тутъ и нѣтъ. Обычай налагаетъ на него не совсѣмъ-то пріятный искусъ: со дня сговора и до минуты отправленія подъ вѣнецъ онъ не можетъ видѣть свою невѣсту, и обязанъ во все это время задаривать ея родню, а также лично заботиться о подвѣнечномъ нарядѣ своей избранной. Если вѣнчаніе приходится на воскресный день, то въ четвергъ въ домѣ у невѣсты, равно какъ и у жениха (если онъ живетъ съ родителями) собираются дѣвушки просѣевать муку для свадебнаго коровая. Это просѣеваніе совершается сквозь три сита, положенныя одно на другое, причемъ у невѣсты въ верхнее сито кладется обручальное кольцо жениха, а у сего послѣдняго — кольцо невѣсты, и онъ, по окончаніи работы, обязанъ одарить разными бездѣлушками сѣяльщицъ. На слѣдующій день, т. е. въ пятницу, тѣ же дѣвицы вновь собираются у жениха и у невѣсты, чтобы печь свадебные короваи, — обрядъ, во время котораго у жениха играетъ музыка, состоящая изъ двухъ дудокъ или свирелей, узенькой продлинноватой скрыпицы, бубна и особаго инструмента съ двумя дудками, сдѣланнаго, въ родѣ волынки, изъ козьей ко-

жи и называемаго *«гайда»*. Надо, впрочемъ, сознаться, что сочетаніе звуковъ, производимое совокупностью этихъ инструментовъ, далеко не гармонично. Когда жениховы короваи испечены, наибольшій изъ нихъ дѣвицы намазываютъ медомъ и ставятъ его на покрытый салфеткою столъ, въ лучшей горницѣ дома; на короваѣ утверждаютъ стаканъ съ виномъ, куда опускается кольцо невѣсты. Разъ, что это сдѣлано, дѣвицы сплетаются вокругъ стола хороводомъ и начинаютъ плясать *«коло»*, въ родѣ румынскаго *«джока»* и извѣстной нашей малорусской свадебной пляски. По окончаніи «кола», дѣвица-дружка снимаетъ съ коровая стаканъ, вынимаетъ изъ него кольцо и вручаетъ послѣднее жениху, а вино выплескиваетъ на четыре стороны. Весь этотъ обрядъ называется *«медевйкъ»* или *«меденйца»* — отъ меда, которымъ намазывается коровай, — и пока все это происходитъ у жениха, въ домѣ невѣсты ея родные тоже занимаются хлѣбопеченіемъ и приготовленіемъ медевика, но музыка при этомъ отсутствуетъ и самый обрядъ съ кольцомъ и выплескиваніемъ вина не совершается. Впрочемъ, въ городахъ, гдѣ не такъ строго исполняется искусъ разлуки брачущихся до дня вѣнчанія, женихъ, справивъ у себя медевикъ, отправляется, въ сопровожденіи дѣвицъ и музыки, въ домъ невѣсты, гдѣ и совершается описанный выше обрядъ во всѣхъ его подробностяхъ. Наканунѣ свадьбы къ жениху собираются мужчины, приглашенные на свадьбу, и тутъ, въ ихъ присутствіи, совершается бритье бородъ у жениха, посаженнаго отца, шаферовъ и прочихъ почетныхъ лицъ. За тѣмъ, является посаженная мать невѣсты съ подругами послѣдней, для торжественнаго пріема и перенесенія подвѣнечнаго наряда и прочихъ вещей, назначенныхъ въ подарокъ невѣстѣ и ея родственникамъ. Вещи эти кладутся въ корыта или на подносы; при перенесеніи же ихъ по улицамъ — впереди идетъ музыка, за нею шафера съ подвѣнечнымъ нарядомъ, а по сторонамъ ихъ остальные юнаки съ прочими подарками и, наконецъ, гости и толпа любопытныхъ. Когда эта процессія подходитъ къ цѣли своего шествія, мать выводитъ за ворота невѣсту, окруженную частію остававшихся съ нею подругъ, встрѣчаетъ гостей и приглашаетъ ихъ во дворъ, гдѣ уже приготовленъ столъ, съ разложенными на немъ рукодѣльями невѣсты, предназначенными

въ подарокъ жениху. Вокругъ этого стола составляется «коло» изъ юнаковъ и дѣвушекъ, а шафера въ это время чествуютъ гостей виномъ, послѣ чего процессія тѣмъ же порядкомъ возвращается къ жениху, съ подарками невѣсты.

Въ утро дня, назначеннаго для свадьбы, шафера и юнаки съ музыкою отправляются сначала за посаженнымъ отцомъ, потомъ за посаженною матерью и приводятъ ихъ въ домъ невѣсты, куда вслѣдъ за этимъ является и женихъ. Посаженные родители уже приготовили, по обычаю, цвѣтную шелковую ткань или платки, полагаемые при вѣнчаніи подъ ноги молодыхъ, и полотенце, которымъ они обязаны связать руки брачущихся въ церкви. При этомъ же посаженные родители собираютъ съ родственниковъ той и другой стороны «бакшишъ», въ пользу молодыхъ — какой нибудь пустякъ серебряною, а иногда, смотря по состоянію, и золотою монетою, такъ сказать, молодымъ на разживу. По окончаніи этого сбора, всѣ присутствующіе сопровождаютъ въ церковь жениха съ невѣстою, которые идутъ впереди, взявши другъ друга за руки. Голова невѣсты покрывается при этомъ особымъ уборомъ, изъ массы очень узенькихъ и тонкихъ полосокъ позолоченной и посеребренной латуни. Этотъ уборъ длинными, блестящими нитями ниспадаетъ на плечи, закрывая собою все лицо невѣсты отъ постороннихъ взоровъ. Самый обрядъ вѣнчанія совершается, конечно, какъ и у насъ, съ тою, впрочемъ, особенностью, что когда клиръ запоетъ «Исаія ликуяй» и молодыхъ поведутъ вокругъ аналоя, — на нихъ вдругъ начинаютъ бросать со всѣхъ сторонъ орѣхи, пряники, конфекты и подсолнухи — «чтобы полно и сладко жилося». Ребятишки при этомъ гурьбой, на перерывъ другъ передъ дружкой, бросаются впередъ — подбирать эти лакомства, и тутъ уже идетъ веселый шумъ и гамъ, пока молодые не станутъ опять на свое мѣсто. По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, болгары любятъ сопровождать ихъ шествіе, кромѣ музыки, еще выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ. Но такъ какъ имѣть оружіе имъ вообще запрещено, то на это каждый разъ испрашивалось, разумѣется, за приличный бакшишъ, разрѣшеніе каймакама, и тогда знакомые турки снабжали ихъ на этотъ случай своимъ оружіемъ. Впрочемъ, въ настоящій разъ дѣло обошлось безъ выстрѣловъ, чтобы не произвести ложной тревоги въ войскахъ. Процессія отправляется

въ домъ къ молодому, гдѣ молодые люди изъ числа родственниковъ и близкихъ знакомыхъ новобрачной требуютъ за нее выкупъ съ мужа — самый незначительный, конечно, только для вида. Начинаются общія поздравленія и угощенія; молодыхъ сажаютъ за парадный столъ на первое мѣсто, подъ образами, и при этомъ они должны нѣсколько времени подержать у себя на рукахъ двухъ младенцевъ: молодой — мальчика, молодая — дѣвочку. Передъ обѣдомъ родственники новобрачной удаляются домой, чтобы приготовить сдачу ея приданаго и потому еще, что обѣдать имъ у молодаго въ первый день свадьбы считается не въ обычаѣ. Послѣ обѣда начинаются танцы, для чего всѣ приглашенные молодые люди и дѣвушки выходятъ на дворъ, куда допускаются и посторонніе зрители. Молодая не танцуетъ; она, въ своемъ блестящемъ головномъ уборѣ, откидываемомъ послѣ вѣнца на затылокъ, выходитъ время отъ времени на балконъ или на открытую галлерейку, только для того, чтобы поглядѣть благосклоннымъ окомъ на танцы. Затѣмъ шафера и гости отправляются на короткое время къ отцу новобрачной, за ея приданымъ. Во время выдачи вещей съ рукъ на руки, дѣвушка-сестра или ближайшая родственница молодой (тоже дѣвушка) начинаетъ въ шутку требовать выкупъ и назначаетъ цѣну каждой вещи; шафера торгуются, съ разными веселыми прибаутками, и кончаютъ тѣмъ, что предлагаютъ продавщицѣ взять и ее съ собою. Вечеромъ у молодаго приготовляется большой ужинъ, на который приглашаются и родственники новобрачной, кромѣ ея родителей, и во время стола одна изъ ея старшихъ родственницъ раздаетъ всѣмъ присутствующимъ подарки — платки, утиральники, шарфики и т. п. Каждый, получающій подарокъ, кладетъ на подносъ нѣсколько денегъ — отдариваетъ. Молодые при этомъ не присутствуютъ. По окончаніи ужина, всѣ приглашенные и родственники новобрачной расходятся по домамъ, а посаженные отецъ и мать вводятъ молодыхъ въ брачную спальню. Этимъ и кончаются свадебные обряды. Но нельзя не замѣтить одного предразсудочнаго повѣрья: суббота почему-то считается у болгаръ *мертвымъ днемъ*, и вслѣдствіе этого молодая чета въ ночь подъ первую субботу своей супружеской жизни не ночуетъ у себя дома, а отправляется на ночлегъ къ кому нибудь изъ близкихъ родственни-

ковъ, потому что если первая суббота застанетъ ихъ въ собственномъ домѣ, то они скоро умрутъ *).

Народные обычаи, какъ напримѣръ, святочныя гаданія и коляда подъ хозяйскими окнами — точно такія же, какъ и у насъ. Ужины подъ Рождество, подъ Новый годъ и въ Крещенскій сочельникъ празднуются также, какъ у малороссіянъ, съ кутьею и взваромъ **), но съ тою лишь особенностью, что, садясь за семейный столъ, глава семьи обкуриваетъ ладономъ иконы, кушанья и всѣхъ присутствующихъ. Праздникъ Ивана-Купалы извѣстенъ здѣсь подъ именемъ «Пинеруда» (красная бабочка). Въ этотъ день молодыя сельскія дѣвушки наряжаются въ листья болотныхъ травъ и выходятъ въ поле искать мотыльковъ, распѣвая при этомъ особую обрядовую пѣсню, а къ вечеру дѣлаютъ изъ глины куклу безъ головы и кидаютъ ее въ рѣку, въ воспоминаніе обезглавленія Іоанна Крестителя.

Видѣлъ я здѣсь также и похороны. Однажды сидѣли мы въ саду и вдругъ слышимъ на улицѣ какіе-то странные смѣшанные звуки, — не то вой, не то пѣніе, но очень дикое, нестройное: дѣтскіе голоса крикливо тянутъ одну безконечную ноту, а голоса нѣсколькихъ взрослыхъ людей гнусливо, въ носъ, выводятъ какія-то рулады. Изъ любопытства мы вышли на улицу, смотримъ — похороны. Впереди процессіи несутъ крестъ и рипиды, затѣмъ идутъ пѣвчіе — мальчики и дьячки, потомъ священники въ бѣлыхъ шерстяныхъ ризахъ, съ нашитыми на нихъ черными крестами и каймами, и наконецъ несутъ покойника, окруженнаго толпою родныхъ и знакомыхъ. Здѣсь хоронятъ безъ гробовъ. Умершаго кладутъ на носилки въ родѣ кровати, покрываютъ церковною пеленою и несутъ на кладбище, гдѣ трупъ съ помощью тяжей спускается на доскѣ въ яму. На этотъ разъ хоронили молодую дѣвушку. Она была одѣта въ бѣлое платье и обвита, поверхъ савана, живыми цвѣтами, а на груди ея лежала іерусалимская булла, обыкновенно добываемая у хаджей и возвращаемая имъ послѣ похоронъ. Мы пошли вслѣдъ за процессіею на кладбище.

---

*) Если умираетъ перворожденный ребенокъ, то родители въ день его погребенія тоже не ночуютъ дома, для того чтобы не умирали и другія будущія ихъ дѣти.

**) Похлебка въ родѣ компота изъ сушеныхъ грушъ, сливъ и изюма.

Здѣсь, предъ опусканіемъ тѣла въ могилу, священнику подали сосудъ, наполненный смѣсью вина и деревяннаго масла. Этою жидкостью онъ облилъ крестообразно покойницу и яму. Когда могильщики, въ присутствіи родныхъ и провожавшихъ, закопали ее — священникъ окурилъ могилу ладономъ, а одинъ изъ родственниковъ окропилъ ее краснымъ виномъ и поставилъ въ головахъ жестяной шкафчикъ, похожій съ виду и на часовеньку, и на фонарикъ. Въ этотъ шкафчикъ помѣстили небольшую икону, положили угольевъ, среди которыхъ воткнули восковую свѣчу и посыпали все это ладономъ. Затѣмъ послѣдовала раздача ломтиками пшеничныхъ короваевъ, за упокой души, послѣ чего родные и провожавшіе удалились съ молитвою и общимъ поклономъ могилѣ.

Одно изъ болгарскихъ кладбищъ въ Систовѣ находится на восточной окраинѣ города, рядомъ съ турецкимъ, отъ котораго отдѣляется высокою глинобитною стѣною. Намъ не разъ доводилось слышать и читать о поэтической красотѣ и тихой прелести турецкихъ кладбищъ. Не знаю, какъ будетъ дальше, но то что̀ мы видѣли здѣсь, производитъ самое прозаическое и притомъ безотрадное впечатлѣніе*). Турецкое кладбище занимаетъ собою плоскость въ нѣсколько десятинъ земли, ничѣмъ не огороженной. Надъ могилами вкривь и вкось, во множествѣ торчатъ самые грубые, неотесанные осколки плитняковъ, замѣняющихъ памятники. Ни цвѣтника, ни деревца, ни кустика, ни малѣйшаго украшенія надъ могилами; даже и надписей не видно. Одна лишь голь и запустѣніе повсюду. Но положительно дурно вотъ что: зарывая своихъ мертвецовъ, турки оставляютъ въ могилѣ, надъ головою покойника, небольшое отверстіе, для того, чтобы въ день общаго воскресенія онъ могъ услышать трубу Азраила, а то если не сдѣлать отверстія — гласъ трубный не дойдетъ до слуха усопшаго, который рискуетъ такимъ

*) То же самое рѣшительно повсюду, за исключеніемъ знаменитаго Скутарійскаго кладбища, которое дѣйствительно прелестно своими мраморными мавзолеями и памятниками, въ видѣ стоячихъ плитъ и столбиковъ, увѣнчанныхъ изваянными чалмами, самыхъ разнообразныхъ рисунковъ; но еще болѣе прелестно это кладбище своимъ лѣсомъ высокихъ темныхъ кипарисовъ. Во всѣхъ же вообще городахъ Турціи не малое число мусульманскихъ кладбищъ находится въ самыхъ людныхъ городскихъ центрахъ, около многочисленныхъ мечетей, что̀ еще болѣе распространяетъ заразу въ воздухѣ и безъ того уже грязныхъ, нечистоплотныхъ городишекъ.

образомъ не попасть въ Магометовъ рай и не наслаждаться гуріями пророка. Но до того времени, пока Азраилъ не вострубитъ — турецкія кладбища, благодаря этимъ отдушинамъ, служатъ главнѣйшимъ источникомъ заразы, свирѣпствующей въ Турціи несравненно чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

XXXIX

Занятіе Тырнова

Мѣстоположеніе и достопримѣчательности Тырнова, его политическое, промышленное и стратегическое значеніе. — Встрѣча, оказанная тырновскими жителями Великому Князю Главнокомандующему. — Турецкая депутація. — Задача дѣйствій генералъ-лейтенанта Гурко и силы передоваго отряда. — Біографическія свѣдѣнія о генералѣ Гурко. — Мучительные переходы. — Рекогносцировка Тырнова 25-го іюня. — Перестрѣлка у Каябунарскихъ высотъ и дѣйствія 16-й конной батареи у Тырнова. — Вступленіе генерала Гурко въ городъ. — Радость въ главной квартирѣ, при полученномъ о семъ извѣстіи. — Движеніе главной квартиры къ Тырнову. — Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій генерала Гурко.

Тырново, 6-го іюля.

Главная квартира дѣйствующей арміи въ настоящую минуту находится въ сердцѣ Болгаріи — городѣ Тырновѣ (Трновградъ) — древней столицѣ царей болгарскихъ. Мѣста, гдѣ нѣкогда красовались ихъ дворцы и замки, и до сихъ поръ еще указываются мѣстными жителями-болгарами, сохраняющими о своихъ древнихъ царяхъ и былой независимости самую завѣтную память. Мѣстоположеніе Тырнова, раскинувшагося по скаламъ и склонамъ горъ, среди которыхъ въ отвѣсноутесистыхъ каменистыхъ берегахъ извилисто течетъ быстрая Янтра, представляется однимъ изъ самыхъ прелестныхъ въ мірѣ. Что ни шагъ, то новая, дивная, даже нѣсколько фантастическая панорама. «Охватить глазомъ весь городъ съ одного какого нибудь пункта, говоритъ Каницъ въ своей книгѣ, — рѣшительно невозможно». И это совершенно справедливо; лучшимъ мѣстомъ для общаго взгляда на Тырновъ является вершина одной изъ скалъ, близь естественнаго моста, называемаго Гази-Ферухъ-бей. Этотъ мостъ въ 30 саженъ

длины и столько же, если еще не больше, высоты надъ уровнемъ Янтры, представляетъ собою гигантскую арку, образовавшуюся изъ двухъ скалъ, опрокинувшихся одна на другую. Глянешь внизъ — просто голова кружится. Но тамъ внизу прелестная картина: кудрявые сады, своеобразные домики, зеленоватыя струи рѣки, утесистыя скалы и маленькіе человѣчки, которые снуютъ и копошатся словно муравьи. Мостъ ведетъ къ скалистой горѣ, называемой по турецки «Гисаръ-дагъ» или «Гисаръ-байръ» (замковая гора), а по болгарски «Царевецъ». Вершина ея похожа на конусообразный курганъ и называется «Канъ-тепе», т.-е. гора-колоколъ. По склонамъ Гисаръ-дага лѣпятся среди фруктовыхъ садовъ мазанки исключительно турецкаго населенія, нынѣ почти сплошь покинутыя, а на вершинѣ Канъ-тепе возвышается большая четырехугольная мечеть, съ полукруглымъ куполомъ и высокимъ минаретомъ, извѣстная подъ именемъ «Гисаръ-Джамези» и построенная на мѣстѣ древняго дворца царей болгарскихъ, остатки котораго и до сихъ поръ еще нѣсколько замѣтны, вмѣстѣ съ развалинами древнихъ тырновскихъ укрѣпленій. Въ этой мечети въ послѣднее время находился пороховой складъ, нынѣ захваченный нами. Со ступеней ея портала открывается лучшій видъ на Тырново. Взглянешь на западъ,—тамъ, на дальнемъ планѣ, возвышаются два ряда скалъ, между которыми скрывается тырновское ущелье, гдѣ шумно стремится по камнямъ и плитамъ Янтра, поворачивающая потомъ, сообразно конфигураціи скалъ, на сѣверъ. Въ этомъ ущельи, въ семи верстахъ отъ Тырнова, прислонились къ отвѣснымъ скаламъ, на значительной высотѣ, закутанные въ раскошную зелень, два монастыря — Троицкій и Преображенскій — одинъ по правую, другой, какъ разъ напротивъ, по лѣвую сторону Янтры. Эти монастыри, равно какъ и самое ущелье, по красотѣ общей картины, могутъ привести въ восторгъ человѣка, способнаго чувствовать и понимать красоты природы. Но возвратимся къ Тырнову. Точно также въ западномъ направленіи, но ближе къ зрителю возвышается скала «Орелъ», соединенная довольно пологою сѣдловиной съ высокимъ холмомъ, по южному склону котораго раскинулся амфитеатромъ тѣсно скученный христіанскій кварталъ. Узкія и кривыя улицы его сплошь застроены двухъ и трехъ-этажными домами, преимущественно въ восточ-

номъ стилѣ, т. е. съ галерейками, балконами, фонариками, причемъ верхніе этажи нѣсколько выдаются впередъ одинъ надъ другимъ. Надъ этою массой построекъ, наполненныхъ лавками, ремесленными мастерскими, магазинами, питальницами и страннопріимницами (такъ называются здѣсь трактиры и гостинницы), возвышается полусферическій куполъ Кирилло-Меѳодіевскаго городскаго собора, рядомъ съ которымъ находится домъ тырновскаго епископа. Отъ подножія холма начинается ровная плоскость, занятая вторымъ кварталомъ города, гдѣ живутъ смѣшанно болгары и турки, и гдѣ, въ центрѣ, стоитъ продлинноватое двухэтажное зданіе губернаторскаго конака, въ которомъ теперь помѣщается городской совѣтъ и полиція. Отсюда на востокъ, по направленію къ мосту Гази-Ферухъ-бей, поднимаясь нѣсколько въ гору, раскинулся третій кварталъ, гдѣ большинство населенія было турецкое, а зданія, окруженныя садами, не такъ скучены, какъ въ сосѣднемъ конакскомъ кварталѣ, и по своей архитектурѣ принадлежатъ къ числу лучшихъ въ городѣ. Самый мостъ и гисаръ-баирскій кварталъ уже описаны выше. За конакомъ, по другую сторону Янтры, лѣпясь у ея берега, скучился четвертый кварталъ, преимущественно магометанскій. Надъ нимъ господствуетъ гора, скатъ которой роскошно заросъ фруктовыми деревьями, такъ что представляется взору однимъ сплошнымъ, роскошно кудрявымъ садомъ. Хотя эта гора носитъ названіе «Святой» и на ней стоитъ церковь во имя Пресвятой Богородицы, но турки, въ дни магометанскихъ праздниковъ, запрещали христіанамъ появляться на ней, потому что тѣнистый садъ Святой горы служилъ мѣстомъ прогулокъ для гаремныхъ «ханумларынъ» (госпожъ, барынь). Между этою горою и сѣверо-западнымъ концомъ христіанскаго квартала, отдѣляемая Янтрой, тянется на западъ узкая долина, по которой проходитъ шоссейная дорога на Сельви и Ловчу (по болгарски Севліево и Ловецъ). Въ этой долинѣ, среди садовъ и виноградниковъ, лежитъ тырновское предмѣстье Марино-поле, гдѣ, частію въ домахъ, частію на бивуакѣ, помѣстился штабъ дѣйствующей арміи. Палатка Великаго Князя Главнокомандующаго раскинулась въ одномъ изъ садовъ, подъ старорослыми орѣховыми деревьями. Общее число жителей въ Тырновѣ считается до 40 тысячъ, въ числѣ которыхъ болѣе двухъ третей болгаръ и грековъ. Въ послѣднее время Тырновъ

служилъ мѣстопребываніемъ турецкаго вали (генералъ-губернатора) Болгаріи. Не смотря на отдаленность отъ Дуная, городъ является однимъ изъ самыхъ торговыхъ и интеллигентныхъ центровъ края и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ рынкомъ для сбыта произведеній балканскихъ долинъ, развозимыхъ тырновскими купцами по всѣмъ сосѣднимъ городамъ. Здѣсь въ прежнее время процвѣтала ткацкая промышленность, которая въ послѣдніе годы значительно развилась въ Габровѣ, Травнѣ, Еленѣ и Бебровѣ. Турецкое населеніе Тырнова бѣжало почти поголовно, со всѣми пожитками, за два дня до вступленія русскихъ, и въ этотъ промежутокъ времени нѣсколько оставленныхъ домовъ было раззорено, изъ чувства мести, толпою христіанской чернорабочей молодежи. Аскеры, стоявшіе лагерями, частію на сосѣднихъ вершинахъ, частію въ маринопольской долинѣ, почему-то въ городъ и не заглядывали, и потому никто не попрепятствовалъ разбитію дверей и оконъ. Впрочемъ, весь безпорядокъ только этимъ и ограничился. Пятьдесятъ же турецкихъ семействъ, оставшихся въ Тырновѣ, не были тронуты, и это служитъ доказательствомъ, что если бы и остальное населеніе послѣдовало ихъ благому примѣру, то и никакихъ безпорядковъ не случилось бы. Со вступленіемъ русскихъ, оставленные и въ большинствѣ еще не тронутые турецкіе дома были тотчасъ же ограждены военными караулами. Что касается до стратегическаго значенія Тырнова, то этотъ городъ является важнѣйшимъ ключемъ къ горнымъ проходамъ въ центральныхъ Балканахъ и самъ по себѣ, по своему мѣстоположенію, представляетъ такую несокрушимую твердыню, о которую могли бы разбиться усилія цѣлой арміи. И тѣмъ удивительнѣе, что турки уступили намъ эти важнѣйшія, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніяхъ, позиціи почти — можно сказать — безъ боя. Большинство нашихъ штабныхъ офицеровъ объясняютъ этотъ странный фактъ просто паникою, обуявшею всѣхъ турокъ поголовно еще съ момента нашего перехода за Дунай; но нѣкоторые скептики высказываютъ (впрочемъ, не громко) тревожное сомнѣніе — точно ли все это одна только паника? не кроется ли тутъ скорѣе какая-то особая «штука», стратагема, въ родѣ ловушки, которую желаютъ устроить намъ турки? не заманиваютъ ли они насъ въ глубь страны и даже за Балканы, по нашей же

собственной «скиѳской» системѣ 1812 года? И въ подтвержденіе такихъ сомнѣній, скептики указываютъ, какъ на доказательство, именно на легкость нашей систовской переправы, гдѣ мы дрались со случайно дневавшими тамъ войсками, не потерявъ даже и тысячи человѣкъ, тогда какъ разсчитывали потерять отъ 20-ти до 30-ти тысячъ. Впрочемъ, до сихъ поръ ничто пока не подтверждаетъ подобныхъ сомнѣній, за исключеніемъ развѣ дошедшихъ сюда въ послѣдніе дни, чрезъ «Румынскій Гавасъ», трехъ-четырехъ телеграммъ агентства Вольфа и иныхъ; первая изъ этихъ телеграммъ, сообщенная *изъ Варны, еще 20-го іюня* (2-го іюля), извѣщала, что главная квартира русской арміи предполагаетъ двигаться прямо на Тырново; вторая извѣщала о распоряженіи, послѣдовавшемъ изъ Сераскеріата, чтобы всѣ свободныя части турецкихъ войскъ поспѣшили изъ придунайской Болгаріи за Балканы, на линію Софія-Семенли-Трново (узелъ желѣзныхъ дорогъ Ямболи - Адріанопольской и Адріанополь - Филиппопольской; третья, что Сулейману-пашѣ съ 45-ю батальонами велѣно спѣшить отъ границъ Черногоріи, чрезъ Антивари въ Салоники, для дѣйствій въ забалканской Болгаріи и, наконецъ, четвертая, изъ Константинополя, сообщала, что Абдулъ-Керимъ-паша телеграммою поздравляетъ султана съ тѣмъ, что дѣла идутъ отлично и что русскіе, какъ по нотамъ, разыгриваютъ задуманный имъ стратегическій планъ. Но надъ смысломъ этого послѣдняго извѣщенія у насъ, за исключеніемъ скептиковъ, смѣялись весьма многіе, равно какъ сожалѣли и самихъ скептиковъ за ихъ «неумѣстныя сомнѣнія».

Великій Князь Главнокомандующій прибылъ въ Тырново 30-го іюня, въ началѣ двѣнадцатаго часа дня, и былъ встрѣченъ жителями съ такимъ живымъ восторгомъ, который трудно и даже нельзя передать словами. Понятно будетъ, если сказать, что этой минуты — *зари своего освобожденія* — люди болгарскіе ждали болѣе четырехсотъ лѣтъ и наконецъ дождались! Мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти съ радостными слезами кидались въ объятія каждому встрѣчному—русскому. Духовенство, при въѣздѣ въ городъ, вышло къ Великому Князю на встрѣчу съ крестами и хоругвями; все христіанское населеніе города толпилось тутъ же; русскіе и болгарскіе флаги, украшенные миртовыми и оливковыми вѣтвями, развѣвались

надъ каждымъ христіанскимъ домомъ; болгары зазывали къ себѣ въ дома безразлично всѣхъ русскихъ и радушно предлагали имъ свой кровъ и угощеніе, какое только могли выставить по своимъ средствамъ. И теперь еще званымъ завтракамъ, обѣдамъ, ужинамъ, угощеніямъ и конца нѣтъ... Все населеніе ликуетъ, служитъ молебны, гуляетъ по нашему лагерю, гдѣ раздаются звуки хоровъ военной музыки и русскихъ пѣсень, любуется на русскихъ солдатъ и безвозмездно привозитъ нашимъ лошадямъ овесъ и сѣно. Всѣ христіане носятъ на шапкахъ или на правомъ рукавѣ нашивные бѣлые кресты; равнымъ образомъ, православные осьмиконечные кресты начертаны мѣломъ и на дверяхъ каждаго христіанскаго дома. Короче сказать, здѣсь всѣ, отъ мала до велика, живо почувствовали, что нынѣ пробилъ наконецъ часъ славянской свободы и торжества христіанской вѣры на Балканскомъ полуостровѣ. Поняли это, кажись, и сами турки, приславшіе 1-го іюля къ Великому Князю Главнокомандующему особую депутацію съ выраженіемъ привѣтствія Его Высочеству и полной покорности мусульманскаго населенія русскому правительству. Въ числѣ депутатовъ находились: вице-губернаторъ города Дрянова, первый секретарь мехкеме (судъ по шаріату) города Тырнова, двое почетныхъ тырновскихъ гражданъ (Мехмедъ-эфенди и Али-эфенди) и наконецъ Ахметъ-эфенди, директоръ тырновской таможни. Великій Князь милостиво принялъ эту депутацію, дозволилъ возстановить богослуженіе въ мечетяхъ, далъ обѣщаніе охранять мусульманскіе храмы и поручилъ депутатамъ, какъ довѣреннымъ, избраннымъ лицамъ со стороны самого же населенія — озаботиться о возстановленіи спокойствія между мѣстными мусульманами. Депутаты, въ отвѣтъ на это, заявили еще разъ, что жители въ ихъ лицѣ признаютъ полную покорность и безусловное подчиненіе русскому правительству и всѣ поголовно желаютъ возвратиться на мѣста своего жительства для мирныхъ занятій, что они и не подумали бы покидать своихъ домовъ, если бы только получили своевременно прокламацію Государя Императора, которую успѣлъ здѣсь перехватить мѣстный губернаторъ Саидъ-паша, тотъ самый, что губернаторствовалъ въ Варнѣ до нашего разрыва съ Турціею. Его Высочество указалъ турецкимъ депутатамъ князя Черкасскаго, какъ начальника гражданскаго

управленія края, и депутаты, благоговѣйно прикоснувшись губами къ полѣ одежды Великаго Князя, удалились, видимо ободренные и обрадованные. Результатомъ этого было то, что 3-го іюля въ городѣ уже стало замѣтно на улицахъ появленіе въ значительномъ числѣ возвращающихся жителей, которые и по сей часъ открываютъ свои лавки и ремесленныя заведенія, принимая ихъ «въ сдачу» отъ русскихъ карауловъ и не мало удивляясь при этомъ, что имущество ихъ не подверглось ни малѣйшему разграбленію.

Въ то время, какъ пишутся эти строки, наши передовые отряды уже занимаютъ балканскіе горные проходы, а Тырново на этихъ дняхъ будетъ праздновать прибытіе Государя Императора. Тырновскіе граждане, съ разрѣшенія мѣстныхъ военно-административныхъ властей, уже строятъ и убираютъ дубовыми и цвѣтными гирляндами арки, для встрѣчи Его Величества.

Всѣми этими обстоятельствами, осуществившимися въ столь короткое время, обязаны мы необычайно быстрымъ дѣйствіямъ летучаго отряда генералъ-лейтенанта Гурко. Къ этимъ дѣйствіямъ теперь и переходимъ.

18-го іюня, на третій день по переправѣ у Систова, состоялся приказъ по арміи объ окончательномъ сформированіи особаго передоваго отряда, отданнаго подъ начальство генералъ-лейтенанта Гурко, нарочно вызваннаго незадолго предъ тѣмъ изъ Петербурга. Задача дѣйствій, предстоявшихъ передовому отряду, была изложена въ слѣдующемъ предписаніи:

«Выдвинуться въ направленіи Тырнова и Сельви; освѣтить всю окружающую мѣстность; приготовиться къ дальнѣйшему наступленію. За тѣмъ, когда послѣдуетъ приказаніе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго — двинуться впередъ и стараться овладѣть балканскими проходами. Кавалерію же выслать за Балканы. Подъ прикрытіемъ передоваго отряда будетъ приступлено къ разработкѣ проходовъ черезъ Балканы, для движенія обозовъ и тяжестей».

Боевая сила передоваго отряда состояла изъ $43^1/_2$ эскадроновъ, $10^1/_2$ батальоновъ и 38 орудій, изъ коихъ 18 конныхъ, остальныя же горныя *). Но Кавказскую казачью бригаду съ

---

*) Составъ передоваго отряда былъ слѣдующій:

1) Драгунская бригада, подъ начальствомъ Его Императорскаго Высоче-

шестью орудіями конно-горной батареи, немедленно по переходѣ отряда на болгарскій берегъ, пришлось отрядить вправо, къ сторонѣ Никополя и Плевны, такъ что въ отрядѣ осталось 31½ эскадрона при 32-хъ орудіяхъ. Отрядный штабъ составленъ былъ изъ лицъ штаба бывшей сводной казачьей Кавказской дивизіи, а начальствованіе отрядомъ, до прибытія генерала Гурко, ввѣрено генералъ-маіору Рауху.

21-го іюня, черезъ сутки по окончаніи наводки моста, разорваннаго 18-го числа бурею, кавалерія передоваго отряда и болгарскія дружины переправились на правый берегъ, гдѣ къ нимъ присоединилась 4-я стрѣлковая бригада съ горною пѣшею артиллеріей. 21-го же числа отрядъ двинулся впередъ, на Царевицу, Турску-Сливу, Горный-Студень, Батакъ, Павликаны и Мрадего (оно же и Мурадъ-бей-кіой), освѣщая всю мѣстность, лежащую между Сельви и Тырновымъ. Генералъ Гурко нагналъ свой отрядъ уже на походѣ, въ Батакѣ.

Видная роль, выпавшая на долю этого генерала, обязываетъ сказать о немъ нѣсколько словъ, для ознакомленія какъ

ства, флигель-адъютанта полковника Евгенія Максимиліановича Герцога Лейхтенбергскаго, изъ полковъ: 8-го драгунскаго Астраханскаго и 9-го драгунскаго Казанскаго, съ 16-ю конною батареей (8 эскадроновъ и 6 орудій).

2) Сводная бригада, подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества, свиты Его Величества генералъ-маіора Николая Максимиліановича Герцога Лейхтенбергскаго, изъ полковъ: 9-го гусарскаго Кіевскаго, имени Его Высочества, командира сводной бригады, и 30-го Донскаго казачьяго (полковника Орлова), съ донскою казачьею № 10-го батареей (10 эскадроновъ и сотень, 6 орудій).

3) Донская казачья бригада, подъ начальствомъ полковника Чернозубова, изъ 21-го и 26-го полковъ, съ донскою № 15-го батареей (12 сотень и 6 орудій).

4) Кавказская казачья бригада, подъ начальствомъ полковника Тутолмина: 2-й Кубанскій и Владикавказско-Осетинскій полки, съ донскою конно-горною батареей (12 сотень и 6 орудій).

5) Сводный гвардейскій полуэскадронъ, подъ начальствомъ ротмистра Норда 2-го.

6) Конно-піонерный отрядъ, подъ начальствомъ полковника графа Роникера, сформированный изъ кавказскихъ, донскихъ и уральскихъ казаковъ, заблаговременно подготовленныхъ къ саперному дѣлу въ Журжевѣ.

7) Уральская казачья сотня, подъ начальствомъ сотника Кирилова.

8) 4-я стрѣлковая бригада (4 батальона), болгарское ополченіе (6 дружинъ), двѣ сотни пластуновъ (½ батальона) и вся горная артиллерія (10½ батальоновъ и 14 орудій — за вычетомъ двухъ, потонувшихъ на переправѣ).

съ его личностью, такъ и съ характеромъ его предварительной дѣятельности на военномъ поприщѣ.

Іосифъ Владиміровичъ Гурко, до вызова его въ дѣйствующую армію, командовалъ 2-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею и давно уже былъ лично извѣстенъ Великому Князю Николаю Николаевичу, какъ образцовый кавалеристъ. Въ 1846 году, окончивъ свое образованіе въ пажескомъ корпусѣ, 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ изъ камерпажей былъ выпущенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ, и въ 1856 году, по собственному желанію, перешелъ въ армейскую пѣхоту, собственно для изученія этого рода службы; командовалъ тамъ нѣкоторое время батальономъ и затѣмъ перевелся опять въ лейбъ-гусары, гдѣ и служилъ до 1866 года, когда получилъ въ командованіе сперва 4-й гусарскій Маріупольскій полкъ, а потомъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка. Всей гвардіи, безъ сомнѣнія, и доселѣ еще памятно то, недалекое отъ настоящаго, время, когда конно-гренадеры, подъ начальствомъ генерала Гурко, являлись образцомъ и красою столичныхъ и красносельскихъ парадовъ. И дѣйствительно, во фронтовомъ отношеніи полкъ у генерала Гурко былъ съѣзженъ и, такъ сказать, сколоченъ до послѣдней степени совершенства. Его церемоніальный маршъ, его движенія всѣми родами сомкнутыхъ и разомкнутыхъ частей и колоннъ просто изумляли на смотрахъ и парадахъ своею, можно сказать, геометрическою правильностью, точностью, отчетливостью и блескомъ. Въ 1874 году генералъ Гурко былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, и вслѣдъ за тѣмъ — командующимъ этою же дивизіею. Что касается боевой дѣятельности, то генералъ Гурко, еще въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, участвовалъ въ 1849 году, по случаю укрощенія Венгріи, въ походѣ войскъ гвардіи къ западнымъ предѣламъ нашей Имперіи, а въ 1854 году, по случаю открытія военныхъ дѣйствій съ Англіей, Франціей и Турціей, находился въ составѣ петербургскаго гарнизона, при оборонительныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ для обезпеченія нашихъ береговъ на Балтійскомъ морѣ. Въ 1856 же году онъ находился нѣкоторое время въ Крыму, на бельбекской позиціи, и былъ неоднократно посылаемъ занимать аванпостныя линіи.

Передовому отряду, еще на пути отъ Царевицы къ Тырнову, уже пришлось перенести ужасныя мученія отъ нестерпимаго солнечнаго зноя. Въ особенности мучительно было пѣхотѣ. Уже въ семь часовъ утра, когда людей только что выводили въ походъ съ ночлежнаго бивуака, солнце пекло такъ, что солдаты съ первыхъ же двухъ-трехъ верстъ еле волокли ноги, обливаясь изнурительнымъ потомъ, чему въ особенности помогали суконные мундиры и шапки безъ бѣлыхъ чехловъ. Этотъ костюмъ былъ сочтенъ необходимымъ, въ виду возможныхъ встрѣчь съ непріятелемъ, для котораго бѣлые чехлы и рубахи представляли бы слишкомъ замѣтную цѣль *). Обезсиленные солдаты и офицеры валились безъ чувствъ чуть не на каждомъ шагу; около нихъ хлопотали товарищи, еще не потерявшіе бодрости, обливая ихъ водою. Такимъ образомъ, къ началу вечера, когда отрядъ становился на бивуакъ, батальоны рѣдѣли болѣе чѣмъ на половину. Отсталые, въ ущербъ часамъ отдыха и сна, подтягивались къ своимъ частямъ уже ночью. При томъ же спѣшность движенія заставляла до послѣдней возможности сокращать время приваловъ, такъ что люди иногда должны были, за недостаткомъ времени для обѣда, выворачивать недокипѣвшіе котлы и на ходу питаться только сухарями съ водою, быстро согрѣвавшеюся отъ солнца въ походныхъ флягахъ, не смотря даже на мокрое сукно и тряпицы, которыми фляги были обернуты. Но важность цѣли необходимо вызывала стремительность движенія и по неволѣ заставляла пренебрегать всѣми неудобствами и невзгодами этого похода.

Всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ, получавшіяся генералъ-лейтенантомъ Гурко отъ передовыхъ разъѣздовъ, до 24-го іюня заставляли его предполагать, что городъ Тырново занятъ тур-

*) Впослѣдствіи, и при томъ очень скоро, боевая практика убѣдила, что эти опасенія не могли имѣть серьознаго значенія, и потому наши войска не только совершали походныя движенія, но даже и вступали въ бой въ бѣлыхъ рубахахъ и шапкахъ съ чехлами и назатыльниками. Равнымъ образомъ, тѣ начальники, которые еще во время похода по Румыніи приноровились къ мѣстнымъ условіямъ лѣтняго климата, подымали свои части съ бивуака часу въ двѣнадцатомъ ночи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы успѣть по холодку дойдти часамъ къ 7—8-ми утра на мѣсто слѣдующаго ночлега, для котораго употреблялся весь день и вечеръ. Этотъ послѣдній порядокъ движенія самымъ благотворнымъ образомъ сберегалъ бодрость, силы и здоровье солдата.

ками и что къ западу отъ него, въ окрестностяхъ Сельви, вовсе нѣтъ сколько нибудь значительныхъ силъ противника. Кромѣ того, у генерала были еще свѣдѣнія о томъ, что турки около Тырнова возводятъ укрѣпленія; но всѣ эти свѣдѣнія не имѣли опредѣленнаго характера, потому что сторожевыя партіи баши-бузуковъ препятствовали нашимъ разъѣздамъ проникать до самаго города. Вслѣдствіе этого, а еще болѣе имѣя въ виду важное стратегическое значеніе Тырнова, какъ ключа къ горнымъ балканскимъ проходамъ, генералъ-лейтенантъ Гурко рѣшился произвести 25-го и 26-го числа усиленныя рекогносцировки города Тырнова и его окрестностей *). На 25-е предполагалась рекогносцировка съ западной, а на 26-е— съ восточной стороны города, на что и предназначена была казачья бригада, входившая въ составъ летучаго отряда генерала Гурко.

Для исполненія своего намѣренія, генералъ Гурко направилъ чрезъ селенія Михальцы, Хларъ, Каябунаръ (они же Іоларъ и Карабунаръ) и Бѣлаковцы къ Тырнову слѣдующія кавалерійскія части: гвардейскій сводный полуэскадронъ, 8-й драгунскій Астраханскій, 9-й драгунскій Казанскій полки и 16-ю конную батарею, а казачьей бригадѣ полковника Чернозубова приказано было выслать сильный отрядъ къ западу отъ Тырнова, чтобы поддержать, въ случаѣ надобности, драгунскую бригаду; затѣмъ, 9-й гусарскій Кіевскій полкъ съ двумя орудіями высланъ былъ въ Михальцы, дабы служить ближайшимъ резервомъ всему развѣдочному отряду. Всѣ остальныя войска генерала Гурко въ теченіи 25-го іюня должны были оставаться на своихъ мѣстахъ**), въ ожиданіи результатовъ предпринимаемой рекогносцировки.

Желая лично убѣдиться въ томъ, что дѣлается около Тырнова и управлять дѣйствіями рекогносцировочныхъ частей, генералъ Гурко въ шесть часовъ утра 25-го іюня прибылъ въ

---

*) Рекогносцировка Тырнова 25-го числа была произведена генераломъ Гурко, такъ сказать, на свой страхъ, потому что секретное приказаніе на 25-е число, посланное изъ главной квартиры, предписывало *всѣмъ* передовымъ отрядамъ (т. е. отряду генерала Гурко, Кавказской казачьей бригадѣ и отряду восточнаго фронта) оставаться на своихъ мѣстахъ.

**) Что и согласовалось отчасти съ предписаніемъ на 25-е іюня изъ главной квартиры.

селеніе Мрадего (оно же Мурадъ-бей-кіой), и въ его присутствіи отрядъ двинулся въ назначенныхъ ему направленіяхъ. Около полудня съ вершины большой и скалистой горы, лежащей къ востоку отъ деревни Каябунаръ, замѣчено было на противоположныхъ возвышенностяхъ, окаймляющихъ долину, скопленіе большой массы турецкой конницы. Пока намъ не было извѣстно, какія силы собраны у непріятеля, движеніе отряда нашего по долинѣ представлялось весьма затруднительнымъ и далеко не безопаснымъ, тѣмъ болѣе, что спускъ съ горы оказался крайне тяжелъ, крутъ и вообще неудобенъ. Чтобы заставить непріятеля развернуться и раскрыть свои силы, былъ спущенъ въ долину сначала одинъ только взводъ гвардейскаго своднаго полуэскадрона, шедшаго въ авангардѣ бригады. Взводъ этотъ отправился подъ начальствомъ гвардейской конной артиллеріи штабсъ-капитана Савина; остальныя же части колонны остались на дорогѣ, выдвинувъ на вершину горы два орудія 16-й конной батареи, подъ прикрытіемъ спѣшеннаго 2-го эскадрона казанскихъ драгунъ, на тотъ случай, если бы пришлось оказать помощь гвардейскому взводу. Какъ только этотъ послѣдній былъ замѣченъ турками, они пришли въ движеніе и выдвинули на встрѣчу ему болѣе трехсотъ всадниковъ; но нашъ взводъ, выславъ впередъ наѣздниковъ, смѣло пошелъ на противника усиленными аллюрами; однако же, замѣтивъ вскорѣ слишкомъ несоразмѣрное въ числѣ превосходство непріятеля, желавшаго охватить со всѣхъ сторонъ горсть нашихъ гвардейцевъ, штабсъ-капитанъ Савинъ остановился, отошелъ нѣсколько назадъ, гдѣ мѣстность представляла для него, относительно, удобную позицію, спѣшилъ на ней своихъ кавалеристовъ и завязалъ перестрѣлку, при которой мы потеряли убитыми трехъ коней. Взводъ Савина, очевидно, находился въ крайне критическомъ положеніи, и потому для оказанія ему необходимой поддержки спущены были въ долину, послѣдовательно, другой взводъ гвардейскаго полуэскадрона и два эскадрона драгунъ. Замѣтивъ быстрое движеніе этихъ послѣднихъ частей къ мѣсту боя, турки начали отступать къ Тырнову, и тогда-то мѣткій огонь, открытый съ вершины горы нашимъ конно-артиллерійскимъ взводомъ, заставилъ это отступленіе перейдти въ прямое бѣгство. Всѣ наши кавалерійскія части, находившіяся

въ долинѣ, пустились преслѣдовать противника. Въ это время къ драгунской бригадѣ прибыли три донскія сотни № 26-го полка, съ двумя конными орудіями, и такъ какъ въ данную минуту уже можно было убѣдиться, что у противника, кромѣ бѣжавшей кавалеріи, ничего здѣсь не было, то всѣ остальные драгунскіе эскадроны съ 16-ю конною батареею и двумя сотнями донскаго № 26-го полка, спустились внизъ и двинулись къ Тырнову; на вершинѣ же горы оставалась одна казачья сотня и два орудія для того, чтобы въ случаѣ нужды оказать содѣйствіе обратному движенію бригады.

Въ четвертомъ часу дня наши войска вышли уже на видъ Тырнова. Съ западной стороны ведутъ къ городу два пути: южнѣе — шоссе изъ Сельви, и сѣвернѣе — грунтовая дорога черезъ Хларъ, Каябунаръ и Бѣлаковцы. Сельвинское шоссе проходитъ по дну глубокой долины; грунтовая же дорога идетъ почти сплошь по хребту горъ, которыя подступаютъ къ самому Тырнову и оканчиваются высотою, значительно командующею надъ городомъ, расположеннымъ, какъ уже сказано, по склону высотъ и въ глубокой котловинѣ. Котловина Тырнова какъ съ запада, такъ и съ востока окружена довольно большими высотами, причемъ западный берегъ Янтры выше и скалистѣе восточнаго.

Для подступа къ Тырнову была выбрана сѣверо-западная грунтовая дорога и, подходя къ городу, войска построились въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой линіи два эскадрона драгунъ, прикрытые цѣпью наѣздниковъ; за серединою первой линіи одинъ эскадронъ и, наконецъ, въ нѣкоторомъ разстояніи позади — остальные три эскадрона, 16-я конная батарея и двѣ сотни казаковъ, которые нѣсколько отстали отъ передовыхъ трехъ эскадроновъ. Войска наши уже готовы были вступить въ городъ, какъ вдругъ съ противоположнаго берега рѣки грянули по нимъ артиллерійскіе выстрѣлы. Оказалось, что непріятель, при нашемъ приближеніи, очистивъ городъ, занялъ позицію на правомъ берегу Янтры, и кромѣ того на дорогѣ, ведущей къ Османъ-Базару, замѣчена нами колонна, уходившая отъ Тырнова по направленію къ востоку. Все это было принято за признакъ, что непріятель, слишкомъ заблаговременно заботясь о своемъ самосохраненіи, едва ли въ состояніи будетъ выдержать натискъ нашихъ войскъ.

Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, генералъ Гурко рѣшился обратить свою рекогносцировку въ серьезное наступленіе и немедленно занять городъ. Для исполненія этого намѣренія онъ выдвинулъ конную батарею на позицію и приказалъ спѣшиться четыремъ эскадронамъ драгунъ, которые тотчасъ же двинулись впередъ, прикрывая оба фланга батареи; и въ то же время генералъ приказалъ двумъ орудіямъ и казачьей сотнѣ, остававшимся позади, на вершинѣ горы, что̀ лежитъ восточнѣе Каябунара, также идти впередъ, вслѣдъ за войсками. Выѣздъ нашей батареи на позицію оказался чрезвычайно затруднительнымъ, потому что вся мѣстность покрыта здѣсь виноградниками, перерѣзана рвами и множествомъ каменныхъ стѣнокъ. Вслѣдствіе этихъ неудобствъ, нашей батареѣ пришлось выѣзжать по узенькой дорожкѣ и затѣмъ, свернувъ влѣво, идти колонною, подставляя правый флангъ подъ непріятельскіе выстрѣлы. Турецкая батарея тотчасъ же открыла огонь по нашимъ орудіямъ и, надо отдать ей справедливость, пристрѣлялась весьма скоро, продолжая стрѣльбу по нашей батареѣ во все время движенія этой послѣдней. Но не смотря на эти крайне невыгодныя условія, командиръ батареи подполковникъ Ореусъ лихо вывелъ свои орудія на позицію и открылъ мѣткій огонь, который въ самомъ непродолжительномъ времени заставилъ непріятельскую батарею замолчать, сняться съ позиціи и потянуться по дорогѣ къ Османъ-Базару. Тогда подполковникъ Ореусъ направилъ огонь на турецкую пѣхоту, которая еще прежде этого успѣла открыть учащенную стрѣльбу какъ по спѣшеннымъ драгунамъ, такъ и по самой батареѣ.

Всѣ видимые признаки указывали, что противникъ отступаетъ, и потому всѣмъ нашимъ войскамъ было приказано двинуться впередъ, а казачьей сотнѣ, только что прибывшей съ Каябунарской горы къ отряду, войдти на рысяхъ въ самый городъ, который относительно турокъ находился теперь на правомъ флангѣ ихъ позиціи; поэтому движеніе казачьей сотни, послѣ того какъ она перешла черезъ Янтру, привело ее на флангъ противника и заставило его немедленно же очистить свою позицію и начать весьма поспѣшное отступленіе. Для преслѣдованія его генералъ Гурко тотчасъ же выдвинулъ гвардейскій полуэскадронъ, два эскадрона драгунъ, двѣ ка-

зачьи сотни и два конныя орудія, подъ начальствомъ командира Казанскаго драгунскаго полка, полковника Корево. Перейдя на правый берегъ Янтры, орудія наши открыли огонь по отступавшимъ колоннамъ противника, который послѣ этого въ непродолжительномъ времени обратился въ положительное бѣгство, бросая по дорогѣ свои ружья, патроны и аммуницію. Отступленіе это было столь быстро, что тырновскій гражданскій губернаторъ Саидъ-паша не имѣлъ даже времени дождаться пока ему засѣдлаютъ его лошадь и пѣшкомъ бѣжалъ изъ города по направленію къ Еленѣ.

Тырново было занято сотнею казаковъ, которую провелъ по улицамъ урядникъ Кубанскаго полка князь Церетелевъ, знакомый еще прежде со внутреннимъ расположеніемъ города. Эта сотня заняла между прочимъ и мусульманскій кварталъ, еще не вполнѣ оставленный жителями. Князь Церетелевъ первымъ вошелъ въ ту часть города, указывая путь казачьей сотнѣ.

Нашимъ призомъ этого дня былъ весь турецкій маринопольскій лагерь, въ которомъ мы захватили большіе боевые и продовольственные запасы, много разнаго оружія и одно знамя.

Со стороны турокъ участвовало въ бою пять батальоновъ пѣхоты, принадлежащихъ, судя по мундирамъ, къ низаму, четыреста человѣкъ арнаутской кавалеріи и шесть горныхъ орудій. По окончаніи дѣла, изъ разспросовъ плѣнныхъ оказалось, что къ концу сраженія подошли къ селенію Лесковацъ (въ 15-ти верстахъ отъ города) еще три батальона пѣхоты, присланные изъ Шумлы для подкрѣпленія тырновскаго отряда; но батальоны эти, узнавъ объ отступленіи турокъ изъ-подъ Тырнова, тоже повернули назадъ, не принявъ ни малѣйшаго участія въ дѣлѣ.

Потери наши состоятъ изъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ 16-й конной батареи (изъ коихъ одинъ раненъ тяжело) и убитыхъ пяти лошадей въ той же батареѣ, да трехъ коней въ гвардейскомъ полуэскадронѣ.

Болгарскіе жители Тырнова, чуть ли не всѣ до единаго, даже старцы и немощные, вышли на встрѣчу русскому отряду и съ криками «ура» и «да жіе нашъ Господарь Императоръ Александеръ!» провожали наши войска до городскаго

собора, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Турки однако не могли уйдти изъ Тырнова, не надѣлавъ, по обыкновенію, безчинствъ и звѣрствъ надъ безоружными болгарами, на сколько позволило имъ время. Одинъ случай изъ числа этихъ неистовствъ особенно выдается своею дьявольскою жестокостію. Дѣло въ томъ, что уже во время отступленія турецкаго отряда изъ города—какъ мнѣ передавали—нѣсколько человѣкъ какихъ-то всадниковъ встрѣтили у фонтана беременную болгарку. Всадники остановились попоить коней и двое изъ нихъ заспорили между собою, кѣмъ беременна болгарка — мальчикомъ или дѣвочкою. Состоялось пари и, чтобы рѣшить споръ положительнымъ образомъ, несчастной женщинѣ былъ тутъ же распоротъ ятаганомъ животъ. Вынутый ребенокъ оказался мальчикомъ, и проигравшій пари заплатилъ своему противнику нѣсколько піастровъ, примолвя, что платитъ съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ однимъ болгариномъ будетъ меньше на свѣтѣ. Вся эта возмутительная сцена произошла на глазахъ нѣсколькихъ человѣкъ, застигнутыхъ и окруженныхъ у фонтана всадниками, которые впрочемъ остальнымъ не сдѣлали никакого зла, а только попугали.

Дабы упрочить занятіе Тырнова, генералъ Гурко немедленно же сдѣлалъ распоряженіе о занятіи войсками всѣхъ дорогъ и подступовъ къ городу и о переходѣ въ самый городъ главныхъ силъ отряда, Кіевскаго гусарскаго полка съ четырьмя орудіями и 26-го донскаго казачьяго полка съ конною батареею.

Въ главной квартирѣ, по видимому, никто, за исключеніемъ, конечно, самаго ограниченнаго числа лицъ, посвященныхъ въ стратегическія тайны и планы кампаніи, не могъ и подозрѣвать о возможности такой стремительной быстроты въ ходѣ военныхъ операцій. Корпуса, предназначенные къ дѣйствіямъ противъ Никополя и Рущука *), еще не успѣли окончить своей переправы черезъ Дунай, авангардъ главныхъ силъ русской арміи (8-й корпусъ) еще бивуакировалъ около Систо-

*) 1-го іюля части Рущукскаго отряда, на пути слѣдованія къ мѣсту своего назначенія, находились еще въ с. Павло, т. е. въ 25-ти верстахъ отъ Систова, а 14-я дивизія (авангардъ главныхъ силъ) между селеніями Куцина и Борушъ, не доходя рѣки Россицы, въ двухъ переходахъ отъ Систова.

ва, а передовой летучій отрядъ уже готовился перелетѣть за Балканы. Главная квартира находилась подъ Систовымъ, на бивуакѣ въ Царевицѣ, когда 26-го іюня, около шести часовъ вечера, ординарецъ генерала Гурко, штабсъ-капитанъ Карандѣевъ *) привезъ извѣстіе о счастливомъ занятіи Тырнова. Общее «ура» тотчасъ же огласило садъ, гдѣ была разбита походная палатка Главнокомандующаго; лейбъ-казачья музыка грянула народный гимнъ. Его Высочество распорядился отслужить благодарственный молебенъ, наградилъ штабсъ-капитана Карандѣева орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, и на слѣдующій день (27-го), раннимъ утромъ, выступилъ во главѣ своего штаба изъ Царевицы къ Тырнову, куда и прибылъ, какъ сказано выше, 30-го іюня.

Въ этотъ же самый день (30-го) генералъ Гурко выступилъ изъ Тырнова за Балканы, начертавъ предварительно для своего отряда слѣдующій планъ дѣйствій:

1) Для движенія за Балканы избрать путь, ведущій изъ Тырнова черезъ Присово, Пляково, Войнешти, Райковецъ и Паровцы на Хаинкіой, въ долину Тунджи (путь этотъ ни на какихъ картахъ не обозначенъ) **).

2) Двинуть по этому пути весь отрядъ, кромѣ 30-го донскаго полка и двухъ орудій. Сему послѣднему полку выдвинуть двѣ сотни съ обоими орудіями въ Габрово, для наблюденія за Шипкинскимъ проходомъ, а четыре сотни оставить въ Тырновѣ.

3) Отряду оставить въ Тырновѣ, подъ прикрытіемъ сбор-

---

*) Лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка.

**) Этотъ путь былъ отысканъ и избранъ по слѣдующимъ причинамъ: Вопросъ перехода за Балканы заключался для генерала Гурко, главнѣйшимъ образомъ, въ томъ, чтобы отыскать такой горный проходъ, по которому можно было бы обойдти противника, занимавшаго изъ всѣхъ балканскихъ переваловъ пока только два: Елено-Твердицкій (колесный путь) и Шипкинскій (шоссе изъ Тырнова на Габрово, Шипку и Казанлыкъ). Заботы объ отысканіи прохода были возложены на волонтера—урядника Кубанскаго казачьяго полка, князя Церетелева, который хорошо зналъ мѣстность и языки Балканскаго полуострова, успѣвъ изучить ту и другіе еще въ бытность свою секретаремъ нашего константинопольскаго посольства. Благодаря личнымъ поискамъ князя Церетелева и разспросамъ его у болгарскихъ ополченцевъ и мѣстныхъ жителей, проходъ былъ найденъ. Путь къ нему ведетъ по тѣмъ населеннымъ пунктамъ, которые исчислены въ первомъ параграфѣ плана дѣйствій генерала Гурко.

ной *) команды отъ всѣхъ частей отряда, весь свой колесный обозъ, взявъ съ собой лишь вновь организованный вьючный, въ которомъ имѣть неприкосновенный запасъ: на пять дней сухарей и на три фуража. Запасъ этотъ расходовать лишь въ случаѣ совершенной крайности, продовольствуясь, по возможности, средствами страны.

4) Порядокъ движенія: a) въ авангардѣ — конно-піонерный отрядъ, которому выступить двумя днями раньше главныхъ силъ; b) главныя силы — 4-я стрѣлковая бригада съ горною артиллеріею, двѣ бригады болгарскаго ополченія, двѣ сотни пластуновъ, гвардейскій полуэскадронъ, уральская сотня, драгунская бригада; c) арріергардъ — бригада болгарскаго ополченія и Кіевскій гусарскій полкъ. Арріергарду оставаться въ Тырновѣ до прибытія войскъ 8-го корпуса.

5) По занятіи выхода изъ дефиле въ долину Тунджи у дер. Хаинкіой, двинуться на Казанлыкъ, съ тѣмъ чтобы атаковать Шипкинскій перевалъ съ тыла (т. е. съ южной стороны), причемъ сотня казаковъ 30-го полка, оставленная у Габрова съ двумя орудіями, должна вести въ тотъ же день демонстративную атаку на тотъ же перевалъ съ фронта, т. е. съ его сѣверной стороны. По разсчету, одновременная атака Шипкинскаго перевала съ фронта и тыла должна состояться 5-го іюля.

Предварительныя свѣдѣнія о непріятелѣ, собранныя генераломъ Гурко въ Тырновѣ, заключались въ слѣдующемъ:

Турецкія власти и мусульманское населеніе Тырнова бѣжали къ Шумлѣ. Изъ всѣхъ горныхъ проходовъ, къ которымъ ведутъ пути изъ Тырнова, занятъ войсками только главный перевалъ Шипка **); остальные даже не наблюдаются. До 27-го іюня и на Шипкѣ было только около двухсотъ человѣкъ мустагфиза; 27-го же прибыли туда арабскія войска, около пяти таборовъ, съ горными орудіями и нѣсколько скопищъ башибузуковъ. Турки предполагаютъ поставить въ шипкинскихъ укрѣпленіяхъ крупповскія орудія, но неизвѣстно исполнено ли это. Было лишь свѣдѣніе, что для провоза орудій исправленъ подъемъ на Шипку со стороны Казанлыка.

*) Преимущественно изъ слабосильныхъ людей.

**) Шоссированный еще Митхадомъ-пашей, въ бытность его генералъ-губернаторомъ придунайской Болгаріи; но шоссе теперь въ запущенномъ видѣ.

Съ этими свѣдѣніями генералъ Гурко и двинулся за Балканы 30-го іюня. Главнокомандующій же, съ своей стороны, тотчасъ по прибытіи главной квартиры въ Тырново, принялъ, для облегченія генералу Гурко атаки Шипкинскаго перевала, слѣдующія мѣры:

Командиру 30-го донскаго полка дано приказаніе перейдти съ четырьмя сотнями изъ Тырнова въ Габрово, остальную же сотню выслать вправо отъ Тырнова по ловчинскому шоссе, для очищенія города Сельви (лежащаго на полупути между Тырновымъ и Ловчей) отъ собравшихся тамъ баши-бузуковъ. Вслѣдъ за тѣмъ былъ двинутъ въ Габрово 36-й пѣхотный Орловскій полкъ съ одною батареею, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Дерожинскаго, которому было предписано начать фронтальную атаку Шипкинскаго перевала 5-го іюля.

XL

Занятіе Сельви, Ловчи и Плевны

Отсутствіе мѣръ обезпеченія коммуникаціонной систово-тырновской линіи справа. — Тревожныя вѣсти о скопищахъ турецкихъ силъ у Сельви. — Занятіе Сельви эсауломъ Антоновымъ. — Критическое положеніе Антонова въ Сельви, со 2-го по 4-е іюля. — Первая помощь и отогнаніе противника отъ Сельви. — Вторая помощь. — Задача отряда полковника Жеребкова. — Дѣла 5-го іюля: при Акенджиларѣ, на сельви-ловчинскомъ шоссе и подъ Ловчей. — Занятіе Ловчи и встрѣча, оказанная казакамъ болгарами. — Дальнѣйшая судьба Ловчи. — Занятіе эсауломъ Афанасьевымъ города Плевны, 27-го іюня, и сдача въ плѣнъ двухъ командъ плевненскихъ заптіевъ.

Тырново, 9-го іюля.

Генералъ Гурко ушелъ за Балканы, не успѣвъ предварительно принять мѣръ для обезпеченія Тырнова отъ непріятельскихъ покушеній съ запада, т. е. со стороны Сельви и Ловчи. Впрочемъ, объясненіемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить, во-первыхъ, относительная слабосильность передоваго отряда и, во-вторыхъ, самый фактъ движенія въ Тырново главной квартиры, въ виду чего генералъ Гурко, вѣроятно, имѣлъ всѣ основанія предполагать, что въ строевомъ отдѣлѣ

штаба напередъ уже предприняты всѣ надлежащія мѣры къ самому надежному обезпеченію фланговъ нашей коммуникаціонной систово-тырновской линіи. Еще при началѣ движенія къ Балканамъ, естественно было думать, что будутъ направлены особыя части для занятія Плевны и Ловчи, что̀ необходимо требовалось въ видахъ обезпеченія съ правой стороны коммуникаціонной линіи съ Систовымъ, какъ съ нашимъ пока единственнымъ базисомъ на правомъ берегу Дуная. Выдѣленіе Кавказской казачьей бригады вправо, по видимому, указывало именно на эту цѣль, но во-первыхъ, силы одной бригады были слишкомъ недостаточны, чтобы вполнѣ прикрыть собою такое пространство, а во-вторыхъ, Кавказская бригада 29-го іюня была вытребована подъ Никополь, гдѣ содѣйствіе кавалеріи мотивировалось необходимостью обезпеченія тыла штурмующихъ войскъ отъ покушеній противника со стороны Плевны и Рахова. Въ строевомъ отдѣлѣ штаба, по видимому, не придавали Ловчѣ особеннаго значенія, какъ стратегическому пункту. Это видно отчасти изъ того обстоятельства, что когда 30-го іюня, предъ самымъ вступленіемъ главной квартиры въ Тырново, — къ селу Самоводамъ *), а потомъ и въ самый городъ прибѣжали сельвинскіе болгары съ прискорбнымъ извѣстіемъ, что сильныя партіи черкесовъ и баши-бузуковъ, въ количествѣ до 3,000 человѣкъ, скопляются подъ Сельви, въ 32-хъ верстахъ отъ Тырнова, и уже начинаютъ неистовствовать надъ окрестнымъ христіанскимъ населеніемъ, то штабъ обратилъ на это вниманіе болѣе со стороны гуманной, чѣмъ стратегической. Сначала, на основаніи психическаго вывода, что «у страха глаза велики», казалось, будто болгары преувеличиваютъ силы черкесовъ и баши-бузуковъ, а потому, болѣе для успокоенія этихъ бѣдняковъ, чѣмъ изъ сознанія дѣйствительной опасности, въ Сельви была направлена изъ Тырнова 3-я сотня 30-го донскаго полка, подъ начальствомъ эсаула Антонова. Но такъ какъ изъ состава этой сотни оказалось возможнымъ снарядить только три взвода, то для пополненія ея до комплекта ей былъ приданъ разъѣздъ Владикавказско-Осетинскаго

*) Село Самовода лежитъ у входа въ тырновское ущелье, въ десяти верстахъ, не доѣзжая города.

полка, подъ начальствомъ сотника Верещагина *). Эта сводная сотня выступила изъ Тырнова рано утромъ 2-го іюля и подошла къ Сельви такъ быстро, что непріятель не успѣлъ помѣшать ей занять городъ, въ которомъ эсаулъ Антоновъ захватилъ тринадцать боченковъ пороху и обезоружилъ турецкое населеніе. Вооруживъ отобраннымъ оружіемъ наиболѣе надежныхъ и способныхъ къ защитѣ болгаръ-охотниковъ, учредивъ изъ нихъ городскіе караулы и сторожевые посты по дорогамъ и вручивъ управленіе городомъ совѣту выборныхъ изъ христіанскаго населенія, эсаулъ Антоновъ немедленно же двинулся со своимъ отрядцемъ на рекогносцировку по сельви-ловчинскому шоссе. Подходя къ деревнѣ Кіарджески, онъ наткнулся на скопище иррегулярныхъ силъ противника, въ числѣ болѣе 1,500 человѣкъ, между которыми было пять сотень конныхъ. Непріятель, видя малочисленность нашего отрядца, сталъ наступать и вынудилъ эсаула Антонова къ отступленію въ Сельви. Антоновъ, потерявъ въ перестрѣлкѣ одного урядника тяжело раненымъ и трехъ лошадей убитыми, возвратился въ Сельви и тотчасъ же послалъ въ Габрово, къ генералъ-маіору Дерожинскому записку, гдѣ просилъ прислать ему какъ можно скорѣе какое нибудь подкрѣпленіе, до прибытія коего рѣшился во что бы ни стало держаться въ Сельви. Разсчитывать на подачу помощи изъ Тырнова Антоновъ не могъ, потому что главная квартира и сама-то находилась пока подъ охраною только конвойнаго батальона, да дивизьона лейбъ-казаковъ.

Съ полудня 2-го и до утра 4-го іюля держался Антоновъ въ Сельви, въ виду непріятеля, имѣвшаго надъ нимъ громадный численный перевѣсъ, въ пропорціи, по крайней мѣрѣ, пятнадцати человѣкъ противъ одного. Натиски противника въ особенности были сильны 2-го числа, когда нашимъ казакамъ, съ сотнею вооруженныхъ жителей, пришлось цѣлый день отражать безпрестанныя атаки турокъ. Неизвѣстно,

*) Брата художника В. В. Верещагина. Этотъ разъѣздъ, въ составѣ полусотни, былъ высланъ полковникомъ Тутолминымъ, для связи съ передовымъ отрядомъ генерала Гурко, и прибылъ 30-го іюня въ Тырново, гдѣ уже не засталъ ни отряда, ни его штаба, а нашелъ главную квартиру дѣйствующей арміи, изъ коей и послѣдовало распоряженіе — разъѣзду сотника Верещагина остаться пока въ Тырновѣ, для отдыха.

сколько у непріятеля было раненыхъ, но шестнадцать убитыхъ было имъ оставлено на мѣстѣ; у казаковъ же, не считая болгаръ, благодаря природнымъ и мѣстнымъ закрытіямъ, раненъ только одинъ.

Въ восемь часовъ утра 4-го іюля пришла наконецъ подмога изъ Габрова: генералъ Дерожинскій прислалъ Антонову 6-ю сотню 30-го полка, подъ командою эсаула Афанасьева, и едва успѣла эта сотня немного передохнуть послѣ тяжелаго усиленнаго перехода, какъ къ десяти часамъ утра непріятель въ томъ же количествѣ (1,500 чел.) повелъ новую атаку на Сельви. Но теперь казаки уже сами пошли къ нему на встрѣчу. Турецкая цѣпь встрѣтила ихъ огнемъ. Тогда казаки спѣшились и завязали перестрѣлку, продолжавшуюся до четырехъ часовъ по полудни. Въ это время имъ показалось, что непріятель начинаетъ ослабѣвать. Не теряя минуты, они тотчасъ же сѣли на коней и двинулись въ атаку на правый флангъ непріятельской пѣхоты, обративъ ее въ бѣгство. Во время этой атаки, конные черкесы начали было обходить лѣвый флангъ казаковъ, чтобы ударить имъ въ тылъ, но поручикъ Красовскій [1]) успѣлъ замѣтить во-время это движеніе и, при помощи подоспѣвшихъ владикавказцевъ, отбросилъ черкесовъ съ большимъ урономъ. Непріятель удалился къ деревнѣ Акинджиларъ, оставивъ на мѣстѣ до 70-ти тѣлъ, но захвативъ съ собою своихъ раненыхъ. У насъ убитъ одинъ казакъ и раненъ ятаганомъ въ лицо эсаулъ Афанасьевъ; кромѣ того убито пять лошадей.

Наконецъ, 5-го іюля утромъ, подошло къ Сельви еще новое подкрѣпленіе, присланное изъ Тырнова. Получивъ свѣдѣніе, что эсаулу Антонову угрожаетъ серьезная опасность, Великій Князь Главнокомандующій приказалъ снарядить небольшой отрядъ, составленный изъ 2-го эскадрона лейбъ-казаковъ [2]), одной сотни 23-го донскаго полка [3]) и взвода 6-й донской батареи [4]), подъ общимъ начальствомъ командующаго

---

[1]) Елисаветградскаго гусарскаго полка, прикомандированный къ 30-му донскому полку.

[2]) Командиръ штабсъ-ротмистръ Муратовъ.

[3]) Сотенный командиръ сотникъ Лавровъ.

[4]) Входившей въ составъ 13-й кавалерійской дивизіи. Взводъ (два орудія) находился подъ командою эсаула Луизова.

лейбъ-гвардіи Казачьимъ Его Величества полкомъ, флигель-адъютанта полковника Жеребкова, которому приказано: отогнать непріятеля отъ Сельви, разбить его, уничтожить, очистить всю мѣстность до самой Ловчи и стараться войдти въ связь съ полковникомъ Тутолминымъ *), находящимся по близости Плевны. Къ отряду были приданы генеральнаго штаба полковникъ Паренсовъ (въ качествѣ начальника штаба) и личные адъютанты Главнокомандующаго—полковникъ Орловъ и штабсъ-ротмистръ Мухановъ. Съ разсказа полковника Орлова и нѣкоторыхъ другихъ участниковъ, я имѣю возможность передать нижеслѣдующее:

4-го іюля, въ пять часовъ вечера, отрядъ выступилъ изъ Тырнова по сельвинскому шоссе и, не доходя десяти верстъ до Сельви, около полуночи, остановился на ночлегъ. Хотя и слѣдовало бы съ разу придти на выручку изнемогавшаго эсаула Антонова, но остановка въ столь незначительномъ разстояніи была, какъ говорятъ, вынуждена крайнимъ утомленіемъ лошадей, нуждавшихся въ отдыхѣ и непроглядною темнотою ночи. Поэтому начальникъ отряда послалъ извѣстить Антонова о своемъ приближеніи, а на слѣдующій день (5-го) въ восемь часовъ утра двинулся къ Сельви, гдѣ присоединилъ къ своему отряду 6-ю сотню (Афанасьева) 30-го полка и, пройдя городъ, построился въ боевой порядокъ **), въ какомъ и слѣдовалъ до встрѣчи съ непріятелемъ, охраняясь передовыми и боковыми разъѣздами.

Обогнувъ Акенджиларскую возвышенность и пройдя деревню Акенджиларъ, лежащую въ семи верстахъ отъ Сельви, отрядъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ на шоссе и по склонамъ горы, въ кустахъ и виноградникахъ. Тогда были выдвинуты впередъ два наши орудія, взявшія прицѣлъ на 500 саженъ, и первая же граната разорвалась въ

*) Командующимъ Кавказскою казачьею бригадою.

**) Въ авангардѣ сотня 30-го полка, за нею 2-й эскадронъ лейбъ-казаковъ съ двумя орудіями и въ арріергардѣ сотня 23-го полка; на случай же встрѣчи съ противникомъ, полковникъ Жеребковъ распредѣлилъ командованіе частями слѣдующимъ образомъ: лѣвый флангъ (сотня 30-го полка) полковникъ Паренсовъ, центръ (сотня 23-го полка) полковникъ Орловъ, правый флангъ (лейбъ-казаки) лейбъ-казачьяго полка полковникъ Мандрыкинъ; общее же командованіе отрядомъ полковникъ Жеребковъ оставилъ за собою. Потомъ, послѣ сшибки за Акенджиларомъ, произошла перемѣна въ расположеніи частей отряда.

самомъ центрѣ расположенія противника. Послѣ нѣсколькихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, полковникъ Жеребковъ приказалъ казакамъ выбить на коняхъ турокъ изъ ихъ позиціи. Но для того, чтобы достичь до противника, надо было сперва проскакать, колонною справа по шести, шаговъ триста по шоссе, потомъ повернуть влѣво, на узкую дорогу, которая вела въ гору, занятую непріятелемъ; здѣсь по необходимости пришлось еще болѣе удлиннить колонну, перестраивая ее на ходу въ строй справа по три, и только достигнувъ середины горы представилась казакамъ возможность раскинуться лавой. При этой атакѣ, болѣе пятидесяти разрубленныхъ и проколотыхъ турецкихъ тѣлъ осталось на мѣстѣ, въ кустарникахъ. Пока шла эта схватка на нашемъ лѣвомъ флангѣ, центральная сотня, вмѣстѣ съ артиллеріею, шла на рысяхъ по шоссе, торопясь обогнуть гору, съ тѣмъ, чтобы принять на себя непріятеля, когда онъ станетъ уходить отъ нашей лѣвофланговой атаки. Узкое шоссе было очень извилисто, что̀ въ значительной степени замедляло движеніе центра, такъ что когда полковникъ Орловъ, обогнувъ гору, поднялся на слѣдующую возвышенность, то увидѣлъ быстро удалявшагося непріятеля уже въ пяти верстахъ разстоянія. Къ этому мѣсту стянулся весь отрядъ. У лейбъ-казаковъ оказался одинъ тяжело раненый рядовой, да у полковника Паренсова ранило выстрѣломъ въ упоръ лошадь. На возвышенности, съ которой открывался широкій видъ на всю окрестность, отрядъ расположился на часовой отдыхъ, въ тѣни небольшой дубовой рощи. Это дѣло было еще первымъ боевымъ крещеніемъ лейбъ-казаковъ, не испытавшихъ доселѣ непріятельскаго огня, и удача перваго опыта поселила въ нихъ нравственную въ себѣ увѣренность. При атакѣ въ особенности отличился корнетъ князь Дедашкеліани, лично изрубившій четырехъ черкесовъ *). Отдыхъ былъ необходимъ, въ особенности лейбъ-казакамъ, потому что ихъ лошадямъ, при охватѣ непріятеля, пришлось проскакать въ гору очень значительное разстояніе, подъ гнетущимъ солнечнымъ зноемъ. Въ половинѣ втораго часа по полудни отрядъ поднялся съ привала и пошелъ далѣе, по дорогѣ въ Ловчу.

*) Награжденъ за это орденомъ св. Анны 3-й степени, съ мечами и бантомъ.

Нѣсколько верстъ безпрепятственнаго пути уже поселили было убѣжденіе, что непріятель не дастъ намъ отпора до самой Ловчи, гдѣ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ болгарами, находились нѣкоторыя части низама. Полковники Мандрыкинъ и Орловъ спокойно ѣхали съ разъѣздомъ впереди авангардной сотни, когда вдругъ, на одномъ изъ изгибовъ шоссейной дороги, надъ ними пролетѣлъ рой пуль турецкаго залпа. Они тотчасъ же дали знать полковнику Жеребкову, который, нѣсколько минутъ спустя, прискакалъ на мѣсто съ двумя орудіями. Дорога впереди шла между двумя лѣсистыми возвышенностями, сильно занятыми непріятелемъ. Линія довольно сплоченнаго турецкаго огня тянулась, на полверсты. Огонь нашей артиллеріи, хорошо пристрѣлявшейся съ первыхъ же выстрѣловъ, продолжался около двадцати минутъ, и въ это время у нея было ранено нѣсколько лошадей и одинъ казакъ-артиллеристъ, оставшійся въ строю до конца боя; у лейбъ-казаковъ тоже ранено и убито нѣсколько коней и одинъ рядовой получилъ весьма серьезную рану.

Найдя, что огонь артиллеріи уже достаточно подготовилъ успѣхъ атаки, полковникъ Жеребковъ приказалъ лейбъ-казакамъ спѣшиться и, раскинувшись цѣпью, наступать на возвышенность, лежавшую противъ нашего лѣваго фланга. Спѣшенная сотня 23-го полка составила правый флангъ, а центръ, оставивъ въ прикрытіи у артилллеріи полусотню 30-го полка, одновременно двинулся на ту же возвышенность съ фронта. Непріятельскій огонь замѣтно усилился, но благодаря Бога—за исключеніемъ нѣсколькихъ лошадей—у насъ никто не былъ раненъ. Изнемогая подъ невыносимою жарою, люди успѣли взобраться на половину склона возвышенности. Видя ихъ крайнее утомленіе, полковникъ Жеребковъ послалъ штабсъ-ротмистра Муханова съ приказаніемъ садиться на коней и атаковать въ пики. Турки не выдержали наскока лейбъ-казаковъ и нестройными толпами, въ безпорядкѣ, стали покидать возвышенность. Казаки увлеклись было преслѣдованіемъ отдѣльныхъ кучъ, но имъ было послано приказаніе не зарываться и стягиваться къ мѣсту расположенія центра отряда.

Когда отрядъ снова былъ собранъ, полковникъ Жеребковъ, что называется, на плечахъ отступающаго непріятеля двинулся къ Ловчѣ. Не доходя этого города по прямой дорогѣ,

какъ оказалось впослѣдствіи, всего только двухъ верстъ, отрядъ опять встрѣтилъ большую гору, покрытую, какъ и всѣ пройденныя возвышенности, лѣскомъ и виноградниками. Дорога шла въ гору, огибая ее съ правой стороны, и здѣсь отрядъ снова былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ ложементовъ. Наши орудія немедленно открыли огонь, но люди, а въ особенности лошади, были уже истомлены до послѣдней возможности. Сознавая необходимость рѣшительно покончить съ непріятелемъ сегодня же, полковникъ Жеребковъ обратился къ своему маленькому отряду съ задушевною просьбой:—«Братцы! говорилъ онъ:—напрягите ваши усилія! Еще не много—какія нибудь двѣ-три версты — и городъ вашъ! Спасибо Главнокомандующаго ожидаетъ васъ. Исполнимъ же до конца Его приказанія, прогонимъ турокъ и завладѣемъ городомъ! Ура!...»

Казаки дружно откликнулись на этотъ призывъ, но задача имъ предстояла не изъ легкихъ. Самый сильный ложементъ былъ занятъ ротою регулярной пѣхоты, на что указывали звуки сигнальныхъ рожковъ, слышавшіеся оттуда, такъ что брать этотъ ложементъ непосредственно съ фронта представлялось почти невозможнымъ. Надо было дѣйствовать обходомъ; поэтому полковникъ Жеребковъ раздѣлилъ лейбъ-казаковъ на два полуэскадрона и приказалъ одному изъ нихъ спѣшиться въ цѣпь противъ праваго фланга непріятельской позиціи, а другому идти на коняхъ въ обходъ того же фланга; сотня 23-го полка должна была взять непріятеля съ его лѣваго фланга, а центръ—послѣ того, какъ лейбъ-казаки сдѣлаютъ обходное движеніе—атаковать возвышенность съ фронта. Въ особенности трудная задача досталась на долю лейбъ-казаковъ. Подъемъ въ гору былъ очень затрудняемъ рыхлою почвой и перепутанными кустами виноградника. Взбираясь на кручу, спѣшенные казаки ползли впередъ, каждый зацѣпивъ себѣ за ногу чумбуръ лошади и въ то же время стрѣляя изъ берданки. Не доходя шаговъ трехсотъ до ложемента, они замѣтили приближеніе своего коннаго полуэскадрона, прошедшаго на утомленныхъ коняхъ пяти-верстное разстояніе обхода. Тутъ спѣшенный полуэскадронъ, вскочивъ въ сѣдло и присоединясь къ товарищамъ, съ крикомъ «ура» бросился на ложементы. Центръ успѣлъ во-время поддержать ихъ и

турки, выбитые изъ окоповъ, быстро отступили съ возвышенности. Орудія наши вынеслись на гребень высоты и открыли хорошій огонь по противнику, удалявшемуся мимо города. Разъѣзды преслѣдовали турокъ до сумерекъ. Съ этой послѣдней высоты открылся великолѣпный видъ на Ловчу, залегшую по берегамъ Осмы въ глубокомъ ущельѣ, между красивыми каменистыми скалами. Шоссе спускалось по горѣ къ самому городу; справа отъ дороги былъ крутой обрывъ, подъ которымъ кучились черепичныя и аспидныя кровли, кудрявились сады, торчали иглы минаретовъ, а еще ниже струилась изумрудно-зеленая Осма. Орудія наши съ прикрытіемъ были оставлены на гребнѣ горы и продолжали поражать турокъ, отступавшихъ къ сѣверо-западу; да и кромѣ того, пушки на этой позиціи были необходимы на случай, если бы турки-горожане вздумали оказать намъ сопротивленіе. Сдѣлавъ это распоряженіе, полковникъ Жеребковъ съ остальною частію своего отряда сталъ спускаться въ городъ. Въ полугорьѣ, на шоссейномъ спускѣ, его встрѣтили ловчинскіе болгары и объявили, что мѣстные турки, забравъ свои пожитки, уже бѣжали изъ Ловчи *).

Окруженный народомъ, Жеребковъ подъ вечеръ вступилъ на городскую площадь, гдѣ болгарское духовенство отслужило благодарственный молебенъ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору. Народъ въ восторгѣ кидался къ казакамъ, цѣловалъ ихъ ноги и руки; отовсюду несли болгары вино и угощенія, бросали изъ оконъ цвѣты, а женщины и дѣвушки подносили нашимъ воинамъ батистовые платки, вышитые по краямъ букетами изъ цвѣтныхъ шелковъ**), прося принять эти подарки на память объ освобожденіи Ловчи и какъ знакъ сочувствія и уваженія болгарокъ къ казачьей удали.

Наша потеря за весь этотъ день, не считая лошадей, ограничилась только тремя ранеными казаками. Полковникъ Жеребковъ тотчасъ же приступилъ къ учрежденію въ го-

---

*) Турки составляютъ 7/10 населенія Ловчи, простирающагося до 10,000 жителей.

**) Этотъ родъ рукодѣлія въ особенности процвѣтаетъ между ловчинскими горожанками.

родѣ временнаго правленія и вооруженной стражи изъ мѣстныхъ болгарскихъ жителей и, оставивъ для защиты Ловчи двѣ армейскія сотни съ двумя орудіями изъ состава своего отряда, возвратился съ лейбъ-казачьимъ эскадрономъ въ Тырново *).

---

*) Не долго, впрочемъ, наслаждались ловчинскіе христіане спокойствіемъ и свободою отъ турецкаго насильства. 11-го іюля, турки, вышедшіе изъ Плевны, повели первую атаку на Ловчу; 12-го іюля казаки ловчинскаго отряда имѣли аванпостныя стычки съ кавалеріей, пытавшейся прорваться къ Ловчѣ для развѣдки нашихъ силъ; 13-го іюля ловчинскій отрядъ выдержалъ дѣло съ турецкою *пѣхотою* на высотѣ Новосела и Сетова *), а 15-го іюля рано утромъ у самой Ловчи появился изъ-подъ Плевны сильный отрядъ турокъ, всѣхъ родовъ оружія, который, наконецъ, и вытѣснилъ изъ города слабый казачій гарнизонъ, не превышавшій четырехъ некомплектныхъ сотень, съ двумя легкими орудіями. Вотъ какимъ образомъ описываютъ очевидцы тѣ ужасы, которые постигли Ловчу, послѣ оставленія ея русскими:

Рѣзня, произведенная турками въ Ловчѣ, можетъ смѣло поспорить съ Варѳоломеевскою ночью. Весь день и всю ночь рѣзали они христіанское населеніе Ловчи, а также жителей селъ Сетова и Новосела, искавшихъ спасенія въ стѣнахъ этого города. Число убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей опредѣлить покуда невозможно, такъ какъ ни одинъ христіанинъ не осмѣливается теперь войдти въ Ловчу, гдѣ насчитывалось болѣе 500 болгарскихъ домовъ, а въ двухъ названныхъ селахъ около 200, такъ что въ этихъ трехъ мѣстахъ жило по крайней мѣрѣ 4,000 христіанъ. Бѣглецовъ же прибыло въ Сельви и Тырново только 300 человѣкъ. Можетъ быть, нѣкоторые бѣглецы укрылись еще въ лѣсахъ, гдѣ имъ придется погибнуть отъ турокъ или голода, такъ какъ они ровно ничего не успѣли захватить съ собою. Съ утонченною жестокостью старались турки воспрепятствовать бѣгству христіанскаго населенія. По разсказамъ бѣглецовъ, въ пятницу 15-го (27) іюля, на ранней зарѣ, раздался въ городѣ крикъ: «турки идутъ!» Въ страшномъ смущеніи выбѣжали жители изъ своихъ домовъ и усмотрѣли, что вдали дѣйствительно показалась турецкая кавалерія (черкесы). Въ Ловчѣ находились только четыре неполныя сотни казаковъ съ двумя орудіями **); казаки неустрашимо встрѣтили врага, чтобы дать жителямъ возможность спастись бѣгствомъ. Жители не замедлили воспользоваться этимъ и бросились изъ города въ страшномъ безпорядкѣ. Отцы и матери взяли своихъ маленькихъ дѣтей на руки и побѣжали изъ Ловчи, не обращая вниманія на то, слѣдуютъ ли за ними остальные родственники. Такимъ образомъ, дѣти во время бѣгства отставали отъ родителей, сестры отъ братьевъ, жены отъ мужей. Нѣкоторые изъ мужчинъ взялись за оружіе, но у большинства не хватило духа послѣдовать этому примѣру. Можетъ статься, что рѣзни удалось бы избѣжать, если бы было организовано правильное сопротивленіе; но такъ какъ у жителей не было на это достаточно смѣлости, то сопротивленіе отдѣльныхъ лицъ могло не задержать, а только ожесточить непріятеля. Въ то время, какъ казаки дрались съ черкесами и прикрывали бѣгство жителей, въ городъ ворвались съ другой стороны

---

*) Эти селенія лежатъ близъ плевно-ловчинскаго шоссе, недалеко отъ Ловчи.

**) Двѣ сотни 23-го, двѣ сотни 30-го донскихъ полковъ и взводъ донской № 6-го батареи, подъ общею командою полковника Бакланова.

За одно уже, здѣсь будетъ кстати разсказать и о занятіи нами Плевны.

25-го іюня, направляясь на рекогносцировку Тырнова, генералъ Гурко направилъ изъ Батака 6-ю сотню 30-го донскаго полка на западъ, для того, чтобы войдти въ связь съ Кавказскою казачьею бригадой. Эсаулъ Афанасьевъ, идя проселочными дорогами и не встрѣчая на своемъ пути Кавказской бригады (стоявшей у села Булгарени), прошелъ цѣликомъ и безъ малѣйшей помѣхи въ самую Плевну, гдѣ узналъ, что городъ занятъ только командою заптіевъ (жандармовъ). Продолжая двигаться къ центру города, онъ, неподалеку отъ конака, встрѣтилъ взводъ заптіевъ, подскочилъ къ нимъ съ каза-

---

баши-бузуки и населеніе было почти окружено еще прежде, чѣмъ успѣло выдти изъ Ловчи. Ярость баши-бузуковъ положительно не знала предѣловъ. Они убивали мужчинъ, женщинъ, и дѣтей пистолетными выстрѣлами, рѣзали ихъ ятаганами, рубили головы, распарывали животы и удовлетворяли не только своей кровожадности, но и своей страсти къ грабежу. Баши-бузуки разрѣзывали поясы съ цѣлью взять оттуда деньги, и если денегъ не оказывалось, то они рубили жителей съ удвоенною яростью. Одинъ школьный учитель бѣжалъ со своимъ ребенкомъ за городъ. Баши-бузуки застрѣлили ребенка, оставивъ отца бѣжать. Несчастный прибылъ теперь въ Тырново, но находится съ горя въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству. Другой болгаринъ видѣлъ, какъ одинъ черкесъ рѣзалъ его сестру. У него хватило мужества застрѣлить черкеса, но дѣвушка уже была мертвая. Въ то время, какъ это происходило въ одной улицѣ, внезапно раздался въ городѣ церковный звонъ. Многіе, успѣвшіе уже выбраться изъ Ловчи и достигшіе открытаго поля, вообразили, что этотъ звонъ означаетъ пораженіе турокъ, изгнаніе ихъ изъ города — и потому поспѣшили вернуться. Эти легковѣрные жестоко поплатились за свое заблужденіе. Баши-бузуки заняли церковь и звонили въ било, съ цѣлью завлечь жителей въ западню. Теперь они, вмѣстѣ съ подоспѣвшими черкесами и пѣхотинцами, начали стрѣлять по бѣгущимъ и изувѣчивать раненыхъ и мертвыхъ. Казаки отступали шагъ за шагомъ, и бѣглецы, прибывшіе въ Тырново, разсказываютъ, что спастись можно было только по дорогѣ, прикрываемой казаками; всякій же, кто избралъ другой путь—попадалъ въ руки безчеловѣчнаго врага. Нѣсколько болгаръ, правда, стрѣляли по преслѣдовавшимъ ихъ туркамъ, но это нисколько не измѣнило положенія несчастныхъ жителей Ловчи. Не малое число послѣднихъ пало подъ ударами турокъ, и бѣжавшіе слышали вопли своихъ несчастныхъ соотчичей, попавшихъ живыми въ руки турецкихъ войскъ. Всякій, кто разговаривалъ лично съ бѣглецами, ни на минуту не усомнится въ истинѣ ихъ разсказовъ. Ни одинъ изъ болгаръ не могъ разсказывать связно; женщины, вспоминая о постигшемъ ихъ несчастіи, падали въ обморокъ, а дѣти плакали. Вообще, это были такія сцены, которыя никогда не изгладятся изъ памяти видѣвшаго ихъ.

Чрезвычайно слабое занятіе Ловчи ждетъ еще своего разъясненія отъ будущей исторіи этой войны. Стратегическая важность Ловчи, какъ крайняго предбалканскаго пункта на правомъ флангѣ занятаго нами района средней Болга-

ками и сталъ требовать, чтобы заптіи положили оружіе, поясняя имъ это требованіе соотвѣтственными движеніями руки сверху внизъ, — и турки безпрекословно покорились. Слѣдуя далѣе по улицамъ, Афанасьевъ встрѣтилъ другой взводъ заптіевъ, точно также добровольно положившихъ оружіе, и узналъ отъ нихъ, при посредствѣ переводчика-болгарина, что неподалеку скрываются нѣсколько сотъ черкесовъ, тоже желающихъ сдаться, но не знающихъ какъ и гдѣ это сдѣлать. Впрочемъ, въ то самое время, какъ Афанасьевъ вступалъ въ Плевну съ ловчинскаго шоссе, нѣсколько десятковъ черкесовъ, находившихся въ городѣ, чуть лишь прослышали о казакахъ, какъ поспѣшили удрать по видской дорогѣ, не приминувъ въ самую послѣднюю минуту сдѣлать нѣсколько грабежей и насилій надъ дѣтьми и женщинами. Не найдя въ ближайшихъ окрестностяхъ Кавказской казачьей бригады, Афанасьевъ направилъ на розыскъ ея въ разныя стороны нѣсколько разъѣздовъ, а самъ остался пока въ Плевнѣ. Одинъ изъ этихъ разъѣздовъ встрѣтился на дорогѣ съ разъѣздомъ кавказцевъ, отъ которыхъ и узналъ, что штабъ Кавказской бригады находится въ Булга-

---

ріи, выступила съ полною очевидностью еще съ походомъ генерала Гурко за Балканы, когда главная квартира очутилась въ Тырновѣ, до прихода 14-й дивизіи, почти безъ всякаго прикрытія не только по сторонамъ, но даже на самомъ мѣстѣ своего пребыванія. Но стратегическое значеніе Ловчи усилилось еще болѣе съ той минуты, какъ обнаружилось 7-го и 8-го іюня присутствіе въ Плевнѣ арміи Османа-паши. Почему съ 6-го по 15-е іюля охрана Ловчи была оставлена на руки только четырехъ казачьихъ сотень? Произошло ли это отъ недостаточности вообще нашихъ боевыхъ силъ за Дунаемъ въ данный періодъ времени? Или же состоявшія при строевомъ отдѣлѣ главной квартиры лица генеральнаго штаба, въ вѣдѣніи которыхъ сосредоточивались всѣ стратегическіе планы и соображенія этой кампаніи, не придавали Ловчѣ никакого особенно важнаго значенія? Или же они, будучи озабочены первою плевненскою катастрофой 8-го іюля, позабыли про Ловчу? — Все это вопросы, разъясненіе которыхъ принадлежитъ будущему. Извѣстно только, что полковникъ Паренсовъ заблаговременно извѣщалъ генерала Левицкаго письмами объ опасности, грозящей Ловчѣ, и, доносся каждый разъ особо о нападеніяхъ на нея турокъ, умолялъ о присылкѣ туда хоть двухъ ротъ Брянскаго полка изъ Сельви. Отказъ, при письмѣ генерала Левицкаго къ полковнику Паренсову, послѣдовалъ 15-го іюля, въ самый день взятія Ловчи турками. Какъ бы то ни было, но чрезвычайная важность Ловчи, какъ для обладанія Тырновымъ и успѣшной обороны Шипки, такъ и для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій противъ Плевны, сказалась тотчасъ же послѣ взятія ея турками, и намъ, чтобы вырвать ее у нихъ вторично, пришлось пожертвовать уже не тремя казаками, а свыше полутора-тысячью человѣкъ, выбывшихъ изъ строя.....

реняхъ. По полученіи этого свѣдѣнія, эсаулъ Афанасьевъ, исполняя данное ему порученіе, направился въ Булгарени, провелъ тамъ на бивуакѣ ночь и утромъ 26-го ушелъ по направленію къ Сельви, для соединенія со своимъ полкомъ, а на слѣдующій день (27-го) отрядъ турецкихъ войскъ, въ числѣ 6,000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія, уже вступилъ въ Плевну.

XLI

Занятіе Шипкинскаго перевала

Планъ двухсторонней атаки Шипкинскаго перевала. — Прибытіе князя Святополкъ-Мирскаго къ габровскому отряду. — Предварительныя распоряженія генералъ-маіора Дерожинскаго. — Распредѣленіе частей габровскаго отряда для атаки Шипки. — Дѣйствія четырехъ колоннъ габровскаго отряда 5-го іюля. — Капитанъ Кліентовъ. — Причины отступленія этихъ колоннъ къ Габрову 6-го іюля. — Наши потери въ дѣлахъ 5-го іюля. — Переходъ генерала Гурко чрезъ Хаинкіойскій перевалъ и дѣла его: 2-го іюля при с. Хаинкіой, 3-го іюля при с. Орезари, 4-го іюля при с. Уфлани и 5-го іюля подъ Казанлыкомъ. — Занятіе Казанлыка. — Атака Шибкинскаго перевала съ южной стороны, 6-го іюля. — Коварство и злоупотребленіе турокъ бѣлымъ флагомъ. — Продѣлка ихъ съ переговорами о сдачѣ и обманный уходъ съ перевала, 7-го іюля. — Генералъ Гурко осматриваетъ вершину перевала. — Движеніе кн. Святополкъ-Мирскаго на перевалъ съ сѣверной стороны, 7-го іюля. — Въ какомъ видѣ нашли мы вершину перевала. — Новыя звѣрства турокъ и письмо о нихъ германскаго военнаго агента. — Сомнѣніе: свои или турки видны въ казанлыкской долинѣ. — Первое «ура» на Шипкѣ. — Приходъ санитаровъ. — Братская могила. — Дальнѣйшія мѣропріятія на перевалѣ.

Деревня Чаушка-Махала, 24-го іюля.

Переходъ генерала Гурко за Балканы и занятіе Шипкинскаго перевала, безспорно, составляютъ одно изъ интереснѣйшихъ событій настоящей войны. Атака Шипкинскаго перевала, по первоначальному предположенію, должна была состояться одновременно съ двухъ противоположныхъ сторонъ: съ сѣвера — отъ города Габрова, и съ юга — отъ города Казанлыка. Въ первомъ пунктѣ долженъ былъ атаковать князь Святополкъ-Мирскій, во второмъ — генералъ Гурко. Поэтому и дѣйствія обоихъ отрядовъ, отъ 4-го по 7-е іюля, направленные къ достиженію одной и той же цѣли, должны быть разсматриваемы совмѣстно.

Начальникъ 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, въ ночь на 5-е іюля прибылъ къ отряду генералъ-маіора Дерожинскаго, расположенному въ Габровѣ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 36-го пѣхотнаго Орловскаго полка, 5-й батареи 9-й артиллерійской бригады, донскаго казачьяго № 30-го полка и двухъ орудій казачьей конной артиллеріи — всего: три батальона, шесть сотень и десять орудій. Князь Святополкъ-Мирскій въ означенное время засталъ слѣдующія распоряженія генерала Дерожинскаго, отчасти приведенныя, отчасти приводимыя уже въ исполненіе: весь Орловскій пѣхотный полкъ, за исключеніемъ двухъ ротъ (1-й и 2-й линейныхъ), стоялъ бивуакомъ по сѣверную сторону Габрова. Двѣ же роты съ одною сотнею казачьяго № 30-го полка еще наканунѣ, 4-го іюля, около полудня, выступили въ Балканы, на перевалъ Бердекъ, подъ начальствомъ маіора Орловскаго полка Бойно-Родзевича. Великій Князь Николай Николаевичъ младшій, исполнявшій при отрядѣ должность офицера генеральнаго штаба, по распоряженію генерала Дерожинскаго, составилъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ офицерами № 30-го донскаго полка, подробное описаніе дорогъ, ведущихъ въ данной мѣстности на балканскіе перевалы, при чемъ озаботился также собрать достаточное число вполнѣ надежныхъ проводниковъ изъ мѣстныхъ болгаръ. Въ то же время адъютантъ Главнокомандующаго, полковникъ Струковъ, успѣлъ организовать въ Габровѣ и его окрестностяхъ гражданское управленіе, собралъ потребное количество вьючныхъ животныхъ для доставки въ горы воды, хлѣба, патроновъ и снарядовъ, озаботился о ежедневномъ заготовленіи хлѣба и продуктовъ, посредствомъ жителей, и учредилъ въ Габровѣ на мѣстныя средства госпиталь для больныхъ и раненыхъ на 200 мѣстъ. Одновременно съ этимъ, другой адъютантъ Главнокомандующаго, капитанъ Ласковскій, собралъ шанцевый инструментъ и рабочихъ для исправленія и расширенія горныхъ дорогъ. Таковы были предварительныя распоряженія генерала Дерожинскаго.

5-го іюля, въ семь часовъ утра, князь Святополкъ-Мирскій направилъ на балканскіе перевалы три колонны войскъ въ слѣдующемъ составѣ: *правая*, изъ четырехъ ротъ 3-го батальона Орловскаго полка и четырехъ орудій, подъ началь-

ствомъ подполковника Хоменко, чрезъ деревню Зелено-Древо на перевалъ Иметли, съ тѣмъ чтобы одна изъ этихъ ротъ съ четырьмя орудіями была оставлена на позиціи у Зелена-Древа, для обстрѣливанія турецкаго лагеря, расположеннаго на высотахъ Шипки. *Средняя* колонна, въ составѣ трехъ ротъ 2-го батальона Орловскаго полка, имѣя въ резервѣ у себя одну роту (12-ю) 3-го батальона, подъ личнымъ начальствомъ князя Святополкъ-Мирскаго, слѣдовала по весьма дурной горной дорогѣ прямо на высоты Шипки, съ тѣмъ чтобы главнѣйшимъ образомъ привлечь на себя вниманіе противника и тѣмъ самымъ облегчить наступленіе генералу Гурко, который долженъ былъ въ то же время атаковать Шипкинскій перевалъ съ южной стороны. *Лѣвой* колоннѣ, въ составѣ двухъ ротъ (5-й и 8-й линейныхъ), подъ начальствомъ капитана Кліентова, предстояло подняться восточнѣе средней колонны, по такъ называемой «лѣсной дорогѣ», и выдти на перевалъ близь Шипки. Кромѣ того, князь Мирскій, находя отрядъ маіора Бойно-Родзевича, отправленный еще наканунѣ на Бердекъ, слишкомъ удаленнымъ отъ общихъ силъ всѣхъ трехъ колоннъ, послалъ въ подкрѣпленіе къ нему (въ семь часовъ утра 5-го іюля) 1-ю стрѣлковую роту, два орудія и двѣ сотни казаковъ, подъ командою командира донскаго казачьяго № 30-го полка, полковника Орлова. Въ общемъ же резервѣ, при обозѣ въ Габровѣ, оставлено было двѣ роты (3-я и 4-я линейныя).

За часъ до общаго выступленія получено было изъ колонны маіора Бойно-Родзевича, при которой состоялъ генеральнаго штаба капитанъ Андріяновъ, донесеніе отъ сего послѣдняго, что колонна въ семь часовъ вечера 4-го іюля дошла до непріятельскаго редута, но за утомленіемъ людей отложила атаку онаго до трехъ часовъ утра слѣдующаго дня.

Ровно въ семь часовъ утра 5-го іюля всѣ означенныя части, подъ общимъ начальствованіемъ князя Святополкъ-Мирскаго, выступили изъ Габрова по назначеннымъ для нихъ дорогамъ.

Правая колонна достигла къ полудню деревни Зелено-Древо и, оставивъ здѣсь на позиціи всѣ четыре орудія съ ротою прикрытія, продолжала свой маршъ на перевалъ Иметли, куда и пришла безпрепятственно въ семь часовъ вечера, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля. *Средняя* колонна, въ девять часовъ

утра, остановилась на привалѣ, гдѣ черезъ часъ было получено донесеніе маіора Бойно-Родзевича, что «послѣ часовой ружейной и штыковой работы редутъ непріятельскій взятъ, но необходимо прислать подкрѣпленіе». Вслѣдствіе этого князь Мирскій направилъ къ нему изъ габровскаго резерва 4-ю линейную роту. Къ полудню, оставивъ на мѣстѣ привала 12-ю линейную роту, въ качествѣ резерва, средняя колонна двинулась впередъ, имѣя 2-ю стрѣлковую роту въ первой линіи, а 6-ю и 7-ю линейныя во второй. Подъемъ на крутизны былъ чрезвычайно утомителенъ; 2-я стрѣлковая рота, при которой слѣдовалъ начальникъ штаба 9-й пѣхотной дивизіи, полковникъ Эллерсъ, взобралась на высоту, гдѣ находится первая турецкая караулка, въ два часа дня. Высота эта оказалась не занятою противникомъ. Едва рота успѣла устроиться и отдохнуть минутъ двадцать, какъ полковникъ Струковъ, шедшій все время въ гору впереди съ казачьимъ разъѣздомъ, привезъ полковнику Эллерсу свѣдѣніе, что непріятель спускается съ высотъ по шоссейной дорогѣ. Тогда Эллерсъ повелъ 2-ю стрѣлковую роту занять соотвѣтствующую позицію, а 6-я и 7-я роты были придвинуты и остановлены за покатостью высоты, занятой нашими стрѣлками. Распоряженіе это послѣдовало въ половинѣ третьяго часа дня. Между тѣмъ люди были крайне утомлены отъ чрезмѣрно тягостнаго подъема и требовали отдыха.

Около трехъ часовъ по полудни князь Мирскій прибылъ на мѣстность, занятую 2-ю стрѣлковою ротою, съ цѣлью разсмотрѣть расположеніе непріятельскихъ силъ и укрѣпленій. Но едва показался онъ на позиціи, какъ со стороны турокъ одновременно открытъ былъ огонь залпомъ четырехъ пѣхотныхъ ротъ, расположенныхъ въ два яруса по траншеямъ, а на правомъ флангѣ траншей даны были залпы изъ ближайшаго блокгауза и редута, не вооруженнаго, впрочемъ, орудіями. За первымъ залпомъ послѣдовалъ второй, но безъ должной выдержки, который и перешелъ съ ряду въ сильный перекрестный огонь изъ-за закрытій. 2-я стрѣлковая рота въ отвѣтъ на это немедленно стала стрѣлять, а между тѣмъ 6-я и 7-я роты, по распоряженію князя Мирскаго, тоже были введены въ дѣло, для усиленія нашего огня; 12-я же рота придвинута изъ резерва ближе къ боевой линіи. Огонь былъ очень си-

ленъ, такъ что у насъ немедленно же стали выбывать изъ фронта убитые и раненые. Около этого же времени на мѣсто боя донесся гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, раздававшихся за турецкимъ лагеремъ изъ дальняго редута противника. Князь Мирскій думалъ-было съ полною увѣренностью, что это атака генерала Гурко съ юга, изъ-за горнаго хребта, но впослѣдствіи обнаружилось, что то былъ огонь турокъ противъ колонны (лѣвой) капитана Кліентова. Дѣйствіе нашихъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій съ позиціи у деревни Зелено-Древо оказалось почти безвреднымъ для противника, за дальностію трехверстнаго разстоянія, а чрезъ это турецкіе стрѣлки, постоянно получая подкрѣпленія изъ своего лагеря, имѣли возможность поддерживать всю силу собственнаго огня до шести часовъ по полудни. Пальба прекратилась въ семь часовъ вечера, причемъ войска обѣихъ сторонъ остались на своихъ позиціяхъ, а въ половинѣ девятаго часа князь Мирскій получилъ донесеніе изъ лѣвой колонны отъ капитана Кліентова.

Изъ донесенія этого оказалось, что проводникъ провелъ *лѣвую колонну* не по «лѣсной дорогѣ», а совсѣмъ инымъ путемъ, который и вывелъ изъ лѣсу отрядъ Кліентова, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, прямо на огонь двухъ турецкихъ лагерей близь Шипкинскаго перевала. Въ виду этой неожиданности, бывшей слѣдствіемъ ошибки проводника, авангардъ 8-й роты тотчасъ же бросился въ цѣпь и мѣткимъ огнемъ далъ возможность 5-й и 8-й ротамъ по одиночкѣ горною тропинкою вытянуться изъ лѣсу и принять участіе въ жаркой перестрѣлкѣ. Бой начался въ два и длился до шести часовъ вечера. Капитанъ Кліентовъ былъ уже раненъ тремя пулями. Люди его роты хотѣли было вынести его изъ сферы выстрѣловъ, но онъ остановилъ ихъ. «Братцы, прошу васъ, оставьте меня; я хочу умереть съ вами», сказалъ онъ своимъ солдатамъ и все время оставался на позиціи. Прапорщикъ Фіалковскій, тоже будучи раненъ, до конца не оставилъ фронта и былъ единственнымъ помощникомъ командиру 8-й роты, поручику Орлову. Наконецъ, видя безъисходность дальнѣйшаго пребыванія на позиціи, окруженной съ трехъ сторонъ несравненно сильнѣйшимъ непріятелемъ, и понеся уже значительный уронъ, изнемогающій отъ ранъ Кліентовъ въ четыре часа дня приказалъ начинать отступленіе, которое прикрывалъ поручикъ

Орловъ съ однимъ взводомъ своей роты и неоднократно съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ отражалъ непріятеля, бросавшагося въ штыки на горсть орловцевъ. Это преслѣдованіе съ трехъ сторонъ длилось до шести часовъ вечера. Такимъ образомъ, двѣ наши роты въ теченіи четырехъ часовъ безъ перерыва дрались противъ двѣнадцати ротъ и шести орудій противника. Много было положено нашихъ, но ни одинъ изъ оставшихся въ живыхъ не упалъ духомъ.

Крайняя лѣвая колонна, подъ начальствомъ маіора Бойно-Родзевича, на разсвѣтѣ, въ три часа утра 5-го іюля, подошла къ турецкимъ заваламъ на разстояніе около полутораста саженъ и безъ выстрѣла бросилась на штурмъ. Пѣхота работала штыками, а казаки прикладами, и послѣ колебаній одночасоваго, часто переходившаго въ рукопашную боя, опрокинули турокъ и заняли ихъ позицію. Атака эта ведена была съ фронта пятьюдесятью казаками и полутора ротами, а съ фланга однимъ взводомъ пѣхоты и двадцатью донцами, наступавшими по дорогѣ, указанной сотникомъ Галдинымъ. Ударъ съ обѣихъ сторонъ произведенъ былъ одно-мгновенно, въ назначенное время, и трудность этого предпріятія тѣмъ замѣчательнѣе, что подъемъ, по которому пришлось вести атаку, былъ чрезвычайно крутъ, а непріятель, имѣвшій два батальона анатолійскаго редифа, значительно превосходилъ силами отрядъ маіора Бойно-Родзевича. Сотникъ Галдинъ и генеральнаго штаба капитанъ Андріяновъ первыми вскочили въ непріятельскіе ложементы и личнымъ своимъ примѣромъ воодушевили солдатъ, да и вообще всѣ офицеры, схвативъ вмѣсто своихъ полусабель солдатскія ружья и работая штыками, вели свои части на приступъ. Почти каждый изъ нихъ закололъ по нѣскольку турокъ, и это отважное поведеніе офицеровъ было единственною причиною, что укрѣпленная позиція взята съ незначительными для насъ потерями, которыя заключаются въ 10-ти убитыхъ и 38-ми раненыхъ нижнихъ чинахъ. Турокъ же оказалось убитыми болѣе ста человѣкъ, а раненыхъ они забрали съ собою и отступили къ противоположной высотѣ, съ которой продолжали стрѣлять; но вечеромъ 5-го же іюля вдругъ сняли свой лагерь и потянулись къ горѣ св. Николая.

Такимъ образомъ, къ семи часамъ вечера 5-го іюля всѣ колонны исполнили свои задачи, за исключеніемъ колонны

капитана Кліентова, которая должна была отступить въ Габрово и вслѣдствіе того открыть непріятелю «лѣсную дорогу» къ этому пункту. Обстоятельство это представилось тѣмъ болѣе серьезнымъ, что въ Габровѣ у насъ не оставалось уже никакого резерва и прикрытія къ обозамъ, а потому князь Мирскій счелъ необходимымъ дать всѣмъ колоннамъ приказаніе—отойдти 6-го числа утромъ къ Габрову. Потери въ бояхъ 5-го іюля были значительны. Колонна маіора Бойно-Родзевича, поступившая съ 6-го числа подъ команду казачьяго полковника Орлова, какъ уже сказано, потеряла 10 человѣкъ убитыми и 38 человѣкъ нижнихъ чиновъ ранеными. Въ колоннѣ капитана Кліентова убиты: прапорщики Дмитріевъ и Доценко и 63 человѣка нижнихъ чиновъ, ранены: капитанъ Кліентовъ (тяжело), подпоручикъ Фіалковскій, прапорщикъ Ковалевскій и 52 чел. нижнихъ чиновъ. Въ средней колоннѣ убиты 4 чел. нижнихъ чиновъ, ранены: прапорщикъ Закржевскій и 32 чел. нижнихъ чиновъ. Въ правой колоннѣ подполковника Хоменки потерь не было.

Между тѣмъ генералъ Гурко безпрепятственно проникъ за Балканы, чрезъ Хаинкіойскій перевалъ, ни мало не защищенный турками, спустился съ своимъ отрядомъ въ долину рѣки Тунджи и, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ, хотя и незначительныхъ дѣлъ, двинулся 5-го іюля на Казанлыкъ *). Такъ

---

*) Дѣйствія отряда генерала Гурко съ 30-го іюня по 5-е іюля заключались въ слѣдующемъ:

Согласно своему плану (изложенному мною въ письмѣ изъ Тырнова отъ 6-го іюля), генералъ Гурко еще 28-го іюня выслалъ въ Балканы авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, а 30-го іюня выступилъ изъ Тырнова съ главными силами, самъ, пославъ предварительно полковника Чернозубова съ его казаками влѣво, къ мѣстечкамъ Еленѣ и Беброву, посмотрѣть, не приближается ли оттуда непріятель. Полковникъ Чернозубовъ дошелъ до Беброва, обезоружилъ турецкихъ жителей, убѣдился, что въ окрестностяхъ нѣтъ непріятеля и затѣмъ присоединился къ главнымъ силамъ передоваго отряда.

Дивизьонъ конно-піонеровъ, шедшій съ генераломъ Раухомъ значительно впереди отряда, разработывалъ неудобопроходимыя мѣста перевала. Піонеры двигались быстро, проходя на-рысяхъ тамъ, гдѣ была лишь малѣйшая къ тому возможность, потому что задача ихъ была—изслѣдовать и какъ можно скорѣе приготовить дорогу для движенія отряда. Въ числѣ офицеровъ конно-піонернаго дивизьона находились инженерный капитанъ Альбертовъ и командиръ уральской сотни есаулъ Кириловъ. На высотѣ перевала наши піонеры воздвигли, въ видѣ колонны, большой обтесанный съ четырехъ сторонъ столбъ, укрѣпивъ его у подножія плитнякомъ, сложеннымъ въ видѣ пьедестала. Вершину

какъ къ этому городу съ сѣверо-восточной стороны подходятъ господствующія надъ нимъ высоты, съ занятіемъ коихъ онъ уже не можетъ болѣе держаться, то генералъ Гурко тронулся впередъ тремя колоннами. *Правая* ($1^1/_2$ батальона) должна

этой колонны увѣнчали большимъ дубовымъ вѣнкомъ, надъ которымъ утвердили флагштокъ съ русскимъ флагомъ, а на поляхъ колонны написали черною краской годъ, мѣсяцъ, день перехода, названіе части и имена лицъ, подъ начальствомъ которыхъ находился отрядъ, прошедшій первымъ Хаинкіойскій перевалъ и воздвигшій колонну.

Когда главныя силы передоваго отряда расположились на ночлегѣ съ 30-го іюня на 1-е іюля у Средней Колибы (хутора), то авангардъ генерала Рауха былъ уже за переваломъ и остановился на отдыхъ у входа въ послѣднее ущелье, ведущее къ селенію Хаинкіой, лежащему уже въ Долинѣ Розъ, у южнаго подножія Великихъ Балкановъ. 1-го іюля, около часа дня, генералъ Гурко прибылъ съ главными силами къ деревнѣ Паровцы и сдѣлалъ тамъ большой привалъ, до пяти часовъ, чтобы дать людямъ время для отдыха и варки пищи, а затѣмъ двинулся далѣе и къ вечеру того же дня былъ уже на южной сторонѣ перевала, со всею пѣхотою, четырьмя казачьими сотнями и всѣми 14-ю горными орудіями. Эти войска заночевали съ 1-го на 2-е іюля въ ущельѣ, не доходя верстъ 15-ти до Хаинкіоя. Остальная же кавалерія и конная артиллерія ночевали частію на высотѣ самаго перевала, частію на его сѣверномъ склонѣ.

Съ разсвѣтомъ 2-го іюля генералъ Гурко снялся съ бивуака и къ десяти часамъ утра подошелъ къ селенію Хаинкіой, гдѣ застигъ совершенно врасплохъ около трехсотъ человѣкъ анатолійскаго низама. Тотчасъ же были разсыпаны въ цѣпь пластуны, при поддержкѣ одного изъ стрѣлковыхъ батальоновъ,—и противникъ, послѣ слабаго сопротивленія, бѣжалъ по направленію къ городу Сливно, преслѣдуемый двумя стрѣлковыми батальонами и четырьмя казачьими сотнями (остальная кавалерія еще не подошла) съ двумя горными пушками. Такимъ образомъ, утромъ 2-го іюля выходъ изъ балканскихъ горъ былъ уже въ нашихъ рукахъ, и генералъ Гурко, выдвинувъ авангардъ, остановился у селенія Хаинкіой, чтобы дать время стянуться сюда остальнымъ частямъ своего отряда. Благодаря безпечности турокъ, не наблюдавшихъ за проходомъ, занятіе Хаинкіоя стоило намъ одного человѣка убитымъ и пяти ранеными; а если бы тѣ же триста человѣкъ заняли выходъ изъ узкаго ущелья, то генералъ Гурко могъ бы пробиться только съ большими жертвами. Путь, пройденный его войсками съ 30-го іюня по 2-е іюля, былъ чрезвычайно тяжелъ, въ особенности по крутизнамъ перевала. Отъ Тырнова до Паровцевъ этотъ путь можно назвать еще достаточно удобнымъ, потому что на всемъ протяженіи его есть только два крутые подъема, но и на нихъ оказалось возможнымъ вытянуть даже 9-ти фунтовыя орудія, при помощи буйволовъ. Главнѣйшія трудности начались отъ деревни Паровцы, гдѣ идетъ подъемъ на главный хребтовый перевалъ. Орудія втаскивали на верхъ при помощи канатовъ и лямокъ; два конныя орудія оборвались съ кручи, вмѣстѣ съ лошадьми, и скатились внизъ, въ лощину, откуда, по счастію, ихъ удалось вытащить. Спускъ съ перевала и дорога по ущелью южнаго склона была еще труднѣе, въ особенности послѣднія пять-шесть верстъ, такъ что конныя орудія едва-едва провозили, а что касается до зарядныхъ ящиковъ, то протаскиваніе ихъ потребовало почти сверхъестественныхъ усилій. При этомъ еще надо принять во вниманіе непривычность нашей кавалеріи къ

была двигаться горами и атаковать городъ съ сѣверо-восточной стороны; *средняя* (пять батальоновъ и 10 орудій) слѣдовала у подошвы высотъ, чтобы атаковать Казанлыкъ съ востока и, наконецъ, *лѣвая* колонна, въ составъ которой вхо-

движенію по такимъ крутымъ, каменистымъ горамъ, солнечный зной, пустынность незнакомой мѣстности и отсутствіе водныхъ источниковъ на главномъ перевалѣ. Не говоря уже о конной артиллеріи, даже и кавалерійское движеніе, большею частію въ одинъ конь, было возможно лишь благодаря предварительной разработкѣ пути конно-піонерами. Генералъ Раухъ, подъ руководствомъ котораго производилась эта разработка, выполнилъ свое порученіе блистательно, безъ чего былъ бы невозможнымъ и самый переходъ отряда. Состоявшій при авангардѣ генеральнаго штаба капитанъ Сахаровъ сдѣлалъ глазомѣрную съемку всего прохода, не нанесеннаго доселѣ ни на какихъ картахъ.

2-го іюля, въ самый день выхода въ долину рѣки Тунджи и занятія селенія Хаинкіой, непріятель, получившій подкрѣпленіе, перешелъ вечеромъ въ наступленіе отъ мѣстечка Твердицы. У насъ въ авангадѣ у деревни Конары стоялъ 14-й стрѣлковый батальонъ, съ двумя сотнями пластуновъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ. Этотъ авангардъ двинулся на встрѣчу противнику и, не доходя деревни Кузосмы (она же Козосмади), развернулся и завязалъ перестрѣлку, продолжавшуюся до подхода подкрѣпленій (15-й стрѣлковый батальонъ съ двумя горными орудіями), посланныхъ генераломъ Гурко отъ Хаинкіоя. Тогда непріятель началъ отступленіе, причемъ наши стрѣлки, вслѣдствіе сгустившихся потемокъ вечера, могли преслѣдовать его только до Твердицы и возвратились на авангардную позицію къ Конарамъ. Въ этотъ день части передоваго отряда овладѣли двумя лагерями, расположенными на пространствѣ между деревнею Эсекчи и Твердицею, гдѣ нашли брошенное оружіе, патроны, предметы обмундированія и снаряженія, хирургическіе инструменты, перевязочные матеріалы, и кромѣ того взяли семь человѣкъ плѣнныхъ, по показаніямъ которыхъ непріятель, въ количествѣ четырехъ таборовъ (два анатолійскаго низама и два египетскіе), отступилъ къ Сливно. Наша потеря — одинъ убитый и шесть нижнихъ чиновъ тяжело раненыхъ, изъ коихъ двое умерли въ тотъ же день.

3-го іюля генералъ Гурко, оставаясь съ главными своими силами въ Хаинкіоѣ, выслалъ на рекогносцировку къ сторонѣ Іени-Загры и Сливно двѣ сотни 26-го донскаго полка и уральскую сотню. За деревнею Орезари (она же Урызары) этотъ отрядъ былъ встрѣченъ толпами баши-бузуковъ и черкесовъ, за которыми слѣдовали три табора пѣхоты съ двумя орудіями. Спѣшившись, казаки завязали перестрѣлку и послали просить подкрѣпленія. Въ пять часовъ по полудни къ нимъ былъ посланъ 9-й драгунскій Казанскій полкъ, съ четырьмя конными орудіями. Какъ только этотъ послѣдній отрядъ показался въ виду противника, турки стали поспѣшно отступать, причемъ конныя орудія, пришедшія съ драгунами, провожали ихъ огнемъ, а уральцы преслѣдовали до наступленія темноты. Въ часъ ночи вернулись на бивуакъ драгуны, а часъ спустя послѣ нихъ — уральцы. Тѣ и другіе привезли съ собою много побросаннаго оружія, нѣсколько значковъ и одно знамя. У драгунъ потерь не было; уральцы же потеряли одного убитымъ и трехъ ранеными, изъ коихъ два тяжело.

На слѣдующій день (4-го) двѣ сотни 26-го донскаго полка двинулись на дальнѣйшую развѣдку, и дошли до Іени-Загры, гдѣ порвали телеграфную проволоку, а генералъ Гурко двинулся изъ Хаинкіоя на Казанлыкъ, съ 6½ ба-

дила вся кавалерія отряда, была обязана слѣдовать вдоль и вверхъ рѣки Тунджи, стараясь дѣйствовать обходами. Непріятель поджидалъ генерала Гурко верстахъ въ восьми впереди города, имѣя въ строю два батальона анатолійскаго низама,

---

тальоновъ, $14^1/_2$ эскадроновъ и сотенъ и съ 16-ю орудіями *). У деревни же Хаинкіой, въ видѣ арріергарда, были оставлены четыре батальона съ горною артиллеріею и шесть сотенъ **), подъ начальствомъ генералъ-маіора Столѣтова, которому генералъ Гурко приказалъ двинуться съ арріергардомъ, вслѣдъ за главными силами отряда 5-го іюля вечеромъ, или 6-го утромъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ пока никакихъ свѣдѣній, которыя могли бы вполнѣ выяснить: почему генералу Столѣтову было приказано выступить изъ Хаинкіоя именно въ означенное время? Вѣроятно, потому, что въ передовомъ отрядѣ было достовѣрно извѣстно, что къ этому времени непремѣнно подойдетъ изъ-за Балканъ пѣхотная бригада генералъ-маіора Борейши для занятія Хаинкіойскаго перевала. Дождался ли генералъ Столѣтовъ этой бригады, или же выступилъ ранѣе ея прихода, неуклонно слѣдуя предписанію начальника передоваго отряда — тоже мнѣ не извѣстно, хотя выяснить это было бы не лишнимъ, въ виду толковъ, ходившихъ у насъ нѣкоторое время, будто, вслѣдъ за выступленіемъ генерала Столѣтова, Хаинкіойскій перевалъ, доставшійся намъ хотя и безъ боя, но съ величайшими трудностями и составлявшій пока единственный путь сообщенія передоваго отряда съ главными силами дѣйствующей арміи, остался вовсе не обезпеченнымъ, безъ всякаго прикрытія, что было очень рискованно, такъ какъ четыре турецкіе табора и черкесы съ баши-бузуками, дравшіеся съ нами наканунѣ у Орезари, не были уничтожены, а только отступили по направленію къ Сливно (да и одни ли только они могли тамъ находиться?) и, стало-быть, пользуясь движеніемъ передоваго отряда къ Казанлыку, эти непріятельскія силы свободно могли во всякое время занять Хаинкіойское ущелье и отрѣзать намъ единственный путь сообщенія съ придунайской Болгаріей. Таковы были толки, но до какой степени простиралась ихъ основательность — судить не берусь, такъ какъ это могутъ выяснить только свидѣтельства непосредственныхъ участниковъ забалканской экспедиціи и имѣющіеся у нихъ офиціальные документы.

4-го іюля, по дорогѣ изъ Хаинкіоя въ Маглишъ ***), сотня казаковъ, шедшая во главѣ авангарда генерала Гурко, около десяти часовъ утра, вдругъ была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за земляныхъ заборовъ и изъ садовъ деревни Уфлани. Чтобы выбить непріятеля изъ его крѣпкой позиціи, преградившей отряду дальнѣйшій путь къ Казанлыку, пришлось развернуть всю стрѣлковую бригаду и выдвинуть впередъ конную артиллерію (16 орудій). Послѣ упорнаго сопротивленія, турки наконецъ были выбиты изъ деревни штыками. Стрѣлки удачно преслѣдовали ихъ съ фронта, а драгуны и кіевскіе гусары, отчасти заскакавшіе даже въ тылъ противника, настойчиво насѣдали съ праваго фланга. Въ дѣлѣ особенно отличились штыковою атакою 13-й и

---

*) 4-я стрѣлковая бригада, двѣ сотни пластуновъ, одна бригада болгарскаго ополченія, гвардейскій полуэскадронъ, драгунская бригада, уральская сотня, Кіевскій гусарскій и 21-й донской полки, конно-піонерный дивизьонъ и вся конная артиллерія.

**) Двѣ бригады болгарскаго ополченія, 14 горныхъ орудій и 26-й донской полкъ, двѣ сотни котораго, какъ сказано выше, находились 14-го іюля у Іени-Загры.

***) Маглишъ (или Маглисъ) лежитъ на половинѣ дороги изъ Хаинкіоя въ Казанлыкъ.

часть анатолійскаго же редифа и три орудія, изъ коихъ два были горныя, а одно 4-хъ-фунтовое. Кромѣ того, со стороны Шипки приближалась колонна пѣхоты, желавшая, по видимому, занять гребень высотъ, дабы угрожать правому флангу генерала Гурко.

Около семи часовъ утра 5-го іюля, въ то время какъ колонны князя Святополкъ-Мирскаго двинулись къ Шипкѣ съ сѣвера, у генерала Гурко начался артиллерійскій бой средней колонны, и пока длилась эта канонада, правая колонна, поднявшись на Казанлыкскія высоты, успѣла предупредить здѣсь противника, желавшаго въ свою очередь занять тѣ же высоты, но только съ сѣвера, и начала обходить непріятельскую позицію. Въ это же время и кавалерійская колонна обошла турокъ съ ихъ праваго фланга и открыла по нимъ огонь изъ орудій. Непріятель отступилъ въ городъ и, вслѣдствіе обхода его нашею кавалеріею, не имѣя возможности отойдти на Карлово, началъ ретироваться къ Шипкѣ, куда уже отступила и другая турецкая колонна, пытавшаяся занять господствующія надъ городомъ высоты. Но такъ какъ и лѣвый флангъ противника былъ обойденъ нашею правою колонною, то уйдти въ Шипку турки не успѣли и обратились въ бѣгство, во время коего мы взяли съ боя всѣ три пушки и болѣе четырехсотъ человѣкъ плѣнныхъ съ тремя офицерами, при потерѣ съ нашей стороны убитыми трехъ и ранеными одиннадцати нижнихъ чиновъ. Около полудня Казанлыкъ очутился уже окончательно въ нашихъ рукахъ и потому генералъ Гурко хотѣлъ-было тотчасъ же двинуться къ деревнѣ Шипкѣ, съ тѣмъ чтобы въ тотъ же день занять перевалъ, но гнетущій солнечный зной до такой степени утомилъ пѣхоту, что для нея прежде всего сталъ крайне необходимъ довольно продолжительный отдыхъ. Вслѣдствіе этого генералъ

15-й стрѣлковые батальоны; изъ нихъ послѣдній отнялъ съ боя непріятельское знамя. Въ числѣ многихъ плѣнныхъ, находился казанлыкскій каймакамъ, который далъ показаніе, что въ дѣлѣ подъ Уфлани участвовали пять таборовъ анатолійскаго низама, подъ командою Калуси-паши. Судя по количеству убитыхъ (до четырехсотъ), потеря непріятеля должна быть весьма значительна. Мы же потеряли до 60-ти человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ тяжело раненыхъ офицеровъ. Къ вечеру генералъ Гурко дошелъ до Маглиша, гдѣ и расположился на ночлегъ, а 5-го іюля, утромъ двинулся на Казанлыкъ.

Гурко пошелъ къ Шипкѣ только съ одною кавалеріею, пѣхота же подошла къ ней уже значительно позднѣе. Узнавъ, что противникъ отошелъ на вершину горы, занялъ перевалъ и укрѣпился тамъ въ весьма сильной позиціи, генералъ Гурко долженъ былъ остановиться противъ перевала. Подъ вечеръ въ его отрядѣ слышны были пушечные выстрѣлы, которые привели генерала къ заключенію, что это Орловскій пѣхотный полкъ подошелъ уже къ перевалу изъ-подъ Габрова и пытается овладѣть имъ. Это были выстрѣлы, направленные, какъ уже извѣстно, противъ колонны капитана Кліентова.

Къ сожалѣнію, генералъ Гурко, при всемъ своемъ желаніи помочь Орловскому полку, не могъ исполнить этого 5-го іюля, потому что пѣхота подошла къ нему изъ Казанлыка уже по прекращеніи слышавшейся перестрѣлки, да къ тому же вслѣдъ за ея приходомъ вскорѣ совсѣмъ свечерѣло и наступила полная темнота, быстро смѣняющая въ этомъ краѣ короткія сумерки.

Но предполагая, что орловцы будутъ дѣйствовать противъ Шипкинскаго перевала и на слѣдующій день, генералъ Гурко рѣшилъ послать на перевалъ, 6-го іюля, два батальона стрѣлковъ и обѣ сотни пластуновъ, съ цѣлью оказать содѣйствіе атакѣ орловцевъ. Чрезъ посредство болгаръ онъ увѣдомилъ объ этомъ командира Орловскаго полка и чрезъ нихъ же, 6-го іюля, около восьми часовъ вечера, получилъ отвѣтъ за подписью полковника Эллерса. Изъ этого отвѣта генералъ Гурко узналъ, что не только не было предположенія дѣйствовать на 6-е число противъ перевала, но что Орловскій полкъ, на основаніи изложенныхъ выше обстоятельствъ, долженъ былъ даже отступить къ Габрову. Къ сожалѣнію, генералъ Гурко узналъ объ этомъ обстоятельствѣ слишкомъ поздно, когда уже не было возможности вернуть назадъ стрѣлковъ и пластуновъ, а потому движеніе въ гору этихъ 2½ батальоновъ, вмѣсто содѣйствія въ атакѣ Орловскому полку, неожиданно обратилось въ совершенно самостоятельную и притомъ одиночную атаку. Придать этимъ частямъ хоть сколько нибудь артиллеріи не было никакой возможности, потому что всѣ горныя орудія остались при болгарскомъ ополченіи въ Казанлыкѣ *), а

*) Такъ какъ атака шипкинскаго перевала съ южной стороны входила въ заранѣе начертанный планъ, составляя даже главнѣйшую суть всѣхъ дѣйствій передоваго отряда, причемъ сама собою выступала на видъ необходимость

пустить по этой узкой, извилистой тропинкѣ артиллерію полевую генералъ Гурко не нашелъ возможнымъ.

Итакъ, 13-й и 15-й стрѣлковые батальоны должны были по крутой и лѣсистой тропинкѣ взбираться для атаки непріятельской позиціи съ востока, а пластунскимъ ротамъ предстояло демонстрировать противъ нея съ юга, — все это, конечно, при томъ предположеніи, что орловцы поведутъ наступленіе съ сѣвера.

Движеніе стрѣлковъ было исполнено вполнѣ скрытно отъ непріятеля, такъ что передовую его позицію — ретраншаментъ и лагерь—они успѣли занять съ разу. Въ это время бо̀льшая часть восьми турецкихъ батальоновъ, занимавшихъ перевалъ, начала устраиваться въ позиціи на западной сторонѣ онаго. Для атаки этой второй позиціи нашимъ стрѣлкамъ пришлось спуститься нѣсколько внизъ, къ сѣдловинѣ, раздѣляющей высоты, и затѣмъ подвигаться къ такъ называемой горѣ Св. Николая. Только что начали они исполнять это движеніе, какъ на верху у турокъ появился большой бѣлый флагъ, и въ тотъ же моментъ два турецкіе офицера, съ бѣлыми флагами въ рукахъ, отдѣлились отъ своихъ войскъ и стали спускаться къ нашимъ стрѣлкамъ. Командиры обоихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, принимая эту демонстрацію турокъ за желаніе ихъ вести переговоры о сдачѣ, а офицеровъ съ флагами за парламентеровъ, сейчасъ же приказали людямъ своихъ частей прекратить пальбу, что̀ и было исполнено ими немедленно. На встрѣчу предполагаемымъ парламентерамъ вышли изъ нашихъ рядовъ одинъ изъ стрѣлковыхъ офицеровъ, германскій военный агентъ маіоръ Лигницъ, вольноопредѣляющійся Тихановъ и рядовой, владѣющій турецкимъ языкомъ. Но турецкіе парламентеры тотчасъ же повернули назадъ, а со стороны непріятеля раздались какіе-то сигналы и вдругъ турецкіе батальоны, успѣвшіе за это время окончательно занять свою новую позицію, дали по нашимъ войскамъ страшный залпъ,

---

и горной артиллеріи, для содѣйствія этой атакѣ, то было бы не лишнимъ знать тѣ, безъ сомнѣнія, весьма основательныя и уважительныя причины, которыя побудили оставить горную артиллерію безраздѣльно, всю сполна, въ аррьергардѣ у генерала Столѣтова, тѣмъ болѣе, что самое приказаніе генералу Столѣтову — двигаться съ аррьергардомъ вслѣдъ за главными силами 5-го іюля вечеромъ или 6-го утромъ—само по себѣ уже указываетъ, что защита Хаинкіойскаго ущелья силами передоваго отряда не имѣлась въ виду въ данный періодъ времени.

который вывелъ у насъ изъ строя значительное число людей, — и бой опять возобновился. Оба батальона начали атаку и чрезъ нѣкоторое время, взявъ два укрѣпленія и лагерь, подступили къ главной позиціи противника, которая оказалась чрезвычайно сильною и защищалась не только двухъярусным ружейнымъ, но и артиллерійскимъ огнемъ.

Командиръ 13-го стрѣлковаго батальона, полковникъ Клемантовичъ, былъ убитъ. Въ виду столь сильной непріятельской позиціи и не усматривая нигдѣ подхода Орловскаго полка, командиръ 15-го стрѣлковаго батальона, оставшійся за старшаго, началъ отходить назадъ, такъ какъ дальнѣйшая атака этой позиціи такими слабыми средствами и безъ артиллеріи была бы чистымъ безуміемъ. Отступленіе стрѣлковъ исполнено въ полномъ порядкѣ, но не въ томъ направленіи, въ какомъ началась ихъ атака, потому что для этого пришлось бы опять взбираться на высоты подъ самымъ губительнымъ огнемъ противника. Обстоятельство это было причиною того, что люди наши, раненые во время боя на первой турецкой позиціи, не могли быть подобраны во время отступленія. Турки провожали артиллерійскимъ огнемъ наши батальоны. Пластуны, видя, что стрѣлки отходятъ назадъ, тоже спустились внизъ и потеряли при этомъ въ числѣ убитыхъ своего офицера, есаула Баштаннаго. Наша потеря оказалась болѣе 150 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ этотъ же день утромъ убитъ начальникъ конно-піонерной команды, полковникъ графъ Роникеръ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: графъ Роникеръ слѣдовалъ съ уральскою сотнею изъ Казанлыка въ Шипку, на присоединеніе къ стрѣлковой бригадѣ, но дорогою заблудился, вслѣдствіе чего долженъ былъ отъѣхать назадъ. Ѣхалъ онъ нѣсколько впереди сотни, съ трубачемъ и офицерами, и приближаясь къ сложеннымъ снопамъ, возлѣ лѣса, замѣтилъ вдругъ партію турокъ, человѣкъ въ двадцать, которые въ ту же минуту дали по немъ залпъ—и графъ Роникеръ на мѣстѣ свалился мертвымъ. Вся эта мѣстность, по приказанію генерала Гурко, была тщательно пройдена нашими партіями и очищена отъ мелкихъ турецкихъ шаекъ. Но все-таки нельзя не замѣтить, что графъ Роникеръ палъ жертвою собственной неосторожности, потому что онъ шелъ безъ охранительныхъ боковыхъ разъѣздовъ.

Удаленіе турокъ изъ лагеря, расположеннаго при деревнѣ Шипкѣ, на верхъ перевала, безъ взятія съ собою продовольственныхъ запасовъ *), было сочтено въ нашемъ передовомъ отрядѣ за доказательство ихъ паники, обуявшей турецкія войска, вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго имъ при Уфлани, и занятія нами Казанлыка. Предполагалось также, что занятіе нашими войсками спуска съ Шипкинскаго перевала окончательно лишаетъ турокъ возможности подвозить въ верхніе лагери провіантъ и боевые запасы изъ долины Тунджи, а прибытіе къ передовому отряду нѣсколькихъ бѣглыхъ и проголодавшихся турецкихъ солдатъ, какъ бы подтверждало еще болѣе это предположеніе. Предвидя, что турки не могутъ долго держаться въ своей позиціи, генералъ Гурко еще 6-го іюля утромъ послалъ турецкому пашѣ письмо съ предложеніемъ сдаться на капитуляцію.

7-го іюля, рано утромъ, изъ нашей аванпостной цѣпи было прислано начальнику передоваго отряда донесеніе, что со стороны непріятеля приближается турецкій офицеръ съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ. Парламентеръ этотъ былъ тотчасъ же препровожденъ къ генералу Гурко и вручилъ ему письмо отъ паши, начальника шипкинскаго отряда, въ которомъ изъявлялось полное согласіе на сдачу. Вслѣдствіе этого сейчасъ же были написаны условія капитуляціи и обезоруженія турецкихъ войскъ, долженствовавшаго начаться около полудня. При этомъ генералъ Гурко пожелалъ узнать, чѣмъ объясняется вчерашній вѣроломный поступокъ турокъ съ нашими стрѣлками. Парламентеръ отвѣчалъ на это, будто бы турецкіе офицеры не могли удержать своихъ людей отъ желанія стрѣлять по нашимъ войскамъ, когда послѣднія подошли на близкую дистанцію. Получивъ отъ генерала условія капитуляціи, онъ удалился, обѣщая вернуться назадъ чрезъ два часа, съ окончательнымъ отвѣтомъ своего начальника. Желая воспользоваться этимъ промежуткомъ времени, на которое, по условію,

*) Въ продовольствіи имъ не было особенно настоятельной надобности, такъ какъ оно уже заранѣе имѣлось на самомъ перевалѣ, что̀ и подтвердилось для насъ во очію, когда части Орловскаго полка поднялись на верхъ съ сѣверной стороны: генералъ Скобелевъ 2-й и полковникъ Струковъ свидѣтельствуютъ, что они нашли тутъ, помимо разныхъ припасовъ, еще и недорѣзанныхъ воловъ и только-что освѣжованныхъ барановъ.

были прекращены военныя дѣйствія, и употребить его на подобраніе раненыхъ стрѣлковъ и пластуновъ, оставшихся на полѣ сраженія послѣ вчерашняго боя, генералъ Гурко вызвалъ санитаровъ и охотниковъ (офицеровъ и солдатъ) изъ болгарскаго ополченія, приказалъ имъ взять бѣлые флаги, надѣть таковыя же повязки на лѣвые рукава, снять съ себя все оружіе и въ такомъ видѣ идти на перевалъ, къ мѣсту первой турецкой позиціи.

Между тѣмъ, условный двухчасовой срокъ уже истекалъ, а со стороны противниковъ не замѣтно было ни малѣйшихъ признаковъ, которые указывали бы на то, что они дѣйствительно намѣрены исполнить условія капитуляціи. Это обстоятельство заставило наконецъ генерала Гурко остановиться на предположеніи, что переговоры о сдачѣ затѣяны турками нарочно, съ цѣлью обмана, дабы выиграть время и отступить по горнымъ тропинкамъ безъ боя и преслѣдованія. Генералъ выждалъ до конца все условленное время и, по истеченіи его, въ первомъ часу дня, вызвалъ партіи охотниковъ, которыя должны были подкрасться къ турецкому лагерю и высмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается. Для поддержанія этихъ охотниковъ и для занятія турецкой позиціи, въ случаѣ если бы предположенія генерала оправдались, онъ приказалъ приготовиться къ движенію въ горы одному батальону стрѣлковъ и одной болгарской дружинѣ, при четырехъ горныхъ орудіяхъ. Въ началѣ втораго часа показалась наконецъ небольшая партія людей съ двумя бѣлыми флагами и начала спускаться къ нашему бивуаку. Можно было предположить, что это передовой отрядъ сдающихся и что за нимъ послѣдуютъ другія партіи, но это были наши санитары, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ возвратились около двухъ часовъ дня и заявили, что турецкіе лагери очищены и позиція на горѣ покинута турками. Тогда генералъ Гурко рѣшился тотчасъ же отправиться на верхъ съ небольшимъ конвоемъ и велѣлъ приготовленнымъ батальонамъ выступить туда же сейчасъ послѣ ихъ обѣда. Въ началѣ четвертаго часа батальоны выстроились къ походу, но въ это время ординарецъ привезъ генералу Гурко донесеніе отъ генерала Скобелева 2-го о томъ, что онъ съ тремя ротами орловцевъ уже занялъ перевалъ и что къ вечеру тамъ соберутся девять ротъ съ четырьмя орудіями. Тогда, отмѣнивъ движеніе батальоновъ, гене-

ралъ Гурко отправился на перевалъ только со своею свитою и небольшимъ кавалерійскимъ конвоемъ. Прибывъ на вершину, онъ осмотрѣлъ турецкую позицію и нашелъ ее чрезвычайно крѣпкою, почти неприступною со всѣхъ сторонъ. И точно, можно сказать положительно, что если бы турки, которыхъ, по показанію плѣнныхъ, находилось здѣсь восемь таборовъ, при одиннадцати орудіяхъ, не покинули почему-то перевала, то брать эту позицію было бы до крайности трудно и, во всякомъ случаѣ, взятіе ея потребовало бы съ нашей стороны жертвъ огромныхъ.

Между тѣмъ, въ этотъ же самый день, 7-го іюля, вотъ что̀ происходило по сѣверную сторону Шипкинскаго перевала, въ отрядѣ князя Святополкъ-Мирскаго.

Всю ночь съ 6-го на 7-е число въ турецкихъ лагеряхъ на шипкинскихъ высотахъ пылали яркіе костры и какъ бы дразнили своимъ свѣтомъ и тепломъ нашихъ орловцевъ, остававшихся въ потьмахъ, внизу, въ сырой и росистой долинѣ; эти костры свидѣтельствовали, что позиція на перевалѣ все еще остается за турками. Съ разсвѣтомъ, въ четыре часа утра, 7-го іюля, князь Святополкъ-Мирскій приказалъ девяти ротамъ Орловскаго полка, при двухъ орудіяхъ, идти въ ущеліе рѣки Янтры, къ подножію Шипкинскаго перевала. Полковникъ Струковъ былъ посланъ вести авангардъ, и ему приказано занять ту самую позицію, съ которой 5-го числа была встрѣчена столь жестокимъ огнемъ 2-я стрѣлковая рота орловцевъ. Стрѣлки этой роты, зная какихъ потерь стоила имъ въ прошлый разъ эта самая позиція, тѣмъ не менѣе просили доставить имъ еще разъ честь идти въ авангардѣ. Полковникъ Струковъ, доведя эту роту почти на ружейный выстрѣлъ до помянутой позиціи, остановилъ ее внѣ предполагаемой линіи дѣйствительнаго огня, а самъ съ ротнымъ командиромъ, капитаномъ Никифоровымъ, и десятью стрѣлками вышелъ впередъ и занялъ гребень позиціи, съ цѣлью убѣдиться, будетъ ли данъ по нимъ залпъ, какъ въ прошлый разъ. Здѣсь они выждали нѣсколько минутъ, но непріятель не открывалъ огня и не подавалъ о себѣ никакихъ признаковъ, такъ что наша горсть передовыхъ развѣдчиковъ оставалась въ полной неизвѣстности—ловушка ли это, или же точно турки покинули свою позицію. Взявъ на себя

отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ развѣдки, полковникъ Струковъ объявилъ людямъ, что какъ бы то ни было, а позицію надо брать безъ огня и — «съ Богомъ!» Жутко было идти на полную неизвѣстность, но люди шли твердо, рѣшительно и, придя на позицію, нашли ее пустою. Впереди предстояло еще пять подъемовъ съ весьма сильными и укрѣпленными позиціями на каждомъ; но люди бодро шли все дальше и дальше, ожидая на каждомъ подъемѣ роковаго залпа, но съ каждымъ шагомъ впередъ, къ удивленію своему, находили вездѣ и во всемъ большой безпорядокъ: разбросанныя вещи, обувь, оружіе, значки и даже знамена. Тѣмъ временемъ подошли и другія роты Орловскаго полка, надъ которыми генералъ Скобелевъ принялъ общее начальство и, не останавливаясь, прошелъ съ ними всѣ подъемы и батареи—однѣ съ брошенными пушками, другія совсѣмъ безъ орудій. Видно было, что непріятель только что бѣжалъ: недорѣзанные быки и бараны, разбросанныя разныя вещи, патронные ящики, пушки, снаряды—все это явно свидѣтельствовало о поспѣшномъ и безпорядочномъ бѣгствѣ. Генералъ Скобелевъ повелъ теперь впередъ только три роты, которыя шли быстро, преодолѣвая гребень за гребнемъ и дивясь тому, какимъ образомъ и по какой причинѣ возможно было оставить безъ выстрѣла цѣлые ряды столь сильныхъ позицій, укрѣпленныхъ и природою, и военнымъ искусствомъ. Батареи, отдѣльныя укрѣпленія, завалы, ложементы въ замѣчательномъ числѣ были расположены такъ искусно, что не только одного полка, но и цѣлой дивизіи было бы далеко не достаточно для взятія ихъ штурмомъ, а иначе какъ штыками одолѣть ихъ было невозможно. Въ нѣкоторомъ отдаленіи и по разнымъ направленіямъ показывались иногда уходящіе турки. Наконецъ, одного изъ нихъ удалось поймать въ плѣнъ, и онъ объяснилъ, что генералъ Гурко уже два дня тѣснитъ ихъ съ юга, а нынче, рано утромъ, когда ихъ паша разсмотрѣлъ въ подзорную трубу и наступленіе съ сѣвера, то приказалъ снимать скорѣе лагерь и готовиться къ уходу. Вслѣдствіе этого по лагерю, отъ табора къ табору, вдругъ распространился слухъ, что русскіе въ громадныхъ силахъ наступаютъ съ обѣихъ сторонъ, и тутъ уже большинство солдатъ пустилось уходить безъ всякаго приказанія и порядка.

Между тѣмъ, со стороны генерала Гурко была мертвая тишина: ни звука, ни выстрѣла; а три роты орловцевъ, все идя впередъ, тщательно осматривались кругомъ, чтобы не быть отрѣзанными отъ своихъ резервовъ, и наконецъ поднялись на послѣднюю высоту, гдѣ ихъ глазамъ явилась одна изъ самыхъ ужасныхъ картинъ, какую только можетъ представить себѣ воображеніе. На площадкѣ валялось нѣсколько десятковъ отрѣзанныхъ головъ и обезглавленныхъ, ограбленныхъ труповъ. Цинизмъ развратнаго глумленія надъ этими головами и трупами столь изобрѣтателенъ, великъ и безстыденъ, что говорить о немъ въ печати нѣтъ ни малѣйшей возможности... Бѣлокурыя русскія головы, съ красивыми бородами, съ молодыми лицами, съ сомкнутыми или съ недвижно раскрытыми глазами лежали у ногъ только что пришедшихъ сюда ихъ ратныхъ товарищей. Видно было, что неистовымъ истязаніямъ и гнусному поруганію подвергались не только убитые, но и раненые. Это были головы всѣхъ тѣхъ стрѣлковъ и пластуновъ, которыхъ намъ не возможно было вынести изъ дѣла, происходившаго здѣсь наканунѣ, когда наши войска отступили другою дорогою. Только трупы полковника Климантовича и еще одного фельдфебеля того же батальона, лежавшіе дальше другихъ, не были обезображены и поруганы, да и то вѣроятно потому лишь, что турки не успѣли ихъ отыскать. Свидѣтелями-очевидцами этихъ ужасовъ, о которыхъ прислали свои донесенія генералъ Гурко, полковникъ Струковъ и генеральнаго штаба капитанъ Уссаковскій, былъ еще прусской службы маіоръ фонъ-Лигницъ и австрійскіе военные агенты *).

---

*) Маіоръ фонъ-Лигницъ, по поводу этихъ звѣрствъ и обманныхъ поступковъ, напечаталъ въ «Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ» слѣдующія два письма:

I. «Казанлыкъ, 22-го (10-го) іюля 1877 г.

«Въ началѣ сраженія 18-го (6-го) іюля въ Шипкинскомъ проходѣ, передъ взятіемъ право-флангового ретраншамента, когда русскіе стрѣлки находились отъ послѣдняго въ разстояніи 700 шаговъ, турки по данному сигналу прекратили огонь. На брустверѣ видны были стоявшіе густою толпою солдаты, которые что-то кричали намъ и махали бѣлыми платками, прикрѣпленными къ поднятымъ вверхъ ружьямъ. Русскіе стрѣлки до того времени мало стрѣляли: многіе думали, что на той сторонѣ находились уже русскіе. Увидѣвъ дѣлаемые имъ знаки, они остановились. Турецкому гарнизону въ Шипкинскомъ проходѣ предложено было сдаться, такъ какъ отрядъ генерала Гурко, занявъ деревню

Въ глубокомъ и скорбномъ молчаніи всѣ присутствующіе обнажили свои головы и стали креститься... Не было словъ для выраженія негодованія и скорби; слезы многимъ сжимали грудь и горло; рука невольно хваталась за оружіе, какъ бы порываясь поскорѣе къ отмщенію.

Вскорѣ однако роты наши дошли до края площадки. Здѣсь три крупповскія орудія, у которыхъ позабыли даже вынуть клинья, стояли обращенными не въ нашу сторону, а безъ всякаго направленія. И здѣсь, также какъ на ранѣе пройденныхъ позиціяхъ, все свидѣтельствовало о крайнемъ безпорядкѣ и паникѣ — даже была брошена неоконченная къ передачѣ депеша походнаго телеграфа. Раненые турки валялись въ палаткахъ и въ страхѣ сопротивлялись подбиравшимъ ихъ орловцамъ, которые, по мѣрѣ возможности, старались подать имъ хоть какую нибудь помощь. Тутъ же были распростерты и убитые турки, которые и на площадкѣ, и по крутому скату лежали не убранными, въ перемежку съ нашими обезображенными стрѣлками.

Осмотрѣвшись внимательнѣе, орловцы замѣтили внизу въ долинѣ два лагеря, но за отдаленностью разстоянія невозмож-

---

Шипку, отрѣзалъ имъ путь къ отступленію. Когда показался затѣмъ большой бѣлый флагъ, вблизи котораго стояли два офицера, то нельзя было болѣе сомнѣваться, что турки отказываются отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Я приблизился къ крайнему изъ медленно отступавшихъ турецкихъ стрѣлковъ и по его рѣчи и жестамъ пришелъ къ заключенію, что мое предположеніе справедливо. Я намѣревался послѣдовать за туркомъ на ретраншаментъ, но меня удержалъ штабный офицеръ стрѣлковой бригады. Одному стрѣлку, который, будучи татариномъ, зналъ турецкій языкъ, поручено было отправиться съ туркомъ и вызвать офицера. Турецкій солдатъ выразилъ свою радость по поводу встрѣчи съ поклонникомъ ислама и отправился со стрѣлкомъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли офицеры съ парламентерскимъ флагомъ. Оттуда всѣ двинулись на гору; турки же, находившіеся на брустверѣ, сошли внизъ. Мы приказали стрѣлкамъ стать на всякій случай подъ прикрытіе. Я, одинъ офицеръ и солдатъ, къ штыку котораго привязанъ былъ бѣлый платокъ, стояли на дорогѣ, ведущей на ретраншаментъ, поджидая турецкаго офицера. Вдругъ раздался выстрѣлъ изъ стрѣлковой цѣпи, расположившейся къ сѣверу отъ ретраншамента; затѣмъ послѣдовали два выстрѣла изъ ретраншамента и, наконецъ, по данному сигналу, открытъ былъ сильный ружейный огонь вдоль всей линіи. Наши стрѣлки ринулись впередъ и черезъ полчаса ретраншаментъ былъ въ нашихъ рукахъ. Мы уже не видѣли болѣе солдата-татарина».

П. «19-го (7-го) іюля, въ 6 часовъ утра, прибылъ къ форпостамъ у деревни Шипки турецкій парламентеръ (капитанъ), привезшій съ собою письмо отъ

но было различить — наши ли это, или турки. Минута была критическая, а потому генералъ Скобелевъ и старшіе офицеры, посовѣтовавшись между собою, въ виду всѣхъ ужасовъ окружавшей ихъ картины, рѣшили, что если это турки и если придется снова драться, то дѣлать это тутъ же, и драться безпощадно, до конца, не даваясь живыми въ руки. Но желая напередъ удостовѣриться, кому принадлежатъ усмотрѣнные внизу лагери, генералъ Скобелевъ снялъ фуражку и крикнулъ войскамъ: «да здравствуетъ Государь Императоръ!» Русское «ура» впервые огласило на этомъ мѣстѣ балканскія скалы, и оно должно было служить своего рода пробою: если внизу находятся русскіе изъ отряда генерала Гурко, то они отвѣтятъ тѣмъ же крикомъ, а если турки, то услышавъ его, быть можетъ, предпримутъ одно изъ двухъ: либо уйдутъ прочь, подобно своимъ шипкинскимъ товарищамъ, либо же поведутъ атаку, и во всякомъ случаѣ отрядъ нашъ будетъ выведенъ изъ положенія полной неизвѣстности. Замерло въ горахъ эхо

паши, командовавшаго на высотахъ. Паша изъявлялъ готовность сдаться на предложенныхъ ему наканунѣ условіяхъ. Генералъ Гурко приказалъ объявить парламентеру, что послѣ того какъ турецкая армія злоупотребила, къ вѣчному своему стыду, парламентерскимъ флагомъ, онъ не можетъ сохранить прежнія условія. Парламентеръ возразилъ, что паша не хотѣлъ сражаться, но не могъ удержать своихъ солдатъ, когда приблизились русскія войска. Строгость условій усилена была лишь въ томъ отношеніи, что оба офицера, находившіеся вчера при парламентерскомъ флагѣ, подлежали выдачѣ русскимъ, между тѣмъ какъ остальные были отпускаемы на честное слово. Условіе это было выражено въ письменномъ отвѣтѣ, составленномъ на турецкомъ языкѣ и переданномъ парламентеру. Турецкій офицеръ, позавтракавъ, возвратился въ лагерь около $9^1/_2$ ч. Наши санитары, отправленные около 11 часовъ, нашли въ часъ дня лагерь пустымъ, а въ 2 часа онъ былъ занятъ русскимъ отрядомъ, прибывшимъ изъ Габрова. Оказалось, что парламентеръ сыгралъ съ нами комедію. Часть турецкихъ войскъ еще вечеромъ 18-го (6-го) іюля удалилась въ западномъ направленіи по горной тропинкѣ; раннимъ же утромъ 19-го іюля за нею послѣдовали и остальныя турецкія войска. Санитары не нашли ни одного раненаго; у нѣкоторыхъ убитыхъ и у всѣхъ раненыхъ были отрѣзаны головы, которыя были разбросаны въ палаткахъ. Въ числѣ обезглавленныхъ находился одинъ санитаръ, съ повязкою «Краснаго Креста» на рукавѣ, и раненый, лежавшій на лазаретныхъ носилкахъ. Нѣкоторые раненые подвергнуты были, по видимому, ужаснымъ пыткамъ. Турецкимъ раненымъ сдѣлана была перевязка и оказано облегченіе близь того самаго мѣста, гдѣ собрано было около 30-ти головъ русскихъ солдатъ. Участвовавшіе въ сраженіи войска принадлежали, по видимому, исключительно къ низаму; въ числѣ ихъ было нѣсколько арабовъ и гвардейцевъ». (Подписано) «Маіоръ фонъ-Лигницъ».

*

русскаго клика; прошла минута — ждутъ, прислушиваются: нѣтъ никакого отклика. Вѣтеръ былъ не въ ту сторону и потому, быть можетъ, громкое «ура» и не донеслось внизъ до лагерей. Явилось сомнѣніе, стали предполагать, что вѣроятнѣе всего это турки, какъ вдругъ вдали, на противномъ склонѣ, въ кустахъ, забѣлѣли рубахи цѣлой вереницы людей, между которыми развѣвался бѣлый флагъ. Опять сомнѣніе: не обманъ ли это со стороны противника. Но чрезъ нѣкоторое время недоумѣніе разъяснилось; можно было уже различать въ бинокль нѣкоторые внѣшніе признаки, по которымъ и опредѣлилось, что это приближаются русскіе санитары вмѣстѣ съ болгарскими ополченцами. Это были команды, высланныя генераломъ Гурко подобрать вчерашнихъ раненыхъ. Вскорѣ онѣ поднялись на площадку и встрѣтились съ орловцами. Пошли объятія, разспросы.... Радостна и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбна была эта встрѣча, среди слѣдовъ неистоваго варварства турокъ. Въ отрубленныхъ головахъ многіе узнавали своихъ знакомыхъ, еще вчера полныхъ жизни, молодости, упованій.... Здѣсь валялись головы: Доценки, Дмитріева, Баштаннаго. Немедленно было составлено краткое донесеніе Главнокомандующему, и Великій Князь Николай Нилолаевичъ младшій повезъ его въ главную квартиру, вмѣстѣ съ турецкими значками и знаменемъ, а ротмистръ Цуриковъ былъ отправленъ къ генералу Гурко съ извѣщеніемъ о занятіи Шипкинскаго перевала. Вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ сюда и самъ генералъ Гурко. Приступлено было къ уборкѣ мертвыхъ; вырыли братскую могилу, военный священникъ совершилъ обрядъ отпѣванія, и ратные товарищи насыпали курганъ надъ павшими. Затѣмъ было приведено въ извѣстность все оставленное турками въ ихъ лагеряхъ. На высотѣ перевала, а равно и въ деревнѣ Шипкѣ поставлены были достаточно сильные отряды. Капитанъ Ласковскій тотчасъ же занялся укрѣпленіемъ позиціи на вершинѣ и разработкою дороги, въ чемъ большую помощь, какъ работники, оказали ему мѣстные болгары. Раненые изъ обоихъ отрядовъ были отправлены въ госпиталь, устроенный полковникомъ Струковымъ въ Габровѣ, гдѣ сами жители доброхотно и съ величайшею готовностью пожертвовали все необходимое: помѣщеніе, бѣлье, постели, пищу, а женщины добивались, какъ особой чести,

права ухаживать за ранеными, въ качествѣ сидѣлокъ. Словомъ сказать, габровскіе жители не лицемѣрно выказали полную и самую задушевную пріязнь къ русскимъ.

XLII

Взятіе Никополя

Назначеніе 9-го корпуса для обезпеченія праваго фланга задунайской арміи.— Причины задержки его на переправѣ.—Краткій очеркъ предварительныхъ движеній и дѣйствій Кавказской казачьей бригады съ 21-го іюня и передовыхъ отрядовъ 9-го корпуса съ 25-го іюня по 2-е іюля включительно. — Характеръ никопольскихъ позицій и городъ Никополь. — Планъ дѣйствій противъ Никополя. — Диспозиція для атаки на 3-е іюля. — Дѣйствія заосминскаго отряда генерала Шильдеръ-Шульднера. —Услуга, оказанная вологодцамъ взводомъ 2-й донской батареи. — Бой козловцевъ у Чирака и Джурну-Села и занятіе двухъ осминскихъ мостовъ. — Атака генерала Богацевича со стороны раховской дороги. — Дѣйствія барона Криденера въ центрѣ. — Заполненіе опаснаго промежутка между Козловскимъ и Галичскимъ полками.—Движеніе впередъ нашихъ батарей и атака Галичскаго полка.—Штурмъ восточнаго редута. — Окончаніе боя въ центрѣ.—Дѣйствія праваго фланга.—Еще разъ о турецкой стрѣльбѣ.— Дѣйствія побочныхъ отрядовъ праваго и лѣваго фланговъ.—Нападеніе на Кавказскую казачью бригаду, въ ночь съ 3-го на 4-е іюля. — Сдача Никополя. — Баронъ Криденеръ у воротъ города. — Первые наши офицеры въ цитадели. — Представленіе Гассана-паши барону Криденеру. — Трофеи, военная добыча и потери. — Дѣятельность санитаровъ, полевыхъ жандармовъ и болгарскихъ сельчанъ во время боя.—Болгарскія женщины-водоносицы подъ огнемъ.—Дѣйствія осадной артиллеріи отъ Турну-Магурели. — Награда барону Криденеру.

Село Горный-Студень, 28-го іюля.

Одновременно съ быстрымъ движеніемъ главной квартиры изъ с. Царевица на Тырново, былъ двинутъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Криденера, 9-й армейскій корпусъ, для овладѣнія городомъ Никополемъ и его цитаделью, что̀ было необходимо, какъ для расширенія нашей задунайской базы, такъ и для первоначальнаго обезпеченія праваго фланга наступающей арміи. Переправа 9-го корпуса, по первоначальному росписанію, должна была совершиться 22-го іюня; въ дѣйствительности же, по словамъ генерала Криденера, самъ онъ съ головною частію переправился вечеромъ 24-го, а наличныя его войска только 25-го, почему 9-й корпусъ и былъ задержанъ у самой переправы болѣе чѣмъ

на двое сутокъ. Задержка произошла вслѣдствіе того, что въ это время переправлялись части 12-го и 13-го армейскихъ корпусовъ, вошедшія въ составъ Рущукскаго отряда. Понятно, почему было отдано преимущество во времени переправы частямъ сего послѣдняго: если съ правой стороны непріятель могъ угрожать намъ изъ Никополя и Плевны, то съ лѣвой — онъ имѣлъ цѣлый четырехугольникъ крѣпостей: Рущукъ, Силистрію, Шумлу и Варну, не говоря уже о Разградѣ, Османъ-Базарѣ и рущукско-варненской желѣзной дорогѣ; вообще, съ лѣвой отъ насъ стороны были сосредоточены болѣе значительныя и ближайшія къ намъ силы противника; стало быть, лѣвая сторона, очевидно, являлась важнѣе правой, а потому и требовалось выставить противъ нея надежный заслонъ какъ можно скорѣе. И такъ, 9-й корпусъ началъ свою переправу только 24-го іюня, но было бы ошибочно думать, что онъ переправился въ полномъ своемъ составѣ. Далеко нѣтъ, и это вотъ почему: 1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи *), съ тремя 9-ти фунтовыми батареями, находилась еще въ Турну-Магурели, на случай какихъ-либо покушеній изъ Никополя на румынскій берегъ; 123-й пѣхотный Козловскій полкъ былъ еще дальше, а именно въ Слатинѣ, куда его направили въ помощь саперамъ и морякамъ, при устройствѣ и спускѣ плотовъ и понтоновъ, а 124-й пѣхотный Воронежскій полкъ, по распоряженію штаба дѣйствующей арміи, остался на переправѣ, для защиты моста. Такимъ образомъ, вмѣсто полнаго корпуса, переправилась только одна 5-я пѣхотная дивизія, съ частью артиллеріи и бригадою кавалеріи **). Дабы дѣйствовать съ успѣхомъ противъ Никополя и Плевны, барону Криденеру надо было имѣть въ своемъ распоряженіи достаточныя силы, а потому пришлось ему и на болгарскомъ берегу Дуная выжидать нѣсколько дней, пока успѣли подтянуться остальныя части 9-го корпуса. Здѣсь для барона Криденера разомъ предстала двоякая, почти одинаково важная цѣль: никопольская цитадель и Плевна. Которой изъ двухъ отдать предпочтеніе? Съ которой начинать прежде?—Самое лучшее, безъ сомнѣнія, было

---

*) Полки 121-й Пензенскій и 122-й Тамбовскій.

**) 9-й уланскій Бугскій и 9-й казачій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лашкарева.

бы разомъ двинуть достаточно сильныя части противъ обѣихъ, но для такой операціи было недостаточно силъ одного корпуса, а бо́льшаго барону Криденеру неоткуда было взять. Предпочесть Никополю Плевну онъ не могъ уже потому, что Никополь хорошо укрѣпленная крѣпость, тогда какъ Плевна—открытый городъ; въ Никополѣ отъ 12-ти до 15-ти тысячъ гарнизона, въ Плевнѣ—никого; Никополь въ 40-ка верстахъ отъ Систова, Плевна въ 70-ти. Стало быть, первою задачею барона Криденера естественно долженъ былъ сдѣлаться Никополь.

Въ распоряженіе командира 9-го корпуса, для усиленія его кавалерійскихъ средствъ, была отдана Кавказская казачья бригада, стоявшая съ 23-го іюня на Осмѣ, въ Булгареняхъ, и вошедшая въ связь съ 9-мъ корпусомъ 25-го іюня вечеромъ *).

---

*) Кавказская казачья бригада, согласно приказу, переправилась черезъ Дунай 21-го іюня, но такъ какъ ей было велѣно переходить мостъ послѣ драгунской и сводной казачьей бригадъ передоваго отряда, съ ихъ артиллеріею и обозомъ, то кавказцы пришли на царевицкій бивуакъ только къ вечеру. 21-го же командиръ этой бригады, полковникъ Тутолминъ, получилъ приказаніе присоединиться къ 35-й пѣхотной дивизіи и вмѣстѣ съ нею продвинуться, въ юго-западномъ направленіи, на деревню Дели-Сула, что̀ и было исполнено 22-го іюня, послѣ схватки кавказскихъ казаковъ съ черкесскою конницею. Здѣсь вышло нѣкоторое недоразумѣніе, послужившее причиною новой, впрочемъ небольшой, задержки движенія: по увѣдомленію начальника 1-й бригады 35-й дивизіи (изъ Турской Сливы), полученному Тутолминымъ въ $5^1/_2$ часовъ по полудни 22 числа, Кавказской бригадѣ было предложено идти въ село Овчу Могилу (къ югу отъ Дели-Сулы); но по росписанію, данному полковнику Тутолмину въ главной квартирѣ 21-го числа, онъ долженъ былъ, дождавшись прибытія въ Дели-Сулу 35-й дивизіи (которая, по тому же росписанію, должна была стоять въ Дели-Сулѣ весь день 22-го іюня), выступить на рѣку Осму, къ Булгаренямъ (на юго-западъ отъ Дели-Сулы), оставаясь въ вѣдѣніи начальника 35-й дивизіи. Это обстоятельство потребовало выясненія, что̀ и влекло за собою извѣстную потерю времени; поэтому, желая наверстать время, полковникъ Тутолминъ поспѣшилъ на Осму, куда и прибылъ 23-го, а 35-я дивизія въ то же время перешла въ Овчу Могилу, чѣмъ и была возстановлена правильность расположенія войскъ, согласно первоначальному росписанію, данному штабомъ дѣйствующей арміи. 9-й корпусъ въ этотъ день долженъ былъ «расположиться у Систова», но онъ еще не начиналъ переправы. Кавказской же бригадѣ на 23-е число штабное росписаніе предписывало «*оставаться на Осмѣ*, выславъ развѣдочныя партіи».

На 24-е число, въ силу того же росписанія, 9-й корпусъ, «совершаетъ переходъ по пути на Плевну и Никополь», но онъ, какъ извѣстно, только что могъ начать переправу; «35-я дивизія остается на мѣстѣ», т. е. въ Овчей Могилѣ, а Кавказская бригада «*остается на Осмѣ* и поступаетъ въ распоряженіе командира 9-го корпуса». Стало быть, съ 24-го числа кончилось подчиненіе Кавказской бригады начальнику 35-й дивизіи; но такъ какъ штабъ 9-го корпуса еще не прибылъ за Дунай, то полковнику Тутолмину, въ виду положительнаго при-

26-го, утромъ, у барона Криденера имѣлось уже отъ Кавказской бригады свѣдѣніе, что въ Плевнѣ находится не болѣе полутораста человѣкъ вооруженныхъ турокъ *). Но принимая въ разсчетъ свыше 55-ти верстное разстояніе Плевны отъ Орѣше и недостаточность своихъ наличныхъ силъ, которыя не всѣ еще успѣли подтянуться къ бивуаку съ переправы, баронъ Криденеръ не могъ ничего выдѣлить отъ себя для занятія этого города. До Никополя оставалось ему 35 верстъ, т. е. одинъ переходъ, до Плевны же два перехода и, стало быть, самое раннее, что онъ могъ поспѣть туда — это 28-го вечеромъ **). Будь у барона Криденера въ данную минуту подъ рукою весь его корпусъ, о выдѣленіи трехъ-четырехъ батальо-

казанія «оставаться на Осмѣ», и въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, оставалось только выслать пока развѣдочныя партіи къ югу, въ направленіи на Сельви и Ловчу, и къ западу на Плевну. Это и было исполнено.

На 25-е іюня штабное росписаніе предписывало: «35-й дивизіи сдѣлать переходъ по направленію къ Бѣлѣ», т. е. съ праваго на лѣвый флангъ арміи, а 9-му корпусу съ Кавказскою бригадой — «направиться по распоряженію корпуснаго командира», и такъ какъ въ предписаніи собственно Кавказской бригадѣ было сказано, что она «получаетъ направленіе по распоряженію командира 9-го корпуса, то дабы узнать—какое, когда и куда это будетъ направленіе, а также— гдѣ именно находится штабъ 9-го корпуса?—полковникъ Тутолминъ выслалъ на поискъ послѣдняго полусотню кубанцевъ. Но 25-го іюня утромъ на булгаренскомъ бивуакѣ было получено изъ штаба арміи новое приказаніе о томъ, чтобы всѣмъ передовымъ отрядамъ *«оставаться на мѣстахъ»*, причемъ относительно Кавказской бригады упомянуто и мѣсто ея пребыванія «на Осмѣ», а 9-му корпусу тѣмъ же предписаніемъ было велѣно «переправиться и расположиться у Систова, по пути въ Плевну». Такимъ образомъ, къ вечеру 25-го, авангардъ барона Криденера прибылъ въ деревню Орѣше, около 12 — 15 верстъ отъ Систова, а передовой разъѣздъ его въ тотъ же день встрѣтился съ кубанскимъ разъѣздомъ въ деревнѣ Татары,—и съ этой минуты установилась связь между Кавказскою бригадой и 9-мъ корпусомъ.

*) Это свѣдѣніе первоначально было сообщено полковнику Тутолмину плевненскимъ іеродіакономъ Евфиміемъ Ѳедоровымъ, а затѣмъ эсауломъ Афанасьевымъ, который со своею 6-ю сотнею 30-го донскаго полка, вечеромъ 25-го іюня, пришелъ на булгаренскій бивуакъ изъ Плевны, гдѣ, какъ извѣстно, обезоружилъ двѣ команды заптіевъ; но такъ какъ Афанасьеву невозможно было забирать столькихъ людей съ собою, ибо это крайне обременило бы его сотню, превративъ ее изъ летучаго развѣдочнаго разъѣзда въ эскортъ плѣнныхъ, да и не было въ сотнѣ достаточнаго числа людей, которыхъ можно бы было, безъ особеннаго ущерба силамъ разъѣзда, выдѣлить въ конвой, то и пришлось отпустить заптіевъ на волю, ограничась только уничтоженіемъ ихъ оружія.

**) При убійственномъ зноѣ, стоявшемъ въ то время, пѣхота едва ли была бы въ состояніи сдѣлать 55 верстъ въ одинъ переходъ, по плохой дорогѣ, изобилующей въ первой своей половинѣ большими спусками и подъемами.

новъ въ Плевну не могло бы быть и рѣчи *), но ослаблять свою наличную 5-ю дивизію, въ виду возможности какого-либо значительнаго движенія противника изъ Никополя, не представлялось возможнымъ. До прибытія остальныхъ частей 9-го корпуса, рискованно было бы начать наступательныя дѣйствія и противъ Никополя; поэтому баронъ Криденеръ по неволѣ былъ вынужденъ на бездѣйствіе въ теченіи двухъ сутокъ 26-го и 27-го іюня, проведенныхъ въ Орѣше.

27-го же, вечеромъ, на булгаренскомъ бивуакѣ было получено отъ плевненскаго іеродіакона Евфимія свѣдѣніе, что въ Плевну пришли въ тотъ день къ тремъ часамъ шесть таборовъ турецкой пѣхоты, съ шестью орудіями и частью конницы, шедшихъ изъ-подъ Софіи къ Никополю, подъ начальствомъ Эдема-паши, который почему-то свернулъ въ Плевну и тамъ остается. Вслѣдствіе этого извѣстія, полковникъ Тутолминъ немедленно выслалъ къ Плевнѣ подполковника Бибикова, съ двумя сотнями Владикавказско-Осетинскаго полка, приказавъ ему произвести обстоятельную развѣдку тамошняго положенія дѣлъ, что и было исполнено 28-го утромъ.

На 28-е число генералъ Криденеръ назначилъ рекогносцировку Никополя, которая и исполнена по обоимъ берегамъ Осмы: на правомъ—авангардомъ 9-го корпуса (т. е. бригадой генерала Лашкарева), а на лѣвомъ должна была быть поддержана Кубанскимъ казачьимъ полкомъ. Такимъ образомъ, въ этотъ день происходили двѣ рекогносцировки: Плевны и Никополя, а съ 29-го іюня началось наступательное дѣйствіе противъ послѣдняго, и для сего кавалерійскимъ частямъ 9-го корпуса предписано:

1) Кавалерійской бригадѣ 9-го корпуса (отрядъ генералъ-маіора Лашкарева) двинуться въ Дебо и занять мостъ черезъ Осму у селенія Мисылеу, а если окажется возможнымъ, то и переправу черезъ рѣку Видъ у селенія Гиляны.

2) Кавказской казачьей бригадѣ, сохраняя связь съ передовыми отрядами, т. е. съ габровскимъ и тырновскимъ, наблюдать за городомъ Плевной и стараться вмѣстѣ съ тѣмъ

---

*) Да и это не могло бы принести пользы, такъ какъ Плевна съ трехъ часовъ дня 27-го іюня уже была занята шестью таборами, шестью орудіями и нѣсколькими сотнями черкесовъ, подъ начальствомъ Эдема-паши.

поддерживать дѣйствія отряда генералъ-маіора Лашкарева, для перерыва сообщеній крѣпости Никополя съ Плевной и Виддиномъ. Вслѣдствіе этого полковникъ Тутолминъ направилъ одну полусотню (сотника Верещагина) въ Тырновъ, двѣ сотни (подъ начальствомъ войсковаго старшины князя Кирканова), для наблюденія за Плевной, выдвинулъ въ село Турскій Трестеникъ, на узелъ дорогъ, ведущихъ изъ Плевны въ Бѣлу и Систово и изъ Никополя въ Ловчу, одну сотню оставилъ въ Булгареняхъ при обозѣ, а остальныя $8^1/_2$ сотень перешли въ село Мечку, испортили плевно-никопольскую телеграфную линію, отразили партію черкесовъ, захватили обозъ и вошли въ связь съ отрядомъ генерала Лашкарева, отъ котораго полковникъ Тутолминъ получилъ записку, что онъ, генералъ Лашкаревъ, въ этотъ день Осму не переходилъ, а стоитъ у деревни Марховицы, въ виду Никополя.

Приказъ барона Криденера на 30-е іюня предписывалъ: 1) 19-му пѣхотному Костромскому полку, оставя четыре роты въ Булгареняхъ при обозѣ, выдвинуться на позицію къ Турскому Трестенику и наблюдать за Плевной; 2) 1-й бригадѣ 5-й пехотной дивизіи *) дойдти до Мечки и наблюдать за путями, ведущими изъ Никополя въ Плевну, и 3) Кавказской казачьей бригадѣ содѣйствовать однимъ полкомъ Костромскому полку, а другимъ—1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи. По этому полковникъ Тутолминъ приказалъ: двумъ сотнямъ (князя Кирканова), по вчерашнему, оставаться въ Турскомъ Трестеникѣ, одной сотнѣ—при обозѣ въ Булгареняхъ, а остальнымъ $8^1/_2$ сотнямъ, находившимся въ Мечкѣ, пришлось, до прибытія въ это селеніе пѣхоты, подошедшей только позднимъ вечеромъ, два раза отразить значительныя партіи черкесовъ и сдѣлать рекогносцировку видскаго моста у селенія Гиляны, причемъ опять была схватка съ черкесами. Кромѣ того, полковникъ Тутолминъ опять вошелъ въ связь съ авангардомъ 9-го корпуса, стоявшимъ, по вчерашнему, на правомъ берегу Осмы, у деревни Марховицы, пославъ генералу Лашкареву извѣстіе о рекогносцировкѣ Гилянскаго моста; генералъ Лашкаревъ, въ свою очередь, извѣстилъ его, что авангардъ 9-го корпуса въ этотъ день выбилъ противника съ ближайшей къ

*) 17-му Архангелогородскому и 18-му Вологодскому пѣхотнымъ полкамъ.

себѣ никопольской позиціи въ деревнѣ Вубе (она же Вубла и Убла).

1-го іюня 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи дошла по лѣвому берегу Осмы до деревни Дебо, и здѣсь въ авангардѣ ея, за неимѣніемъ при ней кавалеріи, стали двѣ сотни Кавказской бригады (подполковника Энгельгардта), которыя, уничтоживъ мостъ въ Гилянахъ, перешли на ночлегъ въ Дебо; остальныя же 6½ сотень кавказцевъ были выдвинуты на лѣвый флангъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, въ деревню Бресляницу, и въ этотъ день имѣли новое дѣло съ сильною партіей черкесовъ. Связь съ отрядомъ генерала Лашкарева въ Марховицахъ поддерживалась непрерывно.

2-го іюля 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи предстояло овладѣть ближайшими къ Никополю позиціями, находящимися между рѣками Осмой и Видомъ, въ районѣ селеній Мисылеу и Джурну-Село, Градешти и Шамлы; Бугскому уланскому полку предписано переправиться въ бродъ черезъ Осму и присоединиться къ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи, оставя обозы въ Дебо, подъ прикрытіемъ сотни изъ состава Кавказской бригады, а эта послѣдняя должна была прикрывать движеніе 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи со стороны Плевны; но исполненіе всей этой задачи отложено до слѣдующаго дня, по той причинѣ, что не всѣ еще части пѣхоты 9-го корпуса, необходимыя для поддержки предпріятія на правомъ берегу Осмы, успѣли стянуться къ мѣстамъ своего назначенія, Кавказская же бригада, въ силу полученнаго на этотъ день приказанія—«прикрывать движеніе генерала Шильдеръ-Шульднера со стороны Плевны»—двинулась въ составѣ 6½ сотень на Градешти, какъ въ узелъ сообщеній Никополя съ Плевной, Раховымъ и Виддиномъ, и имѣла горячее и въ началѣ весьма удачное дѣло у Градешти, послѣ котораго однако, за неимѣніемъ своевременной поддержки со стороны пѣхоты, была вынуждена, по приказанію генерала Шильдеръ-Шульднера, отойдти къ Дебо.

Наконецъ, вечеромъ 2-го іюля, войска, необходимыя для основательныхъ дѣйствій противъ Никополя, успѣли уже стянуться и появились въ виду никопольскихъ оборонительныхъ позицій, причемъ 20-й пѣхотный Галичскій полкъ занялъ дер. Вубе, находившуюся въ центрѣ нашего расположенія. Дѣло пред-

положено было на 3-е іюля, и потому баронъ Криденеръ не замедлилъ лично произвести предварительный подробный обзоръ непріятельскихъ позицій. Главнѣйшая изъ нихъ лежала къ востоку отъ цитадели, на высотѣ, которая господствуетъ и надъ крѣпостью, и надъ городомъ. Эта позиція была еще усилена редутомъ весьма прочной постройки, съ амбразурами, глубокимъ рвомъ и каменными эскарпами. Вооруженный двумя крупповскими орудіями большаго калибра, онъ окруженъ крайне пересѣченною мѣстностью, которая вся была изрыта ложементами, а кромѣ того впереди редута и къ востоку отъ него нѣсколько батарей полевой профили обстрѣливали доступы къ позиціи, ведущіе по балкѣ Ермини. Такова была позиція лѣваго фланга турокъ. Въ центрѣ у нихъ, къ юго-западу отъ Никополя, противъ дер. Вубе, составлявшей, какъ сказано, центръ и нашего расположенія, устроена была большая батарея съ фланками и ложементами, хотя и полевой профили, но вооруженная тремя дальнобойными орудіями Круппа *).

Кудрявые виноградники, сады фруктовыхъ деревьевъ и кукурузныя поля покрывали собою всю мѣстность, какъ впереди этой батареи, такъ и въ сторону до балки Ермини, и между всею этою зеленою массою растительности, въ превосходныхъ закрытіяхъ, маскировались стрѣлковые ровики, занятые сильными цѣпями; далѣе къ югу мѣстность эта, послѣ садовъ и виноградниковъ, являла пустыри, поросшіе сорными травами, колючкою и бурьяномъ, а затѣмъ переходила въ открытое пахатное, но ничѣмъ не засѣянное поле, по которому намъ предстояло вести наше наступленіе. Правый флангъ турецкой позиціи расположенъ былъ къ западу, на покатостяхъ, склоняющихся къ р. Осмѣ, и по направленію къ дорогѣ, ведущей изъ Никополя въ дер. Джурну-Село (плевненская дорога). Эти покатости оканчиваются обрывами, мало доступными и трудно одолимыми. Но этимъ еще не кончалась прекрасная оборонительная позиція противника: она переходила и на лѣвый берегъ Осмы, гдѣ на высотахъ, лежащихъ между

*) Изъ этой батареи, при взятіи ея нашими войсками, турки успѣли перевезти два орудія въ редутъ, находившійся позади, ближе къ Никополю, и вооруженный кромѣ того орудіемъ большаго калибра, заряжающимся съ дула.

Осмою и сосѣднею съ нею рѣкою Видъ, былъ выдвинутъ особый отрядъ, занимавшій пространство отъ дер. Мисылеу до дер. Градешти. Для обороны всѣхъ этихъ позицій турки, по нашимъ свѣдѣніямъ, имѣли отъ 12-ти до 15-ти тысячъ регулярнаго войска, и кромѣ того, по нашимъ же слухамъ, ожидали къ себѣ еще подкрѣпленій изъ Рахова и Плевны.

Самый городъ расположенъ въ узкомъ каменистомъ ущельѣ, устье котораго выходитъ прямо къ Дунаю, и раздѣляется на три квартала: дунайскій, или турецкій кварталъ переполненъ плохими турецкими домишками, глинобитной постройки, рыбачьими хижинами, грязными кофейнями, лавченками и т. п.; болгарскій кварталъ, съ довольно красивою церковью и порядочною школою залегаетъ въ самомъ ущельѣ и примыкаетъ къ еврейскому кварталу, который считается лучшимъ въ городѣ, какъ по своему мѣстоположенію, такъ и по постройкамъ. Общее число никопольскихъ жителей считается въ 20,000 человѣкъ, и городъ, кромѣ своего значенія какъ пристани, служитъ складочнымъ мѣстомъ иностранныхъ товаровъ и болгарскихъ произведеній. Прежнія укрѣпленія Никополя состоятъ изъ Дунайскаго форта (Туна-кале) и цитадели. Первое изъ нихъ, примыкая съ юго-запада къ высокимъ скаламъ, окружено землянымъ валомъ и рвомъ, съ восточной же стороны соединяется съ городомъ посредствомъ подъемнаго моста. Внутри Туна-кале построено нѣсколько домиковъ для гарнизона. Цитадель образуетъ продолговатый четырехугольникъ, вполнѣ соотвѣтствующій очертанію вершины скалы, на которой построено это укрѣпленіе. Восточный уголъ цитадели защищенъ полукруглымъ бастіономъ, длинныя же стороны четырехугольника, обращенныя на сѣверъ и на югъ, усилены двумя бастіонами. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, укрѣпленія Никополя были весьма значительно усилены какъ въ фортификаціонномъ, такъ и въ артиллерійскомъ отношеніяхъ.

По осмотрѣ непріятельскаго расположенія, баронъ Криденеръ рѣшилъ, что наступленіе на Никополь надо вести двумя отрядами, изъ коихъ первый, подъ личнымъ его начальствомъ, долженъ былъ дѣйствовать по правую сторону р. Осмы, а другой, ввѣренный генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру—по лѣвому берегу той же рѣки, имѣя конечною

цѣлью обходъ непріятельской позиціи, дабы отрѣзать противнику всякое сообщеніе съ Раховымъ и Плевной.

Для атаки никопольскихъ позицій баронъ Криденеръ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія, окончательно выполненныя къ четыремъ часамъ утра 3-го іюля:

Въ центрѣ, начиная отъ дер. Вубе, къ востоку, до скатовъ въ лощину Ермини, наскоро были набросаны насыпи и за ними стали пять 9-ти-фунтовыхъ батерей (40 орудій). Лѣвый флангъ этой артиллерійской линіи составляла дер. Вубе, занятая Галичскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а на правомъ ея флангѣ 121-й пѣхотный Пензенскій генералъ-адъютанта Милютина полкъ занялъ небольшую рощицу, которая раскинулась по верховью балки Ермини, и водяныя мельницы, притаившіяся въ глубинѣ самой балки. Таково было расположеніе *главныхъ* атакующихъ силъ, имѣвшихъ у себя въ общемъ резервѣ, за серединою боевой линіи, 122-й пѣхотный Тамбовскій полкъ, двѣ сотни казаковъ и 22 орудія *). Правый флангъ общаго нашего расположенія прикрывали три сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Нагибина **), который преимущественно долженъ былъ наблюдать за дорогою, ведущею изъ Никополя въ селеніе Тюркъ-Бѣляны. Со стороны же лѣваго фланга главныхъ силъ, для связи ихъ съ заосминскимъ отрядомъ генерала Шильдеръ-Шульднера и для содѣйствія ему въ овладѣніи мостомъ чрезъ Осму у дер. Мисылеу, поставлены были въ устьѣ Слатинской лощины 123-й пѣхотный Козловскій полкъ и двѣ казачьи сотни. Этому послѣднему отряду велѣно было, по исполненіи своей ближайшей задачи, наступать на Никополь по правой сторонѣ Осмы. Надъ войсками праваго фланга начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, а надъ лѣвымъ флангомъ генералъ-маіоръ Лашкаревъ.

Отряду генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера ***)

---

*) Сотни казачьяго донскаго № 9-го полка, а артиллерія: 5-я батарея 5-й артиллерійской бригады, 6-я батарея 31-й артиллерійской бригады и донская казачья № 2-го батарея.

**) Командира донскаго казачьяго № 9-го полка.

***) Составъ отряда генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера: 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи (полки 17-й Архангелогородскій и 18-й Вологодскій, 4-я и 6-я батареи 5-й артиллерійской бригады и 4-я батарея 31-й артиллерій-

назначено было двинуться съ разсвѣтомъ въ мѣстность между рѣками Видомъ и Осмой, овладѣть мостами чрезъ эту послѣднюю, а затѣмъ дѣйствовать противъ турецкихъ силъ, расположенныхъ на правомъ берегу Осмы. Для этой послѣдней цѣли ему было предложено: по овладѣніи мостомъ у Мисылеу, направить на правый берегъ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ своего отряда, а чтобы прикрыть наступленіе свое со стороны Плевны, велѣно было оставить на позиціи у плевненской дороги, около села Градешти, $6^1/_2$ сотень Кавказской сводной бригады *); для прикрытія же себя отъ Рахова, онъ долженъ былъ выдвинуть сильный наблюдательный отрядъ немедленно по овладѣніи мостами на Осмѣ.

Въ четыре часа утра наши сорокъ девяти-фунтовыхъ орудій, стоявшихъ въ центрѣ позиціи, открыли огонь, на который турки отвѣчали тѣмъ же, съ прибавкою сильнаго огня ружейнаго, направленнаго преимущественно противъ Галичскаго полка **)—и бой завязался...

Для болѣе наглядной передачи хода дѣла слѣдуетъ прежде остановить вниманіе на дѣйствіяхъ заосминскаго отряда.

Одновременно съ началомъ артиллерійскаго боя въ центрѣ, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ, находившійся въ дер. Дебо, началъ свое обходное движеніе противъ праваго фланга непріятеля. Боевыя линіи его отряда состояли изъ двухъ батальоновъ Вологодскаго полка съ двумя батареями, а третій батальонъ того же полка слѣдовалъ за ними въ резервѣ.

Въ связи съ этимъ наступленіемъ, 17-й пѣхотный Архангелогородскій полкъ съ одною батареею и полусотнею кубанскихъ казаковъ, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Кнорринга, направленъ былъ къ дер. Градешти, съ тѣмъ чтобы занять ее и потомъ идти противъ праваго фланга непріятельской заосминской позиціи.

Было семь часовъ утра, когда одна изъ батарей ***) нашего заосминскаго отряда открыла огонь, встрѣченный весьма энергическимъ отвѣтомъ со стороны противника изъ двухъ

ской бригады), $8^1/_2$ сотень Кавказской сводной бригады, при шести горныхъ орудіяхъ, и 9-й уланскій Бугскій полкъ.

*) Подъ начальствомъ командира ея, полковника Тутолмина.

**) Занимавшаго дер. Вубе.

***) 4-я батарея 5-й артиллерійской бригады.

его укрѣпленій, расположенныхъ на неравныхъ дистанціяхъ и вооруженныхъ крупповскими пушками разныхъ калибровъ. Вологодскій полкъ, встрѣчаемый гранатами съ фронта, а потомъ поражаемый и во флангъ съ батарей праваго берега Осмы и изъ крѣпостныхъ орудій, поставленныхъ на юго-западномъ (отъ Никополя) скатѣ, завязалъ было перестрѣлку, но видя ея безполезность, въ виду такой массы артиллерійскихъ снарядовъ, пошелъ прямо въ атаку. Мѣстность, по которой предстояло ему вести свое наступленіе, представляла рядъ глубокихъ овраговъ, гдѣ на противномъ гребнѣ каждаго изъ нихъ являлась для непріятеля весьма выгодная позиція, и Вологодскому полку пришлось одолѣть, послѣдовательно одну за другою, цѣлыхъ пять такихъ позицій, выбивая изъ каждой противника штыками, пока наконецъ турки не отступили на мостъ (чрезъ Осму) у дер. Джурну-Село. Успѣшному исходу этой атаки помогъ огонь одного взвода (два орудія) донской № 2-го батареи, который былъ направленъ изъ резерва къ устью Слатинской балки *). Взобравшись съ величайшимъ трудомъ на крутую покатость этой балки, взводъ поражалъ продольнымъ огнемъ непріятельскія войска и батареи, дѣйствовавшія противъ вологодцевъ съ лѣваго берега Осмы, и этимъ облегчилъ для послѣднихъ результатъ ихъ трудной атаки, вынудивъ турокъ къ скорѣйшему отступленію. Генералъ-маіоръ Богацевичъ, наблюдавшій все время за ходомъ боя, чуть лишь замѣтилъ, что турки отступаютъ, двинулъ къ рѣкѣ Козловскій полкъ, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, приказавъ ему прикрыться густою стрѣлковою цѣпью, которая быстро заняла мостъ у Мисылеу. Начальствовавшій лѣвымъ флангомъ генералъ Лашкаревъ, желая усилить дѣйствіе нашей атаки на турокъ, приказалъ 3-му батальону козловцевъ временно перейдти на лѣвую сторону Осмы, и этотъ маневръ еще болѣе повліялъ на быстроту отступленія противника **). Отступивъ въ долину

---

*) Подъ начальствомъ командира этой батареи, полковника Рытикова и по его представленію о необходимости этого дѣйствія.

**) Батальонъ этотъ, согласно общему плану наступленія и по распоряженію начальника корпуснаго штаба, генералъ-маіора Шнитникова, наблюдавшаго за ходомъ сраженія на лѣвомъ флангѣ, былъ послѣ того возвращенъ къ своему полку, для дѣйствія противъ высотъ праваго берега Осмы.

Осмы, турки снова покусились было остановить наступленіе вологодцевъ и козловцевъ; для этого они заняли новую позицію къ сѣверу, у мельницы, близь дер. Чиракъ. Но тутъ 2-я стрѣлковая рота Козловскаго полка, подхваченная генеральнаго штаба подполковникомъ Мацѣевскимъ, съ крикомъ «ура» и безъ единаго выстрѣла бросилась впередъ, выбила турокъ изъ закрытій и заняла мельницу. Тогда на помощь къ ней подоспѣли 7-я и 8-я линейныя роты, которыя совокупно со стрѣлками принудили противника бѣжать также изъ оврага, куда онъ засѣлъ послѣ того какъ ему пришлось оставить мельницу. Пока шла работа этихъ трехъ ротъ, остальныя двѣ роты 2-го батальона козловцевъ, продолжая свое движеніе вдоль подошвы высотъ праваго берега Осмы, выдержали бой при дер. Джурну-Село, которая и была занята ими. Такимъ образомъ, противникъ бѣжалъ по лощинѣ къ высотамъ и вскорѣ очистилъ второй мостъ на Осмѣ, по которому присоединился къ Козловскому полку его 3-й батальонъ съ лѣваго берега, а за нимъ перешли на правый берегъ и два батальона вологодцевъ (1-й и 2-й). Послѣ этого оба полка начали подниматься на высоты подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, который заставилъ ихъ пріостановиться. Видя это минутное замѣшательство, генералъ Богацевичъ, оставшійся въ строю, не смотря на полученную имъ контузію, взялъ изъ Козловскаго полка три роты, быстро поднялся съ ними вверхъ и внезапнымъ появленіемъ своимъ на высотѣ отогналъ непріятеля на приличное разстояніе, давъ такимъ образомъ возможность собраться и устроиться остальнымъ ротамъ Козловскаго полка, наступавшимъ все время по обрывамъ и рытвинамъ. Но имъ необходимо было дать полчаса на отдыхъ и возможность утолить сильную жажду, послѣ чего генералъ Богацевичъ снова двинулся впередъ, отрядивъ полковника Степанова *) съ шестью ротами козловцевъ для занятія мельницы у входа въ слѣдующій оврагъ, и приказавъ ему, по исполненіи сего, наступать съ этими ротами на Никополь, правѣе раховской дороги, а лѣвѣе ея были двинуты по тому же направленію еще четыре роты, изъ коихъ одна слѣдовала въ резервѣ. Въ это время 1-й ба-

*) Командира Козловскаго полка.

тальонъ Вологодскаго полка, взбиравшійся на высоты лѣвѣе козловцевъ и успѣвшій уже захватить одно укрѣпленіе съ четырьмя орудіями, наткнулся на болѣе сильнаго противника, который и вынудилъ его къ отступленію. Однако же генералъ Богацевичъ какъ разъ во-время подоспѣлъ къ нему на помощь съ нѣсколькими ротами Козловскаго полка и успѣлъ снова отбросить непріятеля. Пѣхота наша на столько была разстроена подъемомъ на крутыя высоты, что необходимо было дать ей еще одинъ небольшой отдыхъ. Генералъ Богацевичъ воспользовался временемъ этой вторичной остановки для того, чтобы устроить кое-какъ остатки 1-го батальона вологодцевъ. Старшихъ офицеровъ этой части не оказалось на лицо, равно какъ и въ четырехъ ротахъ Козловскаго полка, занявшихъ укрѣпленіе, взятое вологодцами. Тутъ не было не только батальонныхъ, но и ротныхъ командировъ; изъ которыхъ одни были ранены или убиты, а другіе, выбившись изъ силъ, отстали во время подъема на крутизны. Поэтому генералъ Богацевичъ поручилъ командованіе надъ вологодскимъ 1-мъ батальономъ адъютанту сего батальона, поручику Бачевскому, а четыре роты козловцевъ ввѣрилъ подполковнику Мацієвскому. Между тѣмъ 1-й и 3-й батальоны Козловскаго полка также поднялись на высоты, и здѣсь къ нимъ присоединился только что устроенный батальонъ вологодцевъ. Эти три части совмѣстно стали продолжать атаку по направленію къ турецкому лагерю, чуть не на каждомъ шагу выбивая противника изъ ложементовъ и овраговъ, пока, наконецъ, послѣ сильной перестрѣлки, не овладѣли лагеремъ и не заняли оврагъ и сады передъ редутомъ, по раховской дорогѣ. Около семи часовъ вечера непріятель, выйдя изъ этого редута, началъ обходить по лощинѣ лѣвый флангъ козловцевъ и вологодцевъ. Вслѣдствіе этого вся ихъ цѣпь постепенно стала подаваться назадъ; но генералъ Богацевичъ, узнавъ, что позади находится еще 2-й батальонъ Вологодскаго полка, направилъ его на подкрѣпленіе отступающаго лѣваго фланга. Одновременно и баронъ Криденеръ, замѣтивъ, что дѣло здѣсь грозитъ принять невыгодный оборотъ, приказалъ послать туда взводъ донской № 2-го батареи, а за нимъ и всю 5-ю батарею 5-й артиллерійской бригады. Туда же, по приказанію генерала Лашкарева, подоспѣли и три

сотни донскаго казачьяго № 9-го полка. Прибытіе свѣжихъ частей, а главнѣе всего—отличное дѣйствіе двухъ донскихъ орудій, которыя первыми примчались на помощь, заставили турокъ не только отказаться отъ обхода, но и прекратить огонь изъ редута. Тогда козловцы съ вологодцами снова двинулись впередъ, подъ покровительствомъ артиллерійскаго огня, и опять заняли рвы, канавы и окраины садовъ впереди редута, а казаки *) пустились въ догонку за противникомъ и гнали его почти до крѣпостныхъ рвовъ, когда наконецъ стемнѣвшій вечеръ заставилъ прекратить преслѣдованіе и перестрѣлку.

Описавъ послѣдовательно дѣйствія частей отряда генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, должно теперь перейдти къ дѣйствіямъ нашего центра, начавъ съ 20-го пѣхотнаго Галичскаго полка, который — какъ уже сказано — занималъ дер. Вубе, въ центрѣ расположенія нашей боевой линіи, служа прикрытіемъ слѣва для ряда 9-ти-фунтовыхъ орудій, дѣйствовавшихъ противъ центральной позиціи противника.

Ко времени подъема Козловскаго полка на высоты праваго берега Осмы, генеральнаго штаба полковникъ Макшеевъ-Мамоновъ передвинулъ двѣ казачьи сотни донскаго № 9-го полка изъ Слатинской лощины на западную оконечность селенія Вубе, гдѣ онѣ и расположились за высотою. Сдѣлано это было съ цѣлью заполнить довольно значительный и не безопасный промежутокъ, образовавшійся между Козловскимъ и Галичскимъ полками, и для обезпеченія фланговъ обоихъ этихъ полковъ**).

Былъ уже второй часъ дня, когда баронъ Криденеръ получилъ личное донесеніе начальника корпуснаго штаба объ успѣшномъ ходѣ дѣла на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Съ появленіемъ же Козловскаго полка на высотахъ праваго берега Осмы, баронъ Криденеръ отдалъ приказаніе Галичскому полку и батареямъ центра начать наступленіе на Никополь. Руководимыя начальникомъ артиллеріи 9-го корпуса, генералъ-маіоромъ Калачевымъ, батареи наши въ замѣчательномъ порядкѣ и съ полнымъ спокойствіемъ стали переходить съ одной позиціи на другую, искусно и настойчиво преодолѣвая всѣ мѣст-

---

*) Подъ командою войсковаго старшины Смирнова.

**) Праваго Козловскаго и лѣваго Галичскаго.

ныя препятствія. Галичскій полкъ въ то же время усилилъ свою цѣпь, противъ которой въ шестистахъ шагахъ засѣлъ за завалами непріятель. Послѣ непродолжительнаго, но учащеннаго огня, Галичскій полкъ, воодушевленный своимъ командиромъ, полковникомъ Разгильдѣевымъ, взялъ «на руку» и съ крикомъ «ура» отважно бросился впередъ, не смотря на совершенно открытую мѣстность, которая сплошь подвержена была сильнѣйшему ружейному огню непріятеля. Большинство офицеровъ сами шли съ ружьями въ рукахъ и, съ крикомъ «ура», первыми бросались впередъ, предъ фронтомъ своихъ частей. Турки не выдержали этого натиска и стали довольно спѣшно отходить къ своимъ укрѣпленіямъ, прежде чѣмъ галичскіе успѣли достигнуть до заваловъ. За этими завалами пошла уже весьма пересѣченная мѣстность, по которой цѣпь галичскихъ стрѣлковъ, увлеченная боемъ и во-время подкрѣпленная ротами второй линіи, безъ устали продолжала насѣдать на непріятеля и быстро достигла большой батареи, за которою былъ расположенъ одинъ изъ непріятельскихъ лагерей. Немедленно же овладѣвъ этою батареею и ея побочными укрѣпленіями, лежащими противъ дер. Вубе, 2-й батальонъ Галичскаго полка захватилъ тутъ же одно изъ крупповскихъ орудій, которое турки не успѣли вывезти.

Отсюда 1-й батальонъ взялъ вправо и по окраинѣ балки двинулся къ сильному и прочно построенному редуту, расположенному съ восточной стороны города, на командующей высотѣ, о чемъ уже упоминалось выше, при описаніи никопольскихъ позицій. Люди 1-й линейной роты, наступавшіе впереди *), бросились въ ровъ редута для овладѣнія его брустверами; но здѣсь противникъ встрѣтилъ ихъ сильнѣйшимъ огнемъ, такъ что они, не имѣя вблизи поддержки, вынуждены были убраться изо рва и искать укрытій въ лощинахъ передъ редутомъ. Это было уже около четырехъ часовъ по полудни. Замѣтивъ неудачу отважной попытки 1-го батальона, баронъ Криденеръ вызвалъ изъ резерва, на подкрѣпленіе галичскимъ, 3-й батальонъ Тамбовскаго полка. Перейдя черезъ верховья городской балки, батальонъ этотъ направился по высотѣ прямо

*) Имѣя во главѣ своего командира, капитана Квиткина, и подпоручика Борисовича.

на редутъ, сдѣлавшійся теперь главнѣйшимъ предметомъ усилій нашего центра и праваго фланга. Подъ сильнымъ артиллерійскимъ и стрѣлковымъ огнемъ, тамбовцы успѣшно погнали предъ собою турокъ, выбивая ихъ изъ мѣстныхъ закрытій, усиленныхъ ровиками и ложементами. Подобно галичскимъ, дойдя до редута, 3-й батальонъ бросился впередъ, но потерпѣлъ двукратную неудачу. Впрочемъ, послѣ его вторичной атаки часть людей 11-й линейной роты осталась во рву редута, и это обстоятельство обезпечило удачу третьяго приступа, который исполненъ былъ слѣдующимъ образомъ: получивъ извѣстіе о двухъ отраженныхъ атакахъ 3-го батальона тамбовцевъ, баронъ Криденеръ поручилъ начальнику своего штаба *) отправиться на нашъ правый флангъ для ближайшихъ наблюденій и распоряженій. Генералъ Шнитниковъ прежде всего поспѣшилъ направить на редутъ остальные два батальона Тамбовскаго и одинъ батальонъ Пензенскаго полковъ. Вскорѣ послѣ этого распоряженія, къ редуту подоспѣли три свѣжія роты тамбовцевъ, которымъ удалось, вмѣстѣ съ частію людей Галичскаго полка, обойдти это укрѣпленіе съ сѣвернаго фаса. Немедленно бросившись на штурмъ съ этой стороны, онѣ заняли входъ и ворвались во внутрь редута, который и перешелъ такимъ образомъ въ ихъ руки. Здѣсь происходило одно изъ самыхъ ожесточенныхъ побоищъ; довольно сказать, что вся внутренняя часть укрѣпленія, весь ровъ его и вся окрестная мѣстность были просто усѣяны мертвыми тѣлами.

Послѣ этого послѣдняго штурма, части Тамбовскаго и Галичскаго полковъ продолжали наступленіе по восточной сторонѣ городской балки и достигли окраины города, гдѣ поддерживали еще нѣкоторое время перестрѣлку съ противникомъ, отступившимъ въ улицы и въ крѣпость. Въ этомъ положеніи застала ихъ вечерняя темнота, которая вынудила обѣ стороны, слишкомъ утомленныя продолжительнымъ боемъ, положить конецъ перестрѣлкѣ.

Правая оконечность нашего центра, гдѣ находился 121-й пѣхотный Пензенскій генералъ-адъютанта Милютина полкъ, тоже имѣла свою долю участія въ общемъ наступленіи на Никополь, хотя здѣсь преимущественно дѣйствовала наша артил-

*) Генералъ-маіору Шнитникову.

лерія, а дѣйствіе Пензенскаго полка ограничивалось прикрытіемъ справа линіи 9-ти-фунтовыхъ батарей. Во время вышеописанныхъ дѣйствій Пензенскій полкъ, разсыпавъ цѣпь, велъ перестрѣлку съ непріятелемъ, который на своемъ лѣвомъ флангѣ, противъ дер. Ермини, имѣлъ стрѣлковые ложементы и двѣ батареи. Впрочемъ, дѣйствіе этихъ батарей было вскорѣ прекращено огнемъ нашихъ орудій *), которыя взяли ихъ во флангъ и стрѣляли столь удачно, что значительно перебили у турокъ лошадей и прислугу, такъ что противникъ, покинувъ на шанцахъ два орудія и всѣ артиллерійскіе припасы, спѣшилъ уйдти со своей позиціи. Когда же насталъ моментъ общаго наступленія, то Пензенскій полкъ, по приказанію генерала Вельяминова, около четырехъ часовъ дня, двинулся правымъ крыломъ впередъ и спокойно - мѣткимъ, выдержаннымъ огнемъ своимъ не только заставилъ замолчать непріятеля, не жалѣвшаго, напротивъ, патроновъ, но и принудилъ его стрѣлковыя цѣпи бѣжать, и на бѣгу отстрѣливаться зря, изъ-подъ руки или съ плеча и даже не оборачиваясь лицомъ назадъ для болѣе вѣрнаго выстрѣла. Впрочемъ, такая манера стрѣльбы, о которой я уже упоминалъ однажды, по замѣчанію нашихъ офицеровъ и солдатъ, составляетъ обыкновенное явленіе у турокъ при отступленіи: они, перебѣгая съ позиціи на позицію, или вообще, что называется, «удирая», кладутъ ружья дуломъ назадъ подъ лѣвую руку или на лѣвое плечо, стараясь лишь придать имъ горизонтальное положеніе, и бѣгутъ безъ остановокъ, стрѣляя вовсе безъ оглядки назадъ, и стараясь только выпустить какъ можно болѣе патроновъ. Стрѣльба же изъ-за ложементовъ и вообще изъ-за прикрытій, несравненно болѣе дѣйствительна у турокъ, потому что здѣсь они смотрятъ лицомъ впередъ, и хотя при этомъ точно также выпускаютъ огромное количество зарядовъ, но все же процентъ попаданія является довольно достаточнымъ, такъ какъ люди видятъ своего противника. Въ каждомъ дѣлѣ, бывшемъ до сихъ поръ у турокъ съ нашими войсками, солдаты наши всегда находили въ ихъ ложементахъ и закрытіяхъ полныя большія коробки оставленныхъ патроновъ, и судя по ихъ количеству и расположенію, надо думать, что коробки эти доставляются на позиціи заблаговременно,

*) 1-й батареи 1-й артиллерійской бригады.

распредѣляясь на извѣстное количество людей (два-три человѣка). Отъ этого-то у турокъ такъ рѣдко случаются пріостановки въ огнѣ; отъ этого и самый огонь ихъ столь частъ, безразсчетенъ и мало дѣйствителенъ относительно числа выпущенныхъ патроновъ.

Отступленіе противника изъ ложементовъ дало возможность Пензенскому полку подвинуться еще болѣе впередъ, такъ что къ восьми часамъ вечера одинъ изъ батальоновъ этого полка подошелъ къ восточному редуту, который, впрочемъ, въ это время былъ уже окончательно въ нашихъ рукахъ.

Теперь остается перейдти къ дѣйствіямъ побочныхъ отрядовъ праваго и лѣваго фланговъ.

Три сотни донскаго казачьяго № 9-го полка, подъ начальствомъ своего полковаго командира, полковника Нагибина, зорко наблюдали на нашемъ правомъ флангѣ все пространство отъ дер. Ермини до Дуная. Встрѣтивъ близь этой деревни непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ ея садахъ, двѣ сотни *) спѣшили часть своихъ людей и огнемъ выбивъ противника изъ садовъ, заставили его бѣжать къ Никополю. Тою же дорогою (на Ермини, Тюркъ-Бѣляны, Якову, Ново-Село и Турскій Трестеникъ) турки пытались было пробраться за горами изъ Никополя въ Плевну. Но 5-я сотня № 9-го и 4-я сотня № 34-го донскихъ полковъ, съ четырьмя орудіями № 2-го батареи, прибывшія сюда по приказанію барона Криденера, подъ командою сына его, подполковника Антона Криденера, произвели по берегу Дуная весьма удачный поискъ, который и прекратилъ всѣ покушенія непріятеля выбраться этимъ путемъ изъ Никополя. Этимъ и окончились дѣйствія побочнаго правофлангового отряда. Что касается лѣваго фланга, за Осмой, то здѣсь, какъ было уже сказано, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ отрядилъ отъ себя 17-й пѣхотный Архангелогородскій полкъ съ одною батареею и полусотнею кубанскихъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кнорринга, для овладѣнія деревнею Градешти, съ тѣмъ чтобы, занявъ оную, идти потомъ противъ праваго фланга непріятельской заосминской позиціи. На пути слѣдованія этого отряда къ Градешти, генералъ

*) 3-я и 6-я сотни.

Лашкаревъ отрядилъ въ помощь ему еще 9-й уланскій Бугскій полкъ. Въ совокупности съ этимъ послѣднимъ полкомъ, отрядъ генерала Кнорринга, достигнувъ Градешти и наступая оттуда въ обхватъ праваго непріятельскаго крыла, былъ на нѣкоторое время задержанъ огнемъ его цѣпей. Но смѣлая атака архангелогородцевъ, поддержанная артиллеріею, заставила турокъ отступать по дорогѣ на Никополь. Тогда генералъ Кноррингъ отправилъ бугскихъ уланъ впередъ, въ дер. Шамлы, для наблюденія — не будутъ ли подвигаться къ противнику подкрѣпленія со стороны Рахова, а самъ съ Архангелогородскимъ полкомъ, пройдя за Шамлы, двинулся вслѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ. Послѣ этого турки еще два раза покушались обойдти лѣвый флангъ генерала Кнорринга, но архангелогородцы, каждый разъ быстро перемѣняя фронтъ, заставили противника поспѣшить къ Никополю, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ рисковалъ быть опрокинутымъ прямо въ Дунай. Достигнувъ этого результата, генералъ Кноррингъ далъ Архангелогородскому полку отдыхъ, въ которомъ люди крайне нуждались послѣ 12-тичасоваго быстраго движенія, совершоннаго безъ воды и отчасти подъ огнемъ непріятеля. Отдохнувъ нѣсколько времени, этотъ полкъ опять двинулся впередъ къ р. Осмѣ и здѣсь соединился съ 3-мъ батальономъ вологодцевъ. Тутъ присоединились вскорѣ къ этимъ частямъ и бугскіе уланы, имѣвшіе предъ тѣмъ стычку съ толпами турокъ, которыя укрывались въ виноградникахъ и болотахъ, лежащихъ на правомъ берегу р. Вида, близъ его устья. Спѣшенные уланы вступили съ этими толпами въ перестрѣлку, во время которой многихъ успѣли перебить и захватили нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. По присоединеніи же ихъ къ Архангелогородскому полку, сумерки вскорѣ смѣнились темнотою, которая и прекратила этимъ частямъ дальнѣйшее наступленіе.

Въ теченіи ночи баронъ Криденеръ сдѣлалъ распоряженія для общаго штурма крѣпости, долженствовавшаго начаться на разсвѣтѣ. Вся линія нашихъ войскъ, со всѣхъ сторонъ окружившихъ Никополь, провела ночь совершенно спокойно. Одна только Кавказская сводная бригада выдержала внезапную ночную перепалку съ турками; произошло это слѣдующимъ образомъ:

Бригада эта, или точнѣе сказать—$6^1/_2$ сотень, какъ уже извѣстно, предъ началомъ боя была оставлена на особой позиціи у плевненской дороги, для охраненія заосминскаго отряда (генерала Шильднеръ-Шульднера) отъ атаки въ тылъ со стороны турецкихъ подкрѣпленій, возможность появленія коихъ изъ Плевны принималась въ соображеніе барономъ Криденеромъ. Въ теченіи боя, слѣдуя постепенно за лѣвымъ флангомъ нашего заосминскаго отряда, бригада эта къ концу сраженія остановилась близь дер. Самовидъ, въ виду Дуная, и неподалеку отъ прибрежной никопольско-раховской дороги. Не получивъ ни откуда приказаній относительно какого-либо дальнѣйшаго передвиженія, полковникъ Тутолминъ былъ въ полномъ правѣ заключить, что мѣсто пребыванія его $6^1/_2$ сотень должно быть именно здѣсь, на раховской дорогѣ, съ цѣлью не допустить противника уйдти изъ Никополя по этой дорогѣ въ Рахово или Плевну. Но оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ застало Кавказскую бригаду окончаніе никопольскаго боя, было невозможно, потому что здѣсь она могла бы подвергнуться какъ безнаказанному огню съ мониторовъ, такъ и ружейному огню съ высотъ, окружающихъ мѣстность надъ Самовидомъ. Чтобы избѣжать этого, полковникъ Тутолминъ отыскалъ подходящее для бивуака мѣсто на ближайшихъ высотахъ за деревнею Самовидомъ, куда и перевелъ свои сотни. Между тѣмъ бугскіе уланы, получивъ собственно къ нимъ относившееся приказаніе, отошли отъ Вида къ нашей пѣхотѣ, на Осму; кавказцы же, не рѣшившіеся уйдти отсюда безъ письменнаго приказанія, остались на нагорной самовидской позиціи, считая не отмѣненнымъ данное имъ приказаніе «не пропускать непріятеля изъ Никополя въ Плевну». Когда кавказскія сотни, уже въ сумерки, располагались на ночлегъ, было усмотрѣно, что съ восточной стороны, верстахъ въ шести-семи, близь Никополя, собираются колонны турецкой пѣхоты, въ числѣ пяти или шести таборовъ. Сотникъ Фокъ, лично и ближайшимъ образомъ убѣдившійся въ томъ, что это дѣйствительно турки, былъ отправленъ съ донесеніемъ объ этомъ обстоятельствѣ къ Шильдеръ-Шульднеру, но за темнотою ночи и не зная пути, поспѣлъ туда только на разсвѣтѣ. Кавказцамъ, не смотря на крайнее утомленіе, надо было приготовиться къ почти навѣрному ноч-

ному бою, а такъ какъ при ночномъ нападенiи драться на коняхъ по оврагамъ было бы неудобно, то на общемъ совѣтѣ начальники частей рѣшили встрѣтить атаку противника въ пѣшемъ строю, и для этого полковникъ Тутолминъ построилъ сотни въ каре, расположивъ шесть горныхъ орудiй по его открытымъ фасамъ, а на четвертомъ, заднемъ фасѣ поставилъ небольшой обозъ отряда: лазаретный фургонъ да три офицерскiя повозки. Между орудiями залегли лучшiе стрѣлки; коней свели во внутрь каре и спутали имъ ноги, не разбивая коновязей; пищу не варили, за недосугомъ, и огней не разводили, чтобы не обнаруживать свои ничтожныя силы предъ непрiятелемъ, къ сторонѣ котораго были впереди каре заложены особые секреты; на случай сбора, въ виду какой бы то ни было необходимости, указано мѣсто, подъ большимъ развѣсистымъ дубомъ, внутри расположенiя отряда.

Турецкая пѣхота, пользуясь ночью, задумала пробраться изъ Никополя въ Раховъ, или же, пройдя первоначально этою дорогою, свернуть потомъ въ нашемъ тылу на Плевну, что̀ для нея казалось еще выгоднѣе, такъ какъ турки начинали уже стягивать съ разныхъ сторонъ свои силы къ этому последнему городу. Но дабы обезопасить и маскировать свой проходъ мимо нашихъ войскъ по раховской дорогѣ, никопольская пѣхота (какъ показали потомъ плѣнные) прибѣгла къ военной хитрости: она отрядила шесть ротъ, которыя въ 12-мъ часу должны были внезапно открыть по кавказскимъ сотнямъ сильный огонь и съ гикомъ броситься на нихъ полукругомъ съ трехъ фасовъ. И дѣйствительно, въ началѣ 12-го часа ночи, наши секреты дали знать, что слышенъ гулъ приближающейся пѣхоты, а вскорѣ вслѣдъ затѣмъ со стороны противника раздались отдѣльные выстрѣлы, и огонь тотчасъ же перешелъ у него въ обычную безпорядочную трескотню. Пули, къ счастiю, летѣли надъ головами нашихъ кавказцевъ, которымъ заранѣе велѣно было стрѣлять не иначе, какъ по приказанiю и цѣлить при этомъ ниже. Вскорѣ противникъ съ трехъ сторонъ совершенно обложилъ нашъ маленькiй станъ и открылъ поясъ такого непрерывнаго огня, что порою становилось свѣтло, какъ на пожарѣ, а затѣмъ турки съ пронзительнымъ гикомъ бросились въ атаку. Наши,

почти въ упоръ, встрѣтили ихъ нѣсколькими залпами, которыхъ противникъ не выдержалъ и отхлынулъ съ разу, но отойдя на нѣкоторое разстояніе, все-таки продолжалъ перестрѣлку. Впрочемъ, нѣкоторая часть турокъ осталась предъ нашими орудіями, а иные изъ аскеровъ успѣли ворваться даже во внутрь каре, но здѣсь эти смѣльчаки были обезоружены. Вспышки частыхъ выстрѣловъ, между прочимъ, доставили кавказцамъ возможность разглядѣть, что къ ихъ орудіямъ ползкомъ подбираются турки. Наши также ползкомъ приняли ихъ въ кинжалы и шашки уже въ ту минуту, какъ турки хватались за колеса пушекъ, и почти всѣхъ ихъ искрошили на мѣстѣ; лишь немногимъ удалось уползти отъ орудій. Черезъ нѣсколько времени турки повторили атаку, которая однако же была отбита при помощи картечи. Перестрѣлка смолкла и болѣе не возобновлялась; турки точно бы притаились. На общемъ совѣтѣ командировъ, который послѣдовалъ вслѣдъ за этимъ, рѣшено было держаться на мѣстѣ до разсвѣта, сколько бы атакъ ни повторялъ противникъ, потому что отступать ночью по оврагамъ и почти незнакомою дорогой, съ орудіями, въ виду близкаго, но невидимаго противника, было еще болѣе опасно, чѣмъ стоять на мѣстѣ, да къ тому же отступить послѣ двухъ столь удачно отбитыхъ атакъ, не выяснивъ результатовъ дѣла, было сочтено какъ начальникомъ, такъ и всѣми остальными, неблаговиднымъ. Рѣшились—на разсвѣтѣ, по возможности, скрытно перемѣнить фронтъ, какъ укажутъ обстоятельства, для коннаго боя, а именно—стать во флангъ предполагаемому движенію турокъ по рахово-плевненской дорогѣ, тыломъ къ Осмѣ, а осетинъ послать въ обходъ лѣваго фланга противника, для удара въ его тылъ и, кромѣ того, къ сторонѣ Вида назначенъ сильный разъѣздъ кубанцевъ. Послѣ этого рѣшенія, было отправлено вторичное донесеніе на Осму, къ нашей пѣхотѣ. Эта отправка, въ глухую ночь, среди непріятеля, окружавшаго отрядъ, была сопряжена почти съ вѣрнѣйшимъ рискомъ попасться ему въ руки, тѣмъ не менѣе маіоръ Сипягинъ *) взялся исполнить это отчаянное предпріятіе и поѣхалъ, взявъ съ собою только двухъ казаковъ.

---

*) Прикомандированный къ Кубанскому полку.

На разсвѣтѣ обнаружилось, что вмѣсто пяти или шести таборовъ, предъ нашимъ отрядомъ остались только разсѣянныя тамъ и сямъ отдѣльныя кучки да тѣла убитыхъ и раненыхъ. Осетины пустились преслѣдовать эти кучки, уходившія въ разныя стороны, а на усиленіе осетинъ было выслано по десяти человѣкъ изъ каждой сотни, которыхъ для этого снабдили патронами, по общему сбору со всѣхъ сотень, почти въ конецъ разстрѣлявшихъ свои заряды. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ осетинами, составился сборный отрядецъ, человѣкъ въ двѣсти, которому и было поручено освѣтить мѣстность къ сторонѣ Никополя и Плевны и уничтожить разсѣянныхъ турокъ. Это было исполнено вполнѣ удачно, причемъ у непріятеля отхвачена часть обоза и взято знамя, принадлежащее египетскимъ войскамъ. Остальные же кавказцы, человѣкъ около трехсотъ, за окончательнымъ недостаткомъ патроновъ, были отведены полковникомъ Тутолминымъ на присоединеніе къ пѣхотѣ, въ деревню Мисылеу, гдѣ однако не оказалось на бивуакѣ начальника 5-й пѣхотной дивизіи, а батальонъ, высланный, по докладу Сипягина, начальникомъ 1-й бригады этой дивизіи, генералъ-маіоромъ Кноррингомъ, чуть ли не на свой страхъ за такое распоряженіе, былъ возвращенъ назадъ, потому что надобность въ подмогѣ уже миновала. По присоединеніи Тутолмина къ пѣхотѣ, двѣ сотни Кавказской бригады, остававшіяся при Архангелогородскомъ полку, посланы были, подъ начальствомъ подполковника Энгельгардта, преслѣдовать кучки непріятеля, которыя брели къ Плевнѣ. Эти сотни настигли турокъ, шедшихъ въ совершенномъ безпорядкѣ, разсѣявшись по полю въ ширь и глубь, какъ стадо. Кинувшись на эти группы, казаки окончательно ихъ истребили и овладѣли всѣмъ ихъ обозомъ съ имуществомъ и провіантомъ, а также двумя знаменами и стальнымъ крупповскимъ орудіемъ.

Съ разсвѣтомъ, 4-го іюля, войска наши были уже построены и готовы къ штурму. Начальникъ праваго фланга, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ приказалъ 1-й батареѣ 31-й артиллерійской бригады и двумъ батальонамъ Пензенскаго полка выдвинуться къ послѣднимъ внѣшнимъ укрѣпленіямъ противника. Батарея заняла позицію и навела орудія, приготовясь громить цитадель и прилежащіе къ ней дворы, въ которыхъ собрался гарнизонъ города. Наши артиллеристы од-

нако медлили открытіемъ огня, потому что турки, хорошо видѣвшіе установку нашихъ орудій, не привѣтствовали насъ первыми выстрѣлами, какъ обыкновенно дѣлалось до сего раза; съ другой стороны явилось сомнѣніе—не вошли ли уже въ цитадель наши войска лѣваго фланга, съ противоположной стороны города. Чтобы удостовѣриться въ чемъ дѣло, генералъ Криденеръ, проведшій безъ сна всю ночь во взятомъ нами редутѣ, поѣхалъ на разсвѣтѣ въ сопровожденіи небольшой свиты къ Никополю и незамѣтно доѣхалъ до послѣднихъ турецкихъ верковъ, непосредственно за которыми начинается уже самый городъ. Вслѣдъ за генераломъ сюда же поспѣшали и нѣкоторыя части нашей пѣхоты. Въ невольномъ удивленіи, что турки не только не открываютъ огня, но и вовсе не показываются ни откуда, баронъ Криденеръ уже хотѣлъ было отдать приближавшемуся батальону приказаніе занять съ разу брустверъ послѣдней пригородной батареи, какъ вдругъ, кто-то изъ свиты генерала замѣтилъ, что въ амбразуру выставляется на тычинѣ бѣлый платокъ. Это было принято за знакъ сдачи, и тогда баронъ Криденеръ, во главѣ 1-го батальона козловцевъ вошелъ въ Никополь, и знаменщикъ водрузилъ на городскихъ воротахъ знамя Козловскаго полка, а вскорѣ вслѣдъ за этимъ и на крѣпостномъ флагштокѣ поднялся бѣлый флагъ, которому наши батареи отдали салютъ, подхваченный также осадными батареями съ румынскаго берега—и все пространство русскихъ позицій огласилось крикомъ «ура!»

Тогда генералъ Вельяминовъ, еще не зная, что генералъ Криденеръ уже въ городѣ, послалъ съ нашего праваго фланга полковника Булгарина и двухъ адъютантовъ 31-й пѣхотной дивизіи, штабсъ-капитановъ Левестама и Сокольскаго, въ качествѣ парламентеровъ, за принятіемъ ключа отъ крѣпостныхъ воротъ. Казакъ съ бѣлымъ платкомъ на пикѣ сопровождалъ этихъ офицеровъ. Путь отъ нашей позиціи до цитадели, разстояніемъ около трехъ верстъ, идетъ извилистою и крутою тропинкою, выводящею на большую дорогу, которая была теперь сплошь загромождена воловьими подводами съ пожитками горожанъ-турокъ. Съ трудомъ пробираясь между этими обозами и толпами сдающихся войскъ, парламентеры наши добрались наконецъ до воротъ цитадели и нашли ихъ запертыми. Комендантъ отсутствовалъ, а безъ него долго не могли

отыскать ключа; пришлось ожидать передъ воротами, среди турецкихъ солдатъ и жителей, кидавшихъ на нашихъ офицеровъ явно враждебные взгляды. Казакъ-ординарецъ, оставя у воротъ свою лошадь, съ помощью пики взлѣзъ на крѣпостной валъ и оттуда спрашивалъ у офицеровъ позволенія соскочить въ крѣпость и извнутри разломать замокъ, что̀, дескать, будетъ гораздо короче. Это, конечно, не было позволено лихому удальцу, тѣмъ болѣе, что появленіе его на валу вызвало какія-то враждебныя замѣчанія, жесты и толки въ толпѣ турокъ. Но напослѣдокъ ключъ нашелся гдѣ-то и у кого-то, ворота были отворены и наши парламентеры первыми изъ русскихъ вступили во внутренность турецкой цитадели. Здѣсь они нашли подводчиковъ - болгаръ, согнанныхъ турками въ крѣпость для своза войсковыхъ тяжестей, и эти болгары, въ присутствіи своихъ недавнихъ повелителей, радостно кинулись на встрѣчу тремъ русскимъ офицерамъ, которыхъ конвой состоялъ всего изъ двухъ казаковъ-ординарцевъ, и восторженно вмѣстѣ съ ними прокричали «ура» въ честь Русскаго Царя и русской побѣды. Послѣ этого офицеры наши предложили турецкимъ начальникамъ, а тѣ своимъ войскамъ—снимать съ себя оружіе, къ исполненію чего и было приступлено немедленно.

Между тѣмъ начальникъ корпуснаго штаба послалъ Гассану-пашѣ, какъ главноначальствующему надъ войсками въ Никополѣ, приглашеніе выѣхать на встрѣчу генералъ-лейтенанту барону Криденеру. Гассанъ-паша исполнилъ это приглашеніе и выѣхалъ верхомъ, вмѣстѣ со свитою. На видъ это былъ мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, съ энергическими чертами лица и темными, сверкающими глазами. Вслѣдъ за его представленіемъ, къ барону Криденеру былъ принесенъ и ключъ отъ крѣпости, въ тотъ же день отправленный къ Великому Князю Главнокомандующему съ ординарцемъ Его Высочества, Кавалергардскаго полка штабсъ-ротмистромъ Вонлярлярскимъ. Начальникъ 9-го корпуса со свитою поѣхалъ къ цитадели, и здѣсь турецкія войска, успѣвшія между тѣмъ сложить свое оружіе внутри цитадели, были пропущены барономъ Криденеромъ мимо себя чрезъ крѣпостныя ворота на гласисъ.

Послѣ этого церемоніала русскія войска заняли цитадель и городъ. Военноплѣнными сдались намъ два паши: Гассанъ

и Ахметъ, и до 7,000 человѣкъ, изъ коихъ около трехсотъ раненыхъ. Въ крѣпости намъ сдано: 7 знаменъ *), 113 крѣпостныхъ и полевыхъ орудій, изъ коихъ одиннадцать стальныхъ, крупповскихъ, два монитора, болѣе десяти тысячъ ружей и огромное количество снарядовъ, патроновъ, холоднаго оружія и провіантскихъ запасовъ. Гассанъ-паша, подъ конвоемъ команды казаковъ, былъ въ это же время увезенъ свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Толстымъ въ Императорскую квартиру.

Въ сраженіи 3-го іюля мы потеряли убитыми: командира 1-го батальона 20-го пѣхотнаго Галичскаго полка, маіора Волченецкаго, двухъ оберъ-офицеровъ 122-го пѣхотнаго Тамбовскаго полка, подпоручиковъ Кременецкаго и Ширяева, и 273 человѣка нижнихъ чиновъ; ранеными: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 17, нижнихъ чиновъ 901; контуженными: генералъ-маіора Богацевича, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 21; безъ вѣсти пропавшими 84 человѣка нижнихъ чиновъ, большинство которыхъ слѣдуетъ считать также убитыми **), а всего ущербъ нашъ: генералъ 1, штабъ-офицеровъ 8, оберъ-офицеровъ 24 и нижнихъ чиновъ 1,279 человѣкъ. Для облегченія страданій раненыхъ, еще съ вечера были приняты возможныя мѣры; теперь же явилась возможность часть изъ нихъ помѣстить въ Никополѣ и часть отправить въ военно-временные госпитали, на румынскій берегъ. Слѣдуетъ упомянуть, между прочимъ, что во время боя особенную пользу санитарнымъ командамъ приносили полевые жандармы 9-го корпуса: неутомимо разъѣзжая по кукурузнымъ полямъ, виноградникамъ и садамъ, они отыскивали нашихъ раненыхъ и либо вывозили ихъ на санитарные пункты, либо указывали санитарамъ гдѣ находить несчастныхъ, совсѣмъ было затерянныхъ въ высокой кукурузѣ. На помощь жандармамъ и санитарамъ явились также болгары,

---

*) Три знамени были отняты частями Кавказской казачьей бригады, послѣ ночнаго дѣла.

**) По свидѣтельству корреспондента «National Zeitung», въ сумерки 3-го числа небольшія группы нашихъ солдатъ успѣли проникнуть въ самый городъ, но онѣ были подавлены превосходствомъ силъ и звѣрски перерѣзаны; 20 человѣкъ Тамбовскаго полка искрошены въ куски; нѣкоторыхъ солдатъ живыми бросали въ пламя горѣвшихъ домовъ.

съ оставленными турками возами, въ которыхъ они доставляли раненыхъ на перевязочные пункты, гдѣ врачи работали неутомимо въ теченіи почти цѣлыхъ сутокъ. Одинъ изъ очевидцевъ, между прочимъ, передавалъ слѣдующую сцену: когда началось наступленіе нашего центра и Галичскій полкъ двинулся въ атаку — стояла ужасная жара, солнце пекло почти невыносимо; люди, обливаясь потомъ и задыхаясь отъ пыли и духоты, испытывали мучительную жажду. Тогда болгарскія женщины изъ деревни Вубе взяли ведра, кувшины, баклаги и подъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ стали носить воду на позицію, къ нашимъ истомленнымъ солдатамъ, для которыхъ теперь живительный глотокъ холодной воды являлся неоцѣнимымъ благомъ. Замѣтили ли турки группу женщинъ среди солдатъ, или по какой другой причинѣ, только вдругъ огонь ихъ нѣсколькихъ орудій направился прямо на это мѣсто. При паденіи чуть не рядомъ и взрывѣ первыхъ гранатъ, бѣдныя женщины растерялись и хотѣли было уходить, но вдругъ одумались и, перекинувшись между собою нѣсколькими словами, рѣшились остаться. Держа ведро воды и образъ въ лѣвой рукѣ, онѣ правою творили крестное знаменіе, нашептывая молитвы и, не смотря на зловѣщее шипѣніе и разрывы безпрестанно падавшихъ сюда снарядовъ, оставались на мѣстѣ, пока всѣ ихъ сосуды не пустѣли до дна, и тогда опять уходили за водою.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о весьма искусномъ дѣйствіи батарей осадной артиллеріи, расположенныхъ на румынскомъ берегу и руководимыхъ генералъ-лейтенантомъ Столыпинымъ и полковникомъ Анчутинымъ. Результаты этого дѣйствія вполнѣ обнаружились для насъ по взятіи Никополя: мы нашли крѣпостные верки сильно пострадавшими, многія орудія на нихъ были подбиты, мониторы разстрѣляны. И вообще надо сказать, что если бы осадная наша артиллерія не ослабила въ такой степени оборонительныхъ средствъ крѣпости, то взятіе Никополя стоило бы намъ жертвъ, которыя несравненно превзошли бы наши нынѣшнія потери.

Георгіевскій крестъ 3-й степени былъ наградою барона Криденера за эти славные для нашего оружія результаты.

XLIII

Первое сраженіе подъ Плевной 7-го и 8-го іюля

Свѣдѣнія и слухи о сборѣ непріятельскихъ силъ подъ Плевною. — Разборъ обвиненій противъ барона Криденера. — Почему мы опоздали занять Плевну. — Распоряженія для занятія Плевны и предписаніе, данное барономъ Криденеромъ генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру. — Характеръ мѣстности, окружающей Плевну. — Сгалуицкій, или восточный отрядъ. — Нечаянное столкновеніе Шильдеръ-Шульднера съ турками 7-го іюля. — Роль 9-го донскаго полка. — Почему Плевненскій бой 8-го іюля не можетъ считаться неожиданною случайностью. — Диспозиція на 8-е іюля. — Недостаточность артиллерійской подготовки боя. — Атака сѣвернаго отряда. — Смерть полковника Розенбома. — Обходъ праваго фланга сѣвернаго отряда и мѣры къ его отраженію. — Отступленіе сѣвернаго отряда. — Наша убыль. — Дѣйствія сгалуицкаго или восточнаго отряда 7-го іюля. — Результаты рекогносцировки плевненскихъ позицій кубанскимъ дивизьономъ. — Записка, присланная вмѣсто диспозиціи на 8-е число къ начальнику восточнаго отряда. — Бой восточнаго отряда 8-го іюля. — Смерть полковника Клейнгауза и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ Костромскаго полка. — Послѣднее усиліе подпоручика Шаталова. — Нѣтъ болѣе патроновъ. — Отступленіе Костромскаго полка и дѣйствія 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады. — Дѣйствія Кавказской казачьей бригады. — Отсутствіе диспозиціи. — Радишевская позиція и невозможность атаки въ тылъ туркамъ. — Прикрытіе отступленія восточнаго отряда. — Невозможность отступленія на Бресляницу. — Хлопоты съ ранеными. — Самовольный уходъ артиллерійскаго парка изъ Сгалуица. — Ночное движеніе къ Турскому Трестенику. — Причины нашей неудачи. — Отзывъ генерала Шильдеръ-Шульднера о характерѣ и поведеніи его войскъ въ бою.

Горный Студень, 4-го августа.

Еще до паденія Никополя было извѣстно, что непріятель стягиваетъ свои силы къ городу Плевнѣ и что 27-го іюня туда вступили первые шесть таборовъ. Это были *свѣдѣнія положительныя*, добытыя наблюдавшею за этимъ пунктомъ Кавказскою казачьею бригадой. А затѣмъ шли уже *слухи*, что въ Плевну былъ направленъ отрядъ (т. е. шесть таборовъ), шедшій на выручку Никополя, что туда же поспѣшаетъ значительнѣйшая часть виддинскаго гарнизона съ Тимокскою арміею Османа-паши и вообще всѣ тѣ войска, какія противникъ могъ безъ ущерба для себя собрать изъ западной Болгаріи. Таковы были слухи, и хотя въ строевомъ отдѣлѣ штаба имъ не придавалось особеннаго значенія, тѣмъ не менѣе положеніе Плевны относительно праваго фланга нашей арміи, въ особенности послѣ того какъ штабъ перешелъ

въ Тырново, необходимо требовало обезпеченія арміи со стороны этого пункта. Съ этою цѣлью изъ строеваго отдѣла штаба было послано къ барону Криденеру предписаніе, полученное имъ 6-го іюля, — послать немедленно два полка для занятія Плевны.

Въ настоящее время неоднократно раздаются не только вопросы, но и прямыя обвиненія барона Криденера: зачѣмъ онъ не взялъ Плевну раньше Никополя, зачѣмъ не взялъ Никополь раньше 4-го іюля и, наконецъ, зачѣмъ, взявъ Никополь, не двинулся тотчасъ же на Плевну?

Первый изъ этихъ вопросовъ, самъ по себѣ, на столько не серьезенъ, что его могутъ задавать только люди не военные; но разъ, что онъ предъявляется даже съ нѣкоторою настойчивостью, на него надо отвѣтить, хотя бы ради и не военныхъ людей: Плевна — въ тѣ дни еще вполнѣ открытый и не защищенный городъ, лежащій въ глубинѣ страны, въ 70-ти верстахъ отъ Систова; Никополь — значительная придунайская крѣпость, съ гарнизономъ отъ 12-ти до 15-ти тысячъ, въ 40-ка верстахъ отъ Систова и на прямомъ пути сообщенія съ Раховымъ и Виддиномъ, гдѣ пребывала наготовѣ цѣлая Тимокская армія Османа. Полагаю, простаго сопоставленія этихъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы человѣкъ, даже вовсе незнакомый съ военнымъ дѣломъ, окончательно убѣдился, почему нельзя было брать Плевну раньше Никополя.

Второй вопросъ — зачѣмъ баронъ Криденеръ не взялъ Никополь раньше 4-го іюля — разрѣшается, во-первыхъ, двухсуточною задержкою 9-го корпуса на переправѣ и, во-вторыхъ, разбросанностью частей 9-го корпуса, успѣвшихъ стянуться только 2-го іюля вечеромъ. Если бы эти части были въ сборѣ еще предъ переправою и если бы вмѣсто одного моста подъ Систовымъ съ самаго начала было наведено два, то 9-й корпусъ переправился бы своевременно, согласно первоначальному росписанію, и тогда весьма вѣроятно, что и Никополь былъ бы взятъ раньше (судя по факту его настоящаго взятія), и Плевна занята не позже 27-го іюня, такъ что въ семъ послѣднемъ случаѣ мы могли бы либо предупредить нѣсколькими часами появленіе турокъ въ Плевнѣ, либо столкнуться съ ними въ самомъ городѣ или на Видѣ. Но разбро-

санность частей 9-го корпуса и отсутствіе втораго моста далеко не суть причины первостепенныя; онѣ могли бы не имѣть ровно никакого значенія, если бы дипломатическія соображенія не помѣшали намъ съ самаго начала войны воспользоваться услугами румынской и въ особенности сербской арміи, добивавшейся, какъ особенной чести, принять вторичное участіе въ освободительной славянской войнѣ. Если бы румынскій корпусъ переправился на правый берегъ немедленно по взятіи Никополя, а сербская армія стояла бы наготовѣ въ долинѣ Тимока и противъ Ниша, то Османъ-паша не могъ бы никуда двинуться изъ-подъ Виддина, не покончивъ сначала съ сербами и румынами, которымъ нашъ 9-й корпусъ могъ бы служить весьма существенною поддержкою, и такимъ образомъ правый флангъ нашей арміи былъ бы вполнѣ обезпеченъ съ самаго начала военныхъ дѣйствій на правомъ берегу Дуная. Къ сожалѣнію, политика мѣшала стратегіи *).

Остается послѣдній вопросъ: зачѣмъ баронъ Криденеръ не двинулся на Плевну тотчасъ же вслѣдъ за взятіемъ Никополя, т. е. 4-го іюля?

Объясненіемъ этому служатъ нижеслѣдующія причины: во-первыхъ, надо принять въ соображеніе человѣческія силы и нервы; нѣкоторыя части 9-го корпуса, послѣ двухъ весьма тяжелыхъ переходовъ, едва успѣвъ 2-го іюля вечеромъ стянуться къ мѣсту назначенія, должны были на разсвѣтѣ 3-го числа уже вступить въ бой, да и въ какой бой!.. Штурмъ крѣпости, огражденной цѣлою системой полевыхъ и долговременныхъ укрѣпленій — дѣло въ высшей степени трудное, требующее крайняго напряженія и физическихъ, и нравственныхъ силъ человѣка... На утро 4-го числа предстояло окончаніе штурма, т. е. самая трудная часть задачи; поэтому, естественно, войска не могли провести нѣсколько часовъ ночнаго затишья въ полномъ спокойствіи, съ пріятною увѣренностью, что дѣло уже сдѣлано, тѣмъ болѣе, что имъ былъ слышенъ громъ пальбы на лѣвомъ флангѣ, во время ночнаго нападенія на Кавказскую бригаду. Понятно, что все это дер-

*) И это тѣмъ прискорбнѣе, что въ концѣ концовъ намъ все же пришлось прибѣгнуть къ существенному содѣйствію какъ румынъ, такъ и сербовъ.

жало нервы людей въ напряженномъ состоянiи и потому, послѣ сдачи Никополя, войскамъ былъ необходимъ хотя бы кратковременный отдыхъ. Во-вторыхъ, слухи, доходившiе чрезъ болгаръ, увѣряли, что армiя Османа находится уже въ пути; но двинется ли она на Плевну, или пойдетъ на Никополь — этого не было извѣстно, а потому, для обезпеченiя за собою только что сдавшейся крѣпости, надо было сейчасъ же выставить достаточно сильные заслоны на низовьяхъ Вида и частiю впереди Осмы. Съ этою цѣлью на низовья Вида (Шамлы—Градешти) была выставлена заслономъ противъ Рахова 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизiи съ ея артиллерiею, а также Бугскiй уланскiй и 9-й казачiй полки (въ Чiековцахъ), долженствовавшiе служить поддержкою какъ выше названной пѣхотной бригадѣ, такъ равно наблюдать береговую (по Виду) плевненскую дорогу и пространство отъ Чiековцевъ до села Турскiй Трестеникъ, гдѣ уже вступала съ ними въ связь Кавказская казачья бригада. Этой же послѣдней велѣно на 5-е число перейдти въ село Карагачъ-Болгарскiй *), для рекогносцировки всего пространства передъ Плевною отъ Бресляницы до путей изъ Плевны въ Сельви и Ловчу. Кромѣ того, для непосредственнаго наблюденiя за Плевною и плевно-рущукскимъ шоссе, въ селѣ Турскомъ Трестеникѣ еще съ 29-го iюня оставался Костромской пѣхотный полкъ съ двумя сотнями изъ состава Кавказской бригады. Такое расположенiе войскъ вызывалось настоятельною необходимостiю обезпечить на первыхъ порахъ Никополь отъ возможнаго покушенiя на него со стороны армiи Османа **).

---

*) Приказомъ командира 9-го корпуса отъ 6-го iюля Кавказская бригада, вмѣсто Карагача, направлена въ Турскiй Трестеникъ, на усиленiе находившагося тамъ наблюдательнаго отряда, причемъ назначенiе ея оставалось то же.

**) Въ диспозицiи командира 9-го корпуса, отданной 4-го iюля, значится:

1) Пензенскому, Козловскому и Тамбовскому пѣхотнымъ полкамъ, съ сотнею донскаго № 34-го полка и четырьмя батареями расположиться у Никополя.

2) Галичскому полку съ двумя батареями стать у Мисылеу.

3) Архангелогородскому полку съ двумя батареями перейдти въ Градешти.

4) Вологодскому полку съ двумя батареями къ Шамлы.

5) Костромской полкъ съ батареею и двумя сотнями остается въ Турскомъ Трестеникѣ *).

6) Бугскiй уланскiй и 9-й донской полки съ батареею переходятъ въ Чiе-

---

*) Воронежскiй полкъ оставался на переправѣ, для защиты зимницко-систовскаго моста.

Такимъ образомъ, изъ этого распоряженія барона Криденера видно, что почти половина его корпуса могла воспользоваться только самымъ кратковременнымъ, безусловно необходимымъ отдыхомъ, а части, расположившіяся по Виду, даже и вовсе его не имѣли. Въ-третьихъ, надо было принять въ сдачу крѣпость, городъ, военное имущество и запасы; водворить въ городѣ порядокъ, а для сего ввести городское и военно-полицейское управленія; тушить въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожары, въ особенности въ продовольственныхъ складахъ, зажженныхъ еще до взятія Никополя; позаботиться объ участи и своевременномъ отправленіи на румынскій берегъ нашихъ и турецкихъ раненыхъ; изыскать средства для немедленнаго и достаточнаго продовольствія семи тысячъ плѣнныхъ, равно какъ для размѣщенія ихъ на первое время въ крѣпости и скорѣйшаго вывода, подъ достаточнымъ конвоемъ, въ Румынію; рядомъ съ этимъ представились не малыя заботы о продовольствіи и своихъ собственныхъ войскъ, но главнѣе всего надо было въ весьма значительномъ числѣ пополнить израсходованные въ продолжительномъ бою патроны и снаряды, а этого нельзя было исполнить ранѣе подхода парковъ, задержанныхъ въ пути трудностями невозможной дороги. Послѣ сдачи Никополя, какъ только войска расположились на бивуакахъ, баронъ Криденеръ сейчасъ же распорядился послать пріемщиковъ за патронами и сухарями, такъ какъ неприкосновенный запасъ послѣднихъ былъ уже совершенно израсходованъ войсками. Но по отдаленности мѣста пріемки, назначенной интендантскимъ вѣдомствомъ въ д. Орѣше, сухари были доставлены только 5-го числа вечеромъ; и это—надо замѣтить—въ Кавказскую бригаду,

ковцы, съ цѣлью охранять расположеніе войскъ, рѣку Видъ и высылать разъѣзды отъ Чіековцевъ на Турскій Трестеникъ, Рахово и на Плевну, поддерживая связь съ Кавказскою бригадою.

7) Кавказская бригада переходитъ въ д. Карагачъ, наблюдая за дорогами изъ Плевны, Ловчи и Сельви и поддерживая связь съ одной стороны съ кавалерійскою бригадою 9-го корпуса (Бугскій и 9-й донской полки), а съ другой съ войсками 8-го армейскаго корпуса, находящимися близь Тырнова *).

*) Съ этою послѣднею цѣлью вторая полусотня 3-й сотни Владикавказско-Осетинскаго полка была 5-го числа отправлена въ Сельви, гдѣ уже находилась ея первая полусотня, подъ начальствомъ сотника Верещагина.

т. е. въ передовую часть, а патроны кавказцы получили только 6-го числа, находясь уже у Турскаго Трестеника *).

И такъ, вотъ какова была совокупность причинъ, воспрепятствовавшихъ барону Криденеру двинуться къ Плевнѣ тотчасъ же по сдачѣ Никополя. Стало быть, обвиненіе почтеннаго генерала въ медлительности рушится само собою.

6-го іюля, какъ уже сказано, баронъ Криденеръ получилъ по телеграфу изъ штаба дѣйствующей арміи предписаніе двинуть два полка пѣхоты съ Кавказскою бригадою для занятія Плевны. Зная, что послѣдній городъ уже занятъ шестью таборами, командиръ 9-го корпуса сдѣлалъ болѣе противъ этого приказанія, а именно: вмѣсто двухъ пѣхотныхъ полковъ послалъ три, т. е. кромѣ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, приказалъ принять участіе въ занятіи Плевны и Костромскому полку, остававшемуся на позиціи у Турскаго Трестеника, да сверхъ того направилъ 9-й донской полкъ въ селеніе Крета, для наблюденія дорогъ, ведущихъ изъ Плевны въ Никополь на Крету и на Бресляницу, подчинивъ его начальнику 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ - лейтенанту Шильдеръ-Шудьднеру, которому было поручено главное руководительство всею операціею противъ Плевны. Весьма важно отмѣтить еще одно существенное обстоятельство: въ предписаніи командира 9-го корпуса, данномъ 6-го іюля генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру, было указано занять Плевну 7-го числа, *«если не встрѣтится особаго препятствія»*, въ противномъ же случаѣ отойдти на позицію къ Бресляницѣ. Эта же самая фраза объ особомъ препятствіи была упомянута и въ предписаніи барона Криденера начальнику Кавказской бригады **), который, въ силу сего предписанія,

---

*) Командиру Кавказской бригады было приказано выступить изъ Мисылеу тотчасъ же, какъ только его бригада пополнится патронами, зарядами и сухарями, причемъ позднѣйшимъ срокомъ выступленія назначено утро 6-го числа, въ которое велѣно выступить даже и въ томъ случаѣ, если бы боевые припасы не были доставлены.

**) Привожу этотъ послѣдній документъ дословно:

«Штабъ 9-го армейскаго корпуса, 6-го іюля 1877 г. № 1722. Въ кр. Никополь. Весьма нужное. Начальнику Кавказской сводной бригады.

«Вслѣдствіе полученнаго отъ Начальника штаба дѣйствующей арміи предписанія по телеграфу, часть пѣхоты ввѣреннаго мнѣ корпуса, съ Кавказскою бригадою, должны быть немедленно двинуты на Плевну. На этомъ осно-

выслалъ на разсвѣтѣ 7-го іюля сильные разъѣзды по указаннымъ ему направленіямъ.

Генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ 6-го же числа далъ предписаніе командиру Костромскаго полка, полковнику Клейнгаузу (онъ же и начальникъ турско-трестеникскаго отряда) немедленно двинуться къ Плевнѣ, что и было исполнено еще съ вечера 6-го іюля. Кавказской же бригадѣ генералъ Шильдеръ-Шульднеръ приказывалъ продвинуться еще далѣе въ южномъ направленіи, до Тученицы; но это послѣднее приказаніе не дошло своевременно и полковникъ Тутолминъ узналъ о немъ только 7-го числа, послѣ боя. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи должна была наступать отъ Бресляницы въ сѣверо-восточномъ (и даже NNO) направленіи, а полковникъ Клейнгаузъ на Гривицу,—послѣдній могъ сойдтись съ генераломъ Шильдеръ-Шульднеромъ развѣ только въ самомъ городѣ, или въ наиболѣе счастливомъ случаѣ *предъ* самымъ городомъ, а Кавказская бригада и тѣмъ болѣе не могла бы дѣйствовать совмѣстно. Съ перваго же шага являлась чрезмѣрная растянутость и даже разбросанность позиціи наступающихъ войскъ, которыя принуждены были дѣйствовать отдѣльными отрядами, тогда какъ предписаніе командира 9-го корпуса предлагало генералъ-лейте-

---

ваніи, въ отмѣну вчерашняго приказанія *), предлагаю вашему высокоблагородію перейдти сегодня же въ Турскій Трестеникъ, откуда освѣтить всю мѣстность *до Плевны*, отъ дороги, ведущей въ этотъ городъ изъ Бресляницы, къ югу, до путей, ведущихъ изъ Плевны въ Сельви и Ловчу. Къ сему присовокупляю, что я вмѣстѣ съ симъ направляю: 1) донской казачій № 9-го полкъ въ д. Крета, для освѣщенія мѣстности между дорогами, ведущими изъ Никополя въ Плевну, на названную деревню и на Бресляницу; 2) 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи—въ Бресляницу. Затѣмъ, 7-го іюля означенныя войска, *если не встрѣтится особаго препятствія*, будутъ направлены въ Плевну *вмѣстѣ* съ 19-мъ Костромскимъ полкомъ, находящимся въ Турскомъ Трестеникѣ. При этомъ прошу ваше высокоблагородіе доставлять командующему 9-ю кавалерійскою дивизіею **), которому подчиняетесь какъ вы, такъ и командиръ донскаго казачьяго № 9-го полка, безъ малѣйшаго промедленія, свѣдѣнія о расположеніи и движеніи непріятельскихъ войскъ.

«Командиръ корпуса, генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ.

«Начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Шнитниковъ».

---

*) Т. е. по диспозиціи 4-го іюля, когда Кавказской бригадѣ было предписано двинуться на Карагачъ.

**) Генералъ-маіору Лашкареву.

нанту Шильдеръ-Шульднеру дѣйствовать *вмѣстѣ* съ Костромскимъ полкомъ. Такъ начался день 7-го іюля—первый день неудачи русскихъ войскъ въ настоящую кампанію.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію военныхъ дѣйствій подъ Плевною, слѣдуетъ очертить мѣстность, окружающую этотъ городъ.

Плевна расположена на берегахъ небольшаго Гривицкаго ручья, впадающаго въ рѣку Видъ. Цѣлый рядъ весьма высокихъ холмовъ окружаетъ городъ съ сѣвера (Опонецкія и Буковлекскія высоты). Холмы эти, пологіе въ своихъ скатахъ, обращенныхъ въ сѣверную сторону, съ южной, наоборотъ, представляютъ крутые спуски къ ручью; кромѣ того, они связаны между собою перевалами, допускающими свободное сообщеніе, и увѣнчаны на своихъ вершинахъ редутами весьма сильной профили. Но средства обороны еще не кончаются этимъ: склоны холмовъ мѣстами усилены отдѣльно стоящими батареями и ложементами для стрѣлковъ, въ нѣсколько ярусовъ. Восточная сторона Плевненской долины замыкается высотою, которая служитъ водораздѣломъ между ручьями Гривицкимъ и Сгалуицкимъ (впадающимъ въ Осму), и соединяется съ рядомъ сѣверныхъ холмовъ, съ коими она имѣетъ то общее сходство, что точно также, какъ и они, спадаетъ нѣсколько круче къ Плевнѣ и гораздо положе спускается въ противную сторону. Изъ этой высоты беретъ начало Гривицкій ручей; при истокѣ его лежитъ деревня Гривица, которая обстрѣливается нѣсколькими батареями и была занята непріятелемъ. Съ южной стороны Гривицкаго ручья торчатъ два гребня высотъ, гдѣ также находятся турецкія батареи и ложементы; кромѣ того, такъ какъ сѣверные холмы выше южныхъ, то эти послѣдніе могутъ быть обстрѣливаемы также и сѣверными батареями. Наконецъ, далѣе къ югу идетъ чрезвычайно пересѣченная, лощинистая мѣстность, все повышаясь къ селу Радишеву, около котораго находятся турецкія укрѣпленія; самое же Радишево лежитъ за этими последними высотами, на южномъ ихъ склонѣ, спадая въ лощину. Вообще, мѣстность со всѣхъ сторонъ такова, что, не представляя ни одной удобной позиціи наступающему, не только содѣйствуетъ, но и отдаетъ всѣ преимущества оборонѣ.

Основываясь на полученномъ предписаніи, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ 6-го же числа направилъ уже расположившіеся было на ночлегъ пѣхотные полки 17-й Архангелогородскій и 18-й Вологодскій къ селенію Бресляницѣ. Но было уже довольно поздно, дороги отвратительныя, мосты испорченные, и потому оба полка, съ четырьмя батареями, съ большимъ трудомъ успѣли въ этотъ день сдѣлать полдороги и прибыть на ночлегъ къ дер. Чіековцы, и то лишь къ двумъ часамъ ночи.

Одновременно съ отправленіемъ этихъ полковъ, командиру 19-го пѣхотнаго Костромскаго полка, полковнику Клейнгаузу, который, какъ уже извѣстно, съ двумя батальонами онаго, двумя сотнями кубанцевъ и восемью орудіями *) стоялъ бивуакомъ въ Турскомъ Трестеникѣ, въ виду большой плевненско-рущукской дороги, было послано генераломъ Шильдеръ-Шульднеромъ предписаніе: притянуть къ себѣ свой 3-й батальонъ изъ села Булгарени **) и немедленно слѣдовать со всѣмъ своимъ отрядомъ по той же дорогѣ на высоту сел. Сгалуицъ (оно же и Сгалевице), куда и прибыть къ двумъ часамъ дня 7-го іюля, для совокупныхъ дѣйствій съ 1-ю бригадою ***). Вмѣстѣ съ этимъ Кавказская бригада, какъ сказано, должна была слѣдовать еще южнѣе Костромскаго полка, на село Тученицу.

7-го іюля, рано утромъ, выступивъ изъ Чіековцевъ чрезъ Бресляницу, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ къ двумъ часамъ дня подошелъ къ непріятельской позиціи и неожиданно былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ непріятеля, такъ что батальоны 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, шедшіе на широкихъ интервалахъ и притомъ даже обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ мирнаго времени, должны были выстраивать боевой фронтъ подъ усиленнымъ огнемъ противника, несвоевременно вступая въ боевую линію. Наткнувшись на турокъ, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ открылъ усиленную канонаду и сталъ ожидать свѣдѣній отъ Клейнгауза и Тутолмина; но свѣдѣнія не при-

*) 5-я батарея 31-й артиллерійской бригады.

**) За исключеніемъ одной роты, оставленной тамъ для прикрытія обоза и летучаго № 13-го парка.

***) 17-й Архангелогородскій и 18-й Вологодскій пѣхотные полки.

ходили и потому онъ рѣшилъ отложить атаку до слѣдующаго дня, тѣмъ болѣе, что время уже близилось къ вечеру. Извѣстивъ о своемъ послѣднемъ рѣшенiи отрядъ полковника Клейнгауза и кавказцевъ, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ остался ночевать на занятой имъ позицiи. Въ составѣ его отряда, какъ извѣстно, находился и донской казачiй № 9-го полкъ (полковника Нагибина). Вечеромъ, 6-го iюля, казаки продвинулись еще далѣе Креты и остановились бивуакомъ у колодцевъ близь селенiя Рибне, въ 15-ти верстахъ отъ Плевны. На слѣдующiй день (7-го) въ три часа по полудни, по требованiю генерала Шильдеръ-Шульднера, 9-й полкъ былъ поднятъ со своего бивуака по тревогѣ и, опрокинувъ котлы съ почти готовою пищею, пошелъ нарысяхъ по направленiю къ Плевнѣ. Не доходя 3½ верстъ до города, полкъ занялъ высоты и опушку лѣса на правомъ флангѣ отряда генерала Шильдеръ-Шульднера. Здѣсь казакамъ было приказано разсыпать спѣшенную цѣпь, и до восьми часовъ вечера они вели незначительную и совершенно безполезную, безцѣльную перестрѣлку. Ради какой надобности оставались они всѣмъ полкомъ на бивуакѣ въ Рибне, коль скоро бугскiе уланы стояли въ Чiековцахъ и наблюдали своими разъѣздами всю прибрежную видскую дорогу до Креты и даже до самаго Рибне, и почему генералъ Шильдеръ-Шульднеръ не притянулъ къ себѣ заблаговременно хоть одну сотню ввѣренныхъ ему казаковъ, для необходимаго освѣщенiя мѣстности впереди своей походной колонны и для боковыхъ разъѣздовъ, и для чего наконецъ понадобилось обратить казаковъ въ стрѣлковую часть—это остается неизвѣстнымъ.

И такъ, *«особое препятствiе»*, о которомъ предварялъ баронъ Криденеръ въ своемъ предписанiи, было уже встрѣчено; тѣмъ не менѣе, вопреки смыслу этого предписанiя, атака Плевны рѣшена генералъ-лейтенантомъ Шильдеръ-Шульднеромъ на 8-е iюля. Посему несчастный исходъ этого дня нельзя приписать, какъ увѣряютъ нѣкоторые, неожиданной случайности. Бой 8-го iюля отнюдь не былъ случайностiю и не можетъ быть названъ таковою.

Съ разсвѣтомъ 8-го iюля, въ началѣ пятаго часа, войска генерала Шильдеръ-Шульднера расположились для атаки

слѣдующимъ порядкомъ: на правомъ флангѣ—два батальона Вологодскаго полка, ротными колоннами въ двѣ линіи; 3-й батальонъ за ними, въ видѣ частнаго резерва; въ центрѣ—два батальона архангелогородцевъ, въ точно такомъ же порядкѣ, *но безъ резерва*; затѣмъ лѣвѣе—двѣ батареи 5-й артиллерійской бригады *) и, наконецъ, въ прикрытіе къ нимъ на лѣвомъ флангѣ былъ поставленъ 3-й батальонъ архангелогородцевъ.

Безъ четверти въ пять часовъ утра генералъ Шильдеръ-Шульднеръ открылъ канонаду сперва по батареѣ, находившейся въ центрѣ позиціи противника, а потомъ и по другой батареѣ, обнаруженной на правомъ флангѣ турокъ и бившей почти продольно по нашей артиллеріи. При этомъ, съ первыхъ же отвѣтныхъ выстрѣловъ оказалось, что непріятель дѣйствуетъ противъ насъ изъ крупповскихъ орудій, противъ которыхъ наши полевыя пушки будто бы не могли состязаться въ дальности полета снарядовъ, а потому, не теряя времени на канонаду, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ въ половинѣ шестаго часа, т. е. черезъ 3/4 часа отъ начала канонады, далъ правому флангу приказаніе наступать **).

---

*) 1-я и 2-я (9-ти-фунтовыя), а впослѣдствіи была выдвинута и 5-я батерея (4-хъ-фунтовая).

**) Присутствіе дальнобойныхъ крупповскихъ орудій уже было обнаружено наканунѣ (7-го числа), что, впрочемъ, не помѣшало генералу Шильдеръ-Шульднеру вести противъ нихъ «усиленную» канонаду въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, такъ, что выходитъ одно изъ двухъ: или вчерашняя канонада, при оказавшейся несостоятельности нашихъ орудій, была безцѣльною, расточительною тратою снарядовъ, или же сегодняшняя атака вовсе не подготовлена артиллерійскимъ огнемъ. Можно думать, что послѣднее ближе къ истинѣ, потому что если оказались несостоятельными 4-хъ-фунтовки, то 9-ти-фунтовыя орудія во всякомъ случаѣ могли состязаться съ дальнобойною турецкою артиллеріею—что и доказали послѣдующія плевненскія дѣла; допуская же противное, намъ пришлось бы вовсе отказаться отъ всякихъ сраженій съ турками. Несостоятельность вышеприведеннаго довода подтверждается словами самого же генерала Шильдеръ-Шульднера и начальника его штаба, полковника Попова, которые въ той же самой реляціи о боѣ 8-го числа говорятъ: «дѣйствія 5-й батареи (т. е. *4-хъ-фунтовой*) 31-й артиллерійской бригады были на столько удачны, что ею *на первоначальной позиціи*, къ востоку отъ села Гривицы, *были подбиты два орудія*, изъ которыхъ одно брошено, и непріятельская батарея, имѣвшая эти орудія, *замолчала*, хотя въ то же время наша батарея подвергалась фланговому огню другой непріятельской батареи изъ села Радишева, на разстояніи болѣе трехъ верстъ»,—т. е. находилась въ такихъ же самыхъ условіяхъ, какъ и остальныя батареи гене-

Здѣсь расположеніе обоихъ противниковъ раздѣлилось глубокою лощиной, которая направлялась параллельно нашему фронту и на противоположномъ скатѣ была занята густыми цѣпями турокъ, засѣвшихъ въ кустарникахъ. По сигналу «наступленіе», стрѣлки Вологодскаго полка подались впередъ и открыли огонь, встрѣченный сильнѣйшею пальбою противника.

Не замявшись ни на минуту подъ градомъ пуль, вологодцы, поддержанные своимъ 3-мъ батальономъ, продолжали спускаться въ лощину и охватывать лѣвый флангъ непріятеля. Съ крикомъ «ура» бросились они на противный скатъ лощины и къ шести часамъ утра заняли часть передовой позиціи турокъ. Послѣ этого, сильно зарвавшись впередъ, наши вологодцы, вмѣстѣ съ сосѣдними, крайними ротами архангелогородцевъ, нѣсколько разъ ходили въ штыки и, опрокидывая непріятеля, частью ворвались даже въ самый городъ, гдѣ ихъ приняли такимъ огнемъ съ крышъ и изъ оконъ, что пришлось уходить поскорѣе назадъ. Во время этихъ штыковыхъ атакъ былъ раненъ командиръ 1-й бригады генералъ-маіоръ Кноррингъ, послѣ котораго принялъ начальство генералъ-маіоръ Похитоновъ *). Между тѣмъ турки, видя, что наши почти уже въ городѣ, поспѣшили высылкою резервовъ, которые засѣли въ завалахъ и нѣсколькихъ крайнихъ домахъ и открыли частый огонь, въ то время какъ изъ разныхъ улицъ постоянно подходили къ нимъ все новыя и новыя силы, выстраивавшіяся въ густыя линіи передъ городомъ. У нашихъ же, не только въ эту минуту, но и съ самаго начала не было, можно сказать, никакого резерва— ибо нельзя считать за таковой 3-й батальонъ вологодцевъ, названный даже и въ диспозиціи генерала Шильдеръ-Шульднера *частнымъ* резервомъ Вологодскаго полка и уже давно израсходованный въ дѣлѣ. Нашимъ жаль было выпустить изъ рукъ занятое съ боя пространство; поэтому,

---

рала Шильдеръ-Шульднера, по которымъ «*почти* продольно» била правофланговая турецкая батарея. Значитъ не только 9-ти-фунтовыя, но и 4-хъ-фунтовыя орудія могли наносить противнику существенный вредъ, даже и съ *первоначальной* позиціи, а потому ясно, что пѣхотная атака не была, да и не могла быть вовсе подготовлена канонадою, продолжавшеюся едва лишь 3/4 часа.

*) Командиръ 5-й артиллерійской бригады.

они хотя геройски, но едва ли благоразумно, зная что резерва нѣтъ никакого, рѣшились остановиться и грудью отстаивать свое мѣсто передъ городомъ. Турки насѣдали на нихъ со всѣхъ сторонъ—приходилось отбиваться штыками. При одномъ изъ подобныхъ напоровъ, часть цѣпи архангелогородцевъ подалась было назадъ. Желая остановить ея отступленіе, командиръ этого полка, полковникъ Розенбомъ, бывшій все время верхомъ, выскочилъ впередъ—и въ то же мгновеніе принялъ на себя жесточайшій залпъ изъ турецкаго фронта, изрѣшетившій его лошадь, которая пала на мѣстѣ. Въ то время какъ Розенбомъ старался изъ-подъ нея высвободиться, рядомъ съ нимъ разорвалась граната и одинъ изъ ея осколковъ ранилъ его въ лѣвую руку. Къ нему бросились двое изъ полковыхъ санитаровъ, но онъ, сознавая критическое положеніе своего полка, не хотѣлъ покинуть его въ такую минуту даже на самое малое время и потому приказалъ сдѣлать себѣ перевязку здѣсь же, на мѣстѣ. Едва это было исполнено, какъ ударъ пули въ лобъ сразилъ храбраго Розенбома. Когда увидѣли турки, что онъ убитъ, то съ новымъ одушевленіемъ кинулись на цѣпь архангелогородцевъ, и этотъ послѣдній натискъ былъ столь стремителенъ, что пришлось нашимъ на нѣсколько десятковъ шаговъ податься назадъ, не успѣвъ вынести своего мертваго командира. Едва удалось туркамъ добѣжать до того мѣста, гдѣ лежалъ онъ, распростертый рядомъ съ боевымъ своимъ конемъ, какъ нѣсколько человѣкъ разомъ подняли его трупъ на штыки, и въ такомъ положеніи, въ глазахъ нашихъ солдатъ, съ радостными воплями и визгомъ, изрубили его въ куски саблями. Наши видѣли, что этимъ дѣломъ занимались не одни нижніе чины, но и офицеры.

Послѣ этого, турецкіе стрѣлки, подкрѣпляемые все болѣе и болѣе свѣжими частями и дѣйствуя учащеннымъ огнемъ по отступающимъ цѣпямъ архангелогородскаго полка, успѣли вновь податься до недавно покинутой ими позиціи въ кустарникахъ на склонѣ глубокой лощины.

Было около семи часовъ утра. Донской казачій № 9-го полкъ прикрывалъ расположеніе нашего крайняго праваго фланга частью своихъ спѣшенныхъ. сотень, занимавшихъ опушку. Въ это время изъ казачьей цѣпи было прислано

донесеніе, что нашъ правый флангъ обходятъ два эскадрона турецкой конницы, за которою двигается въ значительныхъ силахъ пѣхота и артиллерія, а часть казачьей цѣпи уже не имѣетъ патроновъ. Это обстоятельство, выяснившееся одновременно со вторичнымъ занятіемъ турецкими стрѣлками кустарниковъ на склонѣ лощины, вынудило генерала Шильдеръ-Шульднера вызвать изъ резерва послѣднюю изъ имѣвшихся у него батарей *) и дать ей въ прикрытіе двѣ роты изъ числа трехъ, остававшихся въ прикрытіи перевязочнаго пункта и бригаднаго обоза. Этой маленькой части приходилось дѣйствовать и противъ лощины и противъ обходившаго насъ отряда, замѣченнаго казаками. Занявъ довольно удобную позицію на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, 4-я батарея мѣтко пустила по лощинѣ нѣсколько картечныхъ гранатъ и въ короткое время вновь очистила кустарникъ отъ турецкихъ стрѣлковъ. Не смотря на то, что за цѣпями турокъ показывались частыя и сильныя поддержки, что̀—какъ мы предполагали—служитъ признакомъ или значительныхъ потерь у противника, или же его желанія перейдти въ наступленіе,—онъ, послѣ удачнаго разрыва нѣсколькихъ гранатъ 4-й батареи, на время почти прекратилъ огонь и убралъ за гребень высотъ свои резервы **). Въ это же время часть орудій 4-й батареи дѣйствовала также и по отряду, обходившему насъ съ праваго фланга, но остановленному въ своихъ намѣреніяхъ ея картечными гранатами и наступленіемъ казаковъ 9-го полка, кидавшихся въ атаку не только на коняхъ, но и спѣшенными.

Время шло, а между тѣмъ генералъ Шильдеръ-Шульднеръ ни отъ Костромскаго полка, ни изъ Кавказской бригады не получалъ никакихъ свѣдѣній ***). Съ достовѣрностью можно было только предположить, что костромскіе дерутся, потому что со стороны с. Гривицы слышна была пальба. Наконецъ уже въ половинѣ десятаго получено было первое свѣдѣніе, что командиръ Костромскаго полка, полковникъ Клейнгаузъ, убитъ, и полкъ его, успѣвъ уже ворваться въ с. Гривицу, вынужденъ

*) 4-ю батарею 5-й артиллерійской бригады.

**) Новое подтвержденіе того, что дѣйствіе нашихъ орудій вовсе не было, да и не могло быть несостоятельнымъ.

***) Такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ реляція.

остановить дальнѣйшее наступленіе, потому что у него нѣтъ болѣе резерва, а противникъ слишкомъ превосходитъ силами и дерется изъ-за насыпей и заваловъ.

Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ и самъ уже не имѣлъ ни одной свѣжей части; стало быть, помочь костромскимъ ему было нечѣмъ. Оставалось одно: собрать и по возможности устроить до изнеможенія утомленныя части праваго фланга, которыя въ теченіи пяти часовъ находились въ непрерывномъ боѣ съ несоразмѣрно сильнымъ противникомъ, на мѣстности крайне пересѣченной и трудно проходимой. Съ этою цѣлью генералъ послалъ туда начальника своего штаба, полковника Попова, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ донести о положеніи дѣла на правомъ флангѣ. Полковникъ Поповъ вскорѣ донесъ, что дальнѣйшее наступленіе невозможно вслѣдствіе громадной убыли людей, и особенно офицеровъ, изъ которыхъ уже двѣ трети выбыли изъ строя. Тогда генералъ Шильдеръ-Шульднеръ отправился самъ на правый флангъ и лично убѣдился въ крайне трудномъ его положеніи. Въ это же время на лѣвомъ флангѣ его отряда замѣтили значительное скопленіе непріятельскихъ войскъ, появившихся тамъ съ цѣлью отрѣзать ему путь на Бресляницу, куда уже вытягивались наши обозы. Все это въ совокупности заставило генерала Шильдеръ-Шульднера въ половинѣ 12-го часа отдать приказаніе сначала батареямъ, а потомъ и пѣхотѣ постепенно сниматься съ позицій и отходить.

Въ это время получилось извѣстіе, что на помощь 1-й бригадѣ идетъ 20-й пѣхотный Галичскій полкъ съ двумя 4-хъ-фунтовыми батареями. Тогда генералъ Шильдеръ-Шульднеръ послалъ одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба *) выбрать въ тылу подходящую позицію и расположить на ней Галичскій полкъ, дабы имѣть возможность потомъ отвести за его фронтъ потерпѣвшія части 1-й бригады. Но не ранѣе какъ около пяти часовъ по полудни 9-й казачій полкъ получилъ приказаніе прикрыть собою общее отступленіе **). Собравъ че-

---

*) Старшаго адъютанта 5-й пѣхотной дивизіи, генеральнаго штаба штабсъ-капитана Шванберга.

**) Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по смыслу донесенія генерала Шильдеръ-Шульднера, который говоритъ, что бой прекратился въ шесть часовъ по полудни. Если въ половинѣ 12-го часа уже явно сказалась невозможность дер-

тыре сотни и пропустивъ за нихъ войска, полковникъ Нагибинъ началъ отступленіе уступами, посотенно, съ праваго фланга. Около шести часовъ вечера непріятельская кавалерія, числомъ до двухъ эскадроновъ, бросилась преслѣдовать отступавшую въ центрѣ пѣхоту. Это было замѣчено во-время, и потому одной изъ сотень *) удалось атаковать во флангъ турецкую конницу. Одна часть ея, не выждавъ атаки, ускакала, а другая была настигнута казаками и опрокинута, оставивъ на мѣстѣ до двадцати тѣлъ убитыми. Послѣ этого, въ шесть часовъ вечера, бой прекратился. Непріятель и самъ былъ крайне утомленъ, понеся притомъ большія потери.

Наша убыль въ дѣлахъ 7-го и 8-го іюля была весьма значительна, особенно въ пѣхотѣ **). По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ плевненскими болгарами, къ этому времени, кромѣ шести тысячъ, составлявшихъ гарнизонъ города, успѣло собраться туда до сорока таборовъ, противъ которыхъ въ теченіи 13-ти часовъ пришлось драться девяти неполнымъ батальонамъ, на мѣстности, какъ уже сказано, крайне трудной для наступленія. И не смотря на такую несоразмѣрность силъ, войска наши не оставили непріятелю ничего, кромѣ 17-ти патронныхъ ящиковъ, частью пустыхъ, частью разбитыхъ гранатами, или брошенныхъ за совершенною невозможностью вывезти ихъ, такъ какъ упряжныя лошади были перебиты огнемъ противника.

Изъ всего изложеннаго здѣсь видно, что 1-я бригада сра-

жаться долѣе и если *въ то же время* было получено извѣстіе о приближеніи Галичскаго полка, вслѣдствіе чего *тогда же* былъ посланъ офицеръ генеральнаго штаба для выбора въ тылу позиціи, то спрашивается: неужели же отыскиваніе этой позиціи продолжалось около пяти часовъ сряду? Къ чему было цѣлые $6^1/_2$ часовъ сряду подвергать напраснымъ потерямъ войска, и безъ того уже сильно потерпѣвшія? Если Галичскій полкъ нашелъ возможность прислать извѣщеніе о своемъ приближеніи, то это значитъ, что онъ находился верстахъ въ пяти-шести, а много въ десяти отъ мѣста боя и, стало быть, къ выбираемой для него тыловой позиціи могъ подойдти не болѣе какъ въ $2^1/_2$ часа времени; движеніе его, въ виду критическаго положенія отряда, само собою, должно было быть ускореннымъ. По этому выходитъ, что потерпѣвшія части могли быть выведены изъ боя уже въ третьемъ часу по полудни; на дѣлѣ же онѣ окончили сраженіе только къ началу седьмаго часа вечера.

*) 5-я сотня есаула Голубинцева.

**) Общая убыль въ сраженіи 8-го іюля выражается слѣдующими цифрами: убитыхъ и раненыхъ офицеровъ 74 (убитыхъ 22), нижнихъ чиновъ 2,771,— итого 2,845 человѣкъ.

жалась совершенно отдѣльно отъ 3-го полка своей дивизіи *). Такимъ образомъ, бой съ нашей стороны происходилъ одновременно на двухъ разобщенныхъ между собою позиціяхъ, независимо одинъ отъ другаго, такъ какъ всѣ свѣдѣнія, полученныя генераломъ Шильдеръ-Шульднеромъ о Костромскомъ полкѣ еще въ половинѣ 10-го часа утра, ограничивались, какъ уже сказано, однимъ лишь извѣстіемъ о смерти его командира и о томъ, что полкъ, не имѣя резерва, остановилъ дальнѣйшее наступленіе. Теперь остается перейдти къ изложенію дѣйствій отряда полковника Клейнгауза противъ гривицкой позиціи турокъ.

Отрядъ этотъ состоялъ, какъ извѣстно, изъ 19-го пѣхотнаго Костромскаго полка, 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады и двухъ сотень кубанцевъ. Вслѣдствіе предписанія генерала Шильдеръ-Шульднера о немедленномъ выступленіи къ Плевнѣ для рекогносцировки силъ и расположенія турокъ, полковникъ Клейнгаузъ поднялъ свой полкъ съ ночлега по тревогѣ, что, между прочимъ, подало мѣстнымъ болгарамъ поводъ, нѣсколько часовъ спустя, утверждать полковнику Тутолмину, будто бы было получено извѣстіе о бѣгствѣ турокъ изъ Плевны и потому-де была тревога. Отрядъ полковника Клейнгауза позднимъ вечеромъ выступилъ изъ Турскаго Трестеника и еще раньше разсвѣта 7-го іюля пришелъ къ Сгалуицу. Отсюда, въ четыре часа утра, обѣ сотни Кубанскаго полка, подъ начальствомъ своего командира, войсковаго старшины князя Кирканова, были отправлены на рекогносцировку, въ направленіи плевно-рущукскаго шоссе, на Гривицу и далѣе къ Плевнѣ. Подойдя къ деревнѣ Гривицѣ, казаки были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ изъ-за окопа, съ амбразурами на два орудія **), но не смотря на это, шли все далѣе и далѣе, пока не увидѣли предъ собою два лагеря, дѣйствительную силу которыхъ мѣшала опредѣлить пересѣченная мѣстность; тѣмъ не менѣе, судя по тому, что было замѣтно на глазъ, князь Кирканов пришелъ къ заключенію, что величина видимыхъ лагерей соотвѣтствуетъ двумъ пѣхотнымъ полкамъ, а вскорѣ

*) 19-го пѣхотнаго Костромскаго.

**) Этотъ окопъ былъ, такъ сказать, зародышемъ будущаго знаменитаго Гривицкаго редута.

затѣмъ было открыто, что за пересѣченною мѣстностью виднѣются палатки и далѣе.

Во время этихъ наблюденій было усмотрѣно, что на встрѣчу казакамъ выдвигаются четыре сотни конницы и батальонъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ. Не рискуя забираться въ сферу огня батарей, построенныхъ на высотахъ передъ Плевною *), и замѣтивъ намѣреніе противника обойдти казаковъ съ праваго фланга, князь Кирканов отошелъ къ Костромскому полку, расположившемуся на привалѣ у Сгалуица, и донесъ полковнику Клейнгаузу обо всемъ усмотрѣнномъ на рекогносцировкѣ, а также и о томъ, что по слухамъ, собраннымъ отъ гривицкихъ жителей и иныхъ, попадавшихся на пути болгаръ, въ Плевну прибыли наканунѣ два паши съ сильнымъ войскомъ **). Полковникъ Клейнгаузъ, — какъ свидѣтельствуетъ въ своемъ донесеніи князь Киркановъ ***),—выслушавъ этотъ докладъ, при многихъ офицерахъ своего полка, сказалъ, что донесетъ обо всемъ начальнику 5-й пѣхотной дивизіи, между тѣмъ, изъ реляціи сего послѣдняго о дѣлахъ 7-го и 8-го іюля, видно, что онъ 7-го числа не получалъ никакихъ свѣдѣній ни отъ Костромскаго полка, ни отъ Кавказской бригады. При отсутствіи военно-походнаго телеграфа и при значительномъ удаленіи обоихъ отрядовъ другъ отъ друга (отъ Сгалуица до Бресляницы, по крайней мѣрѣ, 17 верстъ), это легко могло случиться, такъ же точно, какъ и то, что до полковника Тутолмина не дошло предписаніе отправляться въ Тученицу, о чемъ онъ достовѣрно узналъ только отъ Клейнгауза. Но что донесеніе отъ сего послѣдняго было послано генералу Шильдеръ-Шульднеру, это подтвердили полковнику Тутолмину, по прибытіи его на сгалуицкій бивуакъ, какъ самъ Клейнгаузъ, такъ и князь Киркановъ.

Между тѣмъ, пока двѣ кубанскія сотни ходили развѣдывать о противникѣ, остальныя части отряда полковника Клейнгауза, въ ожиданіи результата рекогносцировки, привалили на роздыхъ; офицеры принялись закусывать у обозныхъ фуръ. Въ это время впереди и нѣсколько въ сторонѣ, влѣво отъ нихъ,

*) Это были извѣстныя въ послѣдствіи редуты Чорумъ-табія и Ибрагимъ-Бей-табія.

**) Одинъ изъ этихъ пашей былъ Османъ, другой—вѣроятно, Адиль.

***) Донесеніе командиру 2-го кубанскаго полка, отъ 8-го іюля 1877 г., за № 63.

поднялись облака пыли, взметенныя, очевидно, конскими копытами. Офицеры были въ полной увѣренности, что это наши казаки расправляются съ какою-нибудь конною партіею противника, но не прошло и четверти часа, какъ къ отдыхавшему отряду стали подбѣгать въ одиночку окровавленные люди—мужчины и женщины, изъ которыхъ иныя уносили на рукахъ грудныхъ младенцовъ. Это были болгарскіе радишевскіе сельчане, работавшіе на своихъ поляхъ. На нихъ въ разсыпную напала партія баши-бузуковъ и принялась крошить ятаганами; многія раны были ужасны. Медики и санитары тотчасъ же принялись за перевязку, а между тѣмъ возвратились съ другой стороны и кубанцы, принеся подробное свѣдѣніе о произведенной ими рекогносцировкѣ.

Только что князь Кирканов успѣлъ сдѣлать свой докладъ полковнику Клейнгаузу, какъ непріятель, разсыпавъ конную цѣпь, спустился нѣсколько подъ гору, въ кусты, и началъ стрѣлять по аванпостамъ, выставленнымъ кубанцами, причемъ подъ однимъ казакомъ была убита лошадь. Вслѣдъ за тѣмъ, позади турецкихъ всадниковъ показалась цѣлая колонна. 5-я батарея, выѣхавъ на позицію, съ восьми выстрѣловъ не только прогнала непріятельскихъ всадниковъ изъ кустовъ, но привела въ замѣшательство и показавшуюся колонну. Тогда обѣ сотни кубанцевъ, по приказанію князя Кирканова, бросились на непріятеля и, подкрѣпленныя прибывшею въ эту самую минуту 5-ю сотнею кубанскаго полка, заставили турокъ поспѣшно отступать. Преслѣдованіе шло на разстояніи отъ четырехъ до пяти верстъ, почти до самой Гривицы, и пріостановлено лишь потому, что впереди появились новыя части непріятельской пѣхоты, занявшія сильную позицію *). Оставивъ разъѣзды для наблюденія за противникомъ,

*) По прибытіи, 7-го числа, въ Турскій Трестеникъ Кавказской бригады, въ наличномъ составѣ восьми сотенъ, полковникъ Тутолминъ тотчасъ же выслалъ разъѣзды, какъ для освѣщенія мѣстности, такъ и для связи съ отрядами генераловъ Шильдеръ-Шульднера, Лашкарева (стоявшаго въ Кретѣ) и полковника Клейнгауза. Одна изъ этихъ сотенъ, подъ командою сотника Вышеславцева, и подоспѣла въ Сгалуицъ, какъ разъ во-время, для поддержки атаки князя Кирканова. Когда полковникъ Тутолминъ съ остальною частію своей бригады прибылъ на сгалуицкій бивуакъ, то засталъ тамъ Костромской полкъ, 5-ю батарею и три кубанскія сотни, только что возратившіяся послѣ описаннаго преслѣдованія; люди еще вываживали сильно взмыленныхъ лоша-

князь Кирвановъ, вслѣдствіе крайняго утомленія лошадей, возвратился въ Сгалуицъ. Этимъ и закончились въ отрядѣ Клейнгауза дѣйствія 7-го іюля. Важно въ нихъ было то, что рекогносцировка кубанцевъ положительно выяснила присутствіе въ данномъ мѣстѣ весьма значительныхъ сильныхъ противника, что̀, безъ сомнѣнія, могло служить тѣмъ «особымъ препятствіемъ» къ занятію Плевны, о которомъ предварялъ баронъ Криденеръ въ своемъ предписаніи, какъ генерала Шильдеръ-Шульднера, такъ и полковника Тутолмина.

Въ третьемъ часу ночи начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи прислалъ полковнику Клейнгаузу записку, заключавшую въ себѣ распоряженія на завтрашній день, т. е. на 8-е іюля. Къ сожалѣнію, эта записка осталась въ карманѣ убитаго Клейнгауза, но полковникъ Тутолминъ, которому она была предъявлена для свѣдѣнія тотчасъ же по полученіи, свидѣтельствуетъ, на основаніи помѣтки, сдѣланной въ его записной книжкѣ, что, на сколько онъ помнитъ, въ заголовкѣ записки генерала Шильдеръ - Шульднера значилось: «Командиру Костромскаго полка» и затѣмъ начиналось такъ: Я думалъ, что̀ вы вчера меня поддержите. Теперь уже поздно». Полковникъ Тутолминъ свидѣтельствуетъ, что эти слова онъ помнитъ твердо, а далѣе—по его словамъ—значилось приблизительно слѣдующее: «Атакуйте Плевну отъ Гривицы. 1-я бригада — отъ Бресляницы. Выступленіе въ четыре, канонада въ пять. Кавказская бригада на вашемъ лѣвомъ флангѣ». Послѣ этого слѣдовало приказаніе о прикрытіи обоза и артиллерійскаго парка частью Костромскаго полка. И такъ, это все, что̀ было извѣстно сгалуицкому отряду относительно предположеній и цѣлей на завтрашній день главноначальствующаго обоими русскими отрядами.

8-го іюля, къ пяти часамъ утра, отрядъ полковника Клейнгауза приблизился къ Гривицѣ, и въ то время какъ Костромской полкъ перестраивался въ боевой порядокъ, по немъ уже былъ открытъ огонь справа изъ окопа, расположеннаго за этою деревнею *). Но еще на пути къ позиціи, даже далеко

дей. Тутъ-то Клейнгаузъ и князь Кирвановъ сообщили Тутолмину объ отправленномъ къ Шильдеръ-Шульднеру донесеніи относительно сдѣланной рекогносцировки.

*) Приблизительно, на мѣстѣ будущаго Гривицкаго редута.

внѣ сферы артиллерійскаго огня, въ отрядѣ Клейнгауза уже были услышаны пушечные выстрѣлы, раздававшіеся справа. Это подало поводъ къ вѣрному заключенію, что генералъ Шильдеръ-Шульднеръ уже завязалъ дѣло и при томъ ранѣе срока, имъ самимъ назначеннаго. Хотя какая нибудь четверть часа раньше или позже сама по себѣ почти ничего не значитъ, но въ данномъ случаѣ это послужило причиною, что въ сгалуицкомъ отрядѣ, еще до вступленія въ бой, уже поселилось тревожное недоумѣніе: чтожъ, молъ, это значитъ? неужели мы опоздали? Это вынудило людей значительно прибавить шагъ, и вообще торопиться, такъ что подходя къ позиціи и перестраиваясь въ боевой порядокъ, они уже были, что̀ называется, заморившись отъ усиленнаго спѣшнаго движенія и солнечнаго зноя. Поэтому, чтобы облегчить людей, полковникъ Клейнгаузъ приказалъ имъ снять съ себя скатанныя шинели и ранцы и сложить все это въ двухъ ближайшихъ къ Гривицѣ лощинахъ *).

Въ резервѣ у костромскихъ находилось только три роты 3-го батальона, потому что остальныя двѣ его роты необходимо было оставить въ Сгалуицѣ, для прикрытія обоза и летучаго № 13-го парка. При первомъ же артиллерійскомъ огнѣ противника, наша 5-я батарея поспѣшила занять первоначальную свою позицію, къ сѣверо-востоку и правѣе дер. Гривицы **). Пристрѣлявшись съ первыхъ же выстрѣловъ, наши артиллеристы вскорѣ подбили у непріятеля въ правомъ окопѣ два орудія и принудили такимъ образомъ замолчать дѣйствовавшую противъ нихъ батарею; но въ то же время сами подверглись фланговому огню другой турецкой батареи, которая на разстояніи болѣе четырехъ верстъ брала ихъ въ лѣвый бокъ

---

*) Нельзя не замѣтить, что въ виду боя въ знойную пору, гораздо предусмотрительнѣе было бы заблаговременно распорядиться, чтобы ранцы съ шинелями оставить въ обозѣ, на сгалуицкомъ бивуакѣ. Послѣ отступленія Костромскаго полка, всѣ эти вещи остались въ добычу туркамъ: ихъ невозможно было собрать и вынести изъ лощинъ подъ ужаснымъ огнемъ турокъ, не имѣя въ подсумкахъ уже ни одного патрона.

**) Два батальона Костромскаго полка наступали правѣе Гривицы, имѣя на своемъ правомъ флангѣ 5-ю батарею и двѣ сотни кубанцевъ, а одинъ лѣвофланговый батальонъ шелъ лѣвѣе этого селенія. При этомъ послѣднемъ батальонѣ, которому надлежало выбить турокъ изъ Гривицы, находился и полковникъ Клейнгаузъ.

съ позиціи сѣвернѣе с. Радишева *). Но недолго занимались мы канонадою: 2-я стрѣлковая рота, составлявшая нашъ лѣвый флангъ, была усилена въ цѣпи еще 3-ею стрѣлковою, а въ частномъ резервѣ за ними стали 7-я и 8-я линейныя роты; въ такомъ порядкѣ части лѣваго фланга бросились впередъ, «на ура», и выбили турокъ изъ ихъ передовыхъ стрѣлковыхъ ложементовъ. Роты праваго фланга, совмѣстно съ лѣвымъ, подаваясь впередъ, наткнулись на цѣлый рядъ ложементовъ, сильно занятыхъ непріятелемъ, который однако же былъ вытѣсненъ ими изъ своей позиціи. Такимъ образомъ, наши костромскіе очистили всю его первую линію. Турки отступили во вторую линію своихъ окоповъ и съ этой новой позиціи открыли, не жалѣя зарядовъ, сильнѣйшій ружейный и артиллерійскій огонь по отбитымъ у нихъ и занятымъ нами ложементамъ. Наша 5-я батарея, подвигавшаяся впередъ вмѣстѣ съ пѣхотою, заняла новую позицію и очень удачно стала бить во флангъ непріятельскихъ окоповъ. Но раньше чѣмъ ея огонь произвелъ надлежащее дѣйствіе, въ Костромскомъ полку былъ тяжело раненъ начальникъ стрѣлковъ, маіоръ Гринцевичъ, командовавшій правымъ флангомъ. Та же участь постигла вскорѣ и младшаго штабъ-офицера, маіора Бѣльскаго. Узнавъ объ этой двойной потерѣ, на правый флангъ пріѣхалъ самъ начальникъ отряда, полковникъ Клейнгаузъ, со своимъ штабомъ, чтобы лично ввести въ атаку эту часть своего полка. Но едва успѣлъ онъ подъѣхать къ людямъ, какъ уже былъ раненъ. Подобно храброму Розенбому, не желая оставить свой полкъ въ такой моментъ, онъ приказалъ дѣлать себѣ перевязку тутъ же, не выходя изъ фронта; но, во время наложенія ея, осколокъ упавшей по близости гранаты ударилъ его въ голову и убилъ на мѣстѣ. Другой изъ младшихъ штабъ-офицеровъ, маіоръ Цѣхановичъ, желая продолжать дѣло своихъ павшихъ старшихъ товарищей, выскакалъ было предъ фронтъ, но вдругъ предъ его лошадью падаетъ и съ страшнымъ трескомъ рвется большая граната. Испугавшійся конь взвился на дыбы и шарахнулся въ сторону—

*) На высотахъ между Радишевымъ и Плевною насыпанъ былъ тоже окопъ на два орудія, открывавшихъ по временамъ огонь по лѣвому флангу Костромскаго полка; этотъ послѣдній окопъ находился на мѣстѣ будущаго редута Ибрагимъ-бей-табіе.

маіоръ Цѣхановичъ опрокидывается изъ сѣдла на землю. Замѣтивъ это несчастное паденіе, нѣсколько турецкихъ стрѣлковъ устремляютъ на него свой огонь, и менѣе чѣмъ въ одну минуту Цѣхановичъ былъ пронизанъ нѣсколькими пулями. Этотъ достойный офицеръ въ тотъ же день къ вечеру скончался. Около этого же времени легли мертвыми: командиръ 1-го батальона подполковникъ Дьяконовъ, командиръ 2-й стрѣлковой роты поручикъ Тарасевичъ, штабсъ-капитанъ Стогъ, прапорщики Котлевскій и Бѣларевскій. По одной этой убыли можно судить, сколько пало нижнихъ чиновъ... Не говоримъ уже о раненыхъ. И однако же, не смотря на такой жестокій огонь и на столь существенныя потери старшихъ начальниковъ, наши русскіе воины не смутились, не пали духомъ. Остатки разстрѣливаемыхъ ротъ сами поспѣшили собраться вмѣстѣ, вокругъ подпоручика Шаталова, ставшаго во главѣ этого, по удачному выраженію генерала Драгомирова, «*боеваго товарищества*», — и снова бросились отчаянно въ штыки, «на ура», и взяли третій рядъ непріятельскихъ ложементовъ, занятыхъ баши-бузуками, которые, при видѣ такой беззавѣтной рѣшимости идти прямо на вѣрную смерть — не выдержали и, спѣшно сѣвъ на коней, заботились только о томъ, какъ бы ускакать поскорѣе.

Въ строю Костромскаго полка оставалось еще два штабъ-офицера, маіоры Ксирихъ и Барашевъ. Оба они, главнѣйшимъ образомъ при существеннѣйшей помощи прекрасныхъ субалтернъ-офицеровъ, привели въ порядокъ послѣ этой последней атаки оставшіяся въ живыхъ горсти геройскихъ ротъ; послѣдній изъ нихъ взялъ полкъ въ свое командованіе и снова двинулъ его въ наступленіе. Въ виду этой рѣшимости, не знающей ни мѣры, ни предѣловъ, турки, не смотря на свое численное превосходство и массу выпускаемаго ими огня, вдругъ обратились въ прямое бѣгство и очистили всѣ свои позиціи почти до самаго города. Но здѣсь къ нимъ подоспѣли новыя подкрѣпленія, которыя сдержали бѣгущихъ и совмѣстно съ ними стали передъ городомъ въ густыхъ линіяхъ. Наши достигли одной высоты, покрытой виноградникомъ, и здѣсь остановились на минуту — перевести духъ и осмотрѣться. Патроновъ у насъ уже *не было вовсе*, да и подвезти ихъ сюда въ скоромъ времени не представлялось ни малѣйшей возможности:

слишкомъ далеко и трудно было пробираться колеснымъ ящикамъ. Поэтому пришлось вовсе прекратить стрѣльбу. Въ 5-й батареѣ снаряды тоже были совсѣмъ уже на исходѣ; надо было расходовать ихъ какъ можно экономнѣе, сберегая остатки на крайнiй рѣшительный случай напора противниковъ. Такимъ образомъ, на нашей линiи и артиллерiйскiй огонь прекратился; только издали, справа, доносился глухой гулъ канонады у Шильдеръ-Шульднера. А между тѣмъ каждая дальнѣйшая секунда ружейнаго и артиллерiйскаго огня противника вырывала изъ малочисленнаго строя костромскихъ батальоновъ свою вѣрную жертву. Потери были слишкомъ велики, и особенно между офицерами. При этомъ положенiи, всѣ хорошо знали, что назади уже нѣтъ никакого резерва, некому ни поддерживать, ни выручать... Все это, послѣ минутнаго раздумья, заставило маiора Барашева, взвѣсивъ предварительно всѣ обстоятельства данной минуты и шансы на будущее, гдѣ предстояла лишь одна общая и безцѣльная смерть, — подать сигналъ общаго отступленiя. Остатки храбраго полка отступили подъ прикрытiемъ рѣдкаго огня своей 5-й батареи, которая успѣла между тѣмъ подвинуться уже на столько близко къ послѣдней непрiятельской позицiи, что поражала турокъ, прямо въ ихъ густыхъ линiяхъ. Вообще, нужно сказать, что эта батарея во все время шести-часоваго боя, длившагося съ пяти часовъ по полуночи до одиннадцати утра, принимала въ сраженiи самое дѣятельное участiе, не смотря на то, что ей приходилось выдерживать огонь непрiятельскихъ батарей и съ фронта, и съ лѣваго фланга. Она мѣняла позицiи, не отставая отъ пѣхоты, а въ концѣ боя, когда у костромскихъ началось уже общее отступленiе, вынеслась на ихъ правый флангъ и буквально подъ градомъ пуль старалась остановить огонь непрiятельскихъ орудiй, направленный на отбитые нами ложементы, которые, шагъ за шагомъ, по неволѣ, уступали противнику слабыя горсти нашей пѣхоты, вслѣдъ за которыми медленно, но упорно и тоже безъ выстрѣла подвигалась густая цѣпь турокъ.

Теперь, для полной обрисовки положенiя, остается сказать о дѣйствiяхъ Кавказской казачьей бригады.

Въ запискѣ генерала Шильдеръ - Шульднера, присланной ночью полковнику Клейнгаузу вмѣсто диспозицiи, была ука-

зана только общая цѣль: атаковать Плевну отъ Гривицы; относительно же кавалеріи сказано, что «Кавказская бригада на вашемъ лѣвомъ флангѣ» — и больше ничего. Такимъ образомъ, никакой особенной, спеціальной цѣли дѣйствій Кавказской бригадѣ указано не было. Стало быть, полковнику Тутолмину оставалось только положиться на обстоятельства, которыя сами укажутъ, что̀ нужно дѣлать; поэтому, сообразуясь съ приказаніемъ Шильдеръ-Шульднера, Кавказская бригада, до минуты вступленія въ бой, слѣдовала уступомъ за лѣвымъ флангомъ Костромскаго полка.

Начальные пункты наступленія обоихъ русскихъ отрядовъ, Сгалуицъ и Бресляница, находятся одинъ отъ другаго въ разстояніи 17-ти верстъ. Принявъ въ соображеніе количество силъ обоихъ отрядовъ и направленіе ихъ атаки (Шильдеръ-Шульднеръ на Буковлекскія высоты, Клейнгаузъ на Гривицу), становилось ясно, что оба отряда, даже дойдя до непосредственной своей цѣли, т. е. до непріятельскихъ позицій, все-таки не сомкнутся другъ съ другомъ, а будутъ отдѣлены одинъ отъ другаго, по крайней мѣрѣ, семиверстнымъ разстояніемъ, причемъ лѣвый флангъ бресляницкаго и правый сгалуицкаго отрядовъ на все время боя будутъ безпомощно, такъ сказать, висѣть на воздухѣ. Такъ и случилось въ дѣйствительности. Турки, въ случаѣ успѣха, легко могли бы войдти въ этотъ семиверстный промежутокъ и уничтожить послѣдовательно оба отряда *).

*) Подобная попытка съ ихъ стороны и была сдѣлана, когда они стали угрожать пути отступленія Шильдеръ-Шульднера, въ то время какъ его обозы уже вытягивались на бресляницкую дорогу. Къ счастію, казаки 9-го полка выручили. Но реляція боя едвали не ошибочно показываетъ, что это случилось послѣ десяти часовъ утра. Наступленіе на бресляницкую дорогу турки повели еще ранѣе половины восьмаго часа, въ чемъ убѣждаетъ насъ нижеслѣдующая записка генерала Лашкарева къ полковнику Тутолмину, на которой значится время ея отправленія *8-го іюля, 7 ч. 25 мин.*: «Немедленно шибко двиньтесь въ тылъ туркамъ, наступающимъ по большой дорогѣ отъ Плевны на Бресляницу. Мы, сколько можемъ, удерживаемъ ихъ. (Подписано) Генералъ Лашкаревъ». Эта записка была получена полковникомъ Тутолминымъ только въ два часа по полудни. Въ моемъ разсказѣ о наступленіи турокъ на бресляницкую дорогу, я слѣдовалъ указаніямъ оффиціальнаго донесенія, которое выставляетъ это движеніе одною изъ причинъ, побудившихъ генерала Шильдеръ-Шульднера въ половинѣ двѣнадцатаго часа отдать приказаніе объ отступленіи; записка же генерала Лашкарева служитъ доказательствомъ, что турки далеко еще до рѣшительнаго момента боя уже хорошо поняли, въ чемъ заключается самая опасная для атакующаго сторона положенія въ отрядѣ Шильдеръ-Шульднера и по-

Предвидя такую печальную возможность и желая хоть чѣмъ нибудь обезпечить опасный промежутокъ, полковникъ Тутолминъ приказалъ князю Кирканову направиться съ его двумя сотнями на правый флангъ Костромскаго полка и, выставивъ въ пустомъ промежуткѣ цѣпь аванпостовъ, связаться ею со звѣньями конной цѣпи Шильдеръ - Шульднера *). Князь Кирканов, все время шедшій авангардомъ во главѣ Костромскаго полка, исполнилъ это приказаніе немедленно по прибытіи къ мѣсту дѣйствія, подъ огнемъ непріятеля.

Во время наступленія костромскихъ батальоновъ на Гривицу, полковникъ Тутолминъ, около семи часовъ утра, получилъ отъ полковника Клейнгауза слѣдующую записку: «*Кавказской бригадѣ приказано заходить имъ въ тылъ*». Это была послѣдняя записка, написанная рукою Клейнгауза, который вскорѣ былъ убитъ. Выраженіе «*приказано*», употребленное начальникомъ сгалуицкаго отряда, ясно указывало, что полковникъ Клейнгаузъ служилъ только, такъ сказать, передаточною инстанціею, а что самое приказаніе исходитъ отъ главноначальствующаго, т. е. отъ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера. Такимъ образомъ, цѣль дѣйствій Кавказской бригады была указана ея командиру спустя уже болѣе двухъ часовъ послѣ начатія боя. Зайдти въ тылъ дравшихся турецкихъ войскъ съ того пункта, гдѣ находились кавказцы, можно было не иначе, какъ только обходнымъ движеніемъ влѣво, на Радишево; но приказаніе, отданное заочно, не соотвѣтствовало условіямъ мѣстности и обстановкѣ данной минуты. Приблизясь по возможности скрытно къ Радишеву, кавказцы открыли, что это село, во-первыхъ, занято турецкою пѣхотою и, во-вторыхъ,

---

тому обнаружили стремленіе воспользоваться ею. Ясно, что они перешли въ наступленіе уже въ половинѣ восьмаго часа и тогда же заставили «вытягиваться», т. е. уходить наши обозы по бресляницкой дорогѣ. Если же генералъ Шильдеръ-Шульднеръ счелъ это обстоятельство побудительною причиною къ отступленію въ половинѣ двѣнадцатаго, то значитъ, что лѣвый флангъ его отряда находился въ опасности обхода, по крайней мѣрѣ, съ 7 часовъ 25-ти минутъ (время отправленія записки Лашкарева) до $11^1/_2$ часовъ утра, т. е. въ теченіи четырехъ часовъ, или говоря иначе, почти во все продолженіе боя, не имѣя за собою съ самаго начала никакого пѣхотнаго резерва.

*) Независимо отъ этого, къ Шильдеръ-Шульднеру былъ направленъ особый офицерскій разъѣздъ, для передачи приказаній и извѣстій къ сгалуицкому отряду и Кавказской бригадѣ.

лежитъ въ такъ называемомъ мертвомъ пространствѣ, между двухъ обрывисто крутыхъ лѣсистыхъ скатовъ, среди узкой лощины; поэтому артиллерійскій огонь по Радишеву былъ бы не дѣйствителенъ: деревню даже невозможно было бы и обстрѣлять какъ слѣдуетъ. Дѣйствовать же противъ турецкаго тыла представлялось возможнымъ только тогда, когда турецкая пѣхота будетъ выбита изъ Радишева, но атаковать это селеніе, благодаря его мѣстоположенію, можно было не иначе, какъ въ пѣшемъ строю, а для этого, имѣя въ виду дальнѣйшую цѣль дѣйствій противъ турецкаго тыла, наличныя силы неполныхъ восьми сотенъ были далеко не достаточны. Во исполненіе воли главноначальствующаго, представлялась одна только возможность дѣйствовать противъ открытаго тыла турецкихъ резервовъ, скопившихся колоннами, въ густыхъ линіяхъ, подъ Плевной, именно — выдвинуть на сосѣднюю съ Радишевымъ возвышенность *) батарею и бить ихъ шрапнелью съ пятиверстнаго разстоянія; но у Кавказской бригады имѣлись только 3-хъ-фунтовыя горныя пушки, снаряды которыхъ не долетѣли бы и на половину этого пространства. Открыть безполезный огонь, значило бы—привлечь на себя огонь противника и нести напрасныя потери, такъ какъ новая позиція Кавказской бригады находилась въ сферѣ самаго дѣйствительнаго прицѣльнаго выстрѣла дальнобойной турецкой артиллеріи. Ясно, что приказаніе «заходить въ тылъ туркамъ» было отдано по совершенному незнакомству съ мѣстными условіями; но такого знакомства и не могло быть у главноначальствующаго, ни у его начальника штаба, потому что для этого потребовались бы не казачьи предварительныя развѣдки, а обстоятельныя рекогносцировки офицеровъ генеральнаго штаба, на что у командира 9-го корпуса не было ни достаточныхъ средствъ, ни времени, почти всецѣло отданныхъ предъ тѣмъ его главнѣйшей задачѣ — взятію Никополя **).

Когда полковникъ Тутолминъ увидѣлъ, что костромскіе от-

---

*) См. на планѣ мѣсто, обозначенное надписью «Царскій редутъ».

**) Этотъ пробѣлъ легко могъ бы восполнить строевой отрядъ штаба дѣйствующей арміи еще въ то время, когда Кавказская бригада занимала наблюдательную позицію у Булгареней, съ 23-го по 29-е іюня включительно, такъ какъ въ распоряженіи строеваго отдѣла постоянно находилось достаточное число офицеровъ генеральнаго штаба для особыхъ порученій.

ступаютъ безъ выстрѣла, преслѣдуемые массами турокъ, то стало уже ясно, что сраженіе проиграно нами. Броситься въ тылъ насѣдающаго врага — повторяю — мѣшало Радишево, занятое турецкою пѣхотою, мимо которой нельзя было проскользнуть незамѣченнымъ, да и вообще, дальнѣйшее обходное движеніе требовало не мало времени, въ теченіи котораго остатки Костромскаго полка, безъ сомнѣнія, были бы окончательно уничтожены. Эти соображенія побудили Тутолмина идти какъ можно скорѣе на выручку костромскихъ батальоновъ и, къ счастію, онъ поспѣлъ во-время. Первымъ дѣломъ, потребовалось обезпечить перевязочный пунктъ и подборъ раненыхъ, изъ которыхъ тѣ, что могли двигаться сами, сходились на шоссе, неподалеку отъ Гривицы, гдѣ изъ нихъ образовалась уже цѣлая толпа, такъ что врачи Костромскаго полка просто изнемогали, едва успѣвая дѣлать перевязки массѣ страдальцевъ, дожидавшихъ ихъ помощи. Для обезпеченія этой толпы и прикрытія перевязочнаго пункта, полковникъ Тутолминъ выдвинулъ къ Гривицѣ двѣ кубанскія сотни, расположивъ остальной дивизьонъ кубанцевъ въ резервѣ, на случай поддержки передовыхъ сотенъ; Владикавказскій же полкъ съ Осетинами былъ направленъ на правый флангъ Костромскаго полка, для охраненія его на случай, если бы турки двинулись въ крайне опасный семиверстный промежутокъ между обоими нашими отрядами *). Разсчитывать, что съ ихъ стороны такое движеніе воспослѣдуетъ сейчасъ же, было вполнѣ естественно, такъ какъ оно довершило бы плоды побѣды, тѣмъ болѣе, что турки успѣли уже опять занять не только взятый нами окопъ **), но и самую деревню Гривицу, что вполнѣ обезпечивало ихъ правый флангъ и тылъ, на случай предполагаемаго движенія въ помянутый промежутокъ. Занявъ оставленный нами окопъ, турки открыли изъ него рѣдкій артиллерійскій огонь по нашему отряду и перевязочному пункту. Въ это время офицеръ, возвратившійся съ

---

*) Кубанскій дивизьонъ князя Кирканова, находившійся на правомъ флангѣ Костромскаго полка, замѣтивъ въ 11 часовъ утра отступленіе сего послѣдняго, тотчасъ же выдвинулся впередъ и заслонилъ собою сборный пунктъ пѣхоты, до прибытія Владикавказскаго полка, который и сталъ въ резервѣ за дивизьономъ князя Кирканова.

**) Т. е. будущій Гривицкій редутъ.

разъѣздомъ изъ сѣвернаго отряда, привезъ извѣстіе, что этотъ отрядъ потерпѣлъ неудачу и отступаетъ на Бреслявицу, и передалъ приказаніе генерала Шильдеръ-Шульднера командующему сгалуицкимъ отрядомъ—отступать въ томъ же направленіи... Но при всемъ желаніи исполнить волю главноначальствующаго, это было невозможно. Не говоря уже о томъ, что сгалуицкій отрядъ былъ слишкомъ обремененъ ранеными, съ которыми пришлось бы совершать фланговое движеніе мимо непріятеля, но въ Сгалуицѣ оставались обозы и паркъ, тамъ же нарочно посланная команда уже собирала подводы для дальнѣйшей перевозки раненыхъ и, наконецъ, туда же была уже отправлена, еще во время боя, первая партія раненыхъ. Исполняя предписаніе генералъ-лейтенанта Шильдеръ - Шульднера, пришлось бы все это бросить на жертву туркамъ и, кромѣ того, совершенно открыть для нихъ плевно-рущукское шоссе, не только до нашей коммуникаціонной систово-тырновской линіи, но и вплоть до городка Бѣлы, гдѣ въ то время находилась Императорская квартира. Письменный отвѣтъ, съ изложеніемъ причинъ, препятствующихъ исполнить желаніе Шильдеръ-Шульднера, былъ тогда же посланъ къ нему отъ полковника Тутолмина, который на слѣдующій день получилъ полное одобреніе своихъ дѣйствій и мѣропріятій со стороны начальника 5-й пѣхотной дивизіи.

Когда нестройныя кучки Костромскаго полка, подъ прикрытіемъ Кавказской бригады, отошли къ Палацской рощѣ *), гдѣ офицеры, не смотря на гранатный огонь, успѣли привести ихъ въ полный порядокъ, у нашей 5-й батареи всѣ снаряды были уже израсходованы. Положеніе становилось крайне критическимъ: на рукахъ масса раненыхъ и ни одного патрона, ни одного артиллерійскаго заряда.... Все, что можно было удѣлить изъ кавказскихъ сотень, было послано въ помощь санитарамъ, подбирать раненыхъ; врачи Кавсказской бригады охотно раздѣлили трудъ своихъ товарищей Костромскаго полка и, благодаря имъ, дѣло врачебной помощи, пошло быстрѣе. Всѣхъ раненыхъ, успѣвшихъ сбрестись сюда съ поля сраженія,

*) Эта роща на русской 10-ти-верстной картѣ ошибочно обозначена кружкомъ съ надписью Палацъ. Такого селенія нѣтъ, а есть роща, называемая Палацъ.

оказалось до 240 человѣкъ и въ томъ числѣ 17 офицеровъ *). Лазаретныя линейки были переполнены людьми съ наиболѣе тяжелыми раненіями, а кромѣ этихъ четырехъ-пяти линеекъ въ наличности не было никакихъ повозокъ. Пришлось разсадить раненыхъ на лафеты, на передки, на ящики,—но и этихъ средствъ было не достаточно; тогда казаки отдали своихъ лошадей тѣмъ, которые могли держатся въ сѣдлѣ, и вели ихъ въ поводу за лазаретными линейками; люди же съ наиболѣе легкими раненіями, старались брести сами, пѣшкомъ, опираясь на ружье или на руку товарища.

Уцѣлѣвшія части Костромскаго полка, за неимѣніемъ патроновъ, не могли послужить прикрытіемъ транспорту раненыхъ; ихъ самихъ надо было прикрывать—и эту обязанность приняли на себя кавказскіе казаки. Оставаясь съ аванпостами въ виду противника, они дали время прикрываемымъ отойдти на значительное разстояніе, и только послѣ этого, подъ завѣсою своихъ собственныхъ ведетовъ, медленно двинулись къ Сгалуицу. Это было уже въ раннія сумерки, когда огонь турецкихъ орудій давалъ замѣтные отблески. На половинѣ пути къ Сгалуицу, казаки, посланные для сбора подводъ, донесли полковнику Тутолмину, что подводы, на сколько было возможно, собраны и ждутъ на мѣстѣ, что чрезъ Сгалуицъ бѣгутъ массы окрестнаго болгарскаго населенія и что начальники парка и обозовъ, прослышавъ отъ болгаръ о наступленіи турокъ на Гривицу и Сгалуицъ, снялись съ бивуака и спѣшно пошли въ Турскій Трестеникъ. Безспорно, что на обязанности командира парка лежала забота о сохраненіи ввѣренной ему части, но уйдти *съ позиціи*, не получивъ на то приказанія отъ командующаго отрядомъ и зная, что отрядъ, послѣ горячаго боя, не можетъ не нуждаться въ патронахъ и снарядахъ—уйдти, не выждавъ приближенія отряда и не справясь предварительно куда именно уходить—было, во всякомъ случаѣ, слишкомъ преждевременно: отрядъ, оставленный безъ зарядовъ, не могъ бы оказать защиты и парку, куда ни уйди онъ, въ случаѣ настойчиваго преслѣдованія. А между тѣмъ, этотъ самовольный уходъ вынудилъ усталый, голодный, измученный фифизически и нравственно отрядъ остановиться въ Сгалуицѣ

*) Это въ одномъ только Костромскомъ полку.

только для того, чтобы перемѣстить раненыхъ на подводы и среди густыхъ потемокъ двигаться ночью еще десять верстъ до Турскаго Трестеника, гдѣ начальникъ парка успѣлъ уже разстрѣлять двухъ турецкихъ поселянъ, основываясь на показаніяхъ болгаръ, что эти турки хотѣли пробраться къ своимъ войскамъ и дать имъ знать о беззащитномъ положеніи парка.

Такъ окончилось первое несчастное для насъ дѣло 8-го іюля. Причины неудачи были и общія, и частныя. Къ числу послѣднихъ относятся: 1) отсутствіе ясной диспозиціи, 2) незнакомство сѣвернаго отряда съ мѣстностью, 3) разбросанность и разъединеніе наступающихъ отрядовъ, вслѣдствіе чего и образовался между ними семиверстный промежутокъ, 4) отсутствіе въ сѣверномъ отрядѣ достаточнаго резерва, 5) пренебреженіе къ подготовкѣ боя артиллерійскимъ огнемъ, 6) атака, вопреки смыслу предписанія командира 9-го корпуса, который разрѣшалъ *занять* Плевну, если къ тому не встрѣтится *особаго препятствія*, въ противномъ же случаѣ отойдти къ Бреслянницѣ; особое же препятствіе выяснилось еще наканунѣ: кромѣ неудачнаго столкновенія съ турками самого Шильдеръ-Шульднера, ему не могли не быть извѣстны и результаты рекогносцировки кубанцевъ, обнаружившей присутствіе подъ Плевной весьма значительныхъ лагерей, а также показанія бѣжавшихъ плевненскихъ жителей о присутствіи въ ихъ городѣ свыше двадцати-тысячной арміи Османа, пришедшей къ Плевнѣ 6-го іюля. Къ частной нераспорядительности покойнаго Клейнгауза должно отнести то, что онъ не приказалъ снять ранцы въ Сгалуицѣ, при обозѣ, вслѣдствіе чего Костромской полкъ остался и безъ сухарей, и безъ вещей, а также и то, что не велѣлъ придвинуть нѣсколько ближе къ мѣсту боя хотя бы нѣкоторую часть артиллерійскаго парка. Наконецъ, общія причины неудачи надо искать въ малочисленности войскъ дѣйствующей арміи, которыхъ не хватало съ разу на удовлетвореніе необходимѣйшимъ стратегическимъ задачамъ по переходѣ за Дунай, но еще болѣе того—въ высокомѣрно-презрительномъ отношеніи нашемъ къ своему противнику, который—кто его знаетъ почему — баловалъ насъ доселѣ слишкомъ легкими побѣдами.

«Сраженія 7-го и 8-го іюля не кончились взятіемъ Плевны—пишетъ генералъ Шильдеръ-Шульднеръ въ своемъ донесеніи

Великому Князю Главнокомандующему: — но я считаю своею священною обязанностію заявить, что въ этомъ виноваты не войска ввѣреннаго мнѣ отряда, а слишкомъ большая несоразмѣрность силъ нашихъ съ силами непріятеля. Девять неполныхъ батальоновъ, раздѣленныхъ притомъ на два отряда, дѣйствовали (какъ это оказалось впослѣдствіи) противъ сорока турецкихъ таборовъ и, сверхъ того, шести тысячъ турокъ, составлявшихъ первоначальный гарнизонъ Плевны, на мѣстности, въ высшей степени благопріятствующей для обороняющагося, и притомъ сильно укрѣпленной ложементами и крупповскими орудіями, прикрытыми земляными насыпями. И солдаты, и офицеры вели себя въ эти два дня боя безукоризненно: они сдѣлали все, что могутъ сдѣлать самыя доблестныя войска. Оставаясь двое сутокъ безъ пищи, они шли впередъ подъ градомъ пуль и картечи, прокладывая себѣ путь огнемъ и штыкомъ, пока половина изъ нихъ не осталась на мѣстѣ, потерявъ 65 штабъ и оберъ-офицеровъ *). По совѣсти, можно смѣло гордиться подобными войсками, которыя не считаютъ враговъ и не знаютъ отступленія, пока имъ этого не прикажутъ. Они—прибавляетъ въ заключеніе генералъ Шильдеръ-Шульднеръ—сдѣлали свое дѣло молодецки и заслуживаютъ самое полное, горячее спасибо».

---

*) Т. е. 74 штабъ и оберъ-офицера.

XLIV

Второе сраженіе подъ Плевной, 18-го іюля

Стратегическое значеніе Плевны и булгаренской позиціи. — Мѣропріятія барона Криденера. — Какъ представлялось въ Тырновѣ положеніе дѣлъ подъ Плевной. — Отправка подкрѣпленій съ княземъ Шаховскимъ. — Вопросъ о главномъ начальствованіи. — Военное совѣщаніе 14-го іюля въ Бресляницѣ и донесеніе о немъ барона Криденера. — Передвиженіе войскъ 9-го корпуса. — Военное совѣщаніе 17-го іюля въ Порадимѣ. — Бумага изъ строеваго отдѣла штаба арміи. — Диспозиція для боя. — Расположеніе турецкихъ силъ. — Дѣйствія генерала Скобелева 2-го. — Дѣйствія въ отрядѣ князя Шаховскаго. — Атаки генерала Горшкова. – Крайняя необходимость въ подкрѣпленіяхъ. — Роль Коломенскаго полка. — Окончаніе боя въ отрядѣ князя Шаховскаго и его отступленіе. — Дѣйствія правофлангового отряда. — Гривицкій редутъ. — Неизвѣстность о ходѣ дѣла на лѣвомъ флангѣ. — Недоумѣніе, вслѣдствіе замѣчаемыхъ признаковъ уклоненія боя у князя Шаховскаго влѣво. — Записка барона Криденера къ князю Шаховскому. — Атака войскъ 9-го корпуса для поддержанія лѣвофлангового отряда. — Усилія атакующихъ овладѣть Гривицкимъ редутомъ. — Израсходованіе силъ резерва и невозможность подать дальнѣйшую помощь князю Шаховскому. — Отступленіе барона Криденера и отданныя имъ распоряженія. — Наши потѣри и дѣятельность перевязочныхъ пунктовъ. — Поведеніе въ бою войскъ и нѣкоторые случаи отдѣльныхъ подвиговъ. — Причины нашей вторичной неудачи подъ Плевной.

Горный Студень, 7-го августа.

Неудача перваго плевненскаго дѣла еще настоятельнѣе высказала важность и опасность для насъ Плевны, какъ стратегическаго пункта, откуда турки, если бы вздумали перейдти въ наступленіе, то могли бы самымъ серьезнымъ образомъ угрожать и Тырнову, и Систову, т. е. нашей главной коммуникаціонной линіи въ Болгаріи, и нашему, въ то время еще единственному, мосту на Дунаѣ *). Эта опасность очень живо почувствовалась генераломъ Шильдеръ-Шульднеромъ тотчасъ послѣ его пораженія, и потому еще въ шесть часовъ по полудни 8-го іюля, въ отвѣтъ на донесеніе полковника Тутолмина о невозможности отступить на Бресляницу, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ прислалъ ему записку, гдѣ излагалось,

*) Второй систово-зимницкій мостъ, равно какъ и мостъ у Никополя еще не были готовы; на нижне-дунайскій же мостъ, отдѣленный отъ главныхъ силъ нашей арміи слишкомъ обширною и еще непокоренною территоріею, конечно, невозможно было разсчитывать нашимъ главнымъ силамъ въ средней Болгаріи ни въ какихъ обстоятельствахъ, ранѣе покоренія Рущука, Туртукая, Силистріи и обложенія Шумлы.

что если онъ, Тутолминъ, съ 19-мъ (т. е. Костромскимъ) полкомъ еще находится въ Сгалуицѣ или вообще на рущукско-плевненскомъ шоссе, то ему слѣдуетъ «отойдти съ 19-мъ полкомъ къ селу Булгарени, за мостъ, *который надо защищать»* *). Эта записка ясно указываетъ, что генералъ Шильдеръ-Шульднеръ вполнѣ созналъ важность булгаренской позиціи и крайнюю необходимость удержать ее за собою, какъ единственный опорный пунктъ на всемъ пути отъ Плевны до систово-тырновской дороги, и что вызванное безвыходною необходимостью отступленіе Тутолмина на Сгалуицъ было гораздо цѣлесообразнѣе въ стратегическомъ смыслѣ, чѣмъ отступленіе на Бресляницу, какъ сперва предписывалъ было ему Шильдеръ-Шульднеръ.

Предполагаемая возможность наступленія Османа-паши на нашу коммуникаціонную линію побудила барона Криденера тотчасъ же стянуть къ окрестностямъ Плевны всѣ войска его корпуса, за исключеніемъ лишь тѣхъ частей, которыя имѣли особыя назначенія**). Получивъ въ ночь съ 8-го на 9-е число вполнѣ опредѣленное свѣдѣніе о неудачномъ исходѣ атаки и сдѣлавъ о томъ донесеніе Великому Князю Главнокомандующему, баронъ Криденеръ, на разсвѣтѣ 9-го іюля, выступилъ съ корпуснымъ штабомъ изъ Никополя и перешелъ въ Бресляницу, гдѣ, осмотрѣвъ войска Шильдеръ - Шульднера и занятую ими позицію, сталъ на бивуакъ у Четырехъ Колодцевъ, въ разстояніи четырехъ верстъ отъ бресляницкой позиціи.

Баронъ Криденеръ, отправляя изъ Никополя донесеніе въ главную квартиру, сознавалъ, что одинъ 9-й корпусъ, далеко неполный и притомъ съ частями, уже потерпѣвшими значительный уронъ при взятіи Никополя и подъ Плевною, окончательно недостаточенъ для вторичной попытки взять Плевну; поэтому, указывая главной квартирѣ на серьезный характеръ быстро создававшихся плевненскихъ укрѣпленій, а также и на количество силъ Османа-паши, баронъ Криденеръ на-

---

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

**) Какъ напримѣръ: для обороны систово-зимницкаго моста (Воронежскій полкъ) и для содержанія гарнизона въ Никополѣ, гдѣ, до вступленія въ крѣпость румынъ, была оставлена одна бригада, на смѣну которой былъ посланъ Костромской полкъ, какъ наиболѣе потерпѣвшій въ дѣлѣ 8-го іюля. Войска 9-го корпуса придвинулись къ Плевнѣ 9-го іюля, къ ночи.

стоятельно просилъ о скорѣйшей присылкѣ подкрѣпленій. Въ средѣ нѣкоторыхъ лицъ строеваго отдѣла штаба арміи, въ то время естественно находившихся еще подъ впечатлѣніемъ легко достигнутыхъ первоначальныхъ успѣховъ этой войны, преобладало убѣжденіе, что «старикъ» Криденеръ слишкомъ уже остороженъ, слишкомъ опасается какъ бы не уронить свою репутацію покорителя Никополя и потому, вѣроятно, склоненъ «преувеличивать» силы и средства турокъ, которыхъ тамъ нѣтъ, да и быть не можетъ *). Но лично Великій Князь Главнокомандующій, взглянувъ на это дѣло гораздо серьезнѣе, рѣшилъ послать барону Криденеру просимую помощь, и съ этою цѣлью подъ Плевну были двинуты подкрѣпленія, во-первыхъ: съ юго-восточнаго фронта, изъ-подъ Кесарева, отъ 11-го корпуса князя Шаховскаго, и во-вторыхъ: изъ-подъ Систова (собственно изъ села Павло), отъ 4-го корпуса генералъ-лейтенанта Зотова, — всего въ количествѣ трехъ бригадъ пѣхоты и одной бригады кавалеріи, при соотвѣтственномъ числѣ орудій **), подъ общимъ начальствомъ князя Шаховскаго. Кромѣ того, для установленія связи между распо-

---

*) Смѣю предполагать, что въ строевомъ отдѣлѣ штаба въ это время, вѣроятно, имѣлось не совсѣмъ точное представленіе о положеніи дѣлъ подъ Плевною. Такъ можно думать на основаніи бумаги, посланной, за подписью генерала Левицкаго, изъ Тырнова 13-го іюля въ семь часовъ вечера. Бумага эта сообщала командиру Кавказской бригады предписаніе «выдвинуться впередъ и очистить отъ непріятельскихъ партій все пространство впереди р. Осмы, южнѣе шоссе, *до Плевно* и держаться болѣе впереди». *Партій*, прогнанныхъ еще ранѣе, а именно, съ 23-го по 30-е іюня, на указанномъ пространствѣ въ данное время не было уже никакихъ, а была цѣлая 60-ти тысячная армія Османа, расположенная подковообразно впереди Плевны — отъ Опонца, черезъ Буковлекъ (онъ же и Букова Липа) на Гривицу, Радишево и далѣе къ западу. Впрочемъ, въ заключеніе означеннаго предписанія пояснялось, что таковое направленіе дѣйствій указывается Кавказской бригадѣ *«вообще»* и что имъ «не отмѣняются тѣ приказанія, которыя, можетъ быть, уже получены отъ прямаго начальства».

**) Изъ состава 11-го армейскаго корпуса: 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи (полки: Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій) съ 18-ю конною и 8-ю донскою батареями (12 орудій) и 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи (полки: 125-й Курскій и 126-й Рыльскій) съ 1-ю, 3-ю и 4-ю батареями 32-й артиллерійской бригады (24 орудія).

Изъ состава 4-го армейскаго корпуса: 30-я пѣхотная дивизія (полки: 117-й Ярославскій, 118-й Шуйскій, 119-й Коломенскій и 120-й Серпуховскій) съ 30-ю артиллерійскою бригадою (48 орудій).

Итого: 18 батальоновъ, 8 эскадроновъ и 84 орудія, изъ числа коихъ 40 орудій 9-ти-фунтовыхъ.

*

ложеніемъ 9-го корпуса и главными силами арміи, а также для развѣдки силъ противника, находящагося у Плевны, и для прикрытія путей, ведущихъ оттуда на Тырново, Сельви и Ловчу, 10-го іюля сформированъ особый кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева 2-го. Въ составъ сего послѣдняго отряда вошла и Кавказская казачья бригада *).

---

*) Въ извѣщеніи о сформированіи сего отряда, которое было послано изъ строеваго отдѣла штаба арміи командиру Кавказской бригады 10-го іюля за № 783,—полковнику Тутолмину поставляется на видъ, что отрядъ учреждается «*для установленія связи* между расположеніемъ 9-го армейскаго корпуса и главныхъ силъ арміи, *потерянной съ выходомъ* командуемой вашимъ высокоблагородіемъ бригады *изъ* Плевны къ Никополю», и затѣмъ, по указаніи дальнѣйшихъ цѣлей вновь учреждаемаго отряда, поименовываются части, изъ коихъ онъ долженъ состоять, а именно: Кавказская казачья бригада, 3-я сотня Владикавказско-Осетинскаго полка и отрядъ полковника Бакланова (т. е. тотъ самый, что занималъ до 15-го іюля Ловчу, состоя изъ двухъ сотень 23-го и двухъ сотень 30-го донскихъ казачьихъ полковъ, при двухъ орудіяхъ 6-й донской батареи), каковой отрядъ и подчиняется Свиты Его Величества генералъ-маіору Скобелеву, «для единства дѣйствій», какъ сказано въ помянутомъ извѣщеніи. Тутъ, очевидно, вкралось нѣкоторое недоразумѣніе. Не говоря уже о томъ, что 3-я сотня Владикавказско-Осетинскаго полка, подчиненная непосредственно начальнику Кавказской бригады, входитъ въ составъ новаго отряда вмѣстѣ съ этою бригадою, но какъ бы совершенно самостоятельная часть (такъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ буквальнаго смысла бумаги), главное недоразумѣніе заключается вотъ въ чемъ: первая цѣль вновь учреждаемаго отряда имѣетъ въ виду возстановленіе потерянной связи между 9-мъ корпусомъ и главными силами, причемъ потеря связи поставляется косвеннымъ образомъ какъ бы въ упрекъ полковнику Тутолмину. Но, въ сущности, едва ли можно обвинить въ этомъ командира Кавказской бригады, такъ какъ 25-го іюня ему было приказано командиромъ 9-го корпуса держать связь съ *передовымъ отрядомъ* генерала Гурко и для сохраненія этой связи онъ сдѣлалъ все, что было въ его возможности, отправляя два раза по цѣлой полусотнѣ въ Тырново и Сельви, а именно: въ первый разъ, 30-го іюня, полусотню 3-й сотни Владикавказско-Осетинскаго полка съ сотникомъ Верещагинымъ, который, явясь 30-го же числа въ Тырново, уже не нашелъ тамъ передоваго отряда, а встрѣтилъ главную квартиру, и оттуда былъ посланъ 2-го іюля въ Сельви, гдѣ находилась сотня 30-го донскаго полка, входившая въ составъ *передоваго отряда* генерала Гурко; сотнику Верещагину велѣно было держать связь съ Кавказскою бригадой и Габровымъ, гдѣ находились части 30-го донскаго полка. Это и было исполняемо, и именно ради этой цѣли послана въ Сельви 5-го іюля вторая полусотня той же 3-й сотни. О сохраненіи же связи съ *главными силами* начальникъ Кавказской бригады ни откуда не получалъ приказанія. Самое назначеніе 3-ей сотни, какъ самостоятельной части, въ составъ вновь учреждаемаго отряда указываетъ, что строевому отдѣлу штаба было извѣстно мѣсто ея нахожденія, а въ такомъ случаѣ не могла не быть извѣстною и цѣль, ради которой эта сотня была въ два пріема выслана командиромъ Кавказской бригады. Стало быть, подъ потерею связи надо разумѣть отсутствіе дальнѣй-

10-го іюля баронъ Криденеръ получилъ изъ полеваго штаба арміи увѣдомленіе о томъ, что къ Плевнѣ направлены въ подкрѣпленіе двѣ бригады пѣхоты и бригада кавалеріи, подъ общимъ начальствомъ князя Шаховскаго. Вслѣдствіе этого баронъ Криденеръ тогда же спросилъ телеграммою главную квартиру, кому будетъ поручено общее начальство надъ всѣми войсками, назначенными дѣйствовать противъ Плевны?

Спустя сутки, командиромъ 9-го корпуса было получено изъ полеваго штаба арміи новое увѣдомленіе, о посылкѣ на подкрѣпленіе его еще одной бригады пѣхоты, а на другой день послѣ этого до него дошли свѣдѣнія, что Костромской пѣхотный полкъ, находившійся у Булгареней, получилъ нѣкоторыя приказанія отъ князя Шаховскаго *). Изъ этого обстоятельства

шихъ отправокъ частей Кавказской бригады къ Тырнову въ періодъ времени съ 5-го по 10-е іюля. Но слѣдуетъ принять въ соображеніе, что наличность бригады у полковника Тутолмина во все это время колебалась между шестью и восемью сотнями, за постоянными откомандировками прочихъ, по требованіямъ ближайшаго начальства. Ослаблять себя дальнѣйшими выдѣлами частей полковникъ Тутолминъ не могъ, въ виду предстоявшаго 8-го числа боя, а 9-го числа, до подхода къ ночи силъ 9-го корпуса, на немъ лежала охрана булгаренскаго моста и отправка раненыхъ Костромскаго полка (до 100 подводъ).

Въ той же бумагѣ отъ 10-го іюля, за № 783, упоминается о выходѣ Кавказской бригады *изъ* Плевны. Если это не описка лица, составлявшаго бумагу, то позволительно думать, что тутъ опять недоразумѣніе, вслѣдствіе того, что въ строевомъ отдѣлѣ штаба, вѣроятно, не составилось еще точнаго представленія о положеніи дѣлъ подъ Плевной. Кавказская бригада въ Плевнѣ не была, а потому не могла и выходить *изъ* Плевны. Но... это уже дѣло будущаго историка войны — разъяснить, отчего могло произойдти такое неточное представленіе: оттого ли, что штабъ 9-го корпуса не посылалъ своевременно увѣдомленій въ Тырново, или же по какой-либо иной причинѣ? По видимому, это мелочи, но я позволяю себѣ думать, что въ событіи столь громадной важности, какъ *«вторая Плевна»*, никакая мелочь не должна быть упущена, если она такъ или иначе можетъ помочь разъясненію дѣла.

*) Данныя для изложенія обстоятельствъ, предшествовавшихъ бою, а равно и самаго боя, почерпнуты мною, кромѣ офиціальныхъ документовъ и устныхъ разсказовъ непосредственныхъ участниковъ дѣла, еще изъ матеріаловъ и свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ, по моей личной просьбѣ, лицами наиболѣе посвященными въ ходъ дѣла какъ въ отрядѣ барона Криденера, такъ и въ отрядѣ князя Шаховскаго, которымъ и приношу за это мою почтительную благодарность. Свѣдѣнія эти во многомъ восполняютъ общую картину «второй Плевны», хотя и не всегда вполнѣ согласуются между собою, какъ напримѣръ въ данномъ случаѣ: первый источникъ указываетъ, что до барона Криденера дошли свѣдѣнія о полученіи Костромскимъ полкомъ приказаній отъ князя Шаховскаго; по второму же источнику—ни князь Шаховской и никто въ штабѣ 11-го корпуса не предъявлялъ собственно къ Костромскому полку такихъ требованій,

баронъ Криденеръ вывелъ заключеніе, что, стало быть, князь Шаховской назначенъ главноначальствующимъ надъ всѣми войсками, сосредоточенными подъ Плевной; но такъ какъ относительно этого назначенія онъ до сихъ поръ еще не получилъ никакого увѣдомленія изъ полеваго штаба арміи, то и счелъ нужнымъ послать 12-го іюля вторичную телеграмму на имя Главнокомандующаго, прося разрѣшить въ точномъ смыслѣ вопросъ объ общемъ командованіи надъ плевненскими

которыя нарушали бы его прямую подчиненность. Не позволяя себѣ ни малѣйшимъ образомъ вдаваться въ критическую оцѣнку того и другаго источника, и поставивъ себѣ скромною задачею отнюдь не выходить изъ рамокъ простаго безпристрастнаго описанія событій, на основаніи имѣющихся у меня данныхъ,— я смѣю надѣяться, что не навлеку на себя ни съ чьей стороны нареканій, если, въ случаяхъ несогласованія между собою того и другаго источника, буду отмѣчать въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ то, въ чемъ именно они не согласуются. Что же касается даннаго случая, о Костромскомъ полкѣ, то надо думать, что причиною возникшаго относительно его недоразумѣнія послужила, вѣроятно, слѣдующая записка начальника штаба 11-го корпуса къ командиру Кавказской бригады, отъ 12-го іюля:

«Штабъ 11-го армейскаго корпуса. «Командиръ корпуса сегодня прибываетъ въ Гаусмагала *) (Булгарени). Его сіятельство приказалъ перейдти ввѣренной вамъ бригадѣ изъ Булгарени къ Караачъ Бугарски **) сегодня же и стать тамъ на ночлегъ въ связи съ 1-ю бригадою 11-й кавалерійской дивизіи.

«Костромской пѣхотный полкъ оставить на мѣстѣ.

«Въ Караачъ Бугарски получите дальнѣйшія распоряженія. Всѣ свѣдѣнія, которыя получите съ юга (къ Ловчѣ) и съ сѣвера (къ Бриславу) ***) присылайте немедленно командиру корпуса въ Гаусмагала.

«Оставьте въ Гаусмагалѣ краткое свѣдѣніе о составѣ вашего отряда.

«Начальникъ штаба полковникъ Бискупскій».

Кромѣ фразы «Костромской пѣхотный полкъ оставить на мѣстѣ», къ этому полку въ штабѣ 11-го корпуса,—по свидѣтельству источника, изъ коего я заимствую свѣдѣнія о дѣйствіяхъ отряда князя Шаховскаго, — не предъявлялось никакихъ болѣе требованій, и самое упоминаніе объ оставленіи его на мѣстѣ было сдѣлано именно потому, что на него не могли простираться распоряженія командира 11-го корпуса, такъ какъ этотъ полкъ находился у Булгареней по распоряженію начальства 9-го корпуса и временно состоялъ въ вѣдѣніи командующаго булгаренскимъ отрядомъ полковника Тутолмина. Относительно же Кавказской казачьей бригады, князь Шаховской счелъ себя въ правѣ распорядиться, на основаніи сдѣланнаго ему въ главной квартирѣ сообщенія, что эта бригада войдетъ въ составъ его отряда ****).

---

*) Т.-е. Чаушка-Махала.

**) Т.-е. Карагачъ Болгарскій.

***) Т.-е. Бресляница.

****) Письменнаго предписанія о подчиненіи 11-му корпусу, а равно и объ отчисленіи отъ 9-го корпуса—Кавказская бригада, по свидѣтельству полковника Тутолмина, ни до, ни послѣ этого времени ни отъ кого не получала.

отрядами. При этомъ надо замѣтить, что телеграфная переписка между барономъ Криденеромъ и штабомъ арміи шла кружнымъ путемъ, чрезъ Турну-Магурели, такъ какъ штабъ 9-го корпуса не былъ соединенъ съ Тырновымъ проволокой военно-походнаго телеграфа, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи телеграфнаго парка; естественно, что доставка депешъ, посредствомъ нарочныхъ казаковъ до Никополя, а оттуда чрезъ Дунай въ Румынію, и обратно тѣмъ же путемъ къ Четыремъ Колодцамъ, требовала значительнаго времени, вслѣдствіе чего и проистекало замедленіе въ сношеніяхъ съ полевымъ штабомъ по самымъ важнѣйшимъ вопросамъ.

13-го іюля, къ барону Криденеру, на бивуакъ у Четырехъ Колодцевъ, пріѣхалъ изъ Бресляницы генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ съ состоящимъ при штабѣ 11-го корпуса генеральнаго штаба подполковникомъ графомъ Келлеромъ, который былъ посланъ княземъ Шаховскимъ къ Шильдеръ-Шульднеру съ приказаніями. Командуя частью, входящею въ составъ 9-го корпуса, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ считалъ себя въ непосредственномъ подчиненіи командиру онаго, отъ котораго и получалъ прямыя приказанія, а потому, въ виду приказаній, привезенныхъ графомъ Келлеромъ отъ командира 11-го корпуса, просилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ барону Криденеру для разъясненія этого недоразумѣнія. Баронъ Криденеръ отвѣчалъ имъ, что судя по приказаніямъ, полученнымъ отъ командира 11-го корпуса Костромскимъ полкомъ, Кавказскою бригадою и, наконецъ, теперь генералъ-лейтенантомъ Шильдеръ-Шульднеромъ, надо думать, что главное начальствованіе надъ всѣми плевненскими войсками ввѣрено князю Шаховскому; затѣмъ объяснилъ, что онъ, баронъ Криденеръ, уже дважды посылалъ въ главную квартиру телеграммы о разрѣшеніи этого вопроса, но до сихъ поръ еще не имѣетъ оттуда никакого отвѣта, а потому и не можетъ разъяснить Шильдеръ-Шульднеру его недоразумѣнія. Въ то самое время, какъ генералъ Шильдеръ-Шульднеръ и графъ Келлеръ находились еще у барона Криденера, пришла наконецъ изъ штаба арміи отвѣтная телеграмма, въ которой сообщалось, что общее начальство надъ войсками подъ Плевной поручается барону Криденеру, какъ старшему по службѣ. Телеграмму эту баронъ Криденеръ тутъ же показалъ

графу Келлеру, который, въ объясненіе приказаній, отданныхъ командиромъ 11-го корпуса частямъ 9-го корпуса, заявилъ, что это случилось только потому, что князь Шаховской не зналъ о предоставленіи главнаго начальствованія барону Криденеру *). Тогда баронъ Криденеръ послалъ съ графомъ Келлеромъ приглашеніе князю Шаховскому пріѣхать на бресляницкій бивуакъ для совѣщанія, каковое назначается завтра, 14-го іюля, въ 9 часовъ утра, о чемъ оповѣщены и всѣ командиры частей 9-го корпуса.

По пріѣздѣ князя Шаховскаго, обрисовавъ общее положеніе дѣлъ, выясненное произведенными доселѣ рекогносцировками, затѣмъ изложивъ послѣднія свѣдѣнія о силахъ противника, о его расположеніи на плевненскихъ позиціяхъ и сопоставивъ съ ними числовыя данныя нашихъ силъ (менѣе 27-ми тысячъ штыковъ противъ 60-ти тысячъ), начальникъ 9-го корпуса предложилъ присутствующимъ вопросъ: возможно ли при такихъ условіяхъ атаковать Плевну?—Отвѣтомъ на это было общее, единодушное *«нѣтъ»*. Тогда было составлено особое офиціальное донесеніе, въ которомъ, послѣ изложенія данныхъ, предъявленныхъ на обсужденіе начальниковъ частей 9-го корпуса, баронъ Криденеръ извѣщалъ главную квартиру, что по ихъ единогласному рѣшенію, атака Плевны признана невозможною, но что если бы, не смотря на это, послѣдовало приказаніе атаковать, то онъ, баронъ Криденеръ, считаетъ восточную и юго-восточную стороны доступнѣе сѣверной. Эта бумага была въ тотъ же день къ вечеру послана въ Тырново съ прибывшимъ оттуда адъютантомъ начальника штаба дѣйствующей арміи, Кавалергардскаго полка корнетомъ Хвощинскимъ, а снятая съ нея копія отправлена къ Государю Императору въ Бѣлу, съ адъютантомъ командира 9-го корпуса, ротмистромъ Беклемишевымъ. Въ этотъ день (14-го) князь Шаховской стоялъ въ деревнѣ Чауш-

---

*) Другой источникъ свидѣтельствуетъ, что князь Шаховской ни одной минуты не сомнѣвался въ своей подчиненности командиру 9-го корпуса, какъ старшему въ чинѣ, и если бы могъ принять общее начальство, то развѣ въ томъ только случаѣ, когда баронъ Криденеръ не находился бы на мѣстѣ. Что же касается до приведенныхъ здѣсь словъ графа Келлера, то лично отъ него я ихъ не слыхалъ, но они находятся въ письменномъ источникѣ, сообщенномъ мнѣ вполнѣ авторитетнымъ и свѣдущимъ лицомъ, для руководства при изложеніи дѣйствій войскъ 9-го корпуса.

ка-Махала, противъ Булгареней, на нагорномъ (правомъ) берегу Осмы, а кавалерійская бригада генералъ-маіора Татищева *) была выдвинута въ Порадимъ.

Чтобы сблизиться съ войсками князя Шаховскаго и, согласно указанію полеваго штаба арміи, имѣть свой тылъ на плевно-рущукскомъ шоссе (т. е. у Булгареней), баронъ Криденеръ 16-го іюля перевелъ свою пѣхоту съ бресляницкой позиціи къ Турскому Трестенику, оставивъ на плевно-никопольской дорогѣ, близь селенія Челисофатъ, два полка кавалеріи съ конною артиллеріею (бригада генерала Лашкарева). Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая имѣть въ своемъ распоряженіи, по возможности, больше войскъ, онъ далъ приказаніе Костромскому полку (разстроенному боемъ 8-го числа) перейдти въ Никополь, на смѣну частей 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи, а этимъ послѣднимъ немедленно слѣдовать въ село Коюловцы.

16-го числа, по прибытіи барона Криденера въ Турскій Трестеникъ, былъ доставленъ изъ Турну-Магурели телеграфный отвѣтъ Великаго Князя Главнокомандующаго на бумагу, посланную 14-го съ корнетомъ Хвощинскимъ. Этотъ краткій отвѣтъ заключался въ четырехъ словахъ: «Одобряю вашъ планъ атаки», что и было сочтено барономъ Криденеромъ какъ бы за приказаніе атаковать Плевну. Но, все-таки, оставалось еще мѣсто нѣкоторому сомнѣнію, такъ какъ прямаго приказанія атаковать въ телеграммѣ не было **).

На основаніи этой телеграммы, баронъ Криденеръ просилъ князя Шаховскаго собрать 17-го іюля начальниковъ частей его отряда въ Порадимѣ, куда и самъ онъ пріѣхалъ вмѣстѣ со Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ княземъ Имеретинскимъ. По изложеніи тѣхъ же данныхъ, какія были представлены начальникамъ частей 9-го корпуса на бресляницкомъ совѣщаніи 14-го числа, баронъ Криденеръ обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ: готовы ли они атаковать? На это послѣдовалъ отвѣтъ, что если прикажутъ, то конечно да. Тогда баронъ Криденеръ, на словахъ, ознако-

---

*) 11-й драгунскій Рижскій и 11-й уланскій Чугуевскій полки съ 18-ю конною и донскою № 8-го батареями.

**) Другой источникъ свидѣтельствуетъ, что Великій Князь Главнокомандующій предлагалъ атаковать Плевну съ южной стороны (т. - е. отъ плевно - ловчинскаго шоссе).

милъ всѣхъ присутствующихъ съ предполагаемою имъ диспозиціею, на случай атаки Плевны; но при этомъ прибавилъ, что окончательное рѣшеніе быть или не быть атакѣ будетъ зависѣть отъ приказанія изъ главной квартиры, котораго онъ ожидаетъ, и предложилъ князю Шаховскому прислать, на всякій случай, въ Турскій Трестеникъ офицеровъ отъ частей войскъ, для полученія приказаній и диспозиціи, если атака будетъ рѣшена *).

Войска плевненскаго отряда наканунѣ сраженія были расположены почти полукругомъ на сорока-верстномъ отъ фланга до фланга разстояніи, отъ Бресляницы на Коюловцы, Турскій Трестеникъ, Болгарскій Карагачъ, Порадимъ и Боготъ, имѣя на фланговыхъ пунктахъ бо́льшую часть кавалеріи **). Такое расположеніе было имъ придано въ виду предстоявшей атаки на Плевну.

---

*) По свидѣтельству другаго источника, начальникъ штаба 11-го корпуса полковникъ Бискупскій тогда же записалъ эту предполагаемую диспозицію со словъ барона Криденера, и заготовилъ съ нея списки для войскъ князя Шаховскаго, такъ что когда въ четыре часа ночи была доставлена въ Порадимъ подлинная диспозиція, то по свѣркѣ ея съ тѣмъ, что́ было записано полковникомъ Бискупскимъ, послѣднее оказалось совершенно согласно съ подлинникомъ барона Криденера и потому, за неимѣніемъ времени для переписки, полковникъ Бискупскій разослалъ въ части войскъ заготовленные имъ списки съ диспозиціи, словесно изложенной начальникомъ 9-го корпуса.

Тотъ же источникъ свидѣтельствуетъ, что во время совѣщанія въ Порадимѣ, начальникъ штаба 11-го корпуса заявилъ свое мнѣніе — не лучше ли было бы атаковать всѣми соединенными силами въ какомъ нибудь одномъ пунктѣ, чѣмъ двумя отдѣльными отрядами? — на что̀ со стороны начальника штаба 9-го корпуса, генералъ-маіора Шнитникова, послѣдовалъ отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: «Полковникъ, вы получите диспозицію и ее исполните».

**) Расположеніе войскъ плевненскаго отряда 17-го іюля, наканунѣ атаки, было слѣдующее:

Правый флангъ: 9-й уланскій Бугскій и 9-й донской казачій полки съ донскою № 2-го батареею (4 эскадрона, 6 сотень и 6 орудій)—въ Бресляницѣ.

31-я пѣхотная дивизія, безъ 124-го пѣхотнаго Воронежскаго полка и 5-й батареи, находившейся въ Никополѣ (9 батальоновъ и 40 орудій)—въ Коюловцахъ.

5-я пѣхотная дивизія, безъ 19-го пѣхотнаго Костромскаго полка и 3-й батареи, находившейся въ Систовѣ (9 батальоновъ и 40 орудій)—въ Турскомъ Трестеникѣ.

2-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи со 2-ю, 4-ю и 6-ю батареями (6 батальоновъ и 24 орудія) въ видѣ *резерва*—въ Карагачѣ Болгарскомъ.

Центръ: 1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи съ 1-ю, 3-ю и 5-ю батареями (6 батальоновъ, 24 орудія), 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи съ 1-ю, 3-ю и

Когда командиръ 9-го корпуса возвратился изъ Порадима въ Турскій Трестеникъ, было уже темно, а между тѣмъ никакого извѣщенія изъ главной квартиры еще не получалось. Наконецъ, уже поздно вечеромъ, въ то время, какъ баронъ Криденеръ сидѣлъ съ княземъ Имеретинскимъ въ своей палаткѣ, за чаемъ, туда вошелъ, только что прибывшій изъ Тырнова, ординарецъ Главнокомандующаго, гвардейской артиллеріи штабсъ-капитанъ Андріевскій, и на вопросъ барона Криденера: «Что? отказъ, или атака?» — съ молчаливымъ поклономъ вручилъ ему запечатанный конвертъ. Это была формальная бумага, за подписью генерала Левицкаго, въ которой помощникъ начальника штаба арміи сообщалъ барону Криденеру, что Великій Князь вполнѣ одобряетъ предложенный барономъ планъ атаки Плевны съ восточной и юго-восточной стороны; затѣмъ въ той же бумагѣ подавался командиру 9-го корпуса совѣтъ—немедленно сдѣлать всѣ необходимыя передвиженія и начинать дѣло сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, чтобы вполнѣ воспользоваться нашимъ превосходствомъ въ артиллеріи; совѣтовалось это сдѣлать, хотя бы пришлось употребить для того цѣлыя сутки, и потомъ только наступать пѣхотою. Бумага за подписью генерала Левицкаго, не смотря на ясность своего изложенія, все-таки не разъясняла нѣкотораго недоумѣнія, невольно возникшаго еще наканунѣ, по полученіи телеграммы изъ Тырнова, такъ какъ баронъ Криденеръ въ донесеніи, отправлен-

---

4-ю батареями (6 батальоновъ и 24 орудія) и 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи съ 18-ю конною батареею (8 эскадроновъ и 6 орудій) въ Порадимѣ.

Лѣвый флангъ: Кавказская казачья бригада съ донскою № 8-го и конно-горною батареями (12 сотенъ и 12 орудій)—въ Боготѣ.

А всего въ плевненскомъ отрядѣ: 36 батальоновъ (неполныхъ) или 28,626 чел., 30 эскадроновъ и сотенъ или 2,546 чел. и 186 орудій (изъ коихъ 80 девятифунтовыхъ, могущихъ состязаться съ дальнихъ дистанцій съ дальнобойною турецкою артиллеріею), при 2,804 чел. артиллерійской прислуги. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что силы барона Криденера и князя Шаховскаго были почти одинаковы, хотя у перваго, за исключеніемъ бригады, оставленной въ резервѣ, было шесть полковъ, а у втораго только четыре; но въ войскахъ 9-го корпуса, по причинѣ потерь въ предшествовавшихъ сраженіяхъ, потерпѣвшіе полки находились почти въ половинномъ числѣ рядовъ. У Османа же, какъ извѣстно, было 60,000 пѣхоты, болѣе 2,000 кавалеріи и до 70-ти дальнобойныхъ орудій,—таковы, по крайней мѣрѣ, были послѣднія изъ свѣдѣній, полученныхъ барономъ Криденеромъ.

номъ съ корнетомъ Хвощинскимъ, вовсе не предлагалъ какой-либо опредѣленный планъ атаки, а только сообщалъ относительно ея возможности единогласное отрицательное рѣшеніе лицъ, бывшихъ на совѣщаніи, прибавляя отъ себя, что если бы, не смотря на невозможность, все же послѣдовало приказаніе атаковать Плевну, то онъ считаетъ восточную и юго-восточную стороны доступнѣе сѣверной. Такимъ образомъ, прямаго, категорическаго приказанія атаковать Плевну изъ главной квартиры не было. Но на основаніи бумаги, подписанной генераломъ Левицкимъ, которая вполнѣ подтверждала краткую телеграмму Главнокомандующаго и развивала указанія и наставленія о предварительной подготовкѣ атаки преимуществами нашей артиллеріи, баронъ Криденеръ остановился на мысли, что одобреніе плана атаки и тѣмъ болѣе эти совѣты, въ сущности, означаютъ приказаніе атаковать. Въ виду же того, что Османъ-паша ежедневно усиливается новыми войсками и пользуется каждымъ лишнимъ часомъ для наибольшаго укрѣпленія своей позиціи фортификаціонными сооруженіями, почему всякая дальнѣйшая проволочка времени только увеличивала бы трудности и безъ того уже крайне сомнительной атаки, барону Криденеру оставалось только сейчасъ же составить письменную диспозицію для наступленія, съ приказаніемъ атаковать Плевну завтра, 18-го іюля, утромъ. И вотъ, около полуночи, при помощи начальника штаба 9-го корпуса, генералъ-маіора Шнитникова, была написана слѣдующая диспозиція *):

«Завтра, 18-го іюля, ввѣренныя мнѣ войска двинутся для овладѣнія г. Плевной въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Правый флангъ. Отрядъ генералъ-лейтенанта Вельяминова:

1) 121-й пѣхотный Пензенскій, 122-й пѣхотный Тамбовскій и 123-й пѣхотный Козловскій полки съ 31-ю артиллерійскою бригадою (за исключеніемъ 5-й батареи) и сборною командою для саперныхъ работъ, подъ ближайшимъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣлокопытова, выступятъ отъ дер.

---

*) По причинѣ поздняго времени, диспозиція во многія части войскъ была доставлена предъ самымъ выступленіемъ, а въ нѣкоторыя, какъ напримѣръ въ отрядъ Скобелева, даже на походѣ.

Коюловцы въ 5 часовъ утра и направятся по дорогѣ въ Плевну, пролегающей сѣвернѣе шоссе изъ Булгареней въ Плевну, на д. Гривицу. Пройдя около 7-ми верстъ и до достиженія возвышенности, съ которой открывается д. Гривица, полки развернутся въ боевой порядокъ, имѣя въ первой линіи столько батарей, сколько позволитъ мѣстность. Батареи, занявъ позиціи на разстояніи вѣрнаго прицѣльнаго выстрѣла, откроютъ огонь. Для дальнѣйшаго наступленія ожидать приказанія.

2) 17-й пѣхотный Архангелогородскій, 18-й пѣхотный Вологодскій и 20-й пѣхотный Галичскій полки съ 5-ю артиллерійскою бригадою (за исключеніемъ 3-й батареи), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, выступивъ въ 5½ ч. утра отъ д. Турскій-Трестеникъ по прямой дорогѣ, ведущей въ Плевну, станутъ въ резервѣ за частями войскъ 31-й пѣхотной дивизіи, на высотахъ, сопровождающихъ съ сѣвера шоссе, ведущее изъ д. Булгареней въ Плевну.

3) Два эскадрона 11-го драгунскаго Рижскаго полка и сотня казаковъ донскаго № 34-го полка, состоящая при 5-й пѣхотной дивизіи, высылаются заблаговременно на правый флангъ боевой линіи 31-й пѣхотной дивизіи и высылаютъ разъѣзды по направленію къ г. Плевнѣ и на западъ къ р. Видъ, для охраненія этого фланга.

II. Лѣвый флангъ. Отрядъ генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго:

4) 1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи и 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи, съ 1-ю, 3-ю и 5-ю батареями 30-й и 1-ю, 3-ю и 4-ю батареями 32-й артиллерійскихъ бригадъ и 1-ю ротою 5-го сапернаго батальона выступятъ отъ д. Порадима въ 5 часовъ утра и, направившись между д.д. Сгалуицы и Пелишатъ, атакуютъ непріятельскія войска, расположенныя на позиціи къ сѣверу отъ д. Радишева. По овладѣніи этою позиціею, отряду продолжать подвигаться на Плевну, стараясь занять артиллеріею такія позиціи на высотахъ лѣваго, южнаго берега Гривицкаго ручья, съ которыхъ она могла бы поражать во флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны. Дальнѣйшія же дѣйствія сообразовать съ ходомъ боя на правомъ флангѣ, сохраняя съ нимъ самую тѣсную связь. Для сего въ распоряженіе генералъ-лейтенанта

князя Шаховскаго назначаются два эскадрона 11-го уланскаго Чугуевскаго полка.

5) Кавказской сводной бригадѣ съ 8-ю донскою и горною батареями, подъ ближайшимъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Скобелева, выступить отъ д. Боготъ въ 5 часовъ утра и, ставъ за лѣвымъ флангомъ боевой линіи, стараться пресѣчь сообщеніе между Плевной и Ловчей, имѣя постоянное наблюденіе по направленію къ обоимъ названнымъ городамъ. Въ случаѣ отступленія непріятеля изъ Плевны, бригадѣ идти къ западу на софійскую дорогу, для пресѣченія непріятелю путей отступленія въ этомъ направленіи.

III. Общій резервъ подъ моимъ личнымъ начальствомъ:

6) 2-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи съ 2-ю, 4-ю и 6-ю батареями 30-й артиллерійской бригады выступятъ отъ Болгарскаго Карагача въ 4 часа утра, направятся къ шоссе отъ Булгареней въ Плевну, дойдутъ до пересѣченія онаго дорогою изъ Турскаго-Трестеника въ Порадимъ и будутъ тамъ ожидать приказанія.

7) Два эскадрона 11-го драгунскаго Рижскаго полка и два эскадрона 11-го уланскаго Чугуевскаго полка съ 18-ю конною батареею станутъ у д. Пелишатъ и будутъ ожидать приказанія.

IV. Отрядъ генералъ-маіора Лашкарева:

8) 9-й уланскій Бугскій полкъ, донской казачій № 9-го полкъ и 2-я донская батарея. Отряду въ 6 часовъ утра выдвинуться отъ д. Бресляницы на Плевну и выставить цѣпь до соприкосновенія съ непріятелемъ, зорко наблюдая за передвиженіемъ его войскъ и донося мнѣ немедленно обо всемъ замѣченномъ. Если послѣдуетъ приказаніе перейдти на лѣвый берегъ р. Вида, то отряду слѣдовать черезъ д. Рыбинъ (она же Рибне) на софійскую дорогу, для самостоятельныхъ дѣйствій въ тылу непріятеля.

9) Батареямъ 5-й артиллерійской бригады и общаго резерва состоять въ распоряженіи начальника артиллеріи 9-го армейскаго корпуса.

10) Патронные ящики имѣть при частяхъ, по одному на батальонъ, а прочіе за частными резервами.

11) Паркамъ находиться въ разстояніи 5-ти верстъ за войсками.

12) Лазаретнымъ линейкамъ слѣдовать при частяхъ. Въ отношеніи дивизьонныхъ лазаретовъ и выбора перевязочныхъ пунктовъ руководствоваться прилагаемымъ наставленіемъ *).

13) Обозамъ остаться на настоящихъ мѣстахъ расположенія войскъ и быть въ полной готовности къ движенію. Для прикрытія ихъ оставить каждому пѣхотному полку до ста человѣкъ слабосильныхъ, въ вѣдѣніи командировъ нестроевыхъ ротъ.

14) Нижнимъ чинамъ одѣтымъ быть въ мундирахъ, въ шапкахъ безъ чехловъ и имѣть шинели скатанными черезъ плечо, а также имѣть при себѣ сухари, порціи варенаго мяса и во флягахъ воду. Ранцы оставить при обозахъ.

15) Я буду находиться при общемъ резервѣ, на высотѣ съ

---

*) Вотъ текстъ этого наставленія, изложенный въ видѣ примѣчанія къ диспозиціи на 18-е іюля:

«Во время сраженія, всѣ полковыя и батарейныя лазаретныя кареты должны слѣдовать за тѣми частями, которымъ онѣ принадлежатъ, до тѣхъ пунктовъ, которые имъ будутъ указаны корпусными хирургами и врачами, какъ передовые перевязочные пункты, на которыхъ оказывается раненымъ первая помощь, согласно инструкціи о дѣятельности на перевязочныхъ пунктахъ.

«Носильщики, состоящіе при дивизьонныхъ подвижныхъ лазаретахъ, отправляются на передовые перевязочные пункты, чтобы немедленно выносить раненыхъ изъ боевой линіи. Все количество носильщиковъ раздѣлено будетъ между перевязочными пунктами, по указанію корпуснаго хирурга.

«Половина количества бочекъ, находящихся при дивизьонныхъ подвижныхъ лазаретахъ, должна быть отправлена на передовые перевязочные пункты, чтобы оные снабжать водою, нужною на промываніе ранъ и операцій.

«Дивизьонные подвижные лазареты собираются, съ полнымъ составомъ своего врачебнаго персонала и съ тѣми врачами, которые будутъ къ нимъ прикомандированы, на указанный имъ главный перевязочный пунктъ.

«Помощь раненымъ на этомъ пунктѣ подается согласно инструкціи для перевязочныхъ пунктовъ. Во избѣжаніе безпорядковъ, раненые должны быть сортированы по категоріямъ пораненій, немедленно послѣ прибытія.

«Никому не дозволяется, подъ строжайшею отвѣтственностью, безъ особаго разрѣшенія корпуснаго врача, или корпуснаго хирурга, или же старшихъ врачей, назначенныхъ на перевязочные пункты, оставлять самовольно указанное ему мѣсто.

«Въ случаѣ перемѣщеній перевязочныхъ пунктовъ, объ этомъ заблаговременно будетъ сообщаться старшимъ врачемъ».

Подписано: «Нач. Шт. 9-го корп. генералъ-маіоръ Шнитниковъ.

«Старшій адъютантъ штабсъ-капитанъ Ясенскій».

южной стороны шоссе въ Плевну, куда и присылать донесенія о ходѣ боя возможно чаще.

Къ сему присовокупляю, для объявленія во всѣхъ частяхъ войскъ, что Его Императорское Высочество, черезъ прибывшаго сегодня ординарца Своего, приказалъ намъ непремѣнно взять у непріятеля Плевну» *).

Сила и характеръ плевненской позиціи уже извѣстны изъ описанія перваго дѣла, 8-го іюля. На нынѣшній разъ турки—на сколько возможно было распознать—расположились слѣдующимъ образомъ: лѣвый флангъ ихъ достигалъ до праваго берега р. Видъ, имѣя опору въ д. Букова-Липа (она же Буковлекъ), и затѣмъ линіи непріятельскихъ войскъ обозначались до д. Гривицы; отсюда, подъ угломъ къ селу Радишеву, располагался центръ, а правый флангъ заворачивалъ отъ Радишева къ Плевнѣ. Въ общемъ рисункѣ это расположеніе можно бы сравнить съ подковою. Передъ фронтомъ отряда князя Шаховскаго турецкая позиція состояла изъ ряда батарей, стрѣлковыхъ ложементовъ и траншей, отлично примѣненныхъ къ мѣстности, которая и безъ того, сама по себѣ, уже представляла труднопроходимыя препятствія. Впрочемъ, ряды подобныхъ укрѣпленій не только здѣсь, но и повсюду, за исключеніемъ южной и юго-западной стороны, унизывали доступы къ расположенію войскъ противника, и на этотъ разъ они были гораздо сильнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ 8-го іюля.

Хотя отрядъ генерала Скобелева, по диспозиціи боя, имѣлъ второстепенное, только наблюдательное значеніе, но принимая во вниманіе то, какъ онъ разыгрался въ дѣйствительности—мнѣ кажется, будетъ удобнѣе начать описаніе нашихъ дѣйствій 18-го числа именно со Скобелевскаго отряда, т. е. съ крайняго нашего лѣваго фланга, затѣмъ перейдти къ отряду князя Шаховскаго и, наконецъ, къ правому флангу.

Диспозиція по войскамъ отряда князя Шаховскаго предписывала генералу Скобелеву—слѣдовать безостановочно вдоль

*) Послѣднія слова, какъ объяснилъ мнѣ лично баронъ Криденеръ, были прибавлены имъ отъ себя, для бо́льшаго возбужденія духа войскъ; предписаніе же Великаго Князя Главнокомандующаго ограничивалось только словами телеграммы: «одобряю вашъ планъ атаки».

Примѣчаніе автора.

по Боготскому ручью до плевно-ловчинскаго шоссе, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Утро 18-го іюля было очень сырое: предъ тѣмъ шли большіе дожди. Туманъ, застилавшій окрестность, былъ столь густъ, что серьезно препятствовалъ развѣдкамъ и наблюденіямъ нашихъ кавалеристовъ.

Въ авангардѣ генерала Скабелева, находились двѣ сотни Кубанскаго полка, подъ начальствомъ князя Кирканова, съ четырьмя донскими орудіями. Взявъ ихъ подъ личное свое командованіе, Скобелевъ двинулся безостановочно къ Плевнѣ; остальныя же части его отряда, подъ командою полковника Тутолмина, слѣдовали и остановились въ двухъ верстахъ за нимъ. Благодаря туману, авангардъ генерала Скобелева незамѣтно достигъ деревни Кришинъ и выдвинувшись оттуда еще болѣе впередъ, занялъ позицію на высотахъ, окружающихъ Плевну съ юга, т. е. третій гребень Зеленыхъ горъ, гдѣ и расположился не далѣе, какъ въ трехстахъ саженяхъ отъ городскаго предмѣстья. Здѣсь, когда туманъ сталъ рѣдѣть, увидѣлъ онъ непріятельскія силы, которыхъ въ мѣстности, доступной его наблюденіямъ, находилось около двадцати тысячъ пѣхоты, стоявшей въ резервномъ порядкѣ между городомъ и Гривицкими высотами; кавалерія же противника была сосредоточена позади, на плевно-софійской дорогѣ.

Около $9^1/_2$ часовъ утра, услышавъ первые артиллерійскіе выстрѣлы князя Шаховскаго, раздавшіеся съ Радишевскихъ высотъ, въ отвѣтъ на выстрѣлы турокъ, которые первыми начали канонаду, генералъ Скобелевъ приказалъ открыть огонь и изъ своихъ четырехъ пушекъ. Шесть непріятельскихъ орудій не замѣдлили отвѣтомъ ему, и выстрѣлы ихъ были столь мѣтки, что съ разу причинили нѣкоторыя потери авангарду Скобелева. Тѣмъ не менѣе, артиллерія его продолжала свое дѣло и вызвала этимъ противъ себя рѣшительное наступленіе турецкой пѣхоты, которая бойко двинулась въ атаку, въ предшествіи густой цѣпи стрѣлковъ, съ прикрытіемъ фланга своего цѣпью наѣздниковъ и подъ покровительствомъ огня своихъ батарей. Положеніе генерала Скобелева являлось довольно затруднительнымъ, потому что, находясь на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, онъ былъ отдѣленъ отъ прочихъ войскъ трудно проходимымъ, каменистымъ Тученицкимъ оврагомъ. Но генералъ

Скобелевъ, со свойственнымъ ему быстрымъ военнымъ глазомѣромъ, тотчасъ же сообразилъ, что ему надо во что бы то ни стало удержать свою позицію, такъ какъ занятіе ея турками предоставило бы имъ полную возможность успѣшно дѣйствовать въ лѣвый флангъ войскамъ князя Шаховскаго, долженствовавшимъ штурмовать Радишевскія высоты *).

Однако же, въ виду рѣшительнаго наступленія турокъ и по причинѣ своего удаленія отъ главныхъ нашихъ силъ, генералъ Скобелевъ началъ отходить къ заранѣе выбранной имъ позиціи у сел. Кришинъ, которая представляла ему возможность для отпора непріятеля какъ отъ Плевны, такъ и со стороны Ловчи. Въ это время онъ получилъ донесеніе отъ полковника Тутолмина, что Кавказская бригада стала уже на кришинской позиціи и что къ ней присоединился 3-й батальонъ 125-го пѣхотнаго Курскаго полка съ четырьмя орудіями **). Вслѣдствіе этого генералъ Скобелевъ поручилъ полковнику Тутолмину принять мѣры къ охраненію своихъ фланговъ и тыла, въ особенности со стороны Ловчи, а эсаула Астахова съ 20-ю охотниками отправилъ на рекогносцировку рѣки Видъ у деревень Десевицы и Трнины, съ цѣлью отыскать переправу для кавалеріи и конной артиллеріи ***). Обезопасивъ себя со стороны Ловчи и войдя, черезъ Тученицкій оврагъ, въ связь съ войсками князя Шаховскаго, генералъ Скобелевъ рѣшился овладѣть южными высотами надъ Плевной, т. е. третьимъ

---

*) Это обстоятельство еще разъ подтверждаетъ недостаточность предварительной рекогносцировки.

**) 6-й батареи 32-й арт. бригады. Батальонъ этотъ, подъ командою маіора Дембровскаго, первоначально былъ направленъ къ сел. Боготъ, для обезпеченія тыла князя Шаховскаго со стороны Ловчи. Генералъ Скобелевъ убѣдительно просилъ дать ему три батальона, съ которыми онъ могъ бы не только удержаться на своей позиціи, наблюдая въ то же время въ сторону къ Ловчѣ, но, быть можетъ, при удачѣ и склонить на нашу сторону успѣхъ общей атаки. Къ сожалѣнію, общая недостаточность силъ плевненскаго отряда воспрепятствовала князю Шаховскому исполнить просьбу генерала Скобелева; все, что князь Шаховской могъ удѣлить ему отъ себя, и то уже на свою личную отвѣтственность, заключалось только въ одномъ батальонѣ съ четырьмя 4-хъ-фунтовыми орудіями.

***) Это трудное и опасное порученіе было выполнено эсауломъ Астаховымъ быстро, съ полнымъ знаніемъ дѣла и имѣло ту заслугу, что вполнѣ могло обезпечить быстрый переходъ кавалеріи и орудій черезъ Видъ, если бы пришлось имъ переброситься на плевно-софійскую дорогу, въ тылъ непріятеля.

гребнемъ Зеленыхъ горъ, дабы способствовать наступленію сосѣднихъ войскъ князя Шаховскаго и быть въ состояніи лично судить о ходѣ боя, для выбора минуты, когда можно будетъ перейдти въ наступленіе со всѣмъ своимъ отрядомъ. Для овладѣнія южными высотами были назначены: 3-я стрѣлковая рота *) со взводомъ 9-й линейной роты Курскаго полка, четыре пѣшія орудія и двѣ сотни Владикавказско-Осетинскаго полка, независимо отъ тѣхъ сотень того же полка, которыя были двинуты за Кришинъ, для обезпеченія лѣваго фланга боеваго порядка генерала Скобелева. Мѣстность, покрытая виноградниками и высокими кустами, представляла рядъ возвышеній и лощинъ, идущихъ параллельно фронту нашего наступленія; кромѣ того, почва была сильно размочена дождемъ; все это, давая выгоды противнику, затрудняло движеніе намъ, въ особенности относительно его направленія.

3-я стрѣлковая рота двинулась впередъ и съ первыхъ же шаговъ была встрѣчена сильнымъ огнемъ. Въ отвѣтъ на это ротный запѣвало затягиваетъ веселую пѣсню, которая дружно подхватывается хоромъ цѣлою ротою,—и стрѣлки, подвигаясь такимъ образомъ, быстро достигаютъ послѣдней высоты, непосредственно господствующей надъ Плевною. Здѣсь закипѣлъ отчаянный штыковый бой: 3-й стрѣлковой ротѣ пришлось послѣдовательно имѣть дѣло съ приливомъ подкрѣпленій, которыя безостановочно высылались въ боевую линію изъ восьми таборовъ, стоявшихъ между Плевною и Зелеными горами; но въ концѣ концовъ она штыками отбросила турокъ и удержала за собою позицію. Этой атакѣ въ значительной степени способствовало самоотверженное поведеніе всадниковъ Владикавказско-Осетинскаго полка, которые (въ особенности на лѣвомъ флангѣ), врубаясь въ турецкую пѣхоту и охватывая фланги противника, принуждали его покидать выгодныя позиціи и не допускали непріятельскую кавалерію давить нашу пѣхоту**). Между тѣмъ, подъ прикрытіемъ этихъ атакъ,

---

*) Штабсъ-капитана Гурковскаго.

**) Кавказскіе всадники выполнили это молодецкое дѣло на мѣстности крайне пересѣченной, подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, и оставались въ первой линіи, наравнѣ со стрѣлковою цѣпью, съ ранняго утра и до послѣдней минуты боя, смѣняемые и подкрѣпляемые въ теченіи всего дня свѣжими сотнями Кавказской бригады.

*

наши орудія, подъ начальствомъ поручика Прохоровича, заняли позицію, подъ сильнымъ артиллерійскимъ и стрѣлковымъ огнемъ противника, и держались на ней до конца боя, стрѣляя преимущественно во флангъ и въ тылъ колоннамъ, дѣйствовавшимъ противъ войскъ князя Шаховскаго. Молодецкія дѣйствія этой горсти людей на столько успѣли привлечь на себя вниманіе непріятеля, что фронтъ его противъ передовой линіи Скобелева видимо усиливался и въ ширь, и въ глубину, артиллерійскій огонь становился все болѣе губительнымъ, а турецкая кавалерія, нѣсколько разъ пытавшаяся бросаться на лѣвый флангъ Скобелева, постоянно была отражаема и преслѣдуема владикавказцами. Не смотря однако на крайнюю несоразмѣрность войскъ, дравшихся въ первой линіи, генералъ Скобелевъ не рѣшался ихъ подкрѣпить изъ остававшихся въ резервѣ четырехъ ротъ, потому что, согласно диспозиціи, пѣхота назначалась для обороны, на случай наступленія турокъ изъ Ловчи.

Такимъ образомъ, дѣло дотянулось до трехъ часовъ по полудни, когда отъ князя Шаховскаго было получено извѣстіе, что онъ переходитъ въ наступленіе. Вскорѣ послѣ этого разъѣзды кавказскихъ всадниковъ дали знать генералу Скобелеву, что со стороны Ловчи не замѣтно наступленія какихъ-либо турецкихъ силъ. Оба эти обстоятельства указали ему на возможность ввести въ дѣло и остальныя части 3-го курскаго батальона. Онъ приступилъ къ этому въ четыре часа по полудни, оставивъ въ резервѣ одинъ только взводъ при знамени. Положеніе генерала Скобелева въ этотъ момоментъ боя было весьма критическое: противникъ его получилъ значительное подкрѣпленіе и тѣснилъ 3-ю стрѣлковую роту и взводъ 9-й роты, утомленные шестичасовымъ боемъ. Казаки уже нѣсколько разъ подвозили къ нимъ въ мѣшкахъ патроны, а прислуга 1-й конно-горной батареи неутомимо доставляла воду для истомленныхъ жаждою людей. Но огонь противника все усиливался, такъ что подъ жестокимъ его напоромъ пришлось изъ четырехъ пѣшихъ орудій, два отвести на заднюю позицію, къ дер. Кришину. Оставленныя же на мѣстѣ два орудія подъ начальствомъ поручика Прохоровича продолжали дѣйствовать по-истинѣ геройски. Въ минуту прибытія трехъ ротъ резерва, усиленный и ободренный непріятель тѣснилъ нашу

цѣпь, которая отступала медленно и неоднократно снова бросалась въ штыки. Но силы противника были слишкомъ велики, и онъ находился уже въ 20-ти саженяхъ отъ двухъ орудій Прохоровича. Въ это-то мгновеніе подоспѣвшія курскія роты 3-го батальона стремительно бросились въ штыки, опрокинули турокъ, и будучи поддержаны двумя сотнями владикавказцевъ, значительно подкрѣпленныхъ нѣсколькими другими частями своего полка, не только прогнали врага, но спустившись съ горы, ворвались на его плечахъ въ плевненское предмѣстье. Здѣсь подоспѣли къ непріятелю свѣжія силы и дружно начали напирать на курскія роты, осыпая ихъ пулями и картечными гранатами. Будь въ резервѣ у курскихъ хотя еще одна свѣжая рота, они могли бы удержать за собою позицію въ предмѣстьѣ города, но—резерва не было. Пришлось по неволѣ отступать къ двумъ орудіямъ поручика Прохоровича, которыя во все время этой отчаянной атаки помогали курянамъ огнемъ картечныхъ гранатъ. При этомъ отступленіи, остатки 3-го курскаго батальона воспользовались углубленіемъ ловчинскаго шоссе, собрались въ немъ, устроились и, съ поддержкою артиллеріи, могли еще два часа сряду удерживать своимъ огнемъ дальнѣйшее наступленіе противника.

Въ сумерки на правомъ флангѣ скобелевскаго отряда ходъ боя также началъ клониться не въ нашу пользу: съ каждою минутою натискъ непріятеля становился сильнѣе и сильнѣе. Тогда генералъ Скобелевъ рѣшился наконецъ отвести весь отрядъ на позицію позади д. Кришина, гдѣ заблаговременно уже были сосредоточены три сотни Кавказской бригады, не находившіяся въ это время въ передовой линіи, при шести конныхъ и шести горныхъ орудіяхъ. Крайне критическое положеніе всего отряда вынудило генерала Скобелева послать свои кавказскія казачьи части прикрыть отступленіе пѣхоты на мѣстности, совершенно несоотвѣтствующей дѣйствіямъ кавалеріи. Но тѣмъ не менѣе молодецкая рѣшимость казаковъ обезпечила на нѣкоторое время возможность оттѣснить непріятеля, позволила подобрать почти всѣхъ раненыхъ этого отряда и дала ему срокъ отступить, подъ прикрытіемъ казаковъ, въ полномъ порядкѣ на позицію у Кришина, гдѣ въ 10 часовъ вечера генералъ Скобелевъ получилъ приказаніе князя Шаховскаго—

отступить къ селеніямъ Боготу и Пелишату. Въ теченіи всего дѣла, Скобелевъ большею частію былъ впереди, вмѣстѣ со стрѣлковою цѣпью. Одна лошадь подъ нимъ была убита, другая ранена. Во время отступленія, онъ слѣзъ съ коня и, вложивъ саблю въ ножны, лично замыкалъ отходящую цѣпь кавказцевъ, вмѣстѣ съ генеральнаго штаба полковникомъ Паренсовымъ, который въ теченіи всего боя находился при немъ въ первой линіи и, какъ свидѣтельствуетъ самъ Скобелевъ—былъ настоящимъ его помощникомъ, въ полномъ смыслѣ слова и во всѣхъ отношеніяхъ [1]).

Покончивъ съ изложеніемъ дѣйствій скобелевскаго отряда, имѣвшихъ хотя и второстепенный, но на столько самостоятельный характеръ, что они, при достаточной поддержкѣ резервами (если бы таковые были), легко могли бы привести къ самымъ рѣшительнымъ и выгоднымъ для насъ результатамъ, должно теперь перейдти къ описанію дѣйствій нашего отряда лѣваго фланга.

Отрядъ генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго, въ вышепоименованномъ составѣ, выступивъ съ бивуака, въ половинѣ шестаго часа утра [2]), направился, согласно диспозиціи, на деревню Радишево двумя авангардами, въ слѣдующемъ порядкѣ: правый авангардъ, полковника Саранчова, въ составѣ трехъ батальоновъ и 16-ти орудій [3]) чрезъ Сгалуицъ, а лѣвый, подъ командою генералъ-маіора Горшкова, въ числѣ двухъ батальоновъ и 12-ти орудій [4]), чрезъ с. Пелишатъ; за ними—главныя силы отряда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Полторацкаго, слѣ-

---

[1]) Упоминая въ донесеніи своемъ о разныхъ лицахъ, помогавшихъ и способствававшихъ чѣмъ-либо ходу боя, генералъ Скобелевъ называетъ въ числѣ ихъ и художника Сергѣя Верещагина (брата В. В. Верещагина, раненаго въ Браиловѣ, при атакѣ турецкаго монитора), который, охотникомъ находясь при генералѣ во все время боя, отважно исполнялъ его порученія.

[2]) Хотя диспозиція предписывала выступить въ пять часовъ утра, но войска князя Шаховскаго выступили въ половинѣ шестаго, въ моментъ полученія ими диспозиціи, въ ожиданіи которой они уже съ пяти часовъ стояли наготовѣ на своихъ бивуакахъ. Такъ свидѣтельствуетъ источникъ, которымъ я пользовался при составленіи описанія дѣйствій князя Шаховскаго.

[3]) 126-й пѣхотный Рыльскій полкъ, 1-я и 3-я батареи 32-й артиллерійской бригады.

[4]) 1-й и 2-й батальоны 125-го пѣхотнаго Курскаго полка, 4-я батарея и четыре орудія 6-й батареи 32-й артиллерійской бригады.

довали тоже къ Радишеву, имѣя въ своемъ составѣ 6 батальоновъ и 24 орудія [1]). Всѣ эти части ровно въ девять часовъ утра, занявъ безъ выстрѣла самую деревню Радишево, вышли на высоты къ сѣверу и востоку отъ этой деревни и приняли слѣдующій боевой порядокъ: одна батарея [2]) отошла на позицію восточнѣе Радишева, имѣя по своимъ сторонамъ—влѣво весь 1-й батальонъ, а вправо двѣ роты 2-го батальона Рыльскаго полка; 3-й же рыльскій батальонъ сталъ за ними въ лощинѣ, въ видѣ частнаго резерва. Оба батальона Курскаго полка съ 12-ю орудіями [3]) стали тоже въ резервѣ за Рыльскимъ. Бригада генерала Полторацкаго съ тремя батареями, составившая общій резервъ князя Шаховскаго, была остановлена на дорогѣ изъ Сгалуица въ Плевну, не доходя Радишева, а одинъ эскадронъ уланъ направленъ въ правую сторону, для открытія связи съ правымъ флангомъ войскъ 9-го корпуса.

Турки первые открыли огонь по выстраивавшимся частямъ Рыльскаго полка, причемъ однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ раненъ въ ногу командиръ полка, полковникъ Саранчовъ, а въ половинѣ 10-го часа утра послѣдовалъ отвѣтный огонь и съ нашей стороны, сначала изъ орудій 1-й, а потомъ и 3-й батарей 32-й артиллерійской бригады. Артиллерійскій бой продолжался до половины третьяго часа дня. Батареямъ этимъ удалось не только ослабить, но и заставить кое-гдѣ замолчать огонь противника; однако, и сами онѣ потеряли при этомъ три орудія [4]), которыя были подбиты и замѣнены другими.

Къ этому времени для князя Шаховскаго выяснилось, что цѣлью его дѣйствій долженъ быть обходъ слѣва первой линіи турецкихъ укрѣпленій (на ихъ правомъ флангѣ), а затѣмъ—самый городъ Плевна. Такъ какъ это предусматри-

---

[1]) Пѣхотные полки: 117-й Ярославскій и 118-й Шуйскій, 1-я, 3-я и 6-я батареи 30-й артиллерійской бригады.

[2]) 1-я батарея 32-й артиллерійской бригады, изъ авангарда полковника Саранчова.

[3]) 4-я батарея и 4 орудія 6-й батареи 32-й артиллерійской бригады.

[4]) Въ 4-й батареѣ 32-й артиллерійской бригады, почему и вся эта батарея, сильно пострадавшая убылью лошадей и прислуги, была, по распоряженію командира 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Горшкова, смѣнена 1-ю батареею 30-й артиллерійской бригады.

валось имъ еще гораздо ранѣе, то онъ нашелъ необходимымъ удлиннить свою позицію влѣво и потому, около часа дня, приказалъ резерву своего отряда [1]) придвинуться къ Радишеву, южнѣе этого селенія.

Около двухъ часовъ по полудни князь Шаховской получилъ свѣдѣніе, что Скобелевъ удерживаетъ противъ себя турокъ, препятствуя имъ овладѣть высотою, съ которой они могли бы дѣйствовать во флангъ наступленію его, князя Шаховскаго. Заручившись этимъ свѣдѣніемъ и считая, что артиллерійскій огонь уже достаточно подготовилъ возможность атаки, командиръ 11-го корпуса, въ половинѣ третьяго часа дня, окончательно рѣшился атаковать непріятеля [2]).

Вслѣдствіе этого рѣшенія, генералъ Горшковъ усилилъ огонь батарей и приказалъ пяти батальонамъ своей бригады [3]) подняться съ земли на ноги и идти въ атаку на ближайшія укрѣпленія № 4 и № 5 [4]), чрезъ возвышенность, на которой стояли наши батареи. Продолжительное бездѣйствіе пѣхоты подъ гранатнымъ огнемъ было для нея томительно; поэтому люди встрѣтили приказаніе объ атакѣ радостными криками «ура» и бодрымъ шагомъ двинулись впередъ, на крутой подъемъ возвышенности, занятой нашею артиллеріею. Здѣсь батальоны развернули боевой порядокъ въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, со стрѣлковою цѣпью впереди, и быстро стали спускаться съ возвышенности, направляясь прямо на оба турецкія укрѣпленія. Непріятельскія гранаты съ первыхъ же шаговъ уже начали вырывать изъ рядовъ свои жертвы; люди порывисто стремились поскорѣе перебѣжать поражаемое пространство и потому правильность

---

[1]) Бригада генералъ-маіора Полтарацкаго (117-й Ярославскій и 118-й Шуйскій пѣхотные полки) съ 1-ю, 3-ю и 6-ю батареями 30-й артиллерійской бригады.

[2]) Другой источникъ свидѣтельствуетъ, что въ третьемъ часу по полудни къ князю Шаховскому прибылъ ординарецъ барона Криденера, передавшій отъ имени командира 9-го корпуса слѣдующія слова: «Если вы подготовили атаку, то можете начинать. Не нужно ли подкрѣпленій?» — «Нужно, присылайте», было ему отвѣтомъ — и приказаніе начинать атаку, отданное незадолго до сего княземъ Шаховскимъ генералу Горшкову, осталось въ своей силѣ.

[3]) 1-й и 2-й батальоны 125-го Курскаго полка и 126-й Рыльскій полкъ, составляющіе 1-ю бригаду (генералъ-маіора Горшкова) 32-й пѣхотной дивизіи.

[4]) Ибрагимъ-бей-табіе и Атифъ-паша-табіе.

общаго строя нѣсколько нарушилась, тѣмъ болѣе, что стройности движенія препятствовали кусты; но порывъ и одушевленіе были столь велики, что это не помѣшало сущности дѣла. Ружейный огонь у непріятеля, находившагося противъ атакующихъ, на минуту совершенно умолкъ, но вдругъ изъ-за окоповъ раздался страшный залпъ, повалившій у насъ многихъ и многихъ.... Направленіе атаки приняло видъ нѣсколько изогнутой линіи, но самая атака ни на минуту не пріостановилась,—напротивъ, она сдѣлалась еще стремительнѣе. Между противниками оставалось уже не болѣе трехсотъ шаговъ, и чѣмъ болѣе сокращалось это разстояніе, тѣмъ болѣе залпы турокъ теряли свою выдержку, переходя въ безпорядочную трескотню бѣглаго огня—первый признакъ дрогнувшаго духа. Между тѣмъ, огонь нашихъ батарей, направляемый черезъ головы своихъ въ турецкіе окопы, усилился до послѣдней возможности; зарядные ящики, смѣна за смѣной, на полныхъ рысяхъ и вскачь, то и дѣло, подкатывали къ своимъ батареямъ. Казалось, что турки будутъ просто засыпаны нашими снарядами. Вскорѣ на ломанной линіи атакующихъ ротъ зашумѣло напряженное «ура», люди бѣгомъ кинулись впередъ—и вотъ, черезъ минуту стрѣлки штыками выбили противника изъ ровиковъ, позади которыхъ тянулась линія траншей, куда и перебѣжали турки, снова открывъ непрерывный огонь; но это не остановило атакующихъ—и черезъ небольшой промежутокъ времени непріятель былъ вынужденъ уступить имъ траншеи и отойдти въ оба свои окопа № 4 и № 5. Наши, не задерживаясь въ траншеяхъ и не развлекаясь пальбою, на плечахъ отступающаго противника подступили къ обоимъ окопамъ—и тутъ уже пошелъ ожесточенный рукопашный бой. Батальоны Рыльскаго полка, подъ командою контуженнаго и легко раненаго подполковника Каменоградскаго, который заступилъ мѣсто раненаго Саранчова, вскорѣ овладѣли окопомъ № 4, гдѣ захватили два орудія; остальныя же десять пушекъ турки успѣли увезти съ собою.

Обоимъ курскимъ батальонамъ пришлось въ дѣлѣ гораздо труднѣе ихъ однобригадцевъ рыльскихъ, потому что мѣстность передъ окопомъ № 5 не представляетъ никакихъ закрытій и сплошь подвержена настильному огню противника съ фронта и слѣва, изъ поперечнаго рва, окаймляющаго виноградникъ

по скату сосѣдней горы, на которой находится окопъ № 6 *), фланкирующій доступы къ № 5-му. Виноградникъ и ровъ были заняты густою цѣпью турокъ, а сильный огонь съ № 6-го анфилировалъ курскія роты. Кромѣ того, изъ-за гребня высоты, гдѣ стоитъ атакуемый № 5, вдругъ появились сплошныя линіи турецкой пѣхоты, которыя съ растоянія около 250-ти шаговъ открыли такой огонь, что его вполнѣ можно сравнить съ непрерывною, учащенною дробью барабановъ. Правый флангъ курскихъ батальоновъ имѣлъ достаточную опору въ окопѣ № 4, взятомъ уже рыльскими батальонами, и потому, вмѣстѣ съ сими послѣдними, подвигался впередъ ко второй линіи турецкихъ укрѣпленій; лѣвый же флангъ курянъ, подъ дѣйствіемъ жесточайшаго фронтальнаго и боковаго огня, нѣсколько замялся и завернулъ через-чуръ много фронтомъ къ боковому огню, черезъ что отсталъ отъ своихъ правофланговыхъ ротъ. Замѣтивъ это, князь Шаховской послалъ туда изъ резерва командира Шуйскаго полка, полковника Каульбарса, съ его 1-мъ батальономъ, чѣмъ и было устранено непродолжительное замѣшательство. Курскія роты, увидя подходящую подмогу, смѣло ринулись впередъ, подъ командою полковника Ракуза, подъ которымъ были убиты двѣ лошади. Въ это время падаетъ и лошадь Каульбарса, сраженная пулею. Высвободясь изъ-подъ нея, онъ пѣшкомъ повелъ людей далѣе, но пройдя нѣсколько шаговъ, вдругъ зашатался и упалъ. Рана его была смертельна. Нѣсколько человѣкъ бросились было къ нему, чтобы отнести его на перевязочный пунктъ, но онъ запретилъ имъ нести себя и, умирая, почти до послѣдняго издыханія не переставалъ слабѣющимъ словомъ и знаками посылать своихъ шуйцевъ впередъ.

Чтобы еще болѣе поддержать атаку курскихъ ротъ, были выдвинуты впередъ батареи лѣваго фланга князя Шаховскаго и, кромѣ того, на крайній лѣвый флангъ ихъ направлена 5-я батарея 30-й артиллерійской бригады, остававшаяся при резервѣ. Огонь этой батареи и помощь 1-го батальона Шуйскаго полка дали наконецъ курянамъ возможность овладѣть окопомъ № 5, съ котораго, впрочемъ, турки успѣли увезти всѣ свои орудія. Послѣ этого весь боевой порядокъ князя Шаховскаго принялъ

*) Арабъ-табіе. Редутъ Омаръ-бей-табіе въ это время еще не существовалъ.

направленіе правымъ флангомъ впередъ, т. е. повернулъ почти тыломъ къ Гривицкому редуту. На правый флангъ этого отряда въ особенности стали теперь напирать турки, усилившіеся новыми подкрѣпленіями изъ Плевны. Кромѣ пѣхоты, противъ него показались и конные баши-бузуки, слѣдовавшіе вдоль Гривицкаго ручья, въ количествѣ двухсотъ всадниковъ. Это было въ пятомъ часу по полудни, и тутъ уже очень живо почувствовалась княземъ Шаховскимъ настоятельная надобность въ подкрѣпленіяхъ. Къ барону Криденеру были отправлены имъ, съ просьбою о помощи, одинъ за другимъ, четыре ординарца, изъ которыхъ первый поскакалъ еще ранѣе четырехъ часовъ, и, на просьбу его, командиръ 9-го корпуса тотчасъ же послалъ въ лѣвофланговый отрядъ все, что было можно, а именно: 119-й пѣхотный Коломенскій полкъ съ батареею, что составляло половину общаго резерва, остававшагося въ распоряженіи барона Криденера. Увѣдомить князя Шаховскаго объ отправкѣ резерва былъ посланъ ординарецъ командира 9-го корпуса, ротмистръ Хвостовъ, а провести эту подмогу къ мѣсту назначенія было велѣно генеральнаго штаба капитану Бюргеру. Но тутъ вышло весьма существенное недоразумѣніе: разстояніе между общимъ резервомъ и правымъ флангомъ князя Шаховскаго равнялось, приблизительно, пяти верстамъ, на что для пѣхоты требуется болѣе часа ходьбы, такъ что ко времени подхода Коломенскаго полка къ правому флангу князя Шаховскаго, этотъ флангъ находился уже въ крайне ненадежномъ положеніи: напоръ на него турокъ былъ столь силенъ, что открытый промежутокъ между барономъ Криденеромъ и княземъ Шаховскимъ съ каждою минутою становился все опаснѣе: оба наши отряда легко могли быть отрѣзаны одинъ отъ другаго. Но для того, чтобы прочно заполнить этотъ промежутокъ, нуженъ былъ не полкъ, а цѣлая дивизія, которой у насъ не было. Видя по ходу дѣла, что данный пунктъ въ настоящую минуту является самымъ опаснымъ мѣстомъ, капитанъ Бюргеръ рѣшился примкнуть Коломенскій полкъ къ правому флангу князя Шаховскаго— и только благодаря этому обстоятельству, означенный флангъ не былъ сметенъ съ мѣста и могъ отступить въ порядкѣ. Но князь Шаховской ожидалъ этого подкрѣпленія совершен-

но для другой цѣли и разсчитывая, что Коломенскій полкъ прибудетъ къ тому мѣсту, гдѣ находился онъ самъ со штабомъ, конечно не дождался его прибытія и даже до конца боя не зналъ, гдѣ этотъ полкъ находится *). Между тѣмъ, въ ожиданіи его, князь Шаховской по необходимости израсходовалъ почти всѣ свои резервы, а именно: на усиленіе праваго фланга были двинуты, одинъ вскорѣ за другимъ, 2-й и 3-й батальоны Шуйскаго полка и кромѣ того спущены въ долину, на позицію, сначала въ самый окопъ № 4, а затѣмъ нѣсколько восточнѣе его, двѣ 9-ти фунтовыя батареи **); для поддержки же лѣваго фланга ***) были отправлены два батальона 117-го пѣхотнаго Ярославскаго полка (изъ коихъ второй батальонъ пошелъ въ дѣло уже въ сумерки) и 5-я батарея 30-й артиллерійской бригады, о дѣйствіяхъ которой уже было сказано выше. Обстоятельства, вызвавшія подмогу лѣвому флангу, заключались въ

*) По свидѣтельству другаго источника, резервъ былъ нуженъ князю Шаховскому вовсе не для праваго фланга, а въ личное его, князя Шаховскаго, распоряженіе, и именно вотъ по какой причинѣ: войска его отряда не были еще въ это время выбиты турками изъ первой линіи взятыхъ ими окоповъ и траншей, а 2-я стрѣлковая рота Рыльскаго полка даже всю ночь провела въ окопѣ № 4. Князь Шаховской разсчитывалъ удержаться до утра въ траншеяхъ, съ тѣмъ чтобы съ разсвѣтомъ продолжать дальнѣйшую атаку; Коломенскій же полкъ былъ ему нуженъ для общаго резерва его войскъ, какъ основаніе, на которое они могли бы опереться при дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ. Первую вѣсть о томъ, что Коломенскій полкъ подходитъ, что онъ находится уже на Гривицкомъ ручьѣ, привезъ князю Шаховскому ординарецъ барона Криденера, ротмистръ Козловъ *). Но прождавъ послѣ этого довольно долгое время и видя, что Коломенскаго полка все еще нѣтъ, князь Шаховской послалъ генеральнаго штаба капитана Веригина отыскать этотъ полкъ и привести его по назначенію. Капитанъ Веригинъ доѣхалъ вплоть до Гривицкаго ручья и возвратился съ извѣстіемъ, что полка нѣтъ и, при разспросахъ, никто даже не могъ указать ему, гдѣ онъ находится и куда направился. Лицо, сообщившее мнѣ эти свѣдѣнія, полагаетъ, что коль скоро ординарецъ, посланный княземъ Шаховскимъ, не указалъ спеціально мѣста, гдѣ требуется помощь Коломенскаго полка, то капитанъ Бюргеръ, какъ офицеръ генеральнаго штаба, долженъ былъ знать, что его обязанность заключается въ томъ, чтобы не стѣсняясь разстояніемъ и позднимъ временемъ, привести подкрѣпленіе къ тому начальнику, который его требовалъ, а отнюдь не кидать полкъ въ боевую линію по своему личному усмотрѣнію, сколь бы ни казались ему важны его собственныя соображенія.

**) 3-я батарея 30-й и 3-я же батарея 32-й артиллерійскихъ бригадъ.

***) Т. е. двухъ батальоновъ Курскаго полка и 1-го батальона Шуйскаго, взявшихъ окопъ № 5.

*) По офиціальному донесенію барона Криденера — это былъ ротмистръ Хвостовъ.

слѣдующемъ: роты Курскаго полка, овладѣвъ окопомъ № 5, спустились въ лощину и дошли до мельницъ, стоящихъ нѣсколько впереди города, откуда по слабосилію, вслѣдствіе боевой убыли, вынуждены были отойдти назадъ, и тогда, для поддержки ихъ, былъ посланъ 1-й батальонъ Ярославскаго полка, съ которымъ генералъ Горшковъ, все время лично руководившій въ огнѣ атаками лѣваго фланга, опять дошелъ до мельницъ, гдѣ и засѣли теперь прочнымъ образомъ двѣ роты. Но непріятель вывелъ изъ города новыя силы и, кромѣ того, старался охватить наши роты небольшими частями кавалеріи. Тогда на подмогу имъ былъ посланъ второй батальонъ ярославцевъ, а 5-я батарея выскочила впередъ и стала бить, чуть не въ упоръ, на 300 шаговъ, во флангъ массамъ турокъ, наступавшихъ на занятыя мельницы. Но всѣ геройскія усилія нашихъ войскъ не повели никчему. Въ это же время и Скобелевъ ввелъ въ рукопашную уже послѣдніе остатки своего скуднаго резерва и дѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку атаки противъ Плевны. Сумерки сгущались все болѣе, люди были истомлены до послѣдней крайности, убыль оказывалась непомѣрною,—все это явно указывало, что судьба боя склонилась не въ пользу князя Шаховскаго. Время было подумать объ отступленіи—и князь Шаховской рѣшилъ отвести свои войска на первоначальную позицію, т. е. на высоты впереди Радишева. Это было въ семь часовъ вечера *).

---

*) Вотъ какъ описываетъ это отступленіе очевидецъ, корреспондентъ газеты «Daily News»:

«Двумъ ротамъ пѣхоты удалось, обойдя правый флангъ турецкихъ укрѣпленій, проникнуть въ городъ *); но это было равносильно вступленію въ преддверіе ада. Со всѣхъ окружающихъ высотъ ихъ крушили турецкіе снаряды, а виноградники кругомъ города оказались сплошь занятыми турецкими войсками. Роты поспѣшно отступили назадъ, и теперь уже не было никакой надежды и даже нельзя было разсчитывать на правильное отступленіе, для прикрытія коего у князя Шаховскаго не осталось ни одного запаснаго солдата. Турки ударили съ новою силою; побѣда была за ними, и они рѣшились показать, что умѣютъ ею пользоваться. Подъ покровомъ сумерекъ, они пробрались до первой линіи своихъ окоповъ и захватили три пушки (?), прежде чѣмъ батареи успѣли двинуться въ обратный путь **). Турецкія гранаты снова засвистали черезъ пер-

---

*) Т. е. въ предмѣстіе города, или правильнѣе сказать, къ мельницамъ.

Примѣчаніе автора.

**) На сколько мнѣ извѣстно, это не совсѣмъ вѣрно. Изъ числа нашихъ пушекъ турки не захватили ни одной; но при отступленіи, намъ пришлось бросить тѣ двѣ турецкія пушки, которыя

Теперь остается перейдти къ дѣйствіямъ праваго фланга, т.-е. войскъ 9-го корпуса, составъ коихъ въ этомъ второмъ плевненскомъ дѣлѣ уже изложенъ выше.

Колонна генерала Бѣлокопытова (9 батальоновъ и 40 орудій) выступила съ бивуака при д. Коюловцы въ пять часовъ утра, а два часа спустя батальоны ея уже заняли позицію на возвышенности, лежащей сѣвернѣе шоссе, ведущаго изъ Булгареней въ Плевну, и отсюда слѣдовали въ боевомъ порядкѣ *) по направленію къ д. Гривицѣ. Реляція боя ссылается на особенность этой позиціи, весьма невыгодную для нась въ томъ от-

---

вую возвышенность и опять стали ложиться въ Радишево, переполненное теперь ранеными. Позднѣе ночью особый родъ зловѣщихъ «санитаровъ» разсыпался по полю битвы: баши-бузуки **) доканчивали несчастныхъ страдальцевъ, не давая никому пощады. Оставаясь тамъ на возвышеніи до восхода луны, штабъ могъ слышать долетавшіе до него снизу, среди ночной тишины, стоны умерщвляемыхъ и звѣрскіе возгласы упоенныхъ побѣдою изувѣровъ. Это были минуты, въ которыя сердце готово выпрыгнуть изъ груди. Мы стояли, дожидаясь, не придутъ ли какія-либо войска обратно изъ этой долины смерти. Но никто не возвращался. Турки завладѣли своими высотами еще до наступленія ночи; мы видѣли ихъ огни прямо противъ насъ и слышали свистъ ихъ гранатъ надъ нашими головами. Грохотъ ружейной пальбы не прекращался, и огонь ея поражалъ уже не войска, но отступавшихъ раненыхъ. Наконецъ, передъ нами появился отрядъ отступающихъ; но сколь велико было его разстройство, можно судить по тому, что когда было приказано составить взводъ для прикрытія раненыхъ въ Радишевѣ, то онъ могъ быть составленъ лишь изъ людей разныхъ полковъ. Около девяти часовъ вечера штабъ покинулъ возвышеніе и подвигался медленно, осторожно, чтобы не наступить въ темнотѣ на кого-либо изъ раненыхъ, которые были разсѣяны по всему полю. Мы не съ разу нашли дорогу. Объ отдыхѣ и остановкѣ нечего было и думать, потому что баши-бузуки гнались по пятамъ отступающихъ. Лишь въ часъ по полуночи мы сошли съ коней, пробывъ въ сѣдлѣ съ шести часовъ предшествовавшаго утра, и расположились на засѣянномъ полѣ, имѣя постелью хлѣбные колосья».

Послѣ ночи, проведенной на первоначальной позиціи у Радишева, князь Шаховской на утро отступилъ къ Порадиму.

*) Боевой порядокъ этотъ былъ слѣдующій: на правомъ флангѣ — 121-й Пензенскій, на лѣвомъ — 122-й Тамбовскій пѣхотные полки; между ними, въ центрѣ, сначала 1-я, 2-я и 4-я батареи 31-й артиллерійской бригады, а потомъ были присоединены 1-я и 2-я батареи 5-й артиллерійской бригады; въ частномъ резервѣ за этими частями сталъ 123-й пѣхотный Козловскій полкъ.

были взяты нами въ окопѣ № 4, ограничась лишь порчею ихъ и снятіемъ затворовъ. Сначала люди пытались было утащить эти орудія съ собою, но, за крайнимъ истощеніемъ силъ, не могли справиться одни, безъ помощи лошадей и даже безъ лямокъ, такъ какъ ни тѣхъ, ни другихъ взять было неоткуда. Говоря о трехъ оставленныхъ пушкахъ, корреспондентъ, очевидно, смѣшалъ обстоятельства дѣла. *Примѣчаніе автора.*

**) Одни ли баши-бузуки и не помогали ли имъ, какъ случалось не разъ, и регулярные солдаты, — это еще вопросъ. *Примѣчаніе автора.*

ношеніи, что, по условіямъ мѣстности, мы не имѣли возможности установить на ней потребное число орудій, въ которыхъ однако не было у насъ недостатка. Въ центрѣ между атакующими войсками (барона Криденера и князя Шаховскаго) лежала Гривицкая лощина, или, такъ называемая, долина Гривицкаго ручья, которая, при малочисленности нашихъ силъ и при условіи направленія атаки съ восточной и юго-восточной сторонъ, неизбѣжно должна была раздѣлить атакующія войска на двѣ части, разъединивъ ихъ между собою на довольно значительное разстояніе *). Эта лощина находилась подъ сильнымъ огнемъ нѣсколькихъ командующихъ надъ нею укрѣпленій и препятствовала вполнѣ развернуться артиллеріи 9-го корпуса. На избранной позиціи установились первоначально только 24 орудія, а потомъ съ трудомъ присоединено еще 16, да и то крайняя лѣвофланговая батарея должна была стать уступомъ назадъ, что, по словамъ реляціи, чрезвычайно затрудняло ея дѣйствіе.

Вторая колонна (генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера, изъ 9-ти неполныхъ батальоновъ и 40 орудій), выступивъ изъ с. Турскій-Трестеникъ въ половинѣ 6-го часа утра, двинулась по плевненской дорогѣ и къ 10-ти часамъ утра стала въ частномъ резервѣ за боевыми линіями генерала Бѣлокопытова. Туманная, сырая погода препятствовала сдѣлать, какъ должно, предварительное обозрѣніе мѣстности; эта ночь была очень влажна. Съ большимъ трудомъ можно было генералу Вельяминову **) разглядѣть: противъ лѣваго своего фланга— небольшой молодой лѣсокъ и виноградники; противъ центра— довольно большую лощину, въ которой лежитъ д. Гривица, а параллельно правому флангу тянулась, столь памятная по первому плевненскому дѣлу, широкая и глубокая лощина, поросшая густымъ кустарникомъ и занятая на противоположной сторонѣ — какъ и въ прошлый разъ — густыми цѣпями турецкихъ стрѣлковъ съ орудіями.

---

*) Поэтому-то, для поддержанія связи между лѣвымъ флангомъ войскъ 9-го корпуса и отрядомъ князя Шаховскаго, и были назначены два эскадрона чугуевскихъ уланъ. Но аванпостная цѣпь ихъ, протянутая болѣе чѣмъ на четырехверстное разстояніе, разумѣется, не могла изображать собою центръ атакующихъ силъ.

**) Командовавшему всѣмъ правымъ флангомъ.

Около восьми часовъ утра драгунскій разъѣздъ донесъ генералу Вельяминову, что впереди обнаруженъ имъ непріятельскій окопъ на два орудія, прикрытый съ фланга пѣхотою. Вскорѣ оказалось, что это былъ редутъ, составлявшій, какъ предполагалось тогда въ правофланговомъ отрядѣ, тактическій ключъ плевненской позиціи. Возведенный по ту сторону глубокой лощины, противъ нашего праваго фланга, на достаточной высотѣ, онъ командовалъ всею окрестною мѣстностью, замыкалъ доступы вдоль другихъ лощинъ къ городу и вообще составлялъ главный опорный пунктъ всей непріятельской позиціи на ея сѣверо-восточномъ фронтѣ. Обладая сильнымъ профилемъ, редутъ этотъ былъ отлично приспособленъ какъ для артиллерійской, такъ и для ружейной обороны, причемъ послѣдняя была здѣсь устроена въ три яруса: изъ-за бруствера, изъ рва и изъ ложементовъ, расположенныхъ впереди и по сторонамъ редута *). Все это, при сложившемся такимъ образомъ убѣжденіи о ключѣ позиціи, съ первыхъ же минутъ боя выяснило начальствующимъ лицамъ правофлангового отряда, что главнѣйшею цѣлію усилій войскъ 9-го корпуса должно быть непремѣнное овладѣніе Гривицкимъ редутомъ.

Въ четверть девятаго часа, когда туманъ началъ нѣсколько рѣдѣть, раздался первый выстрѣлъ съ турецкой стороны противъ позиціи генерала Вельяминова. Не смотря на туманъ и дымъ, застилавшіе всю впереди лежащую мѣстность, можно было сначала по направленію выстрѣловъ заключить, что непріятель сосредоточенъ почти исключительно противъ нашего праваго фланга. Поэтому батареи этого фланга открыли въ девять часовъ утра огонь по редуту, обнаруженному драгунами **), а вмѣстѣ съ тѣмъ, для усиленія нашей первой линіи, выдвинуты были изъ частнаго резерва 1-й и 2-й батальоны Козловскаго полка***). Но артиллерійскій огонь

---

*) Это былъ столь знаменитый впослѣдствіи Гривицкій редутъ.

**) По свидѣтельству другаго источника, огонь правофланговаго отряда начался около получаса позднѣе, чѣмъ въ отрядѣ князя Шаховскаго, который занималъ въ девять часовъ утра Радишевскія высоты уже при совершенно прояснившейся погодѣ.

***) Для достиженія той же цѣли — овладѣнія Гривицкимъ редутомъ,—въ полдень, по требованію начальника артиллеріи 9-го корпуса, генералъ-маіора

съ обѣихъ сторонъ поддерживался довольно рѣдкими выстрѣлами, не нанося ни намъ, ни туркамъ никакого особеннаго вреда; приблизить же наши орудія къ непріятельской позиціи не было возможности: они стояли на самомъ гребнѣ возвышенностей, обращенныхъ крутыми склонами въ сторону противника, такъ что спускъ батарей въ долину былъ бы крайне затруднителенъ, да и тамъ онѣ находились бы въ наименѣе выгодныхъ условіяхъ, подъ огнемъ турецкихъ укрѣпленій, командующихъ надъ долиною. Такимъ образомъ канонада нашего правофлангового отряда длилась въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Что̀ дѣлается на лѣвомъ флангѣ, — баронъ Криденеръ не зналъ, такъ какъ отъ князя Шаховскаго не появлялось ни одного донесенія. Эта неизвѣстность побудила наконецъ барона Криденера отправить въ половинѣ перваго часа дня къ князю Шаховскому записку слѣдующаго содержанія:

«Командиръ корпуса покорнѣйше проситъ ваше сіятельство увѣдомить его подробно о положеніи дѣлъ у васъ, именно: сбиты ли батареи, сзади Радишева стоящія, а также нашлось ли достаточно мѣста для вывода на позицію батарей? Признаете ли вы атаку достаточно подготовленною артиллерійскимъ огнемъ? Что̀ дѣлаетъ Кавказская сводная бригада? Есть ли у васъ достаточное число зарядовъ?»

Въ ожиданіи отвѣта на эту записку, баронъ Криденеръ слѣдилъ въ бинокль за ходомъ дѣла въ лѣвофланговомъ отрядѣ и въ исходѣ втораго часа дня замѣтилъ, что ружейные и пушечные дымы князя Шаховскаго все болѣе и болѣе оттягиваются влѣво, на западъ, къ Тученицкому оврагу *). По сви-

---

Калачова, была вызвана на правый флангъ позиціи 1-я батарея 5-й артиллерійской бригады, которая, занявъ позицію южнѣе дороги изъ Плевны на Турскій Трестеникъ, открыла огонь изъ трехъ своихъ орудій по передовому непріятельскому укрѣпленію, съ разстоянія въ 1,100 сажень, а изъ остальныхъ — картечными гранатами по непріятельской цѣпи и 4-хъ-орудійной батареѣ, расположенной за гребнемъ впереди-лежащей возвышенности.

*) По свидѣтельству другаго источника, батареи князя Шаховскаго, вызванныя на позицію въ началѣ боя, не перемѣняли своихъ мѣстъ до конца его. Когда же, по ходу дѣла, потребовалось усилить артиллерійскій огонь, то на позицію праваго фланга были вызваны изъ резерва 3-я батарея 30-й и 3-я же батарея 32-й артиллерійскихъ бригадъ, но это было черезъ часъ отъ начала дѣла. Что же касается лѣваго фланга, то батареи онаго (4-я и четыре орудія 6-й батареи 32-й артиллерійской бригады) влѣво никуда не передвигались, а

дѣтельству источника, изъ котораго я заимствую свѣдѣнія о дѣйствіяхъ войскъ 9-го корпуса, это обстоятельство породило въ генералѣ Криденерѣ нѣкоторое недоумѣніе. Согласно плану атаки, изложенному въ диспозиціи, войска 9-го корпуса должны были атаковать съ востока, а князь Шаховской—«направившись между деревнями Сгалуицъ и Пелишатъ, атакуетъ непріятельскія войска, расположенныя на позиціи *къ сѣверу отъ деревни Радишево»*, съ тѣмъ, чтобы по овладѣніи этою позиціею, продолжать двигаться на Плевну, «стараясь занять артиллеріею такія позиціи *на высотахъ южнаго берега Гривицкаго ручья*, съ которыхъ она могла бы поражать во флангъ и въ тылъ непріятеля, расположеннаго *у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны»*. Усмотрѣнное направленіе дымовъ лѣвофланговаго отряда все болѣе удалялось отъ высотъ южнаго берега Гривицкаго ручья, чрезъ что и промежутокъ между лѣвымъ флангомъ войскъ 9-го корпуса и правымъ флангомъ князя Шаховскаго становился все опаснѣе. Занятіе высотъ лѣваго берега Гривицкаго ручья потому-то и было предписано диспозиціею, что оно, имѣя фланкирующее значеніе относительно укрѣпленій, расположенныхъ противъ нашего правофланговаго отряда, должно было облегчить сему послѣднему атаку этихъ укрѣпленій, послѣ чего оба отряда должны были непосредственно сойтись между собою для дальнѣйшей атаки на Плевну. Уклоненіе же дымовъ князя Шаховскаго влѣво, указывая какъ бы на желаніе обойдти общую позицію противника съ южной стороны, шло прямо въ разрѣзъ всему плану, начертанному диспозиціею, раздвояя цѣль дѣйствій на совершенно отдѣльныя атаки, обрекая оба наши отряда на окончательное разъединеніе и значительно отдаляя князя Шаховскаго отъ общаго резерва *). Что̀ значило это уклоненіе дымовъ?

были просто передвинуты впередъ, для поддержки замявшейся атаки Курскаго полка, для чего на крайній лѣвый флангъ была вызвана изъ резерва и 5-я батарея 30-й артиллерійской бригады; но это было сдѣлано не въ исходѣ втораго, а въ началѣ шестаго часа по полудни.

*) По свидѣтельству другаго источника, требованіе 4-го параграфа диспозиціи, относительно занятія артиллеріею высотъ южнаго берега Гривицкаго ручья, на дѣлѣ оказалось не выполнимымъ, по слѣдующимъ причинамъ:

4-й параграфъ предписывалъ овладѣть непріятельскою позиціею, лежащею къ сѣверу отъ Радишева (т.-е. окопами № 4 и № 5), что̀ и было исполнено. По овладѣніи же этою позиціею, отряду князя Шаховскаго, въ силу того же

Вызывалось ли оно избраніемъ какого-либо инаго пункта для атаки, или выражало собою начало оной?—Все это для генерала Криденера были вопросы, порождаемые недоумѣніемъ, въ виду факта, которому не было объясненія, такъ какъ не было извѣстій отъ князя Шаховскаго.

Желая разрѣшить свое недоумѣніе, баронъ Криденеръ, въ половинѣ третьяго часа по полудни, приказалъ отправить къ князю Шаховскому вторую записку слѣдующаго содержанія:

«Командиръ 9-го корпуса желаетъ подробно знать дѣло, такъ какъ невѣдѣніе объ этомъ лишаетъ его всякой возможности что-либо предпринять. Судя по дыму отъ вашихъ батарей, атака у насъ не подвинется. Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ спрашиваетъ: находите ли вы себя въ такомъ положеніи, чтобы атаковать? Если да, то онъ проситъ васъ поспѣшить о томъ увѣдомленіемъ, чтобы онъ могъ поддержать вашу атаку съ лѣваго своего фланга».

4-го параграфа, должно было «продолжать подвигаться на Плевну», т.-е. на дѣлѣ это значило — повернуть фронтъ атакующихъ войскъ съ сѣвера на западъ. И это тоже было отчасти исполнено, такъ какъ правофланговыя части атакующихъ войскъ князя Шаховскаго даже стали почти тыломъ къ Гривицкому редуту. Но это движеніе на Плевну, по требованію того же параграфа, должно было сопровождаться стараніемъ «занять артиллеріею тякія позиціи на высотахъ лѣваго, южнаго берега Гривицкаго ручья, съ которыхъ она могла бы поражать во флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы и къ сѣверу отъ Плевны». Это, стало быть, значитъ, что въ то самое время, какъ фронтъ войскъ, продолжающихъ подвигаться на Плевну, былъ бы обращенъ къ западу,—артиллерійскій фронтъ того же отряда долженъ былъ обратиться частію на сѣверъ, частію на сѣверо - востокъ и, наконецъ, на востокъ (противъ Гривицы). Такимъ образомъ, лѣвый флангъ артиллеріи (т.-е. батареи, дѣйствующія въ тылъ сѣверныхъ турецкихъ позицій) долженъ былъ бы стать подъ прямымъ угломъ къ правому флангу пѣхоты, атакующей Плевну, а фронтъ остальныхъ батарей загнулся бы къ сѣверо-востоку и востоку, т.-е. очутился бы тылъ къ тылу съ тою же пѣхотой. При этомъ, если бы атака была отбита, то пѣхотѣ предстояло опрокинуться на флангъ и тылъ своей собственной артиллеріи и, быть можетъ, отдать ее туркамъ.

Предлагая занять артиллеріею высоты южнаго берега Гривицкаго ручья, диспозиція непосредственно вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: «дальнѣйшія же дѣйствія сообразовать съ ходомъ боя на правомъ флангѣ, сохраняя съ нимъ самую тѣсную связь». По свидѣтельству источника, изъ котораго я почерпаю свѣдѣнія о дѣйствіяхъ отряда князя Шаховскаго, эта послѣдняя часть 4-го параграфа породила слѣдующія недоумѣнія:

Что значитъ «дальнѣйшія дѣйствія»? — Очевидно, тѣ дѣйствія, которыя должны

Послѣднія десять словъ этой записки служатъ указаніемъ, что направленіе дымовъ лѣвофлангового отряда на столько измѣнило весь ходъ дѣла, что теперь уже не князь Шаховской долженъ былъ содѣйствовать атакѣ войскъ 9-го корпуса, а баронъ Криденеръ поддерживать атаку князя Шаховскаго. Такимъ образомъ, должно признать, что съ этой минуты баронъ Криденеръ считалъ свой первоначальный планъ, изложенный въ диспозиціи, уже несостоявшимся, и, стало быть, дальнѣйшія наши дѣйствія могли быть ведены только въ зависимости отъ случайностей боя. Но не желая подвергать дѣло какимъ бы то ни было случайностямъ и дѣйствовать, такъ сказать, *на авось*, баронъ Криденеръ обратился къ князю Имеретинскому и французскому военному агенту полковнику Гальяру, находившимся въ числѣ окружающихъ его лицъ, и указавъ на малоуспѣшность сегодняшняго артиллерійскаго боя вообще и на направленіе дымовъ князя Шаховскаго, все болѣе и болѣе удалявшихся влѣво, сказалъ, что находитъ атаку недостаточно подготовленною, а потому по-

---

начаться вслѣдъ за занятіемъ артиллеріею позицій на высотахъ южнаго берега Гривицкаго ручья.

Что значитъ «сообразовать дѣйствія съ ходомъ боя на правомъ флангѣ»? — Очевидно, стать въ зависимость отъ праваго фланга, подчиниться его инціативѣ, т. е. наступать лишь тогда, когда онъ наступаетъ, въ противномъ же случаѣ стоять и ждать, пока не начнется его наступленіе на Плевну, что могло быть не раньше, какъ по овладѣніи Гривицкимъ редутомъ.

Но тотъ же самый 4-й параграфъ, за четыре строки выше, предписываетъ: по овладѣніи позиціею къ сѣверу отъ Радишева, *продолжать подвигаться на Плевну,* стараясь занять артиллеріею и проч. Что значитъ «продолжать подвигаться»? — Очевидно, продолжать атаку. Но тогда какъ же «сообразовать дальнѣйшія дѣйствія съ ходомъ боя на правомъ флангѣ», если бы правый флангъ не начиналъ еще атаку, или не овладѣлъ еще Гривицкимъ редутомъ? Которое изъ этихъ двухъ приказаній возможно было исполнить, не подвергая себя упреку въ неисполненіи другаго? Если-же стоять и ждать, пока не двинется на Плевну правый флангъ, способствуя ему до того времени артиллерійскимъ огнемъ къ овладѣнію гривицкою позиціею, то въ какую сторону долженъ былъ бы обратиться фронтъ пѣхоты князя Шаховскаго? — По тактикѣ, фронтъ пѣхоты тамъ, гдѣ и фронтъ артиллеріи, и на оборотъ — фронтъ артиллеріи тамъ же, гдѣ фронтъ пѣхоты и притомъ всегда лицомъ къ непріятелю. Но занявъ позицію на высотахъ лѣваго берега Гривицкаго ручья, сообразно расположенію своей артиллеріи, князь Шаховской не только подставилъ бы свой лѣвый флангъ, но и совсѣмъ повернулся бы тыломъ къ Плевнѣ, гдѣ было сосредоточено въ резервѣ наибольшее количество силъ Османа-паши, а Скобелевъ въ такомъ случаѣ былъ бы покинутъ на произволъ судьбы и уже совсѣмъ, что называется, висѣлъ бы на воздухѣ.

лагаетъ—лучше прекратить на сегодня бой, понемногу ослабляя огонь нашихъ батарей.

Но прежде чѣмъ баронъ Криденеръ успѣлъ принять какое-либо рѣшеніе, къ нему прискакалъ наконецъ, безъ четверти въ три часа по полудни, ординарецъ князя Шаховскаго, съ извѣстіемъ, что начальникъ лѣвофлангового отряда, считая атаку уже достаточно подготовленною артиллерійскимъ огнемъ, перешелъ въ наступленіе *).

Теперь объяснилось, что означало отдалявшееся влѣво направленіе дымовъ — и дѣйствительно: офицеры, наблюдавшіе въ бинокли, ясно замѣтили наступательныя движенія на лѣвомъ флангѣ. Отдавать приказаніе о прекращеніи боя было уже поздно; оставалось одно: поддержать, на сколько возможно, князя Шаховскаго, — и баронъ Криденеръ двинулъ въ наступленіе войска правофлангового отряда **) и самъ со штабомъ тронулся впередъ, пробираясь верхомъ между проходившими батальонами. Артиллерійскій огонь противника тотчасъ же усилился; гранаты ложились и впереди, и по сторонамъ наступающихъ частей, рвались въ вѣтвяхъ деревьевъ и подымали съ земли фонтаны грязно-желтой пыли. Чтобы нѣсколько уменьшить цѣль, представляемую значительною группою всадниковъ, пришлось раздаться пошире свитѣ командира 9-го корпуса и отвести его конвой нѣсколько въ сторону. Войска шли бодро, въ ногу, ровняясь...

Наступленіе правофлангового отряда ведено было съ двухъ сторонъ: справа генераломъ Бѣлокопытовымъ ***), а слѣва самимъ начальникомъ 31-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лей-

*) Другой источникъ свидѣтельствуетъ, что вслѣдъ за распоряженіемъ князя Шаховскаго объ атакѣ, пріѣхавшій къ нему ординарецъ барона Криденера (имя котораго въ штабѣ лѣвофлангового отряда не можетъ быть съ точностію названо) передалъ отъ лица командира 9-го корпуса слова: «если вы подготовили атаку, то можете начинать», вслѣдствіе чего распоряженіе объ атакѣ оставлено въ своей силѣ.

**) Одновременно съ этимъ, съ крайняго праваго фланга (генералъ Лашкаревъ) получено было донесеніе, что вслѣдствіе натиска баши-бузуковъ связь между уланами и драгунами прервана и что послѣдніе даже отошли назадъ. Баронъ Криденеръ поручилъ генеральнаго штаба подполковнику Маціевскому взять изъ общаго резерва эскадронъ драгунъ съ двумя конными орудіями и отвести эту часть для поддержки крайняго праваго фланга. По исполненіи сего, связь между нашими эскадронами была возстановлена.

***) 121-й пѣхотный Пензенскій полкъ, 2-й и 3-й батальоны 123-го пѣхотнаго Козловскаго полка.

тенантомъ Вельяминовымъ [1]). Въ частномъ резервѣ за первымъ шли Архангелогородскій и Вологодскій полки [2]), а Галичскому полку приказано двинуться побатальонно позади вологодцевъ, направляясь въ Гривицкую лощину, для связи съ княземъ Шаховскимъ при дальнѣйшемъ наступленіи [3]). Въ общемъ же резервѣ, къ востоку отъ Гривицы, у барона Криденера оставались: шесть батальоновъ съ двумя батареями 30-й пѣхотной дивизіи и три эскадрона съ четырьмя конными орудіями.

Съ высоты, на которой, слѣдя за боемъ, стоялъ баронъ Криденеръ, ясно было видно смѣлое движеніе князя Шаховскаго: турки начинали частями сниматься передъ нимъ съ позиціи. Равно и движеніе праваго фланга въ началѣ тоже подавало надежду на хорошіе результаты, такъ какъ стремительный натискъ нашихъ стрѣлковъ на турецкія цѣпи, въ четвертомъ часу по полудни, заставилъ ихъ поспѣшно отходить, и это было причиною, что баронъ Криденеръ, желая пресѣчь непріятелю путь отступленія на Софію, поспѣшилъ послать генералу Лашкареву приказаніе о переходѣ его отряда [4]) на лѣвый берегъ Вида, для дѣйствій по софійскому шоссе, въ тылъ противнику. Но едва было послано это приказаніе, какъ отступленіе турокъ вдругъ прекратилось, а черезъ нѣсколько минутъ, видимо ободренные чѣмъ-то, они вновь перешли въ наступленіе противъ князя Шаховскаго [5]). Все это хорошо было видно съ того мѣста, гдѣ стоялъ баронъ Криденеръ, посреди открытой площадки, на вершинѣ хребто-образной возвышенности, вдающейся мысомъ въ долину, по которой протекаетъ Гривицкій ручей. Это

---

[1]) 1-й батальонъ Козловскаго и 122-й пѣхотный Тамбовскій полкъ.

[2]) Причемъ баронъ Криденеръ приказалъ начальнику 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру, безъ крайней надобности не расходовать частей его дивизіи.

[3]) Но поровнявшись съ с. Гривицею, Галичскій полкъ обстоятельствами боя былъ все-таки притянутъ къ тому же Гривицкому редуту съ юго-восточной его стороны.

[4]) 9-й уланскій Бугскій и 9-й донской казачій полки съ донскою № 2-го батареею.

[5]) По свидѣтельству другаго источника, туркамъ не удалось выбить нашихъ изъ первой линіи отнятыхъ у нихъ траншей и укрѣпленій, изъ коихъ № 4-й даже до утра 19-го іюля былъ занятъ 2-ю стрѣлковою ротою Рыльскаго полка и двумя отбитыми у турокъ орудіями.

было лучшее мѣсто для наблюденій, такъ какъ отсюда вправо, словно на ладони, виднѣлся весь Гривицкій редутъ съ окружающими его ложементами, а влѣво открывался видъ почти на всю позицію князя Шаховскаго. На эту площадку, въ исходѣ четвертаго часа дня, прискакалъ ординарецъ князя Шаховскаго, еще издали крича: «Помощь!... Помощь!»... Тогда баронъ Криденеръ, вызвавъ капитана генеральнаго штаба Бюргера, приказалъ ему взять изъ резерва Коломенскій полкъ съ батареею и вести ихъ къ лѣвофланговому отряду, а ротмистра Хвостова послалъ съ извѣщеніемъ о томъ къ князю Шаховскому. О роли, выпавшей на долю Коломенскаго полка, уже было сказано выше.

Дружно и стройно двигались войска генераловъ Бѣлокопытова и Вельяминова противъ сильно занятыхъ турецкихъ укрѣпленій, имѣя конечною цѣлью атаки все тотъ же Гривицкій редутъ.

Непріятель, завидѣвъ движеніе этихъ двухъ отрядовъ, открылъ огонь, который по истинѣ можно назвать ужасающимъ: это былъ, въ буквальномъ смыслѣ, градъ барабанящихъ пуль, не говоря уже объ учащенныхъ артиллерійскихъ выстрѣлахъ. Здѣсь уже, конечно, не могло быть и рѣчи о мѣткости, а весь разсчетъ противника строился лишь на процентѣ выпускаемыхъ безъ счета пуль, но и этотъ процентъ, при массѣ огня, былъ все-таки ужасенъ. Но 1-й батальонъ Пензенскаго полка безостановочно продолжалъ подвигаться впередъ, а подойдя на ближайшее разстояніе, ударилъ въ штыки и приступомъ взялъ первый рядъ ложементовъ и батарею. Не останавливаясь, онъ уже бросился было на второй рядъ укрѣпленій, но будучи встрѣченъ тутъ турецкими резервами, долженъ былъ пріостановиться. Въ поддержку ему, 2-й батальонъ того же полка, наступавшій лѣвѣе, ударилъ съ такою же стремительностію на непріятельскіе окопы, и на этотъ разъ турки не выдержали — отбѣжали въ лощину. 2-й батальонъ, по пятамъ противника, достигъ противолежащаго края лощины, гдѣ расположенъ Гривицкій редутъ, и тутъ замѣтилъ, что съ правой стороны подкрѣпляетъ его 3-й батальонъ пензенцевъ.

Подъемъ къ редуту, представлявшій уголъ болѣе 30-ти градусовъ, былъ крайне труденъ; но не смотря на это, 5-я и 7-я

линейныя роты, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, не только добрались и выбили непріятеля изъ траншей, но и утвердились въ нихъ. Этими ротами предводительствовалъ маіоръ Ковалевскій, командиръ 2-го батальона, который, по занятіи траншей, бросился съ частью стрѣлковъ и 7-ю ротою вправо, на брустверъ редута, и первый вскочилъ туда. Кучка турецкихъ солдатъ подскочила въ упоръ къ нему со склоненными штыками. Ковалевскій троихъ положилъ на мѣстѣ выстрѣлами изъ своего револьвера, и желая подозвать на помощь своихъ солдатъ, обернулся назадъ, но въ это самое мгновеніе былъ раненъ въ бокъ пулею одного изъ противниковъ, а остальные съ торжествомъ подняли его вверхъ на штыки. Тутъ подскочилъ какой-то турецкій офицеръ и съ размаха отрубилъ ему голову. Здѣсь же палъ и командиръ 7-й роты, поручикъ Аммосовъ, изрубленный ятаганами. Не имѣли также успѣха и остальные два батальона Пензенскаго полка, пылко бросавшіеся на противника подъ перекрестнымъ огнемъ съ фронта и фланговъ. При этихъ отчаянныхъ атакахъ Пензенскій полкъ потерялъ 29 офицеровъ и 1,006 нижнихъ чиновъ. Эти цифры говорятъ сами за себя, и громадность потери свидѣтельствуетъ объ упорствѣ и беззавѣтной храбрости полка.

Вслѣдъ за пензенскими, пошли на приступъ 2-й, а потомъ и 3-й батальоны Козловскаго полка, предводимые своимъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Степановымъ, и не желая отступить, засѣли во рву Гривицкаго редута. При этой атакѣ полковникъ Степановъ былъ замертво унесенъ на перевязочный пунктъ, получивъ смертельныя раны пулями. Онъ все время, не смотря на просьбы офицеровъ и солдатъ, не хотѣлъ слѣзть со своего рыжаго коня, служившаго слишкомъ хорошею цѣлью непріятельскимъ стрѣлкамъ. «Нѣтъ, братцы, я не даромъ получилъ моего Георгія», отвѣчалъ онъ на всѣ доводы, и палъ жертвою собственнаго молодечества; онъ получилъ три раны, изъ которыхъ послѣдняя была въ животъ и пуля засѣла около крестца; эта пуля была безусловно смертельною.

Одновременно съ атакою генерала Бѣлокопытова наступалъ и 122-й пѣхотный Тамбовскій полкъ, имѣя въ резервѣ за собою 1-й батальонъ козловцевъ. Тамбовскія роты, подъ сильнымъ огнемъ, шли въ полномъ порядкѣ, сохраняя даже равненіе. По мѣрѣ сближенія ихъ съ непріятелемъ, огонь его все

усиливался и наконецъ дошелъ до такой степени, что трудно было подвигаться впередъ, на каждомъ шагу переступая чрезъ убитыхъ и валявшихся раненыхъ. Такимъ образомъ, наступающія части, пріостановившись, вынуждены были залечь за холмъ, откуда открыли огонь залпами. Весьма энергическая атака съ этой послѣдней позиціи точно также не имѣла успѣха.

Вслѣдъ за этими полками двинулись Галичскій, Вологодскій и Архангелогородскій полки съ ихъ артиллеріею. Не останавливаясь, они постепенно вступали въ дѣло и кидались въ штыки на непріятельскіе ложементы вокругъ Гривицкаго редута. Но всѣ эти отчаянныя усилія разбивались о сопротивленіе турокъ.

Между тѣмъ, время уже шло къ вечеру, — нужно было кончать дѣло, а участь всего боя, какъ казалось военачальникамъ правофлангоВаго отряда, главнѣйшимъ образомъ, зависѣла отъ взятія Гривицкаго редута. Надо было кончить съ этимъ редутомъ, вокругъ котораго уже лежало много и много русскихъ... На поддержку атакующимъ баронъ Криденеръ послалъ изъ остатковъ общаго резерва двѣ роты 120-го пѣхотнаго Серпуховскаго полка и два конныя орудія *). Бой снова загорѣлся съ лихорадочною силою, — но встрѣченныя трехъ-яруснымъ огнемъ — и новыя наши атаки были безуспѣшны.

Баронъ Криденеръ все еще стоялъ на открытой площадкѣ возвышенности, когда около шести часовъ вечера къ нему прискакалъ отъ князя Шаховскаго новый посланный—адъютантъ Главнокомандующаго штабсъ-ротмистръ Дерфельденъ, съ тревожною вѣстью, что на лѣвомъ флангѣ нужна немедленная помощь, а иначе дѣло разыграется плохо. И не успѣлъ онъ окончить своего доклада, какъ скачетъ третій посланный, свиты

*) За отдѣленіемъ Коломенскаго полка на лѣвый флангъ къ князю Шаховскому, въ общемъ резервѣ барона Криденера къ 6-ти часамъ вечера остались нетронутыми только 120-й пѣхотный Серпуховскій полкъ съ пѣшею батареею и три эскадрона съ четырьмя конными орудіями. Въ это время, получивъ донесеніе, что крайній правый флангъ подается назадъ, баронъ Криденеръ направилъ къ нему 1-й батальонъ серпуховцевъ и эскадронъ драгунъ съ двумя орудіями. Эти части своевременно оказали поддержку, и правый флангъ снова подался впередъ; но съ отдѣленіемъ ихъ, общій резервъ весьма ослабился.

Его Величества генералъ-маіоръ графъ Протасовъ-Бахметевъ, съ настоятельною просьбой о подкрѣпленіи; вслѣдъ за нимъ прибылъ и четвертый—и все одно и то же требованіе: «Помощь!»

Но у барона Криденера уже не было никакихъ средствъ для помощи. Къ генералу Вельяминову, тоже неоднократно присылавшему за подкрѣпленіями, только что были отправлены изъ резерва двѣ роты съ двумя орудіями, да къ генералу Бѣлокопытову, на крайній правый флангъ, уже сильно подавшійся назадъ, сейчасъ лишь послали батальонъ серпуховцевъ съ драгунскимъ эскадрономъ и двумя орудіями, такъ что, на случай прикрытія общаго отступленія, у барона Криденера осталось въ запасѣ только полтора батальона. Помогать теперь лѣвофланговому отряду значило бы—остаться при отступленіи безъ одной свѣжей части; да и кромѣ того, принимая въ соображеніе отдаленность этого отряда отъ общаго резерва и путь къ нему по кукурузнымъ полямъ, кустарникамъ, виноградникамъ, чрезъ балки и лощины, помощь могла бы подоспѣть на лѣвый флангъ не иначе, какъ ночью, а между тѣмъ противъ нашего праваго фланга были сосредоточены наибольшія силы турокъ. Чтобы помочь князю Шаховскому, барону Криденеру оставалось развѣ одно изъ двухъ: либо совсѣмъ оставить дѣло на правомъ флангѣ, либо крайне ослабить его, передвинувшись, въ первомъ случаѣ, къ лѣвофланговому отряду всѣми своими силами, а во второмъ — направивъ туда часть этихъ силъ, уже давно введенныхъ въ бой противъ Гривицкаго редута, и для этого, такъ сказать, оторвать ихъ отъ дерущагося противника. Мыслимо ли было что-либо подобное, если вспомнить, что за Гривицкимъ редутомъ у турокъ стоялъ цѣлый укрѣпленный лагерь, такъ что, прежде взятія того и другаго, войскамъ 9-го корпуса никуда нельзя было двинуться (развѣ только назадъ), не подвергая себя жесточайшему и совершенно безнаказанному фланговому огню превосходныхъ силъ противника? Двинуть часть силъ—значило ослабить остальную часть до окончательной невозможности не только продолжать бой, но и выдти изъ боя ради отступленія; эта послѣдняя часть была бы заранѣе обречена на конечную и совершенно безполезную гибель. Двинуться же всѣми силами—значило совершенно открыть для противника все плевно-рущукское шоссе,

весь путь естественнаго и единственно возможнаго нашего отступленія на булгаренскую позицію *).

Отказавъ въ подкрѣпленіи князю Шаховскому, баронъ Криденеръ рѣшился сдѣлать еще одну, уже послѣднюю, но едва ли необходимую попытку противъ Гривицкаго редута и послалъ туда еще три роты того же Серпуховскаго полка**). Смѣю сомнѣваться въ необходимости этой попытки, на томъ основаніи, что если усилія слишкомъ 19-ти батальоновъ разбивались до сихъ поръ о преграды Гривицкаго редута, то едва ли могли три роты существенно помочь дѣлу; а между тѣмъ, съ отправленіемъ ихъ въ атаку, — для прикрытія общаго отступленія отрядовъ барона Криденера и князя Шаховскаго, въ резервѣ остался только одинъ батальонъ. А что было бы тогда, если бы турки, ободренные успѣхомъ, вздумали перейдти въ наступленіе и повели бы настойчивое преслѣдованіе нашихъ изнеможенныхъ войскъ?... Личное начальствованіе надъ тремя серпуховскими ротами принялъ ихъ бригадный командиръ, генералъ Божеряновъ; но онъ былъ раненъ, не доходя ста шаговъ до редута. Не смотря на все рвеніе начальниковъ и людей, не увѣнчалась успѣхомъ и эта послѣдняя попытка.

Солнце скрылось, чрезъ полчаса наступила полная темнота; мѣсяцъ пока не показывался, а вокругъ редута все еще кипѣла ружейная перестрѣлка, сопровождаемая отчаянными, остервенѣлыми криками «ура». Войска не хотѣли отступать, пока не овладѣютъ этимъ укрѣпленіемъ. Для наблюдающихъ за боемъ, при сгущавшихся сумеркахъ, въ пыли и дыму, облекавшихъ Гривицкій редутъ, уже ничего не возможно было

---

*) По свидѣтельству другаго источника, присутствіе большаго лагеря за Гривицкимъ редутомъ въ отрядѣ князя Шаховскаго не было усмотрѣно и во время всѣхъ дѣйствій этого отряда ни на его правомъ флангѣ, ни въ тылу ничѣмъ не ощущалось. Напротивъ, по обстоятельной рекогносцировкѣ съ боемъ генерала Скобелева и лично отрядомъ князя Шаховскаго, было открыто присутствіе большихъ силъ непріятеля между Плевною и радишевскими укрѣпленіями № 4 и № 5. Въ полдень князь Шаховской получилъ отъ генерала Скобелева слѣдующую записку: «Между Плевной и передовыми укрѣпленіями къ Радишеву сосредоточена значительная пѣхотная сила съ артиллеріею,—видимо—общій резервъ. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ (его, Скобелева) и на плевно-софійской дорогѣ—массы кавалеріи, также съ артиллеріею».

**) По свидѣтельству другаго источника, въ атаку на Гривицкій редутъ былъ также пущенъ и спѣшенный эскадронъ Рижскаго драгунскаго полка.

разглядѣть; по временамъ казалось, будто стрѣльба затихала и какъ бы удалялась, замолкали и крики, и тогда можно было думать, что редутъ уже въ нашихъ рукахъ; однако, проходитъ минута, другая—и снова поднимается усиленная канонада, снова, какъ барабанная дробь, закипаетъ перестрѣлка, быстро трещатъ одинъ за другимъ ружейные залпы, и вмѣстѣ съ ними опять колеблется, опять исчезаетъ наша минутная, обманчивая надежда...

Въ минуты этихъ судорожныхъ колебаній боя, порою казалось, что дѣло еще не потеряно, что еще одно напряженіе, еще одинъ порывъ—и редутъ въ нашихъ рукахъ. Въ одно изъ подобныхъ мгновеній къ барону Криденеру подъѣзжаетъ ординарецъ князя Шаховскаго, съ извѣстіемъ, что начальникъ лѣвофлангового отряда, не имѣя больше войскъ подъ рукою, не въ силахъ держаться долѣе и потому начинаетъ отступленіе.

— Передайте князю Шаховскому, чтобы вовсе не отступать, сказалъ генералъ Криденеръ:—всѣмъ оставаться на тѣхъ позиціяхъ, гдѣ застанетъ ночь. Завтра утромъ мы пойдемъ и возьмемъ Плевну *).

На чемъ основывалась такая увѣренность почтеннаго генерала — сказать, конечно, трудно, такъ какъ ожидать себѣ помощи онъ не могъ ни откуда, а наличныя войска были слишкомъ уже разстроены неудачнымъ боемъ. Думаю, что эти слова выражали собою скорѣе психическое настроеніе главноначальствующаго въ данную минуту, чѣмъ убѣжденіе въ дѣйствительной возможности взять Плевну завтра утромъ. Мнѣ кажется, что это былъ просто самообманъ отчаянія, минута, когда вопреки очевидности еще не хочется вѣрить въ ужасный смыслъ дѣйствительности, когда страшно сознаться самому себѣ, что дѣло потеряно, что всѣ жертвы напрасны, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ мелькаетъ мгновеньями рѣшимость отчаянія: взять во что бы то ни стало, или умереть на мѣстѣ.

---

*) По свидѣтельству другаго источника, ординарецъ привезъ князю Шаховскому слѣдующую записку:

«18-го іюля, 7 ч. 10 м. вечера, у Гривицы.

«Прошу ваше сіятельство держаться на позиціи во что бы то ни стало.

«Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ.

(Приписка) «Резервы всѣ истощены».

Ординарецъ, отвозившій это приказаніе къ начальнику лѣвофланговаго отряда, встрѣтилъ князя Шаховскаго какъ разъ въ ту минуту, когда этотъ послѣдній, окруженный штабомъ и казаками, спускался съ высоты, служившей ему доселѣ обсерваціоннымъ пунктомъ. Протѣснившись между всадниками свиты, ординарецъ передалъ князю записку и словесное приказаніе барона Криденера.

— Поздно! Нельзя не отступить!... Вы видите?—сказалъ князь, указывая на войска, шедшія въ безпорядкѣ, и за тѣмъ замѣтилъ, что хотя бы и могло подоспѣть завтра подкрѣпленіе, но сегодня уже нельзя такъ оставаться и что генералу Горшкову утромъ будетъ несравненно труднѣе, чѣмъ теперь, выводить свои войска изъ городскаго предмѣстія *).

Видя безполезность дальнѣйшихъ попытокъ и упорства среди ночной темноты, баронъ Криденеръ приказалъ батальону серпуховцевъ и эскадрону уланъ—единственно остававшимся еще у него въ резервѣ—занять позицію, за которую могли бы отступить сражавшіяся впереди части, а самъ со штабомъ переѣхалъ на главный перевязочный пунктъ, находившійся вблизи боевыхъ линій. Это было уже близко около полуночи. Здѣсь баронъ Криденеръ принялъ начальниковъ частей правофланговаго отряда, явившихся съ докладами объ исходѣ боя, и сюда же пріѣхалъ графъ Протасовъ-Бахметевъ, вторично посланный княземъ Шаховскимъ, съ порученіемъ—передать главноначальствующему, что въ лѣвофланговомъ отрядѣ едва ли осталось четыре роты. Тогда баронъ Криденеръ, убѣдясь въ окончательной невозможности возобновить на завтра дѣло, поручилъ генералу Вельяминову вывести изъ боя части, оста-

*) По свидѣтельству другаго источника, отвѣтъ князя Шаховскаго заключался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Къ сожалѣнію, я долженъ отступить отъ занятыхъ мною укрѣпленій, но останусь на первой моей боевой позиціи у Радишева». Это и было исполнено, и аррієргардъ князя Шаховскаго только утромъ 19-го числа отошелъ къ Порадиму, на основаніи нижеслѣдующаго приказанія, по смыслу коего возобновленіе атаки не предстояло болѣе. Вотъ это приказаніе:

«Штабъ 9-го корпуса. 18-го іюля, 10 ч. 50 м. ночи, у Гривицы.

«Отходите на прежнія позиціи, гдѣ оставили ранцы *). Затѣмъ путь отступленія на Булгарени.

«Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ».

*) Ранцы были оставлены въ Порадимѣ.

вавшіяся еще около Гривицкаго редута, и направилъ принадлежавшие 5-й пѣхотной дивизіи обозы 2-го и 3-го разрядовъ на Булгарени, а обозы 31-й дивизіи—на Турскій Трестеникъ; войскамъ же было приказано—по выходѣ изъ боя, отступать на ихъ прежнія позиціи, съ которыхъ они двинулись въ утро 18-го числа къ Плевнѣ. Затѣмъ, составивъ двѣ телеграммы Государю Императору и Великому Князю Главнокомандующему, баронъ Криденеръ выѣхалъ съ главнаго перевязочнаго пункта на дорогу и, пропустивъ, подъ личнымъ своимъ осмотромъ, всѣ до послѣдней подводы съ ранеными, двинулся вслѣдъ за войсками не раньше, какъ когда были сняты и уложены на линейки шатры дивизьоннаго лазарета.

На пути къ Турскому-Трестенику онъ встрѣтилъ 124-й пѣхотный Воронежскій полкъ, только что подходившій къ мѣсту боя *), и направилъ его въ помощь Галичскому полку, на который, какъ на часть менѣе другихъ пострадавшую, возложено было, совмѣстно съ серпуховскимъ батальономъ, общее прикрытіе отступленія.

Но вокругъ Гривицкаго редута все еще слышались надорванные крики и, не умолкая, рокотала перестрѣлка, которая упорно длилась всю ночь, и только къ одиннадцати часамъ утра слѣдующаго дня (19-го іюля) удалось, наконецъ, генералу Вельяминову, такъ сказать, оттащить эти войска изъ боя на позицію. Послѣдними, вышедшими изъ рва редута были люди Архангелогородскаго полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Шлиттера, который принялъ полкъ лишь передъ самымъ сраженіемъ. Это обстоятельство можетъ характеризовать духъ бывшихъ въ дѣлѣ войскъ: Архангелогородскій полкъ понесъ сильныя потери въ первомъ плевненскомъ бою и считался наиболѣе деморализованнымъ. Части, выходившія изъ огня на Гривицу, отступали въ порядкѣ, не торопясь и перестрѣливаясь, пока не отошли на равнину, лежавшую уже внѣ сферы ружейнаго огня, гдѣ и перестроились въ батальонныя колонны, а нѣкоторыя части исполнили это перестроеніе еще въ виду Гривицы.

Во второмъ плевненскомъ сраженіи мы потеряли одного ге-

*) Безъ двухъ ротъ, оставшихся въ Систовѣ, для защиты переправы.

нерала *) трехъ полковыхъ командировъ **), 165 штабъ и оберъ-офицеровъ и 7,167 человѣкъ нижнихъ чиновъ, а всего 7,336 человѣкъ ***).

---

*) Генералъ-маіоръ Божеряновъ, раненъ.

**) Полковники: Саранчовъ (раненъ), Степановъ (скончался отъ ранъ) и Каульбарсъ (убитъ).

***) Изъ этого числа на долю правофлангового отряда, за 18-е и 19-е іюля, приходится убитыхъ 735, раненыхъ 2,017 человѣкъ; въ лѣвофланговомъ же отрядѣ число однихъ убитыхъ показано въ 2,924 человѣка.

Описаніе втораго плевненскаго сраженія было бы не полно, если бы пройдти молчаніемъ замѣчательно энергическую дѣятельность врачей-хирурговъ на перевязочныхъ пунктахъ. Такъ какъ отряды барона Криденера и князя Шаховскаго сражались на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, то и медицинская часть въ каждомъ отрядѣ должна была дѣйствовать самостоятельно. Въ обоихъ отрядахъ было сдѣлано все, что̀ должно для правильной подачи помощи раненымъ: опредѣлены мѣста для перевязочныхъ пунктовъ, заблаговременно заготовлены въ значительномъ числѣ подводы и доставлены на мѣста дѣйствій. Благодаря этимъ распоряженіямъ, военные врачи получили возможность не только подать надлежащую помощь раненымъ, доставленнымъ на перевязочные пункты, но и успѣли всѣхъ ихъ вывезти и размѣстить по госпиталямъ. Для содѣйствія въ подачѣ помощи, къ обоимъ отрядамъ нашихъ войскъ къ утру 18-го іюля прибыли: главный хирургъ арміи докторъ Кадацкій, профессоры Склифасовскій и Корженевскій, хирурги и врачи Тауберъ, Духновскій, Блюменфельдтъ, Эккъ, Масловскій и другіе.

Въ отрядѣ кн. Шаховскаго главнымъ распорядителемъ былъ корпусный врачъ 11-го корпуса Радаковъ, руководившій направленіемъ и распредѣленіемъ раненыхъ по перевязочнымъ пунктамъ. При дивизьонномъ лазаретѣ 32-й дивизіи, находившемся въ отрядѣ кн. Шаховскаго, кромѣ хирурговъ этого лазарета и полковыхъ врачей, работали профессоръ Корженевскій, доктора Блюменфельдтъ и Масловскій, и эта работа длилась съ 3-хъ часовъ дня до 8-ми вечера. Перевязано и вывезено было въ лазаретныхъ линейкахъ и на повозкахъ интендантскаго транспорта около 700 раненыхъ. Транспортъ этотъ, въ сопровожденіи корпуснаго врача и хирурговъ, прибылъ въ Зимницу на другой день (19-го іюля), и всѣ раненые были здѣсь размѣщены въ госпиталѣ № 63-го.

Въ отрядѣ барона Криденера находились: главный хирургъ арміи и профессоръ Склифасовскій съ хирургами, прибывшими сюда вмѣстѣ съ ними, а также хирургъ Кехеръ съ медицинскимъ персоналомъ дивизьонныхъ лазаретовъ 5-й, 30-й и 31-й дивизій и врачи военныхъ частей, входившихъ въ составъ отряда.

Съ утра и до пятаго часа по полудни 18-го іюля въ отрядѣ барона Криденера, не смотря на сильный артиллерійскій огонь противника, число раненыхъ было незначительно. Но съ началомъ атаки санитарныя роты трехъ дивизьонныхъ лазаретовъ стали носить раненыхъ безпрерывно, цѣлыми сотнями, и требовалось по истинѣ невѣроятное хладнокровіе и быстрота въ работѣ, чтобы успѣвать останавливать кровотеченіе, перевязывать и укладывать раненыхъ въ линейки и на подводы, стоявшія наготовѣ и ѣздившія непрерывно взадъ и впередъ съ передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ на главные, причемъ докторъ Ка-

Поведеніе войскъ въ бою 18-го іюля стоитъ внѣ всякаго упрека: они съ геройскимъ самоотверженіемъ, до послѣдней

дацкій повѣрялъ правильность распредѣленія раненыхъ для своевременной и быстрой подачи имъ помощи.

На главныхъ перевязочныхъ пунктахъ, которые составились изъ лазаретовъ 31-й, 5-й и 30-й дивизій и были расположены соотвѣтственно флангамъ отряда, шла не менѣе дѣятельная работа по оперативному пособію, наложенію гипсовыхъ повязокъ и проч. Профессоръ Склифасовскій оперировалъ въ лазаретѣ 30-й дивизіи, къ которому была присоединена часть врачей изъ лазарета 5-й дивизіи, а прочіе хирурги распредѣлились по остальнымъ дивизьоннымъ лазаретамъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ, перевязочная работа шла при слабомъ, мерцающемъ свѣтѣ простыхъ переносныхъ фонарей. Врачи, по нѣсколько часовъ не разгибавшіе колѣнъ, ползкомъ перебирались отъ одного раненаго къ другому, а между тѣмъ и справа, и слѣва къ нимъ подвозили все новыхъ и новыхъ страдальцевъ.

Около 10-ти часовъ вечера дивизьонные лазареты были предупреждены, что имъ слѣдуетъ сниматься. Полчаса спустя, работа была закончена и раненые, послѣ перевязки, вывезены съ главныхъ пунктовъ. Докторъ Кадацкій оставилъ передовой перевязочный пунктъ праваго фланга около полуночи, когда полковые врачи уже перевязали и на двадцати повозкахъ вывезли послѣднихъ изъ раненыхъ, принесенныхъ къ нимъ съ поля. Не смотря на крайнее утомленіе, полковые врачи остались на своихъ пунктахъ, чтобы съ первыми лучами разсвѣта начать перевязку тѣхъ, до которыхъ добраться санитарамъ не было пока возможности, за мглою ночи и размѣщеніемъ войскъ, ближайшихъ къ турецкой позиціи. Но и въ теченіи ночи они мало имѣли отдыха, такъ какъ должны были подавать пособіе такимъ раненымъ, которымъ удавалось собственными усиліями кое-какъ доползать до нашихъ аванпостовъ.

Всѣ линейки и подводы, нагруженныя ранеными, подъ наблюденіемъ хирурговъ, прибывшихъ къ отряду барона Криденера, и нѣкоторыхъ изъ врачей дивизьонныхъ лазаретовъ, направились къ селу Булгарени. Главный хирургъ, послѣ полуночи пріѣхавъ на мѣсто перевязочнаго пункта, расположеннаго впереди прочихъ пунктовъ лѣваго фланга, засталъ тамъ барона Криденера со всѣмъ его штабомъ, Свиты Его Величества генералъ-маіора князя Имеретинскаго, французской службы полковника Гальяра и австрійскихъ военныхъ агентовъ. Здѣсь докторъ Кадацкій доложилъ барону Криденеру, что общимъ трудомъ всѣхъ хирурговъ и врачей, находившихся при его отрядѣ, перевязано и вывезено уже до 1,600 человѣкъ. Изъ обоихъ же отрядовъ въ совокупности вывезено до 4,000 раненыхъ. И все это исполнено въ короткій промежутокъ времени отъ четырехъ-пяти часовъ вечера до наступленія темноты и въ ранніе утренніе часы 19-го іюля, когда опять получилась возможность для окончательной, дѣятельной уборки и перевязки раненыхъ, остававшихся еще на полѣ сраженія.

По прибытіи въ Булгарени, удѣливъ самый короткій срокъ на необходимый отдыхъ, всѣ хирурги, съ профессоромъ Склифасовскимъ, снова начали перевязку раненыхъ. Около втораго часа по полудни транспортъ раненыхъ могъ уже сняться съ мѣста и идти въ Зимницу, куда и пришелъ 20-го іюля въ 5 часовъ утра. Здѣсь главный хирургъ, по распоряженію инспекторовъ военно-медицинскаго и госпиталей, распредѣлилъ всѣхъ этихъ раненыхъ въ госпиталяхъ № 47-го и № 63-го. Оба прибывшіе сюда инспектора — докторъ Присел-

минуты, исполнили свое тяжкое дѣло *). Въ чемъ же кроется причина нашей неудачи? Какіе общіе выводы можно сдѣлать на основаніи данныхъ, представляемыхъ намъ вторымъ плевненскимъ боемъ?

Въ этомъ отношеніи мнѣ приходилось встрѣчаться со многими мнѣніями, изъ коихъ важнѣйшія сводятся на недоста-

---

ковъ и генералъ-маіоръ Косинскій — окончательно привели въ порядокъ размѣщеніе и содержаніе раненыхъ, произвели правильную эвакуацію оныхъ въ дальнѣйшіе госпитали и въ первые же дни сосредоточили въ Зимницѣ и въ Систовѣ четыре госпиталя, размѣстивъ раненыхъ безъ стѣсненія.

Съ прибытіемъ въ Зимницу этихъ транспортовъ, въ госпиталяхъ № 47-го и № 63-го началась дѣятельная перевязка и подача оперативнаго пособія профессорами: Склифасовскимъ, Корженевскимъ, Левшинымъ, Новацкимъ, Мораховскимъ, главнымъ хирургомъ и прочими полевыми хирургами, прибывшими изъ отрядовъ барона Криденера и князя Шаховскаго, при помощи врачей обоихъ означенныхъ госпиталей. Работа началась съ восходомъ солнца и кончилась не раньше какъ съ наступленіемъ темнаго вечера.

*) Много было и отдѣльныхъ, единичныхъ подвиговъ. Вотъ тѣ, о которыхъ удалось мнѣ собрать свѣдѣнія:

Взводный унтеръ-офицеръ 5-й роты Рыльскаго полка Квятковскій, отступая вмѣстѣ съ ротою назадъ изъ виноградниковъ, натыкается на молодой дубнякъ и терновый кустарникъ и залегаетъ за нимъ, приготовясь къ выстрѣлу. Здѣсь онъ увидѣлъ, что мимо пробѣгаютъ до слѣдующей задней позиціи одинъ его однополчанинъ изъ 3-й стрѣлковой роты и двое рядовыхъ курскихъ. «Стой, стой, ребята! ступай сюда, отсюда удобнѣе!» закричалъ имъ Квятковскій. Тѣ приблизились, залегли вмѣстѣ съ нимъ за терновникъ, открыли неторопливӑй, но мѣткій огонь съ полною выдержкой, и такимъ образомъ этимъ четыремъ человѣкамъ удалось остановить наступленіе трехсотъ турокъ.

Взводный унтеръ-офицеръ 2-й стрѣлковой роты Рыльскаго полка Михаилъ Бондарчукъ ночью, уже послѣ отступленія главныхъ силъ, собравъ небольшую команду, захватилъ два непріятельскія орудія, еще раньше отбитыя нами въ окопѣ № 4, и тащилъ ихъ вмѣстѣ съ товарищами, безъ передковъ, до слѣдующей крутизны, но оказалось, что за трудностью подъема встащить ихъ на эту крутизну невозможно. Тогда Бондарчукъ вынулъ изъ нихъ запирающіе механизмы, а люди его порубили колеса и лафеты. Онъ же, ранѣе этого, во время боя, по занятіи его ротою турецкой позиціи, разсыпалъ и смѣшалъ съ землею порохъ изъ непріятельскихъ артиллерійскихъ снарядовъ, разметалъ множество найденныхъ патроновъ и до 200 четвертей овса. Бондарчукъ получилъ Георгіевскій крестъ по единодушному приговору всего батальона.

Нѣкоторые люди Курскаго, Рыльскаго и Шуйскаго полковъ всю ночь оставались на позиціи и занимались отыскиваніемъ непріятельскихъ ружей и патроновъ. Послѣдніе они кидали въ ручей, а ружья разбивали въ дребезги сперва ударомъ приклада о землю, а затѣмъ ствола о стволъ. Такимъ образомъ уже послѣ нашего отступленія было приведено въ негодность много непріятельскаго оружія.

Одинъ изъ рядовыхъ 7-й линейной роты Рыльскаго полка, въ то время какъ рота залегла въ виноградникахъ и вела перестрѣлку, замѣтилъ впереди на бли-

точность рекогносцировокъ и на недостаточность нашихъ силъ для атаки. Относительно перваго высказываются такимъ образомъ, что если начальнику штаба 9-го корпуса, озабоченному никопольскими дѣлами, некогда было заняться рекогносцировками до 8-го іюля, то съ 9-го по 18-е число времени было достаточно, а съ устраненіемъ недоразумѣній по поводу главнаго начальствованія, т. е. съ 14-го іюля, не могло быть недостатка и въ свѣдущихъ офицерахъ генеральнаго штаба, такъ какъ число ихъ увеличилось наличными силами штаба 11-го корпуса; кавалеріи тоже было вполнѣ достаточно. Если до 8-го іюля признавалось воз-

---

жайшей плантаціи, что на жердяныхъ сушилахъ висятъ связки турецкаго табаку. Солдату вздумалось воспользоваться нѣсколькими изъ нихъ для собственнаго употребленія и угощенія товарищей. Онъ подъ жестокимъ огнемъ вышелъ изъ-за закрытія, подошелъ къ сушиламъ и началъ снимать связку, но едва успѣлъ снять ее, какъ вражья пуля прорвала ему рукавъ.—«Э, не позволяешь!.. Ну, такъ я и еще возьму!» обратясь къ непріятельскому фронту громко проговорилъ солдатъ и снялъ еще одну связку. Мимо него, какъ бы въ отвѣтъ, просвистало нѣсколько пуль, очевидно, въ него направленныхъ.—«Все еще сердишься? Ну, братъ, извини, а я для товарищей прихвачу ужъ и третью!»—И прихватилъ, и принесъ въ ложементы даровое угощеніе. Вообще, что касается угощенія, то солдаты всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ частей въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что въ непріятельскихъ ложементахъ они находили множество большихъ коробокъ съ патронами, распредѣленныхъ совершенно правильнымъ образомъ, по одной на каждыхъ двухъ стрѣлковъ, разные фрукты, арбузы, дыни, вареный рисъ, свѣжую воду въ баклагахъ... и даже вино находили. Вообще, видно, что турки всѣмъ этимъ были снабжены въ изобиліи и притомъ предварительно и особо для каждой линіи ложементовъ, батарей и ровиковъ. Эти продукты для нашихъ людей были весьма кстати, такъ какъ они цѣлыя сутки ничего не ѣли и не пили.

Около полудня, близь 5-й пѣхотной дивизіи, въ нѣсколькихъ саженяхъ позади нашихъ развернутыхъ батарей, стоялъ баронъ Криденеръ, наблюдая за ходомъ боя. Вдругъ впереди его, въ нѣсколькихъ шагахъ, въ мягкую почву падаетъ граната и одинъ изъ ея осколковъ въ три фунта вѣсомъ ложится къ ногамъ барона. Одинъ изъ офицеровъ свиты поднялъ его еще горячимъ и взялъ на память. Другая граната, не разорвавшись, тутъ же ударилась рикошетомъ и плашмя въ темя лошади штабъ-горниста генерала Калачова, не задѣвъ всадника. Вообще турки старались мѣтить по развернутымъ краснымъ значкамъ старшихъ начальниковъ, основательно предполагая всегда ихъ присутствіе около этихъ флаговъ. На конныхъ же ординарцевъ они устраивали цѣлыя охоты и били по нимъ не только пулями, но и гранатами.

Общее вниманіе штаба невольно останавливалъ на себѣ также и японскій военный агентъ, подполковникъ Сего-Іамазо, находившійся при штабѣ 9-го корпуса. Этотъ офицеръ отличался замѣчательною храбростію и хладнокровіемъ: надъ нимъ пролетаетъ граната и лопается въ трехъ шагахъ позади. Онъ не сошелъ съ мѣста и даже не обернулся.

можнымъ возлагать на одну лишь Кавказскую бригаду не только наблюденіе свыше стоверстнаго пространства отъ устій Вида до Ловчи и Сельви, но и рекогносцированіе Плевны, Ловчи, Никополя, и участіе въ бояхъ, и разныя иныя порученія, требовавшія безпрестанныхъ откомандировокъ значительныхъ частей этой бригады, то теперь, когда подъ Плевной съ 11-го числа собрались цѣлыя три бригады кавалеріи, съ достаточно сильною конною артиллеріею, — рекогносцировки самыя точныя, обстоятельныя и подробныя, производимыя притомъ не казачьими урядниками и хорунжими, а офицерами генеральнаго штаба, сдѣлались не только возможны, но и безусловно обязательны *). Никто, конечно, не утверждаетъ, что ихъ не было, но полагаютъ, что онѣ были не вполнѣ достаточны и въ подтвержденіе такого мнѣнія указываютъ, что недостаточность рекогносцировокъ выяснилась обстоятельствами самаго боя. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что если бы условія этого боя были вполнѣ подготовлены предварительными рекогносцировками, то не могло бы явиться ошибочнаго убѣжденія, что ключемъ тактической позиціи является Гривицкій редутъ. Быть можетъ, онъ и составляетъ ключъ позиціи, но развѣ въ томъ лишь случаѣ, если брать Плевну, что́ называется, въ лобъ **). Но была ли настоятельная и неизбѣжная надобность именно въ такой атакѣ?—Полагаютъ, что этой недобности не представилось бы, если бы намъ были заранѣе извѣстны слабыя стороны турецкой позиціи, которыя обнаружились только во время боя генерала Скобелева: не-

---

*) По свидѣтельству другаго источника, въ отрядѣ князя Шаховскаго были заблаговременно произведены офицерами генеральнаго штаба самыя точныя и подробныя рекогносцировки всего юго-восточнаго участка Плевненскихъ позицій, отъ лѣваго берега Гривицкаго ручья до праваго берега Тученицкаго оврага, причемъ тогда же составлены обстоятельныя кроки, на основаніи которыхъ въ сентябрской книжкѣ «Военнаго Сборника» 1877 г. былъ отпечатанъ планъ плевненскихъ позицій. Тоже самое сдѣлалъ и генералъ Скобелевъ 16-го и въ особенности 17-го іюля, когда ему сталъ извѣстенъ районъ дѣйствій, предстоявшихъ его отряду.

**) Впослѣдствіи, а именно 30-го августа, когда Гривицкій редутъ былъ наконецъ взятъ соединенными усиліями нашихъ и румынскихъ войскъ и занятъ ими, то вдругъ оказалось, что онъ лежитъ подъ огнемъ другаго, сосѣдняго и командующаго надъ нимъ редута, находящагося отъ него въ разстояніи 750-ти саженъ. Это лучше всего доказываетъ, что Гривицкій редутъ только *казался* ключемъ позиціи, но не былъ имъ на самомъ дѣлѣ.

пріятель на южной и юго-западной сторонѣ *вовсе не имѣлъ никакихъ укрѣпленій*, и то упорство, съ какимъ турки старались штыковыми атаками сбить Скобелева съ занятой имъ позиціи на третьемъ кряжѣ Зеленыхъ высотъ, достаточно указываетъ, что Османъ-паша, спохватившись, понялъ, гдѣ его Ахиллесова пята и откуда можетъ ему грозить самая страшная опасность.

Вторая ошибка, которой будто бы не избѣжалъ и генералъ Скобелевъ, заключалась — какъ полагаютъ нѣкоторые — въ томъ, что мы, по видимому, цѣлью всѣхъ своихъ усилій поставляли самый *городъ* Плевну, стараясь проникнуть въ его улицы, къ чему стремился и генералъ Горшковъ. Положимъ, говорятъ, что намъ удалось бы ворваться въ городъ и даже удержаться въ немъ. Какая въ томъ польза? Городъ лежитъ на днѣ глубокой котловины, гдѣ турки безнаказанно могли бы засыпать насъ снарядами съ командующихъ высотъ, на которыхъ расположены ихъ укрѣпленія сѣвернаго и сѣверо-восточнаго фронтовъ, еще ранѣе справедливо сочтенныя нами недоступными для атаки. Высказывающіе такое мнѣніе полагаютъ, что задача вовсе не въ городѣ Плевно, а въ южныхъ и юго-западныхъ высотахъ, его окружающихъ. Они думаютъ, что занявъ прочнымъ образомъ (но не иначе, какъ прочнымъ) третій гребень Зеленыхъ горъ и вообще юго-западныя высоты, что̀ тянутся позади Плевны до видскаго каменнаго моста параллельно долинѣ Гривицкаго ручья, противъ Буковолипскихъ и Опонецкихъ высотъ, мы господствовали бы непосредственно надъ самымъ городомъ и, кромѣ того, пріобрѣтали бы всѣ выгоды флангового расположенія вдоль единственно возможнаго для Османа пути отступленія на софійское шоссе, каковой путь пролегаетъ по долинѣ Гривицкаго ручья, къ видскому мосту. Занять же эти позиціи было тѣмъ легче, что южная (ловчинское шоссе) и юго-западная части турецкой позиціи были въ то время вовсе не укрѣплены. Если бы это обстоятельство было извѣстно заблаговременно, то нѣтъ сомнѣнія, что южной и юго-западной сторонамъ было бы отдано все преимущество для главнаго удара, а на радишевскомъ и гривицкомъ фронтахъ пришлось бы, можетъ быть, ограничиться только демонстративными, преимущественно артиллерійскими дѣйствіями. Могутъ возразить, что переноса

центръ тяжести на югъ, мы открыли бы плевно-рущукское шоссе и нашу коммуникаціонную систово-тырновскую линію. Но, по мнѣнію людей, проводящихъ вышеизложенные взгляды, это не представляло бы ровно никакой опасности, если бы мы укрѣпили булгаренскую позицію, оставивъ на ея неприступныхъ съ фронта высотахъ хотя бы бригаду пѣхоты. Трудно предположить, говорятъ они, чтобы турки пошли разшибать себѣ лобъ о булгаренскія твердыни и добровольно становиться между двухъ огней въ открытомъ полѣ, окончательно отрѣзывая себя въ то же время отъ своихъ сообщеній съ Софіей и Раховымъ. Прочно владѣя южными и югозападными плевненскими высотами (конечно, при необходимомъ условіи обладанія и булгаренскою позиціею), намъ незачѣмъ было бы врываться въ самый городъ: онъ былъ бы у насъ подъ ногами и мы получили бы не только возможность дѣйствовать огнемъ противъ праваго фланга и всего тыла турецкихъ войскъ, но, быть можетъ, и отрѣзали бы имъ путь отступленія. Турки должны были бы повернуть свой фронтъ и выбивать насъ штыками съ южныхъ и юго-западныхъ высотъ, а до штыковыхъ атакъ они, какъ извѣстно, не большіе охотники.

Противъ всѣхъ этихъ доводовъ встрѣчается, однако, возраженіе, какъ мнѣ кажется, весьма существенное. Соглашаясь съ относительною правильностію вышеизложенныхъ воззрѣній, нѣкоторые находятъ, что они строятся на принципѣ безусловной съ нашей стороны побѣды. А если бы, говорятъ они, при сравнительной малочисленности нашихъ войскъ, намъ не удалось удержаться на южныхъ и юго-западныхъ высотахъ? Если бы, не смотря на всѣ геройскія усилія съ нашей стороны, штыковая атака этихъ высотъ, въ концѣ концовъ, удалась туркамъ и намъ пришлось бы отступать, то куда лежалъ бы нашъ путь отступленія? На Ловчу? Но Ловча съ 15-го іюля уже была занята турками. На плевно-рущукское шоссе, къ Булгаренямъ? Но это послѣднее отступленіе было бы неизбѣжно сопряжено съ фланговымъ движеніемъ мимо южныхъ и юго-восточныхъ плевненскихъ позицій, въ виду торжествующаго непріятеля, что было бы крайне рискованно и опасно.—Изъ этого выводъ одинъ: если вышеизложенный планъ атаки на южную и юго-западную стороны плевненскихъ

позицій и былъ бы осуществимъ, то не иначе, какъ при условіи обладанія Ловчей и, стало быть, не овладѣвъ предварительно этимъ послѣднимъ городомъ, нельзя было рѣшаться и на вторичную атаку Плевны.

Затѣмъ, почти всѣ единогласно замѣчаютъ, что въ бою 18-го іюля повторилось то же самое явленіе, какъ и въ бою 8-го числа; это именно — отсутствіе центра, вслѣдствіе чего образовался весьма большой промежутокъ между лѣвымъ флангомъ барона Криденера и правымъ князя Шаховскаго, причемъ этотъ послѣдній флангъ совсѣмъ, такъ сказать, висѣлъ на воздухѣ. Вслѣдствіе разъединенности отрядовъ, конечно, не могло быть и единства въ направленіи общихъ дѣйствій, а потому оба отряда, естественно, должны были дѣйствовать какъ совершенно отдѣльныя, самостоятельныя, независимыя одна отъ другой части.

Какъ на одну изъ причинъ нашей неудачи, указываютъ еще на недостаточность общаго резерва. Но въ виду малочисленности войскъ, предназначенныхъ для дѣйствій противъ Плевны, невозможно было отрядить въ общій резервъ болѣе одной пѣхотной бригады. Не надо забывать, что наличныя части 5-й пѣхотной дивизіи были почти въ половинномъ числѣ рядовъ. Главнѣйшая причина неудачи, не зависѣвшая отъ главноначальствующаго плевненскимъ отрядомъ, дѣйствительно заключалась въ малочисленности его войскъ, и это тѣмъ прискорбнѣе, что три полка 16-й пѣхотной дивизіи *) съ 14-го по 18-е іюля простояли въ Турской Сливѣ, всего лишь въ двухъ переходахъ отъ 9-го корпуса, а 18-го числа направились къ Тырнову.

*) Полки: 62-й Суздальскій, 63-й Угличскій и 64-й Казанскій.

XLV

Выѣздъ главной квартиры изъ Тырнова

Телеграмма барона Криденера и отъѣздъ Великаго Князя Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба изъ Тырнова. — Приготовленія къ выѣзду части главной квартиры и слѣдованіе оной до Булгареней. — Тревога тырновскихъ жителей. — Посѣщеніе Великимъ Княземъ госпиталя и войскъ на булгаренской позиціи. — Главная квартира переносится въ Чаушку-Махалу. — Второй зимницко-систовскій мостъ.

Чаушка-Махала, 22-го іюля.

Утромъ 19-го іюля, въ главной квартирѣ была получена телеграмма, въ которой генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ доносилъ Его Высочеству Главнокомандующему, что ввѣренныя ему войска, послѣ боя 18-го числа у Плевны, отошли на позиціи къ Порадиму, Трестенику и Булгаренямъ. Вслѣдствіе этого извѣстія, Великій Князь предпринялъ поѣздку къ названнымъ пунктамъ, рѣшивъ заѣхать предварительно въ Бѣлу, гдѣ находится главная Императорская квартира.

Въ два часа дня Главнокомандующій выѣхалъ изъ Тырнова вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, безъ всякой свиты: на козлахъ коляски сидѣлъ только одинъ дежурный ординарецъ *). Въ это же время лица главной квартиры, назначенныя въ весьма ограниченномъ числѣ къ слѣдованію въ Булгарени, спѣшно готовились къ походу, долженствовавшему совершиться налегкѣ, при самомъ ограниченномъ количествѣ необходимѣйшихъ вещей, которыя помѣщались даже не во вьючныхъ чемоданахъ, а въ переметныхъ сумкахъ.

Въ три часа по полудни выстроились на шоссе предъ Тырновымъ части, назначенныя конвоировать. Здѣсь находились гвардейскій полуэскадронъ, возвращавшійся изъ передоваго отряда ґенерала Гурко въ главную Императорскую квартиру, и дивизьонъ лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка, составляющій конвой Главнокомандующаго. Съ казаками слѣдовали два знамени, взятыя у турокъ и предназначенныя къ отвозу въ главную Императорскую квартиру.

---

*) Л.-гв. Уланскаго полка штабсъ-ротмистръ Евреиновъ.

Вскорѣ къ конвою выѣхалъ верхомъ Его Высочество Николай Николаевичъ младшій, вмѣстѣ съ генераломъ Левицкимъ,—и колонна, подъ начальствомъ послѣдняго, двинулась черезъ городъ на Самоводу и Поликраешти, гдѣ былъ назначенъ первый ночлегъ, въ 15-ти верстахъ отъ Тырнова.

На слѣдующій день, выступивъ съ ночлега въ пять часовъ утра и дойдя до деревни Косово, колонна выдѣлила изъ себя гвардейскій полуэскадронъ, направившійся съ турецкими знаменами въ Бѣлу, и повернула влѣво на Бурунлу, гдѣ ее нагналъ Великій Князь Главнокомандующій. Послѣ пятичасоваго отдыха, двинулись далѣе и стали на ночлегъ въ деревнѣ Ягджикіой. Здѣсь застали Донъ-Карлоса, съ его небольшою свитою. Испанскій претендентъ сдѣлалъ вечерній визитъ Великому Князю и на другой день съ разсвѣтомъ уѣхалъ далѣе, по направленію къ Плевнѣ.

Съ удивительною быстротою распространяются между болгарскимъ населеніемъ вѣсти и новости, касающіяся хода нашихъ и турецкихъ военныхъ операцій. Порою кажется, что болгары угадываютъ ихъ, словно бы чутьемъ какимъ-то. Движеніе князя Шаховскаго на помощь барону Криденеру было облечено, по обыкновенію, строжайшею стратегическою тайною, такъ что въ средѣ самой главной квартиры рѣдко кто зналъ о немъ; между тѣмъ тырновскіе болгары уже 10-го числа вечеромъ съ полною увѣренностію толковали, что отъ Кесарева двинулись войска подъ Плевну и при этомъ приблизительно вѣрно называли количество силъ князя Шаховскаго. То же самое было и 19-го іюля. Когда утромъ пришла телеграмма барона Криденера, то за весьма немногими, единичными исключеніями, никто и не подозрѣвалъ, что вчера было подъ Плевной новое дѣло и тѣмъ менѣе могло кому-либо придти въ голову, что мы вторично разбиты. Утро было яркое, великолѣпное; на маринопольскомъ бивуакѣ кипѣла обычная пестрая жизнь, успѣвшая за нѣсколько дней покоя вступить какъ бы въ мирную колею; болгарскія женщины ходили между палатками, разнося на продажу вкусныя сочныя сливы и абрикосы, или предлагая свои услуги въ качествѣ прачекъ — «на кой-то ризи до перемыть»; какой-то священникъ гарцовалъ на бойкомъ турецкомъ конькѣ, выведя его на продажу; молодые болгары

слонялись по конвойному бивуаку, любуясь на вооруженіе и форму казаковъ и пѣхотинцевъ; у маркитантовъ подъ навѣсами шла обычная бойкая торговля;—словомъ, всѣ были убѣждены, что мы еще три-четыре дня спокойно простоимъ въ Тырновѣ и затѣмъ двинемся за Балканы. Пораженіе Шильдеръ-Шульднера приписывалось не болѣе, какъ случайности, которая впрочемъ отнюдь не можетъ задержать насъ въ придунайской Болгаріи, или повліять какимъ бы то ни было неблагопріятнымъ образомъ на общій ходъ нашихъ военныхъ операцій. Въ пораженіи Османа-паши и въ занятіи нами Плевны почти никто не сомнѣвался, и этотъ исходъ почитался только вопросомъ времени и притомъ самаго скораго. Почти никто не зналъ, какого рода телеграмма получена отъ барона Криденера и потому мало кто обратилъ вниманіе на физіономіи офицеровъ строеваго отдѣла и нѣкоторыхъ изъ приближеннѣйшихъ лицъ главной квартиры, вдругъ принявшія серьезно озабоченное выраженіе. Первая вѣсть «о второй Плевнѣ» была занесена на наши бивуаки тырновскими болгарами, которымъ сначала никто, конечно, не повѣрилъ; но болгары настойчиво продолжали увѣрять, что ихъ свѣдѣнія несомнѣнны и что подъ Плевной у насъ не ладно. Когда въ четвертомъ часу дня главная квартира слѣдовала по улицамъ къ городскому выѣзду, все болгарское населеніе уже знало о плевненской катастрофѣ. Прискорбно было глядѣть на вытянувшіяся и поблѣднѣвшія лица этихъ людей, провожавшихъ насъ такими смятенными взглядами.—«И такъ, вы покидаете насъ?»—тревожно допытывали офицеровъ нѣкоторые изъ горожанъ, говорившихъ по русски. И напрасно иные изъ насъ старались увѣрять ихъ, что все это вздоръ, что ничего такого не случилось, что если часть главной квартиры и выступаетъ изъ Тырнова, то лишь за тѣмъ, чтобы отвезти въ Бѣлу трофеи, добытые нашими войсками у турокъ,—болгары на всѣ эти увѣренія только вздыхали да грустно покачивали головами. Впрочемъ, обуявшая тырновскихъ гражданъ тревога вполнѣ понятна: впечатлѣніе турецкой кары, постигшей Ловчу 15-го іюля, вслѣдъ за нашимъ отступленіемъ отъ этого послѣдняго города, было еще слишкомъ свѣжо, такъ какъ ловчинскіе бѣглецы, свидѣтели сценъ ужасающей рѣзни, наполняли Тырновъ.

21-го іюля Великій Князь Главнокомандующій, сдѣлавъ сорока-верстный переходъ до Булгареней и не заѣзжая въ эту деревню, проѣхалъ впередъ, на мѣсто бивуака нашихъ войскъ. На пути встрѣтились два большіе транспорта легко раненыхъ людей, которые, послѣ перевязки, направлялись на болгарскихъ возахъ и интендантскихъ телѣгахъ въ Систово и въ Зимницу. Великій Князь здоровался почти съ каждою повозкою, встрѣчая со стороны раненыхъ отвѣтъ на свое привѣтствіе. Спустившись въ долину рѣки Осмы, поѣздъ главной квартиры остановился на нѣсколько минутъ у лазаретныхъ повозокъ 5-й пѣхотной дивизіи. Здѣсь былъ развернутъ значекъ Главнокомандующаго, который всегда возится коннымъ казакомъ за Его Высочествомъ. По выѣздѣ изъ прибрежнаго лѣска, открылась обширная равнина, окруженная съ трехъ сторонъ возвышенностями. На этой равнинѣ, тамъ и сямъ сѣрѣли бивуаки и бѣлѣлись немногочисленные шатры. Великій Князь потребовалъ верховую лошадь и прежде всего направился къ госпиталю, который успѣлъ пока раскинуть только три шатра, уже наполненные ранеными. Пока разбивались остальные шатры, въ готовыхъ изъ нихъ кипѣла энергическая работа медиковъ. Великій Князь заходилъ въ каждый шатеръ и въ простыхъ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ страдальцевъ-воиновъ за ихъ службу, распрашивалъ почти каждаго изъ нихъ о свойствѣ и мѣстѣ его раны, о моментѣ, когда и гдѣ она получена; съ одними ласково шутилъ, другихъ, болѣе трудныхъ, утѣшалъ своимъ участіемъ и привѣтливымъ словомъ. Посѣщеніе и вниманіе Великаго Князя видимо произвело на больныхъ ободряющее дѣйствіе. Многіе изъ нихъ, вопреки запрещенію, вскакивали со своихъ мѣстъ и шли во слѣдъ Его Высочеству, желая быть свидѣтелями посѣщенія Имъ сосѣднихъ шатровъ. Медики во все это время не прерывали работы—дѣло поданія помощи шло своимъ чередомъ. Поблагодаривъ медиковъ за ихъ усердіе и выразивъ имъ, что дѣятельность медицинскаго персонала въ настоящую войну вполнѣ стоитъ на высотѣ своего призванія, Главнокомандующій изволилъ объѣзжать воинскіе бивуаки, въ сопровожденіи прибывшаго сюда барона Криденера.

Здѣсь расположена теперь 1-я бригада 5-й пѣхотной ди-

визіи съ ея артиллеріею, двѣ сотни кавказскихъ всадниковъ и нѣкоторыя другія части. Великій Князь подъѣзжалъ къ обоимъ полкамъ, Вологодскому и Архангелогородскому, наиболѣе потерпѣвшимъ въ обоихъ плевненскихъ дѣлахъ. Собравъ вокругъ себя всѣхъ офицеровъ и солдатъ, Главнокомандующій благодарилъ ихъ отъ лица Государя Императора и отъ Себя за мужество въ битвѣ и молодецкій духъ, въ которомъ ихъ нашелъ Его Высочество.

Съ полнымъ сознаніемъ честно исполненнаго долга отвѣчали Великому Князю офицеры обоихъ полковъ, и смыслъ ихъ отвѣта заключался въ томъ, что «насъ уже немного, но мы до послѣдняго человѣка исполнимъ свой долгъ, сдѣлаемъ все, что лишь будетъ въ человѣческой возможности и охотно умремъ, по примѣру нашихъ павшихъ товарищей».

По осмотрѣ этихъ войскъ, Великій Князь возвратился на нагорный берегъ Осмы и сталъ со своею свитой и конвоемъ лейбъ-казаковъ въ трехъ верстахъ позади бивуака, въ болгарской деревушкѣ, которую мѣстные жители называютъ Чаушка-Махала. Въ этотъ же день сюда былъ проведенъ военно-походный телеграфъ, и одно изъ первыхъ извѣстій, сообщенныхъ имъ въ главную квартиру, содержало въ себѣ пріятную новость, что второй зимницко-систовскій мостъ оконченъ и открытъ для движенія 21-го іюля вечеромъ.

XLVI

Систово-зимницкая паника

Слухи о паникѣ еще на пути главной квартиры къ Булгаренямъ. — Какъ и съ чего началась паника. — Опасность, угрожавшая понтонному мосту. — Несчастные случаи на Дунаѣ. — Паника въ Зимницѣ. — Бѣгство транспортовъ и госпиталей. — Мѣры, предпринятыя мѣстными начальствами для прекращенія страха, бѣгства и для спасенія моста. — Причины, вслѣдствіе которыхъ паника стала явленіемъ вполнѣ логичнымъ.

Чаушка-Махала, 23-го іюля.

Еще 20-го іюля, во время слѣдованія главной квартиры къ ея настоящему мѣсту пребыванія, при остановкѣ въ

деревнѣ Буруплу, между нѣкоторыми жителями этой послѣдней замѣчено было испуганное настроеніе, причиною котораго былъ бродившій между ними слухъ, будто турки не только проникли въ Систовъ, но и успѣли переправиться за Дунай, въ Зимницу. На вопросы этого рода, обращенные къ нѣкоторымъ лицамъ, конечно, можно было отвѣчать только одно, что все это величайшій вздоръ, потому что если бы случилось что-либо подобное, то оно, безъ сомнѣнія, ранѣе всѣхъ было бы извѣстно главной квартирѣ. Это объясненіе успокоило жителей Бурунлу и можно было только удивиться, откуда берутся такіе слухи-толки. Но два дня спустя оказалось, что они имѣли свои основанія. 19-го іюля въ Систовѣ, а затѣмъ и въ Зимницѣ случились слѣдующія происшествія:

Въ половинѣ перваго часа дня, партія нашихъ раненыхъ слѣдовала черезъ Систовъ изъ Булгареней, послѣ плевненскаго дѣла. Партія эта шла въ разбродъ, на фурахъ интендантскаго транспорта, и нѣкоторые изъ раненыхъ солдатъ разсказывали на пути каждому встрѣчному о неудавшейся атакѣ нашихъ войскъ на Плевну, объ отступленіи барона Криденера и князя Шаховскаго, о понесенныхъ нами громадныхъ потеряхъ и о томъ, что партія раненыхъ, при слѣдованіи изъ Булгареней въ Систовъ, была атакована турецкою кавалеріею, причемъ часть изъ нихъ отрѣзана и попала въ плѣнъ, а остальныхъ будто бы турки преслѣдуютъ по пятамъ и, надо ожидать, сейчасъ ворвутся въ Систовъ. Нѣсколько казаковъ, состоящихъ при интендантскихъ транспортахъ, разбѣжавшись въ разныя стороны, продолжали повсюду распространять и, само собою разумѣется, преувеличивать эти ложные слухи. Молва росла съ каждою минутою, и всѣ эти розсказни, въ концѣ концовъ, произвели сильное впечатлѣніе на жителей и наши обозы. По городу пошли зловѣщіе вопли болгаръ: «Турки! турки идутъ!», а тутъ еще какой-то хмѣльной казакъ, на неосѣдланной лошади, поскакалъ къ мосту съ крикомъ: «турки въ городѣ!» и продолжалъ кричать, стремглавъ скача далѣе и размахивая обнаженною шашкою. Остановить его удалось уже въ Зимницѣ, гдѣ онъ и былъ тотчасъ же арестованъ этапнымъ комендантомъ. При видѣ этого всадника и нѣсколькихъ человѣкъ болгаръ, бѣжавшихъ вслѣдъ за нимъ

къ переправѣ съ подобными же криками, всѣ переправлявшіеся и ожидавшіе на берегу интендантскіе транспорты съ пустыми повозками разомъ всполошились и бросились къ мосту. Сюда же начали сбѣгаться и жители Систова, и нижніе чины транспортовъ, и погонцы, и болгарскіе ополченцы, быки, лошади, фуры и повозки... Все это навалило на мостъ, и общій напоръ былъ столь стремителенъ, что въ первыя минуты рѣшительно не было ни силъ, ни возможности удержать бѣгущихъ. Тѣ, кому удавалось, среди всеобщей суматохи, попадать на мостъ со своими повозками, неслись по немъ во весь духъ. Тутъ же появились толпы систовскихъ жителей, солдаты, женщины, дѣти—кто на лошадяхъ, кто на ослахъ, кто бѣгомъ,—и все это, сломя голову, неслось во весь духъ на румынскій берегъ. Нѣкоторые бросились къ лодкамъ, стоящимъ у систовской пристани, и на нихъ переправлялись въ Зимницу, причемъ произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ на водѣ; утонули, какъ слышно, двое ребятъ и какая-то женщина. На мосту же былъ одинъ только несчастный случай: женщина съ ребенкомъ упала въ воду, но оба были спасены понтонерами.

Въ часъ по полудни паника распространилась и по всей Зимницѣ, гдѣ кричали, что турки ворвались въ Систовъ, взяли уже и самый мостъ, идутъ по немъ въ Зимницу и на четырехъ пароходахъ перевозятъ свои войска съ праваго берега на лѣвый. Въ это время, дѣйствительно, довольно большія партіи плѣнныхъ изъ Никополя и Тырнова, соединенныя въ Систовѣ въ одну общую колонну, подъ конвоемъ приближались къ мосту, а другая партія плѣнныхъ, еще ранѣе находившаяся въ Зимницѣ, была выведена на базаръ этого мѣстечка для покупокъ. Подъ вліяніемъ паническихъ криковъ и суматохи на мосту, люди этой послѣдней партіи, были въ переполохѣ приняты евреями, румынами и нѣкоторыми изъ нашихъ госпитальныхъ служителей за авангардъ турецкихъ войскъ, который-де разсыпался по базару и грабитъ. Поэтому все населеніе Зимницы, увлекаемое систовскими жителями, бросилось вонъ изъ мѣстечка. Прежде всѣхъ всполошились и пустились удирать агенты пресловутаго «товарищества», за ними кабатчики и прочіе торгаши евреи, французы, нѣмцы, армяне, греки.... Разнородные казенные и частные транспорты

цѣлыми вереницами спѣшили уходить по разнымъ дорогамъ къ Александріи, Бею, Бригадиру и по пути распространяли панику. Не избѣгли ея и расположенные въ Зимницѣ госпитали (военно-временные №№ 47 и 63), гдѣ въ этотъ самый моментъ готовился къ отправкѣ транспортъ съ больными и ранеными, изъ которыхъ кто лишь могъ держаться на ногахъ—не смотря на убѣжденія и энергическія дѣйствія смотрителей и врачей, самовольно разбрелись во всѣ стороны — кто на подводахъ, кто пѣшкомъ. Бѣжали и транспортъ, и околодокъ осадной артиллеріи *), и сестры милосердія, съ княгинею Шаховскою во главѣ....

Между тѣмъ мѣстное начальство съ перваго же момента паники приняло энергическія мѣры къ ея прекращенію. Завѣдывающій переправою генералъ-маіоръ Рихтеръ, какъ только толпы изъ Систова показались на берегу, немедленно же приказалъ—во что бы то ни стало, хоть силою оружія, остановить напирающихъ на мостъ. На сѣверномъ мосту (у Зимницы) это удалось сдѣлать скоро, но на южномъ (съ болгарскаго берега на островъ) пришлось опрокинуть нѣсколько повозокъ, чтобы забаррикадировать дорогу, для спасенія моста. Къ счастію, въ это время пришло извѣстіе отъ исправляющаго должность систовскаго коменданта маіора Подгурскаго, что никакихъ турокъ нѣтъ и вся тревога совершенно фальшивая. Это успокоило немного людей, собравшихся на румынскомъ берегу. Тогда генералъ Рихтеръ отправился къ болгарскому берегу и тамъ приказалъ энергически дѣйствовать противъ бѣгущихъ, сдѣлавъ также нѣкоторыя распоряженія и относительно самаго моста. Убѣдившись, что первый страхъ прошелъ, онъ разрѣшилъ пропускать по мосту только порожнія транспортныя повозки, которыя должны были грузиться въ Зимницѣ, а затѣмъ поѣхалъ въ Систовъ, гдѣ усиліями маіора Подгурскаго, который первый распорядился высылкою на позицію наличныхъ войскъ, уже были немного успокоены жители, приведены въ порядокъ транспорты, разныя команды и учрежденія арміи. Однако паника была еще столь сильна, что мужчины-болгары сами хотя и соглашались остаться въ городѣ, но своихъ женъ и дѣтей все-таки продолжали отправлять къ мосту. Генералъ Рихтеръ

*) Лазаретъ для первоначальной помощи.

поэтому всячески старался успокоить ихъ окончательно, что и удалось ему послѣ многихъ усилій и убѣжденій. Войска были уже на позиціи кругомъ города и старались поскорѣе окопаться кое-какими ровиками. Здѣсь присутствовали всѣ силы, находившіяся въ распоряженіи генерала Рихтера, какъ начальника переправы, а именно: двѣ роты 124-го пѣхотнаго Воронежскаго полка, шесть ротъ только что формируемаго болгарскаго ополченія и 3-я батарея 5-й артиллерійской бригады. Осмотрѣвъ всѣ эти части, генералъ Рихтеръ приказалъ имъ оставаться на позиціи, для спокойствія жителей.

Въ то же время и въ Зимницѣ, по первой тревогѣ, были собраны генераломъ Штольценвальдомъ наличныя войска, состоявшія изъ одной роты 6-го резервнаго батальона и одной батареи картечницъ, находящейся въ составѣ осадной артиллеріи. Въ это же время, какъ разъ кстати, подошли къ Зимницѣ два маршевые батальона. Всѣ эти силы частію были двинуты къ переправѣ, а частію расположены въ мѣстечкѣ. Нѣсколько казаковъ отправились въ разъѣздъ по дорогѣ, гдѣ предполагались воображаемые турки, а другіе, изъ наиболѣе надежныхъ, посланы гонцами по дорогамъ на Александрію, Фратешти и Журжево для удержанія бѣгущихъ, главнѣйшимъ образомъ подводчиковъ, везшихъ провіантъ для войскъ. Комендантамъ же вышеназванныхъ пунктовъ посланы телеграммы для прекращенія паники между жителями.

Къ четыремъ часамъ дня все уже совершенно успокоилось, и войска съ пѣснями возвратились на свои бивуаки.

Многіе называютъ эту панику траги-комическимъ эпизодомъ нынѣшней войны и заглазно осыпаютъ укорами нѣкоторыя изъ нашихъ тыловыхъ учрежденій, равно какъ и систовскихъ жителей, за то что тѣ и другіе поспѣшили бѣжать изъ Систова и Зимницы. Но такое явленіе, какъ это бѣгство, не только понятно, а даже вполнѣ логично, ибо оно составляетъ естественный и, такъ сказать, законный результатъ нижеслѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Городъ Систовъ представляетъ собою въ данное время нашъ важнѣйшій опорный пунктъ на правомъ берегу Дуная; это, такъ сказать,—устье, чрезъ которое вливаются въ нашу

задунайскую армію всѣ ея жизненныя силы: резервы, запасы, продовольствіе и проч., а между тѣмъ этотъ городъ ровно ничѣмъ не защищенъ.

2) Весь гарнизонъ Систова въ моментъ паники состоялъ всего лишь изъ пяти формируемыхъ ротъ болгаръ-новобранцевъ, только что записавшихся въ дружинники и еще не умѣющихъ владѣть оружіемъ; одна русская рота (шестая), какъ кадровая часть, была разбита на эти пять ротъ, для обученія добровольцевъ.

3) Мостъ у Никополя еще не былъ построенъ, такъ что единственною связью дѣйствующей арміи съ ея задунайскою базою служилъ первый, въ то время еще единственный мостъ между Систовымъ и Зимницею *), а для защиты этого моста у насъ оставалось только двѣ роты Воронежскаго полка.

При такихъ условіяхъ, со стороны не только систовскихъ жителей, но и нѣкоторыхъ нашихъ тыловыхъ учрежденій не было ли вполнѣ естественно предполагать, что Османъ-паша не замедлитъ воспользоваться всѣми плодами своей побѣды и броситъ хотя бы свою двухтысячную кавалерію обхожею дорогою прямо на Систовъ, для уничтоженія нашего моста? На болгаръ-новобранцевъ была надежда плоха, да едва ли и двѣ воронежскія роты успѣли бы спасти городъ, если бы турки ворвались въ улицы и начали тамъ, по своему обыкновенію, жечь и рѣзать.

---

*) Второй систово-зимницкій мостъ былъ оконченъ только 21-го іюля вечеромъ.

XLVII

Дѣйствія Забалканскаго отряда генерала Гурко

Занятіе Эски-Загры и набѣги-рекогносцировки на желѣзнодорожныя линіи.— Генералъ Гурко получаетъ изъ главной квартиры полномочіе для самостоятельныхъ дѣйствій. — Движеніе войскъ генерала Гурко къ Іени-Загрѣ. — Дѣло герцога Николая Лейхтенбергскаго близъ Карабунара, 17-го іюля. — Дѣйствія кавалеріи герцога Евгенія Лейхтенбергскаго на іени-загринскомъ шоссе, 18-го іюля.—Бой подъ Іени-Загрой.—Дѣло при Джуранлы, 19-го іюля. — Бой 19-го же іюля подъ Эски-Загрой.—Болгары-дружинники въ дѣлѣ. — Смерть подполковника Калитина и борьба за Самарское знамя. — Отступленіе русскихъ отрядовъ къ Казанлыку и Хаинкіойскому перевалу. — Рѣзня въ долинѣ Марицы и въ долинѣ Розъ.—Общіе выводы изъ забалканской экспедиціи.

Горный-Студень, 12-го августа.

Въ тотъ же день 18-го іюля, когда подъ Плевною разыгривалась кровавая драма, кипѣлъ горячій бой и за Балканами, у Іени-Загры, и повторился на слѣдующій же день подъ Эски-Загрою противъ значительныхъ силъ арміи Сулеймана.

По занятіи Казанлыка и Шипки, генералъ Гурко рѣшилъ перенести театръ своихъ дѣйствій за Малыя Балканы, и съ этою цѣлью приказалъ Казанскому драгунскому полку занять городъ Эски-Загру, что̀ и было исполнено 10-го іюля. Появленіе русскихъ въ этомъ городѣ сопровождалось ликованіемъ и самымъ восторженнымъ пріемомъ со стороны горожанъ болгарскаго происхожденія. Турецкія власти бѣжали предъ самымъ вступленіемъ драгунъ, но порядокъ въ городѣ почти не былъ нарушенъ, благодаря тому, что наши вступили туда вслѣдъ за выходомъ турокъ. Вліятельные болгары долго отказывались принять на себя управленіе городомъ, говоря, что искусство администраціи имъ не знакомо, но наконецъ согласились. Въ ихъ отнѣкиваніяхъ невольно проглядывало чувство нѣкотораго опасенія: а что̀, молъ, какъ вдругъ опять вернутся турки? что̀ тогда съ нами будетъ? И это опасеніе было вполнѣ естественно, такъ какъ въ городъ вступила, сравнительно говоря, только горсть русскихъ, тогда какъ въ тридцати—сорока верстахъ южнѣе Эски-Загры собирались весьма значительныя силы цѣлой арміи Сулеймана, о чемъ болгарамъ было уже извѣстно.

Послѣ занятія Эски-Загры, по приказанію генерала Гурко, были предприняты два кавалерійскіе набѣга на двѣ вѣтви желѣзныхъ дорогъ, адріанопольско-ямбольскую и адріанопольско-филиппопольскую, расходящіяся у станціи Трново, первая—на сѣверо-востокъ, вторая на западъ. Пунктомъ набѣга на первую вѣтвь была избрана станція Карабунаръ, а на вторую—станція Каяджикъ. Набѣги эти совершены съ успѣхомъ 12-го іюля: кавалеристы наши испортили телеграфъ, разрушили полотно и рельсы въ двухъ участкахъ и собрали важныя свѣдѣнія о непріятелѣ.

Благодаря этимъ свѣдѣніямъ, было достовѣрно дознано, что близъ станціи Карабунаръ стоятъ нѣсколько батальоновъ и эскадроновъ противника; показанія же мѣстныхъ болгаръ, кромѣ того, настойчиво увѣряли, что весьма значительныя силы сосредоточиваются между Карабунаромъ и Сейменомъ *), а также у ст. Трново и далѣе за Трновымъ, по адріанопольской желѣзно-дорожной линіи. Другая развѣдка того же дня удостовѣрила присутствіе непріятеля и у города Іени-Загры.

На слѣдующій день, 13-го іюля, генералъ Гурко сформировалъ особый отрядъ, врученный Его Императорскому Высочеству герцогу Николаю Максимиліановичу Лейхтенбергскому, съ назначеніемъ охранять какъ самый городъ Эски-Загру, такъ и выходъ изъ Эски-Загринскаго ущелья и собирать свѣдѣнія о непріятелѣ. Силы этого отряда состояли изъ четырехъ болгарскихъ дружинъ, 12-ти орудій и 15-ти эскадроновъ **).

15-го іюля герцогъ Лейхтенбергскій выслалъ дивизьонъ казанскихъ драгунъ ***) на развѣдку къ Іени-Загрѣ, съ приказаніемъ—непремѣнно дойдти до непріятеля, разузнать о его

---

*) Оно же Сейменли или Семенли. Это село лежитъ на лѣвомъ берегу Марицы, а противъ него, на правомъ—желѣзно-дорожная станція Трново, находящаяся въ узлѣ развѣтвленія линій филиппопольской и ямбольской. Между Семенли и Трновымъ перекинутъ черезъ Марицу большой желѣзно-дорожный мостъ на каменныхъ быкахъ, принадлежащій къ ямбольской линіи. Въ нашихъ донесеніяхъ этотъ пунктъ нерѣдко называется Семенли-Трново.

**) Въ составъ этого отряда входили: двѣ бригады болгарскаго ополченія, драгунская бригада (полки Астраханскій и Казанскій), 16-я конная батарея, Кіевскій гусарскій герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго полкъ, взводъ донской № 10-го батареи и три казачьи сотни.

***) Подъ начальствомъ полковника Бѣлогрудова.

силахъ и расположеніи у Іени-Загры и провѣрить степень основательности слуховъ о движеніи турецкихъ войскъ изъ Іени-Загры на сѣверъ (по однимъ слухамъ) или на югъ (по другимъ) къ желѣзно-дорожной станціи Карабунару *), а также узнать, не подходятъ ли къ Іени-Загрѣ турецкія подкрѣпленія откуда бы то ни было.

Дивизьонъ драгунъ дошелъ до самаго города Іени-Загры и здѣсь имѣлъ дѣло съ черкесами, пѣхотою и артиллеріею противника, причемъ лихо отразилъ атаку черкесовъ встрѣчною атакою въ шашки; но свѣдѣнія этого развѣдочнаго отряда ограничились лишь тѣмъ, что онъ успѣлъ видѣть, а именно: что у Іени-Загры сосредоточено около двухъ полковъ пѣхоты, четыре орудія и двѣ черкесскія сотни, что желѣзно-дорожная станція здѣсь приспособлена къ защитѣ посредствомъ земляныхъ укрѣпленій, что южнѣе Іени-Загры, между городомъ и сел. Инджакіой, есть и еще какія-то войска, но о ихъ передвиженіяхъ ничего не слышно между мѣстными болгарами.

Вечеромъ, того же 15-го іюля, возвратился изъ другой рекогносцировки штабсъ-ротмистръ Челяевъ, который подтвердилъ извѣстіе о передвиженіяхъ турецкихъ силъ въ желѣзнодорожномъ участкѣ между Карабунаромъ, Семенли-Трновымъ и Кечерли.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, на слѣдующій день (16-го іюля) былъ высланъ гусарскій дивизьонъ на новую развѣдку, и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія были имъ доставлены, все убѣждало въ значительномъ сборѣ турецкихъ войскъ у станцій Карабунаръ и Трново, гдѣ—по слухамъ—собиралась армія Сулеймана, перевезенная моремъ изъ Черногоріи.

Такимъ образомъ, 16-го іюля вечеромъ были удостовѣрены слѣдующіе факты: 1) что у Іени-Загры находится свыше шести батальоновъ съ артиллеріею; 2) у ст. Карабунаръ, по желѣзной дорогѣ, тоже свыше шести батальоновъ и тоже съ артиллеріею; 3) что совершаются какія-то передвиженія войскъ въ участкѣ между Семенли-Трновымъ и Кечерли, и наконецъ 4) что на разстояніи сорока верстъ отъ Эски-Загры въ запад-

---

*) Въ районѣ данной мѣстности есть два Карабунара: одинъ — станція на линіи Трново-Ямболь, а другой — селеніе на шоссе изъ Эски-Загры въ Іени-Загру.

номъ и южномъ направленіяхъ находятся только турецкіе разъѣзды и кое-какія партіи черкесовъ.

16-го же іюля генералъ Гурко получилъ отъ начальника штаба дѣйствующей арміи извѣщеніе, что для усиленія его отряда, Великій Князь Главнокомандующій подчиняетъ ему 1-ю бригаду 9-й пѣхотной дивизіи [1]) и предоставляетъ право дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Тогда, для наибольшаго обезпеченія Хаинкіойскаго перевала, къ которому изъ Іени-Загры ведетъ ближайшая дорога, генералъ Гурко рѣшился немедленно перейдти въ наступленіе и взять Іени-Загру раньше, чѣмъ армія Сулеймана, которая, по разсчетамъ генерала Гурко, могла собраться только между 17-мъ и 20-мъ іюля, начнетъ оперировать противъ его отряда.

Соотвѣтственно этому рѣшенію, генералъ отдалъ на 17-е число слѣдующія общія распоряженія: 1) всѣ части отряда передвигаются въ сторону Іени-Загры, съ тѣмъ, чтобы 18-го числа атаковать этотъ городъ; 2) отрядъ, раздѣленный еще и прежде на три отдѣльныя части, слѣдуетъ къ мѣсту атаки тремя колоннами: *правая*, заключая въ себѣ весь эски-загринскій отрядъ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, переходитъ въ окрестности селенія Карабунаръ [2]); *средняя*, въ составѣ стрѣлковой бригады, изъ Казанлыка слѣдуетъ въ дер. Чайнакчи [3]) и *лѣвая*, въ составѣ 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, переходитъ изъ Хаинкіоя въ дер. Ложу [4]); 3) всѣмъ тремъ колоннамъ предписывалось: по прибытіи на мѣста и во время дальнѣйшаго наступленія на Іени-Загру входить флангами въ связь между собою; 4) каждой изъ нихъ предлагалось вести преимущественно артиллерійскій огонь, до тѣхъ поръ, пока всѣ колонны не вступятъ окончательно въ сферу дѣйствія.

Казанлыкскій и хаинкіойскій отряды 17-го числа исполнили диспозицію въ точности, не смотря на то, что стрѣлковой бригадѣ пришлось сдѣлать около 45-ти верстъ однимъ

---

[1]) Пѣхотные полки: 33-й Елецкій и 34-й Сѣвскій, охранявшіе Хаинкіойскій перевалъ.

[2]) По шоссе изъ Эски-Загры въ Іени-Загру.

[3]) Селеніе по дорогѣ изъ Іени-Загры въ Хаинкіой.

[4]) У р. Тунджи, по дорогѣ изъ Іени-Загры въ предгорное мѣстечко Твердицу.

переходомъ *). Что же касается эски-загринскаго отряда, то онъ не могъ исполнить назначенія, по неожиданно встрѣтившимся и весьма серьезнымъ препятствіямъ, которыя заключались въ слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Согласно диспозиціи, четыре болгарскія дружины, съ горною батареею и сотнею казаковъ, вышли въ полдень 17-го іюля изъ Эски-Загры, а въ половинѣ третьяго часа дня вслѣдъ за ними двинулась и кавалерія съ конною артиллеріею, по шоссе къ Іени-Загрѣ. Два донесенія изъ авангарда, доставленныя на пути, одно вслѣдъ за другимъ, герцогу Лейхтенбергскому, извѣщали: 1) что часть нашихъ разъѣздовъ оттѣснена непріятельскими партіями, и 2) что на высотѣ деревни

*) Одинъ изъ участниковъ этого перехода, М. П. Федоровъ, описываетъ его въ слѣдующихъ чертахъ, которыя я заимствую урывками изъ его прекраснаго, подробнаго описанія:

«Въ четыре часа утра мы выступили изъ Казанлыка по дорогѣ къ Іени-Загрѣ... Еще тѣ, которые ѣхали верхами, могли спокойно смотрѣть на предстоявшую длинную дорогу, стрѣлки же находились въ другихъ условіяхъ. 13-й, напримѣръ, батальонъ наканунѣ былъ отправленъ на Шипкинскій перевалъ, что̀ составляетъ 17 верстъ, изъ которыхъ 5 крутаго подъема на высоту въ три слишкомъ тысячи футовъ. Только что онъ достигъ шипкинскихъ укрѣпленій и сталъ приготовляться къ занятію аванпостовъ, какъ прискакавшій казакъ привезъ командиру его предписаніе немедленно спуститься внизъ и присоединиться къ выступившему изъ Казанлыка отряду. Дѣлать нечего, батальонъ двинулся обратно, и такимъ образомъ ему, почти безъ отдыха, пришлось сдѣлать 75 верстъ. Другой батальонъ стрѣлковъ, 14-й, наканунѣ былъ въ караулѣ и на аванпостахъ, и ему не легокъ пришелся этотъ путь, тѣмъ болѣе, что сухари поддерживаютъ очень плохо солдатскія силы, а тутъ еще у стрѣлковъ попались сухари гнилые, съ зеленью, такъ что солдаты просто бросали ихъ, не желая носить на себѣ безполезную тяжесть... Уже стало темнѣть, а нашему походу конца еще не предвидѣлось; стрѣлки стали приставать и ежеминутно задерживали артиллерію. Солдаты рядами ложились по бокамъ дороги, измученные долгимъ переходомъ и жаркимъ днемъ... Становилось все темнѣе и темнѣе; тишина была полная, только изрѣдка раздавался стукъ оборвавшагося орудійнаго колеса, да неумолкаемою трелью звенѣли въ травѣ кузнецы. Стрѣлки, обнадеженные близкимъ ночлегомъ, шли молча, едва передвигая ноги... Вдругъ не вдалекѣ изъ-за зелени показался огонь и скоро мы ясно увидѣли горѣвшую у самой дороги хату... На концѣ деревни встрѣтила насъ толпа болгаръ и объясняла что-то на счетъ пожара... Подошелъ священникъ и сталъ говорить, что черкесы грабятъ, жгутъ въ сосѣднихъ селахъ; но намъ было не до нихъ. Ночлегъ сдѣлался вопросомъ первой важности, а между тѣмъ мы шли, шли, а дорогѣ и конца не было видно. Солдаты опять начали ложиться рядами, а въ одномъ мѣстѣ моя лошадь чуть не наступила на пластуна, который спалъ, какъ убитый. Наконецъ, уже въ первомъ часу ночи мы стали подходить къ бивуаку».

Чирково видна большая пыль, по которой обнаружилось движеніе значительнаго отряда всѣхъ трехъ родовъ оружія къ Эски-Загрѣ, т. е. на встрѣчу нашей правой колоннѣ. Герцогъ Лейхтенбергскій тотчасъ же выслалъ впередъ Астраханскій драгунскій полкъ со взводомъ конной артиллеріи, чтобы опередить болгарскія дружины, виднѣвшіяся на привалѣ, въ разстояніи одного часа пути, и задержать наступленіе непріятеля, который между тѣмъ, подвигаясь все ближе къ намъ, уже выстроилъ боевой порядокъ, имѣя впереди свою кавалерію съ разсыпанными наѣздниками.

Вскорѣ Астраханскій полкъ опередилъ ополченцевъ, а бывшій съ нимъ взводъ конной артиллеріи, снявшись съ передковъ, открылъ огонь. Впереди виднѣлся зеленый бугоръ, на которомъ вырисовывались группы нѣсколькихъ всадниковъ и стояло много какого-то народа, а надъ нимъ развѣвались разноцвѣтные флаги. Въ направленіи этого бугра и былъ открытъ огонь нашего взвода. Съ первыхъ же двухъ выстрѣловъ обѣ гранаты удачно лопнули подъ самымъ бугромъ—и все, присутствовавшее на его вершинѣ, мигомъ разсѣялось въ стороны, со всѣми своими всадниками и флагами. Турецкіе наѣздники, озадаченные этою внезапностію, пріостановили наступленіе, но въ ту же самую минуту по нашимъ орудіямъ и драгунамъ грянулъ вдругъ батарейный залпъ, другой, третій... окружающая мѣстность была обдана взрывами гранатъ, невѣдомо откуда направлявшихся. Наши пооглядѣлись, и тогда оказалось, что это стрѣляетъ батарея, отъ восьми до двѣнадцати орудій, очень искусно скрытая въ высокой кукурузѣ и между стожками сжатаго хлѣба. Взводъ попытался-было состязаться съ нею, но большіе недолеты ясно обнаружили несостоятельность нашихъ четырехфунтовокъ противъ дальнобойныхъ орудій противника; оставалось только вывести ихъ изъ-подъ выстрѣловъ и расположить позади, на позиціи, для обезпеченія болгарскихъ дружинъ, которыя развертывались по обѣ стороны шоссе. Замѣтивъ, что наши орудія снялись, непріятельскія колонны, прикрытыя густыми цѣпями наѣздниковъ, опять стали продолжать наступленіе, противъ котораго были приняты слѣдующія мѣры: ополченіе, какъ уже сказано, выстраивалось въ боевой порядокъ вправо и влѣво отъ шоссе, а шесть эскадроновъ, со взводомъ конной артил-

леріи *), направились въ обходъ лѣваго фланга турокъ, совершая это движеніе скрытнымъ образомъ, за лѣскомъ и высокимъ кустарникомъ, что тянется до сел. Чаулыкіой, въ которое была направлена донская сотня, собственно для обезпеченія этого обхода съ правой руки. Но это было уже около $6^{1}/_{2}$ часовъ вечера, а непріятель тѣмъ временемъ продолжалъ наступленіе, обсыпая наши дружины съ фронта и гранатами, и пулями. Руководимые своими офицерами, болгары въ строгомъ порядкѣ стояли на мѣстѣ и не удостоивали противника ни малѣйшимъ отвѣтомъ на огонь, не смотря на то, что среди ихъ были уже раненые. Видя это стройное и строгое молчаніе, которое могло предвѣщать нѣчто грозное, въ родѣ непосредственнаго удара въ штыки, турки не отважились подойдти на болѣе близкое разстояніе и ограничились только тѣмъ, что съ дальнихъ дистанцій поддерживали огонь противъ болгарскаго фронта. Между тѣмъ уже начинало темнѣть, когда наша обходная колонна, развернувъ эскадроны въ боевой порядокъ и выславъ впередъ, шаговъ на 800, цѣпь наѣздниковъ, вышла изъ-за лѣска и поэскадронно налѣво двинулась на флангъ непріятельской позиціи. Но въ это время смолкла уже всякая перестрѣлка, непріятель отступилъ и нашъ кавалерійскій обходъ окончился тѣмъ, что эскадроны, пройдя всю поляну между лѣскомъ и дер. Карабунаромъ, по приказанію герцога Лейхтенбергскаго, вернулись по шоссе къ общему бивуаку на высотѣ дер. Дальбоки. Въ это время было уже такъ темно, что эскадроны, возвращавшіеся назадъ въ боевомъ порядкѣ, запримѣтивъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ какія-то густыя чернѣвшіяся массы, уже готовились было атаковать ихъ, въ томъ предположеніи, что это непріятель; но, къ счастію, дѣло скоро разъяснилось: то были колонны болгарскаго ополченія, направлявшіяся къ бивуаку.

Въ эту ночь на дальбокскомъ бивуакѣ получены герцогомъ Лейхтенбергскимъ весьма важныя извѣстія. Небольшія развѣдочныя части заблаговременно были направлены имъ въ разныя стороны и нѣкоторыя изъ нихъ прислали краткія донесенія, которыя сводились къ тому, что большія непріятельскія

*) Кіевскій гусарскій полкъ и дивизьонъ Казанскаго драгунскаго полка со взводомъ донской № 10-го батареи.

силы видимо наступаютъ на Эски-Загру по дорогѣ отъ станціи Карабунаръ и уже показались въ окрестностяхъ придорожнаго и ближайшаго къ Эски-Загрѣ *) селенія Мурадлы, впрочемъ, не доходя еще до него, а нашъ отрядъ (на дальбокскомъ бивуакѣ) находился отъ города верстахъ въ 17-ти. Признавая за Эски-Загрою важное стратегическое значеніе, въ особенности въ случаѣ неудачнаго исхода дѣйствій средней и лѣвой колоннъ, и считая неудобнымъ покинуть безъ боя городъ, встрѣтившій насъ съ распростертыми объятіями, герцогъ Лейхтенбергскій призналъ необходимымъ перейдти на разсвѣтѣ со всѣми дружинами и частію артиллеріи **) въ Эски-Загру, а кавалеріи, подъ начальствомъ Его Высочества Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, приказалъ остаться на позиціи предъ непріятелемъ и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, имѣя въ виду содѣйствіе средней и лѣвой колоннамъ, долженствовавшимъ въ этотъ день (18-го числа) атаковать Іени-Загру.

Такимъ образомъ, болгарскія дружины, съ прикомандированными къ нимъ дивизьономъ гусаръ и частію артиллеріи, подъ личнымъ начальствомъ Его Высочества Николая Максимиліановича, около четырехъ часовъ утра выступили въ Эски-Загру, а герцогъ Евгеній Лейхтенбергскій съ кавалеріею, въ числѣ 12-ти эскадроновъ и 6-ти конныхъ орудій, въ половинѣ шестаго часа утра двинулся съ бивуака впередъ по шоссе къ Іени-Загрѣ.

Никакихъ свѣдѣній о томъ, что́ дѣлалось и дѣлается въ средней и лѣвой колоннахъ, къ утру 18-го числа въ правой колоннѣ еще не было.

Желая, по вчерашнему, дѣйствовать обходомъ лѣваго фланга турокъ, а со стороны своего собственнаго лѣваго фланга войдти въ связь со среднею колонною, герцогъ Евгеній Лейхтенбергскій сдѣлалъ къ тому надлежащія распоряженія, но во время наступленія своего былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ противника, съ которымъ пришлось завязать перестрѣлку. Такимъ образомъ, въ день 18-го іюля эти двѣнадцать эскадроновъ съ шестью орудіями, съ шести часовъ утра и до пяти вечера

---

*) Верстахъ въ четырехъ съ половиною.

**) Горная батарея и взводъ донской № 10-го батареи.

безпрерывно маневрируя предъ непріятельскимъ фронтомъ, подъ огнемъ 10-ти или 12-ти орудій дальняго боя, сначала удержали на мѣстѣ, а потомъ вовлекли въ наступленіе къ Эски-Загрѣ непріятельскій отрядъ силою въ 6 или 8 батальоновъ, 10 или 15 сотень черкесовъ и двѣ батареи. Такая дѣятельность нашей кавалеріи имѣла прямымъ своимъ послѣдствіемъ то, что помянутый турецкій отрядъ, находясь въ 10-ти верстахъ отъ Іени-Загры, былъ лишенъ возможности прибыть туда своевременно, когда—какъ оказалось потомъ—средняя и лѣвая колонны (силою въ 9 батальоновъ и двѣ сотни) били іени-загринскій отрядъ турокъ (силою въ 5 батальоновъ, 6 орудій и 2,000 черкесской конницы).

Между тѣмъ, вотъ что происходило въ средней и лѣвой колоннахъ. Исполнивъ 17-го числа, согласно диспозиціи, свои движенія — первая до Чайнокчи, вторая до Ложи, — колонны эти 18-го утромъ свободно перебрались черезъ горы и спустились въ Іени-Загринскую долину, никѣмъ не атакованныя. Лѣвая колонна вышла ранѣе средней, которая полчаса спустя дошла до спуска съ горъ, но такъ какъ средняя наканунѣ сдѣлала 45 верстъ, да теперь еще 15, по очень трудной дорогѣ, то генералъ Гурко велѣлъ ей остановиться на полчаса для отдыха. Вслѣдствіе этого лѣвая колонна вступила въ дѣло раньше средней; а такъ какъ этой послѣдней и послѣ спуска съ горъ пришлось еще сдѣлать около восьми верстъ по долинѣ, то разность во времени вступленія въ бой одной и другой колонны дошла до 2$^1/_2$ часовъ.

Приблизясь къ непріятельской позиціи, наши увидѣли, что турки очистили городъ, успѣвъ зажечь его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а сами отошли въ укрѣпленный пунктъ у іени-загринской желѣзно-дорожной станціи, которая была заранѣе превращена ими въ настоящую маленькую крѣпостцу. Полотно желѣзной дороги замыкало одинъ изъ ея фасовъ, а на остальныхъ фасахъ были устроены сплошныя укрѣпленія полевой профили, съ прорѣзанными въ нихъ амбразурами. Мѣстность впереди всѣхъ этихъ линій была совершенно ровная, не представлявшая для нашихъ стрѣлковъ никакихъ закрытій. Самое зданіе станціи могло служить прекраснымъ редюитомъ, а продолженіе полотна желѣзнаго пути фланкировало съ обѣихъ сторонъ длинные фасы сомкнутаго укрѣп-

ленія, внутри котораго были еще сдѣланы траверсы, составлявшіе вторую линію обороны. Гарнизонъ этой крѣпостцы заключался въ трехъ таборахъ низама и двухъ таборахъ мустахефиза, при шести дальнобойныхъ крупповскихъ орудіяхъ, да сверхъ того у противника было еще 2,000 конныхъ черкесовъ.

Въ 8 часовъ утра (18-го іюля) лѣвая колонна развернулась и двинулась впередъ, имѣя въ первой линіи два батальона Сѣвскаго полка и 16 орудій *), а во второй — Елецкій полкъ, который вскорѣ послѣ начала дѣла былъ выдвинутъ вправо и началъ обходить городъ съ сѣверо-западной стороны, гдѣ его встрѣтили сильнымъ перекрестнымъ огнемъ изъ укрѣпленной станціи и изъ-за полотна желѣзной дороги.

До прибытія стрѣлковой бригады нечего было и думать объ атакѣ. Поэтому генералъ Гурко приказалъ поддерживать пока только артиллерійскій и ружейный огонь, а три казачьи сотни послалъ охранять нашъ правый флангъ и въ то же время угрожать пути отступленія турокъ.

Около одиннадцати часовъ утра пришла наконецъ и 4-я стрѣлковая бригада съ донскою № 15-го батареею. Но еще нѣсколько раньше этого времени огонь нашихъ шестнадцати орудій уже успѣлъ зажечь станціонное зданіе и принудилъ черкесовъ очистить поле сраженія — они бѣжали.

Командиръ 4-й стрѣлковой бригады, генералъ-маіоръ Цвѣцинскій, ознакомившись съ ходомъ боя, усмотрѣлъ, что отступленіе турокъ должно начаться въ самомъ непродолжительномъ времени. Поэтому онъ тотчасъ же выслалъ одинъ изъ своихъ батальоновъ**), при двухъ орудіяхъ, вдоль линіи желѣзной дороги, чтобы взять турокъ во флангъ во время ихъ отступленія, а дабы заградить имъ и самый путь отступленія, были направлены въ дер. Буруджи три сотни, тоже съ двумя орудіями.

Между тѣмъ сосредоточенный огонь нашихъ батарей, работавшихъ съ разстоянія въ 600 саженъ картечными гранатами по двумъ противоположнымъ сторонамъ укрѣпленія, вынудилъ наконецъ турокъ начать постепенное отступленіе.

---

*) 4-я и 6-я батареи 9-й артиллерійской бригады.

**) 16-й стрѣлковый.

Тогда стрѣлковая бригада вмѣстѣ съ Елецкимъ полкомъ бросились на штурмъ, и хотя перекрестный огонь съ фасовъ и изъ-за полотна былъ все еще очень силенъ, они ворвались въ укрѣпленіе и завладѣли полотномъ дороги. Турки стали отступать съ поспѣшностію и въ безпорядкѣ, а тутъ еще ударилъ имъ во флангъ батальонъ, заранѣе посланный для этого генераломъ Цвѣцинскимъ, по линіи желѣзной дороги, да казаки изъ Буруджи лавою бросились на встрѣчу — и отступленіе турокъ обратилось въ настоящее бѣгство. Они разсыпались въ разныя стороны отдѣльными людьми и смѣшанными кучками, направляясь преимущественно къ юго-востоку, и для облегченія бѣга бросали по дорогѣ ружья, сумки, мундиры, сапоги и даже шаровары. Болѣе 800 турецкихъ труповъ остались внутри укрѣпленія и по пути бѣгства. Наши гнали противника около четырехъ верстъ, пока онъ не разсѣялся уже окончательно. Кромѣ множества подобраннаго ручнаго оружія, намъ достались два дальнобойныя крупповскія орудія, изъ которыхъ одно, еще заряженное картечью, взято было при штурмѣ 1-ю ротою 14-го стрѣлковаго батальона, а другое отнято казачьею сотнею, чему впрочемъ помогло то обстоятельство, что благодаря огню 1-й донской батареи, у этого орудія еще раньше были перебиты лошади.

Въ дѣлѣ 18-го іюля при Іени-Загрѣ мы потеряли убитыми: донскаго № 21-го полка сотеннаго командира есаула Петрова и 14 человѣкъ нижнихъ чиновъ; ранеными: штабъ-офицера 1, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 84; безъ вѣсти пропавшихъ 1, и того 109 человѣкъ общей потери.

Еще во время самой атаки на Іени-Загру, генералъ Гурко, зная, что позади его, за дер. Карабунаромъ, идетъ бой въ отрядѣ герцога Евгенія Лейхтенбергскаго, далъ знать командирамъ средней и лѣвой колоннъ, что въ виду этого обстоятельства онъ намѣренъ оставить въ Іени-Загрѣ одну только стрѣлковую бригаду, а съ остальными войсками идти на выручку Эски-Загры. Къ сожалѣнію, генералъ Гурко могъ собрать всѣ части своихъ войскъ послѣ боя и преслѣдованія только къ $3^1/_2$ часамъ по полудни, и хотя тотчасъ же двинулся съ ними по эски-загринскому шоссе, но, придя въ дер. Карабунаръ, уже не засталъ тамъ никого. Впрочемъ, тутъ было добыто свѣдѣніе, что непріятель, имѣвшій дѣло съ на-

шею кавалеріею, пошелъ далѣе, впередъ, на сел. Джуранлы, а войска герцога Лейхтенбергскаго отошли на позицію при дер. Айданлы, впереди Эски-Загры. Въ теченіи всего этого дня генералъ Гурко не получалъ ни одного донесенія изъ эски-загринскаго отряда *), и оставаясь на бивуакѣ у деревни Карабунаръ, вечеромъ того же 18-го числа отдалъ приказаніе: стрѣлковой бригадѣ выступить изъ Іени-Загры въ четыре часа утра, а 1-й бригадѣ 9-й пѣхотной дивизіи **) сняться въ шесть часовъ утра и всѣмъ вообще слѣдовать къ Эски-Загрѣ, о чемъ въ то же время было сообщено и герцогу Николаю Лейхтенбергскому. Полковникъ Курнаковъ еще на разсвѣтѣ былъ посланъ впередъ съ четырьмя сотнями казаковъ и двумя конными орудіями.

Въ семь часовъ утра 19-го іюля, при самомъ началѣ движенія съ карабунарскаго бивуака, генералъ Гурко получилъ отъ полковника Курнакова донесеніе, что непріятель все еще находится у Джуранлы и уже началъ перестрѣлку съ казаками. Выѣхавъ впередъ для обозрѣнія мѣстности и положенія противника, генералъ Гурко увидѣлъ, что турки въ весьма значительныхъ силахъ стоятъ въ перелѣскѣ большаго лѣса, окружающаго деревню Джуранлы, и начинаютъ развертываться. Ничего не зная еще о наступательномъ движеніи арміи Сулеймана и расчитывая взять непріятеля съ двухъ сторонъ — съ фронта своими собственными силами и съ тыла отрядомъ герцога Лейхтенбергскаго, — генералъ Гурко велѣлъ своимъ колоннамъ свернуть влѣво и постараться обойти правый флангъ противника, съ тѣмъ чтобы отрѣзать ему путь отступленія. Генералъ полагалъ, что эски-загринскій отрядъ, услышавъ выстрѣлы, поведетъ въ это же время тыловую атаку. Вслѣдствіе такого распоряженія, 1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи зашла и развернулась въ двухъ верстахъ къ югу отъ шоссе. Въ первой линіи шелъ Сѣвскій полкъ, во второй Елецкій. Но тутъ оказалось, что фронтъ противника гораздо длиннѣе, чѣмъ думалось въ началѣ, а потому пришлось и Елецкому полку выдти изъ второй линіи и выстроиться

---

*) Всѣ донесенія, по необходимости, были направляемы кружнымъ путемъ и получены генераломъ Гурко только 20-го іюля.

**) Стоявшей съ ея артиллеріею на карабунарскомъ бувуакѣ.

вправо, оставивъ въ резервѣ одинъ батальонъ. Обѣ пѣшія батареи тоже вошли въ боевую линію.

Турки, какъ оказалось теперь, имѣли весьма сильную позицію: они занимали опушку большаго и густаго лѣса, усиливъ ее во многихъ мѣстахъ вдоль фронта стрѣлковыми ровиками и ложементами для сомкнутыхъ частей. Лѣвый флангъ этой позиціи былъ слабѣе праваго и центра, потому что лѣсъ въ этомъ мѣстѣ росъ несравненно рѣже; но зато противникъ позаботился усилить его оборону значительнымъ числомъ искусственныхъ укрѣпленій, стянувъ сюда же и всю свою артиллерію *) вмѣстѣ съ черкесскою конницею, которая въ большихъ массахъ виднѣлась на крайнемъ лѣвомъ флангѣ **). Силу турецкой пѣхоты на первый взглядъ можно было опредѣлить приблизительно количествомъ отъ 9 до 12 батальоновъ.

Наши войска подошли очень близко къ позиціи и съ разу были осыпаны градомъ пуль. Завязалась очень оживленная ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Въ это время особый отрядъ изъ семи ротъ ***), врученный полковнику Вульферту, пробрался въ лѣсъ и успѣшно приступилъ къ обходу праваго фланга противника, не смотря на пересѣченную закрытую мѣстность и огонь турецкихъ стрѣлковъ, мѣтившихъ съ очень близкихъ разстояній. Одновременно съ этимъ турки нѣсколько разъ пытались атаковать нашъ правый флангъ, и хотя ихъ попытки были постоянно отражаемы стрѣлковымъ огнемъ, тѣмъ не менѣе, въ виду такой настойчивости противника и замѣченнаго усиленія его войскъ, генералъ Гурко послалъ ординарца на встрѣчу 4-й стрѣлковой бригадѣ, съ приказаніемъ поспѣшить къ дѣлу и на рысяхъ выслать впередъ себя 15-ю донскую батарею, которой указано развернуться на правомъ флангѣ нашей боевой линіи.

Съ минуты на минуту ожидалъ генералъ Гурко, что эски-загринскій отрядъ ударитъ въ тылъ непріятельской позиціи,

---

*) Отъ 9-ти до 12-ти орудій.

**) Эту позицію усиливало еще то обстоятельство, что впереди ея во многихъ мѣстахъ находились поля, засѣянныя кукурузою, въ которой засѣли непріятельскіе стрѣлки. Подпуская нашихъ стрѣлковъ на самое близкое разстояніе, они почти въ упоръ поражали ихъ пулями.

***) Батальонъ Елецкаго и двѣ роты Сѣвскаго полковъ.

но около десяти часовъ утра, не замѣчая никакихъ признаковъ появленія этого отряда, явилось сомнѣніе — ужь не атакованъ ли онъ самъ въ Эски-Загрѣ.... Однако, все же еще оставалась нѣкоторая надежда: вотъ-вотъ послышатся въ тылу противника пушечные выстрѣлы — и этого желалось тѣмъ болѣе, что обходное движеніе полковника Вульферта уже готово было увѣнчаться успѣхомъ. Многіе напряженно ждали, прислушивались, вглядывались въ бинокли — не замѣтно ли у противника какихъ-либо тревожныхъ движеній, по которымъ можно бы догадаться, что въ тылу у него не ладно. Но нѣтъ, турки дрались твердо и спокойно, а время между тѣмъ шло своимъ чередомъ и разсѣявало тщетныя ожиданія. Очевидно было, что герцогъ Лейхтенбергскій атакованъ и притомъ весьма сильнымъ непріятелемъ. Такъ какъ съ развитіемъ боя выяснилось, что предъ генераломъ Гурко находятся не 9 и не 12, а цѣлыхъ 15 таборовъ, которыхъ нѣсколько дней назадъ вовсе не было еще въ долинѣ рѣки Марицы, то не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что это — армія Сулеймана, перешедшая въ наступленіе.

Разъ что это выяснилось, генералу Гурко не оставалось ничего, кромѣ крайней необходимости во что бы то ни стало, разбить отрядъ, бывшій предъ его глазами, и затѣмъ немедленно идти на помощь герцогу Лейхтенбергскому. Но для исполненія этого плана необходимо было, чтобы и герцогъ Лейхтенбергскій принялъ рѣшеніе защищаться до послѣдней крайности, до послѣдняго человѣка, потому что иначе уже не часть, а всѣ силы Сулеймана-паши обрушились бы на генерала Гурко. Вслѣдствіе такого осложненія дѣла, генералъ послалъ въ Эски-Загру приказаніе держаться до послѣдней крайности, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ герцога Лейхтенбергскаго, что какъ только Богъ поможетъ ему разбить турокъ, онъ сейчасъ же придетъ на помощь Эски-Загрѣ и ея отряду.

Между тѣмъ, турки продолжали дѣлать свои настойчивыя, но неудачныя попытки противъ праваго фланга нашего отряда, а тѣмъ временемъ и ординарецъ, посланный къ 4-й стрѣлковой бригадѣ съ приказаніемъ поспѣшить къ бою, успѣлъ на полныхъ рысяхъ привести на правый нашъ флангъ 15-ю донскую батарею. Едва лишь замѣтила ее турецкая

артиллерія, какъ тотчасъ же направила на нее свои выстрѣлы. Хотя разстояніе между тѣмъ и другимъ артиллерійскимъ фронтомъ было гораздо болѣе трехъ верстъ, тѣмъ не менѣе мѣткость противника была замѣчательно хороша: всѣ снаряды ложились въ весьма близкомъ разстояніи отъ батареи, причемъ количество недолетовъ и перелетовъ было почти одинаковое. Чтобы не нести напрасныя потери, оставаясь въ бездѣятельномъ положеніи, казачья батарея, подъ горячимъ огнемъ, лихо вынеслась впередъ, примчалась на разстояніе около 600 саженей отъ непріятельской позиціи, мигомъ снялась съ передковъ, и не успѣли еще послѣдніе завернуть и отъѣхать отъ орудій, какъ «первое» грянуло уже свой пробный выстрѣлъ. Онъ оказался удачнымъ. Тогда батарея наша открыла такой мѣткій огонь картечными гранатами по непріятельской артиллеріи, что *послѣ четвертой очереди* турецкая батарея вынуждена была сняться съ позиціи и спѣшно отъѣхать назадъ саженей на 300.

Около одиннадцати часовъ утра прибыла, наконецъ, и стрѣлковая бригада. Ей было приказано пристроиться къ правому флангу Елецкаго полка, оставивъ 16-й батальонъ въ общемъ резервѣ. Такимъ образомъ, наша боевая линія удлинилась еще нѣсколько болѣе.

Спустя часа полтора выяснилось, что турки, мало-по-малу введя въ бой значительнѣйшую часть своихъ силъ, переходятъ въ наступленіе противъ нашего центра. Страшно усиленный огонь цѣпи, частые залпы сомкнутыхъ частей, артиллерійскіе снаряды и массы наступающихъ ротныхъ колоннъ,— все это заставило нашъ центръ нѣсколько попятиться.

Но какъ только былъ замѣченъ этотъ критическій моментъ, батареи наши *) сію же минуту направили въ наступающія колонны сильный огонь картечными гранатами, да кромѣ того, въ поддержку попятившемуся центру, немедленно былъ выдвинутъ одинъ батальонъ изъ резерва, а стрѣлковая бригада пущена во встрѣчную атаку. Совокупность всѣхъ этихъ мѣръ не только остановила натискъ противника, но и обратила его въ безпорядочное отступленіе **).

---

*) 6-я батарея 9-й артиллерійской бригады и донская казачья № 15-го.

**) Особенно отличился при этомъ 15-й стрѣлковый батальонъ, который, опередивъ остальныя войска, врѣзался въ расположеніе непріятеля и тѣмъ

Въ тѣ самыя минуты, какъ генералъ Гурко давалъ энергическій отпоръ этой рѣшительной атакѣ, усмотрѣна была на шоссе большая пыль, быстро приближавшаяся къ намъ со стороны Эски-Загры. Турки, или наши?—вотъ былъ вопросъ, заставившій призадуматься многихъ. Но черезъ нѣсколько минутъ оказалось, что это были Кіевскій гусарскій и Астраханскій драгунскій полки съ 16-ю конною батареею, по распоряженію герцога Лейхтенбергскаго, прискакавшіе на соединеніе съ отрядомъ генерала Гурко.

Во все время своего движенія, эти кавалерійскія части были поражаемы сильнымъ фланговымъ огнемъ, не смотря на который, полковникъ Ореусъ вынесся впередъ со своею 16-ю конною батареею и лихо, разомъ, что̀ называется «по конно-артиллерійски», открылъ мѣткій огонь противъ лѣваго фланга непріятельской позиціи.

Между тѣмъ, пока все описанное происходило у насъ въ центрѣ и на правомъ флангѣ, семь ротъ полковника Вульферта, направленныя съ лѣвой стороны, успѣли окончательно обойти въ лѣсу правый флангъ противника.

Неудача турокъ въ атакѣ противъ нашего центра, обходъ Вульфертомъ ихъ праваго фланга, атака нашей стрѣлковой бригады и, наконецъ, появленіе гусаръ и драгунъ съ 16-ю конною батареею — все это принудило непріятеля начать отступленіе одновременно по всей линіи. Наши войска сейчасъ же пустились преслѣдовать и исполнили это столь энергично, что турки обратились вскорѣ въ полное бѣгство. Они, повчерашнему, сбрасывали съ себя все, что могло замедлить быстроту ихъ бѣга; но не смотря на это, генералъ Гурко отдаетъ имъ полную справедливость въ томъ, что они «сражались великолѣпно». Погибая сотнями отъ губительныхъ картечныхъ гранатъ, они все же стойко защищали свою позицію въ теченіи шести часовъ, и послѣ сраженія, обозрѣвая поле дѣйствій, можно было безошибочно опредѣлять направленіе ихъ стрѣлковыхъ позицій по длиннымъ линіямъ турецкихъ труповъ. Трудно опредѣлить потери противника: тѣла его валялись повсюду — и на поляхъ, и въ кустахъ, и въ

сильно содѣйствовалъ отраженію его рѣшительной атаки, но понесъ при этомъ весьма чувствительныя потери.

лѣсу, и въ кукурузѣ; самъ Эмимъ-паша, начальствовавшій этимъ отрядомъ, былъ раненъ въ ногу, о чемъ узнано отъ нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ и раненыхъ турокъ *).

Но преслѣдуя бѣгущихъ, наши въ то же время видѣли, какъ надъ Эски-Загрою взвиваются громадные клубы чернаго дыма, какъ повсюду по окрестности пылаютъ болгарскія села—и скорбное зрѣлище этихъ пожаровъ производило на войска сильное впечатлѣніе.

Вотъ что̀ происходило въ отрядѣ герцога Николая Лейхтенбергскаго:

Къ вечеру 18-го іюля, отступивъ на позицію Айданлы, эски-загринскій отрядъ, когда уже стемнѣло, увидѣлъ въ южномъ и юго-восточномъ направленіяхъ и за дер. Мурадлы, у сел. Кадыкіой, длинныя линіи бивуачныхъ огней, тянувшихся одни за другими. Точно такая же масса костровъ виднѣлась и лѣвѣе, у Джуранлы и Буюка. Но между обѣими массами свѣтящихся точекъ оставался значительный темный промежутокъ, служившій видимымъ указаніемъ, что части того и другаго стана еще не успѣли соединиться между собою. То же самое было подтверждено и разъѣздами, нарочно съ этою цѣлію направленными въ ту сторону**). Ясно было, что южнѣе стоятъ силы, спеціально назначенныя дѣйствовать противъ Эски-Загры, а восточнѣе—отрядъ Эмима-паши, наступавшій отъ Іени-Загры.

Получивъ изъ отряда генерала Гурко извѣстіе***), что Іени-Загра уже взята и что̀ генералъ Гурко завтра идетъ на выручку Эски-Загры, и видя, что этому послѣднему городу угрожаетъ серьезная опасность, герцогъ Николай Лейхтенбергскій поспѣшилъ сдѣлать необходимыя распоряженія къ защитѣ, а именно: въ распоряженіе полковника Краснова, стоявшаго съ

---

*) Наши потери заключаются въ слѣдующемъ: убиты—33-го Елецкаго полка штабсъ-капитанъ Писаренко, 34-го Сѣвскаго полка штабсъ-капитаны Потеряхинъ, Эбергардъ и подпоручикъ Перковскій; ранены: командующій 13-мъ стрѣлковымъ батальономъ маіоръ Солянка, и кромѣ того: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 12; нижнихъ чиновъ убито 97, ранено 401, а всей потери 517 человѣкъ.

**) Соединенію этихъ силъ въ концѣ вечера помѣшалъ пришедшій на бивуакъ кавалерійскій отрядъ герцога Евгенія Лейхтенбергскаго, занявшій въ виду ихъ наблюдательное положеніе.

***) За подписью начальника штаба сего отряда, полковника Нагловскаго.

частію казаковъ противъ силъ, наступавшихъ на Эски-Загру съ юга-востока, по дорогѣ отъ желѣзно-дорожной станціи Карабунаръ, были посланы двѣ дружины съ четырьмя горными орудіями и сотнею казаковъ; остальныя же двѣ дружины и вся кавалерія оставлены въ резервѣ у дер. Айданлы, и кромѣ того, на разсвѣтѣ 19-го числа, изъ города были вывезены всѣ наши раненые и больные и высланъ черезъ ущелье на перевалъ весь обозъ отряда. Имѣя въ виду обѣщаніе генерала Гурко придти завтра на выручку, герцогъ Николай Лейхтенбергскій рѣшился защищать Эски-Загру до послѣдней крайности.

Съ разсвѣтомъ 19-го іюля обнаружилось, что двѣ отдѣльныя массы непріятеля, по вчерашнему, остались на мѣстахъ своего расположенія—одна у Джуранлы, другая—къ югу отъ Эски-Загры.

Около пяти часовъ утра, съ высокаго бугра близъ дер. Айданлы, гдѣ стоялъ штабъ герцога Лейхтенбергскаго, нѣкоторыя лица замѣтили, что по шоссе изъ Іени-Загры приближается колонна казаковъ, которая вскорѣ завязала ружейную перестрѣлку и даже открыла изъ двухъ своихъ орудій огонь по джуранлійской позиціи турокъ. Его Высочество Николай Максимиліановичъ тотчасъ же выслалъ Кіевскій гусарскій имени своего полкъ, со взводомъ донской батареи, для дѣйствія во флангъ этой позиціи. Самая деревня Джуранлы кишѣла массами турецкой пѣхоты и кавалеріи. Все это отлично было видно съ бугра въ военные бинокли. Гусары, поддерживая перестрѣлку, въ теченіи трехъ часовъ сряду маневрировали на флангъ противника, не смотря на довольно чувствительныя потери. Такъ, напримѣръ, одна удачно лопнувшая граната вырвала у нихъ изъ строя 10 лошадей и 12 всадниковъ. И этому маневрированію должно въ значительной степени приписать то, что между джуранлійскимъ отрядомъ турокъ и ихъ силами, стоявшими предъ Эски-Загрою съ юга, не послѣдовало соединенія въ утро 19-го іюля.

Но почти одновременно съ кіевскими гусарами, то же вліяніе на этотъ результатъ оказалъ и Астраханскій драгунскій полкъ, со взводомъ 16-й конной батареи, высланный подъ начальствомъ своего командира, полковника Мацылевича, около восьми часовъ утра, въ направленіи на сел. Кучукъ-Кадыкіой,

съ цѣлію обхода праваго фланга той массы пѣхоты, что̀ развертывалась противъ дер. Мурадлы. Выйдя на опушку лѣса близъ этого послѣдняго селенія, взводъ 16-й конной батареи открылъ огонь по батальоннымъ колоннамъ турокъ. Нѣсколько выстрѣловъ этого взвода сопровождались полнымъ успѣхомъ,— по крайней мѣрѣ, съ бугра у Айданлы было видно, какъ нѣсколько колоннъ отшатнулись назадъ, не устоявъ противъ нашихъ снарядовъ, а послѣ 30-ти довольно рѣдкихъ, выдержанныхъ выстрѣловъ, правый флангъ южной массы былъ оттѣсненъ къ западу, и такимъ образомъ разрывъ между двумя непріятельскими отрядами сдѣлался еще больше, чѣмъ былъ въ началѣ. Достигнувъ этого результата, взводъ 16-й батареи, вмѣстѣ съ астраханскими драгунами, отошелъ къ Айданлы на прежнее свое мѣсто.

Къ одиннадцати часамъ утра, какъ разъ противъ середины разрыва между непріятельскими массами, сошлись 12 нашихъ эскадроновъ съ 6-ю конными орудіями. Эта кавалерія была стянута сюда въ ожиданіи подхода пѣхоты изъ Іени-Загры, съ тѣмъ, что какъ только подойдетъ она и вступитъ въ связь съ эски-загринскимъ отрядомъ, то эскадроны тотчасъ же бросятся въ разрѣзъ обѣихъ массъ. Но пока кавалерія нетерпѣливо ожидала желанной минуты такой атаки, съ бугра можно было ясно видѣть, что іени-загринская пѣхота уже вовлечена въ бой джуранлійскимъ отрядомъ, который держался крѣпко.

А между тѣмъ съ юга на Эски-Загру все болѣе и болѣе надвигались густыя тучи пѣхоты и конницы, желавшія, казалось, раздавить своею массою слабыя силы защитниковъ города. Начальникомъ городской обороны былъ назначенъ полковникъ Депрерадовичъ. Выславъ на помощь къ нему Казанскій драгунскій полкъ и видя, что въ случаѣ сильнаго натиска турокъ на восточную окраину города намъ будетъ очень трудно, если не вовсе невозможно, пройдти къ ущелью, сквозь которое лежалъ единственный путь нашего отступленія,—герцогъ Лейхтенбергскій рѣшился перевести остальныя двѣ болгарскія дружины *) на дорогу, ведущую изъ города

*) Находившіяся вмѣстѣ съ кавалеріею и конною артиллеріею на позиціи у Айданлы.

въ ущелье. Было уже половина двѣнадцатаго, когда къ бугру неожиданно прибылъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Раухъ, прорвавшійся подъ градомъ снарядовъ изъ іени-загринской колонны мимо турецкой позиціи, и принялъ начальство надъ эски-загринскимъ отрядомъ.

Онъ первымъ дѣломъ приказалъ кавалеріи идти съ конною артиллеріею на присоединеніе къ правому флангу іени-загринскаго отряда, дѣйствовавшаго противъ джуранлійской позиціи, а два донскія орудія отправилъ въ городъ, чтобы не оставлять казанскихъ драгунъ вовсе безъ артиллеріи. Генералъ Столѣтовъ лично повелъ было эти орудія, но они не дошли до Казанскаго полка, потому что новыя обстоятельства указали на необходимость выставить ихъ около бугровъ, заслоняющихъ входъ въ ущелье. Впереди этихъ бугровъ расположены были 1-я и 3-я дружины болгарскаго ополченія.

Около часу дня дѣла наши подъ Эски-Загрой приняли слѣдующее положеніе:

2-я и 5-я дружины, съ двумя горными орудіями и дивизьономъ казанцевъ, вынуждены были отступить изъ города, который отъ дѣйствія турецкихъ гранатъ уже горѣлъ во многихъ мѣстахъ. 1-я и 3-я дружины закрывали собою ущелье, а между ними и городомъ залегъ въ садахъ другой дивизьонъ спѣшенныхъ казанцевъ. Два донскія орудія находились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ этого боеваго порядка, подъ прикрытіемъ полусотни 26-го донскаго полка. Турки же, пользуясь закрытою мѣстностью и садами, окружающими городъ, и разсчитывая на свое громадное численное превосходство надъ нами, подступали къ намъ все ближе и ближе, и наконецъ успѣли своимъ обходомъ подвергнуть нашъ лѣвый флангъ большой опасности.

По отзыву герцога Николая Лейхтенбергскаго, болгары-дружинники дрались здѣсь «какъ львы, защищая каждую пядь родной земли». Роты 3-й дружины (подполковника Калитина) и 1-я дружина (подполковника Кисякова), разстрѣлявъ свои патроны, по нѣскольку разъ бросались въ штыки и опрокидывали цѣпь противника, но встрѣчаемыя залпами резервовъ и гранатнымъ огнемъ, гибли десятками, не уступая ни на шагъ свою позицію. Много легло здѣсь болгаръ истинными героями, много пало русскихъ, ихъ кадровыхъ учителей и боевыхъ вос-

питателей; между прочимъ, здѣсь же погибли и подполковникъ Калитинъ, и капитанъ Федоровъ, и штабсъ-капитанъ Усовъ, и поручикъ Поповъ — этотъ цвѣтъ русскаго боеваго офицерства, отданный болгарскимъ дружинамъ нашими туркестанскими батальонами. Замѣчательна смерть Калитина. Во время штыковой атаки болгаръ на турокъ былъ убитъ знаменщикъ 3-й дружины, унтеръ-офицеръ Марченко. Вмѣстѣ съ нимъ поверглось на землю и прекрасное знамя, подаренное болгарамъ Самарою. Калитинъ, замѣтившій это паденіе, мигомъ соскакиваетъ съ лошади, хватается за древко, и снова вскочивъ въ сѣдло, выносится съ высоко поднятымъ знаменемъ предъ фронтъ своей дружины. «Ребята, знамя наше съ нами, Впередъ — за нимъ! за мною!» —звучнымъ голосомъ кричитъ онъ своимъ ополченцамъ, не замѣчая, что съ этого момента онъ самъ сдѣлался почти исключительною цѣлью турецкихъ стрѣлковъ, и повернувъ лошадь, устремляется на турокъ. Дружно гаркнули «ура» въ отвѣтъ ему болгары; въ рядахъ ихъ раздалась уже было боевая болгарская «пѣсня свободы», склоненные ятаганы ихъ шаспо уже засверкали вокругъ и впереди Калитина — турки попятились. Но въ это мгновенье, зашатавшись въ сѣдлѣ и безсильно свѣсивъ на грудь голову, Калитинъ вдругъ падаетъ на землю. Онъ былъ пронизанъ тремя пулями. Ближайшіе люди подскочили на помощь къ своему командиру — но для него все уже было кончено: красивое, выразительное его молодое лицо, еще за мгновенье предъ тѣмъ столь вдохновенно дышавшее и мыслью, и отвагою, разомъ покрылось смертною блѣдностью. Онъ былъ мертвъ. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ вынулъ изъ руки его знамя, у котораго почти на серединѣ было перебито древко, и только что успѣлъ сдѣлать съ нимъ два-три шага, какъ и его положила турецкая пуля. На смѣну ему тотчасъ же явился другой унтеръ-офицеръ, но и этотъ былъ убитъ на мѣстѣ. Въ эти минуты бой шелъ уже въ упоръ съ противникомъ. Кучка турокъ подобралась къ лежавшему знамени и двое изъ нихъ уже поволокли было его на свою сторону: съ остервененіемъ кинулись на нихъ болгары — кто въ штыки, кто въ приклады — и среди ожесточеннѣйшей свалки, съ торжествомъ, вырвали свою драгоцѣнную святыню — *первое болгарское знамя* — изъ рукъ непріятеля.

Столь упорная оборона дружинниковъ ошеломила, наконецъ, турокъ своею стойкостью, такъ что они пріостановились своимъ наступленіемъ въ садахъ между Мурадлы и городомъ. Эта пріостановка дала возможность ополченцамъ свободно отойдти къ ущелью, подъ прикрытіемъ дивизьона спѣшенныхъ драгунъ и остатковъ дружинъ 2-й и 3-й, подъ начальствомъ полковника Депрерадовича. 1-я и 3-я дружины, потерявъ три четверти своихъ людей и бо́льшую часть офицеровъ, стали отходить кучками къ ущелью, когда было уже около двухъ часовъ по полудни. За ними начали отступленіе спѣшенные казаки и драгуны съ горною батареею, которая до послѣдняго картечнаго заряда оставалась предъ толпами насѣдавшихъ турокъ и черкесовъ.

Турки, какъ уже сказано, пріостановились и чрезъ это дали ополченцамъ возможность свободно отойдти въ садъ, за іени-загринское шоссе; но не успѣли еще дружины занять возвышенность, какъ предупредившіе ихъ черкесы, забравшись на горныя вершины, открыли оттуда огонь, принудившій болгаръ спуститься въ глубину ущелья, куда послѣдовали за ними и казанцы.

Такимъ образомъ, входъ въ ущелье сдѣлался свободнымъ. Къ счастію, въ это время изъ города, по склону горы, подоспѣлъ полковникъ Депрерадовичъ съ 1-мъ дивизьономъ казанцевъ и остатками 2-й и 5-й дружинъ, приведенными сюда въ полномъ порядкѣ. Этотъ послѣдній арріергардъ и прикрылъ собою сборъ войскъ эски-загринскаго отряда у сел. Дербенткіой, куда къ пяти часамъ вечера прибылъ генералъ Раухъ, который отвелъ повозки съ ранеными и собранныя войска за рѣку Тунджу.

По отзыву герцога Николая Лейхтенбергскаго, геройская защита дружинниками роднаго города пріобрѣтаетъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что въ то самое время, когда они дрались въ садахъ и виноградникахъ около Мурадлы, тысячи стариковъ, женщинъ и дѣтей болгарскихъ, спасаясь изъ-подъ турецкихъ гранатъ, покидали тѣсныя улицы пылающаго города и бѣжали въ то же самое ущелье, куда должны были отступить и наши войска. Такимъ образомъ въ день 19-го іюля наши дружинники честно исполнили свой долгъ не только какъ войско, но и какъ

братья-защитники болгаръ, спасавшихся отъ турецкой мести и неволи.

Итакъ, эски-загринскій отрядъ покинулъ свою позицію около двухъ часовъ по полудни. Въ это же время и джуранлійскій отрядъ Эмима-паши, противъ котораго дрался генералъ Гурко, началъ свое отступленіе. Какъ только это было усмотрѣно, генералъ Гурко немедленно послалъ ко всей своей пѣхотѣ, увлекшейся преслѣдованіемъ, приказаніе собраться на шоссе у Эски-Загры, съ тѣмъ чтобы въ тотъ же день атаковать городъ, если онъ занятъ непріятелемъ, или же выручить болгарское ополченіе, если оно держится. Но громадный дымъ, еще около часу дня поднявшійся надъ городомъ, служилъ зловѣщимъ признакомъ, что тамъ дѣла наши идутъ плохо....

Преслѣдованіе разбитаго отряда Эмима-паши генералъ Гурко поручилъ четыремъ казачьимъ сотнямъ съ четырьмя конными орудіями, а самъ отправился къ Эски-Загрѣ, приказавъ слѣдовать вмѣстѣ съ собою 16-му стрѣлковому батальону, Астраханскому драгунскому, Кіевскому гусарскому полкамъ и 16-й конной батареѣ, для того чтобы подъ прикрытіемъ этихъ частей собрать остальныя войска. Около трехъ часовъ по полудни генералъ остановился, не доходя верстъ четырехъ до города, и здѣсь ожидалъ прибытія войскъ до шести часовъ вечера, когда прибыла къ нему стрѣлковая бригада, а въ половинѣ седьмаго подошла наконецъ и 1-я бригада 9-й дивизіи. Увлеченіе преслѣдованіемъ и на этотъ разъ замедлило сборъ войскъ, появленіе которыхъ подъ самымъ городомъ, повидимому, сильно встревожило непріятеля; но время для атаки было уже упущено: черезъ часъ наступила бы ночная темнота, а вести войска въ бой при такихъ условіяхъ было бы болѣе чѣмъ рискованно, и потому генералъ Гурко отвелъ ихъ на бивуакъ къ Дальбокѣ, съ тѣмъ чтобы на другой день рано утромъ опять начать наступленіе. Здѣсь генералъ приказалъ доставить себѣ свѣдѣнія объ израсходованныхъ и остающихся патронахъ и снарядахъ. При этомъ выяснилось, что два предшествовавшія дѣла поглотили ихъ такое количество, что не только предпринимать какую-либо атаку, но и оставаться въ виду всей арміи Сулеймана было бы неблагоразумно. Такъ, напримѣръ, въ 10-й донской батареѣ оказалось налицо только

по 27 снарядовъ на орудіе, считая въ томъ числѣ и картечь. По этой-то причинѣ и въ виду значительнаго превосходства силъ непріятеля, генералъ Гурко и рѣшился отойдти къ Хаинкіойскому ущелью.

Послѣдствіемъ нашей неудачи была страшная рѣзня, жертвами которой въ долинѣ Марицы и въ долинѣ Розъ сдѣлалось все, что не успѣло бѣжать или укрыться въ лѣсныхъ трущобахъ *). Общая убыль убитыми и ранеными въ отрядѣ

---

*) Вотъ какими ужасными красками описываютъ эти кровавыя сцены корреспонденты иностранныхъ газетъ:

— «Бухарестъ, 12-го августа. Три дня назадъ одинъ болгаринъ, прибывшій изъ Казанлыка, купецъ торгующій масломъ, говорилъ мнѣ: «Весьма ошибочно предположеніе, что турки и болгары могутъ со временемъ ужиться между собою. Или турки должны истребить болгаръ, или болгары турокъ». Этотъ страшный приговоръ приводится въ исполненіе по ту сторону горъ, что ясно видно изъ слѣдующихъ подробностей, добытыхъ мною изъ достовѣрныхъ источниковъ. Устрашенные жители Эски-Загры попытались было послѣдовать за болгарскимъ легіономъ, но черкесы заняли дорогу въ Казанлыкъ, а турки поставили стражу вокругъ города, такъ что никто не могъ убѣжать, и тутъ-то начались сцены дьявольскихъ жестокостей, которыя невозможно описать. Ни полу, ни возрасту не было пощады, а смерть у турокъ, какъ извѣстно, не считается еще за самую ужасную изъ пытокъ. Знатныя лица изъ турокъ, убѣжавшія при появленіи русскихъ и проводившія это время съ баши-бузуками въ окрестныхъ селеніяхъ, возвратились въ городъ и начали убивать людей на своихъ собственныхъ фермахъ. Сообщены имена слѣдующихъ лицъ: Тефикъ-бей, Садыкъ-бей, Акифъ-бей и Дайя-Ахмедъ. Госпиталь со всѣми ранеными, русскими и болгарскими, былъ сожженъ; спаслось только небольшое число жителей. Полагаютъ, что въ городѣ и въ окрестномъ вилайетѣ, одномъ изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Европѣ, безжалостно сожжено до 30 церквей, до 500 школъ и нѣсколько тысячъ домовъ; число же жителей, убитыхъ въ городѣ и въ селеніяхъ, весьма значительно. Въ этой рѣзнѣ также принимали участіе турецкіе купцы. Избіеніе продолжалось даже ночью, при свѣтѣ пылающихъ домовъ; разсказъ о немъ переданъ однимъ изъ жителей, спасшимся какимъ-то чудомъ, и тщательно провѣренъ. Сообщены имена многихъ начальницъ школъ, которыя вмѣстѣ съ молодыми воспитанницами подверглись гнуснымъ неистовствамъ и затѣмъ были убиты. Турецкіе жители, остававшіеся покорными и пользовавшіеся покровительствомъ во время пребыванія русскихъ, сбросили съ себя маску добродушія, вооружились топорами и ножами и начали убивать тѣхъ, подъ управленіемъ которыхъ они жили въ безопасности».

— Спеціальный корреспондентъ газеты «Daily News» сообщаетъ съ своей стороны слѣдующія свѣдѣнія объ избіеніи христіанъ турками:

«По полученнымъ мною извѣстіямъ, на южныхъ склонахъ Балканъ происходили въ послѣднія двѣ недѣли самыя страшныя сцены. По очищеніи русскими Эски-Загры началась страшная рѣзня, такъ какъ турки принялись убивать всѣхъ христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ своихъ жилищъ. Оставшіеся же въ домахъ подверглись еще худшей участи: ихъ сожгли живыми. Отдано было приказаніе жечь и

генерала Гурко за все время его забалканской экспедиціи, т.-е. со 2-го по 20-е іюля, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: офицеровъ 61, нижнихъ чиновъ 1,467, а всего 1,528 человѣкъ. Кавалерія же, вслѣдствіе крайняго напряженія, при быстрыхъ, почти безпрерывныхъ передвиженіяхъ на значительныя разстоянія и по труднымъ дорогамъ, потерпѣла большой ущербъ въ конскомъ составѣ, такъ что нѣкоторыя части возвратились изъ-за Балканъ, имѣя всего лишь отъ пяти до восьми рядовъ во взводахъ.

разрушать всякое имущество христіанъ; въ этомъ дѣлѣ принимали участіе многіе турецкіе купцы. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть о Саидѣ-Агѣ, который собралъ значительное число баши-бузуковъ и отправилъ ихъ въ Чирпанскій округъ, для уничтоженія христіанскаго имущества. Въ самое короткое время запылали сотни домовъ, а надъ обитателями совершены были самыя гнусныя жестокости. Дѣло разрушенія коснулось даже отдаленныхъ селеній, какъ Богданъ, Махалези и Рани-Махалези, равно какъ и многихъ другихъ, заключавшихъ въ себѣ отъ 150 до 200 семействъ. Селенія эти расположены по желѣзной дорогѣ между Кершенли и Іени-Загрою; изъ нихъ спаслось не болѣе пятидесяти человѣкъ. Болгарскіе бѣглецы, прибывшіе въ Габрово и Сельви, утверждаютъ, что въ Эски-Загрѣ и Чирпанскомъ округѣ убито отъ 12,000 до 15,000 христіанъ. Бѣднымъ христіанамъ весьма трудно было спастись бѣгствомъ, такъ какъ по дорогѣ изъ Эски-Загры въ Казанлыкъ разставлены были солдаты, получившіе приказаніе убивать всякаго проходившаго по этой дорогѣ. Сожжено до 60 селеній».

— Юлій Викkеде описываетъ въ «Аугсбургской Газетѣ», въ качествѣ свидѣтеля-очевидца, выступленіе изъ Эски-Загры отряда генерала Гурко и рѣзню, происходившую въ этомъ городѣ по уходѣ русскихъ войскъ «....Это было 1-го августа (нов. стиля). Сулейманъ-паша только что соединился съ Реуфомъ-пашею, наканунѣ разбитымъ русскими. Пѣхота Сулеймана-паши шла форсированными переходами, день и ночь, отъ черногорской границы, почти безъ пищи. Изнуреннымъ солдатамъ, изъ которыхъ много было босыхъ, дали только нѣсколько часовъ отдыха. Затѣмъ къ нимъ обратились съ воззваніемъ и сказали, что дѣло идетъ о спасеніи падишаха; что проклятые русскіе хотятъ разрушить Стамбулъ и сжечь святую Софію; что всѣ правовѣрные послѣдователи Магомета, которые погибнутъ въ этой борьбѣ, прямо попадутъ въ рай, гдѣ будутъ наслаждаться вѣчными удовольствіями. Этого было достаточно—усталость и изнуреніе были тотчасъ забыты и солдаты снова сомкнулись въ тѣсные ряды, чтобы съ яростью броситься на русскіе ретраншаменты. Между Сулейманомъ и Реуфомъ, а равно между офицерами и солдатами возбудилось общее соревнованіе и одни старались превзойти другихъ. Русскіе приняли нападеніе твердо, подобно стѣнѣ, и дрались героями, но не могли выдержать яростнаго натиска фанатизированныхъ солдатъ, превосходившихъ ихъ численностью, и генералъ Гурко увидѣлъ себя вынужденнымъ очистить Эски-Загру. Всѣ ретраншаменты были усѣяны грудами труповъ, потому что о пощадѣ тутъ никто и не думалъ.

«Эски-Загра была объята пламенемъ, и такъ какъ горѣла именно главная улица, то турки не могли преслѣдовать побѣжденныхъ и генералу Гурко уда-

Теперь остается только сдѣлать нѣкоторые общіе выводы, къ которымъ подаетъ поводъ забалканская экспедиція.

Бросить почти немедленно по переходѣ за Дунай достаточно сильный корпусъ войскъ, въ видѣ передоваго отряда, для занятія и обезпеченія хотя бы одного или двухъ балканскихъ переваловъ, прежде чѣмъ турки успѣютъ оправиться отъ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія—безспорно, было смѣлою и вполнѣ цѣлесообразною мыслью. Въ этомъ случаѣ сколь бы ни былъ великъ рискъ для передоваго отряда, онъ былъ вполнѣ извинителенъ, въ виду необычайно важныхъ выгодъ для наступающей арміи, которая, въ случаѣ удачи, пріобрѣтала себѣ съ первыхъ же шаговъ за Дунаемъ важнѣйшія стратегическія позиціи въ Балканахъ, обезпечивающія ей возможность движенія въ долины Тунджи и Марицы. Этого и желалъ Великій Князь Главнокомандующій, когда въ предписаніи своемъ генералу Гурко *) велѣлъ ему овладѣть балканскими проходами, дабы подъ прикрытіемъ передоваго отряда приступить къ ихъ *раз-*

лось достигнуть Казанлыка. До сихъ поръ все шло хорошо (прибавляетъ Викеде, извѣстный ненавистникъ Россіи) и я ощущалъ справедливую радость вслѣдствіе этой побѣды, спасшей Адріанополь; но, къ сожалѣнію, радость мою омрачило то, что́ мнѣ привелось видѣть и слышать вслѣдъ за тѣмъ. Я не въ состояніи описать всѣ ужасы сценъ, которыхъ мнѣ, къ несчастію, пришлось быть отчасти свидѣтелемъ-очевидцемъ и при воспоминаніи о которыхъ у меня до сихъ поръ кровь стынетъ въ жилахъ. На несчастный городъ Эски-Загру накинулись не люди, а какіе-то бѣшенные дьяволы. Въ плѣнъ никого не брали и кто не падалъ, будучи приколотъ штыкомъ, того дорѣзывали ятаганомъ; даже у бо́льшой части раненыхъ отрублены были головы. Больные, женщины, дѣти, старики, однимъ словомъ все, что́ жило и дышало, все это безжалостно убивалось или бросалось въ огонь пылающихъ домовъ. Баши-бузуки изъ Албаніи, пришедшіе съ Сулейманомъ-пашею, оказались хуже дьяволовъ и убивали безъ всякой цѣли и безъ разбора, единственно изъ любви къ рѣзнѣ... Офицеры—если только можно употребить это названіе, говоря объ албанцахъ или другихъ иррегулярныхъ войскахъ падишаха,—потеряли всякую власть надъ солдатами и предоставили имъ насытить свою ярость. Судьба Магдебурга во время тридцатилѣтней войны не могла быть ужаснѣе того, что́ испытала Эски-Загра и многія другія мѣстности къ югу отъ Балкановъ; самыя кровожадныя орды той эпохи не могли рѣзать, жечь и грабить съ болѣе дикою свирѣпостью, чѣмъ турки».

Такъ говорятъ наши отъявленные враги, безъ сомнѣнія, имѣющіе поводы скрывать еще многое и многое, уже въ силу того, что находятся при турецкомъ штабѣ; что же сказали бы наши друзья, если бы, подобно Юлію Викеде, они могли быть очевидцами всѣхъ этихъ ужасовъ?

*) См. страницу 407.

работкѣ, для движенія обозовъ и тяжестей. Такимъ образомъ, первая мысль Главнокомандующаго имѣла въ виду только *захватъ* какого-либо изъ переваловъ и *охрану* его, для инженерной разработки, пока не подойдутъ главныя силы. Это и было не только удачно, но блистательно исполнено генераломъ Гурко, который съ разу, такъ сказать, съ налету овладѣлъ столь важнымъ стратегическимъ пунктомъ, какъ Тырново и, благодаря князю Церетелеву, вышелъ за Балканы, по проходу, оставленному турками почти безъ всякаго вниманія, ибо нельзя же считать за серьезное сопротивленіе стычку съ тремя стами человѣкъ анатолійскаго низама, которыхъ пластуны и стрѣлки прогнали изъ селенія Хаинкіой 2-го іюля.

По исполненіи этой важной задачи, генералъ Гурко долженъ былъ способствовать овладѣнію Шипкинскимъ переваломъ съ юга, въ то время, какъ князь Святополкъ-Мирскій будетъ атаковать тотъ же перевалъ съ сѣвера. Для этого генералу Гурко надлежало предварительно овладѣть Казанлыкомъ. Отважная, смѣлая предпріимчивость начальника передоваго отряда и счастливо сложившіяся обстоятельства помогли ему и въ этомъ случаѣ. Если же генералъ Гурко не могъ 5-го іюля способствовать сѣверной атакѣ на Шипкинскій перевалъ, которую въ этотъ день велъ Орловскій полкъ, то въ этомъ виноватъ едва ли не черезъ-чуръ поспѣшный разсчетъ времени, который заранѣе былъ сдѣланъ въ Тырновѣ, въ томъ предположеніи, что генералъ Гурко уже успѣетъ 5-го числа не только овладѣть Казанлыкомъ, но и подняться на южную сторону перевала. Можно думать, что этотъ разсчетъ, вѣроятно, не имѣлъ въ виду возможныхъ препятствій, которыя однако же случились на самомъ дѣлѣ, а именно: 3-го іюля въ стычкахъ за деревнею Орезари и 4-го іюля въ дѣлѣ подъ Уфлани, не говоря уже о сраженіи 5-го іюля подъ Казанлыкомъ, вслѣдствіе чего изнеможенная пѣхота могла подойдти къ деревнѣ Шипкѣ только передъ вечеромъ. Но даже и въ этомъ случаѣ, одно уже появленіе генерала Гурко въ названномъ пунктѣ могло въ тотъ же день повліять на успѣшный исходъ сѣверной атаки, еслибы въ составѣ габровскаго отряда было болѣе пѣхоты, за недостаткомъ которой князю Мирскому пришлось атаковать перевалы Шипку и Бердекъ четырьмя слабосильными колоннами, вслѣдствіе чего, по случаю не-

удачи одной изъ нихъ (капитана Кліентова), должны были отступить къ Габрову, 6-го утромъ, и всѣ остальныя.

Относительно же исполненія второй части задачи передоваго отряда, т. е. атаки Шипкинскаго перевала съ южной стороны, здѣсь нерѣдко слышатся нѣкоторыя замѣчанія, по поводу двухъ обстоятельствъ, а именно: говорятъ, что приказавъ генералу Столѣтову двигаться вслѣдъ за собою отъ Хаинкіоя къ Казанлыку 5-го вечеромъ, или 6-го утромъ, не *уничтоживъ* предварительно турокъ, отступившихъ къ Сливно, и не выждавъ подхода къ Хаинкіою 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, начальникъ передоваго отряда будто бы оставлялъ безъ всякаго обезпеченія Хаинкіойскій перевалъ, служившій пока его единственнымъ путемъ сообщенія съ главными силами.

При этомъ прибавляютъ: счастіе наше, что турки изъ Сливно (коихъ численность не была намъ извѣстна) не заняли Хаинкіойское ущелье 6-го или 7-го іюля и что Шипкинскій перевалъ былъ очищенъ 7-го же числа, а безъ того будтобы положеніе передоваго отряда, въ виду скопляющейся арміи Сулеймана, могло сдѣлаться отчаяннымъ и даже безнадежнымъ. Но на это можно возразить, во-первыхъ, что именно на рискѣ-то и строились все движеніе передоваго отряда и всѣ его задачи, и во-вторыхъ, что въ виду настоятельнѣйшей необходимости занять, какъ можно скорѣе, Казанлыкъ и атаковать съ юга Шипку, генералу Гурко невозможно было терять не только лишняго дня, но и часа времени, такъ какъ иначе весь результатъ его рискованно-смѣлой, блестящей экспедиціи легко могъ бы свестись къ нулю.

Затѣмъ слышатся еще вопросы: зачѣмъ было оставлять всю горную артиллерію въ арріергардѣ у генерала Столѣтова, если начальнику передоваго отряда заблаговременно было извѣстно, что ему придется оперировать противъ Шипкинскаго перевала и что именно эта операція составляетъ существеннѣйшую часть его задачи по переходѣ за Балканы?

При этомъ выставляется такой доводъ, что сколь бы ни была плоха шоссейная дорога, по которой наступали 6-го числа пластуны; но едва ли ужь окончательно невозможно было поднять по ней легкія 4-хъ-фунтовыя орудія, коль скоро турки могли втащить на перевалъ даже дальнобойныя крупповскія

пушки. Соглашаясь, что при недостаткѣ времени, операція подъема полевыхъ орудій была бы для насъ слишкомъ затруднительна, люди, склонные къ критикѣ, утверждаютъ, что возможность движенія на перевалъ вьюковъ горной артиллеріи является уже окончательно внѣ всякихъ сомнѣній, и въ доказательство приводятъ, что если бы генералъ Гурко признавалъ это невозможнымъ, то конечно не назначилъ бы 7-го числа четырехъ горныхъ орудій для движенія на перевалъ, вмѣстѣ съ одною изъ болгарскихъ дружинъ и стрѣлковымъ батальономъ; между тѣмъ, отсутствіе при отрядѣ полковника Климантовича горной артиллеріи 6-го числа было одною изъ важныхъ причинъ его неудачи и потерь при отступленіи.

Но такъ какъ, въ концѣ концовъ, мы заняли Шипкинскій перевалъ, да и на Хаинкіойскій проходъ со стороны турокъ не было сдѣлано никакихъ покушеній, то благодаря этой счастливой случайности, всѣ подобные упреки въ данномъ случаѣ не имѣютъ существеннаго значенія. Во всякомъ случаѣ, важно то, что главнѣйшія двѣ задачи передоваго отряда, благодаря энергіи и рѣшимости генерала Гурко, были разрѣшены въ поразительно короткій срокъ, со 2-го по 7-е іюля, и разрѣшены блестящимъ образомъ, съ самыми ничтожными потерями.

Далѣе, ставятъ еще въ упрекъ движеніе передоваго отряда изъ Казанлыка за Малые Балканы, для занятія Эски-Загры и Іени-Загры, съ силами, крайне недостаточными, чтобы удержаться въ этихъ пунктахъ противъ цѣлой арміи Сулеймана. Противъ этого предпріятія приводятъ тотъ доводъ, что Великій Князь Главнокомандующій приказалъ генералу Гурко только захватить балканскіе проходы и прикрывать ихъ до подхода главныхъ силъ арміи; за Малые же Балканы разрѣшалось ему высылать только кавалерійскія части для набѣговъ и рекогносцировокъ. Защитники же предпріятія говорятъ, что генералъ Гурко письмомъ просилъ Главнокомандующаго подчинить ему 1-ю бригаду 9-й пѣхотной дивизіи и разрѣшить дѣйствовать самостоятельно, на свой страхъ, потому что Малые Балканы стоятъ предъ нимъ какъ завѣса, мѣшая знать и видѣть то, что дѣлается за ними, а между тѣмъ, при возможности самостоятельныхъ дѣйствій, онъ разсчитывалъ, что ему удастся или разбить по частямъ

отряды изъ состава войскъ Сулеймана-паши, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться въ цѣлую армію, или же занятіемъ Эски и Іени-Загры еще надежнѣе обезпечить Шипкинскій и Хаинкіойскій проходы. Противъ этого возражаютъ, что для того-то передовому отряду и было придано столько кавалеріи, чтобы постоянно знать и видѣть происходящее за Малыми Балканами, въ долинѣ Марицы, и что для наибольшаго обезпеченія проходовъ, надо было укрѣпить доступы къ перевaламъ и ждать, пока не придутъ на смѣну передовому отряду главныя силы арміи, а тогда уже дѣйствовать, сообразно дальнѣйшимъ приказаніямъ Главнокомандующаго.

Дѣйствительно, движеніе за Малые Балканы было совершено безъ приказа на то Великаго Князя. Но что касается намѣренія занять обѣ Загры, то въ сущности, чѣмъ же оно было рискованнѣе всего, что сдѣлано генераломъ Гурко до 7-го числа включительно? Весь забалканскій походъ являетъ собою одинъ грандіозный, блистательный рискъ и, стало быть, соотвѣтственно такой идеѣ общаго предпріятія, движеніе за Малые Балканы — смѣю думать — было со стороны отважнаго генерала вполнѣ послѣдовательно. Онъ только нѣсколько ошибся въ предположеніи, что армія Сулеймана сплотится между 17-мъ и 20-мъ іюня и, стало быть, перейдетъ въ наступленіе около 20-го числа; но оправдайся его предположеніе, то съ 10-го (день занятія Эски-Загры) до 20-го числа, конечно, можно было бы достаточно укрѣпиться въ обѣихъ Заграхъ, для того чтобы выдержать, пожалуй, даже и съ наличными силами передоваго отряда, первый напоръ Сулеймана, пока не подойдутъ на выручку главныя силы нашей арміи. Мнѣ кажется, что при этомъ предпріятіи главнѣйшій вопросъ заключался бы только въ количествѣ сухарей и зарядовъ: было ли ихъ достаточно? а если и не было, то можно ли было разсчитывать на своевременный и безпрепятственный подвозъ ихъ на вьюкахъ изъ-за Великихъ Балкановъ? Оправданіемъ рискованнаго движенія за Малые Балканы — какъ мнѣ кажется — служитъ и то, что оно задумано и начато раньше, чѣмъ генералъ Гурко узналъ о «первой Плевнѣ» и что въ моментъ этого движенія, зная о нахожденіи главной квартиры въ Тырновѣ, онъ могъ оставаться въ полной и твердой увѣренности, что за нимъ немед-

ленно послѣдуютъ главныя силы арміи, на которыя онъ будетъ опираться во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Конечно, было бы спокойнѣе и надежнѣе оставаться, до дальнѣйшихъ приказаній, въ оборонительномъ положеніи при Казанлыкѣ и Хаинкіоѣ, — тогда, быть можетъ, и не оправдалось бы извѣстное турецкое изрѣченіе, которое гласитъ, что «кто пойдетъ чрезъ Хаинкіойскій проходъ, того ждетъ несчастіе» *).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА

*) Турки, по какому-то суевѣрію, считаютъ Хаинкіойскій проходъ несчастнымъ, проклятымъ и заколдованнымъ мѣстомъ, гдѣ гнѣздятся злые духи, насылающіе на путника всяческія бѣды и напасти. Не оттого ли они и оставили его безъ всякой защиты, что уже слишкомъ были увѣрены въ неизбѣжности хаинкіойскаго рока?

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ФАМИЛІЙ ЛИЦЪ,

упоминаемыхъ въ письмахъ I и II томовъ.

А.

Аадемъ, арабъ разбойникъ, Т. I. 291.
Абаза Н. С., уполномоч. «Красн. Креста», Т. I. 7, 72
Абадзіевъ, шт.-кап., Т. II. 104.
Абдулъ-Гамидъ, Султанъ турецк., Т. II. 652, 654, 655, 656, 657, 658, 663, 664, 665, 666, 671.
Абдулъ-Керимъ-паша, Т. I. 405, Т. II. 373, 599, 600, 603, 611.
Адиль-паша, Т. I. 498, Т. II. 342, 345, 377.
Адлербергъ, гр. А. В., Министръ Двора, Т. I. 241, 243. Т. II. 52, 253, 290.
Адлербергъ, гр., полковн., фл.-ад., Т. II. 21, 22.
Айма, турчанка, Т. II. 169.
Акинфіевъ, подполк., Т. I. 283, 284.
Акифъ-бей, эскизагрск. гражданинъ, Т. I. 600.
Аксаковъ И. С., Т. I. 180.
Алабинъ, д. с. с., самарск. уполномоч., Т. I. 175, 179.
Александръ Николаевичъ, Императоръ Всероссійскій, Т. I. 52, 53, 54, 55, 57, 61, 62, 67, 68, 69, 70, 73, 86, 214, 235, 236, 237, 239, 241, 242, 243, 244, 245. 247, 248, 284, 285, 286, 288, 290, 316, 318, 340, 355, 357, 359, 360, 361, 362, 364, 366, 407. Т. II. 8, 48,

52, 53, 54, 55, 63, 64, 68, 75, 81, 82, 93, 94, 95, 107, 108, 109, 126, 228, 253, 254, 255, 257, 284, 289, 290, 292, 297, 357, 362, 365, 366, 367, 368, 369, 377, 380, 382, 383, 384, 385, 387, 393.

Александровъ, унт.-оф., Т. I. 301.

Александровъ, фельдфебель Старо-Ингерм. п., Т. II. 451.

Александровскій, инжнр.-капт., Т. II. 189.

Алексѣй Александровичъ, В. Кн., Т. I. 215, 248, 355, 363, 367. Т. II. 52.

Алексѣевъ, подполк., Т. II. 590, 594.

Али-ефенди, гражд. тырновск., Т. I. 406.

Али-ефенди, капитанъ, Т. II. 241, 245.

Али-Мустафа, помакъ, Т. II. 170.

Альбертовъ, инжнр.-капт., Т. I. 262, 437.

Аммосовъ, поруч. Пензенск. п., Т. I. 552.

Аммосовъ, капитанъ Московск. дргн. п., Т. II. 583, 584, 585, 591.

Амфилогій, архіеп. болгр., Т. I. 173, 176, 361.

Андреевъ, ротм., ад. Главноком., Т. I. 116.

Андреевъ, капт. генр. шт., Т. I. 192.

Андріевскій, шт.-капт., орднрц. Главноком., Т. I. 523. Т. II. 64.

Андрикаевъ, подполк., Т. II. 127.

Андріяновъ, капт. генр. шт., Т. I. 433, 436.

Аничковъ, поруч., Т. II. 99.

Антоновъ, войскв. стрш., Т. I. 420, 421, 422, 423. Т. II. 166, 167, 248, 249.

Анучинъ, врачъ, Т. I. 352.

Анчутинъ, полковн. артл., Т. I. 313, 480.

Аренсъ, полевой интендантъ, Т. I. 130, 318.

Аренсъ, гардемаринъ, Т. I. 305.

Аркасъ, мичманъ, Т. I. 263.

Арнульфъ, наслѣдный принцъ баварскій, Т. II. 190, 291.

Арсеньевъ, полковн. артл., Т. II. 220.

Артамоновъ, полковн. генр. шт., Т. I. 130. Т. II. 302.

Асекиляросъ Алеко, адріанопольск. грекъ, Т. II. 528, 530, 548, 552, 554.

Астаховъ, эсаулъ, Т. I. 530.

Атанасовъ Тони, болгр., Т. I. 172.

Атифъ-паша, Т. II. 342.
Афанасьевъ, эсаулъ, Т. I. 422, 429, 430, 431, 456.
Ахметка, турченокъ, Т. II. 464.
Ахметъ-паша, Т. I. 479.
Ахметъ-ефенди, директоръ тырновск. таможни, Т. I. 406.
Ахметъ-Вефикъ-паша, Т. II. 656.
Ахметъ-Кайссерли-паша, Т. I. 312.
Ахметъ-Хивзи-паша, Т. П. 212, 213, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 230, 240, 248.
Ахметъ-Эюбъ-паша, Т. I. 270. Т. П. 545, 601, 602, 603.

Б.

Базилевичъ, мр., Т. II. 30.
Баклановъ, полковн., Т. I. 428, 516.
Бакунинъ, корнетъ, Т. II. 347, 642.
Бакѣевъ, прапорщ., Т. II. 69.
Балкъ, полк., ком. Петерб. ул. п., Т. II. 581.
Баль, мичманъ, Т. I. 206.
Баль Петръ, деньщикъ, Т. II. 422.
Барашевъ, мр., Т. I. 503, 504.
Батенбергъ, принцъ, Т. I. 247.
Баумгартенъ, генр.-ад., Т. I. 7.
Бачевскій, поруч., Т. I. 466.
Баштанный, эсаулъ, Т. I. 444, 452.
Беклешевъ, ротмистръ, Т. I. 520.
Беклешевъ, капт.-лейт., Т. I. 113.
Беницкій, подполк. арт., Т. II. 37.
Бергманъ, профессоръ, Т. I. 352, 354, 355, 358.
Березкинъ К. И., врачъ, Т. I. 352.
Бибиковъ, подполк. Владикавк. каз. п., Т. I. 457.
Бибиковъ, капт., ад. Главноком., Т. II. 377.
Бискупскій, полковн., нач. шт. 11 арм. корп., Т. I. 103, 518, 522.
Богаевскій, капт. фл.-ад., Т. II. 236.
Богацевичъ, генр.-мр. Т. I. 464, 465, 466, 479.
Богачевичъ, поруч., Т. II. 180.
Божеряновъ, генр.-мр., Т. I. 539, 555.

Божидаръ Петровичъ, черногорск. уполномоч., Т. I. 52.
Бойка, болгрск. войничка, Т. II. 441.
Бойль Фредерикъ, англ. корреспндт., Т. II. 172, 173, 174, 175.
Бойно-Родзевичъ, мр., Т. I. 432, 433, 434, 435, 436, 437.
Бойно-Родзевичъ, прапорщ., Т. II. 422.
Болла Чофордъ де-Іобагаза Каломанъ, капт., австр. воен. агентъ, Т. I. 180. Т. II. 197.
Болинтинено Константинъ, протоіер., Т. I. 238.
Болеславскій, прапорщ., Т. I. 297.
Бондарчукъ Михаилъ, ряд., Т. I. 561.
Боресковъ, инжнр. генр.-мр., Т. I. 236.
Борейша, генр.-мр., нач. 1 бр. 9 пѣх. див., Т. I. 440.
Борисовичъ, подпоруч., Т. I. 468.
Бородинъ, полковн., ком. 10 стрлк. батл., Т. II. 105, 400, 412, 420, 422.
Блюменфельдтъ, врачъ, Т. I. 351, 352, 559.
Брайковскій, поруч., Т. II. 280.
Братіано, румнск. министръ, Т. I. 237, 270.
Бревернъ, С. Е. В. генр.-мр., нач. гв. кон. артл. Т. II. 231.
Бремзенъ, генр.-мр., нач. 2 бр. 3 гв. пѣх. див., Т. II. 200, 217, 256, 268.
Брофтъ, маркитантъ, Т. I. 370.
Бруно, подпоруч., Т. II. 304.
Брэкенбери, англійск. корреспндт., Т. II. 177.
Бряновъ, шт.-капт., Т. I. 340.
Булгариnъ, полковн. артл., Т. I. 477.
Буткевичъ, художникъ, Т. I. 172.
Буюкъ-паша, вице-адмрл., Т. I. 113.
Буяновъ Филиппъ, казакъ, Т. II. 169.
Бѣларевскій, прапорщ., Т. I. 503.
Бѣлокопытовъ, генр.-мр., нач. 1 бр. 31 пѣх. див., Т. I 524, 542, 543, 549, 551, 552, 554.
Бѣлогрудовъ, полковн., Т. I. 578.
Бѣльскій, мр., Т. I. 502.
Бѣляевъ, мр., Т. I. 95.
Бюргеръ, шт.-кпт. генр. шт., Т. I. 539, 540, 551.

В.

Ванновскій, генр.-лейт., ком. 12 арм. корп., нач. шт. Рущукск. отрд., Т. I. 99, 318, 367.
Варбергъ, капт. ген. шт. шведск. воен. агентъ, Т. I. 247.
Варшавскій, еврей-коммиснр., Т. I. 40.
Васили Нико, капрл. румнск., Т. II. 86.
Васильевъ, поруч., Т. I. 279, 282, 284.
Васильчиковъ, кн., фл.-ад., Т. II. 618.
Васкареско, румн. гоф.-мршл., Т. I. 138.
Ведель, гр., мр. германск. ген. шт., Т. I. 247.
Вейсиль-паша, Т. II. 482.
Велинскій, прапорщ., Т. II. 313, 315, 316.
Величковскій, генр.-мр., предсѣд. воен. полев. суда, Т. I. 69. Т. II. 182.
Веллеслей, англ. воен. агентъ, Т. I. 246. Т. II. 52.
Вельяминовъ, генр.-лейтн., нач. 31 пѣх. див., Т. I. 462, 470, 476, 477, 524, 543, 544, 550, 551, 554, 557, 558. Т. II. 68.
Верба, мр., Т. II. 394.
Верещагинъ, сотникъ, Т. I. 421, 458, 485, 516, 534.
√Верещагинъ Сергѣй, художнк., Т. II. 57, 60, 95.
√Верещагинъ В. В., художнк., Т. I. 172, 297, 298, 299. Т. II. 236, 617.
Веригинъ, капт. генр. шт., Т. I. 540.
Вестинъ-де Иванъ, франц. корреспондт., Т. I. 130, 171.
Вечель, англ. врачъ, Т. II. 234, 236, 237, 238, 239.
Вилламовъ, шт.-капт., Т. II. 269.
Вильйомъ-фонъ, мр. гермнск. генр. шт., Т. I. 247.
Витгенштейнъ, кн., генр.-ад., Т. I. 215.
Владиміръ Александровичъ, В. Кн., Т. I. 52, 214, 236, 240, 241, 243, 285, 367. Т. II. 284, 289.
Владояно, румнск. капт., Т. I. 202.
Воейковъ, генр.-мр., полев. комендпт., Т. I. 12, 215.
Воейковъ, генр.-ад., Т. II. 254.
Войницкій, подпоруч., Т. II. 325.
Волковъ, капт. генр. шт., Т. II. 335.
Волконскій, кн., Т. I. 7.

Волченецкій, мр., Т. I. 479.
Волькенау, подполк., Т. I. 269.
Вольфъ, телегр. агентство, Т. I. 405.
Вонлярлярскій, шт.-ротм., орднрц. Главнокм., Т. I. 478.
Вульфертъ, полковн., Т. I. 88, 89, 589, 590.
Выводцевъ, врачъ, Т. I. 24.
Вылкъ-Поварджіевъ, систовск. купецъ, Т. I. 381, 382.
Вышеславцевъ, сотникъ, Т. I. 499.
Вяземскій, кн., полковн., фл.-ад., Т. I. 89, 95.

Г.

Гавелокъ, полквн., англ. корреспндт., Т. II. 191, 247.
Гадаевъ Иванъ, унт.-оф., Т. II. 432.
Гадонъ, генр.-мр., нач. 2 бр. 2 гр. див., Т. II. 335.
Газенкампфъ, полквн. генр. шт., Т. I. 130, Т. II. 173, 174, 175, 176.
Гайтовъ, сотникъ, Т. II. 73.
Галдинъ, сотникъ, Т. I. 436. Т. II. 418, 454, 626.
Галлъ, генр.-мр., походн. гоф.-маршл. гл. кварт., Т. I. 215. Т. II. 371.
Галлъ, корнт., орднрц. Главнокомнд., Т. II. 236, 238.
Гальяръ, полквн., французск. воен. агентъ, Т. I. 7, 130, 247, 548, 560. Т. II. 49, 378.
Ганецкій, генр.-лейт., нач. Гренад. корп., Т. II. 288, 298, 327, 328, 329, 330, 331, 333, 334, 335, 336, 338, 339, 340, 343, 344, 345, 346, 349, 353, 365, 369, 375.
Гассанъ-паша, прнц. египетск., Т. I. 292. Т. II. 226, 603, 605, 611.
Гассанъ-паша, никопольск., Т. I. 478, 479.
Гедеманъ-фонъ, капт., датск. воен. агентъ, Т. I. 247.
Геласій, архимандр. румнск., Т. I. 231, 232.
Геништа, мр., Т. II. 282.
Георгій, болгр., управлщ. Траянск. окрг., Т. II. 403, 408.
Герасимъ, греческ. архимандр., Т. II 561, 562, 563, 568.
Гергель, полквн. румынск., Т. I. 247.
Гиберъ-фонъ-Грейфенфельдтъ, капт., Т. II. 67.
Гильдебрандтъ, генр.-мр., нач. 1 бр. 11 кав. див., Т. II. 282.
Гицевъ Иванъ, болгр. разбойнк., Т. II. 184, 185, 186, 187.

Главнокомандующій, Вел. Кн. Николай Николаевичъ, Т. I. 1, 2, 10, 12, 15, 18, 20, 36, 37, 42, 43, 48, 49, 50, 53, 56, 58, 63, 65, 68, 69, 70, 74, 76, 77, 78, 82, 85, 86, 88, 89, 99, 109, 110, 113, 118, 119, 121, 124, 125, 126, 127, 130, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 163, 169, 172, 173, 174, 176, 181, 189, 195, 199, 203, 214, 215, 223, 236, 237, 240, 241, 247, 248, 263, 272, 273, 285, 287, 293, 296, 307, 308, 309, 310, 313, 316, 317, 318, 344, 352, 355, 356, 357, 359, 360, 361, 362, 364, 365, 367, 405, 406, 417, 419, 422, 512, 515, 521, 523, 528, 567, 568, 570, 571, 580, 602, 605. Т. II. 1, 2, 4, 6, 7, 8, 19, 47, 49, 51, 52, 54, 55, 63, 64, 65, 68, 73, 74, 75, 80, 81, 82, 87, 94, 95, 99, 107, 108, 109, 110, 120, 125, 126, 128, 173, 174, 189, 191, 192, 193, 194, 198, 199, 217, 218, 219, 221, 222, 225, 226, 228, 234, 236, 239, 247, 252, 253, 254, 255, 257, 258, 290, 291, 328, 343, 346, 347, 348, 349, 350, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 364, 365, 366, 368, 369, 371, 374, 377, 380, 383, 385, 386, 390, 392, 396, 397, 398, 409, 459, 460, 463, 531, 532, 540, 580, 594, 633, 634, 640, 642, 643, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671.

Глоба, поруч., Т. II. 308.

Гобартъ-паша, Т. I. 104.

Голицынъ, кн., полковн., фл.-ад., Т. I. 89.

Головинъ, полквн., ком. Эстлянд. пѣх. п., Т. II. 68, 105.

Голубинцевъ, эсаулъ, Т. I. 496.

Голынскій, С. Е. В. генр.-мр., Т. I. 89.

Гольденбергъ, врачъ, Т. I. 350.

Горвицъ, учредитель товарищества по продовольств. арм., Т. I. 40, 77, 79, 145, 169, 220, 370, 378.

Горталовъ, мр., Т. II. 102, 104, 121.

Горталовъ, прапорщ., Т. II. 593, 594.

Горчаковъ, кн. А. М., государств. канцлр., Т. I. 241, 243, 245, 249.

Горшковъ, генр.-мр., нач. 1 бр. 32 пѣх. див., Т. I. 534, 536, 541, 557, 564. Т. II. 8.

Гофмейстеръ, поруч., Т. I. 334.

Гребенщиковъ Павелъ, бомбардр., Т. I. 9, 10, 11.
Грегеръ, учрдитель товарищества по продовольств. арм., Т. I. 40, 77, 79, 145, 169, 220, 370, 378, Т. II. 511.
Грегоръ Іованъ, румнск. егерь, Т. II. 86, 107.
Грековъ, полквн., ком. 30 днск. каз. п., Т. II. 413, 415, 420, 422, 424, 428, 429, 431, 432, 434, 437, 438, 449, 450.
Гринъ, поруч., сѣвр.-американ. воен. агентъ, Т. I. 247.
Гринцевичъ, мр., Т. I. 502.
Гриппенбергъ, полквн., фл.-ад., комдющ. л.-гв. Московск. п., Т. II. 324.
Грошевъ, войскв. старшн., Т. II. 477.
Грошевъ, хорунж., Т. II. 515.
Грузиновъ, эсаулъ, войскв. старш., Т. II. 166, 418, 419, 454.
Гудимъ, полквн. артл., Т. II. 54.
Гуковъ, шт.-капт. артл., Т. II. 69.
Гульковскій, шт.-капт., Т. II. 311, 313, 314, 315, 316.
Гурко I. В., ген.-лейт., генр.-отъ-кавалр., генр.-ад., Т. I. 93, 407, 408, 409, 410, 411, 414, 416, 417, 418, 419, 421, 429, 430, 431, 433, 435, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 451, 452, 516, 567, 577, 578, 580, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 592, 593, 594, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606. Т. II. 41, 151, 160, 201, 202, 205, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 229, 230, 231, 232, 247, 252, 300, 301, 302, 304, 317, 322, 325, 326, 344, 372, 393, 399, 454, 460, 465, 472, 475, 477, 488, 492, 493, 513, 524, 556, 580, 581, 590, 623, 624, 625, 642, 643, 654, 657.
Гурковскій, шт.-капт., Т. I. 531.
Гуссейнъ-паша, онъ же Гуссейнъ-Вассфи-паша, Т. II. 342, 370, 377, 378.

Д.

Давыдовъ, ген.-мр., нач. 2 бр. 3 пѣх. див., Т. II. 46.
Давыдюкъ Романъ, ряд. осадн. артл., Т. I. 118, 120.
Дайя-Ахметъ, эскизагрск. граждн., Т. I. 600.
Дандевиль, генр.-мр., комндщ. 3 гв. пѣх. див., Т. II. 302, 317, 320, 322, 323, 324, 325, 394, 400, 456, 457, 480.

Данилевскій, прапорщ., полквой ад. л.-г. Драгн. п., Т. II. 311, 313, 315, 316.
Даниловъ, С. Е. В. генр.-мр., комндщ. 3 гр. див., Т. II. 331, 333, 336.
Даннгауеръ, корреспндт., Т. II. 176, 177.
Дворжицкій, поруч., Т. I. 111.
Дегаетъ-паша, Т. II. 618, 619, 620.
Дедашкеліани, кн., корнт., Т. I. 424. Т. II. 367.
Деллинсгаузенъ, барн., генр.-лейт., нач. 26 пѣх. див. Т. II. 285.
Деляваль-Велькъ, капт., Т. II. 325.
Дембровскій, мр., Т. I. 530.
Демьяненковъ, поруч., Т. II. 236.
Демяновъ Тодоръ, почетн. болгр. Т. I. 172.
Деппъ, инжнр. генр.-мр., нач. инжнр. дѣйств. арм., Т. I. 112, 130, 362.
Депрерадовичъ, полковн., Т. I. 595, 598.
Дервишъ-эфенди, медованск. житель, Т. II. 254.
Дерожинскій, генр.-мр., нач. 2 бр. 9 пѣх. див., Т. I. 419, 421, 422, 432. Т. II. 10, 12, 20, 24, 27.
Дерфельденъ, шт.-ротм., ад. Главнокмнд., Т. I. 318, 553.
Дерфельденъ 2-й, поруч., орднрц. Главнокмнд., Т. II. 236, 238, 357, 365.
Детруа, пруссакъ, См. Мехмедъ-Али-паша, Т. II. 601.
Дзевульскій, ротмстр., Т. II. 8, 9, 51.
Дзендзеловскій Войцехъ, ряд., Т. II. 9.
Дикацъ, трубачъ, переводчикъ, Т. II. 629.
Дикъ-де-Лоне, франц. корреспндт., Т. II. 177.
Дмитріевъ, прапорщ. Орловск. п., Т. I. 437, 452
Дмитріевъ, пор. л.-гв. Моск. п., Т. II. 325.
Добровольскій, генр.-мр., нач. 3 стрлк. бр., Т. II. 72, 75, 79, 95, 113.
Доброхотовъ Іоаннъ, священк., Т. II. 436.
Долгорукій 2-й, кн., полквн., фл.-ад., Т. I. 241.
Долотовъ, полквн., Т. II. 105.
Домбровскій, шт.-капт., Т. II. 261.
Домбровскій, генр.-мр., нач. Елененск. отрд., Т. II. 285.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., шт.-ротм., Т. II. 615, 116, 617.

Донъ-Карлосъ, испанск. прнц., Т. I. 12, 248, 568. Т. II. 110.
Дохтуровъ, генр.-лейт., нач. 1 кав. див., Т. II. 580, 621, 623.
Доценко, прапорщ., Т. I. 437, 452.
Драгановъ Петко, священк., Т. I. 173.
Драгомировъ М. И., С. Е. В. генр.-мр., нач. 14 пѣх. див., Т. I. 61, 309, 317, 318, 319, 322, 324, 326, 328, 330, 337, 338, 341, 342, 344, 346, 347, 348, 349, 360, 364, 503. Т. II. 17.
Дризенъ, барн., генр.-лейт., нач. 12 кав. див., Т. I. 99.
Дубасовъ, лейтнт., Т. I. 115, 116, 182, 183, 184, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 236, 263, 275, 276, 280.
Дубовскій, полквн., Т. II. 563, 564, 569, 570.
Дугласъ, англ. врачъ, Т. II. 234, 236, 237, 238, 239.
Дукмасовъ, эсаулъ, Т. I. 115.
Дурзіевъ Сулейманъ-Ага, мр., Т. II. 378, 379.
Духновскій, врачъ, Т. I. 23, 24, 67, 68, 350, 352, 559.
Духновскій, мр., Т. II. 401, 432, 576.
Дьяковъ, поруч., Т. II. 224.
Дьяконовъ, подполк., Т. I. 503.

Е.

Евреиновъ, шт.-ротм., орднрц. Главнокомнд., Т. I. 567.
Елизавета, кн. румынск., Т. I. 136, 199, 201, 203, 242, 243.
Ермоловъ, поруч., Т. I. 283, 284.
Евѳимій (Федоровъ), плевненск. іеродіакн., Т. I. 456, 457.

Ж.

Жандръ, корнт., Т. II. 230.
Ждановъ Егоръ, ряд., Т. II. 336, 383.
Жековъ Панаіотъ, почет. болгр., Т. I. 172.
Желтоножкинъ, полквн., ком. 8 днск. каз. п., Т. I. 252, 254.
Жеребковъ, полквн., фл.-ад., комндщ. л.-гв. Казч. Е. В. п., Т. I. 423, 424, 425, 426, 427.
Живовъ, прапорщ., Т. II. 581, 592.

Жуковъ, генр.-мр., нач. 1 бр. 18 пѣх. див., Т. I. 274, 275, 284, 285, 290, 364.
Жуковъ, полквн., ком. Кубанск. э-на Собств. Е. В. конв., Т. II. 220.
Жуковъ, поруч. Псковск. пѣх. п., Т. II. 318.

З.

Заблудовскій, врачъ, Т. II. 408, 422.
Заваліевскій, поруч., Т. I. 276.
Загорянскій-Кисель, лейтнт., Т. I. 112.
Зайцевъ, шт.-капт., Т. II. 422.
Закржевскій, прапорщ., Т. I. 437.
Зацаренный, кап.-лейтн., Т. II. 653.
Зеддлеръ, генр.- мр., нач. 1 бр. 2 гв. пѣх. див., Т. II. 206, 220.
Земетъ-Дури, турчанка, Т. II. 169.
Зенкевичъ, прапорщ., Т. II. 311, 313, 316.
Зефкаръ, генр.-мр., румнск. воен. агентъ, Т. I. 138, 198, 247.
Золотаревъ, полквн., Т. I. 98, 103.
Зотовъ, генр.-лейт., нач. 4 арм. корп., Т. II. 45, 48, 54, 71, 72, 74, 75, 77, 80, 88, 98, 99, 100, 108, 109, 110, 111, 113, 115, 117, 118, 119, 120, 125, 132, 137, 139, 143, 148, 158, 288.
Зубовъ, капт.-лейт., Т. I. 363.
Зубынинъ, поруч., Т. II.575

И.

Ибрагимъ-Эдгемъ-паша, велк. визирь, Т. II. 572, 574.
Ивановъ, о. благочин. 12-го корп., Т. I. 361.
Ивановъ, предсѣдтл. Кишинвск. Болгр. Обществ., Т. I. 176, 179, 186.
Ивановъ, кишинвск. домовлдлц., Т. I. 67.
Ивановъ, врачъ, Т. I. 352.
Ивановъ А. Д., корреснднт., Т. I. 171. Т. II. 176.
Ивановъ, поруч. артл., Т. II. 69.

Ивановъ, корнт., Т II. 127.
Ивановъ Петръ, болгр., Т. II. 184.
Ивановъ, мр., Т. II. 429, 431, 449.
Ивановъ, инжнр. шт.-капт., Т. II. 574, 575, 576.
Ивановскій, мичмн., Т. I. 363.
Иванычевъ Григорій, ряд., Т. II. 432.
Игнатьевъ, гр., генр.-ад., посолъ, Т. I. 53, 245, Т. II. 366, 645, 646, 647, 649.
Игнатенко, подпоруч., Т. I. 111, 112.
Измайловъ, полквн., Т. I. 291, 292.
Измаилъ-Хакки-паша, Т. II. 231, 232, 233, 236, 240, 242, 297.
Ильинскій, подполк., Т. I 313.
Имеретинскій, кн., С. Е. В. ген.-мр., генр.-лейт., генр.-ад., Т. I. 89, 521, 523, 548, 560, Т. II. 46, 47, 64, 65, 71, 72, 75, 77, 79, 80 83, 98, 100, 112, 113, 125, 247, 295, 349, 365, 665, 667, 669.
Исаковъ, корнт., Т. II. 87.

I.

Іолшинъ, генр.-мр., нач. 1 бр. 14 пѣх. див., Т. I. 319, 328, 329, 330, 342, 346, 347, 360.
Іевлевъ Андрей, моск. крестьян. банщк., Т. II. 396, 397.
Іеронимъ, митрополт. Гюмурджинск., Т. II. 632.
Іонъ Нико, сержнт. румнск., Т. II. 86.

К.

Кадацкій, гл. полев. хирургъ, Т. I. 23, 350, 352, 359, 560.
Калачевъ, генр.-мр., нач. артл. 9 корп., Т. I. 467, 544.
Калитинъ, подполк., ком. 3 болгр. друж., Т. I. 95, 596, 597.
Калуси-паша, Т. I. 441.
Каменоградскій, подполк., Т. I. 537. Т. II. 8.
Камсараканъ, прапорщ., Т. II. 584.
Канини, итал. корреспндт., Т. II. 177.
Канитцъ, Т. II. 200, 513.
Канчіоловъ, капт., Т. II. 29.

Капнистъ, гр., прапорщ., Т. II. 585.
Карабановъ, ряд. артл., Т. II. 333, 382, 383.
Каразинъ, корреспндт., Т. I. 169.
Кара-Михайловъ, консулъ, Т. II. 136.
Кара-Мустафа, разбойнк., Т. I. 291.
Карамышевъ, поруч., Т. II. 98.
Карандѣевъ, шт.-кап., Т. I. 417.
Каргальскій, сотнк., Т. II. 615.
Карлъ, кн. Румынск., Т. I. 134, 135, 136, 137, 138, 139, 195, 199, 201, 203, 240, 242, 243, 244, 248, 251, 254, 255. Т. II. 48, 49, 54, 55, 81, 94, 107, 118, 119, 125, 144, 160, 161, 290, 291, 297, 361, 366, 380, 381, 383.
Карпинскій, поруч., Т. I. 109.
Каррикъ, дктр., англ. корреспндт., Т. II. 176, 177.
Карцовъ, генр.-лейт., нач. 3 пѣх. див., нач. сельви-ловч. и траянск. отрядовъ, Т. II. 124, 163, 164, 165, 166, 167, 247, 248, 249, 398, 400, 425, 427, 428, 432, 433, 434, 435, 437, 438, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 470, 471, 472, 475, 476, 477, 478, 480, 481, 485, 486, 492, 493, 494, 497, 505, 514, 515, 524, 525, 561, 563, 570, 574, 598, 643.
Карѣевъ, мр., Т. II. 329.
Касторскій, капт., Т. II. 587, 589.
Каталей, генр.-лейт., нач. 3 гв. пѣх. див., Т. II. 288, 328, 353.
Катарджи, полквн., сербск. воен. агентъ, Т. I. 247.
Катруццо А. М., предсѣдтл. Бессараб. земск. упр., Т. I. 70.
Каульбарсъ, полквн., ком. Шуйск. п., Т. I. 538.
Каульбарсъ 1-й, полквн. генр. шт., Т. II. 228.
Квантенъ, полквн. артл., Т. II. 333.
Квитка, мр., Т. II. 86.
Квиткинъ, капт., Т. I. 468.
Квитницкій, ген.-мр., нач. 2 бр. 3 гр. див., Т. II. 333, 334.
Квятковскій, унт.-оф., Т. I 561.
Келлеръ, гр., подполк. ген. шт., Т. I. 519, 520.
Кессель, капт., товарщ. воен. прокур., Т. II. 181, 182.
Кехеръ, хирургъ, Т. I. 559.
Кимбаръ, врачъ, Т. II. 435.
Кипайтуло, поруч., Т. II. 422.

Кирданъ, полквн., ком. 11 стрлк. батл., Т. II. 46.
Кириловъ, шт.-капт., Т. I. 276.
Кириловъ, эсаулъ, ком. Уральск. сотни, Т. I. 408, 437.
Киркановъ, кн., войск. старшн., Т. I. 458, 497, 498, 499, 500, 506, 508, 529.
Кисловъ, рулевой матрс., Т. I. 209.
Кисловъ Василій, унт.-оф., Т. II. 437. 438.
Кисяковъ, подполк., ком. 1 болгр. друж., Т. I. 95, 596.
Кладищевъ, полквн., фл.-ад., Т. I. 89.
Клотъ, С. Е. В. генер.-мр., нач. гв. драгн. бр., Т. II. 269, 302, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 313, 316.
Клоченко, капт., Т. I. 276, 284.
Клейнгаузъ, полквн., ком. Костромск. п., Т. I. 487, 489, 490, 494, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 504, 505, 506, 511.
Климантовичъ, полквн., ком. 13 стрлк. батл., Т. I. 444, 449, 605.
Кліентовъ, капт., Т. I. 433, 435, 437, 442, 604.
Клименко, инжнр.-подполк., Т. I. 274.
Климовъ, поруч., Т. I. 112.
Ключаревъ, полквн., нач. пѣш. конв. Главнокм., Т. I. 218. Т. II. 368.
Князевъ, сотнк., Т. I. 252.
Кноррингъ, генр.-мр., нач. 1 бр. 5 пѣх. див., Т. I. 463, 471, 472, 476, 492.
Кобіевъ, шт.-капт., Т. I. 334.
Кобордо, мр., Т. II. 426, 427, 434, 458.
Ковалевскій, художнк., Т. I. 172.
Ковалевскій, прапорщ., Т. I. 437.
Ковалевскій, мр., Т. I. 552.
Когальничано, румн. министр. иностр. дѣлъ, Т. I. 138, 237, 244, 270.
Коганъ, учредит. товарищст. по продоволств. арм., Т. I 11, 40, 67, 77, 79, 145, 169, 220, 370, 378.
Кожевниковъ, Самарск. грдск. голова, Т. I. 175.
Козловъ, ротм., Т. I. 540.
Колбе, полквн., Т. I. 130.
Колесовъ Семенъ, унт.-оф., Т. II. 437.
Коломейцовъ, шт.-капт., Т. I. 304.

Коль, полквн., ком. Либавск. п., Т. II. 105.
Комаровскій, гр., ком. Ново-Ингерм. п., Т. II. 326, 455, 457, 458, 475, 477, 495, 496.
Комбергъ-Оглу-Мехмедъ-Али, башибуз., Т. II. 170.
Константинъ Константиновичъ, В. Кн., Т. II. 253.
Константинъ, архимандрт. болгр., Т. II. 385.
Корево, полквн., ком. Казанск. дрг. п., Т. I. 415.
Кореловъ, сотнк., Т. II. 617.
Корженевскій, профср. хирург., Т. I. 352, 359, 561.
Корсаковъ, полквн., Т. I. 90, 95.
Корфъ, барн., шт.-ротм., фл.-ад., Т. I. 89.
Корфъ, барн., полкв., фл.-ад., ком. Кіевск. гус. п., Т. II. 204.
Косинскій В. Д., генр.-мр., полев. инспктр. госпиталей, Т. I. 5, 6, 43, 67, 68, 70, 352, 561.
Костинъ, войск. старшн. артил., Т. I. 26.
Котлевскій, прапорщ., Т. I. 503.
Котленстый Іоаннъ, болгр. депут., Т. I. 176.
Котлубай, ветерин. врачъ, Т. II. 417, 418.
Котляровъ, врачъ, Т. I. 352.
Крамаренко, кишин. домовлдлц., Т. I. 67.
Красновъ, полквн., Т. I. 593.
Красовскій, поруч., Т. I. 422.
Кременецкій, подпоруч., Т. I. 479.
Кржевецкій, прапорщ., Т. II. 281.
Кренке, инжнр.-генр.-лейт., Т. II. 10.
Криворучка, ряд., Т. II. 9.
Криденеръ Антонъ, барн., подполк., Т. I. 471.
Криденеръ, барн., генр.-лейт., нач. 9 корп., Т. I. 453, 454, 455, 456, 457, 458, 460, 461, 462, 466, 467, 468, 469, 471, 472, 473, 477, 478, 480, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 490, 500, 514, 515, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 528, 539, 543, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 560, 562, 566, 567, 568, 569, 570, 572. Т. II. 50, 64, 117, 122, 123, 287, 329, 353.
Кропивянскій, младш. вахмистръ, Т. II. 9.
Крыловъ, понтонеръ, Т. I. 356.
Крыловъ, генр.-лейт., нач. 4 кав. див., комндщ. 4 корп.,

нач. Завидск. кав. отр., Т. II. 48, 50, 78, 88, 89, 90, 98, 99, 103, 110, 121, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 148, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 162, 163.

Крюковъ Евстафій, свящнк., Т. II. 236.

Крюковъ, полковн., ком. Астрах. гр. п., Т. II. 334.

Ксирихъ, мр., Т. I. 503.

Кудинцевъ, сотнк., Т. II. 413, 454.

Кузнецовъ, полквн, ком. 24 донск. каз. п., Т. II. 494.

Куклевъ Исаія, унт.-оф., Т. II. 437.

Кулебякинъ, ротм. Собств. Е. В. конв., Т. II. 46.

Кунаховичъ, врачъ. Т. II. 436.

Купъ, англич., турецк. волонтр., полквн., Т. II. 233, 236, 239.

Курнаковъ, полквн., генр.-мр., Т. I. 588. Т. II. 130, 141, 142, 145, 150, 325, 326.

Куропаткинъ, капт. генр. шт., нач. шт. 16 пѣх. див., Т. II. 57, 60, 68, 91, 100, 102, 262, 266, 596.

Курочкинъ, саперн. унт.-оф., Т. II. 267.

Курсель, полквн., ком. 12 стрѣлк. батл., Т. II. 105.

Куртьяновъ, мр., Т. I. 95.

Кусакинъ Сидоръ, унт.-оф., Т. II. 432.

Кусовъ, полквн., ком. Псковск. пѣх. п., Т. II. 46.

Кутейниковъ, полквн. фл.-ад., ком. 1 донск. каз. п., Т. II. 609, 610, 617.

Кухаренко, подполк., ком. Кубанск. каз. п., Т. I. 26.

Куцылло, бессарбск. землевладлц., Т. I. 73.

Кучевскій, генр.-мр., 2-й помощн. нач. шт. дѣйств. арм., Т. II. 665.

Кучма, ряд., Т. II. 9.

Кюрто, поруч., Т. I. 276.

Л.

Лавровъ, сотнк., Т. I. 422.

Лавровъ, генр.-мр., ком. л.-г. Финл. п., Т. II. 210, 220, 228.

Лаврухинъ, сотнк., Т. II. 626.
Ладзаро, итал. корресппдт., Т. II. 177.
Лазнюкъ Іосифъ, ефрейтр., Т. II. 178, 179.
Лазо, кишин. домовлд., Т. I. 67.
Ласковскій, капт., ад. Главнокм., Т. I. 337, 432, 452.
Лауницъ, полквн., ком. Бѣлорус. гус. п., Т. II. 274.
Лашкаревъ, генр.-мр., нач. 9 кав. див., Т. I. 454, 457, 458, 459, 462, 464, 466, 472, 487, 499, 505, 506, 521, 526, 549, 550. Т. II. 50, 61, 62, 63, 69, 76, 79, 128, 129, 130, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 151, 152, 329, 334.
Левашовъ, гр., генр.-ад., Т. I. 241.
Левестамъ, шт.-капт., Т. I. 477.
Левизъ-офъ-Менаръ, полквн., ком. Владикв. каз. п., Т. I. 26. Т. II. 146, 147, 148, 149, 150.
Левицкій, полквн. генр. шт., Т. I. 130.
Левицкій, С. Е. В. генр.-мр. 1-й помощн. нач. шт. дѣйств. арм., Т. I. 130, 223, 307, 430, 568. Т. II. 49, 108, 109, 128, 353, 365, 463, 665.
Левшинъ, профср. хирург., Т. I. 561.
Лейхтенбергскій, герцг., Евгеній Максимиліановичъ, Т. I. 36, 408, 584, 587, 593. Т. II. 654, 658.
Лейхтенбергскій, герцг., Николай Максимиліановичъ, Т. I. 236, 240, 241, 408, 578, 580, 581, 582, 583, 584, 588, 590, 592, 593, 594, 595, 596, 598.
Лейхтенбергскій, герцг., Сергѣй Максимиліановичъ, Т. I. 53, 89, 215, 236, 240, 241, 243.
Лексинъ Назаръ, унт.-оф., Т. II. 432.
Леонардъ П. Е., бессарбск. предвод. дворнст., Т. I. 70.
Леоновъ, генр.-мр., нач. фламундск. отр., Т. I. 304.
Леоновъ, С. Е. В. генр.-мр., комндщ. 2 гв. кав. див., Т. II. 269, 270, 271.
Леонтьевъ, генр.-мр., нач. 1 бр. 4 кав. див., Т. II. 50, 79, 100.
Лешанинъ, сербск. генрл., Т. I. 246.
Лигницъ-фонъ, мр. генр. шт., германск. воен. агентъ, Т. I. 247, 328, 329, 443, 449, 451.
Липинскій, капт. артил., Т. I. 283.

Липинскій, полквн., ком. Брянск. п., Т. II. 21, 22, 27, 28, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 41.
Липояно, румнск. полквн., Т. II. 174, 175.
Лихачевъ, поруч. артл., Т. I. 334, 336, 349.
Лихачевъ, мр., Т. II. 369.
Лихтанскій, полквн., Т. II. 305, 307, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317.
Лихтенштадтъ, австр. корресп., Т. II. 177.
Лодочниковъ, сотнк., Т. I. 264, 265.
Ломанъ, лейтнт., Т. I. 255, 257.
Лонейзенъ, полквн., австр. воен. агентъ, Т. I. 180.
Лопатинъ Семенъ, матрс. гв. экипж., Т. I. 356, 357.
Лорандо, франц., волонтр. турецк., Т. II. 233, 236, 237.
Луизовъ, эсаулъ, Т. I. 422.
Лукановъ Василій, ряд., Т. II. 438.
Лукутинъ, корнт., Т. II. 616.
Лукьяновъ, прапорщ., Т. I. 339.
Лѣсовой, полквн. артил., Т. I. 313.
Любовицкій, полквн. фл.-ад., комндщ. л.-г. Гренад. п., Т. II. 220, 321, 322.
Люткевичъ, шт.-капт. Т. II. 318.

М.

Магометъ-Оглы-Османъ, дезертиръ, Т. II. 169.
Мазуревичъ, шт.-капт., Т. I. 109.
Макарій, настоятл. Траянск. монастр., Т. II. 403, 408.
Макаровъ, художнк., Т. I. 125, 130, 171.
Макаровъ, лейтнт., Т. I. 363.
Макаровъ, генр.-мр., Т. II. 143.
Макаровъ, капт.-лейт. фл.-ад., Т. II. 653.
Максимовъ Н., коррспндт., Т. I. 169, 171. Т. II. 176.
Макшѣевъ-Мамоновъ, полквн. ген. шт., Т. I. 467.
Макъ-Гаханъ, англ. корреспонд., Т. I. 136, 171. Т. II. 177.
Макъ-Келларъ, англ. врачъ, Т. II. 236, 237.
Макѣевъ Н. Д., д. ст. сов., драгоманъ Главнокомнд., Т. I. 208. Т. II. 225, 226, 227, 241, 255, 292, 367, 372, 374, 376.

Мальцевъ, капт. генр. шт., Т. I. 328, 329. Т. II. 17.
Манасеинъ, мр., Т. II. 369.
Манвеловъ, кн., генр.-лейт., нач. 8 кав. див., Т. I, 250, 255, 257.
Мандрыкинъ, полквн., Т. I. 423, 425.
Маныкинъ-Неуструевъ, полк. генр. шт., Т. II. 336.
Марее-фонъ, нѣмц. корреспндт., Т. II. 176, 177.
Марица, болгрск. войничка, Т. II. 441.
Марченко, унт.-оф. знаменщ. 3 болгр. друж., Т. I. 176, 597.
Масальскій, кн., генр.-ад., нач. артл. дѣйст. арм., Т. I. 130, 270. Т. II. 76, 108, 109, 190, 365.
Масловъ, поруч. артл., Т. I. 109.
Масловъ, капт, Т. I. 262.
Масловскій, врачъ, Т. I. 559.
Маслянниковъ 2-й, шт.-кап., Т. II. 395.
Маціевскій, подполк. генр. шт., Т. I. 465, 466, 549.
Мацылевичъ, полквн., ком. Астрахн. дрг. п., Т. I. 257, 594. Т. II. 146, 149, 255.
Мачихинъ, поруч., Т. II. 235.
Мебесъ, полквн., фл.-ад., Т. II. 216.
Мезенцовъ Н. В., генр.-ад., Т. I. 241, 243. Т. II. 290.
Мейендорфъ, барн., полквн., фл.-ад., С. Е. В. генр.-мр., Т.II. 64, 293.
Мейнандеръ, капт., Т. II. 311, 312, 313, 316.
Мельницкій, полкв., ад. ген. Тотлебена, Т. II. 260.
Метмежанъ, портуп.-юнкр., Т. II. 325.
Мехмедъ-эфенди, тырнвск., гражд., Т. I. 406.
Мехмедъ-Али-паша, Т. II. 19, 325, 327, 601, 607, 611, 667.
Мехмедъ-Эюбъ-паша, Т.II. 606.
Мидхадъ-паша, Т. I. 418, Т. II. 7, 32.
Миланъ, кн. Сербскій, Т. I. 246, 247, 248.
Миллеръ Сергѣй, корнт., Т. II. 563, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 574.
Миллетъ, америк. корреспндт., Т. II. 177.
Милютинъ Д. А., генр.-ад., Воен. Минстр., Т. I. 68, 74, 241, 243, 364. Т. II. 52, 108, 109, 290.
Милютинъ, капт., фл.-ад., Т. I. 89.

Мирскій-Святополкъ, кн., генр.-ад., нач. 9 пѣх. див., Т. I. 309, 343, 344, 431, 432, 433, 434, 435, 437, 441, 447, 603.
Митрополитъ Молдавск., Т. I. 53.
Михаилъ Николаевичъ, В. Кн., Т. II. 291.
Михайловъ, подплк., окружн. нач., Т. II. 183, 184, 185, 186, 188.
Михѣевъ, полквн. генр. шт., Т. I. 275, 284.
Могосъ, рущукск. аптекарь, Т. I. 311.
Моизъ-эфенди, парламентеръ, Т. II. 459, 460, 461, 462, 463, 614.
Моллеръ, полкв., генр.-мр. завѣдщ. осадной артл., Т. I. 121. Т. II. 190.
Молоствовъ, мр., Т. II. 30.
Мольскій, полквн., ком. Минск. п., Т. I. 299, 300.
Мольтке, гр., Т. I. 288.
Моравскій, полквн. фл.-ад., Т. II. 357.
Мораховскій, профср., Т. I. 561.
Мосцевой, подполк., Т. II. 102, 103, 104, 121.
Моторный, поруч., Т. I. 349.
Мощинскій, прапорщ., Т. I. 361.
Муравьевъ, гр. М. Н., уполнмч. Красн. Кр., Т. II. 85.
Муратовъ, шт.-ротм., 422.
Муржеско, мр. румнск., Т. I. 205, 206, 209, 210, 236, 263, 266.
Мухановъ, шт.-ротм., ад. Главноком., Т. I. 423, 425.
Мухтаръ-паша, Т. II. 374.

Н.

Нагибинъ, полк., ком. 9 донск. каз. п., Т. I. 462, 471, 496. Т. II. 260.
Нагловскій, полк. ген. шт., нач. шт. отрд. Гурко, Т. I. 593, Т. II. 151.
Назаренко Александръ, ряд., Т. II. 180, 181.
Назимовъ, прапорщ., Т. II. 312, 314, 315. 316.
Намыкъ-паша, Т. II. 532, 594, 595, 666.
Начевъ Мотю, болгар. разбойник., Т. II. 184, 185.
Нелидовъ, д. ст. сов., нач. дипломтч. канцл., Т. I. 130, 138. Т. II. 236, 238.

Немировичъ-Данченко, корреспндт., Т. I. 171. Т. II. 176, 266.

Неовіусъ, подпоруч., Т. II. 322.

Непокойчицкій, генр.-ад., нач. шт. дѣйств. арм., Т. I. 10, 13, 15, 37, 50, 53, 74, 127, 138, 175, 318, 360, Т. II. 22, 47, 81, 108, 191, 349, 365, 369, 614, 652, 654, 657, 665.

Непокойчицкій, поруч. фл.-ад., Т. I. 89.

Ниловъ, мичмн., Т. I. 301, 304, 305, 314.

Никифоровъ, кап., Т. I. 447.

Никифоровъ, поруч., Т. II. 32.

Николай Николаевичъ младшій, В. Кн., Т. I. 53, 56, 130, 135, 137, 138, 139, 173, 175, 203, 236, 241, 243, 247, 307, 317, 318, 328, 338, 360, 432, 452, 568. Т. II. 6, 654, 658.

Николовъ Райчо, капт., Т. I. 177, 178.

Никольскій, поруч., Т. I. 282, 284.

Никоновъ, лейтнт., Т. I. 274.

Нищенко, подполк., Т. I. 95.

Новацкій, профср., Т. I. 561.

Новиковъ, капт. 1-го ранга, Т. I. 296, 297, 299, 300, 301, 302, 303, 306, 307, 314.

Новицкій, полквн. генр. шт., нач. шт. 4 корп., Т. II. 48, 54, 144.

O.

Обермиллеръ, д. ст. сов., лейбъ-хирургъ В. Князя, Т. I. 45, 130, 352.

Обломіевскій, полквн. генр. шт., Т. I. 130.

Овчинниковъ Иванъ, ряд., Т. II. 213.

Огладинъ, подпоруч., Т. I. 263.

Оджаковъ, переводч. полев. шт., Т. II. 573.

Озеровъ, полквн. фл.-ад., Т. I. 218, 317, 318.

Ольденбургскій, прнц. Александръ Петровичъ, Т. II. 302, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 514, 654, 658.

Ону, драгомн., Т. II, 656, 657.

Ореусъ, полквн. кон. арт., Т. I. 414, 592.

Орловъ, полквн., ад. Главноком., Т. I. 26, 423, 424, 425. Т. II. 98, 100, 645, 647, 649.
Орловъ, полквн. фл.-ад., ком. 30 дон. каз. п., Т. I. 267, 433, 437. Т. II. 249.
Орловъ, поруч., Т. I. 435, 436.
Орловъ-Денисовъ 1-й, гр., полквн., Т. I. 89.
Османъ-паша, Т. I. 268, 430, 481, 482, 483, 484, 498, 511, 514, 515, 523, 524, 564, 569, 576. Т. II. 61, 70, 71, 101, 109, 110, 111, 112, 113, 117, 120, 121, 123, 124,128, 132, 153, 158, 159, 160, 161, 162, 182, 225, 240, 247, 252, 255, 268, 295, 296, 297, 298, 301, 326, 327, 330, 332, 334, 337, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 352, 357, 359, 360, 361, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 596, 657, 664.
Отрашкевичъ-Погожевъ, прапорщ., Т. I. 279, 284.

П.

Павелъ, еписк. Кишин., Т. I. 54, 56, 90, 128.
Панкратовъ, полквн., ком. Терско-Горск. п., Т. I. 26, 27, 28, 31.
Панютинъ, полквн., ком. Углич. п., Т. II. 507.
Папковъ, поруч. сапр., Т. II. 491.
Папковъ, шт.-кап., Т. II. 422.
Параскевовъ Иванъ, браиловск. болгр., Т. I. 186.
Паренсовъ, полквн. генр. шт., Т. I. 423, 424, 430, 534. Т. II. 228.
Пащенко-Развадовскій, гр., полквн. фл.-ад., ком. Луб. гус. п., Т. II. 278.
Пеллисеръ, Донъ-Хозе, испн. корреспндт., Т. II. 177.
Пенчу, попъ, болгрс. разбойнк., Т. II. 186.
Перепелицынъ 1-й, капт., Т. II. 235.
Перковскій, подпр., Т. I. 593.
Персинъ, мичмн., Т. I. 115, 182, 206, 210, 236, 263.
Перумовъ, капт., Т. I. 108, 182.
Петковъ Цеко, болгрск. воевода, Т. I. 93, 174, 175, 176. Т. II. 403, 408, 409, 431, 454, 468.

Петровъ, лейтнт., Т. I. 206, 209, 210, 236, 264.
Петровъ, шт.-капт., Т. I. 112.
Петровскій, ген.-мр., Т. I. 191.
Петровскій, врачъ, Т. I. 350, 352.
Петрушевскій, ген.-мр., нач. 2 бр. 14 пѣх. див., Т. I. 319, 343, 346, 347, 360.
Пильшинскій, врачъ, Т. I. 352.
Писанко, полквн., ком. Ревельск. п., Т. II. 105.
Писаренко, шт.-капт., Т. I. 593.
Письменный, матросъ-минеръ, Т. I. 301.
Пищевичъ, шт.-капт., Т. II. 320.
Подгурскій, мр., комндт. Систова, Т. I. 339, 340, 574.
Поздѣевъ, сотнк., Т. II. 458, 459, 463.
Поливановъ, полквнк., помщ. полев. комндт., Т. II. 173.
Полизо, полквн. румнск., Т. II. 347.
Полтавцевъ, лейтнт., Т. I. 359.
Полторацкій, генр.-мр., ком. 1 бр. 30 пѣх. див., Т. I. 534, 535, 536.
Поляковъ, д. ст. сов., желѣзнодорожн. строитель, Т. II. 3.
Померанцевъ, корнт., Т. II. 581.
Помпарь Иванъ, бомбрдр.-наводчикъ, Т. I. 118, 120.
Пондравъ, капт. румнск., Т. II. 134.
Пономаревъ, полквн., Т. I. 102.
Пономаренко, шт.-капт., Т. II. 30.
Поньонъ, фрнц. корреспндт., Т. II. 177, 178, 179.
Попеско Кандіано Александръ, мр. румнск., ком. 2-го егерск. батл., Т. II. 86.
Поповъ А. Н., профср. завѣд. дезинфкц. частію, Т. I. 371.
Поповъ, полквн. генр. шт., нач. шт. 5 пѣх. див., Т. I. 491, 494.
Поповъ, врачъ, Т. I. 357.
Поповъ, капт., ад. Главноком., Т. I. 132.
Поповъ, поруч. болгрск. друж., Т. I. 597.
Поповъ, сотн., Т. I. 108, 112.
Поповъ, вице-адмр., генр.-ад., Т. II. 652.
Поплавскій, врачъ, Т. I. 263, 352.
Попрадевъ Георгій, учитл., болгрск. разбойнк. Т. II. 184, 187.
Потапчинъ, полквн. артл., Т. II. 409.

Потемкинъ, шт.-капт., Т. I. 313.
Потеряхинъ, шт.-капт., Т. I. 593.
Потихоновъ, генр.-мр., нач. 5 артл. бр., Т. I. 492.
Поцѣлуевъ, сотнк., Т. II. 410, 454, 625.
Приселковъ, д. ст. сов., воен.-медиц. инспктр., Т. I. 19, 21, 43, 67, 68, 70, 560.
Протасовъ-Бахметевъ, гр., С. Е. В. генр.-мр., Т. I. 241, 554, 557.
Протасьевъ, прапорщ., Т. II. 594.
Протичъ Коста, сербск. генр., Т. I. 246, 248.
Прохницкій, прапорщ., Т. I. 339.
Прохоровичъ, поруч. арт., Т. I. 532, 533.
Прочкинъ Миронъ, ряд., Т. II. 180, 181.

Р.

Радаковъ, стрш. врачъ 11 корп., Т. I. 559.
Радевъ Цоне, болгрск. разбойнк., Т. II. 186.
Радецкій, генр.-лейт., ком. 8 корп., нач. шипкинск. обороны, Т. I. 99, 309, 317, 324, 344, 347, 348, 360. Т. II. 15, 18, 19, 20, 21, 22, 38, 39, 40, 41, 580.
Радзишевскій, мр., Т. II. 143.
Радоничъ Станко, воевода, уполномч. черногорск. воен. агентъ, Т. I. 52, 247.
Радуловичъ, врачъ, Т. I. 352.
Разгильдѣевъ, полквн., ком. Галичск. п., генр.-мр., Т. I. 468. Т. II. 46.
Разнованъ, полквн. румнск., нач. бр. каларашей, Т. II. 79.
Ракуза, полквн., ком. Курск. п., Т. I. 538.
Рамзай, полквн. фл.-ад., ком. л.-г. Финск. стрлк. батл., Т. II. 220.
Раутсманъ, прапорщ., Т. II. 588.
Раухъ, генр.-мр., генр. шт., Т. I. 408, 437, 438, 439, 596, 598. Т. II. 302, 303, 304.
Раффикъ-бей, нач. траянск. турецк. отрд., Т. II. 449, 460, 461.
Рашевъ Панаретъ, митроплт. болгрск., Т. I. 139, 238, 240.

Ребиндеръ, полквн., ком. Екатериносл. дрг. п. Т. II. 394, 395.
Рейсигъ, полквн., ком. Чугуевск. ул. п., Т. II. 8.
Рейсъ, кн., гермнск. посл., Т. II. 658, 669.
Рейтернъ, шт.-капт., Т. II. 319.
Реуфъ-паша, Т. I. 601. Т. II. 11, 374, 376, 463, 657.
Решидъ-паша, Т. II. 634.
Ригеръ, капт., Т. II. 598.
Риза-Бей, зять Османа-паши, Т. II. 376.
Рикъ, полквн., ком. Селенг. п., Т. I. 264, 266.
Ристичъ, сербск. министръ, Т. I. 246, 248.
Рихтеръ, генр.-мр., нач. 3 сап. бр., Т. I. 320, 328, 329, 333, 337, 360, 364, 574, 575.
Рогуля, капт. 1-го ранга, Т. I. 112, 113, 115, 132, 182, 205, 237, 263, 265, 266, 267, 275.
Родіоновъ, полквн., ком. Волынск. пѣх. п., генр.-мр., нач. 1 бр. 5 пѣх. див., Т. I. 74, 323, 328, 360. Т. II. 84, 86.
Рожнятовскій, мр., Т. I. 259.
Розенбахъ, С. Е. В. генр.-мр., нач. 2 гв. пѣх. див., Т. II. 206, 220.
Розенъ, барн., поруч. фл.-ад., Т. I. 89.
Розенбомъ, полквн., ком. Арханг. п., Т. I. 493, 502.
Романовъ, подпоруч. сапер., Т. I. 118, 119. Т. II. 25, 33.
Романусъ, главн. полев. почтмстр., Т. I. 87.
Роникеръ, гр., полквн., нач. конно-піонерн. ком., Т. I. 408, 444.
Россоловскій В. С., корреспндт., Т. II. 176.
Руновъ, полквн., фл.-ад., Т. II. 208.
Рушковскій, полквн. артл., Т. II. 100.
Рыдзевскій, полквн., ком. Великолуцк. п., Т. II. 302, 317, 318, 320, 321.
Рыжовъ, студнт., Т. I. 355, 356.
Рыкачевъ, полквн., ком. Вологдск. п., генр.-мр,, нач. 1 бр. 5 пѣх. див., Т. II. 85, 86, 334.
Рынкевичъ, подполк. генр. шт., нач. шт. болгрск. ополч., Т. I. 95.
Рытиковъ, полквн., ком. 2 дон. бат., Т. I. 464.
Рѣдкинъ, мр., Т. I. 95.

Рѣшетниковъ, подпоруч., Т. I. 339.
Рѣшетниковъ, корнт., Т. II. 9.
Рѣшетовъ, прапорщ., Т. II. 584.

С.

Савинъ, шт.-капт. гв. кон. артл., Т. I. 412.
Савфетъ-паша, Т. II. 638, 639, 640, 641, 642, 668.
Садыкъ-Бей, эскизагрск. житель. Т. I. 600.
Садыкъ-паша, Т. II. 342.
Саидъ-ага, чирпанск. почетн. граждн., Т. I. 601, Т. II. 483.
Саидъ-паша, тырновск. губернтр., Т. I. 406, 415.
Саксъ, австр. адріанопольск. консулъ, Т. II. 604, 605.
Салингре, полквн., ком. 9 стрлк. батл., Т. II. 105.
Саловъ, генр.-мр., ком. 1 бр. 11 пѣх. див., нач. браиловск. отрд., Т. I. 103, 105, 106, 108, 110, 111, 112, 115, 117, 181, 182, 183, 188, 208.
Салтыковъ, С. Е. В. генр.-мр., нач. воен.-пох. Е. Вел. канцеляріи, Т. II. 254, 383.
Самойло, поруч. артл., Т. I. 118, 119.
Саранчовъ, полквн., ком. Рыльск. п., Т. I. 534, 535, 537, 559.
Саррель, константиноплск. врачъ, нач. отрд. «Красн. Луны», Т. II. 238.
Сафоновъ, шт.-ротм., Т. II. 230.
Сахаровъ, шт.-капт. ген. шт., Т. I. 299, 300, 439.
Сахаровъ, подпоруч. сапер., Т. II. 491.
Свистуновъ, генр.-ад., Т. I. 28, 29.
Свищевскій, полквн., ком. 5 саперн. батл., Т. I. 362.
Свищевскій, поруч., Т. II. 313, 315, 316.
Свѣтъ, ротм., Т. II. 610.
Свѣчинъ, генр.-лейт., нач. 2 гр. див., Т. II. 335, 336.
Сего-Іамазо, японск. воен. агентъ, Т. I. 247, 562.
Семеновъ, полквн. гв. артл., Т. II. 220.
Семеновъ, поруч., Т. II. 235.
Серверъ-паша, Т. II. 532, 594, 595, 596, 597.
Сергѣй Александровичъ, В. Кн., Т. I, 214, 240, 241, 243, 285, 355. Т. II. 253, 284, 290, 291, 365.

Сергѣевъ, прапорщ., Т. I. 349.
Сережняковъ, сотнк., Т. I. 264, 265.
Синебрюховъ, подпоруч., механикъ., Т. I. 263.
Синицынъ И. Н., чл. Кишин. Упр. Общ. «Красн. Кр.», Т. I. 70, 73.
Симвулидъ, врачъ, Т. I. 350, 352
Сипягинъ, мр., Т. I. 475, 476.
Скалонъ, полквн., ад. Главнокм., Т. II. 81.
Скалонъ, полквн., фл.-ад., ком. л.-г. Саперн. батл., Т. II. 220, 228.
Скалонъ, полквн. генр. шт., Т. II. 220.
Склифасовскій, профср., Т. I. 559, 560, 561.
Скобелевъ 1-й, Д. И., генр.-лейт., Т. I, 25, 30, 89, 99. Т. II. 346, 472, 473, 475, 476, 481, 503, 513, 623, 624, 635, 654, 657.
Скобелевъ 2-й, М. Д., С. Е. В. генр.-мр., генр.-шт. генр.-лейт., нач. 16 пѣх. див., нач. авангрд. арм., Т. I. 89, 127, 299, 300, 301, 328, 337, 346, 347, 349, 445, 446, 448, 451, 516, 526, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 536, 541, 548, 555, 563, 564. Т. II. 47, 56, 57, 59, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 70, 72, 73, 76, 77, 88, 91, 92, 94, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 112, 113, 114, 116, 120, 121, 125, 203, 246, 256, 258, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 288, 289, 292, 327, 328, 346, 362, 363, 370, 371, 372, 373, 375, 376, 399, 400, 454, 506, 507, 521, 569, 586, 592, 596, 597, 599, 600, 602, 605, 606, 621, 623, 654, 657.
Скендеръ-паша, Т. II. 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643.
Скрыдловъ, лейтнт., Т. I. 297, 298, 299.
Сланичано, полквн., нач. шт. рум. арм., Т. I. 138. Т. II. 293.
Слюсаревъ, полквн. каз., Т. I. 291, 292.
Смирновъ, войскв. старшн., Т. I. 467.
Соколовъ П., художнк., Т. I. 172.
Сокольскій, шт.-кап., ад. шт. 31 пѣх. див., Т. I. 477.
Сокольскій, поруч. генр. шт., Т. II. 135.
Солянка, мр., ком. 13 стрлк. батл., Т. I. 593.
Сосновскій, подполк. генр. шт., нач. шт. траянск. отрд., Т. II. 398, 400, 401, 402, 403, 405, 409, 410, 412,

413, 414, 415, 419, 420, 422, 423, 424, 426, 427, 433, 437, 457, 463, 489, 491, 492.

Сохрановъ, эсаулъ, Т. II. 168.

Стелимаховичъ, хирургъ, Т. II. 422.

Стемпель, барн., капт., Т. II. 311, 312, 313, 316.

Стенбокъ-Ферморъ, гр., С. Е. В. генр.-мр., Т. I. 89.

Степановъ, полквн., ком. Козл. п., Т. I. 465, 552, 559.

Стефенъ, д. ст. сов., помощн. прав. канц. шт. арм., Т. I. 130.

Стогъ, шт.-капт., Т. I. 503.

Столыпинъ, генр.-лейт., Т. I. 89, 480.

Столѣтовъ, генр.шт. генр.-мр., нач. болгрск. ополч., Т. I. 63, 90, 93, 173, 175, 176, 177, 179, 440, 443, 596, 604. Т. II. 10, 12, 14, 23, 28, 33.

Стояновъ Степанъ, бѣгл. ополчнц., Т. II. 186.

Струковъ, полквн., ад. Главнокм., С. Е. В., генр.-мр., нач. летуч. отрд., Т. I. 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 110, 112, 115, 126, 132, 147, 181, 183, 188, 192, 194, 237, 296, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 314, 432, 434, 445, 447, 448, 449, 452. Т. II. 68, 87, 236, 336, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 347, 348, 353, 454, 512, 525, 529, 545, 579, 580, 581, 582, 583, 585, 586, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 619, 620, 621, 622, 623.

Стрѣльбицкій, подполк., ком. 2 горн. батр., Т. I. 334.

Суворовъ А. А., свѣтлш. кн., генр.-ад., Т. II. 52, 290.

Судравскій, капт. артл., Т. I. 313.

Сулейманъ-паша, Т. I. 405, 577, 579, 580, 588, 590, 599, 601, 602, 604, 605, 606. Т. II. 11, 273, 281, 371, 372, 374, 475, 477, 508, 512, 566, 590, 591, 596, 600, 623, 633, 634.

Сухомлиновъ, капт. генр. шт., подполк., состоящ. при нач. траянск. отрд., нач. шт. гюмурджинск. отрд., Т. II. 194, 398, 400, 401, 403, 409, 425, 426, 427, 430, 437, 442, 463, 513, 624, 625, 628, 629, 630, 631, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643.

Сухотинъ, подполк. генр. шт., Т. I. 337.
Сушковъ, прапорщ., Т. I. 278, 285.

Т.

Таль, полквн. гв. кон. артл., Т. II. 308, 309.
Тарасевичъ, поруч., Т. I. 503.
Тарасенковъ, подпоруч., Т. II. 260, 261.
Тарасовъ, войскв. старшн., Т. II. 164, 165, 167, 168, 170, 171.
Тарновскій, капт., Т. II. 318.
Татищевъ, генр.-лейт., нач. 11 кав. див., Т. I. 188, 192.
Татищевъ, гр., полквн. фл.-ад., ком. Старо-Ингерм. п., Т. II. 401, 422, 423, 424, 425, 427, 428, 430, 431, 432, 433, 434, 436, 437, 442, 444, 458, 459.
Тауберъ, врачъ, Т. I. 559.
Тебякинъ, генр.-мр., нач. 1 бр. 16 пѣх. див., Т. II. 104.
Тевфикъ-паша, нач. шт. арм. Османа, Т. II. 339, 340, 342, 377.
Терентьевъ, корнт., Т. II. 277.
Тефикъ-бей, эскизагрск. житель, Т. I. 600.
Тигерстедтъ, подпоруч., Т. II. 236.
Тимирязевъ, подполк. артл., Т. I. 109.
Типольдъ, поруч. гв. артл., Т. II. 325.
Тихановъ, вольноопрдлщ., Т. I. 443.
Тихменевъ, полквн. генр. шт., нач. шт. 16 пѣх. див., Т. II. 89, 91.
Тимоѳей, армдрт. Келдорушнск. монст., Т. I. 238.
Толстой, С. Е. В. генр.-мр., Т. I. 89, 479.
Толстой, гр., полквн. фл.-ад., нач. передовой шипкинск. позиц., Т. II. 27, 33, 35, 44.
Толстой, гр., корнт., Т. II. 309, 313, 316.
Торнейкрафтъ, англ. заводчк., Т. I. 296.
Тотлебенъ, генр.-ад., Т. II. 109, 128, 192, 193, 199, 246, 289, 328, 349, 365, 665, 667, 668, 669.
Трентовіусъ, капт. понтнр., Т. I. 328.
Тудеръ, капт.-лейт., Т. I. 296, 300, 344.
Тудерусъ, поруч., Т. II. 311, 313.
Туркулъ, лейтнт., Т. I. 263.

Тутолминъ, полквн. л.-гв. Ул. п., нач. Кавказск. каз. бр., Т. I. 88, 89, 421, 423, 455, 456, 457, 458, 463, 473, 474, 476, 487, 489, 497, 498, 499, 500, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 513, 514, 516, 517, 518, 530. Т. II. 118, 122, 127, 135, 136, 142, 143.
Тучковъ 1-й, С. Е. В. генр.-мр., Т. I. 89.
Тучковъ 2-й, полквн., фл.-ад., Т. I. 241.
Тюрбертъ, поруч. гв. артл., Т. I. 334.
Тяжельниковъ, полквн., ком. Житомірск. п., Т. I. 371. Т. II. 21.

У.

Уваліевъ, кишин. болгр., землевлдлц., Т. I. 96.
Уморинъ Өедоръ, ряд., Т. II. 432.
Унгернъ-фонъ-Штернбергъ, барн., ротм., фл.-ад., Т. II. 190.
Уссаковскій, капт. генр. шт., Т. I. 449.
Усовъ, шт.-капт. болгрск. друж., Т. I. 597.
Усовъ, капт. гв. кон. артл., Т. II. 311, 312, 313, 314, 316.
Уховъ, корнт., Т. II. 230.

Ф.

Фальтинъ, дивизьон. пасторъ, Т. I. 70, 71.
Фасси, грекъ, турцк. адріаноплск. губернт., Т. II. 604, 605.
Фатьме, плѣн. турчанка, Т. II. 169.
Федоровъ, М. П., корреспндт., художнк., Т. I. 581.
Федоровъ, капт. болгрск. друж., Т. I. 597.
Философовъ, генр.-мр., нач. 1 бр. 3 гв. пѣх. див., Т. II. 235, 353.
Финкельштейнъ, врачъ, Т. I. 350, 352.
Фисенко Дмитрій, вахмистръ, Т. II. 9.
Фіалковскій, прапорщ., подпоруч., Т. I. 435, 437.
Фокъ, капт., Т. I. 329, 336, 338, 339, 340.
Фокъ, сотнк., Т. I. 473.
Форбсъ Арчибальдъ, англ. корреспндт., Т. II. 176, 177.
Франкъ, врачъ, Т. I. 350.

Фрезе, подполк., полквн. генр. шт., Т. I. 130. Т. II. 335.
Фуадъ-паша, Т. II. 667.

Х.

Хаджи-Гуссейнъ-паша, Т. II. 611.
Хаджи-Дековъ Иванчо, чирпанск. болгр. винодѣлъ, Т. II. 487, 488.
Хаджи-Никола, болгр. горно-студнск. чорбаджи, Т. II. 5.
Хаджи-Шерифъ-бей, адріанoплск. граждн., Т. II. 525, 526, 527, 528, 540, 552, 602.
Хама, плѣн. турчанка, Т. II. 169.
Хасибъ-бей, личн. врачъ Османа-паши, Т. II. 342, 344, 347, 360, 367.
Хасмудинъ-Хабидулинъ, ряд., дезертиръ, Т. II. 182, 183.
Хвостовъ, ротм., Т. I. 539, 540. Т. II. 86.
Хвощинскій, корнт., ад. нач. шт. дѣйств. арм., Т. II. 520, 521, 524.
Химшіевъ, кн., мр., Т. II. 281.
Хитрово М. А., чинвн. диплмт. канц., бывш. консулъ въ Битоліи, Т. I. 93. Т. II. 379.
Хоменко, подполк., Т. I. 433, 437.
Хорватовичъ, сербск. генр., Т. I. 246.
Хоризановъ Іорданъ, болгрск. попъ, сообщн. разбойнч. шайки, Т. I. 184, 185.
Храповицкій, капт. генр. шт., Т. II. 306, 308.
Христовъ, болгр., кавасъ В. Кн., Т. II. 597.
Хрулевъ, ротм., Т. II. 270.

Ц.

Цвѣцинскій, генр.-мр., нач. 4 стрлк. бр., Т. I. 319, 586, 587. Т. II. 33.
Церетелевъ, кн., волонтр., уряднк., корнт. Кубанск. каз. п., Т. I. 415, 417, 603. Т. II. 230.
Цесаревичъ Наслѣдникъ, В. Кн. Александръ Александровичъ, нач. Рущукск. отрд., Т. I. 53, 56, 214, 240, 241, 243, 247, 285, 355, 361, 366. Т. II. 289, 386.

Циммерманъ, генр. шт. генр.-лейт., ком. 14 корп., нач. Нижне-Дунайск. отрд., Т. I. 272, 273, 274, 275, 284, 287, 288, 289, 290, 292. Т. II. 274.
Цуриковъ, шт.-ротм., орнрц. Главнокм., Т. I. 337, 452.
Цуриковъ, поруч. сапер., Т. II. 491.
Пѣхановичъ, мр., Т. I. 502, 503.

Ч.

Чайковскій, ротм., Т. II. 241, 372.
Чебарь-эфенди, турцк. парламентр., Т. II. 614.
Чеботаревъ, урядник., Т. I. 265.
Челищевъ, полквн., фл.ад., комндщ. л.-гв. Егерск. п., Т. II. 214, 215, 216.
Челяевъ, шт.-ротм., Т. I. 579.
Черевинъ, полквн., фл.-ад., ком. Кавк. каз. бр., С. Е. В генр.-мр., Т. II. 204, 205, 256, 624, 627.
Черкасовъ, д. ст. сов., полев. генр.-контролеръ, Т. I. 68.
Черкасскій, кн., гл. уполномч. «Красн. Кр.», нач. гражд. управл. болгрск. краемъ, Т. I. 69, 70, 180, 245, 406.
Чернатъ, генр., воен. министръ румнск., комндщ. румнск. плевненск. корп., Т. I. 138, Т. II. 125, 150, 287.
Чернецкій, шт.-капт., Т. II. 281.
Червонецкій, прапорщ., Т. II. 587.
Чернозубовъ, полквн., ком. Донск. каз. бр., генр.-мр., нач. гюмурджинск. отрд., Т. I. 89, 437. Т. II. 72, 79, 130, 133, 138, 142, 143, 152, 204, 229, 624, 625, 627, 628, 630, 631, 632, 633, 634, 636, 637, 640, 641, 642, 643.
Черняевъ М. Г., генр.-мр., главнокомндщ. сербск. арм., Т. I. 89, 177, 180.
Чингисъ-Ханъ, кн., полквн., фл.-ад., Т. I. 95.
Чулковъ, мр., Т. II. 592, 593, 594, 595.

Ш.

Шалавинъ Дмитрій, ряд., Т. II. 432.
Шамшевъ, генр.-ад., нач. 1 Донск. каз. див., Т. I. 290, 291, 292.

Шаталовъ, подпоруч., Т. I. 503.
Шаховской, кн., генр.-лейт., ком. 11 корп., Т. I. 98, 99, 119, 132, 171, 236, 515, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 525, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 554, 555, 557, 559, 563, 566, 568, 572. Т. II. 118.
Шаховской, кн., корреспндт., Т. II. 176.
Швабъ, мр., подполк., Т. II. 28, 30.
Шванбергъ, шт.-капт. генр. шт., Т. I. 495.
Швейбуцкій, шт.-капт., Т. II. 436.
Швили, подпоруч., Т. I. 339.
Шебеко, С. Е. В. генр.-мр., Бессарбск. губрнт., Т. I. 70.
Шелеповъ, капт., Т. II. 413, 418, 419, 422, 450, 451.
Шелковниковъ, полквн., ком. Ряжск. п., Т. I. 275, 284.
Шестаковъ, лейтнт., Т. I. 115, 182, 207, 209, 210, 211, 236, 263.
Шефкетъ-паша, Т. II. 128, 153, 154, 159, 169, 214, 247, 253, 296, 297, 373, 378.
Шильдбахъ, корнт., Т. II. 235.
Шильдеръ-Шульднеръ, генр.-лейт., нач. 5 пѣх. див., Т. I. 459, 461, 462, 463, 467, 471, 473, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 494, 495, 497, 499, 500, 501, 504, 505, 506, 509, 511, 512, 513, 514, 519, 525, 543, 550, 569, Т. II. 88, 122.
Ширманъ, шт.-капт., Т. II. 208.
Ширяевъ, подпоруч., Т. I. 479.
Шлиттеръ, полквн., фл.-ад., ком. Арханг. п., Т. I. 558. Т. II. 86.
Шмидтъ, полквн. генр. шт., нач. шт. 1 гв. пѣх. див., комндщ. л.-гв. Финл. п., Т. II. 228.
Шней, шт.-капт., Т. II. 29.
Шнитниковъ, генр.-мр. генр. шт., нач. шт. 9 корп., нач. 30 пѣх. див., Т. I. 464, 469, 487, 522, 524, 527. Т. II. 88, 89, 90, 328, 329, 635, 637.
Штакельбергъ, гр., полквн., фл.-ад., ком. Маріуп. гус. п., Т. I. 89. Т. II. 127, 134, 135.
Штакельбергъ, гр., шт.-ротм., орднрц. Главнокм., Т. I. 219, 318.

Штакельбергъ, барн., войскв. старшн., Т. II. 59.
Штакельбергъ, полковн., Т. II. 320.
Штейнъ, генр.-мр., нач. Полев. Коменд. Упр., Т. I. 215. Т. II. 190, 225, 236, 238, 368, 657.
Штольценвальдъ, генр.-мр., завѣдщ. этапн. отд., Т. I. 575.
Штрикъ, полквн. генр. шт., нач. шт. 12 кав. див., Т. II. 281.
Шуваловъ, гр. Пав. А., генр.-ад., нач. 2 гв. пѣх. див., Т. II. 206, 209, 210, 211, 302, 304, 325, 647.
Шульгинъ, полквн., ком. Рязанск. п., Т. I. 275, 284.
Шульскій, матросъ гв. экипж., Т. I. 301.
Шульцъ Шліома, ряд., Т. II. 438.
Шуруповъ, подполк. генр. шт., Т. I. 276, 288.

Щ.

Щеголевъ, полквн. артл., фл.-ад., Т. II. 338.
Щепкинъ, вольноопрдлщ., Т. II. 585.

Э.

Эбелингъ, полквн. фл.-ад., ком. л.-гв. 1 стрлк. Е. В. батл., Т. II. 220.
Эбергардъ, шт.-капт., Т. I. 593.
Эдемъ (Эдхемъ)-паша, Т. I. 457. Т. II. 342.
Эккъ, врачъ, Т. I. 559.
Эллерсъ, полквн. генр. шт., нач. шт. 9 пѣх. див., Т. I. 434, 442.
Эллисъ 2-й, С. Е. В. генр.-мр., ком. л.-гв. Изм. п., Т. II. 211.
Эллисъ 1-й, С. Е. В. генр.-мр., нач. гв. стрлк. бр., Т. II. 302, 303, 304, 324, 325.
Эльжановскій, полквн., ком. Калужск. п., Т. II. 57, 60, 61, 105.
Эльснеръ, поруч., Т. I. 276, 278, 284, 285.
Эманюэль, кишин. мир. посрднк., Т. I. 70, 71.
Эмимъ-паша, Т. I. 593, 599.
Энгельгардтъ, подполк., Т. I. 459, 476.
Эрнротъ, генр.-мр., ком. 11 пѣх. див., Т. I. 312.

Эрнротъ, прапорщ., Т. II. 405, 416.
Эюбъ-паша, Т. II. 399.

Ю.

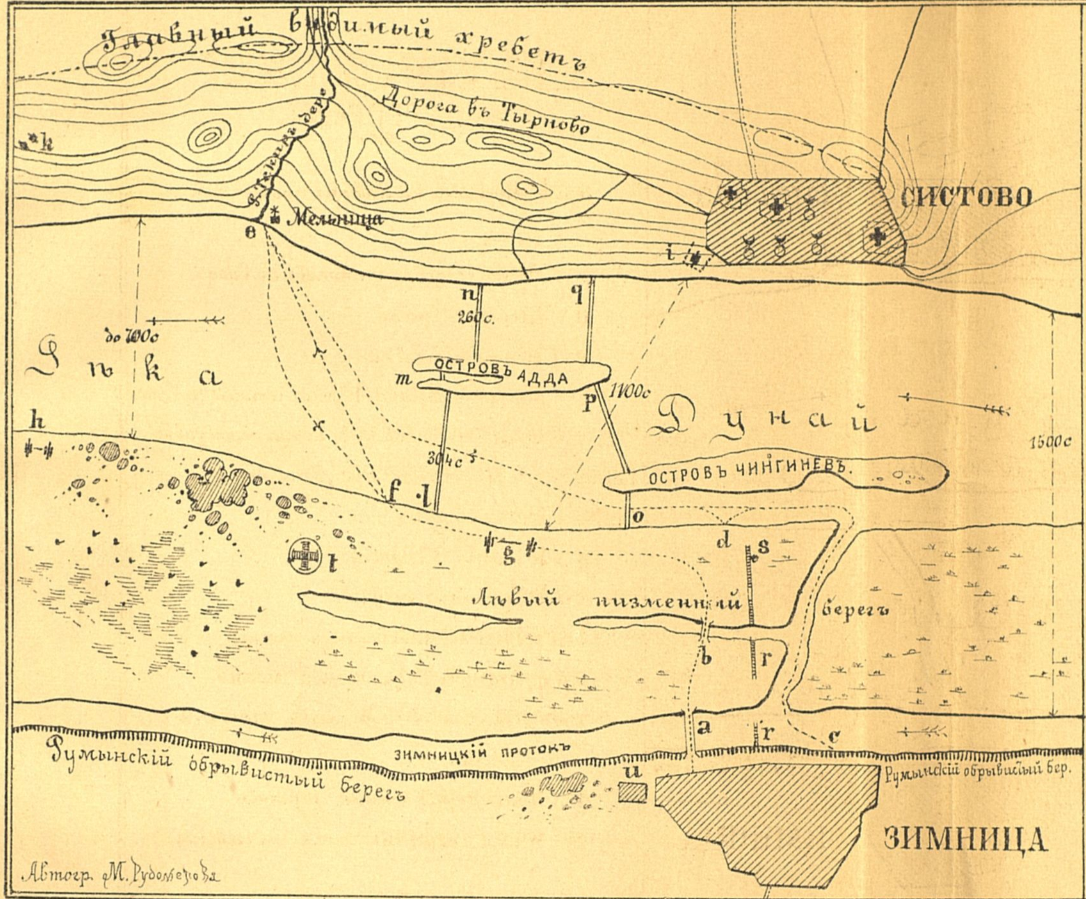
Ювеналій, армндрт. Тымыдуирск. монст., Т. I. 238.
Юнусъ-бей, нач. турецк. Кришинск. позиц., Т. II 370, 371.
Юркевичъ, поруч., Т. II. 281.

Я.

Языковъ, полквн., ком. Моск. дрг. п., Т. II. 587, 589.
Яковлевъ, поруч. артл., Т. I. 334.
Яковлевъ, шт.-капт., Т. II. 444, 575.
Яновскій, шт.-кап., Т. II. 281.
Яньковъ, шт.-капт., Т. II. 336.
Ясенскій, шт.-кап., Т. I. 527.
Яфимовичъ, шт.-ротм., Т. II. 230.
Ященко Софроній, ряд., Т. II. 9.

Ѳ.

Ѳаворскій, врачъ, Т. II. 236.
Ѳедоровъ, мичмн., Т. I. 263.
Ѳедоровъ, капт., стрш. ад. шт. 3 пѣх. див., Т. II. 497.
Ѳедотовъ, мр., Т. II. 481, 504, 513.
Ѳедосіевъ, мичмн., Т. I. 263.



ПЛАНЪ МѢСТА СИСТОВСКОЙ ПЕРЕПРАВЫ.

a и b Мостики на лѣвомъ низменномъ берегу.

c Мѣсто спуска понтоновъ на воду.

d Посадка 1-го рейса

e Центръ высадки

f Мѣсто возврата 1-го рейса и посадка всѣхъ остальныхъ войскъ до конца переправы.

Пуктиръ по водѣ - движеніе лодокъ; по низменному берегу движеніе войскъ для перевозки.

g и h Наши 9-ф. орудія

i и k Турецкія орудія.

l, m, n, Первый наведенный мостъ

o, p, q, Второй строющійся мостъ

r и s Старая разрушенная дамба и мостъ.

t Нашъ перевязочный пунктъ

u Наши госпитальныя палатки.

2007052534